СВИФТ

ДНЕВНИК ДЛЯ СТЕЛЛЫ

Annotation

«Дневник для Стеллы» состоит из 65 писем Джонатана Сфифта (1667—1745) к самому близкому ему человеку — мисс Эстер Джонсон. Нигде и никому Свифт не писал о себе с такой откровенностью, как в этих письмах, и едва ли где он еще выразил себя с большей полнотой. Эта книга помогает хотя бы отчасти постичь сложную, удивительную и непостижимую личность Джонатана Свифта. Перевод А.Г. Ингера и В.Б. Микушевича, приложения и примечания А.Г. Ингера.

Джонатан Свифт
ДНЕВНИК ДЛЯ СТЕЛЛЫ

Письмо I

Честер[1], *2 сентября 1710.*

[*суббота*]

Джо[2] представит вам отчет обо всем, что было со мной до того, как я сел в шлюпку; тут эти негодяи снова стали торговаться и заставили уплатить им целых две кроны, да еще уверяли, что мы все равно не успеем вовремя добраться до какого-нибудь корабля. Но не прошло и получаса, как мы подплыли к флагманской яхте, потому что корабли задержались, поджидая управляющего лорда-лейтенанта[3]. Наше путешествие продолжалось ровно 15 часов. Я прибыл в Честер вчера к вечеру и предполагаю покинуть его в понедельник. Первым, кого я здесь встретил, был доктор Раймонд[4]. Он приехал сюда вместе с миссис Раймонд, чтобы очистить имение от долгов и получить, наконец, право продать его. Все складывается у них как нельзя лучше. Оба они велели передать вам свой нижайший поклон. В Ирландию Раймонды отправятся только в будущем году. По дороге сюда из Паркгэйта[5] я свалился с лошади, но все обошлось благополучно. Прекрасно понимая, что значит упасть, лошадь не двигалась и спокойно дожидалась, пока ч не поднимусь. Засвидетельствуйте мое почтение епископу Кл[огерскому][6]. Я видел, как он возвращался из Дан-Лэри[7], а он меня не видел. Он не присутствовал в конвокации[8], и поэтому его подписи нет в бумагах, подтверждающих мои полномочия[9], за что я на него в обиде. Прошу вас выполнить свое намерение переехать в Трим и побольше ездить там верхом. Пусть еп[ископ] Клогерский напомнит е[пископу] Киллалайскому, чтобы тот отправил мне письмо, которое я должен вручить еп[ископу] Личфилдскому[10]. Передайте всем, кто будет мне писать, чтобы они адресовали свои письма на имя Ричарда Стиля[11], эсквайра в его канцелярию в Кокпите, близ Уайтхолла. Всем, кроме *МД*[12]: за их письма я буду платить[13]; пусть адресуют их на Сент-Джеймскую кофейню[14], дабы я получал их без задержки. Лорд Маунтджой[15] настроен выехать нынче же после полудня, поэтому я уединился, чтобы завершить это послание, которое соответственно будет кратким или длинным. С этой же почтой я извещу миссис Уэсли[16], что отдал распоряжение касательно ее векселя на 115 фунтов, дабы она могла его получить, как только ей угодно будет за ним послать. Я попрошу вас

тогда отправить его миссис Уэсли вложенным в конверт и запечатанным; держите его наготове на случай, если она за ним пришлет, а до тех пор храните у себя. Больше ничего писать не стану, пока не узнаю, выезжаем ли мы нынче или нет; если да, то письмо, пожалуй, на этом и закончу. Моя кузина Эбигейл[17] ужасно постарела. Боже всемогущий, благослови бедненьких, дологусеньких, масеньких *МД*, и, ради всего святого, будьте здоровы и веселы. Я твердо решил вернуться, как только исполню поручение, независимо от того, будет ли моя поездка успешной или нет. Никогда еще в жизни я не ездил в Англию с такой неохотой. Если возникнут какие-нибудь затруднения с миссис Карри[18] по поводу квартиры, то я съеду от нее и уплачу все, что ей полагается с 9 июля, а миссис Брент[19] пусть напишет Парвисолу[20] и отдаст ему соответствующие распоряжения. Прибыла лондонская почта и тотчас отправляется дальше, так что мне остается только морить всевышнего[21] благословить бедных клосек *МД*. Досвид, Досвид, *МД*, *МД*, *МС*[22], МС. МС.

Адрес: Миссис Дингли, проживающей в доме миссис Карри напротив «Барана»[23] на Кейпл-стрит, Дублин, Ирландия.

Письмо II

Лондон, 9 сентября 1710.

[*суббота*]

Добрался сюда в прошлый четверг после пятидневного странствия; в первый день чувствовал себя усталым, во второй — полумертвым, на третий — довольно сносно, а потом и вовсе хорошо. Теперь я рад этой усталости: дорожные передряги пошли мне на пользу, и я пребываю в добром здравии. Мой приезд привел вигов[24] в восторг; неотвратимо идя ко дну, эти господа не прочь ухватиться за меня, как за соломинку, и самые влиятельные из них неуклюже оправдываются передо мной[25]. При всем том лорд-казначей[26] оказал мне довольно холодный прием, и это меня настолько разъярило, что я едва не поклялся отомстить. Я не повидал еще и половины своих знакомых, а тех, кого повидал, нашел такими же, как оставил. Дошло до меня, что леди Джиффард[27] часто бывает при дворе и леди Уортон[28] на днях проезжалась на сей счет; так что в придворных сферах у меня стало одним другом меньше. Я пока ее не видел и не намерен видеть, а с матушкой Стеллы[29] постараюсь повидаться где-нибудь в другом месте. Епископу Клогерскому я уже написал из Честера, а теперь напишу архиепископу Дублинскому[30]. Здесь все перевернулось вверх дном. Виги, занимающие высокие должности, все до единого непременно будут смещены, и нас ждет зима, какой в Англии еще не видывали. Каждый спрашивает меня, почему я так задержался в Ирландии, как будто Лондон и впрямь является моим постоянным местопребыванием, а ведь никто ради этого и пальцем не шевельнул, и я решительно утверждаю, что возвращусь теперь в Дублин и на канал в Ларакоре[31] с куда большим удовлетворением, чем когда-либо прежде. «Тэтлер»[32] ожидает, что его со дня на день отстранят, и поговаривают, будто герцог Ормонд[33] станет наместником Ирландии. Надеюсь, вы сейчас мирно пребываете в апартаментах мистера Престо, однако я намерен выдворить вас оттуда к Рождеству, когда либо выполню порученное мне дело, либо удостоверюсь, что оно невыполнимо: Ради всего святого, поезжайте в Трим как только получите мое письмо, и пусть малютка Джонсон ездит верхом, поскольку она должна уже быть теперь в добром здравии. Я начал это письмо против своего обычая в час отправления вечерней почты, успел написать архиепископу, и у меня уже нет времени продолжать. Отныне я

стану каждый божий день писать что-нибудь *МД* и превращу свои письма в некое подобие дневника, который буду регулярно отсылать, независимо от того, пишут ли мне *МД* или нет; это будет очень славно; я, стало быть, буду постоянно беседовать с *МД*, а *МД* — с мистером Престо. Потребуйте, пожалуйста, чтобы Парвисол тотчас же уплатил вам десять фунтов, как я ему велел. Здесь говорят, что я пополнел и превосходно выгляжу. В понедельник Джервес[34] снова примется за мой портрет. Мне сдается, я видел нынче Джека Темпла[35] с женой, они проехали мимо меня в карете, но я притворился, что не заметил их. Я рад окончательному разрыву с этим семейством. Скажите ректору[36], что я передал его просьбы герцогу Ормонду, а можете и не говорить, как вам заблагорассудится. Только что в кофейне встретил Джемми Ли[37], он весьма учтиво расспрашивал о вас и сказал, что недели через две собирается в Ирландию. Кланяйтесь декану[38] и миссис Уоллс с ее архидиаконом[39]. Супруга Уилла Фрэнкленда[40] вот-вот разрешится от бремени, и я обещал крестить ее чадо. Думаю, что мое письмо из Честера было вами получено уже во вторник. Кстати, в Честере я представил доктора Раймонда лорду Уортону[41]. Известите меня, пожалуйста, как только Джо получит причитающиеся ему деньги. Уже около десяти, а я терпеть не могу отсылать письма с ночным сторожем. Через неделю отправлю моим *МД* более пространное письмо, а это посылаю лишь затем, чтобы сообщить, что нахожусь в Лондоне и пребываю в добром здравии. Итак, до свидания.

Письмо III

Лондон, 9 сентября 1710.

[*суббота*]

Повидав герцога Ормонда, пообедав с доктором Кокберном[42], проведя несколько часов в обществе сэра Мэтью Дадли[43] и Уилла Фрэнкленда, а потом заглянув в Сент-Джеймскую кофейню, я воротился домой и написал архиепископу Дублинскому и *МД*, а засим намерен отправиться на боковую. Чуть не забыл сказать вам, что я просил Уилла Фрэнкленда по-приятельски похлопотать за Мэнли[44]: отец Уилла может очень помочь Мэнли сейчас, когда положение должностных лиц такое шаткое; но, по словам Уилла, его родитель и сам опасается, что будет смещен; он сказал еще, что несколько лиц добиваются сейчас места Мэнли, он-де вскрывал письма. Уилл полагает, что сэр Томас Фрэнкленд[45] не пощадит никого, лишь бы спастись самому: боюсь, что в таком случае дела Мэнли плохи.

10. Обедал нынче у лорда Маунтджоя в Кенсингтоне; видел свою пассию — жену Офи Батлера[46], которая, увы! несколько поблекла, а потом просидел до десяти вечера с Аддисоном[47] и Стилем; Стилю наверняка не быть больше редактором «Газеты»: все осуждают его за то, что он с головой ушел в партийные распри. В десять я отправился в кофейню в надежде встретить лорда Рэднора[48], которого мне еще не довелось повидать. Я и в самом деле застал его там, и часика полтора мы доверительно беседовали, замышляя измену вигам, ибо они подлы и неблагодарны. Кипя негодованием, я возвратился домой и, переполненный мстительными мыслями, улегся спать, набросав предварительно кое-какие соображения на сей счет. А *МД*, боюсь, обедали дома — ведь нынче воскресенье — и удовольствовались полпинтой вина. Бога ради, будьте паиньками, и все так или иначе образуется. Нынче утром меня навестил Бен Тук[49].

11. Семь утра. Я встаю, чтобы идти к Джервесу, заканчивающему мой портрет; кроме того нынче день бритья, а посему доброго вам утра, *МД*, и не задерживайте меня, мне пора уходить; так и быть, обедайте с деканом[50], только поменьше проигрывайте в карты. Жажду получить от вас весточку. — В одиннадцатом часу вечера. Четыре часа позировал Джервесу, который придал моему лицу на портрете совсем иное

выражение и теперь вполне доволен им, так что нам осталось только услышать одобрение Лондона. Будь я достаточно богат, я заказал бы копию и увез с собой. Обедал с мистером Аддисоном у него на квартире и провел с ним часть вечера, а теперь возвратился домой, чтобы хоть часок пописать. По мнению Патрика[51], здешняя чернь не в пример больше интересуется политикой, нежели ирландская. Со дня на день мы ожидаем больших перемен и роспуска парламента. Лорд Уортон всякий день ожидает отставки; по случаю предстоящих выборов он работает как лошадь. Словом, я никогда еще не наблюдал такого всеобщего смятения умов. В прошлую субботу я получил письмо от Джо, он очень расстроен отказом мистера Пратта[52] выплатить причитающиеся ему деньги. Я рассказал об этом мистеру Аддисону, расскажу и лорду Уортону, но на успех не рассчитываю. Во всяком случае сделаю все, что в моих силах.

12. Представил нынче мистера Форда[53] герцогу Ормонду и нанес первый визит лорду-президенту[54], с которым имел продолжительную беседу, но всякий раз, когда он начинал говорить об отношении ко мне лорда Уортона, я уводил его от этой темы, пока он не настоял на своем; тогда я сказал, что, как ему отлично известно, я никогда ничего не ожидал от лорда Уортона и лорду Уортону отлично было известно, что я на этот счет не обманываюсь. Он уверял, будто дважды писал обо мне лорду Уортону, но тот ему ничего не ответил. Мне советуют не соваться с моими первинами, пока эта суматоха как-то не уляжется; а до этого еще далеко, и все мы пребываем в полной неизвестности. По словам лорда-президента, он вот уже два месяца каждый день ожидает отставки. Клянусь жизнью, я до смерти устал от этого города и хотел бы никогда больше сюда не приезжать.

13. Утром пошел в Сити[55], чтобы повидать мистера Стрэтфорда[56], гамбургского негоцианта, старинного моего школьного товарища, но по пути, на Ладгейт-хилл[57], меня поймал Булль[58]; он затащил меня к себе домой в Хэмпстед[59], где я и пообедал в довольно-таки малопочтенной компании. Среди прочих там был мистер Ходли[60], священник-виг, прославившийся своими нападками на Сэчверела[61]. Завтра я снова попытаюсь увидеться со Стрэтфордом. Я все же рад, что побывал в Хэмпстеде, потому что встретил там леди Люси[62] и Молль Стэнхоп[63]. Мне сообщили чрезвычайно горестные известия о миссис Лонг[64]: она будто бы рассорилась со своей приятельницей[65], окончательно разорилась и уехала в провинцию. Буду крайне опечален, если все это окажется

правдой.

14. Повидался нынче с Пэтти Ролт[66], прослышавшей, что я в Лондоне, и пообедал со Стрэтфордом у одного купца в Сити, где впервые в жизни отведал токайского; оно восхитительно, хотя, признаюсь, я ожидал большего. У Стрэтфорда стотысячный капитал, и он теперь ссужает правительству сорок тысяч, а когда-то мы с ним вместе учились и в школе и в университете. Говорят, что канцлер неожиданно смещен[67] и что его преемником будет назначен сэр Симон Харкур[68]. Идти в кофейню мне не хотелось, и я рано вернулся домой.

15. Сегодня мистер Аддисон, полковник Фрейнд[69] и я отправились в Гилдхолл[70] поглядеть на розыгрыш лотерей[71] в миллион фунтов. Развязные мальчуганы в голубых камзольчиках с напускной важностью вытаскивали билетики и демонстрировали почтеннейшей публике свои невинные ладошки, дабы мы убедились, что все происходит без обмана. Пообедали мы в загородном домике близ Челси[72], куда мистер Аддисон нередко уединяется, а вечером в кофейне узнали о назначении сэра Симона Харкура лордом-хранителем большой печати, так что теперь мы в любую минуту ожидаем роспуска парламента. Впрочем, я забыл, что это письмо будет отправлено только через три-четыре дня и мои новости устареют, а посему — я стану отныне помещать их в самом конце. Отправить ли мне это письмо до того, как я получу что-нибудь от *МД*, или задержать, пусть оно будет подлиннее? Матушку Стеллы я еще не видел, потому что не хочу встречаться с леди Джиффард, но как-нибудь улучу момент и навещу ее, когда леди Джиффард не будет дома. Я забыл пронумеровать предыдущие письма, однако помню, что это — уже третье, а от *МД* еще не было ни одного; надеюсь что-нибудь получить от вас к понедельнику и по моим расчетам это будет ровно через две недели после получения вами моего первого. Я вознамерился привезти отсюда много фарфора[73]. То, что я видел сегодня, мне чрезвычайно приглянулось. Любопытно, что же я привезу?

16. Утро. Сэр Джон Холлэнд[74], смотритель придворных служб, изъявил желание познакомиться со мной, однако же я намерен ответить отказом — ведь он виг и будет, полагаю, смещен в числе прочих, хотя, следует признать, он человек достойный и образованный. Скажите, по душе ли вам такие письма на манер дневника? Или, быть может, они скучны и утомительны?

Вечер. Обедал сегодня с кузеном, типографом[75], у которого

квартирует Пэтти Ролт, и потом после одного-двух визитов вернулся домой; это был очень унылый день. Вести о бедственном положении миссис Лонг подтвердились: к ней в дом явились судебные исполнители, и ей пришлось сперва укрыться в другом месте, а потом уехать в провинцию, и где она теперь обретается, никто не знает; друзья оставляют ей письма в каком-то трактире, а уж оттуда их пересылают ей; в своих ответах она не указывает обратного адреса. Клянусь, я до глубины души опечален ее судьбой.

17. Обедал в шести милях от города с Уиллом Пейтом[76], он торгует сукном, но человек весьма ученый. Со мной поехал мистер Стрэтфорд. Шесть миль здесь не расстояние; мы попрощались с Пейтом после захода солнца, и еще до наступления сумерек я успел вернуться домой. Письмо отправлю во вторник, независимо от того, получу ли я что-нибудь от *МД* или нет. Чувствую себя по-прежнему вполне сносно. Бога ради, пусть Стелла напишет мне подробный отчет о своем здоровье. Надеюсь, вы теперь уже в Триме[77] или вскоре собираетесь туда. Сегодня вечером меня постигло разочарование: слуга вручил мне письмо, и я ожидал увидеть мелкий почерк *МД*, но оказалось, что это всего лишь приглашение на пирог с олениной, так что я еще и пирог прозевал. Чума на этих вельмож, которым грозит опала! Мистер Бриджес[78], главный казначей военного ведомства, тоже выражает в письме желание познакомиться со мной; впрочем, королева, как мне говорили, заверила его через герцога Шрусбери[79], что за ним будет сохранена его должность; он обещает оказать мне содействие в деле с первинами. Как хотите, а я непременно должен перевернуть эту страницу нынче вечером, хотя на ней легко могла бы уместиться еще одна строка, прошу вас, однако, принять в соображение, что я уже исписал ее сверху донизу и что на ней уместилась уйма строк, и вы должны быть довольны тем, что утомились, читая их, но больше я так делать не стану. Сэр Симон Харкур назначен не лордом хранителем большой печати, а королевским прокурором.

18. Обедал с мистером Стрэтфордом у мистера Аддисона в его уединенном жилище близ Челси, затем вернулся в город, пришел домой рано и начал письмо для «Тэтлера»[80] об упадке слога и писательства. Не имея вестей от вас, я решил отправить это письмо нынче вечером. Герцог Девоншир[81] с чрезвычайной поспешностью послал за лордом Уортоном; у них, видимо, возник какой-то план, но это им не поможет, потому что мы с часу на час ожидаем решительных перемен и роспуска парламента. Если увидите Джо, скажите ему, что лорд Уортон слишком занят сейчас, чтобы

вникать в его дела, но я постараюсь, насколько это в моих силах, воспользоваться любезностью мистера Аддисона и кроме того напишу нынче мистеру Пратту; одним словом, пусть Джо не падает духом, я убежден, что он получит причитающиеся ему деньги при любом правительстве, но ему следует запастись терпением.

19. Все утро был занят бумагомаранием и потому едва ли успею заполнить нынче эту страницу, а отправлю сколько получится, и этого будет вполне достаточно для капризных девчонок, не желающих писать порядочным людям и даже такому пай-мальчику, как Престо. Я намеревался отправить это послание вечером, но не успел, потому что меня задержали в одной компании, а вернее сказать, решил дождаться еще одной почты, а вдруг в ней обнаружится письмо от *МД*. Вчера днем скончался граф Энглси[82], могучая опора ториев, так что должность вице-казначея Ирландии снова вакантна. Мы были с ним большими друзьями, и едва ли какая потеря опечалила бы меня сильнее. В тот же день преставился епископ Дарэмский[83]. Дочь герцога Ормонда[84] в качестве дружеского жеста[85] первая нанесла мне нынче визит, правда, не на моей квартире, и мне, стало быть, следует отдать ей визит завтра. Я получил письмо от леди Беркли, в котором она как об одолжении просит меня навестить их в замке Беркли и развлечь милорда[86] (Prose works, X, 279), он поддерживал отношения с ним и его семьей, а с его дочерью Элизабет (1680—1769), по мужу леди Джермейн, Свифта долгие годы связывали дружеские отношения.], страдающего водянкой; но я не смогу туда поехать и вынужден завтра послать ей свои извинения. Мне сказали, что с часу на час еще несколько должностных лиц получат отставку.

20. Нанес сегодня ответный визит дочерям герцога[87]. Приветствуя меня, эти бесстыдницы чуть ли не целоваться со мной лезли. Позднее я узнал, что слухи об отставках подтвердились; лорд-президент Сомерс, лорд-камергер герцог Девоншир и государственный секретарь мистер Бойл [88] — все сегодня смещены. На моей памяти еще не случалось, чтобы двор предпринимал когда-либо столь решительные шаги, и я поражен этим, хотя нисколько бы не огорчился, если бы их всех отправили на виселицу. Странно только, почему парламент до сих пор не распустили и почему столь важное дело откладывают до последней минуты. Судя по всему, нас ожидает здесь весьма необычная зима с беспрерывными происками коварной, озлобленной, отстраненной партии и триумфами другой, пришедшей к власти, в то время как я пребуду равнодушным зрителем и, как только выполню свою роль, мирно возвращусь в Ирландию,

независимо от того, увенчается она успехом или нет. Завтра я съеду с квартиры на Пел-Мел[89] и поселюсь в другой, на Бери-стрит[90], где и предполагаю прожить до конца своего пребывания в Лондоне. Если завтра что-нибудь произойдет, я сделаю приписку. — Кофейня Робина[91]. Важные новости из Испании: взят Мадрид и Памплона[92]. Меня здесь беспрестанно отвлекают.

21. Только что получил ваше письмо, на которое однако не стану сейчас отвечать. Благодарение господу, у вас все благополучно. Как вижу, мое второе письмо до вас еще не дошло. Я получил письмо от Парвисола, он сообщает, что вручил миссис Уоллс вексель на двадцать фунтов, предназначенных мне с тем, чтобы она передала его вам, но вы его почему-то мне не прислали. Сегодя вечером распущен парламент; из Испании приходят радостные вести: король Карл[93] и Стэнхоп[94] — в Мадриде, а граф Штаремберг[95] взял Памплону. Прощайте. Я написал все это в Сент-Джеймской кофейне, а нынче вечером примусь отвечать на ваше письмо, но отправлять свой ответ на этой неделе не стану. Напишите, пожалуйста, нравятся ли вам такие письма, на манер дневника? — Мне не по душе ваши доводы против поездки в Трим. Парвисол пишет мне, что он мог бы продать вашу лошадь; чума его побери! Скажите ему, пусть лучше продаст свою душу. Как? Продать животину, которой Стелла дорожит и на которой порой гарцует! Лошадь принадлежит Стелле, и пусть она делает с ней что хочет. Так и передайте Парвисолу при первой же возможности. Пускай лучше продаст моего серого, этот висельник.

Письмо IV

Лондон, 21 сентября 1710.

[*четверг*]

Придется мне начать новое письмо на целом листе, а то как бы маленькие плутовки *МД*, возомнив о себе слишком *много*, не посчитали бы, что листочек слишком *мал*. В своем только что законченном письме я уведомил вас о получении нынче вечером вашего письма, но не стал больше ничего писать, потому что, милые болтушки, намерен ответить на него в этом послании. Полагаю, я уже сообщил вам, где обедал сегодня, а завтра я намерен уехать из города на два дня и буду обедать в том же обществе, что и в прошлое воскресенье: с нашим послом во Флоренции Моулсвортом[96], со Стрэтфордом и еще кое с кем. Мне сказали, что какая-то женщина из дома леди Джиффард справлялась обо мне в кофейне. Полагаю, это была матушка Стеллы. Завтра я отправлю ей с пенни-почтой[97] письмо и придумаю, как ее повидать, не рискуя в то же время столкнуться с леди Джиффард, которую я не желаю знать, покуда она не извинится передо мной.

22. Обедал у леди Люси в Хэмпстеде, а возвратясь домой, застал письмо от Джо[98], с вложенным в него прошением на имя лорда Уортона, которое я не премину переслать его милости и поддержу просьбу Джо, насколько это в моих силах. Но ходатайствовать перед королевой было бы по меньшей мере смешно. Все пребывают здесь сейчас в таком смятении, что мне покамест не советуют соваться даже с делом, ради которого я приехал, хотя оно касается духовного сословия целого королевства, так неужели же он думает, что кто-нибудь станет беспокоить королеву ради какогото Джо? Я попробую заручиться рекомендательным письмом лорда-лейтенанта[99] к попечителям полотняной мануфактуры и, надеюсь, что этого будет вполне достаточно; на днях я напишу Джо, пусть наберется терпения. Это и есть отчасти ответ на ваше и на его письмо. Я спутал: за город я поеду не сегодня, а завтра, но отвечать дальше на ваше письмо пока не стану.

23. Положительно, с нашими маленькими *МД* хлопот не оберешься. Я должен писать им каждый вечер, я не могу лечь в постель, не перемолвясь с ними словечком, и не могу погасить свечу, не пожелав им покойной ночи. О господи, о господи! Да, я впервые обедал сегодня с Уиллом

Фрэнклендом и его сокровищем: она не такая уж красавица. Не говорил ли я вам, что уеду сегодня за город? Однако я терпеть не могу ночевать вне дома и все связанные с этим треволнения, а посему выеду отсюда завтра в карете Фрэнкленда и к вечеру возвращусь домой. Леди Беркли пригласила меня в замок Беркли, а леди Бетти Джермейн — в Драйтон в Нортхемптоншире, но я не поеду ни туда, ни сюда. Оставьте меня в покое, мне надобно закончить свой памфлет[100]. Я отправил большое письмо Бикерстафу, и пусть епископ Клогерский догадается, если сумеет, какой из номеров журнала написан мною. Конечно, я напишу епископу Киллалайскому, но вам следовало растолковать ему, сколь неожиданным и поспешным был мой отъезд. Какой черт толкнул на это леди С.; насколько я знаю Д — и[101], так это скуластый, некрасивый малый и, сдается мне, не такой уж молодой, как вы говорите. Она жертвует двумя *тысячами* фунтов годовых и остается при шестистах. Отчет о том, как я, сойдя на сушу, добирался до Лондона, вы получите в моем втором письме, так что довольно об этом. Итак, вы, стало быть, перебрались в квартиру Престо; что ж, очень славно! Вот уже две недели, как у нас стоит восхитительнейшая погода, и я надеюсь, вы наилучшим образом воспользовались ею. Если только миссис Эш выполнит свое обещание, то лучше Баллигала[102] — места для прогулок не сыщешь. У Стеллы почерк прямо-таки императорский. Боюсь только, что вашим глазкам вредно так много писать; берегите их, очень, очень прошу вас, миссис Стелла. Разве вы не вправе поступать со своей собственной лошадью как вам заблагорассудится? Прошу вас, не позволяйте этому пустозвону Парвисолу продавать ее. Патрик напивается трижды в неделю, и я терпеливо сношу это; он, право же, сел мне на шею, но на-днях я непременно прогоню его на все четыре стороны, если только никто из вас за него не заступится. — Что за вздор! — Как я могу пристроить ее муженька в Чартер-хауз[103]? пристроить …… в Чартер-хауз. — Пишите регулярно! Позвольте, сударыня, разве я не пишу маленьким *МД* ежедневно и даже два раза в день? Ну вот, на письмо ваше я ответил полностью, а все прочее пусть будет, как будет. Пришлите мне мой вексель и передайте миссис Брент то, что я сказал насчет Чартер-хауз. Что ж, на сегодня, пожалуй, хватит, а засим до свидания, до завтрашнего утра.

24. Обедал нынче в шести милях от города у Уилла Пейта вместе со Стрэтфордом, Фрэнклендом и Моулсвортами[104] и возвратился домой вечером, усталый и сонный. Писать больше ни о чем не могу. Спокойной ночи.

25. До того нынче обленился, что пообедал по соседству[105] и просидел дома до шести над письмами епископу Клогерскому, декану Стерну и мистеру Мэнли: последнему — по той причине, что опасаюсь, как бы его не отстранили от должности, а посему написал, как я и другие здешние его друзья советуют ему себя вести. Надеюсь, он примет это к сведению. Мой ему совет — по возможности сохранять благорасположение его здешнего патрона сэра Томаса Фрэнкленда.

26. Замечаете ли вы, что когда я пишу, лежа в кровати, то оставляю более широкие поля. Кровать стоит так неудобно, что нередко, собираясь что нибудь настрочить, я принужден покинуть постель. Да будет вам известно, что есть лица, претендующие на должность Мэнли и обвиняющие его в том, что он вскрывал письма. Запомните, в последнее воскресенье, 24 сентября 1710 года было столь же жарко, как в разгаре лета. Все это было написано утром, а сейчас вечер, и Престо уже в постели. У нас бог весть что творится: представьте, я получил второе письмо от *МД* и должен непременно ответить на него в этом письме. Вексель уже передан мной Туку и так далее… Обедал нынче с сэром Джоном Холлэндом, смотрителем придворных служб, и просидел с ним до восьми, потом пришел домой, отослал письма и продолжал сочинять сатиру[106], которая продвигается весьма туго, а сейчас вот пишу дерзким *МД*; понятное дело, пай-мальчики должны писать вздорным девчонкам. Вашу матушку я еще не повидал: мое письмо, видимо, не дошло: попробую написать ей снова. Мистер С. пришел навестить меня и сообщил, что завтра утром М. уезжает[107] в деревню со своим мужем, коего я считаю порядочной скотиной, так что мне оставалось только передать ей свои добрые пожелания.

27. Сегодня целой компанией обедали у Фрэнкленда, Стиль и Аддисон тоже были. Это первый дождливый день с тех пор, как я приехал в Лондон. У меня пока еще нет возможности ответить на ваше письмо. Щенок Морган[108] написал мне длинное послание, в котором просит рекомендовать его на должность казначея или секретаря новому лорду-канцлеру, который прибудет с новым наместником Ирландии. Я не стану ему отвечать, передайте ему, пожалуйста, через его папеньку Раймонда[109] или еще через кого-нибудь нижеследующее: доктор Свифт получил его письмо и весьма рад был бы ему услужить, но не в состоянии сделать того, о чем он просит, ибо не пользуется ни малейшим влиянием среди особ, к которым следует по сему поводу обратиться. Вы можете переписать эти слова, и пусть Джо или Уорбертон[110] их ему передадут, чума его забери.

И однако же именно таким путем всякие болваны получают должности. Я не могу кончить письма и пожелать вам спокойной ночи, потому что одна строка останется в таком случае незаполненной и *МД* рассердится. А вот теперь, пожалуй, и можно: спокойной ночи.

28. У меня есть для Дингли превосходнейший бразильский табак[111], наилучший из всех, когда-либо произраставших. Вы справляетесь относительно Ли, почему он не будет в ближайшие два месяца в Дублине? Потому что поедет в деревню, а потом возвратится в Лондон, чтобы ознакомиться с положением дел в парламенте. Спокойной ночи, сударыни. Нет, нет, не ночи: я написал это утром и по невнимательности вообразил, будто это написано вчера вечером. Обедал нынче наедине с миссис Бартон у нее на квартире, и она клялась, что леди С. во время своего последнего приезда в Англию была брюхата, хотя и уверяла, что у нее просто пучит живот, и при этом охотно со всеми видалась; затем она исчезла недели на три, а когда объявилась, от вздутия и следа не осталось, и она была тоща, как привидение. Стоит ли после этого удивляться, что она тем не менее выскочила замуж — при такой прыти это немудрено. Конноли смещен, и вместо него назначен мистер Роберте[112], который теряет при этом здесь более выгодное место: он был прежде таможенным комиссаром в Ирландии. В свое время Конноли уплатил за свою нынешнюю должность лорду Уортону три тысячи фунтов, стало быть, один раз в жизни он все-таки дал маху.

29. Желаю *МД* веселого Михайлова дня[113]. Обедал нынче с мистером Аддисоном и живописцем Джервесом в загородном домике Аддисона, а потом вернулся домой и продолжал писать свою сатиру. С тех пор как я приехал сюда, я сочинил один номер «Тэтлера»; попробуйте угадать, какой именно, и любопытно, сообразит ли епископ Клогерский, о каком номере идет речь. Я повидал сегодня мистера Стерна[114]: он обещал сделать все, как вы велели, и передаст от меня шоколад, и пусть Стелла лакомится на здоровье. Он, правда, уедет не ранее, чем через три недели, так что я предпочел бы воспользоваться какой-нибудь другой оказией. Ну, а теперь примемся отвечать на ваше письмо, любезные мои забияки. Мне не по душе, что вы стараетесь экономить шиллинги на всяких пустяках; похвально, что даже ваше дорожное приключение[115] не устрашило миссис Стеллу, но все-таки стоило ли рисковать. Я и двух пенсов не дам за любые дамские советы относительно моих бедных ушей[116], но, так уж и быть, чтобы угодить вам, справлюсь у доктора Кокберна. С Рэдклифом[117] я незнаком, а Бернарда[118] ни разу не видел. Уоллс, без сомнения, станет за

семь лет еще большим сквалыгой под тем предлогом, что его ограбили. Итак, Стелла снова сочиняет каламбуры; что ж, это очень даже мило с ее стороны, но я все же не склонен сейчас уподобляться ей, хотя и мог бы сочинить целую дюжину; с тех пор, как я отбыл из Ирландии, мне ни разу не приходило в голову заняться этим. — Вексель епископа Клогерского? Да ведь он уже оплатил его; неужели вы думаете я настолько глуп, что уехал бы без этого. Что же касается четырех шиллингов, то я напишу вам расписку на имя Парвисола на обороте этого письма, и, пожалуйста, оторвите два письмеца, которые я напишу здесь же ему и Джо, или пусть лучше Дингли перепишет их и отправит. Хотя нет, то, что предназначается Парвисолу, должно быть, пожалуй, писано моей рукой. Нет, нет, никакого винограда я есть не стану. Я съел на-днях у сэра Джона Холлэнда штук шесть ягод, но не дал бы и шести пенсов за целую кучу этого добра, до того он в нынешнем году никудышный. Право же, надеюсь, с божьей помощью год спустя, в Михайлов день Престо и *МД* будут вместе. В прошлом году, помнится, я был в этот день в Ларакоре; но в будущем надеюсь съесть своего праздничного гуся в доме двух моих маленьких гусочек. Никакого *эйля*, сударыня, я не пью (вы, надо полагать, имели в виду *эль*), но зато каждый день пью отличное вино по пять-шесть шиллингов за бутылку. О господи, как много Стелла пишет; прошу вас, юные дамы, соблюдайте меру, не то вашего пыла хватит ненадолго. Завтра я иду к мистеру Гарли[119]. Что ж, на герцога Ормонда особенно уповать не приходится; он, правда, очень меня любит, и, думаю, что при случае дал бы мне какую-нибудь малость, чтобы избавить меня от забот, к тому же я пользуюсь расположением его лучших друзей. Но я ни о чем другом не помышляю, кроме дела, ради которого сюда приехал. Как видите, я написал Мэнли еще до получения вашего письма, но, боюсь, что он все же будет смещен. Да, мудрая Совушка, тело Блая[120] доставили в Честер как раз во время моего пребывания там, и я, кажется, написал вам об этом, а, может, и забыл. Я живу сейчас на Бери-стрит, куда перебрался неделю тому назад. Я поселился на втором этаже, и в моем распоряжении столовая и спальня за восемь шиллингов в неделю. Чертовски дорого, но зато я ничего не трачу на еду, никогда не хожу в таверну и очень редко разъезжаю в карете[121]. Тем не менее, это выходит довольно накладно. Что это вы, миссис Стелла, вздумали беспокоиться относительно моих бумаг? У меня те самые бумаги, какими снабдил меня архиепископ, и они не стали хуже от того, что оба епископа отбыли восвояси. Декан одобрительно отзывался… Чума забери этого декана! То, что он изволил сказать

епископу Клогерскому, конечно же, свидетельство величайшего дружелюбия; удивляюсь только, как это у него хватило наглости так выразиться; однако же он ссудил меня деньгами — и на том спасибо. Я, конечно, не стал бы отправлять это письмо еще четыре дня, если бы не писал здесь заодно Джо и Парвисолу. Скажите декану, что если епископам понадобится послать мне пакеты, то им следует адресовать их в канцелярию мистера Стиля в Кокпите, и не на мое имя, а на имя самого мистера Стиля, а уж вложение пусть будет адресовано мне, потому что оплошность в указании адресата уже обошлась мне на днях в восемнадцать пенсов.

30. Обедал со Стрэтфордом, а с мистером Гарли увижусь только в среду. Уже поздно, и я хочу отправить это письмо сейчас, чтобы не прибегать потом к услугам ночного сторожа, и кроме того я хочу, чтобы Джо получил, наконец, мой ответ, и Парвисол тоже, а вам следует как-нибудь исхитриться, чтобы им не пришлось нести при этом двойных почтовых расходов. Больше мне нечего добавить кроме разве того, что я остаюсь и прочее.

Письмо V

Лондон, 30 сентября 1710.

[*суббота*]

Нечего сказать, славное praemunire[122] я сам себе устроил, взявшись писать вам на таких больших листах, а теперь вот не осмеливаюсь отступить от этого. Я пока еще не знаю, нравятся ли вам эти письма на манер дневника. Мне перечитывать их было бы, наверно, скучно, но крошке *МД*, возможно, приятно будет знать, как Престо проводит время в ее отсутствие. Новое письмо я всякий раз начинаю в тот же самый день, в который закончил предыдущее. Я уже писал вам, что обедал нынче в таверне со Стрэтфордом. С нами должен был также обедать Льюис[123], пользующийся большим расположением мистера Гарли, однако он спешил в Хэмптон-Корт[124] и потому прислал свои извинения, присовокупив, что в следующую среду он непременно представит меня мистеру Гарли. Забавное зрелище: все виги теперь каются в том, как дурно они со мной поступили; однако, что мне до них. Мистеру Гарли уже говорили обо мне, как о человеке, обиженном вигами, ведь будучи вигом, я зашел недостаточно далеко, и я рассчитываю поэтому на его благосклонность. Тори прозрачно намекнули мне, что если я только пожелаю, то смогу преуспеть, однако я их не понял, или, вернее сказать, слишком хорошо их понял.

1 октября. Обедал у Моулсворта, нашего посла во Флоренции, а вечер провел со своим приятелем Дартнефом[125], о котором уже говорил вам прежде; он лучший каламбурист в Лондоне, после меня, разумеется. Догадались ли вы, какой именно номер «Тэтлера» сочинен мною? Он пришелся здесь очень по вкусу, да я и сам нахожу его отменным. Завтра я отправлюсь вместе с Делавалем[126], нашим послом в Португалии, на обед к лорду Галифаксу[127], неподалеку от Хэмптон-Корта. Брат вашего Мэнли[128], здешний парламентский деятель, выхлопотал себе местечко и, как мне говорили, не жалеет стараний ради того, чтобы его ближайший родич остался на государственной службе. А сегодня я просил старшего сына Фрэнкленда привлечь к этим хлопотам своего батюшку (здешнего министра почт), и надеюсь, что Мэнли останется целехонек, хотя все ирландские тори люто его ненавидят. Я почти завершил свою сатиру и напечатаю ее, дабы отомстить одному вельможе. Хотя Лондон и не

отличается особым хлебосольством, я, тем не менее, с тех пор как прибыл сюда, истратил на еду и вино всего лишь три шиллинга. Мне самому смешно видеть, как мало затрагивают меня нынешние перемены. Ну вот, а теперь я вынужден поставить точку, чтобы успеть написать лорду Стэнли[129] и попросить его похлопотать перед моей возлюбленной леди Гайд[130], чтобы она в свой черед похлопотала перед лордом Гайдом за мистера Пратта.

2. Обедал у лорда Галифакса в отведенных ему в Хэмптон-Корте апартаментах вместе с Мэтьюэном[131] и Делавалем, а также с бывшим королевским прокурором[132]. Перед обедом я заглянул в гостиную, где происходил прием (потому что королева в это время находилась в Хэмптон-Корте), не ожидая увидеть хотя бы одно знакомое лицо, и обнаружил их во множестве. Я прогулялся в садах, полюбовался на картоны Рафаэля[133] и прочие достопримечательности и с превеликим трудом отделался от лорда Галифакса, пытавшегося удержать меня еще на один день, чтобы показать мне свой дом, парк и разные усовершенствования. На закате мы выехали из Хэмптон-Корта в карете, запряженной двумя лошадьми, и добрались домой уже при свете звезд. Жизнь в Лондоне заключает для меня нечто чрезвычайно притягательное: в октябре вы уезжаете обедать за двенадцать миль от города и во мгновение ока возвращаетесь домой. В Дублине это было бы совершенно невозможно. Я уже второй раз отправляю с пенни-почтой письмо вашей матушке и все без ответа. Писал ли я вам, что в прошлое воскресенье граф Беркли умер в своем поместье от водянки? Лорд Галифакс начал сегодня с тоста за мое здоровье; но я решительно отказался пить за то, чтобы виги воскресли, — по крайней мере следовало бы сначала выпить за то, чтобы они исправились, — и сказал ему, что он единственный в Англии виг, которого я любил и о котором был доброго мнения.

3. Нынче утром ко мне пришла сестра Стеллы[134] с письмом от ее матушки, которая сейчас находится в Шине[135], но скоро возвратится в Лондон и тогда навестит меня. Она передала мне пузырек с настойкой из первоцвета и просила при первом же удобном случае переслать его вам, что я и сделаю. Матушка обещала прислать вам этой настойки еще целую кварту. Ваша сестрица превосходно выглядит, и, судя по всему, она девушка скромная и добронравная. Потом я отправился к мистеру Льюису, первому секретарю лорда Дартмута[136] и любимцу мистера Гарли, коему Льюис должен завтра утром меня представить. У Льюиса был в это время

некий мистер Дайет[137], мировой судья, обладатель двадцати тысяч фунтов; он служит по ведомству гербовых сборов и женат на сестре сэра Филиппа Медоуза[138], нашего посла при императоре. Я рассказываю вам все это только потому, что, как ни странно, оному мистеру Дайету грозит казнь через повешение: его уличили в подделке гербовой бумаги, сборами за которую он ведал, вкупе со своими сообщниками он надул королеву на добрую сотню тысяч фунтов. Вы узнаете об этом еще до получения сего письма, но, возможно, без таких занятных подробностей. Необычное происшествие для такой персоны, не правда ли? Примечаете? Престо сообщает *МД* всякие занятные истории. Обедал у лорда Маунтджоя в Кенсингтоне[139] и под вечер, что твой император, прогулялся оттуда пешком до самого города. Не странно ли, что вчера, 2 октября, стоял ужасный мороз и все заиндевело, а всего лишь неделю тому назад я погибал от жары. Как ни скареден этот город, у меня сейчас больше приглашений на обед, чем когда бы то ни было, и на некоторых званых обедах я не смогу присутствовать по той лишь причине, что на эти самые дни меня уже пригласили раньше. Мне следовало бы, пожалуй, писать поразборчивее, принимая во внимание, что у Стеллы болят глазки, а Дингли еще не навострилась разбирать мой безобразный почерк. Нынче вечером пришло письмо от мистера Пратта, он пишет, что Джо непременно получит свои деньги, как только лорд-наместник назначит попечителей, ведающих распределением денежных сборов за полотно. Так вот, когда эти попечители будут назначены, кто бы ни был лордом-наместником, я непременно похлопочу и нисколько не сомневаюсь в успехе. Пожалуйста, передайте это ему или черкните пару слов, и пусть он не вешает нос, потому что Нэд Саутуэл[140] и мистер Аддисон оба считают, что Пратт рассуждает здраво. Послушайте, сударыни, поменьше проигрывайте нынче вечером у Мэнли.

4. Не успел я вчера вечером погасить свечу, как в комнату вошла моя хозяйка со слугой от лорда Галифакса, принесшим мне приглашение от его милости пообедать с ним в его доме близ Хэмптон-Корта, однако я попросил передать ему, что чрезвычайно важные дела не позволяют мне принять его любезное приглашение и пр. А сегодня я был конфиденциально представлен мистеру Гарли, чья любезность и предупредительность превзошли всякое вероятие. Он назначил мне сойтись с ним в субботу, в четыре часа пополудни, с тем, чтобы я выложил ему все как есть; признаюсь, будь я дамой, я не прибегнул бы к такому выражению. Вы, небось, тотчас смекнули, в чем тут соль, а вот я уразумел

только теперь, когда написал это. Обедал у мистера Делаваля, нашего посла в Португалии, вместе с поэтом Ником Роу[141] и другими приятелями; и еще я отдал напечатать свою сатиру. В душе у меня еще много злости, так что каждый получит по заслугам, я знаю, по какому месту бить. Я убежден, что уже ответил на ваше 2 письмо, только вот не припомню, где именно; думаю, что в моем 4. Кстати, зачем писать в № 2, в № 3? Разве недостаточно сказать, как я это делаю[142]: 1, 2, 3? Я вознамерился сочинить еще одного «Тэтлера»[143]. Хотя я сейчас так далеко от вас, тем не менее, по привычке дважды и трижды повторяю одно и то же, будто беседую с маленькими *МД*. Впрочем, о чем я тревожусь? Они прочтут мое письмо с такой же легкостью, с какой я его пишу. Мне кажется, что последние строчки получились у меня довольно-таки ровными; боюсь только, что при таких стараниях я не скоро закончу эти две страницы. Прошу вас, дорогие *МД*, если я от случая к случаю даю вам какие-нибудь мелкие поручения, перемежая их в моих письмах всякой всячиной, не забывайте, пожалуйста, о них, например, касающихся Моргана и Джо и пр.; я ведь пишу о них по мере того, как они приходят мне на ум, в противном случае мне пришлось бы перечислять их все подряд особо. Я нанес нынче визит мистеру Стерну и передал ему ваше поручение насчет носовых платков, а что касается шоколада, то я куплю его сам и отправлю с ним, когда он поедет, а вы заплатите мне, когда *лак скиснет*[144]. Сегодня вечером я развлечения ради перечитаю на досуге мою сатиру. Да хранит господь ваше бесценное здоровье.

5. Утром меня навестил Делаваль, и мы отправились с ним к Кнеллеру[145], но его, оказывается, нет в Лондоне. По дороге мы встретили толпу избирателей; они окружили нашу карету, выкрикивал имена кандидатов в парламент — Колта, Стэнхопа и пр.[146] Мы опасались, как бы в нас не запустили дохлой кошкой и не разбили стекла, — приверженцы вигов всегда отличались такими повадками. Обедал снова у Делаваля, а вечером в кофейне узнал, что в Лондон возвратился сэр Эндрю Фаунтейн [147]. День прошел довольно-таки уныло, хоть бы какая-нибудь завалящая новость для вас. Надеюсь, *МД* провели его лучше в обществе декана, епископа[148] или миссис Уоллс. Кстати, сударыня, единственная причина, по которой вы проиграли позавчера вечером у Мэнли четыре шиллинга и восемь пенсов, состоит в том, что играли вы прескверно: в шести партиях, которые я наблюдал, можно было побиться об заклад, что дело кончится не в вашу пользу: ведь надо вовсе лишиться рассудка, чтобы дважды ходить с

Манильо, Басто и двух мелких бубен[149]? Вас угораздило сплоховать даже тогда, когда у вас на руках был туз пик. Никогда прежде не замечал за вами такого, а теперь вы еще вдобавок и обижаетесь на то, что я вам это говорю. Так и быть, вот вам два шиллинга и восемь с половиной пенсов в возмещение вашего проигрыша.

6. Нынче утром зашел сэр Эндрю Фаунтейн и застал меня еще в постели. Мы с ним пошли в Сити и пообедали в простой харчевне вместе с торговцем сукном Уиллом Пейтом, человеком немалой учености. Потом мы слонялись по разным лавкам, где торгуют книгами и фарфором, заглянули в таверну, выпили две пинты белого вина и до десяти вечера никак не могли расстаться. А теперь я пришел домой и должен переписать кое-какие бумаги, чтобы вручить их мистеру Гарли, с которым, как я уже вам говорил, мне предстоит завтра днем увидеться. Так что нынче вечером я мало что скажу моим малюткам *МД*, кроме разве того, что от всего сердца хочу быть с ними и возвращусь, как только потерплю неудачу или выполню порученное мне дело. Каждый день приносит теперь какие-нибудь известия о выборах, и в списке из примерно двадцати имен, который я видел вчера, значилось на семь или восемь ториев больше, чем в последнем парламенте; а посему, я полагаю, им нечего опасаться, что они не получат большинства мест, особенно, если учесть еще и тех, кто будет голосовать, сообразуясь с желаниями двора. Но мне говорили, что сам мистер Гарли не допустит слишком большого перевеса ториев, опасаясь, как бы они не обнаглели и не вздумали лягать его самого. По этой причине они оставили несколько вигов на их постах, хотя те со дня на день ожидают, что их сместят, например, смотритель придворных служб сэр Джон Холлэнд и кое-кто еще. А теперь отправляйтесь к своему декану играть в карты и угощаться кларетом и апельсинами, а я займусь делом.

7. Хотел бы я знать, когда я заполню эту страницу? Как бы там ни было, но мое письмо должно быть отправлено во вторник, а если я получу перед тем что-нибудь от *МД*, то отвечу им уже в следующем письме, да-с, и не иначе! Сейчас утро, а я не закончил прошлой ночью переписывать бумаги для мистера Гарли, ибо вам следует принять в соображение, что Престо клонило ко сну, и он делал поэтому много помарок и клякс. Право же, это очень славно, что мне положено писать молодым дамам утром, на свежую голову и натощак. Ну, что ж, доброго вам утра, сударыни, а засим я принимаюсь за дела и откладываю это письмо до вечера. — Вечером. Джек Хоу[150] сказал как-то мистеру Гарли, что если бы в аду нашлось местечко, расположенное ниже всех прочих, то оно несомненно было бы

припасено для его привратника, потому что тот врет с самым невозмутимым видом и притом с неизменной учтивостью. С этим привратником мне предстояло иметь дело, когда я отправился к четырем часам с визитом к мистеру Гарли, как он мне назначил. Однако меня он не стал водить за нос, хотя в каждом его слове я подозревал подвох. Он сказал, что его господин только что сел за стол в большой компании и просит меня прийти через час; так я и сделал, ожидая на этот раз услышать, что мистер Гарли только что уехал, однако они как раз кончили обедать. Мистер Гарли вышел ко мне и, пригласив в гостиную, представил своему зятю лорду Доблейну (или что-то в этом роде)[151], сыну[152] и прочим, в числе которых был квакер Уилл Пени[153]. Мы просидели два часа кряду, попивая доброе вино, как это в обычае и у вас, а потом я провел с ним еще два часа наедине, излагая свое дело. При этом он с чрезвычайной готовностью вникал во все обстоятельства, расспрашивал о моих полномочиях и ознакомился с бумагами; прочитав составленную мной памятную записку, он положил ее в карман, чтобы показать королеве, а затем сообщил мне, какие шаги намерен предпринять. Большего я и желать не мог. Он сказал, что непременно должен познакомить меня с государственным секретарем мистером Сент-Джоном[154], и столько наговорил о своей приязни и почтении ко мне, что я, пожалуй, склонен поверить словам некоторых моих друзей, будто он пойдет на все, лишь бы привлечь меня на свою сторону. Он выразил пожелание отобедать со мной (какая забавная вышла обмолвка), я хотел сказать, что он выразил пожелание, чтобы я отобедал с ним во вторник, и после того, как я провел с ним целых четыре часа, любезно довез меня в наемной карете до Сент-Джеймской кофейни. Все это довольно необычно и забавно, если вы вспомните, кто он и кто я. Оказывается, ему даже известно мое имя. Я не мог удержаться, чтобы не рассказать вам обо всем так подробно, хотя, быть может, это и покажется вам несколько докучным; но мне хочется, чтобы вы знали все. Так вот, мне, видно, суждено было в один и тот же день испытать участь последнего ничтожества и сильного мира сего: дело в том, что, будучи обязан явиться к мистеру Гарли к четырем, я не мог заручиться приглашением на обед к кому-нибудь из друзей, а посему отправился к Туку передать ему свою балладу[155] и заодно уж и пообедать с ним, но не застал его и принужден был зайти в первую попавшуюся харчевню и пообедать там за десять пенсов, удовольствовавшись скверной похлебкой, тремя бараньими отбивными и четвертью пинты эля, после чего, унося с собой ароматы этой харчевни, отправился к первому министру

королевства. А сейчас я по доброте душевной собираюсь отправить Стилю то, что сочинил для его «Тэтлера», который в последнее время из рук вон плох. Вы не находите, что я веду себя с вами любезнее, нежели обычно, и ни разу не употребил еще выражений «у вас в Ирландии» и «у нас в Англии», как, к великому вашему негодованию, говаривал в свои прошлые приезды сюда. — Пусть себе болтают *по известному вам поводу* все, что им заблагорассудится, и, тем не менее, не будь этого, я никогда не получил бы доступа туда, куда стал вхож теперь, и если это поможет мне добиться успеха, то в конце концов *это обстоятельство* послужит на пользу церкви[156]. Впрочем, я уже изведал на собственном горьком опыте, в какой мере стоит полагаться на новых друзей, а что касается нынешних всемогущих министров, то они, я думаю, столь же хороши, как и их предшественники. Ну, что ж, описание этого чрезвычайно важного дня заполнило изрядную долю страницы, а всякие пустяки завтрашнего дня и понедельника, займут оставшееся место. Кроме того, во вторник, прежде чем это письмо будет отправлено, я снова увижусь с мистером Гарли.

8. Не могу не привести вам еще одного примера необыкновенной обходительности мистера Гарли. Он настоятельно просил меня заходить к нему почаще. Я возразил, что не желал бы отрывать его от государственных дел, которыми он так занят, и потому прошу лишь позволения присутствовать при его levée [Утреннем выходе, утреннем приеме *(франц.)*.], чему он решительно воспротивился, сказав, что его друзьям незачем видеть эту церемонию. Сейчас еще только утро, но мне пришла в голову нелепая прихоть непременно сказать что-нибудь *МД* тотчас же после того, как я проснулся, и пожелать им доброго утра, — ведь нынче воскресенье, я не бреюсь, и времени у меня довольно. А теперь уходите-ка отсюда, плутовки, потому что мне надо заняться писанием. Признаться, я буду крайне раздосадован, если хотя бы одно из моих длинных писем не дойдет до вас и, если это случится, я снова буду писать вам не более полулиста; но что же в таком случае заменит вам этот дневник? Ведь тогда десять дней из жизни Престо останутся вам неизвестны и, право же, это будет более, чем печально. — Вечером. Я решительно не знал, где сегодня пообедать; отправляться далеко не хотелось, а посему я пообедал с друзьями, которые столуются неподалеку отсюда, этаким нахлебником, а вечером сэр Эндрю Фаунтейн затащил меня в таверну, где за две бутылки вина, портвейна и флорентийского, распитых втроем, нам пришлось уплатить целых шестнадцать шиллингов, но я готов выложить столько же фунтов, если ему еще хоть раз в жизни удастся подбить меня на такое. Для меня это случай из ряда вон выходящий; в

довершение всего нам подали седло барашка, приготовленное à la Maintenon, которое и собаке было бы не по зубам. Сейчас уже полночь и мне пора спать. Надеюсь, это письмо успеет уйти раньше, чем придет от *МД* третье. Вы мне верите? А ведь я жажду получить это третье, но при том не прочь бы иметь основание заметить, что написал вам целых пять, а получил от вас всего лишь два. Сент-Джеймская кофейня, не в пример былым временам, мне теперь совсем не по душе. Надеюсь, зимой там будет приятнее; сейчас все ее завсегдатаи либо в отъезде по случаю выборов, либо еще не возвратились из своих поместий. Вчера я обедал с доктором Гартом[157] у Чарлза Мейна[158], живущего неподалеку от Тауэра, где он служит[159]; он родом из Ирландии, и епископ Клогерский хорошо его знает. Это честный и добродушный малый, любящий от души посмеяться; здешние остроумцы души в нем не чают, а его дамы сердца обычно рангом не выше кухарок. Итак, спокойной вам ночи.

9. Обедал нынче у сэра Джона Стэнли; леди Стэнли, да будет вам известно, одна из моих фавориток: у меня их здесь не меньше, чем у епископа Киллалайского в Ирландии. Я все думаю, до чего же скучным собеседником я буду для *МД* по возвращении домой, ведь им решительно все обо мне известно, а посему я ни о чем больше не буду вам писать, иначе у меня не останется ни одной занятной истории, ни вообще какого-либо предмета, о котором я мог бы вам рассказать. Прошлой ночью мне было очень худо от мерзкого, тошнотворного, отвратительного вина; поверите ли, меня чуть не вывернуло наизнанку. Что делать, приходится ведь столоваться в тавернах; впрочем, я уже вам об этом говорил. Завтра я обедаю у мистера Гарли и, возвратясь от него, закончу это письмо, а сейчас, к сожалению, не могу вам больше писать из-за архиепископа. Это истинная правда, потому что я собираюсь сейчас написать ему отчет о том, чего я добился в своих хлопотах у мистера Гарли; а еще, мои юные дамы, позвольте вам заметить, что я никогда не напишу ни единого словечка на третьей странице моих и без того пространных писем; да-да, на это вам не следует рассчитывать.

10. Письмо бедняжек *МД* затерялось среди вороха бумаг, и я никак не мог его найти; то есть, я хотел сказать, что затерялось письмо бедняги Престо. Так вот, обедал я сегодня с мистером Гарли и, надеюсь, кое-что все же будет сделано, однако не стану пока особенно на этот счет распространяться. Это письмо непременно должно быть доставлено сегодня на почту и притом не с ночным сторожем. В будущее воскресенье мне опять предстоит обедать с мистером Гарли, и я надеюсь услышать о

благоприятном исходе. А сейчас, улегшись в постель, я примусь за 6 письмо к *МД*, причем с таким усердием, как если бы за весь этот месяц не написал им ни единого слова. Славно придумано, не правда ли? Мне кажется, я сейчас писал не так, как следует, именно оттого, что не лежал в постели: посмотрите, какие получились безобразно широкие строчки. Да хранит вас господь всемогущий и пр.

Право, получилось не письмо, а целый трактат. А теперь я сосчитаю, сколько вышло строк на обороте; ну вот, сосчитал.

Письмо VI

Лондон, 10 октября 1710.

[*вторник*]

Итак, я уже сказал вам в письме, отправленном полчаса тому назад, что обедал сегодня с мистером Гарли, который представил меня королевскому прокурору сэру Симону Харкуру, и я выслушал от них обоих множество любезностей. Гарли сообщил мне, что показал мою памятную записку королеве и горячо поддержал мое ходатайство. Он пригласил меня снова отобедать с ним в будущее воскресенье и к тому времени обещал уладить все с королевой, прежде чем она назначит наместника Ирландии. Признаться, я действительно рассчитываю, что к тому времени все, кроме неизбежных формальностей, будет улажено, потому что мистер Гарли любит церковь, а дело это вызывает всеобщее сочувствие, и он вряд ли захочет, чтобы новый наместник разделил с ним заслугу. Да и кроме того, мне все уши прожужжали, что он задумал переманить меня на свою сторону. Однако же в письме, отправленном с последней почтой, то есть вчера, архиепископу, я ни словом не обмолвился о том, что мистер Гарли говорил мне вчера вечером; он попросил меня держать пока все в тайне, а посему я и вам не стану ничего рассказывать. Надеюсь все же, что прежде, чем это письмо уйдет, уже не будет никакой надобности делать из этого секрет. Я сочиняю сейчас стихотворение «Описание дождя в Лондоне», которое намерен отправить «Тэтлеру». Это последний лист из целой дести, которую я исписал со времени моего приезда в Лондон. Кстати, я только что вот о чем подумал: пожалуйста, попытайтесь при случае разузнать у миссис Уоллс, в Дублине ли сейчас миссис Уэсли и по-прежнему ли она живет у своего брата, как ее здоровье и намерена ли она и далее оставаться в городе. Я написал ей из Честера, чтобы узнать, как мне быть с ее векселем; полагаю, что бедняжка стесняется написать мне об этом. Ну, а теперь я должен приняться за свои дела.

11. Сегодня пообедал, наконец, у лорда Маунтрэта[160]; я привел с собой лорда Маунтджоя и сэра Эндрю Фаунтейна и словно последний болван до одиннадцати вечера смотрел, как они играют в ломбер; они ставили по полкроны, и сэр Эндрю Фаунтейн выиграл у мистера Кута[161] восемь гиней; домой я возвратился поздно и мало что расскажу *МД* сегодня вечером. Я раздобыл полбушеля угля[162], так этому безалаберному щенку Патрику взбрело сегодня в голову загодя растопить камин, но перед тем

как лечь спать, я все же выбрал оттуда угли. Видно, Лондон совсем уж опустел, ежели всех событий дня мне с трудом хватает на каких-нибудь жалких пять-шесть строк. Обратили ли вы внимание, как в моем последнем письме я описал вам, когда именно и где вы играли в ломбер? По правде говоря, я кое-что туда вписал и подправил чуть-чуть после получения письма от мистера Мэнли, сообщившего, что в то самое время, как он писал мне, вы были у него в гостях, однако и без его помощи я ошибся всего лишь на один день. Ваш город, без сомнения, куда более гостеприимен, нежели наш. Мне так и не удалось пока повидать вашу матушку.

12. Обедал с доктором Гартом и мистером Аддисоном в таверне Сатаны[163], неподалеку от Темпл-бара[164]Темпл-бар — дома, расположенные возле старинного собора Темпл, в которых с XIV в. селились юристы и клерки помещавшихся здесь юридических контор.; угощал Гарт. Это, пожалуй, весьма кстати, что я каждый день где-либо обедаю, иначе мне пришлось бы тратить больше времени, чтобы чем-то заполнить мои письма, ибо положение дел все еще весьма унылое и неопределенное. У нас только и забот теперь, что ежедневно справляться о том, как проходят выборы, на которых среди вновь избранных членов парламента тории идут с численным перевесом в шесть к одному. Выборы мистера Аддисона прошли, что называется, без сучка и задоринки, и я полагаю, что если бы он вздумал пройти в короли, то ему не решились бы отказать и в этом. Прелюбопытная история произошла на днях в Колчестере: некий капитан Левеллин, возвратясь то ли из Фландрии, то ли из Испании, обнаружил, что его жена забеременела от одного судейского клерка из Докторс-Коммонс[165], в чьи обязанности, как вам известно, именно и входит не допускать прелюбодеяния. Это тот самый клерк, который раскрыл недавно подделку Дайетом гербовых бумаг. Две недели Левеллин охотился за клерком, намереваясь убить его, но малый все это время был по горло занят в казначействе, разоблачая в поте лица деяния Дайета. Жена Левеллина, пытаясь поправить дело, клялась, будто клерк уверил ее, что ее мужа нет в живых, и приводила другие оправдания, но кто-то сообщил Левеллину, что у его супруги и до свадьбы были интрижки, и тогда, впав в исступление, он выстрелил жене в голову, а потом бросился на свою шпагу, и, для большей надежности, разрядил пистолет и себе в голову, после чего мгновенно скончался; жена пережила его только на два часа, но ее телесные и душевные муки страшно представить. Я уже закончил поэму о «Дожде», всю, кроме начала, и

продолжаю трудиться над «Тэтлером». С тех пор, как я сюда приехал, мне приписывают чуть не с полсотни разных сочинений, в то время как я напечатал только три[166]. Единственная польза, которую я извлекаю, или, скорее, вы извлекаете, из того, что я пишу вам ежедневно, состоит в том, что я не стану писать дважды об одном и том же, хотя, боюсь, уже не раз был в том повинен; однако же впредь я буду помнить об этом и постараюсь писать лишь о том, что произошло за прошедший день. А теперь принимайтесь за свой ломбер, но будьте умницы и берегите денежки, чтобы к приезду Престо стать богатыми, и время от времени пишите мне. Право же, это будет очень даже славно получить иногда весточку от шалуний *МД*. Только прошу вас, Стелла, берегите глазки.

13. Господи, как мало я продвинулся в этом письме! О чем еще Престо тараторить, чтобы развлечь *МД*? Возобновились слухи, будто в Ирландию пошлют герцога Ормонда, хотя мистер Аддисон говорит, что слыхал, будто его назначат лишь одним из соправителей и что в их числе будет также лорд Голвэй[167]. Поскольку я пищу вам письма на манер дневника, то вы узнаете из них обо всем последовательно, а уж насколько правдиво или ложно то, что я рассказываю, вы сами убедитесь из дальнейших событий, и тогда будет видно, хорошо ли я обо всем осведомлен. Впрочем, меня нимало не заботит, оправдаются ли мои сообщения. — Вечером. Я обошел сегодня весь собор св. Павла и как последний олух взбирался на его купол[168] вместе с сэром Эндрю Фаунтейном и еще двумя джентльменами и в довершение всего, словно лопоухий щенок, уплатил за обед семь шиллингов. Это уже второй раз он мне так удружил, но больше я на эту удочку не попадусь, даже если меня примется уговаривать все человечество, безмозглые ветрогоны! В Лондоне есть один молодой человек, которого мы все очень любим; он только год или два тому назад окончил университет, некий Гаррисон[169] — невысокий, приятный на вид, весьма остроумный, рассудительный и мягкосердечный. Он сочинил уже несколько чрезвычайно славных вещиц: так, например, стихи «Апельсиновая ветка», напечатанные в 6 выпуске «Альманаха»[170], который есть у вас, принадлежат ему. У него нет никаких средств к существованию, кроме сорока фунтов в год, которые он получает, служа гувернером одного из сыновей герцога Квинсбери[171]. Добрые приятели имеют обыкновение приглашать его в таверну и заставляют при этом платить наравне с ними. Хенли[172] слывет его закадычным другом; они частенько пируют в таверне вскладчину, по шесть-семь шиллингов с человека, и всякий раз принуждают беднягу вносить его долю. Нынче

вечером полковник и лорд стали наседать на меня и на Гаррисона, пытаясь сыграть ту же шутку, но я решительно воспротивился и, отведя Гаррисона в сторонку, убедил его не идти с ними. Я рассказываю вам об этом, поскольку убедился, что богачи имеют склонность обходиться подобным образом со всеми подряд, нисколько не заботясь, есть ли у человека средства, только со мной это не выйдет, пропади они пропадом. Лорд Галифакс без конца ко мне пристает, зазывая к себе в поместье, а ведь мне придется тогда дать на чай его лакеям не меньше гинеи, да еще истратить двенадцать шиллингов на наемную карету, так что его скорее повесят, чем я это сделаю. Ну не глупость ли — обременять себя заботами о Гаррисоне? Но что поделаешь, когда я питаю слабость к этому молодому человеку и решил заставить кое-кого из моих знакомых помочь ему. Он, правда, виг, а посему я препоручу его кому-нибудь из брошенных мной вигов; сам я решительно покончил с ними, а у них, я надеюсь, покуда мы живы, все покончено с этим королевством. Они были так уверены, что уж от Лондона-то сохранят за собой все депутатские места, и в итоге потеряли три из четырех. Нам стало известно также, что сэр Ричард Онслоу[173] лишился своего места от Сэррея; словом, они потерпели поражение в большинстве округов. Как видите, достопочтенные дамы, когда я пишу длинные письма, мне приходится рассказывать вам политические новости и нести всякую околесицу, чтобы не заполнять их своими стихами, но некоторые из них я просто не осмелился бы послать вам, а стихи «Дождь в Лондоне» я уже отправил «Тэтлеру», так что вы сможете познакомиться с ними в Ирландии. Надеюсь, вы узнаете мою руку в «Тэтлере»: я собираюсь кое-что для него сочинить и, кажется, уже намекал вам о предмете этого очерка. Я получил письмо от сэра Мэтью Дадли, отправленное не далее как нынче вечером; возвратясь домой, я нашел его у себя на столе. Поскольку оно довольно-таки необычное, я приведу его целиком. Вот оно от слова до слова: «Какой дьявол в вас вселился?[174] 13 октября 1710». Я ответил бы на каждую заключенную в нем мысль, да вот только не располагаю временем. Ну, на сегодняшний вечер, пожалуй, достаточно.

14. Что это за пятно в верхней части листа — табачное или какое-нибудь другое? Не помню, чтобы у меня текли слюни. Господи, прошлой ночью мне приснилась Стелла. И до чего же диковинный был сои: мы видели с ней, как декан Болтон[175] и Стерн входят в лавку, и Стелла попросила меня пригласить их к ней, но тут выяснилось, что это два совершенно незнакомых мне священника, а потом я прогуливался по улице, пока она переодевалась, и тому подобная чепуха вперемежку с

печальным и тревожным, и все в этом сне было не так, как должно быть, а как должно — я и сам не знаю. Сейчас унылое сумрачное утро. — Вечером. Обедал с мистером Аддисоном у Нэда Саутуэла и гулял в парке, а в кофейне меня дожидалось письмо от епископа Клогерского и пакет от *МД*. Письмо от епископа я распечатал, а пакет от *МД* открывать не стал и отправился с визитом к одной даме, возвратившейся на днях в Лондон. А сейчас я уже улегся в постель и собираюсь открыть ваше маленькое письмецо, и пошли мне господи узнать из него, что *МД* благополучны, счастливы и веселы, и что они любят Престо, как огонь в камине. Впрочем, я пока не стану его распечатывать; нет, пожалуй, распечатаю! нет, все же не стану; нет, все же распечатаю, не могу дождаться, когда допишу эту страницу. Как же мне быть? Прямо-таки пальцы чешутся; я держу пакет в левой руке; вот сейчас в эту самую минуту я его открою. — Вот я взял его обеими руками, срываю печать, и никак не могу взять в толк, что в нем. Боюсь, это всего лишь письмо от епископа, которое в таком случае пришло слишком поздно: я не намерен пользоваться чьим бы то ни было влиянием, кроме собственного. Взгляну, однако, еще разок… Тьфу пропасть, да оно не иначе, как от сэра Эндрю Фаунтейна! Как, еще одно! Ну а это, я думаю, от миссис Бартон: она обещала написать мне, однако у нее почерк получше. Не могли бы вы разузнать, от кого оно — это можно сделать в канцелярии Доусона[176], в Замке. Судя по каракулям, похоже, что от Пэтти Ролт. Бог с ним, я лучше почитаю сначала письмо от моих *МД*. Ах нет, оно от бедной леди Беркли: она приглашает меня приехать нынешней зимой в замок; а вот то, что она пишет дальше, глубоко меня огорчает: бедняжка выражает надежду, что милорд начнет теперь выздоравливать[177]. Ну, а теперь, наконец, приступим к письму *МД*. Нет, с ним все в порядке, хотя я было подумал, что тут какая-то ошибка. Дело в том, что ваше письмо, № 3, которое я сейчас получил, помечено 26 сентября, а письмо от Мэнли, пришедшее пять дней тому назад, было помечено 3 октября, выходит, ваше письмо шло на две недели дольше; впрочем, я подозреваю, что оно просто пролежало в канцелярии Стиля, он о нем забыл. Ладно, теперь с этим покончено: он отстранен от должности. Вам следует поэтому передать всем, кто посылает мне пакеты, чтобы они обертывали их в бумагу и адресовали мистеру Аддисону в Сент-Джеймскую кофейню, то есть чтобы это были не обычные письма, а пакеты. Пусть епископ Клогерский при встрече с архиепископом скажет ему об этом. Ну, а что касается вашего послания, так оно меня прямо-таки взбесило: вертихвостки вы этакие. Я веду себя как самый примерный мальчик во всем христианском мире, а вы

пристаете с пустяками, коим красная цена пенни. — Но погодите, я загляну в свою записную книжку. Мне показалось, что между моим № 2 и № 3 был какой-то перерыв. Помилуйте, я вовсе не обещал посылать вам каждую неделю по письму, но буду каждый вечер писать понемногу и, когда заполню обе страницы, тогда и отправлю; получится раз в десять дней, и право же, это достаточно часто, если же вы возьмете за правило писать Престо непременно по вторникам или в понедельник, ей-богу, тогда это очень скоро превратится в обузу, уж лучше пишите, когда вздумается. — Нет, нет, нет, нет, нет, нет, нет, нет — Какого черта, какого черта, какого черта, какого черта, какого черта, какого черта! Ни в коем случае, бедняжка Стелла. Растяпа вы эдакая, я желаю, чтобы лошадь была в вашей… спальне. Разве я не приказал Парвисолу беспрекословно выполнять все ваши распоряжения? И разве я не писал в предыдущих письмах, что вы вольны хоть солить и варить свою лошадь, если это вам будет угодно? И вообще, с какой стати вы пристаете ко мне со своими лошадьми? Какое они имеют ко мне отношение?.. Перемены… могут послужить помехой в моем деле? Перемены — мне помеха? Да если бы не эти самые перемены, я бы как раз и не сумел ничего добиться! А теперь, каких я только не возлагаю надежд, хотя, конечно, никогда ни в чем нельзя быть уверенным. Завтра я должен получить ответ, и мне обещали, что он будет благоприятным. Полагаю, я уже достаточно обрисовал и в этом и в предыдущем письме, каковы мои отношения с новыми министрами; уж если хотите знать — вдесятеро лучше, чем когда бы то ни было с прежними; в сорок раз больше обласкан. Завтра мне предстоит обедать с мистером Гарли и, если он будет продолжать в том же духе, как начал, то ни один из смертных еще не удостаивался лучшего обхождения. Что касается матушки Стеллы, то я уже достаточно писал об этом раньше. Наверно, ее сейчас нет в Лондоне, потому что мне пока не удалось ее повидать. Мою сатиру превозносят до небес, однако никто, кроме сэра Эндрю Фаунтейна, и не догадывается, что это моих рук дело; по крайней мере, мне ничего на этот счет не говорят. Разве я не писал вам об одной важной персоне, принявшей меня чрезвычайно холодно? Так вот, я метил в него[178], но только, пожалуйста, никому не рассказывайте; это была небольшая месть и не более того. Я непременно привезу вам эти стихи. Епископ Клогерский все же смекнул, что очерк в «Тэтлере» насчет сокращения слов и прочего сочинен мной. Но не довольно ли, о господи!

15. Впредь я постараюсь писать разборчивей, если только не забуду; ведь Стелле нельзя утруждать глазки, а Дингли не слишком навострилась разбирать мой почерк. Боюсь, письма у меня получаются очень уж

длинными; постарайтесь в таком случае вообразить, что это не одно письмо, а два, и читайте их в два приема. Обедал сегодня у мистера Гарли; в числе прочих был также мистер Прайор[179]. Мистер Гарли оставил мою памятную записку у королевы, которая изъявила согласие даровать первины и двадцатину и, как мы надеемся, объявит об этом завтра на заседании кабинета министров. Однако прошу вас, не говорите об этом ни одной живой душе, пока решение не будет обнародовано, — так мне было велено; а тем временем я надеюсь добиться еще кое-чего поважнее. После обеда пришел лорд Питерборо[180]; мы вспомнили с ним, что уже были прежде знакомы, и он тотчас проникся ко мне необычайным расположением. Разговор зашел о стихотворном памфлете под названием «Сид Хамит». Мистер Гарли взялся было его пересказывать, а потом вынул памфлет и передал для прочтения одному из сидевших за столом гостей, хотя все они уже не раз его читали. Тогда лорд Питерборо объявил, чти он этого не допустит, забрал стихи и сам стал читать их вслух, а мистер Гарли после каждой строки подталкивал меня, чтобы обратить мое внимание на особенно удачные места. Прайор, посмеиваясь, объявил их автором лорда Питерборо, а милорд возразил, что, насколько ему известно, стихи принадлежат Прайору, после чего Прайор приписал их мне, а я — ему. Никто в Лондоне и не догадывается о моей причастности к ним, тем не менее, они сочинены мной, но знаете об этом только вы одни. Ставлю десять против одного, что в Ирландии они едва ли появятся, а здесь они разошлись с непостижимой быстротой. Гарли представил меня лорду-президенту Шотландии[181], а также лорду казначейства мистеру Бенсону[182]. Мы с Прайором ушли в девять и просидели после этого до одиннадцати в «Смирне»[183], принимая там своих знакомых.

16. Ранним утром я отправился в портшезе вместе с Патриком, шествовавшим впереди, к мистеру Гарли, дабы вручить ему, согласно его пожеланию, еще один экземпляр моей памятной записки, но он был очень занят, так как собирался идти к королеве, и мне не удалось его повидать. Он все же передал мне, что просит оставить ему бумаги, и извинился за свой поспешный уход. Признаться я был несколько обескуражен, но мне сказали, что это ровно ничего не означает и что я смогу в этом убедиться во время следующего визита. Я умаслил привратника, дав ему полкроны на чай, так что по крайней мере в ближайшее время у меня на этот счет все будет в порядке. Обедал в Сити у Стрэтфорда с бургундским и токайским, а возвратился оттуда пешком, как самая последняя шваль; потом я побывал у мистера Аддисона, а ужинал с лордом Маунтджоем, после чего меня всю

ночь мутило. Да, совсем было запамятовал сказать вам, что я купил шесть фунтов шоколада для Стеллы и раздобыл небольшой деревянный ящик и, кроме того, у меня припасен изрядный жгут бразильского табака для Дингли и пузырек с настойкой первоцвета для Стеллы — все это с присовокуплением двух носовых платков, купленных мистером Стерном, за которые вам следует ему уплатить, будет вложено в этот ящик, адресованный миссис Карри, и отправлено с доктором Хокшоу[184], с которым я не видался; однако Стерн обещал все это устроить. Шоколад — это подарок мадам Стелле. Только не вздумайте, маленькая плутовка, все это читать своими маленькими глазками, передайте-ка лучше письмо Дингли, а уж я постараюсь писать почерком ясным, как небеса; и пусть вместо Стеллы пишет Дингли, а Стелла, раз она опасается за свои глазки, пусть ей диктует.

17. Это письмо должно было уйти с сегодняшней почтой, но помешали всякие дела, и, кроме того, два вечера подряд я возвращался слишком поздно, а посему оно теперь задержится до четверга. Я был зван нынче вместе с мистером Стерном на обед и пил там ирландское вино; перед тем как мы расстались, явился предводитель всех пустобрехов полковник Эджворт[185], а посему я поспешил откланяться. Сегодня вышел «Тэтлер», целиком заполненный моим «Дождем» и вступлением к нему. Меня уверяют, что это самое лучшее из всего, когда-либо мной написанного, и я, признаться, держусь того же мнения. Думаю, что епископ Клогерский даст вам его прочесть. Напишите мне, пожалуйста, пришелся ли он вам по вкусу. Тук собирается напечатать мои «Разные сочинения»[186]. Я не пожалел бы пенни, чтобы, среди прочего, в него вошло мое письмо епископу Киллалуйскому[187]; это было бы свидетельством моего уважения к нему. Не могли бы вы, будто ненароком, упомянуть, что слыхали о готовящемся издании моих «Разных сочинений» и потому очень бы хотели, чтобы издатель имел в своем распоряжении и это письмо; но только не проговоритесь, что пожелание исходит от меня. Я уже, собственно, запамятовал, удалось оно мне или нет, но поскольку его очень уж хвалили, то я и подумал, что оно, возможно, заслуживает быть напечатанным. Завтра я закончу это письмо, с тем чтобы на следующий день его отправить. Мне очень досадно, что вам пришлось писать третье письмо, получив от меня только второе, в то время как я написал вам целых пять; надеюсь, теперь они вами уже получены; а засим объявляю вам, что вы дерзкие, маленькие, славные, дорогие плутовки и прочее.

18. Я был приглашен нынче на обед вместе со Стрэтфордом и прочими

к одному молодому купцу в Сити, где меня потчевали отшельническим и токайским. Мы просидели там до девяти, и я только что вернулся домой. Пес Патрик по обыкновению куда-то запропастился и пьянствует, а я никак не могу найти свой халат. Надо бы мне прогнать этого бездельника: за три недели он напивался по меньшей мере раз десять. А сейчас я не располагаю временем, чтобы еще о чем-нибудь вам рассказать, и посему желаю вам спокойной ночи.

19. Возвратился из Сити, где обедал у одного купца вместе с мистером Аддисоном. Только что в кофейне мы узнали о назначении герцога Ормонда наместником Ирландии; это было объявлено сегодня во время заседания Тайного совета[188] в Хэмптон-Корте. Мне пока не удалось повидать мистера Гарли, но я все-таки надеюсь, что дело с первинами улажено. Попытаюсь, если удастся, увидеть его завтра утром, но это письмо будет отправлено нынче вечером. Посылку я уже передал мистеру Стерну, а он перешлет ее вам с одним своим приятелем. Она адресована мистеру Карри на дом; как только она будет получена, вас тотчас известят; надеюсь, это произойдет в ближайшее время. Носовые платки приятель Стерна положит в карман, чтобы не платить за них пошлину. И на этом заканчивается мое шестое письмо, которое я отправляю, получив от *МД* только три: я изрядно опередил их теперь и буду придерживаться этого и впредь, и да благословит господь всемогущий драгоценнейших *МД*.

Письмо VII

Лондон, 19 октября 1710.

[*вторник*]

О боже, я погиб! Этот лист шире других, а мне ведь все равно придется исписать его с обеих сторон, но раз это предназначено *МД*, то я не стал бы считаться, даже если бы мне пришлось исписать вдвое больше. Я уже рассказал вам сегодня в предыдущем письме, где был и как провел этот день, а посему…

20. Сегодня я отправился в канцелярию государственного секретаря, к мистеру Льюису, узнать, когда я смогу увидеть мистера Г арли, и, представьте себе, как раз в это самое время появляется мистер Гарли собственной персоной и приглашает меня завтра с ним пообедать. А нынче я обедал у миссис Ваномри[189], после чего пошел навестить обеих леди Батлер[190], однако привратник сказал, что их нет дома: дело в том, что завтра должно состояться бракосочетание младшей из них, леди Мери, которая выходит замуж за лорда Эшбернхема[191]. Это самая выгодная партия в Англии: двенадцать тысяч фунтов годового дохода, пропасть денег. Напишите, понравился ли мой «Дождь» в Ирландии? Я не припомню случая, чтобы какие-нибудь стихи пользовались здесь большим успехом. Вечер я провел нынче с Уортли Монтегю[192] и мистером Аддисоном за бутылкой кларета. Знают ли в Ирландии, каким влиянием я теперь пользуюсь среди ториев? Меня, правда, все здесь за это осуждают, но я нисколько этим не озабочен. А довелось ли вам услыхать что-нибудь о стихах «Жезл Сида Хамита?» Ради всего святого, ничего о них не говорите. Впрочем, вряд ли кто подозревает, что я к ним причастен, хотя все и держатся мнения, что никто, кроме Прайора или меня, не смог бы их сочинить. До ваших мест они, видно, еще не дошли. Здесь напечатана также баллада о выборах в Вестминстере, полная каламбуров, которую я написал за полчаса; она здесь нарасхват, хотя это не более, чем пустячок. Но это тоже тайна для всех, кроме *МД*. Если у вас этих стихов нет, я их привезу с собой.

21. Сегодня в кофейне я получил четвертое письмо от *МД*. Да хранит господь всемогущий дорогую бедняжку Стеллу, ее глазки и головку. Бесценная моя бедняжка, что нам предпринять, чтобы вылечить их? Ваши недуги наносят ущерб вашим достоинствам. Если бы небесам было угодно,

я бы в эту самую минуту собственными руками побрил вашу бедную головку, будь то здесь или в Ирландии. Прошу вас, ничего не пишите и не читайте ни этого письма, ни чего-либо другого, а я впредь постараюсь писать разборчивее, чтобы Дингли все могла прочесть, хотя мое перо начинает спотыкаться, стоит мне только подумать, кому я пишу. Прежде чем отвечать на ваше письмо, расскажу, что обедал нынче с мистером Гарли и он представил меня графу Стирлингу[193], шотландскому лорду, а вечером пришел лорд Питерборо. Я просидел с ними до девяти, потому что мистер Гарли никак меня не отпускал, и, кроме того, мне хотелось узнать что-нибудь о моем деле. Мистер Гарли уверяет, что королева уже даровала первины и двадцатину, но он пока еще не разрешает сообщить новость архиепископу, потому что королева намерена объявить об этом ирландским епископам по всей форме; там будет также упомянуто, что это сделано на основании моей памятной записки, на чем мистер Гарли настаивает ради вящего признания моих заслуг; мне предстоит снова увидеться с ним во вторник. Не знаю, говорил ли я вам, что в гой же самой записке, переданной королеве, я ходатайствовал сверх того еще о двух тысячах фунтов в год[194], хотя мне это и не поручали; но мистер Гарли сказал, что последнее пока еще невозможно и что нам надо будет поговорить об этом позднее. Как бы там ни было, начало положено, и со временем, быть может, и это удастся осуществить. Пожалуйста, не говорите пока, что с первинами все улажено, если только в конце письма я не дам вам разрешения. Я думаю, ни одно дело не было завершено с такой быстротой и только благодаря личному расположению ко мне мистера Гарли, чья обязательность превосходит всякую меру, и я даже не знаю, как мне теперь вести себя, разве что дать мошенникам вигам убедиться в достоинствах человека, которым они пренебрегли. Кстати, в моей памятной записке, врученной королеве, о лорде Уортоне говорится без всяких обиняков. Надеюсь, этот предмет представляет для вас не меньший интерес, нежели рассказы Тиздала о спорах в конвокации[195]. Как бы там ни было, на завершение всех формальностей с первинами понадобится, надо думать, месяц или два, и тогда мне больше нечего будет здесь делать. Мне остается лишь поделиться с вами одной нелепейшей мыслью, раз уж она только что пришла мне в голову. Когда о завершении этого дела станет известно, напишите мне, пожалуйста, беспристрастно, приписывают ли мне у вас в том хоть какую-нибудь заслугу или нет; по моему глубокому убеждению, она настолько велика, что я даже никогда не рискну в этом признаться. — Дерзкие девчонки! Оттого, что я пишу «Дублин, Ирландия»,

вы считаете своим долгом писать «Лондон, Англия»[196]: это все не иначе как козни Стеллы. Так вот, в отместку я не стану отвечать на ваше письмо до завтрашнего дня, вот так-то. А сейчас я собираюсь писать кое-что другое, но не долго, потому что уже поздно.

22. Утром был у мистера Льюиса, помощника лорда Дартмута, мы два часа толковали с ним о политике и обдумывали, как помочь Стилю сохранить его должность в канцелярии гербовых сборов. Ведь он уже смещен с поста редактора «Газеты» и потерял на этом триста фунтов в год за то, что несколько месяцев тому назад напечатал «Тэтлера», направленного против мистера Гарли, который как раз и назначил его на эту должность и к тому же увеличил его жалованье, с шестидесяти фунтов до трехсот. Со стороны Стиля это было дьявольской неблагодарностью; Льюис рассказал мне кое-какие подробности этой истории, но мне намекнули, что я мог бы попытаться сохранить за Стилем другую должность, и позволили переговорить с ним об этом. Так вот, пообедав с сэром Мэтью Дадли, я пошел повидаться с мистером Аддисоном и стал ему, как человеку рассудительному, беспристрастно излагать суть дела, но вскоре убедился, что *партийный дух* целиком завладел им, он говорил так, словно подозревал меня в чем-то, и не хотел согласиться ни с единым моим словом. Поэтому я в конце концов прервал разговор, и мы расстались весьма холодно. Стилю я ничего говорить не стану, пусть поступают, как им заблагорассудится, хотя при нынешнем положении вещей Стиль наверняка потеряет свое место, если только я его не спасу. Нет, не стану я с ним разговаривать, чтобы не получилось еще хуже. Но разве это не досадно? И разве это не подтверждает старую истину, что не следует соваться со своими услугами, когда тебя не просят. Когда я наконец образумлюсь? Я всегда стараюсь поступать, строго сообразуясь с велениями чести и совести, но даже мои ближайшие друзья никак не хотят этого уразуметь. Чего же тогда ожидать от врагов? Я не сержусь, хотя мог бы рассердиться; а засим желаю вам спокойной ночи.

23. Я прекрасно понимаю, ежедневно сообщать вам, где я обедал, не бог весть как остроумно или занимательно, однако я пишу это не для того, чтобы хоть как-то заполнить свои письма; льщу себя надеждой, что придет время, когда я пожелаю вспомнить, при каких обстоятельствах проходила моя нынешняя жизнь вдали от *МД*. Так вот, позвольте теперь сообщить вам: обедал нынче у нашего посла во Флоренции Моулсворта, после чего отправился в кофейню, где встретился с мистером Аддисоном и держался с ним довольно холодно, а теперь пришел домой, чтобы заняться бумагомаранием. Мы с ним оба приглашены на обед на завтра и

послезавтра, но я не изменю своего обращения с ним, пока он не извинится, в противном случае мы станем обычными знакомыми. Я устал от друзей, кого из них ни возьми — все чудовища, кроме *МД*, разумеется.

24. Забыл сказать вам, что прошлым вечером я пошел было к мистеру Гарли в надежде… ах, право же, я все перепутал, это было сегодня в шесть часов вечера, и я надеялся услышать от него, что все уже улажено, однако его не было дома, и если только привратник не лжет, он будто бы позже возвратился нездоровым, лег в постель и очень скверно себя чувствует. Обедал я вместе с мистером Аддисоном и прочими у сэра Мэтью Дадли.

25. Мне нужно было повидать герцога Ормонда. Выйдя из дома, я встретил лорда Беркли[197] из Стрэттона, который сообщил, что вдовствующая миссис Темпл[198] в прошлую субботу преставилась; это событие, я полагаю, послужит ее родне поводом для показной скорби и тайной радости. Обедал с Аддисоном и Стилем у сестры мистера Аддисона[199], которая замужем за неким мосье Сартром, французом, пребендарием в Вестминстере; у них там прелестный дом и сад; и все-таки мне подумалось, что их жизнь при обители смахивает на монастырскую; во всяком случае, я предпочитаю Ларакор. Сестра Аддисона претендует на остроумие и очень на него похожа. Я ее не люблю.

26. Сегодня я пошел навестить мистера Конгрива[200], который почти ослеп по причине катаракты на обоих глазах; вся беда в том, что он должен ждать два или три года, пока эти катаракты не созреют и он совсем не ослепнет, только тогда ему смогут их удалить. Вдобавок его постоянно мучает подагра, и, тем не менее, он моложав и бодр, и, как всегда, весел. Он моложе меня года на три или чуть побольше, а все же я лет на двадцать моложе его. Стоило ему заговорить о своей подагре, как у меня заболел большой палец на ноге. У меня часто так бывает, но тут же и проходит. Мистер Морган удостоил меня еще одного письма, за что я чрезвычайно вам признателен; вы вполне заслуживаете, чтобы вас хорошенько высекли: ведь я просил вас в одном из предыдущих своих писем передать ему, что я ничего не могу для него сделать, поскольку не пользуюсь никаким влиянием и проч. Так что держитесь-ка лучше от меня подальше, бестолковые вертушки. Я получил также письмо от Парвисола с отчетом о том, каким доходом я теперь располагаю; по сравнению с прошлым годом он уменьшился на шестьдесят фунтов. Нечего сказать, утешительные новости. Судя по письму, он наконец-то уразумел, что вы отнюдь не намерены расстаться со своей лошадью, коль скоро послали за ним и с тем же посыльным передали ему мое письмо, так что я уже и не знаю, следует

ли еще что-нибудь предпринять. Это, конечно, очень прискорбно, что Стелле нужна собственная лошадь, независимо от того, хочется этого Парвисолу или нет. А теперь примусь отвечать на ваше письмо, которое получил дня три или четыре тому назад. Я не лежу сейчас в постели и пишу сидя, потому что вернулся домой около восьми и в комнате сейчас тепло. Епископу Киллалайскому я попросту ничего не писал — в этом, как я полагаю, и состоит причина того, что он не получил моего письма. У меня не было времени, мне постоянно его не хватает. — Как ни понравилось декану мое письмо, однако же он не соизволил мне ответить. Я желал бы только знать, уплатил ли ему Болтон двадцать фунтов, а что до остального, то пусть поцелует… Вы вполне можете у него осведомиться на сей счет, поскольку меня это беспокоит, тем более когда дело касается такого *прохвоста*, как декан Болтон. То, что декан Стерн так добр с вами, чрезвычайно любезно с его стороны. Он прекрасно знает, что это будет мне приятно, и хочет таким образом загладить прошлые грехи[201]. Нет, никакого снега у нас здесь не было, разве только однажды как-то утром и то совсем недолго; впрочем, припоминаю, что шел довольно-таки сильный снег, но не более часа. О смерти Уилла Кроу[202] я уже слыхал, но только не знал о нелепых обстоятельствах, ускоривших ее. Нет, я позаботился о том, чтобы капитан Пратт не пострадал из-за безвременной кончины лорда Энглси. Что касается моего портрета, то я как-нибудь постараюсь заполучить у Джервеса копию. Я уговорю сэра Эндрю Фаунтейна купить ее будто бы для себя, а потом уплачу ему за нее, и таким образом перекуплю, если, конечно, у меня будут деньги, когда я соберусь отсюда уезжать. — Бедняга Джон![203] так он, значит, приказал долго жить? а мадам Парвисол была в городе? Гмм. Что ж, если Тай[204] сюда приедет, мы просто не будем замечать друг друга, да и не до него мне здесь, хотя мы вовсе не ссорились. — Я наведался нынче к Стерну, но не застал его дома, а мистер Ли еще не возвратился в Лондон, однако я непременно выполню поручение Дингли, как только увижу его. Откуда мне знать, подорожает ли фарфор или нет? Просто мне взбрело как-то в голову, что я без ума от фарфора, но теперь это прошло; да я, кажется, уже говорил вам об этом в одном из предыдущих писем. Итак, вам, стало быть, нужно всего лишь несколько салатниц и тарелок и пр. Да, да, все это вы получите. Вы столько перечислили, что это обойдется, как я полагаю, в пять фунтов, никак не меньше. — А теперь относительно краткого постскриптума Стеллы. Я был вне себя, прочитав, как вы корите себя за то, что не пишете. Разве вы не можете диктовать Дингли, чтобы не утомлять свои драгоценные глазки?

Сердце мое сокрушается, когда я думаю, что вы нездоровы. Прошу вас, не тревожьтесь, и если вздумаете писать, закройте глазки и напишите только одну строчку и больше ничего, вот так: Как вы поживаете, миссис Стелла? Я написал это с закрытыми глазами. Право, сдается мне, что так у меня получается даже лучше, нежели когда они открыты; и, кроме того, ведь Дингли может стоять рядом и подсказывать, когда вы будете залезать слишком высоко или слишком низко. — Деловые письма ко мне и пакеты, ежели в таковых будет еще какая-либо надобность, следует адресовать на имя мистера Аддисона в Сент-Джеймскую кофейню, однако я надеюсь услышать во время моей ближайшей встречи с мистером Гарли, что основные затруднения улажены и все остальное, не более чем пустая формальность. — Возьмите два или три чернильных орешка, возьмите два-три… орешка… Послушайте, оставьте-ка лучше свой рецепт у себя в…, я в нем не нуждаюсь. Раскудахтались сами не знаете из-за чего! Ну, вот как-будто и все, что касается вашего послания, которое я сейчас положу в ящик для писем в моем секретере, как делаю со всеми письмами, как только на них отвечу. Аккуратность полезна во всяком деле. Миром правит порядок, а дьявол сеет смуту. Взять к примеру генерала, министра и, если спуститься несколько ниже, садовника, ткача и пр. и пр. Из этого рассуждения может выйти отличный трактат, если только вы сочтете, что его стоит завершить, я же, увы, не располагаю временем. Ну разве не ужасающе длинный кусок для одного вечера? Обедал нынче с Пэтти Ролт в Сити у моего кузена Лича[205], рябого Лича; он типограф и печатает «Почтальона»; ох-хо, и, бог весть, почему считается моим кузеном, а женат он на миссис Бэби Эйрз[206] из Лестера; с нами был также мой кузен Томсон, и мой кузен Лич все предлагал познакомить меня с автором «Почтальона»[207] и сказал, что тот несомненно будет весьма рад знакомству со мной и что он горазд на всякие выдумки и к тому же человек большой учености и даже побывал за морем, но я был скромен и ответил: «Быть может, джентльмен — человек стеснительный и не ищет новых знакомств», и с помощью таких отговорок отделался от него. Мне очень хотелось бы, чтобы вы могли слышать, как я сейчас произносил вслух все, что я здесь написал, и притом с подобающим случаю выражением — примерно так, как говорят «ох-хоо», или как маленькая девчушка скажет: «У меня есть яблоко, мисс, но только я не дам вам ни кусочка». Последнюю неделю стоит дрянная погода, которой красная цена — двенадцать пенни, при всем том я израсходовал из-за нее десять шиллингов на наемные кареты и портшезы. Если тот, кто вам должен, отдаст деньги,

то я с вашего позволения посоветовал бы вам купить на них акций Английского банка[208]; они упали сейчас почти на тридцать процентов и приносят теперь восемь фунтов дохода, и при этом основной капитал вы можете получить, когда вам вздумается; они наверняка вскоре пойдут на повышение. Господь свидетель, я хотел бы, чтобы леди Джиффард вложила в акции те четыреста фунтов, что она вам должна[209], взяла себе обычную долю прибыли — пять процентов, а остаток отдала вам. Я потолкую об этом с вашей матушкой, когда мы с ней увидимся. Я и сам решил приобрести их на сумму в триста фунтов, собрав все, что у меня есть в Ирландии, и у меня даже возник план, который, как я надеюсь, осуществится — я намерен уговорить моего приятеля купить их будто бы для себя, а я расплачусь с ним, как только получу причитающиеся мне деньги. Думаю, что Стрэтфорд окажет мне такую любезность. Завтра или послезавтра я поговорю с ним об этом.

27. Мистер Роу, поэт, выразил желание, чтобы я пообедал с ним сегодня. Когдя я пришел к нему в канцелярию (он — помощник государственного секретаря, до него эту должность занимал мистер Аддисон), там находился также и мистер Прайор, и оба они принялись хвалить мой «Дождь», ставя его выше всего, что когда-либо было написано в этом роде, такого, мол, «Дождя» не бывало со времени Данаи и пр. Непременно напишите мне, понравился ли мой «Дождь» в ваших краях. Обедал я с одним Роу, потому что Прайор не мог прийти, а после обеда мы отправились в какую-то ничем не примечательную таверну, где Конгрив, сэр Ричард Темпл[210], Исткорт[211] и Чарлз Мейн беседовали за кружкой скверного пунша. По случаю моего прихода сэр Ричард послал за шестью фьясками своего собственного вина, и мы засиделись до полуночи. Тем не менее голова моя сейчас в полнейшем порядке, потому что пить я не стал, только глотнул вина с водой, не больше ложечки, и все из боязни подагры или еще какого-нибудь отвратительного недомогания; а сейчас уже поздно и посему я…

28. Гарт, Аддисон и я обедали нынче в самой что ни на есть скверной таверне, а оттуда я пошел к мистеру Гарли, но он то ли не мог меня принять, то ли его не было дома; боюсь, я так и не узнаю о моем деле до того, как это письмо будет отправлено. Потом я нанес визит лорду Пемброку[212], только что возвратившемуся в Лондон, и мы весело провели время, вспоминая разные давние истории, и я одним удачным каламбуром сразил его наповал. Потом я отправился навестить обеих леди Батлер, но сукин сын дворецкий не впустил меня, и мне пришлось передать им с

другой леди чрезвычайно грозное послание по поводу того, что они не позаботились предупредить дворецкого, чтобы тот всегда делал для меня исключение. Кофейня мне изрядно наскучила; Форд уговаривал меня посидеть с ним у соседей, я, как последний болван, согласился, и проболтал там до двенадцати часов ночи, а сейчас я уже в постели. Боюсь, новый кабинет министров испытывает отчаянные финансовые затруднения[213]: виги говорят, что кое-кого это повергнет в уныние, и я опасаюсь застать мистера Гарлч в прескверном расположении духа. Они считают, что ему никогда не справиться с этими затруднениями. Бог весть, чем это кончится. Я буду чрезвычайно огорчен, если опять установится прежний порядок вещей; это на веки-вечные погубило бы церковь и духовенство, но я все же уповаю на лучшее. Письмо будет отправлено во вторник, независимо от того, услышу ли я какие-нибудь новости о занимающем меня деле или нет.

29. Мы с мистером Аддисоном обедали у лорда Маунтджоя, вот, собственно, и все сегодняшние события. — Вечером я немного поболтал в кофейне, а вернее сказать, проболтал там допоздна и теперь явился домой, чтобы немного пописать.

30. Обедал у миссис Ваномри и отправил письмо бедной миссис Лонг, которая иногда пишет нам, но одному богу известно, где она обретается, потому что она никому не сообщает своего адреса. Домой я возвратился рано и должен теперь приняться за писание.

31. Последний день месяца выдался очень славный; я гулял, навестил Льюиса и уговорился, где и как повидать мистера Гарли. У меня нет для вас никаких новостей. Говорят, что взят Эр[214], хотя утренние сообщения из Уайтхолла утверждают противоположное; было бы совсем неплохо, если бы это оказалось правдой. Обедал с мистером Аддисоном и Диком Стюартом[215], братом лорда Маунтджоя; угощал Аддисон. Они были сильно под хмельком, а я — ничуть, потому что разбавлял вино водой и примерно в половине десятого оставил их вдвоем; мне придется отправить это письмо с ночным сторожем, что весьма меня беспокоит, но откладывать больше не стану. Молю всевышнего, чтобы письмо не затерялось. Я редко прибегаю к услугам ночного сторожа, но никак не могу заставлять томиться в ожидании малюток *МД*. Пожалуйста, передайте миссис Брент сделанную мною приписку. Прошу не забывать, что я почтенный джентльмен, а вы, сударыня, — картежница и продулись в пух и в прах. Да, миссис Стелла, я все-таки вывел вас на чистую воду.

Я все дожидаюсь, когда можно будет, наконец, сложить это письмо,

жду, пока просохнет неуклюжее *Д* в предпоследней строчке. Видите его? О господи, как я ненавижу эти расставания с вами, право же, — но быть посему до следующего раза. Чума на это безобразное *Д*; пытаясь просушить его, я, кажется, все размажу.

Письмо VIII

Лондон, 31 октября 1710.

[*вторник*]

Итак, мои юные дамы, я только что отправил мое седьмое в ответ на ваше четвертое, а сейчас сообщу вам то, о чем не упомянул в предыдущем письме: нынче утром, сидя в постели, я почувствовал головокружение, примерно с минуту все в комнате плыло перед моими глазами, но потом это прошло, осталась только тошнота, не очень, правда, сильная; а день я провел, как уже рассказал вам; я не хотел сообщать вам об этом в конце письма, потому что вы стали бы тревожиться, а я уповаю на всевышнего и надеюсь, что больше такое не повторится. Я повидал нынче доктора Кокберна, и он обещал прислать пилюли, которые помогли мне в прошлом году, кроме того он обещал мне масло для уха: он изготовил его для другого пациента, страдающего тем же недугом.

1 ноября. Желаю *МД* веселого Нового года. Ведь у нас с вами он начинается именно сегодня[216]. У меня нынче не было головокружения, хотя я пил коньяк, за пинту которого уплатил два шиллинга. В ночь накануне головокружения я засиделся допоздна и очень много писал, чем, возможно, и объясняется мое недомогание. Я никогда не ем фруктов и не пью пива, пью вино только и притом много лучшее, нежели то, которое пьете вы, как, например, сегодня с мистером Аддисоном и лордом Маунтджоем. В пять часов я пошел повидать мистера Гарли, но он не смог меня принять из-за того, что у него собралось множество гостей, а посему послал свои извинения и попросил прийти отобедать с ним в пятницу; надеюсь, тогда я и получу какой-нибудь ответ по поводу моего дела, которое либо должно быть вскоре благополучно завершено, либо начато заново, и уж тогда герцог Ормонд и его приближенные не преминут вмешаться, чтобы поставить себе это в заслугу, и ничего, разумеется, не добьются. Около шести я возвратился домой и провел время у себя в комнате, решив не идти в кофейню, которая мне наскучила[217]. Воспользовавшись досугом, я немного поработал: сделал кое-какие наброски и записал пришедшие на ум мысли — примерно строк сорок[218], но читать не стал: боюсь, как бы малютки *МД* не рассердились, что Престо не печется о своем здоровье.

2. Вчера вечером я принял четыре пилюли, и они целый час стояли у меня в горле, то же самое я проделаю нынче вечером. Полагаю, что

проглотить четыре оскорбления мне было бы ничуть не труднее. Обедал с доктором Кокберном и в семь уже возвратился домой, а вечер провел в обществе мистера Форда, который только что ушел. Сейчас уже около одиннадцати. Голова сегодня не кружилась. Я имел честь видеть мистера Допинга[219], и он холодно сообщил мне, что мой «Дождь» все весьма одобряют — вот оно ваше ирландское мнение. Написал сегодня епископу Клогерскому. Нынче ровно две недели, как я получил от вас письмо. Вы должны писать мне раз в две недели, а я, конечно, буду учитывать попутный ветер и погоду. Как обстоят дела с ломбером? По-прежнему ли миссис Уоллс выигрывает? А миссис Стоит?[220] За все это время я ни разу ее не вспоминал; как она поживает? Похоже, что в Лондон вот-вот пожалует изрядная партия ирландцев, о чем я весьма сожалею. Впрочем, я всегда держусь от них подальше. Тай тоже изволил прибыть, а ват миссис Уэсли, говорят, собирается домой к своему благоверному, эдакая дуреха. Ну-с, маленькие мои мартышки, мне пора засесть за работу, а посему спокойной вам ночи.

3. Мне, как видно, необходимо под конец перечитывать свои письма; посмотрев написанное до этого места, я обнаружил две или три грамматические ошибки, а при таком скверном почерке их уж во всяком случае делать не следует. Надеюсь, однако, что мои ошибки не помешают крошке Дингли все разобрать, ведь я, не правда ли, стал писать лучше: хотя, когда я пишу разборчиво, мне, сам уж не знаю почему, начинает казаться, что мы не одни и что все, кому не лень, могут за нами подглядывать. А у небрежных каракулей вид такой укромный, словно *ПМД*[221] от всех уединились. «Тэтлеры» в последнее время из рук вон плохи, так что, пожалуйста, не думайте, что я к ним хоть сколько-нибудь причастен[222]. У меня, правда, было два-три замысла, которые я намеревался послать Стилю, но тем и кончилось; впрочем, он и этого не заслуживает. Его дражайшая супруга самым постыднейшим образом помыкает им, словно… Я ни разу ее не видал с тех пор, как приехал сюда, и он ни разу меня не пригласил: то ли не осмеливается, то ли он такой же безмозглый, как Тиздал, и ему это просто в голову не приходит. Впрочем, какое мне дело, есть ли у него мозги? Я не знаю общества, докучнее этого господина, пока он не осушит хотя бы одну бутылку. Поскольку я не способен писать ровнее, лежа в постели, довольствуйтесь этим. — Вечером в постели. Погодите, дайте прежде взглянуть, где среди этих бумаг завалялось письмо к *МД*? Ах, вот оно! Что ж, продолжим его, хотя я очень занят (вы, конечно, заметили, что у меня новое перо?). Обедал с мистером

Гарли и снова приглашен к нему на воскресенье. Итак, мне позволено, наконец, написать примасу и архиепископу Дублинскому, что королева даровала первины, но они не должны этого разглашать, пока, согласно ее приказу, государственным секретарем лордом Дартмутом не будет отправлено в Ирландию письмо, подтверждающее решение королевы. Епископам надо будет тогда назначить особый совет для распределения доходов и пр.; завтра я напишу обо всем архиепископу Дублинскому (сегодня головокружений не было). Не знаю, возникнет ли у ториев какая-нибудь надобность в моем дальнейшем пребывании здесь, я не могу об атом судить, пока не увижу, какое именно письмо королева посылает епископам и что они в связи с этим предпримут. Если письмо будет отправлено с курьером, то все может быть окончено в шесть недель, однако как они в данном случае поступят, сказать не могу. Я удостоился получить сегодня из Ирландии новые полномочия, подписанные примасом и архиепископом Дублинским, вместе с обещанием написать находящимся здесь двум архиепископам, но мне теперь на все это… Дело уже решено и притом еще десять дней тому назад, хотя мне позволили сообщить об этом только сегодня. А еще я получил письмо от епископа Клогерского, который жалуется, что я ему не пишу, в то время как вы, насколько ему известно, — это-то меня и разозлило — каждую неделю получаете от меня длинные письма. Зачем вы ему сказали? Право же, это нехорошо; однако я не стану ссориться с *МД* заочно. Я написал ему с последней почтой, еще до получения его письма, и вскоре опять напишу, поскольку он, как я вижу, ждет этого; я весьма обязан лорду и леди Маунтджой, которые навязали его мне[223], чтобы избавить себя от хлопот. И, наконец, сегодня прибыло еще одно письмецо от неких легкомысленных плутовок, прозывающихся *МД*, и это было письмо № 5, на которое я нынче вечером отвечать не стану. Благодарю вас за него. Да нет, мне сейчас и впрямь необходимо спешно кое-что состряпать; но завтра или послезавтра у меня будет достаточно времени. Поручения *МД* я вписал в памятный листок. По-моему, я уже их почти все выполнил, и на сегодняшний день осталось только приобрести увеличительные стекла, очки и футляры для них. От Стеллы у меня не было никаких поручений, кроме двух — насчет шоколада и носовых платков, — а это все уже куплено и, надеюсь, вскоре будет отправлено. Я заходил сам и дважды или трижды посылал справиться о мистере Стерне, но его не заставали дома. Дурная моя голова, на что я трачу время? Ведь мне надобно сейчас написать кое-что поважнее и заниматься делом.

4. Обедал в Кенсингтоне с Аддисоном и Стилем и, возвратясь оттуда, написал краткое письмо архиепископу Дублинскому, дабы уведомить его о

том, что королева даровала просимое. Писал я в кофейне, поскольку до девяти пробыл в Кенсингтоне и чертовски устал, потому что полковник Прауд[224] несносный собеседник и я никогда больше не соглашусь обедать в его обществе; к тому же я пил пунш и это, не говоря уже о скверной компании, разгорячило меня.

5. От обеда до семи вечера я пробыл у мистера Гарли, а потом пошел в кофейню, где доктор Дэвенант[225] уговорил было меня и доктора Чемберлена[226] зайти к нему домой неподалеку и распить бутылку вина, но щенок до того болтлив, что я убоялся его общества, и, хотя в восемь мы обещали прийти, я отправил к нему посыльного сказать, что Чемберлена будто бы вызвали к пациенту, и посему мы отложим свой визит до другого раза; в конце концов сэр Мэтью Дадли склонил Чемберлена, смотрителя придворных служб[227] и меня пойти к нему, где я и пробыл до двенадцати. Дэвенант все пристает ко мне с просьбой посмотреть его писания, которые он собирается напечатать, но мошенник такого высокого мнения о своих поделках, что, как я слыхал, не поступится ни единой буквой; он обнародовал недавно глупейший памфлет под названием «Одна треть Тома Двуликого», чтобы подольститься к ториям, которым он в свое время изменил.

6. Сегодня я забрел в Сити, чтобы повидать Пэтти Ролт, она собирается в Кингстон, где теперь живет, но, сказать по правде, я это сделал больше ради моциона, да еще поскольку вышло так, что я никуда не был зван, хотя вообще-то меня сейчас приглашают на обеды вдесятеро чаще, нежели обычно, или нежели когда-нибудь в Дублине. На ваше письмо я пока отвечать не стану, потому что очень занят. Надеюсь отправить свое раньше, чем получу еще одно от *МД*. Ведь было бы очень обидно отвечать на два письма сразу, как нередко приходится малюткам *МД*, Но коль скоро обе стороны листа исписаны, письмо непременно должно быть отправлено, это уж наверняка, хочешь не хочешь; а произойдет это, должно быть, дня через три, потому что в тот вечер я буду писать вам ответ, а это, как вам известно, самая длинная часть письма.

7. Обедал у сэра Ричарда Темпла с Конгривом, Ванбру[228], генерал-лейтенантом Фарингтоном[229] и др. Я, кажется, уже говорил вам, что у меня с Ванбру была длительная размолвка из-за известных вам стихов о доме, который он себе воздвиг; однако мы оба держались весьма учтиво, хотя и холодно. Вообще-то он малый довольно добродушный, но леди Мальборо[230] имела обыкновение поддразнивать его этими стихами, и это чрезвычайно его сердило. Сегодня день Благодарения[231], и я был при

дворе, где королева прошла мимо нас, окруженная одними ториями. Ни одного вига! Бакингем[232], Рочестер[233], Лидс[234], Шрусбери, Беркли из Стрэттона, лорд хранитель печати Харкур, мистер Гарли, лорд Пемброк и пр., а ведь еще совсем недавно я не видел в ее свите ни единого тория. Королева сделала мне реверанс[235] и, не чинясь, осведомилась у Престо: «Как поживают *МД*?» Но, разумеется, королева заслуживает снисхождения, а посему я извинил такую фамильярность. Впрочем, не могу сказать, что мне так уж недостает при дворе вигов, у меня там теперь и без них знакомых не меньше, чем прежде.

8. Боже правый, сколько у меня хлопот. Я должен сейчас ответить на пятое письмо *МД*, но сперва позвольте вас уведомить, что я обедал сегодня у нашего посла в Португалии[236] вместе с Аддисоном, Ванбру, адмиралом Уэджером[237], сэром Ричардом Темплом, Мэтьюэном и др. Утомясь их обществом, я в пять часов неприметно удалился и как пай-мальчик возвратился домой, велел затопить камин и трудился до десяти. О-ох! а теперь я уже в постели. В моей спальне нет камина, но когда лежишь под одеялом, погода всегда жаркая. Ваш прелестный ночной колпак, мадам Дингли, маловат для меня и к тому же он слишком теплый; я, пожалуй, спорю с него мех и отдам немного расставить; мой старый бархатный колпак приказал долго жить. Что у вас там под мехом? бархат? я щупал, но что-то никак не мог определить; если это бархат, то достаточно спороть мех, в противном случае ваш колпак придется заново обтянуть и значит предстоит покупать бархат; впрочем, возможно, мне удастся просто выклянчить кусок. Как же мне быть? Ну да ладно, обратимся пока к письму плутовок *МД*. Хвала всевышнему, что у Стеллы лучше с глазками, и, даст бог, так будет и впредь, но, право же, вы слишком много пишете в один присест: лучше писать поменьше или столько же, но за десять вечеров. Ведь, что ни говори, а длинное письмо от дорогого друга дорогого стоит. Я раскусил ваш комплимент, злонамеренные девчонки, я раскусил его. Но я хотел бы знать, кто такие эти «вигги», которые считают, что я превратился в тория? Быть может, вы имеете в виду вигов? Но какие именно «вигги» и что вы имеете в виду? О Раймонде я ничего не слыхал, имел от него только одно письмо вскоре после моего приезда сюда. (Пожалуйста, не забудьте о Моргане.) Раймонд, судя по всему, намерен оказывать на меня в Лондоне большое влияние и занимать меня разговорами. Что ж, я всенепременно представлю его мистеру Гарли, а также лорду хранителю печати и государственному секретарю[238]. «Тэтлер», посвященный Мильтонову копью[239], написан не мной, мадам. Какой там еще возник разлад между

вами и вашим здравым смыслом? Разумеется, кое в чем вы можете не сомневаться: скажем, насчет очерка об упадке слога я вам говорил не раз[240]; вообще же угадывать, кто что написал, это по моей части, и уж тут я готов тягаться с кем угодно, была бы охота. Да что там, во время моего последнего пребывания в Лондоне[241] я сочинил памфлет, который вы и тысячи вам подобных читали, но так и не сумели догадаться, что он принадлежит мне. Смогли бы вы, например, догадаться, что «Дождь в городе» написал я? Как получилось, что вы его не прочитали до того, как отправили свое последнее письмо? Впрочем, возможно, что у вас в Ирландии его считают просто недостойным упоминания. Никто также не подозревает меня и в сочинении стихотворной сатиры; один только Гарли сказал, что заподозрил меня (не знаю, говорил ли я вам об этом раньше?), и еще кое-кто был в это посвящен. Он называется «Жезл Сида Хамита». Кроме того, я сочинил еще несколько вещей, о которых я слышал весьма одобрительные отзывы, и при этом ни одна душа не догадывается, что я к ним причастен. Думаю, что и вам это будет не под силу, пока мы с вами не увидимся. Что вы подразумеваете под словами: «особы, которые столуются неподалеку от меня и с которыми я время от времени обедаю»[242]? Я не знаю никаких таких особ и не имею обыкновения обедать с пансионерами. Что за чертовщина! Ведь вам прекрасно известно, с кем я каждый день обедал с тех пор, как расстался с вами, и, может быть, даже лучше, чем мне самому. Кого же вы, сударыня, в таком случае имеете в виду? Господи, да моя болезнь вот уже почти два месяца как прошла. Бесстыдницы, если вы будете мне досаждать, то я сниму квартиру ценой в десять шиллингов в неделю, поскольку из этой меня почти выкурили с помощью сточной канавы, что, впрочем, очень помогло мне, когда я сочинял «Дождь»[243]. Так, мадам Дингли, что вы имеет сообщить? что там должно было выйти в свет? Какая-то баллада? Полно вам, в ней нет ровно ничего заслуживающего внимания; потерпите немного, пока я не возвращусь, уверяю вас, терпение — тоже вещь достаточно занимательная. Об отъезде лорда Маунтджоя в Ирландию мне ничего не известно. Когда день рождения Стеллы?[244] В марте? Сохрани господь, моя очередь читать проповедь в Крайстчерч?[245] Впрочем, это так естественно, что вы пишете мне об этом. Ведь, если не ошибаюсь, вы уже извещали меня раз сто, уж очень это свежо в моей памяти. Церковный служка приходил к вам? А почему, собственно, к вам? Уж не хочет ли декан, чтобы вы прочли проповедь вместо меня? Ох, чума на вашу латынь! Johnsonibus atque [А также и Джонсон *(лат.)*.] — вот как следует, писать. Как это декан

ухитрился угадать имя? Не иначе, как вы меня выдали. Кто же еще? Не я же сам; но так и быть, я не проломлю ему голову. Ваша матушка, надо полагать, все еще в деревне, потому что она обещала повидаться со мной по своем возвращении в Лондон. Четыре дня назад я написал ей и попросил закинуть удочку в разговоре с леди Джиффард, чтобы она купила для вас на какую-то сумму банковских акций, потому что бумаги упали к тому времени на тридцать процентов. Если бы господу было угодно, чтобы мои деньги были при мне, я заработал бы сто фунтов и получал бы такую же прибыль, как и в Ирландии, но только гораздо более надежную. Я охотно одолжил бы триста фунтов, но из-за падения акций здесь теперь так худо с деньгами, что не у кого занять. Теперь они поднимаются в цене, как я и предвидел; они было упали со ста двадцати девяти до девяносто шести. Нет, я ничего с тех пор от вашей матушки не получал. Неужто вы думаете, я настолько неучтив, что способен отказаться повидать ее? И не потому ли вы просите меня таким жалостливым тоном? Вот как, выходит миссис Раймонд беременна; весьма об этом сожалею, и ее муж, я полагаю, тоже. Мистер Гарли осыпает меня всеми мыслимыми любезными словами, и, останься я здесь, он, я думаю, оказал бы мне услугу, но я рассчитываю, что со временем герцог Ормонд даст мне все же что-нибудь впридачу к Ларакору. Какие у вигов основания считать, будто я уехал в Англию, чтобы порвать с ними? Разве мой отъезд был тайным? Я чистосердечно утверждаю, и декан может вам это подтвердить, что делал все возможное, дабы избежать разрыва, хотя теперь нисколько об этом не сожалею. Но какого дьявола мне беспокоиться о том, что они думают? Разве я хоть в малейшей степени кому-нибудь из них обязан? Пропади они пропадом, псы неблагодарные. Они еще у меня пожалеют о своем поведении, прежде чем я уеду отсюда. Хотя здесь о моем разрыве с вигами говорят то же самое, однако же признают, что нельзя винить в этом меня, если принять в соображение, как они со мной обошлись. Я позабочусь о ваших очках, как уже говорил вам прежде, и об очках для епископа Киллалайского тоже, но писать ему не стану — нет времени. Что вы имеете в виду под моим четвертым, мадам Dinglibus? Разве Стелла вам не сказала, что вы уже получили от меня пятое, сударыня Путаница? Вы меня даже напугали, пока я не отыскал в начале вашего письма упоминание Стеллы об этом. Ну что ж, пожалуй, для одного вечера достаточно. (Прошу вас, передайте от меня нижайший поклон миссис Стоит и ее сестре, как ее там, Кэт или Сара? Право, я запамятовал ее имя.) Возможно, что я (да, и еще миссис Уоллс и ее архидиакону) даже отправлю это письмо завтра; впрочем, нет, ведь это будет только десятый день после предыдущего. Я задержу его до

субботы, хотя продолжать не стану. А что, если тем временем придет новое письмо от *МД*? Что ж, в таком случае я скажу только: «Мадам, я получил ваше шестое письмо, ваш покорнейший слуга Престо», и дело с концом. Так, а теперь я попишу и поразмышляю, а потом заберусь в постель и помечтаю немного о *МД*.

9. У меня был полон рот воды и я пошел сплюнуть, почему-то убедив себя, что не в состоянии буду писать с полным ртом. Не доводилось ли и вам проделывать нечто подобное из-за того только, что по первом размышлении вы судили ошибочно? Так-с, нынче утром я наведался к мистеру Льюису, и он объявил мне, что через несколько дней мне предстоит отобедать с государственным секретарем мистером Сент-Джоном; тем временем мне надобно как-нибудь улучить момент и еще раз повидать в ближайшие дни мистера Гарли, дабы ускорить прохождение моего дела у королевы. Обедал у лорда Маунтрэта с лордом Маунтджоем и др., но вино было скверное; поэтому я предпочел пораньше удалиться и до семи просидел в кофейне, после чего возвратился домой к камельку (вторая половина моего бушеля уже утратила свою девственность) и в одиннадцать, как обычно, улегся спать. В комнате сейчас жарко до чрезвычайности, и все-таки я боюсь простудиться из-за сырой погоды, особенно если буду сидеть по вечерам в своей комнате, возвратясь из какого-нибудь жарко натопленного помещения. Мне приходится самому о себе заботиться, ведь здесь нет хлопотуний *МД*, а у меня по горло всяких дел, куча писанины и пр. и мне сейчас не до хождений по кофейням, но все это даже к лучшему, потому что лишает меня возможности рассказывать вам снова и снова одно и то Же, как это в обычае у глупцов; но Престо, право же, умнее многих прочих, позвольте вам это заметить, благородные дамы. Вот видите, я уже перебрался на третью страницу; не воображайте только, что я возьму себе это за правило; рано утром, до того как письмо будет закончено, непременно расскажу вам еще что-нибудь, а отправлю его в субботу; так что мне надобно оставить местечко на завтра; вернее, на завтра и на послезавтра.

10. О господи, до чего же мне хочется, чтобы вы непременно получили это письмо: ежели оно затеряется, сколько дней из жизни Престо будет утрачено? Ну что за пустомеля! вчера я забыл в предпоследней строке оставить место для печати; однако я заслуживаю снисхождения, ведь я писал уже ночью (Доброй вам ночи!). Поверите ли, когда я с вами прощаюсь, то не могу оставить и полстроки незаполненной; впрочем, печать, я полагаю, была бы там неуместна. Обедал у леди Люси, где от моего «Дождя» не оставили камня на камне и впридачу объявили, что «Сид

Хамит» глупейшая поэма из всех, когда-либо ими читанных. Они уже доложили об этом Прайору, коего считают автором. Не удивляет ли вас, почему я никогда прежде там не обедал? Просто я слишком занят, а они живут слишком далеко, и, кроме того, я уже не испытываю к женщинам такой любви, как прежде. (Ведь *МД*, да будет вам известно, не принадлежат к женскому полу.) Ужинал у Аддисона с Гартом, Стилем и мистером Допингом и пришел домой поздно. Льюис прислал мне записку, в коей приглашает отобедать в одной компании, которая, как он надеется, придется мне по душе. Судя по всему, приглашение исходит от государственного секретаря мистера Сент-Джона. Только что получил письмо от Раймонда, который сейчас в Бристоле, но через две недели будет в Лондоне, а жену оставит там; он просит приискать ему любую квартиру в доме, где я живу, но только этому не бывать. Ума не приложу, что мне с ним делать в Лондоне; можете не сомневаться, никому из моих знакомых представлять я его не собираюсь, так что ему придется вести скромную жизнь, как и подобает священнику и к тому же человеку, никому здесь не известному. Уже зааа полллночь.[246] А посему, доброй вам ночи. Ох! совсем забыл сказать, что Джемми Ли прибыл в Лондон; он говорит, что привез вещи Дингли и при первом удобном случае отправит их вам. Моя посылка, как я слышал, до сих пор не отправлена. Ли уедет в Ирландию примерно через месяц. Завтра я не смогу вам написать из-за… чего? Ах, да, из-за архиепископа, и оттого, что рано запечатаю это письмо, и еще оттого, что с обеда и до вечера буду в гостях; словом, из-за великого множества причин и все-таки утром я черкну два-три словечка, дабы дневник мой не прерывался, а вечером непременно начну девятое.

11. Утром, при свече. Вам следует знать, что по утрам между шестью и семью я щеголяю в халате и Патрику приходится по меньшей мере раз пятьдесят упрашивать меня прежде чем я этот халат надену. А теперь я прощаюсь с моими миленькими *МД* в этом письме, а новое начну вечером, когда вернусь домой. Господь всемогущий да благословит и сохранит драгоценнейших *МД*. Прощайте.

До чего длинное письмо получилось, прямо как проповедь.

Письмо IX

Лондон, 11 ноября 1710.

[*суббота*]

Я был приглашен сегодня на обед к государственному секретарю мистеру Сент-Джону[247]. Перед обедом к нам зашел мистер Гарли и принес мне свои извинения за то, что он не обедает с нами, объяснив, что ему совершенно необходимо принять сейчас людей, пришедших предложить правительству денежную ссуду. Кроме нас двоих присутствовали только мистер Льюис и доктор Фрейнд[248] (тот самый, что написал «Отчет о военных действиях лорда Питерборо в Испании»). Я пробыл с ними до позднего вечера и ушел в одиннадцатом часу, а посему мне пришлось и восьмое письмо отдать ночному сторожу, что я и сделал собственноручно. Но это все же лучше, чем попросту задержать его до следующей почты. Мистер Сент-Джон был со мной учтив сверх всякой меры. Когда после обеда пришел Прайор, так он (государственный секретарь) сказал по какому-то случаю, что самое лучшее из всего когда-либо им читанного написано не Прайором, а доктором Свифтом по поводу Ванбру, хотя я, признаться, отнюдь не считаю, что эти мои стихи так уж хороши. Прайор, однако, был этим весьма обескуражен, пока я не ободрил его, ввернув пару комплиментов. Я вспоминаю, сколько почтения внушал нам, бывало, сэр Уильям Темпл и все потому, что он мог бы, если бы пожелал, стать государственным секретарем в пятьдесят лет, тогда как мистер Сент-Джон занимает эту должность будучи совсем молодым человеком, едва достигшим тридцати[249]. Его отец — любитель пожить в свое удовольствие, из тех, что имеют обыкновение прогуливаться по Мел и наведываться в Сент-Джеймскую кофейню и модные кондитерские, в то время как молодой сын — первый государственный секретарь. Не находите ли вы, что это весьма необычный случай? Он сказал мне, между прочим, будто мистер Гарли жаловался, что ничего не мог от меня утаить, настолько я оказался способен проникать в его мысли. Я, конечно, прекрасно понял, что все это не более чем изысканная любезность, и так и сказал господину секретарю, да собственно так оно и было, и все же сколь тяжело сознавать, что в то время как знатные особы обращаются со мной, как с человеком, который явно их превосходит, ваши ирландские щенки едва удостаивают меня внимания. Однако для такого обхождения есть свои причины, о коих я расскажу вам при встрече. Придя домой, я увидел

письмо от вашей матушки; это ответ на мое, отправленное двумя днями раньше. Судя по всему, она в Лондоне, но не может по утрам отлучаться, как вы верно заметили в письме, между тем, бог весть, когда у меня будет досуг днем; а ведь, если я отправлю ей записку с пенни-почтой, а потом не смогу с нею встретиться, это будет чрезвычайно досадно, к тому же и дни сейчас короткие. Одного я никак не возьму в толк — почему она не может уйти из дому рано утром, до того, как в ней есть нужда. Я посоветую ей сказать леди Джиффард, что я, как она слыхала, нахожусь в Лондоне и ей хотелось бы повидать меня, чтобы расспросить о вас. Удивляюсь, что она так себя стеснила в угоду прихотям этой старой бестии. Вы знаете, что чувство собственного достоинства не позволяет мне видеться с леди Джкффард и, следовательно, я не могу прийти в ее дом. Ну вот, полагаю, и достаточно для начала.

12. Как вы ухитряетесь писать на такой тонкой бумаге? (Я забыл сказать вам об этом в предыдущем письме). Разве нельзя раздобыть чуть плотнее? Ведь существует общеизвестное правило, которое учителя правописания внушают своим питомцам; вы должно быть сто раз слышали его. Вот оно:

Если на тонкой бумаге писать,
Чернила на ней поплывут, как пить дать;
А вот на плотной — хоть тростью пиши,
Ей ни чернила, ни черт не страшны.[250]

Нынче я получил письмо от злополучной миссис Лонг, описавшей мне свою теперешнюю жизнь, в полной безвестности, в глухом провинциальном городишке; она, правда, уверяет, что при всем том у нее очень спокойно на душе. Бедняжка! Это такая же перемена в жизни, как если бы Престо насильно разлучили с *МД* и принудили наслаждаться обществом миссис Раймонд. Обедал нынче с мистером Фордом, мистером Ричардом Левинджем[251] и др. там, где они обычно столуются: это неподалеку отсюда. Признаться, я несколько устал и довольно скверно себя чувствую, оттого что вчера так поздно засиделся в гостях. Весь вечер был очень занят, сидел дома и писал и посему затопил камин (купленного мной угля едва ли надолго хватит), а сейчас лежу в постели и уже поздно.

13. Пообедав нынче в Сити, я отправился после этого крестить чадо Уилла Фрэнкленда, а одной из крестных была леди Фолконбридж[252]: это дочь Оливера Кромвеля, и она необыкновенно похожа на его изображения,

по крайней мере те, что я видел. Я пробыл у них почти до одиннадцати, а теперь пришел домой и улегся в постель. В Сити я отправился, чтобы поблагодарить Стрэтфорда за любезность, которую он мне оказал и о которой я вам сейчас расскажу. Прослышав, что акции Английского банка упали на тридцать четыре процента, я очень захотел купить их, однако упустил подходящий момент, когда они были дешевле всего, будучи отвлечен всякими своими здешними делами. Представьте себе, я оказался настолько дальновиден, что угадал, как долго они будут падать, с точностью до одного дня. План мой был таков: у меня в Ирландии есть триста фунтов наличными, и вот я написал мистеру Стрэтфорду в Сити, чтобы он купил мне акций Английского банка на триста фунтов и оставил их у себя, я же обязуюсь вернуть ему их стоимость и попытаю счастья, а тем временем буду выплачивать ему проценты. Я показал это письмо кое-кому из моих знакомых, знающих толк в такого рода делах, и они сказали, что сейчас очень трудно разжиться деньгами и ни одна живая душа не согласится ссудить их мне. Однако же Стрэтфорд, великодушнейший из людей[253], это сделал; правда, за ценные бумаги на сумму в сто фунтов пришлось уплатить сто фунтов с половиной, то есть доплатить еще десять шиллингов, так что акции на триста фунтов обошлись мне в триста фунтов и тридцать шиллингов. Это было сделано неделю тому назад, и я уже заработал пять фунтов. До того, как они упали, они стоили сто тридцать фунтов, и мы убеждены, что они вновь поднимутся до этой цены. Я уже говорил вам, что написал вашей матушке с тем, чтобы она попросила леди Джиффард сделать то же самое с принадлежащими вам деньгами, однако та ответила, что у нее сейчас нет наличных. Видит бог, до чего мне хотелось бы, чтобы все имеющиеся у вас деньги были вложены в эти акции. Когда бы вы ни ссужали деньги, положите себе за правило, чтобы за должника непременно поручались двое и чтобы оба они имели приличное состояние, ведь они едва ли умрут в одночасье, а ежели один из них умрет, вы накинетесь на второго и заставите его поручиться и за долю первого; одним словом, как только Рэтборн[254] (теперь я знаю, как его зовут) возвратит вам ваши деньги, тотчас сообщите мне, и я дам Парвисолу соответствующие распоряжения; он будет обо всем осведомлен и сделает все, что нужно. Ну, мои дамы, для одного вечера, пожалуй, о делах достаточно. Уже заааааа полллночь. Мне остается только добавить, что после затяжного приступа дождливой погоды у нас было два или три погожих дня, а сегодня стало холодно и даже морозно; так что вам придется позволить бедному маленькому Престо топить в своей комнате

утром и вечером, а он ответит вам тем же.

14. Послушайте, уж не спятил ли ваш канцлер подобно Уиллу Кроу?[255] Я забыл сказать Дингли, что был вчера на Ладгейт и заказал там в большой лавке очки и через день-два получу их. Нынешний день прошел очень уныло. Пообедал у миссис Ваномри и степенно прошествовал домой, заглянув перед тем в кофейню. Говорят, будто сэр Ричард Кокс[256] нисколько не сомневается, что он отправится отсюда лордом-канцлером, а ведь другого такого хлыща свет не видывал, но что поделаешь, у герцога Ормонда природная склонность к таким молодчикам, и это весьма и весьма досадно, поскольку сам он не из их числа. До сего часа я развлекался, сидя дома, а теперь ложусь спать и желаю вам доброй ночи.

15. Утром отправился с визитами, но никого не застал дома, ни секретаря Сент-Джона, ни сэра Томаса Ханмера[257], ни сэра канцлера Вертопраха[258] и пр. Потом в числе других пятидесяти ирландских джентльменов я сопровождал герцога Ормонда в Скиннерз-холл[259], где Общество Лондондерри[260] выложило триста фунтов, чтобы попотчевать нас и его светлость обедом. Нас ожидали три огромных стола, ломившиеся от яств. Сэр Ричард Левиндж и я благоразумно уселись за вторым столом, дабы избежать толчеи за первым, но было так холодно и к тому же трубы и гобои так досаждали своим ревом, что все это мне быстро надоело, и я незаметно улизнул еще до того, как принесли вторую перемену, а посему никакого отчета о пиршестве представить вам не могу, о чем бесконечно сожалею. Я заказал на Ладгейт очки для Дингли и получу их дня через два; а что касается микроскопа, то, боюсь, он обойдется мне в тридцать шиллингов, а посему я выложу эти деньги не иначе как с позволения Стеллы, ведь она, как мне помнится, любительница редкостей. Покупать его или нет? Он не слишком громоздкий, однако же и не обычный маленький, которые пригодны лишь на то, чтобы (простите за вольность) насадить вошь на кончик иглы, но зато куда более точный и позволяет значительно отчетливей все разглядеть. Со всеми полагающимися принадлежностями он умещается в небольшом ящичке, который вы сможете носить в кармане. Так что ответьте мне, сударыня, покупать его для вас или нет? Я пришел домой прямо из лавки.

16. Обедал нынче в Сити с мистером Мэнли, пригласившим мистера Аддисона, меня и еще нескольких друзей к себе на квартиру, где он принимал нас на широкую ногу. Ушел оттуда с мистером Аддисоном и до девяти болтался в кофейне, где меня уже мало кто узнает, оттого что я очень редко там бываю. Я хлопочу здесь за Траунса, вы его знаете: он был

артиллеристом в прежней команде корабля лорда-лейтенанта и охотно остался бы в новой. Помните ли вы его? Славный, румяный здоровяк. Любопытно, стану ли я дожидаться следующего письма от *МД* или запечатаю это раньше? С мистером Аддисоном я встречаюсь теперь немного реже, чем бывало, хотя в глубине души мы остались такими же добрыми друзьями и лишь слегка расходимся в своих суждениях насчет обеих партий.

17. Ходил сегодня в канцелярию государственного секретаря к мистеру Льюису и встретил там мистера Гарли, который обещал в ближайшие несколько дней завершить мое дело. Пожурив его за то, что он ставит меня перед необходимостью напоминать ему, я начал над ним подшучивать, что он воспринял должным образом. Обедал у некоего мистера Гора[261], старшего брата одного знакомого мне негоцианта, в обществе Стрэтфорда и других моих приятелей купцов. Мы просидели допоздна, попивая кларет и бургундское, и я только-только улегся в постель, а посему ничего больше не стану вам говорить, кроме того, что уже подошло время получить письмо от моих маленьких *МД*, ведь последнее я получил более двух недель тому назад и к тому же оно было написано давным-давно.

18. Обедал вместе с Льюисом и Прайором в таверне, но Льюис принес с собой вино. Потом Льюис ушел, а мы с Прайором посидели еще час или два и каждый превозносил остроумие и поэтический дар собеседника. Когда я в седьмом часу возвращался домой, меня остановил на Пел-Мел незнакомый джентльмен и попросил моего совета, сказав, что ему непременно надобно увидеть королеву (которая только что возвратилась в город), однако слуги никак не пропускают его к ней, что в его распоряжении имеется двести тысяч человек, готовых служить ей своим оружием; что он очень хорошо с нею знаком и у него даже были при дворе свои апартаменты, и если бы она знала, что он находится здесь, то сей же миг послала за ним; что она задолжала ему двести тысяч фунтов и пр. и пр., а посему он желал бы услышать мое мнение, следует ли ему еще раз попытаться увидеться с ней, или, поскольку она, возможно, устала с дороги, отложить это лучше на завтра. Желая избавиться от назойливого болтуна, я стал горячо убеждать его, не мешкая пойти и добиться свидания с королевой, потому что она, конечно же, примет его, ведь у него дело чрезвычайной важности, которое не терпит отлагательства; я попросил его известить меня об успехе его предприятия, пообещав, что буду ожидать его до полуночи в кофейне «Смирна», на чем и закончилось это приключение. Я даже готов был дать ему полкроны, однако побоялся, что он будет

оскорблен таким предложением, ведь помимо названной им суммы у него еще тысяча фунтов годового дохода. Домой я возвратился довольно поздно и желаю обеим дамам спокойной ночи.

19. Обедал с беднягой лордом Маунтджоем, которого донимает подагра, а вечером крестил отпрыска хозяина нашей кофейни Эллиота[262]; этот прощелыга дал потом превосходнейший ужин, и мы вместе со Стилем сидели за чашей пунша в довольно-таки гнусной компании, так что домой, мои юные дамы, я добрался очень поздно и не в силах дольше писать моим маленьким плутовкам.

20. Полдня слонялся по комнатам, а обедал с сэром Эндрю Фаунтейном у него на квартире, после чего возвратился домой; дурацкий день.

21. Все утро делал визиты, а потом отправился в канцелярию секретаря и застал там мистера Гарли, с которым и пообедал; секретарь Сент-Джон и Гарли оба обещали в ближайшие несколько дней завершить оставшиеся формальности по моему делу. С нами был также Прайор, и завтра все мы будем обедать у секретаря. Нынче же утром я виделся с матушкой Стеллы: она пришла пораньше, и мы часок проговорили с ней. Я хочу, чтобы вы предложили леди Джиффард отдать вам находящиеся у нее триста фунтов с обязательством пожизненно выплачивать ей обычные проценты и кроме того найти поручителя. Епископ Клогерский или любой другой ваш приятель охотно поручатся за вас, если вы дадите им ответное поручительство. Можно также привести такой довод, что на случай ее кончины было бы предпочтительнее, чтобы деньги находились не у нее, а у вас. Ваша матушка говорит, что если вы напишете, то она со своей стороны попросит об этом тоже; вы даже можете просто написать матушке, а уж она все передаст. Она говорит, что леди Джиффард, судя по ее словам, была бы не прочь со мной повидаться; но я научил вашу матушку, как ей следует ответить этой особе, чтобы *побольнее ее уязвить*. Она предупредила леди Джиффард, что собирается со мной повидаться; выглядит она превосходно. Я пишу в постели, разлегшись, как тигр; ну, а теперь спокойной ночи.

22. Обедал у мистера Сент-Джона в обществе второго государственного секретаря лорда Дартмута, а также лорда Оррери[263], Прайора и др. Гарли тоже был зван, но он не мог обедать с нами, потому что сам ожидал гостей, и не прочь был увести меня с собой, однако его компания была мне не по вкусу. Мы просидели до восьми, а потом я наведался в кофейню просмотреть полученные там письма, но ни на одном

из них не было имени мистера Престо. В конце концов я увидел пакетец на имя мистера Аддисона, адрес на нем напоминал почерк одной знакомой плутовки, так что я заставил слугу отдать его мне, и, распечатав пакет на глазах у слуги, обнаружил там целых три письма, и все они были адресованы мистеру Престо; после чего я засунул их в карман и отправился домой. Ну-с, а сейчас вы все узнаете: так вот, одно из них было написано рукой Дингли, другое — Стеллы, а третье — Домвиля[264]. Ну вот, сейчас вы все узнаете. Что сие означает, сказал я про себя, неужто пришло сразу два письма от *МД*? Но чуяло мое сердце, здесь что-то не так. И вот я вскрыл одно и вскрыл второе и сейчас вы все узнаете: одно было от Уоллса, да-с, а вот второе действительно от моих дорогих *МД*; да-с, от них! О господи, так вы значит получили мое седьмое, но в таком случае, мои юные дамы, я должен отправить это письмо завтра же, иначе может произойти ужасный конфуз, право… — А вот отвечать на ваше новое письмо в этом я не стану: нет-нет, и не приставайте ко мне; вот еще, никогда ничего подобного не видывал. Передайте Уоллсу (с поклоном ему и его благоверной), что я в первый раз слышу, будто мистера Пратта собираются отстранить от должности, и еще скажите, что пока Пратт поддерживает хорошие отношения с Клементсом[265], ему ничто не грозит; кроме того, я уже уговорил лорда Гайда похлопотать за Пратта и еще за двадцать человек впридачу; если же это тем не менее случится, я постараюсь помочь по мере моих сил. У меня сейчас на руках еще добрый десяток дел других моих знакомых, в половине из них я скорее всего потерплю неудачу. Письмо, которое я от вас сейчас получил, — шестое по счету. Я снова написал с последней почтой епископу Клогерскому. Отправлю ли я это письмо завтра? Пожалуй, да, чтобы *МД* чувствовали себя в долгу передо мной. Что вы предпочитаете — короткое письмо еженедельно или длинное — раз в две недели? Длинное, что ж, быть по сему. Итак, спокойной вам ночи. Ну, а это письмо длинное? Готов поручиться, слишком длинное для таких дерзких девчонок.

23.[266] Я только хочу спросить: вы получили десять фунтов дважды или только один раз? Надеюсь, что два раза. Пожалуйста, будьте хорошими хозяйками, и еще прошу вас при малейшей возможности гулять ради здоровья. Держите ли вы лошадь в городе? И ездите ли когда-нибудь на ней? И как часто? Признавайтесь. Аххх, сударыня, вот я вас и вывел на чистую воду! Не можете ли вы передать как-нибудь миссис Фентон[267] нижеследующее: я постараюсь использовать все свое влияние, чтобы выполнить просьбу, с которой она ко мне обратилась в письме, хотя это

очень трудно и я весьма сомневаюсь в успехе. Коксу не бывать вашим канцлером, потому что все объединились против него. Ужинал вместе с Прайором, Льюисом и доктором Фрейндом у лорда Питерборо. Вот уж поистине другого такого отъявленного враля и мошенника не сыщешь в целом свете. Доктор Раймонд приехал в Лондон. Уже поздно, а посему желаю вам спокойной ночи.

24. Сейчас я поведаю вам одну занятную историю: Нэд Саутуэл рассказал мне на днях, что получил письмо от ирландских епископов с обращением к герцогу Ормонду, в котором они просят его похлопотать перед королевой об отмене первин. Я обедал с ним сегодня и видел это письмо вместе с другим, отправленным ему епископом Килдерским[268], с поручением запросить у меня бумаги и пр.; а я в свою очередь получил с последней почтой письмо от архиепископа Дублинского, изъясняющего мне причину этих действий. Он пишет, что таково было пожелание епископов, которые, услыхав о назначении герцога Ормонда лордом-лейтенантом, все собрались и весьма холодно говорили о том, что именно я являюсь ходатаем, поскольку я был в милости у другой партии, и пр.; вместе с тем они все же пожелали, чтобы я не оставлял свои хлопоты. Мудрость этого решения восхитительна, тем более, что как раз перед тем я уведомил архиепископа об оказанном мне мистером Гарли приеме и о том, что он уже говорил с королевой и обещал, что все будет сделано, но только не велел мне пока сообщать об этом ни одной живой душе. Несколько времени спустя мистер Гарли позволил мне известить примаса и архиепископа о том, что королева даровала первины и что в самом непродолжительном времени государственный секретарь лорд Дармут отправит в Ирландию официальное уведомление об этом. И таким образом получилось, что в то время, как их письмо было на пути к герцогу Ормонду и Саутуэлу, мое — с отчетом о том, что все уже сделано, шло к ним. Я тотчас же написал архиепископу довольно резкий ответ, в котором выказал свое возмущение действиями епископов, исключая его самого, но, разумеется, во вполне пристойных выражениях. Хотел бы я знать, что они скажут теперь, когда узнают, что все уже улажено. Мне пришлось вчера по этой причине уведомить Саутуэла, что королева уже все сделала, поскольку он стал обещать мне, что милорд непременно над этим поразмыслит, но только через несколько месяцев после отъезда в Ирландию. Однако герцог Ормонд, как известно, уже и прежде занимался этим целых три года и притом без всякого успеха. Я предоставляю вам теперь полную свободу сказать при случае, что все уже сделано и что королеву убедил даровать первины не кто иной, как мистер Гарли. Клянусь

жизнью, сам я презираю эту честь, потому что слишком горд, и не желаю, чтобы вы приписывали мне хотя бы малейшую заслугу, когда будете об этом говорить, но мне очень бы хотелось насолить епископам и широко разгласить, что добился этого именно мистер Гарли; пожалуйста, сделайте это. Ваша матушка прислала мне вчера вечером пачку восковых свечей и полную коробку пирожков со сливами. Я решил сперва, это в ней заключено нечто предназначающееся для вас, а посему, не заглянув в коробку, попросил принесшую ее служанку передать, что я позабочусь об отправке этих вещей вам, так что теперь мне нужно поблагодарить ее письменно. Не находите ли вы, сударыни, что письмо вышло несколько длинноватое? Надеюсь, на сей раз вы довольны? Нет, никаких приступов после первого у меня больше не было: я пью по утрам коньяк, а по вечерам глотаю пилюли. Не беспокойтесь, я не так уж задет поступком этих ничтожных епископов, хотя и был поначалу несколько рассержен. Я могу сказать вам заранее, какая награда меня ожидает: мистер Гарли сочтет, что оказал мне великую услугу, герцог Ормонд, возможно, решит, что я пренебрег его помощью, а ирландские епископы, — что я вовсе ничего не сделал. Так уж ведется в этом мире. Но я выше всей этой суеты, и, откуда им знать, может, у меня есть более веские причины. Но довольно, вы не услышите больше ни единого слова о первинах, герцогах, Гарли, архиепископах и Саутуэлах.

Я препоручил Раймонда заботам кое-кого из его соотечественников, чтобы они показали ему город, и ссудил ему Патрика. По вечерам он непременно желает сидеть со мной, а посему я строжайше наказал Патрику, что по вечерам меня нет дома.

Письмо X

Лондон, 25 ноября 1710.

[*суббота*]

Я скажу вам сейчас нечто донельзя глупое: в последнем письме, в записи от 23 числа я забыл упомянуть, где обедал, и поскольку постоянно перед вами отчитываюсь, то счел это большим упущением и решил вписать между строк, но в конце концов явная нелепость такой причуды заставила меня воскликнуть — тьфу! — и я оставил все как есть. Мне вздумалось сегодня пойти поглазеть на открытие сессии парламента, но я увидал только большую толпу; потом мы отправились с Фордом осмотреть гробницы в Вестминстере[269] и так долго там бродили, что я принужден был удовольствоваться обедом в трактире. Бромли[270] избран спикером nemine contradicente [единогласно *(лат.)*.] понимаете ли вы эти два слова? А Помпеи, чернокожий полковника Хилла[271], намерен стать спикером среди лакеев[272]. Меня просили употребить свое влияние и посодействовать ему, я уже беседовал с Патриком, чтобы заполучить для него несколько голосов. Все мы с нетерпением ожидаем речи королевы, в особенности того, что она скажет относительно отставки прошлого кабинета министров. Меня угораздило простудиться; понятия не имею, как это произошло, но тем не менее, я простужен и охрип; уж не знаю, то ли мне полегчает, то ли станет еще хуже. Но вам-то что до этого? Сегодня вечером я не намерен отвечать на ваше письмо, хочу еще немного продержать вас в неизвестности: ведь я все равно не могу его отправить. Пирожки вашей матушки просто объедение, и один такой пирожок служит мне вместо завтрака. А теперь я, как пай-мальчик, лягу спать.

26. У меня жестокая простуда, поэтому весь день я никуда не выходил и даже не снимал халата; пообедал чем пришлось на шесть пенни, читал, писал и велел никого не принимать. Несколько раз наведывался доктор Раймонд, но ему отказывали; наконец, когда мне это порядком наскучило, я позволил ему подняться и спросил без всяких околичностей, как именно Патрик его спроваживал и ловко ли он это делал? После такого он, я полагаю, смирится с тем, что его ко мне не допускают; в противном случае он стал бы постоянно мне мешать и докучать своим присутствием; он просидел у меня два часа, выпил пинту пива, стоившую мне пять пенсов, и все пыхтел своей трубкой, а сейчас уже двенадцатый час, и он только что

ушел. Итак, мои юные дамы, мое восьмое письмо уже у вас, а ваше седьмое ко мне находится где-нибудь в сумке почтальона. Что ж, а теперь отправляйтесь к своей шайке деканов, Стойтов и Уоллсов, и проигрывайте денежки, идите, бесстыдницы вы этакие, а засим доброй вам ночи, дорогие мои плутовки, и будьте счастливы. Ах да, чуть не забыл: ваша посылка передана Стерном доктору Хокшоу, и тот вам ее привезет, и очки, и все пр.

27. Сегодня мистер Гарли, встретив меня в суде справедливости[273], шепотом пригласил с ним отобедать. За обедом я рассказал ему о поступке епископов и нелепом положении, в котором я вследствие этого очутился. Он просил меня не тревожиться и обещал известить герцога Ормонда о том, что все уже сделано и ему незачем более этим заниматься. Так что я теперь вполне спокоен, а эта шайка гнусных неблагодарных негодяев пусть провалится в преисподнюю. Ведь я, кажется, уже рассказал вам в предыдущем письме, как епископы послали обращение к герцогу Ормонду и письмо Саутуэлу с просьбой запросить у меня все бумаги, и это после того, как дело было завершено; они, правда, к тому времени еще не получили моего письма, однако архиепископ мог уже на основании того, что я ему написал, ожидать благоприятного исхода. Но довольно, теперь с этим покончено, и в самом непродолжительном времени королева уведомит их о своем решении. Оно таким образом вступит в силу, и я стану тогда подумывать о возвращении восвояси, хотя из-за этих подлых епископов Ирландия будет мила мне меньше прежнего.

28. Лорд Галифакс пригласил меня на обед; я просидел у него до шести и перечил ему во всех его вигистских разглагольствованиях, нередко вынуждая соглашаться со мной. Насколько мне известно, он обхаживает теперь новых министров, хотя для вида и рассуждает как виг. Я получил нынче письмо от епископа Клогерского, однако уже писал ему недавно, что выполню все его поручения, касающиеся герцога Ормонда. Он уверяет, будто я просил его прочитать стихи под названием «Дрожь в Лондоне» и будто бы вы обе клялись ему, что у меня написано не «Дождь», а «Дрожь». Все вы лгунишки и жалкие щенки и не разбираете почерк Престо. Епископ решительно заблуждается в своих догадках относительно степени моего участия в «Тэтлере». — У меня на уме другие дела, куда более важные[274], и мне незачем что-либо предпринимать, чтобы свести знакомство с новыми министрами, которые считаются со мной несколько более, нежели ирландские епископы.

29. Ну, а теперь обратимся к вашему дерзкому, славному, драгоценнейшему письму: позвольте-ка взглянуть, о чем там речь? Ну что

ж, с ответом придется пока повременить. Дело в том, что я обедал нынче у Форда и рано возвратился домой; но он снова соблазнил меня зайти к нему распить бутылку вина, и я засиделся у него до двенадцати, так что доброй ночи. Я не в силах отвечать вам сейчас, плутовки.

30. Сегодня делал визиты, которыми долгое время пренебрегал, потом пообедал с миссис Бартон, потом болтался в кофейне до начала девятого, а потом до одиннадцати был занят, а сейчас, дерзкие девчонки, так и быть, примусь отвечать на ваше письмо; дайте только еще разок его перечесть. Свеча почти догорела, однако я, пожалуй, все же начну. — Ну что же вы, мистер Престо, довольно вам ходить вокруг да около. Что вы можете ответить на письмо *МД*? Да поторопитесь, и кончайте с вашими предисловиями… — Прежде всего я чрезвычайно рад, что вы так много гуляете; ваша матушка считает, что все ваши хвори — от недостатка моциона, и я держусь того же мнения. (К слову сказать, она приходила сюда вчера вечером, но меня не застала.) Надеюсь, вы, Стелла, не обманываете меня, когда пишете, что чувствуете себя теперь лучше, нежели в предыдущие три недели; потому что доктор Раймонд сказал мне вчера, будто бы Смит с Блайнд-Ки[275] говорил мистеру Ли, что оставил вас совершенно больной, и вообще наговорил ему такого, что едва не довел бедного Ли до слез, да и меня бы вконец расстроил, если бы ваше письмо не было помечено 11 числом сего месяца, а Смита я видел в Сити уже более двух недель тому назад, проезжая в карете. Пожалуйста, прошу вас, Стелла, не пишите, пока ваши глазки не будут совсем, совсем, совсем, совсем здоровы и пока вы не будете уверены, что это не причинит вам ни малейшего вреда. Или погодите, давайте сделаем так, вы, миссис Стелла, пишите свою часть в пять или шесть приемов, по кусочку в день, а потом пусть Дингли пишет все остальное, а потом Стелла в конце еще чуточку, дабы дать нам убедиться, что она помнит Престо, и в завершение присовокупите что-нибудь изысканное и приятное, как это делает ваш верный — примаверный слуга и пр. О господи, неужто Патрик обмолвился, будто я не приеду до весны? Каков наглец! Уж не посвящен ли он в мои тайные намерения? Нет уж, как говаривал лорд-мэр, нет уж, если бы я знал, что моей рубахе известны и т. д. Право же, я возвращусь, как только для меня будет хоть сколько-нибудь прилично возвратиться. Сказать по правде, я теперь отчасти связан с нынешним кабинетом министров кое-какими делами (о чем сообщаю вам по секрету), однако в недалеком будущем, как только мне удастся развязаться, я тотчас отсюда уеду, ибо надеюсь, что все необходимые формальности, связанные с первинами, будут вскоре улажены. Но, по правде сказать, нынешний

кабинет министров стоит перед нелегкой задачей, и они нуждаются во мне. Не исключено, конечно, что они окажутся такими же благодарными, как их предшественники; но согласно самым убедительным свидетельствам, какими я располагаю, они озабочены истинными интересами общества, и потому я рад содействовать им насколько это в моих силах. Но только бога ради никому ни слова… Ваш канцлер?[276] Отчего же, мадам, могу вас уведомить, что он уже две недели как отправился к праотцам. Право, я едва удержался, чтобы не заговорить об этом гнусном усопшем канцлере нашим ребячьим языком, как вы можете убедиться по кляксе. Пахать? Чтоб их чума пахала; они меня допашут до полного разорения. Так вы, стало быть, получили свои деньги, дважды по десять фунтов? Как это он решился уплатить вам вторично так скоро? Прошу вас, будьте хорошими хозяйками. — Ага, стало быть, и Джо тоже; отчего же, я получил недавно от Джо письмо, в котором он просит меня позаботиться об их несчастном городе[277], которому, как он говорит, грозит утрата былых вольностей. На что я попросил доктора Раймонда ответить ему следующее: их городишко так мерзко вел себя по отношению ко мне, так мало считался с моими советами и всегда был так раздираем внутренними распрями, что я не желаю больше иметь с ними дела, но что касается самого Джо, то я готов оказать ему любую услугу, какая только в моих силах. Пожалуйста, так ему и передайте, как только вам случится увидеть его, на случай, если Раймонд что-нибудь напутает или забудет. — Бедняжка миссис Уэсли. — К чему эти ызвинения[278] за то, что вас не было дома? Почему вы вообще должны сидеть дома, когда Стелла вполне здорова? — Так, теперь опять вступает миссис Стелла с ее милыми пустяками. Значит, вы в восторге от моего «Дождя»; а вот епископ Клогерский уверяет, будто он видел у меня кое-что в том же роде, но еще получше. Я полагаю, что он имеет в виду «Утро»[279], однако по мне оно и вполовину не столь удачное. Я жажду слышать именно ваши суждения, а не суждения вашей страны. Насколько это понравилось *МД*? и *все* ли им там понравилось? очень рад, что декан Болтон уплатил, наконец, двадцать фунтов. Почему это я не должен бранить епископа Клогерского за то, что он написал архиепископу Кэшельскому[280], вместо того, чтобы потрудиться сначала отправить письмо мне? От этого епископа будет столько же проку, как от…, потому что он не пользуется при дворе ни малейшим влиянием. Дрянь — да и вообще все они пустобрехи! Кроме шуток, я продырявлю вашу головенку, юная дама, чтобы вам неповадно было так мерзко подтрунивать над миссис Бартон. Несчастный грязнулькин, какое у вас тут слово? Признаться, вчера,

сидя у нее, я размышлял про себя, продырявит она их или нет, и мое воображение совсем разнуздалось. — Скажите мне, миссис Уоллс, в самом ли деле Стелла выигрывает, как она уверяет? — Ах, что вы, доктор, она только и знает, что проигрывать, да и возможно ли иначе, когда она играет так азартно. — Ну-ка, прочитайте, что здесь написано, и ответьте мне: разве вы после этого не бесстыжая и лживая девчонка? А теперь откройте-ка, пожалуйста, письмо Домвиля и, если у вас есть желание, объясните мне, что оно означает? Да, право, и с закрытыми глазами вы пишете весьма недурно; все получилось хорошо, кроме «в». Посмотрите, как это выходит у меня: «Мадам Стелла, я ваш покорнейший слуга». О, так ведь вместо того, чтобы писать на авось, нужно при этом поглядывать, не пошел ли ты вкривь и вкось, и если нет, продолжать в том же духе. Послушайте, как надо делать: надо держать глаза полузакрытыми, как если бы вы готовы были заснуть. Я попробовал сейчас написать таким манером две-три строки и убедился, что этого вполне достаточно, чтобы писать ровно. — Так, а теперь, мадам Дингли, я, помнится, просил вас передать мистеру Уоллсу, что в случае необходимости посодействую его приятелю[281], насколько это в моих силах; надеюсь, однако, что это не понадобится. Полагаю, у вас все же назначат выборы нового парламента[282], хотя меня нисколько не заботит, будет ли он лучше нынешнего или нет. Что касается «Тэтлера», то все ваши, сударыня, догадки на сей счет ошибочны. Я только подсказал ему одну-две мысли, и к тому же вы слыхали, что я говорил по поводу «Шиллинга»[283]. Право, ответы на ваши письма получаются чересчур длинные, они занимают почти столько же места, сколько записи дневника за целую неделю. А теперь я вот что вам скажу: я видел сегодня как по улице несли кресты[284], но никак не мог взять в толк, что тому причиной, и только теперь, сию минуту, меня осенило: да ведь это день рождения маленького Престо; три дня я беспокоился, как бы не пропустить его, и вот все-таки забыл. Прошу вас, выпейте сегодня за обедом за мое здоровье, но только непременно, слышите, плутовки. Понравился ли вам «Жезл Сида Хамита»? Все ли вы в нем уразумели? Ну вот, наконец-то я разделался с вашим письмом и улягусь спать, и мне приснятся прекрасные девушки и, надеюсь, что к тому же и веселые.

1 декабря. Утро. Чтоб этого Смита повесили. Всю ночь напролет меня мучили чрезвычайно печальные сны о бедняжке Стелле, и я горевал и плакал. — Тьфу, какая глупость! Я, пожалуй, встану и попытаюсь развлечься. Итак, доброго вам утра и пусть господь в своем бесконечном милосердии хранит и защищает вас. Письмо от епископа Клогерского

помечено 21 ноября. Он пишет, что вы намереваетесь поехать с ним в Клогер. Сердечно рад этому и хотел бы, чтобы Стелла ехала верхом, а Дингли — в карете. У меня не было больше никаких приступов, хотя по временам голова не совсем в порядке. — Вечером. Сегодня утром мне пришлось навестить Пратта, который приехал вместе с бедным больным лордом Шелберном[285]; они уговорили меня пообедать с ними, и я, как последний олух, проторчал там до восьми, глядя, как они играют в ломбер, а потом ушел домой. У лорда Шелберна головокружения сменились коликами, и он выглядит очень несчастным.

2. Мошенник Стиль совершил бесстыднейший поступок: он объявил как-то в «Тэтлере», что в повседневном разговоре следует употреблять слово «Великобритания», а не «Англия», как, например, «Первейшая красавица Великобритании» и т. п. И вот Роу, Прайор и я отправили ему по этому случаю письмо, высмеяв его предложение, а он сегодня взял и напечатал его[286], да еще подписал нашими инициалами: Дж. С., М. П. и Н. Р. Конгрив сказал мне, что он тотчас догадался, кто это такие. Он обедал нынче вместе со мной и сэром Чарлзом Уэджером у нашего посла в Португалии Делаваля; я пробыл там до восьми, после чего вернулся домой и вот сейчас пишу вам, вместо того, чтобы заняться прежде делами, а все из-за этого пса Патрика: его нет дома, камин не затоплен, и я совсем выбит из колеи. Чума на его голову! — Взглянул случайно на начало этой страницы и обнаружил чертову уйму ошибок, так что у вас теперь есть основания возмущаться не только моим скверным почерком. Но, право, я не могу и не желаю перечитывать написанное. (Чума на этого молокососа!) Ладно, теперь я расстанусь с вами до того времени, как лягу в постель, а тогда скажу еще словечко-другое. — Так вот, сейчас уже полночь, и все это время я был занят, и кроме всего прочего топил камин (поверите ли, у меня за один раз уходит пропасть угля), а теперь улегся в постель. Ну, и что вы намерены сказать Престо теперь? Подойдите-ка поближе, я готов вас выслушать. Нет, это неправда, я еще не засыпаю. Давайте посидим немножко, да потолкуем. М-да, так где же это вы изволили быть, что вы лишь сию минуту возвратились домой в карете? И сколько вы проиграли? — Стелла, да уплатите же, наконец, кучеру. — Нет-нет, право же, только не я, а то он будет ворчать. — Какие новые знакомства вы завели? Ну же, расскажите нам. Мадам Дингли, я заставил Делаваля пообещать мне, что он пришлет для вас из Португалии бразильского табаку. Надеюсь, вы получите свой шоколад и очки прежде, чем это письмо дойдет до вас.

3. Тьфу, пропасть, я принужден теперь писать этим дорогим дерзким вертихвосткам каждый вечер, независимо от того, хочу я этого или нет и как бы я ни был занят или как поздно ни пришел домой и как бы мне ни хотелось спать; уж видно, не зря говорится в одной старинной поговорке: Будь вы лорды, будь князья, девкам не писать нельзя. Я встретил нынче при дворе Раймонда, который расположился среди лейб-гвардейцев, чтобы получше разглядеть королеву; я провел его в более удобное место, отвесил две-три дюжины поклонов и пошел после этого в церковь, а потом опять возвратился ко двору, чтобы напроситься к кому-нибудь на обед, что мне и удалось; после обеда у сэра Джона Стэнли мы отправились навестить лорда Маунтджоя, от которого я только что пришел, и сейчас, мои юные дамы, уже около одиннадцати вечера. Мне кажется, что это письмо близится к концу, хотя всего только восемь дней, как я его начал. И, пожалуйста, не надейтесь, что я стану писать на другой стороне листа, скажите спасибо за это. Право, если бы мне вздумалось писать письма на листах шириной с эту комнату, так вы бы чего доброго стали постоянно ожидать от меня писем такого размера. Да-да, не отнекивайтесь, я слишком хорошо вас знаю. Однако, как справедливо говорится в одной и т. д.: у каждого бумажного листа есть непременно та и эта сторона, а вот у улицы всегда одна бывает сторона. Гм, я думаю, что это, пожалуй, довольно-таки глупая старинная поговорка; а засим я ложусь спать и вам того же желаю.

4. Обедал нынче у миссис Ваномри и, возвратясь от нее домой, до одиннадцати трудился. За весь день никаких событий.

5. Так, я отправился в суд справедливости (кстати, под проливным дождем и черт знает чем еще), чтобы напроситься на обед, и Хенли уговорил меня пообедать с ним и неким полковником Брэгом[287] в таверне, что дорого мне обошлось. Они ожидали также Конгрива, но он почему-то не пришел. Потом вместе с Хенли я наведался в кофейню, где лорд Солсбери[288], судя по всему, жаждал со мной поговорить, но в то время как он всячески старался расположить меня к себе, этот пес Хенли во всеуслышание спросил меня, собираюсь ли я, как обещал, повидать лорда Сомерса (хотя это была чистейшая ложь), и все лишь затем, чтобы подразнить беднягу лорда Солсбери, принадлежащего к высоким тори. Он отмочил еще две-три такие же шуточки, так что я принужден был в конце концов оставить милорда и в семь часов возвратился домой. До сих пор я был занят письмами, а сейчас улягусь в постель. На днях я впервые за все это время встретил в суде справедливости Джека Темпла; мы обменялись несколькими ничего не значащими словами и разошлись. Правда ли, будто

бы ваш судья, мэр и фанатики олдермены месяц или два тому назад пили на торжественном обеде за здоровье мистера Гарли, лорда Рочестера и других тори? Непременно напишите мне; здесь пронесся об этом слух. — Вот негодяи! Но, как говорится, зря стараешься, Том.

6. Хотел бы я знать, когда это письмо будет отправлено? Послушайте, юные дамы, вы не могли бы мне это сказать? Так вот, это произойдет в следующую субботу и ни днем ранее, потому что тогда будет ровно две недели: срок предостаточный для шалуний девчонок и, право же, достаточно долгий даже для двух писем. Конгрив и Делаваль уговорили, наконец, сэра Годфри Кнеллера склонить меня, чтобы я позволил ему бесплатно написать мой портрет[289], только я еще не знаю, когда буду позировать. — Стоит такая чудовищно дождливая погода, что из дома носа не высунешь. Секретарь Сент-Джон известил меня нынче утром, что мой сегодняшний с ним обед переносится на завтра, а посему я мирно посидел с моим соседом Фордом, пообедал у него и в шесть вернулся к себе, а сейчас, как обычно, лежу в постели. Сдается мне, что теперь уже самое время получить следующее письмо от *МД*, хотя, признаться, я не хотел бы, чтобы оно пришло раньше, чем будет отправлено это: ведь тогда получится, что я посылаю одно письмо в ответ на два ваших. Не находите ли вы странным, что декан так ни разу мне и не написал? И еще я считаю, что архиепископ очень уж долго хранит молчание после моего письма, в котором я сообщил ему, что дело с первинами уже улажено. Он, видимо, просто не знает, что ответить, а я между тем писал ему с тех пор уже дважды и оба раза отвел душу. Добро, а теперь, сударыни, последуйте моему приему и — марш в постель. Да, а сколько вы проиграли сегодня? — Три шиллинга. — Ай-ай-ай.

7. Как хотите, но я не стану отправлять это письмо сегодня; нет, право же, я все-таки подожду до субботы; только вот не получить бы мне тем временем еще одно письмо от *МД*. Что ж, если оно придет, я лишь упомяну, что получил его и дело с концом. Обедал сегодня с господином секретарем Сент-Джоном, с нами были также лорд Энглси[290], сэр Томас Ханмер, Прайор, Фрейнд и др., а потом, после девяти, мы устроили попойку у Прайора и закусывали холодным яблочным пирогом, и сейчас мне противно даже вспомнить об этом; живот у меня набит до отказу, а я этого терпеть не могу; ну-с, пора на боковую, потому что уже поздно, так что спокойной вам ночи.

8. Обедал с мистером Гарли и Прайором; ожидали также мистера Сент-Джона, но он не пришел, хотя обещал; мистер Гарли журил меня за

то, что я так редко с ним вижусь. Здесь появился дьявольски злобный памфлет против лорда Уортона[291]; сначала в нем обрисован характер лорда, а потом перечислены некоторые его неблаговидные поступки: характер изображен чрезвычайно метко, а факты приведены довольно незначительные. Этот памфлет был дюжинами разослан ряду лиц, и я тоже получил несколько экземпляров, однако ни автор, ни издатель никому не известны. Мы ужасно страшимся чумы: говорят, будто она объявилась в Ньюкасле. Я заклинал мистера Гарли именем всевышнего принять какие-нибудь меры предосторожности, в противном случае мы погибли. Всем кораблям, прибывающим из балтических портов, велено было перед заходом в гавань проходить карантин, однако они этого не соблюдают. Вы, верно, помните, что последние два года я все время этого опасался.

9. Нет, право же, вы все-таки бесстыжие плутовки: я еще не отправил это, а уже получил ваше шестое письмо. И все-таки я не стану отвечать на него, а скажу только, что после первого приступа головокружений у меня больше не было, однако ровно две недели тому назад я умудрился простыть и по сей день кашляю по утрам и вечерам, но это пройдет. Стоит такая мерзопакостная погода, что на улицу носа не высунешь. Здесь поговаривают, будто три ваших таможенных комиссара — Оугл, Саут и Сент-Куинтин будут уволены[292] и что на их место прочат Дика Стюарта, Людлоу и еще кого-то. Я, правда, замолвил словечко за другого — за беднягу лорда Эберкорна[293], но это секрет; я хочу сказать, что эти мои хлопоты за него следует держать в секрете; по-видимому, я взялся за дело слишком поздно, а виной тому он сам и его невезенье. Сегодня я обедал с ним. От души сожалею, что вы не поехали в Клогер, право же, очень сожалею. Итак, пусть господь всемогущий хранит бедненьких, дорогих, дорогих, дорогих, драгоценнейших *МД*. Прощайте до вечера. Вечером я начну одиннадцатое, ведь я всегда так пишу малюткам *МД*.

Письмо XI

Лондон, 9 декабря 1710.

[*суббота*]

Итак, мои юные дамы, я только что отправил свое десятое в почтовую контору и, как уже говорил вам, получил ваше седьмое (боюсь, раньше я ошибся и сказал, что получил шестое, и тогда мы с вами совсем запутаемся). Так вот, как я уже вам докладывал, обедал нынче с лордом Эберкорном и, полагаю, на ближайшее время с вас достаточно, потому что мне надобно приняться сочинять кое-какие безделицы и крепко кое-кому насолить. — А как же с ответом малюткам *МД*? — Что ж, их письмо я на время отложу. — Уже поздно, и я могу только сказать, что *МД* — дорогие дерзкие плутовки. И что из сего следует? А то, что Престо любит их поэтому еще сильнее.

10. Этот сукин сын Патрик куда-то запропастился, и я теперь связан по рукам и ногам; даже уголь пришлось одолжить. Сейчас шесть часов, и я вернулся домой после славной прогулки в парке; сегодня первый день мягкая, тихая погода, а прошлой ночью была ужасная буря. Говорят, будто у вас унесло в открытое море пакетбот и будто на нем находился юный щеголь Свифт[294] и генерал Сэнки[295]. Не знаю, насколько это правда; впрочем, вы услышите об этом раньше меня. Раймонд уже поговаривает о том, чтобы через несколько дней уехать из Лондона; он собирается возвратиться в Ирландию не позже, чем через месяц, так как в противном случае его жене, которая уже на сносях, придется рожать здесь. Думаю, он прав, хотя не исключено, что история с пакетботом напугает его. Лондон нисколько его не привлекает, и я этому не удивляюсь. Он свел здесь знакомство с несколькими ирландцами, обучающимися в Темпле, и они показали ему город. Я допускаю его к себе не чаще двух раз в неделю, да и то лишь по утрам, когда одеваюсь. — Ну, вот, явился, наконец-то, этот прощелыга, и я смогу теперь воспользоваться моими собственными чернилами и новым пером; так-то, а вы — дерзкие шалуньи и плутовки и останетесь ими до тех пор, пока я не улягусь в постель, потому что должен сейчас заняться делом, понятно? Да, кстати, передайте епископу Клогерскому, что ему не нагреть меня ни на один дюйм металла; это металл для моего колокола. Сами знаете, все это пустяки, но городские денежки так целей будут. Эннискиллен[296] скорее может себе это позволить, нежели Ларакор, тем более, что колокол будет весить только

полторы тысячи[297]. Сейчас я, как обычно в это время, читал и прочее, а теперь укладываюсь спать; не находите ли вы, что сегодняшняя запись получилась довольно-таки длинной? А теперь уходите-ка отсюда до завтра, до положенного часа. Да, чуть не забыл упомянуть, что обедал нынче с сэром Мэтью Дадли.

11. Возвратясь сегодня домой, я, как и вчера, обнаружил, что этот паршивец опять запер мои чернила, хотя я строго-настрого его предупредил; вскоре, однако, он явился, так что теперь все в порядке; он уже растапливает камин, и я смогу приняться за свои дела. Погода опять испортилась, и целый день лил дождь. Не выношу зимнюю слякоть, хотя некоторые находят ее полезной. Говорят, слух о чуме в Ньюкасле оказался ложным. У меня сегодня решительно никаких новостей. Обедал у миссис Ваномри и выразил пожелание, чтобы они купили мне шарф, потому что мой совсем изорвался. Леди Эберкорн[298] тоже собирается купить мне шарф, так что останется только решить, какой из них лучше. Вчера я снова видел при дворе герцога Ричмонда[299], однако не стал с ним заговаривать; видимо, мы уже не помиримся. Сейчас я лежу в постели, а дождь хлещет, не переставая. Любопытно, так же ли часто идет дождь у вас в Дублине? Известия о кораблекрушении, как я и предполагал, испугали Раймонда; однако я все же уговорил его, и через неделю он отсюда уедет. Я познакомил его с поверенным по делам казны[300], и тот признал, что Раймонд доводится ему родственником, а посему он, думаю, не откажет Раймонду в любезности снабдить его рекомендательным письмом к вашему новому лорду-канцлеру[301]. — Получил письмо от миссис Лонг, от которого меня едва не стошнило: в нем было несколько непристойных шуток, обозначенных прочерками, о смысле которых следовало догадаться. Пошлые пересуды и сплетни в провинциальном городишке оказали на нее дурное влияние. — Я не стану отвечать на ваше письмо, пока не освобожусь от всяких дел; так что пусть это послание отправляется, как оно есть. Какая мне о том забота? какая о том забота нахальному Престо?

12. Когда я был сегодня у Льюиса в канцелярии государственного секретаря, туда пришел лорд Риверс[302]; увидя меня, он отвел Льюиса в сторонку, пошептался с ним, а потом подошел ко мне и изъявил желание со мной познакомиться; мы обменялись поклонами и любезностями, после чего расстались. Обедал я с Филиппом Сэведжем[303] и его ирландским клубом там, где они обычно столуются, и после довольно-таки гнусно проведенного вечера пришел домой лишь в девятом часу. С мистером Аддисоном мы видимся теперь едва ли чаще одного раза в две недели: его

парламентские обязанности и мой чуждый ему круг знакомств отдаляют нас друг от друга. Вчера утром сэр Мэтью Дадли прогнал своего дворецкого, а ночью бедняга неожиданно скончался на улице; не правда ли, странное стечение обстоятельств? — Но какое вам собственно до этого дело? — А такое, что этого дворецкого я знал. — Что ж, выходит, ваш пакетбот цел и невредим: тьфу, какая глупость, а ведь я уже сделал все, что в таких случаях полагается делать — сказал, что это весьма печально и что я весьма об этом сожалею. Но когда же я все-таки отвечу на письмо наших *МД*? Вот оно, лежит себе; ну что ж, как-нибудь после дождичка в четверг я об этом поразмыслю, а пока доброй ночи.

13. Утро. Мне придется нынче весь день таскаться вместе с леди Керри[304] и миссис Пратт[305], с которыми мы вчера утром за чаем условились поехать вместе осматривать достопримечательности Лондона. Слыхали ли вы о разгроме, учиненном среди высших офицеров? Мередит, Макартни и полковник Хонивуд[306] вынуждены будут продать свои должности за полцены и оставить службу из-за того, что пили за поражение кабинета ториев; нацепив шляпу на палку, они объявили, что это Гарли, и со стаканом вина в руке стали разряжать в чучело свои пистолеты, сожалея, что перед ними не сам Гарли собственной персоной, и позволили себе сотню других столь же милых шуток; одним словом, они уволены за подстрекательство своих солдат и иностранных послов к действиям, направленным против нынешнего кабинета министров. Кэдоган [307] отделался сравнительно легко: его мать сказала мне вчера, что он отстранен от должности посла; надеюсь, никаких других мер в его отношении не будет предпринято, потому что его не было на этих мятежных сборищах. М-да, писание писем этим дерзким шалуньям отнимает у меня по утрам уйму времени, но право же, я рад любой возможности повидаться с вами поболтать чуточку и снова за свои дела. А теперь попридержите свои язычки, ведь мне давно пора вставать; ни словечка больше, жизнью вас заклинаю. Ну, что там такоеее? Вот и прекрасно; потерпите, пока я не возвращусь домой, и тогда я, возможно, расскажу вам о себе еще что-нибудь. А куда вы сегодня идете? ведь я не смогу быть с вами из-за моих дам? Как на грех, день сегодня такой дождливый и безобразный. Я предпочел бы, чтобы вы зашли за Уоллсами и отправились к декану, только ставьте по маленькой, когда проигрываете. Манильо, Басто, королева и два младших красных козыря погубят вас. Я, впрочем, не считаю, что это такие уж плохие карты, но ведь тогда у ваших противников могут быть Эспадильо, Понто, король и большие козыри,

которые дадут им верные взятки; ну а вы, конечно же, как всегда пошли с вашего Манильо. — Ох, сколько же я здесь, глупец, наболтал и все потому, что никак не могу нынче утром расстаться с этими *МД*. Убирайтесь отсюда, да поживее, милые капризные девчонки, и дайте мне, наконец, встать. Патрик снова запер вчера вечером мои чернила, уже третий раз за последнее время; этот мошенник сел мне на голову. А теперь, сударыни, я все-таки встану назло вам. — Вечером. Леди Керри, миссис Пратт, миссис Кэдоган и я — в одной наемной карете, сын леди Керри со своим гувернером и еще двумя джентльменами — в другой, а барышни и маленький мастер (дети лорда Шелберна), да еще служанки — в третьей, отправились сегодня в десятом часу утра из дома лорда Шелберна, что на Пикадилли, в Тауэр, где осмотрели все достопримечательности, львов и пр., а оттуда поехали в Бедлам[308], потом пообедали в дешевой ресторации позади биржи, после чего направились в грэшемский колледж[309] (однако хранителя его не оказалось дома) и завершили вечер в театре марионеток [310], откуда добрались домой лишь к восьми вечера, после чего я с ними расстался. Все дамы были одеты довольно скромно, или, как вы выражаетесь, без затей, и это был самый ненастный из всех дождливых дней, так что я чрезвычайно устал, и теперь уже двенадцатый час.

14. Знаете что, я все же отвечу хотя бы немножко на ваше письмо нынче утром в постели; так, позвольте-ка взглянуть; ну, иди сюда и покажись, маленькое письмецо — Вот оно я, — отвечает оно, — а что вы, мистер Престо, скажете нынешним утром миссис *МД* на свежую голову и натощак? — Кто это смеет считать *МД* невнимательными? Я просто просил их писать мне раз в две недели, на том мы и условились. Я мог бы посылать вам письма еженедельно, но записи мои день ото дня становятся все длиннее, и я предпочитаю отправлять их раз в две недели, ведь это обходится тогда вполовину дешевле. С того самого утра, дорогая Стелла, у меня больше не случалось головокружений: я запасся целой коробкой пилюль, и глотал их каждый вечер, а после целую ночь у меня была отрыжка; по утрам я пил коньяк и выпил целую пинту. — Ах, так вы, значит, все-таки справили скромный день рождения Престо! Если бы только всевышнему угодно было, чтобы я был с вами. Что до меня, то, как я уже писал вам, я просто о нем забыл. «Смишно», мадам; полагаю, что вы имели в виду слово «смешно»; ради бога, избавьте меня впредь от такого правописания; оно скорее подобает автору «Атлантиды»[311]. Я исправил это слово в вашем письме. А удается ли Стелле разбирать мой почерк, не утомляя свои дорогие глазки? Боюсь, что нет. Берегите глазки, пожалуйста,

прошу вас, славная моя Стелла. Вы, пожалуй, справедливо изволили заметить, что если бы я стал писать лучше, то вы, возможно, не так хорошо разбирали бы мой почерк, поскольку привыкли к прежнему; вы уже привыкли к такому написанию букв, знаете, что этот крючок или загогулина обозначают букву, и знаете, какую именно, и так далее, и так далее. — Клянусь, он так мне и написал, и еще подчеркнул, что я пишу вам очень длинные письма; но я ответил ему, что вы просто хвастунишки. Я говорю про епископа Клогерского, неужто он все запамятовал? Переверните-ка страницу. У меня не хватило места на той стороне, а посему я доскажу свою мысль на оборотной: так вот, полагаю, что причиной тому милая ирландская забывчивость. Но почему же вы все-таки не поехали в Клогер, скверныескверныескверныедорогиедевчонки? Я не отваживаюсь сказать вам — скверные, не прибавив — дорогие: вот до чего я перед вами робею, право же. Если же говорить серьезно, то мне очень жаль, что вы туда не поехали, насколько, конечно, я могу судить на таком расстоянии. Нет, мы непременно раздобудем вам другую лошадь; я заставлю Парвисола подыскать вам лошадку. Признаться, ваша спотыкливая кляча всегда вызывала у меня недоверие; ради бога, прошу вас, продайте ее, сделайте мне такое одолжение. У меня душа не на месте, стоит только подумать о том, что вы ездите на ней. Прикажите Парвисолу продать ее и скажите, что вы решились на это потому что должны вернуть мне долг. Я не буду знать покоя, пока вы не избавитесь от нее. Поверите ли, с того времени, как я получил ваше письмо, мне уже раз пять или шесть снились падающие лошади. Если он не сумеет ее продать, то пусть хотя бы подержит у себя этой зимой. Право, будь я подле вас, отстегал бы как следует по… за ваш высокомерный и дерзкий ответ на мои соображения относительно декана и Jonsonibus; я всенепременно бы это сделал, юные мои дамы. Кстати, прочел ли декан проповедь вместо меня? Прекрасно. Еще чего, уж не хотят ли они, чтобы я одновременно находился здесь и читал им проповеди? Нет, «Шиллинг» в «Тэтлере» сочинил не я, я только подал идею, да еще подсказал две-три мысли. У меня сейчас дела поважнее; да и министры начинают яриться, лишь только речь зайдет о том, что я помогаю «Тэтлеру»; они не раз меня за это упрекали, и я твердо пообещал им больше этого не делать. Но только это секрет, мадам Стелла. Вы уверяете, будто выиграли восемь шиллингов; восемь кукишей — вот что вы выиграли. Любопытно, что вы никогда не упоминаете о своих проигрышах, мои юные дамы. — Что касается Мэнли, то, надеюсь, ему ничто особенно не угрожает, потому что Нэд Саутуэл ему друг-приятель, точно так же как и Томас Фрэнкленд, да и его брат Джон Мэнли стоит за

него горой. Хотя, с другой стороны, все здешние ирландские джентльмены прямо-таки люто его ненавидят. Ну не бесстыдница ли вы, миссис Дингли: вы надеетесь получить со следующей почтой письмо от Престо, хотя сами признаетесь, что совсем недавно за четыре дня получили от меня два письма. Болтливая трясогузка, вот вы кто! Нет, малышка Дингли, в полночь я, как правило, уже в постели; я хочу сказать, что ровно в полночь гашу свечу; как видите, я очень о себе пекусь. Да, пожалуйста, говорите всем при случае, что первины были дарованы королевой ирландскому духовенству благодаря ходатайству мистера Гарли и что теперь осталось только завершить кое-какие формальности. Так вы, значит, обедали с деканом у Стойтов, и миссис Стоит была в восторге оттого, что я еще ее помню. Придется теперь изредка ее упоминать, дабы ее восторг не остыл. — Ну, что вы теперь скажете, дерзкие замарашки, ведь я все это настрочил за сегодняшнее утро, а теперь мне пора вставать, я должен уйти. Так что уж потерпите до вечера. И, пожалуйста, не воображайте, мадам, что я стану всякий раз тратить на вас целое утро. Право, если я не оставлю эту привычку писать по утрам, то вскоре не осмелюсь от нее отказаться, зная, что вы ожидаете продолжения и трепеща при одной мысли об этом. Итак, доброго вам утра, сударыни, и я все же встану. — Вечером. Я отправился нынче в суд справедливости (да, чуть не забыл, я покамест не стану отвечать на вторую половину вашего письма) в надежде пообедать с мистером Гарли, но его зять лорд Даплин сказал мне, что мистер Гарли не обедает нынче дома, и я уж не знал, как мне быть, но тут как раз встретился мистер Сент-Джон, и я пошел обедать к нему; за обедом он рассказал мне о пущенной кем-то нелепой басне. Дело в том, что позавчера лорд Риверс объявил мне о своем намерении послушать мою воскресную проповедь, которая будто бы должна состояться через две недели в присутствии королевы. Я ответил ему, что день проповеди еще не назначен, по крайней мере, мне ничего об этом не известно. А сегодня государственный секретарь сказал, будто его отец, сэр Гарри Сент-Джон, и лорд Риверс собрались пойти в Сент-Джеймскую церковь послушать там мою проповедь, поскольку их будто бы уверяли, что она непременно состоится; так что, судя по всему, это еще одна басня; во всяком случае сам я ничего об этом не ведаю, за исключением лишь того, что мистер Гарли и Сент-Джон решили, что я непременно должен произнести проповедь в присутствии королевы, и государственный секретарь обещал предупредить меня об этом за три недели. Я всячески отказывался, но он не хотел принимать никаких отговорок: «И слушать ничего не желаю», — твердил мистер Сент-Джон; но я все же надеюсь, что они об этом забудут, ведь

если она состоится, все здешние бездельники сбегутся меня слушать в ожидании чего-то из ряда вон выходящего и будут немало разочарованы, потому что я буду говорить о самых простых и очевидных истинах. Я пробыл у мистера Сент-Джона до восьми, после чего воротился домой и отпустил Патрика, попросившего позволения отлучиться. Но вскоре ко мне поднялась служанка и сказала, что меня спрашивает какой-то джентльмен, приехавший в карете, который будто бы желает уплатить мне по векселю; я велел его впустить и оказалось, что это не кто иной, как мистер Аддисон, а с ним Сэм Допинг, которые задумали вытащить меня поужинать с ними, и кончилось тем, что я просидел с ними до полуночи. Будь Патрик дома, я бы, конечно, этого избежал, потому что приучил его почти так же ловко спроваживать посетителей, как это делает привратник мистера Гарли. — На чем я собственно остановился, отвечая на письмо *МД*? Дайте-ка взглянуть. Ага, вот нашел. Вам угодно было заметить, мадам Дингли, что люди, уезжающие в Англию, видимо, никогда не могут сказать наверняка, когда они возвратятся. Уж не намекаете ли вы этим на Престо, мадам? Бесстыдницы, клянусь вам своим спасением, я возвращусь как только смогу и, надеюсь, не с пустыми руками, если только все министры не одного поля ягода, что, впрочем, не исключено. Надеюсь, Хокшоу уже в Дублине и вы получили мою посылку и очки вам подошли; если же нет, вы получите другие. Надеюсь, также, что табак Дингли не испортил шоколада Стеллы и что все дошло в полной сохранности. Известите меня, пожалуйста. Мистер Аддисон и я разнимся теперь друг от друга, как черное от белого, и я думаю, что из-за проклятых партийных свар наша дружба сойдет в конце концов на нет. Он не может вынести моего сближения с нынешним кабинетом министров, и все-таки я люблю его по-прежнему, хотя мы довольно редко теперь видимся. — Стелла, негодница, как вы позволяете себе подшучивать над слепотой бедного Конгрива; и вам не совестно, негодница? Погодите же, я переломаю вам кости, клянусь. — Да, Стиль в самом деле сидел некоторое время в тюрьме, вернее, в долговом отделении[312], но это случилось еще до моего приезда, а не теперь. Чума на вашу конвокацию и ваших Ламбертов[313], они просто свора клеветников! Мое нежелание, чтобы «Дождь» пришелся по вкусу вашей ирландской братии, возможно, покажется вам притворством, но, поверьте, вы ошибаетесь. Я, конечно, был бы рад снискать у вас всеобщее одобрение, как снискал его здесь (хотя и утверждаю обратное), но поскольку меня похвалили у вас каких-нибудь два-три человека, то я предпочитаю лучше обойтись вовсе без одобрения ирландской публики,

чтобы все вы оказались неправы. Не знаю, быть может, это не совсем то, что я хотел сказать, но у меня сейчас такое мерзкое самочувствие после всякой дряни, съеденной за ужином, что я не в состоянии ясно выражать свои мысли. — Насчет «Сида Хамита», что врагу он бы понравился, а другу — нет и что если бы назвать имя автора, то они переменили бы свои мнения на противоположные — вы очень метко заметили. Зачем вы сразу не сказали Гриффиту[314], что «Сид Хамит» напоминает вам чем-то мою манеру, но принялись сперва всячески поддакивать его похвалам и разыгрывать его точно так же, как мы когда-то разыграли бедного моего дядюшку[315] с канделябром, который я починил. Если мне не изменяет память, я просил вас передать мой ответ миссис Фентон, дабы избавить ее от почтовых расходов, а меня от хлопот; я хорошо помню, что писал вам об этом; а вы? выполнили вы мою просьбу?

15. Боже правый, сколько я исписал вчера бумаги, отвечая на ваше письмо, плутовки! Обедал нынче с Льюисом и Фордом, которых познакомил друг с другом, и Льюис поведал мне премилую историю. Дело в том, что я настойчиво упрашивал мистера Гарли сохранить за Стилем хотя бы его вторую должность[316] и оказать ему некоторое снисхождение и просил о том же Льюиса, которого Гарли жалует более всех других. Льюис сказал мистеру Гарли, что мне было бы очень приятно, если бы он помирился со Стилем. И вот в угоду мне мистер Гарли выразил согласие и назначил Стилю свидание; Стиль изъявил величайшую готовность явиться, однако не только не соизволил прийти, но и не прислал никаких извинений. Было ли это оплошностью, глупостью, дерзостью или проявлением партийной злобы, судить не берусь, однако я никогда больше не стану хлопотать о нем. Я уверен, что его отговорил Аддисон просто назло мне, будучи до глубины души уязвлен мыслью, что для спасения его друга понадобилась моя помощь. И при всем том теперь он просит меня добиться назначения другого своего приятеля на должность секретаря при нашем посланнике в Женеве и я, конечно, сделаю это, если смогу; ведь речь идет о бедняге пасторальном Филипсе[317].

16. Ох, как же это вы умудрились оставить мой портрет[318] на прежней квартире? Неужто вы его забыли? Хороши, нечего сказать; так не забудьте о нем, пожалуйста, хотя бы теперь и не вздумайте его свертывать, слышите, сударыни, а осторожно повесьте где-нибудь в своей комнате так, чтобы его не могли задеть креслом или палкой от швабры или закоптить свечой. Что ж, на сей раз я не буду кумом тетушки Уоллс, а впредь это ей, надо полагать, уже не понадобится. Из-за этого младенца теперь не будет

ни покоя, ни карт. Надеюсь, он все же помрет на другой день после крещения. Мистер Гарли передал мне бумагу с отчетом о приговоре, вынесенном против юношей, надругавшихся над статуей[319], о которых вы писали, и о том, что Инголдсби[320] отменил ту его часть, согласно которой виновных должны были выставить перед статуей. Надеюсь, этот приговор не был приведен в исполнение. Мы сместили вашего Бродрика[321], и на его место будет назначен Дойн[322]. Ну вот, я как будто на все вам ответил, а теперь отложу это письмо и примусь за собственные дела. За собственные дела, я сказал. Что ж тут такого? по-моему, я написал уже предостаточно; однако отправлять это письмо еще слишком рано, мои юные дамы. Право же, я вовсе не собираюсь вас баловать, не то вы станете чуть не каждый день ожидать от меня писем; оставшаяся часть будет состоять только из кратких ежедневных записей. А теперь позвольте мне встать, потому что уже давно пора это сделать. — Вечером. Обедал у моего соседа Дартнефа, живущего через дорогу, и еще хлопотал о назначении епископа Клогерского вице-канцлером[323], только из этого ничего не выйдет: все настроены против него, и кроме того герцог Ормонд, как мне сказали, прочит на эту должность кого-то другого. Так-то. Эй, маленькие мои плутовки, смотрите не засиживайтесь в гостях слишком поздно, потому что нынче суббота и юным дамам следует пораньше возвратиться домой.

17. Отправился ко двору в надежде напроситься к кому-нибудь на обед, но так как королева не присутствовала на богослужении из-за приступа подагры, то и придворных было негусто. Тогда я решил заглянуть в кофейню, откуда вместе с Томасом Фрэнклендом и его старшим сыном мы пошли обедать к его второму сыну Уильяму. Я обстоятельно переговорил с сэром Томасом относительно Мэнли и убедился, что он очень к нему расположен, точно так же, как и Нэд Саутуэл, и потому надеюсь, что ему ничто не угрожает, хотя все здешние ирландцы смертельно его ненавидят. Сегодня опять кто-то пустил эту дьявольскую басню. Уж не знаю, каким образом, все прослышали, будто я должен утром читать проповедь в Сент-Джеймской церкви; там собралось множество людей и в числе прочих даже лорд Рэднор, который вообще никогда не выходит из дома раньше трех пополудни. Весь путь домой от Хэттон-Гардена[324] я проделал пешком в седьмом часу приятным вечером при свете луны. В девять ко мне заявился Раймонд, но ему было сказано, что меня нет дома, а сейчас уже скоро полночь, я лежу в постели и собираюсь заснуть и увидеть во сне моих родных, дорогих, проказливых, бесстыжих, славных *МД*.

18. Все последующие ежедневные записи до конца этого письма будут очень короткими, всего несколько строк, чтобы сообщить вам, где я был и что делал, и лишь для последнего дня я оставлю побольше места, чтобы сообщить вам новости, если за это время произойдет что-нибудь заслуживающее упоминания. Прежде я помещал их в начале письма, пока не уразумел, что новости в таком случае устареют прежде, чем успеют дойти до вас. Охотился нынче за мистером Гарли, чтобы пообедать с ним, но безуспешно, а посему пообедал с достойным доктором Кокберном и в шесть вернулся домой, но Допинг и Форд уговорили меня зайти к ним, благо по соседству, и попотчевали скверным кларетом и апельсинами. Мы позволили Раймонду присоединиться к нам, он сказал, что собирается завтра уехать, но, я думаю, что он еще задержится здесь на денек-другой. Уже поздно, а посему я не стану продолжать, и лишь закончу эту строку пожеланием доброй ночи моим родным, дорогим шалуньям *МД*.

19. Один из моих сегодняшних визитов кончился тем, что мне пришлось удалиться не солоно хлебавши: я отправился повидать герцога Бакингема, но, увы, пришел слишком поздно; затем я сделал визит миссис Бартон, после чего намеревался пообедать с кем-нибудь из министров, но лил дождь, а миссис Ваномри живет поблизости, и я решил воспользоваться такой возможностью, а заодно поблагодарить ее за шарф, который она мне купила, и посему пообедал у нее. В четыре я отправился к лорду Шелберну, дабы принести ему свои соболезнования по случаю кончины бедной вдовствующей леди Шелберн. Лорд приехал из своего загородного дома как раз, когда я пришел к нему, и еще не знал о случившемся; он был тронут моим участием. Домой я возвратился в шестом часу и застал пакет, в котором одно письмо — от епископа Клогерского к герцогу Ормонду — было помечено десятью днями раньше нежели другое — от Парвисола; впрочем, об этом теперь нечего говорить, поскольку герцог уже объявил вице-канцлером архиепископа Тюэмского [325], и я ничего не мог поделать, ведь это назначение, как вам известно, полностью зависит от герцога, а среди его окружения, я убедился, у епископа есть враги. Сейчас, когда я пишу вам это, Патрик складывает мой шарф и разводит огонь (я регулярно топлю камин, хотя это обходится мне в двенадцать пенсов в неделю). А теперь сидите смирненько, пока я не лягу, после чего я позволю вам немного посидеть возле меня, и мы еще чуточку поболтаем. Ну вот, а теперь *МД* сидят у моей кровати. И что вы еще мне расскажете? Как поживает миссис Стоит? Что подавали у декана на ужин? Сколько выиграла миссис Уоллс? да, бедняжка леди Шелберн; а теперь, сударыни, отправляйтесь-ка баиньки, слышите.

20. Утро. Нынче встал рано, побрился при свече и пишу вам, сидя возле камина. Только что приходил попрощаться со мной бедняга Раймонд; он вытребован высочайшим повелением своей супруги, однако делает вид, будто Лондон ему наскучил. Признаюсь, мне было немного грустно расставаться с ним; он едет в Бристоль, они остановятся там у его брата-купца и пробудут у него до мая, так что рожать ей придется в Англии. Я даже раскаиваюсь, что так редко допускал его до себя, настолько он был неназойлив и покладист. Но теперь он уехал, и Патрику меньше придется врать в течение недели; Патрик, к слову сказать, превосходно в этом наловчился и несомненно преуспеет на сем поприще. Послушайте, однако, сударыня, разве я обязан писать по утрам вашей дерзости? Потерпи до ночи И тогда листочек — Два десятка строчек — Испишу, дружочек, Свечки огонечек Осветит мой уголочек, Малость самую, чуточек. — Вот еще новости, миссис Наглость! — Ночью. Доктор Раймонд, оказывается, задержался и уедет завтра. Возвратясь в двенадцатом часу домой, я застал его у себя: он снова зашел проститься со мной. Нынче я побывал в суде справедливости в надежде застать там мистера Гарли и пообедать с ним и имел поэтому глупость отказать Хенли и всем прочим, так что в конце концов просто не знал, куда пойти. По счастью, мне встретился Джемми Ли, который тоже собирался обедать; я закусил у него на квартире бифштексом и выпил за ваше здоровье, после чего попрощался с ним и отправился вместе с Беном Туком и секретарем герцога Ормонда Портлаком в таверну, где просидел до одиннадцати за прескверным белым вином. Теперь мне от этого тошно и стыдно за себя.

21. Я имел удовольствие встретить это животное — Ферриса, бывшего управляющего лорда Беркли, и прогулялся с ним немного в парке. Подлый пес благоденствует, как император; он женился на весьма богатой особе, владелице земельных участков и домов в окрестностях Лондона и живет себе в свое удовольствие в Хаммерсмите. Вот и пойми после этого вашего брата, юные дамы. — Ну-с, мне опять не повезло сегодня с мистером Гарли; день выдался славный, и я отправился в Сити водою, пообедал со Стрэтфордом у одного купца, а потом прогулялся домой пешком в обществе такого же болвана, как Феррис: я имею в виду почтенного полковника Кофилда[326]. Домой я добрался около восьми и сейчас уже в постели и, хотите верьте, хотите нет, собираюсь спать, а это письмо отправлю в субботу и так далее; но сперва пожелаю вам веселого Рождества и счастливого Нового года, и буду молить господа, чтобы мы никогда больше не встречали их врозь.

22. Утро. Я собираюсь сейчас нарочно пойти на levée мистера Гарли,

чтобы позлить его; я скажу, что никакой другой возможности увидеться с ним у меня нет. Патрик говорит, что на дворе темно и что герцога Аргайла[327] сделают сегодня рыцарем: дурачина, как видно, имеет в виду церемонию возведения в рыцарское достоинство в Виндзоре. Однако мне пора вставать, потому что сегодня день бритья, и Патрик говорит, что камин уже пылает вовсю. Как бы мне хотелось, чтобы *МД* сидели сейчас у этого камина или чтобы я сидел у камина *МД*. — Вечером. Чуть не забыл сказать вам, мадам Дингли, что уплатил за ваши увеличительные стекла и очки девять шиллингов; сюда, правда, входят также три шиллинга за футляр для епископа. Весьма сожалею, что не купил еще один — для вас; однако, если он вам понравится, непременно скажите мне, и я привезу тогда еще один точно такой же; стекла для чтения обошлись в четыре шиллинга, а очки — в два. Кстати, получили ли вы свой шоколад? Ли уверяет, что нижнюю юбку он уже отправил с неким мистером Спенсером[328]. Нет ли у вас ко мне еще каких-нибудь поручений? С торговцем очками я расплатился не далее как вчера вечером, и он пожелал при этом подарить мне микроскоп стоимостью в тридцать шиллингов и тут же отослать его ко мне домой. Мне показалось, что малый слегка спятил, однако он принялся уверять меня, что я могу оказать ему услугу, куда более ценную, нежели этот микроскоп. От подарка я все же отказался, однако обещал по мере сил содействовать его коммерции и теперь по чести обязан рекомендовать его всем и каждому. — Вечером. Я исполнил свое намерение и явился на levee мистера Гарли; он тотчас подошел ко мне, осведомился, зачем я сюда пожаловал, и попросил прийти отобедать с ним в кругу его семьи, что я и сделал и познакомился при этом с его женой и дочерью[329]. В пять часов пришел лорд хранитель печати; я заметил при этом мистеру Гарли, что прежде он представил меня сэру Симону Харкуру, а теперь должен представить лорду хранителю печати[330], чем весьма его рассмешил.

23. Утро. Это письмо будет непременно отправлено нынче вечером. Надеюсь, в кофейне никаких писем от вас нет. Я, однако же, скоро пошлю туда узнать и тотчас уведомлю вас и так далее, и так далее. Патрик как раз идет сейчас справиться насчет письма; ну, на сколько вы готовы поспорить: есть там письмо от *МД* или нет? Я говорю, что нет; спорим на шесть пенсов. Хотел бы я знать, почему декан так ни разу мне и не написал? А я выиграл шесть пенсов! А я выиграл шесть пенсов! Ни одного письма для Престо. Доброго вам утра, дорогие мои плутовки. Я обедаю нынче со Стрэтфордом у лорда Маунтджоя. Да хранит и благословит вас

господь всемогущий, прощайте.

Обедал у лорда Маунтджоя и возвратился домой, чтобы заняться делом. Известия, полученные с последней почтой из Испании, несколько рассеяли наши опасения. С сегодняшнего дня заседания парламента прерваны или, вернее, отложены до окончания рождественских праздников. Акции государственного банка поднялись до 105, так что я могу уже заработать на своей сделке 12 фунтов. Безмозглый щенок Патрик куда-то запропастился, и я не знаю, как мне отправить это письмо. Доброй вам ночи, дорогие мои малютки, будьте счастливы и не забывайте своего бедного Престо, которому так сильно вас недостает, клянусь спасением души. А теперь, легкомысленные девчонки, позвольте мне заняться делом и не задерживайте меня в конце письма. Право же, если бы вы знали, насколько я сейчас все время занят, вы бы подивились, как мне удавалось при этом писать вам такие длинные письма. Однако мы поговорим об этом как-нибудь в другое время. Еще раз спокойной вам ночи, и пусть господь благословит *МД* всем, что есть лучшего на свете, да, да, и Дингли, и Стеллу, и меня тоже.

Спросите епископа Клогерского насчет каламбура про брата лорда Стоуэла[331], который я ему отправил; по-моему, он чрезвычайно мне удался.

В этом письме 199 строк, не считая постскриптумов; я пересчитал их просто из любопытства.

Письмо, надо сказать, получилось довольно-таки длинное. Право же, оно длиннее, чем проповедь.

Я получил еще одно письмо от миссис Фентон, в котором она пишет, что виделась с вами; надеюсь, вы не отправились к ней специально с визитом; я скоро ей отвечу: речь идет о некоторой сумме денег, находящейся у леди Джиффард.

В почтовой конторе сказали, что в Ирландию было отправлено восемь пакетов, так что, мои юные дамы, вините не Престо, а отсутствие попутного ветра.

Мой нижайший поклон миссис Уоллс и миссис Стоит; первую я, кажется, давно не упоминал.

Письмо XII

Лондон, 23 декабря 1710.

[*суббота*]

Одиннадцатое письмо я по обыкновению своему отправил вам нынче вечером и сразу же начинаю двенадцатое. О том, что я обедал со Стрэтфордом у лорда Маунтджоя, вы уже знаете, а больше я ничего рассказывать не стану, догадайтесь почему. Да потому, что я собираюсь поразмыслить о разных материях и делах чрезвычайной важности, а не о надоевших мне до смерти первинах, которые я отложил до тех пор, пока мистер Гарли не получит письмо королевы. Меня занимают теперь дела куда более неотложные, о коих вы, возможно, узнаете в один прекрасный день после дождичка в четверг. А сейчас посидите лучше рядышком тихонько, пока я буду занят, и помалкивайте, потому что я так велю, а когда я улягусь в постель, я вас позову, и мы опять немного поболтаем, так-то вот; тут пока посидите. — Ну, а теперь придвиньтесь поближе, посмотрим, что мы можем еще рассказать этим надоедливым девчонкам, ведь они все равно не дадут мне уснуть раньше двенадцати. Признаюсь, мне не терпится узнать, как вы поживаете, однако я принял за непреложную истину: если от вас ничего нет, значит все обстоит благополучно, потому что я сам буду вести себя с вами именно так; и если бы произошло нечто такое, о чем вы тотчас должны узнать, я не преминул бы сообщить вам об этом с первой же почтой, даже если бы накануне отправил вам письмо. Запомните это, юные дамы, и да хранит вас обеих господь всемогущий и ниспошлет нам радость быть снова вместе; а еще сообщите мне, как обстоят наши взаимные денежные расчеты с тем, чтобы вы могли получить деньги задолго до положенного срока и не нуждались в них[332]. Прошу вас, пока я нахожусь здесь, предупреждать меня всякий раз по крайней мере за месяц, чтобы я мог своевременно послать свои распоряжения. Запомните это, слышите, дорогие мои плутовки, и любите Престо так же, как он любит *МД*.

24. Думаю, что вы проведете сочельник гораздо веселее, нежели мы здесь. Перед тем как пойти в церковь, я побывал при дворе, и в одной из комнат, где было не так многолюдно, ко мне подошел человек в красном мундире без шпаги и после обычных приветствий осведомился, как поживают дамы. Я спросил, каких собственно дам он имеет в виду? Он ответил: «Миссис Дингли и миссис Джонсон». «Судя по тому, что я

слышал от них в последний раз, очень недурно», — сказал я. «А вы давно оттуда приехали, сэр? — спросил он. — Сам-то я никогда в Ирландии не бывал…», — но как раз в эту минуту ко мне обратился лорд Уинчелси[333], и этот человек отошел в сторону. Уходя, я опять его увидел и тут только вспомнил, что это рябой Ведо[334], и подойдя к нему, принес свои извинения, сославшись на то, что голова моя была забита одним делом, о котором я должен был переговорить с лордом Уинчелси, после чего я осведомился о здоровье его жены и таким образом все сошло гладко. Он спросил, где я живу, потому что хочет заручиться моей поддержкой в Ирландии, похлопотать, что ли, о ком-то перед кем-то, не знаю точно, что именно. После церкви я опять побывал при дворе, где сэр Эдмунд Бэкон [335] сообщил мне весьма неблагоприятные новости из Испании[336], о которых вы услышите еще до получения этого письма. Как стало известно, мы потерпели там полное поражение, и было странно наблюдать, как за каких-нибудь два часа у всех при дворе изменилось выражение лица. Леди Маунтджой увезла меня к себе обедать, но я не стал там засиживаться и рано возвратился домой, а сейчас я уже в постели, потому что писать своим *МД* всегда следует в постели, так уж положено. Мистер Уайт и мистер Ред, не будьте толстокожи, пишите маленьким *МД*, лишь на спинке лежа; а вот Брауну и Блэку я другой совет даю, чтобы они *МД* писали, лежа только на боку; мистер Оук и мистер Уиллоу, навострите ушки, вы должны *МД* писать, привалясь к подушке. — Что такое? мне кажется, как будто пахнет горелым; что бы это могло быть? впрочем, ничего удивительного: в этом доме чем только не воняет. Я собираюсь в четверг съехать отсюда и поселиться через дорогу. Пожалуй, мне все же придется встать и проверить камин, потому что запах усиливается; подождите минутку. — Я встал и осмотрел свою комнату, но ничего не обнаружил, кроме мыши, которая забралась погреться за каминную решетку и которую мне не удалось поймать. Никакого запаха гари я там не почувствовал, а вот теперь в спальне слышу его опять. Возможно, я подпалил шерстяную занавеску, только и всего, а я и не сообразил. Нынче вечером Престо какой-то удивительно бестолковый, не правда ли? — Да, в самом деле. — А что, если я проснусь и увижу, что дом горит. Ладно, так и быть, рискну все же заснуть, спокойной ночи.

25. Послушайте, юные дамы, если я буду писать вам так же помногу, как в прошедшие дни, то каким образом уместятся тогда на этом листе записи за две недели, да еще и ответ на ваше письмо? Вы, конечно, не даете себе труда над этим задуматься и преспокойно позволяете простаку

Престо продолжать в том же духе. Желаю вам веселого Рождества и еще много-много таких же праздников, но только вместе с бедным Престо и в каком-нибудь славном уголке. Сегодня около восьми утра я был уже в церкви, принял причастие и к десяти возвратился домой, а потом в два явился ко двору, потому что нынче день орденской Цепи, то есть день, когда рыцари ордена Подвязки надевают свои цепи[337]; но королева так долго причащалась, что я, не дождавшись, отправился восвояси и пообедал со своим соседом Фордом, ведь в этот день все обедают дома. Любопытно, что этот праздник отмечают чуть ли не в каждом доме по всей Англии, или, по крайней мере, повсюду, где есть хотя бы немного мяса; очень славный обычай. — Вот вам забавный каламбур: один малый, проживающий неподалеку отсюда и притязающий на то, что он излечивает малярию, написал на своей вывеске «Мулярия»; какой-то джентльмен, глядя на эту вывеску, осведомился: «Любопытно, как же этот мул лечит?»; «Не знаю, — ответил я, — но такой грамотей навряд ли чудодей». Не правда ли, превосходно. К слову сказать, а спросили ли вы у епископа насчет каламбура по поводу брата Стоуэла. Цап! Ну что, вот я вас и поймал, юные дамы? Теперь вы начнете притворяться, будто спрашивали насчет дурацких каламбуров, да еще к тому же латинских? Нет, вы, конечно, раскусили меня и не стали спрашивать у епископа. Впрочем, вы ведь глупышка и, наверно, спросили. — Нынче я опять встретил во дворце Ведо; на этот раз он был при шпаге; быть может, он разорился, продал свою лавку и купил офицерскую должность? я его, однако, не спрашивал. Признаться, я не уверен, что его зовут Ведо, но что слугу Парвисола зовут Ведел, это я знаю точно. Из-за последних неблагоприятных известий банковские акции, без сомнения, упадут, как это уже произошло с селедочными[338], хотя всего лишь два дня тому назад я сумел бы заработать на своей сделке 12 фунтов. Тем не менее я не собираюсь их продавать, потому что со временем они вновь подымутся. Как ни странно, но лорд Питерборо предсказал это поражение как-то вечером у мистера Гарли при мне еще два месяца тому назад. Он утверждал, что мы должны быть готовы к тому, что Стэнхоп потеряет Испанию еще до Рождества, он-де ручается за это головой, и высказал нам свои соображения; и хотя мистер Гарли доказывал противоположное, тот упорно твердил свое. Нынче утром я рассказал об этом при дворе лорду Энглси, и стоявший рядом джентльмен подтвердил, что и он слышал, как лорд Питерборо это говорил. Видно, не зря мудрость гласит, что дурной язык может накликать беду. И еще есть старинная поговорка: однажды угадал я в самый раз, чем

заслужил доверие тотчас, с тех пор я трижды подрывал кредит, но это мне нисколько не вредит. Нет, нет, сударыни, это печалит только вас, а не меня.

26. Клянусь сатаной! рождественские подарки слугам вконец меня разорят! В кофейне эти прощелыги вздумали просить теперь больше обычного, и каждый дает им по кроне, так что и я, к стыду своему, дал столько же, не считая множества полукрон, розданных привратникам вельмож. Сегодня я добрался до Сити водою и пообедал не больше и не меньше, как с самим типографом лондонского Сити[339]. Мы с ним довольно близко сошлись, тому есть некоторые причины, о коих вы узнаете только, когда мы увидимся; к несчастью, на обратном пути дождь настиг меня на расстоянии двенадцати пенни от дома. Я наведался также к мистеру Гарли, но не застал его и при этом потерял еще полкроны на рождественских чаевых его привратнику, после чего доехал до кофейни, где и проторчал из-за дождя до девяти. Нынче пришло два письма — от архиепископа Дублинского и от мистера Берниджа[340]; последний прислал мне жалостное описание кончины леди Шелберн и поведал о своих неудачах; он не прочь стать капитаном, и я помогу ему, если сумею.

27. Утро. Я уже договорился было о том, чтобы переехать завтра на другую квартиру, как раз через дорогу, а бесстыжий пес хозяин взял и сдал ее вчера кому-то другому. Я, правда, не вручил ему задатка, так что он, разумеется, волен был так поступить; Патрик уговаривал меня дать задаток, чтобы связать его обязательством, а я отказался. И вот теперь мне предстоит рыскать по городу в поисках какого-нибудь нового жилья. Можете ли вы припомнить такую же мягкую зиму в Англии? У нас не было еще и двух морозных дней; впрочем, она с избытком возмещает это дождями: за шесть недель хоть бы три погожих дня. Поверите ли, прошлой ночью я видел *МД* во сне, но только сон был до того путанный, что я не сумею его рассказать. Я познакомил Форда с Льюисом, и мы вместе пообедали, а позже я наведался кое к кому из соседей в надежде провести с ними рождественский вечер, но никого не застал дома; все куда-то ушли, чтобы веселиться с другими. Я не раз замечал, что по праздникам обычно никого нет дома: и где их черт носит? Одним словом, мне не оставалось ничего другого, как отправиться в кофейню, где я провел часок с мистером Аддисоном; под конец он вспомнил, что должен передать мне два письма, на которые я не смогу ответить ни сегодня вечером, ни завтра. Да, смею вас уверить, юные дамы, вам не стоит на это рассчитывать. У меня других дел предостаточно, и некогда отвечать непослушным девчонкам; ведь как справедливо говорит старая поговорка: писать ответ *МД* не смей, пока не

минет десять дней; поговорка получилась не ахти какая.

28. Сэр Томас Ханмер прислал мне нынче приглашение отобедать с ним; в числе гостей был также прославленный доктор Смолридж[341]; мы просидели до шести, а теперь я уже возвратился домой в свою новую квартиру на Сент-Олбенс-стрит[342], за которую плачу ровно столько же, сколько и за прежнюю — восемь шиллингов в неделю за комнату на втором этаже, однако могу при этом пользоваться гостиной для приема знатных посетителей, и сейчас я уже лежу на своей новой кровати.

29. Сэр Эндрю Фаунтейн очень тяжело хворал всю эту неделю и нынче рано утром послал за мной, чтобы я прочитал над ним молитвы, к чему, как вам известно, прибегают только в самом крайнем случае. Придя к нему, я увидел, что доктора и все окружающие отчаялись ему помочь. Я прочитал молитвы и выяснил, что он уже отдал все необходимые распоряжения, а когда от него вышел, сиделка спросила меня, верю ли я, что он выживет, ведь доктора уже не надеются. Я сказал, что верю, ибо, сколько я мог заметить, жизненные силы в нем не иссякли, а это впечатление, как я имел случай убедиться, редко бывает ошибочным (я подметил это у драгоценной бедняжки Стеллы, когда она болела много лет тому назад); вечером я опять его навестил, и он уже чувствовал себя несравненно лучше, так что, полагаю, он выздоровеет, и доктора теперь того же мнения; если, однако, он все же умрет, позор на мою голову. Государственный секретарь (мистер Сент-Джон) пригласил меня сегодня на обед; у него были также мистер Гарли и лорд Питерборо, а вечером пришел еще и лорд Риверс. Лорд Питерборо дня через два уезжает в Вену; он объявил, что непременно заставит меня писать ему. Мистер Гарли ушел в шесть, а мы просидели еще около часа. Я отвел в сторонку государственного секретаря и выразил ему недовольство мистером Гарли, который хотя и добился, что королева даровала первины, но кроме того обещал представить меня ей и получить от нее письмо к ирландским епископам; и вот прошло уже шесть недель, а он так и не выполнил обещанного, и моя репутация под угрозой. Мистер Сент-Джон отнесся к моим словам должным образом, попросил прийти к нему в воскресенье утром и взялся закончить это дело в четыре дня; так что в самом непродолжительном времени я узнаю, насколько можно полагаться на их посулы. — Сейчас девять часов, и я должен заняться делом, вот так-то, маленькие мои плутовки, а посему спокойной вам ночи.

30. Утро. На дворе похолодало, слышите, бесстыдницы. Ко мне только что заходили сказать, что сэр Эндрю Фаунтейн поправляется. А сейчас я

встану, потому что когда я пишу в постели, у меня немеют руки. — Ночь. Теперь, когда сэр Эндрю Фаунтейн почувствовал себя лучше, он, видимо, не хочет себя неволить: нынче утром меня опять позвали к нему прочитать молитвы, однако он распорядился, чтобы его не беспокоили. Его выздоровление стоило мне наследства, поскольку он завещал мне картину, несколько книг и прочее. Я навестил моего quondam [бывшего *(лат.)*] соседа Форда (впрочем, знаете ли вы, что такое quondam?) и он предложил мне пообедать у него, потому что в дни оперных представлений он имеет обыкновение обедать дома. Домой я возвратился в шесть, написал архиепископу, а потом до начала двенадцатого был занят делами, после чего улегся в постель, дабы написать моим *МД* несколько строк и уведомить их, что я пребываю в эту самую минуту в добром здравии и уповаю на бога, что и *МД* так же вполне здоровы. Удивляюсь, отчего это я никогда не пишу вам о политике: я мог бы вас сделать самыми глубокомысленными политиками во всем переулке. — Так-с, однако когда же мы примемся отвечать на письмо № 8 от *МД*? Во всяком случае, не раньше будущего года. — О господи, но… — Но это произойдет уже в следующий понедельник. Вот я вас и надул, не правда ли? Вот так. Видано ли подобное простодушие? На днях я сочинил Бену Портлаку[343] каламбур насчет подштанников. «Чума меня побери, — воскликнул он, — да ведь это точь-в-точь про мои…». Пожалуйста, Дингли, прошу вас, дайте мне, наконец, уснуть, и вы, Стелла, прошу вас, ведь я почти сплю, погасите свечу.

31. Утро. Сейчас семь часов, и я велел затопить камин, но пишу у себя в спальне, в постели. Нынче мне не надо бриться, так что буду готов пораньше, с тем чтобы еще до богослужения успеть повидать мистера Сент-Джона, а на письмо *МД* отвечу завтра. Если написать *МД* ты ищешь случай, Дни под новый год всех прочих лучше: Стоит в первый года день *МД* письмом настичь, С кем бог ни пошлет разлуку, только лишь *МД* опричь. (В этих поговорках всегда попадаются старые слова: «опричь» — означает — «кроме».) Если ж им не написал, а ходишь в гости, Знай, *МД* тебе тогда все переломают кости. Однако Патрик говорит, что мне уже давно пора вставать. — Ночь. Сегодня рано утром я был у секретаря Сент-Джона и вручил его памятную записку насчет получения от королевы письма, подтверждающего, что она даровала первины; он обещает уладить все буквально в несколько дней. Он сказал, что виделся с герцогом Мальборо[344], который сокрушался о своих прежних опрометчивых поступках, приведших его к сближению с вигами, и говорил, что изнурен

годами, треволнениями и неудачами. Клянусь, мне стало жаль его, я считаю, что с ним и в самом деле поступят нехорошо, если чрезмерно его унизят, хотя он, конечно, сам во всем виноват. Он ненасытен, как сама преисподняя, и честолюбив, как ее повелитель: он был бы не прочь сохранить за собой пост главнокомандующего до конца своих дней и срывал все попытки заключить мир только ради того, чтобы не утратить своего положения и нажить как можно больше денег. Он будто бы уверял королеву, что отнюдь не корыстен и не честолюбив. Она рассказывала потом, что если бы могла в ту минуту отвернуться, то рассмеялась бы, и едва удержалась, чтобы не рассмеяться ему в лицо. Он поддерживал все гнусные действия прошлого кабинета министров, а они его тоже не забывали, поскольку он играл им наруку. И тем не менее, он был удачливый полководец, и я надеюсь, что его все же оставят в должности главнокомандующего. О господи, примечаете, я толкую с *МД* о политике. Впрочем, если это вам по душе, то я буду время от времени сдабривать свои письма политическими новостями; примите при этом в соображение, что мои новости будут свежие, из первых рук. Так вот, я обедал с мистером Гарли и ушел от него в шесть; там было много гостей, однако мне отнюдь не было весело. Мистер Гарли заставил меня прочесть вслух листок со стихами Прайора. Я читал их просто, без особого выражения, и Прайор поклялся, что никогда больше не допустит меня читать его стихи и в отместку так же скверно прочитает какие-нибудь мои. Я попросил прощения и сказал, что тем и прославился, что читаю стихи хуже всех на свете, и у меня вырывают их из рук, стоит мне лишь предложить их прочесть. Это чрезвычайно всех рассмешило. — Сэр Эндрю Фаунтейн все еще хворает: у него, похоже, разлилась желчь.

1 января. Утро. Желаю моим драгоценнейшим славным Дингли и Стелле счастливого Нового года, здоровья, доброго пищеварения, и разумеется, общества любящего их *ГП*. Представьте, я запамятовал, как следует писать это прозвище *ГП* и никак не могу сообразить, в чем дело; ах, да, вспомнил, ведь обычно я пишу БДГП[345]. Патрик как раз пожелал мне счастливого Нового года и говорит, что пора вставать, потому что камин уже затоплен, но, право же, в комнате довольно-таки холодно. Подумать только, каким любителем потолковать о политике я себя выказал, беседуя прошлой ночью с *МД*; никогда ничего подобного за собой не замечал. Непременно достаньте «Экзаминеры» и прочитайте их; последние девять или десять номеров[346] рассказывают о причинах недавних перемен и злоупотреблениях прошлого кабинета министров, и,

как меня уверяли высокопоставленные лица, все это чистейшая правда. Эти номера написаны с их ведома и одобрения. А теперь я встану, потому что должен проведать сэра Эндрю Фаунтейна; однако вечером, мне, возможно, удастся ответить на письмо *МД*, Итак, с добрым вас утром, мои государыни, с добрым утром! Дингли и Стелле в день светлый Ноэля Желаю пирогов и ростбифа и эля, Чтоб с вами я делил застолье и веселье, Иль вы со мною здесь от радости хмелели, Вот то-то было б славно, девчонки-пустомели. — Ну, в последний раз с добрым утром, дорогие малышки, потому что из-за ваших проказ кое-кто никак не может встать с постели. — Вечером. Я отправился нынче утром с визитом к леди Керри и лорду Шелберну, и они уговорили меня пообедать с ними. Сэр Эндрю Фаунтейн чувствует себя лучше. А теперь позвольте-ка взглянуть, что рассказывает это дерзкое дорогое письмо от *МД* — Ну-ка, иди сюда, письмо, где ты там затаилось между простынями? — вон куда забралось и никак не хочет вылезать. — Иди сюда, тебе говорят!; послушалось, наконец, вот оно. — Скажи, пожалуйста, Престо, чего ты хочешь? — спрашивает оно. — Иди сюда и дай мне ответить на тебя твоим хозяйкам. Ну-ка, покажи мне свое начало, как подобает воспитанному письму. Вот так. Скажите на милость, как это вам удалось сквитаться с Престо, мадам Стелла? Вы ответили на мое письмо своим восьмым, а я, получив ваше восьмое, пишу сейчас двенадцатое. Вы упускаете из виду те мои письма, которые еще находятся в пути, святая простота? Ну как, уразумели? Итак, вы отпраздновали скромный день рождения Престо; поверьте слову, если бы господу было угодно, я предпочел бы выпить по этому случаю с вами, нежели находиться здесь, где у меня нет никаких радостей, ничего, кроме дел, коими я обременен изо дня в день. Надеюсь, что со временем я поумнею, а пока ни слова больше. Я хочу лишь одного, чтобы мы, покуда бедный Престо жив, никогда больше не разлучались даже на десять дней — желаю этого всей душой и всеми своими потрохами, аминь. — После такого печального разговора я не могу сразу настроиться на веселый лад и потому провел такую длинную черту, а теперь все опять хорошо. Да, вы, конечно, изрядные задаваки с этими своими в-четвертых и в-пятых, и с вашим дневником и всем прочим. Ураган! — никакого урагана у нас здесь и в помине не было, и вообще ничего из ряда вон выходящего за все это время. Впрочем, был как-то однажды, но только не тогда, когда у вас. Но, как справедливо говорится в одной старой поговорке: От ветра жди лишь худа, Отсюда ль он, оттуда, Будь то из уст елейных или из мест филейных. У вас снесло трубу! Храни вас господь. Полагаю, вы хотели сказать, что свалились два-три кирпича, потому что уверять, будто вашу трубу унесло

ветром к соседнему дому, это бессовестное вранье. Не морочьте нас своими выдумками: здесь таким россказням никто не поверит: придерживайтесь хоть сколько-нибудь правдоподобия. Лорд Хартфорд[347] и тот устыдился бы такого преувеличения. Думайте все же, кому вы это рассказываете. Ведь стоит человеку усвоить дурную привычку, и ему уже нелегко от нее отделаться. Джемми Ли по-прежнему поговаривает о скором отъезде; но quando [когда *(лат.)*]? Я, во всяком случае, не могу дать ответа. А теперь вы получили мое девятое и полагаете, что наконец-то сравнялись со мной и, следовательно, я, подумать только, сравнялся с вами. Нет, каково! Об истории леди С. я уже наслышан. Неужели не найдется человека, который бы перерезал глотку этому Д.? Пятьсот фунтов вы считаете недостаточной ценой за три месяца, прожитых по-царски? Говорят, она умерла скорее от горя: ведь ей пришлось выступить свидетельницей в суде по поводу каких-то дрязг между их слугами. — Так, значит, епископ Клогерский показал вам памфлет[348]. Но только вам не следует верить всякого рода досужим разговорам; люди могут наговорить все, что угодно. Здесь считают, что характер обрисован превосходно, а приведенные там факты по большей части довольно незначительны. Он был сперва напечатан тайно, а потом какая-то бойкая шавка осмелилась сделать это открыто и продала за два дня две тысячи экземпляров; имя сочинителя должно остаться в тайне. Бесстыдницы, вы делаете вид, будто оно вам известно? Как вы смеете так думать! Чума на ваши парламенты: архиепископ уже все рассказал мне, но мы здесь не снисходим до того, чтобы проявлять интерес к подобным вещам. Нет, нет, никаких этих ваших головокружений у меня больше не было; благодарю вас, Стелла, за то, что вы спрашиваете об этом, от всей души благодарю и пусть всемогущий господь благословит вас за вашу доброту к бедняге Престо. Дорогая моя, вы удосужились написать леди Джиффард и своей матери относительно того, что я советовал вам сделать, когда было уже слишком поздно. Однако же я полагаю, что из-за последних неблагоприятных известий из Испании акции упадут так низко, что их и сейчас можно будет купить с немалой выгодой. Как-нибудь на днях я все же рискну навестить вашу матушку, когда леди Джиффард не будет дома. Что ж, держитесь тогда за своего Рэтборна и ему подобных. Так вот, мадам Дингли, все, что было куплено для вас, я упаковал и отправил в Бристоль, но с тех пор, как Раймонд уехал, от него не было никаких известий. Да, да, юные дамы, камин у меня всегда жарко натоплен, хотя это обходится мне в двенадцать пенсов в неделю, и боюсь, что даже несколько дороже; а если вы вздумаете меня укорять, я

рассержусь и стану топить еще в спальне. Да нет же, ведь я только что сказал вам, что никакого урагана у нас здесь не было, разве вы уже забыли? — Опять вы об этом, глупышка Стелла! Почему это ваша матушка считает, что жечь такие свечи просто срам? Шесть моих свечей весят не более фунта, а она говорит, будто я настолько расточителен, что жгу их даже днем. Разве только я никогда не зажигаю меньше одной свечи одновременно, вот и все. Что другие давно бы уже получили? Черт бы побрал этого Хокшоу. Он уверял меня, что не получал никакой посылки, а на следующий день Стерн божился, что отправил ее еще две недели тому назад; вчера Патрик никак не мог его разыскать, но завтра непременно разыщет. Бесценная моя, вам неловко досаждать мне своими просьбами? Стелла боится досаждать Престо? Пузырек с лекарством был вложен в посылку, потому что для пакета был слишком велик, и я опасался, что он разобьется. Ли не было тогда в городе, в противном случае я не доверил бы посылку Стерну, хотя у меня с ним все же достаточно дружеские отношения, чтобы я мог попросить его и о большей любезности. Я не буду знать покоя, пока вы не получите это лекарство или, по крайней мере, пока я не узнаю, что оно в самом деле отправлено вам. Бедная моя, дорогая шалунья, до чего же она глупенькая, если могла вообразить, будто мне это досаждает. Разве я мог бы себе простить, если бы пренебрег хоть самой малостью, если она может помочь вашему здоровью? Да я бы после этого был последний негодяй! — Посмотрите, как далеко мне пришлось отодвинуться от Стеллы, и все из боязни, что она считает бедного Престо недостаточно внимательным к ее маленьким поручениям. Поверьте, я тотчас же купил все, что вы велели, и собственноручно упаковал и передал посылку Стерну и шесть раз заходил к нему справляться, отправлена ли она. Меня чрезвычайно радует, что вы довольны своими очками. Я получил еще один ночной колпак из бархата; его купил лорд Герберт[349] и подарил мне, когда я как-то утром завтракал с ним; и он был при этом таким веселым, каким я его, пожалуй, ни разу не видал, хотя за полчаса до того получил вызов, а полчаса спустя дрался на дуэли. Это случилось дней десять тому назад. Нет, вы заблуждаетесь в своих предположениях относительно «Тэтлеров»: я не только не писал очерки о носах и о религии, но даже и никаких тем в последнее время ему не подсказывал. — Признаться, дорогая Стелла, читая ваше письмо, я не видел никаких причин для беспокойства, но когда стал отвечать на всякие частности и обнаружил, что вы все еще не получили мою посылку, это задело меня за живое, тем более, что, как мне показалось по вскользь оброненным вами словам, вы решили, будто я не позаботился об этом должным образом. Но

здесь, очевидно, какое-то недоразумение, которое я завтра же выясню и напишу Стерну, потому что боюсь не застать его дома. — Да, пожалуйста, Престо, прошу вас, сделайте это безотлагательно. — Нет, за время своего пребывания здесь Раймонд был у меня едва ли более четырех раз, да и то лишь, когда я одевался. Миссис Фентон опять написала мне относительно ее денег, которые находятся у леди Джиффард и о которых моя матушка просила меня позаботиться; миссис Фентон опасается, как бы они не достались ее муженьку. Свои письма я отправляю вам регулярно каждые две недели; разумеется, вы могли бы получать их чаще, но только они в таком случае будут короче. Еще раз прошу вас, велите Парвисолу продать вашу лошадь. Я, кажется, уже говорил об этом в предыдущем письме, и буду очень рад, когда вы от нее избавитесь, потому что пока вы на ней ездили, я не знал покоя, а если он, или кто-нибудь еще, взялся бы купить вам другую, чтобы вы могли почаще ездить верхом, то отчего бы вам не согласиться?

2. Нынче рано утром я отправился к государственному секретарю мистеру Сент-Джону, и он передал мне со слов мистера Гарли, что дарственная грамота насчет первин уже составлена и на ее основании будет выписан патент, но так как бумаги должны пройти через несколько канцелярий, то это займет какое-то время, потому что к распоряжениям королевы относятся с особым тщанием; мистер Гарли просил заверить меня, что все уже решено окончательно и не подлежит дальнейшему обсуждению и он просит меня нисколько на этот счет не беспокоиться. Завтра я опять напишу архиепископу, а вас тоже прошу при случае рассказать ему об этом. От секретаря я пошел к мистеру Стерну, который обещал вечером написать вам и сказал, что посылка по всей вероятности уже в Честере и что один из его приятелей скоро туда поедет и захватит ее с собой в Ирландию. Обедал с господином секретарем Сент-Джоном, а в шесть пошел пить пунш к Дартнефу, у которого были также мистер Аддисон и малыш Гаррисон, молодой поэт, о судьбе которого я хлопочу. Ожидали еще Стиля, но он так и не пришел; впрочем, с тех пор, как я с ним знаком, я не припомню и двух случаев, когда бы он явился, как было условлено. Ушел я оттуда в двенадцатом часу и сейчас уже лежу в постели. Сегодня вышел последний номер «Тэтлера»[350]. Вы его прочтете еще до получения моего письма и увидите, как Стиль попрощался с публикой. Он никого об этом не предупредил, даже мистера Аддисона, который был удивлен не меньше меня; однако, по правде говоря, это уже давно пора было сделать: журнал стал невыносимо однообразен и скучен. Насколько мне известно, у Стиля было еще несколько довольно удачных замыслов, но

он слишком ленив и тяготился этим делом, так что едва ли попытается осуществить их. Это письмо, полагаю, будет отправлено послезавтра. Как вы думаете, Дингли, неужели я это сделаю, не исписав лист до конца?

3. Лорд Питерборо зазвал меня вчера к цирюльнику, и мы толковали с ним там о политике. А нынче он уговорил меня отобедать с ним в таверне «Глобус» на Стрэнде и обещал с такой ясностью изложить мне, каким путем можно заполучить Испанию, что у меня не останется на этот счет никаких сомнений. Явившись, как было уговорено, я застал его в окружении полудюжины стряпчих, поверенных и прочих висельников, подписывающим бумаги и отдающим распоряжения, потому что завтра он отбывает в Вену. Я проторчал в обществе этих мошенников до четырех, но относительно Испании так ничего и не услыхал; единственное, что я уразумел из сказанного им ранее, так это то, что во время этой своей поездки он не надеется добиться чего-либо существенного. Мы намерены весьма регулярно поддерживать друг с другом переписку. Попрощавшись с ним, я наведался к сэру Эндрю Фаунтейну, который чувствует себя намного лучше прежнего. Домой, дабы потрафить вам, я возвратился в шесть и до сего времени, то есть до начала двенадцатого, занимался делами.

4. Утро. Доброго вам утра, дорогие малютки. Поверите ли: мне приснилось, будто меня должны упрятать в тюрьму, уж не знаю, за что, и я ужасно страшился мрачной темницы, а потом мне представилось, будто все, что я вчера выслушал относительно болезни сэра Эндрю Фаунтейна, на самом деле случилось с бедной Стеллой. Сны всегда особенно отвратительны тем, что, пробудясь, какое-то время находишься под впечатлением только что привидевшегося. Любопытно, отправлю ли я это письмо сегодня? А почему бы собственно и нет: ведь до двух недель осталось только два дня; и, весьма возможно, что *МД* не терпится иметь ровно дюжину писем; но вот только, как же вы тогда сравняетесь со мной, юные дамы, отправив только восемь? Впрочем, вам, конечно, следует писать вдвое медленнее, чем мне, потому что вас ведь двое. — Что ж, в таком случае я запечатаю сейчас это письмо утренней свечой и захвачу его с собой в Сити, где собираюсь нынче обедать, с тем, чтобы сдать потом в почтовую контору своими собственными прекрасными ручками. Но прежде дайте-ка припомнить, нет ли у меня для *МД* каких-нибудь новостей. Министры говорят, что намерены провести в ближайшее время расследование злоупотреблений предшествующего кабинета, им это необходимо, чтобы подтвердить справедливость его отставки. Мы предполагаем, что деканом Крайстчерч-колледжа в Оксфорде будет все-

таки назначен, Эттербери[351], хотя колледж скорее предпочел бы доктора Смолриджа. — Но вам-то что до всего этого? Какое вам дело до разных Эттербери и Смолриджей? Ведь никто, кроме Престо вас не занимает, не правда ли? А теперь я все же встану и попрощаюсь с вами; хотя, признаться, мне этого ужасно не хочется, тем более, что осталась еще изрядная часть страницы, и можно бы еще поболтать; но Дингли, по-моему, готова удовольствоваться и этим. «Да, — говорит она, — пусть ваши дневники будут не столь подробны, только присылайте их почаще». Что ж, быть посему. А знаете ли вы, что я вас опять кое в чем надул, потому что этот лист короче других и в нем уместится по крайней мере на шесть строк меньше. А теперь я расскажу вам забавную шутку, которую я ввернул, беседуя с лордом Картеретом[352]. «Так вот, — сказал он, — лорд *** поравнялся со мной и спросил…» — «Позвольте, сударь, — возразил я, — лорд *** никак не мог и никогда не сможет *поравняться* с вами». Мы все здесь время от времени каламбурим: так, на днях лорд Картерет предложил Прайору сесть к нему в коляску, на что тот ответил: благодарю, милорд, *за ласку*. Пожалуй, все это пришлось бы по вкусу нашему Дилли. Я слыхал еще один очень славный каламбур от министров, да вот к стыду своему запамятовал его. Хенли по случаю Рождества укатил в деревню. Этот шут гороховый приехал сюда без жены, дома никакого хозяйства не ведет и все норовит зазвать меня обедать в какую-нибудь харчевню; но я только однажды попался на эту удочку, и больше меня туда не заманишь. Не встречая меня некоторое время в кофейне, он справился обо мне у лорда Герберта и попросил передать мне, что я пребуду скотиной вовеки по чину Мельхиседека[353]. Читали вы когда-нибудь Библию? Так вот, он только заменил слово «священник» — «скотиной». — Уж не колдовство ли это какое, что я так много пишу нынче утром малюткам *МД*? Может, вы все-таки позволите мне уйти? А вечером я снова явлюсь к вам на хорошем чистом листе бумаги. Да поймите же, сейчас я больше не могу и не стану задерживаться; нет, не стану, как бы вы не подлизывались; нет, нет, не поглядывайте на меня так умильно и заискивающе и не просите. — Ну, пожалуйста, Престо, пожалуйста, напишите еще хоть чуточку. — Ах, вы, льстивая негодница! Нет уж, будьте любезны отвернитесь и дайте мне встать, слышите, и будьте паинькой. О, поверьте слову, только что погасла моя утренняя свеча, и я волей-неволей должен встать: у меня в спальне темно, потому что занавеси задернуты и кровать заслоняет от меня окно. Итак, до свидания. Я нахожусь почти в полной темноте, и когда встану, мне придется зажечь другую свечу, чтобы запечатать письмо; но все-таки я

сейчас сложу его впотьмах, а уж вы потом разбирайтесь, как сумеете; ведь я едва различаю листок, на котором пишу. Передайте от меня поклон миссис Уоллс и миссис Стойт.

Господь всемогущий да благословит вас. Я совсем не вижу, что я делаю, и все-таки сложу его, а перечитывать не стану.

Письмо XIII

Лондон. 4 января 1710—1711[354].

[*четверг*]

Был нынче в Сити (где пообедал) и на обратном пути своими собственными прекрасными ручками отдал двенадцатое письмо в почтовую контору, и произошло это не ранее девяти вечера. Обедал я с людьми, о коих вы никогда не слыхали, а посему не имеет смысла вам о них рассказывать: некая сочинительница и типограф[355]. Домой я для моциона прогулялся пешком и в одиннадцать лег в постель, но все время, пока раздевался, я сам с собой разговаривал и размахивал руками, как если бы *МД* были рядышком, и опомнился лишь, когда очутился в постели. Прошлой ночью я написал архиепископу, что дарственная грамота насчет первин уже составлена и что лорд Питерборо отбыл в Вену, но, судя по всему, лорды уговорили его задержаться, дабы расспросить о положении дел в Испании и узнать, в чем, по его мнению, кроется причина поражения наших войск. Так что я ввел архиепископа в заблуждение, однако же, полагаю, особого греха в том нет.

5. Господин секретарь Сент-Джон послал нынче за мной так рано, что я принужден был отправиться, не побрившись, и тем нарушил свой обычный распорядок. Я зашел поэтому к Форду и попросил у него принадлежности для бритья, чтобы все же привести себя в пристойный вид. Боже милостивый! какой нелепицы я здесь свидетель: мать и сестра сэра Эндрю Фаунтейна пожаловали сюда из Вустершира, более чем за сто миль, чтобы проститься с умирающим. Они добрались сюда только вчера, так что пока они находились в пути, он уже давно мог либо умереть, либо выздороветь. Услыхав об их приезде, я не мог сдержать своего раздражения, чему все, кто отирается вокруг сэра Эндрю, весьма удивились и стали доказывать мне, сколь великим утешением для него и его близких будет, если он испустит дух у них на руках. Я знаком с его матерью, другой такой Оверду свет не видывал[356], а его сестрица, говорят, еще похлеще, так что, боюсь, как бы бедняге не стало снова худо. Здесь и без того, пока жизнь сэра Эндрю была в опасности, его братец, пройдоха из пройдох, все время стонал в соседней комнате, а сиделки утешали его, уговаривая не принимать этого так близко к сердцу, а ведь в случае кончины сэра Эндрю все его имущество должно было достаться этому псу — невежественному, никчемному, подлому распутнику. Я

впервые обедал сегодня с Офи Батлером и его женой, а вы, конечно, ужинали с деканом и проиграли за картами двадцать два пенса. Итак, миссис Уоллс разрешилась девочкой, которая умерла через два дня после крестин, и, между нами говоря, мать не так уж этим опечалена: она слишком дорожит своим досугом и развлечениями, чтобы обременять себя детьми. Иду ложиться спать.

6. Утро. Вчера вечером я пошел за углем, чтобы подбросить немного в камин после того, как Патрик завалился спать, и увидел в чулане несчастную коноплянку, которую он купил, чтобы привезти ее Дингли; она обошлась ему в шесть пенсов и смирная, как соня. Сдается мне, она и не подозревает, что она птица: куда ее ни посадишь, там она и сидит, словно ей неведомы ни страх, ни надежда. Мне кажется, что от скуки она не протянет и недели. Перед тем, как ее купить, Патрик советовался со мной. Я со всей очевидностью представил ему непомерность цены и безрассудство его затеи, доказывая, что ему все равно не удастся довезти ее по морю невредимой, но он не внял моему совету и еще раскается. Нынче утром холодно даже в постели, но я слышу, как хорошо горит огонь в соседней комнате, в той самой, какую вы имеете обыкновение называть столовой. Надеюсь, что погода сегодня будет хорошая; а теперь позвольте мне, сударыни, встать, слышите. — Вечером. Утром я должен был навестить декана или господина председателя[357], как вы его, кажется, изволите именовать, не так ли? А почему бы мне собственно и не навестить декана, точно так же, как это делаете вы? — Небольшого роста брюнет лет под пятьдесят? — Да, да, он самый. — Такой славный достойный человек? — Да, да, он самый. — Довольно-таки себе на уме? — Да. — Из тех, кто понимает свою выгоду? — Как и все прочие смертные. Но позвольте, как же это могло случиться, что *МД* и я ни разу там не встретились? — Весьма приятное лицо и бездна остроумия. — И вы, конечно, знакомы и с его женой?[358] — О господи! Да вы о ком говорите? — О докторе Эттербери, разумеется, декане Карлайла и председателе. — Престо, какой же вы, право глупый, ведь я думала, что вы говорите о нашем декане собора св. Патрика. — Бестолочь, бестолочь, бестолочь, боже, какая бестолочь! По пути в Сити мне преградило дорогу сборище мальчишек и девчонок, сновавших, словно мухи, вокруг кондитерских лавок, владельцы которых по недомыслию своему выдвинули их на два ярда вперед на середину улицы и которые были сплошь уставлены большими кексами[359], покрытыми сахарной глазурью и украшенными полосками фольги. Потом я зашел к книготорговцу

Бэйтмену[360] и выложил сорок восемь шиллингов. Я купил три небольших томика Лукиана[361] на французском для нашей Стеллы, и прочее, и прочее. Потом я заглянул к Гэруэю[362] в надежде встретить там Стрэтфорда и пообедать с ним, но оказалось, что купцы сегодня отдыхают от трудов праведных и что он отправился в мой конец города, а посему я пообедал с сэром Томасом Фрэнклендом в почтовой конторе, и мы выпили за здоровье нашего Мэнли. Дело в том, что в одной газетенке напечатано, будто его уволили, но секретарь Сент-Джон заверил меня, что это досужая выдумка и что ее сочинитель — заядлый тори. Я что-то не заметил здесь ни малейших признаков рождественского веселья.

7. Утро. Ваш лорд-канцлер отбывает завтра в Ирландию; я с ним не видался. В качестве капеллана он берет с собой некоего Трэпа[363]; это священник, претендующий на остроумие, второсортный памфлетист, выступающий на стороне ториев, которые с ним расплатились, отправив, его в Ирландию. Трэпа я тоже ни разу не видал. Вчера неподалеку от биржи я встретил Тая и вашего Смита из Ловета[364]. Тай и я сделали вид, что не замечаем друг друга, но Смита я остановил, поскольку он сказал, что скоро едет в Ирландию, возможно даже на этой неделе, и рассказал ему о вашей посылке, которая находится сейчас в Честере. Сегодня же утром пошлю передать Стерну, чтобы он вместе со Смитом позаботился о посылке. Итак, доброго вам утра, сударыни, и позвольте мне встать. — Не успел я нынче вечером возвратиться домой, то есть несколько минут тому назад, как тотчас взял в руки этот листок, но потом сказал, нет — нет, как хотите, *МД*, но на сей раз вам придется подождать, и уже было отложил листок в сторонку, но потом, как я ни занят, а все же не смог с собой совладать и решил сперва спросить вас, как вы поживали после нашей утренней беседы. Немного погодя мы опять поговорим, а до той поры позволь мне, маленький листок, осторожно отложить тебя вот сюда — а теперь примемся за дело; говорю тебе, лежи смирно; да нет же, ничуть я тебя не отталкиваю, просто отложил в сторонку. — Так. — А теперь я уже в постели и могу немного с вами побеседовать. Господин секретарь Сент-Джон чрезвычайно спешно прислал за мной сегодня утром, но я решил сначала побриться, боясь, что отложи я это на потом, то пропустил бы утреню. Я побывал при дворе, где в последнее время всегда многолюдно, а потом пообедал с молодым Мэнли[365] у сэра Мэтью Дадли. — Потолкуем, пожалуй, немножко о политике. Я опасаюсь, что все мы окажемся втянутыми в партийные распри. Виги после своего падения превратились в самых злонамеренных негодяев на свете. А у нас, как на грех, погибло

несколько кораблей, шедших из Виргинии. Боюсь, как бы люди не стали думать, что при нынешних министрах добра не жди; а стоит кабинету министров заслужить дурную славу и *парламент* будет избран такой, какой заблагорассудится королеве, будь то вигийский или торийский. Кроме того, наши сторонники, как мне кажется, несколько пересаливают в своих нападках на герцога Мальборо. Сельские тории требуют во что бы то ни стало расследования ошибок прежнего кабинета; они, конечно, правы, но я что-то не вижу, чтобы это было очень по душе министрам. Единственное, на мой взгляд, спасение для нас — это мир, но я убежден, что нам не получить такого мира, на какой мы рассчитывали, и тогда у вигов будет повод вопить о том, чего добились бы они, если бы остались у власти. Я постоянно, насколько могу себе позволить, твержу об этом министрам, и рискну сказать немного больше, особенно в отношении герцога Мальборо, который, как утверждают виги, намерен сложить с себя командование; а бывало ли когда, спрашиваю я, чтобы мудрое правительство отстраняло генерала, который девять лет подряд одерживал победы, которого так страшатся враги и солдаты которого верят, что он непременно будет побеждать; на войне ведь, как вам известно, уверенность — это девять десятых успеха. Министры выслушивают меня внимательно и необычайно любезны, но, боюсь, что на действия кабинета чрезмерное влияние оказывают личные счеты. А между тем, они нисколько всем этим не обеспокоены и так беспечны и веселы, словно никакое бремя не отягощает их сердца и плечи, подобно врачам, которые берутся лечить, но сами не чувствуют боли, как бы ни страдал их пациент. — Тьфу, к чему я все это говорю? А к тому, что, как я убеждаюсь, мне куда легче писать о политике вам, чем кому бы то ни было на свете. Но, клянусь, голова моя от всего этого идет кругом, и я от души хотел бы быть в Ларакоре с моими дорогими очаровательными *МД*.

8. Утро. Как видите, юные дамы, я изрядно продвинулся за эти четыре дня и уже кончаю страницу, а от *МД* все еще нет письма (подчеркнутое слово означает утро). Оказывается, вчера я описывал *МД* состояние государственных дел. По вкусу ли им это? Что ж, они. конечно, рады любой строчке, полученной от Престо, однако, по правде говоря, если бы им позволено было выбирать, не утаивая своих желаний, го они скорее предпочли бы… — Ну, знаете, Престо, должна вам заметить, говорит Стелла, что вы глупеете. — Возможно, но это пока лишь мнение только одного человека, мадам. — Я обещал встретиться нынче утром с господином секретарем Сент-Джоном, но разленился и не пойду, тем более что получил от него вчера письмо с приглашением отобедать с ним

сегодня. Меня, конечно, будут бранить, но какая мне о том забота!? — У меня только что была миссис Саут[366], она зашла по пути на рынок от сэра Эндрю Фаунтейна. У него все еще лихорадка и до сих пор неизвестно, выживет ли он. Теперь в довершение всего приехали его мать и сестра и обосновались у него в доме, так что там сущее столпотворение. Я дал миссис Саут полпистоля[367] в качестве новогоднего подарка. Итак, доброго вам утра, дорогие мои, и до вечера. — Вечером. Господи, я просидел с господином секретарем от обеда и до восьми и хотя пил только разбавленное вино, но чувствую себя ужасно разгоряченным! Леди Стэнли явилась к миссис Сент-Джон[368] с визитом и послала передать, что просит меня подняться к ним, чтобы разрешить спор между нею и миссис Сент-Джон, которой я еще ни разу не видал. Что же вы думаете, этот дьявол секретарь не дал мне туда пойти, силой удержал, хотя я сказал ему, что влюблен в его жену и что удерживать влюбленного стыдно и прочее, но все было тщетно; в конце концов мне пришлось уйти домой так и не поднявшись наверх, потому что было уже слишком поздно; теперь я уже дома, и мне предстоит еще много работы нынче вечером, хотя уже девять часов, но надо же было сначала сказать что-нибудь этим шалуньям *МД*, а то ведь они не дадут мне покоя.

9. Мы с Фордом решили поехать в Сити, чтобы купить книги, а кончилось тем, что нам пришлось довольствоваться скверным обедом в пивной, после чего он затащил меня еще в таверну и заставил пить флорентийское по четыре шиллинга и шесть пенсов за фьяску. Мерзкое пойло! Мне пришлось, таким образом, потратиться, что я позволяю себе крайне редко. День прошел уныло и бестолково, и я ни с кем не повидался; а сейчас уже десять часов, и мне решительно нечего сказать вам, кроме того, что завтра будет две недели с тех пор, как пришло письмо от *МД*, и если бы я получил его сейчас, то у меня было бы еще вполне достаточно времени и места, чтобы ответить на него, и это было бы очень даже славно, а не хотите, вам же будет хуже. Да, да! Потому что я пойду тогда в лавку игрушек, что неподалеку отсюда на Пел Мел, а там к вашему сведению продают большущие-пребольшущие дубинки, да-с, хотите верьте, хотите — нет. Правда, Дингли? — Ей богу, правда. — Смотрите же не проигрывайте свои денежки в рождественские дни.

10. Нынче утром я должен был пойти к господину секретарю Сент-Джону, потому что обещал ему вчера, но не пошел и до вечера ни словечка больше не смогу сказать бедным дорогим *МД*. — Вечером. Видите, ли, Дингли, ко мне утром пришли гости, и я так и не сумел пойти туда, куда

собирался; и еще я получил от Раймонда из Бристоля корзину с шестью бутылками вина, фунтом шоколада и нюхательным табаком; он написал при этом, что доставка оплачена, но то ли он соврал, то ли меня надули, то ли произошло какое-то недоразумение; он написал мне еще о кое-каких делах, но так неразборчиво, что и сам Люцифер не понял бы его Это вино мне надлежит распить с братом мистера Гарли[369] и поверенным по делам казны сэром Робертом Раймондом, чтобы они рекомендовали Раймонда вашему новому лорду-канцлеру, который выехал отсюда в понедельник, и Раймонд сообщает, что спешит в Честер, чтобы выехать оттуда вместе с ним. — Жену свою он, надо полагать, оставил в Бристоле; ведь, когда он уезжал из Лондона, у него не было намерения возвращаться в Ирландию до наступления лета. Так что он явится к вам прежде, чем вы получите это письмо. Пришел Форд и пожелал, чтобы я отобедал у него, поскольку сегодня день оперного представления, что я и сделал, послав извинения лорду Шелберну, к которому был зван.

11. Я содействую появлению нового «Тэтлера» — малыша Гаррисона, о коем уже упоминал вам. Надоумили его на это другие, а я по возможности ему споспешествую; мы протрудились с ним нынче все утро и вечер над первым номером журнала, который выйдет в субботу. Боюсь только, что эта затея не будет иметь успеха: мне не слишком по вкусу его манера; замысел принадлежит господину секретарю Сент-Джону и мне, и, попади он в хорошие руки, журнал мог бы получиться весьма недурен. Я рекомендовал Гаррисона типографу, за которым с этой целью посылал, и нынче вечером помог им договориться. Гаррисон только что ушел, и я устал, выправляя сочиненную им дребедень.

12. Утром я был по делу у господина секретаря Сент-Джона, и он взял с меня обещание, что я приду к нему обедать, в противном случае я пошел бы на обед к мистеру Гарли, с которым вот уже десять дней как не видался. Я все же считаю, что они находятся в крайне затруднительном положении, и тем не менее, когда бы я их ни встретил, они всегда невозмутимы и беспечны, точно школьники во время каникул. Гарли крайне необходимо сейчас добыть пять или шесть миллионов, но виги не ссудят ему ни пенса — кстати, это единственная причина падения акций, — виги ведут себя подобно квакерам и прочим фанатикам, которые согласны иметь дело только со своей братией, в то время как другие не гнушаются вести с ними дела. Леди Мальборо обещает никогда больше не появляться королеве на глаза, если только за ней сохранят ее должности; а что касается герцога Мальборо, то виги распускают слух, будто он откажется выполнять обязанности главнокомандующего, но я все же держусь другого мнения и

не теряю надежды, что этого не произойдет. Если бы только небесам угодно было, чтобы в эту самую минуту я находился в Дублине с моими *МД*, я устал от политики, которая не сулит мне ничего хорошего.

13. Должен вам признаться, что вчера вечером, когда я находился у себя в комнате, со мной случился отвратительный приступ головокружения; я запасся новой коробкой пилюль, которые стану теперь принимать, и надеюсь, что в ближайшее время такое не повторится. Мне не хотелось говорить об этом раньше, чтобы не огорчать вас, маленькие мои плутовки, но теперь все уже позади. Сегодня я обедал с лордом Шелберном, и еще сегодня вышел новый «Тэтлер» малыша Гаррисона; это, правда, не бог весть что, но надеюсь, он станет лучше. Вам надобно иметь в виду, что после того, как Стиль прекратил свое издание, несколько щелкоперов выпустили своих «Тэтлеров», и один из них все еще продолжает выходить и даже обрушился сегодня на Гаррисона, так что теперь разгорится полемика, какой из журналов лучше, вроде спора насчет ремней для правки бритв[370]. Боюсь только, что у лягушонка нет для такого журнала нужной хватки. А сейчас я приведу вам одни стихи. После того, как мистер Сент-Джон был три года тому назад уволен с поста военного министра, он уехал в свое поместье; как-то он обмолвился, что был бы не прочь сделать какую-нибудь надпись на своей *беседке*, и вот один джентльмен предложил ему следующие стихи:

Отшед от светских дел, сует, обид.
Став мудрецом, презрев награды трона,
Милорд спокойно ждет ладьи Харона,
Как рыба пьет и как хорек —т.

Он клялся мне, что едва не убил автора, ведь он мнил себя ищущим уединения философом, хотя ему было отроду двадцать восемь лет; но по моему автор подметил довольно точно, потому что мистер Сент-Джон был изрядный повеса. Мне кажется, что первые три строки своим серьезным характером весьма удачно предваряют появление четвертой. Так-то… Однако мне уже пора спать, я теперь укладываюсь рано.

14. Как хотите, мои юные дамы, но мне недостает письма от неких *МД*. Ведь сегодня уже девятнадцать дней с тех пор, как я получил последнее, и, скажите на милость, где мне теперь найти место для ответа? Похоже, это письмо уйдет вообще без ответа, потому что я намерен ускорить его отправку, и оно уйдет во вторник, когда эта сторона листа

будет исписана до конца. Возьму и нарочно отправлю его на два дня раньше обычного срока, просто назло вам, и как раз на следующий день, вот увидите, придет ваше письмо, но будет слишком поздно, и тогда я посмеюсь, как никогда в жизни не смеялся. У нас уже весна. На днях я ел спаржу. Видели ли вы еще когда-нибудь зиму без морозов? Сэр Эндрю Фаунтейн еще очень плох; доктора, хирурги, аптекари обходятся ему каждый день в десять гиней, и это тянется вот уже три недели. Обедал я с мистером Фордом; он предпочитает иногда обедать дома, и я в таких случаях довольствуюсь тем, что обедаю у него. Вечером я наведался в кофейню, куда не заглядывал уже целую неделю, и побеседовал там немного с мистером Аддисоном, но довольно холодно. От нашей былой дружбы и сердечности не осталось и следа: мы с ним теперь просто вежливые знакомые; обмениваемся, конечно, какими-то словами, уговариваемся снова увидеться, и не более того. За последние шесть недель я ни разу не встречался с ним в каком-нибудь доме; на днях мы должны были обедать вместе с ним у смотрителя придворных служб, однако я послал свои извинения, поскольку был зван к государственному секретарю. Разве это не удивительно? Но я считаю, что он обошелся со мной плохо, в то время как я обошелся с ним слишком хорошо, или, по крайней мере, с его другом Стилем.

15. Нынче мне пришлось выложить три гинеи за парик[371]. Это сущее разорение. Он изготовлен одним малым из Лестера, который женат на дочери мистера Уорэла, того самого, у которого жила моя мать[372]; я надеялся поэтому, что он запросит недорого, тем более что живет в Сити. Да, видимо; не зря Лондон называют «пожиратель-пенни». Я подсказал Гаррисону замысел следующего «Тэтлера», который должен выйти завтра. Лягушонку недостает хорошего вкуса, боюсь, ничего у него не выйдет. Обедал с моим приятелем Льюисом, который служит в канцелярии государственного секретаря, и рано возвратился домой, потому что мне предстоит много работы, но прежде мне, право же, непременно надобно что-нибудь сказать *МД*. — Я, оказывается, напутал: только сегодня исполнилось девятнадцать дней, как я получил от вас последнее письмо. Мне удалось заручиться обещанием мистера Гарли, что, какие бы перемены ни были произведены в совете, епископ Клогерский не будет смещен, и он сделал себе соответствующую пометку. Я извещу об этом епископа с ближайшей или же следующей почтой. Но это секрет; у него, насколько мне известно, есть враги и, если они что-нибудь такое задумали, а это весьма вероятно, то не успокоятся, потому что какие-то перемены

предполагаются. Так что пейте свои кларет, ни о чем не тревожьтесь и не продувайтесь в карты.

16. Утро. Как хотите, но если до вечера я ничего не получу от *МД*, то отправлю это письмо сегодня же, чтобы устыдить вас; это уж беспременно. Или, быть может, вы недовольны тем, что я исписал вам лист только с двух сторон. Так вот, ручаюсь, будет вам и третья сторона, да, да, непременно, если только вы изловчитесь ее ухватить, и как-нибудь в другой раз, когда вы этого заслужите. — Нет, я все же, пожалуй, не стану дожидаться вечера, а запечатаю его сейчас, прихвачу с собой в кармане и на обратном пути домой загоню его кнутом в почтовую контору. Я собираюсь уйти нынче из дома пораньше. — Счета Патрика за уголь, свечи и прочее доходят иногда до трех шиллингов в неделю; ведь даже в теплую погоду я все равно поддерживаю хороший огонь. В Ирландии понятия не имеют, какое это счастье топить мелким углем; право, я не знаю ничего легче, удобнее, дешевле и лучше для разведения огня. Поклон от меня миссис Стоит и миссис Уоллс; кто там у нее, мальчик или девочка? Девочка, гмм; и умерла через неделю; гммм; и бедняжке Стелле пришлось быть ее крестной матерью? — Сообщите мне пожалуйста о своих расходах, чтобы я мог своевременно отправить вам деньги. С меня там причитается за четыре месяца за квартиру, так эти деньги тоже следует учесть. А теперь отправляйтесь обедать к Мэнли и проигрывать свои денежки, да, да, сумасбродные девчонки, но только не злитесь. — Завтра будет ровно три недели с тех пор, как я получил от вас последнее письмо. До свидания, драгоценные, любимые *МД* и любите бедного, бедного Престо, у которого с тех пор, как он расстался с вами, не было ни одного счастливого дня. клянусь своим спасением. — Это моя последняя вылазка сюда, надеюсь, что она все-таки окажется небесполезной. Я сделал для нынешних намного больше[373], нежели для их предшественников, и считаю их намного честнее; и все же, уверяю вас, что нисколько не буду разочарован. Я хотел бы только, чтобы *МД* и Престо могли жить в достатке и спокойствии и о большем никогда не помышлял. — Прощайте.

Письмо XIV

Лондон, 16 января 1710—1711.

[*вторник*]

Да будет вам известно, мои юные дамы, что я отправил свое письмо № 13 без единого ответного словечка на какое-нибудь письмецо *МД*, но тут уж вы сами виноваты. Однако Престо нисколько на вас не сердит, ни капельки, он только встревожится, если после прибытия следующей почты из Ирландии не увидит мелкого почерка *МД* под стеклом стойки Сент-Джеймской кофейни, которую, если бы не ваши письма, Престо никогда не удостоил бы своим посещением. Теперь Престо, помоги ему господи, каждый вечер от шести до отхода ко сну сидит дома, и в его жизни теперь меньше радостей или удовольствий, чем у кого бы то ни было на свете, хотя он и пользуется особым расположением всех министров. Клянусь надеждой на спасенье, ничто не доставляет Престо хоть какого-нибудь намека на счастье, кроме письма, время от времени получаемого им от драгоценнейших *МД*. Само ожидание и предвкушение доставляет мне радость, а если оно не приходит, я утешаюсь тем, что мне еще предстоит его получить, и тогда я буду счастлив. И, поверьте, когда я пишу *МД*, я тоже счастлив: ведь это все равно, как если бы вы находились здесь со мной, и я болтал бы с вами и рассказывал, где был. — Что ж, говорите вы, в таком случае, Престо, расскажите нам, где вы сегодня были? давайте же, а мы послушаем. И я отвечаю: навестил вместе с Фордом мистера Льюиса и еще мистера Прайора; мистер Прайор подарил мне прекрасного Плавта, а потом Форд предложил отобедать у него на квартире, однако мне это не улыбалось, и тогда мы пообедали с ним в харчевне, чего я не делал и пяти раз с тех пор, как сюда приехал, а потом я пришел домой, навестив перед тем мать и сестру сэра Эндрю Фаунтейна; он хоть и медленно, но поправляется.

17. Сделав нынче утром несколько обычных визитов, я наведался в полдень в кофейню, чтобы узнать, нет ли письма от *МД*, и слуга сказал, что отдал Патрику; потом я отправился в суд справедливости и казначейство, с целью разыскать там мистера Гарли, и после того как мы с ним какое-то время препирались, обмениваясь взаимными упреками, я согласился пообедать с ним и пробыл у него до семи, потом наведался к Стерну и Ли, чтобы узнать, как обстоит дело с посылкой и нельзя ли переслать ее вам со Смитом; Стерн уверяет, что он справлялся и постарается в ближайшее

время все уладить. Вероятно, посылка теперь в Честере, по крайней мере я так надеюсь, и дело только за тем, чтобы переправить ее вам. Малыш Гаррисон приходил ко мне и жаловался, что типограф, которого я ему рекомендовал для его «Тэтлера», пройдоха, и хотел посоветоваться, как же ему теперь быть, ведь этот самый типограф — мой кузен, и зовут его Драйден Лич. Как, вы никогда не слыхали о Драйдене Личе, том самом, что печатает «Почтальона»? он играл Оруноко и влюблен в мисс Кросс[374]. — Так вот, я пришел домой с намерением прочитать письмо от Стеллы, однако этого пса Патрика не оказалось дома; наконец он все же явился, и я получил долгожданное письмо, но тут же обнаружил, что почерк, коим обозначен адрес, мне не знаком, а когда открыл его, то увидел, что все оно написано по-французски и подписано Берниджем. Поверите ли, я чуть было не швырнул его Патрику в физиономию. Бернидж пишет, что он просил вас рекомендовать его мне с тем, чтобы я выхлопотал для него должность капитана, и сообщает ваш уклончивый ответ, что «он, мол, сам пользуется не меньшим влиянием на меня, чем вы», который весьма примечателен; будь вы здесь, я непременно представил бы вас министрам как зело смышленую особу. Берниджу следовало указать, куда ему ответить, это уже второе письмо от него без обратного адреса; чтобы избавить меня от получения еще и третьего письма, вы лучше спросите у него и напишите мне, куда ему отвечать. А тем временем скажите ему, что если полки будут в самом деле формироваться здесь, как он уверяет, то я поговорю с военным министром Джорджем Грэнвилом[375], чтобы тот назначил его капитаном, и постараюсь при случае воспользоваться и другими возможностями. Полагаю, что этого достаточно; так и передайте ему и не досаждайте мне его письмами, в то время как я ожидаю их от *МД*; слышите, юные дамы, пишите Престо.

18. Утром был у господина секретаря Сент-Джона, мы с ним собирались пообедать втроем с мистером Гарли, дабы обсудить кое-какие важные дела, но к тому пожаловали несколько джентльменов. Тогда мы с господином секретарем направились из его канцелярии к мистеру Гарли, считая, что поступаем чрезвычайно умно, — черта с два, никто из гостей и не думал уходить и более того, явились новые, и дело кончилось тем, что в восемь часов мистер Гарли удалился, а секретарь и я просидели с его гостями до одиннадцати. Я попытался было увести секретаря, но тщетно, и хотя он клялся, что уйдет, как только прикончит бутылку, мне все же пришлось в конце концов его там оставить. Я дивлюсь благовоспитанности

этих людей: видя, что я не хочу больше пить, он перестал мне наливать, однако удержать его самого я был не в силах, и в довершение всего этот мерзавец не позволял уйти ни мне, ни бывшему с нами Мэшему[376]. Добравшись домой, я обнаружил адресованный мне пакет и, распечатав его, нашел в нем памфлет, направленный против меня[377], то есть не против меня лично, но против моих писаний; это весьма учтиво со стороны автора, и он явно на это претендует; но я, скорее всего, оставлю этот выпад без внимания; автор полемизирует кое с чем из написанного мной совсем недавно; я, право, не знаю, что ему ответить, да меня это и не заботит. А вы, позвольте вам заметить, негодные девчонки, потому что проиграли сегодня свои денежки у Стойтов. Позволить такому простофиле обыграть себя, фи, Стелла, как вам не стыдно? Что ж, на сей раз я вас прощаю, но больше ни-ни, слышите, ни-ни. Ну, так и быть, поцелуемся и будем друзьями, сударыня. — А теперь идите и дайте мне лечь, я ложусь теперь раньше, чем прежде. Это впервые за два месяца, что я возвратился домой так поздно, и все оттого, что секретаря потянуло наклюкаться. Итак, доброй ночи, мои маленькиедорогиедерзкиенахальные плутовки.

19. Ну как, удалось вам прочитать это длинное слово в последней строке? Нет, в самом деле, неужто не удалось? Любопытно, когда же. наконец, придет письмо от наших *МД*? Думаю, что завтра или уж послезавтра наверняка, клянусь, оно уже где-то близко. Сегодня был унылый день со снегопадом, совсем не для прогулок, а посему я чинно пообедал в обществе миссис Ваномри, после чего возвратился домой и вскоре после девяти улегся в постель, потому что памятую старое правило Кульпеппера[378]: Чтобы утром *бодрым* встать, Нужно лечь пораньше спать; Сколько раз вам повторять: В десять, детки, марш в кровать.

20. Итак, я отправился нынче в своем новом парике, ух-ты, с визитом к леди Уорсли[379], у которой еще ни разу не был, хотя она уже почти месяц как в Лондоне, а потом пошел прогуляться по парку с намерением встретить Форда, которому обещал туда прийти; и вот, идя вниз по Мел, я имел удовольствие столкнуться, с кем бы вы думали? — с Патриком, который вынул из кармана пять писем для меня. Я прочел адрес на первом и сказал — фи, на втором — фу; на третьем — тьфу, тьфу, тьфу; на четвертом — черт побери, черт побери, черт побери, я вне себя от ярости! наконец, на пятом — эге, постойте-ка; вот это уже получше, ага, да это никак наши *МД*, и тут мы стали его открывать, я хочу сказать тотчас его распечатали, и прочитали самое бессовестное в мире утверждение: «Дорогой Престо, теперь мы с вами квиты». Теперь мы квиты, промолвил

Стивен, влепив жене шесть оплеух в ответ на одну. Да ведь я получил от вас девятое через четыре дня после того, как отправил вам тринадцатое. Но скоро я с вами за это рассчитаюсь, юные дамы. Почему вы не указали в конце своего письма, когда вы получили мое одиннадцатое, ну-ка, ответьте мне, бесстыжие девчонки? были бы мы тогда квиты, а? были бы, болтуньи? Но я не стану сейчас отвечать на ваше письмо, а попридержу его для другого случая. Сегодня выпало много снега и ужасно холодно. Я пообедал с Фордом, потому что сегодня день, когда он идет в оперу, и кроме того валит снег, так что мне не хотелось двигаться куда-нибудь далеко. Завтра я пошлю к Смиту узнать насчет посылки.

21. Утро. Всю ночь ужасно мело и стоит дьявольская стужа. Я еще в постели, но долго писать не смогу, потому что руки коченеют. — Хорошо ли ты растопил, Патрик? — Да, сэр! — Что ж, в таком случае я, пожалуй, встану; убери-ка свечу. Вам надобно знать, что я пишу в темном углу моей спальни и принужден пока не встану зажигать свечу, потому что спинка кровати заслоняет от меня окно и при нынешней холодной погоде я держу занавеси задернутыми. Итак, позвольте мне встать, а ты, Патрик, убери-ка свечу, да поживее. — Вечером. У нас теперь стоит лютый мороз и беспрерывно идет снег, так что даже при самом жарком огне нам едва удается согреться. На улице очень скользко; сын булочника сломал вчера бедро. Я хожу медленно, небольшими шажками и стараюсь не ступать на каблук. У жителей Девоншира есть неплохая поговорка: в снег ходи лихо, а в мороз — тихо, и когда идешь, дружок, то ступай лишь на носок, если ж и мороз и снег — лютая погодка, то сиди у камелька, береги подметки. Обедал у доктора Кокберна, но впредь не стану так опрометчиво принимать его приглашения, потому что у него по большей части рискуешь застать целую свору шотландцев.

22. Утро. Замерзаю, замерзаю! Ух, ух, ух, ух, ух. — Помните, как я бывало в морозное утро входил в вашу комнату, прогонял Стеллу с ее кресла, подгребал жар в камине и кричал — ух, ух, ух? Надо вставать; руки у меня до того закоченели, что, поверите ли, я не в силах больше писать. Так что, доброго вам утра, сударыни. — Вечером. Нынче утром я побывал в доме леди Джиффард, повидался с вашей матушкой и попросил ее дать мне бутылку с настойкой из первоцвета, которую в кармане принес домой. А дома хорошенько закупорил, обернул в бумагу, перевязал и отослал Смиту (он завтра уезжает в Ирландию), и послал ему также записку с просьбой быть с ней поаккуратнее и, кроме того, разузнать в Честере насчет вашей посылки. Его не оказалось дома, поэтому бутылку и записку пришлось оставить у него на квартире со строгим наказом передать их ему,

а денька через два я пошлю туда Патрика узнать, был ли мой наказ выполнен. Мы с доктором Стрэтфордом[380] условились пообедать нынче у мистера Стрзтфорда в Сити, и я предпочел ради моциона пройтись по морозцу пешком. Правда, на дворе немного «отпустило», как вы, юные дамы, имеете привычку выражаться, и стало несколько слякотно. Домой я возвратился только в девять, а сейчас уже лежу в постели, чтобы черт свернул вам шею на неделе!

23. Утро. Мне сказали, что опять подмораживает, но все же не так холодно, как вчера. А теперь я примусь отвечать на ваше письмо. — Вечером. Поверите ли, только я было собрался утром отвечать на ваше письмо, как ко мне пришел по делу типограф и пробыл у меня около часа, так что мне пришлось встать; а потом пришел Бен Тук, а потом я брился и занимался бумагомаранием; день был такой ужасный, что я отважился выйти только во втором часу, потом я зашел за миссис Бар-тон, и мы отправились с ней к леди Уорсли, к которой были загодя приглашены на обед. Граф Беркли[381] собирается жениться на леди Луизе Ленокс, дочери герцога Ричмонда. Я написал нынче вечером декану Стерну и попросил его сообщить вам, что бутылку с лекарством вам привезет Смит, а на ваше письмо постараюсь ответить завтра утром.

24. Утро. А теперь примемся за ваше письмо. Насчет того, что вы будто бы со мной квиты, я уже высказывался. Так что теперь, мои дорогие и любимые, позвольте мне перейти к следующему. Вы только и знаете жаловаться, что мои письма приходят слишком редко. — Немудрено, ведь мы получили от вас только десятое. — Да, но ведь в конце письма вы признаетесь, что уже получили и одиннадцатое. — А почему *МД*, не поехали в деревню вместе с епископом Клогерским? Право, такое путешествие пошло бы вам очень на пользу; Стелле следовало поехать верхом, а Дингли — в карете. О епископе Килморском[382] мне решительно ничего не известно, кроме того только, что он человек преклонного возраста, и, конечно, может умереть. По-видимому, он живет в каком-нибудь медвежьем углу, потому что я никогда о нем не слыхал. Что касается моих прежних друзей, то если вы имеете в виду вигов, я ни с кем из них не встречаюсь, как вы могли убедиться по моим дневникам, за исключением одного только лорда Галифакса, да и с ним очень редко; а с лордом Сомерсом так и вовсе ни разу после первого визита, потому что он вел себя как лживый, вероломный негодяй. Что же до моих новых друзей, то они чрезвычайно со мной обходительны, и я уже получил от них достаточно посулов, однако нисколько на этот счет не обольщаюсь, да и

рано мне пока еще чего-нибудь от них требовать. Во всяком случае посмотрим, чего тут можно добиться, и, если окажется, что совсем ничего, я нисколько не буду разочарован, чего нельзя сказать о бедняжках *МД*, и тогда я буду огорчен не столько за себя, сколько за них. — Дальше у вас о веселом Рождестве (только зачем, мои юные дамы, вы об этом так написали? ведь, как известно, если приправа хороша для гусочки, то она подойдет и для гуся), — но я пожелал вам того же самого еще два или три письма тому назад. Что касается ваших новостей, будто мистер Сент-Джон собирается в Голландию, то у него и в мыслях нет оставить свой высокий пост, а если бы и было, то я все равно не поехал бы с ним, потому что во мне нуждаются здесь. Так что вашим новостям, любезный наш политик, мадам Стелла, красная цена — полпенса. Ну-с, а теперь, мадам Дингли! Стало быть, миссис Стоит вас пригласила, и вы, стало быть, гостили в Доннибруке[383], и, стало быть, не могли мне написать. Вы были чертовски аккуратны в ваших дневниках с 25 декабря по 4 января. Насчет пузырька с лекарством и Смита, я, как уже писал вам, все уладил, и он вовсе не живет (или, вернее, не жил, потому что бедняга уже уехал) у мистера Джесса и так далее, однако мы все же разузнали его адрес; а к матушке Стеллы я пошел из-за своих собственных головных болей, поскольку совсем запамятовал, что вы просили в письме прислать вам еще такого лекарства, но я был вне себя от досады, беспокойства и нетерпения при мысли, что Стелла нуждается в своей целебной настойке (я пишу это в самом благопристойном смысле, слышите вы, плутовки), и до крайности рассержен небрежностью Стерна. — Я молю всевышнего, чтобы болезнь Стеллы не возобновилась. — Вы правы, когда знакомые редко приходят, то они становятся нам докучны; я сужу по себе, потому что, когда я редко с кем-нибудь вижусь, то такое знакомство превращается в обузу. — Оставите добрую часть моего десятого без ответа! — Бесстыжая девка, скажите на милость, когда вы вообще отвечали на десятое, или девятое, или хотя бы на какое-нибудь из моих писем? и кто требует вашего ответа, только бы вы писали? Пусть д….. отвечает на мои письма: я, правда, спрашивал в них иногда кое о чем и был бы рад получить ответ, но уже забыл, о чем именно, а вы ни разу не удосужились ответить; я перестану любить ваши письма, если вы будете твердить о необходимости мне отвечать. Подумать только — отвечать! Хороши ответчицы, нечего сказать. — Что же касается памфлета, о котором вы упоминаете и называете его клеветническим[384], и о том, что поговаривают, будто бы его написал некий мистер Престо, то вот вам мой ответ: фи, дитя мое, не

следует обращать внимание на то. что вам наболтает каждый бездельник. Сдается мне, что вы все же малость приврали и что вам ничего такого не говорили; ну, признавайтесь, как было на самом деле. — Весьма огорчен тем, что вы намерены так скоро возвратиться к св. Марии[385]; вы станете там бедными, как крысы; вот увидите, это местечко изрядно опустошит ваши карманы; кроме того, я хотел бы, чтобы вы подумали о переезде на лето в деревню. Да, Стелла, пепин и в самом деле уродился прекрасно; Парвисол не смог прислать мне из Ларакора: там около десятка яблонь, я хотел бы знать, есть ли от них какой нибудь прок. — Миссис Уоллс гостила вместе с вами в Доннибруке; как, разве она не собирается рожать? Ну, будет, будет вам. Дингли, угомонитесь, прошу вас. Вы так говорите, словно рассердились на епископа за то, что он не предложил вам карету для путешествия, хотя был обязан это сделать. — Как я провел Рождество? Да не было у меня никакого Рождества. И разве в самом деле недавно было Рождество? Я даже ни разу о нем не вспомнил. Поклон от меня миссис Стоит и Кэтрин, и пусть Кэтрин приготовит к моему приезду кофей и не слишком беспокоится насчет своей наружности, потому что и так сойдет. — Мистер Бернидж, мистер Бернидж, мистер Бреднидж, я получил от него уже три письма одно за другим; он не указывает никакого адреса, так что я понятия не имею, куда к д…… мне ему отвечать? Я бы сжег его последнее письмо, если бы не заметил в конце почерк Стеллы. Его просьба нелепа от начала до конца. Как я могу помочь ему купить офицерскую должность[386]? и если его полк будет отправлен в Испанию, то ему придется либо выступить вместе с полком либо продать свою должность, а при таких обстоятельствах, я думаю, ее едва ли можно будет продать. Если бы ему удалось тогда остаться здесь и в это время начали бы формировать новые полки, я бы еще предпринял попытку, чтобы его зачислили в один из них, хотя и не пользуюсь в такого рода делах влиянием или, во всяком случае, очень незначительным, но если это не удастся, то он должен будет отправиться с полком; ведь ему оказывали немалое снисхождение, и он не раз имел возможность избежать такой крайности, и я сто раз убеждал его, что так и надо поступить. А теперь чем я могу помочь? Если в моих силах будет оказать ему услугу, я непременно это сделаю. Прошу вас, изложите все это поприличнее и передайте ему от моего имени и скажите, что я бы ему написал, если бы знал, куда адресовать письмо; я вам уже говорил это и просил передать ему по меньшей мере раз пятьдесят. Да, мадам Стелла, мне все же удалось прочитать длиннющее словечко, коим вы завершили свое письмо, а вот вы мое, которое я написал после того, как пожелал вам

спокойной ночи, небось, не можете прочесть. И все же мой почерк, как мне кажется, стал гораздо лучше, хотя я не теряю надежды, что, когда глазки Стеллы исцелятся, мне опять можно будет писать так же скверно, как всегда. — Ну, вот я и кончил отвечать вам, и мой ответ можно считать исчерпывающим, потому что я положил ваше письмо перед собой и смотрел в него и писал, писал и смотрел и опять смотрел и писал. — А теперь доброго вам утра, мои дамы, и я буду вставать, потому что мне давно пора это сделать, ведь я принимаю на ночь пилюли и мне приходится рано вставать, а зачем я их принимаю, один бог ведает. —

25. Утро. Я не рассказал вам, как прошел вчерашний день, и не пожелал вам доброй ночи, однако тому была причина. Утром я отправился по одному делу к Сент-Джону, но оказалось, что у него в это время как раз находился один из главарей вигов, приспешник герцога Мальборо, вызвавшийся быть посредником в деле примирения между герцогом и нынешними министрами; поэтому, выйдя из своего кабинета, Сент-Джон лишь перемолвился со мной несколькими словами и пригласил отобедать с ним в три, однако мистер Льюис и я прождали его до шести, прежде чем он освободился; у него мы и засиделись за беседой, и время пролетело так незаметно, что, когда, наконец, я решительно вознамерился идти домой, то оказалось, что уже третий час ночи, а посему, возвратясь, я тотчас лег в постель. Он ни за что не позволял мне взглянуть на часы, и я предполагал, что было самое позднее двенадцать. Позвольте поэтому пожелать вам сначала доброй ночи за прошлую ночь, а теперь желаю вам доброго утра. Я еще в постели, хотя уже около десяти, и мне пора вставать. —

26, 27, 28, 29, 30. Последние четыре дня я так разленился и был такой вялый, что никак не мог собраться с духом и написать *МД*. Голова у меня немного не в порядке; не то, чтобы совсем разболелась, но слегка кружится, и я становлюсь каким-то безучастным ко всему. Я каждый день гуляю и принимаю капли доктора Кокберна, и проглотил уже целую коробку пилюль, а сегодня леди Керри прислала мне какое-то свое снадобье, очень горькое, которое я буду принимать дважды в день, и надеюсь, что мне полегчает. Как бы мне хотелось быть сейчас с *МД*. Я жду не дождусь весны и хорошей погоды, тогда я приеду к вам. Прогулки верхом в Ирландии всегда были мне на пользу. Я очень воздержан во всем и ем, как мне было велено, самую легкую пищу, и надеюсь, что эта напасть пройдет; однако даже один такой приступ надолго выбивает меня из колеи. Обедал сегодня с лордом Маунтджоем, а вчера — у мистера Стоуна[387] в Сити, в воскресенье — у Ваномри, в субботу — с Фордом, а в пятницу — кажется, тоже у Ваномри; вот и весь дневник, который я могу послать *МД*,

потому что в те дни, когда я был здоров, на меня нашла такая лень, что я не мог заставить себя взяться за перо. Хотел было отправить это письмо нынче вечером, но теперь уже десять, и я ложусь спать, а посему завтра я напишу на обратной стороне Парвисолу, и отправлю письмо в четверг. Итак, доброй ночи, мои дорогие, и любите Престо, и будьте здоровы, а Престо пусть тоже будет здоров и прочее.

Отрежьте аккуратно эти записки, слышите, сударыни, и отдайте миссис Брент ту, что предназначена ей. а другую сохраните, пока не увидите Парвисола, или же сложите ее в виде письма и отправьте ему с первой же оказией; а засим пусть всемогущий господь хранит вас обеих отныне и вовеки и бедного Престо.

Что такое? Готов поручиться, что вы сначала вообразили, будто эти последние строчки уже из другого письма.

Дингли, оплатите, пожалуйста, шесть фишек Стеллы и отнесите это за счет вашего покорного слуги Престо.

Стелла, оплатите, пожалуйста, шесть фишек Дингли и отнесите это за счет вашего покорного слуги Престо.

Ну вот, теперь у каждой из вас по векселю.

Письмо XV

Лондон 31 января 1710—1711.

[*среда*]

Я должен был отправить мое четырнадцатое только завтра, но поскольку у меня было не совсем хорошо с головой, этот порядок нарушился. Нынче рано утром я был у господина секретаря Сент-Джона, а посему не смог нацарапать малюткам *МД* свои обычные утренние строки. Дело в том, что правительство намерено обложить все мелкие печатные листки ценой в один пенни налогом[388] в полпенни за каждые пол-листа, такая мера вконец разорит Граб-стрит[389]. и я пытаюсь этому воспрепятствовать. Кроме того, я выдвинул обвинение против одного знатного лица[390] — вот какие два дела были у меня к секретарю. Ну, разве они недостаточно важные? Сегодня день рождения Форда, а посему я ответил отказом на приглашение секретаря и пообедал с Фордом. У нас сейчас стоят самые свирепые морозы, какие мне когда-либо здесь случалось видеть; что и говорить, бодрящая погода для прогулок, на канале и Роузмондском пруду[391] полным-полно людей, катающихся на санках и коньках[392], если вам известно, что это такое. Вода для коноплянки Патрика замерзает в горшочке, а мои руки в постели.

1 февраля. Утром навестил бедную леди Керри, которая еще больше страдает от головных болей, чем я. Она присылает мне пузырьки со своим горьким снадобьем, и мы обожаем друг друга, потому что у нас одна и та же болезнь. Разве вам это неведомо, мадам Стелла? И разве я не наблюдал, как вы доверительно шептались о своих недугах с женой Джо[393] и еще кое с кем, сударыня? Потом я отправился обедать в Сити, но пешком, ради моциона, потому что мы должны, как вам известно, заботиться о здоровье Престо ради бедных малюток *МД*. Однако я шел чертовски осторожно из опасения как бы не прокатиться ненароком; со всем тем я очень сейчас занят.

2. Утром за мной зашел мистер Форд, чтобы пройтись пешком в Сити, где у него были дела, а потом купить книг у Бэйтмена; я выложил фунт и пять шиллингов за Страбона[394] и Аристофана, так что у меня уже набралось книг для еще одной полки. Я, разумеется, на этом не остановлюсь, хотя бы это и грозило мне разорением. Возвратясь оттуда, мы распили в комнате у Бена Тука фьяску доброго французского вина, а когда

я добрался домой, то обнаружил записку от миссис Ваномри с известием, что ее старшая дочь[395] неожиданно очень тяжело захворала и что она просит меня прийти проведать ее; я, конечно, пошел, и тут выяснилось, что это была нелепая шутка миссис Армстронг, сестры леди Люси; она явилась туда с визитом вместе с Молль Стэнхоп; при всем том, я, однако же, поболтал с дочерью миссис Ваномри.

3. Пошел нынче к леди Люси, у которой, как вам известно, очень давно не был, и остался там на обед. Они — ярые виги, особенно ее сестра — миссис Армстронг, самая несносная из женщин, без малейшего вкуса и при этом с претензией на остроумие. Она всячески поносила последний «Экзаминер», лучший из всех мною читанных, в коем дана характеристика нынешнего кабинета министров. — В пять я ушел от них и возвратился домой. Да, совсем забыл сказать вам, что нынче утром ко мне пожаловал мой кузен Драйден Лич, типограф, и стал всячески поносить Гаррисона — нового «Тэтлера», — который отказался от его услуг и нанял издателей прежнего «Тэтлера». Лич клялся, что непременно ему отомстит, в ответ на что я сделал ему серьезное внушение и, когда он убрался, велел Патрику впредь его ко мне не пускать, а вечером пришло письмо от Гаррисона с той же вестью и с извинениями за то, что он действовал без моего ведома, желая сам отвечать за последствия. В своем сегодняшнем «Тэтлере» Гаррисон извещает, что вновь возвратился к старым издателям, и тут же напечатано всепокорнейшее письмо от Морфью и Лилли[396], в котором те просят у него прощения. И, наконец, нынешним же утром Форд прислал мне из кофейни, где я теперь почти не бываю, два письма, одно от архиепископа Дублинского, а другое от —. От кого бы вы думали было второе письмо? — Так и быть, скажу вам, потому что вы мои друзья; поверите ли, оно было от моих дорогих малюток *МД*, № 10. Однако же мы вовсе не собираемся тотчас на него отвечать, нееееeет, говорю вам; я буду хранить его между двумя листами бумаги, вот оно где, в этом месте. О! я только что приподнял лист и увидел его там. Лежи смирно, маленькое письмецо, я не буду пока еще отвечать на тебя, ведь мне пора в постельку лечь и головку поберечь.

4. Я пока не решаюсь ходить в церковь, потому что голова у меня еще не совсем в порядке, хотя последние пять-шесть дней, с тех пор, как я принимаю лекарство леди Керри, чувствую себя намного лучше. Мороз у нас держится цепко, как дракон. Сегодня я навестил мистера Аддисона и пообедал с ним у него на квартире; мы с ним не видались три недели и стали теперь обычными знакомыми, а между тем, чего я только не сделал

для его друга Стиля! Мистер Гарли, когда я последний раз виделся с ним, напомнил мне с укоризной, что вот он готов был в угоду мне помириться со Стилем и даже назначил ему свидание, а Стиль и не подумал явиться. Гаррисона, которого Аддисон порекомендовал мне, я познакомил с государственным секретарем и тот пообещал мне оказать ему содействие; наконец, самого Аддисона я представил министрам в таком Выгодном свете, что они весьма благосклонно теперь о нем отзываются, хотя прежде его терпеть не могли. — Что ж, теперь он у меня в долгу — таков итог, тогда как не было еще случая, чтобы я хоть сколько-нибудь был ему обязан, — таков другой итог. Нынче вечером мистер Гарли прислал осведомиться, жив ли я и не соглашусь ли отобедать с ним завтра. Они обедают так поздно, что с того времени, как у меня случилось головокружение, я избегал бывать у них. — Патрик вот уже десять дней как впал в немилость; я говорю с ним сухо и резко и даже раза три или четыре окликнул его словом — «приятель». Однако, убирайтесь-ка отсюда, сударыни.

5. Утро. Нынче утром я собираюсь повидаться с Прайором, с которым мы будем обедать у мистера Гарли, так что я не могу дольше лодырничать и болтать с дорогими маленькими негодницами; да и к тому же у нас все еще стоит лютый мороз. — Я бы не прочь, чтобы моя озябшая рука отогрелась в каком-нибудь самом тепленьком местечке возле вас, юные дамы, и чтобы узнать, где оно находится, не пожалел бы и десяти гиней, право слово. Ох, от руки бедро у меня совсем закоченело! Итак, сейчас я встану и пожелаю вам, мои дамы, обеим доброго утра: доброе утро. Ну, отвернитесь-ка и дайте мне встать. Патрик, убери свечу. Хорошо ли топится камин? — Так — Ну, с богом! — Вечером. Мистер Гарли сел за стол только в шесть, и я пробыл у него до одиннадцати; отныне я предпочту посещать его по вечерам и по возможности буду избегать с ним обедать. Это нарушает все принимаемые мною меры предосторожности и вредит здоровью; голова моя не совсем в порядке, но не болит, и я надеюсь на улучшение.

6. По случаю дня рождения королевы все пребывали в такой ажитации, столько было роскошных нарядов, и при дворе была такая толчея, что я туда не пошел. Все наши морозы кончились. В воскресенье таяло и сейчас тает, но на канале лед еще держится (я имею в виду не в Ларакоре, а в Сент-Джеймском парке), и мальчишки катаются на нем во всю. Мистер Форд настоял, чтобы я пообедал с ним у него в комнате. — Говорил ли я вам. что Патрик купил птицу, коноплянку, чтобы привезти ее Дингли? Она была сначала на удивление смирной, а теперь превратилась в

самую неугомонную, какую я когда-либо видел. Он держит ее в кладовой, где она прямо-таки переворачивает все вверх дном, но я уж помалкиваю: я покладист, как тряпка. Кстати, когда мы должны отвечать на письмо наших *МД*? На одну из этих жалких куцых писулек. Уже, кажется, неделя, как я его получил, но все же не больше. Мистер Гарли хотел, чтобы я сегодня опять с ним обедал, но я наотрез отказался, потому что поссорился с ним[397] вчера и не стану с ним встречаться до тех пор, пока он не извинится; а сейчас я ложусь спать.

7. Нынче рано утром я был у мистера Льюиса, служащего в канцелярии государственного секретаря, и он показал мне письмо от мистера Гарли, в котором тот выражает желание помириться со мной, но я остался глух ко всем их уговорам и попросил Льюиса уведомить его, что я ожидаю от него дальнейших шагов. Ведь стоит однажды позволить этим великим министрам чересчур о себе возомнить, и с ними никакого сладу не будет. Он обещает мне все разъяснить, если только я пожелаю прийти повидаться с ним, но я не пойду; пусть соизволит сделать это письменно, в противном случае я его отрину. О причине нашей ссоры я расскажу вам при встрече и предоставлю вам судить самим. Он полагал, что своим поступком выказывает мне свое расположение, однако я воспринял это совершенно иначе, мне отвратителен и сам поступок и способ, какой он для этого избрал. Я возмущен до глубины души. Все, что я сейчас рассказал вам, — чистейшая правда, хотя это и можно принять за шутку. Я решительно отказываюсь примириться с такого рода знаком расположения и ожидаю от него дальнейших шагов. Мистер Форд и я пообедали с мистером Льюисом. У нас был ужасный снегопад, и это стоило мне двух шиллингов за портшез и карету, и кроме того я еще гулял до тех пор, пока основательно не перепачкался. Я теперь оставил привычку читать или писать после того, как лягу в постель. Последнее, что я делаю перед тем, как лечь, это пишу что-нибудь моим *МД*, потом ложусь, гашу свечу и стараюсь как можно быстрее заснуть. Но по утрам, как вам известно, я непременно что-нибудь пишу в постели.

8. Утро. «Я просил Апронию беречь себя, особенно ноги». Скажите на милость, находите ли вы эту фразу такой уж необычайно остроумной? Я, например, откровенно вам признаться, не нахожу. Но партийные раздоры сказываются теперь решительно на всем, и вы не можете себе представить, сколько чепухи я выслушал по поводу остроумия этой фразы; за каких-нибудь полчаса она с восхищением была произнесена чуть не сотню раз. Прошу вас, прочитайте ее еще разок и хорошенько вдумайтесь в нее. По-моему, уместнее было бы слово «советовал», а не «просил». Я вряд ли

запомнил бы ее, если бы ее не повторяли так часто. Чего ради? — ай, глупышки! — Да затем, что она, к вашему сведению, мне сейчас приснилась, и я проснулся с ней, что называется, на губах. Ну, как, попались на удочку, или нет, ну, признавайтесь, плутовки? Я встретил в суде справедливости мистера Гарли, и он спросил меня, давно ли я выучился такой шутке — писать самому себе? Он, оказывается, увидел в кофейне под стеклом ваше письмо и готов был поклясться, что это мой почерк; и мистер Форд, который взял это письмо и переслал мне, подумал то же самое. Помнится, что и другие принимали ваш почерк за мой; все же не зря я был когда-то учителем чистописания малышки *МД*. — Но, позвольте, чем я собственно сейчас занимаюсь? пишу с утра юным дамам? Да у меня есть дела поважнее; так что доброго вам утра, сударыни, доброго утра. Вечером я, возможно, отвечу на ваше письмо, а, возможно, и нет; это уж будет зависеть от настроения дерзкого маленького Престо. — Вечером. Погулял нынче в парке, невзирая на погоду, как я это делаю всегда, если только дождь не зарядит в полную силу. А знаете ли вы, что у нас здесь творилось? Три дня была оттепель и невылазная грязь, потом шел снег, а теперь подморозило, и снег покрылся ледяной коркой. Обедал у леди Бетти Джермейн впервые со времени моего приезда в Англию и просидел у нее словно последний олух до восьми, глазея, как она и еще одна дама играют в пикет, а ведь у меня по горло всяких дел. По-моему сегодняшний день был самый холодный за всю зиму.

9. Утро. Прошлой ночью, пролежав в постели около часа, я принужден был встать и позвать хозяйку и служанку с тем, чтобы они погасили огонь в камине нижнего этажа, потому что в моей спальне пахло дымом, хотя у меня не топилось. И это уже второй раз. Никогда в жизни я не чувствовал себя таким несчастным. Да и что может быть досаднее? — Всю ночь шел снег, а сейчас дождь льет как из ведра — Постойте, а где же письмо *МД*? Ну-ка, миссис Письмо, где вы там, покажитесь. — Вот оно я, говорит оно, извольте-ка отвечать, глядя мне прямо в лицо. — О, поверьте, я весьма сожалею, что вы гак быстро получили мое двенадцатое; боюсь, что следующих писем вам придется ожидать подольше. Я все беспокоюсь, как бы вы не получили мое четырнадцатое, в то время как я пишу это, поскольку хотел бы, чтобы всегда одно письмо от Престо вы читали, другое — находилось в пути, а чтобы третье — он писал. Что касается злополучной посылки, то я начинаю опасаться, что она пропала. Она была адресована мистеру Карри в его дом на Кейпл-стрит. Вчера я получил письмо от доктора Раймонда из Честера, он пишет, что посылал слугу повсюду справляться, но разыскать ее так и не удалось. Бог весть, окажутся

ли более успешными усилия мистера Смита. Стерн ему все объяснил, да и я, посылая бутылку с лекарством для вас, сопроводил ее запиской. Надеюсь, что хотя бы эта бутылка не затеряется, и жажду услышать, что вы ее уже получили. Не правда ли, вы ведь слишком хорошего мнения о заботливости Престо, чтобы усомниться на его счет. Я бываю достаточно невнимателен к кому угодно, но только не к *МД*, хотя на Стерна мне, пожалуй, не следовало полагаться. — Но я на этом не успокоюсь и приму еще какие-нибудь меры. — Что касается того, что вы говорите по поводу добряка Пизли и Айзека[398], то я отвечу вам, как и прежде; фи, детка, зачем же верить всякого рода досужей болтовне. Вы, конечно, можете рассказать мне, насколько сочувственно эти вещицы были встречены публикой и нравятся ли они вам, дают ли они представление о нынешнем положении дел и были ли они напечатаны в Дублине или только присланы отсюда, но только лишь ради удовлетворения моего любопытства. — Сэр Эндрю Фаунтейн выздоровел, так что потрудитесь взять свои огорчения обратно, но не оставляйте их при себе, а выбросьте собакам. И малышки *МД*, конечно же, гуляют, не так ли? — Сердечно этому рад. — Да, мы здесь разделались с чумой: должен заметить, что с вашей стороны было довольно-таки дерзко претендовать на нее раньше людей более достойных. Ваши сведения о том, что история с офицерами, которых вынудили продать свои должности, будто бы вымышлена, достойны восхищения. Вы можете в любой день удостовериться, что все трое точно так же служат теперь в армии, как и вы. Двенадцать шиллингов за починку сейфа, то есть за то, чтобы навесить на петлю железку ценой в фартинг и позолотить ее; посулите шесть шиллингов, а я, так и быть, уплачу их, и никогда больше не нанимайте его или ее. — Да нет же, в самом деле, я стараюсь, насколько это от меня зависит, отложить их затею с проповедью. Я смотрю на дело иначе: ведь никто здесь не сомневается в том, способен ли я произнести проповедь, так что вы глупышки. — Ваше мнение по поводу этого еженедельного листка[399] вполне совпадает с нашим. Мистера Прайора попытались было оскорбить на улице, предположив, что он является его автором, но в одном из последних номеров это предположение отметается. Никто не знает автора, кроме немногих посвященных — я имею в виду министров и издателя. — Бедные глазки Стеллы, да хранит их господь и пошлет им исцеление. Прошу вас, берегите их и пишите не больше двух строк в день при ясном дневном свете. — Как Стелла выглядит, мадам Дингли? — Весьма недурно; все еще красивая молодая женщина. — Не хуже ли она других? Обратит ли она на себя внимание в деревенской

церкви? — Погодите-ка минутку, прекрасные дамы. Я посылал нынче Патрика к Стерну, и он только что возвратился с ответом, что ваша посылка цела и невредима и находится в Честере у сестры некоего мистера Ирла и что вдова полковника Эджворта, которая в следующий понедельник уезжает отсюда в Ирландию, захватит ее с собой и вручит вам в полной сохранности, так что появилась какая-то надежда. — Ну вот, а теперь позвольте возвратиться к вашему письму. — Грамота о даровании первин уже составлена. Королева пока еще не отправила письмо, однако патент будет выписан[400] здесь, и на это уйдет еще какое-то время. С некоторых пор мистер Гарли что-то помалкивает насчет своего обещания представить меня королеве: так что я ввел вас в заблуждение, когда обмолвился об этом. И то сказать, он настолько обременен делами, что не может все упомнить, хотя раза три или четыре действительно говорил мне об этом еще задолго до того, как я вам проболтался. Как, разве миссис Уоллс все еще не разрешилась от бремени? А я полагал, что она уже давно на ногах и здорова, а ребенок умер. — Вы хорошо сделали, прислав мне, наконец, отчет о своих расходах, однако я не стал его дожидаться, премного вам благодарен. Надеюсь, вы уже получили вексель, который я отправил вам в последнем письме, и кроме того вы получите вскоре еще восемь фунтов в счет процентов, причитающихся от Хокшоу; пожалуйста, проверьте его долговое обязательство. Надеюсь, вы рачительные хозяйки и Стелла не усмотрит в этих моих словах намерения, чтобы она жалела себе вина. Однако проживание в таких дорогостоящих квартирах требует известных средств. По ряду причин я предпочел бы, чтобы до моего возвращения вы никуда не переезжали. Во-первых, эта француженка[401] в непродолжительном времени снова начнет ворчать, и, кроме того, если вас пригласят куда-либо в деревню, то будет досадно платить ей во время вашего отсутствия; а между тем пребывание в деревне чрезвычайно полезно для здоровья бедняжки Стеллы. Впрочем, поступайте, как вам заблагорассудится и не вините Престо. — О, но вы приводите еще и доводы. — Что ж, я их прочитал и повторяю — поступайте, как вам угодно. — Да, Раймонд говорит, что ему придется задержаться дольше, нежели он предполагал, он все никак не уладит свои дела. М…… находится сейчас в деревне у своих друзей, она возвратится в Лондон весной, а потом намерена обосноваться в Херефордшире. Ее муженек — бесчувственная злобная скотина, и его нимало не заботит, что ей необходимо хотя бы с кем-нибудь видаться. О господи, посмотрите, как я споткнулся и оставил две строчки недописанными, и все из-за безобразной

складки на листе. — Вы, надо думать, малость приврали в этой истории с пожаром, чтобы выглядело позанятней. Берниджу все же придется отправиться в Испанию; я попробую порекомендовать его герцогу Аргайлу, его генералу, как только снова увижу герцога; однако офицеры говорят мне, что продай он сейчас свою должность, это было бы для него крайним бесчестьем, и ему никогда больше нельзя было бы рассчитывать на продвижение на военном поприще, так что он непременно должен ехать, если только не намерен оставить службу окончательно. Так ему и передайте и еще, что я написал бы ему, если бы знал, куда адресовать письмо, о чем твердил уже восемьдесят раз. Я готов пожертвовать чем угодно, лишь бы вам не приходилось затруднять себя отправкой писем, когда вам это почему-либо неудобно. Ведь мы уже условились, что я буду писать вам, когда смогу, и *МД* будут поступать точно так же; а при чрезвычайных обстоятельствах я черкну хотя бы строчку; если же писем долго нет, то мы будем считать, что все обстоит благополучно; таков будет теперь наш постоянный уговор и придержите-ка язычок. — Хорошо, вы получите свои булавки, а что касается огарков, то ничего обещать не могу, потому что сжигаю свечи до основания; кроме того, я отлично помню, как Стелла изволила проезжаться по этому поводу много лет тому назад — а ведь она может подумать то же самое и обо мне. — И Дингли получит свои очки с дужками. — Бедная дорогая Стелла, как вы смели писать эти две строчки при свече; вы заслуживаете изрядной трепки. Это письмо, юные дамы, будет, я полагаю, отправлено завтра и, следовательно, через десять дней после предыдущего. Конечно, говоря по совести, это слишком рано, но ответ на ваше очень уж быстро его заполнил, а я совсем не собираюсь исписывать вам целых три страницы in folio, нет, неееет. Все это я написал утром, лежа в постели. — А засим, доброго вам утла, маленькие куклы[402]; это просто для рифмы. Вы, наверно, хотите еще и политики, но, право, я не в силах сейчас размышлять на эту тему, а вот вечером, возможно, кое-что расскажу. Ну, а теперь вы отсядете подальше от кровати и позволите мне встать, не так ли? — Вечером. Обедал у моей соседки Ваномри; погода такая унылая, что не мог заставить себя двинуться куда-нибудь дальше. К тому же у меня были кое-какие тревожные симптомы, как обычно бывает перед приступом головокружений, но пока все обошлось. Я по-прежнему пью горькое лекарство доктора Рэдклифа и намерен принимать его и дальше.

10. Утром повидал государственного секретаря и попросил его передать герцогу Аргайлу мою записку относительно Берниджа. Герцог — человек, умеющий отличать людей достойных, и я сам тоже с ним

поговорю; но поддержка секретаря в данном случае как нельзя более кстати, а уж я позабочусь о том, чтобы воспользоваться ею наилучшим образом. Передайте это, пожалуйста, Берниджу и скажите, что я считаю подобное стечение обстоятельств самым для него благоприятным и что я советую ему непременно поехать. Я договорюсь, чтобы герцог послал за ним, когда они прибудут в Испанию, или же, если это не получится, чтобы герцог любезно его принял, когда тот явится к нему с визитом. Могу ли я сделать больше? И разве этого не более чем достаточно? — Это письмо будет сейчас отправлено, чтобы вы не задерживались с ответом, дожидаясь его. — Обедал с Фордом, поскольку нынче оперный день, а теперь пришел домой и собираюсь заняться делом. Уж не надеетесь ли вы отгадать, чем именно, эй вы, бесстыжие, дерзкие дорогие плутовки? В конце письма у меня не хватило духу сказать, дерзкие плутовки, не присовокупив еще и слова «дорогие». И разве так не справедливее? Прощайте. Это письмо получилось бы длиннее, если бы я не отправлял его нынче вечером[403].

О безмозглый, безмозглый олух!

С этой же почтой я посылаю письмо к некоему мистеру Стонтону, но адресую его мистеру Эктону на Сент-Майкл-Лейн, поскольку Стонтон[404] раньше там проживал и не сообщил, куда ему адресовать письма теперь. Будьте добры, узнайте у этого Эктона, получил ли он письмо и переслал ли его Стонтону?

Если Бернидж все же намерен продать свой офицерский патент и остаться дома, то пусть непременно меня об этом уведомит, дабы я зря не хлопотал за него перед герцогом Аргайлом.

Письмо XVI

Лондон, 10 февраля 1710—1711.

[*суббота*]

Только что я отправил на почту пятнадцатое, а теперь могу вам признаться, как я себя обычно веду после того, как получаю письмо от *МД*. Я изо всех сил тороплюсь окончить свое из опасения, как бы Престо не пришлось в одном письме отвечать сразу на два от *МД*, ведь это было бы для него неслыханным бесчестьем; но до получения от вас письма я пишу себе на досуге, как джентльмен, каждый день понемножку, ровно столько, чтобы дать вам знать, как обстоят дела, и прочее. Надеюсь, вы получите и посылку, и шоколад еще до того, как это письмо придет к вам, а Престо в другой раз лучше об этом позаботится.

11. Утро. Мне надобно встать и отправиться к лорду-хранителю печати; придется выложить два шиллинга за карету. А как вы говорите: два тринадцатипенсовика?[405] — Вечером. Целый день, не переставая, лил дождь, и гулять не было никакой возможности. Утром молился за выздоровление сэра Эндрю Фаунтейна, а пообедал в обществе трех ирландцев на квартире у некоего мистера Коупа[406] (двумя другими были некий Моррис[407], архидиакон, и мистер Форд). Возвратясь домой, я стал дожидаться прихода мартышки Гаррисона, коему обещал помочь сочинить очередной номер «Тэтлера», который должен появиться во вторник: я назначил два вечера в неделю, когда ему дозволено приходить. Но маленький нахал так и не пришел и, ожидая его, я погрузился в чтение, забросив все другие дела. — Ну, а вы что поделываете? Как проводите время в эту мерзкую погоду? Небось, играете в карты и пьете? Что и говорить, достойное развлечение для молодых дам. Хорошо бы у вас было хоть немного наших севильских апельсинов, а у нас немного вашего вина. Мы покупаем превосходные апельсины по два пенса за штуку и скверенейшее вино по шесть шиллингов за бутылку. Говорят, будто вино у вас все дешевеет. Если оно останется таким же славным и дешевым, как бывало прежде, то по возвращении в Ирландию я непременно запасусь целым бочонком и буду по вечерам потчевать у себя за столом *МД* да посмеиваться над могущественными министрами.

12. Дни, благодарение …….. становятся погожими и длинными. Право же, я на вас в обиде: вы совсем забыли все наши маленькие словечки. Обедал с господином секретарем Сент-Джоном: в полдень я пришел в суд

справедливости и уполномочил мистера Гарли пойти и вызвать ко мне секретаря, которого я намеревался известить, что, если он будет обедать поздно, то я с ним обедать не стану. По счастью, тут оказался также герцог Аргайл, и я нарочно задержал его разговором, пока не вышел секретарь, после чего сказал им, что очень рад тому, что встретил их вместе, поскольку у меня есть к герцогу просьба, которую секретарь, я надеюсь, поддержит, а его светлость уважит. Герцог сказал, что он-де заранее знал, что речь пойдет о каком-нибудь пустяке, тогда как он хотел бы, чтобы я попросил его о чем-нибудь в десять раз более затруднительном. Позже в доме секретаря я набросал памятную записку, которую отдал ему с просьбой передать ее герцогу, и прослежу, чтобы он не забыл это сделать. Я написал в ней, чтобы его светлость соблаговолил взять мистера Берниджа под свое покровительство и, если он убедится в справедливости моей характеристики Берниджа, оказал ему наивозможное содействие. Полковник Мэшем и полковник Хилл (брат миссис Мэшем[408]) говорят, что моя просьба вполне резонна и что они от всего сердца поддержат ее перед герцогом; так что у Берниджа, когда он поедет в Испанию, будет, я полагаю, прекрасное положение. Передайте ему, пожалуйста, все это, хотя я, возможно, напишу ему до его отъезда; но скажите на милость, куда мне писать? ведь он, наверно, съехал от Конноли.

13. Я перестал принимать горькое лекарство леди Керри и раздобыл еще одну коробочку с пилюлями. Приступов головокружения у меня больше не было, а только по временам легкое недомогание, какое обычно предшествует им; я стараюсь как можно больше гулять. У леди Керри та же самая болезнь, но только чувствует она себя намного хуже. Обедал у лорда Шелберна, у которого она проживает; мы жаловались друг другу на свои недуги и прониклись еще большей взаимной симпатией. Мистер Гарли вновь пользуется моей благосклонностью, и я сегодня к нему наведался, но не застал дома; я возьму за правило навещать его, только пообедав, потому что он обедает слишком поздно, а это вредно для моей головы. Потом я навестил Конгрива; бедняга только что оправился от жесточайшего приступа подагры; я просидел у него почти до девяти вечера. Он показал мне очередной номер «Тэтлера», который он, несмотря на то, что едва видит, выправил для малыша Гаррисона. В нем идет речь об одном мошеннике: разбогатев, он купил себе герб в геральдической палате и обзавелся кучей предков на Флит-Дитч; написано довольно недурно и дня через два — три будет напечатано; такого рода вещицы могут, я думаю, доставить вам развлечение. Уже около одиннадцати, и я собираюсь ложиться спать.

14. Сегодня день рождения дочери миссис Ваномри и по сему случаю мы с мистером Фордом были приглашены на обед и провели вечер за пуншем. Вот как мы отметили начало поста; а утром, вместо того, чтобы пойти в церковь, я отправился с лордом Шелберном, леди Керри и миссис Пратт в Гайд-парк, потому что пока голова моя не совсем здорова, я считаю за лучшее не посещать богослужений: было бы довольно глупо и затруднительно, если бы пришлось выходить из-за приступов тошноты. Доктор Дьюк[409] неожиданно преставился две или три ночи тому назад. Он слыл остроумцем, когда мы были еще детьми, но потом стал священником, оставил прежние свои увлечения и уже ничего, кроме какого-нибудь пролога или поздравительных виршей не писал. У него был недурной приход, пожалованный ему около трех месяцев тому назад епископом Уинчестерским; приход достался ему неожиданно, и смерть досталась такая же.

15. Славно погулял нынче в парке сразу же после дождя, которого у нас в последнее время было более чем достаточно, вперемежку с легкими и недолгими заморозками. Потом наведался в суд справедливости, рассчитывая, что если мистер Гарли будет обедать рано, то я пообедаю у него, но встретил Ли и Стерна, уговоривших меня пообедать с ними; однако, когда мы пришли, я обнаружил там некоего Х…….[410], никчемного ирландского прощелыгу, явно вознамерившегося обедать вместе с нами, а посему я тотчас вышел, шепнув им, что не желаю обедать в его обществе; они извинялись и просили меня остаться, но я все же ушел к мистеру Гарли, который, как оказалось, обедал не дома, и кончилось тем, что я пообедал у сэра Джермейна, где повидал леди Бетти, только что оправившуюся от выкидыша. Я сочиняю сейчас эпитафию для гробницы лорда Беркли. Как вы, наверно, уже знаете, его беспутный сынок, новоиспеченный граф, женился на дочери герцога Ричмонда и сыграл свадьбу в поместье герцога, а теперь возвращается в Лондон. Месяца через два ее начнет тошнить, а через год они расстанутся. Ваш брат — дамы — народ отважный, неустрашимый, готовый на риск; а этой крошке всего лишь семнадцать, и она до крайности злонравна, скупа, порочна и высокомерна. Так и быть, отправляйтесь завтра к Стойтам.

16. Право, это письмо подвигается довольно-таки медленно, уже неделя, как я его начал, а все еще не исписал и первую страницу. Я отправился нынче в Сити пешком ради моциона, но не застал дома человека, с которым собирался пообедать, а посему на обратном пути зашел к Конгриву и пообедал с ним и с Исткортом, и прохохотал там до

шести, после чего пошел к мистеру Гарли; он только еще собирался обедать, и я пробыл у него до девяти; мы помирились, и он пригласил меня отобедать с ним завтра, то есть, как раз в тот день недели (субботу), когда с ним обедают лорд-хранитель печати и секретарь Сент-Джон, и, стало быть, они решили, наконец, допустить меня в свой круг[411]. Эттербери и Прайор поехали хоронить бедного доктора Дьюка. От скверного вина, выпитого у Конгрива, у меня теперь изжога.

17. Славно прогулявшись нынче по парку, я пошел к мистеру Гарли. Лорд Риверс явился туда раньше меня, и я сделал ему внушение за то, что он позволил себе прийти в тот день, когда здесь надлежит быть только лорду-хранителю печати, секретарю и мне; он, однако, не придал значения моим словам, так что обедали мы вместе и сели за стол в четыре, а на завтра я приглашен на обед к господину секретарю. Я сказал им, что никогда не рассчитывал увидеть их вот так в тесном кругу, но теперь убедился, что они в самом деле искренно любят друг друга и это не только видимость. Они называли меня не иначе, как Джонатан, и я сказал, что я как был до них просто Джонатаном, так, надо полагать, и после них им останусь и что я еще не знавал министров, которые бы хоть что-нибудь сделали для тех, кого допустили разделять свои удовольствия; вы, я думаю, еще убедитесь в моей правоте, но меня это не заботит. У меня возник план, как раздобыть пятьсот фунтов, не будучи при этом никому обязанным, но план этот останется в тайне, пока я не увижу моих дражайших *МД*; так что придержите свои язычки и не болтайте, слышите, потому что я как раз сейчас этим занят.

18. Никаких приступов головокружения у меня больше не было, а лишь по временам легкое недомогание перед обедом; тем не менее, я отважно гуляю, принимаю пилюли и не теряю надежды поправиться. Секретарь Сент-Джон уверял меня, что непременно желает пообедать сегодня вдвоем со мной, и, тем не менее, я застал у него множество гостей, из коих троих я никогда прежде не видал, с двумя не имею чести быть знакомым, а еще с одним не желаю иметь дела, так что я рано попрощался с ними и возвратился домой, потому что погода никак не располагала к прогулке: гнусный дождь и ветер. Секретарь сказал, что он меня надул: лорд Питерборо прислал ему двенадцать дюжин фьясок бургундского с условием, что он поделится со мной, но он не мог успокоиться, пока не выпил их все до единой, так что по моим подсчетам он должен мне тридцать шесть фунтов. Лорд Питерборо уже добрался теперь до Вены, и завтра я ему напишу. Я начинаю уже предвкушать получение письма от неких знакомых Престо дам, которые проживают в приходе св. Марии и на

некоем языке прозываются нашими малютками *МД*. Нет, погодите, я вовсе не рассчитываю получить его в ближайшие шесть дней, то есть пока не минет ровно три недели; ну, разве я не здравомыслящее существо? Нам здесь изрядно досаждает Октябрьский клуб[412], я имею в виду свыше ста членов парламента из провинции, которые, накачавшись октябрьским пивом, собираются каждый вечер в таверне, расположенной неподалеку от парламента, чтобы обсудить положение дел; в своей вражде против вигов они доходят до крайности, требуя призвать прежний кабинет министров к ответу, и готовы снести пять-шесть голов. С ними не очень-то считаются, но все же один из министров сказал мне доверительно, что не мешало бы их слегка урезонить. Я расскажу вам сейчас одну важную государственную тайну: королева, сознавая в сколь сильной зависимости она находилась у прошлого кабинета, ударилась в другую крайность и стала очень ревниво относиться даже к тем, кто освободил ее от прежней чрезмерной опеки. Министры — сторонники мягких мер, но другие тори настаивают на более крутых. Лорд Риверс, например, в разговоре со мной поносил на днях листок под названием «Экзаминер» за то, что тот в чересчур учтивом тоне рассуждает о герцоге Мальборо[413]; мне случилось упомянуть об этом в разговоре с секретарем, и он стал порицать неумеренную горячность Риверса и еще кое-кого и клялся, что последуй они таким советам, не прошло бы и двадцати четырех часов, как они взлетели бы на воздух. У меня есть основания думать, что они попытаются убедить королеву больше доверять ведение дел нынешнему кабинету министров; полагаю, что имеются в виду главным образом два лица, имя одного из них вы довольно часто встречаете в моих письмах. Но, пожалуй, достаточно о политике.

19. День выдался ужасно дождливый, и это помешало мне прогуляться пешком в Сити; удалось только добежать до моей соседки Ваномри, где я и пообедал в обществе сэра Эндрю Фаунтейна, который лишь теперь начал бывать на людях и спровадил выхаживавших его мать и сестру восвояси. Вечером прояснилось, и я погулял немного в парке, пока Прайор не затащил меня в кофейню «Смирна», где я немного посидел и видел там несколько молодых людей из Ирландии, приятной внешности и весьма благовоспитанных, имена которых мне неизвестны. В семь я отправился домой. Два дня тому назад я написал Берниджу и рассказал ему обо всем, что я для него сделал; письмо адресовано мистеру Карри, а уж он передаст его Дингли. Бригадиры Хилл и Мэшем — брат и муж миссис Мэшем, любимицы королевы, полковник Дисней[414] и я рекомендовали Берниджа герцогу Аргайлу, а секретарь Сент-Джон передал герцогу мою памятную

записку; кроме того, Хилл говорит, что полковник Берниджа — Филдинг[415] намерен назначить его своим капитан-лейтенантом; впрочем, я, кажется, уже рассказывал вам об этом и в этом же самом письме, но не стану сверяться.

20. Утро. Опять разыгралась ужасная метель и надобно заметить, крайне несвоевременно, поскольку я весьма нуждаюсь сейчас в хорошей погоде. Желаю вам доброго утра, и если прояснится, навестите миссис Уоллс; бедняжке пришлось туго, но теперь она опять в добром здравии; весьма сожалею, что это девочка; бедняга архидиакон тоже; заметили ли вы, какой у него был дурацкий вид, когда ему об этом сказали; во сколько обошлась Стелле роль крестной? А теперь я встану, слышите, сударыни, и позвольте повидаться с вами вечером, да не засиживайтесь слишком поздно в гостях и не простужайтесь. — Вечером. У нас постепенно распогодилось, и я славно погулял, а потом пообедал с Фордом, ведь нынче оперный день, но больше я с ним обедать не стану, поскольку у него вышли все запасы вина. Надеюсь отправить это письмо еще до того, как получу весточку от *МД*; сдается мне, что в этом есть какой-то… высший смысл, вот только не могу толком выразить, какой именно; но что к субботе письмо будет отправлено, это так же верно, как то, что вы плутовки. Миссис Эджворт собиралась выехать лишь в прошлый понедельник, а посему вы, вероятно, получите свою посылку не раньше этого письма: но Стерн уже после того говорил мне, что она в целости и сохранности в Честере и что миссис Эджворт позаботится о ней. Я не пожалел бы гинеи, только б вы ее получили.

21. Утро. Надеюсь, погода позволит мне пройтись пешком до Сити, потому что я стараюсь использовать малейшую возможность для прогулки. — Будь я сейчас в Ларакоре, у меня было бы хлопот по горло; я подстриг бы ивы и посадил новые, расчистил бы канал и мало ли еще чем был занят. Если Раймонды нынешним летом приедут в Ирландию, вам придется смириться и нанести им визит, чтобы мы снова могли ловить угрей и форель и чтобы Стелла могла видеть Престо в его утреннем наряде в саду, проезжая мимо верхом, и взбираться вместе с Джо к холму Бри и гулять вокруг Скерлокстауна[416]. О господи, как я помню все названия; право, я невольно начинаю вздыхать, так что больше ни слова об этом, если вы меня любите. Доброго вам утра, сударыни, и я встану, как подобает джентльмену; мои пилюли говорят, что уже пора. — Вечером. Леди Керри прислала мне записку с просьбой пригласить к ним в дом кое-кого из лордов по одному занимающему ее делу; я поэтому зашел повидать

ее и обнаружил, что ей уже удалось пригласить всех лордов, каких я только знал, да и дело оказалось не столь уж затруднительным, а тут еще дождь лил, как пес, так что из-за невозможности совершить моцион я нанял карету и пообедал в Сити с одним висельником, и возвратился под вечер пешком. Дни стали теперь достаточно длинными, а посему после обеда можно гулять в парке, что я и делаю в хорошую погоду. Удивительное средство эти прогулки: мистер Прайор гуляет, чтобы пополнеть, а я — чтобы избавиться от головокружений; он почти постоянно кашляет, но почему-то называет это простудой; мы с ним часто прогуливаемся по парку вдвоем. А теперь я лягу спать.

22. Все утро был чудовищный снегопад, за три или четыре часа намело несколько дюймов. Обедал с мистером Льюисом из канцелярии государственного секретаря у него на квартире. Носильщики нанятого мной портшеза придавили к стене здоровенного детину, который предусмотрительно повернулся спиной, но все же одно из боковых стекол разбилось на мелкие кусочки. Я разразился бранью, словно мне угрожала смертельная опасность, и заставил их опустить портшез на землю в парке. Расплачиваясь с ними в то время как они собирали осколки, я все еще продолжал браниться, так что они не посмели и рта раскрыть, и я отделался лишь платой за проезд, хотя ужасно боялся, как бы они не сказали: благослови господь вашу честь, не заплатите ли вы хоть сколько-нибудь за стекло? Мы с Льюисом придумали план, с помощью которого я мог бы заполучить триста или четыреста фунтов и который, как я предполагаю, окончится ничем. Надеюсь, Смит уже доставил вам бутылку с лекарством. Как себя чувствует Стелла? Мне все больше и больше не терпится это узнать. Через два дня будет уже три недели с тех пор, как я получил ваше последнее письмо, но я прибавлю еще дня три на всякие случайности.

23. Снег уже всюду растаял и остались только большие шары, слепленные мальчишками. Нынче утром ко мне приходил мистер Стерн относительно одного дела, связанного с казначейством. Эта шлюха миссис Эджворт, оказывается, все еще не уехала, но уверяет, что непременно уедет в следующий понедельник; это будет уже третий непременный понедельник, чума ее унеси! Так что это письмо вы получите раньше; оно будет отправлено завтра, и если тем временем придет что-нибудь от *МД*, то я отвечу на него только в следующем, а в этом скажу лишь: мадам, я получил от вас письмо, так-то и так-то. Обедал с миссис Батлер; право же, она становится несносной.

24. Утро. Это письмо будет непременно отправлено нынче вечером, я

в этом так же уверен, как в том, что вы живы, юные дамы, и тогда вам будет довольно-таки стыдно, что я ничего от вас не получил. Если бы я, подобно вам, стал заниматься подсчетами, то сказал бы, что опередил вас на целых шесть писем, потому что это уже № 16, в то время как я получил от вас только № 10. Но я считаю, что вы получили только четырнадцать и отправили одиннадцать. Я намереваюсь пойти нынче на охоту-за-министрами в суд справедливости, потому что мне необходимо кое-что сказать мистеру Гарли. Сейчас хорошая солнечная, морозная погода; я очень хотел бы, чтобы дорогие *МД* погуляли нынче утром в вашем Стивенс-Грин[417], он так же хорош, как и наш парк, но только поменьше. Право, этим летом мы будем нанимать карету за шесть пенсов, чтобы ездить до Грин Уэлл; вот вам и второе место для прогулок, а от Стивенс-Грин рукой подать до Стойтов. Сердечный поклон от меня матушке Стоит и Кэтрин; надеюсь, что миссис Уоллс недурно провела время. До чего же я непостоянен! Не могу себе и представить, что был некогда в нее влюблен. Ну что ж, я ухожу; что вы еще хотите сказать? Мне все равно, как я сейчас пишу. Я вовсе не собираюсь писать на этой стороне; последние несколько строк — это сверх того, что вам полагается, так что я буду писать как мне заблагорассудится — большими буквами или маленькими. Ох, право, руки у меня коченеют в постели; судя по всему, на улице сильный мороз. Мне необходимо, наконец, встать и попрощаться с вами, потому что я намерен тотчас запечатать это письмо, положить его в карман и сдать в почтовую контору своими собственными распрекрасными ручками. Это письмо составляет дневник ровно за две недели, включая сегодняшний день. — Да, вы правы, так оно и есть, — отвечаете вы своими буковками, крошечными, как яички ценою за пенни пара.

Тлам, тлам, тлам.

О господи, это я говорил про себя — тлам, тлам — на нашем с вами ребячьем языке, ключ к которому знаете только вы; но раз уж зашла речь о ключе, так вот пес Патрик умудрился сломать единственный ключ от комода с шестью одинаковыми замками, и я намучился, доставая новый, не говоря уже о том, что плакали два моих шиллинга.

Письмо XVII

Лондон, 24 февраля 1710—1711.

[*суббота*]

Итак, юные дамы, нынче вечером я отнес на почту мое шестнадцатое. Обедал с Фордом, как обычно в его оперный день; это очень для меня удобно, потому что тогда я рано возвращаюсь домой и успеваю погулять в парке, чему дни теперь все более благоприятствуют. Наведавшись в канцелярию секретаря, я обнаружил, что он забыл передать герцогу Аргайлу мою памятную записку насчет Берниджа, но два дня тому назад я встретил герцога, и он выразил пожелание, чтобы я сам вручил ему эту записку, присовокупив, что моя просьба для него весомее, нежели ходатайства всех министров вместе взятых, как он изволил торжественно выразиться, повторив это дважды или трижды и просил меня вполне на него положиться. Я и в самом деле верю, что обстоятельства складываются для Берниджа как нельзя лучше и что ему удастся теперь устроить свою судьбу. Большего я сейчас не в силах для него сделать и будем считать, что с этим покончено; а теперь отправляйтесь-ка спать, потому что уже поздно.

25. Вчера минуло три недели с тех пор, как я получил ваше последнее, так что теперь я со дня на день ожидаю милого дорогого письмеца от моих *МД* и надеюсь услышать, что у Стеллы намного лучше с головкой и глазками; у меня все по-прежнему, никаких головокружений, а только каждый день легкое недомогание, с которым я готов примириться, только бы не стало хуже. Обедал с господином секретарем Сент-Джоном, но поставил условием, что мне предоставлено будет самому выбирать остальных гостей, в число которых я включил лорда Риверса, лорда Картерета, сэра Томаса Мэнсела[418] и мистера Льюиса; я пригласил также Мэшема, Хилла, сэра Джона Стэнли и Джорджа Грэнвила, но они были заняты. Я настоял на этом в отместку за то, что в прошлый раз мне пришлось обедать у него в такой скверной компании, и мы от души посмеялись над моей затеей. И еще я отважился пойти нынче в церковь, чего не делал уже целый месяц. А теперь хочу вас попросить, не могли бы вы прислать мне такой же полный отчет о здоровье Стеллы? — Отчего же, полагаю, что могли бы, и даже еще лучший. Мы обедали (говорите вы) у декана и до двенадцати играли в карты, еще там были мистер Френч, доктор Трэворс, и доктор Уиттинхем[419], и мистер (забыла его имя, тот самый, о котором я всегда говорю миссис Уоллс), сын банкира[420], чума

его забери. Мы от души веселились; клянусь, все они очень славные люди. Вот только я проиграла крону, потому что должна вам признаться, мне не терпелось сделать ход, но ни разу не удалось получить взятку, хотя у меня раз были два черных туза, правда, без Манильо; Ну, скажите, Престо, ну разве это не обидно? — Уж лучше бы вы помолчали, сударыня.

26. Был по делу у господина секретаря, и он сказал мне, что полковник Филдинг намерен назначить Берниджа своим капитан-лейтенантом, то есть он будет выполнять обязанности капитана и будет получать всякие побочные доходы с этим связанные, но только без жалованья капитана, однако это первый шаг. Надеюсь, он будет этим доволен, а рекомендация герцогу Аргайлу, дайте только срок, сделает свое. Так что не приставайте ко мне больше со своим Берниджем. Готов поручиться, что плут отлично понимает, какими прекрасными ходатаями он заручился. Сэр Эндрю Фаунтейн и я были приглашены нынче на обед к миссис Ваномри. Вы говорите, что они люди ничем не примечательные; отчего же, они поддерживают знакомство с таким же избранным женским обществом, как я — с мужским; я встречаю у них всех знатных шлюх этой части города, и, например, не далее как нынче днем, встретил там обеих леди Бетти[421]; красота одной, благовоспитанность и добронравие другой, но только без потуг на остроумие обеих, составили бы очень милую женщину. Я теперь реже гуляю в парке; почему вы не гуляете в Гриноф-Сент-Стивен? Аллеи там лучше посыпаны песком, нежели на Мел. Право, до чего же противные эти ирландские дамы — никогда они не гуляют.

27. Дартнеф, я, малыш Гаррисон, новый издатель «Тэтлера» и художник Джервес обедали нынче у Джеймса[422] (не знаю его фамилии); это одно из тех мест, где Дартнеф частенько обедает, а он — истинный эпикуреец. Этот Джеймс — чиновник королевской кухни, у него небольшой уютный домик близ Сент-Джеймса; нас потчевали там королевским вином и такими изысканными яствами, что я не мог их в рот взять. — Три недели и три дня со времени получения последнего письма от *МД*; редкие подарки, что и говорить! — Но поймите, Престо, мы были так заняты бедняжкой миссис Уоллс, что не могли вам писать, ведь мы опасались, как бы она не умерла, и нам было так больно глядеть, как горевал архидиакон. Декан[423] только один раз выбрался ее проведать; но теперь она уже, слава богу, поправилась, и мы приходим посидеть с ней по вечерам. Ребенок умер на другой день после рождения, и она, между нами говоря, не слишком этим опечалена. — Нет, Престо, вы в самом деле нынче вечером какой-то удивительно бестолковый и ни слова не угадали,

потому что и она и ребенок пребывают в добром здравии, и это очень даже славная девочка; похоже, что она будет жить; крестным был декан, а миссис Кэтрин и я — крестными. — Я собирался сказать — миссис Стоит, но я как-будто слыхал, что девушкам и замужним женщинам не положено быть крестными одному ребенку, хотя не знаю, почему именно я так подумал, да и не слишком меня это занимает; какая мне в самом деле о том забота? Просто надо же о чем-то поболтать.

28. Прогулялся пешком ради моциона в Сити и там пообедал; таков уж мой обычай, если стоит погожий день и дела предоставляют мне предлог, чтобы совершить хорошую прогулку; это, пожалуй, самое лучшее, чем я могу сейчас поддержать свое здоровье. Какой-то книготорговец собрал все, что мной написано, и напечатал на днях в одной книжке, а я понятия об этом не имел, потому что это сделано без моего ведома и согласия; получилась книга ценой в четыре шиллинга и называется она «Разные сочинения в прозе и стихах»[424]. Тук притворяется, будто ему ничего не известно, но, боюсь, что это все же его затея. В таких случаях разумнее всего набраться терпения и утешать себя тем, что впредь мне, по крайней мере, не станут больше этим докучать. Я, однако же, привезу с собой пару книжек для *МД*, на тот случай, если вы пожелаете в них заглянуть. Они, как я слыхал, расходятся здесь необычайно быстро.

1 марта. Утро. Я попросил Патрика поглядеть в своем «Альманахе», какое сегодня число и месяц, поскольку сомневался, не високосный ли нынче год. В «Альманахе» сказано, что это третий год после високосного, а я-то всегда считал, что каждый третий год — високосный. Очень рад, что они бывают так редко, хотя уверен, что когда я был молод, дело обстояло иначе; видать, времена с тех пор ужасно переменились. — Пишите мне, слышите, сударыни, а я тем временем заполню всю эту сторону, а другую оставлю для ответа. Сейчас я собираюсь написать епископу Клогерскому. Так что, доброго вам утра, сударыни. — Вечер. Обедал у миссис Ваномри, потому что весь день шел дождь; леди Бетти Батлер, зная, что я нахожусь там, прислала сказать мне, что надеется увидеть меня вечером у себя и что «Ваны» (мы их так называем) тоже там будут. Герцогиня[425] и она не поедут нынешним летом в Ирландию с герцогом. А засим я иду спать.

2. Дождливая погода вконец разорит меня на каретах и портшезах. Таскался нынче с вашим мистером Стерном; сопровождал его к Муру[426] и хлопотал о его деле в казначействе. Стерн твердит, что все его надежды только на меня, но я наотрез отказался хлопотать о нем перед мистером Гарли, потому что и без того слишком часто в последнее время беспокоил

его чужими делами; и кроме того, говоря по правде, мистер Гарли сказал мне, что дело Стерна ему не по душе; тем не менее, я все же окажу ему услугу, потому что *МД*, как я полагаю, хотели бы этого. Но он лжет, утверждая, будто все его надежды только на меня, да и вообще он болван. Обедал я с лордом Эберкорном, сын которого Пизли женится на пасху на десяти тысячах фунтов.

3. Совсем забыл сказать вам, что присутствовал вчера на levee мистера Гарли; он уверял, что я пришел нарочно, чтобы увидеть его среди сборища болванов. Но я пришел разузнать, как обстоит дело с первинами, чтобы я мог уведомить об этом герцога Ормонда. Гарли пообещал, что он сам расскажет обо всем герцогу, и пригласил меня отобедать с ним сегодня. Каждую субботу лорд-хранитель печати, секретарь Сент-Джон и я обедаем у него, и еще по временам лорд Риверс; больше они никого не допускают. Патрик принес мне в парк несколько писем, среди которых одно было от Уоллса, а другое, да, поверите ли, другое было от наших маленьких *МД* № 11. Все остальные я прочитал в парке, а от *МД* — в кресле, придя из Сент-Джеймса к мистеру Гарли, и до чего же мне было приятно прочесть его и удостовериться, что у вас все в порядке. Но я все же не стану отвечать на него, по крайней мере в ближайшие три или четыре дня, а может все-таки отвечу раньше. Уж не одурел ли я? Но, право, при виде ваших писем и пес одурел бы от радости, если бы я завел для таких случаев пса, но только это был бы совсем маленький песик. — Я просидел у Гарли до начала десятого; мы о многом с ним беседовали вдвоем, после того как все остальные ушли, и я вполне откровенно высказывал ему свое мнение, когда он того желал. Он жаловался, что не совсем здоров, и пригласил меня снова пообедать с ним в понедельник. Домой я возвратился пешком, как подобает истинному джентльмену, дабы обо всем этом вам поведать.

4. Обедал с господином секретарем Сент-Джоном, и после обеда ему принесли записку от мистера Гарли, сообщавшего, что он очень скверно себя чувствует; я молю господа о его здоровье, ведь от этого зависит все. Парламент не может теперь без него и шагу ступить, да и королева тоже. Я жажду очутиться в Ирландии, но министры просят меня остаться; тем не менее, как только уляжется эта парламентская сумятица, я попытаюсь отсюда улизнуть; к тому времени, я надеюсь, и дело с первинами будет закончено. Едва ли какой обанкротившийся купец был когда-нибудь так же разорен, как это королевство. Нам необходим *мир*, какой угодно, плохой или хороший, хотя никто не осмеливается сказать об этом прямо. Чем больше я присматриваюсь к положению вещей, тем менее оно мне по душе. Коалиция союзников, судя по всему, скоро распадется на части, а

вражда группировок внутри страны все растет. Нынешний кабинет держится на очень шаткой основе, и, подобно Истму[427], находится между вигами, с одной стороны, и воинственно настроенными ториями — с другой. Что и говорить, они — бывалые мореплаватели, но буря слишком сильна, корабль слишком прогнил, и вся команда против них. Лорд Сомерс дважды приходил к королеве и притом во второй раз совсем недавно; герцогиня Сомерсет[428] тоже теперь вхожа к ней, а это особа чрезвычайно пронырливая, и я полагаю, что они попытаются осуществить ту же самую игру, которую сыграли с ними. — Я уже говорил обо всем этом министрам, да они и сами это прекрасно знают, но только ничего не могут поделать. Они так часто предостерегали королеву, чтобы она не давала собой помыкать, что она теперь чересчур об этом печется. Я мог бы говорить об этих материях до завтрашнего утра, но они наводят на меня уныние. Могу лишь прибавить, что недавно после нашего продолжительного разговора мистер Гарли, хотя он самый бесстрашный из людей и менее всего склонен падать духом, признался мне, что поделившись со мной своими мыслями, он почувствовал облегчение.

5. Мистер Гарли все еще хворает, однако дела принуждают его выходить из дома; у него болит горло, и прошлой ночью ему отворяли кровь; я посылал справиться о его здоровье, и сам несколько раз наведывался; нынче вечером ему, насколько я слышал, стало легче. Обедал с доктором Фрейндом в одном доме, где должен был выдавать себя за кого-то другого, принимая участие в какой-то дурацкой шутке, от которой меня мутило. Погода у нас день ото дня улучшается, и вместо какой-нибудь ромашки я лучше буду лечиться прогулками. И вы тоже, пожалуйста, отправляйтесь пешком к вашим деканам, или к вашим Стойтам, или к вашим Мэнли, или к вашим Уоллсам. Впрочем, вы, наверно, так теперь тщеславитесь своей новой квартирой, что будете гулять меньше обычного. Ступайте-ка, сударыни, вон, и позвольте мне лечь спать, слышите.

6. Мистер Гарли чувствует себя хуже и все из-за того, что он вчера выходил. Я дважды наведывался и посылал справляться, потому что тревожусь за него. Меня поймал Форд и уговорил пообедать с ним по случаю оперного дня; я привел с собой мистера Льюиса, и мы просидели у него до шести часов. Вот уже три недели, как я не видел мистера Аддисона; всей нашей дружбе конец. Ни в какие кофейни я теперь не хожу. Я представил нынче герцогу Ормонду одного священника из епархии епископа Клогерского, некоего Ричардсона[429]; он переводит на ирландский молитвы и проповеди и составил проект касательно

наставления ирландцев в протестантской вере.

7. Утро. Право, еще чуть-чуть и мне, кажется, захочется, то есть я хочу сказать, что если бы только не одно дело, то я возымел бы похвальное намерение, но только, повторяю, если бы мне не надо было заняться кое-чем другим, то я, возможно, принялся бы отвечать на ваше дорогое дерзкое письмецо. О господи, я стану кривобоким и все оттого, что пишу, лежа в постели. Однако мне все же, пожалуй, придется ответить на ваше письмо сейчас, иначе у меня не останется места, ведь мое — должно быть отправлено только в субботу; и не воображайте, пожалуйста, что я испишу и третью страницу, до этого, мои юные дамы, еще не дошло. Так-с, что касается вашего Берниджа, то я уже сказал о нем более чем достаточно, и, кроме того, написал ему на прошлой неделе. — Переверните-ка этот лист. Посмотрим теперь, о чем повествуют миру *МД*? Мои головные боли, мадам Стелла, беспокоят меня намного меньше, надеюсь, что и дальше будет не хуже. Отчего так получается, что ваше письмо идет пятнадцать дней, а мое — пятнадцатое — вы получили через семь? Ну-ка отвечайте мне, плутовки! То, что вы ублажали тетушку Уоллс, служит, конечно, достаточным извинением. Как вижу, я все же ошибся насчет пола и у нее мальчик. Да, я понимаю ваш шифр, а Стелла всегда верно разгадывает мой. Так вот, да будет вам известно, что он дал мне бларниксорвный аблирлнент мниа опляртьяднелснянттфруинитроявв[430], каковой я возвратил ему через мистера Льюиса, сопроводив его письмом, в котором выражал свое крайнее негодование и которое было ему показано; и этим дело закончилось. Он сказал, что у него были причины на меня сердиться, а я ответил, что и у меня тоже были, а теперь мы возвратились к нашей прежней дружбе, и я склонен думать, что он любит меня, насколько может всесильный министр полюбить человека за столь короткий срок. Разве не правильно я себя повел? От души рад, что вы получили, наконец, свою бутылку с лекарством; молю всемогущего господа, чтобы она пошла на пользу моей дражайшей малютке Стелле. Полагаю, что миссис Эджворт выехала в Ирландию еще в позапрошлый понедельник. Да, я читаю «Экзаминеры» и вы справедливо судите — они написаны весьма недурно. Только я не считаю, что они слишком сурово обходятся с герцогом; они лишь осуждают его за корыстолюбие, а между тем его корыстолюбие разорило нас. Вы можете не сомневаться, — все, что в них напечатано, — сущая правда. Автор объявил, что их пишет не Прайор; но тогда, возможно, что это Эттербери. — Теперь в разговор вступает мадам Дингли; очень славная погода, говорит она, да, говорит она, и мы переехали на новую квартиру, говорит она. Я прикинул, что останься вы на

прежнем месте еще пять месяцев, то, возможно, сберегли бы восемь фунтов, но это вам так же под силу, как если бы вам предложили сберечь восемь тысяч. Весьма рад, что вы избавились от этой подсматривающей и подмаргивающей француженки. Я выпишу вам долговую расписку на Парвисола на пять фунтов на полгода. Но вы не подумайте, что я из-за этого стану жить на четыре шиллинга в неделю, не есть и не пить. Какой д….. вам сказал, будто Эттербери и ваш декан похожи друг на друга?[431] Я так ни разу и не повидал ни вашего канцлера, ни его капеллана. Последний весьма образован и тщится прослыть писателем, а ваш канцлер отличный человек. Что касается птицы Патрика, так он купил ее за то, что она тихоня, а теперь другой такой неугомонной в целом свете не сыщешь. Ей уже трижды перевязывали крылья, но она опять как ни в чем не бывало. Стоит ей захотеть, и она могла бы полететь за нами в Ирландию. — Да, миссис Стелла, почерк Дингли больше похож на почерк Престо, нежели ваш; хотя вы и надписываете письма так, как если бы хотели сказать, а почему бы собственно и мне не писать, как Престо, чем я хуже Дингли? Позвольте, вы? с вашими неуклюжими SS?[432] Неужели вы не можете писать их вот так SS? — Нет, могу только вот так — SS? — Наглые девчонки, как вы смеете порочить почерк Престо и утверждать, будто, когда вы пишете с закрытыми глазами, у вас получается особенно похоже на Престо. Помнится, прежде я писал и вполовину не так разборчиво, как теперь, и все же весьма вам обеим сочувствую. Крайне огорчен болезнью глаз миссис Уоллс. Странно однако, что в своем письме ко мне, написанном после вашего, Уоллс ни словом об этом не обмолвился. Вы говорите, что после выздоровления ей грозит слепота. Надеюсь, жизнь ее вне опасности. Да, Форд рассудителен именно настолько, Насколько это в моем вкусе. Я предпочитаю обычно гулять с ним, потому что он неназойлив и всегда готов составить мне компанию, когда я чувствую себя уставшим от дел и министров. В кофейнях я не бываю и двух раз в месяц и чрезвычайно аккуратно ложусь теперь спать до одиннадцати. — Итак, вы утверждаете, что Стелла прелестная девушка; что ж, так оно и есть; я словно вижу ее в эту самую минуту и она действительно на редкость хороша. Знаете ли что? Когда я пишу на нашем языке, то невольно шевелю губами, как если бы я произносил все вслух? Я только что поймал себя на этом. А Дингли, я полагаю, сейчас прекрасна и свежа, как девушка в мае, наслаждается здоровьем и не ведает сплина. — Вы, надеюсь, не забыли, когда составляли свой отчет, что мы с вами обычно отсчитываем двенадцать месяцев с 1 ноября? Бедняжка Стелла, неужто Дингли не

оставит ей хоть немножко дневного света, чтобы написать Престо? Ничего, ничего, скоро у нас назло ей дневного света будет сколько душе угодно. И вы долзны клицать тлам-тлам[433], и повтолять тлам-тлам, и подлазать *БДГП*. Да-да, неплеменно. Ну вот, тепель я ответил на васе сипмо. Доблого вам утла. — Вечером. Миссис Бартон прислала мне утром приглашение на обед, а посему я и пообедал у нее так же чинно и благопристойно, как *МД*, когда они, бывало, принимали какого-нибудь более важного гостя, нежели обычно.

8. О, дорогие *МД*, я в полном отчаянии! Вы узнаете о случившемся до того, как получите мое письмо, потому что нынче вечером я написал полный отчет обо веем архиепископу Дублинскому, и декан сумеет рассказать вам подробности со слов архиепископа. Как ни трудно мне было в таком смятенном состоянии писать, но я все же счел необходимым послать правдивый отчет о происшедшем, потому что вы услышите тысячу лживых небылиц. Дело в том, что сегодня в три часа пополудни во время заседания Тайного совета мистер Гарли был ранен. Я играл в карты у леди Кэтрин Моррис[434], у которой обедал, когда молодой Эрандел[435] явился с этой вестью. Я тотчас побежал к секретарю, что было мне как раз по пути, но никого не застал дома. Потом мне встретилась в портшезе миссис Сент-Джон, но она слыхала об этом только мельком. Тогда я нанял портшез и добрался до дома мистера Гарли, где мне сказали, что он спит и что, как они надеются, жизнь его вне опасности; ведь он был нездоров и несмотря на это вышел сегодня, и ранение может вызвать у него лихорадку. Я смертельно за него беспокоюсь. Ранил его один отъявленный французский негодяй — некий маркиз де Гискар[436]. Этот Гискар по приказу господина секретаря Сент-Джона был взят под стражу по обвинению в государственной измене и предстал перед лордами для допроса, во время которого он и нанес свой удар. Все подробности я уже рассказал архиепископу. Сейчас в девять вечера я опять посылал справиться, и мне сказали, что мистеру Гарли лучше. Простите, пожалуйста, мое отчаяние; я думаю о том, как он был ко мне добр. — Бедняга лежит сейчас в своей постели, раненый отъявленным французским негодяем-папистом. Доброй вам ночи, храни вас обеих господь и посочувствуйте мне, я сейчас очень в этом нуждаюсь.

9. Утро; семь, в постели. Патрик только что пришел от мистера Гарли. Он хорошо спал до четырех; при нем неотлучно находился хирург; потом он опять уснул, а проснувшись, почувствовал боль в руке, однако полагают, что жизнь его вне опасности. Такой бюллетень хирург оставил у

привратника для тех, кто будет справляться. Да хранит его господь. А сейчас я встану и пойду к господину секретарю Сент-Джону. Говорят, что Гискар умрет от ран, которые нанесли ему мистер Сент-Джон и другие лорды. Вечером, я расскажу вам больше. — Вечер. Мистер Гарли продолжает поправляться, но прошлую ночь он спал плохо и мучился от болей. Утром я был у секретаря, а потом обедал с ним, и он рассказал мне некоторые подробности случившегося, слишком длинные, чтобы писать о них сейчас. Мистеру Гарли было нынче вечером лучше, но опасность еще не миновала, и до той поры я не буду знать покоя. Доброй ночи и пожалейте Престо.

10. Мистер Гарли провел беспокойную ночь, но лихорадки у него нет, и надежды на его выздоровление стало больше. Я получил письмо от мистера Уоллса и еще одно от мистера Берниджа и отвечу им здесь, потому что не имею времени писать. Мистер Уоллс ведет речь о трех предметах. Во-первых, о ста фунтах для доктора Раймонда, о которых я ничего не ведаю, да и слишком уже поздно теперь об этом говорить. Во-вторых, насчет мистера Клементса: но тут я бессилен чем-нибудь помочь, коль скоро Уоллс просит не упоминать при этом мистера Пратта; как же я могу рекомендовать Клементса, не зная возражений мистера Пратта, ведь тот доводится ему родственником, и мистер Пратт сам определил его на нынешнее место. В-третьих, насчет того, чтобы я был крестным отцом ребенка[437]: это в моих силах, и если другого выхода нет, то покоряюсь. Мне бы хотелось, чтобы вы помогли мне как-нибудь уклониться от этого, но, если это невозможно, то уплатите, сколько вы считаете необходимым, и попросите ректора[438] присутствовать вместо меня, и пусть дитя нарекут христианским именем Гарли в честь моего друга, который лежит сейчас раненый, не ведая, останется ли он в живых. Что касается Берниджа, то он пишет, что полковник согласился за сто фунтов назначить его капитан-лейтенантом, а Берниdж был настолько глуп, что известил меня о том, что он предложил полковнику деньги лишь после того, как дело было сделано, хотя я получил от него дюжину писем. Мало того, он просит меня никому об этом не говорить, из боязни как бы полковник на него не разгневался. Люди безумны, да и только. Что прикажете мне теперь делать? Я залучил полковника Диснея, одного из тех, кто ходатайствовал за Берниджа перед секретарем, и рассказал ему эту историю. Он заверил меня, будто Филдинг (полковник Берниджа) сказал, что он мог бы получить эти деньги, но, принимая во внимание ходатайства столь высокопоставленных особ, намерен назначить Берниджа на эту должность без всяких денег, а посему

передайте Берниджу, пусть он напишет Филдингу письмо и поблагодарит его за услугу, оказанную ему безвозмездно, на основании одних лишь рекомендаций. Дисней обещает еще раз поговорить с Филдингом и разъяснить ему эти обстоятельства, и тогда я напишу Берниджу. Чума его забери! Надо же было посулить деньги, когда мне обещали все уладить, а теперь он ставит меня в щекотливое положение просьбой не упоминать о деньгах при разговоре с полковником; одним словом, пусть поступает, как я говорю, и дело с концом. Ведь я заручился поддержкой государственного секретаря и уверен, что это была любезность по отношению ко мне и что никаких денег давать не следовало, не говоря уже о том, что сто фунтов — это слишком много для Смитфилдской сделки[439], как сказал мне один генерал-майор, мнением которого я поинтересовался. А сейчас я спешу и потому не могу больше ничего к этому прибавить. Прощайте.

Любезные мои дамы, как мне прикажете адресовать письма на вашу новую квартиру? Ответьте мне хотя бы на это, бесстыдницы и нахальные мордашки.

И не нахальство ли с вашей стороны, писать наши детские словечки, как это делает Престо?

Бедный Престо!

Мистеру Гарли нынче вечером получше, вот почему у меня так язык развязался, слышите вы, дерзкие Гоги и Магоги[440].

Письмо XVIII

Лондон, 10 марта 1710—1711.

[*суббота*]

Славным маленьким *МД* не следует ждать от меня пространных писем, пока жизнь мистера Гарли не будет вне опасности. Мы надеемся, что самое страшное уже позади, но я постоянно тревожусь за моих друзей. Он был озабочен делами всей нации и был нездоров, когда негодяй его ранил и, кроме того, нанес ему еще один ужасный удар, но пока все идет благополучно. Мистер Форд и я обедали с мистером Льюисом, и все мы уповаем на лучшее.

11. Нынче утром господин секретарь и я встретились при дворе, куда он приехал, чтобы навестить королеву; она нездорова, и у нее озноб; боюсь, что несчастье, случившееся с мистером Гарли, может иметь наихудшие последствия. Вместе с господином секретарем мы пошли его проведать, его рана выглядит не такой уж страшной, и его совсем не лихорадит, так что с моей стороны, я думаю, глупо так уж сильно убиваться. Я держал в руке тот самый перочинный нож[441]; лезвие сломалось в четверти дюйма от ручки. У меня есть намерение написать подробный отчет[442] о всех обстоятельствах этого события и напечатать его: это будет очень любопытно, и я это сделаю, как только мистер Гарли будет вне опасности.

12. Мы очень тревожились нынче за мистера Гарли; он всю ночь не сомкнул глаз, и его сильно лихорадило. Но, когда я вечером наведался к нему, молодой мистер Гарли (его единственный сын) сказал мне, что ему стало намного лучше и он уснул. Домашние никого к нему не допускают и правильно делают. Парламент не может заседать, пока он не поправится, и вынужден отложить рассмотрение финансовых вопросов, в решении которых никто, кроме него, не может помочь. Да хранит его господь.

13. Мистеру Гарли сегодня лучше, он спал всю ночь, и наши опасения несколько рассеялись. Я посылаю справляться и сам наведываюсь к нему по три — четыре раза на дню. Прогулявшись до Сити пешком ради моциона, я пообедал там с одним частным лицом, а вечером на обратном пути на Стрэнде ушиб колено о бочку с песком, оставленную прямо на дороге. Изрядно перепачканный, я добрался домой и тотчас улегся в постель, где принялся лечить ушиб кожей от золотобита, лоскут которой Патрик чуть не час нес мне из соседнего дома, чем совсем вывел меня из

терпения. Это мое правое колено, с которым никогда прежде ничего не приключалось, даже когда другое распухало, так что я меньше за него опасаюсь, однако же остерегусь выходить из дома, пока оно не пройдет, на что, я думаю, потребуется неделя. В такого рода делах я весьма осторожен; мне бы сейчас весьма пригодилось лекарство миссис Дж[онсо]н[443], но ее нет в городе и мне придется обойтись квасцами. Обедать я, пока не выздоровею, буду у миссис Ваномри; она живет в пятом доме от меня, на такое расстояние я могу отважиться.

14. Теперь, когда я не могу выходить из дома, мой дневник обещает стать чрезвычайно занимательным, отчеты о здоровье мистера Гарли будут чередоваться в нем с отчетами о моем ушибленном колене. Не успел я возвратиться от миссис Ваномри, у которой посидел от двух до шести, как ко мне явился наш новоиспеченный «Тэтлер» малыш Гаррисон и попросил продиктовать ему следующий номер его журнала, что я и принужден был из милосердия сделать. Мистер Гарли чувствует себя все лучше, и, надеюсь, что через день-другой я не стану вас больше тревожить ни им, ни моим коленом. Ложитесь-ка лучше в постель и спите, слышите, чтобы вы могли завтра пораньше встать и прогуляться в Доннибрук и проиграть там свои денежки Стойтам и декану; так и сделайте, дорогие маленькие плутовки, и выпейте за здоровье Престо. О, скажите на милость, неужто вы никогда не пьете за здоровье Престо с вашими деканами, и вашими Стойтами, и вашими Уоллсами, и вашими Мэнли и со всеми вашими прочими, как их там еще? А я так выпиваю за здоровье *МД* сотню тысяч раз.

15. Несмотря на ушибленное колено, я побывал нынче утром у господина секретаря Сент-Джона и выпросил у него для малыша Гаррисона лучшую должность в Европе — место секретаря при лорде Рэби[444], чрезвычайном после в Гааге, где как раз будут решаться все важнейшие дела, так что недели через две мы распрощаемся с нашим «Тэтлером». Завтра утром я пошлю Гаррисона поблагодарить секретаря. Бедняжка Бидди[445] заболела оспой. Утром я зашел проведать леди Бетти Джермейн и, как только она мне сообщила про Бидди, тотчас же откланялся. Мне положительно везет; дней десять назад я навестил лорда Картерета, так его жена занимала меня рассказом о своей молодой кузине, которая в то время лежала у них в доме с оспой; она вскоре потом умерла. Это случилось неподалеку от леди Бетти, и я воображаю, как Бидди напугана. Когда я обедал с господином секретарем, к нему пришел хирург прямо от Гискара и сказал нам, что тот умирает от ран и едва ли протянет

до завтра. Служанка, которую держал Гискар, послала ему бутылку сухого вина, но часовой не позволил ему выпить из боязни, что оно отравлено. Сегодня у него вытекло две кварты застоявшейся крови со сгустками из раны в боку, и он бредил. Очень жаль, что он умирает, ведь министрам удалось найти достаточно веские основания для того, чтобы его повесить. Он наверняка замышлял убить королеву[446].

16. Надобно признаться, что благодаря Гискару и мистеру Гарли, я за много дней не очень-то продвинулся в этом письме. Подробности этого гнусного дела можно было бы рассказывать бесконечно. Пока еще не слыхать, умер ли Гискар, но мне говорили, что ему уже не поправиться. Для человека, у которого ушиблено колено, я вчера слишком много гулял, а посему дал себе нынче отдых и не ходил дальше миссис Ваномри, у которой пообедал. В шестом часу явилась леди Бетти Батлер, и мне пришлось из приличия просидеть с ней до девяти; потом я возвратился домой, где мое колено навестил мистер Форд, просидевший со мной до одиннадцати, так что я только все бездельничал и пустословил. Невозможность гулять в такой восхитительный день выводит меня из себя. Читали ли вы уже «Спектэйтор» — новый ежедневный листок? Его сочиняет мистер Стиль, который, судя по всему, набрался новых сил и обновил свои запасы остроумия. Он, я полагаю, сотрудничает с Аддисоном. Я совсем их не вижу и дней десять назад откровенно сказал мистеру Гарли и мистеру Сент-Джону в присутствии лорда-хранителя печати и лорда Риверса, что с моей стороны было довольно-таки неразумно использовать их доверие ко мне к выгоде Аддисона и Стиля, но что впредь я обещаю никогда больше за них не заступаться, поскольку они так скверно со мной обошлись после всего, что я для них сделал. — Так, теперь на меня снова напала словоохотливость, и меня уже не остановишь. Если Престо стал болтать без продыху, надо тотчас его съездить по уху. — О господи, какая клякса; самое время кончить и прочее.

17. Гискар скончался сегодня в два часа утра; проводивший дознание коронер[447] объявил, что он умер от ударов, нанесенных ему сопровождавшим его конвоиром, а такое заключение отводит вину от членов Тайного совета, нанесших ему раны. Я получил письмо от Раймонда; ему так и не удалось что-нибудь разузнать о вашей посылке, но я все же не теряю надежды, что она прибудет к вам еще до этого письма. Обедал я с мистером Льюисом, служащим в канцелярии секретаря. Мистер Гарли потерял очень много крови из раны в груди и поправится не так скоро, как мы на то уповали. Я хотел вам еще что-то сказать, да вот только

запамятовал. (Что же это было?)

18. Побывал нынче при дворе в надежде увидеть герцога Аргайла и вручить ему памятную записку насчет Берниджа. Герцог отплывает с первым попутным ветром; повидаться с ним мне не удалось, но я просил передать ему записку, так что она, во всяком случае, догонит его в дороге. Бернидж совершил ошибку, посулив деньги своему полковнику, не посоветовавшись со мной; и все же он назначен капитан-лейтенантом, ему предстоит теперь только навербовать себе роту, что обойдется ему в сорок фунтов, а это как-никак меньше, чем сто. Обедал я с господином секретарем Сент-Джоном и просидел у него до семи, но ни шампанского, ни бургундского пить не стал, опасаясь подагры. Колено мое поправляется, но еще побаливает. Надеюсь, что ко времени отправления этого письма, то есть к следующей субботе, я уже буду вполне здоров.

19. Отправился нынче в Сити, но не пешком, а в карете, осторожно пристроив ногу на сиденье; на обратном пути я зашел поглядеть книги бедняги Чарлза Бернарда, которые будут продаваться на аукционе, и у меня прямо руки чесались выложить девять или десять фунтов за кое-какие прекрасные издания прекрасных авторов. Но это слишком жирно, так что книги опять уплывут у меня из-под носа, как уже не раз бывало. Пообедал в кофейне со Стрэтфордом; ел отбивные котлеты и пил его вино. А где обедали *МД*? Что ж, бедняжки *МД* из-за визита архиепископа не могли никуда поехать и обедали нынче дома, удовольствовавшись бараньей грудинкой и пинтой вина. Надеюсь, миссис Уоллс поправляется. Представьте мне, пожалуйста, отчет, насколько я был хорош в роли крестного и пристойно ли себя вел. Герцог Аргайл уехал, и я узнаю, получил ли он мою записку, только когда увижу доктора Арбетнота[448], которому отдал ее. Это заковыристое имя принадлежит шотландскому доктору, моему и герцога общему знакомому; Стелла, наверно, не сможет его выговорить. О, если бы мы в этот прекрасный день были в Ларакоре! Там начинают распускаться ивы, и на боярышнике набухают почки. Мой сон становится явью: мне снилось вчера, будто я ем спелые вишни. — Небось, там уже ловят щук и скоро примутся за форелей (чума забери этих министров); и еще мне хотелось бы узнать, затопило ли прибрежный остролист и тропинку; если да, то все мои щуки уплыли; надеюсь, все же, что нет. Эй, плутовки, почему вы не расспросите об этом Парвисола? Насчет моего канала, и форелей, и чистое ли в нем дно? И вот что еще, не пора ли Парвисолу отдать собранную им за прошлый год арендную плату и недоимки? Я думаю, а что если бы кто-нибудь удосужился взять его записи и проверить, сколько там причитается, вы, например, или же мистер Уоллс.

Я напишу Парвисолу на другой стороне этого листа соответствующее распоряжение и поступайте как вам заблагорассудится. У меня пропасть дел, но придется лечь спать, потому что я уже клюю носом, а засим спокойной вам ночи и прочее.

20. Ушибленное колено разорит меня на наемных каретах: я истратил нынче не менее двух шиллингов, чтобы доехать до Сити и обратно; обедал там с одним человеком, которого вы не знаете, и день провел довольно уныло. С сегодняшней почтой я отправил Бернинджу отчет обо всем, что написал вам выше. Надеюсь, он останется доволен; могло бы быть и лучше, если бы он сам не напортил. Ваше следующее письмо, надо думать, будет заполнено расспросами о ранении мистера Гарли. Он чувствует себя все лучше, но потерял много крови и потому пока не встает с кровати и ни с кем не видается. Только что умер от оспы старший сын спикера[449], и парламент распущен на неделю, чтобы дать ему время утереть слезы. Это очень благородно, хотя, думаю, настоящая причина кроется в том, что им слишком недостает мистера Гарли. Похоже, что Бидди Флойд выздоравливает. А теперь отправляйтесь к своим деканам варить апельсиновые корочки в сахаре и просаживать денежки, да поживее, нахальные девчонки. Стелла, вы проиграли прошлым вечером у Стойтов три шиллинга и четыре пенса, да-с, проиграли, ведь Престо все время стоял в уголке и наблюдал за вами, а потом тихонько удалился. Мне очень часто снится, будто я в Ирландии, а одежду и вещи оставил здесь и ни с кем не попрощался, и будто министры ожидают, что я завтра приеду, и прочая чепуха.

21. Поверите-ли, я и за гинею не хотел бы получить от вас письмо прежде, чем отправлю это, а оно будет отправлено в субботу. Обедал у миссис Ваномри, дабы поберечь свое колено, а потом поехал по делу к секретарю, но не застал его дома.

22. Вчерашняя запись в дневнике получилась довольно короткая, но мне-то какая забота? какая о том забота нахальному Престо? Меня пригласил нынче на обед Дартнеф. Неужто вы не знаете Дартнефа? Да ведь это человек, которому известно все и который известен всем, и которому известно, где всякая шушера собирается проводить праздники и когда эта шушера была там в последний раз; после него я наведался в кофейню. Мое колено поправляется, но еще не зажило: я должен держать его поднятым кверху, но не делаю этого и предоставляю все естественному ходу вещей. Чума забери Парвисола и его часы. Если я не получу от него вексель на десять фунтов, чтобы выкупить их, не будет ему ни часов, ни цепочки; так и передайте.

23. Я уговорился встретиться нынче с герцогом Ормондом у Нэда Саутуэла по поводу напечатания ирландских молитвенников[450], но герцог так и не пришел. Саутуэл получил письма, сообщающие, что сюда из Ирландии отправлены два пакета, так что если *МД* успели к тому времени написать, то их письма тоже ушли: эти пакеты вот-вот должны прибыть. Мистер Гарли все еще хворает, у него продолжаются кровотечения и боюсь, что он еще не скоро выздоровеет окончательно. Судя по письмам, полученным Саутуэлом из Ирландии, вы уже знаете о случившемся. Любопытно, что вы об этом думаете? Обедал у сэра Джона Персивала[451] и видел его жену, возлежавшую в постели, как полагается роженице; придя домой, я почувствовал зуд в колене и, совсем забыв о своем ушибе, стал его чесать и содрал струп, от чего пошла кровь, но я тотчас лег в постель и приложил квасцы, так что теперь все как будто в порядке. Лорд Риверс рассказал мне вчера по секрету плохую новость, будто бы претендент собирается жениться[452] на дочери герцога Савойского. Это очень скверно, если только это правда. Мы гуляли по Мел с несколькими шотландскими лордами, и он рассказал об этом лишь после того, как мы остались одни, и просил меня никому не говорить, кроме государственного секретаря и *МД*. Это письмо завтра уйдет, и у меня осталось место только, чтобы пожелать моим дражайшим малюткам *МД* спокойной ночи.

24. Сейчас я запечатаю это письмо и вечером отправлю, поскольку рассчитываю, что до вечера (сейчас утро) ничего от вас не получу. Я собственноручно отдам его в почтовую контору. А сейчас мне необходимо чрезвычайно спешно уйти, так что прощайте.

Письмо XIX

Лондон, 24 марта 1710—1711.

[*суббота*]

Признаюсь, Престо поступил не совсем честно, не послав нынче в кофейню узнать, нет ли там письма от *МД*, до того, как он отправил свое, но я сделал это нарочно, потому что терпеть не могу отвечать на два письма сразу. Такие письма на манер дневника меньше всего пригодны для сообщения новостей, а посему впредь о каких-нибудь политических новостях, заслуживающих того, я буду писать вам в последний день. Мое колено поправляется, хотя я расчесал его прошлой ночью. Обедал у Нэда Саутуэла в обществе епископа Оссорийского[453] и целого сборища ирландских джентльменов. Читали ли вы хотя бы один из «Спектэйторов»? Прошло ровно три недели с тех пор, как я получил ваше последнее письмо № 11. Боюсь, что одно находилось на том пакетботе, который был недавно захвачен. Это было бы очень досадно, принимая во внимание, каких трудов они стоят *МД*, особенно бедной славной Стелле, у которой такие слабые глазки. Да благословит их господь и их владелицу и пошлет им всяческого добра, а заодно и мне чуть-чуть в ближайшее время, на что я уповаю. Болезнь мистера Гарли задерживает все дела, он все еще лежит и, судя по обильным кровотечениям из раны в груди, не скоро подымется. Эту рану Гискар нанес ему вторым ударом, после того как сломался его перочинный ножик. Всякий раз, когда я думаю об этом гнусном поступке, я прихожу в ужас. Бидди Флойд уже вне опасности, но потеряет всю свою красоту: ее лицо густо усыпано теперь оспинками, особенно возле носа.

25. Утро. Желаю вам веселого Нового года; сегодня, как вам известно, у нас первый день года и еще Благовещение. Я должен встать и пойти к лорду-хранителю печати; сегодня мне не надо бриться, так что я попаду к нему рано. Обедать буду с господином секретарем Сент-Джоном. Доброго утра вам, мои сударыни, доброго утра. Стелла будет, конечно, украдкой разглядывать из окна своей комнаты у миссис де Кудре прихожан, возвращающихся из церкви: вот шествует миссис Проби, а вон — леди Саутуэл, а вот — леди Бетти Рочфорт[454]. Мне не терпится услышать, как вы обосновались на новом месте. Я тоже не прочь избавиться от своей прежней квартиры; хорошо, если бы миссис Брент удалось уложить мои книги в ящики и поместить их в надежном месте, а вы взяли бы на сохранение самые важные бумаги. Но мне пора вставать. — Вечером. Итак,

я нанес визит и пообедал у секретаря, как и собирался, ну и что из того? Мы позволили, наконец, предать тело Гискара погребению, после того как он две недели был выставлен на обозрение за два пенса с человека, и малый, который его показывал, всякий раз пояснял, тыча пальцем на покойника, лежавшего в корыте с рассолом: «Видите, джентльмены, вот рана, нанесенная его светлостью герцогом Ормондом, а вот рана…» и прочее, после чего зрелище заканчивалось и впускали новую группу зевак [455]. Жаль, что закон не позволил нам повесить его тело на цепях, поскольку он не был под судом, а в глазах закона любой человек до вынесения приговора считается невиновным. — Мистер Гарли все еще очень слаб и совсем не встает из постели.

26. Нынче был самый очаровательный день, и поскольку мое колено уже не внушает больше опасений, я более двух часов с быстротою молнии носился по парку. Обычно у нас выпадает один погожий день, а потом три-четыре дня подряд идет дождь. Все дела в парламенте приостановлены из-за отсутствия мистера Гарли; в самых важных вопросах без него не могут сдвинуться ни на шаг, и мы боимся, что из-за каприза Рэдклифа, который никого, кроме своего хирурга, не допускает к больному, за ним не было надлежащего ухода. Обедали мы с мистером Льюисом в пивной, но с его вином. Не появились ли уже у вас цветы в полях? Как бы я был сейчас занят в Ларакоре! Нет ли каких-нибудь известий о вашей посылке? Надеюсь, вы уже получили ее и в эту самую минуту пьете шоколад и запах бразильского табака ему не повредил. Я был бы рад узнать, понравился ли он вам, потому что в таком случае отправил бы вам еще с кем-нибудь из тех, кто подумывает сейчас об отъезде в Ирландию; так что напишите мне, пожалуйста, да поскорее, а я раздобуду ящик покрепче.

27. Гнусный, дождливый день, льет с утра до ночи; меня пригласила к себе на обед моя соседка Ваномри, а вечер мы с доктором Фрейндом провели у мистера Прайора; теперь уже двенадцатый час, так что мне пора спать.

28. Утро. Как хотите, но, если окажется, что вы осмелились так быстро настрочить мне ответ, тогда вы просто парочка бесстыжих развязных девчонок, — вот что я сказал себе нынче утром. А ведь кто знает, быть может, в кофейне уже лежит письмо от *МД*? Впрочем, кому же и знать, как не вам; так вот, только что я послал туда Патрика, и он принес мне целых три письма, но ни одного от *МД*; нет, в самом деле, потому что я прочел все адреса, и ни одного от *МД*. Первое, которое я открыл, оказалось от архиепископа, второе — от Стонтона; потом я взял третье и взглянул на почерк. Чей это может быть почерк? сказал я; м-да, сказал я, любопытно,

чей это почерк? Потом я заметил воск в складках бумаги, потом у меня возникло подозрение, потом я заглянул внутрь: тьфу, да это не иначе, как Уоллс; и тогда я в ярости распечатал его и только тут обнаружил, что это мелкий почерк *МД*, снова дорогой мелкий, славный, восхитительный, нежный почерк *МД*. О господи, какой переполох вызвало это письмецо, сколько шума и суеты, в жизни не видывал ничего подобного. Сдается мне, что оно пролежало несколько дней в почтовой конторе и прибыло еще до того, как ушло мое восемнадцатое, но поскольку я его не ожидал, то и не наведывался туда. Так-с, и вы, стало быть, надеетесь, что я немедленно примусь отвечать на него? Право же, нет, не стану. Я заставлю вас подождать, мои юные дамы; единственное, что я сделаю незамедлительно, так это разузнаю в казначействе насчет причитающихся бедняжке Дингли денег. Выходит, этот Ведел опять стал солдатом? Он что, все-таки разорился? Хлопоты в казначействе я поручу Бену Туку. Надеюсь, Ведел не продал свою лавку. — Вечером. Ведел, Ведел, что за чума, его зовут, я полагаю, не Ведел, а Ведо; ну, конечно же, Ведо, теперь я вспомнил; дайте-ка взглянуть, упоминаете ли вы его в своем письме? Да, мистер Джон Ведо его брат; но, скажите на милость, где этот брат проживает? Так и быть, я разузнаю. Нынче все добрые люди соблюдают пост, а посему я пообедал не в обычное время, а позже с сэром Мэтью Дадли, с которым давно не видался. Он один из тех, кто потеряет свою должность, как только основательно возьмутся за вигов, и я не смогу ему ничем помочь, хотя и замолвил за него словечко перед министрами; очень уж он был рьяным вигом и к тому же приятелем прежнего лорда-казначея[456]. Можно только удивляться, как этим людям все еще позволяют занимать свои должности, но причина в том, что освободившихся мест не хватит на всех жаждущих, и, чтобы они смирно себя вели, в них поддерживают надежду, вот почему многие чиновники из вигов до сих пор остаются на своих постах. Смотритель придворных служб, например, сказал мне, что на его место метят восемь человек. После обеда я прогулялся вокруг парка. Как, неужто я пишу о политике маленьким юным дамам? Ну, хватит болтать и отправляйтесь-ка к декану.

29. Утро. Если день будет нынче хороший, я прогуляюсь в Сити пешком и погляжу библиотеку Бернарда. Какая мне забота о вашем письме, этом болтливом № 12. Я пока, право же, не расположен с ним беседовать; этот лист, я полагаю, будет заполнен раньше срока, а в таком случае письмо придется раньше времени отправить. Я буду всегда писать вам раз в две недели, а если письмо уйдет раньше, потому что лист был раньше заполнен, что ж, тогда вы в выигрыше. Доброго вам утра, доброго

утра, мои миленькие плутовки, я не могу дольше лежать в постели и заниматься этой писаниной вам на забаву; мне давно пора вставать, так что еще раз доброго утра. — Вечером. Патрик сказал мне, что здесь находятся ваш приятель Монтгомери[457] и его сестрица. Признаться, я не раз его встречал, но делал вид, что не замечаю: очень уж он стал уродлив и прыщав. Говорят, он к тому же еще и игрок и выигрывает деньги. — Ну что прикажете мне делать, скажите на милость? Патрик так дурацки снял нагар со свечи, что сало протекло на бумагу. Я тут ни при чем, это все Патрик виноват, так что, пожалуйста, не браните Престо. Прогулявшись нынче пешком до Сити, я пообедал в одном приватном доме, а потом пошел поглядеть на распродажу книг бедняги Чарлза Бернарда; их продавали вместе с книгами по медицине, а посему я не купил ни одной, да и кроме того они настолько дороги, что я, наверно, так ничего и не куплю, и дело с концом, и можете отправляться к своим Стойтам, а я лягу спать.

30. Утро. Сегодня, как вам должно быть известно, Страстная пятница; мне предстоит побриться и пойти по одному делу к господину секретарю, кроме того миссис Ваномри зовет меня к себе на завтрак: она хочет вступиться за Патрика, который так часто пьет и скандалит, что я решил непременно с ним расстаться, но сделать это сейчас было бы для меня неудобно, ведь он знает все места, куда я его обычно посылаю, и досконально изучил все мои привычки, зато уж когда я возвращусь в Ирландию, я его непременно прогоню. — Сэр Томас Мэнсел, один из лордов казначейства, высаживая меня нынче из кареты у дверей моего дома, увидел Патрика и поклялся, что по его роже сразу видно, что он — Падди[458]. Я так привык к его физиономии, что никогда этого не замечал и даже считал его довольно смазливым малым. Сэр Эндрю Фаунтейн и я ужинали в сегодняшний день поста у миссис Ваномри. Мы боялись, как бы на ране мистера Гарли не образовался свищ, но опасность, кажется, миновала. Он теперь каждый день встает и гуляет по комнате, и мы надеемся, что недели через две начнет выходить. Прайор показал мне славные стихи, которые он сочинил по поводу несчастья, случившегося с мистером Гарли; они не напечатаны; я пошлю их вам, если он даст мне копию.

30. Утро. Что бы такое придумать, чтобы разыграть кого-нибудь по случаю первого апреля? В нынешнем году этот день приходится на воскресенье? Патрик принес известие, что мистер Гарли с каждым днем чувствует себя все лучше и уже встает. Я собираюсь через несколько дней его повидать. И еще Патрик сказал, что отыскал лавку брата Ведо; через

день-другой я туда наведаюсь. Судя по всему, жена Ведо живет по соседству с его братом. Боюсь, что мошенник действительно разорился, продал лавку и купил офицерский чин, или, может быть, записался на службу добровольцем и надеется добыть чин своими ратными подвигами. Доброго вам утра, сударыни, и позвольте мне встать. — Вечером. Обедал у сэра Томаса Мэнсела. Мы гуляли с ним в парке и встретили там мистера Льюиса. Мэнсел спросил нас, где мы собираемся обедать? Мы ответили, что собираемся обедать вместе. Он сказал, что в таком случае мы непременно должны пообедать у него, правда, его жена не велела никого приводить, потому что у нее есть только баранья нога. Я сказал, что непрочь, но при условии, что он пошлет слугу и велит приготовить одно-два блюда. И это человек, чьи земли приносят десять тысяч фунтов годового дохода, лорд казначейства, притом отнюдь не скупой, но поиздержавшийся вследствие безалаберности и небрежения своими делами. Поверите ли, наихудший из обедов, каким меня когда-либо потчевали у декана, и тот был лучше. Но так уж здесь ведется у множества людей. Вечером я наведался к мистеру Гарли: он уже гуляет по комнате с палочкой, но еще чрезвычайно слаб. — Полюбуйтесь, сколько места пропало из-за этого безобразного сального пятна. Право, это вы виноваты; а сейчас я лягу спать.

1 апреля. Дом герцога Бакингема рухнул прошлой ночью от землетрясения и наполовину ушел в землю. — Не угодно ли пойти взглянуть. — Апрельские дурочки, вот вы кто, мои юные дамы, апрельские дурочки, ох-ох! Ладно уж, не сердитесь, больше не буду вас разыгрывать, до следующего раза, конечно. Нам никого не удалось разыграть, потому что нынче воскресенье, да еще к тому же Светлое. Обедал с секретарем, который был очень чем-то расстроен и подавлен; мистер Прайор и Льюис тоже это заметили; быть может, что-нибудь случилось, а, быть может, это ровно ничего не означает. Благослови господь моих драгоценнейших *МД*, и чтобы все было хорошо.

2. У нас был такой ветреный день, что даже трудно было гулять, тем не менее по случаю пасхальных праздников парк был заполнен всяким сбродом. Меня донимает один ирландский священник — некий Ричардсон: он составил проект напечатания Библии на ирландском языке и пр. с тем, чтобы обратить всех вас в этой стране в христианство; я помогаю ему, сколько могу, ради архиепископа и епископа Клогерского. — Но что мне до всего этого? Не припомните ли вы, госпожа Стелла, о чем это шла речь, когда вы решили, что я сую нос не в свое дело? Бесстыжая девчонка, вот вы кто; я прекрасно помню все ваши каверзы и не забуду, пока жив. Мы

пообедали вдвоем с Льюисом у него на квартире. — Но где же ваш ответ на письмо *МД*? Право же, Престо, вам давно пора об этом подумать. — А я считаю, что времени еще предостаточно, — отвечает нахальный Престо.

3. Нынче утром я пошел повидаться с миссис Бартон; я люблю ее больше кого бы то ни было здесь, а вижу реже. Отчего это в самом деле часто так бывает в жизни, что когда любишь кого-нибудь больше всего… — Гм, гм, до чего же вы глупы, когда пускаетесь в рассуждения. — Так вот, она рассказала мне презабавную историю. Одна почтенная дама, которая преставилась два месяца тому назад, распорядилась в завещании нанять восемь мужчин и восемь девиц в качестве носильщиков, коим велела уплатить по две гинеи каждому, а кроме того десять гиней священнику за проповедь и две гинеи клерку, при одном только условии, что все они — носильщики, священник и клерк должны быть непременно девственниками и не будут допущены к погребению, пока в том не поклянутся: и вот бедняжка до сих пор ожидает погребения и, по-видимому, обречена на это до всеобщего воскресения из мертвых. — Я зашел к господину секретарю, чтобы выяснить, какой д….. вывел его в воскресенье из равновесия и выложил ему все, что у меня накипело: что он, как я заметил, был очень не в духе и что я не ожидаю от него непременного объяснения причин, но был бы рад убедиться, что его настроение изменилось к лучшему, и хотел бы только предупредить его об одном: никогда не выказывать холодность по отношению ко мне, ибо не позволю обращаться со мной, как с мальчишкой; я уже более, чем достаточно натерпелся такого обращения в своей жизни (подразумевая сэра Уильяма Темпла); я надеялся, что любой министр, удостоивший меня своим знакомством, если он услыхал или подметил что-нибудь не к моей чести, уведомит меня об этом без обиняков и не поставит меня перед необходимостью самому доискиваться причин перемены в его обращении со мной или холодного выражения лица, ибо едва ли стерпел бы такое и от коронованной особы и считаю, что никакие милости, оказываемые подданному, не стоят того, а посему я просил бы его довести все это до сведения лорда-хранителя печати и мистера Гарли, дабы и они могли вести себя со мной соответственно. Он воспринял мои слова должным образом, сказав, что я действительно имел основание так подумать, и клялся, что был не в духе по той лишь причине, что ночи напролет занят делами, а одну ночь прокутил, после чего предложил в знак примирения пообедать с ним и с братом миссис Мэшем, но я решительно отказался. Сам не знаю почему, но отказался. Но я, конечно, уже имел приглашение отобедать со своим старым приятелем Роллинсоном[459], о котором вы никогда раньше

не слыхали.

4. Случается, я просматриваю две-три последние строчки и замечаю досаднейшие погрешности пера; как вы продираетесь сквозь них? Вы, вероятно, бываете порой немало озадачены. Думается мне, что я поступил правильно, высказав все это господину секретарю. Помните, как я некогда мучился, если сэр Уильям Темпл три-четыре дня кряду бывал холоден или не в духе, а я терялся в догадках и перебирал сотни тому причин? С тех пор я, право же, стал посмелее; однако какого хорошего человека он испортил. Обедал у своей соседки Ваномри; а *МД*? а бедняжки *МД* — дома и вынуждены были довольствоваться бараньим филе и полпинтой пива; баранина была совсем сырая, бедняжка Стелла никак не могла ее разжевать, бедная моя дорогая плутовка, а Дингли была чрезвычайно раздосадована; но ничего, завтра мы будем обедать у Стойтов. Мистер Гарли прошлый раз обещал принять меня через пару дней, поэтому я зашел к нему нынче вечером, но его сына и всех остальных не было дома, а сам он спал, и посему я ушел ни с чем, но зато мне удалось разыскать миссис Ведо. Она показала письмо от Дингли и сказала, что намерена обратиться к кому-нибудь из друзей с просьбой помочь получить причитающуюся ей часть денег. Я сказал ей, что поручу после этого получить остальную сумму, причитающуюся Дингли, мистеру Туку. Ее муж купил чин пехотного лейтенанта и отправился в Португалию. Он продал свою долю в лавке брату, а деньги, за вычетом истраченного на покупку чина, оставил ей на прожитие. Она снимает квартиру через два дома от его брата. Говорит, что такая перемена в жизни очень для нее тяжела, но торговля шла из рук вон плохо. Она обещала вскоре снова вам написать. Я уговорю Бена Тука заняться этим делом и тогда возьму у нее необходимые бумаги. — Копию стихов Прайора, посвященных мистеру Гарли, я отдал мистеру Допингу, а он отправил их вчера в Ирландию, так что справьтесь на сей счет; не переписывать же мне эти стихи в самом деле. Впрочем, через день-другой они будут напечатаны. Передайте мой сердечный поклон Стойтам и Кэтрин; клянусь, я от души их люблю и желаю, чтобы вы им это передали; скажите, пожалуйста, матушке Стоит, чтобы она не позволяла миссис Уоллс и миссис Джонсон выманивать у нее деньги за ломбером, и еще заверьте ее от моего имени, что она разиня. Пообедайте сегодня с ней и так ей все и скажите, и выпейте за мое здоровье; доброго вам пути и скорого возвращения, дорогие плутовки.

5. Утро. Ну-с, а теперь позвольте нам приступить к изучению дерзкого письма от некой мадам *МД*. — Да благословит господь всемогущий бедную Стеллу и пошлет ей великое множество дней рождения[460], и

чтобы она была счастливой, здоровой и богатой, чтобы мы всегда были вместе и никогда больше не разлучались, разве только случайно. Стоит мне узнать, что вы там счастливы и веселы, и я здесь чувствую себя счастливым, и когда я читаю ваше письмо или пишу вам, то с трудом могу себе представить, что вас нет со мной рядом. Нет, право, вы и сейчас подле меня, на этом маленьком листке, и потому я постоянно вижусь и говорю с вами каждый вечер, а иногда и утро, хотя по утрам все же не всегда, потому что это несколько нескромно для молодых дам, не правда ли? Вы, я вижу, непрочь были прикинуться, будто отправили мне еще одно письмо сверх положенного? А я, как дурак, вынужден был просмотреть все ваши письма, чтобы убедиться, действительно ли это № 12 или еще какое-нибудь. (Патрик только что принес мне письма от епископа Клогерского и от Парвисола; у меня чуть сердце не выскочило от страха при мысли, что одно из них от *МД*: какой бы это был позор — отвечать сразу на два ваших письма. Во избежание такого срама я отправлю свое сегодня же, и тогда пусть ваше приходит, когда ему будет угодно, я не боюсь!). Нет, никакие вы не гадкие девчонки и пишите мне, пожалуйста, когда вам вздумается. Итак, декан рассказал вам про мистера Гарли со слов архиепископа. Готов поручиться, что это нисколько не испортило вам ужина и не оторвало от карточного стола. Вы все еще не получили свою посылку! Чтоб эту миссис Эджворт ……! Надеюсь, что хотя бы теперь посылка уже, наконец, доставлена. Понравился ли вам шоколад, и не испорчен ли он табаком? Ли пробудет здесь до тех пор, пока Стерн не закончит свои хлопоты, не дольше, но когда это произойдет, одному богу известно. Я помогаю ему, насколько это в моих силах, но несчастье, случившееся с мистером Гарли, приостановило его дело, как и все прочие дела. Вы предполагаете, мадам Дингли, что я пробуду здесь еще целый год; клянусь спасением, что если бы я мог, я уехал бы отсюда сию же минуту, но мы еще вскоре об этом поговорим. — Касательно вашего дела с Ведо я уже вам рассказал, так что перейдем теперь к следующему — переверните лист. Ваша миссис Доббинс[461] лжет: я не получаю никаких доходов ни здесь, ни в Ирландии сверх того, что имел. Мне весьма приятно слышать, что по мнению волшебницы Стеллы я правильно повел себя с мистером Гарли, но ваше великодушие сводит меня с ума: ведь я знаю, в душе вы ропщете на отсутствие Престо и считаете, что он не сдержал обещания возвратиться через три месяца и что это обычная его манера; и несмотря на это, Стелла теперь говорит, что она не может себе представить, как бы я так поспешно уехал отсюда, и что *МД* вполне всем удовлетворены и прочее. Ну, не плутовка ли вы, взять и сразить меня таким способом? Но я, признаться, не

ожидал, что смогу обрести здесь таких хороших друзей. Они, конечно, тоже могут меня обмануть, но есть веские причины (чума побери это сальное пятно от свечи!), почему они не должны бы этого сделать. Прежние министры обошлись со мной варварски, и для меня вопрос чести — дать людям почувствовать, что пренебрегать мной не следует. Заверения, которые, не задумываясь, дают мне нынешние и которых я от них не требую, такого рода, каким обычно в свете принято верить. Разумеется, все это может кончиться ничем, но как только я увижу, что они не воспользовались представившейся им возможностью, я тотчас с ними расстанусь и уеду отсюда. Будь я сейчас с вами, я бы много мог сказать по этому поводу. Я вот о чем думаю: почему бы Стелле не поехать в Бат, если ей скажут, что это пойдет ей на пользу? Я велю Парвисолу собрать пятьдесят фунтов и уплатить их вам, а вы постараетесь быть хорошими хозяйками и проживете там скромно несколько месяцев с тем, чтобы осенью возвратиться домой или посетить по пути Лондон, как вам заблагорассудится; подумайте, пожалуйста, об этом. Берниджу я написал и очень хочу, чтобы он получил это письмо; оно адресовано Карри. Черного чая вам отправлю, если смогу. Епископ Килморский? Я не вожу знакомства с подобными людьми. Престарелый олух, одной ногой в могиле; я ни разу в жизни не имел чести с ним встречаться. Стало быть, я никакой не крестный отец; что ж, тем лучше. Будьте любезны, Стелла, соблаговолите объяснить мне два своих слова; что вы подразумевали под словами «нигодяй» и «опастность»? И вы, мадам Дингли, под словом «кресчение»? — И буквы, мои милые, следует писать с наклоном в эту сторону, в эту сторону, потому что, черт побери, есть некоторая разница между таким наклоном и таким. Нет, я покажу вам, как надо: пишите в эту сторону, в эту, а не в ту. — Не беспокойтесь, вы получите свои передники; все ваши поручения, по мере того как они будут поступать, я стану выписывать на отдельный листок, и не думайте, что я забуду о распоряжениях *МД*, потому что они мои друзья; я буду к ним столь же внимателен, как если бы они были людьми посторонними. Что касается до этого Клементса, то я просто не знаю, как мне поступить. Уоллс не позволяет мне что-либо сказать, потому что мистер Пратт будто бы настроен против него, в то время как епископ Клогерский написал мне сейчас, чтобы я о нем похлопотал. Его дело не совсем по моей части, а люди не хотят принимать это во внимание. Я всегда оказываю услуги, когда от меня не требуют невозможного и когда я хоть как-то могу об этом судить, тем не менее, я сделаю, что в моих силах. Если он к тому же слывет вигом, это будет еще труднее, поскольку лорд Энглси и Гайд[462] ярые

тории, а должность помощника казначея как раз находится в их ведении. На тот случай, если моя выдумка насчет поездки в Бат вам по душе, посылаю вам в этом письме долговую расписку на имя Парвисола; если же нет, порвите ее и дело с концом. Прощайте.

Если вы находите, что Бат был бы вам полезен, то еще раз повторяю, я хотел бы, чтобы вы туда поехали, если же нет или если это было бы для вас неудобно, то сожгите эту расписку. Или же, если вы не прочь поехать, но не хотите брать так много денег, то возьмите тридцать фунтов, а двадцать я вышлю вам отсюда. Поступайте, как вам угодно, слышите; я полагаю, что будет еще не слишком поздно успеть туда весной, если же будет поздно, то я хотел бы, чтобы вы поехали на лето, если только врачи считают, что это будет вам на пользу, и если вы сами так думаете.

Письмо XX

Лондон, 5 апреля 1711.

[*четверг*]

Я только что самолично отдал мое девятнадцатое письмо в почтовую контору на обратном пути из Сити, где пообедал. Этот дождь разорит меня на каретах. Туда я часть пути прошел пешком и сберег тем шесть пенсов, а когда осталось расстояние на шиллинг[463], нанял карету; обратно же меня подвезли даром; а сейчас я занят.

6. Господин секретарь пожелал повидаться со мной нынче утром, объявив, что ему надобно сообщить мне кое о чем, но так ничего и не сообщил; а герцог Ормонд тоже прислал сказать, что хотел бы встретиться со мной нынче утром в десять у Саутуэла, куда я потом и отправился, полагая, что речь идет о каком-нибудь особенно важном деле. Я застал там всех находящихся в Лондоне ирландцев, которые собрались посоветоваться, как воспрепятствовать принятию билля о введении пошлины на ирландскую пряжу[464]; договорившись, как действовать, мы все (и герцог в том числе) отправились в парламент, чтобы склонить на свою сторону друзей из палаты общин; лорд Энглси был бесподобен, я творил чудеса, а кончилось тем, что рассмотрение дела было отложено до понедельника, так что нам придется снова туда пойти. Обедал у лорда Маунтджоя, после чего смотрел, как он играет в шахматы, и это напомнило мне Стеллу и Грифитса. Возвратясь домой, я обнаружил, что этот пес Патрик куда-то запропастился, и я рвал и метал, хотя проку от этого ровно никакого. А теперь, коль вам приспичило к декану, я, миледи, вам препятствовать не стану. Что-то никак не подберу рифмы к Уоллсам и Стойтам. — К нам явилась миссис Уоллс. Не подать ли что на стол-с? — Нет, мы с ней поедем к Стойтам, Есть пирог и пить настойку. Хенли сказал мне, что тори *повинны* в том, что мы выступаем за ввоз французского кларета и по их *вине* мы забываем о хорошем вине. Мистер Гарли едва ли станет выходить на этой неделе или даже в ближайшие десять дней. Я рассчитываю, что он появится в палате общин как раз к тому времени, когда я отправлю это письмо. Мое последнее письмо ушло на двенадцатый день, то же самое, видимо, произойдет и с этим. Впрочем, нет, ведь письма, которые я отсылаю раньше двухнедельного срока, содержат ответ на ваше, в противном случае вам пришлось бы довольствоваться только описанием дней такими, какими они были — ясными или дождливыми, прошедшими

впустую или проведенными с пользой, веселыми или унылыми и прочее. В первый же день, как я увижу здесь крыжовник, я тотчас вам сообщу, а вы проследите, пожалуйста, насколько позднее он появится у вас. За последние пять недель у нас не было и пяти погожих дней, сплошные дожди и ветер. Говорят, что весна здесь нынче поздняя. — А теперь, дорогие дерзкие болтуньи, отправляйтесь-ка обе в постель, а то вы не дадите мне уснуть всю ночь.

7. Форд предпочел уехать в Эпсом[465], чтобы не быть здесь во время Страстной пятницы и пасхального воскресенья. Он уговорил меня пообедать с ним нынче и сообщил, что из Ирландии приходят письма с рассказами о чрезвычайно неблагоразумном поведении архиепископа Дублинского; тот будто бы воспользовался примером из Тацита[466] для весьма прозрачного намека на мистера Гарли; об этом написало уже человек двадцать, однако я пока этому не верю. Вечером я зашел навестить господина секретаря, который очень страдает от камней в мочевом пузыре и болей в пояснице, вызванных чрезмерным употреблением бургундского и шампанского, кроме того, что он ночи напролет просиживает за делами. Увидав, что он пьет чай, в то время как остальные пили шампанское, я от души порадовался. При всем том я так сурово его разбранил, что даже не вполне уверен, не обиделся ли он; потом я посидел часок с миссис Сент-Джон, которую люблю все больше и больше. В среду она уезжает в Бат, потому что сильно хворает, и она просила меня позаботиться здесь о секретаре.

8. Обедал с господином секретарем Сент-Джоном; он дал мне прочитать письмо от издателя газеты под названием «Почтальон»[467]. В том письме была копия довольно пространного письма из Дублина с сообщением о том, что тамошние виги говорят о нападении на мистера Гарли и как грубо они оскорбляют его и господина секретаря Сент-Джона, а в конце есть несколько строк о поведении архиепископа Дублинского, где автор поносит его последними словами; все это должно было быть напечатано во вторник. Я сказал секретарю, что не допущу, чтобы эти строки об архиепископе были напечатаны, и вычеркнул их; после чего, на всякий случай, уговорил его отдать письмо мне и по зрелом размышлении счел за лучшее и вовсе запретить его печатать; я послал за издателем и так ему и сказал и, кроме того, от имени секретаря запретил ему впредь публиковать все, что касается кого бы то ни было в Ирландии, прежде чем это будет показано мне. Тем самым, благодаря счастливой случайности, я избавил архиепископа от ужасной неприятности. Я сообщу ему обо всем со

следующей почтой, и прошу вас, если вы что-нибудь услышите на сей счет, дайте мне знать, и напишите мне, благодарен ли он за это, но сами ничего ему не говорите.

9. Чтобы уважить лорда Энглси, мне пришлось нынче опять пойти в палату общин хлопотать по поводу их пряжи, но дело опять отложено до понедельника. Обедал у сэра Джона Стэнли, уговорившись о том заранее с мистером Сент-Джоном и военным министром Джорджем Грэнвилом, но они пригласили целую компанию и в том числе дам, и поэтому мы не чувствовали себя так непринужденно, как я надеялся. С головой у меня обстоит вполне терпимо, но каждый день нет-нет да и возникает какое-то неприятное ощущение. С воскресенья я отказался от табака, почувствовав себя намного хуже после того, как, будучи у секретаря, угостился изрядной щепотью. Я не позволял ему выпить ни капли шампанского или бургундского, не разбавив водой, и из учтивости сам поступал точно так же. Ему стало немного лучше, но, когда он здоров, то напоминает Стеллу и не слушает никаких резонов. А теперь отправляйтесь к вашим Стойтам, а я пойду спать.

10. Нанес нынче визиты леди Уорсли и миссис Бартон и скромно пообедал у моего друга Льюиса. Дофин скончался от апоплексического удара[468]; признаюсь, я предпочел бы, чтобы он протянул до окончания письма, тогда его смерть была бы для вас новостью. Сегодня преставился богатый олдермен Данком[469]; говорят, будто он завещал герцогу Аргайлу, который был женат на его племяннице, двести тысяч фунтов; надеюсь, что это правда, потому что чрезвычайно люблю герцога. Нынче вечером я написал архиепископу Дублинскому о том, что здесь рассказывают на его счет, а потом поехал прощаться с миссис Сент-Джон, которая строго-настрого наказала мне заботиться в ее отсутствие о секретаре; она сказала, что кроме меня ей не на кого больше положиться, и при этих словах бедняжка прослезилась. Перед тем, как мы попрощались, другие дамы и сэр Джон Стэнли уговорили меня принять участие в лотерее, в которой разыгрывался веер ценой в четыре гинеи, чума его забери; каждый из нас внес по семь шиллингов, а некоторые внесли деньги еще и за отсутствующих, но я проиграл и лишился таким образом возможности выказать миссис Сент-Джон свою галантность, потому что в случае выигрыша собирался презентовать этот веер ей. Отправился ли Дилли[470] в Бат? Его физиономия, я полагаю, будет шипеть, когда он залезет в воду. Надеюсь, он нам оттуда напишет и на обратном пути завернет в Лондон. — Чернь будет говорить: гляньте-ка, вон идет пьяный священник, и хуже

всего то, что это будет сущая правда. Ох, совсем забыл вам сказать, что в прошлое воскресенье я привел Форда на обед к мистеру Сент-Джону, дабы, возвратясь домой, он мог похвастаться, что обедал с самим государственным секретарем. Секретарь и я ушли рано, оставя его выпивать с прочими гостями, и он рассказывал мне потом, что двое или трое из них совсем упились. Поговаривают, будто вскоре ожидаются повышения в должности, что мистер Гарли станет лордом-казначеем, а лорд Пулит[471] — шталмейстером и прочее, но это пока еще только предположения. Когда мистер Гарли впервые появится в палате общин, что, как я надеюсь, произойдет через неделю, спикер произнесет по этому случаю поздравительную речь. Из-за прихоти этого пустомели Рэдклифа его лечит плохой хирург — вот почему выздоровление так затянулось; а вчера он вдобавок простудился, но теперь ему уже лучше. — Что такое? я, видно, совсем спятил: посмотрите-ка, сколько я написал шалуньям *МД* за один день. — Да, вы в самом деле наболтали здесь всякой всячины; не лучше ли пожелать маленьким дорогим плутовкам спокойной ночи и дать им, наконец, лечь баиньки? Право же, стоит вам только, мистер Престо, дать волю языку, и с вами нет никакого сладу.

11. Опять как шут гороховый таскался в палату общин насчет вашей ирландской пряжи и опять дело отложено до пятницы; вместе с Патриком я добрался водою до Сити, где пообедал, а потом побывал на распродаже книг Чарлза Бернарда, но лучшие из них шли по такой чудовищной цене, что мне это никак не по карману; я, правда, выложил один фунт и семь шиллингов, но без всякой радости и с тем ушел, решив, что больше меня туда не заманишь. Хенли все склонял меня пойти вместе со Стилем, Роу и прочими на обед к сэру Уильяму Риду[472]. Вы, конечно же, слыхали о нем. Прежде он слыл просто шарлатаном, а теперь — окулист королевы; он варит восхитительный пунш и угощает на золотой посуде. Но я уже был приглашен и наотрез отказался; кроме того я вообще не охотник до такого рода сборищ. Итак, доброй вам ночи и ложитесь-ка спать.

12. Около полудня я навестил секретаря, он простужен, да и камни время от времени дают себя знать, а все из-за его пристрастия к шампанскому. Я накинулся на него как собака, и он клятвенно обещал мне больше беречься. Лорд Энглси, сэр Томас Ханмер, Прайор и я были приглашены нынче на обед к генерал-лейтенанту Уэббу[473]. Мы с лордом просидели там до десяти, но пили весьма умеренно, а я — не иначе, как разбавив вино водой. Был там еще некий мистер Кэмпейн[474], один из членов Октябрьского клуба, если только вам известно, что это такое. Это

клуб сельских сквайров — членов парламента, которые считают, что кабинет министров слишком уж медлит с наказанием и смещением вигов. Я имел при этом случай убедиться, что лорд и все прочие считают, будто я пользуюсь у кабинета министров куда большим доверием, нежели выказываю это, и они хотели бы через мое посредничество побудить его к угодным им действиям. Говоря по чести, у них и в самом деле есть некоторые основания для недовольства правительством, однако же я не намерен обжигать себе пальцы. Я помню упреки Стеллы: зачем вмешиваться в дела, которые не имеют к вам касательства? Но вы все же позволите мне высказывать министрам свое мнение, когда они меня спрашивают, а иной раз сообщать им мнения других людей, даже если они о том не спрашивают; Дингли, во всяком случае, не видит в этом ничего предосудительного.

13. Нынче утром я опять зашел к миссис Ведо; она попросила одного своего приятеля помочь ей получить деньги и говорит, что он сделает это в течение двух недель и тогда она передаст бумаги мне. После этого я пошел проведать мистера Гарли, который, как я надеюсь, через несколько дней станет выходить; он был в отличном расположении духа и только выразил сожаление, что Гискара небрежно лечили, он сказал, что предпочел бы, чтобы тот остался жив. Позднее пришел господин секретарь, и мы очень весело провели время, пока не явился лорд-камергер (герцог Шрусбери); меня представили ему, и мы обменялись принятыми в таких случаях дурацкими любезностями, после чего полковник Мэшем и я откланялись. Потом я в который раз отправился в палату общин насчет вашей пряжи, а дело опять отложили. Потом Форд потащил меня обедать в таверну, и надо же было так случиться, что как раз в этой таверне и в этот же день недели обедает обычно Октябрьский клуб. Спустившись после обеда вниз, мы решили узнать, было ли нынче решено, наконец, дело о нашей пряже, и я послал вызвать из комнаты сэра Джорджа Бомонта[475]. При этом я едва не попал в затруднительное положение, потому что не прошло и двух минут, как оттуда вышел мистер Финч[476], сын лорда Гуирзни, и сообщил, что лорд Комптон[477], распорядитель этого пиршества, выразил от лица клуба пожелание, чтобы я оказал им честь, отобедав с ними. Я послал свои извинения, сдобрив их чуть не тридцатью любезностями, и поспешил как можно скорее ретироваться. Обедать с ними, принимая во внимание мою дружбу с министрами, было бы в высшей степени неблагоразумно. Клуб насчитывает почти сто пятьдесят человек, из которых около восьмидесяти собрались как раз в это время за двумя длинными столами в большой

круглой комнате. Вечером я все-таки снова пошел на распродажу книг Бернарда и выложил три фунта и три шиллинга, но больше ни за что не пойду; я, правда, уже один раз зарекался, но теперь непременно сдержу слово. Совсем забыл сообщить вам, что когда я обедал у Уэбба с лордом Энглси, то завел с ним разговор насчет Клементса, сказав, что о нем отзываются как о весьма порядочном джентльмене и хорошем офицере, и выразил надежду, что милорд посодействует ему; милорд ответил, что он о Клементсе того же мнения и что тот несомненно сохранит за собой свое место, пока будет его заслуживать; сколько я мог заметить, лорд ничего против него не имеет. И все же хочу вам заметить, дорогая моя, что обременять меня такого рода хлопотами не годится. Я могу просить вельможу оказать услугу мне или моему другу, но с какой стати он должен это делать для друга моего друга? Нельзя в своих рекомендациях заходить так далеко. Одно дело, если кто-либо из моих друзей просит меня оказать содействие своему приятелю, но, разумеется, такое, какое в моей власти, ради него я, так и быть, это сделаю; но ходатайствовать перед кем-то относительно друзей моих друзей — это уж вопреки всякому здравому смыслу; я хочу, чтобы вы это поняли и постарались отбить у людей охоту досаждать мне подобного рода просьбами. — Надеюсь, что Клементсу мой разговор с лордом Энглси принесет некоторую пользу, и уж во всяком случае никак ему не повредит. Насколько я понял со слов миссис Пратт, ее муж приятельствует с ним, да и епископ Клогерскнй говорит, что Клементсу следует опасаться не Пратта, а некоторых других своих врагов, считающих его вигом.

14. Нынче утром был так занят, что вышел из дома совсем поздно. Я написал герцогу Аргайлу, однако ни словом не обмолвился о Берндже, который, как я полагаю, не увидится с ним до тех пор, пока Испания не будет завоевана, а это вряд ли когда-нибудь произойдет. Мне довелось быть сегодня у лорда Шелберна, и я опять говорил с миссис Пратт насчет Клементса; дело в том, что ее муж сам не прочь получить несколько хороших должностей и одну, притом довольно выгодную, я недавно ему выхлопотал, поэтому я выразил миссис Пратт надежду, что ее муж в свою очередь похлопочет за Клементса. Обедал я сегодня у моей соседки Ваномри вместе с сэром Эндрю Фаунтейном; он страдает от астмы и встревожен своим состоянием, но повинен в этом он сам, потому что распутничает и пьет, хотя совсем недавно едва выкарабкался из могилы. Это письмо будет сейчас же отправлено, ведь, сдается мне, полгода уже миновало, и пора платить за квартиру, так что я буду весьма рад, если вы не сочтете за труд отдать причитающиеся с меня деньги, а заодно и за

изготовление необходимого количества ящиков для моих книг, которые следует поместить в каком-нибудь надежном месте; за их хранение я бы тоже уплатил. По возвращении своем я скорее всего съеду от миссис Брент, потому что хотел бы иметь более просторное помещение для книг и, если возможно, конюшню. Так что, будьте добры, отдайте, пожалуйста, деньги за квартиру и оплатите все связанные с этим расходы, и пусть миссис Брент уложит мои вещи. Мне бы не хотелось только, чтобы какие-нибудь книги были уложены в тот сундук, где лежат мои бумаги. Посылаю долговую расписку на имя Парвисола на двадцать ирландских фунтов, из коих, если вы только не намереваетесь поехать в Бат, вы и уплатите за квартиру и за все остальное. Впрочем, поступайте, как вам заблагорассудится, и любите бедного Престо, который любит *МД* в тысячу миллионов раз больше своей жизни. Прощайте, *МД*.

Письмо XXI

Лондон, 14 апреля 1711.

[*суббота*]

Запомните, сударыни, что предыдущее свое — двадцатое — письмо я начал всего лишь девять дней тому назад и, тем не менее, только что отправил его и опять пишу вам, как ни в чем не бывало, как будто не написал вам сегодня ни строчки. Впрочем, для такой спешной отправки была причина; я боялся, что оно не придет достаточно загодя до срока уплаты за квартиру. Где я сегодня обедал, вы уже знаете, забыл вот только упомянуть, что мистер Гарли, по моим предположениям, станет в скором времени лордом-казначеем и что произойдут и другие большие. перемещения и повышения. Но это пока лишь мои догадки.

15. Утром навестил господина секретаря, он чувствует себя уже вполне сносно. Я и обедал с ним и выпил немного такого вина, какое, бывало, великий герцог Тосканский посылал сэру Уильяму Темплу: он всегда посылает его главным министрам. Мне оно очень по вкусу, а господину секретарю — нет, и посему он велел своему дворецкому послать мне завтра целый ящик. Пошли, господи, и малюткам *МД* точно такого же вина. Королева снова чувствует себя хорошо и была сегодня в часовне.

16. Был с Фордом в Сити, где мы пообедали со Стрэтфордом и пили токайское, а потом пошли на аукцион, но я истратил только двенадцать шиллингов. У меня нынче вечером побаливает голова, но настоящего приступа все же нет. Лорд-хранитель печати прислал мне приглашение отобедать завтра с ним, а вы пообедайте-ка с деканом, и да благословит вас господь. Забыл сказать вам, вчера мне прислали только что напечатанное «Описание» со всеми подробностями нападения на мистера Гарли. У меня не было времени сделать это самому, и я послал свои заметки сочинительнице «Атлантиды»[478], которая и состряпала из этого памфлет ценой в шесть пенсов в обычном своем духе и только первая страница осталась в том виде, как я ее набросал. Дело в том, что я боялся навлечь на себя недовольство либо мистера Гарли, либо мистера Сент-Джона в связи с одним щекотливым обстоятельством; а посему предпочел не браться за это сам. Вам стоит его прочитать, потому что все приведенные там подробности достоверны. Обещанный ящик флорентийского вина был прислан мне нынче утром и обошелся мне в семь с половиной шиллингов на чай двум слугам. Но я не пожалел бы и двух гиней за то, чтобы и у вас

было такое же вино.

17. У меня настолько скверно было нынче утром с головой, что я уже собирался послать свои извинения лорду-хранителю печати, но все же в одиннадцать встал, а в третьем часу отправился к нему и просидел до восьми. Там были еще сэр Томас Мэнсел, Прайор, Джордж Грэнвил и мистер Сизер[479], и мы от души веселились. С головой по-прежнему что-то неладно, но настоящего приступа все-таки не было, вот только при ходьбе немного пошатывает. Я совсем отказался от табака. Кстати, у меня есть добрый жгут табаку, очень хорошего, который надо только растереть. Не послать ли мне его *МД*, если им по душе этот сорт? Лорд-хранитель печати и вся сегодняшняя компания собирается обедать в субботу у Джорджа Грэнвила, а завтра я обедаю у лорда Энглси.

18. Приходилось ли вам когда-нибудь встречать еще такого путаника и простофилю, как Престо? Я увидел в начале письма цифру 21 и решил, что это сегодняшнее число, тогда как сегодня только еще 18, среда. Как я теперь поступлю: вымараю эти цифры или переправлю? Попытался подставить сзади восьмерку, но получилось довольно коряво. Обедал я сегодня у лорда Энглси, но в палату общин хлопотать касательно пряжи на сей раз не пошел, голова у меня еще не совсем в порядке. Никак не могу понять, в чем дело, со мной еще такого не бывало: два дня кряду кружится с утра до вечера, но совсем без боли; и хотя меня немного пошатывает, но я все же ухитряюсь гулять. Боюсь, что мне снова придется глотать пилюли. Я подумываю о том, чтобы перебраться куда-нибудь за город неподалеку от Лондона. А теперь я скажу, как вам следует отныне поступать: обертывайте свои письма в чистый лист бумаги и сверху пишите адрес: Эразмусу Льюису, эсквайру, в канцелярию лорда Дартмута в Уайтхолле, потому что в кофейне я теперь не бываю, и там будут недовольны, получая мои письма. Забыл сказать вам, что нынче утром меня навестила ваша матушка и принесла мне в подарок бутыль ароматической воды, чрезвычайно будто бы полезной для моей головы, но я все-таки не собираюсь ее нюхать. Она уезжает с леди Джиффард в Шин и готова либо переслать ваши бумаги вам, либо отдать их мне. Скажите, что вы предпочитаете, и мы в точности все исполним, потому что я люблю Стеллу и, кроме того, говорят, что она примерная дочь и что Дингли тоже хорошая девочка.

19. Нынче утром ко мне явился с визитом генерал Уэбб: он ходит с костылем и палкой, а ему пришлось одолеть две лестницы. Я обещал пообедать с ним, но потом послал свои извинения и пообедал наедине с моим другом Льюисом у него на квартире в Уайтхолле: мне нужно было о

многом с ним поговорить касательно дел общественных и моих собственных. Малыш Гаррисон, наш «Тэтлер», уезжает завтра в Гаагу на должность секретаря, которую я ему выхлопотал, и мистер Сент-Джон подарил ему пятьдесят гиней на покрытие расходов. Ну, разве я не хороший друг? И зачем вы не молодой человек, — тогда я мог оказать бы вам протекцию. Я получил письмо от Бернинджа из Кинсэйла: он пишет, что патент на чин капитана-лейтенанта был к его приезду уже готов; итак, двух шалопаев я пристроил. Нынче вечером голова беспокоила меня несколько меньше, хотя и не совсем еще прошла.

20. Сегодня утром я был у господина секретаря как раз в то время, когда принесли его почту, и среди прочего там оказалось письмо лорда Питерборо ко мне; он так хорошо пишет, что пропадает всякая охота отвечать, и так любезен, что нельзя не ответить. Кончина императора[480] должна, я думаю, повлечь большие перемены в Европе и, возможно, ускорит заключение мира. Мы надеемся, что наш король Карл будет избран императором; на Испанию будет претендовать теперь герцог Савойский[481], но он, я полагаю, едва ли чего-нибудь добьется. Мы с доктором Фрейндом обедали в Сити у типографа, но мне пришлось при этом истратить два шиллинга на карету, а уж сколько их ушло за эту неделю и месяц — и не сосчитать, потому что погода почти все время была дождливой и солнце проглядывало лишь изредка; одним словом, самый настоящий апрель из всех, какие я наблюдал за многие годы. Липы в парке уже все оделись листьями, но листочки пока еще маленькие. Умные люди уезжают в деревню, хотя многие считают, что сессия парламента закончится не раньше, чем через шесть недель. Мистер Гарли виделся во вторник с королевой. Он наверняка будет назначен лордом-казначеем; мне так и не удалось повидать его на этой неделе.

21. Утро. Лорд-хранитель печати, Прайор, сэр Томас Мэнсел и я условились пообедать сегодня у Джорджа Грэнвила. С головой у меня стало лучше, но головокружения, длившиеся три или четыре дня подряд, просто меня доконали. Я совсем отказался от табака и буду неукоснительно придерживаться правила — есть понемногу и только самую легкую пищу. А как в эту самую минуту чувствует себя бедняжка Стелла со своими деканами и Стойтами? Прибавляется ли у вас здоровья, оттого что вы так исправна проигрываете им свои денежки в ломбер, а? Что вы на это ответите, сударыня? Бедняжка Дингли вся извелась вчера вечером, глядя, как Стелла проигрывает четыре шиллинга и одиннадцать пенсов. А теперь позвольте-ка мне встать. Доброго вам утра, сударыни.

Нет-нет, я все-таки назло вам встану; доброго утра. — Вечером. Ох, право же, вы маленькие дорогие дерзкие проказницы! Только я было собрался утром сказать вам, что мне уже хотелось бы получить письмо от *МД*, как ровно четыре минуты спустя мистер Форд прислал мне одно, которое он обнаружил в Сент-Джеймской кофейне; ведь сам я ни в каких кофейнях теперь не бываю. И, если бы вы знали, до чего я обрадовался ему и тому, что наша Стелла такая бодрая. Но, боже милосердный, сколько самонадеянности! Я, однако, не стану пока на него отвечать, отложу это до тех пор, пока не перейду на другую сторону листа. Так вот, мы пообедали сегодня, как было условлено заранее; лорд-хранитель печати ушел в начале восьмого, я — в восемь, а прочие, видимо, изрядно нагрузились, потому что молодой Харкур[482], сын лорда-хранителя печати, стал нести околесицу еще до того, как я ушел. Разумеется, тощему Прайору это как с гуся вода. Я пил мало, не спешил откликнуться на каждый тост, подливал в вино воду и ушел раньше других — вот как следует поступать, если хочешь соблюдать умеренность. Давайте-ка зарифмуем это и сочиним таким образом пословицу.

Дружок, поменьше пей,
Воды в вино подлей,
Две-три рюмки осуши
И во свояси поспеши.

Благодарение богу, я чувствую себя намного лучше, хотя иногда меня и пошатывает. Ел я нынче мало и самую деликатную пищу: отказался от ветчины и голубей, от горохового супа, тушеного мяса и холодной лососины, потому что это слишком тяжелая еда. Табак я совсем теперь не употребляю, а нюхаю вместо него траву, предписанную доктором Рэдклифом.

А теперь коль вам приспичило в декану,
Я, миледи, вам препятствовать не стану.

Впрочем, я, кажется, уже это писал. Но какая мне о том забота? Какая о том забота Престо?

22. Утро. Мне надобно встать и отправиться к секретарю. Мистер Гарли провел эту неделю за городом, чтобы восстановить силы перед

возвращением в парламент. Ох, но мне все-таки пора вставать, так что я больше ни словечка не прибавлю; итак, доброго вам утра, сударыни. — Вечер. Обедал с секретарем, который взял с меня обещание, что я буду обедать с ним каждое воскресенье; и еще я провел у него час утром: мы углубились в политику, и я изложил ему претензии Октябрьского клуба; он ответил на все, кроме одного — почему до сих пор не проведено никакого расследования злоупотреблений прежнего правительства. Но я, конечно, понимаю, что они пока еще не в состоянии это сделать: прежний кабинет министров был слишком изворотлив в своих плутнях и заблаговременно обезопасил себя законом о всеобщей амнистии. Мистер Гарли, как я полагаю, непременно будет назначен лордом-казначеем; тут, правда, есть одно затруднение, которое нелегко разрешить: ведь он должен прежде получить титул лорда, но его состояние недостаточно для этого велико, а он к тому же слишком бескорыстен, чтобы его приумножить, поэтому если вследствие какой-либо случайности в ближайшее время произойдет смена кабинета, он может оказаться на мели. Другое затруднение состоит в том, что если он станет пэром, его будет ужасно не хватать в палате общин, где он всем верховодит, а вторым после него идет секретарь, и больше едва ли кто еще пользуется там влиянием. Сегодня опять ушло два шиллинга на карету и портшез. Я разорюсь!

23. Итак, вы, стало быть, ожидаете ответа на свое письмо? Не извольте беспокоиться, мои юные дамы, вы его получите, да, да, получите. В субботу у лорда-хранителя печати я сочинил славный каламбур. После обеда, когда подали напитки, на столе расстелили грубые салфетки Дойли[483] с отделкой, напоминающей кружево; одну из них лорд разложил между собой и мистером Прайором, и тогда я сказал ему, что мне очень приятно видеть такое дружево между мистером Прайором и его милостью. Прайор клялся, что более неудачного каламбура ему еще не приходилось слышать, а я ответил, что вполне с ним согласен, но про себя подумал, что из всех мною слышанных он особенно напоминает каламбуры Стеллы. А нынче я обедал у лорда Маунтджоя, а потом наблюдал, как венецианский посол возвращался после своей первой публичной аудиенции. Ничего диковиннее его кареты — безобразной, огромной, пышной, богатой и раззолоченной — я, пожалуй, еще не видывал. Я прослонялся весь вечер и поздно возвратился домой.

24. Нынче утром я нанес визит герцогине Ормонд, которая давно меня приглашала и грозилась, что, если я не приду, она не позволит мне посещать ее дочерей. Я просидел у нее около часа, и мы довольно мило

беседовали, но тут нелегкая принесла графиню Белламонт[484], чума ее забери. Мы с нею не знакомы, и я тотчас откланялся; тем не менее, услыхав мое имя, она сказала: Как, это доктор Свифт? Так ведь я его очень хорошо знаю! — и принялась, как рассказала мне потом присутствовавшая при сем дама, безжалостно меня высмеивать, хотя я всего лишь один раз имел честь быть в обществе этой потаскушки. Обедал я вместе с сэром Эндрю Фаунтейном у моей соседки Ван. Если удастся, я попытаюсь в ближайшие два дня снять квартиру в Челси ради воздуха и еще чтобы принудить себя каждый день совершать прогулку в Лондон и обратно. Я отправил с сегодняшней почтой длинное письмо епископу Клогерскому со всякого рода политическими рассуждениями, чтобы развлечь его. Мне надобно купить для него статуэтки, изображающие лошадей[485], черт бы их побрал. По случаю предстоящего переезда в Челси я упаковал и запечатал двенадцать писем от *МД*. Последние поручения *МД* я внес в свою расходную книгу; может, вы еще о чем-нибудь просили раньше, но я что-то не припомню. А сейчас у меня значится только записная книжка для Дингли, зеленый шелковый фартук для Стеллы и фунт чаю. Так что, если у вас есть еще какие-нибудь поручения, пожалуйста, напишите мне, я их тоже внесу в этот список. А на ваше письмо, болтуньи, я покамест не стану отвечать. Вы, небось, сидите сейчас у декана, мадам Стелла, и проигрываете свои денежки. Почему вы не упоминаете номер полученного вами письма? Вы всякий раз пишете, что получили мое письмо, но никогда не указываете номер.

25. Обедал нынче в Сити в обществе людей незначительных, низких и презренных. От архиепископа Дублинского пришло письмо с очень пространным опровержением слухов на его счет, тем не менее, после этого еще несколько человек подтвердили их, убеждая меня, что им это известно из первых рук, но я все еще не могу этому поверить. На ваше письмо я не стану отвечать до тех пор, пока не перееду в Челси.

26. Челси. Два ящика со всяким хламом я отправил в дом моего приятеля Дартнефа, а ящик с флорентийским и кое-какие другие вещи — к миссис Ваномри, у которой и пообедал; а утром я повидал секретаря и показал ему письмо архиепископа, чтобы убедить его в невиновности последнего, и постараюсь убедить в этом мистера Гарли. Я добрался сюда с Патриком и с одним чемоданом в почтовой карете за шесть пенсов и плачу шесть шиллингов в неделю за одну нелепую комнату с ужасно грубыми простынями. У нас здесь непрерывно льет дождь, так что о прогулке в Лондон не может быть и речи, и пока не распогодится, я

вынужден буду добираться сюда тем же способом, каким приехал нынче. В довершение всего этот щенок снял мне квартиру в самом отдаленном от Лондона конце Челси, по меньшей мере на полмили дальше, чем следовало, но придется мне с этим смириться. Единственное преимущество в том, что я живу теперь как раз напротив дома доктора Эттербери, но даже от этого новая квартира не стала мне милее. Ну, а теперь я попрощаюсь с вами до завтра, когда примусь отвечать на ваше письмо, а вам впредь надобно иметь в виду, что я пишу вам из Челси, пока я отсюда не перееду и не напишу — Лондон. Это письмо уйдет в субботу, то есть ровно через две недели, а теперь отправляйтесь в гости и дурачьте тетушку Стоит.

27. Боюсь, что все мое флорентийское вино скисло, по крайней мере две первых бутылки оказались прокисшими: их почти невозможно было пить. До чего же мне не везет, черт возьми, вино, которое я отведал у секретаря, пришлось мне особенно по вкусу, и вдобавок я еще не должен ему об этом говорить, но, напротив того, выражать благодарность, как если бы оно было самым лучшим во всем христианском мире. Я поехал сегодня в Лондон в шестипенсовой карете и, прослышав, что мистера Гарли будто бы нет дома, отправился его проведать, будучи предупрежден его мошенником привратником, что это неправда. Мистер Гарли был очень бодр и как раз собирался уходить, но взял с меня обещание пообедать с ним, и вот, пока я слонялся в ожидании назначенного часа, я потерял четыре фунта и семь шиллингов, играя …в …в …в лотерею с книгопродавцем, а получил всего только полдюжины книг. Никакими книжными лотереями меня больше не соблазнят, это уж наверняка. Так вот, я пообедал у мистера Гарли и ушел от него в шесть, потом сменил сутану, камзол и парик и отправился сюда в Челси пешком, как и намерен теперь делать всякий раз, если позволит погода. У моего друга секретаря, как я теперь убедился, довольно натянутые отношения с прочими министрами, и я этим искренне огорчен. Произошло несколько досадных неудач[486], о которых слишком долго рассказывать, а на днях во время прений в парламенте относительно тридцати пяти миллионов[487], отчет о которых не был представлен в назначенный срок, господин секретарь, в запальчивости и ревнуя о своем приятеле мистере Бриджесе, на которого частично пало обвинение, сказал, что ему неизвестно, заслуживает ли вообще мистер Бриджес или прежний кабинет министров порицания в этом вопросе. Заявить такое было с его стороны чрезвычайно безрассудно и значило отречься от всего дела: ведь главным поводом для отстранения прежнего кабинета министров как раз и послужило недобросовестное

распоряжение казной, и это важнее, чем все остальное вместе взятое. Я уже был осведомлен о том, что произошло, и сегодня за обедом, когда мистер Фоли[488] заговорил об этом, не называя, правда, мистера Сент-Джона по имени, я, повернувшись к мистеру Гарли, сказал, что если прежние министры не заслужили порицания в этом вопросе, тогда он (мистер Рарли) должен лишиться головы за то, что склонил королеву произвести смену кабинета. Он обратил мои слова в шутку, но, как я легко мог заметить по вскользь оброненным словам, они настроены по отношению к мистеру Сент-Джону весьма неблагоприятно и, судя по намекам другого лица, с которым я связан кое-какими делами, боюсь, что господину секретарю долго не продержаться. Таков удел придворных. Если в субботу я окажусь с мистером Сент-Джоном наедине, я выскажу ему все, что об этом думаю, и буду умолять его изменить поведение, в противном случае последствия могут быть чрезвычайно плачевными; я, признаться, не вижу, как они могут теперь искренно желать его дальнейшего пребывания в кабинете, а ведь если он станет противником — хлопот не оберешься. Однако довольно о политике.

28. Утро. Забыл сказать вам, что вчера мистер Гарли спросил меня, чем он так досадил архиепископу? Я ответил ему, что архиепископ уже написал мне по этому поводу (при мне, к сожалению, не было его письма) и что я хотел бы при случае прочитать ему это письмо. Но я уже столько слыхал на сей счет от разных людей, что, боюсь, у архиепископа и в самом деле рыльце в пушку. Находящийся здесь Брент Спенсер, брат мистера Проби, подтверждает это, ссылаясь на Чарлза Дэринга[489], который сам слышал сказанные архиепископом слова и говорит, что Инголдсби будто бы оскорбил архиепископа. — Что ж, а теперь обратимся к вашему дерзкому письму; вот только у меня совсем не осталось места для ответа. Ах, да, виноват, вполне достаточно на оборотной стороне листа. Вас не проведешь! Стелла подтрунивает над Престо за то, что он не возвратился к Рождеству; на самом деле Стелла, конечно, не подтрунивает, а укоряет бедного, бедного Престо. Но как же я могу уехать, когда дело с первинами все еще не завершено? Я держусь того мнения, что герцог Ормонд до своего отъезда, намеченного через две недели, ровным счетом ничего не сделает и, следовательно, в его отсутствии этим неизбежно придется заняться мне. Поверьте, я ничего не собираюсь печатать; здесь, как вам известно, уже напечатали «Разные сочинения в стихах и прозе». Дошла ли эта книга до ваших мест? Если вы завладели моей табакеркой, то я завладею вашей шкатулкой. Выходит, Стелла опять принялась нюхать

табак? Или причиной тому только красивая табакерка? Не «Отсебятина», а «Всякая всячина»[490], вот как, глупышка. — Вот-вот, и это, разумеется, никудышный листок, потому что он направлен против вашего брата, ториев, но что до меня, то я считаю, что он очень даже славный, а вот ваш «Экзаминер» в самом деле никудышный журнал. — Типун вам на язык, дерзкая девчонка. Насчет Гискара и всего прочего, что вы прочтете в «Описании», сочинено по моему указанию, а больше я ни к чему не причастен. «Спектэйтора» сочиняет Стиль с помощью Аддисона; надобно признать, что он бывает часто весьма недурен. Во вчерашнем номере[491], например, он воспользовался превосходным замыслом, который я задолго до того подсказал ему еще для его «Тэтлера», насчет индейца, будто бы описывающего свое путешествие в Англию. Весьма сожалею о своем поступке: я собирался написать об этом целую книгу, а ему, судя по всему, хватило только на один листок; и все частности там тоже мои; но теперь я никогда не вижусь ни с ним, ни с Аддисоном. Королева здорова, но, боюсь, что она недолго протянет; мне говорили, будто у нее бывают приступы подагры в кишках (ненавижу слово «кишки»). В последние три месяца с ушами у меня было намного лучше, чем когда бы то ни было за эти два года, и только теперь они снова стали меня беспокоить. С головой тоже стало получше, хотя еще и не совсем в порядке, но я уповаю на воздух и прогулки. Вы получили мое письмо, но какое по счету? Думаю, что 18. Ушибленное колено вот уже месяц как не беспокоит меня. Нет, миссис Уэсли уехала без ведома мужа, прямо из деревни, где она в это время находилась; она написала мне насчет чая. Они лгут. Рана мистера Гарли была чрезвычайно опасна, у него были даже судороги, и он едва выжил; а ушиб был вдесятеро опаснее раны, так что он все еще очень слаб. Так-с, насчет женитьбы Брукса[492] я уже давно наслышан. Весьма огорчен тем, что у миссис Уоллс разболелся глаз, надеюсь, ей уже лучше. О да, вы же известные ходоки; это не иначе, как про вас говорят: кто много чешет языком, — не мастак ходить пешком; к вам, видимо, смело можно применить старую пословицу: если вы болтали меньше, чем гуляли, то очень потеряли во мненье тех, что вас за умных почитали. Да, Стелла непременно получит Библию, напечатанную крупным шрифтом, я внес ее в список того, что должен сделать для *МД*. Вы, я вижу, возымели желание читать Библию, очень рад слышать. Чтоб этой посылкой черта по затылку! Неужели она еще не прибыла? Вот что значит полагаться на ваших молодых приятелей, юные дамы; это вы во всем виноваты: я думал, вы обладаете такой властью над Стерном, что он перелетел бы Атласские

горы, только бы услужить вам. Вы пишете, что нисколько на меня не сердитесь, но, право, если бы вы сердились, бедному Престо… не стану договаривать, но, господь свидетель, если бы я мог вернуться сейчас, не уронив своего достоинства, я бы непременно это сделал, навсегда оставя и политику, и свои честолюбивые замыслы. Я лишен здесь возможности поддерживать свое здоровье с помощью верховой езды, как в Ирландии, а плохое здоровье весьма отбивает охоту домогаться чьего-либо расположения. Вы правильно угадали насчет того, что я был связан по рукам и ногам указанием Уоллса и письмом от *МД*, но я, кажется, уже писал об этом в одном из предыдущих писем. Это письмо будет отправлено нынче вечером. А сейчас я собираюсь встать и прогуляться пешком в Лондон и вечером намерен точно так же возвратиться обратно. Всемогущий боже, благослови и сохрани бедненьких *МД*. Прощайте.

Только не воображайте, нахальные ваши носы, что я испишу вам еще и третью страницу; поймите, я не могу задерживать письмо более двух недель, оно непременно должно быть отправлено, и вы скорее получите такое короткое, как это, нежели будете дожидаться его лишнюю неделю.

Засвидетельствуйте мое нижайшее почтение декану, и миссис Уоллс, и чудной, милейшей миссис Стоит, и славной Кэтрин.

Письмо XXII

Челси, 28 апреля 1711.

[*суббота*]

Вечером. Я говорю «вечером», потому что сегодня утром закончил двадцать первое и как пай-мальчик собственноручно отдал его в почтовую контору. Сдается мне, юные дамы, что теперь я вас чуть-чуть опередил, самую малость, разумеется: я пишу вам двадцать второе письмо, а от вас получил — тринадцатое. До Лондона я добрался между двенадцатью и часом, надел там свою новую сутану и парик и пообедал с лордом Эберкорном, у которого не был со времени женитьбы его сына лорда Пизли, получившего за женой десять тысяч фунтов приданого. Ничего не поделаешь, ведь я теперь провинциал. Домой я возвратился точно так же пешком, а посему немного устал и лег в постель; я уповаю на то, что с божьей помощью воздух и прогулки принесут мне некоторое облегчение. Насчет статуэток для миссис Эш[493] я справлялся и уговорил леди Эберкорн помочь мне, а в Клогер напишу со следующей почтой. Терпеть не могу делать для нее покупки: она ведь непременно будет потом ворчать, я уверен. А сейчас я, с вашего позволения, займусь делом.

29. Я совершил нынче очаровательную прогулку в Лондон и обратно; там я умылся, побрился и прочее, переменил сутану и парик и в половине десятого отправился к секретарю, который рассказал мне, как он разошелся во взглядах со своими друзьями в парламенте; я страшусь этих разногласий и высказал ему большую часть своих опасений. Потом я побывал при дворе, где несколько человек в разговоре со мной крайне неодобрительно отозвались о его поведении. Обедал я с секретарем, и мы собирались заняться после этого одним важным делом, о котором он заговорил первый и сказал, что они с мистером Гарли убеждены в его необходимости; тем не менее, он дозволил одному из своих помощников явиться к нему после обеда, тот просидел до шести, и мы так ничего и не сделали; но какая мне о том забота? В следующий раз ему придется послать за мной и попросить об этом дважды. Завтра я собираюсь отправиться в Вестминстерскую школу на церемонию отбора юношей в университет; говорят, что это любопытное зрелище и изрядное испытание ума и сообразительности. Наш экспедиционный флот[494] только что отплыл, но я склонен думать, что их постигнет неудача. Господин секретарь жалуется на их нерасторопность, но все же возлагает на эту затею большие надежды, хотя признался мне,

что четыре или пять государей посвящены в тайну. Боюсь, что в таком случае это не составляет никакой тайны и для Франции. Там восемь полков, а адмирал — брат вашего Уокера, акушера.

30. Утро. Я очутился в глупейшем положении: дождь льет как из ведра, а дошлые обитатели Челси перехитрили меня и заняли все три почтовые кареты. Как мне быть! Мне необходимо отправиться в Лондон. Это вы во всем виноваты. Идти пешком я не могу, разве только если одолжить плащ. Такова оборотная сторона моей сельской жизни. Мне следовало предвидеть подобные неудобства. Право, пойду пешком, несмотря на дождь. Доброго вам утра. — Вечером. Мне удалось воспользоваться каретой одного джентльмена и за шиллинг добраться до Лондона, где я остался ночевать. Я присутствовал сегодня при отборе юношей в Вестминстере и должен заметить, что это довольно-таки нелепая церемония, но говорят, что самая занятная ее часть состоится завтра. Обедал с доктором Фрейндом[495], вторым главой Вестминстерской школы, и в обществе дюжины священников и прочих. Меня уговорил остаться Прайор. Завтра на церемонии отбора будет присутствовать мистер Гарли; нам предстоит обедать по пригласительным билетам и слушать торжественные речи. Погода по-прежнему ужасно дождливая; я ночую у приятеля в Сити.

1 мая. Желаю вам веселого майского дня и еще тысячу таких же дней. Меня не пропустили в Вестминстер, потому что я пришел слишком поздно, а посему ни речей, ни стихов мне не довелось услышать. В трапезную меня тоже на пропустили: у меня не было приглашения, а просить, чтобы мне его оттуда вынесли, я не стал, потому что мистер Гарли прислал свои извинения за то, что он не может приехать, и доктор Эттербери тоже отсутствовал, а до прочих мне не было дела; кончилось тем, что я пообедал вместе с моим приятелем Льюисом у Кита Мэсгрейва[496], если вы слыхали о таком, и поскольку погода улучшается, чинно дошагал вечером до дома; я твердо намерен гулять и гулять до тех пор, пока не поправлюсь: по-моему мне уже несколько лучше. А как себя чувствует бедняжка Стелла? — Дингли чувствует себя вполне сносно. — Убирайтесь-ка отсюда, скверная девчонка, со своими увертками… «чувствует себя вполне сносно»! О, дорогие *МД*, придумайте что-нибудь, чтобы этой весной хоть немного побыть в деревне. Поезжайте в Финглас, или в Доннибрук, или в Клогер, или в Киллала, или в Лоутс. Получили ли вы, наконец, свою посылку? Не пишите мне, пока это письмо не будет отправлено, а я потороплюсь, чтобы успеть написать два в ответ на ваше одно. Поезжайте-

ка лучше в Бат. А может, вы уже в Бате, если у вас действительно было такое намерение? Или поезжайте в Уэксфорд[497]. Делайте хоть что-нибудь для своего здоровья. Передали ли вы, что я отказываюсь от квартиры, как я просил? Мне только что принесли записку от жены декана Эттербери; она любезно уведомляет меня, что их сад, библиотека и все, что есть в доме, к моим услугам. Я живу как раз напротив них, но только декан большей частью пребывает в Лондоне со своей конвокацией; так что, юные дамы, не задирайте нос, — у меня, как видите, тоже есть свой декан и председатель конвокации[498], хотя он и не может похвастать таким хорошим вином и такой обильной едой.

2. Славный денек, хотя становится жарковато, и от этого у вашего маленького толстяка Престо на лбу выступает пот. Разве не продавались в нашем городе славные сдобные булочки с изюмом, их еще называли — *прррррррревосходные булочки из Челси*? Сегодня я купил во время прогулки одну такую булочку: она стоила пенни, оказалась черствой и не пришлась мне по вкусу, как изволил однажды выразиться мой слуга. Сэр Эндрю Фаунтейн и я обедали у миссис Ваномри, и нам подали бутылку моего флорентийского, которое хранится у них в погребе, а потом я чинно отправился домой, не повидавшись нынче ни с кем из влиятельных особ. Мне живется здесь очень вольготно, никто по утрам не докучает, и Патрику нет нужды врать посетителям. Я послал к миссис Эттербери осведомиться, не могу ли я нанести ей визит? но она, как выяснилось, сама отправилась с визитом; мы уже обменялись с ней любезными записками, но я ее еще не видел. У нас в городе никаких новостей.

3. Целый день нынче ужасно лило, так что я не только не отважился пойти в Лондон, но даже не выходил из комнаты до восьми вечера, когда пересек дорогу, чтобы повидать миссис Эттербери и поблагодарить ее за любезность: она возымела желание прислать мне нынче на обед телятины, легкого пива и эля. Весь этот гнусный, томительный день я прохандрил из-за отсутствия *МД*; я часто думаю, как бы я был счастлив, даже если бы лило в восемь тысяч раз больше, только бы *МД* были со мной. Сегодня в первом часу ночи скончался лорд Рочестер; говорят, что это произошло неожиданно. Завтра я узнаю подробности. Для нас это большая потеря: не могу себе представить, кто сменит его на посту лорда-президента. Я сочинил длиннющее письмо лорду Питерборо и совсем одурел.

4. Обедал нынче у лорда Шелберна, и леди Керри подарила мне четыре индийских носовых платка, которые я намереваюсь сохранить для маленьких *МД*, потому что у меня есть другие, получше этих. Я

превратился в крупного торговца платками и накупил пропасть нюхательного табака с тех пор, как перестал его употреблять. Когда я возвращусь в Ирландию, то непременно познакомлю *МД* с леди Керри; мы с ней очень подружились: у нее больше здравого смысла, чем у любой другой дамы в вашей стране. Мы просто влюблены друг в друга; она, правда, уродлива до невозможности, но уж зато прекрасно воспитана и во всем мне послушна. Я решил по возвращении своем не водиться ни с кем, кроме *МД*: вы ведь знаете, что в последнее время, перед тем как сюда поехать, я не изменял своему решению и, за исключением мистера Аддисона, ни с кем, кроме вас, и вашего клуба деканов, и Стойтов, не поддерживал отношений. Уже три недели, юные дамы, как я получил от вас письмо, и все-таки я, пожалуй, и за пять фунтов не хотел бы получить от вас следующее, пока не отправлю это; тем не менее, я ежедневно посылаю в кофейню справляться, и мне одновременно и хочется его получить и не хочется, и, признаться, я и сам не знаю, чего мне хочется больше, и не знаю, как было бы лучше; а это письмо что-то очень медленно подвигается, хотя завтра уже неделя, как я его начал. Я скромный сельский житель и ничего не ведаю о том, что происходит в мире. Известно ли вам, что когда я пишу, то сопровождаю каждый слог движением губ, точь-в-точь как если бы беседовал с *МД* на нашем ребячьем языке. Право же, я, наверно, очень глупый, но, клянусь жизнью, ничего не могу с собой поделать. Домой я добрался ранним вечером. Донимавшие меня каждое утро просители не знают теперь, где меня искать, и я так счастлив, что не слышу теперь по утрам, как сотню раз зовут: «Патрик, Патрик!…» Просмотрев написанное раньше, я увидел, что уже говорил вам это. Впрочем, какая мне о том забота? Отправляйтесь к своему декану и варите апельсиновые корочки в сахаре.

5. Обедал нынче со своим другом Льюисом, и мы погрузились в политику, обсуждая, каким образом спасти нынешний кабинет, потому что, как я, кажется, уже говорил вам, я опасаюсь за господина секретаря. Вечером я пошел повидать мистера Гарли и, поверьте слову, испытал необычайную радость, увидя, что господин секретарь как раз выходит из дверей; я заставил его возвратиться и поэтому впервые с тех пор, как мистер Гарли был ранен, у него собрался наш старый субботний клуб: лорд-хранитель печати, лорд Риверс, господин секретарь, мистер Гарли и я. Господин секретарь потом ушел, а я просидел до девяти и упросил мистера Гарли показать мне свою грудь и рассказать, как все произошло; и еще я ознакомил его с письмом архиепископа Дублинского, которого всячески защищал. Все мы были в чрезвычайно хорошем расположении духа. Лорд-

хранитель печати и я ушли одновременно, и в десятом часу я прогулялся до дому пешком, проделав две мили; по дороге я оказался свидетелем драки пьяного священника с матросом, и мы с Патриком были столь благоразумны, что разняли их, однако моряк следовал за священником по пятам до самого Челси, осыпая его проклятиями, а потом священник юркнул в какой-то дом, и чем это кончилось, понятия не имею. До чего унизительно видеть человека в моем одеянии, упившегося до такой степени. Что и говорить, славное зрелище, особенно для того, кто провел вечер в обществе министров; в кармане у меня не было ни пенса, так что ограбить меня было невозможно. Но отныне только ради мистера Гарли я рискну еще раз предпринять подобную прогулку. Кто заменит лорда Рочестера на посту президента, пока еще неизвестно. Я нарочно измерил перочинный ножик и обнаружил, что если бы он угодил всего только на половину ширины ногтя моего большого пальца ниже, Гискар убил бы мистера Гарли; так что он находился на волосок от смерти. Я не удержался и полюбопытствовал, о чем он размышлял в то время, как его несли домой в кресле. Он ответил, что ему казалось, будто он уже мертв. Он не допускает мысли, что Гискар успел нанести ему второй удар, хотя лорд-хранитель печати, который слеп, и я, который при сем не присутствовал, убеждены в противном. Он все же носит пластырь шириной в полкроны. Вы заметили, какие широкие строчки у меня получаются, но, право же, это не нарочно, просто я лежу в своей новой кровати в Челси на другом боку, и уж не знаю, в чем тут дело, но такой неудобной и неуклюжей кровати я, кажется, еще никогда в жизни не видывал.

6. Не забывайте обернуть ваши письма в хорошую бумагу и написать сверху такой адрес: Эразмусу Льюису, эсквайру, в канцелярию лорда Дартмута в Уайтхолле. Я уже писал об этом прежде, но письмо, как вам известно, может затеряться; хотя я все же думаю, что ни одно из отправленных вам писем не пропало. Поверите ли, я убежден, что этого ни разу не случилось, несмотря на каперы и штормы; право, мои донесения слишком хороши, чтобы они до вас не донеслись. Как говаривала одна старушка: письмо к *МД* хотя и может задержаться, но уж никак не затеряться. Какие же это недоноски, если они доносятся до вас в положенный срок? Сегодня был ужасно дождливый день, но мне все же удалось улучить промежутки, когда небо над головой немного прояснялось, и я успел за это время добраться до Лондона и благополучно возвратиться. Рано утром я побывал у секретаря и потом пообедал с ним. Утром я стал выговаривать ему и высказал свои опасения в связи с его недавними поступками, но тут подоспел Артур Мур[499] и вызволил его.

Впрочем, я совсем забыл, что вы и понятия не имеете, кто такой Артур Мур. Как только мне удастся застать мистера Гарли одного, я постараюсь выведать всю подноготную. Доктор Раймонд объявится у вас еще до получения этого письма, но какая вам о том забота?

7. Я надеюсь и верю в то, что ежедневные прогулки пойдут мне на пользу. С утра я был занят делами дома, вышел довольно поздно, а посему пообедал у миссис Ваномри, у которой всегда меняю сутану и парик. Днем я делал визиты и среди прочих навестил бедняжку Бидди Флойд; лицо у нее пока еще очень воспаленное, но думаю, что оно будет не слишком обезображено. По пути домой я встретил на Пел-Мел сэра Джорджа Бомонта, который прогулялся со мной до самого Бакингемского дворца. Я рассказал ему о своих головокружениях и оказалось, что у него была та же самая болезнь; он ни в коем случае не велел мне пить дешевого черного чая, после которого у него всегда начинались приступы и о котором доктор Рэдклиф говорил, что он очень вреден. С некоторых пор я и сам это заметил и вот уже месяц, как перестал его пить, потому что несколько раз чувствовал себя после него скверно. Стелле следует принять это в соображение и поберечь свою бедную маленькую головку. Фунт такого чая, предназначенный миссис Уоллс, упакован и лежит наготове, чтобы быть отправленным при первом же удобном случае. Господин секретарь сказал мне вчера, что мистер Гарли еще до конца недели станет лордом-казначеем и пэром, так что я ожидаю этого со дня на день; хотя не исключено, что это произойдет только после окончания сессии парламента, которая продлится еще две недели.

8. Был нынче у герцога Ормонда и просил его позаботиться о бедном Джо Бомонте; он обещал мне выказать по отношению к нему наивозможную справедливость и благосклонность и всемерно ему содействовать и пожелал, чтобы я передал на этот счет Нэду Саутуэлу памятную записку, что я не премину сделать, а вы при случае расскажите об этом Джо; хотя он и без того уже все знает из моего письма к Уорбертону. Идти пешком сегодня было невыносимо жарко. Обедал я в Сити и добирался туда и обратно водою, а вечером опять разразился такой ливень, что я уже не надеялся улучить часок, чтобы прогуляться домой, не промокнув. Завтра я пошлю в кофейню справиться насчет письма от *МД*, хотя едва ли получу что-нибудь до того, как отправлю это, а я отправлю его в субботу. Заодно я навестил нынче утром и герцогиню Ормонд; она не поедет вместе с герцогом. Я говорил с ней, что было бы не худо исцелить мальчика, сына некоего Бэлла, бакалейщика с Кейпл-стрит, наложением рук королевы[500]; помнится, вы еще покупали у него сахар и сливы. И

миссис Мери[501] тоже часто туда хаживала. Так говорит Патрик. Бедняга пробыл здесь со своим сыном несколько месяцев, но королева была не в состоянии совершить церемонию наложения рук, а сейчас стало так жарко, что боюсь, она и вовсе не сможет этого сделать. Ладно уж, идите, идите, идите к своему декану, и пусть он возьмет вас в Доннибрук убирать там спаржу. Любопытно, послал ли вам Парвисол хоть немного в этом году? По ночам теперь я долго не могу заснуть, то ли из-за жары, то ли еще из-за чего, и поэтому по утрам очень сонный.

9. Доктор Фрейнд приезжал сюда нынче утром навестить жену и детей Эттербери в качестве лекаря и уговорил меня поехать с ним в город в его карете. Он сказал мне, что часом раньше был у сэра Чомли Дэринга, племянника Чарлза Дэринга и главы этого семейства в графстве Кент, которое он представляет в палате общин. Доктор Фрейнд оставил его умирающим от сквозной раны, нанесенной ему из пистолета неким мистером Торнхиллом[502]. Они дрались сегодня утром в Тотхилл-филдс[503] на шпагах и пистолетах и притом на таком близком расстоянии, что чуть не касались друг друга дулом пистолета. Торнхилл выстрелил первым, и Дэринг, раненый, выстрелил, уже падая, и потому разрядил пистолет в воздух. Историю их ссоры слишком долго рассказывать. Дэринг ударом ноги выбил у Торнхилла семь зубов, сбив его предварительно с ног; это случилось больше двух недель тому назад. На следующей неделе Дэринг собирался жениться на одной красивой молодой леди. Эта история наделала здесь много шума, но вы едва ли сумеете ее оценить. Так-с, мистер Гарли, лорд-хранитель печати и еще кое-кто станут в ближайшее время пэрами, им сейчас выписывают патенты; я читал вступление к патенту[504] мистера Гарли, написанное в очень лестном для него тоне. Обедал я вместе с Льюисом у Форда; вино было мое: две бутылки флорентийского и еще две бутылки французского вина из шести, присланных мне доктором Раймондом; он хотел, чтобы я распил их с сэром Робертом Раймондом и братом мистера Гарли, коим я его представил, но они все никак не могли выбрать время, а теперь я живу за городом, да и вообще теперь уже слишком поздно; Раймонд решит, что я его обманул. Но какая мне о том забота, сударыни?

10. Нет, каково, а! Патрик принес мне нынче четыре письма: от Дилли из Бата, от Джо, от Парвисола; но, кто может сказать, от кого вот это четвертое? Да не тормошите вы меня. Ну, кто угадает? От кого бы это могло быть? Вот вы, например, пожилой мужчина с тростью, вы не могли бы разобрать, от кого четвертое? — Ште ж, ижвольте, ваша шесть, оно от

какой-то мадам *МД*, номер шетырнадцать. — Да, но я не мог сегодня отправить вам свое, потому что оно было здесь, в Челси, а я был в Лондоне, да и вообще оно будет отправлено только в субботу вечером, а сегодня пока еще четверг; ведь до вашей поездки в Уэксфорд все равно времени еще предостаточно. Я предлагаю вам следующее: я напишу Парвисолу, чтобы он одолжил Стелле двадцать фунтов и получил от нее расписку с обязательством уплатить их в течение полугода. А там уж смотрите сами и, если вам понадобятся еще, дайте мне знать; не беспокойтесь также насчет моих денег, выплачиваемых вам обычно, вы, как всегда, получите их в срок. Вот только скажите, были ли вы бережливыми хозяйками или нет?

11. Джо написал мне, чтобы я выхлопотал ему место сборщика податей, ни больше, ни меньше; он говорит, что все только и твердят о моей большой близости с мистером Гарли, и потому мне достаточно будет замолвить словечко. Обычное нытье сосунков, которые судят издалека и понятия не имеют о дворах и министрах. Ответ мой таков и прошу его передать Джо: я готов оказать ему содействие, насколько это в моих силах, и говорил с герцогом Ормондом насчет причитающихся ему денег, о чем уже писал Уорбертону; что же до его нынешней просьбы, то сейчас я этим заниматься не могу, а там посмотрим. Если когда-нибудь позже представится случай или возможность, за мной дело не станет; скажите также, что мне лучше знать, как далеко распространяется мое влияние, а он на расстоянии не может о том судить; что я был бы рад ему услужить, и если фортуна подбросит мне на пути такую возможность, то, повторяю, за мной дело не станет. Таков мой ответ, который вы либо ему перешлите, либо прочитайте. Прошу вас, придумайте что-нибудь, чтобы Парвисол не мог сбежать с моими двумястами фунтов; постарайтесь получить у Бартона[505] долговое обязательство с тем, чтобы деньги были мне выплачены по векселю. Не смейтесь, а то я могу вас заподозрить в сговоре. Подскажите Парвисолу, чтобы и он вкладывал свои письма в еще один конверт, который бы адресовал мистеру Льюису. На ваше письмо я отвечу в своем следующем, за исключением того, на чем уже остановился здесь. Да, забыл сказать вам, что я побывал нынче в суде справедливости в надежде получить приглашение на обед, которое было бы мне по вкусу, но тщетно, и поскольку становилось поздно, то я решил пообедать у миссис Ваномри.

12. Утро. Я должен закончить это письмо до того, как пойду в Лондон; там я буду занят, и у меня не будет ни времени, ни места, а посему прощайте, и прочее, и прочее.

Письмо XXIII

Челси, 12 мая 1711.

[*суббота*]

Нынче днем я отправил вам из Лондона двадцать второе письмо. Обедал с мистером Гарли и членами нашего старого клуба — лордом Риверсом, лордом-хранителем печати и господином секретарем. Последнюю неделю они все подтрунивали надо мной: если, мол, я хочу присутствовать на их обедах, то должен получить разрешение мистера Сент-Джона; поэтому я вчера написал ему, что, поскольку мне, как я предвижу, никогда больше не придется обедать с сэром Симоном Харкуром, членом палаты общин, и Робертом Гарли, эсквайром, я прошу разрешить мне это сегодня. Соль моей шутки заключается в том, что они, как мы ожидаем, еще до следующей субботы станут лордами, и мистер Гарли, согласно выписываемому патенту, будет графом Оксфордом. Мы с господином секретарем ушли в семь, он довез меня в своей карете до окраины нашего городка, так что я лишился своей прогулки. Сент-Джон прочитал мое письмо всей компании, и оно очень всех рассмешило и было воспринято как нельзя лучше.

13. Всю ночь и сегодня утром лил дождь, тяжелый, как свинец, но я успел воспользоваться промежутком, когда ненадолго прояснилось, чтобы прогуляться перед богослужением до Лондона. Дороги покрылись глубокими лужами. Сено у нас в Челси уже почти можно косить. После церкви я побывал при дворе (как и всегда по воскресеньям), а потом пообедал у господина секретаря, к которому зван на все воскресенья подряд; а бедные *МД*, небось, обедали дома — немного телятины и пинта вина. Не наскучил ли я вам до смерти, рассказывая, где я каждый день обедаю? Но это уже вошло у меня в привычку, и я никак не могу удержаться. — Знаете что, мистер Престо, вы бы лучше принялись отвечать на письмо *МД* № 14. — Я примусь отвечать на него, мистер Доктор, когда мне будет угодно. — Как прикажите вас понимать? — Нынче утром при дворе было очень многолюдно, все ожидали, что будет объявлено о присвоении мистеру Гарли титула графа Оксфорда и что ему будет вручен жезл казначея. Мистер Гарли никогда не появляется при дворе; меня кто-то спросил нынче, какая тому причина; «Полагаю, — ответил я, — что об этом лучше всего осведомиться у лорда Оксфорда». Дело в том, что он всегда проходит к королеве только по черной

лестнице. — Мне говорили, будто этот ваш хлыщ лорд Сэнтри[506] отправился к праотцам, так, по крайней мере, уверял меня капитан Кэмок [507], а теперь выходит, что он жив-здоров; но это решительно ничего не меняет: для меня он будет мертв, сколько бы он не прожил. Дик Тай и я при встрече никогда даже шляпу не приподнимаем. Я решил прикинуться, будто путаю его с Уитерингтоном[508], маленьким злобным стряпчим, который с таким грозным видом подошел ко мне в Замке в день моего отъезда из Ирландии. Я как-то нарочно осведомился у прогуливавшегося с ним джентльмена, давно ли Уитерингтон в Лондоне.

14. В Лондон я нынче добирался водою. Жара отбила у меня всякую охоту идти пешком, тем паче, что большую часть пути нет никакой тени. Я нанял первую попавшуюся лодку и моим спутником оказался лакей; потом я опять водою доехал до Сити, где пообедал у типографа, которому привез рукопись памфлета, переданную мне господином секретарем. Типограф посылал ее секретарю с целью заручиться его одобрением, а тот пожелал, чтобы я ее просмотрел, что я и сделал и нашел этот памфлет весьма низкопробной поделкой. Я рассказываю вам это по той лишь причине, что сочинил сей памфлет ваш священник, некий Слэп, Скрэп, Флэп (или как там вы его зовете), Трэп[509], одним словом, капеллан вашего канцлера. Памфлет называется «Характеристика нынешней шайки вигов»; его собираются напечатать, и автор, без сомнения, позаботится о том, чтобы распространить его в Ирландии. Со мной был также доктор Фрейнд, который достал из кармана только что опубликованный памфлет ценой в два пенни под названием «Состояние словесности»[510], в нем дается оценка всех выходивших в последнее время газет. Судя по всему, автор памфлета — виг, тем не менее, он очень высоко отзывается о журнале под названием «Экзаминер» и высказывает предположение, что его автор — доктор Свифт. Но более всего он превозносит «Тэтлера» и «Спектэйтора», и я полагаю, что Стиль и Аддисон приложили руку к его напечатанию. Вот как обходятся со мной эти бесстыжие псы. В довершение всего этот пройдоха Керл[511] набрал какогото хлама, назвал его «Разными сочинениями» доктора Свифта и напечатал мое имя крупным шрифтом, и я не могу призвать его к ответу. Более того, мистер Гарли сказал мне в присутствии лорда-хранителя печати и прочих, что он это читал, и даже посмеивался надо мной. Весь вечер после возвращения домой я просидел с председателем конвокации деканом Эттербери: он мой сосед и живет через дорогу, но по большей части находится в Лондоне при своей конвокации. Уже поздний час.

15. Нынче я пошел в город после десяти, и было нестерпимо жарко. Обедал у лорда Шелберна и попросил миссис Пратт, которая у него остановилась, захватить с собой чай для миссис Уоллс. Надеюсь, она это сделает; они собираются выехать через две недели. Я хожу теперь вот какой дорогой: оставляю свою лучшую сутану и парик у миссис Ваномри и отправляюсь вверх по Пел-Мел, пересекаю парк и выхожу из него около Бакингемского дворца, после чего, пройдя мимо церкви, сворачиваю вскоре в сторону Челси; выхожу я обычно на заходе солнца и добираюсь сюда менее, чем за час. Здесь добрых две мили и ровно пять тысяч семьсот сорок восемь шагов; так что моя ежедневная прогулка составляет четыре мили, не считая того, что я прохожу, находясь в Лондоне. Вечером на Мел я постоянно наблюдаю несметное количество гуляющих дам и всегда при этом браню про себя ирландских дам, которые вообще никогда не гуляют, как будто их ноги пригодны лишь на то, чтобы *отложить их в сторону* за ненадобностью. Вот уже почти три недели, как я живу здесь, и голова моя, благодарение богу, беспокоит меня намного меньше, только бы и дальше было не хуже. И вот что я вам скажу; если бы я был с вами, то, отправляясь к Стойтам в Доннибрук, мы нанимали бы карету только до ближайшего конца Стивенс-Грин, а оттуда проделывали бы весь путь пешком; да, уж можете мне поверить, весь путь; это пошло бы *МД* на пользу, точно так же, как и Престо. Все говорят мне, что я выгляжу теперь лучше, потому что вид у меня и впрямь был довольно скверный. На завтрак я ем молочную овсяную кашу, хотя не люблю ее и даже, по правде говоря, терпеть не могу, но это дешево и полезно; и все же я терпеть не могу ценить вещи только за то, что они дешевы и полезны.

16. Удивляюсь, отчего это Престо так скучен в своих ответах на письма *МД*? Оттого, я полагаю, что самое лучшее он придерживает напоследок. Что ж, в таком случае Престо следует ублажить, и пусть поступает, как хочет, не то с ним не будет никакого сладу. Умираю от жары; а вам не жарко? Во время прогулок у меня удивительно потеет лоб; иногда свое утреннее путешествие я совершаю водою, как было и сегодня; я ехал вместе с одним священником по имени Ричардсон, навестившим меня перед отъездом в Ирландию; с ним я и отправил чай для миссис Уоллс и три книги[512], которые заполучил у лордов казначейства для колледжа. Обедал у лорда Шелберна; леди Керри и миссис Пратт тоже собираются в Ирландию. — Господи, я совсем забыл, что обедал нынче с мистером Прайором у него дома и еще с деканом Эттербери и прочими, возвратился домой довольно поздно и, кажется, сильно под хмельком, и сам не знаю, что мелю; право, никогда ничего подобного со мной не

бывало.

17. Нынче утром ко мне заезжал Стерн; он добрался сюда водою, и потом мы вместе отправились в Лондон в его лодке. Он рассказал мне, что миссис Эджворт ухитрилась по дороге в Честер выйти замуж, так что, полагаю, ее мало занимали чьи бы то ни было посылки или шкатулочки, кроме ее собственной. Я просил Стерна снабдить меня хотя бы указаниями, где в Честере искать эту посылку, и он обещал завтра это сделать; я напишу тогда Ричардсону, чтобы он проездом вспугнул ее и перебросил по назначению. Она адресована миссис Карри, и вам следует предупредить ее об этом и попросить переслать посылку вам, как только она ее получит. Стерн говорит, что Джемми Ли Лондон чрезвычайно понравился; вот что, я полагаю, заставило его так долго здесь пробыть, а не дело Стерна, которое из-за несчастья, случившегося с мистером Гарли, очень застопорилось. Мы со дня на день ожидаем, что он станет графом Оксфордом и лордом-казначеем. Его патент как раз сейчас проходит через канцелярии, а патент лорда-хранителя печати, говорят, пока еще нет, по крайней мере, так сказал мне на днях его сын, молодой Харкур. Обедал я нынче вдвоем с моим другом Льюисом на его квартире в Уайтхолле. На днях я встретил в Уайтхолле одну знакомую мне даму, которую за все время моего пребывания в Англии ни разу не видел; мы чрезвычайно друг другу обрадовались, и она пригласила меня навестить ее, что я и собираюсь сделать. Это некая миссис Колидж: она проживает в Уайтхолле, поскольку была швеей короля Вильгельма, за что получала триста фунтов в год. Ее отец — фанатик, столяр[513], был повешен как изменник за участие в заговоре Шафтсбери[514]. Меня познакомила с этой достойной женщиной несколько лет тому назад леди Беркли. Я люблю знакомства, делающие мне честь, и предпочитаю быть в обществе ниже всех; я не из тех, кто за отсутствием компании, не брезгует якшаться с всякой дрянью. Вечером гулял вместе с леди Керри и миссис Пратт в Воксхолле; мы надеялись послушать соловьев, но они уже почти не поют.

18. Я тщетно охотился нынче за секретарем, с которым мне нужно было переговорить, и пообедал с полковником Кроу[515], недавним губернатором Барбадоса, а третьим был ваш приятель Стерн; Кроу очень расположен к Стерну и помогает ему в его деле, которое, судя по всему, пролежит без движения, пока мистер Гарли не станет лордом-казначеем; никакие важные дела в казначействе сейчас не рассматриваются, потому что его назначение ожидается со дня на день. Возвратясь домой, я заглянул к декану Эттербери и расстался с ним лишь во втором часу, так что теперь

уже очень поздно.

19. Знаете ли вы, что в окрестностях нашего городка уже косят и заготовляют сено и, когда проходишь цветущими лугами, вокруг разлито удивительное благоухание. Вот только убирающие сено нимфы — сущие шлюхи; ничего похожего на тех опрятных и славных женщин, каких встречаешь обычно подальше в провинции. С тех пор, как я знаю Лондон, число грязных потаскух в соломенных шляпах возросло здесь неимоверно. До пяти часов я оставался дома и пообедал с деканом Эттербери, а потом отправился водою к мистеру Гарли, у которого должен был собраться субботний клуб с герцогом Шрусбери в придачу. Я шепнул лорду Риверсу, что не люблю, когда в нашем обществе появляются посторонние, а мошенник взял и повторил это вслух, но господин секретарь сказал мне, что герцог написал просьбу о разрешении присутствовать, после чего я изобразил полное удовлетворение, и мы все смеялись. Господин секретарь сказал, что герцог Бакингем не раз говорил с ним обо мне и изъявлял желание познакомиться со мной. Я ответил, что это невозможно, потому что герцог не предпринял необходимых для этого шагов. Тогда герцог Шрусбери заметил, что, как ему кажется, герцог не привык идти навстречу первым. Я ответил, что весьма сожалею, однако при знакомстве всегда ожидаю первого шага от других соответственно их знатности и от герцога более, чем от кого бы то ни было[516]. На что герцог Шрусбери ответил, что он вовсе не имел в виду его знатность, и это было весьма удачно сказано, ибо он имел в виду его гордость, но я-то давно усвоил, что гордых людей не существует. В десять все разошлись, а мы с мистером Гарли просидели вдвоем до полуночи и обсудили множество разных дел, которые мне необходимо было с ним решить, после чего я прогулялся при свете луны до самого Челси, куда добрался около часу ночи. Лорд Риверс умолял меня не ходить так поздно, но у меня нет другого выхода и к тому же нет денег, коих я рисковал бы лишиться.

20. Судя по тому, что прошлым вечером говорил мне лорд-хранитель печати, он вряд ли станет пэром в скором времени, тогда как патент мистера Гарли на титул графа Оксфорда будет готов в ближайшие три дня. Мы заставили его в этом признаться, чем он был не очень доволен, но потом разговорился. У господина секретаря собралось сегодня слишком большое общество, поэтому я ушел вскоре после обеда. Я никому не позволяю в моем присутствии божиться и сквернословить, а посему, заметив, что я стесняю кое-кого из гостей, предоставил их самим себе. Желаю вам веселой Троицы; расскажите мне, пожалуйста, как вы ее провели; впрочем, вы, наверно, собираетесь в Уэксфорд, и мое письмо,

боюсь, придет слишком поздно; оно будет отправлено только в четверг; сделать это раньше мне не удастся — множество всяких дел не позволяет мне пока ответить на ваше. Кстати, куда мне адресовать письма в ваше отсутствие? Съезжаете ли вы со своей квартиры?

21. Нынче утром, добравшись до Лондона, я встретил на Пел-Мел одного ирландского священника, которого рад был видеть, потому что очень его люблю, и с ним маленького нахала тоже из Ирландии, некоего Перри; возможно, вы о нем слыхали; он женат на Нэнни Свифт, дочери моего дяди Адама[517]. Жена отправила его сюда, чтобы он выхлопотал себе место у Лоундса[518], потому что мой дядя и Лоундс — свояки, а Лоундс здесь важная персона в казначействе; однако, по счастью, я с ним совершенно не знаком; тем не менее, этот Перри выразил надежду, что я похлопочу за него перед Лоундсом, потому что одного моего слова… и прочее; старая погудка. Но я, разумеется, и пальцем не шевельну. Обедал у миссис Ваномри, где держу свою лучшую сутану и парик, чтобы надевать их, когда я прихожу в Лондон и хочу выглядеть франтом.

22. Обедал в Сити и, возвращаясь вечером домой, встретил в парке сэра Томаса Мэнсела и Льюиса. Льюис шепнул мне, что патент мистера Гарли на титул графа Оксфорда поступил уже в канцелярию господина секретаря Сент-Джона, так что завтра или послезавтра он будет, я полагаю, провозглашен графом Оксфордом и получит жезл. Возвышению этого человека содействовали перенесенные им гонения, отставки и ножевая рана. Воображаю, какая толчея, сколько поздравлений и поклонов будет во время его levée! И все-таки, если только человеческая природа способна на столь большое постоянство, хотелось бы верить, что он останется таким же, как прежде, хотя, конечно, ему придется соблюдать некоторые правила этикета, необходимые в его новом положении. Уже поздно, сударыни, так что я отправляюсь спать.

23. Утро. Прошлой ночью я засиделся допоздна и потому сегодня поздно проснулся, но я все же отвечу на ваше письмо сейчас, лежа в постели, перед тем как уйти в город, а отправлю его завтра: ведь вы, возможно, не уедете так скоро в Уэксфорд. — Нет, вы не ошиблись в счете: последнее ваше письмо было четырнадцатое, и я уже говорил вам это дважды или трижды; сколько раз вам еще повторять? Чем бы нам помочь бедняжке Стелле? Ради бога, поезжайте в Уэксфорд! Я хочу, чтобы вы гуляли там по три мили в день, только чтобы в конце каждой мили у вас было хорошее пристанище для отдыха. Прогулки принесли мне так много пользы, что я считаю своим долгом предписать их бедной Стелле.

Парвисол прислал мне вексель на пятьдесят фунтов, о чем я весьма сожалею, потому что не просил его об этом, а только как-то обмолвился месяца два тому назад; надеюсь, однако, что он все же сумеет выплатить вам сумму, о которой я ему писал. Он никогда раньше не посылал мне никаких денег, кроме векселя на двадцать фунтов полгода тому назад. Вы можете распоряжаться каждым принадлежащим мне в этом мире фартингом, как я сам, и единственное, что меня огорчает, так это то, что я не настолько богат, как надо бы, ради блага *МД*, клянусь своим спасением. Надеюсь, что перед отъездом в Уэксфорд вы съехали со своей квартиры, хотя это, возможно, и будет связано с некоторыми неудобствами; я еще раз хочу вам пожелать, чтобы вам волей-неволей пришлось бы гулять в деревне до самого Михайлова дня, ей богу. Ладно уж, пусть эти полки хранятся у них, чума на их голову; и все-таки столько денег за четыре недели — сущее вымогательство, поэтому, если миссис Брент не против, то пусть они останутся пока у нее. Премного обязан вашему декану за его любезное предложение ссудить меня деньгами. Достаточно ли этого изъявления благодарности с моей стороны? Сто человек одолжили бы деньги мне или любому другому, если он только не слывет мотом. О, поверьте, я был бы рад очутиться с *МД* хотя бы в одном королевстве, пусть вы бы и находились в Уэксфорде. Поймите, я удерживаем здесь прихотью капризнейшей судьбы, из сетей которой охотно вырвался бы, если бы только мог без ущерба для своего достоинства и чести. — Возвратиться без какого-либо почетного вознаграждения было бы слишком унизительно, да и я не прочь стать немножко богаче, чем сейчас. Ничего больше не скажу, но прошу вас не тревожиться и ждать, предоставив остальное фортуне; поверьте, главная цель, которой я домогаюсь во всех моих устремлениях, — это благополучие *МД*. И не будем больше говорить об этом предмете, который наводит на меня уныние и от размышления о котором я охотно отвлекусь. Поверьте, любой смертный из ныне живущих счастливее меня; я не хочу этим сказать, что вовсе несчастлив, но что все мне здесь не по вкусу из-за невозможности жить так, как я бы хотел. Но это лишь мимолетный вздох, не более. Ну, а теперь посмотрим, о чем вы там еще пишете, юные дамы. Чума забери миссис Эджворт и Стерна; но я все же постараюсь как-нибудь разыскать эту злосчастную посылку. Каких еще распоряжений вы ожидаете от меня относительно портрета? Разве вы не вольны поступать с ним так, как если бы он принадлежал вам? Нет, я надеюсь, что Мэнли все же сохранит свою должность, потому что об увольнении сэра Томаса Фрэнкленда ничего не слышно. Не посылайте никаких писем на имя мистера Аддисона, а только на имя Эразмуса

Льюиса, эсквайра в канцелярию лорда Дартмута в Уайтхолле. Такой адрес надлежит указывать на наружном конверте. — Бедная дорогая Стелла, вам не следует писать ни при плохом освещении, ни при хорошем, лучше диктуйте Дингли, она хоть и шалунья, но здоровая девочка и может попотеть за двоих. Дружно ли вы живете? Не слишком ли часто ссоритесь? Прошу вас, любите друг друга и поцелуйтесь в ту самую минуту, как Дингли это читает, потому что нынче утром вы поссорились после того, как миссис Маргрет[519] поливала Стелле голову водой: я слышал, как об этом рассказывала маленькая птичка. Ну вот, теперь я ответил на все в вашем письме, на что следовало ответить, и все-таки оборотная сторона листа еще не заполнена. Вечером, возвратясь домой, я еще что-нибудь скажу, а завтра это письмо будет непременно отправлено. Да уходите же, наконец, идите в свои комнаты и дайте Престо встать, как подобает скромному джентльмену, и отправиться в город. Мне кажется, что благодаря постоянным прогулкам лоб у меня потеет теперь меньше, чем прежде, но зато я так загорю, что дамы перестанут меня любить. Ну, идите, да поживее, сударыни, и дайте мне встать. Доброго вам утра. — Вечером. Обедал с Фордом у него на квартире, а вино было моего собственного подвала, из ящика, присланного великим герцогом; оно, правда, начинает прокисать. Говорят, будто у вас в Ирландии бутылка стоит полкроны. Как изволила заметить Стелла, если уж что в Ирландии подорожает, никогда потом не подешевеет, кроме пшеницы, будь она неладна, священникам на разорение. Я получил нынче письмо от архиепископа Дублинского с дальнейшими изъявлениями благодарности за то, что я вступился за него перед мистером Гарли и мистером Сент-Джоном и с длинной историей насчет выборов вашего мэра, из коей я уловил, что он тут замешан и дает тем самым повод для новых о нем кривотолков, но здесь пока об этом ничего не известно. Мои прогулки в Лондон и обратно, да еще с переодеваниями, отнимают у меня так много времени, что я теперь не могу бывать в гостях так часто, как прежде, но что поделаешь? Благодарение богу, с тех пор, как уехал из Лондона, я все время чувствую себя намного лучше; не знаю, сколь долго это продлится, но, во всяком случае, уверен, что это пошло мне на пользу. Я теперь не пошатываюсь, как бывало, а выступаю важно, что твой петух; только раз или два это длилось какую-нибудь минуту, а потом, сам не знаю как, но тотчас прошло и больше не повторялось. А Дингли по-прежнему хорошо разбирает мои письма, ответьте-ка, сударыня? Бедняжке Стелле не следует читать безобразный мелкий почерк Престо. Будьте умницей и берегите свои глазки. Чай для вашей приятельницы Уоллс будет на-днях отправлен в Честер с неким

священником Ричардсоном. Мой нижайший поклон ей и добрейшей миссис Стоит, и Кэтрин, и, пожалуйста, гуляйте и сейчас, пока вы еще в Дублине. Я ожидаю, что ваши следующие письма, кроме одного, будут уже из Уэксфорда. Благослови господь драгоценнейших *МД*.

24. Утро. Господин секретарь прислал своего грума, чтобы пригласить меня сегодня на обед. Господь всемогущий да благословит и сохранит вас обеих навеки и пошлет вам здоровья. Аминь. Прощайте.

Скажите, сударыни, часто ли случается, что я в письме по нескольку раз повторяю одно и то же?

Говорят, что у больших умников короткая память. Справедливо подмечено, хотя и подло.

Письмо XXIV

Челси, 24 мая 1711.

[*четверг*]

Утро. Впервые в жизни номер моего письма и сегодняшнее число совпали; это добрая примета, детки, значит все сойдется, и мы окажемся вместе. Как, вы все еще имеете наглость писать «Лондон, Англия», потому что я пишу «Дублин, Ирландия»? Или, по-вашему между Лондоном и Дублином нет никакой разницы, бесстыдницы вы эдакие? Я запечатал свое предыдущее письмо и собираюсь отправиться в Лондон. Доброго вам утра, сударыни. — Вечером. Обедал с секретарем, мы сели за стол в шестом часу. Патент мистера Гарли утвержден сегодня утром, отныне он граф Оксфорд, граф Мортимер и лорд Гарли Уигмор-Кастл. Мое письмо было уже запечатано, иначе я непременно рассказал бы вам об этом напоследок; впрочем, вы и так узнаете все из газет. Королева, несмотря на свое к нему расположение, всю эту неделю продержала его жезл у себя в кабинете; полагаю, однако, что самое большее дня через два жезл все же будет ему вручен. Хотя в восемь часов вечера, когда я собрался домой, дождь, начавшийся еще в пять, лил, как из ведра, я, тем не менее, все же пошел и к середине пути дождь утих, так что я добрался домой не слишком промокший: это первая прогулка под дождем, которую я предпринял за месяц своего пребывания здесь. Посидев еще немного у Эттербери, я отправился спать.

25. Утром шел дождь, и я добрался до Лондона водою. Мы с Фордом пообедали у мистера Льюиса, о чем уговорились заранее. Я предупредил Патрика, что собираюсь потом повидать лорда Оксфорда, и велел ему принести мою сутану и парик к мистеру Льюису, и что же вы думаете — я прождал его битый час, а этот мошенник так и не появился, и в конце концов мне пришлось пойти в старой сутане. У лорда Оксфорда я провел два часа, однако не имел возможности поговорить с ним о кое-каких делах, которые у меня были к нему, а посему он пожелал, чтобы я отобедал с ним в воскресенье, и значит, мне придется огорчить секретаря. Милорд подвез меня к кофейне, где я дождался кареты декана Карлайла[520], чтобы добраться до Челси, потому что после полудня дождь хлестал, не переставая. Декан, правда, сам не приехал, но прислал свою карету, и мне пришлось заплатить кучеру два шиллинга; вот так я добрался домой, а что сталось с Патриком, одному богу ведомо. В конце концов мне придется

отправить его в Ирландию, потому что мошенник стал совершенно невыносим. Если бы даже мне пришлось из-за него явиться вовсе без сутаны, он все равно обошелся бы со мной точно так же, хотя бы от этого зависела моя жизнь или возможность занять более высокое положение, а я тем временем шью ему ливрею, которая обойдется мне в четыре фунта; завтра же велю портному приостановить шитье до дальнейших моих распоряжений. Лорд Оксфорд не может пока еще привыкнуть к тому, что его называют «милорд», и когда я говорю ему — «милорд», он в ответ именует меня «доктор Томас Свифт[521]», как обычно делает, когда хочет меня позлить. Он предложил мне через одного человека стать его капелланом, на что я через того же человека передал ему свои извинения, но сегодня мы ни словом на этот счет не обмолвились; я не соглашусь быть капелланом ни у кого на свете. Ну, а теперь мне необходимо заняться делом.

26. Патрик объявился только сегодня утром, да и то я видел его лишь мельком, потому что одевался без него, а когда собрался идти в Лондон, его уж и след простыл. Я тотчас послал за портным и велел отложить шитье ливреи для Патрика впредь до дальнейших моих распоряжений. Ох, случись это в Ирландии, я бы уже десять раз его прогнал, и, конечно, забота не о нем, а о себе заставляет меня так долго его терпеть. А теперь вот сам не знаю, шить этому мошеннику новую ливрею или не стоит. Ну как мне быть? Вот если бы *МД* были сейчас здесь и у моей постели умоляли за него. Леди Эшбернхем давно уже зазывала меня к себе на обед, и я приберег для этого сегодняшний день, но вышло какое-то недоразумение, и она послала сказать мне, что сидит в неглиже за столом, но будет рада принять меня после обеда, а посему я пообедал у миссис Ваномри и, осердясь, не пошел к ней вовсе. Мое прекрасное флорентийское вино совсем прокисло, будь оно неладно, а я не выпил и половины его. Вечером, когда я возвращался домой, мне встретились в парке сэр Томас Мэнсел и Том Гарли[522] и, как несмышленого щенка, уговорили погулять с ними до девяти, так что я добрался домой только в десять, но вечер был прекрасный, и дорога уже почти высохла после недавнего ливня.

27. Нынче утром по дороге в Лондон я наблюдал, как два колченогих старика, добравшихся до питейного заведения, долго стояли у дверей и, состязаясь в учтивости, один приглашал другого войти первым. Это надо было видеть, в рассказе соль теряется. Обедал сегодня с лордом Оксфордом и дамами — новой графиней и леди Бетти[523], которая вот уже

три дня как стала леди. Милорд оставил нас в семь, и я опять не смог улучить время, чтобы поговорить с ним о делах; он, однако, обещал пообедать со мной на днях вдвоем, и это, конечно, куда как вероятно, особенно если принять в соображение, что королева, как мы ожидаем, вот-вот вручит ему жезл, и тогда вокруг него начнется такое столпотворение, что проку от него не будет ровно никакого; насколько мне известно, это может произойти еще нынче вечером во время заседания Тайного совета.

28. Я получил на днях письмо с просьбой о помощи от некоего Стивена Джернона; он пишет, что жил прежде у Гарри Теннисона[524], который приискал ему место обмерщика, но после смерти Гарри лишился этого места и переехал в Англию и теперь умирает с голоду или, как он выразился, вкус хлеба был последнее время ему неведом. Сегодня бедняга явился собственной персоной; оказалось, что я хорошо его знаю; это худосочный малый с веснушчатым лицом, вы должны его помнить: он еще особенно хорошо прислуживал за столом. Я дал ему крону и обещал сделать, что в моих силах, чтобы в память о Гарри Тенисоне пристроить его к кому-нибудь в услужение. Сегодня во время прогулки было нестерпимо жарко, и меня так разморило, что, пообедав там, где хранится моя новая сутана, — у миссис Ваномри — я как дурак воротился домой, и до одиннадцати просидел с деканом Карлайла. Лорд Оксфорд все еще не получил жезла.

29. Сегодня в десять часов утра я уже был в Лондоне, хотя это день бритья, и отправился к секретарю по поводу кое-каких дел, а потом нанес визит герцогу и герцогине Ормонд, но герцогиня была занята туалетом, готовясь к выезду, и мне не удалось ее повидать. Лорду Оксфорду сегодня вручили жезл, так что теперь я должен называть его уже не «лордом Оксфордом», а «лордом-казначеем». Надеюсь, на этом он остановится: ведь за одну неделю он успел уже поменять и титул и должность, и я слышал сегодня в Сити (где обедал), что в скором будущем он получит еще и Подвязку. — Скажите, юные дамы, заметили ли вы, как удивительно переменился круг моих знакомств и образ жизни? Я никогда не бываю теперь в кофейне, и вы не слышите больше упоминаний об Аддисоне, Стиле, Хенли, леди Люси, миссис Финч[525], лорде Сомерсе, лорде Галифаксе и пр. Мне кажется, я изменился к лучшему. Говорил ли я вам, что архиепископ Дублинский написал мне длинное письмо касательно разгоревшегося у вас скандала в связи с выборами мэра. Он выражает опасения, что его осудят за участие в нем. Здесь, правда, еще ничего об этом не слышно, но ведь я не смогу постоянно его защищать. Говорят,

будто ваш епископ Хикмен преставился[526], но никто здесь не станет хлопотать о каком-нибудь месте для меня в Ирландии, так что пусть себе умирают внезапно или долго, как им заблагорассудится. — Ну-с, а вы, конечно, верны вашим деканам, и вашим Стойтам, и вашим Уоллсам. Кстати, миссис Уоллс скоро получит свой чай: священник Ричардсон либо уезжает, либо уже уехал в Ирландию и захватил его с собой. Я слыхал, что у мистера Льюиса есть для меня два письма, но не успел сегодня востребовать их, а уж завтра не премину, вдруг одно из них — от малюток *МД*? Кто знает, дружище, кто предугадает? Ведь случались и более невероятные чудеса? — Тьфу, я пишу до того мелко, что и сам едва разбираю! — Послушайте, Престо, извольте писать крупнее! — А я не буду. — Ох и дерзкий же вы плутишка, мистер Престо, и до чего нахальный. — Уходите, дорогие плутовки, дайте Престо лечь спать: я засиделся с деканом, и сейчас уже около двенадцати.

30. Меня так разморило после утренней прогулки, что я пробездельничал до самого обеда у миссис Ваномри, у которой хранится мое лучшее облачение вместе с париком; я частенько там обедаю просто из лени, как, например, сегодня; но при всем том я взял у мистера Льюиса письмо от маленьких *МД* № 15 (вы, замечаете, сударыни, я никогда не забываю указать номер) и прочитал его в кабинете, предоставленном в мое распоряжение миссис Ван, и обнаружил, что Стелла большая плутовка и письма писать мастерица, и почерк у нее красивый, если только рука не подведет и перо хорошее. Когда я возвратился сюда вечером, мне пришла на ум превосходная мысль — пойти искупаться, после того как я немного остыну; ведь дом, в котором я здесь живу, стоит у самой реки; и вот в одиннадцать часов я спустился к берегу в одном только халате и шлепанцах, но, поколебавшись немного, возвратился обратно; все же как-нибудь вечерком непременно отважусь.

31. Отправясь нынче утром по обыкновению своему пешком в Лондон, я так вспотел, что решил отказаться от прогулок, пока не спадет этот невыносимый зной. Забавно, что именно сейчас, когда стоит такая жара, споспешествующая созреванию фруктов, тут пронесся небывалый ураган, и надежды, что нам удастся ими полакомиться, почти не осталось. Обедал с лордом Шелберном; леди Керри и миссис Пратт собираются в Ирландию. Вечером я пошел к лорду-казначею и просидел с ним около двух часов в довольно пестрой компании; потом он оставил нас и отправился ко двору, захватив с собой два жезла, так что у нас, как я предполагаю, появится завтра либо новый лорд-камергер, либо смотритель придворных служб; благодаря этой случайности я разгадал

государственную тайну. На ваше письмо, сударыни, я пока не собираюсь отвечать; нет, нет, не собираюсь, мадам.

1 июня. Желаю вам веселого июня Я опять нынче обедал у Ван с сэром Эндрю Фаунтейном. Каждый раз я потчую их бутылкой флорентийского, которое начало портиться; оно, правда, уже кончается. Днем я отправился к миссис Ведо и взял у нее бумаги мадам Дингли. Миссис Ведо сказала, что она отправила вексель еще две недели тому назад. Бумаги я передам Бену Туку, а вы на досуге дошлете ему письмо стряпчего, вложив его в письмо, к Престо. Да, знаете ли, я теперь считаю, что ваша макрель ничуть не хуже нашей, хотя прежде был другого мнения. Насчет двух жезлов я, как видно, ошибся, потому что ни о каких новых назначениях сегодня не объявляли. Это письмо, я полагаю, еще застанет вас в Дублине или в Доннибруке, или же проигрывающими свои денежки у миссис Уоллс (как она поживает?).

2. Я забыл сделать запись за этот день и могу лишь сказать, что обедал в Сити.

3. По воскресеньям здесь не сыщешь ни одной лодки, никогда, так что мне пришлось прогуляться пешком, и к тому времени, как я добрался до квартиры Форда, стало так жарко, что я едва передвигал ноги; погода, мне кажется, просто взбесилась. Я был не в силах пойти в церковь. Пообедал я, как обычно, с секретарем, и с нами был еще престарелый полковник Грэм[527], который жил в Бэгшот-Хит; помните, там есть дом, который так и называют: «дом полковника Грэма». Тьфу, а вот я прекрасно это помню; ведь я не раз, бывало, ради моциона отправлялся пешком из Мур-парка в Лондон. Что? а вот вы, готов поручиться, ни этого, ни «Золотого фермера»[528] не помните; у вас, сударыня, на уме только *прыг да дрыг*.

4. Любопытно, когда мы должны отвечать на одно письмецо, на этот № 15 от наших маленьких *МД*? Жара, и лень, и сэр Эндрю Фаунтейн опять вынудили меня сегодня пообедать у миссис Ван; право слово, эта погода невыносима; а как там у вас? Леди Бетти Батлер и леди Эшбернхем просидели сегодня со мной часа два или три в моем кабинете у миссис Ван. Они очень славные девочки, и, если леди Бетти поедет в Ирландию, вам следует непременно свести с ней знакомство. Как переносит эту жару Дингли? Стелла, я полагаю, не жалуется: ведь она любит жаркую погоду, С прошлой пятницы здесь не выпало ни капли дождя. И не отпирайтесь, негодница Стелла, мы знаем, что вы обожаете жаркую погоду, да, да, обожаете, в то время как Престо ее не выносит. Но в таком случае будьте хотя бы паинькой, и я буду вас любить, и любите друг друга и не

ссорьтесь.

5. Обедал в Сити и, вернувшись оттуда пораньше, навестил герцога Ормонда и господина секретаря. Они говорят, что лорд-казначей носит в кармане смертный приговор, подразумевая под ним список тех, кто будет смещен со своей должности, и мы со дня на день ожидаем этих перемен. Проходя сегодня мимо казначейства, я видел целые толпы, дожидавшиеся появления лорда-казначея, чтобы вручить ему прошения. Он достиг сейчас вершины власти и почета, но пока еще не устраивает levee. Из-за этой жары я погибаю от жажды. — А сейчас в эту самую минуту я иду купаться, я взял с собой Патрика, чтобы он держал мой халат, рубаху и шлепанцы, и одолжил у хозяйки салфетку вместо колпака. — Так что прощайте, пока я не возвращусь; но вам не следует тревожиться, потому что ничего опасного тут нет. — Я плавал полчаса подряд и даже больше и перед тем, как выходить, нырнул, чтобы смочить голову и волосы, как в холодной ванне, но при этом у меня с головы свалилась салфетка, и я не мог ее найти, так что мне придется теперь за нее уплатить. Поверите ли, камни на дне здесь такие острые, что, выходя из воды, я едва мог на них наступать. И все же это было прекрасное купание, и вода была теплая. А теперь я уже в постели и собираюсь заснуть.

6. Утро. Это письмо будет отправлено завтра, так что я еще успею ответить на ваше вечером, когда возвращусь домой. Вчерашнее купание нисколько мне не повредило. Я лежал, укрывшись только одной простыней и высунув ноги наружу. А сейчас мне надобно встать и отправиться в Лондон до того, как начнется прилив, потому что вода будет прибывать мне навстречу. Доброго утра, сударыни, дорогие мои сударыни, доброго вам утра. — Вечером. За всю свою жизнь я не припомню такого жаркого дня, как сегодня. Обедал я с леди Бетти Джермейн, и там был также молодой граф Беркли со своей благородной супругой. Я никогда ее прежде не видел и вовсе не нахожу ее такой уж красавицей, как об этом повсюду твердят. — После обеда мистер Берти[529] не позволил мне положить в вино лед, сказав, что у лорда Дорчестера[530] начался от этого кровавый понос, хуже которого ничего на свете не бывает. Вот какие у нас случаются напасти, да-с, вот какие у нас случаются напасти; и тем не менее, я нынешним летом проделывал это по меньшей мере раз пять или шесть, и от этого мне было только еще жарче и еще больше хотелось пить. Ничто так не выводит меня из себя, как жара. После обеда леди Беркли нахлобучила мою шляпу на голову другой дамы, а та, расшалившись, взяла и выбросила мою шляпу в окошко. Я не обращал внимания на их забавы,

но через несколько минут они подозвали меня к окну и, что вы думаете, я увидел леди Картерет, которая махала мне моей шляпой из своего окна, а живет она в пятом доме отсюда, так что мне пришлось отправиться к ней с визитом, и я застал там престарелую леди Уэймут и еще несколько старых ведьм в придачу. Потом я навестил лорда Пемброка, с которым пил кофе и сочинил пару каламбуров; хотел пойти еще к лорду-казначею, но было слишком поздно и кроме того, я уже наполовину изжарился и притом изжарился без масла, потому что никогда не потею после обеда, если выпью вина. Потом я посидел часок за чаем с леди Бетти Батлер и с каждой минутой чувствовал от всего выпитого еще большую жажду; потом пошел пешком домой и добрался лишь к десяти часам, настолько измученный жарой, что впал в совершеннейшее неистовство, какого никогда в жизни не испытывал при самом величайшем оскорблении или с досады; потом я посидел часок, ожидая, пока не высохну и не остыну настолько, чтобы можно было пойти искупаться, что я и сделал, но так при этом выходил из себя, что уже готов был все бросить и уйти, потому что меня то и дело беспокоили лодки, будь они неладны, а этот щенок Патрик, стоя на берегу, позволял им подплыть на расстояние одного-двух ярдов и лишь тогда трусливо их окликал. Так что единственной моей услады в эту жару и той я теперь лишился, потому что после наступления темноты с этими лодками шутки плохи: в прошлую ночь их не было ни одной. Я нырнул, желая намочить голову, но на этот раз придерживал колпак обеими руками, чтобы не потерять. — Чахотка на эти лодки! Аминь. Сейчас уже около двенадцати, так что на ваше письмо я примусь отвечать (вот как раз бьют полночь) завтра утром.

7. Утро. Ну что ж, позвольте нам теперь ответить на письмо *МД* № 15, 15, 15, 15. Ну как, назвал я вам теперь номер? 15, 15. Скажите на милость, разве это не бесстыдство начинать свое письмо бранью, даже не успев спросить: как вы поживаете, мистер Престо? — Вот оно, ваше воспитание. Куда делось ваше умение вести себя с джентльменом, а, болтунья? Убирайтесь отсюда обе, негодницы! — Нет, я никогда теперь не сижу допоздна, но эта ужасная жара доведет меня до того, что я, чего доброго, съем или выпью что-нибудь такое, что мне повредит. Пожалуй, отважусь съесть несколько ягод клубники. — Вот как! Оказывается вам в Ирландии уже известно, что мистер Сент-Джон говорил в парламенте?[531] Вашим вигам порядком досталось, потому что теперь и он решительно настаивает на том, чтобы всех их сместить. — По-прежнему ли вы потакаете своей порочной наклонности к понюшке? Надеюсь, что вам от табака, как вы уверяете, ни вреда, ни пользы; я, однако же, воздерживаюсь от него, и если

кто-нибудь предлагает мне свою табакерку, я беру щепоть вдесятеро меньшую, чем бывало прежде, понюхаю ее самую малость, а потом незаметно выброшу. Я все еще, как вы изволите выражаться, верен своей привычке, но употребляю табак много меньше прежнего, только по утрам и вечерам, а днем очень редко. — Что касается Джо, то я усердно хлопотал о его деле перед лордом-наместником, по указанию которого вручил памятку о нем мистеру Саутуэлу, которого я точно так же об этом просил. Большего я сделать не в силах, даже если бы он доводился мне братом. Ему следует теперь самому обратиться к Саутуэлу. А Раймонду скажите, чтобы он, если Прайс из Голвэя[532] приедет в Дублин, велел ему явиться к мистеру Саутуэлу в качестве рекомендованного мной на место одного из капелланов герцога, и это все, что мне удалось для него сделать; необходимо также, чтобы его представили герцогу и чтобы он добился расположения герцога; пусть по возможности отирается поблизости, да постарается найти какую-нибудь вакансию и своевременно о ней похлопочет. О распре по поводу избрания вашего мэра я наслышан, как уже говорил вам, от архиепископа Дублинского. Значит, Раймонд приехал только 18 мая? Вы говорите, он рассказывает обо мне много занятного? Врет, без сомнения. Признаюсь, я обошелся с ним довольно холодно: мы ни разу вместе не пообедали, не погуляли и не побывали где-нибудь в гостях; он только иногда приходил ко мне на квартиру, да и то ему чаще отказывали, нежели принимали. — Что за странный вексель Раймонда вы мне прислали? Вексель на некоего Мюри из Честера, и при этом единственным ручательством служит не только честность Раймонда, но еще и его благоразумие, между тем он последний человек, на которого я бы полагался в денежных делах. С какой стати сэр Александр Кэрнс[533] в Лондоне обязан оплачивать мне вексель, выписанный бог весть кем на имя Мюри из Честера. У Кэрнса мне сказали, что они таких вещей не делают; кроме того, я справлялся у моих друзей негоциантов и узнал, что вексель должен быть сначала отправлен этому Мюри и акцептован им и потом прислан обратно, а уж тогда Кэрнс может либо принять его к оплате, либо отказать, как ему заблагорассудится. Я отдал поэтому вексель сэру Томасу Фрэнкленду, а он отправил его в Честер и велел тамошнему почтмейстеру позаботиться, чтобы вексель был акцептован, а потом прислан сюда обратно, и через день-другой я получу ответ, так что это письмо придется задержать на день-два дольше, чем я намеревался, чтобы посмотреть, что мне ответят. Раймонду следовало бы тем временем написать Мюри, чтобы тот попросил сэра Александра Кэрнса оплатить ему вексель, если он будет

здесь получен. А клерки Кэрнса (его самого не было дома) сказали, что никаких распоряжений на этот счет они не получали и не могут ничего сделать, они посоветовали мне послать вексель Мюри. — Сегодня уже шесть недель, как я переехал в Челси, а вы только теперь об этом узнали. Итак, декан ….. считает, что «Всякую всячину» сочиняю я. Холера ему в бок! Его проницательность стоит его честности. Стало быть, вы еще не видели «Разные сочинения…» Отчего же? Книга стоит четыре шиллинга, неужели никто не привозил ее в Ирландию? — Нет, Мэнли, я полагаю, не лишится своего места, потому что его приятелю в Англии[534] не только не грозит смещение с должности, но со времени принятия почтового закона[535] он даже получил новый патент; брат Мэнли Джек тоже стоит за него горой, да и я не упускал случая замолвить за него словечко перед Саутуэлом, который, судя по всему, очень к нему расположен. Но вообще здешние ирландцы ужасно против него ожесточены. Кроме того, ему надобно принять в соображение, что если бы он был смещен, то лишился бы возможности посылать Стелле вино. А он, видите, чрезвычайно любезен и посылает вам дюжину бутылок вина зараз, а вы выиграли восемь шиллингов *зараз*; а сколько же вы проиграли? Нет, нет, никому ни звука об этом, обещаю вам. — Отчего это наша Стелла такой безжалостный писака, что почти совсем не оставила местечка для Дингли. Если у вас такое же лето, как здесь, то я убежден, что уэксфордские воды в такое время года будут особенно полезны. Я что-то запамятовал, какая погода была у нас 6-го мая; загляните-ка в мой дневник. 24 и 25 у нас был ужасный ливень, и с тех пор ни одной капли. Как же, как же, я хорошо помню Берфордский мост[536], когда едешь по нему, карета то ныряет вниз, то взлетает вверх, точь-в-точь как в Хокли-ин-де-холл[537]. Свои недуги, равно как и здоровье, я никогда не приписывал хорошей или скверной погоде; я объяснял это тем, что мало гулял, или скверным воздухом, или какой-нибудь съеденной пищей, или непосильным трудом, или тем, что поздно ложился спать, а посему старался по возможности всего этого избегать; но какой дьявол может что-нибудь поделать с погодой? Генерал Уилл Сеймур, изнемогая как-то от жары под отвесными лучами солнца, обратился к нему со следующими словами: «Послушай, приятель, чем вот так мучить меня, ты бы лучше помог созреванию огурцов». Когда он как-то в другой раз роптал на жару, стоявший рядом джентльмен заметил: «Погода, сэр, стоит такая, какая угодна господу»; на что Сеймур ответствовал: «Весьма возможно, однако я убежден, что она угодна только ему одному». Отчего ж, мадам Дингли, дело с первинами завершено.

Саутуэл сказал мне, что они справлялись об этом у лорда-казначея, и он им ответил, что все уже решено и притом давным-давно. Я поведаю вам сейчас одну тайну, о которой вам следует помалкивать: герцогу Ормонду велено упомянуть о том, что они дарованы, в речи, которую ему предстоит произнести в вашем парламенте, а я настоятельно прошу вас сказать при случае, что лорд-казначей Гарли сделал это еще много месяцев тому назад, задолго до того, как герцога назначили лордом-наместником. И при всем том для меня решительно невозможно сейчас возвратиться, так что поезжайте себе в Уэксфорд и сделайте все, чтобы Стелла поправилась. — Да, да, я стараюсь не гулять поздно, это случилось только один раз, и притом мне встречаются по дороге по меньшей мере человек пятьсот. — Тиздал — щенок, но я, так и быть, извиню его на те полчаса, пока он будет со мной говорить. Что касается «Экзаминера», то до меня дошел слух, что после сегодняшнего номера, в котором говорится о решениях, принятых во время нынешней сессии парламента, вы едва ли найдете, что он так же хорош, как прежде. Я предсказываю, что впредь это будет дрянь, и мне показалось, что в сегодняшнем «Экзаминере» автор словно бы дает понять, что сочинять его больше не намерен[538]. Проследите, будет ли эта перемена замечена в Дублине, просто из любопытства и только. Ну, сделайте по этому поводу гримаску. Относительно дела миссис Ведо я уже ответил, и надеюсь, что вексель не затерялся. Доброго утра. Удушающая жара, и все-таки мне надобно встать и отправиться в Лондон между огнем и водой. Доброго вам утра, плутовки, доброго утра. — Вечером. Обедал с губернатором Ямайки полковником Кроу и вашим приятелем Стерном, которого представил брату лорда-казначея[539]; я передал ему прошение Стерна и постарался расположить его в пользу последнего. Во время обеда разразился, наконец, буйный продолжительный ливень, самый благодатный за всю мою жизнь. Гром громыхал по меньшей мере раз пятьдесят, и сразу стало так прохладно, что тело снова в состоянии жить, и я с приятностью прогулялся ночью домой пешком и притом почти посуху. Вечером пошел к лорду-казначею и просидел с ним два часа; мы были в прекрасном настроении; он все старался меня поддеть и раз пятьдесят назвал доктором Томасом Свифтом, что он, как я уже вам говорил, имеет обыкновение делать, когда хочет меня побесить. Сэр Томас Фрэнкленд передал мне сегодня письмо от Мюри, который акцептовал этот злополучный вексель, и я уже счел, что все в порядке, и только из письма Парвисола мне стало известно, что там все же имеются некоторые затруднения. — Джо тоже написал мне; ему следовало бы поблагодарить

меня за то, что я для него сделал; он просит написать епископу Клогерскому, чтобы Том Эш не препятствовал его отцу получить должность помощника мэра. Я уже несколько раз писал и передавал Джо, что не имею ни малейшей охоты обременять себя заботами относительно дел в Триме. Дай бог им сохранить свои вольности, однако они их не заслуживают; так и передайте Джо или напишите ему. Этот дождь осчастливил меня до чрезвычайности, просто мочи никакой не было, но теперь я снова ожил. Это письмо должно быть отправлено только в субботу, и возможно, что завтра я на два-три дня уеду отсюда с лордом Шелберном и леди Керри; она выразила такое желание в присланной мне записке, но подробнее я узнаю завтра. — О этот драгоценный дождь! Как не благословлять его! Я словно вновь на свет родился — никогда еще не испытывал такого чувства. Он лил с трех до пяти, крупный, тяжелый, пополам с градом, и ревел, словно в рог трубил.

8. Утро. Я собираюсь сейчас в Лондон и, если отправлюсь за город с леди Керри и лордом Шелберном, то перед отъездом закончу это письмо, так что доброго утра, и расстанемся на часок-другой. — Лондон. Я встретил Кэрнса, который, как я полагаю, выплатит мне деньги, хотя он говорит, что сначала я должен прислать ему вексель; я постараюсь, чтобы это было сделано в мое отсутствие. Прощайте.

Письмо XXV

Челси, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20 июня.

Все это время я провел в Уикомбе, между Оксфордом и Лондоном, с лордом Шелберном, дом которого находится на окраине города, и там же в восхитительной местности расположены его владения. С нами были также леди Керри и миссис Пратт, и мы довольно приятно провели время. Я там совершенно отвлекся от размышлений об общественных делах и всего прочего, за исключением *МД*, имевших наглость прислать мне туда письмо, но я буду отомщен: я на него отвечу. Возвратился оттуда вместе с леди Керри сегодня, 20-го, после обеда, вышел из экипажа на углу Гайд-парка и немного там погулял; мы проехали двадцать семь миль, и это заняло около пяти часов.

21. В полдень я пошел повидать господина секретаря в его канцелярии и застал там лорда-казначея, так что я сразу убил двух зайцев; мы были очень рады увидеться, и все такое прочее. Секретарь и я пообедали у сэра Уильяма Уиндхема[540], который женат на хорошо известной вам, как я полагаю, Кэтрин Сеймур. За обедом нас было десять человек. В мое отсутствие они, оказывается, учредили клуб[541] и сделали меня одним из его членов; сегодня мы установили правила клуба, которые я должен к следующему нашему собранию несколько дополнить и получше изложить. Собрания клуба будут происходить каждый четверг, и нас будет всего только двенадцать человек. Предлагали также ввести лорда-хранителя печати и лорда-казначея, но я и господин секретарь этому воспротивились, хотя их сыновья состоят в нашем клубе, а посему их не ввели; однако же мы намерены включить герцога Шрусбери. Цель нашего клуба — споспешествовать беседе и дружеству и вознаграждать заслуживающих того лиц нашим участием и рекомендациями. Мы принимаем только людей остроумных и занимательных и если продолжим так же, как начали, то ни один клуб в Лондоне не будет заслуживать даже упоминания. Сэр Робер Раймонд, поверенный по делам казны, тоже один из членов нашего клуба, и я уговорил его без промедления написать вашему лорду-канцлеру и похлопотать за доктора Раймонда; передайте это Раймонду, если увидите его. Впрочем, это письмо, я полагаю, застанет вас уже в Уэксфорде, оно придет через три недели после предыдущего, поскольку одна неделя была пропущена; но это произошло из-за того, что меня не было в Аондоне. Ничего страшного, я думаю, в этом нет, потому что оно будет вложено в

письмо, адресованное мистеру Ридингу[542], а почему, скажите на милость, он должен знать, как часто Престо пишет *МД*? — Вечер я провел с леди Бетти Батлер и леди Эшбернхем, а потом в одиннадцатом часу, когда стало прохладно, славно прогулялся домой. Вот уже две недели, как у нас нет чрезмерной жары, и даже временами идут изрядные дожди, так что тело может жить и дышать. Надеюсь, что такая погода продержится. Сегодня мы ели персики.

22. В город я нынче пришел поздно и пообедал с моим другом Льюисом. Мне встретился Уильям Конгрив, которому велено было явиться в казначейство вместе с его собратьями — комиссионерами по винным откупам. Я нередко упоминал его с приязнью лорду-казначею, и Конгрив сказал мне, что после того, как они отчитались по поводу дела, ради которого за ними посылали, милорд отозвал его в сторонку и говорил с ним с большой учтивостью, обещая свое покровительство. Бедняга сказал, что он был крайне изумлен добротой милорда, — в последние годы с ним так худо обращались, и просил меня сказать это милорду, что я и сделал нынче вечером и от всего сердца рекомендовал его. Милорд заверил меня, что он весьма почитал Конгрива и будет всегда к нему расположен и посему постарался рассеять его тревогу и неуверенность, так как знал, что ходят слухи, будто бы он намеревается сместить всех и, в частности, Конгрива[543]; и это правда: бедняга говорил мне, что он этого побаивался. Расставшись с лордом-казначеем, я повидал Конгрива, поскольку знал, где он обедает, и рассказал ему о моем разговоре с милордом; так что я совершенно успокоил этого достойного человека, — вот доброе дело, совершенное мной сегодня. Я предлагаю милорду учредить общество, или академию для исправления и упорядочения нашего языка, чтобы он не менялся непрестанно, как это у нас происходит. Он чрезвычайно этим заинтересовался, точно так же как и декан Карлайла, и я намерен изложить свои предложения на сей счет в виде письма[544] лорду-казначею и опубликовать его. Милорд отнесся к моему намерению одобрительно. Вчерашний «Экзаминер» был из рук вон плох, а на прошлой неделе — весьма посредствен, хотя кое-какие проблески прежнего духа в нем все же проглядывали, словно кто-то ему подсказывал; однако вчерашний — это жалкая пачкотня, совершенно очевидно, что рука переменилась.

23. Я не был сегодня в Лондоне, потому что вместе с доктором Гастрелом[545] был приглашен на обед к моему соседу — декану Карлайла. Так что я понятия не имею о том, что происходит на свете, одним словом, обычный сельский житель. Не стыдно ли вам обеим отправляться на лоно

природы тогда же, когда и я, и оставаться там десять дней, точно так же, как и я, обезьянки вы эдакие? Но я ни разу не ездил верхом, ведь я не держу лошадей, а наша карета была неисправна, так что мы поехали и вернулись в наемной. Оставите ли вы за собой свою квартиру, отправляясь в Уэксфорд? Полагаю, что да, ведь едва ли вы пробудете там больше двух месяцев. Нынче вечером я гулял в окрестностях нашего городка, и, должен признаться, это довольно гнусное место для прогулок. Я подумываю о том, чтобы покинуть Челси и возвратиться в Лондон, поскольку все ирландцы изволили уже отбыть восвояси. Форд уезжает через три дня. А чем развлекается Дингли, в то время как Стелла ездит верхом? Трудится или читает, или гуляет? Читает ли когда-нибудь Дингли вам, Стелла? Брали ли вы с собой в деревню хоть какую-нибудь книгу? Или вы все это оставили дома? Признайтесь! Ну что ж, мне пора в постель, уже двенадцатый час, а я теперь укладываюсь спать рано; нынче вечером я ничего и никому, кроме *МД*, не писал.

24. Стрэтфорд, я и пасторальный Филипс, только что возвратившийся из Дании[546], обедали нынче у Форда, который уже заплатил за дорогу и во вторник уезжает в Ирландию. Граф Питерборо возвратился из Вены один, без единого слуги, он их всех растерял в разных немецких городах. Четыре дня тому назад я получил от него письмо из Ганновера, в котором он просил меня немедленно ответить ему в его дом в Парсонс-Грин, в пяти милях отсюда. Я никак не мог взять в толк, что это за причуда, пока не узнал, что он уже приехал. Он отправил письмо с нарочным, а сам прибыл в Англию раньше, обогнав его. Уже за пятьдесят человеку, а он все такой же неугомонный, впору двадцатипятилетнему. Я его еще не видал, и не знаю, когда увижу и где его искать.

25. Бедный герцог Шрусбери был очень болен лихорадкой, и мы все чрезвычайно за него тревожились. Благодарение господу, теперь ему лучше. Обедал я с леди Эшбернхем, а самого милорда не было дома. Она очень славная девочка и всегда была моей любимицей. Стерн говорит, что он попросил приятеля разыскать вашу посылку в Честере и взять ее с собой. Боюсь, что ему откажут в казначействе, потому что его ходатайство поступило туда прежде, нежели о нем похлопотали. Сам я тоже намеревался замолвить за него словечко, но только в поддержку других; что же карается до всех его друзей, то они ничем ему не помогли. Однако ради вас я сделаю для него все, что в моих силах, и завтра с этой целью повидаюсь с секретарем казначейства.

26. Сегодня за обедом у лорда-казначея собралась большая компания. Прайор никогда своего не упустит: он куда более ловкий придворный,

нежели я, и мы со дня на день ожидаем, что он будет назначен комиссионером по таможенным пошлинам. Говорят, что в непродолжительном времени еще множество должностных лиц будет смещено со своих постов. Лорда-казначея порицают за медлительность в этом деле, однако, думается мне, он мешкает неспроста. Моего соседа Эттербери все еще кормят обещаниями, хотя место декана Крайстчерч-колледжа вот уже шесть месяцев как пустует, и Эттербери, конечно, весьма этим раздражен. Вы сейчас, я думаю, готовитесь к поездке в Уэксфорд, и бедняжка Дингли вся в заботах и волнениях и то и дело бранится. Как долго вы там пробудете? Окажусь ли я в Дублине до вашего возвращения? Не падайте и не ушибайтесь, и не переверните карету. Любите друг друга, будьте примерными девочками и пейте за здоровье Престо воды, мадам Стелла, и добрый эль, мадам Дингли.

27. Секретарь взял с меня слово, что я приду к нему сегодня на обед, нам предстояло обсудить с ним множество всяких дел, но вместо этого он явился только к четырем и привел с собой Прайора, совсем забыв о нашем уговоре, и мы так с ним ничего и не сделали. Я оставил его в восемь и, зайдя к миссис Ваномри, чтобы переодеться, застал там сэра Эндрю Фаунтейна за ломбером с леди Эшбернхем и леди Фридерикой Шомберг, а леди Мери Шомберг[547] и леди Бетти Батлер и прочих за беседой; это напомнило мне, как бывало декан, Стойты, Уоллсы и Стелла сидели за картами, а мы с Дингли наблюдали за их игрой. Я, как последний олух, проторчал там до десяти. Леди Эшбернхем чем-то напоминает Стеллу, поэтому я помогал ей и желал хороших карт. Уже поздно.

28. Так-с, однако мне уже пора ответить на письмо от наших *МД*. Приближается суббота, а я еще не исписал даже эту страницу. Престо, право же, стал изрядным лентяем, но через неделю Престо переедет в Лондон: так велел господин секретарь, и после этого мы с ним, по-видимому, отправимся на несколько дней в Виндзор, где у него будет досуг поразмыслить над одним делом, которым мы с ним теперь заняты. Сегодня наше Общество (его не следует называть клубом) обедало у господина секретаря; нас было только восемь человек, а остальные либо прислали свои извинения, либо находились в отъезде. Мы просидели до восьми и выработали устав нашего Общества, а потом я пошел попрощаться с леди Эшбернхем, которая завтра уезжает из города, как и многие мои знакомые, так что Лондон теперь очень опустел. Сам я намерен совершать нынешним летом только непродолжительные поездки и не стану надолго отлучаться из Лондона. Дни становятся все короче. На фрукты нынче рассчитывать не приходится из-за урагана. Ваш герцог Ормонд все еще в Честере, и,

возможно, что это письмо прибудет к вам одновременно с ним. Дело Стерна потерпело полную неудачу; в казначействе настаивают на том, чтобы оно было направлено обратно в Ирландию и рассмотрено местными таможенными чиновниками, и я, при всем своем влиянии, ничего не мог изменить, хотя чуть было не рассорился с секретарем казначейства, который доводится двоюродным братом лорду-казначею и мой добрый друг. Похоже, все шаги, которые он предпринимал до сих пор, были ошибочными; так, по крайней мере, говорят, что в сущности одно и то же. Я от души об этом сожалею и держусь мнения, что они неправы и обошлись с ним очень уж сурово, но ничего больше поделать не могу.

29. Стиль имел наглость написать мне, чтобы я уговорил лорда-казначея сохранить должность за одним из его приятелей; я, кажется, уже рассказывал вам, как они с Аддисоном удружили мне за все услуги, оказанные мной Стилю, и что я обещал лорду-казначею никогда больше не заступаться ни за одного из них. Обедал вместе с сэром Эндрю Фаунтейном у миссис Ваномри. Дилли Эш эти две недели был в Лондоне, я дважды видел его; он провел четыре дня в поместье лорда Пемброка, состязаясь с ним в сочинении каламбуров. Его физиономия в полнейшем порядке. Нынче вечером я провел два или три часа у лорда-казначея, который раз двадцать именовал меня доктором Томасом Свифтом: это его способ дразнить меня. Я оставил его в девять и к десяти добрался домой, как подобает джентльмену, а на ваше маленькое письмо, плутовки, отвечу завтра утром.

30. Утро. По утрам я чувствую всегда ужасную сонливость. Не иначе, как вечерние прогулки очень располагают меня ко сну. Поверите ли, бьет восемь, а я только-только проснулся. Патрик будит меня по пять-шесть раз, но у меня всегда наготове оправдания, и, хотя я еще наполовину сплю, я уверяю его, что поздно лег и плохо спал ночью, и это почти всегда враки. А теперь я кладу перед собой маленькое письмецо *МД* № 16, да-да, я не перепутал — № 16, ни больше и ни меньше. Дингли говорит: «В этом письме будет не больше шести строк», и я испугался, приняв ее слова всерьез, хотя и видел, что лист исписан с обеих сторон. Епископ Клогерский сообщил мне, что вы уезжали в деревню и что у вас, как он слыхал, все в порядке. От души рад слышать, что *МД* знай себе ездит, ездит и ездит верхом. Жаркая погода держалась у нас в мае, а весь этот месяц было довольно терпимо, но тогда стояла такая жара, что я не в силах был это переносить; не было такой минуты, когда бы я не чувствовал себя несчастным, я по любому поводу раздражался и выходил из себя. Если бы мне довелось очутиться в очень жаркой стране, это, я полагаю, просто

довело бы меня до бешенства. — С головой у меня по-прежнему обстоит вполне сносно, и я объясняю это прогулками. Ест ли Стелла фрукты? Я ем понемногу, но потом всегда раскаиваюсь и вознамерился отказаться от них совсем. Нет, в очень жаркую погоду я обычно добираюсь в город водою, но обратно всегда иду пешком, потому что к тому времени солнце уже садится. Стало быть, миссис Проби отправляется вместе с вами в Уэксфорд, и она восхитительная спутница; вы теперь знаетесь с такими людьми, что, пожалуй, станете чертовски умными. Подумать только — миссис Тейлор[548] и миссис Проби; смотрите, как бы вам от них не заразиться! Мои двести фунтов будут все же мне, я полагаю, выплачены, но этот сэр Александр Кэрнс очень уж дотошный малый: я передал вексель мистеру Стрэтфорду, который должен получить деньги. Так, а теперь, мадам Стелла, о чем вы говорите? Что вы каждый день ездите верхом? Мне это уже известно, плутовка, и если вы будете ездить ежедневно круглый год, вы будете себя чувствовать все лучше и лучше. Надеюсь, у Парвисола не хватит бесстыдства заставить вас битый час дожидаться денег: ради бога, дайте мне знать и я его изпарвисолю. О господи, как мы торопимся; Стелла не может писать и писать без передышки, ей надобно погарцевать верхом на палочке, и притом сию минуту! Хорошо, но ведь пока еще лошадей не подвели к дверям; конюх никак не может найти уздечку, и ваше стремя сломалось. — Дингли, куда вы засунули хлысты? — Маргрет, долго вы еще будете искать ленты, которыми миссис Джонсон подвязывает платье? — Подайте мне мою газовую вуаль! — Выпейте глоточек перед тем, как ехать. — Так, так, галопом, галопом, сидите крепко в седле, плутовочка, и осторожнее скачите по камням. — Ну вот, теперь, когда Стелла уехала, скажите-ка мне, Дингли, хорошая ли она девочка, и какие-такие новости вы хотели мне рассказать? — Нет, я все же думаю, что посылка не потерялась; Стерн, во всяком случае, утверждает, что нет. — Я держусь мнения, что вам следует поехать в Уэксфорд, не дожидаясь герцога Ормонда, если только у вас нет еще какой-нибудь причины задержаться; уж на это, надеюсь, у вас хватит благоразумия. — Говорю вам, что это ваше шестнадцатое письмо; неужели вы никогда не будете довольны? Нет, нет, я больше не буду гулять допоздна; уж кому-кому, а мне-то не следует рисковать, и мне уже об этом говорили[549], к тому же в следующий четверг я переселяюсь в Лондон. Прошу вас, миссис Дингли, по возвращении из Уэксфорда отправить письмо стряпчего мистеру Бенджамину Туку, книготорговцу в Лондоне, адресовав его мне, а уж он уладит ваше дело. Ваши бумаги в надежном месте в Лондоне. — О, мадам

Стелла, с благополучным вас возвращением; приятная ли была прогулка? Споткнулась ли ваша лошадь? Часто ли грум спешивался, чтобы поправить вам стремя? Проехали девять миль? и, конечно, все галопом? Что ж, прекрасно, но где же обещанная мне славная вещица? Ведь я вел себя, как пай-мальчик; пожалуйста, можете спросить у Дингли. Вам, я полагаю, просто не встретился торговец славными вещицами; ох, право же, вы обманщица! Значит, вы повидаетесь в Триме с Раймондом и его благоверной. Поверьте, эти ваши поездки в Ларакор исторгают у меня невольные вздохи, точно так же, как и у вас. Все дни, проведенные мной здесь, — мерзость в сравнении с теми. Врагов я наживаю себе дюжинами, а друзей — единицами, что противоречит правилам благоразумия, ведь не зря говорят, что один враг может принести больше вреда, чем десять друзей содеять добра. Но, во всяком случае, если я не добился ничего другого, то, по крайней мере, расквитался. А далее предоставим решать судьбе. — Ну вот, теперь я считаю, что ответил на ваше письмо; а мое будет короче обычного, потому что оно непременно должно быть сегодня отправлено. В последние несколько дней у нас то и дело принимался накрапывать дождь, и, тем не менее, он лишь чуть-чуть прибил пыль. — У нас в Челси состоялись спектакли, и Патрик удостоил один из них своим присутствием, м-да-с. А на днях, когда он в который раз напился, его нещадно поколотили; он подрался со своим собратом-лакеем, и тот волочил его рожей по земле, да так, что даже через неделю у него был такой вид, будто он заболел проказой, и я с немалым удовольствием им любовался. Я бы уже десять раз спровадил его к вам, но беда в том, что у него теперь новая ливрея и шляпа, отделанная тесьмой, которую шляпник принес по его приказу, и Патрик предложил мне заплатить за эту тесьму в счет его жалования. — Обедать буду нынче вместе с Дилли у сэра Эндрю Фаунтейна, купившего новый дом, который ему через полгода надоест. А сейчас мне надобно встать, побриться и прогуляться пешком в город, если только я не надумаю поехать с деканом в его карете в двенадцать часов, хотя это слишком поздно. Я все еще не повидал лорда Питерборо. Герцог Шрусбери почти выздоровел и через день-два станет выходить, но какая вам о том забота. Так уж теперь повелось, что дела моих друзей вас не заботят! Прощайте, драгоценнейшие мои существа и услада; я люблю вас больше, чем когда бы то ни было, если это только возможно, клянусь надеждой на спасение; люблю и буду любить вечно. Да благословит вас господь всемогущий и пошлет нам счастье быть вместе; я молю об этом дважды на дню и уповаю, что господь услышит мои смиренные сердечные молитвы. Помните, что если со мной обойдутся так же скверно и

неблагодарно, как обошлись прежде, то я к этому готов и не буду удивляться. Да, сейчас мне завидуют, считая, что я в большом фаворе, каждый день множество важных персон пристают ко мне, чтобы я за них похлопотал, и министры со мной чрезвычайно учтивы, а все, кто их окружает, уверяют, что они меня любят, — и все-таки я ни на что не могу, да и не хочу рассчитывать, кроме как на любовь и доброту *МД*. — Я им полезен, они это прекрасно понимают и говорят, что никого так не боялись, как меня, и посему решили непременно меня заполучить; они уже не раз в этом признавались, но меня это не трогает. — Чума забери все эти размышления! Они нагоняют на меня хандру, а я не рожден для этого недуга. Оставьте меня, наконец, одного, плутовки, и удовольствуйтесь тем, что я говорю: пока *МД* и Престо живы, им только и нужно, что немного достатка, побольше здоровья, да жить неприметно, вдали от злословья — вот и все, что нам нужно! Итак, прощайте, дражайшие *МД*; Стелла, Дингли и Престо должны быть всегда вместе, ныне и присно. Еще и еще раз прощайте.

Письмо XXVI

Челси, 30 июня 1711.

[*суббота*]

Посмотрите, какой большой лист бумаги мне пришлось взять для письма к *МД*, а все потому, что Патрик принес мне неразрезанную бумагу, но, право же, для следующего письма я воспользуюсь листом поменьше. Как я уже говорил вам, я обедал нынче вместе с Дилли у сэра Эндрю Фаунтейна, и мы отчаянно каламбурили и сочинили общее послание лорду Пемброку. Дилли точно такой же пустобрех, как всегда, и после столь долгого перерыва смотреть на него было довольно забавно. Мое двадцать пятое было отнесено на почту нынче вечером, а следующее (то, что я пишу сейчас) я думаю адресовать мистеру Карри с тем, чтобы он переслал его вам в Уэксфорд, а следующее после него я отправлю вложенным в письмо, адресованное Ридингу. Пришлите мне, пожалуйста, указания на сей счет. Я жажду получить от вас что-нибудь из Уэксфорда, и опишите, что это за место? Лондон опустел и становится очень скучным. Нынче вечером я получил письмо от пасторального поэта мистера Филипса с просьбой выхлопотать ему у лорда-казначея какую-нибудь должность. Почти все поэты-виги стали теперь моими просителями, и я был небесполезен Конгриву, Стилю и Гаррисону, но для Филипса ничего делать не стану; он, как я убеждаюсь, стал еще большим пустобрехом, чем когда бы то ни было, так что я не собираюсь за него ходатайствовать; да к тому же я не намерен беспокоить лорда-казначея, разве что по каким-нибудь чрезвычайным обстоятельствам.

1 июля. Дилли поселился очень удобно для меня: как раз по дороге, когда я по воскресеньям иду из Челси в город, направляясь обедать к секретарю, поэтому нынче утром я зашел к нему и, послав за своей сутаной, переоделся у него. Дилли получил письмо от епископа[550], который сообщает, что вы выехали в Уэксфорд в то самое утро, когда он писал это письмо, что происходило 26 июля, а письмо Дилли получил тридцатого. Это очень быстро. Епископ пишет, что вы собираетесь пробыть там месяца два или больше. Дилли получил также письмо от Тома Эша с целым ворохом ирландских новостей, что ваша леди Линден[551] преставилась и еще много другого, уж и не припомню чего, и что доктор Когилл[552] будто бы остался без своей шлюхи, и прочее. Секретарь уехал в Виндзор, поэтому я пообедал у миссис Ваномри. Лорд-казначей сейчас

тоже в Виндзоре; они будут все лето ездить взад-вперед, пока королева живет там. Лондон опустел, и я опасаюсь, что иной раз принужден буду поступаться своим достоинством и посылать за обедом в трактир. Ну что, сударыни, хорошо ли вы добрались до Уэксфорда? Пили ли вы по дороге эль? Не опрокинули ли вас? Много ли вещей вы забыли? Подстелили ли вам хоть соломки на новом месте? Как бог свят, следующее письмо Престо получит из Уэксфорда. С кем вы там водите компанию? И завели ли себе новых знакомых? Вы, конечно, должны постоянно писать миссис Уоллс и миссис Стоит? И, конечно, декан сказал: Неужели, Стелла, мы так ничего от вас не получим? — Отчего же, господин декан, мы возьмем на себя смелость побеспокоить вас своим письмом. — А в Уэксфорде, встречая какую-нибудь даму, вы, небось, спрашиваете: Хорошо ли вам пилась водичка нынче утром, мадам? Неужто и Дингли тоже пьет воды? Готов поручиться, что да, ради регулярного стула. Я полагаю, что все вы в Уэксфорде изрядные картежники; смотрите, сударыни, не проигрывайте свои денежки вдали от дома. Судя по всему, я через несколько дней поеду в Виндзор, по крайней мере так уверяет меня секретарь. У него там небольшой домик, в котором как раз будет достаточно места для него и для меня, и я не прочь время от времени проводить там несколько дней. А теперь, сударыни, позвольте мне лечь спать: ведь у нас в Челси уже за полночь.

2. Утром ко мне заходил Стерн, он сказал, что у него все же есть некоторые надежды добиться успеха в своем деле: он беседовал с Томом Гарли, секретарем казначейства, и заставил того чуточку усомниться в его правоте. Бедняга говорит, что в случае неудачи он будет почти разорен. Нынче же утром я навестил Уилла Конгрива; он большей частью живет один и для препровождения времени принужден читать, хотя не может обходиться без увеличительного стекла. Я отлично уладил его отношения с нынешними министрами и надеюсь, что ему теперь не грозит опасность лишиться места. Обедал я в Сити с доктором Фрейндом, но не в обществе моих приятелей купцов, а с одним щелкопером — орудием моих тайных козней, о котором я никогда вам не упоминал и не намерен упоминать. Ну, а чем сейчас заняты вы, две маленькие нахальные уэксфордианки? Небось, попиваете тамошние воды? Попиваете воды и совершаете променад. Молю бога, чтобы они пошли вам на пользу, если же нет, то, верьте слову, будущим летом вы поедете в Бат.

3. Лорд Питерборо изъявил желание повидать меня нынче в девять утра; мы еще не виделись с ним со времени его возвращения домой. Я застал у него миссис Мэнли, которая просит исхлопотать ей какую-нибудь

пенсию или вознаграждение за услуги, оказанные ею делу сочинением «Атлантиды», а также за гонения, коим она подвергалась[553], и прочее. Я поддержал ее ходатайство, и, надеюсь, они что-нибудь сделают для бедной женщины. Милорд продержал меня два часа, рассуждая о политике; он возвратился домой в крайне воинственном расположении духа; ему несомненно удалось многого добиться во время переговоров в Савойе и в Вене. Он ярый противник заключения мира и согласен с моим мнением, что министры по всей видимости готовы его подписать. Рассуждает он недурственно, но я, тем не менее, стою за мир. Я попрощался с леди Керри, которая завтра уезжает в Ирландию и увозит с собой хозяина дома — лорда Шелберна — и миссис Пратт. Вечер я провел нынче с лордом-казначеем; там находился и Том Гарли, который шепнул мне, что он стал сомневаться в своей правоте касательно дела Стерна. Я сказал, что он был неправ и что он в этом еще убедится. Лорд-казначей, у которого я просидел часа два или три, все посмеивался по поводу моего отказа принять его в наш клуб и сказал присутствовавшему при этом судье, что меня зовут Томас Свифт. У меня было намерение воспрепятствовать отправке в Испанию сэра Г. Белэзиса[554], самого алчного из всех мошенников, и я принялся высмеивать корыстолюбие, повернув разговор таким образом, что лорд-казначей догадался, к чему я клоню, и назвал Белэзиса. Тогда я сказал, что посылать такого проходимца позорно, и он согласился, но попросил меня назвать хоть кого-нибудь, кто понимал бы дело и при этом не любил деньги, потому что сам он найти таковых не мог. Я сказал, что его светлость, например, в этом отношении несколько отличается от других и что вообще-то не следует назначать человека епископом, если он не любит религию, или генералом того, кто не любит войну, и что я удивляюсь, почему королева назначила лордом-казначеем человека, равнодушного к деньгам. Он остался чрезвычайно доволен этими моими словами. Потом он завел речь о первинах в Англии, и, воспользовавшись случаем, я сказал ему, что и за тысячу фунтов не хотел бы, чтобы кто-нибудь другой, а не он, добился их отмены для Ирландии, поскольку именно он добился их отмены и в Англии. Он попросил меня принять в соображение, что тысяча фунтов — сумма немалая; я ответил, что хотел бы довести до его сведения, что я так же мало ценю тысячу фунтов, как он ценит миллион. — Ну, не глупо ли писать вам все это? Но вы все же получите некоторое представление, о чем мы беседуем при посторонних. Я снял квартиру на Саффолк-стрит и перееду туда в четверг, и намерен гулять в парке и по городу взамен моих прежних прогулок из Челси.

Впрочем, я все же буду совершать прогулки и сюда, навещая время от времени декана. Когда я уже почти добрался до дома, Патрик вдруг вспомнил, что у него есть для меня два письма, и передал их мне в темноте, но я все-таки сумел разобрать, что одно из них было от дерзких *МД*. Я зашел на полчаса навестить декана, а потом, возвратясь от него, сперва прочитал второе письмо, которое было от епископа Клогерского, сообщавшего мне о том, что архиепископ Дублинский упомянул в присутствии всего духовенства, что королева даровала первины. Он сказал также, что этого добился лорд-казначей, и много говорил о моих заслугах в этом деле. Однако же в вашем письме я не нашел об этом ни слова. Быть может, епископ выдумывает из желания доставить мне удовольствие? Обедал я у миссис Ваномри. Ну что ж, сударыни, вы, стало быть, укатили в Уэксфорд? Так я настигну вас там.

4. Стерн опять приходил ко мне нынче утром, чтобы посоветоваться, как ему составить памятные записки и получше обосновать свое прошение, и мы вместе с ним отправились в город водою, а так как делать мне было нечего, то я сначала прошмыгнул украдкой в Сити, к орудию моих тайных козней, а потом навестил бедняжку Пэтти Ролт, которая два последних месяца гостит в Лондоне у своей кузины. Она кое-как перебивается в одном из провинциальных городишек, стараясь расходовать как можно меньше, а когда сбегает оттуда, то лишь для того, чтобы переселиться в какое-нибудь еще более дешевое место или погостить месяц в Лондоне. Будь я богат, я облегчил бы ей существование, тем более что для этого потребовалось бы совсем немного. Несколько месяцев тому назад я послал ей гинею, что помогло ей заткнуть двадцать дыр. Она собирается теперь в Беркхемстед в Хартфордшире. Сегодня разразился проливной дождь с градом, а по временам и с громом. Это последняя ночь, которую я провожу в Челси. Я возвратился домой пораньше и провел два часа с деканом, и перекусил чем бог послал, потому что обедал нынче прескверно. На ваше письмо я отвечу, когда окончательно обоснуюсь в Лондоне, и тогда вы получите от меня славный лондонский ответ, но сперва я лягу спать, и мне будут сниться *МД*.

Лондон, 5 июля. Сегодня я навсегда простился с Челси[555], выражаясь высоким стилем, и обосновался на Саффолк-стрит. Обедал нынче в нашем Обществе, и мы решили прервать на месяц свои заседания, потому что большинство из нас уезжает в деревню. Обед происходил у лорда-хранителя печати, но потчевал нас младший Харкур, а сам милорд принужден был незаметно удалиться, чтобы пообедать с лордом-казначеем, который звал также секретаря и меня, однако мы пренебрегли

его приглашением, считая для себя недостойным покинуть нашу компанию, как это сделал Джордж Грэнвил, которому мы пригрозили за это исключением. Однако вечером я все же пошел к лорду-казначею и в числе прочих застал у него двух судей. Один из них, судья Пауэл[556], уже в летах и седовласый, оказался самым веселым пожилым джентльменом, какого я когда-либо видел; он смеялся собственным шуткам, а потом отфыркивался, пока не разражался какой-нибудь новой остротой. Я засиделся до одиннадцати, ведь мне не нужно теперь идти в Челси.

6. Мерзкий дождливый день. Сделал визит миссис Бартон, а затем наведался к миссис Ваномри, где сэр Эндрю Фаунтейн и дождь задержали меня до обеда и где я, как последний олух, проторчал весь день просто из лени и оттого, что погода не позволила мне погулять, но больше я так делать не стану. На пользу ли вам в такой дождь ваши воды в Уэксфорде? Я жажду услышать, как вы там устроились, как и кому делаете визиты, какое у вас жилье и как вы развлекаетесь? Вы забрались порядком на юг; я все же думаю, что вам не следует есть фрукты, пока вы пьете воды. Третьего дня я съел несколько кентских вишен и уже успел в этом раскаяться, потому что вскоре почувствовал небольшое головокружение. — За весь июнь у нас не было ни одного жаркого дня, да и после тоже, что я считаю необычайным везением. Оставили ли вы Ридингу какие-нибудь указания относительно пересылки писем в Уэксфорд. Как я уже говорил, это письмо я отправлю Карри, а следующее — Ридингу, хотя не исключено, что рискну отправить его прямо в Уэксфорд, но было бы очень досадно, если бы оно где-нибудь затерялось. Нынче вечером я получил письмо от Парвисола с извещением, что Уайт уплатил большую часть причитавшихся мне денег, и другое — от Джо, о том, что у них в Триме состоялись выборы, но ни слова о том, кого же все-таки избрали помощником мэра. Бедняга Джо только и знает, что жаловаться, он утверждает, что у него есть враги, и опасается, что никогда не получит свои двести фунтов, да и я, признаться, опасаюсь того же, хотя сделал все, что в моих силах. — На ваше письмо я отвечу, когда сочту нужным, да-да, сударыни, когда нахальный Престо сочтет нужным. Пока еще мне недосуг; вот когда мне совсем нечего будет делать, я, возможно, снизойду до этого. — О, господи! а сейчас, мои уэксфордские дамы, я лягу, чтобы увидеть вас обеих во сне.

7. Самый безотрадный дождливый день, какой мне когда-либо приходилось видеть. Утром я отправился к секретарю, но он уехал в Виндзор, потом зачастил дождь, и я застрял у миссис Ваномри, где обедал и просидел до ночи, томясь и изнывая от скуки. Я ненавижу Лондон летом

и постараюсь хоть ненадолго отсюда уехать, если только смогу выкроить время.

8. Один малый из вашего города, некий Тиздал[557], живет сейчас в одном доме со мной. Патрик сказал мне: «Здесь поселился сквайр Тиздал с женой». Я притворился, будто никогда о нем не слыхал, но, увидев его в церкви на соседней скамье, сразу же узнал его уродливую физиономию; он то и дело поглядывал в мою сторону, чтобы поклониться, но тщетно. Если не ошибаюсь, он живет в Дублине на Кейпел-стрит, а его жена — превосходное пугало в превосходной карете. Обедал вместе с доктором Фрейндом в Сити и пил там отличный пунш, после которого, правда, почувствовал себя очень разгоряченным. Многие здесь страдают от лихорадки из-за продолжительной сырой и холодной погоды, я, однако же, рад, что лето выдалось нежаркое. Вечером навестил Уилла Конгрива, он чрезвычайно приятный собеседник.

9. Был в Сити и обедал с мистером Стрэтфордом, который сказал мне, что сэр Александр Кэрнс чинит препятствия относительно оплаты моего векселя, так что я повременю еще с распоряжением Парвисолу вручить доктору Раймонду долговое обязательство на такую же сумму. Завтра я получу окончательный ответ; этот Кэрнс — увертливый негодяй, и меня предупреждали на его счет несколько коммерсантов; да и чего можно ожидать от шотландца и фанатика? Заходил к книготорговцу Бэйтмену, чтобы посмотреть купленную им прекрасную старинную библиотеку; у меня так и чесались руки, как чесались бы у вас в фарфоровой лавке, но я удержался, потому что очень уж дорого все стоило, а у меня и так уже выманили слишком много денег. Ну-с, а теперь идите и пейте ваши воды, нахальные плутовки, да поправляйтесь и побольше гуляйте, пока вы там. Ведь в Ирландии, я считаю, негде с приятностью прогуляться. Заметили ли вы, что там почти нигде нет деревьев. Приглядитесь, пожалуйста, к жителям уэксфордской округи, ведь все они давние переселенцы из Англии; понаблюдайте, что у них есть своеобычного в манерах, именах и языке[558]. Это единственное место в Ирландии, где, по крайней мере до недавнего времени, встречались сороки. Говорят, петухи и собаки укладываются там спать в полдень, и точно так же поступают люди. Опишите ваши странствия и привезите домой хорошие глазки и здоровье.

10. Обедал с лордом-казначеем; мы сели за стол только в четыре. Я быстро уладил с ним три дела; правда, совсем забыл о четвертом. Думаю, мне удалось выхлопотать должность приятелю, и еще я заручился согласием милорда на то, чтобы привести к нему на обед Конгрива. Вам

следует принять также в соображение, что я задумал осуществить одну скромную затею, а именно: прогнать всех врачей королевы, только и всего, потому что, по моему разумению, они совместными усилиями скоро ее сведут в могилу. Однако мне надобно прежде кое с кем обсудить это дело. Лорд-казначей сказал, что то ли он, то ли королева куда-то подевали бумагу относительно отмены первин, но пожелал, чтобы я, тем не менее, известил епископов, что это будет сделано при первой же возможности.

11. Обедал у соседки Ван и вечером славно погулял в парке. Стелла, негодница, помните, как вы, бывало, укоряли меня за то, что я сую свой нос в чужие дела. Признаться, у меня их теперь предостаточно: не далее как сегодня вечером в парке ко мне подошли двое и попросили похлопотать за них перед лордом-казначеем, и я думаю, что наберется по крайней мере еще человек пятьдесят, просивших меня о такой же услуге. Но меня теперь не проймешь, и я меньше, чем когда бы то ни было, склонен беспокоить его или любого другого министра. К тому же, я заметил, что люди, пользующиеся вдесятеро большим влиянием, чем я, не замолвят и словечка за кого бы то ни было. Вчера я встретил беднягу, который жил у мистера Тенисона, я вам рассказывал; за то время, что я его не видел, он перенес тяжелую лихорадку. Он выглядел очень несчастным; я ему дал полкроны, и он чрезвычайно меня благодарил. Перед тем я ему тоже дал крону.

12. Обедал в Сити с молодым Мэнли, который должен привезти мне ящик с книгами[559] и корзину вина из Гамбурга. Я справлялся у мистера Стрэтфорда, который сказал мне, что Кэрнс все еще не выплатил мои двести фунтов, хитрит и откладывает это со дня на день. Жена молодого Мэнли ничем непримечательная молодая особа, пучеглазая и глуповатая на вид, между тем как он хорош собой и женился на ней по любви после долгого ухаживания, а она ему все отказывала, пока он не получил свою последнюю должность. — Сдается мне, что пока вы в Уэксфорде, я не буду таким примерным мальчиком по части писем, каким был до сих пор, если только не смогу адресовать каждое второе письмо Карри, так что дайте мне, пожалуйста, знать. Это письмо, надо полагать, будет адресовано ему, а, впрочем, почему бы и не прямо в Уэксфорд. Пожалуй, это будет правильно. Итак, оно будет отправлено в ближайший вторник, хотя это обойдется вам в десять пенсов, но мне-то что за дело!

13. Этот паршивец секретарь приехал из Виндзора, и я никак не могу его разыскать, а в воскресенье он уже возвращается обратно, и завтра я тоже не смогу с ним повидаться. Я премерзопакостно пообедал нынче с мистером Льюисом и одним священником, а потом отправился повидать

лорда-казначея и встретил его отъезжающим от дома в карете. Он улыбнулся, а я пожал плечами, и мы отлично поняли друг друга, так что я могу считать, что мой визит к нему состоялся. Я решил теперь видеться с ним не чаще двух раз в неделю. Он пригласил меня проведать его в Виндзоре, но делать это, живя в Лондоне, все равно, что сидеть меж двух стульев. Я, конечно, не премину съездить в Виндзор и поживу там, если представится возможность, это уж непременно. Но мне всегда так уж везет, что я все лето торчу в Лондоне. Вечером я пошел проведать беднягу сэра Мэтью Дадли, таможенного комиссара. Мне доподлинно известно, что он будет смещен, хотя он все еще питает надежду удержаться. Я не стал сообщать ему дурных вестей, но посоветовал приготовиться к худшему. Нынче утром ко мне заходил Дилли, чтобы пригласить отобедать в воскресенье в Кенсингтоне у лорда Маунтджоя, уезжающего вскоре в Ирландию. Ваш бывший главный судья Бродрик находится сейчас здесь, и говорят, что он зол, как тигр. Ну, а как у вас в Уэксфорде? На чьей стороне большинство дам: на стороне прошлого или нынешнего кабинета министров? Напишите мне, что нового в Уэксфорде, и любите Престо, потому что он пай-мальчик.

14. Хотя сегодня день бритья, я прогулялся в Челси и в девять утра был уже там, после чего вместе с деканом Карлайла мы перебрались на другой берег реки в сторону Баттерси и поехали в его карете в Гринвич где пообедали у доктора Гастрела, а полдень провели в Льюсхеме, у декана Кентербери[560]. Я повидал там Молль Стэнхоп, которая стала чудовищно долговязой и уже не так хороша, как прежде. Это первая увеселительная поездка, которую я совершил нынешним летом в окрестностях Лондона, и самое приятное времяпрепровождение, каким только человек может наслаждаться в карете друга и в хорошей компании. Акции Английского банка упали на три или четыре процента, вследствие распространившихся по городу слухов о болезни королевы, хотя она вполне здорова.

15. Сколько книг вы привезли с собой в Уэксфорд? Как, ни одной? Ах да, ведь у вас буквально нет свободной минутки, и потом вы же можете одолжить у местного священника! Сегодня я обедал вместе с сэром Эндрю Фаунтейном и Дилли в Кенсингтоне у лорда Маунтджоя, а в полдень туда приехал Стрэтфорд и сообщил, что ему выплатили, наконец-то, мои двести фунтов. Так что с этим покончено, и я могу больше не волноваться; было бы неплохо, если бы все ваши деньги тоже были помещены в акции Английского банка. Я вложу в них и ту сотню фунтов, которая находится сейчас у Хокшоу. Кстати, получили ли вы уже проценты по ним? Я велел Парвисолу переслать их вам. Хотелось бы знать, по какой причине Престо

пишет так криво? На ваше письмо я отвечу завтра и во вторник отправлю. Здесь, видимо, опять наступает жара, по крайней мере вчера и сегодня было жарко; в такие дни самое время пить целебные воды. Священник, проповедь которого нам пришлось сегодня выслушать в Кенсингтоне, — бездарный и развязный тупица. Я уже раскаиваюсь в том, что возвратился в город. Мне недостает прогулок.

16. Пообедал в Сити с одним малопочтенным приятелем, и ничего примечательного за этот день не произошло. На ваше письмо я отвечу завтра.

17. Утро. Я положил перед собой ваше письмо и собираюсь на него отвечать. Попридержите язычок и стойте рядышком. У вас и у нас, как я вижу, была совсем разная погода, у нас в июне не было и намека на жару, в то время как вы девятнадцатого июня жалуетесь на то, что жарко. Но ведь вы всегда говорили, что любите жаркую погоду. Я, например, никогда не мог ее выносить, я ее ненавижу и презираю и не согласился бы жить в жаркой стране, даже если бы мне посулили там престол. Подумать только, сколько шума вы подняли по поводу моих долговых обязательств с Раймондом? И все для того, чтобы обидеть Престо. Но Престо будет подозревать в злом умысле кого угодно, но только не *МД*, хоть вы и суете свой крохотный носик куда не следует. Нельзя ли помягче и поучтивее, мадам Стелла? Ишь как вы понеслись в раздражении и гневе по поводу того, что я буду раскаиваться в своей поездке сюда, и насчет намерения получить здесь местечко получше, и что дюжина моих обещаний не стоит и шести пенсов, и насчет мерзопакостной Англии, и что в Ларакоре вся моя жизнь! Полноте, милочка, до каких пор вы будете толковать обо всем этом? Мне не предлагали здесь никаких приходов; разве только что несколько месяцев тому назад лорд-хранитель печати сказал, что он предложил бы мне один, если бы мне было угодно, но я ответил, что не приму от него никакого прихода; да еще на днях секретарь сообщил мне, что он отказался от одного очень хорошего прихода для меня, потому что ему не нравится место, в котором этот приход расположен. Больше мне ничего неизвестно относительно возможности что-нибудь здесь получить, так что если бы они позволили мне уехать, я сделал бы это незамедлительно. Аддисон, как я слышал, переменил свое намерение уехать в Ирландию, но я его не видал уже четыре месяца. — О да, Дингли, это истинная правда; во всяком случае, это очень на нее похоже, ей непременно надо проделать миллион дел, перед тем как отправиться в дорогу. Да, с головой все обстояло вполне благополучно, хотя в последние два-три дня и появились кое-какие угрожающие признаки, которые я

приписываю нескольким съеденным мною фруктам, но я больше не стану их есть, никаких, ни кусочка. Надеюсь, во время своего путешествия вы не страдали от пыли, так что все обстояло как нельзя лучше. Я жажду получить письмо из Уэксфорда, хотя и не должен еще на него рассчитывать, потому что ваше последнее было написано всего три недели тому назад. Ну и новости вы мне рассказали о миссис Ф.[561], теперь я, пожалуй, буду любить Англию гораздо меньше. Мне ничего неизвестно относительно сундука, о коем вы говорите, был ли он оставлен или взят, и это довольно странно, если находившиеся в нем вещи принадлежат мне; во всяком случае, помнится, мне говорили, что там должно быть кое-что, завещанное мне моей матерью. Мне и вправду жаль ………; этот негодяй[562] ………… завладел всем имуществом после смерти матушки. Сообщите мне, как только миссис Уоллс получит свой чай; надеюсь, Ричардсон находился в Дублине до тех пор, пока он не: прибыл. Миссис Уоллс не следовало увечить себе глаз, потому что я и без того нисколько не был ею очарован. Нет, после 45 номера мне ничего в «Экзаминере» не нравится, кроме разве начала 46, а все остальное — сущая дрянь, так что если они вам нравятся, особенно 47-ой, значит ваши суждения испорчены дурным обществом и недостаточной начитанностью, о чем я сожалею больше, нежели вы думаете, потому что, потратив четырнадцать лет[563] на то, чтобы споспешествовать вашему совершенствованию, я, выходит, так мало в этом преуспел. Только что пришел мистер Тук, и я должен прерваться. — Вечером. Обедал с лордом-казначеем, и он продержал меня до девяти, так что я не могу отправить это письмо нынче вечером, как намеревался, и не могу написать еще несколько писем. У лорда-казначея находился его хирург Грин, который переменил ему повязку на груди, вернее, наложил новый пластырь, в котором все еще есть нужда, и я хотел было воспользоваться этим случаем, чтобы поговорить с лордом-казначеем о королеве, но он меня прервал, сказав: «Laissez faire à don Antoine»; это французская пословица, означающая — «Предоставьте это мне!» Судя по всему, он против того, что она принимает так много лекарств, и, боюсь, что ему никак не удается ее убедить взять доктора Рэдклифа. Тем не менее, она сейчас вполне здорова, к все эти слухи о ее болевни, кроме того, что рассказывали о первых двух днях, досужая выдумка. Мы должны были заняться с ним кое-какими делами, но нам помешало собравшееся у него общество, и хотя он сам горячо на этом настаивал, однако же так и не назначил мне определенного дня, а просил почаще заходить к нему и тогда нам удастся как-нибудь улучить свободную минутку. Это отнимает у меня

уйму времени, и мне ничего не удается осуществить из того, что я хотел сделать для нынешнего кабинета. Утром я виделся с секретарем; мы собираемся с ним на следующей неделе поехать на несколько дней в Виндзор, чтобы на досуге закончить одно дело. Только что на улице возле дома, где он живет, мне встретился Стерн, и я зашел вместе с ним на часок к Джемми Ли, который в восторге от Лондона; он с большим почтением и приязнью расспрашивал о вас. — Однако возвратимся к вашему письму. Ваш епископ Миллз[564] смертельно меня ненавидит, мне поэтому странно слышать, что он будто бы хорошо обо мне отзывался; обычно он поносил меня всюду, где только появлялся. Стало быть, вы уплатили за дорогу и не просите подмогу. Господь свидетель, у вас был отличный ужин, могу в том поручиться: два цыпленка, бутылка вина и немного коринки. Сегодня ровно три недели, как вы уехали в Уэксфорд, и три дня вы находились в пути, так что в ближайшие десять дней или даже две недели я еще не жду от вас письма. Нынче же утром я добился согласия господина секретаря передать печатание «Газеты» Туку; это будет приносить ему сто фунтов в год.

18. Сегодня я попрощался с миссис Бартон: она уезжает в деревню, а обедал с сэром Джоном Стэнли, у которого не был довольно давно. С нами обедал также лорд Рочестер со своей красавицей дочерью леди Джейн, которая служит теперь предметом всеобщего поклонения. Боюсь, что все мои усилия спасти сэра Мэтью Дадли ни к чему не приведут. Вечером я ради моциона шесть раз прошелся по Пел-Мел и прошелся бы еще, но город сейчас очень уж опустел, а ко мне привязался какой-то дурень, и поэтому я счел за лучшее возвратиться домой и сказать вам, что это письмо будет завтра всенепременно отправлено, и, как верный пес, последует за вами в Уэксфорд.

19. Декан Эттербери прислал мне приглашение отобедать у него в Челси; он предлагал мне свою карету, но я предпочел пойти пешком и возвратился домой около семи, потому что должен был окончить это письмо, и еще несколько других, уже начатых. Патрик передал мне со слов служанки, будто некий мистер Уоллс, священник, высокого роста, приходил ко мне с визитом. Неужто это ваш ирландский архидиакон? Что ж, весьма в таком случае сожалею, тем не менее я постараюсь видеться с ним по возможности реже, как и с Дилли. Какие у него могут быть здесь дела? Или это был не он, а кто-то другой? Герцог Ньюкасл[565] отдал богу душу, свалившись с лошади. Господи, пошли бедной Стелле здоровья, и да пребудут мои *МД* счастливыми. Прощайте и любите Престо, который

любит *МД* в десять миллионов раз больше всего на свете. Господи, благослови дорогих уэксфордских девочек! Еще раз прощайте, и прочее, и прочее.

Письмо XXVII

Лондон, 19 июля 1711.

[*четверг*]

Только что отправил мое 26 и не могу больше ничего прибавить: мне надобно сейчас писать другие письма (тьфу, я, кажется, слишком высоко залез с этой строкой), однако же я должен каким-то образом положить начало письму, как подкладывают яйцо наседке. Завтра я скажу больше и постараюсь выровнять следующие строки. А на сегодня и этого достаточно для двух дорогих, дерзких, пустых девчонок.

20. Говорил ли я вам, что у меня был Уоллс и что через три дня он уезжает? Он даже одежды с собой никакой не захватил. А Дилли потащил его на спектакль. Дело, по которому он приехал, было с самого начала дурацкой затеей, а посему он уезжает ни с чем. Я повидал сегодня лорда Питерборо, который собирается в новый вояж; впрочем, я, кажется, уже говорил вам об этом. Обедал я с лордом-казначеем, но мне так и не удалось заставить его заняться со мной его же собственным делом, которое он отложил на завтра.

21, 22. Лорду-казначею, с которым я вчера обедал, приспичило взять меня с собой в Виндзор, хотя я несколько раз отказывался, не имея при себе ни белья, ни прочего. Я едва успел попросить лорда Форбиса[566] заехать ко мне на квартиру и приказать слуге сегодня же отправить мои вещи в Виндзор с его лакеем. Переночевал я в небольшом домике секретаря в Виндзоре, и мне пришлось одолжить у него рубаху, чтобы иметь возможность побывать при дворе. Королева чувствует себя прекрасно. Я пообедал с мистером Мэшемом и, не имея никаких известий о моих вещах, уговорил лорда Уинчелси отвезти меня обратно в Лондон, а, возвратясь, обнаружил, что Патрик взломал шкаф, чтобы достать мое белье и халат, и отправил их в Виндзор, и теперь все это находится там; сам же он, не ожидая, что я возвращусь так скоро, слоняется неизвестно где. Так что я лишен здесь самого необходимого и принужден был одолжить халат у своей хозяйки; у меня нет даже обносков, чтобы завтра одеться. Право, есть от чего впасть в раздражение.

23. Утро. Ужасно дождливый день, и в ночь на субботу тоже лило, как из ведра. Патрик прошлую ночь не ночевал дома и до сих пор так и не объявился. Право же, бедный Престо несчастное существо: ни слуги, ни белья, ни вообще чего бы то ни было. — Вечер. Лакей лорда Форбиса

привез обратно мой чемодан, и Патрик, наконец-то, возвратился, так что я снова живу теперь как подобает христианину. Едва ли я еще когда-нибудь совершу такую оплошность. Днем я отважился сделать вылазку к миссис Ван, у которой пообедал и провел послеобеденное время; дождь лил нынче весь день, не переставая. Виндзор очаровательное место: я никогда прежде там не бывал, если не считать одного часа семнадцать лет тому назад. В мое отсутствие сюда приходил Уоллс, должно быть, чтобы попрощаться, потому что он не собирался пробыть в Лондоне более пяти дней. Он говорит, что в следующем году приедет сюда на несколько месяцев вместе с женой; короче говоря, он не осмеливается задержаться здесь из страха перед своей дражайшей половиной.

24. Обедал в Сити с одним своим малопочтенным приятелем; на улице меня догнал Уоллс и сказал, что он как раз сейчас верхом выезжает в Честер. Любознательности у него не больше, чем у коровы. Он останавливался вместе со своей лошадью на Олдергейт-стрит. Своей благоверной он купил шелковое платье, а себе — шляпу. А что поделываете вы? Что поделывают сейчас бедняжки *МД*? Как вы проводите время в Уэксфорде? На пользу ли вам воды? Сообщите поскорее Престо, потому что Престо жаждет все это знать и должен знать. Не правда ли, мадам Проби очень занимательная собеседница? Боюсь, как бы эта дождливая погода не испортила вам воды. Последние три дня нас здесь изрядно поливало. Расскажите мне все об Уэксфорде до мельчайших подробностей: о местности, обществе, развлечениях, пище, неудобствах, огорчениях. Бедняжка Дингли никогда в жизни не видывала такого места: подумать только — служанка обрыскала весь город за самой малостью петрушки к вареному цыпленку, и все без толку; масло совсем несъедобное, кроме как у одной старухи англичанки, и это такая милость разжиться у нее время от времени хотя бы фунтом. Очень рад, что вы догадались захватить с собой простыни, не то, чего доброго, вам довелось бы спать на дерюге. О господи!

25. После полудня повидал господина секретаря в его канцелярии и воспрепятствовал помилованию человека, осужденного за изнасилование. Помощник господина секретаря[567] хотел было его спасти, основываясь на старинном представлении, что изнасиловать женщину невозможно, но я сказал секретарю, что он не может помиловать негодяя без согласия на то судьи; не говоря уже о том, что осужденный — скрипач и, стало быть, мошенник, который наверняка заслуживает петли не за это, так за что-нибудь еще, и ему все равно не Миновать виселицы. Позвольте! Разве я не должен был вступиться за честь прекрасного пола? Правда, этот негодник

спал с ней сотню раз до того, но мне-то что за дело? Позвольте! Разве можно насиловать женщину только потому, что она шлюха? — В субботу я вместе с секретарем поеду на неделю в Виндзор. Обедал сегодня с лордом-казначеем и расстался с ним лишь в одиннадцатом часу, а утром присутствовал на его levee, чего обычно не делаю, с намерением сослужить добрую службу одному джентльмену, для чего завел с ним разговор на виду у его сиятельства, чтобы тот меня заметил, а потом нашел случай сегодня же похлопотать о нем. Мне пришлось оправдываться за свой приход на levée тем, что я будто бы хотел поглядеть на это зрелище, потому что милорд собирался было меня за это разбранить. До того я присутствовал на его levée лишь однажды и то задолго до того, как он стал лордом-казначеем. Все комнаты были переполнены, и вигов было не меньше, нежели ториев. Он пошутил со мной шепотом и попросил прийти к обеду. Я только недавно расстался с ним, и теперь уже поздно.

26. Я снова встретился, наконец, с мистером Аддисоном: мы обедали сегодня вместе с ним и Стилем у Джекоба Тонсона младшего. Оба Джекоба[568], печатавшие до сих пор правительственную «Газету», считают, что я уговорил секретаря передать это выгодное дело Бену Туку и еще одному типографу[569]. Джекоб зашел ко мне на днях, чтобы добиться моего расположения, но я сказал, что уже слишком поздно и что я тут ни при чем. Я полагаю, что у них отнимут «Газету» самое большее через неделю-две. Мы с Аддисоном разговаривали как обычно, словно виделись не далее, чем вчера; да и со Стилем держались весьма непринужденно, хотя недавно я довольно язвительно ответил на его письмо, в котором он просил похлопотать перед лордом-казначеем за одного его приятеля. А теперь уходите, отправляйтесь пить свои воды, сударыни. Кстати, на пользу ли они вам? Улучшился ли у вас аппетит? — Сегодня и вчера у нас почти без перерыва шел дождь.

27. Обедал в Сити; повидал бедняжку Пэтти Ролт и дал ей пистоль, чтобы помочь ей немного на первое время, когда она уедет в провинцию и снимет себе какую-нибудь комнату с пансионом. У нее всего восемнадцать фунтов в год на прожитие, и она принуждена поэтому искать места, где жизнь подешевле. А потом хозяева повышают цену или начинают морить голодом, и ей приходится переезжать на новое место. Оболтус Патрик перестарался и наполнил чернильницу с верхом, так что перенося слишком много вещей одновременно, я пролил чернила на бумагу и на пол. В Лондоне сейчас уныло, дождливо и пусто, и Уэксфорд стоит двух таких городов, как Лондон, так мне, по крайней мере, кажется, и полагаю, что

бедные малышки *МД* того же мнения. Я рассчитываю поехать завтра в Виндзор с господином секретарем, если он только не передумает или какие-нибудь другие его дела тому не помешают, и надеюсь пробыть там неделю.

28. Утро. Господин секретарь прислал сказать, что он заедет за мной днем ко мне на квартиру, откуда мы вместе поедем в Виндзор, поэтому я не могу отлучиться, чтобы где-нибудь пообедать, хотя обещал лорду-казначею пообедать сегодня с ним. Надеюсь, однако, что в пять мы пообедаем в Виндзоре, поскольку дорога туда занимает только три часа. А сейчас я собираюсь уйти, но оставлю Патрика, чтобы он собрал мои вещи и в половине второго был непременно дома. — Виндзор, ночью. Мы выехали из Лондона только после трех и пообедали здесь в седьмом часу; в девять, оставя общество, я пошел повидать лорда-казначея, который как раз в это время приехал. Я пожурил его за столь поздний приезд, а он упрекнул меня за то, что я не пришел к нему обедать и сказал, что битый час меня дожидался. Потом я пошел к мистеру Льюису, с которым и просидел до сих пор, а теперь уже двенадцатый час. Я ночую в том же доме, что и секретарь, это один из домов здешнего пребендария, однако сегодня секретарь остался в своих апартаментах в замке. Можете себе представить, этот подлый пес Патрик изволил нынче куда-то запропаститься, хотя был уже третий час и я боялся, что вот-вот придет карета? А когда он наконец явился, то был не в состоянии уложить хоть что-нибудь из моих вещей. Я никогда еще не испытывал такой ярости и наверняка оторвал бы ему ухо, если бы не ожидал с минуты на минуту секретаря, приславшего перед тем ко мне свою карету, в то время как сам он принужден был задержаться на полчаса против условленного времени и прибыл ко мне из Уайтхолла в портшезе. Один из лакеев лорда-казначея вручил мне нынче вечером письмо; оказалось, что оно от ***** с предложением пятидесяти фунтов[570], каковые будут мне уплачены любым способом, который мне угодно предпочесть, потому что, как он выразился, он желал бы сохранить со мной добрые отношения. Я был вне себя от ярости, но мой приятель Льюис остудил меня, сказав, что от этого подчас не избавлены даже самые достойные люди. Признаться, со мной нередко обходились подобным же образом, хотя и не так бесцеремонно. Я никогда ни минуты в таких случаях не колебался и не испытывал ни малейшего желания взять хоть что-нибудь. Ну что ж, попытаюсь уснуть в своей новой постели и помечтать о бедных уэксфордских *МД*, о Стелле, пьющей воды, и Дингли, пьющей эль.

29. Сегодня, как и неделю тому назад, я побывал при дворе и в церкви. В гостиной у меня, как правило, обнаруживается не менее трех десятков

знакомых, но я держусь с такой надменностью, что вынуждаю всех лордов подходить ко мне первыми. Так можно не без приятности провести с полчаса. В церкви в присутствии королевы читал проповедь какой-то тупица, что, впрочем, случается довольно часто. Виндзор очаровательное место, тогда как Лондон чудовищен. Нынче утром я заполучил-таки «Газету» для Бена Тука и некоего Барбера, типографа; это принесет им обоим около трехсот фунтов годового дохода. Последний печатал прежде «Экзаминер», который теперь совсем захирел. Обедал я с секретарем, а всего нас было за столом двенадцать человек и в том числе три шотландских лорда и лорд Питерборо. Герцог Гамильтон[571], тщась прослыть остроумцем, поддерживал мой подол, когда я подымался по лестнице. Очень неприятно, что по воскресеньям за обеденным столом у знатных особ собирается слишком многолюдное общество. Лорд-казначей рассказал при дворе, что я как-то заметил по этому поводу господину секретарю. Секретарь показал мне перечень блюд, чтобы побудить меня отобедать с ним. «Эка невидаль, — ответил я, — ваш перечень блюд я не ставлю ни во что, потрудитесь лучше показать мне перечень ваших гостей». Вы только поглядите, как тут все испачкано чернилами; больше я не могу писать на этой странице, а посему мне остается только сказать вам, что я от всего сердца люблю *МД* и да благословит их господь.

30. Честно говоря, я опасаюсь, что у меня будет подагра. Я чувствую по временам боль в ступнях и пальцах, а ведь я никогда не пил, не считая последних двух лет, да и то лишь ради лечения головы. Я часто провожу вечера с кем-нибудь из министров и, конечно, вынужден пить вместе с ними, однако теперь решил пить вдесятеро меньше прежнего, только мне советуют впредь ни в коем случае не разбавлять вино водой. Тук и типограф пробыли здесь и сегодня, чтобы закончить свое дело, и по случаю того, что они получили «Газету», угощали меня и двух помощников секретаря. Потом я пошел повидать лорда-казначея и упрекнул его за то, что он не удостоил меня своим вниманием в Виндзоре, на что он отвечал, что держал для меня место за столом и ожидал, что я приду; однако я рад тому, что не пришел, поскольку в числе приглашенных был герцог Бакингем, и мне пришлось бы тогда знакомиться с ним, чего я не имею намерения делать. Но мы все же уговорились с милордом отужинать у мистера Мэшема, от которого разошлись только во втором часу ночи; так что теперь уже поздно, слышите, сударыни, и у меня много дел.

31. Сегодня днем я послал миссис Ваномри великолепный олений окорок, и очень хотел бы, сударыни, чтобы вы могли его отведать.

Пообедал я скромно и пристойно со своим здешним хозяином — секретарем. Королева выезжала сегодня с намерением поохотиться, но, видя, что дело идет к дождю, предпочла остаться в карете; она охотится иногда, сидя в коляске, запряженной одной лошадью, которой правит самолично и притом правит неистово, как йэху[572]; она такой же завзятый охотник, как Немврод[573]. Дингли, разумеется, слыхала о Немвроде, а Стелла, конечно же, нет, потому что ведь это из Библии. А еще я побывал сегодня в Итоне[574], расположенном всего лишь по другую сторону моста, чтобы повидать сына лорда Керри, он там учится. Господин секретарь вручил мне разрешение на оленя[575]. Я не могу послать его *МД*. Право же, это очень прискорбно, принимая в соображение, как Престо любит *МД*, и как *МД* понравилась бы оленина Престо, потому что они любят Престо. Благослови господь двух дорогих уэксфордских девочек.

1 августа. На обед у нас был нынче олений окорок — достойный товарищ другого окорока, посланного мною в Лондон; жирнее и вкуснее не сыскать, только стол был накрыт на восемь персон, вот что плохо. Мы с королевой собирались сегодня днем подышать воздухом, правда, каждый сам по себе, и нам обоим помешал неожиданный дождь. Все ее кареты и коляски тотчас вернулись назад, и стража тоже, а я в поисках убежища устремился на рыночную площадь. У меня было намерение погулять в самой прекрасной аллее, какую я когда-либо видел, длиной в две мили, с двумя рядами вязов по обе стороны. Вместо этого я вечером погулял немного на террасе и в восемь воротился домой, а вскоре пришел секретарь, и мы с ним увлеклись беседой; я хотел воспользоваться случаем, чтобы разрешить несколько вопросов величайшей важности, и мне уже удалось было вызвать его на откровенность, но тут нелегкая принесла его помощника, который живет в том же доме, что и мы, и это нарушило все мои замыслы. Мы только что разошлись по своим комнатам; сейчас уже поздно и прочее.

2. За пять дней, что я нахожусь в Виндзоре, Патрик уже трижды напивался, и это лишь то, что я видел, на самом же деле это, наверно, случалось чаще. Недавно он получил новое платье, которое обошлось мне в пять фунтов, и этот сукин сын вообразил, что я теперь у него в руках и пытается мной командовать, так что я твердо решил его прогнать и обойдусь с ним без малейшей жалости. Сегодня гулял часа три или четыре с секретарем. Герцогиня Шрусбери[576] спросила его, не это ли доктор, доктор… и она никак не могла выговорить мое имя по-английски и назвала меня поэтому Престо, что по-итальянски означает то же самое, что Свифт.

Весьма причудливо, как говорит Билл Свифт[577]. Завтра я поеду с секретарем в его поместье в Баклбери, это в двадцати пяти милях отсюда, а возвратимся мы в воскресенье. Я оставлю это письмо здесь и запру его, а, возвратясь, дам в нем отчет о своей поездке. Вчера я получил письмо от епископа Клогерского; он собирается в Дублин на сессию вашего парламента. Написал ли он вам что-нибудь в Уэксфорд? Сдается мне, я жажду получить от вас письмо, на котором бы значилось — Уэксфорд, 24 июля и прочее. — О, господи, это уж, пожалуй, чересчур; и кроме того, говорите вы, Стелла не может много писать, потому что, когда пьешь воды, писать вредно; мне кажется, говорите вы, что я чувствую себя уже лучше, но пока еще не могу сказать, что тому причиной — то ли перемена места, то ли воды. Престо нынче вечером такой бестолковый. — Что ж, возможно, но зато Престо нежно любит *МД*, клянусь надеждой на спасение.

3. Утро. Сегодня днем я, как уже говорил вам, поеду в Баклбери; в двенадцать мы пообедаем здесь и надеемся за четыре часа добраться до места. Я не смогу пожелать вам нынче доброй ночи, потому что буду находиться в это время в двадцати пяти милях от этого письма, а посему в моем дневнике будет вынужденный перерыв. Итак, доброго вам утра, и прочее.

4 и 5. Вчера я обедал в Баклбери, где мы провели две ночи и выехали оттуда нынче в восемь часов утра, а в двенадцать были, уже здесь, проделав за четыре часа двадцать шесть миль. Господин секретарь вел себя в Баклбери как заправский помещик: курил табак с соседями, справлялся, как уродилась пшеница на таком-то поле, посетил свою псарню, причем оказалось, что он помнит, как кличут каждую из гончих, наконец, согласно деревенскому обычаю, вместе с женой проводил меня в отведенную мне комнату. Этот его дом является частью приданого, полученного им за женой, которое приносит три тысячи фунтов годового дохода. Она ведет свой род от Джека из Ньюбери[578], о коем написаны книги и баллады, и в доме есть старинный его портрет. Я очень ее люблю. В церковь я нынче не ходил, но оделся, побрился и отправился ко двору и не стал обедать с господином секретарем, поскольку уговорился пообедать наедине с мистером Льюисом и еще одним моим приятелем. Завтра мы уезжаем в Лондон, потому что сюда должен приехать второй секретарь — лорд Дартмут, а они проводят здесь по неделе поочередно.

6. Лорд-казначей приезжает в Виндзор каждую субботу и уезжает в понедельник или во вторник. Я присутствовал сегодня утром при его levee — ведь увидеться с ним здесь каким-нибудь иным способом невозможно;

он все время спешит. Мы немного поговорили, и я сказал ему, что намерен остаться на эту неделю в Виндзоре один, потому что у меня будет здесь больше досуга заняться делом, в коем министры весьма заинтересованы. Лорд-казначей и секретарь, видимо, думали поддеть меня, рассказывая, как много они говорили сегодня обо мне королеве, на что она будто бы ответила, что ничего обо мне не слыхала, однако я им на это возразил, что не она в том повинна, а они сами, и прочее, и мы все посмеялись. Пообедав с секретарем, я предоставил ему в пять уехать в Лондон без меня, так что я теперь здесь один в доме пребендария, который снимает господин секретарь. По соседству со мной живет только мистер Льюис, вдвоем с ним мы составим отличную компанию. Я уже зван на обед к вице-камергеру[579], к мистеру Мэшему и еще к гофмаршальскому столу, так что до возвращения господина секретаря мне не хватает только четырех приглашений. Нынче вечером у нас здесь состоялось музыкальное собрание. Я побывал на репетиции, на которую явилась Маргарита[580], ее сестрица, еще одна шлюха и несколько скрипачей, после чего почувствовал себя утомленным и в собрание не пошел, о чем теперь сожалею, потому что, как мне сказали, там был весь свет. Мистер Льюис пришел оттуда и просидел со мной до сих пор, и уже поздно.

7. Боюсь, мне так и не удастся спокойно потрудиться, потому что мистер Льюис, у которого здесь нет никаких дел или, по крайней мере, очень мало, почти не оставляет меня одного. Обедал я за гофмаршальским столом в довольно гнусном обществе, и поскольку королева сегодня до четырех пополудни охотилась на оленя и проделала в своей коляске свыше сорока миль, то было уже пять часов, когда мы приступили к обеду. В окрестностях Виндзора есть прелестные места для прогулок, и я иногда гуляю по аллее, обсаженной вязами.

8. Сегодня при дворе был приемный день, но гостей явилось так мало, что королева пригласила нас в свою опочивальню, где мы стояли полукругом числом около двадцати вдоль стен, отвешивая поклоны, в то время как она обводила нас взглядом, покусывая веер, и время от времени обращалась с двумя-тремя словами к тем, кто стоял поблизости от нее, а потом ей сообщили, что обед подан, и она удалилась. Обедал я за гофмаршальским столом, будучи приглашен мистером Скарборо[581], исполняющим обязанности камердинера. Это самый что ни на есть лучший стол в Англии; он обходится королеве в тысячу фунтов в месяц в то время, когда она живет в Виндзоре или в Хэмптон-Корте, и это единственное свидетельство щедрости или хлебосольства, которые я могу заметить в

королевской фамилии. Такие обеды предназначаются для угощения чужеземных послов и вельмож, приехавших на прием к королеве и не имеющих где пообедать.

9. Мистер Кок, вице-камергер, нанес мне нынче утром продолжительный визит и пригласил к себе на обед, но, к несчастью, оказалось, что его красавица жена[582] уже звана к леди Сандерленд[583]. Вчера вечером сюда тайком приехал лорд-казначей, но не остался ночевать в своих апартаментах в замке и, повидавшись с королевой, укатил обратно. Я только успел выпить с ним чашку шоколада. Сдается мне, что в недалеком будущем у меня будут основания сердиться на него, но какая мне о том забота; думаю, что до самой моей смерти министры останутся у меня в долгу. — Нынче вечером я получил одно письмецо из местечка, именуемоего Уэксфордом, от двух знакомых мне дорогих шалуний, но, право же, я не стану на него здесь отвечать, нет, в самом деле. А свое письмо я отправлю мистеру Ридингу в надежде, что оно застанет вас уже возвратившимися и, полагаю, окрепшими благодаря водам.

10. Вице-камергер одолжил мне нынче утром своих лошадей, чтобы проехаться и осмотреть окрестности. Со мной поехал доктор Арбетнот, лейб-медик королевы и ее любимец, пожелавший показать мне наиболее живописные места; выехав чуть позже королевы, мы вскоре догнали фрейлину мисс Форстер[584], восседавшую на дамской верховой лошади, и уговорили ее составить нам компанию. Мы осмотрели место, отведенное для завтрашних знаменитых скачек[585], которые королева почтит своим присутствием, а потом встретили возвращавшуюся королеву, при этом мисс Форстер, так же как и мы, остановилась, сняв шляпу, пока королева проезжала мимо. Препоручив нашу спутницу заботам других сопровождающих, мы расстались с ней на том же месте, где мы ее встретили, после чего пообедали с доктором в небольшом домике, который он снял в миле отсюда. — Возвратясь, я узнал, что мистер Скарборо повсюду меня разыскивал, желая пригласить отобедать за гофмаршальским столом, и нарочно позвал поменьше гостей, чтобы я чувствовал себя как можно свободней. Это чрезвычайно любезно с его стороны, придется мне его поблагодарить. Нынче вечером в Виндзор прибыло множество гостей, желающих присутствовать на завтрашних скачках. Я изрядно устал, проехав рысью двенадцать миль на норовистой лошади, а общество мисс Форстер никак не способствовало большей непринужденности; она глупа, как истинная фрейлина, и не понравилась мне, хотя и хороша собой и была одета по-мужски[586].

11. Это письмо будет отправлено сегодня. В полдень я ожидаю приезда секретаря. На скачки я не собираюсь, разве только для меня найдется место в чьей-нибудь карете. Сейчас утро. Я должен встать и запечатать свое письмо. Прощайте, дражайшие *МД*, и храни вас господь.

Думаю, что я уеду из Виндзора в понедельник.

Письмо XXVIII

Виндзор, 11 августа 1711.
[*суббота*]

Сегодня утром я отправил свое двадцать седьмое письмо с курьером в Лондон и адресовал его мистеру Ридингу, а это будет адресовано на вашу квартиру, куда, по моим расчетам, вы возвратитесь раньше, чем оно туда придет. Я хотел было отправиться сегодня на скачки, но этому помешал визитер; я, кажется, написал вам об этом в предыдущем письме. Обедал за гофмаршальским столом, где нас было только двадцать человек, потому что все, кроме меня, отправились на скачки; тем не менее, компания подобралась довольно шумная, но я уговорил вице-камергера и еще двух приятелей сесть за боковой столик, чтобы нам было поспокойней. В шесть я собрался было повидать секретаря, который возвратился в Виндзор, однако лорд-хранитель печати прислал мне записку с просьбой отужинать с ним, и у него я и просидел до сей поры; лорд-казначей и секретарь тоже должны были прийти, но так и не явились. Уже поздно и пр.

12. Нынче утром мне пришлось пойти к лорду-хранителю печати, который упрекал меня вчера за то, что я ни разу не нанес ему визита в Виндзоре. Он получил в подарок отменные персики и, не переставая, жевал и жевал их, но я все же не отважился съесть ни одного; мне очень хотелось бы, чтобы несколько таких персиков досталось Дингли, ведь бедняжка Стелла может лакомиться фруктами не больше, чем Престо. Сюда приехал Дилли Эш; после богослужения я повел его в гостиную в замке и нарочно заговорил там с лордом-хранителем печати и лордом-казначеем ради того, чтобы показать их ему; он видел королеву, нескольких лордов и герцогиню Монтегю[587] и был на седьмом небе от счастья и решил настрочить письмо епископу. Мой друг Льюис и я скромно пообедали с доктором Адамсом[588], единственным живущим поблизости пребендарием. Один из здешних пребендариев недавно стал пэром после смерти своего отца. Теперь он лорд Уиллоуби из Брука[589] и будет восседать в своем облачении священнослужителя в палате лордов. Ужинал я нынче вместе с лордом-казначеем, господином секретарем и Прайором у Мэшемов. Лорд-казначей был у королевы, и мы просидели до полуночи, дожидаясь его, а теперь уже третий час.

13. Я рассчитывал уехать сегодня в Лондон, но поскольку заседание кабинета министров вчера вечером не состоялось и было перенесено на

сегодня, мы выедем завтра в шесть утра. Скачки я нынче пропустил, потому что вышел из дому слишком поздно, когда все, у кого есть кареты, уже уехали, а отправляться туда верхом не захотел, ведь после недавней прогулки я три дня приходил в себя. Помощник секретаря мистер Гейр, мистер Льюис, бригадир Саттон[590] и я пообедали на квартире у секретаря, но без него, и еще я уговорил вице-камергера хотя бы слегка перекусить с нами, а не дожидаться возвращения своей жены, отправившейся на скачки. Заседание кабинета министров не состоялось вчера по той причине, что господин секретарь решительно воспротивился присутствию на нем герцога Сомерсета[591]. Так что сегодня как раз в то время, когда кабинет заседал, герцогу пришлось отправиться на скачки. У нас здесь бывают музыкальные собрания, и я на днях присутствовал на репетиции, но решил, что это пустое времяпрепровождение, и вечером в собрание не пошел. Не рассказывал ли я вам об этом прежде?

Лондон, 14. Мы доехали сегодня сюда за два часа и сорок минут; двадцать миль здесь не расстояние. Я застал дома письмо от архиепископа Дублинского, бог весть, каким образом отправленное мне. Он говорит, что кое-кто из епископов не верит, будто лорд-казначей уговорил королеву отменить первины еще до того, как герцог Ормонд был назначен лордом-наместником, и что епископы написали лорду-казначею благодарственное письмо. И еще он прислал мне принятый конвокацией адрес, в котором главная заслуга в этом деле приписывается герцогу, хотя он принимал в нем меньше участия, нежели *МД*, потому что если бы это не было ради *МД*, то я не был бы таким хорошим ходатаем[592]. Обедал в Сити с типографом, к которому у меня было одно злокозненное дельце. — Я застал миссис Ваномри в полном смятении, бранившейся с мошенником управляющим; она съезжает с квартиры, которую снимала в доме, расположенном по соседству со мной, и теперь будет жить довольно далеко отсюда. Ее старшая дочь достигла совершеннолетия[593] и собирается в Ирландию, чтобы позаботиться о доставшемся ей там наследстве и вступить во владение им.

15. Обедал у миссис Ван; нынче вечером она переезжает на новую квартиру. В шесть я пошел повидать лорда-казначея, но его компания против обыкновения уже разошлась, а сам он был занят, так что мне пришлось немного подождать, пока он не освободился. Он пробыл со мной не более часа, потому что очень спешил, и попросил отобедать с ним в пятницу, поскольку при этом будет присутствовать его друг, коего мне следует повидать; когда он ушел, милорд Гарли сказал, что его отец имел в

виду миссис Мэшем, которая приедет в Лондон рожать и которую я еще не видал, хотя ее муж один из членов нашего Общества. Пошли ей господи разрешиться во благовремении; ее кончина была бы ужасным несчастьем[594]. — Известно ли вам, что я набрался смелости употребить все влияние, какое я имею на двух главных министров, чтобы рассеять некоторые возникшие между ними разногласия, и, если дело не окончится разрывом, то только благодаря мне. Чертовски щекотливая затея: ведь при этом рискуешь восстановить против себя обе стороны. Жаль, что мир не подозревает о моих заслугах. — Я полагал, что духовенство ирландской конвокации выразит мне признательность за то, что я был их ходатаем, но пока что-то ничего об этом не слыхать. Пожалуйста, заведите при случае об этом разговор и сообщите мне все, что услышите. Ведь вам хорошо известно, что я человек не мелочный и не ставлю их благодарность ни во что. Однако уж по своем возвращении я, нисколько не смущаясь, постараюсь всюду разблаговестить, что все это было сделано лордом-казначеем и что герцог Ормонд ни в малейшей мере к этому не причастен. Так что пусть себе трезвонят на здоровье, а я пойду спать.

16. Был сегодня в Сити и вместе со Стрэтфордом и еще двумя коммерсантами пообедал у Понтэка[595], который сказал нам, что хотя вино у него самое отменное, он всегда продавал его дешевле, нежели другие, запрашивая всего только семь шиллингов за фьяску. Разве это так уж дешево? Книги, отправленные мне Стрэтфордом из Гамбурга, уже прибыли, но еще не получены им из таможни. Ко времени возвращения в Ирландию моя библиотека по меньшей мере удвоится. В субботу я опять поеду в Виндзор, где наше Общество должно собраться на ужин у господина секретаря, однако я предполагаю возвратиться сюда в понедельник и тогда отвечу на ваше письмо, которое лежит здесь в целости и сохранности в укромном местечке. — Вот оно, я его вижу. Лежи смирно, слышишь! Я на тебя отвечу после дождичка в четверг.

17. Обедал у лорда-казначея в обществе миссис Мэшем; она до чрезвычайности похожа на некую миссис Мэлоли, которая когда-то в Триме была моей квартирной хозяйкой. Ей выказывали наивозможную любезность и почтительность, как то и подобает фаворитке. А вообще-то приходить к лорду-казначею по делу совершенно бесполезно, хотя бы оно и касалось его самого. Он опять торопился и пожелал, чтобы я снова пришел отобедать с ним завтра. Его прославленный враль-привратник слег и полагают, что он отправится к праотцам. Как бы я хотел получить обратно все мои полукроны! Я, кажется, говорил вам, что он старый

фанатик-шотландец и самый отъявленный лгун из всех, кто служит под началом лорда-казначея. Не порекомендовать ли мне на его место Патрика: ведь я его достаточно хорошо вышколил. Я уверен, что вы теперь уже возвратились в Дублин. Погода, видимо, меняется к дождю.

Виндзор, 18. Обедал с лордом-казначеем, и он вынудил меня поехать с ним в Виндзор, хотя я был уже приглашен секретарем, которому принес по этому случаю свои извинения. Кроме нас двоих в карете были также его сын, лорд Гарли, и зять — лорд Даплин; оба они состоят в нашем Обществе, и семеро из нас встретились нынче вечером за ужином у секретаря. Мы добрались сюда только в десятом часу, но была прекрасная лунная ночь. В Лондон я рассчитываю возвратиться в понедельник. Уже очень поздно.

19. Королева сегодня не выходила: у нее небольшой приступ подагры. Обедал я у мистера Мэшема, где присутствовали только члены нашего Общества, всего шестеро, а ужинал с лордом-казначеем. Королева распорядилась выделить двадцать тысяч фунтов на продолжение строительства дворца в Бленхейме[596], которое после смены кабинета министров приостановилось. Она, видимо, хотела этим вознаградить герцога за совершенный им недавно прорыв французской обороны[597]. Лорд-казначей отпустил меня только в первом часу.

Лондон, 20. Сегодня нас всю дорогу сопровождал ужасный ливень; я возвратился с секретарем, закусив немного перед тем холодным мясом, и отправился к миссис Ван, у которой просидел весь вечер. Я до крайности разленился, видимо, оттого, что у меня дел по горло. Расскажите, как вы провели время в Уэксфорде, и не радуетесь ли вы в глубине души тому, что наконец-то благополучно добрались домой, в свою квартиру в приходе св. Марии, а, признавайтесь? И, конечно же, ваши друзья явились вас проведать, и у миссис Уоллс с глазом стало намного лучше, а декан точно такой же, как обычно. А что рассказывает о Лондоне Уоллс, этот напыщенный олух? А как там тетушка Стоит и Ханна, или как там ее зовут? Ах, нет, ее зовут не Ханна, я хотел сказать — Кэтрин; и уж конечно, все они были так рады снова увидеть вас обеих; да и миссис Мэнли так не хватало партнера за ломбером.

21. Я написал нынче архиепископу Дублинскому и приложил к письму отдельный большой лист, который целиком посвятил политике. Как вы знаете, ирландские епископы раздражены тем (замечаете, воск от свечи капнул внизу страницы), что я объявил во всеуслышанье, что лорд-казначей добился отмены первин еще до того, как герцог Ормонд был

назначен губернатором. Я рассказал об этом лорду-казначею, и он поначалу очень было рассердился, но я его успокоил, сказав, что они дурачье и понятия не имели о том, что здесь происходит; они, видимо, думают, что все шло как по маслу, коль скоро расхваливают герцога Ормонда. Лорд-казначей показал мне на днях благодарственное письмо, полученное им от ирландских епископов и скрепленное семнадцатью подписями; он говорит, что намерен послать им ответ. Декан Карлайла просидел сегодня у меня до трех, а потом я пошел пообедать с лордом-казначеем, но тот, как оказалось, обедал не дома и секретарь тоже, так что я остался на бобах. Было уже почти четыре, и я отправился к сэру Мэтью Дадли, который к тому времени уже кончал обедать. Торнхилл, убивший сэра Чомли Дэринга, был сам убит в прошедший понедельник ночью на Тэрнхем-Грин[598] двумя неизвестными: нанеся ему смертельную рану, они напомнили ему о сэре Чомли Дэринге. Они затеяли с ним ссору в Хэмптон-Корте, увязались вслед и закололи его прямо на лошади. Хотя об этом сообщила только одна газетенка с Граб-стрит, но я все же полагаю, что это правда. Я сам в ту ночь проходил через Тэрнхем-Грин и это было не далее, как вчера.

22. Последние два-три дня у нас дождь льет немилосердно. Я намеревался пообедать у лорда-казначея, но вместо этого пошел повидать возвратившуюся в Лондон леди Зберкорн и милорда и остался обедать у них, а лорда-казначея посетил вечером. Его привратник поправляется. Я просидел с милордом около трех часов и рано возвратился домой, чтобы заняться делом. Когда я проходил мимо кондитерской Уайта[599], меня окликнул мой брат Мэшем и сказал, что его жена разрешилась мальчиком и что оба они чувствуют себя превосходно. Вам надобно иметь в виду, что все члены нашего Общества друг другу братья. Доктор Гарт сказал мне, что мистер Хенли скончался от апоплексического удара. Его шурин, граф Пулит, поехал в Грэндж[600], чтобы позаботиться о его погребении. Граф Дэнби[601], старший внук герцога Лидса, молодой человек лет двадцати, подававший немалые надежды, умер от оспы в Утрехте. — Я жажду услышать, начинаете ли вы хоть сколько-нибудь чувствовать благотворное действие ваших вод. — Мне кажется, это письмо очень уж медленно подвигается: в следующую субботу будет уже две недели, как оно было начато, а еще и одна страница не исписана. — Фи, как вам не стыдно, Престо. — Право же, эти поездки в Виндзор и обратно так выбивают меня из колеи, что я не знаю, о чем вам писать; но, поверьте, в следующую субботу я поеду в Виндзор только в том случае, если меня попросят, и не

иначе. А вы тем временем снова садитесь за карты, если уж возвратились домой, да-да, проигрывайте свои денежки, сударыня.

Возьмите-ка свое увеличительное стекло, мадам Дингли.

Нет, вы не будете это читать, сударыня Стелла. Не читайте, заклинаю вас вашей жизнью. Поберегите свои драгоценные глазки.

Пожалуй, для одной страницы достаточно; министры то и дело отвлекают меня.

Славные, дорогие, маленькие, непослушные, дерзкие *МД*.

Глупый, бесстыжий болван Престо.

23. Дилли и я обедали сегодня с лордом Эберкорном и нас угощали прекрасным жирным оленьим окороком, на редкость ароматным, а после обеда Дилли у себя на квартире, к великому своему удовольствию, выиграл у меня полкроны в трик-трак[602]. В это унылое время года город до омерзения безлюден, но мне кажется, что погода начинает улучшаться. Дороги развезло как зимой. Виноград нынче совсем никудышный, а вот персики очень даже хороши, и появился инжир. Я иногда отваживаюсь съесть одну ягоду, но всегда потом раскаиваюсь. Вы что-то ничего не пишете насчет посылки, отправленной вам полгода назад. Я хотел бы, чтобы вы уплатили мне за чай, отправленный для миссис Уоллс. Ваша матушка, я полагаю, сейчас в деревне. Мадам Дингли, будьте любезны, пришлите мне отчет о делах *МД*, в каком они состоянии с ноября[603], иными словами, за истекший год (за вычетом двадцати фунтов, одолженных Стелле на Уэксфорд), так как из ваших писем я не могу толком об этом узнать. Насколько помню, я распорядился, чтобы проценты, причитающиеся с Хокшоу, были выплачены вам. Если вы считаете необходимым, то я извещу Парвисола, что вы уже возвратили мне эти двадцать фунтов или часть из них. А теперь отправляйтесь играть в карты с деканом, на ваше письмо я отвечу завтра. Доброй ночи, сударыни; любите Престо и будьте хорошими девочками.

24. Обедал с лордом-казначеем, и он пожурил меня за то, что я не пришел к нему обедать вчера, не поняв, видимо, его приглашения; оказывается, их клуб министров собрался вчера за обедом и они ожидали, что я приду. Нынче вечером мы с лордом Рэднором гуляли по Мел и нам встретился господин секретарь, он прошелся немного с нами, но потом незаметно ускользнул, чтобы, как мы оба решили, подцепить какую-нибудь шлюху; а завтра он как ни в чем не бывало будет заседать в кабинете министров в присутствии королевы: уж так водится в свете. Последние два месяца Прайор был в отъезде, где именно, никому

неведомо, и недавно возвратился. Поговаривают по секрету, будто он был во Франции, и я склонен этому верить, и еще, что он был послан министрами с какими-то предложениями, направленными на заключение мира. Секретарь делает вид, будто ему ничего об этом не известно[604]. Ваш парламент, я полагаю, будет распущен. Я говорил с лордом-казначеем о распре между вашими лордами и палатой общин и по просьбе некоторых лиц выразил пожелание, чтобы в ответе королевы на адрес, полученный ею от палаты общин, было выражено неодобрение некоторых принципов[605] и прочее, но ничего определенного от него не услышал. — А теперь приступим к вашему письму, прекрасные дамы. Насколько мне известно, пить вредно, то есть я хотел сказать, что, когда пьешь воды, писать вредно, и очень рассердился, увидев, какая большая часть письма написана Стеллой. Я никак не могу взять в толк, с какой целью пьет их Дингли; но она уж всенепременно будет пить воды, коль скоро это делает Стелла: а почему бы, собственно, и нет? Надеюсь, теперь, по своем возвращении, вы чувствуете, что они пошли вам на пользу; пожалуйста, сообщите мне об этом особо. Очень рад, что вам приходится совершать моцион; полагаю, это не менее полезно, нежели воды. Сейчас уже вторая половина августа, так что, если судить по вашим первоначальным намерениям, вы теперь уже в Дублине. Я буду вне себя от злости, если письма, благополучно избежавшие морской пучины, затеряются потом где-нибудь между Дублином и Уэксфордом. Ручаюсь вам, что больше я не стану писать в спешке из этого мерзкого города. Я провел в Виндзоре четыре воскресенья, а всего с перерывами две недели, но завтра едва ли туда поеду, не хочу, разве что секретарь меня попросит. Все ваши новости относительно мэра мне давно известны, здесь они не вызвали никакого шума, другое дело распря в вашем парламенте, это настолько из ряда вон, и ваша палата общин изъясняется таким изящным языком, что дальше некуда. «Экзаминер» в этом месяце стал совсем никудышным, последние пять-шесть номеров просто никуда не годятся, а вот появившийся на днях ответ на письмо к семи лордам, допрашивавшим Грэга[606], совсем другое дело. Этот ответ, как я полагаю, сочинен прежним автором «Экзаминера», уж очень хорошо он написан. Здесь напечатана также поэма Трэпа[607], посвященная герцогу Ормонду, но типограф продал всего одиннадцать экземпляров. Довольно-таки унылое творение, которому далеко до стихов Стеллы, хотя Стелла слишком скромна, чтобы равнять себя с таким рифмоплетом. Я сердечно опечален кончиной бедной миссис Парнел[608], она была, судя по всему, прекрасной, добронравной молодой женщиной;

представляю, как удручен ее бедный супруг; они, насколько я знаю, жили душа в душу. Дилли ничуть не надоело в Англии, и он вовсе не торопится с возвращением, поскольку ему чрезвычайно вольготно живется вдали от обеих своих невесток[609]. Он свел здесь знакомство с какой-то шушерой, ходит время от времени переодетый в театр, покуривает трубку, читает время от времени какую-то дрянь и, бог весть, чем еще занят. Я время от времени вижусь с ним, потому что он ко мне наведывается, а я тому не препятствую, поскольку город сейчас обезлюдел и мне докучают меньше обычного. Я избавился от многих своих просителей, потому что ничего для них не делаю; теперь у меня осталось их не более восьми или девяти человек, и я буду с ними также любезен, как с прочими. Рассказывал ли я вам об одном молодчике, просившем меня переговорить с лордом-казначеем, чтобы ему выплатили две тысячи фунтов единовременно или по пятьсот фунтов в год, пока ему не удастся выхлопотать себе какое-нибудь местечко? Я честно передал это поручение казначею, присовокупив, что проситель — порядочный пустобрех, которому я не дал бы и пенса, чтобы спасти его от веревки. Тесть Кола Ридинга раза три являлся ко мне с просьбой порекомендовать кабинету министров его фонари и уверял, что одного моего слова было бы достаточно, чтобы… и прочее. Разве этот пес не имел обыкновения дурно обо мне отзываться и разве он не признался, что ненавидит меня? Он не знает, где я квартирую: я сказал ему, будто живу за городом, а Патрику велел ни в коем случае его не принимать. Неужто епископ Лондонский в самом деле преставился[610] в Уэксфорде? Бедняга! Он что ли пил там воды? И вы присутствовали при его погребении? Пышные ли были похороны? Так далеко от своих друзей! Однако он был очень преклонного возраста; ничего не поделаешь, всех нас ожидает та же участь. А все же жаль, что господу угодно было его призвать. Он был неплохой человек; не слишком, правда, ученый; и думаю, что он умер скорее бедняком. Оставил ли он что-нибудь на благотворительные дела? Кто держал его покров? Много ли присутствовало духовенства? Намереваются ли соорудить ему надгробие? А вы уверены, что это в самом деле был епископ Лондонский? Потому что у нас здесь и поныне здравствует один престарелый джентльмен, которого мы именуем тем же титулом; или, быть может, вам все это только померещилось после вашей водички, как иным после винца. Говорят, что эти воды мутят рассудок и заставляют людей воображать то, чего никогда не бывало. Но надеюсь, вы не станете больше умерщвлять епископов? Все это не иначе, как ваши вигистские штучки. — Да, да, я вижу вы

рассердились. — Ох, дерзкий Престо, говорите вы, право же, так бы и стукнула вас по башке! Как, неужто человеку нельзя рассказать, что он слыхал, не рискуя превратиться в посмешище? А как же тогда насчет слухов, что у вас в Англии ящур? Или это тоже враки? И правда ли что новым епископом будет назначен Сэчверел? — Что ж, он был бы, конечно, не прочь получить еще двести фунтов в год в придачу к тому, что имеет; однако, насколько мне известно, так много ему не дадут. Он смертельно ненавидит новый кабинет министров, а они, в свою очередь, ненавидят его и к тому же делают вид, что еще и презирают. Они не хотят сознаться в том, что именно он послужил причиной недавних перемен, по крайней мере некоторые из них, хотя милорд-хранитель печати мне в этом на днях признался. Нет, мистер Аддисон не поедет в этом году в Ирландию: он делал вид, будто собирался, но вместо этого отправился с пасторальным Филипсом в Бат лечить глаза. — Так, я только что еще раз просмотрел ваше письмо; мое, я полагаю, будет отправлено завтра, как раз через две недели после предыдущего, и тогда опять установится прежний порядок, нарушенный было вашей поездкой в Уэксфорд и моими — в Виндзор. Много ли описок встречается в моих письмах? Я никогда их не перечитываю, но думаю, что ошибок там немало. Что вы в таких случаях делаете? Догадываетесь ли, что я имел в виду? Гуляя нынче вечером с лордом Рэднором по Мел, я потерял платок и заставил милорда пройтись со мной еще раз, в надежде отыскать его, но безуспешно. Я ни разу и словом не перемолвился с Тиздалом, проживающим в том же доме, что и я, и, встречаясь на улице, мы не снимаем шляп. В нашем доме, как мне кажется, живет также его кузен — молодой священник, красивый, благовоспитанный малый. Дик Тай со своей благоверной жили как раз напротив, но только этажом выше, и из наших верхних окон мы раза два или три видели, как он ее колотил. Они уехали в Ирландию, правда, порознь, и он торжественно клялся, что ни за что больше не станет с ней жить. Соседи не преминули заметить, что у нее язычок острее бритвы; одним словом, мне говорили, что другой такой неотвязной и въедливой твари свет не видывал, а он — не в меру вспыльчивый, суетливый пустобрех, очень обидчивый к тому же. Конец страницы я допишу завтра, потому что глаза слипаются.

25. Нынче утром я был у секретаря, но он до того спешил, что уехал в Виндзор в одной карете с лордом-хранителем печати, а посему меня не пригласили, так что мне пришлось остаться дома; не могу, однако, сказать, что совсем вопреки желанию, поскольку я все же мог бы поехать, если бы захотел. Обедал в Сити с одним из моих типографов, которым исхлопотал

«Газету», и рано возвратился домой; мне больше нечего вам сказать, и я намерен сейчас закончить это письмо, но отсылать его с ночным сторожем не буду. Дни становятся короче, а погода становится все хуже, и город наводит хандру, но так уж нелепо все складывается, что я не могу отсюда отлучиться, в противном случае я уехал бы на несколько дней в Оксфорд, как обещал. — Говорят, что Прайор определенно был во Франции; никто в этом даже не сомневается, но секретарь так спешил, что я не успел его расспросить. Ну вот, а теперь я попрощаюсь с драгоценнейшими *МД*, но ненадолго, потому что вечером я должен начать следующее письмо; примите это в соображение, юные дамы, и, пожалуйста, будьте веселыми и примерными девочками и любите Престо. Теперь осталось только одно дело, в котором министры нуждаются во мне, и, как только оно будет завершено, я с ними распрощаюсь. Я не получил от них ни единого пенни и не рассчитываю на это. Здесь, на мой взгляд, сложилось очень уж щекотливое положение, но я не отваживаюсь говорить об этом на таком расстоянии. Прощайте, дорогие сударыни, драгоценнейшие мои существа; мир и покой возможен только возле *МД* и больше нигде. Они не удосуживаются поразмыслить о некоторых мелочах, но эти мелочи как раз и могут их погубить, а с меня довольно. Еще раз прощайте, дражайшие плутовки; я счастлив только тогда, когда пишу *МД* или думаю о них. Довольно с меня дворов и министров; я хочу быть снова в Ларакоре, и если бы мог уехать без ущерба для своего достоинства, то сделал бы это сию же минуту. — Бернидж пришел сегодня повидать меня; он только что прибыл из Португалии набирать рекрутов; он прекрасно выглядит и, судя по всему, вполне доволен своим положением и образом жизни. Он никогда прежде не видал ни Лондона, ни Англии и в восторге от Кента, пейзажи которого были первое, что открылось его глазам, когда он сошел на берег. Еще раз прощайте и прочее и прочее.

Письмо XXIX

Лондон, 25 августа 1711.

[*суббота*]

Я раздобыл славный небольшой лист бумаги с золотым обрезом, чтобы написать *МД*. А 28 я отдал Патрику, и он говорит, что отнес его в почтовую контору; оно адресовано к вам на квартиру; если же я должен сопроводить его более подробными указаниями, то вам следует мне это разъяснить. Прошел уже целый месяц и два дня с тех пор, как вы отправили свое последнее, № 18, и по моим предположениям вы уже благополучно пребываете дома и подумываете о том, чтобы начать 19, которое будет, наверно, заполнено отчетом о распре между двумя палатами вашего парламента, о чем мне уже и без того все известно. Любопытно, где я буду завтра обедать? Вы не могли бы это сказать? Миссис Ваномри снимает теперь квартиру с пансионом и поэтому не может кого-нибудь приглашать, а я имел обыкновение обедать у нее, когда не знал, куда пойти. Все мои друзья уехали из города, а вот у вас в Дублине сейчас наверно особенно многолюдно по случаю сессии парламента и конвокации. Однако оставьте-ка меня в покое, слышите, сударыни, потому что Престо намерен заняться неотложными делами, вернее, не Престо, а другое мое я.

26. Город настолько опустел, что я просто не знал, как мне быть с обедом. Я уже давно не оставался в Лондоне на воскресенье, а все министры сейчас в Виндзоре. Пришлось истратить восемнадцать пенсов на наемную карету, прежде чем удалось найти где пообедать. Сперва я отправился к Фрэнкленду, но не застал его дома, а его потаскуха жена выглянула из окна и поклонилась, но войти не пригласила, так что я пообедал с мистером Кутом, братом лорда Маунтрэта; сам милорд находится сейчас в Ирландии. Нынче в пять утра преставился то ли от подагры в желудке, то ли от апоплексического удара, то ли от того и другого вместе лорд Джерси[611]; еще вчера он выходил из дома, и его смерть была совершенно неожиданной; он был камергером короля Вильгельма и пользовался большим его благоволением, а королева в свое время сместила его как тория, но теперь он имел основания рассчитывать на должность хранителя королевской печати; его кончина облегчит, я полагаю, решение этого дела, которое, как мне говорили, наталкивалось на всякие препятствия при дворе. Я не припомню другого случая, чтобы

столько знатных особ умерло за такое короткое время.

27. Отправился сегодня в Сити, чтобы поблагодарить Стрэтфорда за книги, а заодно пообедать с ним и уладить одно дело, касающееся моих денег, вложенных в акции Английского банка; кроме того, я хотел получить вексель на имя миссис Уэсли за кое-какие вещи, которые я собираюсь для нее купить, но д[ьяво]л побери, если мне хоть что-нибудь из этого удалось сделать. Все знакомые мне коммерсанты уехали за город, и, чтобы пообедать, м«е пришлось посетить одно довольно низкопробное местечко. Чтоб мои враги жили здесь летом! Вдобавок ко всему я так неудачлив, что при сложившихся обстоятельствах не могу отсюда уехать. Публика так поздно покидает город летом и так поздно возвращается зимой, что времена года вследствие этого переместились. В Сент-Джеймском парке уже давно осень, листья на липах опали, а те, что остались на деревьях, совсем засохли. Мне ненавистно это время года, когда все становится хуже и хуже. Единственное, что есть в нем хорошего, так это фрукты, но и тех я не решаюсь есть. Были ли у вас в Уэксфорде хоть какие-нибудь фрукты? — Немного вишен, но мы тоже не решались их есть. О назначении нового хранителя королевской печати пока еще ничего не слыхать. Виги распускают слухи о разладе среди министров нашего нового кабинета, они даже поговаривают в связи с этим о возможном смещении господина секретаря. Что ж, у них есть некоторые основания так говорить, хотя я полагал, что это величайшая тайна. Мне не очень по душе нынешнее положение вещей; я всегда опасался, что разногласия погубят кабинет, и не раз говорил им об этом. Виги преисполнены теперь необычайных надежд; и уж не знаю, какая тому причина, но все акции падают. Я еще не говорил с секретарем относительно поездки Прайора, но склонен думать, что она предвещает мир, а это единственное, что может нас спасти. Секретарь не возвратился из Виндзора, но завтра я ожидаю его. Чтоб она сгорела, вся эта политика!

28. Погода у нас понемногу устанавливается, и я прогулялся сегодня пешком в Челси, где пообедал с деканом Карлайла, который слег из-за приступа подагры. Теперь уже решено, что он будет деканом Крайстчерч-колледжа. Я посоветовал ему использовать свое влияние и предупредить возможные раздоры между нашими министрами, но он слишком осмотрителен, чтобы вмешиваться, хотя не меньше меня опасается возможных последствий. Он заберется в свой тепленький мирный деканат, предоставив их самим себе, и будет прав. — Придя вечером домой, я застал письмо от мистера Льюиса, который находится сейчас в Виндзоре, а в нем, да-да, вы угадали, было другое, которое напоминало почерк Престо,

и что еще это могло быть, как не 19 от *МД*? Еще чуть-чуть, и вы бы меня настигли, потому что я отправил свое 28 не далее, как в субботу; и что бы я тогда делал, если бы мне пришлось отвечать на два письма сразу? Чего-чего, но получить еще одно письмо из Уэксфорда, этого я от вас никак не ожидал. Что ж, я, конечно, должен быть доволен, а все же вы дорогие дерзкие девчонки; взять и так скоро опять написать мне; ну разве я не прав?

29. Обедал у лорда Эберкорна и попрощался с ним: завтра они выезжают в Честер и, судя по всему, намерены прочно теперь обосноваться в Ирландии. Они постарались сделать свое путешествие как можно более приятным: старший сын лорда женился на девице с десятью тысячами фунтов приданого, а его второй сын выиграл на днях в лотерее четыре тысячи, не считая двух мелких выигрышей по двести фунтов каждый; мало этого, их семья оказалась настолько удачливой, что на лотерейный билет стоимостью в сто фунтов, который милорд подарил одному из своих слуг, бывшему прежде его пажем, тоже выпал выигрыш, который принес еще одну сотню. Вечером я пошел к лорду-казначею; он попросил меня прийти к нему завтра на обед, и он покажет мне письмо, которое намерен отправить в ответ на благодарственное послание ирландских епископов. Архиепископ Дублинский хотел, чтобы я непременно добился упоминания моего имени в письме, которое будет отправлено милордом, но я ответил ему, что не скажу об этом милорду ни слова. По мнению архиепископа, это убедило бы ваших епископов в справедливости моего утверждения, что первины были дарованы еще до того, как герцога Ормонда назначили губернатором, однако я ответил ему, что не дал бы и фартинга ради того, чтобы убедить их. Лорд-казначей предложил выпить за здоровье нового лорда-хранителя королевской печати, на что Прайор ответил каламбуром, что этого лорда так надежно хранят, что ему, например, невдомек, кто же сей лорд. Однако, мне кажется, что вопрос о назначении уже решен, и завтра мы об этом узнаем. Но какое вам собственно дело до того, кто назначен хранителем королевской печати, дерзкие замарашки?

30. Выйдя нынче утром из дома, я был приятно удивлен известием о том, что лордом-хранителем королевской печати назначен епископ Бристольский. Вы, наверно, знаете, что его зовут Робинсон[612] и что в течение многих лет он был послом в Швеции. Все друзья нынешнего кабинета министров чрезвычайно довольны его назначением, а более всех — духовенство. Виги будут смертельно раздражены назначением духовного лица на светскую должность. Со стороны лорда-казначея это в высшей степени достойный поступок, за который церковь останется вечно

ему признательна. Я с ним обедал сегодня; он пока еще не написал письмо, но пообещал, что не станет его отправлять, не показав предварительно мне: он считает, что поступить иначе было бы несправедливо, поскольку я принял в этом деле столь большое участие. За обедом у него собралась довольно многолюдная компания: лорд Риверс, Марр[613] и Киннол[614], господин секретарь, Джордж Грэнвил и Мэшем; последний пригласил меня на крестины своего сына, которые должны состояться ровно через неделю, а в субботу я с господином секретарем поеду в Виндзор.

31. Сегодня я прогулялся с Дилли в Кенсингтон к леди Маунтджой, пригласившей нас на обед. Он вскоре возвратился в Лондон, чтобы отправиться в театр, поскольку после сегодняшнего спектакля представления на время прекратятся. Он одевается франтом и, без сомнения, являет собой превосходное зрелище. Я воспользовался случаем, чтобы нанести несколько визитов в Кенсингтоне. Там находится жена Офи Батлера, которая сейчас хворает; у нее лихорадка, болезнь чрезвычайно здесь распространенная, а в Ирландии мало кому известная. — Судя по некоторым словам, оброненным вскользь министрами, я склонен думать, что скоро будет заключен мир. У меня только что возник умысел провести лондонскую публику. Я уже говорил вам, что, как стало теперь известно, мистер Прайор был недавно во Франции. Как-нибудь на днях я усажу рядом с собой типографа и продиктую ему официальный отчет о поездке Прайора с некоторыми подробностями; все это будет, разумеется, чистейшей выдумкой, однако я не сомневаюсь, что на нее клюнут[615].

1 сентября. Утро. Я еду с господином секретарем в Виндзор, а обратно меня обещал привезти лорд-казначей. Последнее время стоит хорошая погода, так что, я полагаю, мы вдоволь наглотаемся пыли. — Вечером. *Виндзор.* Секретарь, я и бригадир Саттон угощались нынче обедом с гофмаршальского стола, но только в доме лорда Питерборо, предоставившего на время своего отсутствия дом и сад в распоряжение секретаря. Это самый прекрасный сад из всех, какие я видел в окрестностях Виндзора: в нем множество изгородей, обращенных к югу, для винограда, которого там великое изобилие, и он поэтому быстро созревает. Я, правда, не решился хоть что-нибудь попробовать, кроме одной ягоды инжира, но привез сюда в Виндзор полную корзину моему другу Льюису. Неужто Стелла вовсе не ест фруктов? Как, и ни одного абрикоса в Доннибруке? Ничего, кроме кларета и ломбера? Я завидую людям, беспрерывно жующим и жующим персики и виноград, но сам не отваживаюсь съесть даже самую малость. С головой у меня вполне благополучно, и только,

когда я резко поворачиваюсь, то испытываю на какой-то миг головокружение, да еще по временам сильно закладывает уши; но если не станет хуже, то все это вполне терпимо. Я пользуюсь любой возможностью, чтобы гулять; здесь есть восхитительный парк, примыкающий прямо к замку, и еще аллея в большом парке, очень широкая и длиной в две мили, обсаженная с обеих сторон двойным рядом вязов. Бывали ли вы когда-нибудь в Виндзоре? Я был однажды, но очень давно и почти все забыл.

2. У королевы приступ подагры, она не была нынче в часовне и не выходила из своих покоев, где и причастилась, как она всегда делает в первое воскресенье каждого месяца. Тем не менее, при дворе было довольно многолюдно, и в числе прочих я видел вашего Инголдсби, который, заметив, что я запросто беседую с хранителем печати, казначеем и пр., подошел, поклонился и принялся довольно бесцеремонно рассуждать об осаде Бушена[616]. Я сказал ему, что не могу удовлетворительно ответить на его вопросы, однако охотно сведу его с человеком, который может это сделать, и с этими словами я подвел к нему Саттона, привезшего примерно месяц тому назад срочные донесения с театра военных действий, и, представив Инголдсби генералу, попросил его ответить на все эти вопросы, после чего оставил их вдвоем. Некоторое время спустя Саттон возвратился в ярости и, застав меня в обществе лорда Риверса и Мэшема, пожаловался, что я сыграл с ним шутку, и клялся, что Инголдсби своей болтовней замучил его до смерти. При этом он сказал мне, что Инголдсби допытывался, с какой целью я их познакомил, так что, судя по всему, он меня заподозрил. Мы от души посмеялись. Лорд Уиллоуби, один из капелланов королевы и пребендарий Виндзора, читал прошлым вечером молитвы в присутствии королевской семьи, а епископ Бристольский, являющийся деканом Виндзора, отправлял вчера вечером богослужение в соборе. Они стараются таким образом снискать себе популярность, а все млеют от восторга. Обедал я с мистером Мэшемом, потому что у него к обеду собирается избранное общество. При дворе случайно узнали, какой забавный разговор произошел несколько недель тому назад у меня с секретарем. Желая заманить меня к себе на обед, он показал мне перечень предполагаемых блюд. — Эка невидаль, — сказал я, — ваш перечень блюд я не ставлю ни во что, потрудитесь лучше показать мне перечень ваших гостей. Мои слова пришлись чрезвычайно по душе лорду-казначею, и он всем пересказывал их, как весьма остроумную шутку. Я рассчитываю завтра возвратиться в Лондон. Говорят, что королевская печать будет вручена епископу на ближайшем заседании Тайного совета.

3. Все еще *Виндзор*. Заседание совета проходило сегодня так поздно, что я возвращусь в Лондон лишь завтра. Епископ был приведен к присяге по случаю введения его в состав Тайного совета, и ему вручили королевскую печать; кроме того, были утверждены патенты тех, кто за последнее время был пожалован титулом лорда или графа. Лорд Рзби, который носит титул графа Страффорда, женится в четверг на однофамилице Стеллы — дочери сэра Г. Джонсона[617] из Сити; он получит за ней шестьдесят тысяч фунтов наличными, помимо того, что отойдет к ней после смерти ее отца. Я выхлопотал моему другу Стрэтфорду должность одного из управляющих Компании Южных морей; их имена были сегодня объявлены. Лорд-казначей сделал это для меня месяц тому назад; а одного из тех, кому я выхлопотал издание «Газеты», я порекомендовал на место типографа этой компании. Он угощал сегодня за обедом меня и мистера Льюиса. Ужинал я и вчера и сегодня с лордом-казначеем, хранителем печати и пр. и воспользовался случаем, чтобы упомянуть имя типографа. Я сказал, что он тот самый человек, которого милорд назначил типографом Компании Южных морей; лорд-казначей отрицал это, но я стоял на своем и с помощью такой шутки добился успеха.

Лондон, 4. До Брентфорда я ехал в карете лорда Риверса, а он — вместе с лордом-казначеем, с которым ему надо было о чем-то переговорить, а потом я пересел в карету лорда-казначея. Мы сделали остановку в Кенсингтоне, где лорд-казначей пошел проведать миссис Мэшем: она сейчас, как говорят в таких случаях, лежит на соломе[618]. До Лондона мы добрались к трем, и я сошел у дома лорда-казначея, который предложил мне остаться у него, но я скверно себя чувствовал и, когда он прошел в дом, попросил молодого лорда передать мои извинения, после чего водою добрался до Сити, где мне вольготнее, и пообедал с типографом, которому продиктовал часть памфлета «Поездка Прайора во Францию». Из Сити я прогулялся домой пешком, потому что пользуюсь любой возможностью для моциона. Всю дорогу из Виндзора мы задыхались от пыли.

5. Выйдя сегодня из дома, я обнаружил, что ночью, оказывается, прошел изрядный ливень, и на улицах грязь, словно зимой; после десяти сухих дней дождь хорошо освежил все вокруг. — Я пошел в Сити, где пообедал со Стрэтфордом, поблагодарил его за книги и поздравил в связи с назначением его управляющим, о чем он впервые узнал из моего письма к нему. Я ел осетрину и теперь чувствую тяжесть в желудке. Нынче у типографа я почти закончил диктовать «Поездку Прайора» и возвратился

домой довольно поздно, но в сопровождении Патрика.

7.[619] Утро. Ну что прикажете нам делать с этим письмом от *МД* № 19? Я еще на него не ответил ни слова, а сколько бумаги уже извел? Раньше вечера, любимые мои, я никак не могу им заняться. — Вечером. О, господи, о, господи, такого позора на долю Престо никогда еще не выпадало! Что бы вы думали? Сегодня перед обедом, когда я уже было собрался уйти из дому, пришло письмо от *МД*, № 20, отправленное из Дублина. О дорогие мои, о дорогие, о горе мне, о горе. — Мне придется теперь отвечать на два письма сразу. Вот они — лежат рядышком. Но я отвечу пока только на первое, потому что поздно возвратился домой. Пообедав с моим другом Льюисом у него на квартире, я в шесть отправился пешком в Кенсингтон на крестины сына мистера Мэшема. Обряд проходил в очень узком кругу, и кроме милорда-казначея, его сына и зятя, или, иными словами, лорда Гарли и лорда Даплина, да еще лорда Риверса и меня, там никого больше не было. Крестил младенца декан Рочестера[620], который вскоре ушел. Крестными отцами были лорд-казначей и лорд Риверс, а крестной матерью сестра миссис Мэшем, миссис Хилл[621]. Ребенок ревел, как бык; я принес миссис Мэшем мои поздравления, а она просила меня заботиться о моем племяннике: ведь мистер Мэшем — один из моих братьев по нашему Обществу и, следовательно, его сын доводится мне племянником. Миссис Мэшем сидела в кровати одетая, и постель была оправлена, не то что в Ирландии, где всегда кажется, что ты застал женщину в разгар родов, потому что видишь, как стеганое покрывало (или как там у вас это называется) вздымается на бедрах и животе. У этого покрывала есть какое-то другое название, и вы, конечно, не преминете сейчас же надо мной посмеяться, дерзкие девчонки. К ужину пришел Джордж Грэнвил, и мы просидели до одиннадцати, а потом лорд-казначей довез меня до моей квартиры на Саффолк-стрит. Говорил ли я вам когда-нибудь, что лорд-казначей плохо слышит на левое ухо, точно так же как и я? Он всегда поворачивается к говорящему правым, и слуги обычно шепчут ему только на это ухо. Я не осмеливаюсь сказать ему, что у меня такой же изъян, боюсь, он подумает, будто я притворяюсь, чтобы подольститься к нему.

6. Вы должны читать эту запись раньше предыдущей, потому что я напутал и совсем забыл написать вам отчет о вчерашнем дне, настолько он был ничем не примечателен. Обедал с доктором Кокберном, а вечером, до десяти часов, просидел с лордом-казначеем. По четвергам у него всегда собирается большое общество, но только из числа избранных, и он меня

приглашает. Итак, доброй вам ночи за прошлую ночь и прочее.

8. Утро. Я сегодня уезжаю с лордом-казначеем в Виндзор и оставлю это письмо здесь с тем, чтобы его отнесли на почту. А теперь давайте послушаем, что нам рассказывает ваше первое письмо, № 19. Как вы уверяете, мадам Дингли, вы все еще находитесь в Уэксфорде. Я думаю, что ни одно из моих писем до сих пор не пропадало. Итак, если верить вам, то существуют Айниш-Кортси и река Слейни[622] — что и говорить, прелестные названия, особенно в устах леди. Ваш почерк похож на почерк Дингли, слышите, неряшливая, беспутная девчонка. — Да, в самом деле чрезвычайно похож[623]. — Что такое? Даже и не заикайтесь о том, чтобы писать или читать, пока ваши глазки не выздоровеют и притом как следует выздоровеют. Хорошо, если бы Дингли по временам читала вам, чтобы у вас не пропала вовсе охота к чтению. Слава богу, это мерзкое онемение наконец-то у вас прошло. Прошу вас, совершайте моцион, когда вы отправляетесь в город. Это что еще за игра такая — «ломбир», в которую вы играете с доктором Элвудом[624]? Или, быть может, вы имели в виду испанскую игру ломбер? Ваша сумочка с фишками? Сами вы сумочка с фишками! Болтушка, вот вы кто! Да, да, вам, конечно, просто везет, деньги в кошелек несет. Восьмишиллинговый чайник! Это еще что за дьявольщина? Медный или оловянный? Что ж, это вполне соответствует ирландским представлениям о хорошем тоне: разыгрывать в лотерею чайники. Как вы растрещались, и все только ради того, чтобы убедить меня, что у Уоллса нет вкуса. С головой у меня по-прежнему все хорошо. Зачем же вы тогда пишете, дорогая сударыня Стелла, коль скоро у вас такое слабое зрение, что вы ничего не видите? И можно ли испытывать радость, читая ваше письмо, когда знаешь об этом? Стало быть, Дингли не может писать по причине суматохи, вызванной приездом в Уэксфорд новых гостей. Мне остается лишь предположить, что вам мешает шум сотни их лошадей? Или что вы все спите в одной галерее, как в лазарете? Что? Вы боитесь, что растеряете в Дублине все знакомства, которые завели в Уэксфорде? И особенно с епископом Рэфуским[625], этим выжившим из ума старым распутником? Двадцать человек за завтраком одновременно? Это все равно, что пять фунтов сразу, да еще впервые в жизни. Боюсь, мадам Дингли, что в своем описании путешествия вы обнаруживаете склонность привирать, хотя делаете это не столь неуклюже, как Стелла, которая просто плетет небылицы, как я докажу в своем следующем письме, если только увижу, что к моему намерению относятся благосклонно. — Так, значит доктор Элвуд утверждает, что в моих сочинениях множество

удачных мест. Чума на его похвалы. Да здесь любой мой враг и тот похвалил бы щедрее. На что уж герцог Бакингэм, и тот отозвался бы лучше, хотя мы с ним друг друга не переносим, и кое-кто из вельмож постоянно натравливает меня против него: они передают мне все, что он обо мне говорит, и еще больше подогревают нашу взаимную неприязнь, как я полагаю, просто потехи ради. — Нет, это не перо ваше заколдовано, мадам Стелла, а это ваши обычные косолапые закорючки[626] S, вот такие sS; а надо вот так, sSS, да-с, вот как надо, вот это правильно. Прощайте и пр.

Хорошая погода у нас кончилась, и боюсь, что мы сегодня поедем под дождем. Я должен нынче бриться, и мне предстоит еще много дел.

Когда Стелла жалуется, что ее перо заколдовано, это всего лишь означает, что в него попал волосок. Вы ведь знаете, что малый, которого прозывали Помоги-господи, думал то же самое о своей жене и по той же причине. По-моему, это очень удачно подмечено; я нарочно открыл письмо, чтобы сказать вам это.

Отрежьте написанные мной выше два долговых обязательства, позаботьтесь, чтобы на одном из них была проставлена передаточная надпись на девять фунтов, и получите деньги по другому; и еще сообщите, как обстоит дело с нашими взаимными расчетами, чтобы к 1 ноября они были приведены в порядок. Прошу вас быть в этих делах как можно более аккуратными. Однако двадцать фунтов, которые я вам одолжил, сюда включать не следует, так что смотрите не ошибайтесь. Я не обижу вас, равно как и вы не обидите меня, и довольно об этом. О господи, до чего в последнее время Престо растолстел! Да, но при всей упитанности он любит *МД* в тысячу раз больше своей жизни. Скажите ему эти слова. Я готов подтвердить их десять миллионов раз, клянусь спасением души, и пр. и пр.

Я еще раз открыл свое письмо, чтобы сказать Стелле, что если она будет пренебрегать моционом после пребывания на водах, то все их благотворное воздействие пойдет прахом. Меня не было бы в живых, если бы я не использовал любую возможность для прогулок. Ну, пожалуйста, прошу вас, сделайте одолжение бедному Престо.

Письмо XXX

Виндзор, 8 сентября 1711.

[*суббота*]

Я велел кучеру остановиться у почтовой конторы, чтобы отдать мое двадцать девятое письмо; это было в два часа пополудни, когда я направлялся к лорду-казначею, с которым и пообедал; а сюда мы добрались только в четверть девятого, но светила луна, так что особая опасность перевернуться нам не грозила; лорду-казначею хоть бы что — он только знай себе посмеивается, когда я распекаю его за неосторожность. Мы были с ним только вдвоем и поужинали вместе с мистером Мэшемом и любимым лекарем королевы шотландцем доктором Арбетнотом. После ужина на меня напала непреодолимая сонливость; я изо всех сил пытался скрыть это и полагал, что никто этого не заметил, однако при расставании лорд-казначей сказал мне, что я уже успел слегка вздремнуть. Уже час ночи, но он любит засиживаться допоздна.

9. У королевы все не проходит приступ подагры, но ей уже лучше; после богослужения она принимала гостей в своей опочивальне, но толпа была так велика, что мне не удалось ее увидеть. Не желая очутиться в какой-нибудь многолюдной и шумной компании, какие собираются обычно в Виндзоре к обеду по воскресеньям и которые я ненавижу, я пообедал со своим братом сэром Уильямом Уиндхемом и еще кое с кем из нашего Общества. Вечером мы ужинали у лорда-казначея в обычном своем кругу: лорд-хранитель печати, господин секретарь, Джордж Грэнвил, Мэшем, Арбетнот и я. Из-за дождя мне не удалось сегодня погулять, чем я весьма огорчен. — Столько прекрасных фруктов, а я не решаюсь съесть даже самую малость. Я съел нынче одну винную ягоду и еще позволяю себе по временам полакомиться несколькими ягодами шелковицы, потому что говорят, будто они полезны, а, как вы знаете, добрая слава много значит. В Лондон я возвращусь завтра, хотя думал пробыть здесь неделю, чтобы иметь досуг для одной затеи, над которой сейчас тружусь. Но я решил отложить это до следующей недели, в субботу я снова приеду сюда, потому что должна состояться встреча нашего Общества за ужином у господина секретаря. Я веду здесь очень размеренный образ жизни: утром по воскресеньям неизменно навещаю лорда-хранителя печати, а ужинаю в одной и той же компании у лорда-казначея. Нынче вечером я уже не клевал носом, как вчера, решив не поддаваться сонливости; хотя сейчас, когда я

это пишу, уже далеко за полночь.

Лондон, 10. Лорд-казначей, Мэшем и я выехали нынче из Виндзора в три пополудни. Мы высадили Мэшема в Кенсингтоне, где находится его супруга, и к шести добрались домой. Обедать мы сели только в семь, а ушел я от лорда-казначея в двенадцатом часу. Патрик возвратился в Лондон с секретарем: у меня теперь больше хлопот с Патриком и с моим чемоданом, чем с самим собой. Забыл сказать вам, что в субботу, когда я ехал в Виндзор, я догнал леди Джиффард и миссис Фентон в карете, которая, как я полагаю, направлялась в Шин. Случилось так, что я в это время ехал один в карете брата лорда-казначея, у которого было дело к милорду; они ехали следом за мной и догнали меня уже в Тэрнхем-Грин, в четырех милях от Лондона, после чего его брат повернул назад, а я поехал дальше с лордом-казначеем в его карете: вот почему так вышло, что обе дамы видели меня, но не с лордом-казначеем. Миссис Ф. с неделю тому назад приходила ко мне, она просила меня помочь определить ее сына в Чартер-хауз.

11. Нынче утром типограф прислал мне «Отчет о поездке Прайора»[627]м к[628]м и англ[629] джентльменом». Сочинено господином дю Бодрие. Перевод с французского. Лондон, 1711 г. В ноябре 1711 г. было объявлено о выходе 3 издания памфлета.]; из него получился памфлет ценой в два пенни. Вы, я думаю, его увидите, поскольку ручаюсь, что он не залежится. Все это выдумка от начала до конца, но составленная по всей форме. Отчет написан мной собственноручно, кроме последней страницы, которую я просто продиктовал типографу. Днем господин секретарь послал за мной; он в это время обедал у Прайора; как только я появился, Прайор сразу же с рассерженным видом протянул мне памфлет и сказал: «Вот она, наша хваленая английская свобода». Я прочел некоторые места и сказал, что мне чрезвычайно нравится и что я завидую мошеннику, которому пришла такая мысль, приди она в голову мне, я несомненно написал бы это сам. Мы засиделись у Прайора до начала одиннадцатого, когда секретарю доставили пакет с известием о взятии Бушена, куда завтра будут отправлены орудия. Прайор признался, что ездил во Францию, теперь это уже невозможно отрицать. Судя по всему, он был узнан каким-то негодяем в Дувре, хотя тому строго наказали не препятствовать его проезду. Думаю, что мир будет, наконец, заключен.

12. У нас необычайно дождливая погода, это уже стоило мне сегодня трех шиллингов на кареты и портшезы, и в довершение всего я еще и одежду испачкал. Нынче утром я три часа провел с секретарем по поводу кое-каких важных дел, а потом пошел в Сити пообедать. Типограф сказал

мне, что за один вчерашний день он распродал тысячу экземпляров «Отчета о поездке Прайора» и напечатал еще пятьсот. Памфлет, я полагаю, вызовет необычайный переполох, хотя это чистейшая мистификация. А что поделывали все это время *МД*? опять дорвались до своих карт, своих Уоллсов, деканов, Стойтов и кларета? Передайте, пожалуйста, мой поклон мистеру Стойту и Кэтрин. Скажите тетушке Стоит, что она задолжала мне пропасть обедов и что я скоро приеду и потребую их. — Говорил ли я вам о последнем письме архиепископа Дублинского? В своих предыдущих письмах он все обещал сообщить вскоре кое-что, непосредственно меня касающееся; можно было подумать, что у него есть какие-то намерения в отношении меня; и вот, наконец, это кое-что явилось на свет и состоит оно из двух частей. Во-первых, он советует мне выхлопотать себе место получше именно сейчас, когда у меня есть друзья, а, во-вторых, он советует мне, поскольку я обладаю дарованиями и ученостью и ловко владею пером, избрать себе какой-нибудь богословский предмет, которого не касались другие и с которым я справлюсь лучше кого бы то ни было. Что за поразительный болван, чума его забери! Но я тоже поражу его своим ответом. Мне кажется, что ему скорее следовало пригласить меня приехать и вселить в меня какие-то надежды или что-нибудь посулить. Куда там, чтоб его повесили! А засим, доброй вам ночи и прочее.

13. Все утро нынче чуть не до двенадцати часов лил свирепейший ливень и по временам гремел гром. Я дрожал за мои шиллинги, но потом прояснилось, и я ухитрился воспользоваться этим, чтобы погулять в парке, после чего отправился вместе с секретарем на обед к лорду-казначею. По четвергам у него всегда собирается избранное общество; на этот раз там были герцог Шрусбери, лорд Риверс, оба государственных секретаря, мистер Грэнвил и мистер Прайор. Половина из них ушла в шесть на заседание Тайного совета, но Риверс, Грэнвил, Прайор и я просидели до восьми. Прайор то и дело прикидывался рассерженным по поводу появления отчета о его поездке в Париж, да и в самом деле две последние страницы, которые типограф заказал кому-то другому, в дополнение к написанным мной, до того романтичны, что портят все остальное. Дилли Эш наплел мне, будто он собрался только на две недели в Оксфорд и Кэмбридж и потом возвратится обратно. Мне не удалось его повидать, хотя мы и уговаривались встретиться на днях, но его приятели уверяют, будто он попрощался с ними по случаю своего отъезда в Ирландию, и то же самое мне сказали у него на квартире. Судя по всему, мошенник постеснялся признаться мне в этом, потому что я советовал ему остаться в Англии на зиму, и он обещал последовать моему совету. Как я убеждаюсь,

он успел свести здесь знакомство с изрядным числом ничтожных людишек и чрезвычайно весело проводил время, но при всем том, как видно, изнывал от тоски по Балдерику[630] и дублинскому кларету; что ж, в конце концов ему виднее; ведь там он сможет есть, пить и беседовать сколько его душе угодно. Утром у меня был Бернидж: он наведывается ко мне время от времени; его чрезвычайно беспокоит возможность заключения мира. Говорит, что ему никогда еще так хорошо не жилось, как в Португалии. Полковник очень к нему благоволит.

14. Лондон сейчас опустел настолько, что, к своей крайней досаде, я не имел нынче ни малейшего представления, где мне в сем мире пообедать. Мне встретился мистер Кут, и я надеялся, что он меня пригласит, но он и не подумал. Сэр Джон Стэнли как-то не пришел мне в голову, а посему я почел за лучшее отправиться к миссис Ван и пообедал с ней и ее чертовой хозяйкой, которая явная сводня — одни брови чего стоят. Вечером я встретил в парке Аддисона и пасторального Филипса и поужинал с ними на квартире у Аддисона. Мы очень славно провели время; что ни говори, а я все же не знаю никого, кто был бы мне хоть вполовину так приятен, как он. Я просидел с ними до двенадцати, из чего вы можете заключить, мои юные дамы, что уже довольно поздно. Тем не менее, я не прочь немного поболтать с *МД*, прежде чем ваш Престо отправится в постель, потому что постель наводит на меня сон, сновидения и тому подобное. Право же, это письмо что-то медленно подвигается, слышите, сударыни, но, сами понимаете, могу ли я писать помногу, когда вы еще не вполне обжились после путешествия, не сделали всех положенных визитов и не проиграли своих денег в ломбер. Вы что-то совсем перестали играть в шахматы, Стелла. Это привело мне на ум Дика Тая: я, кажется, уже говорил вам, что он частенько поколачивал здесь жену и что она вполне этого заслуживала; он решил расстаться с ней, и они уехали в Ирландию в разных каретах. О господи, ведь я наверняка все это уже рассказывал вам раньше. Отправляйтесь-ка спать, слышите, сударыни.

Виндзор, 15. Секретарь по моему настоянию сделал остановку в Брентфорде, потому что мы выехали нынче в два пополудни, а поститься — не в моем вкусе. Я намеревался ограничиться куском хлеба с маслом, но он непременно пожелал выйти из кареты, и мы, как заправские драгуны, велели подать нам ростбифы. При этом он заставил меня угостить не только его, но еще и двух джентльменов, так что сие развлечение обошлось мне в гинею. Хоть я и не охотник до таких шуток, но все же, признаться, получил и немалое удовольствие. Вечером наше Общество встретилось у секретаря; присутствовало девять человек, и мы избрали нового члена —

графа Джерси[631], отец которого недавно скончался. Уже второй час, и я улизнул оттуда.

16. Я намерен провести здесь эту неделю сам по себе в связи с одним делом, которым я сейчас занят и которое потребует немало времени. Один из здешних каноников — доктор Адаме пригласил меня нынче на обед. Ведь в Виндзоре по воскресеньям за обеденным столом собираются такие многолюдные компании, что пообедать в узком кругу очень мудрено, а доктор Адаме знает, что я предпочитаю небольшое общество, и это было с его стороны весьма любезно. Королева принимала гостей в своей опочивальне; она прекрасно выглядит, хотя все время сидела. Ужинал я, как обычно с лордом-казначеем и, как обычно, ушел только заполночь; была наша обычная компания за исключением лорда-хранителя печати, который не приехал в Виндзор. Я смертельно ненавижу эти поздние обильные ужины, впрочем, я редко что-нибудь ем.

17. Лорд-казначей и господин секретарь останутся здесь до завтра: их задерживают кое-какие дела, о чем я весьма сожалею, потому что они еще один день будут отвлекать меня от работы. Мистер Льюис и я собирались пообедать без вина в час дня с одним нашим приятелем, занимающим при дворе скромную должность, но лорд Гарли и лорд Даплин насильно задержали меня и объявили, что мы непременно должны обедать у лорда-казначея, собирающегося в четыре часа выехать в Лондон. И вот я как последний олух уступил и отправился с ними к лорду-казначею, который прекраснейшим образом выставил всех нас троих за дверь. Оба мои спутника были, правда, приглашены к герцогу Сомерсету, но он уехал на скачки и должен был вернуться не раньше пяти, так что нам пришлось отправиться в таверну и послать за вином к лорду-казначею, о котором нам при этом сообщили, что он отложил свой отъезд на завтра, и у которого мы опять ужинали. Я попросил у него позволения предъявить ему счет за истраченные мной в обед четыре шиллинга. Мы засиделись до двух часов ночи, но я все-таки должен был хоть что-нибудь написать малышкам *МД*.

18. Все уехали нынче рано утром и мне предстоит теперь искать удачи в одиночку, однако доктор Арбетнот обещал обеспечить меня приглашениями на обед и предоставил мне вчера самому выбрать место, сотрапезника и кушанья на сегодня. Так вот, я предпочел пообедать у миссис Хилл, одной из камеристок королевы и сестры миссис Мэшем, и чтобы никого, кроме нас троих, не было, и заказал баранью лопатку, но только небольшую, и все это было в точности исполнено, разве только что еды было слишком много сверх того, что я назвал, и с нами была еще жена доктора. А завтра миссис Хилл и я собираемся обедать у доктора. Я часто

встречал при дворе одного малого, которого, как мне показалось, знавал прежде; я спросил, кто это, и мне сказали, что это один из придворных служителей; в конце концов я его вспомнил: это знакомый Килли (я не говорю ваш) и зовут его, кажется, не то Ловет, не то Ловел, что-то в этом роде. Он едва ли меня знает, а в моем нынешнем положении я не слишком жажду возобновлять старые знакомства[632]. Помнится, я встречал его обычно у Брэдли. К слову сказать, миссис Брэдли[633] я так и не видел со времени моего приезда в Англию. Я как последний олух оставил ваше письмо в Лондоне и не могу поэтому на него ответить, пока не возвращусь, то есть не раньше следующего понедельника, так что это письмо будет отправлено позднее обычного, а не через две недели после предыдущего, как я положил за правило, но в следующий раз я восстановлю прежний порядок. А теперь идите и прогуляйтесь пешком к декану: в такую хорошую погоду это будет очень полезно для здоровья.

19. На следующей неделе здесь будут карты и танцы, такова воля королевы, из чего можно заключить, что она пробудет здесь дольше, нежели мы думали. Миссис Мэшем чувствует недомогание после родов; боюсь, что она простудилась, и в довершение всего она прихрамывает на одну ногу из-за ревматических болей. Доктор Арбетнот и миссис Хилл поедут завтра в Кенсингтон проведать ее и в тот же вечер возвратятся. Мы с миссис Хилл обедали нынче у доктора. Утром я поехал с ним верхом, чтобы осмотреть Крэнберн, загородный дом лорда Рэнла[634], а также охотничий домик герцогини Мальборо и парк; это самые прекрасные места, какие мне когда-либо доводилось видеть, как по своим природным свойствам, так и по насаждениям, и здесь самое прекрасное катание по дорогам, особо для того предназначенным и проложенным для прогулок королевы. Арбетнот уговорил меня сочинить проспект вымышленной подписки на книгу под названием «История фрейлин от царствования Генриха Восьмого», в которой якобы будет показано, что из них выходят впоследствии наилучшие жены, с присовокуплением списка фрейлин, начиная от тех времен и пр., с условием, чтобы одна крона уплачивалась сразу же наличными, а другая — при вручении книги; и все это с полным соблюдением принятых в таких случаях формальностей. Мы отыскали джентльмена, который красиво переписал этот проспект, потому что мой почерк хорошо известен, и разослали его фрейлинам, когда они явились к ужину. Если они на это клюнут, получится очень славная придворная шутка, и королева тоже, несомненно, подпишется; миссис Хилл мы о нашей затее ничего не сказали.

20. Полковник Годфри[635] пригласил нас сегодня отобедать за гофмаршальским столом; он женат на сестре герцога Мальборо, а герцог Бервик — ее сын от короля Иакова: мне приходится рассказывать вам об этих материях, поскольку все это было еще до вашего рождения. Я однако же послал свои извинения и пообедал вместе с молодым Харкуром, сыном лорда-хранителя печати, у моего ближайшего соседа доктора Адамса. Миссис Мэшем чувствует себя лучше и дня через три-четыре приедет сюда. Ей это крайне необходимо, потому что герцогиня Сомерсет, как полагают, с каждым днем все более упрочивает свое положение. — Мы пока еще не отправили законопроекты вашего парламента, и думаю, что в ваш финансовый проект внесены изменения. Власти предержащие осуждают здесь герцога Ормонда за проявленную им крайнюю нераспорядительность при выборах мэра. Им командуют дураки; сам он обладает куда большим здравым смыслом, нежели его советчики, но только никогда им не руководствуется. Мне необходимо знать, как вы себя чувствуете после Уэксфорда. Гуляйте и ездите верхом, слышите, сударыни; найдите кого-нибудь, кто играл бы с вами в волан, мадам Стелла, и ходите пешком к декану и в Доннибрук.

21. Полковник Годфри опять посылал нынче за мной, так что я обедал за гофмаршальским столом; нас было только одиннадцать человек, что по здешним меркам считается немного; впрочем, при дворе всегда немноголюдно до субботнего вечера. — Эти новые чернила и перо выводят диковинные закорючки. Я должен писать крупнее, да, должен, иначе Стелла не сумеет этого прочесть: S.S.S. — это ваши Ss, нарочно для вас, Стелла. Фрейлины клюнули на нашу выдумку, и все до единой внесли свои кроны, да еще пристают к другим, требуя, чтобы те тоже подписывались. Завтра я скажу об этом лорду-хранителю и лорду-казначею; королева, я полагаю, тоже подпишется. Вечером, немного погуляв сперва, я без толку растратил остальное время у мистера Льюиса, наблюдая за его игрой с доктором Арбетнотом в пикет. Никто, кроме меня, неспособен получать удовольствие от такого дурацкого времяпрепровождения, разве только еще престарелая леди Беркли. Но, уходя, я очень на себя досадовал и решил, что больше не стану попусту тратить время: у меня сейчас чертова прорва дел, а времени в обрез. Памфлетисты начинают чересчур рьяно нападать на кабинет министров, и я попросил господина секретаря примерно наказать одного-двух, чтобы другим неповадно было; он обещал мне это сделать. Уж очень они осмелели и стали дерзки на язык.

22. Нынче день приезда министров в Виндзор, по этой причине я днем только слегка перекусил на квартире у мистера Льюиса, потому что мне

предстояло ужинать с лордом-казначеем, а в половине второго я уговорил мистера Льюиса пойти погулять по аллее длиной в две мили; мы прошли всего около пяти миль, но из-за его медленной ходьбы я так утомился, что, оставя его, прошел две мили в сторону Лондона в надежде встретить лорда-казначея и возвратиться вместе с ним, но стало темнеть, и я вынужден был повернуть назад, так что я прошел пешком целых девять миль. Лорд-казначей приехал только в девятом часу, что с его стороны крайне опрометчиво, потому что луны не было, и я уже не раз говорил ему, как безрассудно он поступает, подвергая себя такой опасности, но он всегда обращает мои слова в шутку. Я ужинал с ним и просидел до сих пор, а сейчас уже половина третьего. Он весел, беспечен и празден, как молодой наследник в день совершеннолетия. Однако уже очень поздно.

23. Секретарь приехал не вчера вечером, а только сегодня в три пополудни. Я еще его не видел, но убежден, что они стремятся как можно быстрее заключить мир, потому что иначе им дольше не продержаться. Королева была нынче в церкви, но ее принесли туда в кресле. Я и мистер Льюис уединенно пообедали сегодня с мистером Лоумэном, служителем королевской кухни. Утром я пошел повидаться с лордом-хранителем и рассказал ему о нашей шутке с фрейлинами, а лорд-казначей узнал об этом еще вчера вечером. Мошенник Арбетнот свалил все на меня. При дворе было нынче очень многолюдно. Я ожидал, что лорд-казначей пригласит меня на ужин, но он только раскланялся со мной в гостиной, и мы ни словом не перемолвились. А сейчас семь вечера, я сижу дома и надеюсь, что лорд-казначей на станет звать меня на ужин. Однако же, если он этого не сделает, я буду потом его упрекать, а он сделает вид, что сердится на меня за то, что я не пришел. — А теперь прощайте, пока я не лягу в постель, потому что сейчас я собираюсь заняться делами. — Уже одиннадцатый час, и я спустился вниз, чтобы справиться у слуг относительно господина секретаря. Они говорят, что королева будто бы все еще на заседании совета и что она уходила поужинать, а потом вновь возвратилась на заседание. Нет никакого сомнения, что они хлопочут о заключении мира. Баста! Ложусь в постель. — Сейчас уже одиннадцать, и только что явился посыльный от лорда-казначея с приглашением на ужин, но я просил передать мои извинения и очень рад, что уже в постели, в противном случае мне пришлось бы просидеть там до двух и пить, пока я не почувствовал бы себя разгоряченным. А сейчас я буду спать.

Лондон, 24. Приехал сюда в шесть часов вечера с лордом-казначеем и пробыл у него до десяти. Вчерашние разговоры, будто королева уходила поужинать, а потом опять возвратилась, — чистейшее вранье; я узнал это

нынче утром от секретаря. Министры, я вижу, очень заняты сейчас с Прайором и, похоже, что его опять отрядят во Францию. Судя по тому, что я слыхал, мы наверняка очень скоро заключим мир. Всю прошлую неделю в Виндзоре стояла очаровательная погода, но нынче прошел небольшой дождь, а вчера было довольно ветрено. Памфлет о поездке Прайора все еще раскупают, уже продано две тысячи экземпляров, и это при том, что Лондон совсем опустел. Здесь меня застало письмо миссис Фен-тон, которая от имени леди Джиффард приглашает меня приехать и провести недельку в Шине, пока та находится в Мур-Парке. Уж я им отвечу, будьте покойны. А теперь вас, конечно, интересует, когда я примусь отвечать на № 20 от *МД*. Я так надежно его спрятал, что едва отыскал; но вот оно; боюсь только, что смогу отправить свое не раньше четверга, ведь завтра утром я должен повидать секретаря, а вечером побывать еще в одном месте.

25. Почерк Стеллы прямо императорский. И какой она представила отчет о своем путешествии, в жизни ничего подобного не видел. Так, посмотрим; отодвиньтесь-ка чуть-чуть в сторонку; давайте прикинем: значит, четыре дня вы пробыли в Эннискорти и две ночи — у матушки миссис Проби и при всем том уверяете, что путешествовали только шесть дней; вот ваши собственные слова: «Сегодня ровно неделя, как мы выехали из Уэксфорда, а сюда приехали прошлой ночью». Я не раз слыхал, что путешественники врут, не смущаясь. Когда же вы ехали? Объясните, если можете? Каково расстояние от Уэксфорда до Дублина? и сколько миль вы проезжали за день? Теперь о расходах: позвольте прикинуть — тридцать фунтов за два месяца составят сто восемьдесят фунтов в год: сущий пустяк для кошелька Стеллы. Мне приснилось, будто Билли Свифт жив и будто я сказал ему, что вы написали мне, будто он умер, и будто вы присутствовали на его похоронах, и я восхищался вашим бесстыдством и изо всех сил спешил сообщить вам, что вы просто лживые плутовки. Бедняга, его свела в могилу глупость и любовь его матери, и все же теперь я охотно верю, что она, как вы говорите, очень скоро перестанет о нем горевать. — О конечно же, мадам Дингли, вы чрезвычайно устали от общества в Уэксфорде, какие могут быть сомнения? А ваше описание жилища выше всяческих похвал: чистые простыни, но голые стены; мне остается только предположить, что вы спали на стенах. — Значит, миссис Уоллс получила, наконец, свой чай, но кто, хотел бы я знать, заплатит м«е деньги? Как, я никогда их не получу! Выходит, я сделал подарок в возмещение каких-то ваших долгов и пр. Но где тогда благодарность семейства? Ну что ж, быть по сему; этот чай стоит тридцать четыре

английских шиллинга. — Тогда уж сами рассчитывайтесь с миссис Уоллс: в Ирландии это, видимо, будет дороже на столько же пенсов[636]. — Нет, по-моему, Ли и Стерн на побережье не были[637]. Боюсь, что дело Стерна не выгорит. Я его уже порядком не видал. Не могу простить ему, как он распорядился с отправленной вам посылкой, да и я свалял величайшего на свете дурака, понадеявшись на такого легкомысленного хлыща. При случае я еще поговорю с ним об этом. С мистером Аддисоном я с тех пор виделся еще лишь однажды и ужинал с ним, но я, кажется, уже упоминал о нашей встрече где-то в этом письме. Архиепископ, что и говорить, сделал превосходный выбор, остановись на Уоллсе в качестве посыльного ко мне, впрочем, на мой взгляд, для этой роли он годится больше, нежели для какой-нибудь другой. — Какого дьявола она согласилась! Я не рассматривал, как она выглядит. Что ж, она так и будет пропадать только потому, что стесняется леди Джиффард? Мне жаль бедняжку Дженни[638], — но ее муж сущий болван, так что тут она немного потеряла из-за своей глухоты. Боюсь, мадам Стелла, что в своих отчетах вы приняли один напиток за другой и что на самом деле там было сто сорок кварт вина и тридцать две — воды. — Все это написано утром, а сейчас я собираюсь пойти к секретарю. Ответ на ваше письмо вышел несколько короче обычного, потому что я намерен отправить это нынче, а свою запись за сегодняшний день сделаю вечером в следующем письме, ведь я ужасно боюсь получить от вас новое письмо до того, как отправлю свое. Я никогда больше не допущу, чтобы мне пришлось отвечать на два письма сразу. — Какая мне забота о докторе Тиздале и докторе Раймонде и о том, сколько у них детей? Я желаю им по сотне каждому. — Лорд-казначей обещал написать завтра ответ на послание епископов и показать его мне. Я убежден, что там будет подтверждено все, что я говорил, и будут посрамлены те, кто приписывает всю заслугу герцогу Ормонду. Я постарался, чтобы лорд-казначей почувствовал себя задетым, и на днях, говоря со мной об этом деле, он заметил: «Я свидетель, что вы добились для них первин еще до того, как герцог стал лордом-наместником». Нижайший поклон от меня миссис Уоллс, миссис Стоит и Кэтрин. Прощайте и прочее.

Как вы поступаете, когда обнаруживаете в моих письмах какие-нибудь описки? И как догадываетесь, о чем идет речь? ведь я никогда не перечитываю и не исправляю их. Еще раз прощайте.

Пожалуйста, пошлите это долговое обязательство миссис Брент, чтобы она получила по нему деньги, когда Парвисол приедет в город, или

же пусть она перешлет это ему.

Письмо XXXI

Лондон, 25 сентября 1711.

[*вторник*]

Обедал в Сити и на обратном пути отнес свое 30-е в почтовую контору, а придя домой, обнаружил письмо от … В жизни не читал ничего более возвышенного! Целых три с половиной страницы in folio, из них первые две заполнены сатирой на Лондон с его многолюдьем и суетой (автор явно позаимствовал их из какого-нибудь своего школьного сочинения), а остальные полторы страницы изведены на просьбу похлопотать перед лордом-казначеем о пенсии для вдовы вашего таможенного комиссара миссис Саут[639]. Сочинитель сего письма — милейший и рассудительнейший малый из всех, кого я имел удовольствие когда-либо лицезреть или когда-либо окунавших перо в чернила. Понятия не имею, что ему ответить, чума его забери. У меня и без него хватает таких просителей здесь, в Англии. Я, пожалуй, напишу ему, что никогда в глаза не видал никакого лорда-казначея; хорошо помню, что в бытность его здесь я старательно избегал упоминать при нем имена вельмож из опасения, чтв он растрезвонит об этом в Ирландии. И в довершение всего мои хлопоты должны остаться в тайне, чтобы о них, не дай бог, не проведал герцог Болтон[640], который может счесть ходатайство такого лица слишком незначительным. Никогда еще не читывал такого пр[оклято]го письма; меня так и подмывает переслать его вам. — Отправлю вам хотя бы образчик, первое попавшееся на глаза место, не выбирая. «В сем месте (подразумевается лондонская биржа), являющем собой компендий сей новой древней Трои, как сама она олицетворяет собой весь суетный мир, я испытал такое пресыщение, что наскучил людьми и вознамерился впредь навеки погрести себя под тенистым кровом …….» Да будет вам известно, что кое-кто именовал Лондон Новой Троей. Не угодно ли еще немного? Тогда вот еще несколько строк для Стеллы, ей они придутся особенно по вкусу. «Сей удивительный театр (подразумевается Лондон) был для меня не более, чем пустыней, и я буду меньше сетовать на одиночество, размышляя о крушении своих упований где-нибудь в Коннахте[641] или среди бесконечных болот Аллена». И, наконец, чтобы покончить с этим, еще один кусочек для миссис Маргрет. «Их королевский фанум, где они ежедневно поклоняются своему идолу — Златому тельцу, казался мне точным подобием пчелиного роя, что без

устали трудится под тяжким бременем забот». Фанум — это храм, однако он подразумевает под ним биржу, а Златой телец — это деньги. Ну вот, теперь и миссис Маргрет получит свою долю удовольствия. Ну, и еще кусочек и я… — Ну, ну, не надо так сердиться, я больше не буду. Прошу вас, Стелла, успокойтесь. Очень даже славное письмо, и как не порадоваться, что я принужден иметь в числе знакомых такого бесстыжего пса! — Подготовка к заключению мира продвигается довольно успешно. Нынче утром Прайор провел два часа с секретарем. Мне сказали об этом, когда я зашел туда вскоре после его ухода. Похоже, что его вскоре снова отрядят во Францию, и тогда я усажу кого-нибудь сочинить отчет о его второй поездке: надеюсь, что первый вы уже видели. Дурацкое письмо этого пса настолько вывело меня из себя, что я долго ничем не мог заняться.

26. Вчера и сегодня у меня был Бернидж; я послал за ним, чтобы предупредить о том, что доктор Арбетнот настойчиво добивается назначения капитаном своего брата. Его брат всего только прапорщик, однако доктор пользуется большим влиянием на королеву. Он, правда, сказал мне, что не предпримет ничего такого, что было бы во вред джентльмену, являющемуся моим другом, да и я постарался расположить в пользу Берниджа его полковника и господина секретаря. Бернидж с грустью рассказал мне сегодня, что его соперник написал из Виндзора (куда он отправился хлопотать), что будто бы добился успеха, и Бернидж настроен весьма мрачно. Я уговорил вчера секретаря написать письмо полковнику Берниджа и замолвить за него словечко. Надеюсь, что ему это поможет; кроме того, я написал доктору Арбетноту в Виндзор и просил его не чинить для Берниджа препятствий. Обедал я в Сити в таверне Понтэка со Стрэтфордом, что обошлось мне в семь шиллингов; он, конечно, уплатил бы сам, но я этому воспротивился. Я продал свои акции Английского банка и поместил деньги в другие процентные бумаги и хочу, чтобы Парвисол попросил Хокшоу при первой же возможности возвратить мне деньги, потому что намерен их тоже поместить в процентные бумаги, а до тех пор одолжу ровно столько же у господина секретаря, любезно предложившего ссудить меня такой суммой. Послушайте, сударыни, отправляйтесь-ка к декану.

27. Бернидж опять приходил ко мне сегодня утром, он был чрезвычайно обеспокоен, да и я, признаться, тоже, однако днем за обедом у лорда-казначея мой брат Джордж Грэнвил, военный министр, протомив меня некоторое время, сообщил затем, что доктор Арбетнот отказался от своего первоначального намерения, потому что не хотел причинять вред

моему другу, и что его брат получит должность лейтенанта, а Бернидж будет назначен капитаном. Я зашел после этого к Берниджу на квартиру и наведался в солдатскую кофейню, чтобы успокоить его, однако нигде его не застал, а посему просил передать ему записку и надеюсь увидеться с ним завтра. Он живет теперь в достатке: получает десять шиллингов в день, кроме законного плутовства. Ему, правда, приходится отдавать по негласному уговору часть денег своему полковнику, но это очень незначительная сумма; полковник весьма к нему благоволит и все удивляется, как много у него друзей. Теперь его дело окончательно улажено, и мне не придется больше о нем заботиться. — Я довольно рано ушел сегодня вечером от лорда-казначея, но секретарь последовал за мной и попросил поехать с ним в В…… Едва я успел написать первую букву слова, начинающегося с В (я собирался написать Виндзор), как вошел слуга мистера Льюиса и передал мне прелестное шутливое письмо от доктора Арбетнота, извещающего меня, что, в согласии с моим желанием, он как раз нынче утром отказался от всяких притязаний на эту должность в пользу Берниджа и что королева велела мистеру Грэнвилу подыскать для его брата вакантное место капитана в какой-нибудь другой роте. Независимо от того, сделано ли это из желания угодить мне или нет, мне остается только счесть этот поступок за любезность. Доктор Арбетнот пишет, что как раз сегодня утром он просил ее величество отдать роту мистеру Беониджу. Я чрезвычайно доволен столь успешным завершением этого дела. Вы, возможно, сочтете, что я слишком докучаю вам подробностями касательно Берниджа, однако мне кажется, что его судьба вам небезразлична.

Виндзор, 28. Я приехал сюда на день раньше обычного по настоянию господина секретаря и ужинал с ним и Прайором и еще двумя тайными послами из Франции и французским священником[642]. Мне неизвестны имена этих посланников, но они прибыли по поводу договора о мире. Имена, которыми называл их секретарь, как я полагаю, вымышленные; а сами они произвели на меня впечатление людей весьма здравомыслящих. Мы уже уладили все дела с Францией и притом к немалой чести и выгоде для Англии, и королева пребывает сейчас в чрезвычайно хорошем расположении духа. Все эти новости — величайшая тайна, хотя вообще-то публика осведомлена о том, что дело идет к заключению мира. Граф Страффорд поедет скоро в Голландию, чтобы сообщить там о предпринимаемых нами шагах. Придется им, черт бы их побрал, кое-чем поплатиться, но мы заставим их это проглотить, чума на их голову. Французские послы беседовали с нами до часа ночи, а потом мы до двух

проговорили наедине с секретарем, так что согласитесь, сударыни, что уже довольно поздно и вашему маленькому нахальному Престо пришло время улечься в постель и заснуть. Благослови господь бедных малюток *МД*; надеюсь, они уже крепко спят и видят во сне Престо.

29. Лорд-казначей по обыкновению своему приехал сегодня вечером в половине девятого в кромешной тьме. Мне надоело выговаривать ему, а посему я похвалил его за то, что он прислушивается к советам друзей и приехал так рано, и прочее. Вечером я провел два часа с леди Оглторп[643], а потом поужинал с лордом-казначеем (обедал я за гофмаршальским столом) и просидел с ним до двух часов ночи: таковы последствия его пребывания здесь; я принужден с ним ужинать, а он, окаянный, имеет обыкновение бодрствовать до глубокой ночи. Лорд-хранитель печати и секретарь не пришли, они не в состоянии просиживать с ним столько времени. Эти продолжительные бдения причиной тому, что мои записи в дневнике так коротки. Я намерен остаться здесь на всю следующую неделю, чтобы побыть одному и иметь возможность завершить нечто чрезвычайно важное, чем я сейчас занят и что должен закончить как можно скорее. Тогда я начну подумывать о возвращении в Ирландию, если только мне позволят, но я, право, не знаю больше ничего, что мне могли бы поручить. Я поблагодарил доктора Арбетнота за его доброту к Берниджу, чье назначение уже подписано. Ей-богу, я жажду услыхать что-нибудь о здоровье Стеллы и о том, как она себя чувствует после уэксфордских вод.

30. Королева не была нынче в часовне: у нее небольшой приступ подагры; но, как говорится, нет худа без добра, потому что проповедь читал какой-то тупица. Я отобедал у моего брата Мэшема в узком кругу и явился к лорду-казначею лишь в одиннадцать часов, то есть после ужина, притворясь, будто я ошибся часом; так что я ничего не ел, а вскоре после двенадцати компания разошлась, потому что хранитель и секретарь не захотели остаться, и я таким образом избежал на сей раз ночной попойки. Прайор уехал вчера со своими французами, и в городе чего только не говорят. Некоторые уверяют, будто признали в одном из французов аббата де Полиньяка[644], другие клянутся, что это был аббат дю Буа[645]. Возможность заключения мира приводит вигов в ярость, однако даю вам слово, ребятки, мы-таки заставим их побеситься. Идите, идите, идите к своему декану, юные дамы, и не забивайте себе мозги политикой, потому что после вод она не только совершенно бесполезна, но даже решительно вредна и ударяет в голову. Идите и получите двух черных тузов и фишку за Манильо.

1 октября. Сэр Джон Уолтер[646], выпивоха и славный малый, который дежурит сейчас при дворе, не желая отстать от вига полковника Годфри, пригласил меня отобедать нынче за гофмаршальским столом. Одновременно я был зван вместе с мистером Мэшемом на пиршество к мэру, но пришел слишком поздно, потому что поджидал лорда-казначея, желая попрощаться с ним; в конце концов, поскольку лорда-казначея все не было, а я твердо вознамерился не упускать из-за него двух обедов сразу, мне пришлось незаметно возвратиться к гофмаршальскому столу. Я попрощался нынче с моим другом и ходатаем лордом Риверсом; в четверг он по повелению королевы уезжает в Ганновер. Секретарь поедет в Лондон только завтра; он, я и еще два приятеля скромно распили бутылку вина и в двенадцать разошлись; он уедет завтра в седьмом часу утра, так что я с ним не увижусь. В его отсутствие я могу распоряжаться его погребом и понемногу пользоваться им. Лорд Дартмут и мой друг Льюис пробудут здесь всю эту неделю, но мне еще ни разу не удавалось напроситься к Дартмуту на обед. Правда, Мэшем обещал позаботиться обо мне; я учтиво подал руку его жене, когда она выходила нынче из кареты, и денька через два должен сделать ей визит. И у вас, стало быть, довольно длительное время стояла самая прекрасная погода, какая только бывает на свете, но я каждый день огорчаюсь при мысли, что она вот-вот кончится. Я ничего сегодня не делал, потому что очень разленился.

2. Мой приятель Льюис и я, не желая объедаться и томиться в чересчур большой компании, пообедали с почтенным Джимми Экершелвм, чиновником королевской кухни, который сейчас дежурит, и я заранее заказал, что буду есть, но этот невежа взял и навязал нам общество дворцового привратника, вашего знакомца Ловета. К концу обеда этот Ловет после всякого рода экивоков объявил, что уже имел честь видеть меня прежде в Мур-Парке и, как ему кажется, припоминает мое лицо, на что я ответил, что, как мне кажется, я тоже его припоминаю и весьма рад его видеть и прочее, после чего тотчас ретировался, потому что уж очеиь он был развязен. Весь день нынче лил дождь, боюсь, что хорошая погода у нас кончилась. После обеда я до того разленился, что сел играть с Льюисом в пикет по двенадцать пенсов и выиграл семь шиллингов; это все, что мне удалось выиграть за целый год. Я, правда, всего-то играл раза четыре, не больше, и, как мне кажется, всякий раз в Виндзоре; и то сказать, карты очень дороги, за каждую колоду надо платить шесть пенсов пошлины — сущее разорение для мелких игроков.

3. Мэшем пригласил меня нынче утром проехаться с ним верхом, поскольку опять установилась прекрасная погода, но я был чрезвычайно

занят и послал свои извинения, попросив, однако, чтобы он позаботился о моем обеде. Обедал я с ним, его женой и свояченицей, миссис Хилл, которая пригласила нас к себе на обед на завтра, а утром мы собираемся совершить прогулку. Вечером я просидел до восьми с леди Оглторп, а потом пошел домой, чтобы сесть писать; я разыскал женщину, которая держит ключи от дома, и она сказала, что их взял Патрик. Делать было нечего: до девяти я в нетерпении слонялся по галереям, а потом отправился в музыкальное собрание, куда меня так часто зазывали, но, утомясь за полчаса этой прелестной дребеденью, улизнул настолько незаметно, что привлек к себе всеобщее внимание, после чего снова слонялся по галереям до начала одиннадцатого. Затем соизволил вернуться Патрик. Войдя в дом, я притворил за собой дверь в комнату и с размаху съездил его несколько раз по уху. При этом я вывихнул себе большой палец на левой руке, но почувствовал боль только после того, как Патрик убрался. Он был чрезвычайно испуган и растерян.

4. Это был прекраснейший в мире день, и в одиннадцатом часу мы выехали на прогулку, целый поезд знатных особ. Герцогиня Шрусбери в коляске, запряженной одной лошадью, и с ней мисс Тачит[647]; миссис Мэшем и камеристка миссис Скарборо в одной из колясок королевы; потом две фрейлины — мисс Форстер и мисс Скарборо[648], а также миссис Хилл — все трое верхом. Герцог Шрусбери, мистер Мэшем, Джордж Филдинг[649], Арбетнот и я — все тоже верхом. Лошадь, на которой ехала миссис Хилл, была нанята для мисс Скарборо, но миссис Хилл любезно согласилась поехать на ней, тем более, что у ее собственной лошади сейчас ссадина и ехать на ней было невозможно: она то и дело брыкалась и вздрагивала; впрочем, и нанятая лошадь не стоила и восемнадцати пенсов. Мне пришлось одолжить редингот, башмаки и лошадь; одним словом, ради этой прогулки нам пришлось преодолеть столько же затруднений и даже больше, чем когда мы бывало выезжали целой компанией из Трима к Лонгфилдам[650]. Мой редингот был из светлого камлота с красной бархатной отделкой и серебряными пуговицами. Мы проехали около двенадцати миль по большому парку и близлежащему лесу, и я долго беседовал с герцогиней. Домой мы возвратились к двум, и мистер Мэшем с женой, Арбетнот и я пообедали у миссис Хилл. Арбетнот очень всех нас огорчил, сказав, что у него появились следы крови в моче и в ближайшие двенадцать часов он ожидает жестоких колик, он сказал, что никогда в таких случаях не ошибается, и у него был такой вид, будто назавтра ему предстоит жестокая пытка. Мне остается лишь надеяться, что как-нибудь

все обойдется: он чрезвычайно порядочный человек, и я ему многим обязан. После обеда прошел небольшой дождь, но потом опять распогодилось. Леди Оглторп прислала сказать мне, что ей необходимо со мной поговорить и, как оказалось, лишь затем, чтобы сообщить мне о желании леди Рочестер[651] поближе со мной познакомиться. Но это сообщение несколько запоздало, поскольку я уже не влюблен больше в леди Рочестер: меня высмеяли из-за нее, потому что она староватa. Арбетнот выразил надежду, что боль, которую я чувствую в большом пальце, вызвана не подагрой; он будто бы не раз убеждался, что люди склонны ошибаться на этот счет. Я никак не припомню, чем именно эта боль была вызвана, но только я почувствовал ее как раз после того, как поколотил Патрика, а теперь палец болит уже меньше, так что Арбетнот, я полагаю, все же неправ.

5. Герцогиня Шрусбери прислала мне приглашение на обед, но вчера вечером, когда приходил ее слуга, меня не было дома, так что мне пришлось нынче утром послать ей свои извинения, поскольку я уже приглашен, о чем весьма сожалею. Миссис Форстер укоряла меня вчера за историю с фрейлинами, но я честно сказал ей, что это не моя затея, убедившись, что они отнеслись к этому крайне неодобрительно, а с меня и без того достаточно ссоры с этим мужланом сэром Джоном Уолтером, который с тех пор, как я пообедал с ним, поносит меня везде, где только не появится: я, видите ли, будто бы разбранил королевскую кухню и вино и объявил, что на столе не было ничего съедобного, и вся эта д[явольска]я ложь основана лишь на том, что после обеда, похвалив вино, я сказал, что оно показалось мне несколько слабоватым. Вы бы подивились, узнав, как все мои друзья смеются по поводу этой ссоры, а уж если о ней проведают хранитель, казначей и секретарь, то это будет для них отличная забава. Я обедал с полковником Годфри, потом часок славно прогулялся на террасе, а потом возвратился домой поработать. Однако становится довольно-таки холодно, а у меня здесь при себе нет ни одного камзола.

6. До сего дня я ни разу не обедал со здешними капелланами, хотя мой приятель Гастрел и декан Рочестера часто меня приглашали; поскольку нынче я не был никуда зван, то отправился к ним: их стол при дворе самый скудный. Посуда была оловянная. Каждый капеллан, дослужившись до декана, оставляет им что-нибудь из столового серебра, так что у них собралась какая-то малость, кое-какое старье. Один капеллан, назначенный деканом Питерборо (округ плохонький), объявил, что коль скоро он всего-навсего декан *Пьютерборо*[652], то не оставит никакой серебряной посуды,

а на нет и суда нет. Сегодня получено известие, что экспедицию, возглавляемую мистером Хиллом, постигла неудача; я навестил поэтому миссис Мэшем и миссис Хилл, которые доводятся ему сестрами, чтобы выразить им свое сочувствие. Я посоветовал им непременно пойти нынче вечером в музыкальное собрание, чтобы не показать и вида, что они пали духом, и прочее, и, рассудив, что я прав, они послушались моего совета. Боюсь, что мистер Хилл и его адмирал допустили какую-нибудь оплошность; мы, однако же, виним во всем шторм. Я поужинал с секретарем, а потом мы вместе пошли на ужин к лорду-казначею и просидели у него до двенадцати. Секретарь весьма подавлен известием о неудаче Хилла, потому что эта экспедиция была снаряжена по его настоянию и он возлагал на нее большие надежды; что же до лорда-казначея, то он был весел не менее, чем обычно, и все шутил по поводу моей ссоры с сэром Джоном Уолтером. Я сказал, что единственное, чем я обеспокоен, так это тем, что они, чего доброго, возьмут с него пример, слишком много о себе возомнят и выйдут из-под моей власти; я, мол, и не рассчитывал на то, что мне будут повиноваться такие медведи, хотя люди мне повинуются. Они пообещали слушаться меня, как прежде, и мы вволю посмеялись. — А теперь я улягусь в постель, потому что еще больше похолодало; а у вас, небось, горит камин, и вы сидите себе дома за картами.

7. Лорд Гарли и я обедали нынче в узком домашнем кругу с миссис Мэшем, миссис Хилл и моим братом Мэшемом. Я встретил при дворе лорда Галифакса, мы поздоровались и разговорились, но тут подошла герцогиня Шрусбери и стала упрекать меня за то, что я не явился к ней на обед; я ответил, что не в моих правилах так быстро уступать желанию дамы, потому что обычно я ожидаю от дам больших авансов и особенно от герцогинь. Она обещала повиноваться любому требованию, какое мне угодно будет ей предъявить, после чего я согласился отобедать у нее завтра, если только не принужден буду срочно отправиться в Лондон, а это может произойти еще до обеда. Леди Оглторп свела меня сегодня в гостиной с герцогиней Гамильтон, и я выказал ей некоторое расположение, но только самую малость. Все подтрунивают над Уолтером. Он сказал лорду-казначею, что тот будто бы переманил к себе все общество, которое должно было с ним обедать, на что милорд ответил: А я пошлю к вам взамен доктора Свифта; лорд-хранитель попросил его быть впредь осмотрительнее в своих поступках, потому что, как он сказал, доктор Свифт не только наш общий любимец, но и наш повелитель. У лорда-казначея собралась за ужином обычная компания, и мы расстались около

двенадцати.

Лондон, 8. Думаю, что я едва ли еще раз поеду в Виндзор, потому что королева, как мы ожидаем, в ближайшие десять дней переедет в Хэмптон-Корт. Прошлой ночью ударил мороз, и сегодня немилосердно холодно. Мне так и не удалось пообедать с герцогиней, потому что я уехал из Виндзора вместе с лордом-казначеем в половине второго и по пути мы завернули в Кенсингтон, куда миссис Мэшем отлучилась на два дня проведать своих детей. Я пообедал или скорее поужинал с лордом-казначеем и ушел от него только в одиннадцатом часу. Тиздал и его благоверная после очередной семейной перепалки изволили уже отбыть во свояси. Вчера я получил два письма, которые были вручены мне у мистера Мэшема: одно от Форда, а другое от наших маленьких *МД*, № 21. Мне не хотелось говорить вам об этом до сегодняшнего дня, просто не хотелось, и все тут; я отвечу на него только в следующем письме, потому что из-за пребывания в Виндзоре прошлое мое письмо вышло на дна дня длиннее обычного, и я хочу это исправить. Ну, что ж, сударыни, мне надобно ложиться спать. Дорога была сегодня сухая, как в середине лета. Завтра это письмо будет отправлено.

9. Утро. Льет, как из ведра. Наши погожие дни, по-видимому, кончились. Как вы думаете, не надеть ли мне сегодня камзол? Хорошо, так и быть, надену, чтобы угодить *МД*. Я намереваюсь пообедать сегодня дома бараньей отбивной и кружкой пива. В городе все еще никого нет. Лорд Страффорд уехал в Голландию, чтобы сообщить там о шагах, предпринятых нами к заключению мира. Вскоре мы услышим, что ответили голландцы и как они это восприняли. Нижайший поклон от меня миссис Уоллс, миссис Стоит и Кэтрин. — Доброго утра, дражайшие сударыни, и прощайте; и да благословит всемогущий господь *МД*, бедных, маленьких, дорогих *МД*, да-да, именно так, и Престо тоже. Вечером я опять вам напишу, то есть я начну новое письмо.

Сия приписка предназначается для *МД*, ведь и поля тоже следует заполнять[653], дерзкие плутовки.

Письмо XXXII

Лондон, 9 октября 1711.

[*вторник*]

В полдень мне пришлось прилечь, чтобы восполнить то, что я недоспал ночью. Пробудясь в третьем часу, я послал в соседнюю кухмистерскую за бараньей отбивной и кружкой пива, но ел без всякого аппетита. Из дому я вышел только в четыре и пошел навестить Бидди Флойд, которую не видел уже три месяца. Лицо ее немного помечено оспинами, но цвет лица свежий, как прежде, и выглядит она весьма недурно. Вечер я провел с миссис Ваномри, у которой выпил кофе и съел яйцо. И еще я снял сегодня новую квартиру, потому что на старой мне были не по душе первый этаж, постоянная вонь и прочие обстоятельства. Теперь я живу, или, вернее, буду жить близ Лестерфилдс и буду платить десять шиллингов в неделю, так что меня едва ли надолго хватит. На старом месте я проведу еще только одну ночь. Сегодня до часа дня отчаянно лило. Я соврал, потому что проведу здесь еще две ночи, до четверга, а уж потом перееду. Говорил ли я вам, что брат моей приятельницы миссис Бартон, который участвовал в экспедиции под началом Джека Хилла, утонул? Он имел чин подполковника и был изрядный щеголь; она убрала свою комнату, как подобает в таких случаях, и слуги говорят, что даже не принимает никаких записок. — Престо, ответьте, наконец, на письмо *МД*, слышите! — Нет, говорит Престо, пока еще не стану, я слишком занят; а вы — дерзкие плутовки. Кто там голос подает?

10. Мне пришлось истратить два шиллинга на наемную карету, чтобы пообедать в Сити с типографом. За две недели я отправил ему или, вернее, меня вынудили отправить три памфлета[654]. Уж я попотчую этих мошенников горяченьким, и на каждый их выпад у меня найдется достойный ответ. Я науськал на них одного борзописца[655] и подучил его написать так, чтобы это приняли за мое сочинение. Мошенник, печатающий газетенку под названием «Протестантский почтальон», позволил себе обронить в одном из своих листков оскорбительные намеки по моему адресу, но секретарь велел его арестовать, и ему зададут перцу, чтобы другим неповадно было. Он написал, что некий честолюбец из тех, кого кличут скакунами[656], потерпев неудачу в своих далекоидущих надеждах на повышение в Ирландии, приехал сюда, дабы излить свою

досаду на прошлый кабинет министров. Он у меня еще поскачет за это. Весь вечер я просидел дома, потому что очень сейчас занят, и, если бы это было не для *МД*, едва ли сумел бы выбрать время, чтобы написать. У меня сейчас бешеная спешка.[657]

11. Обедал нынче с лордом-казначеем. По четвергам у него собирается теперь избранный круг, но только компания наша очень уж разрослась. Джордж Грэнвил прислал свои извинения, поскольку он нездоров; он, как я слыхал, опасается апоплексического удара, что чрезвычайно бы меня огорчило. Лорд-казначей называет Прайора не иначе как Monsieur Baudrier — это вымышленное имя француза, описавшего его поездку в Париж. Они дают мне понять, что считают этот памфлет моих рук делом, но я говорю о нем так непринужденно, что расстраиваю всю их игру. Лорд-казначей зовет меня теперь доктор Мартин, потому что «мартин» тоже ласточка, как и стриж[658]; возвращаясь с ним в прошлый понедельник из Виндзора, мы читали подряд все вывески вдоль дороги. Он чистейший пустомеля, так и скажите епископу Клогерскому. Я предложил ему сочинить две стихотворные строчки, в которые входили бы слова «колокол» и «дракон», и у него получилось на редкость скверно. Дилли, я полагаю, теперь уже в Ирландии. Хотел бы я знать, какая причина побудила его уехать из Лондона, не сказавшись мне? Величайшая глупость с его стороны! Ему, я думаю, просто надоело, поскольку он от природы наделен непостоянным нравом. Ведь это образец непостоянства. Я до десяти часов просидел у лорда-казначея в обществе пяти лордов и трех членов палаты общин. А теперь садитесь за свой ломбер, сударыни.

12. Миссис Ваномри, как и я, тоже переменила квартиру. Она убедилась, что ее хозяйка — сводня, и съехала оттуда. Нынче я пообедал у нее, она поселилась с пансионом, однако хозяйка с ней не обедает. Я стал необычайным охотником до сельди; правда, она здесь намного мельче, нежели у вас. Днем я сделал визит престарелому генерал-майору и съел у него шесть устриц, а потом посидел часок с миссис Колидж, у которой отец был столяр и которую повесили (я хотел сказать которого повесили, столяра, а не дочь), и с женой мирового судьи Томсона. Там была также знаменитая миссис Флойд из Честера, пожалуй, красивейшая из всех женщин, каких я когда-либо видел (кроме *МД*, разумеется). Она сказала мне, что человек двадцать прислали ей стихи, обращенные к Бидди[659], полагая, что автор имеет в виду ее, и, по правде говоря, в отношении красоты она куда больше их заслуживает. Я не поеду завтра в Риндзор и так и сказал нынче секретарю. Мне ненавистна мысль о субботних и

воскресных ужинах у лорда-казначея. Джек Хилл возвратился после своей неудачной экспедиции и, как я полагаю, находится сейчас в Виндзоре; я с ним еще не виделся. Даже его друзья и те втихомолку порицают его за непростительную оплошность. Он созвал военный совет, на котором было решено возвратиться. Генерал не должен так поступать, говорят они, потому что офицеры всегда будут за возвращение; ведь винить будут не их, а генерала. Мне от души его жаль. Бернидж получил сегодня свое назначение.

13. Я обедал нынче с недавним губернатором Барбадоса полковником Кроу; он закадычный друг вашего приятеля Стерна, того самого, которому я доверил посылку. Мистер Гарли отказался удовлетворить его ходатайство в казначействе. Боюсь, что этот Стерн все же изрядный вертопрах: Джемми Ли ожидает его, чтобы вместе с ним отправиться в Ирландию, но никто толком не ведает, где он сейчас обретается. Я до того теперь занят, что едва могу улучить время, чтобы написать нашим маленьким *МД*; надеюсь, однако, через две недели покончить со всеми делами. А сейчас я снова собираюсь приняться за работу.

14. Я собирался было пообедать с доктором Кокберном, но встретил сэра Эндрю Фаунтейна, и он потащил меня к миссис Ван, где я распил последнюю бутылку вина Раймонда, совершенно восхитительного, какого мне ни разу не доводилось пить у министров. Никак не улучу время, чтобы ответить на письмо *МД*, но через день-другой я непременно это сделаю. — Я рад, что не поехал в Виндзор, потому что у нас очень похолодало. Камин начнут топить только с ноября и я, пожалуй, заложу его до тех пор кирпичами. Патрик вчера вечером опять нализался, однако не отважился явиться мне на глаза, боясь, как бы я его снова не поколотил. Нынче вечером я посетил миссис Бартон; сегодня первый день, как она стала принимать, тем не менее мне не стоило особого труда привести ее в хорошее настроение, и мы три часа кряду проспорили относительно вигов и ториев. Она горевала о брате только ради приличия, ведь он был порядочный шалопай. Скажите на милость, достаточно ли хорошо чувствует себя Стелла, чтобы ходить в церковь? Случается ли, что у вас, как бывало прежде, немеют члены и темнеет в глазах? Гуляете ли вы и ездите ли верхом? Или единственный ваш моцион — это ломбер. — Публика начинает мало-помалу возвращаться в Лондон; через неделю королева переедет в Хэмптон-Корт. Приехала, как я слыхал, леди Бетти Джермейн, и возвращается лорд Пемброк; его новая жена беременна, и у нее живот таких размеров, что она того гляди перекувырнется.

15. До четырех пополудни я сидел нынче дома и писал и съел только

булочку с маслом; потом час или два провел с Уилли Конгривом, а поужинал у лорда-казначея, который приехал сегодня из Виндзора и привез с собой Прайора. Королева поблагодарила Прайора за успешное ведение переговоров во Франции и обещала назначить его таможенным комиссаром. Нескольких чиновников таможни собираются вскоре уволить и в числе прочих моего друга сэра Мэтью Дадли; однако я бессилен чем-нибудь ему помочь, уж очень он ненавистен министрам. Лорд-казначей продержал меня до двенадцати, так что едва ли есть нужда объяснять вам, что уже поздно.

16. Я обедал нынче вместе с господином секретарем у доктора Коутсворта[660], который временно снимает квартиру, пока не будет отделан его дом на Голден-сквер[661]. Один французский пес, некий Буайе[662], оскорбил меня в памфлете, и я добился приказа о его аресте; секретарь обещал мне приструнить его за это как следует. Вчера вечером лорд-казначей сказал мне, что он удостоился чести быть оскорбленным в этом памфлете вместе со мной. Не я буду, если негодяя не накажут в назидание другим. Мне надобно было нынче утром повидать Джека Хилла, возглавлявшего эту злосчастную экспедицию, но сегодня стряслась еще одна беда: флагманское судно его флотилии случайно взорвалось на Темзе по вине какогото негодяя, пытавшегося, как полагают, украсть немного пороха. Погибло пятьсот человек, но подробностей мы еще не знаем. В семь часов я возвратился домой и намерен заняться делом, а вы, небось, собираетесь играть в карты и ужинать. Вы живете вдесятеро счастливее меня, но я жил бы вдесятеро счастливее вас, находись я сейчас с *МД*. Сегодня на улице мне встретился Джемми Ли, который сказал, что за последние три недели Стерн и двух раз не ночевал у себя на квартире, и он боится, как бы тот не пошел по дурной дорожке. Он пробудет здесь не более, чем понадобится для того, чтобы разыскать Стерна, с которым они собирались вместе уехать, но пока о нем ни слуху, ни духу. Я просил Ли, когда он приедет в Честер, разузнать о судьбе посылки, и он мне пообещал.

17. Обедал вместе с секретарем у его близкого друга бригадира Бриттона[663]. Хозяйке дома лет около тридцати пяти, и она необычайно обходительна; говорят, что она к тому же и очень неглупа; однако среди всех здешних дам я не встречал ни одной, которая могла бы хоть сколько-нибудь сравняться с *МД*, клянусь спасением души. Лорд-казначей очень нездоров: у него простужено горло и обнаружился песок в моче и кроме того болит грудь в том самом месте, куда он был ранен, да хранит его господь. В ближайший вторник королева переезжает в Хэмптон-Корт, и все

спешат возвратиться в город. Мне давно пора ответить на письмо *МД*, но я никак не могу выбрать для этого время, хотя большую часть дня провожу дома. Мы смертельно поспорили нынче утром с леди Бетти Джермейн относительно вигов и ториев. Она чрезвычайно располнела и выглядит превосходно. Я застал у нее Бидди Флойд, которая, по моему мнению, все же очень подурнела после оспы.

18. Лорд-казначей все еще нездоров, и потому нарушится наш обычай обедать в этот день у него. Он подвержен частым простудам горла и рано или поздно это его убьет, если только он не будет беречься больше, нежели имеет обыкновение. По городу распространился слух, будто бедный лорд Питерборо скончался во Франкфурте; на самом же деле, ему немного полегчало, и королева посылает его в Италию[664]; надеюсь, теплый климат восстановит его силы. У него множество превосходных качеств, и мы чрезвычайно любим друг друга. Днем я был в Сити, где слегка перекусил и уладил кое-какие дела с типографом. Если удастся, я отвечу на ваше письмо в субботу и тогда отправлю это, чтобы неукоснительно соблюдать двухнедельный срок, который я недавно нарушил из-за пребывания в Виндзоре. Сейчас наступает пора ломбера, и мы, конечно, забросим все, кроме Мэнли, Уоллсов, Стойтов и декана. Неужели вы не обзавелись новыми знакомыми? Бедные девочки! Никто не ведает о неоценимых достоинствах *МД*. У нас очень холодно, но камин станут топить у меня только с ноября, это уж определенно. — Все бы ничего, но вот только, возвратясь вечером домой, я обнаружил на столе письмо от *МД* и, право же, очень рассердился; на себя, разумеется. И еще, когда я увидел снова так скоро почерк *МД*, я испугался, сам не знаю чего; но вот, наконец, я вскрыл его и оказалось, что все обстоит как нельзя лучше; мало того, я обнаружил в нем еще и вексель на двести гиней[665]. И все-таки досадно, что это мое письмо еще не отправлено, а на ваше двадцать первое не написан ответ.

19. Я был зван сегодня в числе прочих на обед к миссис Ваномри, однако, кроме меня, никто из приглашенных не явился; я удовольствовался селедкой, поскольку, да будет вам известно, редко когда ем больше одного блюда, да и то что-нибудь самое обыкновенное и простое, что есть на столе: я люблю такую пищу больше всякой другой и нахожу ее самой полезной. Ну, а вы, конечно, предпочитаете всякие изысканные блюда; да, да, не отпирайтесь. Как бы я хотел, чтобы вы могли лакомиться всем, что я изо дня в день вижу в домах, где я бываю. Я рано отправился восвояси, но по дороге встретил в портшезе секретаря, который уговорил меня пойти с

ним к Бриттону; он сказал, что целый день был занят и ничего не ел. Я согласился, и время пролетело так, что мы незаметно просидели до двух часов ночи, а посему можете мне поверить, что час уже довольно поздний.

20. День прошел как-то безалаберно и все оттого, что я очень уж поздно вчера лег спать. Лорд-казначей еще нездоров и потому не может поехать в Виндзор. Обедал сегодня с сэром Мэтью Дадли и, воспользовавшись случаем, намекнул ему, что он, вероятно, лишится своего места, о чем я весьма сожалею. Лорд Пемброк со всем своим семейством[666] возвратился в Лондон. Вечером я так засиделся у своего приятеля, что не успел отправить нынче это письмо. В то время как я стучал в дверь моей квартиры, какой-то малый спросил меня, где тут проживает доктор Свифт? Я ответил ему, что я и есть он самый, и тогда он вручил мне письмо, которое принес из канцелярии секретаря, за что я уплатил ему шиллинг. Поднявшись к себе, я разглядел почерк Дингли и поверите ли, сам не знаю почему, очень встревожился. Оказалось, что это деловое письмо от Дингли касательно ее хлопот в казначействе. Ну что ж, я займусь этим в понедельник и улажу все с Туком. А сейчас, ребятки, мы примемся отвечать на ваше письмо, я имею в виду первое из них, № 21. Позвольте-ка взглянуть; иди, иди сюда, маленькое письмецо. — Никакого такого письма, о котором упоминает Раймонд, я от архиепископа не получал, однако я написал Нэду Саутуэлу с тем, чтобы он попросил герцога Ормонда убедить его преосвященство отказаться от своего вызывающего поведения. Какая чума их надоумила, будто я что-то делаю здесь для архиепископа? Хорошего же вы в Ирландии обо мне мнения, если принимаете меня за агента архиепископа Дублинского. — Что? Неужели вы думаете, что я хоть сколько-нибудь задет неблагодарностью ваших людишек в ответ на оказанные мной услуги? Я отпускаю им первины их неблагодарности так же охотно, как добился для них отпущения первин церковных. Этот лорд-казначей все мешкает с отправлением письма к ним, в противном случае они были бы теперь изрядно посрамлены. Дело в том, что он намерен приписать всю заслугу королеве и мне и известить их, что это было улажено еще до назначения герцога Ормонда лордом-лейтенантом. Вы делаете визиты, вы обедаете в гостях, вы видаетесь с друзьями; вы плиг да длиг, судалыня; вы прогуливаетесь пешком из Финглаcа, вы, кошачья лапка. О господи…. леди Гор повесила ребенка, воспользовавшись своим поясом! А что это такое — пояс?[667] Я что-то не могу уразуметь это слово. Придется ребенку повисеть, пока вы мне его не растолкуете или не напишете его

правильно. — Мне не очень верится, что он был хорошенький, пожалуй, это враааки. — Тьфу, да пропади они пропадом эти ваши первины, ну что вы опять заладили! — Стелла наделала в своем письме не меньше двадцати ошибок; я отправлю их вам все обратно на обороте этого письма для исправления и уж будьте покойны, не пропущу ни одной. Отчего же, письмо, полученное лордом Оксфордом, подписали, мне кажется, семнадцать епископов. — Я перешлю вам с Джемми Ли некоторые памфлеты, только напомните мне об этом в понедельник, когда я пойду к типографу, да-да, и насчет «Разных сочинений» тоже. Я чрезвычайно обязан Уоллсу, хотя нисколько не заслужил этого своим обращением с ним, когда он был в Лондоне: ведь я виделся с ним всего только дважды, да и то один раз en passant [мимоходом *(франц.)*.]. Миссис Мэнли поклялась не играть больше в ломбер! Быть не может! И при этом не появилась на небе комета? Не родилось на свет какое-нибудь чудовище? Не выбросило на берег кита? Неужели вы не помогли ей придумать какую-нибудь уловку, чтобы при случае можно было нарушить эту клятву? Помнится, когда она была моложе, то не столь неукоснительно соблюдала свои обеты. Книги, мадам Дингли, я получил задаром, а вот вина совсем не получил: мне его только обещали. — Да, голова меня большей частью совсем не беспокоит, разве только изредка немного припугнет и все. — Вы пишете о моих стараниях помирить кое-кого из знатных особ. Вот что я могу на сей счет прибавить. Вчера вечером секретарь сказал мне, что выяснил, наконец, почему королева в последние месяцы была к нему холодна: ему стало известно от приятеля, будто его подозревали в сговоре с герцогом Мальборо. Потом он сказал, что поразмыслил надо всем, о чем я уже давно его предупреждал; он-де считал это не более, как моими подозрениями, проистекающими из усердия и любви к нему. Я возразил, что имею все основания оскорбиться его словами; неужто я, по его мнению, так мало знаю свет, что способен сболтнуть что-нибудь наобум самому министру; ведь я часто посредничал между ним и лордом-казначеем и без утайки рассказывал каждому из них, о чем я беседовал с другим, и я уже и раньше ставил его об этом в известность. Тогда он стал хвалить меня за это и привел тысячу доводов в свое оправдание. Я ответил, что всегда прекрасно понимал, что мой образ действий — самый верный путь к тому, чтобы меня отправили обратно в Ирландию к моим ивам, но не придавал этому значения, поскольку, всемерно содействуя их добрым отношениям, имел в помышлении оказать услугу королевству. Я напомнил ему, как часто я говорил им всем вместе: лорду-казначею, лорду-хранителю и ему, что от их единодушия зависит решительно все, и что единственная моя отрада —

видеть, как они любят друг друга, и постоянно твердил каждому из них в отдельности, что говорю это им не случайно, и прочее. Мысль о том, что его подозревали в подобной низости, приводит секретаря в ярость, и он клянется, что либо добьется другого к себе отношения, либо вообще порвет с ними; а я не представляю, как они сумеют обойтись без него при нынешнем положении вещей. Надеюсь, мне все же удастся найти способ уладить это дело. Я играю честную роль, хотя не приобрету ни выгоды, ни доброй славы. *МД* следует по этой причине быть лучшего мнения обо мне: ведь никто, кроме вас, никогда об этом не узнает. Ну, пожалуй, для одного раза достаточно о политике: это все мадам *ДД* виновата, что я так расписался. Я, кажется, уже говорил вам, что переехал на другую квартиру, где нет такого скверного запаха. — О господи! Опять очки! Ладно, так и быть, закажу их в понедельник, хотя это решительно против моих правил тратить время на людей, за которых ни вы, ни я не дали бы и пенса. Входят ли восемь фунтов, причитающихся с Хокшоу, в эти тридцать девять фунтов, пять шиллингов и два пенса? И как я смогу судить по этой вашей отписке о состоянии моих денежных дел? Неужели вы не могли написать лишних пять-шесть строк и все как следует подсчитать? Мои сорок четыре фунта per annum [в год *(лат.)*.], да восемь фунтов, причитающиеся с Хокшоу, должны составить вместе пятьдесят два фунта. Пожалуйста, приведите все эти счета в порядок и дайте мне знать. — Итак, я ответил на № 21, и уже довольно поздно, а на № 22 я отвечу в следующем письме, а это письмо будет отправлено не нынче вечером, а только во вторник. А теперь садитесь за карты, проигрывайте свои денежки и занимайтесь всякими пустяками. Негодница, вам забавно? Вот так славно.

21. Миссис Ван непременно хотела, чтобы я снова пообедал сегодня у нее, и я так и сделал, хотя леди Маунтджой дважды или трижды посылала сказать, что желает меня видеть и просит отобедать с нею, и хотя я чрезвычайно люблю эту малышку. Последние три-четыре дня у меня по вечерам немного болела голова, но головокружений не было, так что я не слишком этим обеспокоен. Мне надобно было встретиться нынче с лордом Гарли, но лорд-казначей принял лекарство, и потому мне не удалось у них побывать. У лорда-казначея вышло много песка, и он чувствует себя лучше, но все еще нездоров; он поговаривает о том, что собирается поехать во вторник в Хэмптон-Корт повидать королеву; дай бог, чтобы он был в состоянии это сделать. Такого погожего летнего дня, как сегодняшний, я никогда еще не видал. А как у вас? Неужто не помните, несносные девчонки. Мне все еще не удалось повидать лорда Пемброка; он будет весьма сожалеть, что упустил Дилли. Чем объяснить ваше упорное

молчание относительно приезда Дилли в Ирландию? Если он в ближайшее время не появится там, у меня возникнут на этот счет кое-какие странные мысли, а какие — попробуйте угадать.

22. Обедал с д-ром Фрейндом в Сити у одного из моих типографов. Пытался разыскать Ли, но тщетно: дело в том, что я запамятовал, какой именно передник вы заказывали. Ведь для этого надо перерыть все ваши письма, а это все равно, что искать иголку в сене. В свое время я дал на сей счет необходимые указания Стерну, но где его теперь найти, один бог ведает. Очки я заказал и раздобыл собрание «Экзаминеров» и еще пять памфлетов, которые я либо сочинил, либо снабдил материалом, за исключением лучшего из них, а именно «Защиты герцога Мальборо», целиком принадлежащего перу автора «Атлантиды». Я попросил Тука выполнить поручение Дингли, и он за это взялся, а уж он в таких делах знает толк. Книгу «Разных сочинений…» я тоже заказал. Чего еще вашей душеньке угодно? Мне пришлось истратить шиллинг, чтобы добраться домой; дождь льет немилосердно и лил, не переставая, все утро. Лорд-казначей скверно чувствовал себя сегодня, у него были острые боли. Сейчас, то причине болезни, он пишет и занимается делами, не выходя из комнаты; на него словно порчу напустили; он изъявил желание повидать меня, и я беспощадно его разбраню за то, что он не бережется, но ему все нипочем. — Признаться, я изрядно от них всех устал. Меня то и дело одолевают грустные мысли, и я, без сомнения, ретируюсь отсюда, как только смогу это сделать без ущерба для своего достоинства. У меня много друзей и много врагов, и последние по природе своей отличаются куда большим постоянством. Мысль о том, что мне придется возвратиться к прежнему своему положению, нисколько меня не пугает, только бы вы легко с этим примирились. Во всяком случае, я всегда буду жить в Ирландии так же, как жил в последнее время: не стану там рыскать в поисках обедов и буду поддерживать отношения лишь с очень немногими.

23. Утро. Сейчас я запечатаю это письмо, и нынче же оно будет отправлено. Лорд-казначей опять принимал сегодня лекарство. Пообедаю я, наверно, с лордом Даплином. Мистер Тук принес мне письмо, которое было адресовано книготорговцу Морфью. Судя по штемпелю, оно пришло из Ирландии; почерк явно женский, и, сдается мне, что оно нарочно написано с ошибками; это стихи, сочиненные в том же духе, что и «Прошение миссис Гаррнс»[668]: автор высмеивает меня за то, что вместо предметов богословских, я занимаюсь сочинением забавных пустяков; своим содержанием эти стихи напоминают недавнее письмо архиепископа, о коем я вам уже говорил. Можете ли вы хотя бы предположить, от кого

оно? Написано весьма недурно. Пожалуйста, разузнайте! В конце письма есть латинские стихи без единой ошибки, а вот в английских — их довольно много, но сдается мне, что это чистейшее притворство. — Ну вот, начинаются мои мучения. Какой-то молодой человек явился ко мне с письмом от судьи Кута[669], который просит выхлопотать подателю сего должность лейтенанта на военном корабле. Сей молодой человек — сын некоего Ичлина, который был священником в Белфасте до того, как это место заступил Тиздал. Но это еще не все, потому что помимо него у меня появились и другие просители; я, однако же, постараюсь как можно меньше докучать моим друзьям такого рода просьбами. Негодница Стелла, бывало, посмеивалась надо мной за то, что я сую нос в чужие дела, так вот теперь я за это наказан. — Патрик принес свечу, но у меня не осталось больше места. Прощайте, и прочее, и прочее.

К сему присовокупляю полный и подлинный список нового правописания Стеллы:

Непреятно — Неприятно.[670]
Абедая — Обедая.
Низнакомцы — Незнакомцы.
Колляска — Каляска.
Пояс — Поис.
Чаас — Час.
Ваабразить — Вообразить.
В близи — Вблизи.
Рассудак — Рассудок.
Иззобилие — Изобилие.
Засслуга — Заслуга.
Сикрет — Секрет.
Пфамлет — Памфлет.
Заннятие — Занятие.

Ну-ка, признавайтесь, сударыня, сколько здесь случайных описок, а сколько настоящих ошибок, за которые вас следует призвать к ответу? Их оказалось только четырнадцать; «двадцать» я сказал просто наугад. Только, пожалуйста, не сердитесь, ведь я хлопочу лишь о том, чтобы вы писали грамотно, предоставляя всем прочим писать, как им заблагорассудится. Ведь, в конце концов, в каждом из этих слов лишь одна буква написана неверно. Отныне я дозволяю вам делать в каждом из

посылаемых мне писем не свыше шести ошибок, слышите.

Письмо XXXIII

Лондон, 23 октября 1711.

[*вторник*]

Обедал я, как и предполагал, с лордом Даплином и собственноручно отдал в почтовую контору мое тридцать второе письмо. С того времени, как мы с вами расстались, не было, я думаю, такой минуты, когда бы в пути не находилось письмо к или от *ПМД*. Если бы только королева проведала об этом, она непременно назначила бы нам пенсию: ведь это мы приносим удачу почтальонам и почте, в противном случае они наверняка ломали бы себе шею или тонули. Но, как справедливо говорится в одной старинной поговорке: Будь то снег, иль шторм, иль град, Письма *ПМД* не ведают преград; При ветре встречном им случалось задержаться, Но письма *ПМД* не могут затеряться. — День выдался нынче ужасно дождливый, но к вечеру прояснилось ровно настолько, чтобы я мог добраться домой, не истратив двенадцати пенсов. Вечером лорд-казначей чувствовал себя намного лучше. Когда он болеет, я просто сам не свой, он совсем не бережется. Я пока не стану отвечать на ваше письмо, так что довольствуйтесь этим.

24. Сегодня днем я навестил лорда-казначея: он был не одет, пил бульон у себя в спальне, а вокруг валялась тысяча бумаг. Вследствие приступа лихорадки один глаз у него ужасно затек кровью, но все же он оделся и отправился в казначейство. Он сказал мне, что получил письмо от одной дамы, содержащее жалобы против меня; это миссис Каттс, сестра лорда Каттса[671]; она пишет, что я нанес оскорбление ее брату: речь идет о «Саламандре», если вы помните эти мои стихи; они напечатаны сейчас в «Разных сочинениях…» Я ответил милорду, что никогда не придавал значения жалобам, и выразил надежду, что впредь, что бы ему против меня ни писали, он без промедления бросит это в огонь и тотчас о нем забудет, иначе мне не видать покоя. Утром у меня было небольшое головокружение, которое, хотя и длилось всего какую-нибудь минуту, однако же было самое что ни на есть настоящее, и весь день после этого я чувствовал себя слабым, как пес. Это первый такой приступ за полгода. Если он повторится, я стану принимать свои пилюли. Обедал у леди Маунтджой с Гарри Кутом, а потом пошел повидать лорда Пемброка по случаю его возвращения в город. — Партия вигов бешено сопротивляется заключению мира, и сейчас что ни день появляются баллады, в которых

всячески поносят нынешний кабинет министров. Секретарь Сент-Джон велел задержать и взять под стражу дюжину книготорговцев и издателей и провести дознание. Кто-то из иностранных послов напечатал предварительные условия соглашения между Францией и Англией, и публика возмущается ими, как явно недостаточными для заключения мирного договора, но весь секрет в том, что французы согласились принять пункты куда более важные, которые наши министры пока еще не могут предать гласности, и потому публика, полагающая, будто ей известно все, выражает недовольство тем, что мы не настояли на большем. Я предвидел, что такое осложнение непременно возникнет, и говорил об этом секретарю, но нам так и не удалось измыслить, каким образом его предотвратить. — Ну, вот вам и немного о политике.

25. Королева уже в Хэмптон-Корте; она переехала во вторник во время чудовищного ливня. Обедал я с Льюисом у него на квартире, потому что у нас есть с ним дела, которые необходимо быстрее завершить. Я дважды — утром и вечером — посылал нынче справиться о здоровье лорда-казначея: ему стало намного хуже оттого, что он выходил из дома, и я с тревогой думаю, как он проведет эту ночь. Он посылал за доктором Рэдклифом. Да хранит его господь. Канцлер казначейства показал мне нынче рукописную балладу, направленную против лорда-казначея и его проекта Компании Южных морей; она написана весьма бойко и, если не будет напечатана, то я постараюсь вам ее переписать, а если будет, то вложу ее в пакет с памфлетами, который для вас приготовил. — Мне все же удалось разыскать ваше письмо с указаниями насчет передника[672], и я распорядился купить вам дешевый кухонный передник из зеленого шелка. Как видите, я выучил вашу просьбу наизусть. Вечер провел у миссис Бартон, которая живет со мной по соседству. День сегодня выдался восхитительный, и я основательно погулял, гадая при этом, гуляют ли *МД* в то же самое время, что и Престо. — Этот лист бумаги не стоил мне ни фартинга, я разжился им в канцелярии секретаря. Я уж не чаю дождаться завтрашнего утра, чтобы узнать, как лорд-казначей провел эту ночь, и услышать, что ему стало лучше. Без него мы все погибли; так что молитесь за него, слышите, сударыни, и не засиживайтесь слишком поздно у декана.

26. Пообедал у миссис Ван, потому что погода была такая скверная и я настолько в последнее время занят, что не имею никакой возможности обедать с вельможами; да и кроме того, я отваживаюсь теперь есть только самую малость, чтобы не причинить вреда голове, с которой сейчас обстоит получше. Лорд-казначей сильно хворает, но я все же надеюсь, что серьезная опасность ему не грозит. С этими вигами нет никакого сладу, до

того они неистовствуют против заключения мира, я однако же в самом недалеком будущем остужу их пыл так, что они надолго запомнят. До сих пор не имею известий от епископа Клогерского, получил ли он статуэтки. Я написал ему еще шесть недель тому назад, но он, видно, очень уж занят своим парламентом. На ваше письмо я пока еще не стану отвечать, что бы вы там ни говорили, негодные девчонки.

27. Совсем забыл нынче утром пойти по одному делу, и теперь это займет у меня вдвое больше времени, и, кроме того, мне пришлось до четырех просидеть в канцелярии секретаря, и я упустил таким образом возможность где-нибудь пообедать, а посему отправился к миссис Ван и потребовал подать мне три селедки; я очень к ним пристрастился, и потом это легкая пища; кроме того мне предстоял еще ужин у леди Эшбернхем, но эта шлюха не заехала за нами в своей карете, как обещала, а только послала сказать, что ждет нас, так что я велел передать ей мои извинения. День сегодня выдался очень дождливый, а утро было такое прекрасное, что я не удержался от соблазна обновить шляпу. По дороге в парк я встретил Ли и Стерна. Ли объявил, что если ему удастся уговорить Стерна, то не далее, как через десять дней, они оба уедут в Ирландию; так что я пошлю с ним все, что приготовил для *МД*; я попросил его также разузнать о судьбе посылки. Стерн выказал в этом деле такую небрежность, что его убить мало; хотя, впрочем, я сам в этом повинен.

29. Весь сегодняшний ужасно дождливый день я провел с моим другом Льюисом, будучи занят весьма важным делом; с ним я и пообедал и, воротясь домой в седьмом часу, подумал, что неплохо бы немного развлечься после трудов праведных. Увидя в моей комнате томик пьес Конгрива, которые Патрик взял почитать, я заглянул в него и от нечего делать как последний олух и болван просидел над ним до полуночи; слыханное ли дело! Чтобы я еще раз когда-нибудь себе такое позволил. Как вы вскоре услышите, посол императора граф Галлас попал у нас в немилость[673]: королева приказала своим министрам прекратить с ним всякие сношения: причиной тому оскорбительное письмо, отправленное этим дуралеем государственному секретарю лорду Дармуту, в котором он выражает сожаление о предпринятых нами действиях, направленных к миру; кроме того, он постоянно поддерживает тесные доверительные отношения с лордом Уортоном, Сандерлендом и прочими из прошлого кабинета министров. Вы, я полагаю, уже склоняетесь к мысли, что никакого мира вообще не будет; здешние виги, например, убеждены, что мир невозможен, и акции опять упали. Я, однако же, уверен, что он будет заключен, если только Франция не водит нас за нос, так что вы вполне

можете рискнуть и заключить пари с любым из знакомых вам вигов, что еще одной кампании не бывать. Вы выиграете при этом куда больше, чем в ломбер, слышите, сударыня. — Я допустил пропуск в дневнике, ничего не рассказав вам о вчерашнем дне, и намеревался восполнить это нынче утром, но вот забыл. Обедал вчера у Гарри Кута с лордом Гэттоном[674], мистером Финчем[675] — сыном лорда Ноттингема, и сэром Эндрю Фаунтейном. Я скоро расстался с ними, но слыхал, что они просидели до двух часов утра и изрядно все нагрузились. Так что, доброй вам ночи за прошлую ночь и доброй ночи за эту. Ах ты, незадачливый простофиля, и не стыдно тебе перед молодыми дамами, так все перепутать? Дня через три или четыре у меня начнут топить камин, скорей бы уже, ох-хо-хо.

30. Был нынче в Сити, где условился кое о чем с типографом[676], а завтра весь день буду занят тем же делом с господином секретарем. Больше ничего вам сейчас об этом не скажу, но только министры рассчитывают, что оно принесет огромную пользу и откроет глаза всей нации, половину которой настроили против мира. Нынешнее поколение, за вычетом очень немногих, помнит только войну и налоги, и они считают, что все это в порядке вещей; а ведь мы несомненно самый разоренный народ в Европе, и я, как мне кажется, смогу со всей неопровержимостью это показать. Впрочем, я совсем забыл, что не собирался рассказывать вам ни того, что я намерен делать, ни того, что я делать не намерен, а посему оставьте меня, пожалуйста, в покое и отправляйтесь к Стойтам и передайте мой нижайший поклон тетушке Стоит и Кэтрин. Я люблю тетушку Стоит куда больше, нежели тетушку Уоллс. К слову сказать, а кто мне заплатит за этот зеленый передник? Я был бы непрочь получить деньги; он стоит десять шиллингов и шесть пенсов. По-моему, это чертовски дорого за такой пустяк, но меня уверяли, что английский шелк будет мяться и еще бог весть что. Кроме того, сюда входит цена за шитье. Он настоящий итальянский. Я передал его Ли вместе с памфлетами, а «Разные сочинения…» и очки пошлю ему дня через два. Я послал бы больше, но, поверите ли, я впал сейчас в отчаянную нищету.

31. Дьявол побери этого секретаря! Придя к нему нынче утром, я уже застал у него целую компанию; сегодня мы обедаем у Прайора, объявляет он, а уж после обеда займемся нашими делами; в два Прайор присылает сказать, что он приглашен в другое место, тогда мы с секретарем отправляемся обедать к бригадному генералу Бриттону, где просиживаем до восьми, секретарь приходит в чрезвычайно веселое расположение духа, и в результате воз и ныне там; мало того, ему, видите ли, необходимо

спешно повидать леди Джерси[677], — и мы расстаемся, даже не условившись о новой встрече. Вот в чем беда всех нынешних министров: они смертельно докучают мне просьбами о помощи, полностью перекладывая на меня груз своих забот, и при этом упускают одну возможность за другой. Лорд-казначей с каждым днем поправляется, хотя и медленно; надеюсь, что теперь он будет больше беречься. Прошу вас, передайте Парвисолу, чтобы он как можно скорее прислал мне вексель на двадцать фунтов, потому что я нуждаюсь в деньгах. Мне нужны деньги, и у меня будут деньги, слышите, сударыни!

1 ноября. Я отправился нынче в Сити, чтобы уладить кое-что со Стрэтфордом и заодно пообедать с ним, но оказалось, что он уже приглашен, и я в сердцах решил, что ни с кем другим из знакомых мне купцов обедать не стану, и потому отправился к своему типографу, у которого слегка перекусил и завершил с ним одну злокозненную затею. Очки и «Разные сочинения…» я получу завтра и тогда передам их Ли. Погожий день всегда побуждает меня пройтись пешком в Сити, если только удается выкроить время, потому что это прекрасный моцион, а моцион для меня полезнее всех пилюль. Голова моя с тех пор больше не давала себя знать, разве только по временам самую малость и то не пойму, чем именно; однако я чрезвычайно воздержан во всем, особенно теперь, когда лорд-казначей болеет, а министры чаще всего пребывают в Хэмптон-Корте и секретарь еще не обосновался в своем доме; обеды же с многими из моих старых знакомых мне ненавистны. Один малый был схвачен в тот момент, когда он выходил из дома, где размещается Ост-Индская компания, с деньгами и векселями на шестнадцать тысяч фунтов; ему удалось бы благополучно улизнуть, но его так мучила жажда, что он не выдержал и выбрался оттуда раньше, нежели следовало, вот тут-то его и схватили. Впрочем, какое до всего этого дело нашим *МД*? Я был бы не прочь, если бы эти денежки достались нам с вами, при условии, разумеется, что это никак не будет во вред Ост-Индской компании, ведь не зря, как вам известно, сказано — не позарься на чужое и прочее. В последние две недели погода у нас очень уж переменчивая; то погожий день, то дождливый; нынешний был очень славный, и я прогулялся четыре мили и хотел бы, чтобы *МД* сделали то же самое, слышите, ленивые замарашки.

2. Дождь лил сегодня весь день continuenclo [не переставая *(итал.)*.], и я отправился в портшезе пообедать у миссис Ван, как имею обыкновение делать в дождливые дни, однако обратно я ухитрился добраться пешком. Я веду сейчас чрезвычайно уединенный образ жизни, очень редко делаю

визиты, вижусь с очень немногими людьми и не читаю никаких газет. Сожалею, что отправил вам «Экзаминер», потому что типограф собирается издать его небольшим томом; судя по всему, автор слишком самолюбив, чтобы печатать его по подписке, хотя друзья предлагали ему это и уверяли, что он получил бы верных пятьсот фунтов. «Спектэйтор» тоже вскоре выйдет двумя отдельными изданиями — в больших томах и малых, из чего я заключаю, что они намерены распрощаться с ним[678]; да и то сказать, он уже несколько приелся публике, хотя отдельные номера весьма недурно написаны. У нас сейчас ровно никаких новостей, заслуживающих того, чтобы сообщить их в конце письма. У королевы был небольшой приступ подагры. Я предполагал, что у лорда-казначея то же самое, однако Рэдклиф сказал мне вчера, что у него был приступ ревматизма в колене и ступне; он, однако же, поправляется и надеюсь, что в самом непродолжительном времени станет выходить. Мне сказали, что министры намерены до открытия сессии парламента, которая начнется тринадцатого числа текущего месяца, произвести замещение нескольких должностей. Не по душе мне их политика, а, может, я просто ее не понимаю. К тому же, если лорд-казначей в ближайшие дни не поправится, то им придется объявить об этих назначениях как раз накануне сессии. Но ведь другого такого медлителя, как он, не сыщешь в целом мире.

3. Сегодня славный день, и я недурно прогулялся. Я набил карманы секретаря бумагами; он сегодня уехал на некоторое время в Хэмптон-Корт, где ему предстоит прочитать и одобрить их[679]. Для меня там нет подходящего помещения, и потому сам я не могу поехать; городок этот невелик, и жить там было бы для меня и накладно и неудобно. Лорд-казначей очень скверно провел последнюю ночь, его донимала мучительная боль в колене и ступне, но сегодня немного отпустило. — Так вот, я отправился навестить Прайора относительно одного дела, так вот, его не оказалось дома, так вот, сэр Эндрю Фаунтейн уговорил меня опять пообедать нынче у миссис Ван, и я рано возвратился домой, памятуя о том, что это письмо должно быть сегодня вечером отправлено и что я еще должен вдобавок ответить на письмо *МД*. О господи, да где же оно? Дайте-ка взглянуть; так, так, вот оно где. А вы, видно, без особой охоты так скоро взялись мне писать. Чума забери ее вексель. Эта особа хочет, чтобы я как-нибудь ухитрился получить по нему деньги, и я просто не знаю, как мне теперь быть. Я словно лукавый раб из евангельской притчи, который ответил своему господину: «Вот тебе твое — я хранил его, завернувши в платок».[680] Как же, как же, я уже наслышан о вашем новом мэре. А теперь

я развлеку вас каламбуром: торговец рыбой задолжал как-то одному человеку две кроны, и вот он послал ему одного протухшего линя, да… десять шил и стал после этого уверять, что они будто бы в расчете — как это могло получиться, а? Ну-ка отгадайте, потому что я ни за что вам не скажу; ну, кто из вас отгадает? Так вот, возвращаясь к тому, что я уже говорил вам перед тем, какое мне собственно дело до того, кто у вас будет мэром? Думаю, что Форд может с уверенностью сказать[681] Форбсу[682], что я возвращусь в Ирландию либо накануне Рождества, либо вскоре после него. Весьма сожалею, что вы не досказали вашу историю насчет: «Дай бог, чтобы ты и вправду был Джон[683]», я никогда в жизни ее не слыхал и понятия не имею, о чем она. — Ах Стелла, ручаюсь, что когда вы это писали вы заглянули в свою Библию, чтобы найти получше выражение. Да, то, что вам рассказали, будто секретарь ставит меня в пример, совершеннейшая правда; «никогда об этом не слыхали» — что ж, оно и неудивительно, каким образом вы могли бы об этом услыхать? И разве возможно рассказать вам хотя бы сотую часть того, что у нас здесь происходит, когда мы собираемся все вместе? Секретарь держится со мной так же непринужденно, как бывало мистер Аддисон. Я частенько вспоминаю, как сэр Уильям Темпл тщеславился тем, что был некогда государственным секретарем. Я почитаю мистера Сент-Джона самым выдающимся молодым человеком из всех, каких я когда-либо знавал; ум, одаренность, красота, проницательность, образованность и превосходный вкус; он лучший оратор палаты общин, восхитительный собеседник, чрезвычайно любезный и с прекрасными манерами, щедр и презирает деньги. Единственный его недостаток заключается в том, что он имеет обыкновение жаловаться своим друзьям на чрезмерное бремя государственных дел, что несколько смахивает на притворство, и, кроме того, уж слишком он старается совместить в себе человека светского и любящего пожить в свое удовольствие с человеком дела. Насколько он правдив и прямодушен, судить не берусь. Будучи всего лишь тридцати двух лет от роду, он уже второй год как занимает пост государственного секретаря. Разве это не удивительно? Каковы его отношения с королевой и лордом-казначеем, я уже рассказывал вам раньше. Таков его портрет, и вам, я полагаю, будет небезынтересно прочесть эти строки. Я написал архиепископу Дублинскому и епископам Клойнскому[684] и Клогерскому одновременно еще пять недель тому назад из Виндзора; надеюсь, они получили мои письма; разузнайте, пожалуйста, получил ли мое письмо епископ Клогерский. — Шиш вашему врачу и всем его советам, мадам

Дингли; разве только мне станет хуже, вот тогда я, возможно, его послушаюсь, а до тех пор я предпочитаю полагаться на умеренность и прогулки. А что касается ваших падающих листьев, то какое мне собственно дело до того, когда они начали падать? Мне от души жаль видеть, как они падают, но с какой стати я должен принимать лекарства только потому, что с деревьев начали падать листья? Уверяю вас, от этого они падать не перестанут. А если кто-то упал с лошади. Мне что ж, тоже лекарство принимать? — Мои рассуждения, возможно, выведут вас из себя, но поверьте, это поистине справедливый довод, опровергнуть который невозможно. — Я от всего сердца рад услышать, что бедняжка Стелла чувствует себя лучше. Не пренебрегайте верховой ездой и прогулками, патен своих не щадите[685], а пилюли все подальше отложите, истопчите башмаки и оставьте кларет. Ну как, отгадали вы мой каламбур насчет торговца рыбой? Не читайте дальше ни слова, пока не догадаетесь, в чем там соль. Вы говорите, что Стелла очень похорошела? И стала толстушкой? Я передал Ли целую кипу «Экзаминеров»; первые тринадцать номеров были сочинены разными людьми, причем одни — недурно, а другие — скверно, потом идут тридцать три номера подряд, написанные одним и тем же автором, что вместе составляет сорок шесть, после чего этот автор, уж кто бы он там ни был, перестал их сочинять, желая, видимо, сбить с толку отгадчиков, а последние шесть номеров сочинены одной женщиной[686]. Кроме того, я посылаю вам отчет о деле Гискара, написанный той же дамой, но все обстоятельства были сообщены ей Престо; потом «Ответ на „Письмо, адресованное лордам, касательно Грэга“», написанный Престо; его же «Поездка Прайора»; потом «Защита герцога Мальборо», полностью принадлежащая перу этой дамы; потом «Комментарии по поводу проповеди Гэйра» той же дамы, которой Престо только передал через типографа кое-какие соображения. Затем «Разные сочинения…», передник для Стеллы, фунт шоколада без сахара для Стеллы, потом славная терка для нюхательного табака из слоловой кости, которую миссис Сент-Джон просила передать Дингли, и большой жгут табаку, который ей следует припрятать и скромно отрезать от него по мере надобности небольшие порции и, наконец, четыре пары очков бог весть для кого. Таков перечень предметов, которые, я надеюсь, вы получите в целости и сохранности. О, право же, у меня с миссис Мэшем очень хорошие отношения; мы даже с ней обмениваемся письмами, но только деловыми; мне казалось, я уже говорил вам об этом раньше; простите, пожалуйста, в таком случае мою забывчивость: бедняга Престо тут ничего

не может поделать. Деньги будут отправлены Дингли, как только Тук их получит. Ну вот, кажется, я на все ответил, и весь лист исписан; наконец-то я опять закончил письмо в положенный день недели[687], так что следующее я отправлю в этот же день ровно две недели спустя. — Ах вы проказницы, да ведь две кроны составляют десять шил-лин-гов, но вы такие глупенькие, что никогда бы не догадались. Прощайте и прочее и прочее.

Письмо XXXIV

Лондон, 3 ноября 1711.

[*суббота*]

Мое тридцать третье лежит передо мной только что оконченное, и я собираюсь запечатать его и отправить, а ежели вы желаете, чтобы я что-нибудь прибавил, то поторопитесь сказать мне об этом; вот, извольте-ка перечесть мою сегодняшнюю запись. Сейчас девять часов вечера, и я собираюсь часок-другой заняться делом.

4. Я ушел нынче из дома одного моего приятеля, к которому был зван, как раз в то время, когда стали подавать обед, под предлогом, будто я обещал обедать в другом месте, и все потому, что среди гостей оказались незнакомые мне люди. Оттуда я направился к сэру Мэтью Дадли, но и там меня ожидало то же самое неудобство; он, однако же, не позволил мне уйти, в противном случае я предпочел бы обедать дома, послав за куском баранины и кружкой пива, нежели с незнакомыми мне людьми, которые, как я убедился, ничуть не лучше ваших деканов, священников и викариев. Погода сегодня дрянная, слякотная. — Мне кажется, что теперь, когда я не должен отвечать ни на какие письма *МД*, мне вольнее пишется. Вот только я совершил оплошность, взяв слишком большой лист бумаги. Королева слегла в Хэмптон-Корте: у нее опять приступ подагры, которая редко теперь ее оставляет надолго; боюсь, что это может в несколько лет истощить ее силы. Я определенно убеждаюсь, что с тех пор, как министры болеют и находятся не в Лондоне и я вследствие этого не обедаю с ними, у меня меньше сводит большой палец на ноге. Впрочем, я вполне примирился бы с легкими приступами подагры, лишь бы голова была вполне здорова. — Прошу вас, юные леди, продолжайте гулять и с наступлением холодов, чтобы мороз хорошенько вас покусал. Мне пришло сейчас в голову, что с того самого времени, как вы впервые приехали в Ирландию, я только и делал, что постоянно убеждал вас гулять и читать. У здешних молодых людей такие прогулки входят в моду, и многие уже обзавелись для этой цели чрезвычайно прочными башмаками; этой моде поддались даже кое-кто из молодых лордов; если она удержится, это будет прекрасно. Я поссорился с леди Люси: она всячески меня поносит, и я больше к ней не ходок.

5. МД очень беспокоила меня прошлой ночью во сне: мне снилось, будто Стелла очутилась здесь, и я спросил ее, а где же Дингли, и она

ответила, что оставила ее в Ирландии, потому что пробудет здесь недолго, и прочее в том же роде. — Мосье Поншартрен[688], государственный секретарь Франции, и мосье Фонтенель[689], секретарь тамошней королевской Академии (тот самый, что написал «Dialogues des morts» [Разговоры мертвых *(франц.)*] и пр.) обратились к лорду Пемброку с письмами, уведомляющими его о том, что с соизволения короля Академия избрала его своим членом на место одного из недавно скончавшихся. Но сей осмотрительный джентльмен вручил эти письма мне, с тем чтобы я показал их лорду Дартмуту и мистеру Сент-Джону, обоим нашим государственным секретарям, дабы они выяснили, не кроется ли в сих письмах какой-нибудь подвох, что я и выполню в среду, когда они возвратятся из Хэмптон-Корта. Письма эти составлены в очень изысканных выражениях и служат свидетельством высокого почтения к лорду Пемброку и признания его заслуг. Я слыхал, будто оба французских посла снова должны приехать сюда для переговоров о мире, но не видал никого из влиятельных особ, чтобы узнать, правда ли это. Обедал я с одной знакомой дамой, которая болеет, а посему это происходило у нее в спальне; я съел три селедки и цыпленка, которых заказал заранее. У нас появились каштаны и севильские апельсины; а у вас есть апельсины? Нынче была ужасно ветреная погода; тем не менее, как положено в этот день, по улицам провезли повозки с папой и дьяволом, и мясники выстроившись в ряд, шествовали с большими ножами: ведь сегодня, как вам известно, пятое ноября, папизм и порох.[690]

6. Я настолько привык писать на манер дневника, что, сдается мне, едва ли сумел бы теперь сочинить *МД* обычное длинное письмо. Ну, а что касается строк, которые я трачу, сообщая вам, где я обедал, то вы, я думаю, должны мне это позволить: ведь на целое письмо наберется не больше семи таких строк — по полстроки на обед. Сюда едет ваш Инголдсби; говорят будто он станет лордом. — До двух пополудни я безвыходно просидел у себя в комнате, и все из-за этого болтуна сэра Эндрю Фаунтейна: он должен был пойти со мной в Сити, но так и не явился, и если бы мне не удалось случайно подстрелить обед с неким мистером Мюррэем[691], то пришлось бы либо поститься, либо отправиться в таверну. — Вы почему-то никогда ни словом не обмолвитесь в своих письмах о тетушке Стоит; надеюсь, однако, что в эти зимние вечера мы будем иметь случай услышать о ней больше. — Так же ли много хохочет ваш ректор[692], как бывало прежде? Мы здесь считаем его никчемным малым. — Я все собираюсь как-нибудь на днях написать вашему декану, да

только вот никак не выберу время и ума не приложу, о чем с ним говорить. Придется что-нибудь придумать. Поверите ли, если бы *ДД* не жили в Ирландии, я, говоря серьезно, не вспоминал бы о ней и двух раз в году. Ни в одном из тех домов, где я бываю, о ваших тамошних делах даже и речь не заходит.

7. Нынче я был в Сити по делу и зашел на минутку к типографу, да так у него и остался. День был восхитительнейший. Начало сессии парламента отложат, как я слыхал, на две недели, либо, как я полагаю, по причине подагры у королевы, либо по нездоровью лорда-казначея, либо же они намерены предпринять еще какие-то шаги для заключения мира. Днем я наведался к лорду-казначею и посидел немного с лордом Гарли, потому что отец его в это время спал. Книготорговец переиздал или, вернее сказать, переименовал «Проповедь» Тома Свифта[693], вышедшую в прошлом году, потому что в печатном объявлении он назвал ее «Проповедью» доктора Свифта; а какой-то приятель лорда Голвэя[694] напечатал по его указанию книжонку ценой в четыре шиллинга о его командовании в Испании в защиту милорда; я только что ее видел. Впрочем, какое вам дело до всяких книг, за исключением «Разных сочинений…» Престо. Ли обещал навестить меня, но пока еще не появлялся; надеюсь, что он должным образом позаботится о вещах, которые я с ним посылаю, и отыщет вашу честерскую посылку. Будь она трижды неладна, все ее содержимое, наверно, уже давно испортилось. Да не развалился ли и сам ящик? Вы что-то ничего не пишете о Раймонде: уж не собралась ли снова рожать его благоверная? Достроил ли он свой дом? Уплатил ли долги? И с толком ли распорядился остальными деньгами? Очень рад слышать, что бедняга Джо, возможно, получит свои двести фунтов. Судя по всему, Трим опять приведен теперь к рабской покорности, чему я весьма рад: его жители оказались такими же гнусными мошенниками, как и тамошние джентльмены. Однако мне уже пора спать, слышите, сударыни. Секретарь либо все еще находится вместе с моими бумагами в Хэмптон-Корте, либо возвратился только нынче вечером. Необходимость постоянно дожидаться их изводит меня.

8. Все нынешнее утро я провел у секретаря, а потом мы пообедали с Прайором, и после этого опять занимались делом до восьми вечера; мне придется кое-что изменить и кое-что вымарать, и вообще хлопот полон рот. Меня поэтому радует, что сессия парламента отложена. Я просидел у Прайора до одиннадцати, а секретарь расстался с нами в восемь. Когда откроется мирная конференция, Прайор, я полагаю, будет одним из ее

участников. Лорд Эшбернхем сказал нынче в кофейне, будто вчера состоялось бракосочетание лорда Гарли[695] и дочери герцога Ньюкасла, очень богатой наследницы, и этот слух тотчас распространился по всему городу. Однако я видел лорда Гарли не далее как вчера днем, и он был в халате, а обедал он в Сити с Прайором и прочими, так что все это враки, хотя я надеюсь, что это все же произойдет; мне известно, об этом уже давно потихоньку сговаривались: дело в том, что невеста не получит и половины отцовского состояния, поскольку герцог назначил своим наследником сына лорда Пэлхема[696]; правда, вдовствующая герцогиня[697] опротестовала завещание и ведет сейчас тяжбу с лордом Пэлхемом. Но даже в самом худшем случае девушка будет иметь около десяти тысяч фунтов годового дохода для поддержания чести семьи; это как нельзя более кстати, ведь сам лорд-казначей никогда для себя не прибережет и пенса. Лорд Гарли весьма достойный молодой человек, а девушка, как говорят, хороша собой и рассудительна, разве только что рыжая.

9. Я хотел нынче прогуляться пешком в Сити, чтобы немного развлечься, но обманулся в своих надеждах; так всегда происходит в сей жизни. Мне не удалось также повидать лорда Дартмута, с которым я должен был обсудить одно дело. Как видите, дела и удовольствия равно обманули мои ожидания. Вы вольны идти к своему декану, а не застав его, отправиться к тетушке Стоит, или Уоллсам, или к Мэнли, и везде для вас припасены кларет и карты. Пообедал я наедине с приятелем, удовольствовавшись сельдью и цыпленком и запив их половиной фьяски скверного флорентийского. Если по утрам холодно, у меня топят теперь камин. Я раздобыл несколько кирпичей и как рачительный хозяин уложил их за каминной решеткой. Погода сейчас стоит хорошая. Патрик говорит, что мои ночные колпаки совсем износились, и я понятия не имею, как обзавестись новыми. Мне крайне необходима служанка; я беспомощен, как слон. — От архиепископа Дублинского пришло три пакета, которые обошлись мне в четыре шиллинга; все они касаются Хиггинса[698]: печатная дребедень и два длинных письма. Его люди забыли адресовать это Льюису и просто надписали «Доктору Свифту», не указывая ни Лондона, ни чего-либо еще. Удивляюсь, как они дошли: не иначе, как сам почтмейстер позаботился об их доставке. Я перечел весь этот вздор и очень утомился.

10. Что ж, если уж вам непременно надобно знать, то вскоре должно быть напечатано нечто чрезвычайно важное, вот только еще три или

четыре высокопоставленных лица должны удостовериться, нет ли каких-либо ошибок в изложении фактов; но разослать это им и заполучить их исправления — дело настолько хлопотное, что я устал, как собака. Обедал я нынче у типографа и провел у него все послеобеденное время; до чего мне это надоело, мочи нет; но скоро, слава богу, конец. А вы как думали? Дочь лорда-казначея леди Даплин благополучно разрешилась сыном. У лорда-казначея снова был тяжелый приступ из-за камней в мочевом пузыре. Одно дело, когда мы располагаемся пожить в каменном карьере[699], что весьма полезно, и совсем другое дело, когда каменный карьер располагается в нас; в последнем случае человеку следует не оставить камня на камне. Болезнь лорда-казначея, подагра королевы и стремление как можно скорее заключить мир — вот причины, из-за которых заседания парламента отложены на две недели. У меня пока не было больше приступов головокружений. Я прекрасно прогулялся сегодня пешком в Сити и постарался извлечь из этой прогулки все, что она могла дать для моего здоровья. В парке я сейчас гулять не могу, потому что это прогулка ради прогулки и трата дорогого времени, так что я стараюсь сочетать гулянье с делом. Если бы *МД* гуляли хотя бы вполовину столько, сколько Престо! Будь я сейчас с вами, я бы заставил вас гулять и шел бы впереди или сзади, а вам пришлось бы принять надлежащий вид и подтянуться; Стелла от природы ходок отменный и держится твердо; я словно вижу, как уверенно она выступает и ловко перешагивает через канаву; Дингли тоже вполне бы справилась, если бы подколола свои юбки булавкой, но она очень уж растерялась и трусит, а тут еще Стелла начинает браниться и Дингли спотыкается и забрызгивает всю свою одежду грязью. По-прежнему ли у вас носят юбки на китовом усе?[700] Я их терпеть не могу; у нас здесь дама вполне может спрятать под ними любовника средних размеров. Тьфу, о чем это я все болтаю? Мне показалось, будто я беседую с *МД* лицом к лицу.

11. Говорил ли я вам, что этот старый осел Фроуд[701] продает свое поместье в Пепперхара? Он прячется где-то здесь в Лондоне, но где именно, никто не ведает. И кто бы вы думали устраивает ему все это? Мошенник Чайлд[702], сей увертливый сквайр из Фарнхема? Я надоумил фаворитку королевы миссис Мэшем купить его поместье, но это пока еще большая тайна. Леди Оглторп обещала мне разузнать подробности. Нынче я был у нее; она только неделю или две как приехала в Лондон. А завтра я попытаюсь выследить старого осла; он разорился в пух и прах и наверняка обретается теперь у какой-нибудь грязной шлюхи в одном из глухих

переулков. У него два сына, которые принуждены будут голодать, но он никогда не дает им ни фартинга. Если миссис Мэшем купит его землю, я попрошу ее выхлопотать старому дуралею у королевы какую-нибудь пенсию, чтобы спасти его от неминуемой голодной смерти. — Чего ради вы вмешиваетесь в чужие дела? — спрашивает Стелла. — О, но мистер Мэшем и его жена очень просят меня посодействовать им; правда, я сам надоумил их совершить эту покупку. Обедал я нынче с сэром Мэтью Дадли, который, боюсь, скоро лишится своей должности.

12. Утро. Я собираюсь отыскать старика Фроуда и сделать кое-какие дела в Сити. Однако я еще не звал Патрика, чтобы спросить, хорошая ли нынче погода. Последние два дня перестало лить. Дождливая погода вредна моей башке и моей мошне. Патрик говорит, что очень ветрено и небо начинает хмуриться: плакали мои шиллинги. Как справедливо говорится в старой поговорке: покапает самую малость, а шиллингов, глядь, не осталось. Если туч на небе соберется густо, в кошелечке скоро станет пусто. Пусть это падет проклятием на головы моих врагов: туч на небе густо, а в кошелечке пусто. Ну-с, а теперь я встану и расположусь у камина; Патрик говорит, что камин уже затоплен, хотя сегодня я не должен бриться, да и погода не слишком холодная, так что это излишняя роскошь. Что сталось с Дилли? Полагаю, он теперь в Ирландии? Стелла как раз сейчас выставила белую ножку из-под одеяла и сунула ее в комнатную туфлю. — Передайте ей от меня поклон; скажите, что я уже приглашена к декану и хочу, чтобы она тоже пришла; или лучше, Дингли, напишите ей записку? Это утренний диалог Стеллы, или, вернее сказать, ее утренняя речь. — Доброго вам утра, сударыни, и позвольте мне тоже встать. Однако уверяю вас, миссис Уоллс не может сегодня обедать у декана; ведь как раз после обеда она должна побывать у миссис Проби, а оттуда вместе с Грэйси Спенсер пойти в лавки, чтобы купить ярд муслина и серебряную тесьму для нижней юбки. Еще раз доброго утра, сударыни. — Вечером. Обедал со Стрэтфордом в Сити, но дело, ради которого я с ним встречался, пока еще не удалось закончить. Видите ли, я решил приобрести акции Компании Южных морей на сумму в пятьсот фунтов, что обойдется мне только в триста восемьдесят фунтов наличными. Я воспользуюсь для этой цели присланным вами векселем миссис Уоллс на сто фунтов с тем, чтобы причитающиеся по этому векселю деньги выплатил Хокшоу, если же она будет недовольна, я одолжу сто фунтов у секретаря и уплачу ей сам. Три шиллинга истратил нынче на наемную карету. Я говорил с братом Фроуда и просил его разузнать самую низкую продажную цену поместья, чтобы сообщить ее миссис Мэшем.

13. Пообедал нынче вдвоем с приятелем, живущим по соседству. В прошлую субботу, возвратясь вечером домой, я обнаружил, что моя шлюха-хозяйка как раз перед моим приходом вымыла полы в моей комнате и спальне, а камин затопить не догадалась, и такую развела сырость, что мне пришлось лечь в постель. В воскресенье я все же расхворался, и теперь у меня сильная простуда. Я как пес накинулся на Патрика, хотя его тоже тогда не было дома, потому что терпеть не могу, когда моют полы; как будто нельзя сделать это утром, а потом затопить камин и оставить открытыми окна? И вот всю прошлую ночь я глаз не сомкнул, оттого что беспрерывно кашлял и отплевывался, и теперь все в доме простужены. Судите поэтому сами, что у нас тут творится; а засим я, пожалуй, лягу и попытаюсь заснуть.

14. Леди Маунтджой еще два дня тому назад звала меня к себе на обед, и посему я сегодня пообедал с ней, а вечером пошел проведать лорда-казначея. Оказалось, что чуть-чуть раньше там побывал Патрик: он приходил справиться, как милорд себя чувствует, и тот передал ему, что желает меня видеть. Когда я пришел, у милорда была как раз миссис Мэшем, а надобно заметить, что их никогда в таких случаях не беспокоят, и то обстоятельство, что она не слишком хороша собой, весьма в таких случаях кстати, поскольку они беседуют с глазу на глаз, решая судьбы нации. Я сидел тем временем с леди Оксфорд и, когда миссис Мэшем выходила, остановил ее, чтобы рассказать об успехах в моих хлопотах касательно поместья и прочем, а потом прошел к лорду-казначею; он чувствует себя превосходно и лишь когда встает или садится, испытывает некоторую ревматическую боль в бедре и слабость в ногах. Он показал мне небольшой листок бумаги, отправленный неизвестным лицом некоему мистеру Куку, который в свой черед переслал его милорду. На листке крупным разборчивым почерком было написано следующее:

«Хотя Г[иска]ра нож не довершил то дело,
Страшись, сталь Ф[елтон]а его закончит смело».

и чуть пониже: «Сожги это, собака». Милорд нередко получает послания подобного рода. Он показал, мне как-то письмо, которое якобы представляло собой пророческое видение; в нем описывалась одежда, шпага и наружность человека, которому предназначено убить милорда. И он сказал мне, что как-то во время богослужения в Виндзорской часовне заметил человека, одежда которого очень походила на это описание. Ему

нередко посылают письма с подписью: «Ваш покорнейший слуга Сатана» и прочее в таком же духе. Я расстался с ним в одиннадцатом часу, и мне еще необходимо кое-что сделать.

15. Узнав, что секретарь вчера приехал из Хэмптон-Корта, я нынче утром пошел к нему пораньше, но оказалось, что вечером того же дня он успел укатить, а, возвратясь домой, я застал от него письмо, в коем он извещал меня, что только что приехал в Лондон, но тотчас возвращается обратно в Хэмптон-Корт и снова будет в Лондоне лишь в субботу вечером. Чума его забери! он задерживает всю мою работу. Я попрошу позволения уехать отсюда, как только доведу это дело до конца, и надеюсь вскоре после Рождества увидеться с *МД* в Ирландии. — Я устал от двора, и мне недостает моих поездок в Ларакор: мне от них было больше пользы, нежели от всех министров вместе взятых за последние двадцать лет. Обедал нынче в Сити, но не сделал ничего из того, что собирался сделать. Леди Маунтджой сказала мне, что Дилли уже в Ирландии и что причиной его столь поспешного возвращения — архиепископ Дублинский. Два дня тому назад сессия парламента была отложена на две недели, и из-за этого, а также из-за отсутствия королевы, в Лондоне довольно уныло и пусто. Говорят, будто герцог Ормонд собирается привезти сюда из Ирландии всех, кто только пожелает. Зимой в Лондоне нет ничего хуже, нежели полчища ирландцев. Впрочем, я не бываю теперь ни в каких кофейнях и потому редко с ними встречаюсь. Это письмо будет отправлено в субботу, и тогда мы опять будем квиты. Я дал взаймы деньги и никак не могу получить их обратно, а посему принужден, в свою очередь, взять в долг.

16. Мой слуга сплоховал нынче утром и впустил визитера, несмотря на то, что ему велено было никого не пускать, и мне пришлось поэтому спешно препроводить в спальню моего подручного висельника и заставить его прохлаждаться там более часа. — Я продолжаю благополучно хворать со всеми обычными последствиями тяжелой простуды и полагаю, что это продлится не менее десяти дней. — Мне следовало пояснить вам, что в тех двух стихотворных строчках, присланных лорду-казначею, под буквами «Г….ра» подразумевается Гискар, но об этом догадаться нетрудно, а вот относительно «Ф…..а» мы разошлись во мнениях: я решил, что здесь подразумевается — «француза», ведь милорд ненавидит их, а они — его, то есть хотя нож Гискара не осуществил его умысла, нож француза еще может это довершить. Однако милорд считает, что здесь подразумевается имя Фелтона[703], заколовшего герцога Бакингема. — Сэр Эндрю Фаунтейн и я обедали нынче у миссис Ван, а потом по причине простуды я весь вечер бездельничал. Постойте-ка, юные дамы, а не наступило ли время, когда

мне полагается получить от вас письмо? Сегодня ровно месяц, как я получил ваше № 22. Так и быть, подожду еще с неделю, но потом мое терпение истощится; а до тех пор можете играть в ломбер и тому подобное сколько вам заблагорассудится. Виги продолжают всячески поносить наш мир, но я надеюсь, что мы все же его получим им наперекор. А тут еще австрийский император вмешивается со всяким вздором и сулит нам чудеса, только бы мы продолжали войну; но уже слишком поздно; я надеюсь, что именно страх перед такой возможностью принудит французов быть поуступчивей и откровенней. Доброй ночи, сударыни, я намерен нынче рано лечь спать.

17. Утро. Это письмо будет вечером отправлено: я собственнолично отнесу его в почтовую контору. Мне только что доставили довольно пространное письмо от архиепископа Дублинского с отчетом об окончании сессии вашего парламента, какой бурей она завершилась; впрочем, пока сия буря достигнет здешних мест, она заметно утихнет. Признаться, я ничем тут не могу помочь и ни от кого этого не скрываю. Я не раз советовал распустить ваш парламент, хотя и не предполагал, что эти негодяи так расхрабрились; правда, храбры они не там, где надо, как трактирный буян, который рвется в драку из-за шлюхи, но улепетывает с поля боя. Судя по некоторым подробностям, рассказанным архиепископом, у него не слишком добрые отношения ни с правительством, ни с духовенством. — Поглядите, как удачно я исписал весь лист как раз за две недели. — Господь всемогущий, благослови и сохрани драгоценнейших малюток *МД*. — Ваш лорд-лейтенант, как я предполагаю, отбывает сейчас в Англию. Удивляюсь, почему епископ Клогерский ничего мне не пишет; известите меня хотя бы, получил ли он свои статуэтки и понравились ли они ему; я снова напишу ему, как только выберу время. Прощайте, драгоценнейшие *МД*, и любите Престо, который любит и будет любить *МД* бесконечно больше всего сущего на земле. — Поклон от меня миссис Стоит и Кэтрин. Я сижу в постели, но встану, чтобы запечатать письмо. Доброго вам утра, дорогие плутовки. Еще раз прощайте, драгоценнейшие *МД*, и прочее.

Письмо XXXV

Лондон, 17 ноября 1711.

[*суббота*]

Вечером я отнес свое последнее письмо в почтовую контору. Обедал с доктором Кокберном. Поскольку нынче день рождения королевы Елизаветы, у нас здесь черт знает что творилось. Я услыхал обо всем этом как раз после того, как запечатал утром мое письмо, и так вознегодовал, что даже не стал его открывать, чтобы рассказать вам о случившемся. Сделал сегодня визиты леди Оглторп и леди Уорсли, которая совсем недавно приехала на зиму в Лондон и собирается рожать, но вам собственно какая о том забота? В Лондоне испокон веку заведено, что подмастерья празднуют день рождения королевы Елизаветы и прочее, однако виги затеяли устроить в полночь многолюдное шествие и выложили тысячу фунтов, чтобы изготовить восковые фигуры, изображающие папу, дьявола, кардиналов, Сэчверела и прочих и пронести их по улицам с факелами, а после сжечь. Для этой цели были собраны пожертвования. Гарт, например, дал пять гиней; я имею в виду доктора Гарта, если вы когда-нибудь слыхали о таком. Но прошлой ночью по распоряжению секретаря все эти куклы были у них отобраны; вы, впрочем, вскоре об этом узнаете, потому что об этом уже болтают на всех перекрестках. У вигов были чрезвычайно дурацкие и злокозненные намерения; говорят даже, что они замышляли подстрекнуть чернь напасть на дома лорда-казначея и секретаря, а также другие бесчинства[704]. Во избежание этого было заблаговременно поднято на ноги городское ополчение и теперь, я думаю, все будет спокойно. Куклы теперь в канцелярии секретаря в Уайтхолле, и я собираюсь взглянуть на них, если выберу время.

18. Утром побывал у господина секретаря, который только что приехал из Хэмптон-Корта. Он сообщил мне еще кое-какие подробности насчет предполагавшегося сожжения папы. Затея эта стоила уйму денег, и если бы она удалась, то обошлась бы втрое дороже; в городе только и разговоров, что об этом, и уже появилось с полдюжины листков Граб-стрит. Мы с секретарем обедали у бригадира Бриттона, но я расстался с ними в шесть, поскольку уговорился, что приду пить пунш к сэру Эндрю Фаунтейну в обществе благонравных мужчин и дам. Там было не слишком весело, и к тому же я не люблю пунша из арака, мне больше по вкусу из коньяка. А что предпочитаете вы? Ну-с, что еще? Погода не стоит и

двадцати пенсов. Да, послушайте, сударыни, отчего вы не играете в волан? Мне это уже сто раз приходило на ум. Верьте слову, Престо приедет к вам после Рождества и будет играть со Стеллой, пока не кончатся холода. Читаете ли вы «Спектэйтора»? Я, например, никогда — он никогда мне не попадается: ведь я не бываю ни в одной кофейне[705]. Говорят, будто многие номера весьма удачны; их собираются напечатать отдельными небольшими книжками, я привезу их с собой. Через неделю кончится, наконец, моя спешка, и, если Ли к тому времени еще не уедет, я пошлю вам тогда с ним то, что сейчас заканчиваю. Признаться, я понятия не имею, где он сейчас обретается; за все это время я ни разу его не видал, хотя он и обещал наведаться; пошлю к нему разузнать. В четверг королева окончательно переедет в город.

19. Утром был в канцелярии лорда Дартмута и послал вызвать его с заседания совета, чтобы переговорить об одном деле. Заодно я хотел разузнать у него еще кое-какие подробности суматохи, вызванной этой затеей с восковыми фигурами папы, сатаны и прочих. Но ему, видно, было недосуг, в противном случае он нашел бы время полюбоваться ими. Владельцы этих кукол настолько обнаглели, что намерены, как я слыхал, требовать возмещения убытков по суду. Меня уверяли, будто изображение сатаны постарались сделать как можно более похожим на лорда-казначея. Обедал я с приятелем на Сент-Джеймс-стрит. Говорят, будто лорд-казначей выходил нынче из дома; завтра я узнаю, как он себя после этого чувствует. В Англию возвратился герцог Мальборо; вчера он был у королевы в Хэмптон-Корте; постойте, кажется это было позавчера; нет-нет, все-таки вчера, потому что, помнится, господин секретарь собирался его повидать, когда я у него находился; не у герцога Мальборо, разумеется, а у секретаря, потому что герцог не настолько меня любит. Но мне-то что до этого? Я выиграл вечером семь шиллингов в пикет, а играю я раза два-три в году.

20. До чего мне надоели миссис Бартон и леди Бетти Джермейн со своей вигистской болтовней; право, никогда не слыхивал ничего подобного. Затею с сожжением папы они пытаются превратить в шутку; впрочем, министры и в самом деле подняли вокруг этого слишком много шума, если только у них не было действительных оснований опасаться каких-нибудь бесчинств. Я обедал у леди Бетти. Назначение Прайора чрезвычайным и полномочным послом на переговорах о заключении мира уже, как я слыхал, утверждено; вторым послом назначен лорд-хранитель королевской печати, которым, как вам известно, является теперь епископ Бристольский, а третьим — наш посол в Гааге лорд Страффорд.

Невежественные девчонки, мне то и дело приходится сообщать вам, кто есть кто. Сегодня вечером я обменивался вымученными каламбурами с сэром Эндрю Фаунтейном и лордом Пемброком. А вы еще занимаетесь этим? — Да, с деканом и еще с Томом Ли. — Прайор большой мастак по этой части. Кстати, мне надобно нанести визит его превосходительству; полученное им назначение весьма почетно; оно и понятно: после того как его посылали во Францию, ему уже не могли дать что-нибудь меньшее. Лорд Страффорд дьявольски заносчив, и я не представляю, как он стерпит, что человек столь низкого происхождения, как Прайор, занимает равное с ним положение. А засим, я примусь за свои дела и пожелаю вам доброй ночи.

21. Нынче утром я был занят дома с моим типографом и отдал ему пятый лист, а потом пошел к нему в Сити, чтобы кое-что подправить, изменить и прочее, а заодно пообедал. Возвращался я уже в сумерках, и по дороге меня настиг дождь, а дома ожидало письмо от мистера Льюиса, да-с; разумеется, я открыл его, он пишет, что заключению мира уже ничто не грозит и прочее; да-с; но кроме того, внутри оказалось еще одно письмо, да-с; и вот я стал рассматривать это второе письмо снаружи, да-с; и от кого бы вы думали было это второе письмо? Что ж, так и быть, скажу вам: оно было от малюток *МД* № 23, 23, 23, 23. Вот и все, что я решил пока сказать, а ответа вам придется подождать. Так и быть, доставлю вам удовольствие и еще разочек в него загляну. Ишь, какой у вас, Стелла, почерк прекрасный, прямо-таки императорский, буква к букве; и всего лишь четыре ошибки в правописании. Не послать ли их вам? Весьма рад тому, что вы не обиделись на мои исправления. Да-с; однако я все же не стану сейчас отвечать на ваше письмо, слышите вы, дерзкие девчонки, то бишь сударыни; нет, нет, ни в коем случае. Ровно месяц и три дня со времени получения вашего предыдущего письма, и, следовательно, ровно пять недель; как видите, оно пришло как раз вовремя, потому что я уже начал было ворчать.

22. Утро. Тук только что принес мне деньги Дингли. В конце этого письма я выпишу вам вексель на такую же сумму. Полагалось уплатить полкроны за внесение письма стряпчего в реестр, однако я поклялся, что не допущу такой траты. А теперь я отважно промотаю ваши денежки. Доброго вам утра, дорогие сударыни. — Вечером. Обедал у сэра Томаса Ханмера; с нами обедала также его жена, герцогиня Грэфтон; у нее необычайной высоты прическа, на манер тех, что были в моде лет пятнадцать тому назад; из-за этой прически у нее вид полоумной; при всем том в ней все еще заметны следы замечательной красоты. Вечером я пошел

повидать лорда Гарли и думал, что мне удастся посидеть и с лордом-казначеем, но он был занят с голландским послом[706] и прочей публикой такого же сорта, так что я решил не дожидаться. Одна из особенностей, отличающих мою здешнюю жизнь от дублинской, состоит в том, что всякий раз, возвращаясь домой, я ожидаю найти какое-нибудь адресованное мне письмо и редко когда ошибаюсь; причем, как правило, любое из них не стоит и фартинга, и чаще всего они меня только злят. Королева не переедет в Лондон раньше субботы. О назначении Прайора пока еще не объявляли, но теперь, когда министры в Хэмптон-Корте, я ни о чем не знаю; если же я сообщаю новости, полученные обычным путем, то это почти всегда вранье. Вы, возможно, сочтете мои слова кокетством, но в последние месяцы меня ничто так не раздражало, как люди, утверждающие, будто они со мной знакомы, хотя я и в глаза их не видал, и при этом дурно обо мне отзывающиеся; по крайней мере некоторые из них. Старая карга, шотландская графиня, о существовании которой я и не подозревал, сказала на днях герцогине Гамильтон[707], будто я частенько у нее бываю. А поскольку люди с весом никогда к ней не захаживают, вот и начинают сплетничать, будто ты не слишком разборчив в своих знакомствах. Не так давно три дамы злословили обо мне, уверяя, что коротко со мной знакомы, между тем о двух из них я впервые услышал, а третью встретил случайно раза два, бывая где-нибудь с визитом. Человек, один-единственный раз встретивший меня в кофейне, увидя при дворе, что я разговариваю с министром, непременно подойдет поздороваться, и мой собеседник, конечно же, спросит, каким образом я знаком с этим негодяем. Но довольно об этом: ведь для вас, сударыни, все это пустяки, так что на этой стороне листа я ничего больше не скажу и переверну его.

23. Мой типограф пригласил нынче меня и мистера Льюиса пообедать в таверне, чего я не делал и пяти раз со времени моего приезда в Англию. Я ни за что не стану называть ее Британией и вас о том прошу; ради бога, не называйте ее Британией. Не прошло и недели, а одна сторона этого листа уже исписана, а ведь мне еще предстоит ответить на письмо *МД*. Неужто придется исписать и третью страницу? Право же, так можно избаловать вас. Вчера вечером я видел Ли, который сообщил мне ужасные сведения относительно Стерна; тот, видимо, попал в сети какой-то шлюхи; он по уши в долгах и уже заложил кое-какие вещи. В следующий понедельник Ли собирается выехать в Ирландию, но думает, что Стерн едва ли с ним поедет, хотя именно из-за него Ли задержался здесь на три месяца дольше, нежели предполагал. Ли взял передник и другие вещи и обещал

осведомиться в Честере относительно посылки, но я уже потерял на этот счет всякую надежду. Спокойной вам ночи, сударыни; я нынче поздно возвратился домой.

24. Сегодня я, наконец, закончил памфлет[708], стоивший мне столько времени и хлопот; он будет напечатан дня через три-четыре, когда начнется сессия парламента. Королева, надо полагать, уже возвратилась в Лондон, но я ничего не знаю, потому что весь день провел в Сити, заканчивая и выправляя памфлет у типографа. Возвратясь домой, я, как обычно, увидал на столе несколько писем и в том числе от вашей матушки, сообщающей, что вы желаете, чтобы ваши писания и портрет были отправлены мне, а уж я переслал их потом вам. Я тотчас ей ответил и обещал позаботиться о пересылке, как только все получу. Она находится сейчас в Фарнхеме. Переслать все это с Ли я, правда, уже не успею, да и, кроме того, хочу дождаться сначала ваших распоряжений, мадам Стелла. Я собираюсь в ближайшее время закончить свое письмо лорду-казначею касательно исправления нашего языка, но сперва должен дописать одну балладу[709]. А теперь садитесь-ка, сударыни, за карты, потому что наступил картежный сезон.

25. Нынче я пришел к секретарю пораньше, но, оказалось, что он уже ушел на утреннее богослужение с тем, чтобы заодно принять потом причастие; то же самое сделали еще несколько распутников, не из благочестия, разумеется, а по долгу службы, как того требует постановление парламента. Обедал я с леди Мери Дадли[710], а остальную часть дня провел довольно нелепо, разве только что побывал днем при дворе и сразу увидел с полсотни знакомых, которых давно не встречал: вот в чем преимущество посещения двора, и я склонен думать, что меня знают больше, чем любого из тех, кто там обычно бывает. Наша ссора с сэром Джонсом Уолтером продолжала все это время служить в городе источником развлечения, хотя мы с тех пор не перемолвились и словом, и он лишь поносит меня за глаза. Парламент опять будет отложен на восемь или десять дней, потому что виги в палате лордов слишком сильны; все другие причины лишь для отвода глаз, а дело заключается в этом. О новой отсрочке никто пока не знает, о ней объявят завтра.

26. Обедал нынче вместе с мистером Льюисом у его приятеля, где за столом неожиданно оказался один ирландский джентльмен, некий сэр Джон Сент-Леджер[711], подвизающийся здесь в качестве стряпчего, он, правда, сидел на другом конце стола, но вел себя настолько развязно, что мне пришлось его осадить и притом не однажды. Сегодня я видел, наконец,

папу, сатану, кардиналов и прочие восковые фигуры, общим числом пятнадцать, из-за которых поднялся такой переполох. Я усадил одного подручного щелкопера за сочинение памфлета ценой в два пенни по поводу всей этой затеи. Мой большой памфлет начнут продавать завтра, а нынче вечером несколько его экземпляров были разосланы важным особам. Домвиль уже возвратился из своих странствий домой; надеюсь, с ним ничего не стряслось; мы с ним еще не успели повидаться; я намерен представить его всем влиятельным людям.

27. Домвиль пришел ко мне нынче утром; мы пообедали у Понтэка и весь день до шести вечера провели неразлучно. Насколько я могу судить, он джентльмен в полном смысле этого слова. Он высадил меня у дома лорда-казначея, с которым я пробыл около часа, пока голландский посол мосье Бюис не пришел к нему по делу. Лорд-казначей чувствует себя довольно сносно, хотя из-за ревматизма с трудом разгибает поясницу. Денька через два я приведу Домвиля к лорду Гарли. Я не припомню другого такого ненастного дождливого дня, как сегодня. Памфлет мой, наконец-то, вышел из печати; он лежал на столе у лорда-казначея, который осведомился у меня относительно эпиграфов[712], помещенных на титульном листе; один из них он подсказал мне сам. Я непременно пошлю вам этот памфлет, как только представится возможность.

28. Миссис Ван прислала мне сегодня приглашение на обед; поскольку там должны были также присутствовать некоторые из знакомых мне дам, я обедал у нее. Утром я нанес ответный визит Домвилю и отправился навестить миссис Мэшем, однако не застал ее дома. Моя хозяйка попросила меня съехать с квартиры, так как ее муж и сын возвращаются домой, но мне удалось снять другую квартиру неподалеку отсюда, тоже в Лестерфилдс. Нынче утром я представил мистера Домвиля мистеру Льюису и мистеру Прайору. Виги в одной своей газетенке обозвали Прайора и меня двумя Созиями[713]. Можете вы прочитать это слово: «Созиями»? Мой памфлет начинает вызывать разные толки, уже несколько человек спрашивали меня, видел ли я его, и советовали непременно его прочитать, потому что это нечто совершенно необычайное. Меня, конечно, заподозрят и появится несколько жалких ответов. Но предоставим его своей судьбе, как сказал Сэведж[714] в Фарнхеме в своей проповеди по поводу кончины сэра Уильяма Темпла. К слову сказать, Домвиль видел Сэведжа в Италии и говорит, что он хлыщ и едва ли не полоумный; он ходит в красном и носит желтые камзолы и в вербное воскресенье присутствовал на церемонии коленопреклонения перед папой,

а это посерьезнее, нежели поцеловать его туфлю, и если слух об этом дойдет сюда, то, боюсь, ему не поздоровится. На ваше письмо отвечу уже на новой квартире, вот только у меня почти не осталось места и придется перейти на следующую страницу.

29. На новой квартире. Мой типограф пришел нынче утром сказать мне, что он должен без промедления напечатать второе издание и что лорд-казначей внес два-три небольших добавления. Им придется трудиться днем и ночью, чтобы поспешить выпустить его в субботу; тысяча экземпляров распродана за два дня. Нынче собралось, наконец, наше Общество; присутствовало девять человек; обед происходил у нашего брата Батхерста[715]; мы установили несколько правил и избрали трех новых членов: лорда Оррери, Джека Хилла (брата миссис Мэшем, того самого, что потерпел недавно неудачу во время экспедиции в Квебек) и некоего полковника Диснея. Для наших встреч мы сняли комнату в одном доме неподалеку от Сент-Джеймса. Я ушел пораньше, чтобы успеть внести исправления в памфлет и прочее и сейчас уже дома.

30. Нынче утром повез Домвиля к лорду Гарли и уладил кое-какие дела с лордом-казначеем, а после обеда провел несколько часов у типографа, внося добавления во второе издание; у него я и пообедал. Кругом только и разговоров, что о моем памфлете; он принесет необычайную пользу; в нем предаются огласке множество наиважнейших обстоятельств, доселе вовсе неизвестных. На ваше письмо отвечу завтра утром или, пожалуй, лучше прямо сейчас, хотя уже довольно-таки поздно. Ну что ж, в таком случае приступим. — Вы говорите, что заняты сейчас вашими парламентскими делами; вот уж чем я не буду заниматься, когда вернусь в Ирландию; да и то сказать, в ближайшие два года у вас ничего такого больше и не произойдет. Лорд Сэнтри[716] и прочее … да я уже сыт этим по горло. Очень рад слышать, что Дилли поправился; не благодарил ли он меня за то, что я показал ему двор и всех вельмож? Ведь он даже вооружился очками, чтобы получше разглядеть королеву и прочих. То, что сказал Дилли, истинная правда: я не возлагаю на моих друзей никаких надежд и возвращусь восвояси с тем же, с чем приехал; Ларакор нисколько меня не страшит, после заключения мира там будет даже лучше; а скорее всего мне дадут приход в Дублине. Стелла совершенно права: епископ Оссорийский глупейшее и добродушнейшее существо среди смертных, и проку от него не больше, чем от козла молока. — Так-с, насчет правописания я уже говорил раньше, вот только еще пишите впредь «по крайней мере», а не «по крайний мере». Чума забери вашего Ньюбери[717]!

Чем я могу ему помочь? Я передам его дело тем членам парламента (это все же легче, чем пересылать женщинам посылку[718]), коих знаю, и это все, что я могу предпринять. Лорд-казначей с каждым днем все меньше хромает. Я молю господа сохранить бедную добрую миссис Стоит; это была бы для всех нас большая утрата; пожалуйста, передайте ей мой поклон и скажите, что я от всей души молюсь за нее. Мне жаль бедняжки миссис Мэнли, но сдается мне, для младенца было счастьем умереть, принимая в соображение, сколь мало он был бы потом обеспечен. Подумаешь, нет такого памфлета, в котором меня не поносили бы и притом за вещи, которых я никогда не писал. Джо, между прочим, мог бы и прислать мне благодарственное письмо за полученные им двести фунтов: я все-таки считаю, что он получил их только моими стараниями; а мне придется теперь поблагодарить герцога Ормонда, который, готов в том поклясться, скажет, что сделал это только ради меня. Какого же сорта были эти семь яблок? золотой пепин? У нас, точно так же, как и у вас, дождь льет ежедневно. 7 фунтов, 17 шиллингов и 8 пенсов — вот сколько, а не 18 шиллингов; он — старый путаник; я пересчитал их 18 раз. Восемь фунтов Хокшоу не в счет. Так вот, если эти деньги будут в целости и сохранности, то пусть остаются у них, пока они не надумают их вернуть; так что передайте Парвисолу, чтобы впредь до моих дальнейших распоряжений он их не требовал, потому что деньги миссис Уэсли я внес в банк, а с ней расплачусь деньгами Хокшоу. — Я хотел сказать, как вы, наверно, догадались, что восемь фунтов Хокшоу послужат прибавкой к деньгам *МД*; но при всем том будьте бережливыми хозяйками. Бернидж больше теперь ко мне не наведывается, да оно и неудивительно: ведь просить ему больше не о чем; впрочем, он, как я слыхал, был болен. — Чума забери это дело миссис Саут, я ничем не могу ей помочь, разве только что поддержать хлопоты какого-нибудь другого ходатая, обронив, если представится удобный случай, несколько благоприятных слов. Скажите Уоллсу, что я ни за кого больше перед лордом-казначеем не хлопочу и особенно в делах такого рода. И еще скажите ему, что я уже истощил все мое влияние, так что мне нечем больше воспользоваться. — Ну что ж, полагаю, я ответил на ваше письмо ясно и исчерпывающе. — Как видите, я перебрался на третью страницу моего письма, а это уже больше, нежели вам причитается, мои юные дамы. Письмо это завтра отсюда отчалит и это едва ли кого опечалит. Сами вы дурочки, а я — поэт; будь у меня только… и прочее… — Ну, кто теперь из нас глупый? Плутовки и проказницы вы эдакие, вздорные девчонки и болтушки. О господи, я, видно, совсем одурел: мне показалось будто я разговариваю с драгоценными малютками *МД* лицом к

лицу. Так-с, ну вот что, ребятки, на сегодняшний вечер достаточно; а теперь развлекайтесь картишками со своими плутишками. Доброй вам ночи, дорогие очи, и прочее.

1 декабря. Вот что, сударыни, потрудитесь впредь проставлять число не только в начале своего письма, но и в конце, дабы я мог знать, когда вы его отправили. Ваше последнее письмо было от 3 ноября, а между тем я получил одновременно другие, написанные двумя неделями позднее. Всякий раз, когда вам понадобятся деньги, предупредите меня об этом за три недели и тогда вы наверняка своевременно получите ответ с векселем на имя Парвисола; прошу вас, поступайте так впредь, потому что голова моя и без того забита всякими делами, и мне не придется обременять память хотя бы этими заботами. Отчего же, я, помнится, привел вам несколько отрывков из письма — а[719], так что вы легко можете себе представить, сколь остроумно было все остальное, потому что там все одного помета, как говаривал добряк Пизли. Прошу вас, не пишите больше: «полложение», а «полажение». Тьфу, черт меня побери, если я сам теперь знаю, как надо писать! Ваше неправильное написание, мадам Стелла, совсем сбило меня с толку; пожалуй, я тоже написал неправильно. Дайте-ка взглянуть: «полложение, полажение, положение, паложение, положенее, паллажение…» Поверите ли, я уже и сам не знаю, где написано правильно; судя по всему, во втором случае. Похоже, я никогда в жизни не писал этого слова, хотя, право, должен же был когда-нибудь им воспользоваться. «Положение, полажение, паложение». — Тьфу, дьявольщина, я совсем зашел в тупик и решительно не в состоянии на чем-нибудь остановиться. Бога ради, спросите у Уоллса. Положение — вот так, я все же думаю, будет правильно. Да, это правильно. Я только что заглянул в свой памфлет с намерением убедить вас, что никогда прежде не употреблял это слово, и тотчас обнаружил его дважды в каких-нибудь десяти строках. Ох, теперь, наконец, я совершенно ясно вижу в чем тут загвоздка: в вашем написании слишком много «л», только и всего. Парламент теперь уже наверняка откроется в следующую пятницу. У вигов будет большое превосходство в палате лордов, и, тем не менее, так ничего и не предпринято, чтобы этого не допустить. Примерам такой беззаботности несть числа. Министров на сей счет предупреждали, но это не возымело никакого действия, а ведь лорды наверняка направят королеве адрес, выражающий недовольство попытками заключить мир. По городу ходят слухи, будто кое-кто из союзников начинает теперь выражать удовлетворение в связи с предстоящими переговорами о мире. Вот, собственно, и все известные мне новости. Королева чувствует себя

довольно сносно. А теперь я попрощаюсь с бедными драгоценными *МД* до вечера, а тогда снова с ними немного побеседую.

Пятнадцать восковых фигур, которые я видел, не стоили, оказывается, и сорока фунтов, так что я малость приврал, сказав про тысячу. Граб-стрит уже откликнулась на это происшествие, напечатав подробнейшее его описание. Сатана вовсе не похож на лорда-казначея; все это просто шутовские маски, купленные в лавке. Боюсь, что Прайор все же не будет назначен полномочным послом[720].

Просмотрев одну из моих ежедневных записей, я обнаружил, что то и дело пропускаю слова, подчас и не догадаешься, что я имел в виду, если вы только не волшебницы. Впредь постараюсь быть более внимательным и стану всякий раз перечитывать написанное за день; не так уж много это займет времени.

Письмо XXXVI

Лондон, 1 декабря 1711.

[*суббота*]

Мое последнее письмо отнесено в почтовую контору нынче вечером. Я собирался пообедать с мистером Мэшемом и заглянул в кондитерскую Уайта, чтобы посмотреть, нет ли его там. В то время как я стоял в дверях, меня заметил лорд Уортон; я, конечно, тоже его увидел, но притворился, будто не замечаю, и уже хотел было уйти, однако он, пройдя через толпу посетителей, окликнул меня и поздоровался. Мило, не правда ли? Он, я полагаю, не прочь, чтобы каждое произнесенное им слово было веревкой, на которой бы меня повесили. Мэшем не обедал дома, а посему я поел с приятелем, живущим по соседству. Типограф не прислал мне второе издание, уж не знаю, по какой причине, ведь оно наверняка сегодня появилось. Быть может, памфлетом уже сыты по горло. Дома меня дожидалось на столе письмо от лорда Гарли, сообщавшего, что его отец просит меня внести две небольших поправки; этим я сейчас и займусь.

2. Утро. Посмотрите, как я оплошал: написал, что сегодня 37 число, а все из-за номера письма наверху страницы. Так-с, я дожидаюсь сейчас старого Фроуда, который обещал заглянуть нынче утром. Я уже одет, потому что собираюсь пойти потом в церковь. Кроме как по воскресеньям, Фроуд, видимо, не рискует выходить из дома[721]. Рано утром у меня был типограф, он пришел сказать, что второе издание было распродано вчера за пять часов, и к завтрашнему дню нужно подготовить третье; возможно, удастся продать еще половину такого же количества; в его типографии сейчас этим заняты, несмотря на воскресный день. Старый олух Фроуд, судя по всему, не явится, и я пропущу из-за него службу. — Доброго вам утра, сударыни. — Вечером. Был нынче при дворе. Королева пребывает в добром здравии и прошлась немного по залам. Обедал с секретарем и быстро разрешил с ним кое-какие дела. Он говорит, что голландский посол намерен выразить недовольство в связи с моим памфлетом, который вызвал здесь невообразимый шум. Он пришелся более чем кстати и вполне оправдывает труды, которых мне стоил. Думаю, что его напечатают и в Ирландии[722]. Одни приписывают его Прайору, другие — господину секретарю Сент-Джону, но я, разумеется, как всегда, первый, кому приписывают все. А теперь я лягу спать.

3. Я велел Патрику не впускать ко мне никаких незнакомых

посетителей, а нынче какой-то малый все рвался переговорить со мной по поручению сэра Джорджа Преттимена[723]. Поскольку я никогда о таком не слыхал, то и не пожелал видеть его посыльного; в конце концов оказалось, что этот самый сэр Джордж продал свое поместье и теперь просто побирается. Смизерс, посыльный из Фарнхема, принес мне нынче утром письмо от вашей матушки с тремя вложенными в него бумагами, написанными рукой леди Джиффард: одна представляет собой расписку на 100 фунтов, которые принадлежат вам и хранятся у нее; я переслал эту расписку вам для передачи Меристону[724]; другая — удостоверяет, что причитающиеся ей от казны 100 фунтов принадлежат Стелле, и третья на гербовой бумаге на сумму в 300 фунтов. Думаю, что последние две лучше хранить в Англии в надежных руках до тех пор, пока не преставится леди Джиффард, и я постараюсь подыскать такого человека до моего отъезда отсюда. Я расспросил Смизерса относительно всех обитателей Фарнхема. Миссис Уайт[725] перестала модничать, она хромает, и у нее опухают ноги, а посему она почти не выходит из дома, а ее престарелый висельник-муж, как всегда, пребывает в добром здравии. Нынче утром я пошел к лорду-казначею справиться относительно изменений, которые он хотел бы внести в памфлет, однако сделать это можно будет только в четвертом издании, которое, как я полагаю, не замедлит появиться; типограф сказал мне нынче за обедом, что половина третьего издания уже разошлась. Оказывается, миссис Персивал[726] с дочерью последние три недели находились в Лондоне, но я услыхал об этом не далее как сегодня; миссис Уэсли тоже приехала в город, чтобы посоветоваться с доктором Рэдклифом. Виги вознамерились представить мой памфлет на обсуждение палаты лордов с тем, чтобы осудить его, так во всяком случае я слышал. Но типограф будет твердо стоять на своем и не назовет автора: он скажет, что получил памфлет с пенни-почтой. Поговаривают, будто палата лордов непременно затеет свару, ведь виги располагают там сейчас внушительным большинством, а наши министры на редкость беззаботны на этот счет. Я не упускал случая предостеречь их, и некоторые из них сознают грозящую им опасность, однако лорд-казначей слишком уж уверен в себе. Я, правда, думаю, что его удачливая судьба вывезет его из всех передряг, но по здравом рассуждении должен признать, что положение нынешнего кабинета крайне неустойчиво; они еще смогут удержаться, если добьются заключения мира, но не иначе.

4. Господин секретарь прислал нынче сказать, что желает пообедать со мной наедине, тем не менее за столом оказалось еще два человека, и мне

так и не удалось обсудить с ним кое-какие дела. Утром я отправился вместе с молодым Харкуром, секретарем нашего Общества, снять комнату для наших еженедельных собраний, и что же вы думаете? — Хозяин запросил с нас по пять гиней в неделю только за то, что мы раз в неделю будем там обедать; не правда ли, куда как славно? Разумеется, мы с ним не сошлись в цене и в следующий четверг будем обедать у Харкура (он сын лорда-хранителя печати). Уже распродано более половины третьего издания и начинают сказываться последствия: так, например, голландский посол отказался обедать с доктором Дэвенантом, потому что того заподозрили в авторстве. В каждое издание памфлета я вношу некоторые изменения, и с тех пор, как его печатают, у меня больше хлопот, нежели когда я его писал. Его уже переслали в Ирландию и полагаю, что он будет там перепечатан.

5. Готовится уже четвертое издание, а это из ряда вон выходящий случай, тем более, что книга стоит недешево — двенадцать пенсов, и тории не покупают ее оптом, с тем чтобы раздавать потом даром, как это в обычае у вигов; памфлет раскупается исключительно по причине своих неоспоримых достоинств. Я подыскал одного подручного борзописца, который снова будет сочинять «Экзаминер», а мы с секретарем будем время от времени подсказывать ему то да се; однако нам бы хотелось противопоставить журнал изделиям Граб-стрит, чтобы иметь возможность соперничать с тамошними писаками. Обедал нынче у лорда-казначея в пять часов; семья уже пообедала; он не выпил ни капли кларета, опасаясь нового приступа ревматизма, от которого почти оправился, и хотя был, как всегда, чрезвычайно любезен, но мне все же показалось, что он несколько расстроен нынешним положением дел. Посол ганноверского курфюрста[727] вручил гневную ноту, направленную против мира и позаботился о ее опубликовании. Лорды-виги пускаются во все тяжкие, стараясь заручиться к пятнице большинством и, если им это удастся, намерены обратиться к королеве с адресом, направленным против мира. Лорд Ноттингем[728] — видный торий, известный вития, переметнулся на сторону вигов; они пьют сегодня за его здоровье, и лорд Уортон объявил, что «не кто иной, как Угрюмец (так его прозвали за выражение лица) спасет, наконец-то, Англию». Лорд-казначей намекнул, что было бы не худо, если бы появилась баллада на Ноттингема, и к завтрашнему утру я постараюсь ее накропать. Он показал мне печатный листок с оскорбительными и скверными стишками, направленными против него, под названием «Английский Катилина»[729] и заставил меня прочитать их всем присутствующим. Оказалось, что нынче день его рождения, о чем он

не хотел нам говорить, однако лорд Гарли шепнул мне об этом.

6. Нынче утром сочинил балладу; она на две головы выше изделий Граб-стрит. Днем нанес визит миссис Мэшем, после чего отправился на обед нашего Общества. Бедняга лорд-хранитель печати ограничился кусочком баранины. Мы избрали еще двух членов; сегодня присутствовало одиннадцать человек — больше, чем когда бы то ни было. На той неделе я должен буду представить лорда Оррери. Прежде, чем мы разошлись, пришел типограф и принес мою балладу, при чтении она по меньшей мере раз двенадцать вызывала всеобщий хохот. Он собирается выпустить пятое издание памфлета книжкой небольшого размера в расчете на то, что она будет раскуплена и разослана нашим друзьям в провинцию. Появился ответ ценой в шесть пенсов, совершенно никчемный, но в числе прочих предполагаемых авторов памфлета в нем называют и меня. Завтрашнее заседание парламента решит нашу судьбу, и мы преисполнены надежд и опасений. По нашим расчетам мы обладаем в палате лордов большинством в десять голосов, и все-таки я заметил, что миссис Мэшем несколько обеспокоена, хотя она и уверяла меня, что королева преисполнена решимости. Герцог Мальборо в последние дни не виделся с королевой, чему миссис Мэшем чрезвычайно рада; по ее словам, он имеет обыкновение плести своим дружкам сотню небылиц, якобы услышанных им от королевы. Один день он ведет себя тише воды, ниже травы, а другой — начинает хорохориться. Говорят, что сегодня к полуночи в Лондон прибудет герцог Ормонд.

7. Поскольку на сегодня назначено было открытие парламента, на котором предстояло решить вопрос чрезвычайной важности, я нарочно пошел с доктором Фрейндом пообедать в Сити, чтобы ни с кем не встречаться, а нашего типографа мы послали понаблюдать, какая нам уготована участь. Отчет, который он нам принес, оказался самым неутешительным. Первым выступил граф Ноттингем, который обрушился на мирный договор, и предложил лордам внести в их адрес, обращенный к королеве, поправку, в которой они советовали бы ей не заключать мира без Испании, и после обсуждения вигам удалось-таки провести эту поправку большинством в шесть голосов. И все это случилось единственно из-за беззаботности лорда-казначея, который своевременно не потрудился собрать всех своих сторонников, хотя мы не раз его предупреждали. Ноттингем, без сомнения, был подкуплен. Но эта поправка пока еще принята только в комитете палаты лордов, и мы надеемся, что когда завтра о ней доложат всей палате, мы соберем большинство с помощью нескольких шотландских лордов, приехавших в Лондон. Тем не менее, для

лорда-казначея эта чувствительный удар, который пагубно отразится на его репутации и может повлечь за собой его крушение. Я, правда, знаю обо всем этом только со слов типографа, присутствовавшего при обсуждении, а как это восприняли министры и каковы их надежды и опасения, сказать не могу до тех пор, пока не увижусь с ними. Завтра рано утром я буду у секретаря и тогда смогу рассказать вам больше, а также, если выберу время, напишу полный отчет епископу Клогерскому и архиепископу Дублинскому. Я ужасно пал духом. Мне не терпится узнать, как перенес удар лорд-казначей и что он намерен предпринять. На заседании парламента присутствовал и герцог Ормонд, приехавший в Лондон сегодня.

8. Рано утром я побывал у секретаря и говорил с ним о вчерашних событиях. Он выразил надежду, что когда обо всем этом доложат нынче палате лордов, те откажутся одобрить решение своего комитета, и дело таким образом кончится ничем, кроме разве некоторого ущерба для репутации лорда-казначея. Только я успел пообедать с доктором Кокберном, как пришел член парламента от Шотландии и сказал, что поправка, направленная против кабинета министров, все-таки прошла в палате лордов большинством почти два к одному. Я тотчас же отправился к миссис Мэшем; по дороге мне встретился доктор Арбетнот (любимый лекарь королевы), и мы пошли вместе. Миссис Мэшем только что вернулась от королевы, которой она прислуживала за обедом, и собиралась сама сесть за стол. Оказалось, она еще не слыхала о том, что дело обернулось против нас. Как выяснилось, лорд-казначей был настолько беззаботен, что в то время как этот вопрос обсуждался в палате лордов, он находился у королевы. Я тотчас же сказал миссис Мэшем, что либо она и лорд-казначей сговорились с королевой предать нас, либо же королева предала их обоих. Мое первое предположение она со всей решительностью отвергла, и я ей поверил, однако она сообщила мне кое-какие сведения, дающие основания заподозрить, что королева от нас отступилась. Так, вчера, например, когда королева уходила из палаты лордов, где она присутствовала во время прений, лорд-камергер герцог Шрусбери спросил ее, кому из них ее проводить — ему или обер-гофмейстеру графу Линдсею[730], на что она коротко ответила: «Ни тому, ни другому», — и подала руку герцогу Сомерсету, громче всех других ратовавшему в палате лордов за поправку, направленную против мира. Она привела еще несколько примеров в том же духе, убедивших меня, что королева вероломна или, по крайней мере, слишком уж колеблется. Мистер Мэшем просил нас задержаться, потому что к ним должен был зайти лорд-

казначей, и мы решили задать ему жару за допущенную им беззаботность в обеспечении большинства. Он пришел, казалось, в таком же хорошем настроении как обычно, однако выражение его лица изобличало, как я заметил, явное смущение. Я стал над ним подшучивать и попросил его отдать мне свой жезл, он так и сделал, и тогда я сказал, что если бы он доверил его мне хотя бы на неделю, я бы все уладил наилучшим образом; он спросил: каким же именно? И я ответил, что немедленно отстранил бы лорда Мальборо, обеих его дочерей[731], герцога и герцогиню Сомерсет и лорда Чомли[732] от всех занимаемых ими должностей и что едва ли кто из его друзей со мной не согласится. Арбетнот спросил его: как могло случиться, что он не заручился поддержкой большинства? И единственное, что лорд-казначей нашелся ответить, было, что он бессилен, если люди лгут и нарушают клятву. Ответ довольно жалкий для министра ее величества. Он еще обмолвился словами из Писания, что «сердце царей неисследимо»[733]. Я сказал, что именно этого я и опасался и что это наихудшая новость из всех, какие он мог мне сообщить. Я заклинал его разузнать, на что мы можем теперь рассчитывать, и после некоторой заминки он попросил меня не беспокоиться, потому что все, мол, еще уладится. Мы всячески упрашивали его хоть немного перекусить, но он непременно хотел идти домой, потому что был уже седьмой час, и уговорил меня пойти с ним. У него дома мы застали его брата и господина секретаря. Он велел своему сыну составить список всех тех членов палаты общин, которые занимают какие-нибудь должности и тем не менее голосовали против кабинета министров, притом в таком тоне, как если бы всех их ожидало неминуемое смещение. Боюсь, однако, что ему не удастся это осуществить. Через час пришел лорд-хранитель печати, и они занялись делами, а посему я попрощался с ними и возвратился к миссис Мэшем, но у нее были гости, и я не захотел остаться. — Сегодняшняя запись получилась очень длинной, но ведь речь шла о дне, который может привести к большим переменам и повлечь за собой гибель Англии. Виги теперь ликуют, они предсказывали, как все произойдет, но мы думали, что это лишь пустое бахвальство. Более того, они заявляли, что парламент распустят еще до Рождества и, возможно, что так оно и будет. И все это козни пр[оклят]ой герцогини Сомерсет. Я предупреждал их об этом еще девять месяцев тому назад и с тех пор повторял по меньшей мере раз сто, да и секретарь всегда опасался этого. Я сказал нынче лорду-казначею, что у меня по сравнению с ним хотя бы то преимущество, что ему отрубят голову, а меня повесят, и потому я унесу свое тело в могилу в целости и

сохранности.

9. Утром был у господина секретаря; мы оба с ним того мнения, что королева вероломна. Я рассказал ему обо всем, что слышал, и он подтвердил это другими примерами. Потом я пошел к моему другу Льюису, который посылал за мной. Он ни о чем другом не говорит, кроме как о намерении укрыться в своем поместье в Уэльсе. Он дал мне основания предположить, что между королевой и вигами существовал сговор. Лорд, Сомерс, как он слыхал, будет назначен казначеем, а что касается герцогини Сомерсет, то, по его мнению, прежде чем удастся ее удалить, она добьется роспуска парламента и созыва нового, вигистского, что вполне возможно сделать, взяв проведение выборов в свои руки. Положение сейчас критическое, и ближайший день или два окажутся решающими. Я попросил Льюиса заручиться обещанием лорда-казначея, что как только тот убедится, что перемены неизбежны, он тотчас отправит меня куда-нибудь за границу в качестве секретаря при посольстве, где я мог бы оставаться до тех пор, пока новый кабинет министров не сочтет необходимым меня отозвать, а тогда я месяцев на пять или шесть скажусь больным, пока вся эта буря не уляжется. Надеюсь, он мне в этом не откажет, ведь мне едва ли стоит полагаться на милосердие моих врагов, пока их гнев не остыл. Обедал с секретарем; он притворяется веселым, и, судя по всему, уповает на то, что все еще уладится. После обеда я отвел его в сторонку и, напомнив о всех услугах, которые я им оказывал и за которые не просил никакого вознаграждения, полагая, что, по крайней мере, могу рассчитывать на безопасность, обратился к нему с той же просьбой: послать меня за границу до наступления перемен. Обняв меня, он поклялся, что позаботится обо мне, как о самом себе, и просил не терять присутствия духа, потому что в ближайшие два дня мудрость лорда-казначея проявится больше, нежели когда бы то ни было; он-де умышленно не противодействовал событиям, а тем временем принял меры, чтобы обратить потом все к своей выгоде. Я ответил: «Дай-то бог!», хотя ничему теперь не верю; насколько я могу судить, игра проиграна. Вскоре я узнаю больше, и мои письма явятся, во всяком случае, достоверной историей, показывающей вам шаг за шагом эти перемены.

10. Утром был у Льюиса, который высказал предположение, что они позволят парламенту заседать до тех пор, пока он не выделит необходимых денег, а весной распустят его и разделаются с нынешним кабинетом, Он передал лорду-казначею мою просьбу, и милорд настоятельно просил его заверить меня, что все будет хорошо и мне нечего опасаться. Пообедал я в Сити с приятелем. Палата общин явилась нынче к королеве, чтобы вручить

ей свой адрес, и все лорды, которые стояли за договор о мире, пришли вместе с ними, дабы выказать тем свою добрую волю. У меня имеются теперь новые доказательства вероломности королевы, и это постепенно становится известно всем.

11. Между двумя и тремя я пошел повидать миссис Мэшем; в то время, как я дожидался, когда она выйдет из спальни, где она примеряла юбку, к ней пришел лорд-казначей и, увидя меня, стал надо мной посмеиваться. «Чем знаться с таким малым, как Льюис, — сказал он, — вам бы следовало лучше водиться со мной. У меня, по крайней мере, не цыплячья душа и сердце не как у мышонка». Потом он прошел к миссис Мэшем, а когда уходил, то попросил ее позволить мне пойти к нему на обед. Он полюбопытствовал, не боюсь ли я появляться на людях в его обществе? Я ответил, что никогда в жизни не придавал цены должности лорда-казначея и потому всегда буду питать равное почтение, будь то к мистеру Гарли или к лорду Оксфорду. Мне показалось, что он говорил довольно хладнокровно, как если бы рассчитывал, что все случившееся послужит ему только на пользу. Я не удержался и намекнул, что он и сам не был уверен в королеве и что эти подлые заморыши — лорды никогда бы не осмелились голосовать против кабинета министров, если бы Сомерсет не заверил их, что тем самым они угодят королеве. Он согласился со мной, что это действительно дело рук Сомерсета. Я просидел у него до шести, после чего к нему пришел голландский посол де Бюис, и я откланялся. Прайор тоже остался после обеда и посидел немного с нами; я заметил, что он, как и все они, пал духом, хотя каждый старается не подавать вида.

12. В Лондон приехал Форд, я виделся с ним вчера вечером, и хотя рассказал ему о положении дел, он, тем не менее, не только этим не обескуражен, но, напротив того, настроен весьма бодро. Нынешние перемены столь живо напоминают недавнее прошлое, что я диву даюсь, как люди этого не замечают. Секретарь посылал вчера за мной с приглашением на обед, но меня не было дома: возможно, он хотел мне что-нибудь сообщить. Сейчас утро, и я пишу в постели. Я собираюсь пойти к герцогу Ормонду, которого еще не видал. Доброго вам утра, сударыни. — Вечером. Утром повидал герцога Ормонда; с обычной своей учтивостью он задал мне два-три вопроса, но все они относились к Ирландии, в конце концов я заметил ему, что с того времени, как мы последний раз виделись, ирландские дела меня не занимали. Тогда он шепнул, что я, как он надеется, сумел за это время оказать кое-какие добрые услуги; я ответил, что если бы каждый сделал хотя бы вполовину столько, сколько я, мы не очутились бы сейчас в таком положении, после чего мы отошли в сторонку

и обсудили события этих дней. Я рассказал ему, как все произошло, и посоветовал, что следует предпринять. Потом я прошел к герцогине и посидел с ней около часа, а потом еще столько же с леди Оглторп, которая так дьявольски хитра, что могла бы еще, я полагаю, найти какой-нибудь выход, если бы только ее совета послушались. Обедал я с приятелем при дворе.

13. Утром был у секретаря; у него прямо-таки какая-то потребность делать вид, что все устроится наилучшим образом. «Поверите ли вы в это, — сказал он, — если увидите, что все эти людишки отстранены?» Я сказал: «Да, если увижу, что отстранены герцог и герцогиня Сомерсет». И он поклялся, что, если это не произойдет, то он уйдет со своего поста. Наше Общество обедало сегодня у сэра Уильяма Уиндхема, присутствовало тринадцать человек, и были представлены лорд Оррери и еще два новых члена. В семь я с ними попрощался. Забыл упомянуть вам, что типограф сказал мне вчера, будто лорд главный судья[734], тот самый, что руководил судебным процессом против Сэчверела, посылал вчера за издателем Морфью: он предъявил ему несколько листков и памфлетов, в том числе мое «Поведение союзников», всячески грозил, допытывался, кто автор, и обязал его во время следующей сессии явиться в суд. Он, без сомнения, никогда не отважился бы на такую дерзость, если бы не предвидел того, что должно произойти при дворе.

14. Утром ко мне явился лорд Шелберн, чтобы осведомиться о положении дел, и попросил меня ответить на все его возражения против заключения мирного договора, что не заняло много времени, так как он почти не давал мне рта раскрыть. Он вполне здравомыслящий человек, но спорит всегда с такой горячностью, что рано или поздно доведет себя до чахотки. Он пожелал, чтобы я непременно его принимал, когда бы ему ни вздумалось ко мне прийти, и я обещал, хотя делать этого, по правде говоря, не собираюсь. Ли и Стерн выедут в Ирландию в следующий понедельник и прибудут к вам, я полагаю, намного раньше этого письма. — Нынче вечером я пил отличное вино в довольно-таки гнусной компании; по крайней мере, о некоторых из присутствующих вполне можно так сказать. Меня туда затащили, однако впредь я буду осмотрительней. Уже поздний час и прочее.

15. Утро. Говорят будто сегодня на рассмотрение палаты лордов представлен «Билль касательно временного принятия англиканства», но мне пока ничего об этом неизвестно. Сейчас я закончу это письмо и собственной персоной отнесу его в почтовую контору. Это будет очень достопамятное письмо и, возможно, несколько лет спустя мне захочется

его перечесть. В нем запечатлены первые шаги на пути к падению прекрасного кабинета министров, потому что я смотрю на них, как на людей конченых, и одному богу ведомо, каковы будут последствия. — А теперь я попрощаюсь с моими драгоценными *МД*, потому что ко мне должны прийти и, кроме того, днем необходимо побывать в канцелярии лорда Дартмута. Прощайте, драгоценные *МД*, я желаю вам веселого Рождества; надеюсь, что к тому времени вы уже получите это письмо. Любите Престо, который любит *МД* в тысячу раз больше чего бы то ни было на свете. Еще раз прощайте, драгоценные *МД* и прочее.

Письмо XXXVII

Лондон, 15 декабря 1711.

[*суббота*]

Я сам отнес нынче вечером свое письмо. Днем побывал в канцелярии секретаря, у мистера Льюиса, чтобы узнать, как обстоят дела. Там мне встретился Прайор. который сказал, что потерял всякую надежду и что, по его мнению, весь кабинет уйдет на следующей неделе в отставку. Льюис, правда, считает, что кабинет продержится до весны, то есть до окончания сессии парламента, но оба они в полном отчаянии. Я зашел также повидать миссис Мэшем, она приглашала меня на обед, но поскольку я уже уговорился обедать с Льюисом, то явился к ним в четыре. Мэшем подошел и шепнул мне, что, как ему доподлинно известно из надежного источника, все уладится, и оба они показались мне весьма радужно настроенными. Они собирались в оперу, но просили меня непременно прийти к ужину. Я так и сделал и, придя к десяти, застал там лорда-казначея, который ушел только в первом часу и был веселее, чем когда бы то ни было за все эти десять дней. Миссис Мэшем сказала мне, что несколько дней тому назад он совсем было отчаялся, да и от меня это не ускользнуло. Арбетнот не теряет надежд, он считает, что королева не отступилась от нас, а только лишь была напугана и не знала, на что решиться. Но я все же не могу с ним согласиться, потому ли, что мои доводы основательнее, или же опасения более велики. Я решил, в случае, если они вскоре уйдут в отставку или будут смещены, удалиться на несколько месяцев и уже облюбовал себе одно место, но при этом изыщу какой-нибудь способ, чтобы получать известия от *МД* и иметь возможность писать им. Как бы то ни было, я уберусь отсюда при первых же признаках начинающейся смуты: ведь мне припишут все и даже то, чего я никогда в глаза не видал.

16. Набрался сегодня храбрости и отправился ко двору, приняв чрезвычайно бодрый вид. Там была невообразимая толчея, и каждая партия по выражению лиц пыталась определить настроение противника. Я старался не замечать попыток лорда Галифакса раскланяться со мной, пока он не вынудил меня к этому, однако мы с ним не разговаривали. Мне пришлось отвесить не менее восьмидесяти поклонов, из коих не менее двадцати пришлось на долю вигов. Герцог Сомерсет уехал в Петуорт, и герцогиня, как я слыхал, будто бы последовала за ним, чему я был бы весьма рад. Поговаривают также, что принц Евгений, которого здесь

ожидали несколько дней тому назад, не приедет[735]. По замыслу вигов принца должны были встречать сорок тысяч конных. Несколько дней тому назад лорд-казначей рассказал мне о своей беседе с резидентом императора — этим самодовольным хлыщом Гофманом[736] относительно приезда принца Евгения, из чего мне стало ясно, что милорд охотно воспрепятствовал бы этому, будь его власть; мы все были бы рады, если бы визит принца Евгения не состоялся, и сочли бы это немалой для себя удачей. Сэр Эндрю Фаунтейн, Форд и я обедали сегодня у пригласившей нас миссис Ван.

17. Я забыл, какое сегодня число и принужден был трижды его исправлять. Обедал нынче с мистером Мэшемом и его женой, которые меня пригласили; ожидали еще лорда-казначея, но он почему-то не пришел. Они принимали у себя голландского посла Бюиса, который довольно сносно говорит по-английски; он вел себя дьявольски изворотливо и плел всякие небылицы, но никто из нас не поверил ни единому его слову. Мы все еще остаемся в неопределенном положении, и, на мой взгляд, надеяться нам особенно не на что. Как выяснилось, герцогиня Сомерсет вовсе не уехала в Петуорт, уехал только ее супруг, а это небольшой убыток. Похоже, королева в самом деле намерена сменить кабинет министров, но только, возможно, отложит это до окончания сессии, и, думаю, для них было бы лучше самим подать в отставку, если только она не станет действовать в открытую, ведь в таком случае им не пришлось бы отвечать за исход мирных переговоров, если это дело окажется в других руках и, паче чаяния, окончится неудачей. Но говорят, будто лорд-хранитель королевской печати уезжает на этой неделе в Гаагу, так что заключение мира все же мало-помалу подвигается вперед.

18. Сегодня с утра до вечера, не переставая, лил дождь; мне пришлось истратить три шиллинга на наемную карету. Необычайно дождливая в этом году погода. Пообедал в Сити и был у типографа, который выпустил пятое издание «Поведения союзников», на этот раз книжкой небольшого размера ценой в шесть пенсов и притом в количестве, равном трем первым изданиям вместе взятым, так как им предстоит быть во множестве разосланными в провинцию, для чего знатные особы заказывают себе сотни экземпляров. Две недели тому назад памфлет был отправлен в Ирландию и, полагаю, что у вас его тоже напечатают. Сторонники ториев, как среди лордов, так и в палате общин, черпают из него свои доводы, и все сходятся на том, что еще не было памфлета, который оказал бы столь большое влияние и заставил столь многих людей переменить свои взгляды.

Надеюсь, что к тому времени, когда придет срок отправить это письмо, я получу что-нибудь от малюток *МД*: ведь будет уже месяц и два дня с тех пор, как я получил от вас последнее письмо; но я готов накинуть еще девять дней на всякие непредвиденные обстоятельства. Никак не избавлюсь от последствий простуды, хотя заболел еще месяц тому назад; впрочем, быть может, это уже новая? Весь нынешний вечер строчил письма до полного изнеможения; кроме того, я задумал издать еще одну небольшую вещицу[737], которую надеюсь закончить на этой неделе, после чего отправлю ее типографу переписанной неизвестным ему почерком. Вышла речь лорда Ноттингема[738], поделка в духе Граб-стрит, а он не придумал ничего лучшего, как пожаловаться в палате лордов, и те вынесли решение арестовать типографа. Я слыхал при дворе, что Уолпол[739] (один из самых влиятельных вигов) заявил, будто это я и мой нелепый клуб сочинили сию речь на одном из наших сборищ, и что я должен за это поплатиться. Он у меня еще убедится, что солгал, я дам ему понять, что я о нем думаю, но только не собственноручно, а кому-нибудь поручу. Если произойдет смена кабинета, он станет государственным секретарем, а ведь совсем недавно в парламенте было видвинуто против него обвинение в том, что в бытность свою военным министром он брал взятки. Среди вигов он один из главных говорунов.

19. Ненастная, наводящая уныние погода. Я наведался в канцелярию секретаря, и Льюис уговорил меня пообедать с ним, хотя я собирался обедать с лордом-казначеем. На этой неделе мне ни разу не удалось повидать секретаря. Между тем положение нисколько не улучшилось. Лорд Дартмут в отчаянии и считает, что необходимо подавать в отставку; Льюис придерживается того же мнения, и только один лорд-казначей неизменно твердит: «Ничего, ничего, все образуется». Домой я возвратился рано с намерением довершить одну начатую вещицу, но почувствовал, что душа ни к чему не лежит, нет настроения и что я охотнее почитал бы первую подвернувшуюся под руку книжонку. Я только что послал типографу листок ценой в пенни, чтобы немного насолить кое-кому. Патрик отправился на похороны одного ирландца, который был слугой доктора Кинга[740]; он умер от чахотки — вполне подходящая смерть для лакея этого нищего умирающего от голода остряка. Ирландские слуги почитают непременной обязанностью присутствовать на похоронах соотечественника.

20. Нынче утром опять был у секретаря; судя по всему, нас ожидает томительная кончина, но толком я ничего не знаю, да и они сами тоже.

Обедал нынче, как вы знаете, с нашим Обществом, и этот подлый секретарь настоял на том, чтобы в следующий раз за обедом непременно председательствовал я, так что через неделю в этот же день мне придется угощать их в таверне «Под соломенной крышей»[741], где мы обедали и сегодня; это обойдется мне в пять или шесть фунтов; правда, секретарь обещает снабдить меня вином. Возвратясь домой, я обнаружил письмо от епископа Клогерского.

21. Впервые в жизни меня угораздило простудиться вторично, в то время как я не успел еще оправиться от прежней простуды; это началось вчера и сопровождается всеми полагающимися в таких случаях последствиями: течет из глаз и носа и прочее; чувствую себя сейчас преотвратительно и даже не могу сказать, где я эту простуду подхватил. Сэр Эндрю Фаунтейн и я были приглашены сегодня на обед к миссис Ван. — Утром виделся с герцогом Ормондом; ни он, ни я не видим при нынешнем положении вещей ничего хоть сколько-нибудь обнадеживающего. Если герцогиня Сомерсет не будет отстранена, нас ожидает неминуемое падение, но никто не верит, что королева когда-либо расстанется с ней. Я уговаривался с герцогом относительно дня, когда господин секретарь и я могли бы с ним отобедать, и он назначил следующий вторник и, только придя домой, вспомнил, что это как раз придется на Рождество. Навестил сегодня леди —[742], только что оправившуюся после родов; до чего же уродливое зрелище предстало моим очам: бледная, безжизненная, старая и желтая, а все потому, что не нарумянена. Меня чуть не стошнило. Впрочем, вскоре она снова начнет румяниться и снова станет красавицей.

22. Я почувствовал сильнейшую боль в пояснице и поначалу приписал это выпитому мной шампанскому, но потом понял, что это следствие новой простуды. Сегодня был славный морозный день, и я решил прогуляться пешком в Сити. В одиннадцать я зашел повидать лорда-казначея. Он показал мне письмо от одного видного пастора из пресвитериан[743]; тот жалуется, что друзья предали их, утвердив «Билль о временном принятии англиканства», и мистер Гарли показал мне также свой ответ, который друзья все же отговорили его отправлять, хотя он весьма удачен. Он пребывает в отличном расположении духа, однако не выражает никаких надежд, да и не питает их. От него я отправился в Сити, где и пообедал.

23. Утро. Я уже было оделся, чтобы пойти в церковь, но навестивший меня приятель посоветовал мне лучше сегодня не выходить, так что я

посижу нынче дома и обойдусь одним хлебом, если смогу раздобыть. На дворе сейчас лютый мороз, и выпавший вчера снег так и не растаял; взгляните сами, вон он лежит на крышах пристроек и навесах. Лорды приняли вчера два или три решения касательно мирного договора[744] и Ганноверской династии, притом крайне злобного характера, чтобы досадить кабинету министров; их очередное заседание состоится двумя неделями раньше, нежели палаты общин, и поговаривают, будто они готовят несколько сокрушительных обращений. Доброго вам утра, сударыни. Я посижу дома, а когда улягусь в постель, сообщу, как себя чувствую. — Весь день просидел дома и съел только немного бульона и булочку. Успел сочинить сегодня «Пророчество», которое собираюсь напечатать, и еще несколько виршей.

24. Ездил нынче в Сити в наемной карете и там пообедал. Моя простуда не проходит. Вот уже три или четыре дня стоит свирепый мороз. «Пророчество» напечатали и после Рождества пустят в продажу; мне оно нравится до чрезвычайности, не знаю только, как оно будет воспринято. На таком расстоянии вам ни за что не уразуметь его смысла без особых пояснений. Все, конечно, тотчас догадаются, что это написано мной, потому что оно сделано отчасти в той же манере, что и «Мерлин»[745], напечатанный в «Разных сочинениях…» Лорд-хранитель королевской печати отбыл сегодня в Голландию; что ж, ему предстоит довольно-таки прохладное путешествие. По случаю Рождества я подарил нынче Патрику полкроны с условием, что он будет пристойно себя вести, и, что же вы думаете, — в полночь он заявился вдребезги пьяный, после чего я твердо решил не давать ему впредь ни единого пенса. Какой лютый мороз!

25. Желаю *МД* веселого Рождества и еще много таких же праздников в грядущем; что до меня, то я провожу его довольно-таки безрадостно. Пойти нынче в церковь я не решился, потому что не совсем здоров, а на дворе сильнейший снегопад и стужа. Днем я отправился к миссис Ван, которая еще раньше пригласила меня сегодня отобедать. У них я узнал о кончине бедной миссис Лонг, которая преставилась в прошлую субботу в Линне в графстве Норфолк в четыре часа утра; она промучилась только четыре часа. Мы предполагаем, что это произошло вследствие астмы, от которой она страдала, как и от водянки, о чем писала мне в своем последнем письме, отправленном около пяти недель тому назад; однако она верила тогда, что уже поправилась. Ни одна смерть не опечалила меня так сильно, как эта. Бедняжка уехала в Линн два года тому назад, чтобы сократить расходы и выплатить долги. В своем последнем письме она

выражала надежду, что к Рождеству избавится от своих затруднений; она сдержала свое слово, хотя имела в виду совсем другое. Она была наделена всеми достоинствами и не имела ни одного недостатка, кроме разве того, что по беспечности слишком уж пренебрегала своими делами. Ее бабка, женщина весьма преклонного возраста, отказала ей две тысячи фунтов, с помощью которых она и намеревалась выплатить долги, с тем чтобы жить потом на сто фунтов ежегодной ренты, в придачу к доходам от Ньюберг-хауза, составляющим шестьдесят фунтов. Но поскольку старая карга и не думает умирать, ей пришлось уехать в провинцию, ведь согласно завещанию эти две тысячи фунтов должны были ей достаться только после смерти старухи, а ее братец, сэр Джеймс Лонг, это бесчувственное животное, не пожелал ссудить ей такую сумму, хотя она могла бы тогда расплатиться с долгами, осталась бы жить в Лондоне и не умерла бы так быстро; тоска, я убежден, ускорила ее кончину. Я распорядился о том, чтобы в газете «Пост-бой» поместили сообщение[746] о ее смерти и несколько приличествующих случаю слов о ней самой, — это все, чем я мог почтить ее память, хотя даже и этому препятствовало одно соображение: ее братец, конечно, предпочел бы, чтобы ее кончина осталась в тайне, дабы избавить себя от расходов, связанных с необходимостью перевезти сюда тело покойной для погребения или хотя бы надеть траурное платье. Простите мне все, что я написал здесь, ради несчастного создания, к которому я питал столь сильную привязанность.

26. Утром пошел к господину секретарю, который пригласил меня к себе на обед, а днем наведался к миссис Мэшем; она уговаривала меня воздержаться от опубликования «Пророчества» из опасения, как бы королева не разгневалась за нападки на герцогиню Сомерсет; поэтому я послал записку типографу с просьбой приостановить работу[747]. Однако стихи были уже напечатаны и даже кое-кому розданы, только что не пущены в продажу. Я застал у нее лорда-казначея, он провел перед тем два часа у королевы, и миссис Мэшем преисполнена надежд, что дела опять примут благоприятный оборот. Вечером еще раз зашел к ним и поужинал с мистером Мэшемом и лордом-казначеем. Мы просидели до часу ночи, так что теперь уже очень поздно и прочее.

27. Нынче я угощал обедом наше Общество в таверне «Под соломенной крышей»; правда, брату Батхерсту пришлось послать за вином, его в этой таверне не подают. Типограф не получил моей записки и принес каждому из присутствовавших по дюжине экземпляров «Пророчества»; я велел ему никому больше не давать. Вещица получилась отменная, и все от

нее просто без ума. У нас по-прежнему стоят свирепые морозы. Миссис Мэшем пригласила меня прийти к ним вечером играть в карты, но наше Общество засиделось до девяти часов. Однако я ужинал у ее сестры, миссис Хилл, и к ней пришли потом миссис Мэшем и лорд-казначей, и мы просидели до полуночи. В следующую среду соберется палата лордов, и лорд-казначей пытается обеспечить к этому дню большинство; если ему это не удастся, виги пойдут на все, лишь бы добиться осуждения договора о мире. Одному господу известно, что нас ожидает. — Стоит лютый мороз, впрочем, я вам это уже говорил. Мы стараемся теперь изо всех сил, вот только будет ли от этого какой прок. Возвратясь домой поздно ночью, я, представьте себе, обнаружил письмо от *МД* № 24, 24, 24, 24. Ну как, теперь, я надеюсь, вы запомните номер? И еще письмо от Джо, переполненное изъявлениями благодарности. Передайте ему, пожалуйста, что письмо я получил и рад его успеху, а сам ему не пишу, дабы не подвергать его лишним расходам. Недавно я получил также письмо от мистера Уорбертона, в связи с чем прошу кого-нибудь из вас переписать то, что я сейчас скажу, и при первой возможности переслать это ему. Напишите дословно следующее: Доктор получил письмо мистера Уорбертона и желал бы, чтобы тот уведомил доктора, действительно ли событие, о коем он упоминает, должно вскоре произойти, и что доктор окажет тогда всемерное содействие. — И пожалуйста, уведомьте их обоих, мадам, что я поступаю так только из желания избавить себя от излишних хлопот, а их от оплаты почтовых расходов. — Ну что ж, полагаю, что для человека, возвратившегося домой в полночь от лорда-казначея и миссис Мэшем, этого предостаточно. Я мог бы привести вам десять тысяч примеров в доказательство того, что наша политика безумна и ничтожные обстоятельства движут великими событиями. Но пусть отдохнет моя удрученная голова.

28. Вместе со своим братом Батхерстом я навестил нынче утром герцога Ормонда; мы дали его светлости некоторые основания полагать, что он будет допущен в наше Общество, и условились, что в следующее воскресенье господин секретарь, я и Батхерст с ним пообедаем. Хотя герцог и не питает особых надежд, он не жалеет сейчас усилий, чтобы успеть до следующей среды переманить кое-кого из лордов на нашу сторону. Я уже собрался было уходить, когда меня задержала герцогиня; она крайне встревожена нынешним положением и винит меня в том, что я не воспользовался своим влиянием на лорда-казначея, дабы как-то поправить дело, а я, в свой черед, виню ее. Днем она встретила меня на улице и пригласила пообедать с ней, что я и сделал, после чего мы около

часа беседовали в ее кабинете. Ежели в среду мы потерпим неудачу, то это, на мой взгляд, произойдет вследствие какой-то необъяснимой небрежности. Поговаривают о том, что в палату будут введены восемь новых лордов из старших сыновей некоторых пэров, но с этим поразительно медлят. Нынче у герцога Ормонда я застал судью Кута, он жаждет прийти ко мне, чтобы оправдаться передо мной[748].

29. Утро. Это письмо будет нынче отправлено. А ответ на ваше, я имею в виду 24, я отложу до следующего своего письма, которое, как обычно, начну сегодня вечером. Лорд Шелберн прислал сказать, что ожидает меня к обеду, но я уже зван вместе с Льюисом к Нэду Саутуэлу. Сыновья лорда Нортхемптона и лорда Эйлсбери назначены пэрами, но этого нам недостаточно. С той же почтой я отправлю письмо вашему декану. Я уже давно не писал архиепископу. Все, кто приезжает из Ирландии, жалуются на него и бранят меня за то, что я за него заступаюсь. Прошу вас, мадам Дингли, сообщите мне, сколько Престо получил за этот год и причитается ли ему что-нибудь за прошедший, потому что я не в состоянии теперь просматривать ваши предыдущие письма. Что же касается моего отчета о деньгах, полученных из казначейства для Дингли, то я приведу его на оборотной стороне листа. Прощайте, мои родные драгоценнейшие *МД*, и любите Престо, и да хранит всегда господь драгоценнейших *МД* и прочее, и прочее. Я желаю вам еще много счастливых рождественских и новогодних праздников.

Я написал декану, что на-днях получил от вас письмо, а до того от вас вообще долго ничего не было.

Отчет для Дингли

Получено от мистера Тука — 6 ф. 17 ш. 6 п.

Удержано за внесение письма стряпчего в реестр — 0 ф. 2 ш. 6 п.

Еще три полукроны, удержанные уже не знаю почему и для какой цели — 0 ф. 7 ш. 6 п.

За перевод денег в Ирландию — 0 ф. 10 ш. 0 п.

Уплачено за наемную карету — 0 ф. 2 ш. 6 п.

Итого, ровно — 8 ф. 0 ш. 0 п.[749]

Вот и все ваши деньги, и мы с вами в расчете, потому что ничего сверх этих восьми ирландских фунтов я платить вам не стану, так что будьте любезны довольствоваться этим.

Напоминает счета церковного старосты, не правда ли?

В субботу вечером. Я распечатал письмо и умудрился при этом его разорвать, но лишь потому, что спешил сообщить вам, что все мы теперь вне опасности: чтобы обеспечить большинство, королева назначила не больше и не меньше как двенадцать новых лордов; девять из них удостоены этого титула впервые, а остальные — старшие сыновья пэров. Мало того: она сместила герцога Сомерсета. Наконец-то королева очнулась! и лорд-казначей тоже! Единственное мое желание теперь — увидеть, как будет изгнана герцогиня. Впрочем, мы сумеем ее обойти. Все мы чрезвычайно счастливы. Можете меня поздравить, слышите, сударыни! Я написал это в кофейне. Трое из новых лордов[750] принадлежат к нашему Обществу.

Письмо XXXVIII

Лондон, 29 декабря 1711.

[*суббота*]

Отправил свое письмо нынче вечером, после обеда у Нэда Саутуэла, где пил очень славное ирландское вино, и все мы от души радовались столь счастливому повороту событий. Наконец-то, королеву убедили позаботиться о своих интересах и безопасности; если б она поступила иначе, то неминуемо навлекла бы немало бед и на себя, и на королевство. В числе новых лордов значится и Мэшем, но это пока величайшая тайна; говорят, он еще и сам об этом не знает: королева хочет, чтобы это было для него сюрпризом. Господин секретарь тоже станет лордом, но только к концу сессии, поскольку для пользы дела ему лучше пока быть в палате общин. Надобно, конечно, признать, что одновременное возведение в пэры стольких лиц, — случай из ряда вон выходящий, вызванный печальной необходимостью, однако королева сама навлекла на себя эту необходимость своим достойным удивления непостоянством и нерешительностью. Трое из них, как я уже говорил вам, принадлежат к нашему Обществу.

30. Оказывается, я ввел вчера декана и вас в заблуждение, потому что герцог Сомерсет все еще не смещен. Побывал нынче при дворе, заранее решив, что буду с вигами отменно любезен, но видел там лишь очень немногих из них. Находясь в королевской опочивальне, я перемолвился несколькими словами с лордом Рочестером; он подошел потом к леди Берлингтон[751], и она осведомилась у него, с кем это он разговаривал, а потом шепталась обо мне с леди Сандерленд. Я попросил лорда Рочестера передать леди Сандерленд, что она, боюсь, любит меня меньше, нежели я ее, однако он не выполнил моей просьбы. Герцогиня Шрусбери, подойдя ко мне, раскрыла веер, дабы присутствующие не могли за нами наблюдать, и мы поздравили друг друга по случаю произошедших перемен, но вместе с тем и вздохнули при мысли, что семейство Сомерсет все еще не отстранено. Секретарь, наш брат Батхерст, сын герцога Виндзора и я обедали нынче с герцогом Ормондом. Батхерст и Виндзор[752] числятся в списке новых лордов. Нынче при дворе я попросил брата лорда Рэднора передать его милости, что в шесть я приду к нему; я так и сделал и три часа кряду спорил с ним, пытаясь переманить на нашу сторону. Я так настойчиво его убеждал, что надеюсь, он станет сговорчивей; при всем том

он отъявленный негодяй, и хотя я уверял его, что решился переговорить с ним единственно из любви к нему, но это была ложь, и я нисколько бы не опечалился, если бы его в один прекрасный день вздернули; что поделаешь, сейчас каждый добытый голос значит для нас очень много. Герцог Мальборо тоже был нынче при дворе, но едва ли хоть одна живая душа обратила на него внимание. Уже распространился слух о том, что Мэшем станет лордом. При дворе решительно ничего нельзя сохранить в тайне. Среда будет поистине достопамятным днем, и вы узнаете тогда о дальнейшем.

31. Со вчерашнего дня у нас неожиданно потеплело, и стало очень сыро, тем не менее, я прогулялся пешком в Сити, где пообедал и уладил дела с типографом. Мне удалось добиться назначения доктора Кинга редактором «Газеты», это даст ему двести фунтов ежегодного дохода. Патенты наших новых лордов уже утверждены; и все же не могу сказать, чтобы меры, на которые решился двор, были мне по душе, коль скоро мы могли бы принять какие-нибудь другие. Впрочем, я вам это уже говорил. Мне сказали, что герцог Мальборо смещен со всех своих постов[753]. Завтра я буду знать об этом, когда пойду с доктором Кингом на обед к господину секретарю. — Это сильное лекарство, и да ниспошлет господь пациенту силы перенесть его. Приверженцы прошлого кабинета министров в полном отчаянии.

1 января. Желаю моим драгоценным малюткам *МД* многих счастливых новогодних праздников; да, да, обеим, Дингли и Стелле, ну, и Престо, конечно, тоже — много счастливых новогодних праздников. Обедал с господином секретарем. Герцог Мальборо в самом деле отстранен от всех своих должностей; командование гвардейским пехотным полком передано герцогу Ормонду, а к кому перешли другие должности — не знаю. Если у кабинета министров нет твердой уверенности, что мир будет заключен, то такой шаг меня, признаться, удивляет, и я не могу его одобрить с легким сердцем. Королева и лорд-казначей люто ненавидят герцога, и своим падением он обязан именно этому больше, нежели любым своим промахам; разве только еще, что он слишком уж стакнулся с кликой вигов; однако никаких подробностей я пока не знаю. Как бы там ни было, за границей нас наверняка за это осудят. Сказать по чести, я не нахожу у него ни единого достоинства, кроме таланта полководца, хотя и в этом, как мне доводилось слышать, некоторые опытные военачальники ему отказывают. Но пока он был командующим, нам, во всяком случае, всегда сопутствовал успех на поле брани. Репутация на войне — великое дело и, боюсь, французы уверены, что армия, которой он командует, непобедима,

да и наши солдаты думают точно так же, поэтому, кто знает, не подстрекнет ли такой шаг Францию на какие-нибудь козни против нас. Мне досадно видеть, как к делам государственным примешивают личную неприязнь.

2. На сегодня было назначено заседание палаты лордов, на котором в ее состав должны были ввести новых пэров. Я отправился в Вестминстер, чтобы увидеть все собственными глазами, но в помещении палаты было слишком многолюдно, а посему я зашел только в гардеробную и поздравил четырех моих братьев, а также сэра Томаса Мэнсела и молодого Виндзора; с шестью остальными я незнаком. Опасались, как бы виги не стали чинить препятствия, однако ничего такого не произошло. Днем я пошел повидать миссис Мэшем, поздравил ее с новым титулом и пожелал счастливого нового года. Она, как я убедился, чрезвычайно довольна; ведь принадлежность к сословию пэров послужит ей своего рода защитой, как бы ни повернулось дело. Она попросила меня непременно прийти к ним вечером поужинать с ней и лордом-казначеем; я пришел к девяти, но не застал ее дома и решил не дожидаться. — Нет, нет, мои юные дамы, я пока еще не собираюсь отвечать на ваше письмо. Обедал с приятелем, живущим по соседству. Что-то не видно здесь никаких примет Рождества, вот только всюду, где я обедаю, подают соленую свинину или пирожки со сладкой начинкой, да еще приходится раздавать лакеям и дворецким всяких вельмож полукроны как будто это фартинги. Вчера я отдал семь добрых гиней хозяину таверны, где на прошлой неделе угощал наше Общество. Я всерьез намерен послать вам счет; кажется, я уже перечислял кое-какие из моих расходов. Я пока не слыхал, принимала ли палата лордов какие-нибудь решения после назначения новых пэров. Форд ушел от меня только в пееэрвом чааасу.

3. Нынче день встречи нашего Общества, председательствовал лорд Даплин: у нас каждую неделю новый председатель, который угощает и назначает себе преемника. Сегодняшний обед обошелся, я полагаю, в пятнадцать фунтов, не считая вина. Мистер Сент-Джон чрезвычайно разгорячился от выпитого и никак не давал уйти ни мне, ни лорду Лэнсдауну[754], который охотно удалился бы к своей молодой супруге, поскольку он недавно женился на леди Мери Тинн. Мы разошлись уже далеко за полночь, так что, как вы сами понимаете, я не в силах сейчас много писать. Решение отложить дальнейшие заседания палаты лордов, как того пожелала королева, было вчера принято именно благодаря большинству, полученному с помощью двенадцати новых пэров. Лорд Рэднор отсутствовал; надеюсь, я окончательно его исцелил. Говорил ли я

вам, что добился назначения доктора Кинга на пост редактора «Газеты»? Это принесет ему более двухсот фунтов годового дохода. Впрочем, я, кажется, уже писал вам об этом раньше; я стал очень забывчив. А теперь уходите, слышите, сударыни, и усаживайтесь за ломбер, и угощайтесь себе на здоровье кларетом и апельсиновыми корочками в сахаре, а я лягу спать.

4. Я все еще не могу избавиться от последствий простуды. Был нынче в Сити, где обедал у моего типографа, и отдал ему балладу[755], в сочинении которой участвовало несколько человек, ни кто именно — не знаю; думаю только, что лорд-казначей тоже приложил к этому руку; три станса сочинил я, но большая часть принадлежит, видимо, перу доктора Арбетнота. Просмотрел также кое-что из напечатанных мелочей и памфлет, сочиненный одним из моих подручных. Сомерсет все еще не отстранен. Я почти не сомневаюсь в том, что «Пророчество» появится у вас в Ирландии, хотя оно не поступало здесь в продажу, и лишь несколько печатных экземпляров было роздано друзьям. Скажите мне, по крайней мере, поняли ли вы его? — Нет, право же, без посторонней помощи это нам не под силу. — В таком случае скажите, какие места вас затрудняют, и я вам их поясню. Мы исключили вчера одного из членов нашего Общества: он грубо нарушал правила и не являлся на наши обеды. Мне поручено написать ему, дабы известить о нашем решении. Это Том Гарли, секретарь казначейства и двоюродный брат лорда-казначея. Он уезжает в Ганновер с поручением королевы. Мне предстоит также, как только я увижу герцога Ормонда, уведомить его об избрании.

5. Утром отправился по делам одного из моих прихожан, некоего Наттэла[756], который приехал сюда, чтобы получить сто фунтов, оставленных ему по наследству. Пройдоха стряпчий отказался выплатить деньги под тем предлогом, что Наттэл не тот, за кого себя выдает. Я написал стряпчему очень суровое письмо и предупредил его, что беру Наттэла под свое покровительство и не оставлю в беде, после чего этот мошенник попросил меня встретиться с ним и засвидетельствовать, что Наттэл не самозванец, что я нынче и сделал, и деньги тотчас же были ему выплачены. Потом я нанес визит лорду-казначею; он ведет себя как ни в чем не бывало и считает, что все обстоит как нельзя лучше, кроме того только, что семейство Сомерсет все еще не удалено: Эта беспечность выводит меня из себя, или, как говорит в таких случаях мой слуга, не нравится мне это. Потом я пошел навестить беднягу Уилла Конгрива и застал у него какогото француза, который пользует его: ведь он почти ослеп на оба глаза. Обедал в Сити в обществе нескольких коммерсантов; у

меня было дело к Стрэтфорду, но повидать его так и не удалось. — Послушайте, Престо, перестаньте важничать и отвечайте на наше письмо, — говорит *МД*. — Да, да, непременно отвечу как-нибудь на днях, когда у меня не будет других дел. Ох, что же это такое, — я пишу вам уже целую неделю, а не написал еще и страницы. — Эти безобразные пятна вовсе не от табака, и вообще это последний лист с золотым обрезом из тех, что у меня были, так что попридержите язычок. Наттэл изумился, когда ему вместо денег вручили несколько клочков бумаги, однако я велел Бену Туку вразумить его; он никак не мог взять в толк, что каждая бумажка — это десять фунтов, и был озадачен, как истинный ирландец. Бен Тук и мой типограф просят меня похлопотать, чтобы их назначили поставщиками канцелярских принадлежностей для артиллерийского управления, ведь генерал-фельдцехмейстером вместо герцога Мальборо назначен теперь лорд Риверс. Если мне это удастся, то каждый из них получит еще по сто фунтов годового дохода. Завтра попытаюсь это сделать.

6. Утром пошел к графу Риверсу, чтобы поздравить его с новым назначением и выпросить поставку канцелярских принадлежностей для его управления моему типографу и книготорговцу. Он тотчас же изъявил согласие и, как бывалый придворный, присовокупил, что делает это исключительно ради меня, но, поскольку я, как он слыхал, собирался попросить господина секретаря, чтобы и тот переговорил с ним об этом деле, то, хотя он и без того уже дал свое согласие, чтобы уважить меня, но все-таки желал бы, чтобы и секретарь тоже его об этом попросил. Обычная придворная уловка: одним махом связать обязательством как можно больше людей. Вместо того, чтобы пойти в церковь, я прочитал молитвы у бедной миссис Уэсли, которая очень тяжко хворает, а потом побывал при дворе, где было чрезвычайно многолюдно: все жаждали увидеть принца Евгения, прибывшего сюда вчера и остановившегося в Лестер-хауз[757], но оказалось, что он должен встретиться с королевой только в шесть часов вечера. Надеюсь, он прибыл слишком поздно и вряд ли уже сумеет чем-нибудь помочь вигам. Я отказался обедать с господином секретарем и чуть было не пропустил обеда у одного моего приватного знакомого. В шесть я побывал при дворе еще раз, чтобы все же увидеть принца, но он беседовал с королевой, а когда выходил от нее, то сопровождавший его господин секретарь совсем заслонил его от меня своим огромным париком. Я расскажу вам в связи с этим об одном забавном эпизоде. Направляясь во дворец вместе с господином секретарем, принц Евгений сказал ему, будто Гофман, резидент императора в Лондоне, предупредил его высочество, что здесь не принято являться ко двору без длинного парика и что его парик

чересчур короток. «Я решительно не знал, как мне быть, — продолжал принц, — так как никогда в жизни не нашивал длинного парика, а потому послал узнать у всех моих камердинеров и лакеев, не найдется ли у кого из них подходящего, чтобы одолжить мне, но ни у одного из них не оказалось длинного парика[758]». — Превосходно сказано, да? И сколько презрения? Правда, господин секретарь ответил ему, что это не имеет ровно никакого значения и что такого обычая придерживаются только придворные церемониймейстеры. Ужинал я у лорда Мэшема вместе с лордом-казначеем и господином секретарем; милорд ушел в полночь, а мы просидели до двух, и, тем не менее, я счел необходимым написать вам обо всем этом, поскольку это свежие новости. А теперь я лягу спать и постараюсь заснуть; надеюсь, мне это удастся, потому что я немного выпил.

7. Утром отправился уведомить герцога Ормонда, что он удостоился быть избранным в наше Общество, и пригласить его на следующий четверг в таверну «Под соломенной крышей». Он воспринял это известие с подобающей благодарностью и скромностью, ведь это большая честь, но на нашем ближайшем собрании присутствовать не сможет: у него в четверг обедает принц Евгений; по-моему, это достаточно веская причина, и я соответственно и доложу. Обедал с лордом Мэшемом и просидел у него до восьми вечера, после чего ушел домой, почувствовав некоторое недомогание, какие-то рези в желудке, но теперь уже все прошло. Впредь я, пожалуй, не стану больше ужинать у лорда Мэшема, разве что изредка. Там частенько бывает лорд-казначей, и это-то меня и прельщает, но мне положительно вредно так поздно засиживаться. Существуют вещи короткие и длинные — последних я делать не намерен, так что, дорогие мои юные дамы, довольствуйтесь сим кратким отчетом, ведь нынче вечером я не могу больше с вами беседовать: я собираюсь написать сейчас длинное письмо архиепископу, но не стану особенно вдаваться в политику, как бывало прежде, потому что больше ему не доверяю.

8. Что ж, быть посему, раз уж я должен отвечать на ваше письмо, — стало быть, должен и никуда не денешься; позвольте только еще раз перечесть его. О чем там идет речь? Да, я в самом деле оплакал свой день рождения[759], но только с опозданием на два дня, вот и все. А вы, мадам Стелла, оказывается умеете рифмовать[760]? И эти стихи, выходит, были сочинены по случаю моего дня рождения? Поверите ли, после того, как я их прочитал, они целый день вертелись у меня в голове, и я твердил их на тысячу ладов: «они за ваше здравье пьют из всех своих бокалов и вам

желают…» и прочее. Никак не мог от них избавиться. Что-что? По-моему, я ничего такого не писал. Что я там говорил восьмого декабря? Не поленитесь-ка перечесть и убедиться, говорил ли я что-нибудь подобное. Весьма рад тому, что миссис Стоит выздоровела, право же, от души рад. А что касается кончины младенцев вашей Долли Мэнли и епископа Клойнского, то я нисколько этим не огорчен, а сочувствие выразил им лишь из вежливости и только. Да, да, сэр Джордж Сент-Джордж[761] действительно почил, так что рыдайте, мадам Дингли. Декану я уже написал. Как вижу, наш Раймонд вот-вот разбогатеет и все от зуда к зодческим затеям. Желаю, чтобы все, что он получил, помогло ему избавиться от долгов. Подумаешь, да у меня в камине огонь полыхает молнией; это, правда, обходится мне в двенадцать пенсов в неделю. К вашему сведению, мадам, я обзавелся четырьмя новыми ночными колпаками, они очень красивые и как раз впору мне и не из муслина, а из полосатого батиста; теперь Патрику незачем чинить старые, я просто отдал их ему. Стелла вырвала это слово чуть не с кончика пера у Дингли — избавился ли Престо от своей простуды? Так ведь здесь от нее чуть не все перемерли; во всяком случае, у меня никогда еще такого не бывало: она продолжалась пять недель. Надеюсь, Ли уже добрался до ваших краев и привез эту злополучную посылку. Понравился ли вам напильничек из слоновой кости? Стелла недовольна им? Тогда я раздобуду для нее что-нибудь получше. А чем плох передник? Чует мое сердце, что денег за него мне не видать; но поручения я выполнил, и все опять обстоит прекрасно. Какая там еще ссора с сэром Джоном Уолтером? Да мы не обменялись с ним ни единым бранным словом, просто он проехался на мой счет после того, как я ушел, а лорд-хранитель печати и лорд-казначей потом донимали меня целую неделю и получали от этого удовольствие — еще бы, такое важное событие. Вигам в их положении остается только либо пустить все свое имущество с молотка, либо повеситься, потому что мир всенепременно будет заключен. Лорд-казначей сказал мне, что Конноли отбыл в Ганновер. Ваш ректор изрядный вертопрах. А вот Стелла очень хорошая девочка, она не сердится, когда я поправляю ее ошибки в правописании; в этом письме, кстати, я не обнаружил ни одной. Вы чувствуете себя лучше, хвала всевышнему; я теперь еще больше надеюсь на то, что все ваши недуги со временем пройдут. А, может быть, вас просто мучил страх перед возможными мучениями? Не обращайте внимания на всякого рода россказни; я уже слышал об этом раз пятьсот. Как вы там пишете: «возмущения убытков»? святая простота (я имею в виду Дингли), не «возмущения», а «возмещения»; впрочем, это трудное слово, так что я

охотно вам его прощаю. Отчет для Дингли я привел в своем последнем письме, вот разве только забыл упомянуть семь пенсов, в которые вам обошелся обед Кэтрин. Надеюсь, вас угощали бифштексами. Весной я непременно зайду отведать их, и тетушке Стоит придется угостить меня еще и кофием или зеленым чаем, потому что дешевого черного чая я не пью. Что касается памфлета, то в четвертом издании есть кое-какие добавления, а пятое — было выпущено в четырех тысячах экземпляров более мелким шрифтом и ценой в шесть пенсов. Да, я получил от Парвисола вексель на двадцать фунтов, ну и что из того? Ешьте, пожалуйста, ларакорские яблоки, прошу вас, и не вздумайте их хранить, а лучше напишите мне, каковы они на вкус. Получили ли вы вексель Тука, вложенный в мое последнее письмо? Ну вот, я, кажется, ответил на все вопросы. Рассказать, как я это делаю: кладу ваше письмо перед собой, перечитываю листок за листком и отвечаю по порядку, на что считаю нужным, и так далее, и так далее. Да, когда я думал, что все мы погибли, то решил скрыться отсюда месяцев на шесть, с тем чтобы потом потихоньку перебраться в Ларакор, и у меня тысячу раз вертелись на языке две строки из Шекспира, которые произносит кардинал Вулси

Больной старик, державной смутой сломлен,
Пришел, чтоб упокоить здесь свой прах[762].

Я вас обманул, исписав все поля, вы уж меня извините, — сам не заметил, как это получилось, просто писал все шире и шире, точь-в-точь, как Стелла. Дурочки, да ведь она пишет вот так, вот так, этаким манером, буковки мелкие, как яички, по пенни за пару. — Ну вот, опять стали вертеться на языке эти слова: «Больной старик…»; теперь мне от них до завтрашнего дня не избавиться. — Герцог Мальборо говорит, что он ничего так сейчас не желает, как придумать какой-нибудь способ умилостивить доктора Свифта; он заблуждается, самые беспощадные памфлеты против него были написаны не мной[763]. Господин секретарь знает об этом со слов одного из приятелей герцога. Я, разумеется, не стану попирать его теперь, когда он низложен; хоть я и питаю к нему неприязнь, однако полное его отстранение не одобряю. — Нынче утром ко мне пожаловал Бернидж; он все приводил какие-то жалкие оправдания своего столь долгого отсутствия, но меня это нисколько не трогает. Принц Евгений не обедал в воскресенье с герцогом Мальборо, но зато посетил вчера вечером ассамблею у леди Бетти Джермейн, где собралось

множество дам, жаждавших его лицезреть. Мы с мистером Льюисом обедали нынче у нашего близкого приятеля. Утром я пошел повидаться с герцогом Ормондом, который назначил мне встречу на час дня в Кокпите, но так его и не дождался; я посидел некоторое время с герцогиней. Положение дел не кажется нам пока таким уж обнадеживающим. Домой я возвратился рано и намерен сейчас заняться делами: сесть кое-что написать.

9. Прошлой ночью я улегся спать только в начале третьего, но еще не было и трех, как меня разбудил какой-то шум: мне, показалось, что кто-то пытается открыть окно. Некоторое время я лежал, не шевелясь, думая, что это мне только почудилось, но так как шум продолжался, я встал и подошел к окну, после чего все затихло; не успел я однако снова лечь, как шум возобновился, и притом с еще большей настойчивостью; тогда я опять поднялся, стал звать на помощь и зажег свечу: оказалось, что грабители уже успели приподнять оконную раму на целый ярд. Под моими окнами выступают большие навесы и, хотя моя квартира этажом выше их, если бы воры догадались на них взобраться, то очутились бы почти вровень с моим окном. Мы обнаружили потом их следы и осколки разбитого стекла. Стражники сказали нам сегодня, что видели их, но поймать не могли, потому что как раз в это время преследовали неподалеку отсюда других негодяев, которым удалось ограбить дом на Саффолк-стрит, через одну улицу от нас. Говорят, будто это все — моряки, уволенные недавно со службы. Я пошел разбудить слугу, но обнаружил, что его кровать пуста; судя по всему, он частенько ночует в другом месте. Нынче утром я объявил ему, что считаю его соучастником грабителей. Он — отъявленный пройдоха, и я прогоню его в ту же минуту, как приеду в Ирландию. После этого происшествия я сегодня же установил перед каждым окном моей столовой и спальни двойные железные решетки, а кошелек засунул в нитяный чулок, который спрятал между своим изголовьем и стенной панелью. Мы с Льюисом обедали нынче у одного нашего старого приятеля-шотландца, который пригласил кроме нас герцога Дугласа[764] и еще нескольких шотландцев.

10. Сегодня, как вам известно, день нашего Общества, однако герцог Ормонд не мог присутствовать, потому что обедал с принцем Евгением. Мне пришлось пожертвовать гинею в пользу поэта, сочинившего стихотворение про обезьян[765], приспособив эту историю применительно к герцогу Мальборо; все остальные уплатили по две, кроме обоих лекарей[766], последовавших моему примеру. Признаться, мне не по душе

этот обычай, и я не дам больше ни единого пенса. Вечер я провел у лорда Мэшема, куда пришел и лорд-казначей. Мне не нравится выражение его лица и не нравится нынешнее положение вещей. Одним словом, как говорится в одной старинной поговорке: не видать нам прочной власти и покоя, покамест Сомерсеты вхожи в королевские покои.

11. Мы с мистером Льюисом обедали нынче у канцлера казначейства[767], у него самый изысканный стол из всех известных мне в Лондоне; после этого я до восьми вечера при свете луны вволю нагулялся по парку, чтобы немного утрясти все съеденное и выпитое за обедом, а потом отправился вместе с Фордом ужинать к мистеру Домвилю, где я просидел до полуночи. Нынче мне сказали под большим секретом, что герцог Сомерсет будет скоро смещен и что это уже решено бесповоротно. Но, что прикажете делать с герцогиней? Говорят, будто герцог, в случае, если его отстранят, в отместку заставит ее покинуть королеву. Именно из-за боязни таких последствий дело все еще на том же месте. Ба, да ведь Льюис вручил мне нынче письмо от *МД* № 25. О господи, вот уж никак не ожидал получить его в эти две недели, право же, вы, надобно признать, ведете себя в высшей степени похвально, и все-таки я не стану на него отвечать, потому что завтра намерен отправить это; разве лишь насчет возможного ареста типографа[768]; меня это нисколько не беспокоит, тут все надежно. И вообще я ничего не боюсь, если только не произойдет смены кабинета, а такая опасность, надеюсь, уже миновала. Но, как бы там ни было, я окажусь в Ирландии до таких перемен; если бы даже замыслы вигов и осуществились, то это едва ли произойдет до окончания сессии парламента. Мадам Стелла, надеюсь, Ли уже привез вам передник? И получили ли вы все то, что я перечислял в предыдущем письме?

12. Утро. Это письмо, как и полагается, будет сегодня отправлено. Я собираюсь пойти в Сити касательно одного дела, но расскажу об этом лишь вечером. Последние два-три дня стоит славная умеренно прохладная погода. Прощайте и прочее, и прочее.

Письмо XXXIX

Лондон, 12 января 1711—1712.
[*суббота*]

Нынче утром, когда я запечатывал свое письмо, я считал себя самым жалким в мире ничтожеством. Вчера вечером после того, как мы с Фордом ушли от Домвиля, Форд попросил меня пройтись с ним немного для важного разговора и сообщил, что мы с ним оба разорены. Дело в том, что он отдал Стрэтфорду пятьсот фунтов, с тем чтобы тот приобрел на них лотерейные билеты, и вот вчера он виделся со Стрэтфордом, и тот признался ему, что в связи с банкротством сэра Стивена Эванса[769], о котором было объявлено на прошлой неделе, он потерял пятнадцать тысяч фунтов, из чего Форд умозаключил, что Стрэтфорду тоже не миновать теперь банкротства, а ему — не видать этих лотерейных билетов; Стрэтфорд, правда, приводил в свое оправдание разные доводы, но они показались ему достаточно сомнительными. А ведь у Стрэтфорда около четырехсот фунтов моих денег для приобретения мне акций Компании Южных морей на сумму в пятьсот фунтов. Я возвратился домой, несколько призадумавшись: единственное, что меня в данном случае заботило — это *МД*. Но я призвал на помощь все свое благоразумие и веру, и, хвала всевышнему, это происшествие не заставило меня пробудиться хотя бы на четверть часа раньше обычного. Нынче утром я послал за Туком, которому поручал купить эти акции у Стрэтфорда, и выяснил, как обстоят мои дела. Он сказал, что мне ничто не грозит, потому что Стрэтфорд уже перевел акции Компании Южных морей на мое имя в соответствии с установленным порядком, а он их акцептировал, и все это удостоверено на гербовой бумаге. Его, однако же, обещали еще известить по этому поводу, и вечером он непременно пришлет мне записку с подтверждением. И все-таки у меня нет пока твердой уверенности, и, кроме того, я очень огорчен за Форда: ведь это я познакомил его со Стрэтфордом. Обедал я нынче в Сити.

13. Домвиль и я обедали нынче вместе у Форда, хотя лорд Мэнсел напомнил мне нынче при дворе, что я приглашен к нему на обед. Однако нам непременно надо было увидеться сегодня со Стрэтфордом, который обещал Форду прийти вечером к нему домой. Он и в самом деле пришел и сказал, что не теряет надежды выкарабкаться из этой истории с Эвансом. Форд осведомился у него насчет своих лотерейных билетов, и он обещал

прислать их завтра, но, заглянув в записную книжку, сказал, что часть из них, оказывается, при нем, и тут же отдал ему билетов на сумму почти в двести фунтов, чем чрезвычайно нас обрадовал; к тому же он говорил с такой откровенностью, что мы готовы поверить, что никакая опасность нам не грозит. Я спросил его, нужно ли мне еще что-нибудь с ним выяснить на этот счет; он сказал, что нет, и отвечал на мои вопросы почти так же, как передавал мне Тук со слов других лиц, так что, надеюсь, я теперь в безопасности. Положение, признаться, было довольно-таки скверное. Стелла, я полагаю, не преминула бы посмеяться, глядя как такой осторожный малый, как я, попал в переплет. Нынче при дворе я видел принца Евгения и вовсе не нахожу, что он так уж уродлив, напротив того, он весьма недурен собой и ладно скроен.

14. Назначенное на сегодня заседание парламента не состоялось, хотя все собрались; королева повелела отложить его до четверга и собирается произнести в этот день весьма важную речь. Она сослалась на нездоровье, но министры, видимо, просто еще не были готовы и опасались встретить противодействие; да и шотландские лорды весьма сейчас гневаются[770], и необходимо их предварительно умиротворить. Нынче утром мне надлежало пригласить герцога Ормонда на заседание нашего Общества, которое имеет быть в четверг и на котором его надлежит представить. Он назначил мне прийти к нему завтра по одному делу: я бы непрочь заручиться его поддержкой в обвинении некоего лорда в государственной измене, только вряд ли нам удастся это осуществить. Я собирался пообедать с лордом-казначеем, но мне сказали, что он будет занят, а посему пообедал у миссис Ван, а вечер провел у лорда Мэшема и просидел у него до часу ночи. Там был также и лорд-казначей, который корил меня за то, что я не прихожу к нему обедать. Он был в отличном расположении духа. Домой я отправился в портшезе с двумя фьясками бургундского; как бы я желал, чтобы они достались *МД*. Как видите, уже очень поздно, так что я сейчас улягусь спать и пожелаю *МД* спокойной ночи.

15. Нынче утром я представил лорду Риверсу моего типографа и книгопродавца, коим предстоит стать поставщиками канцелярских принадлежностей для артиллерийского управления; «канцелярских» — вот как следует писать это слово, а то в первый раз я написал его неразборчиво. Думаю, что это сулит им триста фунтов годового дохода на двоих. Это уже третья должность, которую я им выхлопотал. Ривере сказал им, что таково было распоряжение доктора и что он-де не посмел ослушаться. Я опять собирался было пообедать с лордом-казначеем, но лорд Мэнсел настоял на том, чтобы я пошел к нему. С герцогом Ормондом

мы встретились нынче в Кокпите, чтобы поговорить наедине, и я был с ним чрезвычайно откровенен; боюсь, однако, что мой злой умысел все же не удастся осуществить. Потом там появился мой приятель Пени, — я имею в виду Уилла Пенна, квакера, — во главе целой депутации своих собратьев, чтобы поблагодарить герцога за его благосклонность к их единоверцам в Ирландии. Было довольно занятно наблюдать, как дюжина негодяев в шляпах и герцог с непокрытой головой обменивались любезностями. Вечер я провел в обществе сэра Уильяма Робинсона[771], который давно зазывал меня распить с ним бутылку вина, и теперь уже за полночь.

16. Поскольку сегодня день поста, мы с доктором Фрейндом пошли обедать в Сити попозже, как подобает примерным постникам. Мой типограф и книготорговец просят меня выхлопотать им еще одну должность — в Тауэре, поскольку она принадлежала прежнему поставщику канцелярских принадлежностей; она, правда, состоит в том, чтобы снабжать артиллерийское управление смазкой, салом и прочим, однако сулит им еще около четырехсот фунтов per annum [В год *(лат.)*.]. Я попытаюсь сделать все, что в моих силах. Они решили выпросить еще несколько таких же должностей при других ведомствах; мне предстоит таким образом умасливать и без того жирных свиней и заодно выяснить, возможно ли их вообще когда-нибудь насытить. И зачем только я не поставщик канцелярских принадлежностей? На завтра назначено заседание парламента, на котором бывшего военного министра Уолпола примерно накажут за взяточничество, и кроме того, королева намерена сообщить обеим палатам нечто чрезвычайно важное, по крайней мере так говорят. Мне, однако, пора уже подумать о том, чтобы в ближайшие два-три дня ответить на ваше письмо.

17. Нынче утром я пошел к герцогу Ормонду по поводу одного дела, и он сказал, что не сможет сегодня присутствовать на обеде нашего Общества, поскольку будет обедать с принцем Евгением. Те из нас, кто является членами палаты общин, допоздна заседали там, разбирая дело Уолпола. Я ушел в девять, а их все еще не было. Мы оставили им кое-что от обеда. Надеюсь, Уолпол будет изгнан из парламента[772] и заключен в Тауэр, хотя нынче днем в суде справедливости кое-кто из депутатов выражали на этот счет сомнение. Это будет главный козырь для того, чтобы окончательно сокрушить герцога Мальборо, повинного в таких же преступлениях, или, по крайней мере, чтобы добиться его осуждения. В своем послании королева только уведомила парламент, что она ведет переговоры касательно заключения мира, а также выразила пожелание,

чтобы был принят какой-нибудь закон, препятствующий опубликованию памфлетов, направленных против правительства; так что, прощай теперь Граб-стрит.

18. Я узнал нынче, что коммонеры нашего Общества прозаседали вчера до одиннадцати ночи, после чего присоединились к тем, кто еще оставался в таверне, где они и просидели до трех утра. Уолпол изгнан из парламента и заключен в Тауэр. Утром я виделся с лордом Риверсом и вынудил-таки его назначить моего типографа и книготорговца поставщиками Тауэра; это принесет им немалый доход. Обедал я наедине с моим приятелем Льюисом, чтобы обсудить положение дел. Мы хотим добиться отстранения герцога Сомерсета; Льюис считает, что это вряд ли удастся, но я все же не теряю надежды. Правительство собирается наконец-то сменить всех таможенных комиссаров; при этом будет уволен мой друг сэр Мэтью Дадли и еще трое, а в числе вновь назначенных будет Прайор. Я усадил Форда переписать небольшой памфлет, чтобы не догадались, что это дело моих рук, и отправил его в типографию; он называется «Письмо Октябрьскому клубу»[773]; сообщаю вам об этом на случай, если вы что-нибудь услышите. Прошла уже почти неделя, а я не очень-то продвинулся с этим письмом: мне хочется немного поболтать с *МД* и узнать, что они в эту самую минуту поделывают. Я по горло сыт политикой. Вот уже три недели, как я ни разу не обедал с лордом-казначеем, и он все корит меня, но мне хоть бы что, право же.

19. Обедал сегодня с лордом-казначеем; в этот день у него собирается избранный круг; по временам на эти обеды допускают и меня, хотя для вида и выражают недовольство. Сегодня они собрались по какому-то чрезвычайно важному делу; там были лорд-хранитель печати, лорд-камергер, оба государственных секретаря, лорд Риверс и лорд Энглси. Я ушел от них в семь и, придя домой, уселся за письмо епископу Клогерскому. Совсем забыл у вас спросить, куда ему теперь после кончины сэра Джорджа Сент-Джорджа посылать письмо, а посему указал прежний адрес; получше растолкуйте мне это! Я беспокоюсь, поскольку отослал письмо с ночным сторожем. Но не вздумайте прислать мне еще одно письмо прежде, чем я отправлю это, слышите! Я не желаю отвечать на два письма сразу. Герцог Сомерсет все-таки смещен; он явился сегодня в парламент в сопровождении своих лакеев, выряженных в желтые ливреи. Ведь в бытность его шталмейстером цвет его ливрей был такой же, как и у королевы. Мы рассчитываем на то, что герцогиня последует за ним или что он заставит ее покинуть двор из желания досадить. Теперь, я надеюсь, голова лорда-казначея спасена. Получил ли декан мое письмо? Спросите у

него сегодня вечером за картами.

20. Нынче при дворе было сущее столпотворение: все съехались поглазеть на принца Евгения, но он обманул их ожидания, не явившись на прием. Я видел герцогиню Сомерсет, беседовавшую с герцогом Бакингемом; вид у нее был несколько поникший, но держалась она чрезвычайно достойно. У королевы приступ подагры, хотя и не слишком сильный. Написать на этой странице еще одну строку? Ну ладно, так и быть, напишу. Герцог Бофорт[774] жаждет попасть в наше Общество, вот только примем ли мы его? Я советовался на этот счет с герцогом Ормондом, у него есть некоторые сомнения. Говорят, будто друзья герцога Сомерсета советуют ему разрешить жене остаться при королеве; весьма об этом сожалею. Обедал я у государственного секретаря в довольно пестрой компании; я этого не люблю. Наше Общество соберется теперь только в пятницу, потому что в четверг состоится очередное заседание палаты общин, на котором герцог Мальборо, получавший крупные суммы от поставщиков хлеба для армии, будет обвинен во взяточничестве.

21. Я по меньшей мере раз пять встречался с герцогом Ормондом по поводу сущего пустяка, и он все-таки умудрился о нем забыть, поэтому нынче утром я обошелся с ним как с последней скотиной. Несколько человек допытывались у меня в суде справедливости, правда ли, будто бы автор «Экзаминера» арестован[775] в связи с иском на двадцать тысяч фунтов, предъявленным ему герцогом Мальборо? Обедал я в Сити, где мой типограф показал мне уже напечатанный им памфлет, под названием «Совет Октябрьскому клубу», который он, по его словам, получил от неизвестного лица. Я отозвался о памфлете чрезвычайно одобрительно; ему и в голову не пришло хоть сколько-нибудь заподозрить меня; памфлет стоит два пенни. Придя домой, я рано лег спать, однако около одиннадцати явился слуга господина секретаря и сообщил, что лорду-казначею надобно немедленно переговорить со мной по одному очень важному делу и что даже, если я уже в постели, он просит меня встать и прийти к лорду Мэшему. Делать было нечего — и я отправился. Оказалось, что лорд-казначей находится наверху, в покоях королевы; возвратясь от нее, он со смехом объявил, что вовсе за мной не посылал и что дело совсем пустячное — он-де хотел передать мне одну бумагу, — а это можно было с таким же успехом сделать завтра. Я возвратился от них около двух часов и только тут снова лег спать. Будь они неладны со своими шутками. А я-то собирался было ответить на ваше письмо.

22. Нынче утром меня навестил доктор Гастрел, он видный богослов и

один из каноников Крайстчерч; я очень его люблю; так вот он сказал, что рад был убедиться, что я не у Джеймса Броуда[776]. Я поинтересовался, что он имеет в виду? «Как, — ответил он, — разве вы не видали изготовленного на Граб-стрит листка, в котором говорится, что доктор Свифт будто бы арестован как автор „Экзаминера“, что ему предъявлен иск в двадцать тысяч фунтов и что он находится теперь у Джеймса Броуда (это, по-видимому, какой-то судебный пристав)?» Я, разумеется, понятия об этом не имел; правда, вчера в суде справедливости человек двадцать говорили мне, что слыхали, будто бы я арестован. Лорд Лэнсдаун обратил внимание господина секретаря и мое на то, что виги распространили вчера три ложных слуха: один — насчет меня, другой — о том, что Макартни, уволенный прошлым летом из армии, будто бы восстановлен в должности, и третий, — что назначение Джека Хилла на пост лейтенанта Тауэра будто бы отменено и должность остается за Кэдоганом. Лэнсдаун считает, что все это неспроста, однако я не могу понять, чего они этим добиваются. Говорил ли я вам, что Сэчверел жаждал прийти повидаться со мной, однако я уклонился; он прослышал, что я замолвил господину секретарю словечко в пользу его брата, который хлопочет о должности и которого он поддерживает. На днях в суде справедливости доктор Ялден[777] окликнул меня по имени, и стоявший неподалеку Сэчверел тотчас подошел, чтобы изъявить мне свою признательность, и наговорил кучу любезностей. Вчера вечером я попросил лорда-казначея сделать что-нибудь для брата Сэчверела; милорд ответил, что не подозревал о его существовании, однако поблагодарил меня за то, что я ему это сказал, и тотчас внес его имя в свою записную книжку. Я извещу об этом Сэчверела, дабы он со своей стороны мог что-то предпринять, но вовсе не собираюсь поддерживать с ним знакомство. Обедал я нынче вдвоем с господином секретарем и ушел от него в шесть, после чего сделал два визита и возвратился домой.

23. Опять обедал с секретарем; у меня было к нему одно дело, однако мне так и не удалось довести его до конца; при теперешних обстоятельствах секретарь до крайности занят; кроме того, он готовится к чрезвычайно важному заседанию парламента которое назначено на завтра и с которым у всех нас хлопот по горло. Министры хотят, чтобы решение парламента касательно герцога Мальборо было как можно более снисходительным, при условии, конечно, что его друзья не станут его выгораживать, если же они все-таки на это пойдут, то дело может кончиться принятием куда более суровых мер. Один джентльмен, только что видавшийся с ним, сказал мне, что герцог очень пал духом, но при всем

том он уверен, что если у него осталось в палате общин хотя бы десять друзей, они будут защищать его до последнего и постараются воспрепятствовать любой попытке осудить его; по-моему, это им вряд ли удастся — ведь получение взяток подтверждено со всей очевидностью: сэр Соломон Медина[778] платил ему за право поставлять для армии хлеб шесть тысяч фунтов ежегодно, и герцог сам признал это в своем письме в комиссию по финансовым отчетам. Вечер я провел у лорда Мэшема; лорд Даплин вынул мой новый памфлет[779] и господин секретарь прочитал большую его часть лорду-казначею; все они превозносили его до небес, я от них не отставал, а потом они провозгласили тост за здоровье автора. Боюсь, однако, что лорд-казначей все же что-то заподозрил, потому что он сказал: «Это напоминает манеру доктора Дэвенанта», обычно он так говорит, когда имеет в виду меня. Я, однако, и ухом не повел. Лорд-казначей положил памфлет в карман, чтобы перечесть его дома. На ваше письмо я отвечу завтра.

24. Господин секретарь настойчиво приглашал меня сегодня пообедать с ним после заседания парламента; я обещал придти, но, заранее предвидя, что по случаю столь важного дела заседание затянется допоздна, пообедал в свое обычное время. Обедал я вместе с мистером Домвилем и еще одним джентльменом в таверне, чего я не делал уже много месяцев. В десять часов вечера я пошел к господину секретарю, но он все еще не приходил; просидев с его женой до полуночи, я отправился домой, а он пришел почти сразу же после моего ухода и тотчас послал за мной, но я уже не стал возвращаться и потому пребываю в полном неведении относительно того, чем все это закончилось; надеюсь, однако, что все сошло благополучно. Завтра я расскажу вам обо всем; сейчас уже поздно и прочее.

25. Господин секретарь послал ко мне утром спросить, не пообедаем ли мы сегодня вместе, я ответил согласием и за обедом узнал от него, что решение о виновности герцога Мальборо было принято большинством в сто голосов; министры довольны этим до чрезвычайности, теперь герцог больше им не опасен. Господин секретарь, я и лорд Мэшем обедали у генерал-лейтенанта Уитерса[780], он отбывает сейчас во Фландрию для наблюдения над нашими войсками; господин секретарь и я ушли в восьмом часу; теперь я уже дома и намерен ответить на ваше письмо и завтра его отправить. Что ж, поглядим, о чем вы там пишете. — Так-с, значит посылка все еще в Честере; ох, чтоб она сгорела, эта посылка, и чтоб этого Стерна повесили! Я просил одного человека, уехавшего в

прошлый понедельник в Ирландию, разузнать, что с ней сталось, хотя уже решительно отчаялся чем-нибудь помочь. — Да нет же, это вовсе не от дурного настроения; вы же сами видели, к какому крайнему средству вынужден был прибегнуть двор, чтобы выправить создавшееся положение. А ведь герцогиня все еще не изгнана и может в один прекрасный день натворить немало бед. Сомерсет носится с письмом от королевы, в котором она просит его позволить жене остаться с ней. Чудеса да и только! Дингли, как я вижу, предчувствует что-то недоброе, потому что вигов очень уж «занисло», но если она еще раз так напишет это слово, я ее самое куда-нибудь занесу. Рад, что вы получили свой напильничек в целости и сохранности; а пришелся ли Стелле по вкусу передник? Ваши критики, которых бесит то, что у меня сказано о гарантиях престолонаследия, просто жалкие щенки — вот и весь мой ответ. Здесь выдвигали точно такие же возражения, но все они лишены какого бы то ни было основания. Я, как и вы, считаю, что с герцогом Мальборо обошлись чересчур круто, и нередко вычеркивал целые куски из газет и памфлетов, которые мне присылали перед тем, как напечатать, считая их слишком резкими, хотя он, без сомнения, подлец и никаких иных заслуг, кроме военных, не имеет. «Экзаминеры» немногого теперь стоят; я бы охотно воспрепятствовал излишне суровому тону последних двух-трех номеров, но не имел такой возможности. Ваши бумаги я либо привезу с собой, либо оставлю у Тука, за честность которого могу поручиться. Пожалуй, лучше не рисковать, перевозя их с собой морем. Стелла оказалась пророком, так уверенно предсказав, что все непременно образуется. Герцог Ормонд выступает против заключения мира? Да нет же, глупышка вы этакая, напротив — он один из самых стойких сторонников нынешнего кабинета министров. Не тревожьтесь, ради бога, относительно типографа: его вызвали в первый день судебной сессии, а теперь ему предстоит явиться еще раз во время следующей сессии, но на том все и закончится. После недавних событий лорд главный судья заметно поостыл. Нет уж, я не стану делить свои записи пополам, чтобы отправлять их чаще, а буду по-прежнему делать это раз в две недели, а вы вольны поступать, как вам заблагорассудится: например, в одну неделю читать первую половину, а во вторую — все остальное. Ну вот я и ответил на ваше письмо! (Чума забери эти кляксы!) Что мне остается добавить? Что если погода не воспрепятствует, то я выеду отсюда в марте, разве только министры захотят, чтобы я задержался до конца сессии, и тогда это произойдет месяцем позже. Но они едва ли станут меня задерживать: ведь мирный договор, я полагаю, будет уже подписан, и министрам незачем будет больше обращаться ко мне за

помощью. Нынче летом мне непременно надобно расчистить мой канал, и притом как можно лучше. Боюсь, что мои живые изгороди слишком разрослись. А вишневые деревья вдоль тропинки у реки, наверно, очень сейчас хороши. Но больше ни слова об этом.

26. Я забыл закончить это письмо нынче утром, а вернулся домой так поздно, что мне не остается теперь ничего другого, как отослать его с ночным сторожем; но я все же непременно хочу отправить его сегодня вечером, чтобы вы, чего доброго не подумали, будто в этой басне о моем аресте вследствие предъявленного лордом Мальборо иска на двадцать тысяч фунтов есть хоть доля правды. Ее напечатали, как я слыхал, в газетенке Дайера[781] и, следовательно, весть об этом дойдет, я полагаю, и до Ирландии. Прощайте, драгоценнейшие *МД*, и прочее, и прочее.

Письмо XL

Лондон, 26 января 1711—1712.

[*суббота*]

У меня больше не осталось листов с золоченым обрезом такого размера, так что вам придется довольствоваться теперь обычными. Сегодня состоялся обед нашего Общества, поскольку, как я уже вам говорил, он был перенесен из-за происходившего в четверг разбирательства дела лорда Мальборо. С нами впервые обедал нынче герцог Ормонд; присутствовало тринадцать человек, а к концу обеда пришел еще и лорд Лэнсдаун, и значит, не хватало только троих. Господин секретарь предложил ввести в состав нашего Общества герцога Бофорта, который изъявил такое желание, но я настоял на том, чтобы дело было отложено, поскольку герцог Ормонд выражал на этот счет некоторые сомнения, а он ушел до того, как господин секретарь это предложил. В семь часов я попрощался с ними и весь вечер просидел у бедной миссис Уэсли, которая была нынче так плоха, что даже теряла сознание; к тому же ее то и дело сводит судорога; она принимает микстуру с асафетидой[782], которой я так нанюхался, что мне теперь повсюду мерещится этот запах. Никогда прежде его не обонял, он отвратителен. Мне сказали, что. из Ирландии должно прибыть восемь пакетов почты.

27. Нынче при дворе была такая толчея, что мне не удалось разглядеть принца Евгения. Виги всячески стараются собрать вокруг него толпу и используют всякий сброд, чтобы приветствовать его, когда он откуда-нибудь выходит. Герцогиня Гамильтон, придя от королевы, с которой она была на богослужении, шепнула мне, что собирается нанести мне визит, и я отправился поэтому к леди Оглторп, у которой мы условились встретиться с ней; ведь дамы всегда встречаются со мной у каких-нибудь общих знакомых. Она продержала меня чуть не до четырех часов; она слишком много говорит и ужасно всех злословит, так что я вряд ли проникнусь к ней особым расположением. Между тем я был приглашен на обед к лорду Мэшему, и они ждали меня, сколько могли, но когда я пришел, обед уже кончился; осердясь, они собирались даже выдернуть гвоздь, на который я обычно вешаю шляпу, но леди Мэшем этому воспротивилась. В восемь я опять пришел к лорду Мэшему, потому что по вечерам там обычно бывает лорд-казначей, и мы засиделись почти до двух часов ночи. Лорд-казначей просил меня придумать какой-нибудь способ

помешать лорду Ноттингему переманить на свою сторону архиепископа Йоркского[783]. Завтра я попытаюсь что-нибудь предпринять, насколько это в моих силах. Уже очень поздно, так что пора ложиться спать.

28. Бедняжка миссис Мэнли, сочинительница, тяжко страдает от водянки и болей в ноге; типограф[784] высказал мне опасение, что она долго не протянет. Мне от души ее жаль; для людей ее сорта она вполне порядочна и обладает изрядной толикой здравого смысла и изобретательности; ей, должно быть, около сорока; она очень непритязательная и очень толстая. Миссис Ван уговорила меня пообедать сегодня у нее. Утром я беседовал с герцогом Ормондом и председателем конвокации[785] относительно вчерашней просьбы лорда-казначея, однако за благоприятный исход этого дела все же не поручусь. В палате лордов у нас очень незначительное большинство, и нам необходимо заручиться еще чьей-нибудь поддержкой. Мы крайне огорчены известием о том, что французы захватили у португальцев город в Бразилии[786]. Уже распроданы все три тысячи экземпляров шестого издания «Поведения союзников» и типограф поговаривает о седьмом; а всего их разошлось одиннадцать тысяч — число дотоле совершенно неслыханное. А вот «Совет Октябрьскому клубу» ценой в два пенса почему-то не покупают, и я никак не могут взять в толк, что тому причиной; написан он, смею вас уверить, очень даже недурно, и, как и подобает истинному сочинителю, чувствую, что он нравится мне все больше именно потому, что его не берут. Ведь среди нашего брата, писателей, как вам известно, в обычае пренебрегать суждением публики. Намекни я только, что памфлет написан мной, и все тотчас бросились бы его покупать, однако это должно остаться в тайне.

29. Я выпросил две довольно-таки пустенькие книжки Contès des Fèes [«Волшебные сказки»[787]*(франц.)*.] и вот уже второй день, как читаю их, хотя у меня тьма разных дел. До часу дня я слонялся по комнате, а потом пошел в канцелярию мистера Льюиса, где вице-камергер сообщил мне, что леди Райлтон, камер-фрейлина королевы, отказалась вчера от своего звания и что на ее место будет назначена леди Джейн Гайд, дочь лорда Рочестера, необычайно хорошенькая девушка; он сказал еще, что леди Сандерленд тоже дня через два-три сложит с себя свои обязанности. Обедал с Льюисом, а потом пошел проведать миссис Уэсли, которой сегодня полегчало. Почитаю своим долгом уведомить вас, что мистер Льюис вручил мне два письма: одно от епископа Клойнского, в которое было вложено другое — от лорда Инчквина[788] к лорду-казначею; епископ просит меня передать это письмо и похлопотать за лорда. Мне, однако,

говорили, что этот Инчквин был весьма близок с лордом Уортоном, который, как мне помнится, прочил его на должность одного из лордов-судей, и при всем том епископ рекомендует его, как большого друга церкви и прочее. Я поступлю так, как сочту нужным. А второе письмо было от маленьких шалуний *МД* № 26. О господи, не верю своим глазам: тоже в конверте и тоже в виде дневника! — Простите, мы больше не будем… — Послушайте, сударыни, как вы посмели так быстро мне написать? Отвечать вам я пока не собираюсь.

30. Нынче утром я был у господина секретаря, который скверно себя чувствовал и был не в духе: несколько дней тому назад ему вздумалось выпить шампанского, просто назло мне, потому что я всячески его против этого предостерегал, и вот теперь он расплачивается за свое упрямство. Стелла, бывало, так же любила поступать назло, он мне этим ее напомнил. Леди Сандерленд тоже сложила с себя свои обязанности. Оказывается, место леди Райлтон заступит леди Кэтрин Гайд, а не леди Джейн: леди Кэтрин — младшая дочь покойного графа Рочестера. Обедал я нынче с господином секретарем, потом проведал его жену, а вечер провел у леди Мэшем, куда пришел и господин секретарь, но лорд-казначей так и не появился: он обедал с хранителем судебного архива[789] и засиделся у него допоздна. Наше Общество соберется теперь не завтра, а только в следующий четверг, потому что на завтрашнем заседании парламента будет рассматриваться положение на театре военных действий, и господин секретарь, чей черед теперь угощать нас в качестве председателя, должен присутствовать в палате общин. Воображаю, до чего вам докучны мои рассказы о здешних делах и людях, ведь вы ничего о них не знаете, а я разглагольствую, как будто они вам прекрасно известны. Вы знаете только Кевин-стрит и Уэрбург-стрит, да еще (как там называется эта улица, на которой живут Уоллсы?).., ну и конечно же, разных там Инголдсби, Хиггинсов и лорда Сэнтри, и вам нет ровно никакого дела до леди Кэтрин Гайд, не правда ли? Отчего это вы, сударыня, ни словечка не говорите о своем здоровье? Надеюсь, оно в порядке?

31. Норвичский епископ Тримнел[790], тот самый, что во время путешествия с нынешним лордом Сандерлендом посетил Мур-Парк, произнес вчера в палате лордов проповедь, и сегодня там предложили выразить ему благодарность, а проповедь напечатать, однако предложение все же отклонено, потому что проповедь была неприкрыто вигистская. Билль об отмене «Акта о натурализации протестантов-иностранцев»[791] прошел нынче в палате лордов большинством в двадцать голосов, хотя

шотландские лорды при этом удалились, а если бы и голосовали, то против, чтобы выразить тем свое недовольство в связи с патентом герцога Гамильтона, если вам что-нибудь об этом известно. Здесь появилась сегодня стихотворная поделка[792], которую приписывают мне, но, конечно, шутки ради, потому что она насквозь пропитана духом вигов, да и написана из рук вон. Меня этим изводили в суде справедливости. Обедал я в пять часов вечера с лордом-казначеем; кроме меня был еще только один голландец. Прайор назначен таможенным комиссаром, впрочем, я, кажется, вам уже об этом говорил. Возвратясь вечером домой, я обнаружил письмо от доктора Сэчверела с выражением благодарности за мое ходатайство перед лордом-казначеем и господином секретарем о приискании его брату какой-нибудь должности; ему сообщил об этом лорд-казначей. Видите, какой я ловкий ходатай, хотя едва ли когда-нибудь мог себе представить, что буду хлопотать за Сэчверела.

1 февраля. Неужто ваш декан св. Патрика до сих пор не получил моего письма? Вы об этом даже не упоминаете, хотя уже месяц, как я ему написал. У моего типографа приступ подагры. День сегодня выдался восхитительный. Отчего вы никогда не сообщаете, была ли у вас в те же самые дни хорошая погода? В шесть часов вечера доктор Эттербери, Прайор, я и доктор Фрейнд встретились в доме доктора Роберта Фрейнда в Вестминстере, где он исправляет обязанности ректора школы; мы засиделись до часу ночи и, право же, это была очень славная компания. А теперь я позволю себе потолковать немного с Дингли о политике: упоминаемое ею место из «Поведения союзников» настолько далеко от того, чтобы заслуживать порицания[793], что господин секретарь даже намерен настаивать на этой мысли при обсуждении «Договора о барьере»[794], которое должно вскоре состояться, потому что министры распорядились представить этот договор на рассмотрение палаты общин. «Совет Октябрьскому клубу» стали, наконец-то, покупать, но молва о нем едва ли достигнет Ирландии, хотя, смею вас уверить, написан он весьма недурно. Мне уже не терпится ответить на ваше письмо, но я пока воздержусь, потому что уже довольно поздно.

2. Сегодня последний день рождественских праздников[795], но мне-то, собственно, что до этого? Ведь я в нынешнем году не видал, не слыхал и не почувствовал никакого Рождества. День прошел томительно и праздно. Утром я пошел к лорду-казначею; мне нужно получить от него кое-какие бумаги, но он и думать об этом забыл, а ведь речь идет о деле, в котором он более всех заинтересован. Дождь все грозился, но лишь слегка покрапало,

поэтому мы с Прайором часок погуляли в парке, хотя это нарушило все мои планы. Обедал я с приятелем, живущим неподалеку от меня, а потом до полуночи просидел с лордом Мэшемом. Лорд-казначей не пришел; у него в этот день за обедом обычно собирается праздная компания. Нам уже не терпится получить из Голландии какие-нибудь вести насчет переговоров о мире; мы опасаемся, как бы эти негодяи голландцы не сыграли с нами какую-нибудь шутку. У лорда Мэшема был также шотландский граф лорд Марр. Я доказывал ему, что его соотечественники упрямы и глупы; очень уж они разгневаны делом герцога Гамильтона: королева присвоила ему титул английского герцога, а палата лордов, тем не менее, отказывается допустить его на свои заседания. Лорд Марр клянется, что охотно голосовал бы за нас, но не осмеливается, потому что в таком случае вся Шотландия заклеймила бы его презрением, его никогда бы больше не избрали, да и вообще он не смог бы там дольше жить.

3. Отправился нынче ко двору в расчете на обед, но ни одно из приглашений мне не приглянулось, и в конце концов я пообедал с лордом Маунтджоем. Королева не была сегодня на богослужении, у нее приступ подагры в колене. Я слыхал, будто из Голландии получена почта, но никаких новостей пока не знаю, хотя виделся утром с господином секретарем. Он показал мне письмо, полученное им от ганноверского посла в Лондоне мистера Ботмера, который выражает недовольство тем, что «Договор о барьере» представлен на рассмотрение палаты общин, и возражает против каких бы то ни было изменений «Гарантий престолонаследия»; секретарь направил ему довольно-таки едкий ответ. С тех пор как вы прочитали «Поведение союзников», вы, я полагаю, прекрасно разбираетесь во всех этих материях и стали опытными политиками в юбках. Мы готовимся теперь ко дню рождения королевы, который, кажется, придется на следующую среду. Но если у нее усилится приступ подагры, праздник, конечно, будет испорчен. Принц Евгений сшил себе к этому дню два чрезвычайно нарядных туалета, а королева собирается преподнести ему шпагу, усыпанную бриллиантами, стоимостью в четыре тысячи фунтов.

4. Нынче утром я стоял у дверей палаты общин в качестве ходатая за сына архиепископа Тюамского мистера Визи[796]; он хлопочет перед парламентом об утверждении его в правах наследования; мне удалось заручиться более чем пятьюдесятью голосами в его пользу. Обедал я у леди Мэшем. Никакой почты из Голландии, о чем я писал вам вчера, оказывается, не поступало, и многим из тех, кто ожидает получения оттуда праздничной одежды, отсутствие попутного ветра помешает появиться при

дворе в день рождения королевы. Я условился встретиться нынче вечером у секретаря с одним джентльменом, но не застал ни того, ни другого. Палата общин приняла нынче много суровых решений касательно недобросовестного обращения с нами союзников, при этом ораторы черпали все свои доводы из моей книги, и результаты голосования подтверждают все, что я написал: двор добился большинства в сто пятьдесят голосов. Все сходятся на том, что именно моя книга подвигнула их на такие решения: мне не терпится увидеть их напечатанными. В последние несколько дней с головой у меня было не так хорошо, как мне бы хотелось, однако приступов головокружения не случалось; надеюсь, что все это пройдет.

5. Секретарь выставил меня нынче из своей комнаты; показав перед тем аккуратно завернутые пятьдесят гиней, которые он намеревался вручить какому-то шпиону французу. Обедал я с четырьмя ирландцами в таверне, хотя, признаться, давал себе зарок не делать этого, и все-таки нарушил его. Вечер провел за картами у леди Мэшем, но только играл за нее, пока она что-то писала, и, представьте себе, выиграл ей ставку; у них я и поужинал. Там был и лорд-казначей, но он ушел еще до полуночи. Леди и лорды уже приготовили праздничные туалеты к завтрашнему дню. Я видел несколько чрезвычайно нарядных платьев и надеюсь, что завтра при дворе будет большой съезд гостей, вопреки злобной французской повадке, которую усвоили дамы из лагеря вигов: они все до единой сговорились завтра не приходить, и я надеюсь, что это только еще больше и бесповоротно настроит королеву против них.

6. В три я пошел пообедать к лорду Мэшему, и как раз в это время из дворца стали выходить все, кто явился туда по случаю праздника: они высыпали огромной толпой и стояли, дожидаясь своих карет, так что я имел возможность обозреть кое-кого из знакомых мне лордов и дам во всей пышности их нарядов. Особенно хороша была, на мой взгляд, леди Эшбернхем. Говорят, что такого многолюдства и такой роскоши одежд при дворе еще не бывало. Лорд-казначей, миледи и обе их дочери, а также миссис Хилл обедали у лорда и леди Мэшем, и при этом все пять дам были чудовищно разряжены. Королева вручила нынче принцу Евгению усыпанную бриллиантами шпагу, но при этом присутствовал один только лорд-камергер. Вечером в музыкальном собрании исполнялись арии из опер; королева пробыла там до самого конца и очень хорошо после этого себя чувствует. Видел я и леди Уортон, уродливую, как дьявол, и в совершенном затрапезье, когда она выходила из толпы; она предпочла разглядывать все происходившее из окна дворца герцога Мальборо, что

напротив Сент-Джеймса, вместе с дочерьми герцога и леди Бриджуотер[797], одетыми так же затрапезно. Я не слыхал, чтобы хотя одна из дам, принадлежащих к лагерю вигов, удостоила праздник своим посещением, кроме камер-фрейлин, конечно. Однако ничто не вызвало такого шума, как карета некоего Келсона[798], которая, говорят, обошлась в девятьсот тридцать фунтов и роскошнее которой еще не видывали. Чернь приветствовала ее владельца не меньше, нежели самого принца Евгения. Вот я с вами немного и поболтал по поводу дня рождения королевы.

7. Сегодня собиралось наше Общество, но герцог Ормонд отсутствовал; эти обеды стали теперь скромнее. В последнее время они были до того расточительными, что лорд-казначей и многие другие нас за это порицали. Я оставил их в семь, потом просидел час с визитом, после чего, как пай-мальчик, возвратился домой. Королева чувствует себя после вчерашнего вечера намного лучше, и друзья советуют ей чаще позволять себе такие развлечения. Я воспротивился избранию в наше Общество лорда Джерси, и ему ответили отказом; и еще я возражал против избрания герцога Бофорта, но, думаю, что, несмотря на это, его все же изберут; впрочем, это не слишком меня заботит, поскольку мне предстоит встречаться с ними не более двух месяцев: дело в том, что я решил в начале апреля уехать в Ирландию (прежде чем опять наступит мой черед угощать их), чтобы повидать, наконец, свои ивы.

8. Обедал нынче в Сити. Утром один сукин сын, из королевских музыкантов, немчура, которого я и в глаза не видал, воспользовавшись недогадливостью Патрика, проник ко мне в комнату и с серьезным видом стал просить меня выхлопотать его другу должность в таможне, за что тот будет мне чрезвычайно признателен; кроме того, он выразил пожелание, чтобы я споспешествовал его собственному прожекту об ежегодном ассигновании десяти тысяч фунтов на оперные представления; я обошелся с ним любезнее, нежели он того заслуживал, хотя все мое нутро кипело от злости. Ему, видите ли, сказали, что я пользуюсь чрезвычайным влиянием на лорда-казначея и что одного моего слова будет… и прочее. — Так вот, я сегодня вернулся рано домой, чтобы ответить на письмо *МД* № 26, потому что свое отправлю завтра. — Признаться, никогда в жизни я не видывал такого письма: такого дерзкого, такого дневникообразного, такого бойкого, такого самонадеянного, такого… сам не знаю какого. — Ваши опасения[799] я рассеял в своем последнем письме. Все сошло как нельзя лучше, как вы изволили выразиться, но, право же, вы нахальная девчонка, коль скоро заранее были в этом уверены; вы станете теперь так чваниться

своей проницательностью, что с вами не будет никакого сладу. Не затеряйте, пожалуйста, ответ; я непременно бы его напечатал, будь он у меня здесь под рукой; на сколько он, примерно, страниц? Полагаю, не более полулиста; а где этот ответ был написан?[800] В Ирландии? Да, да, ко времени своего возвращения из Баллигала[801] вы непременно получите от меня письмо. Я не стану снова повторять вам, кого сместили и кого назначили, скажу лишь, что мы никак не можем избавиться от герцогини Сомерсет. — Так-с, значит они говорят, что «Поведение» наверняка сочинил Престо; а нравится ли оно им? Мне, правда, это безразлично, однако в напечатанных на днях решениях парламента почти дословно повторяется то же самое, да и решения эти никогда не были бы приняты, не появись эта книга. Иметь дело со «Спектэйтором» я не собираюсь, пусть себе заполняет каждую страницу прекрасным полом[802] хоть до скончания света. Мое недомогание прошло, и обошлось без геморройного кровотечения. — Так, мадам Дингли справляется насчет морозов: да, у нас в самом деле были сильные морозы, но когда именно, я уже запамятовал; они держались с неделю, а может дней десять; это было недель шесть тому назад, но только у нас они не так скоро кончились, во всяком случае, не 29-го декабря; впрочем, я теперь припоминаю, у нас это было примерно в то же самое время. Вы утверждаете, что *МД* никак не дождутся письма от Престо, а между тем в записи, сделанной четырьмя днями раньше, сообщаете, что получили мое тридцать седьмое, бестолковые девчонки! Епископ Глостерский вовсе не почил[803] в бозе, а если бы даже и почил, вероятность моего назначения на его место так же велика, как и на место герцога Мальборо, и довольно об этом. Не исключено, что вашим наместником будет назначен герцог Шрусбери, во всяком случае герцог Ормонд, как я полагаю, больше к вам не вернется. — Так, а теперь снова пишет Стелла. Что ж, три издания «Поведения…» это и в самом деле очень много для Ирландии. Это признак того, что среди вас не совсем еще перевелись порядочные люди. — Да, да, я постараюсь помочь мистеру Мэнли всем, чем смогу, но только он сам себя губит. Чего ради он ввязывается в эти городские дрязги? Нет, чтобы уладить свои собственные дела и сидеть себе спокойно! Неужто он не видит, что от его вмешательства все равно никому никакого проку, а ему один только вред? Кому это вздумалось вскрыть мое письмо, ума не приложу, должно быть, это произошло уже где-то у вас. — Если я услышу о каких-нибудь намерениях сместить мистера Мэнли, я постараюсь этому воспрепятствовать. Меня уже не раз осуждали все здешние ирландцы за то,

что я его защищаю. Ну, вот я и ответил на ваше дерзкое письмо. Нижайший поклон от меня тетушке Стоит и Кэтрин, к которым я скоро пожалую на обед.

9. Утро. Моя простуда наконец-то проходит, хотя я, кажется, опять немного простудился. Никаких новостей со вчерашнего дня у меня нет. Говорят, будто через Кале поступают известия, что мир вот-вот будет заключен. Надеюсь, это соответствует действительности. Сейчас я запечатаю это письмо и вечером собственноручно отдам его в почтовую контору; так что мне пора попрощаться с моими драгоценными *МД* до вечера. От всего сердца желал бы я быть с ними, клянусь своим спасением. Надеюсь, в нынешнем году мои ивы, живые изгороди и деревья будут, наконец, как следует ухожены. Вот уже второй день как стоит славная морозная погода. Прощайте и прочее, и прочее, и прочее.

Письмо XLI

С этого письма начинается та часть «Дневника», которая была опубликована с оригинала Хоксвортом; чтобы не затруднять читателя, мы пишем полностью слова, которые в оригинале сокращены, заключая восстановленную часть в квадратные скобки, а также, следуя за оксфордским изданием, мы помещаем в такие же скобки все те места, где слова зачеркнуты или неразборчивы, или по поводу смысла которых существуют разночтения.

Лондон, 9 февраля 1711—1712.

[*суббота*]

Когда мое письмо отправлено и я не должен спешить с ответом на ваше, совесть моя чиста, и на плечах нет никакого бремени, вот тогда я так отважно болтаю о всяких пустяках с моими дологусенькими масенькими *МД*, что только диву даешься. Обедал я с сэром Мэтью Дадли; его недавно отстранили от должности таможенного комиссара, но он делает вид, будто это нисколько его не задело, и рассуждает, как самый заядлый виг, что, впрочем, всегда его отличало, только вел он себя посмирнее, покуда состоял в должности. Почта из Голландии все еще не прибыла. Вот уже дня два или три, как я не виделся ни с кем из министров. Есть определенная причина, вследствие которой я какое-то время умышленно их избегаю, хотя завтра должен обедать с секретарем, причем он предоставил мне самому пригласить, кого я пожелаю. Я пригласил лорда Энглси и лорда Картерета и обещал позвать еще троих, но намерен ограничиться этими двумя; разве только, если завтра при дворе мне придет охота пригласить еще кого-нибудь. Я опять простудился, но только слегка. [Копойной ноци, мои *МД*].

10. Нынче при дворе я очень хорошо разглядел принца Евгения: у него безобразно желтый цвет лица, и вообще он довольно-таки уродлив. Во дворце толклось множество народу, и все явились в нарядах, сшитых ко дню рождения королевы. Обедал я с секретарем; я должен был пригласить еще пятерых, но ограничился только лордом Энглси и лордом Картеретом. Тьфу, ведь не далее, как вчера я уже говорил вам об этом! Почты из Голландии все еще нет. Компания подвыпивших лордов из числа вигов, наподобие вашего лорда Сэнтри, явилась в кондитерскую и принялись во всеуслышание поносить находившихся там ториев, а когда им после этого

прислали вызов на дуэль, пришли на следующее утро просить прощения. Генерал Роуз[804] чуть было не прибил потом за эту выходку маркиза Винчестера[805]. Вот и все наши новости, и других, как видно, не будет до тех пор, пока парламент не соберется вновь обсудить положение на театре военных действий, а это произойдет через несколько дней. Министры распорядились представить на рассмотрение парламента «Договор о барьере», и некоторое время тому назад даже поговаривали, что они будто бы собираются обвинить подписавшего этот договор лорда Тауншенда[806] в государственной измене. Никаких политических новостей у меня больше нет. Копойной ноци, длаг[оценные] *МД*.

11. Я обедал нынче с лордом Энглси, который надумал пригласить еще 7 ирландцев, чтобы они составили мне компанию; из них, правда, только двое оказались из породы щеголей; одного я не знаю, а вторым был Блис младший[807], обладатель роскошной кареты и вообще заметная фигура среди здешних хлыщей. Он как-то спросил меня при дворе, как раз в тот момент, когда я разговаривал с несколькими лордами: «Скажите, доктор, когда мы узрим вас в графстве Мит?[808]», на что я ответил шепотом, что советую ему хорошенько подумать, прежде чем что-нибудь произнести, не то окружающие примут его за дикаря. С тех пор он больше со мной не заговаривал, пока мы не встретились нынче. Вечером я пошел к леди Мэшем и просидел у нее вместе с лордом-казначеем и секретарем до начала третьего, а возвратясь домой, обнаружил несколько писем из Ирландии, которые прочел, однако не стану сейчас ничего о них говорить, потому что уже слишком поздний час, хотя […] всегда должны быть […] поздно или рано. [Копойной ноци, длагоценнейшие судалыни].

12. Одно из полученных вчера писем было от епископа Клогерского, а другое от Уоллса касательно пенсии миссис Саут и его собственной пенсии на сумму в 18 фунтов взамен десятины, которую он получал прежде. Я палец о палец не ударю ни в том, ни в другом случае, потому что ей я помочь не в силах, а его дело слишком пустячное. Скажите ему только, что письмо я получил и переговорю о его просьбе с Нэдом Саутуэлом. Вы так мне и не написали, получил ли декан мое письмо? Оказывается, Клементе, коего я в прошлом году порекомендовал лорду Энглси по просьбе Уоллса или, скорее, епископа Клогерского, пользуется его чрезвычайным благорасположением; вы можете передать это им обоим. Я сказал лорду Энглси, что весьма рад тому, что мне представилась счастливая возможность порекомендовать ему такого достойного и прочее. Обедал я в Сити у моего типографа, чтобы посоветоваться с ним насчет кое-каких

бумаг, которые вчера вечером передал мне лорд-казначей и, конечно, по обыкновению своему, передал слишком поздно, однако я все же попытаюсь ими воспользоваться. Моя третья простуда понемногу проходит; со мной еще никогда такого не бывало: три простуды кряду; похоже, не миновать мне четвертой; […] Из Голландии нынче прибыли, наконец, курьеры и доставили шесть пакетов, коих так долго дожидались. Подробности мне пока неизвестны, потому что, когда я был днем у секретаря, их еще только вскрывали. Я убеждаюсь лишь в одном, что голландцы с нами хитрят и что эти гнусные мошенники втайне сговариваются с французами. Я узнаю [завтла… *МД*].

13. Обедал нынче наедине с моим приятелем Льюисом у него на квартире, чтобы посоветоваться касательно кое-каких возражений против «Договора о барьере»[809]. Известия из Голландии не слишком утешительны: французы чинят препятствия и выдвигают союзникам требования, коих те не могут принять, а голландцы опасаются, как бы мы чего-нибудь не выгадали для себя, — и все это только на радость вигам. Домой я возвратился рано и несколько часов был очень занят. Я получил нынче письмо от мистера Пратта, переданное мне одним частным лицом, в коем тот рекомендует мне подателя сего послания и просит приискать ему какое-нибудь место, но я и не подумаю утруждать себя. Уэсли тоже как-то просил за него; Пратт пишет, что, прослышав-де о моем близком знакомстве с лордом-казначеем, он просит меня сделать то-то и то-то. Дело выеденного яйца не стоит. Какая бестолочь весь род человеческий! Надеюсь, что разделавшись в один прекрасный день с дворами, я окажусь мудрее. Вот вы, я считаю, никогда особенно не досаждали мне своими рекомендациями, а ведь я оказал бы вам любую услугу, какая только в моих силах. Скажите на милость, марам БСС[810], получили ли вы свой передник? Я вспомнил о нем по той причине, что лишь вчера за него уплатил. В одном из моих писем я привел перечень всего отправленного вам с Ли, сверили ли вы по нему все, что получили? Что-то вы совсем перестали упоминать о своих картежных делах; или вы больше не играете. — Отчего же, играем сейчас в Баллигале. — Отправляйтесь-ка лучше баиньки. [Копойной ноци, длагоценнейшие *МД*].

14. Наше Общество обедало сегодня в доме господина секретаря; я пришел туда к четырем, но, узнав, что палата общин будет допоздна обсуждать «Договор о барьере», ушел на часок в Кенсингтон, чтобы проведать детей лорда Мэшема. У моего юного племянника[811] — его сына, коему миновало шесть месяцев, появилась на шее опухоль; боюсь,

что она окажется губительной. Мы сели обедать только в восемь, а в десять я с ними расстался. Палата общин отнеслась к «Договору о барьере» крайне неодобрительно, как вы сами увидите по тому, как они голосовали. Один из членов палаты, виг, вытащил было «Поведение союзников» и с возмущением стал читать вслух то место, где речь идет о престолонаследии, однако никто его не поддержал. При голосовании партия сторонников церкви всякий раз одерживала верх, и притом с большим перевесом. Все, кто приезжает из Ирландии, так поносят архиепископа Дублинского, что я больше не в силах его защищать. Лорд Энглси, к слову сказать, уверял меня, что слухи о том, что архиепископ уподобил ранение лорда-казначея истории Пизона у Тацита, сущая правда. Герцог Бофорт, я полагаю, будет допущен в наше Общество уже во время следующего обеда. Сегодня напечатана моя «Басня о Мидасе»[812] — небольшое стихотворение, примерно на половину газетного листка; как она разойдется, сказать пока не могу, однако нынче вечером в нашем Обществе она пользовалась удивительным успехом, а прошлым вечером господин секретарь читал ее в моем присутствии лорду и леди Мэшем, и они точно так же ее расхваливали. Напишите, как ее встретят у вас. Этот лист, по-моему, больше обычного; вот уже шесть дней, как я веду на нем свой дневник, а конца что-то не видно. Боюсь, что эти мои записи скучны донельзя. Копойной ноци, длагоценнейшие.

15. Мы с мистером Льюисом были приглашены на обед к одному нашему приятелю шотландцу[813], а перед тем до двух пополудни я был очень занят у себя дома. Из-за моей третьей простуды у меня теперь заложена грудь, особенно по утрам. Что-то, видимо, сталось с моим здоровьем; прежде никогда не бывало, чтобы и так быстро простужался снова или так долго хворал. Полученное сегодня известие о том, что дофин и его жена преставились[814] в шесть дней, явилось полной неожиданностью. Говорят, престарелый король вне себя от горя. Для его семьи это непоправимая утрата. Дофин оставил двух малолетних сыновей: четырех и двух лет от роду, и старший из них хворает. По Лондону распространился нелепейший слух, будто бы лорд Страффорд, один из наших полномочных послов, играет на руку французам; правда, уже давно поговаривают, что он не ладит с лордом-хранителем королевской печати[815]. Оба они не первый год подвизаются на дипломатическом поприще, но ни тот, ни другой не может похвастать особыми дарованиями; Страффорд довольно деятельный и с характером, но до крайности высокомерен и совершенно невежествен. Ноци *МД*.

16. Пообедал в Сити у моего типографа в надежде закончить то, что я сочиняю касательно «Договора о барьере», но так и не успел это сделать. Вечером пошел к лорду Мэшему, у которого вместе с лордом-казначеем просидел до после полуночи. Лорды направили королеве петицию, в которой выражают недовольство предложениями французского короля. Виги внесли ее на рассмотрение палаты неожиданно, и министры не сумели предупредить такой шаг или отклонить ее. Несмотря на назначение новых пэров, виги все еще слишком сильны в палате лордов, и, кроме того, они в такой же мере неутомимы, в какой тории нерадивы. Поверженная сторона всегда проявляет больше усердия. Виги намеревались также протащить решение, бросающее тень на лорда-казначея, но им это не удалось. Я пытался нынче ночью остановить проезжавшую мимо карету и ударился нечаянно об нее скулой; теперь это место чертовски болит. Ноци длаг[оценные].

17. Сегодня при дворе было необычайно многолюдно, как, впрочем, уже много воскресений подряд, но королева не пришла в часовню по причине небольшого приступа подагры в ноге. Бывать при дворе небесполезно — там можно сразу повидать всех своих знакомых, с которыми в противном случае вряд ли увидишься более двух раз в году. Принц Евгений обедает нынче с секретарем и еще семью или восемью высшими офицерскими чинами и иностранными послами. Все они, я уверен, изрядно напьются. Мне ни разу не пришлось побывать в обществе принца: я пытался было внушить кое-кому из лордов, что нам следует устроить скромное угощение и пригласить его, но тщетно. Здесь получена голландская газета, в которой среди прочего сообщается о моем аресте в связи с иском на 20.000 фунтов, будто бы предъявленным герцогом Мальборо. Приглашения на обед, коих я удостоился при дворе, не пришлись мне по вкусу, а посему я пообедал вместе с сэром Эндрю Фаунтейном у миссис Ван. Домой я возвратился в шесть и до сей минуты был чрезвычайно занят; уже далеко за полночь, и я улегся в постель, чтобы написать [*МД*, потому что …….]. Смерть дофина, как мы надеемся, немало поспособствует заключению мира. Скажите, доктор Гриффит все еще сердит на меня? Достаточно ли я сделал, чтобы его умилостивить? […………… Ноци длагоценнейшие плоказницы].

18. У Льюиса был портрет Гискара; в свое время он купил его и предложил лорду-казначею; тот все обещал послать за ним, но так и не собрался; я уговорил Льюиса отдать портрет мне и повесил его у себя в комнате, а теперь лорд-казначей, прослышав о том, объявил, что намерен его у меня забрать. Как вам это нравится? Он хочет иметь портрет Гискара,

изображенного в полный рост в той самой одежде, какая была на нем, когда он совершил свое злодеяние, и с перочинным ножиком в руке; Кнеллер напишет такой портрет с того, что находится у меня. Я собирался было пообедать нынче с лордом-казначеем, но он попросил перенести нашу встречу на завтра, так что я обедал с лордом Даплином — вы прекрасно его знаете: он мой брат по Обществу. Да, я получил письмо от епископа Клойнского с просьбой похлопотать за него перед лордом-казначеем и парламентом по поводу одного дела, которым я займусь с такой же расторопностью, как осенняя муха. Я вообще не слишком ревную о чужих делах, хотя [….*БСС*] имела прежде обыкновение корить меня этим, но то был чистейший поклеп. Послушайте-ка […], сударыни, я уже немного соскучился по симпу[816] от малысек *МД*, право же, мне очень его недостает. Боюсь, что вы были обеспокоены слухами о моем аресте. Довольно странно, что вот уже месяц, как сочинители памфлетов обходят меня своим вниманием, за исключением разве что 3 части появившегося здесь недавно «Ответа на „Поведение союзников"“[817]; не помню, говорил ли я вам об этом? Палата общин по-прежнему беспощадно разоблачает прошлый кабинет министров и его действия. [Ноци, длагоценнейшие *МД*].

19. Обедал с лордом-казначеем и против своей воли просидел с ним до десяти вечера, хотя условился с типографом, что приду выправлять корректуру. Я рассказал лорду-казначею, что вскоре после того как он был ранен, я экспромтом сочинил и тут же у него в доме записал на клочке бумаги четверостишие. Кто-нибудь из слуг, наверно, тотчас выбросил этот клочок[818], и лорд-казначей так и не узнал о существовании этих строк. Сейчас я попытаюсь их вам припомнить. Им было предпослано посвящение: «Лекарям мистера Гарли», а потом шли примерно следующие строки: Покой Европы бриттов меч хранит, Смерть Гарли — бриттам смертию грозит, Его судьба теперь у вас в руках, Вот что спасете вы иль обратите в прах. — Не правда ли, весьма недурно для стихов, написанных в один присест, потому что слово экспромт именно это и означает; вы, разумеется, о нем и не слыхали, не так ли? Я хотел, чтобы 8 марта, в тот самый день, когда лорд-казначей был ранен, он пригласил к себе на обед определенный круг лиц, однако он сказал, что решил пообедать в этот день только с теми членами кабинета, которые заседали с ним, когда все это случилось; тем не менее, он пригласил также и меня. — Я все еще не могу избавиться от простуды, которая особенно досаждает мне по утрам. Ночи, *МД*.

20. Целых два часа я напрасно пытался нынче поймать секретаря в то

время, как он будет выходить из дома сэра Томаса Ханмера, чтобы переговорить с ним об одном деле, после чего отправился к типографу выправить некоторые листы «Замечаний касательно „Договора о барьере“», поскольку завтра их начнут печатать. Последние дни я был ужасно занят, сочиняя эти «Замечания» и еще несколько мелочей. Мне хотелось присовокупить к «Замечаниям» кое-какие чрезвычайно важные документы, которые секретарь должен был мне передать, но теперь придется обойтись без них. И то сказать, у министров сейчас других дел по горло. Сэр Томас Ханмер назначен председателем комиссии, коей поручено представить королеве «Отчет о положении нации»[819]; в «Отчете» непременно будут упомянуты все промахи союзников и прежнего кабинета министров. Секретарь, видимо, помогал ему нынче в составлении этого отчета. В нем, я полагаю, будет немало перца. Ноци длаг. *МД*.

21. Нынче утром я за шесть часов сочинил 19 страниц «Письма лорду-казначею касательно учреждения Общества, или Академии для исправления и закрепления английского языка». Кстати, как будет правильнее — английской речи или языка? Осталось сочинить еще страниц пять-шесть; завтра я отправлю его лорду-казначею, а потом, возможно, напечатаю, если он того пожелает. Обедал я, как вы, верно, догадываетесь, с нашим Обществом, мы ведь всегда собираемся по четвергам; сегодня впервые присутствовал принятый нами герцог Бофорт, а всего нас было 13 человек. Герцог Ормонд не пришел и прислал свои извинения: он обедал с принцем Евгением. Я попрощался с ними в 7, поскольку был приглашен к сэру Томасу Ханмеру; он просил меня прийти именно к этому часу. Как оказалось, он хочет, чтобы я просмлонг скоосотранвсилть опрогрлусчнеднонгылй леамну корточлест[820]. Я ответил согласием, хотя и не уверен, получится ли у меня что-нибудь, ведь это не совсем в моем духе; но я все же приму посильное участие. Ноци, *МД*.

22. Закончил сегодня «Письмо лорду-казначею», которое послал ему примерно в час дня, после чего пообедал наедине с моим другом мистером Льюисом, чтобы иметь возможность обсудить с ним кое-какие важные события. Я достал для дублинского университета 13 том издаваемого Раймером «Собрания архивных документов Тауэра»[821]; у меня теперь уже два тома этого издания, и я напишу ректору, чтобы узнать, каким способом их ему переслать; впрочем, я, пожалуй, не стану этого делать, и привезу их сам вместе с моими книгами. Утром побывал у Ханмера, у которого застал секретаря и канцлера казначейства; они совещались относительно

составляемого для королевы «Отчета», а вечером пошел к лорду Мэшему, и леди Мэшем уговорила меня прочитать ей очень славный памфлет о привидении[822] в Сент-Олбенс ценой в 2 пенни. У меня было такое чувство, словно я сам его сочинил, а Мэшемы были в этом уверены, и однако же это не так. Потом к нам спустился находившийся у королевы лорд-казначей, и мы просидели до двух часов ночи. По вечерам мне всего приятней бывать у них; кроме меня, там постоянно бывают лорд-казначей и доктор Арбетнот, да еще иногда секретарь и по временам камер-фрейлина королевы — миссис Хилл, сестра леди Мэшем. Увеляю вас, сто тепель узе оцень поздно. Это сипмо будет отправлено завтра, и мне надо выкроить время, чтобы еще разок побеседовать с моими масенькими *МД*. [Ноци, длагоценнейшие судалыни].

23. Никаких новостей в этот последний день сообщить вам не могу; я даже еще не знаю, где буду обедать. Говорят, будто секретарь немного нездоров, так что я, возможно, пообедаю у него, а, возможно, и нет. Я уже отослал Ханмеру то, что он просил меня сделать; вот только останется ли он доволен; если да, то мне предстоит сделать ему еще кое-что. Сейчас я собираюсь уходить и унесу это письмо в карнаме[823], чтобы отдать его в главную почтовую контору. А вечером мы опять с вами поболтаем, но уже в следующем письме, в котором, надеюсь, я смогу ответить на новое послание *МД*, ведь ему пора уже прийти: во вторник исполнится ровно четыре недели, как я получил ваше последнее письмо № 26, так что неделю спустя, день в день, я ожидаю получить от вас следующее, ибо к тому времени пройдет уже больше месяца. Прощайте [мои длагоценнейшие ….. *МД, МД, МД, МД* ……….совсем обленились… тлам].

Письмо XLII

Лондон, 23 февраля 1711—1712.

[*суббота*]

Отдав мое последнее письмо в почтовую контору, я начинаю сейчас новое с уведомления малышек *МД* о том, что обедал нынче с секретарем, который очень расхворался: у него простуда и лихорадка, и, тем не менее, вопреки моим настояниям, он отправился в 6 часов вечера на заседание кабинета министров. Он, без сомнения, величайший коммонер Англии и верховодит всем парламентом, который без него не может и шагу ступить; если только он будет жив и здоров, то, помяните мое слово, в один прекрасный день он станет во главе всех дел. Я уже говаривал ему, что будь я этак лет на двенадцать моложе, я постарался бы добиться его благорасположения и вверил ему свою судьбу. Впрочем, какая вам обо всем том забота? Я сожалею лишь, что сразу же, как только судьба свела меня с министрами нынешнего кабинета, не ознакомил вас с именами и нравом каждого из них: ведь тогда все, о чем я писал, доставляло бы вам больше удовольствия, особенно если бы я посвящал вас при этом во всякие подробности здешней жизни. Но довольно об этом. Ноци, длагоценнейшие плоказницы.

24. Нынче рано утром я отправился к секретарю, который все еще нездоров, и как раз в то время, как я был у него, пришли Томас Ханмер и канцлер казначейства; секретарь не дал мне уйти, так что я пропустил нынче богослужение и был занят с ними до полудня составлением отчета, о котором уже говорил вам в предыдущем письме. Потом оба они ушли, а я остался обедать с секретарем и тот почувствовал, что у меня что-то очень неладно с головой, хотя приступа не было, и весь день потом мне было не по себе и немного пошатывало. Может, все дело в том, что я иногда слишком поздно засиживаюсь у лорда Мэшема, а в последние дни очень уж много писал, но я исправлюсь, потому что дел у меня теперь немного и, надеюсь, больше уже не будет, и кроме того я твердо решил, что нынче летом в Ирландии сделаюсь заправским наездником. Вечером я навестил миссис Уэсли, она чувствует себя получше и собирается через несколько недель возвратиться в Бат. Переговоры о мире мало-помалу продвигаются, но очень уж медленно: голландцы водят нас за нос, а мы не проявляем должной решительности и настойчивости. Беда нашего двора — постоянные проволочки, в коих повинна главным образом к[ороле]ва, но и

лорд-казн[ачей] тоже не без греха. — Однако, не пола ли узе марыскам *МД* тансназать[824] немноско о том, как они поживают. Играете ли вы по-прежнему в ломбер и навещаете ли декана, тетушку Уоллс, Стойтов и Мэнли. Мне необходимо получить от вас письмо, чтобы было чем заполнить вторую сторону этого листа. Расскажите мне, пожалуйста, что вы поделываете? Жива ли еще моя тетка?[825] Кстати, раз уж я об этом вспомнил, будьте так добры, сходите к ней и повнимательнее приглядитесь к портрету моего прадеда[826]: у него, как вы знаете, на пальце кольцо с печатью, а на ней изображен якорь с обвившимся вокруг него дельфином[827], и тот же самый герб, насколько я припоминаю, изображен на этом портрете внизу, но там на одной четверти поля помещен и другой герб — моей прабабки[828]. Ежели это и в самом деле так, то это куда более веское доказательство, нежели печать. Да, и еще приглядитесь, написан ли этот герб одновременно с портретом или позже и другой рукой, и спросите тетку, что ей об этом известно. А может, никакого герба на портрете нет, и все это только мне причудилось. Видите ли, мне хотелось бы узнать в геральдической палате, какой герб я должен выбрать: этот или тот, что изображен в большом геральдическом фолио Гиллима[829], где мой дядя Годвин[830] упоминается с другим гербом[831], на котором изображены три оленя. Простите, что я пристаю к вам с такими пустяками. Итак, ноци *МД*.

25. Нынче утром я опять был у секретаря, мы с ним два часа занимались делами, а потом вместе пошли в парк, я имею в виду Гайд-парк; он гулял, чтобы вылечиться от простуды. Мы любовались там на двух арабских скакунов, присланных некоторое время тому назад лорду-казначею. Во время прогулки нас обогнала карета герцога Мальборо, в которой сидели его светлость и лорд Годольфин; они нас, однако, не заметили, чему мы были весьма рады, поскольку ни секретарю, ни мне никак не хотелось, чтобы кто-нибудь из этих лордов видел нас вместе. С полдюжины дам совершали верховую прогулку на мужской манер. Голова беспокоила меня сегодня несколько меньше. Обедал с секретарем, но после обеда мы никакими делами больше не занимались, а в шесть я опять пошел прогуляться. Дни становятся длиннее, и погода улучшилась. Потом я сделал визит Персивалу и его семейству, коих со времени их возвращения в Лондон видел только дважды; они тоже собираются в следующем месяце в Бат. Графиня Долли Мит[832] такое чучело гороховое, что где бы я ни появился, меня тотчас спрашивают, не знаю ли я такую ирландскую даму, и описывают, какой у нее вид и как она разряжена. Домой я пришел рано и развлекался тем, что перелистывал один из томов «Собрания архивных

документов Тауэра» Раймера; стоит мне только подумать, что у меня сейчас никаких неотложных дел, и на душе становится необычайно легко. Моя третья простуда все еще не прошла, по временам я кашляю и особенно чувствую ее по утрам. Не знаю, говорил ли я вам, что причиной простуды, как мне кажется, послужила невыносимая жара в комнате у леди Мэшем; никогда в жизни не видывал такого камина; говоря по совести, я полагаю, что все мы — и лорд, и миледи, и лорд-казначей, и господин секретарь, и я — пострадали именно из-за него, потому что простудились одновременно; правда, я возвращался от них домой пешком. Ноци дологусенькие плутовки.

26. Опять был занят с секретарем; […………….], мы прочитали кое-какие бумаги и вообще с пользой провели время, потом я у него пообедал, после чего мы собирались вновь заняться делом; но после обеда — это после обеда. Как справедливо говорится в одной старинной поговорке: чем больше выпьешь, тем меньше смыслишь. К обеду собралась целая компания, и заняться после этого делом было уже невозможно, так что мне придется опять пойти к нему завтра. Никаких других обязательств у меня теперь нет, кроме того по рекомендации королевы парламенту предстоит принять меры против печатания всякого рода пасквилей[833], в число которых, как я предполагаю, будут включены и памфлеты. Не знаю, какие меры будут приняты, но решение на этот счет воспоследует в ближайшие два-три дня. Нынче утром я решил посетить верхние покои Сент-Джеймского дворца: первым, кого я встретил еще внизу, был герцог Ормонд, коего я поздравил с назначением на пост главнокомандующего во Фландрии, потом я поднялся на второй этаж и посидел немного с герцогиней, после чего поднялся на третий и нанес визит леди Бетти; я предложил ее служанке удалиться на время в мансарду, чтобы мы могли полчаса побыть наедине, однако сия особа, молодая и смазливая, и не подумала повиноваться. Герцог будет на этой неделе председательствовать за нашим обедом, и я заранее уговорился с ним, что угощение будет скромным, дабы это послужило благим примером на будущее. Ноци, мои длагоценнейшие плоказницы.

27. Нынешнее утро опять провел с секретарем, но мы только ознакомились с некоторыми бумагами вместе с сэром Томасом Ханмером; после этого я наведался к лорду-казначею, у которого нынче было levée, но я прошел к нему прямо в спальню, потому что мне нужно было кое-что ему сказать, а потом спустился вниз и заглянул в комнату, где по меньшей мере сотня олухов дожидалась его выхода, в то время как две ближайшие улицы были заполнены каретами. Обедал в Сити с моим типографом, а в 6

возвратился к лорду-казначею, который уговаривал меня пообедать с ним, но я отказался и, посидев у него примерно час или два, пошел от него к лорду Мэшему, однако не застал их дома, так что мне пришлось отправиться восвояси, где от нечего делать я принялся читать первую попавшуюся под руку дрянь. Теперь я могу сидеть и бездельничать сколько душе угодно; такой возможности у меня не было уже больше года. Но я все же пробуду здесь до конца сессии парламента на случай, если снова возникнет надобность во мне, а сессия, как я полагаю, закончится в апреле; хотя не исключено, что я уеду еще и до того, поскольку все, я надеюсь, может разрешиться раньше, и мы либо бесповоротно придем к миру, либо бесповоротно — к продолжению войны. Правительство замышляет раздобыть крупные денежные суммы с помощью лотерей, и мы ведем себя так, как будто намерены продолжать войну, но я все же полагаю, что война будет окончена. Уже довольно поздно, уные аамы[834], а посему зелаю вам копойной ноци, мои далагие девценки.

28. Я сложил кое-какие книги в большой ящик, который купил нарочно для этой цели, а теперь должен купить еще один для одежды и прочих предметов, и, одним словом, готовлюсь потихоньку к отъезду. Мне должны прислать из Голландии дюжину рубах, и я собираюсь купить новую сутану и шляпу, так что я приеду к вам как подобает истинному зентермену[835], и в Ирландии мне какое-то время не придется тратить деньги на одежду. Нынче вечером я написал письмо ректору. Сегодня, как обычно, собиралось наше Общество; нас было 14 человек, не считая графа Аррана[836], которого, вопреки всем установленным нами правилам, привел с собой его брат — герцог Ормонд. Мы были чрезвычайно этим обескуражены, но после недолгого перешептывания дело кончилось тем, что его все же избрали в наше Общество, чему я открыто воспротивился, однако, несмотря на все мои возражения, остальные голосовали за него.

29. Нынешний год — високосный, и сегодня — високосный день. В этот день родился принц Георг[837]. Людям свойственно ошибаться, и здесь многие считают, что это день св. Давида, однако они просто не разумеют преимуществ рождения в этот день високосного года. У меня сейчас, ребятки, никаких дел, и сегодня я целый день читал в свое удовольствие, словно какой-нибудь гам-дракон[838], и однако же, при всем том, успел утром продиктовать моему типографу кое-какие мелочи. Пообедал я с живущим по соседству приятелем, но погулять мне не удалось, — очень уж не располагала к этому погода, поэтому я рано возвратился домой и перечел 200 страниц Арриана[839]. По-моему Александр Великий вовсе не

был отравлен; между нами говоря, это не более, чем досужие выдумки; ведь ясно, что ни Птолемей, ни Аристобул так не думали, а оба они были свидетелями его кончины. Как жаль, что их записки до нас не дошли. Билль, ограничивающий число должностных лиц в парламенте, прошел сегодня в палате общин и будет принят в палате лордов, вопреки воле кабинета министров, хотя это повлечет за собой весьма ощутимое ослабление кор[олевско]й власти. — Именно 29 февраля палата лордов одобрила билль, ограничивающий число должностных лиц в палате общин, хотя в ноябре 1710 г. этот же билль был ею отвергнут.]. Любопытно, что четверо из новых пэров проголосовали в данном случае против двора. В царствование дурного короля такой билль несомненно благодетелен, однако сейчас, мне думается, положение для этого слишком еще неустойчиво, и в решающий момент кабинет министров может не набрать необходимого большинства. Доблой ноци вам, длагоценнейшие плоказницы, и рюбите *БДГП* [БДГП. — В оригинале — poor, dear, foolish rogue — то есть «бедный, дорогой, глупый плутишка». Впервые опубликовавший эту часть «Дневника» Дин Свифт сохранил такое обозначение только в этой записи, потому что иначе ее смысл был бы непонятен читателю, заменив во всех остальных случаях словом «Престо».].

1 марта. Я пошел нынче в Сити, чтобы разузнать о судьбе бедняги Стрэтфорда; он добровольно отправился в тюрьму, находящуюся в ведении королевского суда[841], и все друзья очень его за это осуждают, потому что кредиторы намерены были обойтись с ним как можно снисходительней. Он слишком на многое позарился одновременно, это его и погубило. Но его разорение повлекло за собой еще одно чрезвычайно печальное обстоятельство, касающееся генерал-лейтенанта Мередита. Он был смещен в прошлом году со всех своих должностей, и у него осталось только около десяти тысяч фунтов наличными на прожитие; Стрэтфорд из дружеских побуждений предложил Мередиту помочь получше ими распорядиться, поместив их в государственные процентные бумаги и акции с наибольшей выгодой, и теперь Мередит все потерял. Я часто рассказывал вам о Стрэтфорде, мы с ним однокашники по школе и университету. Нынче я обедал кое с кем из его друзей, они мне сказали, что уже довольно давно предвидели его разорение. В свое время я предупредил его о предстоящем подписании мирного договора, когда это еще держали в тайне; он мог бы использовать это к своей выгоде, но это как раз его и погубило, потому что он ссужал деньги и вкладывал их в акции, рассчитывая, что мир вот-вот будет заключен, и акции, следовательно, повысятся в цене. Форду его

разорение чуть было не обошлось в 500 фунтов, да и мне тоже. Доблой ноци обеим моим длагоценнейшим марыскам *МД*.

2. Утро. В 3 часа утра меня разбудили нынче слуга и прочие обитатели дома, чтобы сообщить о большом пожаре в Хэймаркете[842], после чего я опять уснул, а два часа спустя, слуга пришел и сказал, что сгорел дом моего брата бедняги сэра Уильяма Уиндхема и что две служанки, спасаясь от огня, выпрыгнули из верхнего этажа и упали вниз головой, при этом одна из них угодила прямо на железные острия ограды, и он видел, как обе они лежали мертвые на мостовой. Причиной пожара, как предполагают, послужила неосторожность одной из этих служанок. Туда вскоре прибыл герцог Ормонд, чтобы помочь тушить пожар. Брат Уиндхем, как он сам мне говорил, всего лишь несколько месяцев тому назад уплатил за этот дом 6.000 фунтов и очень богато его обставил. Вечером я узнаю больше подробностей. Уиндхем женат на леди Кэтрин Сеймур, дочери герцога Сомерсета; вы, наверно, о ней слыхали. Вечером. Ребенок Уиндхемов едва спасся, а леди Кэтрин выбежала из дома босая; они переехали теперь в Нортумберлендхауз. Дом мистера Бриджеса, расположенный рядом, очень сильно пострадал и едва не сгорел. Убыток Уиндхема вследствие этого пожара составляет свыше 10.000 фунтов; одни только платья его жены стоили более тысячи фунтов. Он не появлялся сегодня при дворе. Что и говорить, это ужасное несчастье. Обедал с лордом Мэшемом. Кор[олева] не присутствовала нынче на богослужении. Ноци *МД*.

3. Скажите, пожалуйста, Уоллсу, что я говорил с герцогом Ормондом и Саутуэлом относительно дела его приятельницы, которая, как я убедился, вовсе не нуждается в моем ходатайстве; оба они заверили меня, что все будет улажено. Заодно я упомянул о прошении самого Уоллса и, надеюсь, оно тоже будет удовлетворено, потому что Саутуэл, судя по всему, находит его вполне резонным; я не премину еще раз напомнить ему об этом. Вы так прямо и скажите Уоллсу, а вам самим вовсе незачем знать подробности, потому что это тайна; одно дело касается назначения пенсии миссис Саут, а второе — возмещения Уоллсу той части десятины от его прихода, которую он перестал получать, с тем чтобы ему выплачивала ее теперь казна. Однако вам не следует знать пло эти дера, потому сто это секлет, о котолом нельзя лассказывать пустым девценкам. Обедал в Сити с моим типографом, у меня было к нему небольшое дело; а вообще-то ничем серьезным я теперь не занят. И еще я был нынче утром у лорда-казначея, но вам-то сто до сево этого? Вы, небось, обедали нынче с деканом, ведь по понедельникам священники отдыхают, и, конечно, продули в карты и в кости денег страсть дьяволу в масть. А теперь я лягу спать. Доблой ноци

обеим длагоценнейшим плоказницам.

4. Навестил нынче бедняжку миссис Уэсли, которая уговорила меня пообедать с ней; она чувствует себя теперь намного лучше прежнего. Я от всего сердца молюсь за ее здоровье из любви, которую питаю к ее достойному супругу. За весь день никаких хоть сколько-нибудь примечательных событий; я нахожу теперь немалую усладу в том, что могу, придя домой, сидеть за книгой и не обременен необходимостью что-то сочинять. Вечером пошел к лорду Мэшему и просидел там до часа ночи. Лорд-казначей тоже был с нами; мне показалось, что он чем-то удручен, как в начале сессии парламента, во всяком случае, не так весел, как обычно. Оно и неудивительно, ведь большинство в палате лордов очень уж непрочно, и ему приходится прилагать немало усилий, чтобы его сохранить; кроме того, он не в состоянии произвести те перемещения, которые хотел бы, чтобы угодить своим сторонникам; но боюсь, он сам во всем этом повинен, или, скорее, не в силах все сделать один и не хочет воспользоваться услугами других, и в этом, как я уже не раз вам говорил, состоит его главная ошибка. Уже поздно. Ноци *МД*.

5. Желаю вам веселого поста. Я ненавижу пост, ненавижу постную пищу — пшеничную кашу с маслом и овсяную кашу — и кислые благочестивые физиономии людей, которые только на 7 недель напяливают на себя набожный вид. Нынче утром, когда я был в канцелярии секретаря, один джентльмен передал мне два письма: одно — от епископа Клогерского, а другое — от Уоллса; зовут этого джентльмена Колли Ньюбери[843]; вы, кажется, как-то упоминали его в письме; его прошение должно рассматриваться в палате лордов, и я постараюсь ему помочь, насколько это в моих силах. «Отчет» палаты общин уже напечатан, я его еще, правда, не видел, но говорят, что он чрезвычайно суровый. Обедал с доктором Арбетнотом, и надо сказать, что это был поистине постный обед: я имею в виду не пищу, а царившее на нем уныние, поскольку его жена и ребенок, или даже двое детей больны, и это действовало на всех столь же угнетающе, как и рыба. Последние дни у нас стоит чрезвычайно славная морозная погода; надеюсь, вы воспользовались ею, чтобы время от времени гулять. Вы почему-то никогда не отвечаете на ту часть моих писем, где я прошу вас гулять. А сейчас я должен задержать дыхание, чтобы охладить во рту постную овсяную кашу. Передайте Джемми Ли, что обворовавший его мальчишка-слуга объявился теперь в Лондоне; Патрик как-то видел его здесь раз или два. Признаться, я понятия не имел о том, что его обворовали, пока Патрик не сказал мне, что видел мальчишку. Что до меня, то я предпочел бы, чтобы обворовали Стерна в отместку за

посылку, которую он ухитрился потерять, чтоб ему пусто было. Ноци *МД*.

6. Мне сказали, что мистер Прайор тоже будто бы пострадал из-за банкротства Стрэтфорда; я вчера навещал Прайора, поскольку он нездоров, и мне показалось, что он чем-то угнетен; не легко ему будет примириться с потерей денег. Перед обедом я изрядно прогулялся по Мел вместе с двумя моими братьями — лордом Арраном и лордом Даплином, после чего мы пошли обедать. Сегодня председательствовал герцог Бофорт, и присутствовало всего одиннадцать человек, хотя в нашем Обществе состоят сейчас 9 лордов и десять коммонеров. Герцог Бофорт имел наглость предложить нам ввести в состав Общества своего шурина, графа Дэнби[844], но я так горячо воспротивился этому, что его затея потерпела неудачу. Этому Дэнби едва ли перевалило за двадцать, а мы не намерены больше принимать мальчишек, и, кроме того, до полного числа нам не хватает[845] только 2-х человек. Я пробыл там до 8, после чего все мы спокойно разошлись. На прошлой неделе угощение обошлось герцогу Ормонду в 20 фунтов, хотя подали всего четыре блюда и закуску, без десерта, и я заранее все оговорил, чтобы обед обошелся недорого; мне никак не удается настоять на том, чтобы мы переменили место наших встреч. Лорд-казначей вне себя от такой чрезмерной расточительности, а ведь в эту стоимость еще не входит вино, которое всегда сверх того должен поставлять председательствующий. На следующей неделе должен председательствовать лорд Оррери, и я еще раз посмотрю, возможно ли, чтобы обед обходился дешевле, в противном случае мы больше не будем собираться в этой кофейне. [……..] Вечером лорд Мэшем уговорил меня пойти к нему, чтобы отведать вареных устриц. Возьмите устрицы, как следует помойте их, я хочу сказать, как следует помойте раковины, после чего положите их в глиняный горшок той стороной, где выемка, вниз, а потом поместите этот горшок в котел с кипящей водой, и ваши устрицы таким образом будут кипеть в собственном соку, не смешиваясь с водой. Лорд-казначей не пришел, потому что очень скверно нынче себя чувствовал, у него были головокружения и он поехал домой, чтобы ему отворили кровь; он попросил леди Мэшем извиниться за него перед кор[олевой]. Ноци, длаг[оценнейшие] *МД*.

7. Я пошел нынче в палату лордов, чтобы узнать касательно билля, о коем хлопочут мои друзья[846], а потом переправился через Темзу у Вестминстерской лестницы в сторону Саутвэрка[847], и через Сент-Джорджфилдс добрался до Минта, который находится в пределах вольностей тюрьмы королевского суда[848] и где в одном из переулков

обитает теперь Стрэтфорд; он просил меня навестить его, но оказалось, что он ушел на биржу. Рассудив, что он хочет сообщить мне что-то о своих делах, я отправился вслед за ним и, в конце концов, разыскал его в его излюбленной кофейне, откуда мы пошли на его старую квартиру, где и пообедали вместе с его женой и другими гостями. Как выяснилось, он хотел только попросить меня заступиться перед министрами за его шурина Бена Бартона, проживающего в Дублине, вашего тамошнего банкира, которого, судя по всему, ожидают неприятности за распространение ложных слухов на руку вигам. Я ненавижу этого Бартона, о чем без обиняков заявил Стрэтфорду, и посоветую герцогу Орм[онду] воспользоваться этим случаем, чтобы как следует приструнить мошенника. Миссис Стрэтфорд говорит, что кредиторы мужа согласились на его освобождение, чтобы дать ему возможность взыскать свои долги за границей, и она надеется, что ему удастся со всеми расплатиться. Он был в таком хорошем расположении духа, в каком я уже давно его не видел. Я нынче много гулял. Ноци, длагоценнейшие плоказницы.

8. Сегодня исполнился ровно год, как мистер Гарли был ранен, но он нездоров и принимает слабительное. Я слыхал (сейчас еще только утро), что он не сумеет поэтому пригласить, как собирался, ни тех, кто присутствовал тогда на заседании Тайного совета, ни меня, чтобы прочитать благодарственную молитву. Я собираюсь его навестить. Непременно прочитайте составленный нами Отчет, он самый лучший из всех когда-либо написанных. Кое-что напоминает в нем манеру *БДГП*, но лишь в некоторых местах. Сегодня также день вступления кор[олев]ы на престол, так что это день весьма примечательный, а посему я собираюсь побывать при дворе, после чего пообедаю с лордом Мэшемом. Однако я должен сейчас уйти; мне необходимо повидать по одному делу секретаря, так что я запечатаю это письмо, и сам отнесу его в почтовую контору. Прощайте, длагоценнейшие рюбимые всем селдцем и душой *МД*. Прощайте *МД, МД, МД. Досвид, Досвид, Досвид, МС, МС,* Тлам, Тлам, Тлам, судалыни, тлам.

Письмо XLIII

Лондон, 8 марта 1711—1712.
[*суббота*]

Я носил мое 42 в кармане до самого вечера, пока не отдал его, наконец, в главную почтовую контору. Утром зашел проведать лорда-казначея, который принял слабительное и пил поэтому бульон, а перед тем повидался с секретарем, чтобы похлопотать о назначении моего приятеля, доктора Фрейнда, лейб-медиком, и секретарь обещал переговорить об этом с кор[оле]вой. Я могу посодействовать кому угодно, но только не себе. Потом я побывал при дворе и привел оттуда на обед к лорду Мэшему лорда-хранителя печати и секретаря, и мы выпили за здоровье кор[оле]вы и лорда-казначея, потому что сегодня как раз тот самый день, когда он был ранен; потом я сыграл несколько партий в пикет с леди Мэшем и миссис Хилл и выиграл десять шиллингов, отдал крону слугам на чай и возвратился домой, где меня ожидало письмо от Джо с небольшой приписочкой от *БСС*. То, о чем просит Джо, решительно не по моей части, в я смотрю на это не иначе, как на глупейшую с его стороны прихоть; я не имею ни малейшего понятия о том, кто выдает такие патенты; если герцог Ормонд, то я с ним переговорю, и еще упомяну об этом Нэду Саутуэлу, если только не забуду. В Англии, насколько мне известно, такого рода патенты вообще не выдают; было бы, конечно, неплохо получить надежное удостоверение, однако рассчитывать на то, что я стану наобум говорить о таком деле с лордом-казначеем по меньшей мере смешно. Рассказывал ли я вам, что в Лондоне объявилась шайка негодяев, прозывающихся могоками[849], которые каждую ночь проделывают дьявольские шутки — отрезают людям носы, избивают их и прочее. Ноци, плоказницы, и рюбите *БДГП*. Ноци *МД*.

9. Был нынче при дворе, однако никто не соблаговолил пригласить меня на обед, кроме разве одного или двух, идти к которым у меня не было никакой охоты, так что я предпочел пообедать у миссис Ван. Молодой Дэвенант[850] рассказывал нынче при дворе, что на него напали могоки и проткнули шпагой стенку его кареты. Из-за них теперь стало опасно появляться по вечерам на улицах. Поговаривают даже, будто одним из участников этой шайки является сын епископа Солсберийского[851]. Все они без исключения виги, и одна знатная дама просила меня переговорить с ее отцом и лордом-казначеем, чтобы они остерегались этих негодяев, и

умоляла меня самого поберечься, потому что, как она слыхала, они замышляют недоброе против нынешних министров и их друзей. Не знаю, есть ли во всем этом хоть крупица правды[852], однако и многие другие того же мнения. У нас по-прежнему стоит очень славная морозная погода. Я прогулялся нынче вечером по парку, но домой возвратился рано, чтобы избежать встречи с могоками. Лорд-казначей чувствует себя получше. Ноци обеим моим лодным, длагоценнейшим *МД*.

10. Нынче утром я опять пошел проведать лорда-казначея, который уже почти выздоровел, и просидел у него, пока он не собрался уходить. Обедал я с приятелем в Сити, где договаривался касательно напечатания одной вещицы, хотя она написана не мной. Непременно купите небольшой памфлет ценой в 2 пенни под названием «Суд — это бездонная яма»[853], он весьма недурно написан и вскоре появится вторая его часть. Палата общин все еще медлит с принятием билля об ограничении печати, а посему всякие борзописцы пользуются оставшимся у них временем и что ни день печатают по три, по четыре памфлета. — Так-с, однако мне кажется, уже приспело время получить письмо от *МД*: ведь сегодня уже шесть недель, как я получил от вас 26. Должен вас уведомить, что рассчитываю получить ваше послание еще до того, как отправлю это; мои ежедневные записи будут теперь короче обычного, поскольку я надеюсь изрядную часть оборотной стороны этого листа заполнить ответом на ваше письмо. У нас все еще стоит хорошая погода, правда, стало немного ветрено; я склонен думать, что скоро начнутся дожди. Ну, а теперь отправляйтесь играть в карты, судалыни, а я лягу баиньки. Ноци, *МД*.

11. Лорд-казначей отдал Прайору большое письмо, которое я ему написал, и теперь я никак не могу заставить Прайора возвратить мне его: дело в том, что я намерен его напечатать и учредить Академию для усовершенствования нашего языка, хотя нам никогда не удастся его усовершенствовать в такой мере, как это сделали *ГД*[854], не так ли? Плаво, наш лебяций лизык луцсе. Обедал я наедине с моим приятелем Льюисом, а потом пошел повидать Нэда Саутуэла, чтобы переговорить с ним о деле Уоллса и миссис Саут; последнее, видимо, удастся уладить, а что касается Уоллса, то навряд ли. Саутуэл сказал мне, что об этом деле пришлось бы доложить лорду-казначею и объяснить, в чем тут суть, и что это повлечет за собой множество хлопот, коих оно и не стоит, и что, наконец, лорд-казначей едва ли на это согласится, а ведь Уоллс сам говорит, что разница составит не более сорока шиллингов в год. Вам следует все это пересказать Уоллсу, если только он не делает из этого тайны для вас; в противном

случае скажите только, что в беседе с Нэдом Саутуэлом я сделал все, что от меня зависело, но что выполнить его просьбу невозможно, поскольку тут не обойтись без лорда-казначея, который все равно ответит отказом, к тому же само дело не стоит того, чтобы беспокоить его сиятельство. Итак, ноци обеим длагоценнейшим моим марыскам-малтыскам.

[*1*]*2.* Здесь только и разговоров, что о могоках и об их д[ьявольски]х проделках; листки Граб-стрит, описывающие их подвиги, появляются с молниеносной быстротой и даже напечатан список, в котором приведено около 80 имен тех из них, кого будто бы упрятали в тюрьму; но все это, конечно, чистейшее вранье, и я подозреваю, что либо во всей этой истории с могоками нет ни слова правды, либо ее очень мало. Оказывается, обидчиком Девенанта был просто какой-то пьяный джентльмен, вовсе не принадлежащий к этой шайке. Мой слуга рассказал, будто в кофейне в присутствии одного из наших соседей по дому во всеуслышание говорили о том, что могоки среди прочего злоумышляли и против меня в случае, если бы им удалось меня поймать. И хоть я ничуть не верю этим россказням, однако воздерживаюсь теперь от поздних прогулок и вынужден был из-за этих могоков истратить уже несколько шиллингов на наемные кареты. Обедал нынче с лордом-казначеем и еще двумя джентльменами из горной Шотландии, оказавшимися при всем том чрезвычайно благовоспитанными людьми. Я просидел с ними до 9, после чего пошел к лорду Мэшему, куда вскоре последовал за мной и лорд-казначей и где мы просидели до полуночи; домой я возвратился в портшезе из боязни могоков, о гнусных намерениях которых предупредил и лорда-казначея. Малыш Гаррисон, которому я выхлопотал назначение в Голландию, и в самом деле получил должность секретаря нашего посольства в Гааге, о чем будет объявлено завтра в «Газете»; это даст ему сто фунтов в год. Один молодой человек[855] сочинил здесь «Морские эклоги», или, иначе говоря, «Песни русалов», наподобие пастушеских пасторалей, и надобно сказать, что написаны они весьма недурно, да и мысль, признаться, нова. Русалы — это нечто вроде русалок, но только мужского пола, тритоны, что ли; одним словом, обитатели моря; надеюсь, вы меня понимаете. Я намерен представить его завтра нашему Обществу. Зовут его Дайпер. Чума его забери! Мне необходимо что-нибудь для него сделать, а потом убрать с дороги. Мне ненавистно появление любого нового таланта, и все же, когда они появляются, я непременно оказываю им поддержку; однако они наступают нам на пятки и постепенно вытесняют с подмостков. Ноци, длагоценнейшие *МД*.

13. Вы бы изрядно позабавились, если б могли наблюдать, как всякий

раз, лишь только наше Общество кончает обедать, появляется типограф и приносит какую-нибудь новинку; он редко когда пропускает такую возможность, однако сегодня ему нечего было нам предложить. Лорд Лэнсдаун, состоящий в нашем Обществе, был на днях нелестно упомянут в одном из номеров «Экзаминера», что, по его мнению, бросает тень на его репутацию, с чем я, по правде говоря, согласен, хотя это и сделано в чрезвычайно деликатных выражениях: там сказано только, что его подчиненные плутуют, хотя сам он джентльмен во всех отношениях безупречный и прочее. Председательствовал нынче лорд Оррери, а оба наших герцога отсутствовали. Брат Уиндхем представил Обществу Дайпера, и мы, как я предполагаю, будем собирать деньги для вспомоществования ему, что мне, признаться, не очень по душе. Лорд-казначей пока ничего для нас не сделал, но мы вскоре попытаемся подвигнуть его на это. Все разошлись довольно рано, и только Фрейнд, Прайор и я немного засиделись, обсуждая необходимые преобразования в государстве и отмечая промахи нынешнего кабинета министров. Прайору ненавистна его должность таможенного комиссара, потому что он от нее тупеет: он говорит, что ему теперь даже во сне снятся одни только ярлыки, квитанции, возвратные пошлины и прочие словечки таможенного обихода. Вчера у нас кончились погожие дни, а ночи теперь темные; я возвратился домой еще до десяти. Доблой ноци, длагоценнейшие судалыни.

14. Нынче утром меня изводили разные просители и всех более мой брат доктор Фрейнд, которому непременно понадобилось, чтобы лейб-медика королевы, престарелого доктора Лоуренса[856], сместили, а его на это место назначили. Он так долго доказывал мне, насколько это было бы справедливо, что я теперь полностью убежден в обратном, о чем непременно сказал бы секретарю, если бы только он не успел уже по моей просьбе переговорить об этом деле с кор[олево]й. Да и кроме того мой друг Арбетнот, как мне думается, тоже был бы не прочь получить эту должность, а я люблю его в десять раз больше, нежели Фрейнда. Впрочем, что вам до всего этого? И, тем не менее, мне обязательно надобно рассказать вам обо всем, что произошло за день, независимо от того, знаете ли вы что-нибудь об этих людях или нет. Обедал я нынче в Сити, а когда возвращался домой, меня догнал некий Ричардсон, приходский священник из Ирландии: прошлым летом он приезжал сюда с проектом обращения ирландцев и напечатания с этой целью Библии на ирландском языке и теперь возвратился, чтобы продолжить свои хлопоты. Он сказал мне, будто бы вчера вечером в Лондон приехал доктор Когилл; я пошлю завтра справиться о нем. Ричардсон передал мне письмо от Уоллса касательно его

прежнего дела. Ноци, длагоценнейшие *МД*.

15. Я собирался нынче утром пораньше повидать секретаря, однако слуга позволил подняться ко мне некоему мистеру Ньюкомбу[857], передавшему письмо от епископа Клогерского, к которому миссис Эш присовокупила четыре строчки насчет того же Ньюкомба. Я, конечно, считаю, что с ним обошлись несправедливо, однако одному богу ведомо, смогу ли я ему чем-нибудь помочь. Люди не хотят уразуметь, что я могу очень успешно поддержать ходатайство, но терпеть не могу быть первым, если только речь не идет о самом близком друге. И однако же, я сделаю все, что в моих силах. Секретаря после этого я, конечно, уже не застал и отправился пешком в Челси, чтобы пообедать с деканом Крайстчерч-колледжа, который, как выяснилось, в числе нескольких других питомцев колледжа, был приглашен на обед к лорду Оррери. Декан потребовал, чтобы я пошел с ними, не справляясь, хочу я того или нет, потому что, как он пояснил, они давно уже считают меня своим однокашником. Дело в том, что лорд Оррери имеет обыкновение каждую зиму давать обед для своих старых приятелей по колледжу. Всего нас было за столом девять человек духовного звания и четверо мирян. Мы с деканом вскоре их покинули, и после одного-двух визитов я пошел к лорду Мэшему, у которого и просидел до полуночи вместе с лордом-казначеем и Арбетнотом. А теперь я уже дома и в постели. — Я возвращался пешком, однако в сопровождении слуги. Лорд-казначей посоветовал мне не нанимать портшез, потому что могоки имеют обыкновение нападать прежде всего на тех, кто пользуется портшезами, а не на пешеходов. Говорят, эти негодяи преследуют какую-то цель; кое-кто из них, по словам лорда-казначея, уже схвачен. Сегодня за обедом рассказывали, будто один из них прошлой ночью был убит — в самом непродолжительном времени мы узнаем об этом больше. Не по душе мне все это, как изволил заметить мой слуга. Ноци, *МД*.

16. Нынче утром я встретил у секретаря генерала Роуза и попросил его оказать содействие Ньюкомбу; он обещал поддержать мое ходатайство перед герцогом Ормондом и уговорить его сделать что-нибудь для Ньюкомба. Лорд Уинчелси рассказал мне нынче при дворе, что два могока напали на служанку престарелой леди Уинчелси прямо в дверях их дома, что неподалеку от парка, когда она, проводив кого-то, стояла со свечой; они изрезали ей все лицо и жестоко избили без всякого с ее стороны повода. Я слыхал, будто моему приятелю Льюису удалось с помощью стражника задержать одного из могоков. Королева была нынче в церкви, но ее доставили туда в открытом портшезе. Ее лекарь Арбетнот говорит,

что у нее ужасный кашель. Обедал я с Кроу, бывшим губернатором Барбадоса и знакомым Стерна; после обеда я осведомился, не слыхал ли он чего-нибудь о Стерне. «Как же, конечно, — отвечал Кроу. — Да вот, извольте-ка взглянуть, он выходит из кареты», и тут же вошел Стерн собственной персоной; он уже неделя как здесь: он покупает должность капитана в полку своего кузена Стерна. Эта должность обойдется ему в 800 гиней. Впрочем, вы, вероятно, осведомлены обо всем этом лучше меня. Он сказал мне, что в последний раз виделся с Джемми Ли, когда тот играл с вами в карты. Интелесно, останется ли у меня местечко, чтобы ответить на ваше сипмо, когда я его получу? Ноци, длагоценнейшие плоказницы *МД*.

17. Нынче утром доктор Сэчверел зашел поблагодарить меня за то, что я выхлопотал место его брату: 6 или 7 недель тому назад я замолвил за него словечко лорду-казначею. Сэчверел привел с собой Трэпа, и мы все вместе пообедали у моего типографа; я просидел с ними до семи часов. Уезжая из Ирландии, я едва ли мог себе представить, да и он в то время, я думаю, тоже, что я буду когда-нибудь хлопотать за него перед нынешним кабинетом министров. Это уже седьмой человек, которому я со времени моего приезда сюда выхлопотал должность; только для себя самого я не в состоянии что-нибудь сделать. Впрочем, меня это не заботит, и я предпочитаю, чтобы министры и прочие господа были обязаны мне. Этот Трэп изрядный пустомеля, да и второй не отличается особым глубокомыслием, а уж когда они пускаются в рассуждения или пытаются острить, то это просто чудовищно. Только что вышла из печати 2 часть памфлета «Суд — бездонная яма», которая, на мой взгляд, лучше первой. Ноци обеим моим дологим салуньям девценкам.

18. Здесь обнародован указ, направленный против могоков; один из тех, что были на днях схвачены, — баронет[858]. Обедал с бедной миссис Уэсли, которая намерена возвратиться в Бат. Маленькая дочурка миссис Персивал заболела оспой, но, все, кажется, обойдется благополучно. Вечером, гуляя в парке, я встретил Прайора, который уговорил меня пойти к нему, и я засиделся у него за полночь. На обратном пути мне не удалось нанять карету, и, поскольку я был без слуги, то изрядно побаивался могоков; домой я добрался цел и невредим, однако а другой раз рисковать не стану. В разговоре с Прайором мы осуждали бездеятельность нынешнего кабинета, который никого больше не сместил с должности. Лорд-казн[ачей] наживает себе этим немало врагов; впрочем, я так и не знаю, чья тут вина — его или к[ороле]вы. Боюсь, что обоих. Уные аамы, уже минуло 7 недель с тех пор, как я получил ваше последнее письмо; я ожидаю следующей почты из Ирландии, чтобы иметь чем заполнить

оставшуюся часть листа, если же я ничего не получу, то обойдусь и так. Желаю вам удачи за ломбером у декана. Ноци, марыски-малтыски.

19. Нынче утром ко мне заходил Ньюкомб, после чего я пошел к герцогу Ормонду похлопотать за него, но герцог уже собирался уходить, поскольку ему предстояло сегодня принять присягу в связи с вступлением в должность главнокомандующего. Наместником Ирландии будет герцог Шрусбери. Вместе с Домвилем и Фордом я прогулялся пешком в Кенсингтон, где мы и пообедали, за что мне пришлось выложить больше кроны. Не по душе мне это, как говорит мой слуга. Я повидал там детей лорда Мэшема; боюсь, что у самого младшего из них, моего племянника, началась золотуха; двум другим — девочкам — три и четыре года от роду. Во время прогулки дул сильный ветер, но тамошние сады хороши необычайно. Вечер я, как обычно, провел у лорда Мэшема с лордом-казначеем и Арбетнотом, и мы расстались только во втором часу; на сей раз меня сопровождал слуга. Придя домой, я обнаружил 3 письма: одно от некоего Фэдерстона[859], священника, с припиской Тиздала, который его рекомендует; сей Фэдерстон, коего я никогда в глаза не видывал, настолько любезен, что посылает мне письмо стряпчего с просьбой взыскать причитающийся ему долг. Второе письмо было от лорда Эберкорна с просьбой помочь ему получить от французского короля титул герцога Шательро[860]; я постараюсь помочь ему насколько смогу, потому что его права совершенно неоспоримы. А третье письмо, готов в том присягнуть, было от наших *МД*. Получение герцогского титула от французского короля вызывает здесь немало толков, однако для этого надо всего лишь переговорить с секретарем, да заручиться поддержкой герцога Ормонда, ну и при случае упомянуть об этом деле лорду-казначею и прочее, и прочее, все это я сделаю. Ноци, длагоценнейшие марыски *МД*.

20. Повидался нынче утром с герцогом Ормондом и говорил с ним касательно лорда Эберкорна, доктора Фрейнда и Ньюкомба; кое-что из этого удастся сделать, а кое-что — нет, так-то, мудлая моя марам. Герцог Шрусбери будет вашим наместником, это уже решено. В ближайшие два-три дня я пойду поздравить герцогиню и попрошу ее быть благосклонной к архиепископу Дублинскому. Еще несколько месяцев тому назад я предсказал в письме к архиепископу назначение Шрусбери и обещал в таком случае замолвить за него словечко герцогине; он пишет мне, что питает к ней большое уважение и прочее. Я все-таки уговорил своих братьев по Обществу переменить место наших встреч, и сегодня мы впервые собрались в «Звезде и Подвязке», что на Пел-Мел.

Председательствовал лорд Арран. Бесстыжий пес — хозяин прежней кофейни — так немилосердно раздувал свои счета, что за четыре закуски и четыре блюда на первую и вторую перемену без вина и десерта запросил с герцога Ормонда 21 ф., 6 ш., 8 п. Мы решили, что после того как все перебудут председателями, изменим этот обычай с тем, чтобы каждый платил за себя; однако с окончанием сессии парламента наши встречи будут на время отложены. Ноци, длагоценнейшие *МД*.

21. Утро. А теперь я отвечу на сипмо *МД* № 27. Вы, сударыни, имеете обыкновение привирать, нумеруя свои письма, а потом еще и ворчать; вот и на сей раз вы, судя по всему, написали сначала 26, а потом переправили на 27. Вы полагаете, что со времени отправления вашего прошлого письма прошло немногим больше месяца, так вот, да будет вам известно, что я получил его уже более семи недель тому назад, хотя ежели принять в соображение, что свое последнее письмо вы сочиняли 12 дней, то вы почти правы. Ох уж эта мне глупая девценка с ее извинениями за то, что она провела две недели в Баллигале, куда ездила повидать друзей и откуда тотчас сбежал его хозяин. Бозе мироселдный, сколько сума и шуматохи — Нет —, если до вас дойдут такие сведения, то знайте, что никто меня деканом Уиллса не назначал и что я ведать об этом не ведаю; все эти россказни лишены какого бы то ни было основания, и довольно об этом. Такие новости исходят не от Роупера[861], потому что он мой покорный раб. Да, я слыхал о принятых у вас решениях и о том, что Бартон был в этом замешан. Стрэтфорд просил меня заступиться за него, но я ответил, что всегда терпеть не мог этого негодяя. Значит бедняжка Кэтрин уехала в Уэльс; надеюсь, она возвратится. Я был бы не прочь повидаться с ней, если бы она оказалась где-нибудь поблизости от моего пути, и захватил бы ее с собой. Джо просто глупец: такого рода дела решительно не по моей части, растолкуйте ему это, прошу вас. Меня просто на смех поднимут, лишь только я об этом заикнусь. Плосу плосцения, марам, я оцень лад, сто пеледник плисорся вам по вкусу. Надеюсь, вы получили его в целости и сохранности. — Итак, клоска *ДД*[862] удивлена тем, что по сей день не получила письма: думаю, что она его вскоре получит. — Какого он там еще д[ьяво]ла! Женился на этой мегере! Никогда бы не поверил. Я вовсе не считаю ее дурой. Но кто бы рискнул на ней жениться? Да она будет помыкать им, как львица, а он — ходить в упряжке, как осел[863]. Разве я не прав, *БСС*? — Позвольте, да ведь Стерн сказал мне, что когда он в последний раз от вас уходил, вы играли с этим самым Ли в ломбер, а вы пишете, что ни разу его не видели. О пребывании здесь жены Стерна я

впервые слышу. Как бы он не наградил ее гонорреей (я не боюсь называть вещи своими именами). Стерн пребывает в некотором сомнении касательно приобретения патента на офицерский чин. Не беспокойтесь, я постараюсь привезти вам все листки, которые были здесь за это время напечатаны; мне казалось, я отправил вам с Ли все, что появилось к тому времени интересного. Автор «Морских эклог» прислал вчера нашему Обществу экземпляры своей книги и каждый заплатил по гинее за штуку. Возможно, мы еще что-нибудь сделаем до него; я хотел сказать, для него. Значит епископ Клогерский со своей благоверной гостили у вас одну или две ночи. — Как вижу, вам, *БСС*, все бы в карты играть да гостей принимать. Читая эти имена, я сказал себе именно то, что вы думаете, да-да, вы прямо-таки удивительно уяснили самую суть. Вы, конечно, вольны поддерживать отношения с этими двумя девицами, коль скоро это вам угодно, но… меня забери, если я когда-нибудь до этого снизойду. Право же, мне чрезвычайно приятно слышать, что *БСС* теперь во всех отношениях *БСС* — и здоровьем, и наружностью и всем прочим. Да хранит ее господь такой еще много, много, много лет. Боюсь, что сессия парламента продлится до самого конца апреля. Я, однако же, не стану этого дожидаться, если только министры позволят мне уехать раньше. Как бы я хотел очутиться сейчас в своем саду в Ларакоре. Я выехал бы оттуда в Дублин рано утром в понедельник и привез вам отчет о молодых деревьях, с которыми вы знакомы куда лучше, нежели с министрами, да и я, признаться, тоже. Вы, надо полагать, уже получили мое 41, не так ли? Впрочем, не исключено, что я о нем запамятовал и проносил его в кармане до следующей почты; ведь со мной уже бывало такое. Моя простуда проходит, но окончательно я от нее еще не избавился. Мне решительно недостает свежего воздуха и прогулок верхом. Попридержите-ка свой язычок, *БСС*, насчет моих простуд в Мур-Парке[864], слышите, потому что тут совсем другое дело. Я выполню вашу просьбу насчет Тиздала, как только снова увижу лорда Энглси. Передайте ему, пожалуйста, от меня поклон. Вот уже 3 или 4 дня как стоит теплая и дождливая погода. Мне предстоит нынче обедать вместе с Льюисом и Дартнефом у Сомерса — служителя королевской кухни. Этот Дартнеф весьма охоч до хорошей еды и хорошего питья. — Доблого вам утла, маренькие плоказницы. — Вечером. — Обедал там, где и предполагал, но мне пришлось истратить шиллинг на карету. Целый день лил дождь, и было очень тепло. Младший сынишка леди Мэшем, мой племянник, тяжко хворает, и она вне себя от горя. Мне очень ее жаль. Домой я добрался рано и собираюсь сейчас написать епископу Клогерскому, хотя у меня и нет для него никаких

политических новостей. Ноци обеим моим длагоценнейшим делзким девцонкам.

22. Я собираюсь отправиться нынче утром с моей знакомой в Сити касательно одного дела, так что без промедления запечатаю это письмо и буду до вечера носить в карнаме, а потом отдам в почтовую контору. У нас по-прежнему тепло и пасмурно. Никаких новостей с тех пор, как я лег вчера вечером спать, у меня не было, так что мне нечего больше прибавить. Передайте, пожалуйста, [………], что я постараюсь выбрать время, чтобы написать об этом [….]. Распоряжение касательно уплаты миссис Брент сорока шиллингов, которое я написал внизу на этом листе, вам следует переслать Парвисолу. Прощайте, длагоценные дологие *МД* и клепко, клепко рюбите *БДГП*. Прощайте *МД, МД, Досвид, Досвид, Досвид, МС, МС, МС,* Тлам, тлам, тлам, тлам, тлам — и еще лаз тлам и тлам.

Письмо XLIV

Лондон, 22 марта 1711—1712.

[*суббота*]

Отвратительная мерзкая погода. Был нынче в Сити вместе с миссис Уэсли и мистером Персивалом, чтобы помочь миссис Уэсли получить у банкира деньги, потому что в четверг она уезжает в Бат. Оставя их там, я пообедал с приятелем и пошел после этого повидать лорда-казначея, но у него были какие-то незнакомые мне люди, и посему я пошел к леди Мэшем, которой проиграл в пикет крону, а потом просидел с лордом Мэшемом и заглянувшим к ним лордом-казначеем до начала второго, однако на сей раз меня сопровождал мой слуга. Возвращаясь из Сити, я отнес в почтовую контору мое 43 к *МД* и еще одно письмо епископу Кл[огерско]му. А теперь, как вы, верно, догадываетесь, уже очень поздний час и мне больше нечего вам рассказать о сегодняшнем дне. Наши могоки все куда-то исчезли, но я, тем не менее, все же поберегу свою персону. Ноци обеим моим лодным, длагоценнейшим малтыскам *МД*.

23. Перед тем, как пойти в церковь, побывал нынче утром у секретаря касательно дела лорда Эберкорна и других моих подопечных. Наступил очередной сезон моих ходатайств, который будет тянуться до тех пор, пока не окончится сессия парламента. Ко двору явился довольно поздно, когда почти все уже разошлись. Двор служит мне вместо кофейни: раз в неделю я встречаю там знакомых, которых в противном случае видел бы не чаще, чем раз в три месяца. Ходят слухи, будто французы предложили прекратить военные действия и согласны отдать нам Дюнкерк и голландскую крепость Намюр как залог до заключения мира. Говорят, что герцог Ормонд уедет не позднее, чем через неделю, а его многочисленная свита уже выехала. Друзья герцога опасаются, что связанные с этим назначением расходы разорят его, поскольку он лишается должности наместника Ирландии. Я пообедал наедине с приятелем, ответив отказом на все полученные при дворе приглашения, их, правда, было только два, да и те не пришлись мне по вкусу. Рассказывал ли я вам об одном негодяе, который промышлял при дворе тем, что торговал должностями, вымогая деньги у невежественных простаков; при последней своей сделке он запросил за должность вице-камергера 7000 фунтов и уже успел получить задаток, он был на днях уличен, допрошен лордом Дартмутом и, надеюсь, будет повешен[865]. Вице-камергер рассказал мне вчера вечером у лорда

Мэшема некоторые подробности этого дела. Научилась ли, наконец, *ДД* играть в ломбер? [— Да, во всяком случае, вполне достаточно для того, чтобы подержать карты, если *БСС* выходит на минутку в соседнюю комнату. — Ноци, длагоценнейшие плоказницы].

24. Нынче утром я опять замолвил словечко герцогу Ормонду касательно Ньюкомба и препоручил дальнейшие заботы об этом деле Дику Стюарту, после чего пошел навестить герцогиню Гамильтон, но мне ответили, что она еще спит, а посему я зашел к герцогине Шрусбери и посидел часок, пока она совершала свой туалет. Я заговорил с ней о назначении герцога лордом-лейтенантом, и она сказала, что ей будто бы ничего об этом неизвестно, тогда я стал над ней подшучивать, и она призналась, что решила не оставаться здесь и поедет вместе с мужем. Я намерен рекомендовать ей свести знакомство с епископом Клогерским. Она очень ему понравится. Это в высшей степени приятная женщина и большая моя любимица. Вот только не знаю, понравится ли она вашим ирландским дамам. Я побывал еще в суде справедливости, чтобы уговорить кое-кого из лордов явиться завтра на заседание комиссии, где должен рассматриваться билль, о котором хлопочут мои друзья, и встретил там герцога Бофорта; он дал мне для прочтения поэму, очень недурно переплетенную; ее напечатали в Стамфорде in folio, а сочинил ее сельский сквайр. Лорд Эксетер[866] попросил герцога вручить эту поэму кор[оле]ве, потому что автор его приятель, однако герцог пожелал прежде узнать мое мнение, годится ли она хоть на что-нибудь. Я принес ее домой, а завтра возвращу ему и посоветую воздержаться от вручения поэмы кор[оле]ве, поскольку это самое бездарное сочинение из всех, когда-либо мною читанных. Домвиль пригласил меня отобедать у него на квартире, так как через несколько дней он уезжает в Ирландию. Ноци, длагоц[енные] *МД*.

25. Шерифы-тори устраивают нынче в Сити роскошное пиршество; будет подано 1200 блюд с мясом; пять лордов и несколько сот джентльменов почтят его своим присутствием, и каждый из них выложит согласно обычаю 4 или 5 гиней. Доктор Когилл и я обедали у пригласившей нас миссис Ван. Целый день то лил, то моросил дождь, что заметно отразилось на моем кармане. Здесь появились два новых ответа на «Поведение союзников». «Экзаминеры» последних лет, изданные небольшой книжкой, расходятся довольно-таки вяло; типограф, видимо, перестарался по меньшей мере на тысячу экземпляров: вот до чего быстро выходят из моды партийные листки, как бы хорошо они ни были написаны. Такой же книжкой выходит сейчас «Всякая всячина» и, как знать, возможно, она будет раскупаться бойчее. Здешние слухи о возможном

прекращении военных действий начинают постепенно утихать, а я в последние два дня не видал никого из людей осведомленных, чтобы расспросить их. Прошлой ночью произошел ужасный пожар не то в Друри-лейн[867], не то где-то поблизости от него, и при этом погибло 3 или 4 человека. Одна из фрейлин заболела оспой, однако утешением в этом служит то, что утрата красоты ей ни в коей мере не грозит, и, возможно, у нас станет одной новой красивой фрейлиной больше. Ноци, *МД*.

26. Совсем забыл рассказать вам, что в последнее воскресенье, около 7 вечера, когда я гулял по Мел, молния ударила более 50 раз, что показалось мне очень уж необычным для этого времени года, и притом было очень жарко. Наблюдалось ли что-нибудь подобное у вас в Дублине? Я собирался было пообедать нынче с лордом-казначеем, но лорд Мэнсел и мистер Льюис уговорили меня пообедать вместе с ними у Кита Мэсгрейва; впрочем, вы понятия не имеете о том, кто такой Кит Мэсгрейв. Вечер я провел с миссис Уэсли, которая завтра утром уезжает в Бат. Она чувствует себя намного лучше прежнего. Сообщения о том, будто французы добиваются прекращения военных действий, оказались на поверку досужим вымыслом. В ближайшие несколько дней, как мне сказали, мы узнаем, будет ли заключен мир или нет. Говорят, что герцог Ормонд отправится во Фландрию не позже, чем через неделю. Могоки у нас все еще продолжают свои бесчинства, и каждую ночь полосуют прохожим физиономии, но моей им, право же, не исполосовать, потому что она нравится мне куда больше такой, как она есть; однако эти негодяи заставляют меня тратить по меньшей мере крону в неделю на портшезы. В них не иначе, как вселился дух ваших губителей скота[868], и они теперь не отличают христианина от коровы. Я совсем запамятовал пожелать вам вчера счастливого Нового года; ведь 25 марта, как вы знаете, первый день года, так что вам следует теперь оставить свои карты и перестать топить; я решил это сделать с 1 апреля, независимо от того, будет ли еще холодно или нет. Судя по всему, я теперь совсем выйду у вас из доверия, оттого, что не приеду к началу апреля, но ведь я надеялся на скорое окончание сессии парламента, а до той поры мне непременно надобно быть здесь; и все же я постараюсь приехать к тому времени, как начнут распускаться мои ивы. Персивал говорит, что живые изгороди в саду в низине не так хороши, как те славные, что посажены вдоль канавы: их, видимо, надо получше окапывать. Но более всего душа моя стремится к вишням, что растут вдоль берега реки. Ноци, *МД*.

27. День встречи нашего Общества. Впрочем, вы, я полагаю, уже

запомнили это. Председательствовал доктор Арбетнот. Обед, которым он нас потчевал, был приготовлен на кор[олевск]ой кухне, и все было необычайно вкусно. Мы собрались на этот раз в кондитерской «Озинда»[869], что рядом с Сент-Джеймсом. Ни разу еще не было у нас так непринужденно и весело, как нынче, и мы разошлись только в 12 часу. Я не пригласил лорда Лэнсдауна, потому что мы с ним рассорились. Две недели тому назад в «Экзаминере» было что-то напечатано, и он расценил это как намек на злоупотребления, имеющие место в его канцелярии (он — военный министр), и написал секретарю, будто этот абзац, как он слыхал, был вставлен мной. Меня до крайности возмутило, что он вздумал жаловаться, не удосужившись сперва обратиться ко мне, и я послал ему язвительное письмо, но не уведомил о нашем собрании, в отличие от всех остальных, и не стану ни по какому поводу разговаривать с ним, пока он не попросит у меня прощения. Я встретил нынче у леди Мэшем лорда-казначея, который был не прочь увезти меня к себе на обед, но я попросил его извинить меня. Как можно? В день нашего Общества? Нет уж, увольте. А тепель узе порночь, судалыни. Нет, я тлезвый. Ноци, *МД*.

28. Побывал нынче у моего приятеля Льюиса, у которого мне нужно было раздобыть кое-какие материалы для одного небольшого злокозненного дельца[870], а обедал у лорда-казначея в обществе 3 или 4 совершенно незнакомых мне людей. Оставя их в восьмом часу, я возвратился домой и принялся писать архиеп[ископу] Дублинскому и моему кузену Дину[871], письмо которого четырехмесячной давности я случайно обнаружил, роясь в своих бумагах. Последние два дня я чувствую боль в левом плече; уж не ревматизм ли это, потому что боль то проходит, то начинается снова. Может, укутать плечо фланелью? Домвиль уезжает в Ирландию; он заходил нынче утром попрощаться со мной, но я еще пообедаю с ним завтра. Не собирается ли еп[ископ] Клог[ерск]ий приехать нынешним летом в Англию? Помнится, лорд Моулсворт[872] говорил мне об этом месяца 2 тому назад. Погода опять испортилась: льет дождь, и нынче вечером очень похолодало. Известно ли вам, сударыни, что такое долгота? Так вот, один прожектер[873] обратился ко мне с просьбой рекомендовать его кабинету министров, поскольку он воображает, будто открыл способ определения долготы. Думаю, однако, что он так же его открыл, как открыл мою <…> Тем не менее, я со всей серьезностью выслушаю все, что он скажет, дабы окончательно убедиться, что он либо мошенник, либо олух. Ноци, *МД*.

29. Меня все донимают боли в плече; это, видимо, ревматизм; я

попытаюсь вечером что-нибудь предпринять. Мистер Льюис и я обедали на прощание с Домвилем, и, уступив его назойливым приставаниям, я выпил 3 или 4 стакана шампанского, хотя при таких болях это вредно, однако, если они будут продолжаться, я, пока не выздоровею, не стану больше пить никакого вина, не разбавив его прежде водой. Погода у нас отвратительно холодная и сырая. — Я улегся в постель и, за неимением новой, укутал плечо куском старой фланели, предварительно растерев его венгерской водой[874]. — Болит нестерпимо. Я не пил бы никакого вина, не будь это полезно для головы, хотя вино как раз и является причиной моих нынешних болей. Постараюсь быть какое-то время воздержанным. А как поживают сейчас *МД*? как поживают *ДД* и *БСС*? Да будем вам известно, я терпеть не могу боли, как заметила старушка. — Попытаюсь все же уснуть. Мое тело удивительно впитывает венгерскую воду. Этот гнусный негодяй Патрик выводит меня из себя. Знаете ли вы, что на днях ему пришлось просить у меня прощения: он не смог побрить мне голову, так тряслись у него руки. Не проходит дня, чтобы он не напился, и я намерен прогнать его, как только доберусь до Ирландии. Больше писать сегодня на стану, а постараюсь лучше уснуть и погляжу, пойдет ли моему плечу на пользу сон и фланель. Ноци, длагоценнейшие *МД*.

30. Я не в силах был сегодня пойти ни в церковь, ни ко двору, и все из-за плеча, а теперь боль переместилась на шею и ключицу. Точь-в-точь как у *БСС*, когда у нее болела лопатка. Жрите, жрите, жрите, псы ненасытные. В 2 я отправился в портшезе к миссис Ван, где мог чувствовать себя непринужденно, и пообедал у нее, а в 7 возвратился домой. Венгерская вода у меня кончилась, и нынче ночью я воспользуюсь винным спиртом, который, как уверяет моя хозяйка, очень помогает. Весь день, не переставая, лил дождь и ужасно холодно. Я очень встревожен этими ежеминутными жестокими болями. Ноци, длагоценнейшие *МД*.

31 марта. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 апреля. Все эти дни я тяжко хворал, хотя на прошлой неделе дважды выползал из дома, и только теперь начинаю выздоравливать. Чувствую я себя еще очень слабым. Невыносимая боль утихла лишь позапрошлой ночью. Сейчас я расскажу вам, что со мной было, и тотчас же отправлю это письмо, поскольку оно должно было уйти еще в прошлую субботу. Боль в левом плече, ключице и с той же стороны на шее увеличивалась с неимоверной силой, а в четверг утром на всех тех местах, где я чувствовал боль, появились большие красные пятна, и вся боль сосредоточилась на шее сзади, но только чуть слева. Это было до того мучительно, что я не знал ни минуты покоя и 3 дня и 3 ночи едва ли хоть на мгновение сомкнул глаза. Пятна что ни день увеличивались, и на них

появились небольшие прыщики, которые стали белыми и наполнились гноем; краснота и теперь еще не прошла, и эти места так горят и воспалены, что мочи нет. Болезнь называется опоясывающий лишай. Я ничего не ем, кроме жидкой овсяной каши на воде, и очень ослабел, но невыносимая боль меня, наконец, отпустила. Доктора говорят, что если бы болезнь не вышла наружу таким образом, то ее течение приняло бы еще более мучительный характер. Теперь я стану быстро поправляться. Жизнь моя не подвергалась опасности, хотя мучения были нестерпимые. Мне нельзя теперь слишком много писать — так что прощайте, длагоценнейшие *МД, МД, МД, Досвид, Досвид, МС, МС, МС,* Тлам. Как видите, я еще в состоянии сказать тлам. Видит бог, я рассказал вам все, как было, без утайки.

[Приписка на наружной стороне сложенного письма]

Я должен сейчас принять слабительное и поставить клистир. В следующем письме я не буду придерживаться обычных своих записей на манер дневника до тех пор, пока не выздоровею. Вы, наверно, удивлены тем, что четверть листа осталась неисписанной.

Письмо XLV

Лондон, 24 апреля 1712.

[*четверг*]

Два или три дня тому назад я получил ваше 28, но едва ли буду в силах на него сейчас ответить. — Со времени моего последнего письма я очень тяжко хворал. Нынче ровно месяц с того дня, как я почувствовал в левом плече небольшую боль; в течение 6 дней она все усиливалась и распространялась, пока на ключице и на левой стороне шеи не появились безобразные красные пятна, которые были ужасно воспалены и на которых появились потом мелкие нарывчики. 4 дня подряд я не знал ни сна, ни отдыха из-за болей в шее, а когда они немного отпустили, на этих же местах начался жесточайший зуд, какого я себе никогда и представить не мог; несколько ночей я глаз не сомкнул и неистово чесал больные места, стараясь все же не расцарапать их. Потом там образовались три или четыре язвы, как от лопнувших волдырей, и в конце концов доктора посоветовали мне лечить их, как обычные волдыри, что я и сделал, наложив на них пластыри из донника. Эти язвы все еще сочатся и довольно болезненны, но все же я с каждым днем чувствую себя лучше. Две недели я не покидал своей комнаты, потом дня два пробовал гулять, но потом вновь перестал выходить. Позавчера я отправился пообедать к соседу, а вчера опять сидел дома. Сегодня я рискну ненадолго выйти, и надеюсь, что через неделю или дней десять буду здоров. Никогда в жизни я не испытывал таких мучений. Я до того отощал, что мне пришлось ушить свои панталоны в поясе на два дюйма, и это ответ на один из вопросов в вашем письме. Погода стоит сейчас чудесная, и я пишу вам утром, потому что по утрам чувствую себя лучше. А сейчас я выйду и попытаюсь немного погулять. Долговую расписку *ДД* я передам Туку завтра. Прощайте, *МД, МД, МД, МС, МС, Досвид, Досвид, МС, МС* —

Письмо XLVI

Лондон, 10 мая 1712.

[*суббота*]

У меня пока нет ни досуга, ни настроения продолжать эти письма в виде дневника, хотя вот уже 10 дней, как я выхожу из дома. Боль в плече и ключице все еще не проходит, и я укутываю их фланелью, растерев предварительно коньяком, и еще принимаю тошнотворное лекарство. Я по-прежнему ужасно чешусь, и несколько прыщиков все еще не прошли. От слабости я часто потею, и тогда фланель вызывает такой зуд, что это доводит меня до бешенства, но по-моему боль все же уменьшилась. Если бы во время болезни я продолжал вести дневник, то получилось бы довольно возвышенное творение, сплошь состоящее из описания болей и лекарств, а также перечня визитеров и сочувственных посланий, и притом эти 2 последних обстоятельства докучали мне едва ли не столько же, сколько 2 первых. Единственный благой результат заключается в том, что я намного похудел, вследствие чего, как, кажется, уже писал вам, принужден был ушить свои панталоны на два дюйма. Вчера вечером я получил ваше № 29. Вопреки вашему благоприятному мнению о моей болезни доктора говорили, что им еще не приходилось наблюдать, чтобы она так странно протекала и что это скорее не опоясывающий лишай, а Herpes miliaris [Гнойная сыпь (милиарная) *(лат.)*.] и присовокупляли еще 20 других неудобопроизносимых названий. Я никогда не болею, как все прочие люди, со мной непременно приключается что-нибудь из ряда вон выходящее; а что касается до вашего замечания, что этот лишай начинается обычно безболезненно, то он не только начинался, но и протекал и завершался с болями и притом такими, каких я еще никогда в жизни не испытывал. — Мадамерис[875] уже давно укатила в деревню со своим скотоподобным муженьком. — Я благодарю еп[ископа] Клог[ерского] за доверенность и вскоре ему напишу. В Лондоне обретается сейчас жена Дилли, но я еще ее не видал. — Нет, моя глупышка, это вовсе не признак здоровья, а признак того, что если бы болезнь не вышла наружу таким образом, то дело могло бы завершиться каким-нибудь ужасным внутренним заболеванием. В прошлый четверг я присутствовал на обеде нашего Общества, на котором был принят новый член — канцлер казначейства, однако я не пил ничего, кроме вина, разбавленного водой. — Мы либо вскоре добьемся заключения мира, на что я надеюсь, либо

потерпим полную неудачу; но я все же уповаю на первое. Сейчас печатается мое письмо к лорду-казначею касательно английского языка, и я позволил поместить в конце его мое имя, чего прежде никогда в своей жизни не делал. А вчера было опубликовано Приложение к 3 части «Джона Булля», которое не уступает всему предыдущему. Вы, я надеюсь, прочитали «Джона Булля»? Его сочинил мой приятель, шотландский джентльмен, но, тем не менее, его приписывают мне. Сессия парламента вряд ли закончится раньше июля. Несколько дней тому назад мы едва не погубили себя, прибегнув к дополнительному пункту в законопроекте[876], но все же отважно его провели, и вигам пришлось оказать нам в этом содействие. Боюсь, что бедная леди Мэшем потеряет своего единственного сына: ему всего около года, и у него золотуха. Я ни разу не позволил миссис Фентон[877] увидеться со мной во время болезни, хотя она весьма часто наведывалась, однако она уже навестила меня и после моего выздоровления. За последнее время меня уже дважды посетил Бернидж. Его полк будет расформирован, и он останется только на половинном жалованье, так что он, возможно, рассчитывает, что я снова ему понадоблюсь. Мне сказали, будто еп[ископ] Клог[ерский] собирается сюда приехать со всем своим семейством, однако сам он ничего об этом не пишет. — Я нанес ответные визиты тем, кто во время моей болезни посылал справляться обо мне и, в частности, герцогине Гамильтон, которая пришла и просидела со мной два часа кряду. Прежде чем пойти куда-нибудь обедать, я выговариваю себе право тереться спиной о кресло, и на днях это пришлось терпеть герцогине Ормонд. Многие мои друзья перебрались в Кенсингтон, куда на время переехала кор[олева]. — Письмо получилось довольно-таки длинное для ненужного[878] человека; следующее — я снова стану писать на манер дневника, хотя мои записи будут весьма безотрадными. Левая рука у меня очень ослабела и дрожит, однако правая сторона не пострадала. Посланье это выглядит унылым, но лучше написать мне трудно было, лишай, боюсь, сведет меня в могилу, мое воображение застыло. — Ах, бедные мои ивы и живые изгороди! — И все-таки вы непременно должны прочитать «Джона Булля». Все ли вам в нем понятно? Говорил ли я вам, что молодой священник Гири[879] надумал жениться и спрашивал моего совета, когда было уже поздно идти на попятный. Он сказал мне, что Элвик[880] будет получать ежегодно не менее 40 фунтов от земельного участка, который он присовокупил к своему приходу. — *БСС* почему-то ни словечком не обмолвится о своем слабом здоровье, и я готов уже рассердиться, однако все же не стану, топому сто

восем плоцем она холосий лебенок[881], та-с, и *ДД* тозе. Да благословит господь *МД* и *МС*, ну и *БДГП*, разумеется, тоже. Прощайте *МД*, *МД*, *МД*, Досвид, Досвид, Досвид, *МС*.

Тлам — видите, я могу сказать тлам, уные аамы, та-с, и не уже вас[882].

Письмо XLVII

Лондон, 31 мая 1712.

[*суббота*]

Я пока не в состоянии писать вам на манер дневника. Боли все еще продолжаются, хотя и не такие мучительные, как прежде, а я не люблю писать дневник в то время как страдаю от боли, в особенности дневник, предназначенный для *МД*. И однако же теперь мне настолько лучше, что следующее я собираюсь написать на прежний манер, вот только если почувствую боль, то, возможно, отступлю от своего решения. Вы, я полагаю, уже перестали верить моим обещаниям приехать, но, право же, человеку, хоть сколько-нибудь связанному с этими министрами, решительно невозможно с уверенностью назначить какой-то срок. Ведь пока здешние дела не примут окончательно тот или иной оборот, благоразумие и честь не позволяют мне уехать отсюда. Поверьте, никогда еще я не испытывал такого сильного желания очутиться в Ирландии, как сейчас. Но жребий брошен, монета кружится в воздухе, и пока она не упадет, я не могу сказать, что мне выпадет — орел или решка. И все-таки я убежден, что, будучи осведомлены о моих обстоятельствах, вы мне это простите. При первом же признаке недостойного со мной обращения я тотчас их покину; но, право же, я не знаю, как на это решиться при нынешнем неопределенном положении вещей. Сессия парламента скоро закончится (в течение двух недель, я полагаю), и мир, как мы надеемся, будет в самом непродолжительном времени заключен, а тогда в моем дальнейшем присутствии здесь не будет никакой необходимости, да и мне не на что будет больше рассчитывать, кроме как на благодарность двора, так что я надеюсь увидать свои ивы не позднее, чем через месяц после закрытия сессии парламента. Но я непременно по пути прихвачу *МД*, а не проеду прямиком в Ларакор, как впавший в мелехлюндию блюзга. Ознакомились ли вы с моим письмом к лорду-казначею? Здесь уже успели появиться 2 ответа на него, хотя в нем излагается безобидное предложение касательно усовершенствования английского языка и никакой политики там нет и в помине. Сдается мне, что если бы я даже сочинил эссе о соломе, то и тогда сыскались бы болваны, которые бросились бы на него отвечать. Дней через десять я ожидаю получить от *МД* письмо № 30. Вы теперь, наверно, уже его дописываете. Да, я все еще не удосужился получить причитающиеся *МС* деньги, а посему пошлю вам теперь

расписку на такую же сумму на имя Парвисола, и плошу постели я[883] за то, что не сделал этого раньше. — Я подумываю сейчас о том, чтобы ради свежего воздуха поселиться на время в Кенсингтоне. Леди Мэшем давно пристает ко мне, чтобы я туда переехал, но мои дела препятствовали этому, однако теперь там обосновался также и лорд-казначей. В последний четверг наше Общество числом в пятнадцать человек обедало среди деревьев в Парсонс-Грин[884] под навесом и, право, мне не доводилось видеть ничего более приятного и романтического. В прошлую среду мы одержали в палате лордов великую победу[885], добившись большинства в 28 голосов. А ведь виги советовали своим друзьям заранее запастись местами, чтобы увидеть, как лорда-казначея препроводят в Тауэр. Я встретил здесь вчера вашего Хиггинса: он вопит насчет наглости вигов в Ирландии и без конца разглагольствует о том, сколько он выстрадал и как поиздержался, защищая дело церкви. Сдается мне, он столь охотно твердит о своих заслугах, потому что надеется поправить таким способом свое состояние. Он явно задумал поднять вокруг этого как можно больше шума, чтобы добиться повышения. Если увидите ректора, то попросите его, пожалуйста, отдать десять английских шиллингов вам, а я, в свой черед, уплачу столько же человеку, передавшему мне книги Раймера: ректор знает, о чем речь. Скажите ему, что я не хочу обременять его пересылкой денег и что вы можете распорядиться таким образом, что они будут мне уплачены здесь, а я, так уж и быть, поверю вам до нашей встречи. Говорил ли я вам, что мошенник Патрик, к величайшему моему удовлетворению, вот уже два месяца как ушел от меня. У меня теперь новый слуга, который, насколько пока можно судить, намного лучше прежнего, если только не испортится. Я печатаю сейчас памфлет[886] ценой в три пенни и недели через две напечатаю еще один[887]на лорду епископу Сент-Асефа» (Prose works, V, 259—268).]; на этом мои дела будут закончены, разве только возникнет какое-нибудь непредвиденное обстоятельство. Правда ли, что мой помощник Уорбертон будто бы женился […будто бы женился… — Уорбертон женился позднее, в 1717 г.] на миссис Мелтроп из моего прихода — так во всяком случае я слыхал; или это вранье? Переехал ли Раймонд в свой нрвый дом? Видите ли вы иногда Джо? Везет ли вам в ломбер? Как обстоят дела у декана? (…) Поклон от меня миссис Стоит и Кэтрин, если она уже возвратилась из Уэльса. Жену Дилли Эша я еще не видал; я заходил к ней однажды, но не застал дома; она, я полагаю, находится под наблюдением врача. (…….) Известия о том, что герцог Ормонд показал на военном совете письма, в коих заключались

распоряжения не вступать в военные действия, вызовут, я думаю, у вас в Ирландии немалое изумление. Лорд-казначей разъяснил в палате лордов, что поскольку через несколько дней на рассмотрение палаты будет представлен мирный договор, то, по мнению двора, при таких обстоятельствах было бы глупо рисковать участием в сражении и жертвовать жизнью многих людей. Если заключение мира не сорвется, все это сойдет благополучно, в противном случае не знаю, как мы из этого выпутаемся […не знаю, как мы из этого выпутаемся. — Переговоры в Утрехте висели на волоске, поскольку после смерти сына, внука и одного из правнуков Людовика XIV на французскую корону мог в случае смерти второго правнука притязать Филипп V, испанский — еще один внук французского короля, носивший также титул герцога анжуйского, и англичане требовали в качестве условия для продолжения переговоров его отказа от французской короны; когда отказ был получен и от Филиппа V и от Людовика XIV, тогда за спиной ничего не ведавших голландцев англичане сообщили Людовику, что воздержатся от дальнейших сражений с его войсками. Между тем, Оксфорд уверял в парламенте, что никакой сепаратный мир не замышляется и что за столь подлый поступок любой подданный ее величества должен отвечать своей головой.]. То, что лорд-казначей так разоткровенничался, здесь расценивают как политическую ошибку. Секретарь в палате общин не стал на радость вигам оправдывать секретные распоряжения Ормонду, там и без того все прошло как по маслу. — Ничего не стану ам нынче вечелом лассказывать, судалыни, потому что должен отправить это письмо и притом не с ночным сторожем, а раньше, и, кроме того, мне почти нечего больше плибавить в этом плиятном окоченении […окоченении. — сочинении.]. Неужто *МД* совсем теперь ничего не читают? Но зато вы, наверно, необычайно много гуляете и прогулка в ээ, в, как его там, в Донибрук — для вас сущий пустяк. Я тоже стараюсь гулять, пока не вспотею, ведь от этого только польза; если я перееду в Кенсингтон, то постараюсь гулять еще больше. Судя по всему, яблок мне в этом году не видать, потому что, когда на днях я обедал у лорда Риверса, который сейчас болен, в его загородном доме, он показал мне, что все вишни у него побило заморозками. Копойной ноци, длагоценнейшие судалыни, площайте мои длагоценные, рюбите беебеебдгп, досвид, длагоценнейшая малыска *МД, МЛ, МЛ. Досвид, Досвид, Досвид, Досвид, Досвид, МС, МС.* Тлам, *МС,* тлам, тлам, малыски *МД*.

Письмо XLVIII

Кенсингтон, 17 июня 1712.

[*вторник*]

Со времени моего последнего письма я так намучился со своей болезнью, что просто не в силах был писать вам как раньше — на манер дневника, хотя с плечом у меня теперь намного лучше. И все-таки я чувствую в нем постоянную боль; она, правда, по-моему, утихает, так что я укутываю теперь плечо не таким большим лоскутом фланели. Уже почти две недели, как я поселился здесь, частью ради хорошего воздуха и моциона, а частью для того, чтобы быть поблизости от двора, где можно разжиться обедом. Обычно кто-нибудь подвозит меня до Лондона в своей карете, а вечером я возвращаюсь оттуда пешком. В субботу я обедал с герцогиней Ормонд в ее домике неподалеку от Шина, надеюсь, что на обратный путь мне, как обычно, удастся нанять лодку; я прошелся вдоль берега до Кью — ни одной лодки, потом дошел до Мортлака — опять ни одной лодки, а было уже 9 вечера, наконец я окликнул маленькую лодчонку, переполненную каким-то сбродом; я велел гребцу высадить меня в Хаммерсмите[888], так что мне пришлось пройти оттуда еще две мили пешком, и я добрался домой лишь к 11 часам. Вчера вечером я снова оказался в затруднительном положении, задержавшись в Сити до начала одиннадцатого; лил сильный дождь, и все мои попытки найти карету оказались тщетными, а посему, дождавшись, когда дождь немного поутих, я отправился пешком и к полуночи добрался домой. Я люблю эти ничтожные затруднения, когда они уже позади, но вместе с тем и ненавижу, поскольку они проистекают от отсутствия тысячи фунтов годового дохода. — Дня 3 тому назад я получил ваше письмо № 30, на которое сейчас отвечу. Во-первых, я не заболел снова, а просто, как теперь считаю, раньше времени стал выходить, и так далее и тому подобное, как я уже говорил вам в одном из последних писем. Стоило мне только в первый раз выйти из дому, как все решили, что я уже вполне здоров, и никто больше не посылал справляться, как я себя чувствую. — А что касается «Джона Булля», то сочинил его совсем не тот, кого вы подозреваете, клянусь своим спасением. — Он слишком хорош для того, чтобы позволить кому-нибудь присвоить его; будь это изделие Граб-стрит, я предоставил бы людям думать, как им заблагорассудится, и был бы прав, не так ли? Поэтому можете сколько угодно всплескивать руками и корчить

гримаски, делзкие салуньи. А теперь в разговор вступает *ДД*. Да будет вам известно, судалыня, что я отправил вам письмо еще две недели тому назад, я имею в виду мое 47 и, если оно не прибыло в надлежащее время, то, что прикажете делать с ветром и погодой. Разве я какой-нибудь лапландец или колдун[889], чтобы творить чудеса или вызывать восточные ветры? Я не придерживаюсь теперь совета вашего доктора Смита, хотя он, возможно, и прав, и пью вино, разбавив его чуть-чуть водой. Доктор Кокберн сказал, что немного вина мне не повредит; правда, сейчас так жарко и сухо, что пить воду очень опасно. Самое вредное для меня здесь — это вечера, которые я провожу у лорда Мэшема, когда приходит лорд-казначей и мы засиживаемся далеко за полночь, но вместе с тем это очень для меня удобно: ведь мне необходимо видеться с ними как можно чаще, и мне нет нужды объяснять вам почему. Однако через месяц или два все это так или иначе кончится; таково, во всяком случае, мое решение. Но я не могу при таких обстоятельствах поехать в Тенбридж[890] или находиться еще где-нибудь вдали от Лондона. Значит *БСС* собирается в Темплиог[891] (ну и название!); а где он, примерно, находится? Надеюсь, не слишком далеко от Дублина? Хиггинс вопит здесь, что в Ирландии все обстоит из рук вон плохо, и непременно желает, чтобы я устроил ему аудиенцию у лорда-казначея, дабы он мог ему об этом доложить, однако я и пальцем не шевельну, чтобы посодействовать ему, нет уж, увольте! До прошлой ночи мы ни разу не слыхали грома и погибали от отсутствия дождя, и только теперь, наконец-то, прошел дождь и притом обильный. Поля все желтые. Я рассчитываю, что кор[олева] недели через 3 или 4 переедет в Виндзор, и, если секретарь снимет там дом, я буду время от времени гостить у него. С каким же огорчением *БСС* говорит о том, что я останусь здесь на все лето, хотя у меня вовсе нет такого намерения, и я не пробуду в Англии ни одной минуты более того, нежели подобает в моем положении. Я хочу, чтобы вы поскорее уехали в деревню и пробыли там подольше; да и где может быть лучше, чем в Триме? Джо будет там вашим покорнейшим слугой, Парвисол — вашим рабом, а Раймонд — всегда к вашим услугам, поскольку он притязает на хорошие манеры. Я уже виделся с женой Дилли, — и дважды навестил престарелого Брэдли[892]. Он очень бодр, очень стар и очень мудр; пожалуй, мне следует как-нибудь на досуге навестить и его благоверную. Я охотно повидал бы тетушку Стоит и ее мужа; передайте им, пожалуйста, от меня нижайший поклон; и Кэтрин, и миссис Уоллс… Нет, нет, я ни капельки не влюблен в миссис Уоллс! Полагаю, что заботливость ее супруга возрастает соответственно

плодовитости жены. Селдечно лад слышать, что *БСС* пребывает в добром здравии; пусть она непременно пьет воды, дабы укрепить это самочувствие. Надеюсь, *ДД* получила долговую расписку и причитающиеся по ней деньги уже выплачены. Не забывайте заблаговременно уведомлять меня, когда вам понадобятся деньги, и еще будьте пай-язвочками[893], я хотел сказать, пай-девочками, а пай-девочки не куксятся. Я услыхал шаги на лестнице и, совсем позабыв, что нахожусь в Кенсингтоне, испугался, не визитер ли это какой-нибудь: одно из преимуществ моего пребывания здесь заключается в том, что мне не досаждают просители. — Поклон от меня доктору Смиту[894]. Химик Молт[895] мне знаком, я написал ему насчет сердечных капель сэра У. Рэли[896] и вот что он мне ответил слово в слово: «Они приготовлены точно по рецепту мистера Бойла[897]». Так что ваше поручение выполнено. Если Смиту понадобится это лекарство, то Молт с готовностью окажет такую любезность. Этот Смит, как я полагаю, один из ваших лекарей. Итак, я ответил на ваше письмо исчерпывающе и беспристрастно, а не так, как некоторые прощелыги отвечают на мои. Сдается мне, что напиши я даже эссе о соломе, то и тогда последовал бы целый ворох ответов, впрочем, что об этом толковать. Как видите, я могу отвечать вам, ни минуты не задумываясь, как и подобает человеку ученому. А теперь насчет заключения мира: мы ожидаем его со дня на день, однако жезл сейчас в руках у французов, и нам остается только надеяться на их добросовестность. А лучше было бы наоборот. Положение сейчас таково, что в самом скором времени должно разрешиться либо крайне благоприятно для нас, либо совсем скверно. Я верю и уповаю на первое. Лорд Уортон уехал из Лондона вне себя от ярости, он клянет себя и своих друзей, считая, что виги погубили себя, защищая лорда Мальб[оро] и Годольфина и взяв под свое покровительство Ноттингема. Он поклялся ни во что больше не вмешиваться до конца этого царствования. Не правда ли, недурно сказано для человека 66 лет от роду, особенно если учесть, что королева на 20 лет его моложе и чувствует сейчас себя как нельзя лучше. Ибо здоровье ее, да будет вам известно, весьма укрепилось по одной весьма определенной причине — потому что она перестала ходить на помочах (я вынужден прибегнуть к такому выражению), и ничего плохого после этого с ней не случилось, так что это словно продлило ей жизнь. Непременно прочитайте «Письмо к лорду-вигу». Читаете ли вы вообще когда-нибудь? Почему вы ничего об этом не пишете? Вернее, я хотел сказать, читает ли *ДД БСС*? И гуляете ли вы? Мне кажется, что *БСС*

должна гулять за *ДД*, точно так же, как *ДД* читает за *БСС*, потому что *БСС*, да будет вам известно, отменный ходок, хотя все же не такой отменный, как *БДГП*. Я намерен пообедать нынче с мистером Льюисом, но собирается дождь и позже мне не удастся найти попутную карету до Лондона, а я еще должен написать еп[ископу] Клог[ерскому]. Сейчас 10 часов утра и все это я написал в один присест. Прощайте длагоценнейшая *МД*, *МД*, *МД*, *МД*, *МД*, *Досвид*, *Досвид*, *Досвид*, *МС*, *МС*, тлам, *МС*, тлам, *МС*, тлам, *МС*, тлам, тлам, тлам, *МС*.

Письмо XLIX

Кенсингтон, 1 июля 1712.

[*вторник*]

С тех пор, как я перестал вести дневник, я никогда еще не оказывался в более неблагоприятном для писания писем положении, нежели теперь, и особенно для писания *МД*. Дело в том, что я уезжаю утром в Лондон, а, возвратясь сюда вечером, иду обычно к лорду Мэшему, куда приходит и лорд-казначей, и мы засиживаемся за полночь. Но я все же решил снова приняться за дневник, хотя плечо у меня пока не совсем в порядке: два-три прыщика все еще не сошли и очень чешутся, и время от времени я чувствую некоторую боль. У нас сезон вишни в самом разгаре. У вас они тоже поспели так рано? Здесь появились уже и первые абрикосы и поспел крыжовник. В воскресенье в Кенсингтон приехал архидьякон Парнел, чтобы повидаться со мной. Причиной его болезни была, видимо, скорбь, вызванная смертью жены; он 2 месяца провел в Бате. У него была мысль отправиться вместе с Джеком Хиллом в Дюнкерк, и я убеждал его осуществить это намерение и даже переговорил с Хиллом, чтобы тот непременно взял его с собой, но боюсь, что он не отважится на такую поездку. Я сделал Форда редактором «Газеты» и выхлопотал ему у государственных секретарей за эту должность 200 фунтов жалованья в год, не считая дополнительных доходов. Во всей Англии не сыщется местечка теплее и весомее, и тем не менее этот щенок, судя по всему, недоволен. По-моему, люди держат свои глупости при себе, пока им не представится подходящий случай их выказать. Он, видите ли, считает, что такая должность ниже его достоинства, и выдвигает 20 возражений. По-видимому, добиться, чтобы какой-нибудь человек был вполне удовлетворен, вещь невозможная. Ему, если он только того пожелает, будут выплачивать жалованье еженедельно и притом без всяких налогов; да и делать почти нечего; кроме того, в его распоряжении будет очень славная канцелярия с углем, свечами, бумагой и прочим, и он сможет франкировать любое письмо, а его дополнительный доход, если только он об этом позаботится, может составить еще 100 фунтов. Я слыхал, будто еп[ископ] Клог[ерский] то ли высаживается, то ли уже высадился в Англии и надеюсь в ближайшие дни увидеться с ним. В воскресенье вечером я посетил миссис Брэдли; ее младший сын женился на какой-то ничтожной особе, а дочери пришлось покинуть леди Джиффард, потому что она завела

интрижку с лакеем, который недурно играет на флейте; так, во всяком случае, рассказывает мать. Вчера престарелый еп[ископ] Вустерский[898], притязающий на роль пророка, явился, как ему было назначено, к королеве, чтобы доказать ее величеству на основании Книги пророка Даниила и Откровений, что через 4 года непременно начнется религиозная война, что французским королем станет протестант, который будет воевать на стороне протестантов, что папизм будет уничтожен и прочее, и объявил, что если его предсказание не сбудется, то он откажется от своего епископата. Мне рассказал об этом лорд-казначей, который в числе прочих при сем присутствовал; и еще мне сказали, что лорд-казначей без особого труда посрамил епископа в вопросах богословия, чем чрезвычайно его раздражил; этому дуралею вот-вот стукнет девяносто. Старик Брэдли раздобрел, окреп и избавился от своих судорог. Видели ли вы «Приглашение, полученное Угрюмым от Толанда»?[899] Понравилось ли оно вам? Впрочем, оно ведь написано в подражание Горацию, а вы, возможно, Горация не разумеете. Здесь славно прошлись метлой среди должностных лиц, и мы ожидаем новых увольнений. Двор, судя по всему, решил, наконец, основательно потрудиться. Мистер Хилл намеревался завтра отбыть в Дюнкерк, комендантом которого он назначен, однако он сказал мне нынче, что сумеет выехать не раньше среды или пятницы. Хотелось бы чтобы все это поскорее завершилось. Господин секретарь, правда, уверяет меня, будто он ничуть не опасается, что Франция может обвести нас вокруг пальца, но как бы там ни было, лишь только Дюнкерк перейдет в наши руки, все опасности будут позади. Мы браним теперь голландцев, потому что они поистине вели себя как безмозглые глупцы и безумцы. Господин секретарь скоро станет виконтом[900]; он хотел, чтобы я сочинил вступление для его патента, однако я предпочел уклониться, поскольку рискую потерять при этом изрядную долю своей репутации и не приобрету особых выгод. Мы ожидали, что двор пожалует ему титул графа, однако этого не произойдет, и он, следовательно, не будет именоваться графом Болинброком, хотя старшая ветвь их семьи, которой принадлежал этот титул, недавно угасла. Я посоветовал ему назваться лордом Помфретом, но он думает, что такой титул уже носит другая семья[901], да и, кроме того, этот титул связан с Йоркширом, а у секретаря в Йоркшире нет никаких владений; впрочем, последнее возражение совершенно несущественно. Мне, во всяком случае, нравится имя Помфрет. А вам? Отчего же, это имя встречается во всех наших исторических сочинениях; в них то и дело упоминается замок

Помфрет[902]. Но что вам до всего этого; вас это нимало не заботит. Добралась ли тетушка Стоит до Лондона? Я пока еще ничего о ней не слыхал. Ваш декан св. Патрика никогда не имел привычки отвечать на мои письма. На днях я зашел повидать Стерна и его благоверную: она теперь и вполовину не так хороша, как прежде, когда я видел ее у вас в Дублине. Они намерены провести лето в доме, расположенном неподалеку от поместья лорда Сомерса, примерно в двенадцати милях оттуда или около того. Вы так ни разу мне и не сказали, как было воспринято в Ирландии мое письмо к лорду-казн[ачею]. Полагаю, что вы пьете сейчас Темпл… не знаю, как там дальше, воды. Стиля на днях взяли под арест за устройство лотереи[903] вопреки постановлению парламента. Против него возбуждено судебное преследование, но, судя по всему, ему окажут снисхождение и дело будет прекращено. Видимо, недалек тот час, когда он потеряет свою должность, потому что в последнее время был очень уж дерзок в своем «Спектэйторе», а я больше ни слова не скажу в его защиту. Раймонд написал мне, что еп[ископ] Митский[904] будто бы собирался вытребовать меня для того, чтобы отрешить от должности по причине длительного отсутствия, но ректор этому воспротивился. Нечего сказать, славно они меня отблагодарили за то, что я выхлопотал им первины, чума их… Весь июль у нас редко когда бывало жарко, а на прошлой неделе частенько лил дождь, хотя, правда, не каждый день. Мне только что сказали, что комендант Дюнкерка все еще не получил распоряжения передать город Джеку Хиллу и его войскам, хотя это и ожидается со дня на день; отъезд Хилла придется вследствие этого на время отложить. Очень мне не нравятся все эти проволочки в таком деле. — А теперь марш отсюда и принимайтесь пить свои воды, если только они не испортились из-за дождей. Больше мне сейчас нечего вам сказать, делзкие плоказницы, плосу только рю-бить *БДГП*; *МД, МС* и *БДГП* будут рюбить *БДГП, МД* и *МС* … Прошу вас, разузнайте как-нибудь, когда я в последний раз посылал деньги миссис Брент; мне кажется, что с тех пор прошло уже довольно много времени, так что сообщите, пожалуйста, когда это было […………] Прощайте, драгоценнейшая *МД, Досвид, Досвид, Досвид, МС, МС, МС.*

Письмо L

Кенсингтон, 17 июля 1712.

[*вторник*]

Мне надоело пребывание в Кенсингтоне, и я очень рад, что скоро отсюда уеду. Во вторник кор[олева] переезжает в Виндзор, а посему дня через три или четыре я тоже переберусь туда. Здесь я не в состоянии что-нибудь делать, потому что уезжаю в Лондон рано утром, а возвращаюсь поздно вечером, да еще после этого ужинаю у Мэшемов. Обедал я нынче в Кью с герцогом Аргайлом и вечером не пойду ужинать во дворец, а будут писать *МД*. Еп[ископ] Клог[ерский] вот уже две недели как приехал, и я стараюсь видеться с ним как можно чаще. У мастера Эша[905] выступила на лице сильная краснота: это рожа; все лицо у него распухло, а на щеках появились волдыри, которые вот-вот лопнут, однако серьезной опасности нет. — С тех пор, как Дюнкерк перешел к нам, Граб-стрит стала чрезвычайно плодовита, и *БДГП* тоже сочинил за прошедшую неделю 5 или 6 листков в духе Граб-стрит. Видели ли вы «Приглашение, полученное Угрюмым от Толанда»?, а «Лови! Держи Угрюмого!»?, а «Балладу о Дюнкерке»?, а «Доказательство, что Дюнкерк все еще не перешел в наши руки»? Гм, да вы, я вижу, ничего не читаете! — Я погибаю от жары, но, несмотря на это, каждый вечер возвращаюсь домой пешком и считаю, что прогулки весьма мне на пользу. Плечо у меня еще не совсем прошло — зудит и чешется и немного побаливает. Говорил ли я вам, что сделал Форда издателем «Газеты»; его годовое жалованье составит 200 фунтов, не считая дополнительных доходов? Я получил недавно письмо от Парвисола, и он рассказывает, что мой канал сейчас чрезвычайно живописен. Я жажду его увидеть. А вот яблоки совсем не уродились. Он пишет также, что в августе предстоит очередной трехлетний объезд по епархии. Мне необходимо в связи с этим выслать Раймонду новые полномочия. А теперь я отвечу на ваше сипмо № 33[906] от 17 июня. БСС пишет так же хорошо, как обычно, хотя и пьет воды. Поверьте, я не менее часто и не менее горячо, чем *БСС*, желал бы никогда больше сюда не приезжать. Что мне здесь делать? Я слыхал, что еп[ископ] Митский чуть было не доставил мне неприятность; надеюсь, не из-за того, что я ему ни разу не написал. Мне было бы не так уж трудно это сделать, но только я понятия не имею, о чем с ним говорить. Как вижу, я обязан ректору тем, что он удержал еп[ископа] от дерзостного поступка. — Да, марам *ДД*, однако вы едва ли были бы довольны, получая

письма *БДГП* ежедневно, но только в 6 или 12 строк, право слово. Надеюсь, что *БСС* скоро кончит пить воды и что они пойдут ей на пользу. Поверьте, если бы эти воды находились так же далеко, как уэксфордские, то и пользы от них было бы так же много, потому что само путешествие, на мой взгляд, споспешествует здоровью не менее всего прочего. Пребывание здесь еп[ископа] Клогерского, уверяю вас, никоим образом не может удерживать меня от возвращения в Ирландию. С Хиггинсом я разговаривал только однажды на улице и, полагаю, мы с ним едва ли когда встретимся, разве что случайно. Какая мне забота, одобрят ли в Ирландии мое «Письмо лорд[у]-казн[ачею]» или нет? Любопытно только, отчего это никто у вас не удостоил его ответом, в то время как здесь их появилось целых 3 или даже 4? (Из-за невыносимой жары я сижу в одном только халате.) *БСС* получит большую Библию. Я только что записал это в своем мемландуме[907], а *ДД* будет вознаграждена другой книгой, но только имейте терпение, всему свое время, очень уж вы нетерпеливы. Значит *БСС* ни в выигрыше, ни в проигрыше. Отчего же это, сударыня? Я тоже по временам играю, но только в пинки, то есть я хотел сказать в пикет, да и то очень редко. — Слишком поздно засиживаюсь в гостях! Так ведь только у леди Мэшем, а они живут здесь же, в Кенсингтоне, а вот из Лондона я никогда не возвращаюсь слишком поздно, кроме единственного случая, когда шел дождь и мне не удалось раздобыть карету. — Грозы бывали у нас здесь очень редко, а за последние два месяца и вовсе ни разу. Скажите на милость, мадам философ, каким это образом дождь мешает молниям причинять вред? Полагаю, не иначе, как гасит их. — Так-с, а здесь опять вступает *БСС* с ее крохотным водянистым постскриптумом. Бозе мироселдный, бесстыжие пьянчуги, вы по десять лаз пьете по утрам свою водичку за здоловье *БДГП*; так можно и пристраститься, право; а я каждое утло плогратываю за здоровье *МД* 15 рожек морочной овсяной каши. Вот и все, что касается вас и вашего сипма и лазных лазностей. А теперь я должен сказать вам еще кое-что. — Вы уже, наверно слыхали, что секр[етарь] Сент-Джон стал виконтом Болинброком; я едва уговорил его принять этот титул, потому что он принадлежал старшей ветви его семьи, но только те были графами, и в прошлом году эта ветвь угасла. На случай, если бы он отказался его принять, я советовал ему стать лордом Помфретом, это очень прославленное имя. Вы, должно быть, часто встречали его в «Хронике замка Помфрет»; однако мы решили, что оно наверняка значится в числе титулов какого-нибудь другого лорда. Джек Хилл прислал своей сестре из Дюнкерка образчик тамошней наколки; она смахивает на те, что были у нас в моде лет 20 тому назад, но только не

такая высокая и чрезвычайно уродливая. Я сделал Трэпа капелланом лорда Болинброка, и он донельзя счастлив и благодарен мне. — Мистер Аддисон отдал мне нынче утром визит. Он тоже живет сейчас в Кенсингтоне. В Виндзоре я буду некоторое время жить чрезвычайно уединенно и буду чрезвычайно занят. Скажите на милость, отчего это *МД*, все никак не выберутся в Трим и не навестят Ларакор? Напишите мне отчет о моем саде и реке, иостролисте, и вишнях, что на берегу реки.

19. Мне не удалось отправить это письмо с последней почтой, потому что меня вызвали прежде, чем я успел его закончить и запечатать. Вчера обедал у лорда-казн[ачея] и просидел у него до 10 вечера, но так и не сумел улучить минуту, чтобы поговорить о деле, которое у меня было к нему. Он довез меня до Кенсингтона, а здесь лорд Болинброк до 2-х часов ночи не давал мне уйти домой, и хотя сейчас уже девять утра, я все еще лежу в постели, сонный и ленивый. Мне надобно побрить голову и лицо и в 11 встретиться с лордом Болинброком, а обедать я буду опять у лорда-казн[ачея]. Нынче должна появиться еще одна поделка в духе Граб-стрит — «Письмо претендента к лорду-вигу». Граб-стрит осталось десять дней жизни, после чего вступит в силу постановление парламента, которое погубит ее с помощью налога в полпенни с каждого полулиста. Только что стало известно, хотя без всяких подробностей, что 8 тысяч голландцев во главе с графом Альбемарлем[908] разбито, большинство солдат погибло, а сам он взят в плен. Возможно, это несколько охладит их воинственный пыл и заставит подумать о мире. Герц[ог] Орм[онд] снискал необычайное уважение своим успешным ведением дел во Фландрии. Прошлую ночь у нас выпал обильный дождь, очень освеживший все вокруг. — Однако уже поздно и мне пора вставать. Не играйте, пожалуйста, в ломбер, пока вы на водах, слышите, судалыни. — Прощайте, длагоценнейшая *МД, МД, МД, Досвид, Досвид, МС, МС, МС,* тлам, тлам, тлам —.

Письмо LI

Лондон, 7 августа 1712.

[*вторник*]

Получил ваше № 32 в Виндзоре и как только прочел, тотчас же снова его запечатал, дабы по меньшей мере в течение года больше его не перечитывать. Оно вывело меня из терпения, потому что вы так бойко рассуждаете о предмете, как если бы дело уже свершилось, хотя, насколько мне известно, до этого сейчас дальше, чем когда бы то ни было; сам я, например, ничего на сей счет не слыхал; в Лондоне, правда, только и разговоров, что об этом, а при дворе меня то и дело поздравляют и порядком этим изводят. Уж вы-то, во всяком случае, могли быть уверены, что как только это произошло бы, я тотчас бы вас известил, но вы, видно, вообразили, что я намеренно ничего не сообщаю вам для того, чтобы вы узнали обо всем из газет или досужих разговоров[909].

Я помню только, что в вашем письме среди прочего шла также речь насчет денег *MC*, но об этом я распоряжусь на другой стороне этого листа. Я уехал из Виндзора в прошлый понедельник по той причине, что лорд Болинброк отбыл во Францию и что лицо, с которым мне необходимо часто советоваться касательно дела, которым я сейчас занят, находится в Лондоне. Но так как это лицо поговаривает о возвращении в Виндзор, то я, возможно, последую за ним. Я поселился здесь в одном укромном убежище и каждый день до полудня тружусь, не разгибая спины[910], так что не осуждайте меня за два месяца молчания; господь свидетель, я никогда еще так тяжко не трудился и все же вряд ли успею завершить начатую мной работу. И в Лондоне и в Виндзоре недавно свирепствовала лихорадка, которая едва ли кого обошла, однако длилась не более трех или четырех дней и никого не свела в могилу. У кор[олевы] в одночасье слегло 40 лакеев. Обедал вчера у лорда-казн[ачея]; нам опять не удалось заняться делом, хотя я считал, что он посылал за мной именно с этой целью; тем не менее, он пожелал, чтобы я нынче опять с ним обедал. Виндзор — прелестнейшее место, и обедов в нем в это время хоть отбавляй. Мои комнаты тут выходят окнами на Итон и Темзу, и я был бы не прочь стать их владельцем, но они принадлежат здешнему пребендарию. Одному богу ведомо, что у вас там в письме, и, если оно останется без ответа, то, кто, по вашему мнению, будет в этом повинен, а, делзкие плоказницы? — Известно ли вам, что с прошлой недели Граб-стрит почила[911] и уже не

воскреснет. Отныне не будет больше ни привидений, ни убийств из-за ревности или денег. В последние две недели перед ее славной кончиной я приналег и напечатал по меньшей мере 7 листков[912] своего собственного сочинения ценой в один пенни каждый, не считая еще нескольких, написанных другими. Теперь с каждого печатного полулиста будет взиматься полпенни в пользу кор[олевы]. «Наблюдатель» приказал долго жить, «Всякая всячина» слилась с «Летучей почтой», «Экзаминер» смертельно болен, а вот «Спектэйтор», не в пример им, устоял и даже удвоил цену; не знаю только, сколь долго он продержится. Обратили ли вы внимание на красную печать, которой помечены теперь все листки? Сдается мне, что само проставление этой печати обходится не меньше, чем в полпенни. В прошлую субботу лорд Болинброк и Прайор отбыли во Францию; задача милорда — ускорить заключение мира, пока голландцев не слишком исколошматили, и помешать французам зайти чересчур далеко в этой их шутке. Ознакомились ли вы с 4-й частью «Джона Булля»? Она не уступает предыдущим и чрезвычайно хороша. У сына еп[ископа] Клогерск[ого] была рожа, но теперь он уже выздоровел. Я опасался, что его лицо останется обезображенным, однако этого не случилось. Дилли нисколько не изменился и так же много, как и бездарно, каламбурит. Братья охотно видаются, чего, по-моему, нельзя сказать о сестрах. Раймонд писал мне, что намеревается пригласить вас в Трим. Были ли вы там, пребываете ли сейчас или собираетесь туда? Не заглянете ли заодно и в бедный Ларатол[913]? Парвисол говорит, что все фрукты пропали; деревья пострадали от заморозков. Осмотрите, пожалуйста, вишни у реки. Впрочем, вы слишком ленивы, чтобы предпринять такое путешествие. Если вы в ближайшие 2 месяца не будете своевременно получать от меня письма, то причиною тому будут мои постоянные переезды из Лондона в Виндзор и обратно. И, пожалуйста, уведомьте меня еще раз о состоянии денежных дел *МД*, потому что я не стану ради этого перечитывать ваше письмо. Бедный лорд Уинчелси на днях преставился, к величайшему моему огорчению. Он был прекрасным, достойным человеком и моим близким другом. Но что еще огорчительнее, так это то, что моя старая знакомая миссис Финч стала теперь графиней Уинчелси, потому что титул покойного перешел к ее мужу, правда, из состояния ему мало что достанется. — Все нынешнее утро я трудил глаза, а сейчас уже два пополудни, так что я прогуляюсь немного в парке. Играете ли вы по-прежнему в ломбер или же ваше развлечение прекратилось из-за отсутствия миссис Стоит и несчастья, случившегося с миссис Мэнли? Кто-

то рассказывал мне о неизвестно откуда взявшейся сестре, которую миссис Мэнли обрела в Ирландии и которая будто бы всех вас разочаровала, оказавшись вовсе не такой уж красоткой. Поклон от меня миссис Уоллс. — Площайте, длагоценнейшая, *МД*, *МД*, *МД*, *Досвид*, *Досвид*, *Досвид*, *МС*, *МС*, *МС*, тлам, рюбите беедненького *БДГП*, слышите, плоказницы.

Письмо LII

Виндзор, 15 сентября 1712.

[*понедельник*]

С тех пор, как я расстался с *МД*, еще не было случая, чтобы я так долго им не писал, как теперь, и больше не будет, доколе я в состоянии водить пером. С недели на неделю я ожидал, что в отношении меня наконец-то будет что-то предпринято, однако по сей день так ничего и не сделано, и я понятия не имею, когда это произойдет и произойдет ли вообще. Ведь люди не торопятся оказывать милости. Последнее время я очень скверно себя чувствовал: у меня возобновились прежние приступы головокружения. Два дня тому назад я принял по этой причине рвотное и через день-другой приму еще раз. Я как-то поел немного фруктов, самую малость, и все же отношу свое недомогание именно за счет этой малости, а посему впредь больше совсем не стану их есть. Меня побудили приняться за работу, требующую длительного времени, и я уже сделал все, что мог, и ожидаю теперь от министров кое-каких бумаг, которые мне необходимы для оставшейся части, а они все кормят меня обещаниями, как если бы я просил их о милости. Так что я уже довольно давно сижу, сложа руки; впрочем, это оказалось сейчас как нельзя более кстати, поскольку я слишком скверно себя чувствовал, чтобы работать. Постоянно пребываешь не в духе вследствие тысячи непостижимых вещей, происходящих в наших государственных делах, и, когда я рассуждаю кое с кем из друзей, мы просто не в состоянии понять, как мы еще держимся. Одному только господу ведомо. Но это слишком печальные материи для тех, кто имеет к ним хоть сколько-нибудь близкое касательство. Опять, как и в прошлом году, я пытаюсь удержать кое-кого от полного разрыва из-за сотни недоразумений. Они тянут в разные стороны, и нет никакой возможности их остановить, в то время как противник только ждет случая, чтобы уничтожить их обоих[914]. Обратите внимание, как изменился мой тон, и все потому, что я живу, размышляю и разговариваю среди этих людей, а не возле своего канала, своих ив и тропинки вдоль реки. Я проиграл здешним дамам все мои деньги и стараюсь по возможности уклоняться от карт, ибо знаю наперед, что проиграюсь. За пять недель, что я здесь живу, я спустил пять фунтов. Надеюсь, что *БСС* больше везет за пикетом с деканом и миссис Уоллс. Декан так и не удосужился ответить на мое письмо. Я начисто запамятовал, посылал ли я в одном из моих последних писем

долговую расписку для *МС*? Кажется, что посылал. Пожалуйста, сообщите об этом и всегда заблаговременно меня предупреждайте. Я нахожусь здесь лишь затем, чтобы посмотреть, что они для меня сделают, и как только увижу, что меня обошли местом, клянусь спасением души, я тотчас отсюда уеду.

18. Нынче я принял рвотное и надеюсь, что теперь мне полегчает. С того дня, как я писал вам прошлый раз, у меня были сильные приступы головокружения, но все же не такие, как прежде, — более частые, но не столь нестерпимые. Вчера мы все перепугались: у королевы приключился сильнейший приступ лихорадки с жаром и ознобом; надо было при этом видеть наши физиономии: какое мрачное уныние! Из Лондона тотчас были вызваны ее врачи, но к вечеру ее отпустило, а сегодняшний день прошел без приступов, и она уже встает, так что мы больше не испытываем опасений. В самом худшем случае это только перемежающаяся лихорадка, и мы надеемся, что приступ больше не повторится. Лорд-казн[ачей] намеренно не приехал сюда из Лондона: ведь обычно он приезжает по субботам и в понедельник уезжает обратно, так что если бы он вдруг приехал раньше, это вызвало бы много кривотолков. В лице графа Годольфина виги потеряли крепкую опору[915]. Весьма забавно слышать, с какой теплотой и сочувствием отзываются о нем министры теперь, когда он мертв и не может больше им навредить. Я необычайно подружился с леди Оркни[916], фавориткой покойного короля, поместье которой Клифден расположено в 5 милях отсюда. Она мудрейшая женщина из всех, каких я когда-либо встречал, и во время недавних перемен лорд-казн[ачей] с немалой для себя пользой прибегал к ее советам. Говорят, будто лорд Мальборо все больше страдает из-за своего диабета, что, если только это правда, может очень скоро свести его в могилу, и тогда у кабинета министров будут несколько больше развязаны руки. *МД* давненько уже ничего не писали *БДГП*, хотя у них и не было таких причин, как у него; уже семь недель прошло с тех пор, как я получил от вас последнее письмо № 32. Напоминаю об этом, дабы вы не ошиблись в счете. Надеюсь, что все это время *БСС* чувствовала себя хорошо; вы тогда еще пили воды. Доктор говорит, что я кончу тем же, что и Стиль[917], хотя у меня никогда не бывало сплина; но до этого им меня не довести, хотя причин у меня больше, нежели у кого бы то ни было. Полк Берниджа расформировали, однако он оставлен на половинном жалованье. Я уже давненько его не видал, но полагаю, что он немало этим удручен. Герцога Шрусбери, без сомнения, прочат на должность наместника Ирландии, и я думаю, что

герцогиня чрезвычайно там всем понравится. Главари ирландских вигов возлагают на его правление немалые надежды, однако будут приняты необходимые меры, чтобы по возможности обуздать их. Миссис Фентон написала мне, что из-за ревматизма ей пришлось оставить леди Джиффард и возвратиться в Лондон: ведь эта особа, как известно, не любит, чтобы люди досаждали ей своими болезнями. Миссис Фентон пишет мне как человек, дни которого сочтены, и просит позаботиться о ее сыне. Я еще не ответил на ее письмо; она поселилась у миссис Пови. — Жива ли еще моя тетка[918] и видаетесь ли вы когда-нибудь с ней? Она, небось, уже забыла об утрате сына.[919] Закончен ли полностью новый дом Раймонда и такой же ли он транжира, как бывало прежде? Успел ли он уже промотать приданое своей благоверной? Я слыхал, что чуть ли не 5 или 6 человек изо всех сил добиваются моего прихода. Бог им в помощь. Однако, если двор все же когда-нибудь что-то предложит мне, то я буду рекомендовать герц[огу] Ормонду отдать мой приход именно Раймонду, но не из какого-нибудь особого к нему расположения, а потому, что священнику Трима было бы сподручно иметь Ларакор. Вы можете теперь оставить золотую с инкрустациями табакерку себе, потому что мой брат Хилл, комендант Дюнкерка, прислал мне самую красивую из всех, какие я когда-либо видел, и при дворе все сходятся на том, что в целой Англии не сыщется другой такой табакерки, хотя она стоит не более 20 фунтов. А герцогиня Гамильтон сшила мне подвесной карман на поясе с пряжкой, наподобие того, что носят женщины: ведь летом, как вы знаете, я не ношу камзола; в этом кармане есть несколько отделений и одно из них предназначено для моей табакерки, так-то. — Всю эту неделю у нас стояла восхитительная погода, однако из-за болезни и рвотного, которое я принимал, я по большей части не мог ею насладиться. Леди Мэшем уговорила кор[олеву] послать в Кенсингтон за имбирем из тамошних припасов для меня. Я принимаю его по утрам и надеюсь, что это принесет мне облегчение. Миссис Брент прислала мне письмо с одним молодым человеком и просит рекомендовать его здесь на какое-нибудь место, он типографский подмастерье. Передайте ей, что я выполнил ее просьбу, однако поручиться за дальнейшее не могу, поскольку прежде, чем можно будет воспользоваться его услугами, он должен сперва приписаться к лондонскому цеху[920] печатников. Помнится, когда он был еще мальчишкой, я пристроил его подмастерьем к Бренту. Надеюсь, Парвисол собрал в этом году десятину не в убыток мне. Он почему-то ничего мне на сей счет не пишет. Напомните ему, пожалуйста, об этом при встрече и

пусть он представит мне отчет о том, как обстоят дела. Полагаю, что хлеб уже убран и что он, наконец, сбыл с рук эту громадную уродливую клячу. Почему вы ему не позволили продать ее? Он постоянно вводит меня в расходы из-за этих лошадей, на которых я все равно не могу ездить, а ваша ко всему еще и хромает и никогда не будет к чему-либо пригодна. Королева, я полагаю, останется здесь еще месяца на два, а леди Мэшем собирается рожать и поэтому в ближайшие десять дней переедет в Кенсингтон. Бедняжка на днях упала: осердясь на носильщиков портшеза, она принуждена была пройти пешком через двор замка и чуть было не покалечилась, а ведь она уже на сносях. Мы надеемся, что все обойдется и что она отделалась синяком под глазом и ушибленным боком; хотя я не буду спокоен до тех пор, пока она благополучно не разрешится. — Как вижу, я способен так или иначе заполнить письмо и не прибегая к дневнику. Хорошо, что мне не свойственно впадать в уныние, ведь у меня тысяча причин для недовольства. Да ниспошлет господь здоровье *МД* и *БДГП* и да сделает так, чтобы я мог жить вдали от зависти и недоброжелательства, сопутствующих тем, о коих думают, что они пользуются куда большим благоволением двора, нежели это есть на самом деле. Любите *БДГП*, который любит *МД* более всего на свете. Площайте, длагоценнейшая, десять тысяч лаз длагоценнейшая *МД, МД, МД, Досвид, Досвид, МС, МС, МС, МС,* тлам, тлам, тлам, тлам —

Письмо LIII

Лондон, 9 октября 1712.

[*четверг*]

Вот уже десять дней, как я уехал из Виндзора, и занят тем, что принимаю асафетиду в пилюлях и еще одно горькое снадобье, и нахожу, что с головой у меня намного лучше прежнего. Признаться, я было сильно пал духом, потому что по 3—4 дня кряду чувствовал себя из рук вон скверно и во время прогулок не раз думал, что вот-вот упаду. Я принимаю по 8 пилюль в день и по-моему, принял их уже не меньше 150. Кор[оле]ва, лорд-казн[ачей], леди Мэшем и я — мы все хворали, но теперь все мы чувствуем себя лучше, кроме леди Мэшем, которая в Кенсингтоне со дня на день ожидает родов. Едва ли когда по Лондону ходило сразу столько лживых выдумок, как сейчас. Я нисколько не сомневаюсь, что они достигнут Дублина еще до того, как вы получите мое письмо, но в них нет и крупицы истины. — Болезнь чрезвычайно задержала начатую мной работу, но я все же надеюсь наверстать упущенное и завершить ее до начала новой сессии парламента. У лорда-казн[ачея] был жестокий приступ ревматизма, но сейчас он уже почти выздоровел. На днях я играл вечером с ним и его семьей в тридцать одно[921]. Для начала он сам поставил за каждого из нас по 12 пенсов и это напомнило мне сэра У[ильяма] Т[емпла]. Я настойчиво допытывался у него и у леди Мэшем, правда ли, что у королевы появились признаки водянки, и они решительно отрицали это, и то же самое сказал ее лекарь Арбетнот, который постоянно ее пользует, а эти дьяволы распустили слух, будто бы на ногах у нее открылись язвы и будто из пупка выделяется жидкость и еще бог весть что. Арбетнот прислал мне из Виндзора славное «Рассуждение касательно лжи», и я велел типографу прийти за ним. Его полное название — «Предложение о напечатании примечательного сочинения под названием „Искусство политической лжи“[922] в двух томах и пр.» А дальше следуют извлечения из первого тома, весьма напоминающие памфлеты под названием «Труды ученых мужей»[923]. Пожалуйста, непременно раздобудьте его, как только оно выйдет из печати. У кор[олевы] был небольшой приступ подагры в руке. Она, видимо, пробудет в Виндзоре еще с месяц. Лорд-казн[ачей] показал мне полученное им от нее любезнейшее в мире письмо, из которого я узнал одну тайну: вскоре предстоит новое посвящение в кавалеры ордена Подвязки. Ведь с кончиной лорда

Годольфина их число уменьшилось. Его погребение состоится дня через два-три в Вестминстерском аббатстве. Мне встретился как-то Том Ли; еп[ископ] Клог[ерский] снял на зиму его квартиру; они все здоровы. Говорят, в Лондоне сейчас полным-полно приезжих из Ирландии и в том числе по меньшей мере с полдюжины епископов. Бедняга еп[ископ] Лондонский, которому уже перевалило за восемьдесят, упал навзничь, подымаясь по лестнице, и не то проломил, не то расшиб себе голову, и, тем не менее, он теперь уже поправляется. Лондон по-прежнему пуст, как в разгаре лета, и, если бы мне не надо было лечиться, я оставался бы в Виндзоре. Говорил ли я вам о последней воле лорда Риверса? Большую часть имущества он завещал чуть не 20 гнусным старым шлюхам, коих перечислил поименно, и не оставил при этом ни фартинга никому из своих друзей, слуг или родственников. Своему единственному чаду — леди Бэрримор[924] — он завещал только имущество ее матери, а остальное отказал своему наследнику по мужской линии — священнику-паписту[925], троюродному брату, который стал теперь графом Риверсом и с которым он при жизни обращался, как с лакеем; в случае же смерти этого последнего все должно будет перейти к его главной шлюхе и ее ублюдку. Лорд-казн[ачей] и лорд-камергер назначены душеприказчиками. Я любил этого человека, но презираю оставленную им по себе память. О заключении мира пока ничего не слыхать. Я глубоко убежден, что голландцы потому так упрямятся, что их уверили, будто дни кор[олевы] сочтены. — Письмо бедняжек *МД* № 33 было получено мной еще в Виндзоре, однако я не мог тогда ответить на него, ведь бееебдгп очень хволар и, кроме того, оттуда было затруднительно отправлять письма. — Вы рассчитывали возвратиться домой в тот же день и пробыли там месяц[926]. Это верный признак, что вам там понравилось. Я был бы тоже не прочь совершить такого рода увеселительную поездку. Любопытно, остепенился ли хотя бы немного этот Суонтон в сравнении с тем, что было прежде? Их дочь, я думаю, вам понравилась; она, надеюсь, перестала напускать на себя чрезмерную серьезность[927]. — Мне только что сказали, что лорд Годольфин был погребен вчера вечером. — О, бедненькие мои БСС, склоните по этому случаю еще раз свои головки. Плаво же, я площаю вас[928]; я всегда рассуждаю так, что если вы больны, то мне непременно станет об этом известно, а посему, когда от вас нет писем, я считаю, что все у вас обстоит благополучно. — Что касается свирепствовавшей у нас лихорадки, то, полагаю, мне удалось избежать ее по той же причине, что и беебсс, — потому что я нездоров; но почему, скажите на милость, ее избежала *ДД*?

Ведь она, как известно, клепышечка[929], и значит сам бог велел ей заболеть лихорадкой. Будем надеяться, что опасность уже миновала и нашей Дингли больше ничто не грозит. Кое-кто из здешних врачей настроен весьма мрачно и считает лихорадку предвестницей чумы, которая, говорят, объявилась в Гамбурге. Я было надеялся, что [*БСС* перемогла, наконец, свой недуг], но мы с ней, как видно, обладаем способностью никогда не расставаться со своими болезнями окончательно в силу постоянства своей натуры. Приступы головокружений у меня, например, длятся вот уже 23 года. — Неужто миссис Раймонд так никогда и не перестанет рожать? Ее супруг, судя по всему, вознамерился оставить на земле побольше нищих, ведь он уже успел промотать лучшую часть своего состояния и не вылезает из долгов. Недавно получил от него письмо —.

11 октября. Вчера и позавчера лорд-казн[ачей] посылал за мной, чтобы я посидел с ним; он еще не настолько здоров, чтобы выходить из дома, поэтому я не смог закончить письмо. — Как это я ухитрился быть таким аккуратным в своих денежных расчетах с *МС*! Ровно на 17 шилл. и 8 пенсов больше, чем следовало? Наверное, вы просто меня обманываете. Если Хокшоу не платит процентов, то ему придется возвратить всю находящуюся у него сумму. Поговорите, пожалуйста, с Парвисолом и спросите, что он советует мне в связи с этим предпринять? Поклон от меня миссис Стоит, и Кэтрин, и миссис Уоллс. — *БСС* сопровождает свою просьбу бесчисленными извинениями. Джон Дэнверс[930], как вам известно, приятельствует с леди Дж[иффар]д, а относительно прочего я никогда ничего не слыхал. Скажу лишь вам, что при нынешнем положении вещей я не могу просить лорда-казн[ачея] за кого бы то ни было. Нужно ли еще что-нибудь объяснять? — Что же касается до моих собственных дел, то, возможно, что-нибудь будет предпринято, но, возможно, и не будет. В первом случае я, конечно, похлопочу за вашу сестру[931], во втором же — навсегда покончу со всякими дворами. Ежели со мной хорошо обойдутся, мне не раз представится возможность посодействовать ей, и я почту своей обязанностью воспользоваться этим. Мне доставляет наслаждение оказывать добрые услуги людям, которые нуждаются и заслуживают того, и вдесятеро большее наслаждение помогать родственникам *БСС*, в которых она принимает близкое участие. Я записал его имя и в чем заключается его дело (а не ее дело) и как только наступит подходящий момент, предприму все, что в моих силах. — И довольно пока говорить об этом, коль скоро я не могу сейчас ничего предпринять; тысячу раз прошу у вас прощения за то, что не в состоянии пока пообещать вам большего.

Надеюсь, декан св. Патрика уже оправился после лихорадки. Он так ни разу мне и не написал. Впрочем, я даже рад этому, и, пожалуйста, не вздумайте его просить, чтобы он мне ответил. — Я проставил на отправленной вам долговой расписке такое позднее число по той причине, что уплата по ней, мои уные аамы, должна быть произведена лишь после 1 ноября. Право же, мне надобно держать в этих делах ухо востро, да-да, не то *МС* того гляди надует *БДГП*. А хорошие ли вы хозяйки? И прилежные ли читательницы? И как обстоит дело с прогулками? Насколько мне известно, вы заядлые картежницы. А, может, к тому же еще и пьяницы? Признавайтесь. — [Бозе мироселдный, пожалуй, мне пола остановиться из боязни, как бы не оскорбить таких безуплечных реди!] — Парвисол ни разу не обмолвился о том, сколько он получил нынче в счет десятины. Спросите у него, пожалуйста, много или мало выручил он за нее в этом году? Еп[ископ] Киллалуйский говорит, что нынче в Ирландии дают хорошую цену за шерсть; а как обстоит дело с зерном? Вчера я обедал с леди Оркни, и мы просидели с ней от 2 пополудни до 11 вечера. Вы, я полагаю, о ней слыхали. У меня уже накопилось 20 писем, но я так разленился и так занят, что не могу на них ответить, а между тем их становится с каждым месяцем все больше. Уродились ли яблоки у меня в Ларакоре? Не правда ли, странно, что их каждый год прихватывает заморозками, хотя я так заботливо всякий раз их укрываю. Лорд Болинброк последние две недели бездельничал у себя в поместье, и это очень задержало предпринятую мной работу. Я поселился в обычной комнате на втором этаже и стараюсь, по возможности, никого к себе не допускать, но некоторые проныры все же обнаружили мое убежище, а новый слуга не так ловко лжет, как Патрик, уверяя, что меня нет дома. К слову сказать, Патрик просился было ко мне обратно, но как бы не так. — Сейчас заходил типограф, который принес кое-что из напечатанных им в последние дни фантазий, и отнял у меня время. А теперь я должен уходить и потому могу только пожелать вам всего наилучшего. [Прощайте, длагоценнейшая *МД, МД, МД, МД, Досвид, Досвид, Досвид, Досвид, МС, МС, МС,* тлам, дологая *МС*, тлам, тлам, тлам, судалыни].

Письмо LIV

Лондон, 28 октября 1712.
[*вторник*]
Весь этот месяц я принимал лекарство и последние три недели чувствовал себя лучше, а теперь перестал их принимать, потому что так велел доктор, впредь до дальнейших его указаний. *ДД*, как я вижу, стала заядлым политиком и ей не терпится узнать, когда будет объявлен мир. Надеюсь, что вскоре это произойдет, потому что голландцев окончательно усмирили, и Прайор только что прибыл на несколько дней из Франции, надо полагать, по какому-нибудь важному делу. Я видел его вчера вечером, но не имел возможности поговорить с ним наедине. С его приездом акции тотчас поднялись. Что же касается меня, то я теперь долго здесь не задержусь, мои друзья говорят то же самое. Парламент соберется только после Рождества, а к тому времени работа, которой я сейчас занят, будет закончена, и тогда ничто больше не будет удерживать меня здесь. Я крайне недоволен Парвисолом за то, что он не позаботился продать моих лошадей и пр.

Леди Мэшем все еще не родила, но мы ожидаем этого со дня на день; я с ней нынче обедал. Лорд Болинброк уже почти два месяца как возвратился из Франции, а Прайор — с неделю тому назад и через несколько дней отбывает обратно (я имею в виду Прайора). Кто вам рассказал о моей табакерке и карманчиках! Неужто я? Я получил нынче письмо от доктора Когилла, который высказывает пожелание, чтобы я выхлопотал рэфуский епископат для Стерна[932], а его деканат — для себя. Разумеется, я попытаюсь это сделать, ведь я столь многим обязан Стерну. Но и помимо этого, если бы меня спросили, кто, по моему мнению, будет действительно достойным епископом, то я в первую очередь назвал бы его. Потом я получил еще одно письмо с просьбой порекомендовать на это место Пратта (он недавно пробыл здесь почти неделю); автор письма полагает, что к такому предложению отнеслись бы благосклонно. Я так не думаю. Я, правда, представил Пратта лорду-казначею, и меня просил о том же младший Молино[933], но я ему прямо ответил отказом; вот если бы у него было к лорду-казн[ачею] какое-нибудь дело. Это сын некоего мистера Молино[934] из Ирландии. Его отец написал книгу, с которой вы, я полагаю, знакомы. Герцог Мальборо, бог весть по какой причине, собирается

покинуть Англию[935], и это вызывает здесь множество разных толков. Одни утверждают, что его замучила совесть, другие, напротив, считают, что он хочет навлечь тем самым позор на правительство: вот-де, мол, человек, оказавший своей родине столь великие услуги, не может в ней спокойно жить из-за козней своих недругов. К слову сказать, я предпринял еще одну попытку примирить этих последних[936]. Одному богу известно, долго ли это продлится. Мне довелось присутствовать нынче при разбирательстве тяжбы между двумя моими приятелями — лордом Лэнсдауном и лордом Картеретом[937]. Дело слушалось в суде королевской скамьи: речь идет о шести (а, может быть, девяти) тысячах фунтов в год. Я сидел как раз у кресла лорда главного судьи Паркера и подал ему перо, когда он его обронил, на что он ответил мне низким поклоном. Мне так и хотелось шепнуть ему при этом, что *я воздал ему добром за зло, поскольку мое перо он у меня отнял*[938]. Я потом рассказал об этом лорду-казначею и Болинброку. Паркер едва ли догадался бы, кто я, если бы несколько присутствовавших в суде лордов своими поклонами не привлекли ко мне всеобщее внимание, после чего все стали перешептываться. Я затаил против этого пса злобу и если только смогу, то самое большее месяца через два с ним расквитаюсь. Ну, вот, пожалуй, и довольно об этом. Впрочем, ведь надобно же вам иметь о чем почесать язычок, а посему я принужден рассказывать вам о любом пустяке, который только придет мне в голову. Говорят, что королева пробудет в Виндзоре еще с месяц. Эти чертовы мошенники с Граб-стрит, выпускающие теперь «Летучую почту» и «Всякую всячину» на одном листе, судя по всему, не намерены угомониться. Они беспрерывно поносят лорда-казначея, лорда Болинброка и меня. Мы возбудили против одного из этих негодяев судебное преследование; Болинброк не проявляет достаточного усердия, однако я все же надеюсь его расшевелить. Речь идет о мошеннике-шотландце по имени Ридпат[939]. Не успеваем мы выпустить кого-нибудь из них под залог, как они тотчас снова берутся за свое. Тогда мы снова их арестовываем, но они опять вносят залог, и каждый раз все начинается сначала. Говорят, будто какой-то ученый голландец написал книгу, в которой, основываясь на гражданском праве, доказывает, что заключением мира мы наносим им ущерб; однако я докажу, основываясь на доводах разума, что на самом деле ущерб был нанесен нам, а не им. Я тружусь, как лошадь, и должен еще ознакомиться с сотнями писем ради того, чтобы в лучшем случае выжать из каждого строку или хотя бы слово. Через день-другой Страффорд снова отбывает в Голландию; надеюсь поэтому, что

подписание мира вот-вот состоится. Мне предстоит заполнить еще около тридцати страниц (они будут состоять из разного рода извлечений), что составит, примерно, страниц шестьдесят печатных. Это самая докучная часть всей работы, и при этом мне никак не удается оберечь свое уединение, хотя, возвратясь из Виндзора, я тайком поселился в комнате на втором этаже; беда в том, что мой слуга все еще не выучил главного урока — вежливо выпроваживать посетителей.

30. Герцогиня Ормонд разыскала меня нынче и уговорила с ней пообедать. Леди Мэшем все еще находится в ожидании родов. Она ужасно простужена. Мне не удалось закончить свое письмо к последней почте, потому что я был не в духе. Лорд Болинброк продержал мои бумаги шесть недель кряду, но так ничего с ними и не сделал. Обретается ли еще Тиздал в сем мире? Я посоветовал бы ему заняться богословской полемикой, дабы снискать себе известность у потомства. Герцог Ормонд прибудет сюда не раньше, чем дня через три или четыре. Я хочу склонить его присоединиться к моим усилиям примирить наших друзей и попросил поэтому герцогиню дать мне возможность переговорить с ним сразу же по его приезде хотя бы час с глазу на глаз, чтобы дать ему представление об истинном положении людей и вещей. Судя по всему, герцога Шрусбери едва ли вскоре объявят вашим наместником, по крайней мере, так мне сейчас кажется; впрочем, решения без конца меняются. Герцог Гамильтон дал мне нынче фунт превосходного табаку. Очень хотел бы, чтобы у *ДД* был точно такой же и у *БСС* тоже, если ей это по вкусу. Из-за этого табака мне пришлось четверть часа выслушивать рассуждения герцога о политике. А теперь по особому указанию леди Оркни для меня изготовляют письменный стол, а также шьют ночную рубашку. Она заботится обо мне как мать. Думаю, что не без наущения д[ьяво]ла меня угораздило на днях в разговоре с ней упомянуть об ужасном косоглазии ее кузины, и это при том, что сама она, бедняжка, как вы знаете, косит, словно дракон. В другой раз мы долго беседовали с ней о любви, и она привела любимое изречение своей сестры Фицхардинг[940], которое очень мне понравилось, что *у мужчин желание рождает любовь, а у женщин любовь рождает желание*. В Лондоне по-прежнему множество старьевщиков[941], и каждое утро я слышу голоса женщин, предлагающих посекшийся атлас, тафту и прочее, и мужчин, продающих поношенные кафтаны, камзолы и плащи. Погода у нас в последнее время стоит преотвратительная. Из двадцати дней не было и двух, хоть сколько-нибудь сносных. Я опять проигрался в ломбер лорду Оркни и другим, но со всем тем за нынешний

год потерял всего только двадцать три шиллинга, так что в рассуждении карточных денег я не такой уж неудачник.

Собрания нашего Общества пока еще не возобновлялись. Надеюсь, что нынешней зимой мы по-прежнему будем совершать кое-какие добрые дела, и, кроме того, лорд-казначей обещает в скором времени посодействовать учреждению академии для исправления нашего языка. А теперь я должен снова копаться в этих нудных письмах в поисках нужных мне сведений. Надеюсь все же, что в итоге вы увидите нечто весьма примечательное. Ну, на сей раз достаточно. Да благословит вас господь всемогущий.

Письмо LV

Лондон, 15 ноября 1712.

[*суббота*]

Прежде, нежели это письмо дойдет до вас, вы услышите об одном происшествии[942], быть может, самом ужасном из всех, когда-либо случавшихся; нынче утром в 8 часов слуга сообщил мне, что герцог Гамильтон дрался с лордом Мохэном и убил его, а сам был доставлен домой раненым. Я тотчас же послал его в дом герцога на Сент-Джеймс-сквер, но привратник едва мог отвечать из-за душивших его слез, а вокруг дома собралась большая толпа. Короче говоря, они дрались нынче утром в 7 часов, и негодяй Мохэн был убит на месте, но в тот момент, как герцог наклонился над ним, Мохэн успел всадить в него шпагу чуть не по самую рукоятку и, пронзив ему плечо, попал прямо в сердце. Герцога попытались перенести к кондитерской, что возле Ринга в Гайд-парке, где и происходила дуэль, но он скончался прямо на траве, прежде чем его успели туда донести, и в 8 часов, когда несчастная герцогиня еще спала, был уже привезен в своей карете домой. Секундантами были Макартни и некий Гамильтон; они тоже дрались друг с другом, и оба теперь скрылись[943]. Поговаривают, что будто бы герцога Гамильтона заколол лакей лорда Мохэна, но другие утверждают, что это дело рук Макартни. Мохэн оскорбил герцога и, тем не менее, сам же послал ему вызов. Я бесконечно огорчен гибелью несчастного герцога: это был человек прямой, честный и добросердечный; я очень его любил и думаю, что он тоже любил меня. Его самым заветным желанием было, чтобы я поехал с ним во Францию, однако он не решался высказать его мне, а те, кому он об этом говорил, отвечали, что не могут без меня обойтись, и это истинная правда. Бедную герцогиню поместили пока в соседнем доме, где я провел с ней два часа и откуда только что пришел. Никогда еще я не был свидетелем столь печального зрелища, у нее поистине все основания для безутешного горя, и едва ли кто мог понести во всех отношениях большую утрату. Она растрогала меня до глубины души. Ее временное пристанище оказалось неудобным, и ее хотели перевести в другое, но я этому воспротивился, поскольку там не было ни одной комнаты, расположенной в глубине дома, и уличные разносчики листков Граб-стрит терзали бы ей слух, выкрикивая известие об убийстве ее супруга. Вы, я думаю, уже слыхали о том, как я случайно уцелел, открывая присланную лорду-казначею картонную

коробку; в газетах наплели об этом всякого вздора, но теперь мы представили, наконец, подлинный отчет о случившемся[944], который был напечатан в вечернем листке. Я только не позволил упоминать мое имя, потому что его и так уж слишком часто называли в связи с этим и до смерти замучили меня расспросами. Сам удивляюсь, как это мне удалось сохранить такое присутствие духа, обычно я этим не отличаюсь. Но так уж, видно, угодно было господу, чтобы я спас и себя и лорда-казн[ачея], ибо там было как раз по пуле на каждого из нас. Один джентльмен сказал мне, что если бы я был убит, виги объявили бы это справедливым возмездием, потому что оба дула были изготовлены из роговых чернильниц, коими я пользовался, сочиняя свои губительные для них памфлеты. Здесь появилось описание этого происшествия — поделка в духе Граб-стрит[945], полная всяких несообразностей и небылиц. Признаться, мне это очень не нравится, и я все больше и больше хотел бы очутиться среди своих ив. В людей вселился какой-то дьявольский дух, и министры должны напрячь все свои силы, иначе им конец. [Ноци, дологие плоказницы. Я собилаюсь баиньки —]

16. У меня было намерение закончить вчера мое послание, но я был совершенно выбит из колеи. Нынче утром я отправил леди Мэшем письмо, в котором попросил ее написать несколько слов утешения несчастной герцогине, а днем пообедал с ней в Кенсингтоне, где она собирается рожать и провести два последующих месяца. Она обещала уговорить кор[олеву] написать герцогине несколько ласковых слов, а завтра я попрошу лорда-казн[ачея] навестить и утешить ее. Я опять провел нынче с нею 2 часа и нашел ее в еще худшем состоянии, нежели вчера. Приступы отчаяния, правда, стали реже, сменившись глубоким унынием. У нее бездна остроумия и живости, ей примерно 33 года, она хороша собой и грациозна и не дает спуску тому, кто ее хоть чуть-чуть заденет, из-за чего у нее множество недоброжелателей и мало друзей. Леди Оркни, ее невестка[946], узнав о случившемся, приехала в Лондон навестить герцогиню, что свидетельствует о ее доброте и участии. Они всегда питали друг к другу крайнюю неприязнь, и бедная герцогиня из себя выходила, слыша от людей, что я частенько бываю у леди Оркни. Однако я решил помирить их, потому что теперь герцогиня едва ли кому может внушать зависть и должна учиться смирению у самого сурового наставника — несчастья. Я намерен убедить кабинет министров выпустить указ (если только они найдут это возможным) с обещанием награды тому, кто задержит негодяя Макартни[947]. Что прикажете делать с этими убийцами?

Я не смогу окончить это письмо нынче вечером, да в этом и нет надобности, ведь у меня все равно не будет возможности его отправить раньше вторника; кроме того, завтра коронер должен произвести осмотр тела герцога, и я буду больше обо всем осведомлен. Но какая вам обо всем этом забота? Разве бедняжку *МД* печалят несчастья друзей *беебдгп*? Однако это случай из ряда вон выходящий. Уже поздний час, и я ложусь спать. Это письмо опять напоминает дневник. [Ноци].

17. Нынче днем я опять навестил герцогиню Гамильтон, а потом повидался с леди Оркни, которую увещевал быть поласковей со своей невесткой в ее нынешнем горестном положении, поскольку герцогиня сказала мне, что леди Оркни посетила ее, однако не выказала подобающего в таких обстоятельствах участия. Они друг друга ненавидят, но я все же попытаюсь хоть как-то это загладить. Я набросал небольшую заметку для завтрашнего номера «Почтальона», насколько можно более язвительную, и очень во вкусе его издателя — Эйбела Роупера. Обедал я у лорда-каз[начея] в 6 часов вечера, потому что он только в это время возвращается обычно из Виндзора. Он обещал завтра навестить герцогиню и сказал, что у него есть послание к ней от королевы. Я расстался с ним только во втором часу [так что ноци вам, длагоценнейшие *МД*].

18. Сегодня днем должно состояться заседание Тайного совета в связи с убийством герцога Гамильтона, и я надеюсь, что Макартни будет объявлен виновным. Перед тем, как сесть писать вам письмо (сейчас полдень), я побывал у герцогини, дабы уведомить ее обо всем. Ее навестит сегодня лорд-казн[ачей]. Она очень скверно себя чувствует. Суд присяжных еще не вынес своего решения на основании осмотра тела, проведенного коронером, однако мы подозреваем, что герцога заколол Макартни, в то время как тот дрался с Мохэном. Кор[олева] и лорд-казн[ачей] очень обеспокоены всем случившимся. Я опять обедаю нынче с лордом-казн[ачеем], однако прежде должен буду отправить письмо в почтовую контору, в противном случае я уже не успею это сделать, — ведь лорд-казн[ачей] обычно задерживает меня допоздна. Бен Тук просил меня написать *МС*, чтобы она поскорее прислала доверенность, он говорит, что уже давно пора было это сделать. Велите, пожалуйста, Парвисолу написать мне и прислать полный отчет о моих делах и скажите, что я приеду весной и чтобы он непременно продал лошадей. Прайор был допущен к августейшей ручке и в ближайшие дни возвратится во Францию, а лорд Страффорд — в Голландию. Теперь, после того как испанский король отказался от каких бы то ни было притязаний на Францию, мир неминуемо должен быть заключен в очень скором времени. Отныне вам не следует

величать Филиппа герцогом Анжуйским, потому что мы признали его королем испанским. Доктор Пратт сказал мне, что вы там в Ирландии все помешались на театральных прологах, комедиях и уж не знаю, на чем еще. Семейство еп[ископа] Клог[ерского] пребывает в добром здравии. Не то они недавно получили что-то от вас, не то — вы от них, я уже запамятовал. На днях я у них обедал, но сам епископ явился, когда мы уже встали из-за стола, и надо сказать, что еда и вино были очень так себе. Вчера меня навестил мистер Ведо, который справлялся о вас. Он был в чине лейтенанта, но теперь уволен и состоит на половинном жалованье. Для себя он ничего не просил, но хлопотал о должности для своего приятеля, который изъявил готовность отблагодарить за это парой превосходных перчаток. И еще ко мне явился некий Хейл и передал через слугу письмо, в коем, ссылаясь на то, что вы некогда проживали у него в доме, он выражает пожелание, чтобы я раздобыл для него какую-нибудь цивильную должность. Я велел слуге сказать, что меня нет дома и что я не имею обыкновения читать писем, сочиненных самими подателями, и прочее. Я пожаловался одной даме, что не знаю, как выхлопотать кое-кому повышение по службе в соляном ведомстве с 40 фунтов в год до 60. Она сказала, что это зависит от некоего Гриффина[948], с которым я после этого встретился у нее на квартире, причем оказалось, что мы уже прежде были с ним знакомы. Я назвал ему Филби и сказал, что он проживает где-то неподалеку от Нантуича, на что Гриффин откровенно ответил, что уже имел как-то случай беседовать с этим человеком и убедился, что тот мало смыслит в своем деле; однако, если он узнает, что тот переменился к лучшему, то непременно выполнит мою просьбу. Поэтому я пока повременю с дальнейшими хлопотами, а возвращусь к этому делу позже, и если *БСС* будет писать Филби, то пусть посоветует ему выказать побольше усердия и прочее. Я дал Гриффину ясно понять, что весьма желал бы, чтобы это было сделано, разумеется, если Филби переменится к лучшему. Вот мой отчет касательно поручения *беебсс* ее покорнейшему [слуге *БЛГП*]. Мне предстоит еще немало потрудиться, чтобы закончить начатую мной работу, а времени в обрез, но эти негодники-министры и не думают торопиться со своей помощью. Все это и вынуждает меня подчас нарушать регулярность переписки с [*МД* и втихомолку пропускать неделю-другую. Площайте, дол[огие] плоказницы, длагоценнейшая *МД, МД, МД, МД, МД, Досвид, Досвид, Досвид, МС, МС, МС,* тлам].

Догадайтесь, как я в последнее время складываю свои письма.

Письмо LVI

Лондон 12 декабря 1712.

[*пятница*]

Какие стланные весци плоисходят здесь тепель: скопирось слазу два сипма от *МД*, на которые я еще не ответил. Никогда прежде такого не бывало. Я стал медлительней, а *МД* — расторопней. Правда, получением последнего письма я обязан доверенности *МС*. А почему, скажите на милость, ее нельзя было выслать до наступления срока платежа? Или для *МС* так уж трудно прислать доказательство того, что она еще здравствует? Торжественно объявляю, что я сейчас решительно не в состоянии писать *МД* о всяких прочих делах, однако в следующем письме возвращусь к своим записям на манер дневника, потому что, как я убедился на опыте, писать их куда легче, хотя они не содержат ничего, кроме упоминаний, где я обедал и что за этот день произошло. Я буду посылать вам теперь только по одному письму в 3 недели до тех пор, пока не разделаюсь с работой, которой теперь занят, а это, я полагаю, должно произойти самое большее недель через шесть. Ох, *БСС*, я очень хорошо помню, как вы, бывало, мне выговаривали за то, что я сую нос в чужие дела: теперь, как видно, в отместку за это, у меня таких дел более, чем достаточно. Какие-то две женщины заходили ко мне сюда по 6 раз каждая; я правда, их так ни разу и не видал. От одной я отделался с помощью письма, а другую все же придется повидать, чтобы сказать ей, что я бессилен ей помочь. Она — жена некоего мистера Коннора, моего однокашника по колледжу, и явилась по нелепейшему делу, связанному с какими-то давними претензиями, которые можно будет удовлетворить не раньше, нежели когда я стану лордом-казначеем. Я уединился от всех в укромном убежище на 2 этаже и велел друзьям не разглашать моего местопребывания, и однако же каждое утро 2—3 олуха непременно мне досаждают, а мой нынешний слуга еще не наловчился врать всем, что меня нет дома. То, что я уже написал, составит после напечатания 130 страниц in folio; осталось написать еще 30, и тогда получится большая книга ценой в 4 шиллинга. — Мне хотелось бы воспользоваться какой-нибудь оказией, чтобы послать вам немного табаку, и я постараюсь разузнать, кто в ближайшее время собирается в Ирландию, дабы не упустить такого случая. Я получил письмо от Парвисола и нахожу, что он очень мало выручил за все полученное в счет десятины. Сегодня допрашивали полковника

Гамильтона — секунданта герцога Гамильтона; он, надо думать, благополучно выпутается[949] из этого дела, но ничего определенного я пока не слыхал. Обедал я с лордом-казн[ачеем], однако ушел от него около девяти и сделал еще несколько визитов. В следующий понедельник, видимо, состоится бракосочетание его дочери — леди Бетти с маркизом Кармартеном. — Я понятия не имел, что поместье, в котором вы гостили, называется Портрейн, пока вы не сообщили об этом в своем последнем письме. Суонтон, что ли, купил его у Уоллиса[950]? Этот Уоллис, помнится, любил порисоваться и притязал на глубокомыслие. Благодарение господу, что *БСС* чувствует себя лучше; я молю всевышнего, чтобы он и впредь хранил ее. Памфлет о политической лжи написан доктором Арбетнотом, автором «Джона Булля», он очень недурен и притом написан довольно замысловато — не сразу раскусишь. Хиггинс был прежде капелланом герцога Гамильтона? — Да герцог Гамильтон не только никогда не помышлял о капеллане, но, я полагаю, даже понятия не имел о существовании этого Хиггинса. Впрочем, ваш брат — ирландцы — известные пожиратели новостей. — Декан Фрэнсис[951]!? Сэр Р. Левиндж!?[952] Вздор, сущий вздор! А насчет Пратта еще больший вздор! У нас здесь кончились наши славные морозы, а вот Эйбел Роупер извещает, что у вас в Дублине было будто бы наводнение; ай да молодцы! Ох-хо-хо, я только теперь уразумел, о чем вы говорите: оказывается, Портрейн был конфискован в пользу Суонтона. Ай, ай, ай, теперь я ясно вижу, что в начале вашего письма написано «Портрон». Я прежде не обратил на это внимания. А теперь перейдем к вашему второму письму № 36. Итак, вы значит познакомились с каким-то изделием Граб-стрит, повествующим об этой истории с картонной коробкой. Газеты вигов меня в связи с этим поносили на чем свет стоит. Господи, помоги мне. Но что мне было делать? Я ведь рисковал собственной жизнью. Подробный отчет обо всем этом напечатан в «Почтальоне» и в «Вечерней почте» того самого дня, когда это произошло. Лорду-казначею прислали печать, которой эта злосчастная коробка была запечатана, а также указание, как найти другой такой же пистолет, спрятанный в дупле одного из деревьев Сент-Джеймского парка; руководствуясь этим указанием, посланные лордом Болинброком люди тотчас же его нашли. Но кто отправил этот подарок, так до сих пор и неизвестно. Как выяснилось, герцог Гамильтон старался избежать ссоры, насколько это было возможно, сообразуясь с правилами чести, которые в ходу среди модничающих хлыщей. Как прикажете понимать ваши слова, что вы отправили Филби рассерженное письмо?

Надеюсь, вы ни единым словом не обмолвились о том, что узнали кое-что от меня. Ай, Стелла, я вас уличил: вы писали у печи[953], скселная, скселная, сто лаз скселная деньчонка, вот вы кто за это. Право же, *ДД*, не извольте беспокоиться, я буду осторожен. Королева теперь уже в Лондоне, и через два дня исполнится ровно месяц, как леди Мэшем родила. В понедельник я присутствовал на крестинах, но мне не удалось настоять на том, чтобы мальчика нарекли в честь лорда-казначея Робином, и его назвали Сэмюэлем — по отцу. Мой брат герцог Ормонд прислал мне нынче шоколаду, и я бы очень хотел, чтобы часть его досталась *МД*; меня уверяют, что он будет мне весьма полезен, а посему намерен пить его по утрам. Поскольку королева вернулась в Лондон, в следующий четверг состоится собрание нашего Общества, а лорд-казн[ачей] уверяет меня, что вскоре будет также учреждено Общество для исправления языка. Я раздал нынче слугам целых десять шиллингов, нот тут уж хоть плачь — не поможет. Боже милосердный, сколько шума по поводу ваших знакомств и визитов; ну, конечно же, все они очаровательные люди, какие в том могут быть сомнения. Что до меня, то я ни с кем компании не вожу и не испытываю к тому ни малейшего желания. Я никогда не бываю в кофейнях или тавернах и с тех пор, как уехал из Виндзора, ни разу не притрагивался к картам. Очень редко делаю визиты и посещаю levee. Единственное, что я себе позволяю, — так это засиживаться иногда допоздна за обедом, да и то, если компания мне по душе. В последнее время я почти забросил герцогиню Шрусбери, вдову герцога Гамильтона и еще нескольких своих знакомых. Лорд-казначей, герц[ог] Орм[онд] и леди Оркни — вот, пожалуй, и все, с кем я довольно часто встречаюсь. Да, да, и, разумеется, леди Мэшем и лорд Болинброк, и еще два-три близких приятеля. Я нигде не появляюсь, кроме как при дворе, где норовлю отвернуться от лорда ради самого незначительного из моих знакомых, и особенно люблю бывать там по воскресеньям, чтобы иметь возможность повидать свет. Но, сказать по правде, я начинаю всем этим тяготиться. Мне не по душе мильон вещей в наших государственных делах, и я ничуть не сомневаюсь, что, задержись я здесь намного дольше, я бы погубил себя попытками их исправить. Меня каждый день просят придумать для этого какой-нибудь способ, но я не вижу ни одного, который мог бы оказаться хоть сколько-нибудь успешным. Невозможно спасти людей против их собственной воли, а я и без того уже слишком увяз в своих попытках залатать дыры. Понятны ли вам все эти материи? — Нет? — Так-с, а вы, небось, уже возвратились теперь к ломберу и своему декану и готовитесь к Рождеству, которое я

желаю вам провести как можно веселее. Да, и, пожалуйста, не проигрывайте денег и не играйте в азартные игры. Ноци вам, плоказницы, влемя уже позднее, и я лягу баиньки, потому что сон у меня неклепкий, и я никогда теперь не отваживаюсь выпить после обеда кофия или чаю, но зато утлом я плосыпаюсь с болсим тлудом. Причиной тому, как видно, время и возраст. Ноци, длагоценнейшие *МД*.

13. Утро. Я с таким трудом теперь просыпаюсь по утрам, что слуге приходится по десять, а то и больше раз меня будить. Никаких сегодняшних новостей я пока не могу вам сообщить. Какой-то неугомонный пес зеленщик каждое утро в одно и то же время изводит меня воплями о капусте и брюкве. Вот и сейчас он принялся за свое, хоть бы кто-нибудь заткнул ему глотку самым большим из его кочанов. Я перебрался теперь в дом на противоположной стороне; он выходит на Райдер-стрит, где когда-то жила *ДД*. Плипоминаете, марам? — Нынче вечером мне надобно повидаться с аббатом Готье, чтобы узнать от него кое-какие подробности для истории, над которой я сейчас тружусь: он был первым, через кого Франция передала нам свои мирные предложения, но я целый месяц не мог выбрать время, чтобы встретиться с ним. Впрочем, он к тому же еще и изрядный пустобрех. — Леди Оркни только что прислала мне приглашение отобедать с ней. Я все еще не получил от нее обещанной ночной рубашки и к тому же я совсем отвык писать в постели, хотя как раз сейчас этим и занят, но лишь до тех пор, пока не затопят камин. У него непомерно большая решетка, и в неделю уходит не меньше двух бушелей угля, но зато я ровно столько же экономлю на квартирной плате. Лорд Эберкорн возвратился в Лондон и опять станет ко мне приставать со своим делом, хотя я ничем не могу ему помочь. — Через день-два, а, может, даже и сегодня, герцог Шрусбери отбывает во Францию. Мир будет заключен в самом непродолжительном времени; голландцы уже почти окончательно на это согласились, а если они все же вздумают чинить препятствия, то мы заключим его без них. Решение на этот счет было принято уже давно. Один сквайр из моего прихода по имени Джонс[954] — отъявленный мошенник — прислал письмо, в котором просит меня уговорить Джо Бомонта поддержать его кандидатуру в парламент от Трима. Передайте это, пожалуйста, Джо, и если он и без того уже решил голосовать за него, он может сказать Джонсу, что я получил его письмо и попросил Джо поступить именно таким образом, если же Джо обещал поддержать кого-нибудь другого, то пусть поступает, как ему заблагорассудится, а Парвисол может сказать, что он говорил об этом с Джо, но тот уже связан словом и прочее. Я получил недавно от Джо три пары очень хороших нитяных

чулок. Поблагодарите его, пожалуйста, когда увидитесь с ним, и передайте от меня, что чулки очень красивые и добротные. Я, правда, их не разглядывал, но это не имеет значения. Нынче славный день, а то ведь я совсем было разорился на каретах и портшезах из-за этой погоды, которой 12 пенни красная цена. В 11 я должен встретиться с моим братом герц[огом] Орм[ондом], а потом мне предстоит навестить герцогиню Гамильтон, у которой, боюсь, я впал в немилость, потому что вот уже десять дней, как не был у нее. — Я отправлю это письмо сегодня, а посему должен сейчас его закончить, хотя не исключено, что кто-нибудь явится и помешает мне, потому что уже десять часов (правда, сегодня я не должен бриться), а в 11 мне необходимо быть в условленном месте. Аббат Готье только что прислал записку, что не сможет нынче вечером увидеться со мной, язвы его сушат[955]. Я, впрочем, ничего от этого не потеряю, кроме одного имеющегося у него письма от Петкума[956], изобличающего плутни голландцев. Ну, разве «Поведение союзников» не превратило вас в великих политиков? Я теперь считаю, что вы отнюдь не так невежественны, как я о вас думал. Рад слышать, что вы так помногу гуляли в деревне. Скажите, моя уная аама, читает ли вам что-нибудь время от времени *ДД*? Право же, по возвращении меня ожидает немало удивительных перемен. — Но, кажется, ко мне кто-то пожаловал и я должен буду его принять: тут один человек хлопочет о каком-нибудь скромном месте, это сын старшей дочери кузена Рука[957], того самого, что уже много лет, как умер. — Да, так и есть, он самый. — Прощайте, длагоценнейшая *МД, МД, МД, МС, МС, МС, Досвид, Досвид, Досвид*, тлам —

Письмо LVII

Лондон, 18 декабря 1712.

[*четверг*]

Сегодня должно было собраться наше Общество, но лорд Гарли, которому пришел черед председательствовать на этой неделе, не мог присутствовать: он уехал в Уимблдон со своим новым зятем — молодым маркизом Кармартеном, сочетавшимся в прошлый понедельник брачными узами с леди Бетти Гарли; там же — в Уимблдоне — находится сейчас и лорд-казначей. Тем не менее, шестеро из нас все же собрались, и я предложил, чтобы наши встречи происходили только раз в две недели; ведь, между нами говоря, ничего полезного мы не совершаем. Мне пришлось нынче выложить за обед 19 шиллингов: каждый теперь платит свою долю. Не могу сказать, чтобы это было мне очень по душе. У нас сейчас ужасная погода со снегом и слякотью. Лорд Эберкорн возвратился в Лондон и, конечно же, всенепременно пожелает повидаться со мной, хочу я того или нет. Он, как вы уже знаете, претендует на герцогство во Франции, которого прежде добивался герцог Гамильтон. Однако Эберкорн намерен оспорить право Гамильтонов, если они не уступят ему 4 части, и я посоветовал герцогине договориться с ним и согласил с моим мнением министров [Ноци, длаг[оценные] судалыни *МД, МД*].

19. Как плиятно! Похоже на то, что *БДГП* снова стал писать на ма-нел дневника! Поверите ли, теперь, когда я снова втянулся, это кажется мне столь же естественно, как материнское молоко. Лорд-казн[ачей] возвратился из Уимблдона (это всего в каких-нибудь 8 милях отсюда) и прислал сказать мне, что ждет меня к обеду в 5 часов, но по милости господней меня в это время не было дома, и я вместе еще кое с кем пообедал у пригласившего нас почтенного Бена Тука. Герцогиня Орм[онд] как-то обещала мне презентовать свой портрет, и вот, возвратясь нынче вечером домой, я обнаружил в своей комнате сразу два портрета — ее и герцога. Ну, разве это не приятный сюрприз? Да-ссс, и к тому же оба портрета в красивых золоченых рамах. Я сочиняю ей благодарственное письмо, которое отправлю завтра утром, и среди прочего скажу ей, что она, видимо, столь добродетельна, что даже свой портрет к то не решается оставить в комнате наедине с МУЖЧИНОЙ, если при этом не будет присутствовать герцог, и так далее. — Мы здесь утопаем в снегу и слякоти. Леди Мэшем вот уже 3 дня как выходит из дома и виделась с королевой. Я

обедал с ней на днях у ее сестры миссис Хилл. Надеюсь, что через несколько дней она переедет из Кенсингтона в свои новые апартаменты в Сент-Джеймсе. Ноци, длаг[оценные] плоказницы *МД*.

20. Я живу сейчас во втором этаже, снимаю только одну комнату и почти никого не принимаю, и, тем не менее, у меня нет покоя и каждое утро уходит зря из-за таких людей, как Дилли, епископ, ректор и прочие, не обращающих внимания на отказы моего слуги. Нынче меня пригласила на обед леди Оркни, и поэтому я не мог обедать у лорда-казн[ачея]. Это день, когда обычно у него обедают самые близкие друзья из числа министров. Я все же пришел туда около шести; они разошлись в начале десятого, однако лорд-казн[ачей] задержал меня и рассказал некоторые подробности, связанные с браком леди Бетти. Оказывается, у этого молодого человека 60 тысяч фунтов наличными, три больших, хорошо обставленных дома и 7 тысяч годового дохода, а после смерти отца и матери прибавится еще около пяти. Доля леди Бетти, я полагаю, не превышает 8 тысяч фунтов. Помнится, то ли Тиздал писал мне однажды, то ли вы просили, чтобы я при случае напомнил о нем лорду Энглси, с которым, как он уверял, он будто бы немного знаком. Так вот, лорд Энглси был сегодня с нами у лорда-казн[ачея], и я осведомился у него насчет Тиздала и описал ему, каков тот из себя, однако милорд, оказывается, никогда его и в глаза не видал и он только прислал как-то милорду свою книгу[958]. Что за пустобрех! Передайте, пожалуйста, мистеру Уоллсу, что лорд Энглси поблагодарил меня за то, что я рекомендовал ему Клементса, и сказал, что, обретя Клементса, он словно выиграл на пари 20 тысяч фунтов. Однако предупредите Клементса, чтобы он не вздумал настрочить по сему поводу благодарственное письмо и объявить лорду, что ему стало известно о том-то и том-то и пр. А что, ведь такой поступок был бы вполне в ирландском вкусе. Скверная погода, 2 шиллинга ушло нынче на кареты, и, несмотря на это, я все равно забрызгался грязью. А сейчас я собираюсь кое-что перечесть и исправить, так что ноци вам.

21. Пустобрехи придумали новый способ изводить меня: письма, предназначающиеся мне, они иногда адресуют теперь лорду-казн[ачею], а иногда просто присовокупляют их к письмам, посылаемым ему; чаще всего это какие-нибудь прожекты или пасквили. Обычно проходит дня 3 или 4, прежде чем я удосуживаюсь их распечатать. — Как всегда по воскресеньям, я был нынче при дворе, куда хожу вместо кофейни, чтобы повидать знакомых. В прошлое воскресенье, после того как я побеседовал с сэром Уильямом Уиндхемом, к нему подошел испанский посол[959] и

осведомился, правда ли, что это доктор С[вифт], после чего попросил сказать мне, что его повелитель, король Франции и наша кор[олева] обязаны мне больше, чем кому бы то ни было в Европе, после чего мы обменялись с ним поклонами и рукопожатием. Его слова, признаюсь, доставили мне большое удовольствие. Обедал я нынче у лорда-казн[ачея] и завтра опять должен с ним обедать, хотя (как говорит *ДД*) предпочел бы скорее уклониться от этой чести. Но с тех пор, как королева возвратилась из Виндзора, он не задерживает меня допоздна. Никак не удается выбрать время, чтобы повидаться с Фанни Мэнли[960], которая сейчас в Лондоне, но в один из ближайших дней я все же постараюсь ее навестить. Ее дядюшка Джек Мэнли, как я слыхал, едва ли протянет хотя бы месяц; это будет большой утратой для ее отца в Ирландии, потому что старик, я полагаю, служил ему главной опорой. Вопрос о заключении мира вот-вот, наконец, разрешится; лорд Болинброк сказал мне нынче утром, что 4 голландские провинции объявили о своем согласии с королевой, и мы ожидаем, что и остальные не замедлят последовать их примеру. Ноци, *МД*.

22. Лорд-хранитель печати обещал мне вчера при первой же возможности предоставить приход бедняге мистеру Гири, который женился и нуждается хоть в какой-нибудь прибавке к тому, что у него есть; он в высшей степени достойный человек. Несколько недель тому назад я получил письмо от Элвика, который был женат на Бетти Гири. Кажется, бедняжка прошлым летом умерла, а Элвик разбогател и скупает земельные участки. Обедал нынче у лорда-казн[ачея], который пригласил меня и на завтра. Я вручил лорду Болинброку поэму Парнела[961], в которую тот по моему настоянию вставил несколько комплиментов милорду. Последний был чрезвычайно этим доволен и прочитал нынче некоторые места из нее лорду-казначею, которому она тоже весьма понравилась. Парнел, без сомнения, на голову выше всех здешних поэтов. Лорд Болинброк велел мне привести его к нему на рождественский обед и, кроме того, лорд-казн[ачей] обещал мне повидаться с ним. Думаю, что в один прекрасный день это может сослужить Парнелу немалую службу. Вы ведь знаете Парнела, да и о его поэме я, кажется, уже говорил вам. Ноци длагоц[енные] *МД*.

23. Нынче утром я представил лорду Болинброку поэта по имени Дайпер, а заодно познакомил и с его новой поэмой[962], весьма недурной, а теперь я должен передать ему от милорда некую сумму. Я задумал сделать из него священника, он уже и так наполовину священник, поскольку был в свое время рукоположен в дьяконы и исполняет обязанности викария в

небольшом сельском приходе, хотя здесь в Лондоне и ходит при шпаге. Это низкорослый, тщедушный, жалкий человечек, но в сутане у него будет вполне пристойный вид, и мы заставим лорда-казначея дать ему приход. Лорд Болинброк написал лорду-казн[ачею] записку с просьбой извинить меня на сегодня, так что я остался обедать у него в обществе испанского посла Монтелеона, наговорившего мне множество любезностей. Я просидел с ними до девяти, а сейчас уже начало одиннадцатого, и мой слуга меня запер, а между тем мне только теперь пришло в голову, что я рискую попасть в немилость у Тома Ли. Этот вертопрах навязался в знакомые к некоему Экершелу, служителю королевской кухни, который любезно обошелся с ним в Виндзоре из уважения ко мне, потому что я оказал этому Экершелу кое-какие услуги. Ли все приставал ко мне, чтобы я согласился провести вечер у него на квартире в обществе этого Экершела. Я несколько раз отнекивался, пока, в конце концов, не вынужден был пообещать, что приду нынче вечером, но у меня это совсем вылетело из головы, пока я не очутился под замком. А сейчас, сколько я ни звал, все было напрасно: слуга, видно, уже завалился спать, так что мне придется завтра послать Тому Ли свои извинения. Признаться, я его не переношу, и, если мне случается встретить его в парке, стараюсь вести себя с ним как можно более сдержанно. Если бы только этот мошенник знал, как он выводит меня из себя. Однажды он осведомился, отчего это я не засвидетельствую своего почтения епископу Дроморскому[963], на что я ответил, что не имею чести быть с ним знакомым и потому не осмеливаюсь и прочее. Приняв мои слова за чистую монету, он стал уверять, что епископ нисколько не высокомерен и прочее. — Как-то он стал рассказывать мне, какие несправедливости чинит один судья в Ирландии; «Отчего же его в таком случае не сместят?» — спросил я, на что он ответил: «Полагаю, что епископам, вам, мне, и прочим лицам духовного звания следовало бы собраться и посоветоваться по этому поводу». Тогда я извинился и сказал, что не могу быть полезен в такого рода делах. «Отчего же, — возразил он, — каждый может хоть чем-нибудь быть полезен». Ну, не угодно ли, каким странным способом он ухитряется досадить мне: ведь этот пес прекрасно знает, что мне достаточно сказать полслова, чтобы добиться большего, нежели всем им вместе взятым. Он делает это из свойственного ему высокомерия и зависти, а вовсе не в шутку и не из желания подразнить меня. Он один из тех, которые предпочитают, чтобы услуга лучше вовсе не была оказана, нежели оказана приватным лицом, да еще и к тому же его соотечественником. Надеюсь, эти материи вам понятны? Ноци, дл[агоценные] плоказницы, потому что я лягу баиньки.

24. Нынче обедал с канцлером казначейства, поскольку хотел, чтобы он ознакомился с некоторыми из моих бумаг, но ничего из этого не вышло; и еще я посредничал между семейством Гамильтонов и лордом Эберкорном, стараясь привести их к соглашению, и полагаю, что они так и сделают. Лорд Селкерк[964], брат покойного герцога, должен приехать в Лондон с тем, чтобы отправиться во Францию и предъявить там свои права. Министры склонны думать, что притязания Гамильтонов будут в какой-то мере удовлетворены, вот почему они уполномочили меня посоветовать Гамильтонам договориться с Эберкорном, который запросил 4 часть; если же они не уступят, он поедет во Францию и испортит им все дело. Ноци, судалыни.

25. [Весерого вам Лождества, весерого вам Лождества! — Я поздравил вас первый! Зелаю вам этого тысяцю лаз от всего селдца.] Нынче я привел Парнела на обед к лорду Болинброку; он очень хорошо держался, и милорд остался чрезвычайно им доволен. В 8 утра я побывал в дворцовой часовне, а потом еще и в церкви, а к десяти причащение уже закончилось. Кор[олева] при богослужении сегодня не присутствовала из-за приступа подагры в руке; возвратясь из церкви, я так засиделся у себя в комнате, что пропустил время, когда следовало отправиться ко двору. Говорил ли я вам, что кор[олева] пожелала, чтобы при дворе теперь каждый день устраивали приемы. Ноци, длаплоказницы.

26. Я зашел к герц[огу] Орм[онду], чтобы пожелать ему счастливого Рождества, и дал полкроны его привратнику. Придется раздать этой братии не менее дюжины полукрон. Обедал с лордом-казн[ачеем], который выговаривал мне за то, что я 3 дня кряду носу не казал, он необычайно любезен, ч[ума] его забери, но не столько из вежливости, сколько из корысти. Говорят, будто Макартни укрылся в Ирландии. Не находите ли вы забавным, что, когда на сего джентльмена напали разбойники, он не нашел ничего лучше, как уведомить их, что он — Макартни, а они в ответ на это препроводили его к мировому судье в надежде на вознаграждение[965], однако мошенников тотчас же усадили за решетку. Ну, разве это не свидетельствует о чрезвычайном присутствии духа? Впрочем, вы наверно, уже о сем наслышаны, ведь Граб-стрит не замедлила откликнуться, Лорд Бол[инброк] сказал мне нынче, что после обеда мне придется удалиться, поскольку лорд-казн[ачей], он и прочие намерены заняться делами, на что я ответствовал, что мне надлежит знать их дела не меньше, нежели кому бы то ни было, раз именно мне предстоит их оправдывать[966]. После чего все гости ушли, а я остался вместе с членами

кабинета, и в итоге их дела оказались настолько важными, что я едва не заснул. Я ушел от них в 9, а сейчас уже 12. Ноци, *МД*.

27. Обедал с комендантом Дюннерка генералом Хиллом в обществе обеих его сестер — леди Мэшем и миссис Хилл и еще кое-кого и просидел у них до 11 часов, глядя, как они играют в карты, потому что сам я разлюбил это занятие. А вот *БСС*, я думаю, стала заядлым игроком. Я сильно простудился и боюсь, что самое худшее еще впереди, хотя это все же случается со мной нечасто, а посему мне следует запастись терпением. Нынче на Мел мне встретились мистер Аддисон и пасторальный Филипс, и я немного с ними прогулялся, однако оба они держались чрезвычайно натянуто и сухо. А все из-за этих проклятых партий! Известно ли вам, что я больше, чем кто бы то ни было, приложил стараний, чтобы снискать острословам из вигов расположение и милость министров. Кто, как не я, помог Стилю сохранить его должность? Я добился того, что с Конгривом обошлись великодушно и обеспечили ему безбедное существование. Я хлопотал за Роу, и ему было обещано место; я, без сомнения, позаботился бы и о Филипсе, если бы он не помешался на этих партийных распрях и не вынудил меня тем самым отказаться от моих собственных слов в его пользу; наконец, мне удалось на первых порах представить мистера Аддисона в таком благоприятном свете, что его услугами не прочь были воспользоваться, и я же отчасти содействовал сохранению за ним его должности. И при всем том эта братия обходится со мной хуже, чем с кем бы то ни было. Ладно, садитесь-ка лучше, судалыня *БСС*, за карты, да не забудьте, судалыня, подать вина и флуктов, а я рягу баиньки, потому что мне уже давно пола вздлемнуть. — Ноци, *МД*.

28. Меня так донимает простуда, что я не в силах был нынче ни пойти в церковь, ни появиться при дворе, и, тем не менее, отважился отправиться к леди Оркни, к которой был зван на обед вместе с герц[огом] Орм[ондом], и все потому, что могу там кашлять и отхаркиваться сколько душе угодно. Герцог и лорд Арран ушли раньше, а я засиделся с лордом и леди Оркни до начала двенадцатого и чувствую себя теперь еще хуже прежнего. Даже голова кружится; надеюсь, что это от простуды. — О, — говорит *БСС*, — да ведь при простуде у любого человека кружится голова. Пусть так, лишь бы не от чего-нибудь похуже. Однако я все же лучше сейчас лягу, тем более, что ночной сторож уже прокричал полночь. Ноци, длаг[оценные].

29. Нынче я выбрался из дома пораньше, чтобы избежать осаждающих меня дураков и успеть повидаться с лордом Болинброком касательно одного дела, и что же вы думаете: он тоже успел уйти. Обедал я в Сити у моего типографа и удовольствовался вареной гусиной ножкой и куском

черного хлеба. Говорил ли я вам, что намерен воздержаться от напечатания того, над чем в последнее время трудился, пока двор не примет касательно меня какого-нибудь решения. Я не желаю наживать себе новых врагов и тем паче ожесточать еще больше уже имеющихся, пока не обрету надежного убежища, и министры об этом моем намерении осведомлены. Так что вашим надеждам на возможность ознакомиться в скором времени с этим моим трудом не суждено сбыться. Говорят, что лорд-казначей будто бы нездоров. Меня очень донимает простуда. У каждого свое. [Ноци вам обеим, дол[огие] плоказницы].

30. К субботе этот лист, я полагаю, будет весь исписан [и тогда я его отправлю]. Герцог Орм[онд], лорд Арран и я пообедали сегодня уединенно в домике старого слуги герцога. В 6 нам пришлось расстаться, поскольку на вечер было назначено заседание Тайного совета. С нами обедала также некая миссис Рэмзи[967], пожилая дама лет 55, которую все мы очень любим. Вечером я наведался к лорду-казн[ачею] и просидел с ним около двух часов. Ему ставили банки по причине простуды; он очень скверно себя чувствует и не сумеет поэтому завтра обедать со мной и Парнелом у лорда Болинбр[ока]. Он обещал, однако, увидеться с Парнелом как-нибудь в другой раз. Я содействую возвышению Парнела отчасти назло здешней завистливой ирландской братии, особенно Тому Ли. Нынче же я виделся с семейством еп[ископа] Клог[ерского]. Его дочь очень сильно простужена и беспрестанно кашляет. Ноци, *МД*.

31. Мы с Парнелом обедали сегодня у лорда Болинброка; нужно было внести некоторые исправления в поэму Парнела, и я заставил лорда показать все те места, которые он находит неудачными. Как только Парнел выправит их, поэма будет напечатана. Вечером пошел посидеть немного с лордом-казн[ачеем]. Ему уже лучше, и через день-другой он станет выходить. Я оставался у его сиятельства, пока молодые члены семьи не сели ужинать, а потом леди Оксфорд поднялась к милорду, а я спустился к ним; я застал их в очень веселом расположении духа и засиделся с ними до полуночи. Там были лорд и леди Даплин, молодожены — лорд и леди Кармартен, а также лорд Гарли и я, а старики оставались вдвоем наверху. Это напомнило мне прежние времена, когда я, бывало, частенько предпочитал незаметно улизнуть с кем-нибудь от стариков, хотя в данном случае я, конечно, имею в виду не бедного лорда-казн[ачея], ведь он так же молод, как любой из нас, а леди Оксфорд, которая просто-напросто глупая старуха. Я все еще до того простужен, что даже не различаю никаких запахов. Домой я возвратился совсем недавно, и уже первый час ночи, так что я улягусь в постель и к подушке сладко приклоню, как свинец,

тяжелую главу. Ноци, *МД*.

1 января. [Зелаю тысячу весерых новогодних плаздников длагоценнейшим клоскам *МД*, и да благословит вас господь всемогущий и ниспошлет вам счастье]. Совсем забыл сказать вам, что вчера ко мне пришел лорд Эберкорн и стал приставать со своим французским герцогством, при этом он таким причудливым способом намекал на то, что подозревает меня в пристрастии к семейству Гамильтонов, что присутствовавший при этом доктор Пратт решил, что он спятил. Не успел он удалиться, как лорд Оркни прислал узнать, нельзя ли ему зайти ко мне на полчаса, дабы переговорить об одном деле[968]. Я, разумеется, послал ответ, что буду его ждать. Он не замедлил явиться вместе с леди Оркни, и мы некоторое время обсуждали тот же предмет. Только он ушел, оставя меня с миледи, как пожаловал граф Селкерк, коего я доселе в глаза не видал. Он тоже доводится братом покойному герцогу Гамильтону и собирается сейчас во Францию, поскольку старая герцогиня, его мать, уполномочила его вести переговоры касательно их притязаний на герцогство Шательро. Битых два часа он изводил меня, не обращая ни малейшего внимания на мое нетерпение и удерживая за руку, когда я порывался встать. Селкерк желает, чтобы я склонил правительство принять их сторону против лорда Эберкорна и убедил министров, что у лорда Эберкорна нет на это никаких прав; мало того, я должен, по его мнению, убедить в этом и самого лорда Эберкорна; он-де весьма сожалеет о том, заметил он в заключение, что я более расположен в пользу Эберкорна, нежели в пользу семьи Гамильтонов. Тут уж я потерял всякое терпение и высказал ему кое-что напрямик. Подумать только, я оказался в руках у двух отъявленных пустобрехов. И поделом, заметит при этом *БСС*, незачем было впутываться в чужие свары. Я призвал еп[ископа] Клог[ерского] в свидетели, что Эберкорн жаловался, будто я весь прошлый год уклонялся от встреч с ним, и поклялся, что впредь он не будет принимать от моего слуги никаких отказов. Министры позволили мне уведомить семейство Гамильтонов, что, по их мнению, Гамильтоны должны договориться с Эберкорном. При этом присутствовал как раз лорд Энглси, от которого Эберкорн и узнал о таком мнении, и теперь он с важным видом твердит мне, что министры будто бы поручили мне уладить это дело и я, следовательно, обязан выполнить то, что мне поручено, и прочее. — Однако отныне я их знать не желаю. Я предупредил лорда-казн[ачея] и лорда Бол[инброка], чтобы они остерегались Селкерка, потому что он не отвяжется, ч[ума] его забери. Но кто особенно выводит меня из себя, так это Эберкорн. Ведь не кому иному, как мне, этот щенок обязан

благосклонным отношением со стороны министров. — Обедал нынче у лорда-казн[ачея] вместе с молодыми членами семейства, после чего просидел с лордом-казн[ачеем] до 9-ти, а потом мне пришлось навестить леди Мэшем, у которой я засиделся до полуночи, беседуя о положении дел, пока не впал, наконец, в уныние, как это произошло бы с каждым, кто хоть сколько-нибудь посвящен в подоплеку событий. Тысяча вещей идет вкривь и вкось, хотя большую часть из них легко было бы исправить, но все наши попытки в лучшем случае приносят ничтожную пользу, а подчас и вовсе ни к чему не приводят. Вражда[969], которую я уже дважды, рискуя всем своим влиянием, кое-как унял, разгорелась теперь больше, чем когда бы то ни было. — Чтоб она сгорела, эта политика. Как бы я хотел очутиться вдали от дворов и министров! [Ноци, длагоценные малыски *МД*].

2. Нынче утром, слоняясь без дела, заглянул вместе с доктором Праттом на аукцион картин, где меня чуть было не уговорили купить приглянувшуюся мне картину, которая, кажется, никуда не годится. Пратт отправился туда с намерением купить несколько картин для еп[ископа] Клог[ерского], решившего выложить десять фунтов, дабы украсить свой дом предметами роскоши. Мы пообедали с епископом, поскольку вышло так, что я никуда не был зван, а вечер я провел с еп[ископом] Оссорийским, который прикован сейчас к постели подагрой. Нынче вечером в Лондон прибыл французский посол герцог д'Омон[970], и чернь с криками сопровождала его до самого дома. Я все еще не различаю запахов, хотя простуда начинает постепенно проходить. У нас по-прежнему держатся свирепые морозы. А теперь [ступайте и будьте весеры и доблой вам ноци, судалыни].

3. Лорд Даплин и я отправились нынче в 10 утра с лордом и леди Оркни в Уимблдон, расположенный в 6 милях отсюда, проведать лорда и леди Кармартен. Это самое прекрасное место в окрестностях Лондона. Бывали ли вы там когда-нибудь? Я как-то был там однажды лет пять тому назад. Леди Кармартен, как вы уже знаете, дочь лорда-казн[ачея], которая недели три тому назад вышла замуж. Надеюсь, этот молодой человек будет ей хорошим мужем. — Я должен сейчас отправить свое письмо. Домой я возвратился к вечеру. Мороз по-прежнему свирепствует. Я все еще не различаю запахов, но простуда понемногу проходит, […судалыни, я сейчас с вами поплощаюсь]. Да, чуть не забыл спросить, как обстоит [у *МД* с деньгами? Пожалуйста, известите меня заблаговременно перед тем, как они вам понадобятся]; и еще, пожалуйста, передайте, как обычно, миссис Брент долговую расписку, которую я написал на оборотной стороне листа.

Кажется, я уже довольно давно не платил ей. [А теперь отправляйтесь играть в карты и веселитесь, дологие судалыни, и рюбите *БДГП*, который рюбит *МД* больсе своей зизни. Площайте, длагоценнейшая *МД, МД, МД, МД, МД… МС, МС, МС, Досвид, Досвид, Досвид, Досвид, МС, МС,* тлам тлам тлам]. Скажите миссис Брент, что лишние шесть шиллингов предназначаются ей в качестве новогоднего подарка.

Мне только что сообщили о кончине бедной дорогой леди Эшбернхем, дочери герцога Орм[онда], которая преставилась вчера в своем поместье. Бедняжка ожидала ребенка. Я питал к ней самую большую привязанность и безмерно опечален ее кончиной. Мне едва ли когда приходилось встречать человека более прекрасного во всех отношениях. Вы должны ее знать по моим рассказам. У меня не хватает духу встретиться с герцогом и герцогиней. От природы она была очень крепкого здоровья и, боюсь, это произошло оттого, что она недостаточно себя берегла. Посочувствуйте мне, пожалуйста, в моем горе, ведь это до чрезвычайности грустно. Ее супруг — сущий ветрогон и не стоит того, чтобы я когда-нибудь впредь утруждал себя мыслями о нем; с ее кончиной он утратил все, что у него было ценного. Думаю, впрочем, что он обращался с ней довольно хорошо. — Жизнь становится мне ненавистна, лишь только я подумаю, что она подвержена таким случайностям, и зрелище стольких тысяч презренных тварей, которые обременяют землю, в то время когда такие, как она, умирают, наводит меня на мысль, что всевышний никогда не замышлял жизнь как благо. — Прощайте.

Письмо LVIII

Лондон, 4 января 1712—1713.

[*воскресенье*]

Свое последнее письмо я закончил печальным известьем о кончине несчастной леди Эшбернхем. Еп[ископ] Клог[ерский] и доктор Пратт уговорили меня пообедать нынче вместе с ними у лорда Маунтджоя, куда мы были приглашены и о чем я совсем было запамятовал. Леди Маунтджой сказала мне, что Макартни удалось вырваться из наших рук целым и невредимым; она разговаривала с человеком, получившим от него письмо из Голландии; да и другие тоже это подтверждают. Трудно примириться с мыслью, что подобный негодяй ускользнул безнаказанно. На пути от лорда Маунтджоя я встретил французского посла герцога д'Омона, направлявшегося от лорда Болинброка, у которого он обедал, на приватную аудиенцию к королеве. — Я последовал за ним во дворец, где толклось множество народу, и в то время, как я разговаривал в опочивальне у камина с герцогом Аргайлом, посол вышел от королевы. Аргайл представил меня ему, и мы вместе с лордом Болинброком некоторое время с ним беседовали. Он производит весьма приятное впечатление и чем-то напоминает гер[цога] Орм[онда], даже точно так же экспансивен. После богослужения я показал нынче еп[ископу] Клог[ерско]му при дворе всех сколько-нибудь примечательных людей. — Ноци [обеим моим длаг[оценным] плоказницам и прутовкам].

5. Хотя морозы у нас несколько ослабли, но все еще стоит жестокая стужа. Лорд-казн[ачей] уже выздоровел и нынче вечером выходил из дома, чтобы увидеться с кор[олевой]. Обедал я с леди Оксфорд, а потом немного посидел с лордом-казн[ачеем] перед тем, как он ушел. Лорд-казн[ачей] показал мне письмо, автор которого пожелал остаться неизвестным, касательно доктора Брауна, епископа Коркского[971], в коем его аттестуют, как заслуживающего лучшего епископата, поскольку он будто бы оказывал противодействие лорду Уортону, за что и был назначен епископом, и, кроме того, автор письма восхваляет его, как незаурядного политика и пр. Все это находится в полном противоречии с его истинным характером, что я и взял на себя смелость разъяснить лорду-казн[ачею]. — Что за бесстыжие псы обретаются в этом мире. Нынче утром я пошел навестить несчастных герцога и герцогиню Орм[онд] и застал герцога с мистером Саутуэлом и еще двумя джентльменами в его приемной. Когда эти двое

удалились, он заговорил о лорде Эшбернхеме и выразил опасение, что виги снова перетянут его теперь на свою сторону; при этом он силился, насколько мог, держаться бодро, однако по временам помимо своей воли умолкал, и глаза его наполнялись слезами. Я старался в эти минуты не глядеть в его сторону, чтобы дать ему возможность (которой он и пользовался) утереть глаза платком. Мне никогда еще не приходилось видеть столь трогательного зрелища и вместе такого величия ума, нежности и благоразумия. [Ноци, *МД*].

6. Лорд Болинбр[ок], Парнел и я обедали нынче у пригласившего нас Дартнефа, это мой приятель, о коем я не раз вам рассказывал. Лорд Болинбр[ок] чрезвычайно благоволит к Парнелу. Приятно видеть, как человек, которого в Ирландии едва ли считали достойным хоть какого-нибудь внимания, прокладывает здесь себе дорогу с помощью самой незначительной дружеской поддержки. Погода у нас мерзкая, дождливая, я едва осмелился нынче выйти из дому и не знаю никаких новостей. Лорд-казн[ачей] совсем уже здоров и, надеюсь, впредь побережется от простуды. Герцогиня Мальборо уезжает из Англии к своему герцогу. Она презентовала по сему случаю нескольким своим друзьям по кольцу ценой, как говорят, в 200 фунтов каждое. Одно из них ей следовало, по моему убеждению, подарить мне, хотя герцог и делал вид, будто более заклятого врага, чем я, у него нет, и даже передавал мне это через третьих лиц, смиренно уведомляя меня, насколько он был бы рад, если бы я сменил свой гнев на милость. Я просил одну даму, нашу общую знакомую, передать ему, что на самом-то деле я воспрепятствовал многим, куда более суровым, направленным против него мерам, однако не ради него самого, а потому, что считал это недостойным и выражал пожелание, чтобы его не лишали ничего, кроме власти. [Ноци, *МД*].

7. Обедал нынче с лордом и леди Мэшем, а вечером играл в ломбер у миссис Ваномри, просто развлечения ради. Министры заполучили мои бумаги, однако сами их не читают и мне не отдают, так что я лишен теперь возможности продолжать свою работу. — Хотя погода стоит слякотная, я все же предпринял попытку погулять, но добрая половина прогулки ушла на то, чтобы избавиться от лорда Рочестера, незлобивого, обходительного и простодушного человека. — Еп[ископ] Оссорийский все же не будет назначен епископом Херефордским[972], к великому огорчению как его самого, так и его супруги. — А что, [хотел бы я знать, поделывают сейчас *МД*? Небось, играют в карты] с деканом и миссис Уоллс. — Слухи о том, что Макартни удалось ускользнуть, кажется, не вполне достоверны. — Меня извели бездарные сочинители виршей и прозы, присылающие свои

творения — такой галиматьи я еще не читывал. Я перечислил слуге их имена и наказал ни за что не пускать их ко мне. У меня новые чернила, но очень бледные, и что-то не заметно, чтобы они хоть сколько-нибудь темнели. — А сейчас я лягу баиньки, потому что уже первый час. [Копойной ноци, *МД*].

28. Могу вам сообщить, что я, наконец, вполне оправился после простуды. Жена еп[ископа] Клог[ерского] подарила мне шоколадницу, а мой брат герц[ог] Орм[онд] снабдил шоколадом, коим я по временам потчую своих гостей. Обедал нынче с лордом-казн[ачеем] в 5 часов вечера, после чего присутствовал некоторое время при том, как он и лорд Болинбр[ок] обсуждали дела, ведь мне надобно быть в курсе всех новостей, потому что… и пр. Герц[ог] Орм[онд] поручил мне переговорить нынче с лордом-казн[ачеем] касательно одного дела, однако, когда я завел о нем речь, то оказалось, что 2 часами раньше герцог уже обсудил его с лордом-казн[ачеем], чем я, признаться, был раздражен и непременно разбраню за это герцога» Я расскажу вам по сему случаю забавную вещь: среди министров, пожалуй, не сыщется ни одного, кто не поручал бы мне переговорить с лордом-казн[ачеем] о каком-нибудь касающемся их деле и притом с таким серьезным видом, словно я довожусь ему или им братом, и я обычно с таким же серьезным видом берусь за это, хотя прекрасно знаю, зачем они прибегают к моему посредничеству: они не хотят причинять себе беспокойство или же предпочитают, чтобы отказ пришлось выслушать мне, а не им. — Наш мирный договор, видимо, будет подписан не раньше, чем через два месяца: ведь нам необходимо прежде дождаться возвращения курьера из Испании, а он отправится туда лишь в следующую субботу. Лорд-казн[ачей] опять пригласил меня отобедать с ним завтра. Там будет также ваш акцизный комиссар Китли. Копойной ноци, длагоц[енные] марыски *МД*.

9. Нынче утром мы с доктором Праттом пили шоколад, а потом гуляли. Вчера мы с ним ходили проведать леди Бетти Батлер, оплакивающую свою сестру Эшбернхем. Эта шельма приняла нас, как приличествует случаю, в постели и так при этом кривлялась, что меня чуть не стошнило. Каждый день я встречаю Тома Ли, гуляющего в Парке для поддержания здоровья. Он румян, как роза, и всякий раз оповещает меня, что еп[ископу] Дроморскому, который уже дышит на ладан, стало намного лучше. В сегодняшнем «Экзаминере» рассказывается об игре под названием «Что это напоминает?»; вы, небось, вообразите, что это написано мной, и попадете впросак, потому что никакого участия в сочинении этих листков я не принимаю. Обедал нынче у лорда-казн[ачея] и

опять буду обедать завтра, потому что это день, когда у него обычно обедают все министры. Лорд-казн[ачей] называет его днем бичевания: он всегда приходится на субботу, и мы в самом деле обычно не упускаем случая проехаться по поводу допущенных им промахов. Я был в числе завсегдатаев этого клуба, когда в него входили только бедный лорд Риверс, лорд-хранитель печати и лорд Болинбр[ок], а теперь в него затесались Орм[онд], Энглси, лорд-камергер[973], Дартмут и прочий сброд, и я ворчу по этому поводу, тем более, что они притязают теперь на равные со мной права. Впрочем, я уже не появлялся там много суббот, потому что компания стала чересчур многолюдной, а я этого не люблю. Копойной ноци, *МД*.

10. Нынче в 7 часов вечера, когда мы сидели после обеда у лорда-казн[ачея], лакей доложил о приезде лорда Питерборо. Лорд-казн[ачей] и лорд Болинбр[ок] вышли встретить его и привели его в гостиную. Он только что возвратился из-за границы, где провел более года. Увидя меня, он оставил герц[ога] Орм[онда] и прочих лордов, не перемолвившись с ними и словом, и расцеловал меня, попеняв при этом, что я ему не писал. Я и в самом деле не отправил ему ни одного письма за время его последнего пребывания за границей, поскольку не знал, где именно он находится; ведь он так часто переезжал с места на место, что письмо вряд ли его застало бы. Он уехал из Англии с тяжелым ушибом, который получил, когда перевернулась его карета, после чего у него открылось кровохарканье, и он был так плох, что мы с каждой почтой ожидали услышать о его кончине. Однако он превозмог свой недуг, оттого ли, что часто переезжал, или часто перепивал, или еще от чего-нибудь и возвратился домой здоровее прежнего. Ему по меньшей мере 60, а задора у него больше, нежели у любого из знакомых мне молодых людей во всей Англии. Он получил старый оксфордский конный полк и будет, я полагаю, удостоен ордена Подвязки. Я нежно люблю этого висельника. [Копойной ноци, длаг. *МД*].

11. Сегодня при дворе было сущее столпотворение: все жаждали увидеть французского] посла, но он так и не появился. Неужто я ни разу не говорил вам, что по воскресеньям непременно бываю при дворе, как другие ходят в кофейню, чтобы повидать знакомых, которых в противном случае я не встречал бы и дважды в году. Ректор и я обедали с Нэдом Саутуэлом, уговорившись об этом заранее, дабы обсудить, как установить в вашем королевстве какой-то порядок, если только мой план может быть осуществлен. К сожалению, министры слишком с этим мешкают. У вас непременно будет новый парламент, но министры хотели бы пока сохранить это в тайне. Открытие сессии у нас отложат на три недели. Эти

пустобрехи голландцы все еще не желают присоединяться к договору, хотя и делают вид, будто во веем подчиняются кор[олеве]. Они, видимо, не прочь выждать и посмотреть, как у нас пройдет начало сессии в надежде, что в палате лордов возникнут какие-нибудь неурядицы. Во всяком случае, если бы здесь прислушались к моему совету, то сессия уже началась бы и мы представили бы на одобрение обеих палат действия, предпринятые нами к заключению мира, и, возможно, получили бы от парламента обращение, призывающее в случае несогласия голландцев заключить мир без них. Многие со мной согласны, но, видимо, такой путь расценивается как недостаточно надежный. Я сомневаюсь, что в такой короткий срок, как три недели, все препятствия к подписанию мира будут устранены, но это пока тайна. [Ноци, *МД*].

12. Мы с Праттом прогулялись нынче пешком в Сити к некоему Бэйтмену, известному торговцу старыми книгами, у которого я, как последний олух, оставил 4 фунта, после чего мы пообедали по-императорски за 3 шиллинга и 2 пенса в какой-то захудалой харчевне. Позвольте-ка взглянуть: я купил 2 тома Плутарха[974] за 30 шиллингов. А больше я вам ничего не назову, потому что вы не знаете по-гречески. У нас никаких новостей, а посему мне сегодня нечего вам больше рассказать. Я все еще не закончил свою работу: эти министры никак не выберут время сделать то, что мне необходимо для ее завершения. [Копойной ноци, длагоц[енные] деньчонки].

13. Мне предстояло сегодня обедать у лорда-хранителя печати, но я не пошел, потому что в числе прочих там должен был присутствовать этот мужлан — сэр Джон Уолтер. Вы, возможно, помните, что позапрошлой осенью в Виндзоре он позволил себе насмехаться надо мной и до сих пор так и не попросил извинения, хотя обещал это сделать. Среди приглашенных был также лорд Мэнсел, который определенно затеял стравить нас с Уолтером, просто чтобы позлорадствовать, а посему я предпочел пообедать с лордом-казн[ачеем], у которого никого, кроме лорда Болинбр[ока], не было. Просидев с ним до 8, я пошел проведать леди Оркни, которой нездоровится, и пробыл у нее до полуночи, из чего, судалыни, вы можете умозаключить, что уже поздно. Начало сессии парламента, как я уже говорил вам, было сегодня отложено на три недели. — У нас сейчас отвратительная слякотная погода, так что я либо испорчу шляпу (я купил себе новую шляпу), либо опустошу свои карманы. Уплатил ли, наконец, Хокшоу проценты, которые с него причитались? Лорд Эберкорн до смерти замучил меня своими приставаниями. Осталось не более шести человек, коим мне надобно выхлопотать место, и примерно

стольким же оказать содействие, и, кроме этого, еще втрое большее число, коим я либо не намерен, либо не в силах помочь, если бы даже и хотел. Ноци, длаг[оценные] *МД*.

14. Я предпринял нынче траурный обход и посетил сначала герцогиню Орм[онд], у которой застал также леди Бетти и лорда Эшбернхема. Как выяснилось, мать и дочь увиделись сегодня впервые со времени кончины леди Эшбернхем. Я застал обеих в слезах и, разбранив их за то, что они вместе, убедил леди Бетти удалиться в свою комнату, после чего провел некоторое время с герцогиней, а потом заглянул к леди Бетти, и понемногу обе успокоились. Во всех этих проявлениях скорби, сколь бы искренни они ни были, есть нечто комическое. Люди непременно стараются выказать большую скорбь, нежели они испытывают на самом деле, и это только умаляет в глазах окружающих их истинное горе. От них я отправился к герцогине Гамильтон, которая, впрочем, и не думала горевать, а только гневалась, неистовствовала и бранилась. Теперь она уже вполне утешилась, однако нрав у нее поистине дьявольский. Вместе с лордом-хранителем печати, его сыном и их женами обедал нынче у казначея адмиралтейства мистера Сизера в его доме, расположенном в Сити, где находится и его канцелярия. — Среди прочего, речь случайно зашла о Бруте[975] и не успел я о нем одобрительно отозваться, как спохватился, что совершил оплошность, и потому поспешил поправиться: «Прошу прощения, мистер Сизер», чему мы все от души посмеялись. [Копойной ноци вам, мои лодные длагоценнейшие масенькие прутовки *МД*].

15. Забыл сказать вам, что вчера вечером мне прислали в подарок дичь (я обнаружил ее в своей комнате, когда возвратился домой), лучше которой я, пожалуй, еще не видывал, вместе с гнуснейшим письмом от гнуснейшего в мире рифмоплета, приславшего мне все это в качестве взятки с тем, чтобы я выхлопотал ему должность. Поскольку я понятия не имею, где этот негодяй живет, то не мог отправить подарок обратно, а посему распорядился им с такой же легкостью, с какой он мне достался, наказав при этом слуге ни в коем случае не допускать ко мне этого рифмоплета. Мошеннику следовало оставить себе хотя бы крылышки: они бы весьма пригодились его музе. Среди прочего там был каплун-фазан, жирный, как курица, часть которого я съел нынче с приятелем. Каждую среду, четверг и субботу в час дня при дворе устраиваются теперь приемы; королева, правда, на них не появляется, но зато на них бывают все ее министры, многие иностранцы и вельможи. Я был там нынче и, когда заметил, что лорд-казн[ачей] направляется ко мне, постарался уклониться от встречи с ним. Трижды он тщетно пытался настичь меня. При дворе или

в церкви я намеренно не замечаю его, и он это знает, я ему сам сказал. Нынче вечером у лорда Мэшема он доложил об этом всем присутствующим. Однако я веду себя так по той лишь причине, что, увидав нас беседующими, люди станут еще больше донимать меня своими просьбами. — Я говорю вам все, что мне приходит на ум, поскольку так и не мог никогда уразуметь, то ли *МД* — тории, то ли они — виги, и я тем более ценю нашу беседу, что в ней никогда даже не заходила речь об этом предмете. Я, правда, [склонен был считать, что *БСС*] сторонница ториев и притом пылкая, хотя не могу толком объяснить, почему мне так кажется; просто, на мой взгляд, своей повадкой она скорее походит на них. А вот *ДД*, пожалуй, из породы флюгеров. Угадал я или нет? — Я надоумил «Экзаминера» объяснить необходимость отсрочки сессии парламента и заодно воздать должное королеве[976] за ее терпимость к голландцам, которым она предоставила еще какое-то время, чтобы поразмыслить и понять, что им следует покориться. Это будет сейчас весьма кстати. [Ноци, *МД*].

16. Нынче я был занят в канцелярии секретаря и пробыл там до 3. Герц[ог] Орм[онд] и я были приглашены на обед к лорду Оркни, а перед тем герцог должен был присутствовать на заседании Тайного совета, так что я на сей счет не беспокоился. Однако, когда я к ним пришел, там уже почти пообедали, потому что герц[ог], оказывается, прислал свои извинения, о чем я и ведать не ведал. Домой я возвратился к 7 и принялся за одну штуку, которая только что пришла мне на ум; из этого должен выйти памфлет[977] ценой в три пенни; я собираюсь закончить и напечатать его в течение недели и, если он будет иметь успех, сообщу вам название, в противном же случае — не взыщите. Это письмо я не могу отправить завтра и задержу его до следующей субботы, потому что очень теперь занят, посему мои записи будут короткими, и *МД* должны запастись терпением, а пока [копойной ноци, длагоценн[ые] судалыни].

17. Этот мошенник Парнел до сих пор не выправил свою поэму, а я весьма желал бы, чтобы она была напечатана. Обедал нынче с лордом-казн[ачеем] и его обычной субботней компанией. Нас было девять человек, и в 7 все разошлись, а мы с лордом-казн[ачеем] просидели после этого вдвоем около часа. После обеда он заговорил о речи, которую королева должна произнести во время открытия парламента, и спросил, как бы я ее составил. Я собирался было ответить ему так же серьезно, как он спрашивал, но вместо того обратил все в шутку и, поскольку до этого как раз говорили о том, что герцогиня Мальборо направляется во Фландрию к

своему герцогу, я сказал, что речь следует начать примерно так: «Милорды и джентльмены! Ради моего собственного спокойствия и спокойствия моих подданных я сочла необходимым отправить герцогиню Мальборо за границу вслед за ее супругом». Моя шутка пришлась всем по вкусу и переменила направление беседы. Между тем, должен вам сказать, нынешнее положение вещей нисколько меня не радует, я, помнится, уже говорил вам об этом. Необходимо взяться за дело по-другому, в противном случае все мы погибли. Мне нанавистно это постоянное продвижение черепашьим шагом. [Ноци, *МД*].

18. Нынче при дворе была невообразимая толчея. Дилли побывал со мной во французской церкви и чрезвычайно укрепился в своей вере. Обедал я вместе с герц[огом] Орм[ондом] у леди Оркни, однако уже в 7 расстался с ними и, возвратясь домой, снова принялся за свою затею, которую уже почти закончил. Что же касается моего большого трактата[978], то тут все без перемен. Кое-кто считает, что печатать его слишком опасно, и советует напечатать только ту его часть, которая касается переговоров о мире. Я пока еще не решил, как поступить. Еп[ископ] Droморский лежит при смерти; еще вчера опасались, что он не протянет и 2 часов, но он все еще жив, хотя и безнадежен. А теперь садитесь за карты, [судалыни, и копойной ноци].

19. Утром я пошел проведать герц[огиню] и герц[ога] Орм[онд], и в то время, как я находился у герцога, к нему пожаловал герцог д'Омон, и мы приветствовали друг друга, как два драгуна. Какой-то жалкий малый, остановясь в дверях дома, в котором я проживаю, просил передать мне в подарок сверток с апельсинами. Я велел слуге сначала осведомиться, как его зовут и откуда он явился; он сказал, что зовут его Бен и что я прекрасно его знаю, однако я все же велел слуге сказать ему, что занят, и ему так и не удалось со мной переговорить; оставить апельсины я тоже не позволил. Вот, собственно, и все, что мне известно. Я однако же, уверен, что никогда не слыхал этого имени, и твердо решил не принимать никаких подарков от незнакомых мне людей. Кто знает, быть может, это обычный попрошайка, нуждающийся в деньгах, а, быть может, что-нибудь и похуже. Пусть лучше приберегут свою отраву для крыс. Мне это ни к чему. […….] Эта клякса вышла по небрежности. Ноци, длаг[оценные] *МД*.

20. Комитет нашего Общества обедал нынче с канцлером казначейства, а само Общество уже не собирается теперь, как бывало прежде, в чем больше всего винят меня. Я и в самом деле не вижу в этом смысла до тех пор, пока лорд-казн[ачей] не согласится предоставлять в наше распоряжение деньги и должности, которые мы могли бы

распределять, а он пока что кормит нас обещаниями. Еп[ископ] Дроморский еще жив, и это все, что можно о нем сказать. Мы со дня на день ожидаем, что он преставится, и тогда Тому Ли придется убраться восвояси[979], что, возможно, будет единственным благим следствием этого события для Лондона. Сдается мне, что Пратт метит на один из освободившихся епископатов. Ведь и наш английский епископат до сих пор еще вакантен[980]. Мирный договор, я думаю, к началу сессии так и не успеют подготовить. Ноци, *МД*.

21. Побывал нынче у моего типографа и передал ему небольшой памфлет, который я сочинил, однако на сей раз он не о политике. Его должны напечатать к понедельнику, и, если он будет иметь успех, я сообщу вам название, в противном же случае — не взыщите. У нас ужасно развезло нынче и стало так же слякотно, как в дождь, и все же я, как пай-мальчик, прошелся пешком до самого Сити. Еп[ископ] Дроморский не протянет и двух дней. Моя большая книга лежит без движения: кое-кто считает, что значительную ее часть сейчас печатать нельзя. Впрочем, я, кажется, уже говорил вам об этом. Это письмо будет отправлено не раньше субботы, что составит ровно три недели, а я даю *МД* сроку 6 недель, которые уже почти истекли; имейте в виду — я надеюсь поручить всколе ваше сипмо и узнать из него, что *МД* плебывают в порном здлавии[981]. А засим, копойной ноци вам, *МД*.

22. Был нынче при дворе по случаю приемного дня; я ведь уже говорил вам, что по средам, четвергам и субботам бывают теперь приемы. Гамильтоны и Эберкорн, наконец-то, оставили меня в покое; последний, как я слыхал, и впрямь собрался во Францию. Лорд-казн[ачей] выразил мне нынче при дворе свое неудовольствие за то, что я 4 дня кряду не приходил к нему обедать, так что нынче я обедал у него. Он принял, наконец-то, мой прожект, как он это называет, о чеканке полупенсовиков и фартингов с девизами, как на медалях, в честь королевы; причем, девизы должны ежегодно меняться. Мне бы хотелось, чтобы эта моя затея осуществилась. Ноци, *МД*.

23. Герц[ог] Орм[онд] и я условились пообедать нынче с Нэдом Саутуэлом, чтобы обсудить, как уладить дело с парламентом у вас в Ирландии, но собралась довольно-таки разношерстная компания и герц[ог] куда-то торопился, так что сделать ничего не удалось. По-моему, если уж созывать у вас нынче летом парламент, то непременно новый, но кое-кто, я вижу, считает, что в ближайшие два года у вас вообще не следует созывать парламента. Во всяком случае, я больше не намерен утруждать себя этим,

мне хотелось лишь оказать услугу герц[огу] Орм[онду]. Вечер мы с доктором Праттом провели у еп[ископа] Клог[ерского], где играли в ломбер по три пенса, а это, сами понимаете, в сравнении с вашими ставками — сущий пустяк. Возвратясь домой, я обнаружил письмо от *МД* № 37, однако отвечать на него буду не в этом, а в следующем письме. Очень огорчен за [*бее бее бсс*]; прошу вас, пользуйтесь малейшей возможностью погулять. Меня угораздило снова простудиться и притом ужасно, хотя я не совсем оправился еще от прежней простуды. Сам не знаю, как это произошло. [Пожалуйста, ………]. Деньги, причитающиеся *ДД* в казначействе, я в ближайшее время получу. Еп[ископ] Дроморский, наконец-то, преставился. [Ноци, длаг[оценные] *МД*].

24. Был нынче при дворе, где имел случай немало позабавиться, поскольку лорд Эберкорн, поклонившись мне, не соизволил вымолвить ни слова, и точно так же повел себя лорд Селкерк. Обедал у лорда-казн[ачея], у которого собирался нынче его субботний клуб, и после того, как все ушли, просидел еще 2 часа, разговаривая с ним, боюсь, несколько откровенней, нежели на это отваживаются другие, хотя они могли бы принести немало пользы. К несчастью, все его друзья только выражают сожаление и пожимают плечами, и ни один из них не хочет поговорить с ним начистоту, как того требуют обстоятельства. Странное дело: сессия парламента вот-вот начнется, а до сих пор не произведены назначения ни на одну должность. Они говорят, что успеют это сделать за несколько дней. В Херефорд уже назначен новый епископ, так что надежды еп[ископа] Оссорийского не сбылись. Еще два месяца тому назад я намекал его друзьям, чтобы он не обольщался на сей счет и не вел себя так неблагоразумно, как до сих пор. — Времени у меня осталось только, чтобы успеть отослать это письмо, не прибегая к услугам ночного сторожа. [Копойной ноци, длагоценнейшие марыски *МД*, прощайте длаг. *МД*, *МД*, *МД*, Досвид, Досвид,

Досвид, *Мс*, *Мс*, *Мс*, тлам, тлам, тлам].

Моя новая простуда понемногу проходит.

[тлам, тлам, тлам, тлам].

Письмо LIX

Лондон, 25 января 1712—1713.
[*воскресенье*]

У нас нынче разразился такой ужасный ураган, что по пути к лорду Болинброку я видел сотни свалившихся с крыш черепиц и примерно в 40 ярдах от меня упала такая огромная, что вполне могла бы убить лошадь. По сему случаю после посещения церкви и двора я предпочел вернуться через парк, а к лорду-казн[ачею] добрался в портшезе. У соседнего с ним дома снесло жестяной колпак печной трубы, и обрушилась добрая сотня кирпичей. К вечеру, однако, все утихло. Любопытно, был ли нынче и у вас такой ураган. Подобные бедствия мне не по нраву, как и любой свинье. Лорд-казн[ачей] опять пригласил меня на завтра отобедать с ним. Он иногда позволяет себе такие шутки — приглашать кого-нибудь изо дня в день; придется, видно, и мне через это пройти. Мой небольшой памфлет уже вышел из печати, речь в нем идет не о политике. Повторяю, я назову вам его, только если он будет пользоваться успехом. [Копойной ноци, длаг[оценные] плоказницы].

26. Нынче утром у меня был небольшой приступ головокружения, и весь день после этого [*бее, бее, БДГП*] страдал от его отвратительных последствий — слабости и тошноты. К лорду-казн[ачею], не успели мы пообедать, прибежал слуга от французского посла герцога д'Омона с известьем, что дом, в котором он поселился, сгорел дотла[982] в то время, как д'Омон обедал у испанского посла Монтелеона. Вслед за слугой пришел вскоре лорд Болинброк с тем же известьем. Здесь строятся всевозможные догадки, однако я склонен думать, что виной всему неосторожность его слуг, этих французских каналий. Странно, однако, что в тот же самый день лорд Сомерс, Уортон, Сандерленд, Галифакс и вся остальная братия лордов-вигов, согласно полученным мной приватно сведениям, обедала у Понтэка в Сити. Они вынашивают какой-то дьявольский план. Я расскажу вам об еще одном любопытном обстоятельстве, на которое не преминул обратить внимание лорда-казначея: ведь он был ранен как раз в день кончины кор[оля] Вильгельма, а день, в который я спас ему жизнь, открыв присланную ему коробку, был, как раз днем рождения кор[оля] Вильгельма. Здесь распространилась гнусная клевета насчет моего приятеля мистера Эразмуса Льюиса: будто бы один человек по ошибке вместо него явился к какому-то другому

Льюису[983] и стал благодарить его за то, что этот последний помог ему получить из Франции его личную печать. Второй Льюис болтает повсюду, будто его посетитель передал ему также благодарность от лорда Перта и Мэлфорта[984] (оба лорда состоят в свите претендента) за великие услуги, которые он якобы им оказал, и прочее. Завтра лорды допросят этого второго Льюиса на заседании Тайного совета, и вы, я полагаю, вскоре обо всем узнаете, потому что я заставлю Эйбела Роупера напечатать в «Экзаминере» отчет о том, как все было на самом деле. Если по-вашему я должен писать разборчивей, то, пожалуйста, скажите мне об этом, потому что, просмотрев часть моего последнего письма, я убедился, что сам едва его разбираю, а посему, если вам это угодно, я постараюсь улучшить свой почерк. Хотя, впрочем, вы к нему более привычны, *ежели чем я*, как изволит выражаться мистер Раймонд. [Ноци, *МД*].

27. Я уже четвертый день подряд обедаю с лордом-казн[ачеем], и он хотел было пригласить меня и на завтра, однако на сей раз я наотрез отказался. А нынче вечером я присутствовал вместе с ним на крестинах дочери лорда Даплина, но только он ушел в 10, а меня и еще кое-кого они не отпускали до начала первого, так что, как говорится, можете не сомневаться, что уже довольно поздно. Мы укрепились в подозрении, что дом герцога д'Омона был подожжен умышленно. Правда, нынче я зашел проведать лорда-хранителя печати — из-за простуды он совсем потерял голос — и застал у него доктора Рэдклифа, так тот сказал мне, что пожар будто бы учинил кондитер посла, который варил сахар и вышел из кухни, оставив его на огне. Многие, однако, придерживаются на этот счет иного мнения, так что я, право, не знаю, что об этом и думать. [Копойной ноци, мои лодные длагоценнейшие *МД*, рюбите *БДГП*].

28. Беседуя со мной нынче при дворе, испанский посол высказался в том смысле, что он не склонен подозревать злой умысел в этой истории с пожаром в доме д'Омона. Однако аббат Готье, исполняющий здесь обязанности секретаря французов, придерживается на сей счет другого мнения. По его словам, в тот день д'Омон получил письмо, в котором его предупреждали, что его дом будет подожжен, и, кроме того, сообщают еще кое-какие подробности; пересказывать их здесь было бы слишком утомительно. Так, например, чинивший крышу кровельщик заметил в комнате, как раз когда огонь стал вырываться наружу, плошку с греческим огнем. Обедал я у леди Оркни. Ни лорд Эберкорн, ни Селкерк не желают теперь со мной разговаривать, поскольку я не сумел угодить ни одной из сторон. [Копойной ноци, дорогие *МД*].

29. Сегодня собиралось наше Общество; присутствовало 11 человек, и происходило это в таверне. Мы решили теперь собираться только раз в две недели, и еще каждую вторую неделю будет заседать комитет из 6 или 7 человек; им надлежит решать, какие добрые дела нам следует осуществить. Я предложил, чтобы 3 главных члена нашего Общества еще раз обратились к лорду-казн[ачею] с просьбой пожаловать одному лицу 100 гиней и чтобы они не пожалели усилий для этого. Мы собрали также среди самих членов Общества 60 гиней, но прежде я настоял на избрании тех, кто определит размеры взносов, и сам вошел в их число, после чего мы назначили каждому сумму соответственно его доходам. Герц[огу] Орм[онду] пришлось внести, таким образом, 10 гиней, а мне только треть гинеи. Что ж, на таких условиях можно облагать нас податью сколь угодно часто. Так-с, однако же я должен ответить [на ваше сипмо, уные аамы]. Нет-нет, только не сейчас, потому что уже поздно и я не могу его пойти[985]. [Копойной ноци, длагоценнейшие *МД*].

30. Последние 2—3 дня я пробовал пить воды Спа[986], но, как видно, они мне не годятся, потому что у меня начались из-за них сильные головокружения. Право же, я чувствую себя хуже и больше на стану их пить. Нынче после богослужения мы ходили с ректором[987] поглядеть библиотеку, которая объявлена к распродаже, а в 5 я пообедал у леди Оркни. Мы все же думаем, что дом д'Омона был подожжен умышленно. В Лондон, как я слыхал, приехал малыш Гаррисон, тот самый, которого я отправил в Утрехт. Он теперь секретарь при тамошнем посольстве королевы и привез сюда «Договор о барьере» с теми поправками, которые мы в него внесли и с которыми теперь согласились голландцы, что собственно и было самым большим препятствием, задерживавшим подписание мира. Надеюсь, самое большее через месяц он уже привезет мирный договор, потому что мы постараемся сейчас как можно скорее отправить его обратно. Мне не терпится повидать мальчугана, ведь он, можно сказать, мое детище. Его жалованье составляет тысячу фунтов в год, а между тем за все это время он не получил и нескольких пенсов, хотя я им уже душу вытянул своими постоянными напоминаниями. Бедный мальчуган должно быть задолжал по меньшей мере 300 или 400 фунтов. А теперь позвольте мне [отплавиться на боковую, судалыни. Копойной ноци, длаг[оценные] марыски *МД*].

31. Утром у меня был Гаррисон. Мы проговорили с ним три часа кряду, а потом я повез его ко двору. Когда мы с ним вышли из дома, я обнаружил, что все это время у дверей его дожидалась карета. Я принялся

было его укорять, но он ответил шепотом, что у него не было другого выхода, а в карете признался, что у него нет ни единого фартинга и нечем расплатиться и потому он нанял карету на весь день в надежде где-нибудь разжиться деньгами. И это посланник королевы, которому вверены дела величайшей важности, — не имеет при себе даже шиллинга, чтобы уплатить за карету. Я дал ему 7 гиней в счет стоимости дюжины полотняных рубах, которые он купил мне в Голландии. При дворе я представил его герц[огу] Орм[онду] и нескольким лордам. Кроме того, я ухитрился сегодня сделать так, что лорд-казн[ачей] подошел ко мне (как раз когда рядом со мной стоял Парнел) и осведомился, не доктор ли это Парнел, после чего обратился к нему с чрезвычайной обходительностью и пригласил к себе домой. Я весьма горжусь тем, что благодаря мне министры добиваются знакомства с Парнелом, а не Парнел — с ними. Его поэма почти полностью выправлена и скоро будет напечатана. Но вот, на сегодня, пожалуй, и достаточно. Осталось только упомянуть, что я побывал нынче в Сити у моего типографа и внес кое-какие поправки в «Экзаминер», посвященный навету на моего приятеля Льюиса, о чем будет рассказано с соответствующими пояснениями. [Ноци, *МД*].

1 февраля. До сегодняшнего дня мне никак не удавалось закончить номер «Экзаминера» насчет этой истории с Льюисом, но нынче утром типограф пришел ко мне домой и я продиктовал ему то, что следовало, а потом пришел мистер Льюис и выправил все соответственно своему разумению. Вот только мне не удалось из-за этого побывать ни в церкви, ни при дворе. Герц[ог] Орм[онд] и я обедали у лорда Оркни. Я ушел от них в 7 и посидел немного с сэром Э. Фаунтейном, у которого очень тяжко воспалилась нога; он намерен поехать лечить ее во Францию. Полюбуйтесь, уже неделя прошла, а я все еще не исписал и одной стороны листа. Да, но ведь я же посылаю теперь письма только раз в три недели; впрочем, это будет отправлено раньше. Сессия парламента должна была начаться 3, однако ее отложили еще на 3—4 дня, потому что королева слегла: у нее приступ подагры, да и оба спикера тоже нездоровы, хотя один из них — лорд-хранитель печати — уже почти поправился. Я много беседовал с герц[огом] Орм[ондом] касательно Ирландии. Мы несколько расходимся с ним во мнениях, да мне и трудно теперь судить об ирландских делах, но завтра я скажу лорду-казн[ачею], что втроем мы можем так или иначе уладить их. [Копойной ноци вам, судалыни, и рюбите *БДГП*].

2. Несколько дней тому назад я получил письмо от Молль Гири[988], которая именуется теперь миссис Уигмор; ее благоверный стал

священником, и по сему случаю она желает, чтобы я выхлопотал ему у лорда-казн[ачея] приход, только и всего. Я просто не удостою ее ответом, хотя она очень этого добивается; она все еще живет в Фарнхеме и зарабатывает на пропитание шитьем. Весь день нынче, не переставая, лил дождь; ко мне заехал Дилли, который собирался в Сити, и так как он был в карете, я решил протрястись вместе с ним, тем более, что это не стоило мне ни фартинга. Благодаря этому я встретил моего друга Стрэтфорда, негоцианта, он собирается за границу, чтобы взыскать долги и получить таким образом возможность рассчитаться со своими кредиторами. Он стал уговаривать меня отобедать с нашими общими приятелями коммерсантами, поскольку до его отъезда мы с ним больше не увидимся, так я и сделал. Я рассчитывал повидать вечером лорда-казн[ачея], но оказалось, что в 5 часов он куда-то уехал, а потому, навестив еще кое-кого из друзей, я возвратился домой. Мне надлежит теперь ответить на большую часть вашего письма, но нынче вечером я все же не стану этого делать, что бы вы там ни говорили. Завтра соберется парламент, однако сессию опять отложат[989] на две недели, каковым обстоятельством очень многие, я думаю, и притом не только виги, будут весьма раздражены; ведь им придется торчать в Лондоне неизвестно чего ради. И все же нам необходимо прежде получить ответ из Испании для полной уверенности в том, что все готово к подписанию мира. Одному богу известно, получим ли мы этот ответ до конца месяца. Положение дел до крайности шаткое. Мы постоянно продвигаемся черепашьим шагом. Я устал от этого. [Ноци, *МД*].

3. Сегодня собрался парламент, но сессия, как я уже говорил, снова была отложена. Я заметил несколько нахмуренных лиц и слышал выражения недовольства. Думаю, что с французами никаких разногласий больше не возникнет, ведь все пункты касательно нашей с ними торговли теперь улажены, хотя они и были весьма не прочь обвести нас вокруг пальца, не придержи мы их вовремя. Ответ же, которого мы ожидаем из Испании, поможет нам предупредить еще кое-какие их мошеннические поползновения: они ищут лазейку, чтобы получить возможность вести торговлю с испанской Вест-Индией. Надеюсь, однако, нам удастся этому воспрепятствовать. Обедал у лорда-казн[ачея], который был в весьма хорошем расположении духа. Я дал ему прочесть ту часть рукописи моей книги[990], в которой представлен его характер, обрисованный довольно-таки смело. Он стал читать и собственноручно править, но как раз в это время к нему пришел епископ Сент-Дэвида, назначенный теперь епископом Херефордским, и помешал нам. Я ушел в девятом часу и

просидел потом до полуночи вместе с еп[ископом] Клогерским у ректора. [Ноци, *МД*].

4. Был нынче при дворе, где старался держаться подальше от лорда-казн[ачея], потому что получил уже приглашение на обед к герц[огу] Орм[онду], у которого, как мне кажется, съел и выпил больше, нежели следовало. Вечером я посидел сначала с леди Мэшем, а потом с лордом Мэшемом и лордом-казн[ачеем]. В последний год, как вы помните, я бывал у лорда Мэшема ежевечерне. У леди Мэшем я застал леди Джерси[991]; она уже давно добивается знакомства со мной, и кончилось тем, что я пообещал прийти к ней на днях на чашку шоколада. Едва ли, однако, я выполню свое обещание (вы заметили? — я только что починил перо); не могу сказать, чтобы она была мне особенно симпатична. Но особа она весьма зловредная, поэтому, я думаю, с ней следует все же поддерживать хорошие отношения. Это письмо мне, видимо, не удастся отправить раньше следующей субботы, а посему я решил ответить на ваше. Поскольку из вашего письма не видно, что вы писали его несколько дней, а начало помечено 3 января, то выходит, оно шло довольно долго. — Я вовсе не писал доктору Когиллу, что не желал бы получить какое-нибудь освободившееся место именно в Ирландии, я написал, что вообще ничего для себя не просил где бы то ни было, и это истинная правда. Я назвал лорду-казначею, лорду Болинброку и герц[огу] Ормонду доктора Стерна как человека, заслуживающего епископата, и сделал это от чистого сердца. Не знаю, что из всего этого воспоследует, могу только по величайшему секрету сказать вам одно: я взял с герц[ога] Орм[онда] обещание, что он не станет рекомендовать кого бы то ни было, не сказав об этом прежде мне; это необходимо по ряду причин, о которых было бы слишком долго здесь говорить. Моя голова все еще не совсем в порядке, а болезнь [беебсс] до глубины души меня огорчает. Надеюсь все же, ее головка годится хоть на [сто-нибудь]. На остальное я отвечу зав[тла. Копойной ноци…… длаг[оценные] судалыни *МД*].

5. Продолжаю ответ на ваше письмо. Обедал нынче с сэром Э. Фаунтейном и ректором, а потом играл с ними в ломбер и остался в выигрыше, хотя сэр Эндрю играет превосходно. Позднее пришел лорд Пемброк, и я пересказал ему 3 или 4 довольно жалких каламбура Дилли, которые непременно начинаются с «если». Так-с, но обратимся все же к вашему письму. Лазлешите-ка взглянуть. Нет, полагаю, что я не скоро теперь примусь еще что-нибудь сочинять и не буду печатать того, что уже написал. — [Марам *БСС* … вы…….]. Вот уже не предполагал, что вы расскажете обо всем Филби. [Вы] так […….]. Объезжать епархию

поочередно? Это еще что такое? Что ж, в таком случае я прочитаю столько же проповедей и совершу столько же объездов за м[исте]ра Уоллса. — Молю господа, чтобы он поправил здоровье беебсс; мое — оставляет желать много лучшего. Я перестал пить воды Спа; у меня из-за них распухла нога. [Ноци, длагоценнейшие *МД*].

6. Нынче день рождения королевы, и, пожалуй, его еще никогда не отмечали с такой пышностью; не видал я и такого обилия роскошных туалетов. Я отправился в Сент-Джеймс, чтобы поглядеть на все это, а потом обедал у лорда-хранителя печати, где наряды дам прямо-таки блистали великолепием. Вечер я провел у миссис Ваномри и довольно рано возвратился домой, чтобы еще немного ответить на ваше сипмо. Да хранит господь королеву: дней десять тому назад она была очень тяжко больна: у нее приключились колики в животе. По пути от лорда-хранителя печати я наведался к лорду-казн[ачею], мне сказали, что он был нынче очень нарядный, чего с ним прежде никогда не бывало. Оказалось, что он и впрямь надел по такому случаю кафтан и камзол, богато расшитые. С ректором я, конечно, с тех пор видался и довольно-таки часто, однако ни разу не просил его переговорить с Темплами касательно Дэниела Кора[992] и впредь не собираюсь этого делать; да и с какой стати. Парвисолу я недавно написал. Вы хорошо сделали, передав ему, чтобы он потрудился представить мне отчет. Как вижу, в Ирландии все дорожает, кроме зерна, продаваемого священниками, потому что, насколько я могу судить по отчету Парвисола, мои доходы в нынешнем году сильно сократились. [Копойной ноци, длаг[оценные] плоказницы].

7 [? *8*].[993] Был нынче при дворе, однако никаких нарядов, сшитых ко дню рождения королевы, уже не видел. Вельможи не имеют обыкновения надевать их больше одного-двух раз. Обедал я у леди Оркни, а вечер просидел с сэром Э. Фаунтейном; с ногой у него то лучше, то хуже. Не забудьте, пожалуйста, известить меня, когда *ДД* понадобятся деньги, и всегда старайтесь уведомлять меня об этом заблаговременно. Это письмо вряд ли будет отправлено раньше субботы; сказать вам по правде, я не совсем сейчас здоров и не отваживаюсь трудиться слишком уж усердно, а посему разрешаю по утрам приходить ко мне в гости, а в дневные часы где-нибудь обедаю и сижу с друзьями. Лорд-казн[ачей] сердится, если я не обедаю с ним хотя бы раз в 2 дня, а уйти от него рано мне никогда не удается. Вчера, например, он продержал меня почти до двенадцати. Вот уже больше двух месяцев, как у нас постоянно идут дожди, и я не могу гулять; так что весна у нас, как видите, не похожа на вашу. Фанни Мэнли я

все еще не видал. Никак не выберу время. Я уже раздружился со всеми своими знакомыми, но непременно исправлюсь, как только мое самочувствие и погода улучшатся. — Еп[ископ] Клогерский привлекает здесь к себе всеобщее внимание? Еп[ископ] Клогерский привлекает к себе … простуду. Впрочем, мы все тут погибали от простуды, но теперь она понемногу сходит на нет, и моя вторая простуда почти прошла. Поверьте, я не в силах что-нибудь сделать для Суонтона, право же; да и вообще это вещь невыполнимая и совсем не по моей части. Если уж он решил купить, пусть покупает, и все тут. Ну вот я и ответил на ваше сипмо и дело с концом, и больше я ничего не скажу, а только пожелаю [вам копойной ноци, длаг[оценные] *МД*].

8 [? *9*]. С утра до вечера нынче лил ужасный ливень. Я собирался обедать у лорда-казн[ачея], но зашел навестить сэра Э. Фаунтейна, и он уговорил меня остаться на обед, что избавило меня от расходов на карету. Но после обеда я сел с ним за карты и проиграл в ломбер 18 шиллингов и 6 пенсов, так что он изрядно меня нагрел и в довершение всего лорд-казн[ачей] будет меня укорять; впрочем, я пообедаю у него завтра. Дочь еп[ископа] Клог[ерского] несколько дней была нездорова, а теперь выяснилось, что у нее оспа, и она вся распухла, но из волдырей уже выделяется гной, и доктора считают, что серьезной опасности нет. Леди Оркни подарила мне свой портрет, очень хороший и притом оригинал; он принадлежит кисти сэра Годфри Кнеллера, и его сейчас немного подновляют. Ему превосходно удалось передать косинку в ее глазах; ведь я, вы знаете, люблю, когда глаза чуть-чуть косят. А еще я повидал нынче леди Уорсли, которая только что возвратилась в Лондон. Она жалуется на ревматические боли во всем теле. Все мои знакомые становятся старыми и недужными. Она живет теперь в доме, что на Кинг-стрит, между Сент-Джеймс-стрит и Сент-Джеймс-сквер, в том самом, куда брат ДД[994] приносил ливер, когда я там жил, и где *ДД* меня навещала. Остается только [вздохнуть. Копойной ноци, *МД*].

9 [? *10*]. Собирался пообедать нынче с лордом-казн[ачеем], но он, как оказалось, уехал обедать к Тому Гарли, так что я пообедал у лорда Мэшема, после чего чуть было не отыграл у леди Мэшем в королевский пикет весь свой вчерашний проигрыш, но потом опять все спустил. Позднее пришел лорд-казн[ачей] и разбранил меня за то, что я не отправился вслед за ним к Тому Гарли. У мисс Эш[995] все пока без перемен, однако считают, что жизнь ее вне опасности. Мой слуга ежедневно после того, как я ухожу из дома, ходит к ним справляться, а

вечером рассказывает мне, как там обстоят дела. Нынче утром я зашел повидаться с леди Джерси, и мы условились отобедать с ней чуть не в двадцати местах, однако я едва ли приду хотя бы на один из этих обедов. После былой роскоши ей приходится теперь довольствоваться только семью слугами, жить в небольшом доме и обходиться без кареты. Не знаю, как дальше, но пока она ведет себя вполне сносно. [Ноци, *МД*].

10 [? *11*]. Нынче утром я сделал визиты герц[огу] и герцогине Орм[онд], и леди Бетти, и герцог[ине] Гамильтон. (Не успел я написать эти слова, а сейчас почти полночь, как от герц[огини] Гамильтон принесли записку с приглашением отобедать с ней завтра, и мне пришлось передать свой ответ через запертую дверь, потому что мой слуга унес с собой ключ и уже улегся спать. Я не могу принять ее приглашение, потому что завтра собирается наше Общество). Улизнув в 8 от лорда-казн[ачея], я намеревался провести вечер с сэром Томасом Клерджесом[996] и его женой, однако встретил их в другом месте, где и просидел до сих пор. Голова у меня нынче не болела. Я побывал при дворе и перед тем, как пойти обедать, уговорил лорда Мэнсела погулять со мной в парке. Вчера и сегодня были погожие дни, и, тем не менее, всю прошлую ночь опять лил дождь. Нынче при дворе я встретил Стерна, который там таращился на всех; он уверяет, что не раз заходил меня проведать, но мой слуга будто бы не позволял ему подняться ко мне. Он в глубоком трауре, надеюсь, что не по своей благоверной. Я, однако же, не стал его расспрашивать. [Ноци, *МД*].

12. В последнее время я указывал в моем дневнике не те числа, потому что ведь сегодня 12. Уж не знаю, как это получилось. Обедал нынче с нашим Обществом, и такого обильного стола у нас, пожалуй, еще не бывало. Мы собрались у Джека Хилла, коменданта Дюнкерка. Я представил отчет о собранных мной 60 гинеях, которые намерен завтра вручить двум сочинителям, а лорд-казн[ачей] обещал нам 100 фунтов для вознаграждения еще нескольких лиц. Вечером, возвратясь домой, я обнаружил на столе письмо, в котором мне сообщали, что бедный малыш Гаррисон, секретарь посольства королевы, приехавший недавно из Утрехта с «Договором о барьере», заболел и хотел бы вечером со мной увидеться, но час был уже поздний, и поэтому мне пришлось отложить визит на сегодня. Вы, возможно, помните, я часто рассказывал о нем в своих письмах [……]. Придя к нему нынче утром, я застал его в очень тяжелом состоянии. Я раздобыл для него 30 гиней у лорда Болинброка и еще чек на 100 фунтов из казначейства, которые будут выплачены ему завтра. Кроме

того, мне удалось перевезти его в Найтсбридж[997], потому что воздух там получше. У него лихорадка и воспаление легких, но я надеюсь, что все обойдется. [….].

13. Ходил нынче проведать одного бедствующего поэта, некоего мистера Дайпера, который ютится на чердаке и очень болен, и передал ему 20 гиней от лорда Болинброка, а также вручил еще 60 гиней двум сочинителям и попросил приятеля получить в казначействе 100 фунтов для бедняги Гаррисона, которые отнесу ему завтра утром. Я посылал справиться, как он себя чувствует; он очень плох. Не могу передать, как я за него тревожусь, ведь он мое детище и занимает теперь весьма почетную должность, которой он в высшей степени достоин. Обедал я в Сити. Бедный малыш не выходит у меня из головы. За ним ухаживают мать и сестра, и он ни в чем не нуждается. [Ноци, бее длаг[оценные] *МД*].

14. Нынче утром я пошел вместе с Парнелом проведать беднягу Гаррисона. В кармане у меня было 100 фунтов, предназначавшихся для него. Я сказал Парнелу, что не решаюсь постучать в дверь, словно предчувствовал что-то дурное. В ответ на мой стук вышел слуга весь в слезах и сказал мне, что час тому назад его хозяин скончался. Представьте только, какое это для меня горе. Я пошел к его матери и распорядился относительно похорон с тем, чтобы это обошлось как можно дешевле. Они состоятся завтра в десять часов вечера. Лорд-казн[ачей] был весьма опечален, когда я сообщил ему о случившемся. Я не в силах был обедать ни с лордом-казн[ачеем], ни вообще где бы то ни было и только к вечеру съел немного мяса. Ни одна утрата еще не была для меня столь тяжкой. Несчастный горемыка — Да благословит господь всемогущий бедных *МД*. — Прощайте.

Я отправлю это письмо нынче вечером и очень сожалею, что это произойдет в то время, как я нахожусь в таком горе.

Письмо LX

Лондон, 15 февраля 1712—1713.

[*воскресенье*]

Обедал нынче с мистером Роу и одним прожектером, который изводил меня, предлагая чуть не 20 способов получения разного рода пожертвований, однако ни один из них мне не по душе, к тому же я был слишком удручен кончиной бедняги Гаррисона. В десять часов вечера я присутствовал при его погребении, относительно которого распорядился, чтобы оно было как можно более скромным. Мы наняли только одну карету, в которой разместились вчетвером, и после погребения на обратном пути у нее лопнули поддерживающие кузов ремни, так что, пока мой слуга ходил за портшезами, мы сидели, рискуя опрокинуться; и все это в 11 часов вечера под проливным дождем. Домой я возвратился чрезвычайно подавленный и лягу сейчас спать. [Ноци мои ……… *МД*].

16. Обедал нынче с лордом Даплином и его гостями, всячески старавшимися меня развлечь, однако рано ушел домой и, чтобы хоть как-то развеяться, принялся читать глупейшую книгу. — У меня никогда больше не хватит духу взять на себя заботы об устройстве чьей-либо судьбы. Завтра соберется парламент, однако сессию опять отложат на две недели; из обеих партий раздаются недовольные голоса, но тут ничего не поделаешь, хорошо хоть все, что связано с подписанием мира, уже вне опасности. Я не припомню случая, чтобы дождливая погода длилась так долго. За последние 10 недель у нас не было и двух погожих дней кряду. Вот уже 4 дня, как я не обедал с лордом-казн[ачеем] и не смогу раньше субботы, потому что на ближайшие дни получил несколько приглашений; он, конечно же, будет меня корить и на сей раз не без оснований. Я очутился теперь в затруднительном положении с этими 100 фунтами, предназначавшимися для бедняги Гаррисона. Что мне теперь с ними делать? Отдать их родственникам я не могу, пока они не уладят его дела; ведь он очень много задолжал; впрочем, жезл будет находиться в моих руках, и я ничем не рискую. [Ноци, *бее* длаг[оценные] *МД*].

17. Леди Джерси и я обедали нынче с лордом Болинбр[оком], о чем мы условились заранее. Вместо покойного мистера Гаррисона он отправил в Утрехт своего брата[998]; и то сказать, во всей Европе едва ли сыщется более заманчивая для молодого джентльмена должность. Я отчаянно проигрался в ломбер, и все потому, что допустил тысячу промахов, хотя

ставил только по три пенни. — Леди Клерджес и еще одна старая шлюха, которую я не выношу, выиграли у меня вчера вечером двенадцать шиллингов. Сессия парламента опять была нынче отложена, и многие выражали недовольство, но причина этих проволочек — невозможность подготовить подписание мира к тому времени, когда они должны собраться. Уж очень много разных мелочей необходимо уладить. — По-прежнему ли [*БСС*] состоит в ломберных дамах? Все трюки этой игры вы, видимо, уже постигли до тонкостей. А откуда вы получаете карты? Судя по всему, из Франции: ведь у нас приходится платить шесть пенсов налога с каждой колоды[999], и это выходит довольно-таки накладно. Я отказался от своей затеи пить воды Спа и принимаю теперь какие-то мерзкие капли; в последнюю неделю с головой у меня было получше. Каждый день я посылаю справляться о здоровье мисс Эш; говорят, будто все тело у нее покрыто гнойничками, но жизнь ее вне опасности. Боюсь, что она после этого несколько подурнеет. Их сын ночует в другом месте; по мне, так было бы лучше, если бы и он переболел оспой сейчас, пока он еще так молод. [Ноци, *МД*].

18. Граф Эбингдон[1000] 3 месяца приставал ко мне, чтобы я пришел к нему обедать, и с неделю тому назад мы уговорились с ним на сегодня; я назвал ему, кого я хотел бы еще пригласить: лорда Стоуэла[1001], полковника Диснея и доктора Арбетнота. Однако двое последних вовремя догадались улизнуть, оставив нас со Стоуэлом. Обедать мы сели в 7 часов вечера, и, поскольку нынче среда первой недели великого поста, нам подали одну лишь рыбу, которую лорд Стоуэл не мог есть, а посему ему принесли ножку от индейки. Вместо вина нас поили сущей отравой. А ведь у этого пустобреха 12 тысяч годового дохода. Сазан был сырой, а свечи зажгли сальные. Больше меня к нему не заманишь, да и вообще я буду впредь осмотрительней. Теперь все смеются надо мной за то, что я согласился у него пообедать. Сегодня мне пришлось дать понять матери Гаррисона, что я не могу вручить ей деньги, пока она не приведет в порядок его дела, и она обещала это сделать. Судя по всему, она просто [старая шлюха], а ее дщерь […..]. Нынче при дворе вигов было больше, нежели ториев; похоже, они уразумели, наконец, что мир должен быть заключен, и вот явились, дабы угодить королеве. Она все еще прихрамывает из-за подагры. [Ноци, *МД*].

19. Я отправился нынче ко двору, чтобы попросить лорда Болинброка еще раз просмотреть поэму Парнела после того, как тот ее выправил, и Парнел вместе со мной обедал нынче у милорда, который показал ему еще

3—4 места, нуждающиеся в кое-каких исправлениях. Во время обеда к нам спустилась леди Болинброк, и Парнел не сводил с нее глаз, словно перед ним была богиня. Мне пришло в голову, что она очень похожа на жену Парнела, и он, видно, подумал то же самое. Он чрезвычайно доволен расположением, которое ему выказывает лорд Болинброк, и я надеюсь, что когда-нибудь это сослужит ему добрую службу. Его поэма будет напечатана в ближайшие несколько дней. Дождь у нас каждый день принимается хлестать наново, словно перед тем его и вовсе не бывало. Вечер я провел у леди Мэшем; лорд-казн[ачей] тоже к ним пришел и стал бранить меня за то, что я не прихожу к нему обедать, хоть я и объяснял ему, что никак не могу этого сделать до субботы. Я засиделся у леди Мэшем до начала первого, так что [копойной ноци вам, длаг[оценные] судалыни *МД*].

20. Леди Джерси, леди Кэтрин Гайд, испанский посол[1002], герцог д'Эстре[1003], еще один испанец и я обедали нынче у лорда Болинбр[ока], о чем мы условились заранее; они поднимали столько бокалов шампанского за здоровье испанцев, что я предпочел улизнуть к дамам и до 8 пил с ними чай, после чего пошел проведать сэра Э. Фаунтейна, у которого по-прежнему очень болит нога, и опять проигрался в ломбер. Мисс Эш уже вне опасности. У нее недавно воспалился глаз (что, я полагаю, было следствием ее болезни), но теперь и это проходит. Я не позволяю епископу приходить ко мне, и сам какое-то время воздержусь от визитов к нему. По возвращении домой меня ожидала приятная неожиданность — письмо от *МД* № 38. Только вы что-то очень уж мало на сей раз написали. Надеюсь, [вашим бедным глазкам сейчас уже получше]. Мое же письмо будет отправлено через неделю вместе с долговой распиской для *Мс*. — Завтра я опять поговорю с Гриффином относительно брата [*БСС*] Филби и выражу пожелание, чтобы независимо от того, заслуживает он этого или нет, ему приискали место получше нынешнего. Разумеется, при том условии, что мне удастся повидать Гриффина. На ваше сип-мо *БДГП* ответит тогда, когда сочтет это необходимым. — [Ноци, *МД*].

21. Вчера вечером я, кажется, обошелся с вами несколько бесцеремонно: я имею в виду последние мои слова. Я видел нынче при дворе Гриффина, он сказал, что насчет должности на солеварне в Рэктоне ему ничего неизвестно, но он предоставит Филби место получше этого и пожелал, чтобы Филби ему написал. Если бы я знал адрес Филби, я бы сам его об этом уведомил, а так прошу это сделать вас. Предупредите его, чтобы он ни словом о вас не обмолвился, а только написал мистеру

Гриффину, что имел честь быть рекомендованным ему доктором Св[ифтом] и прочее и что он постарается быть достойным и прочее. А еще лучше было бы, если бы вы сами ему все продиктовали. Надеюсь, он вполне пристойно пишет и читает. Перед тем, как отправить письмо, я непременно справлюсь, распорядился ли на этот счет Гриффин. Обедал нынче с лордом-казн[ачеем] и еще 7-ю лордами; по субботам, как вы знаете, у него бывает много гостей. После обеда мы просидели с ним вдвоем до 8, а потом я возвратился домой и написал письмо миссис Дэвис[1004] в Йорк. Сия особа позаботилась о том, чтобы ее письмо было вручено мне через лорда-казн[ачея], поскольку я, видите ли, не известил ее о получении предыдущего, отправленного по почте. Она упрекает меня за то, что я вот уже 4 года как не пишу ей, но я откровенно ответил, что не имею привычки писать тому, с кем вряд ли когда увижусь, разве только если могу оказать услугу, а ей я ничем услужить не могу и прочее. Она — вдова учителя Дэвиса. [Ноци, *МД*].

22. Обедал нынче у леди Оркни вместе с герц[огом] Орм[ондом] и сэром Т. Ханмером. Слыхали ли вы когда-нибудь о последнем? Совсем молодым он женился на герцогине Грэфтон (она тоже обедала с нами); это самый влиятельный человек в палате общин. Прошлой весной он отбыл во Фландрию вместе с герц[огом] Орм[ондом], а оттуда — во Францию, после чего собирался в Италию, но министры послали за ним, и дней десять тому назад он возвратился. Он чрезвычайно озабочен положением вещей, считая, что подписание мира слишком уж долго откладывается, и преисполнен дурных предчувствий и опасений. Говорят, будто его прочат на должность государственного секретаря[1005] вместо лорда Дартмута. Мы уже с ним 2 года как знакомы, и я намерен в ближайшие два-три дня потолковать с ним часок о нынешних делах. При дворе я видел еп[ископа] Клог[ерского]; его дочь выздоравливает, вот только не знаю, сильно ли она будет помечена оспинками. Королева очень медленно поправляется после приступа подагры, а посему изъявила желание, чтобы на предстоящее открытие парламента ее принесли в кресле. Это должно произойти 3 марта; надеюсь, они не станут больше его откладывать, хотя мирный договор все еще не будет к этому времени подписан, и мы опасаемся, что даже среди самих ториев будет немало недовольных. [Ноци, длаг[оценные] *МД*].

23. Погода нынче была скверная, и я пообедал с сэром Э. Фаунтейном, а вечер провел с ним и с ректором за ломбером и выиграл 26 шиллингов, так что я довольно-таки недурно отыгрался. Дилли все докучает мне, уговаривая навестить Фанни Мэнли, но у меня до сих пор не было никакой

возможности это сделать. Мисс Эш теперь уже совсем вне опасности и, как надеются, будет не слишком обезображена оспинами. Точного адреса Гриффина я указать не могу, но полагаю, что он живет на Бери-стрит, неподалеку от Сент-Джеймс-стрит, то есть рядом со мной. Впрочем, ваш брат может написать на соляное ведомство, тем более, что ему, судя по всему, известно имя Гриффина, ведь вы указали его, когда прислали мне список комиссаров этого ведомства. [Ноци, длаг[оценные] *МД*].

24. Я прогулялся нынче в Челси, чтобы повидать декана Крайстчерч-колледжа доктора Эттербери. У меня было к нему одно дело, касающееся поступления в его колледж сына лорда Керри — мистера Фиц-Морриса[1006]; ведь леди Керри пользуется особым моим благорасположением. Лорд Гарли, лорд Даплин, молодой Бромли[1007], сын спикера, и я обедали нынче с доктором Стрэтфордом и еще несколькими особами духовного звания, но в 7 я ушел и отправился к леди Джерси, чтобы повидать испанского посла Монтелеона, который был приглашен туда на ломбер. Леди Джерси, однако, не оказалось дома, и я разбранил слуг и всех переполошил, но не успел я возвратиться домой, как получил от нее записку, уведомляющую, что я ошибся днем и что мы уговорились встретиться завтра. Память у меня теперь уже не та, нежели когда я расставался с вами, и я чуть не каждый день забываю, куда уговорился прийти. Однако на сей раз моя память случайно оказалась даже слишком хорошей. Но я все же пойду к ней и завтра, потому что условился встретиться там с леди Кэтрин Гайд и леди Болинброк, а посему я расчесал свой парик и привел в порядок платье, чтобы выглядеть повнушительней [Ничего не поделаешь — слаб человек. Клянусь, … Ноци, *МД*].

25. Лорд-казн[ачей], застав меня вчера вечером у лорда Мэшема, принялся насмешливо благодарить за то, что я его не забываю, поскольку вот уже три дня, как я не приходил к нему обедать. Он сердится, даже если я пропущу два дня кряду. И что из этого воспоследует? … А ровным счетом ничего. Моя бабка, бывало, говаривала: чем тоньше обхождение, тем хуже угощение. Но я все же обедал нынче у него, и мне с трудом удалось уйти в 8, чтобы попасть к леди Джерси, где собралось 5 или 6 иностранных послов и столько же дам. Монтелеон играл, как истый англичанин: вскрикивал и постукивал костяшками пальцев, когда пасовал, и играл по маленькой, наподобие [*БСС*]. Леди Джерси шепнула мне, чтобы я остался и поужинал с дамами, после того как мужчины откланяются, но они засиделись за картами до 11, и я решил не дожидаться. — Это письмо, как я думаю, непременно будет отправлено в субботу, а между тем лист

еще не исписан и наполовину. Леди Кэтрин вбила себе в голову, что я непременно должен познакомиться с ее сестрой — леди Далкейт[1008], вдовой старшего сына герцога Монмута, которая была нынче вечером в числе гостей, однако мне она не понравилась: уж очень она красится. [Ноци, *МД*].

26. Наше Общество собиралось нынче у герц[ога] Орм[онда], но дела требовали моего присутствия в другом месте, а посему я послал свои извинения и пообедал наедине с приятелем. Да и кроме того вчера вечером у леди Джерси сэр Т. Ханмер шепнул мне, чтобы я пришел нынче к нему на ужин вместе с лордом-казн[ачеем] и герц[огом] Орм[ондом]; я так и сделал и просидел у него от 11 до часу, так что можете не сомневаться, время уже позднее. С нами ужинали также герцогиня Грэфтон и ее сын, а всего нас было девять человек. Герц[ог] Орм[онд] пожурил меня за то, что я отсутствовал нынче на обеде нашего Общества и сказал, что собралось 16 человек, а я ответил, что еще ни разу не слыхал, чтобы из 16 человек могла составиться хорошая компания, равно как и из 8. — У нас в Лондоне решительно ничего нового. Мне самому странно, что я не сообщаю вам никаких новостей. Но я меньше, чем кто бы то ни было, осведомлен о том, что происходит: ведь я не хожу ни в какие кофейни и видаюсь с одними только министрами да вельможами, а министры никогда не заводят речь о политике. Виги, судя по всему, снова что-то затевают к открытию сессии парламента, которое назначено на следующий вторник и, хотелось бы думать, на этот раз состоится. Мы уповаем на то, что мирный договор к этому дню будет готов к подписанию. Королеве с каждым днем все лучше. [Ноци, *МД*].

27. Весь день сегодня я томился от скуки и пообедал наедине с приятелем, живущим по соседству. Говорил ли я вам, что у меня теперь есть отличный поколенный портрет леди Оркни[1009] и притом оригинал, принадлежащий кисти сэра Годфри Кнеллера. Он уже у меня дома и помещен в красивую раму. Лорд Болинбр[ок] и леди Мэшем тоже обещали мне позволить снять с себя портреты, что же до лорда-казн[ачея], то я уже потерял всякую надежду, разве только он отдаст мне копию, и тогда у меня будут портреты всех тех, кого я действительно люблю; ровно полдюжины. И еще я уговорю лорда-хранителя печати отдать мне свой гравюрный в раме. Это письмо должно быть отправлено завтра, поскольку пора отослать *Мс* долговую расписку, в противном случае, смею вас заверить, я бы сделал это не раньше следующей недели. Я теперь не слишком утруждаю свое перо, потому что предпринятый мной большой труд отложен до иных

времен, когда в нем возникнет неотложная необходимость или что-нибудь произойдет; и тогда я примусь за его окончание, хотя мне это претит, стольких трудов он мне стоит. Все, что я написал, находится теперь у сэра Т. Ханмера. — А что поделывают сейчас мои *МД*? — Ну конечно же, как всегда, вечером по пятницам играем в ломбер у декана вместе с миссис Уоллс. — Что ж, по крайней мере не засиживайтесь слишком поздно. Вчера вечером я был свидетелем тому, как герцог д'Эстре 6 раз проигрывал, имея на руках Манильо, Басто и три мелких козыря, а леди Джерси выиграла больше 20 фунтов. [Копойной ноци, длаг[оценные] марыски *МД*].

28. Нынче при дворе аббат Готье шепнул мне, что прибыл курьер с известьем о согласии французского короля со всеми требованиями королевы. Об этом уже послали сообщить в Утрехт, так что в ближайшие дни мир будет подписан. Правда, мирный договор между всеми участвующими сторонами не может быть так быстро подготовлен, но это уже не имеет значения. Новость тотчас же распространилась при дворе. Я видел, как королеву вынесли в кресле в сад, чтобы она могла подышать воздухом. Мне встретился Гриффин, и он сказал, что уже отправлено распоряжение подвергнуть Филби испытанию и, буде он окажется пригодным, назначить помощником (помнится, он именно так выразился) уж не знаю точно кого, кажется, инспектора; во всяком случае, речь шла о какой-то должности, которая намного лучше его нынешней. Парламент опять ненадолго отложат, хотя никто пока еще об этом не знает. Обедал с лор-дом-казн[ачеем] и его обычной субботней компанией и ушел от него в 8, чтобы своевременно отнести это письмо в почтовую контору. А теперь, длагоценнейшие марыски *МД*, я должен с вами поплощаться. [Да хранит вас всегда, всегда господь и рюбите *БДГП*] — прощайте [*МД, МД, МД, Досвид, Досвид, Досвид, Досвид, МС, МС,* — тлам —, тлам —].

Письмо LXI

Лондон, 1 марта 1712—1713.

[*воскресенье*]

У меня совсем вылетело из головы, полностью ли я ответил в моем последнем письме на ваше или нет. Мне кажется, я не успел этого сделать, потому что спешил, однако, как я теперь вижу, на большую его часть я все же ответил. Впрочем, нет, только насчет вашего брата и долговой расписки для *Мс*. Обедал нынче с леди Оркни; мы проговорили с ней о политике до 11 вечера — и, как всегда, сошлись на том, что все обстоит из рук вон плохо, и только расстроили друг друга. — Да, у меня и в самом деле есть портрет леди Джиффард, присланный вашей матушкой, он упакован и хранится вместе с некоторыми другими моими вещами. Мое имущество хранится в 2 или даже 3 местах; когда я съезжаю с квартиры, то упаковываю купленные за это время книги (потому что я все время нет-нет да что-нибудь покупаю) и поселяюсь на новой, что называется, нагишом, и так далее… Не говорите со мной насчет должности декана: я осведомлен об этом меньше, чем когда бы то ни было. [Ноци, *МД*].

2. Отправился нынче в Сити повидать Пэтти Ролт, которая живет там со своей кузиной — дочерью моей кузины Клевской[1010] (которой вы намного умнее). Я никогда прежде не бывал у нее дома. Другой мой родственник в Сити, мясник Томсон, не то уже умер, не то умирает. Пообедал со своим типографом и, возвращаясь от него пешком, зашел посидеть немного с леди Клерджес, у которой застал четырех дам, игравших в вист, в их числе была леди Годольфин. Подсев к ней, я стал советовать ей, как лучше воспользоваться своими картами, однако она не удостоила меня ни единым взглядрм и не проронила ни слова. Некоторое время тому назад она не пожелала со мной познакомиться. Вы, наверно, знаете, что она старшая дочь лорда Мальборо. Она ведет себя, как дуреха, и я еще собью с нее спесь. — Чем я собственно могу посодействать мужу дочери доктора Смита? Я не пользуюсь влиянием среди акцизных чиновников. Разве что переговорю с Китли, хотя это ничего не даст. На таможне люди, как правило, продвигаются по службе постепенно, и ему необходимо сперва согласиться на самую низкую должность, если его сочтут к тому пригодным, [*бсс*] ошибается на мой счет: я вовсе не сержусь на ваши просьбы посодействовать кому бы то ни было; если это для меня удобно, я всегда готов услужить, чем могу. Но люди не понимают разницы

и обижаются, когда я просто бессилен им помочь… Однако *Бсс* умнее их. А вообще-то выхлопотать место очень не просто. [Ноци, *МД*].

3. Обедал я нынче с лордом-казн[ачеем], который, как обычно, укорял меня за то, что я давно у него не был, хотя последний раз я обедал у него не далее, как в прошлую субботу. Заседание парламента опять отложили на неделю, но к тому времени, я полагаю, мирный договор будет уже готов, да и королева будет достаточно здорова для того, чтобы принести ее в палату, где она произнесет свою речь. — Доктора Гриффита я видел месяца два или три тому назад в Вестминстере во время представления на латинском языке, однако я с ним тогда не говорил. Надеюсь, что он не умрет, в противном случае буду весьма огорчен за *бсс*. Ведь он так к ней ласков. Я уже давно распростился с простудами, да и погода несколько улучшилась. — Принимаю теперь какие-то капли, и голова моя ведет себя довольно сносно. Стараюсь по возможности больше гулять, очень в последнее время обленился и так и не завершил свою работу; все бы мне по гостям разъезжать[1011], да в ломбер играть. Я буду осмотрительнее в выборе лекарств, нежели миссис Прайс[1012]; полагаю, однако, что она с таким же успехом умерла бы и без оных. Больше ни словечка вам нынче не прибавлю, а почитаю немного одну скучную книгу и лягу спать. [Копойной ноци, длаг[оценные] *МД*].

4. Мистер Форд чуть не полгода приглашал меня отобедать у него на квартире, что я и сделал, наконец, нынче и привел с ссбой ректора, доктора Парнела и моего приятеля Льюиса. Парнел вскоре ушел, а остальные трое уселись за ломбер, я же с удовольствием наблюдал за их игрой, — самому мне играть не хотелось. Тиздал, как вы изволили заметить, славный малый, и, когда я возвращусь в Ирландию ни с чем, он будет выражать мне сочувствие, испытывая при этом в душе безмерную радость. Я уже, кажется, рассказывал вам, как он написал мне, что я спас Англию, а он — Ирландию. Однако я могу снести и это, ведь я уже приучился смотреть, слушать и помалкивать. Отправясь нынче проведать герцогиню Гамильтон, я встретил небезызвестного вам Блиса из Ирландии, который как раз выходил из ее дома и садился в карету, а посему я осведомился у нее, с каких это пор она стала принимать у себя молодых людей. Судя по всему, он додумался устроить бал в доме герцога Гамильтона, том самом, где герцог скончался, а герцогиня потом оповестила об этом событии читателей «Почтальона», дабы выразить свое неодобрение, тем более, что на бале присутствовали дочери герцога Мальборо. Блис потому и пожаловал к герцогине, что хотел попросить у нее прощения и

оправдаться. Он порядочный шалопай. [Копойной ноци, бее длагоценнейшим *МД*].

5. У леди Мэшем случился выкидыш, но теперь она уже почти здорова. Я сделал нынче уйму визитов. У герц[ога] Орм[онда] мне опять встретился Блис, который стал упрашивать меня поехать с ним к герцогине Гамильтон, чтобы снова умолять ее о прощении. Я согласился не без задней мысли, желая поглядеть, как этот оболтус себя поведет; при всем том я попросил герцогиню быть с ним милосердней, ведь уж если на нее найдет, она — сущий дьявол. Собственно, это ей следовало бы просить у него прощения, ибо у него и в мыслях не было ничего дурного. И все же она не разрешила ему напечатать ответ с тем, чтобы оправдаться, хотя все ее обвинения — сплошная ложь. Он тщетно взывал ко мне, но я был невозмутим и винил во всем его. Я побывал нынче также при дворе; оказывается, иностранные послы задумали воспользоваться моими услугами, чтобы я переговорил от их лица с лордом-казн[ачеем] и лорд[ом] Болинброком, как я иногда и делаю, если случай того заслуживает. Вашему колледжу нечего опасаться: меня не назначат их ректором. Обедал я с сэром Томасом Ханмером и его герцогиней; был там также герц[ог] Орм[онд], однако мы вскоре откланялись, и я впервые за все это время решил навестить лорда Пемброка, да и то лишь затем, чтобы посмотреть кое-какие любопытные книги. К нему как раз в это время пожаловал лорд Чомли, который все пытался со мной заговорить, но я не удостоил его ни словом. Ненавижу этого негодяя, хотя он и состоит в приятелях вашего Гриффита. — Да, да, меня уже достаточно водили за нос, если бы только на этом все кончилось. [Ноци, судалыни].

6. Я побывал нынче вместе с Праттом на аукционе картин и выложил 2 фунта и 5 шиллингов за картину Тициана, хотя будь это настоящий Тициан, она стоила бы вдвое дороже. Если меня надули, то я постараюсь сбыть ее лорду Мэшему, если же она просто дешево мне досталась, то оставлю себе. По моему настоянию Пратт купил несколько картин для лорда Мэшема; Пратт большой знаток в этом деле. Обедал я с лордом-казн[ачеем], но в 8 часов уговорил его отправиться ко двору; я часто пользуюсь этим приемом, чтобы иметь возможность пораньше расстаться с ним. У меня было намерение залучить на этот обед и Парнела, но он нездоров: у бедняги такие же головокружения, как и у меня, но только у него они отличаются большим постоянством. Кроме того я присутствовал нынче вместе с ректором на levee лорда-казн[ачея], рассчитывая выпросить у него книг для колледжа. Как правило, я на этих его приемах не бываю, если только не собираюсь кого-нибудь ему представить. — Несмотря на

все ваши насмешки, [миссис *БСС*], клянусь спасением души, я и в самом деле надеялся, что они примут решение на мой счет гораздо скорее, и еще раз клянусь спасением души, что как только все места будут розданы и обо мне не позаботятся, я уеду отсюда при первой же возможности со всеми моими пожитками. Что делать, люди много медлительнее, нежели о них думаешь. — [Ноци *МД*].

7. Да, Ли, я надеюсь, скоро уберется отсюда, чума его забери. Я имел удовольствие встретить его как-то, и он принялся наставительно разглагольствовать о том, что я не навещаю здесь ни ирландских епископов, ни ирландских джентльменов. Мои ответы, надо думать, изрядно ему досадили. У меня не было нынче желания обедать с лордом-казн[ачеем], хотя это его субботний день, поскольку он пригласил меня на завтра, и вместо этого я пошел к лорду Мэшему, где пообедал, а потом просидел еще три часа за ломбером по 6 пенсов, и три игры кряду не мог взять ни одной взятки, так что чуть было не проигрался в пух и прах, но в конце концов отделался тремя шилл. и шестью пенс. Тут ничего не стоит проиграть и 5 гиней. Леди Оркни уехала нынче из Лондона, а я из лени так и не удосужился повидаться с ней и ограничился тем, что отправил ей записку. Она оставила мне кое-какие лекарства. Право же, я никогда прежде не знал, что *МД* такие завзятые политики, и нахожу это весьма необычным и чрезвычайно похвальным; полагаю, едва ли когда еще бывало, чтобы 3 человека так много беседовали и так мало при этом касались политики. Я избегаю каких бы то ни было разговоров с приверженцами другой партии. Пусть это достойно сожаления, но это свыше моих сил. Такие вещи слишком дорого обходятся. Ну, а теперь, пришел, наконец, черед вступить [*БСС*] с ее пустяками. Да, Парвисол прислал мне, согласно моему распоряжению, вексель на 50 фунтов. Надеюсь, этих денег мне хватит и на обратную дорогу. Молю господа, чтобы [….] отъезд не пришлось откладывать еще и по такой причине. Но в течение долгого времени он мне очень мало присылал. Нынче я не был при дворе. Редкий случай. [Копойной ноци, судалыни, … и….*БДГП*].

8. Да будет вам известно, что я чуть не каждый день угощаю теперь шоколадом 2—3 человек, коим, дозволяю приходить ко мне по утрам. Слуга мой научился уже довольно складно врать. Ведь есть люди, которых не проймешь, хотя бы им отказывали по десять раз. Но он уже знает всех, с кем я охотно видаюсь, а остальных так или иначе спроваживает. Сегодня день вступления королевы на престол и как раз тот день, когда Гискар ранил лорда-казн[ачея]. Я побывал при дворе, где каждый облачился по такому случаю в праздничное платье, а потом обедал с лордом-казн[ачеем],

который тоже был очень разодет. Он показал мне речь королевы, и я в нескольких местах ее подправил и, кроме того, набросал благодарственный адрес в ответ на эту речь. Я все же держусь мнения, что если известие о подписании мирного договора еще не получено, то открывать сессию парламента в ближайший вторник не следует, разве только при полной уверенности, что договор непременно будет подписан неделю спустя, чтобы уж выслушать всю брань и хулу разом. [Ноци, *МД*].

9. Лорд-казн[ачей] хотел, чтобы я с ним нынче пообедал, он пригласил меня вчера вечером, но я отказался прийти, потому что он не отметил день, когда был ранен, и не пригласил к себе весь кабинет, как он намеревался, а посему я пообедал у своего приятеля Льюиса в обществе ректора, Парнела и Форда. Я проиграл в ломбер 16 шиллингов, и, признаюсь, это мне совсем не по вкусу. Вечером Льюис прислал сказать мне, что завтрашнее заседание парламента не состоится. Надеюсь, они все же уверены, что через неделю мир будет подписан, и тогда, на мой взгляд, такое решение оправдано, в противном же случае они допустили ошибку, поскольку могли с таким же успехом открыть сессию еще три недели тому назад. Многие будут выражать недовольство, но лорда-казн[ачея] это нисколько не тревожит. У лорда-хранителя печати неожиданно приключился приступ грудной жабы, а посему вместо него об этом решении, видимо, поручат объявить кому-нибудь из лордов, возможно, лорду Трэвору[1013]. В Лондоне все сейчас пребывают в таком смятении и ожидании, какого вам едва ли когда приходилось наблюдать. Мистер Поп[1014] напечатал превосходную поэму под названием «Виндзорский лес»; непременно ее прочитайте. [Ноци].

10. Нынче рано утром пошел повидать лорда Болинбр[ока] и убедился, что он держится того мнения, что сегодняшнее заседание парламента откладывать не следовало. Они вовсе не уверены, что мир будет подписан в течение этой недели. Заседание перенесено на следующий вторник. А еще я ходил поглядеть на библиотеку, которую собираюсь купить, если только мы сойдемся в цене. Я предлагаю 120 фунтов и готов в крайнем случае прибавить еще десять. Лорд Болинбр[ок] обещал ссудить меня деньгами. Два часа я разглядывал эти книги; кое-что из них я, пожалуй, продам, а остальное оставлю себе. Боюсь только, что мне не уступят их за такую цену. Обедал в Сити, а вечером посидел часок с лордом-казн[ачеем], который был в прекрасном расположении духа, хотя и упрекнул меня за то, что я не обедал с ним вчера и сегодня. Ну, и что из того? — Лорд-хранитель печати провел ночь вполне сносно и чувствует себя получше. Я

очень за него тревожился. [А как вы поживаете, судалыни, ….. *МД*].

11. Утром я сделал визиты герцогу и герцогине Орм[онд] и герц[огине] Гамильтон, а потом отправился с ректором на аукцион картин и выложил четырнадцать шиллингов. Будь у меня деньги, я бы на этом не остановился, но, боюсь, мне грозит разорение, потому что сэр Эндрю Фаунтейн пригласил меня и ректора к себе на обед и на ломбер, и я опять проиграл 14 шиллингов. Пожалуй, пора на этом остановиться, я теперь не скоро снова усядусь за карты. Сейчас я уже дома и возвратился довольно поздно; мой молокосос дал погаснуть огню в камине, а посему я пишу, лежа в постели; уже далеко за полночь. Вышли 4 матадора и черная козырная, и я остался в дураках. [Плаво зе, очень сквелно. Копойной ноци вам обеим, длаг[оценные] плоказницы *МД*].

12. Я побывал нынче на другом аукционе картин и притом очень большом и уговорил лорда Мэшема истратить 40 фунтов. Впрочем, там были картины, каждая из которых продавалась за вдвое большую сумму. Наше Общество собралось нынче у герцога Бофорта; угощение отличалось чудовищной роскошью, а я этого терпеть не могу. Тем не менее, мы успели сделать кое-что полезное. При сем, как это уже вошло у нас в обычай, присутствовал и наш типограф, а канцлер казначейства прислал автору «Экзаминера»[1015] 20 гиней. Он весьма сообразительный малый, однако более самодовольного хлыща свет не видывал, так что я не рискну позволить ему посетить меня и даже до сих пор с ним не знаком. Нынче утром я долго беседовал с герц[огом] Орм[ондом], поскольку добиваюсь принятия кое-каких мер, которые бы всех нас [обезопасили на случай непредвиденных событий]. С обеда я ушел в 7; вино не доставляет мне теперь ни малейшего удовольствия. А вообще-то белое португальское я предпочитаю кларету, шампанскому или бургундскому. Вкус у меня в этом отношении весьма непритязательный. Помню, как [*БСС*], бывало, дулась, когда я возвращался после какого-нибудь обильного обеда, в то время как *МД* приходилось довольствоваться кусочком баранины; теперь я не в состоянии съесть больше одного блюда, да и никогда не мог, разве что мальчишкой, когда любил всякие начинки. День нынче выдался славный, а это у нас теперь, смею вас уверить, редкость, и двух хороших дней кряду не случается. [Копойной ноци, *МД*].

13. Нынче утром целое сборище ирландских священников угощалось моим шоколадом. Я теперь не в силах запомнить, куда и когда я зван. Вчера вечером, например, я должен был отужинать в одной компании, у шведского посла, но совершенно об этом забыл, и, встретив меня нынче у лорда Болинбр[ока], посол стал меня вышучивать, однако милорд заметил

в мое оправдание, что ему не следует сердиться, потому что я нередко точно так же поступаю с лордом-казн[ачеем] и с ним самим. По этой самой причине я теперь редко обещаю куда-нибудь прийти. Обедал с лордом-казн[ачеем], который, по своему обыкновению, укорял меня за то, что я так долго к нему не приходил. Это повторяется всякий раз, стоит мне пропустить хотя бы один день. Вечером я 3 часа просидел у леди Джерси; впрочем, первые два часа она провела с гостями за ломбером. А от лорда-казн[ачея] я ушел в 8; мне показалось, что он был несколько задумчив, потому что то и дело принимался играть апельсином; я заметил ему, что у простых смертных это служит верным признаком хандры. Это письмо не будет отправлено завтра; нет, нет, [юные аамы], не извольте торопиться — в этом нет настоятельной необходимости. Ведь я дал слово посылать вам письмо раз в 3 недели и веду себя лучше, нежели обещал. Хотелось бы, чтобы с мирным договором уже было покончено, то есть, чтобы мы до вторника получили известие, что он уже подписан, в противном случае недовольство намного усилится. [Копойной ноци, плоказницы].

14. День выдался нынче на редкость приятный, и я воспользовался этим, чтобы вволю погулять в Парке перед тем, как явиться при дворе. У одного из моих братьев по Обществу — полковника Диснея — лихорадка, и мы очень тревожимся за его жизнь. Он наш общий любимец, и для нас это была бы тяжкая утрата. Боюсь, я все же не куплю эту библиотеку, потому что один мошенник книготорговец предложил на 60 фунтов больше, нежели я собирался за нее уплатить, так что, как видите, я замышлял довольно-таки выгодную сделку. Обедал с лордом-казн[ачеем] и его субботней компанией, однако на этот раз нас было только семеро. Аорд Питерборо болен: у него опять открылось кровохарканье из-за ушиба, который он получил еще до отъезда из Англии. Я, однако же, склонен думать, что новый приступ болезни на сей раз вызван некоей особой, итальянкой, которую он с собой привез. Знаете ли вы, что престарелая леди Белэзис[1016] наконец-то отошла в мир иной? Одним из своих душеприказчиков она назначила лорда Беркли из Стрэттона, и это сулит ему немалую выгоду: говорят, он получит больше десяти тысяч фунтов. После того как все разошлись, я остался, чтобы переговорить с лордом-казн[ачеем] касательно одного дела[1017], однако о чем именно, сказать вам не рискую. Если бы я осмелился рассказывать вам обо всем, что здесь происходит, мои письма оказались бы очень даже неплохими мемуарами, но я уже столько раз слышал о том, что в вашей почтовой конторе часто вскрывают письма, что уж лучше я от этого воздержусь. Итак [доблой вам

ночи, судалыни *МД*, и рюбите *БДГП*].

15. Лорд-казн[ачей] снова пригласил меня сегодня к себе на обед, но, хотя я приготовил то, о чем он меня просил, он так и не удосужился взглянуть, отложив все на завтра. Корол[ева] опять посещает теперь часовню: ее приносят туда в открытом кресле. Она чувствует себя достаточно сносно, чтобы во вторник присутствовать на открытии парламента, если только заседание обеих палат не будет отложено, а это пока еще не совсем ясно; даже министры не могут ничего сказать, поскольку все зависит от ветра, погоды и обстоятельств, могущих возникнуть во время переговоров. Как бы там ни было, мы ведем себя так, как будто сессия непременно должна начаться, а посему мне надлежит завтра явиться к лорду-казн[ачею], чтобы завершить с ним одно дело, с этим связанное. [*БСС*, наверно,] поймет то, о чем я сейчас скажу: доктора говорят, что если бедному полк[овнику] Диснею не удастся этой ночью хоть немного соснуть, то он неминуемо умрет. — А вам-то что до этого? — Да ведь он один из членов нашего Общества, и у него бездна юмора. Это уже старый и довольно потрепанный волокита, но очень порядочный малый: притом не старик, а именно старый волокита. Это он сказал как-то о фрейлине Джинни Кингдом, которая уже несколько в годах, что, поскольку ей не удалось заполучить себе супруга, королева должна снабдить ее документом, удостоверяющим, что ей дозволяется вести себя, как замужней даме. Вы, конечно, ничего не поняли. Ну, нечто вроде документов, вручаемых обычно армейским чинам — майорам и капитанам, дабы наделить их полномочиями полковников. Что-то вроде патента на офицерский чин. Осведомьтесь на этот счет у кого-нибудь из служивых, [непонятливые судалыни. Копойной ноци, *МД*].

16. Я пришел нынче к лорду-казн[ачею] еще до того, как он возвратился домой, и, едва переступив порог, он объявил мне, что заседание парламента переносится на следующий четверг. Они получили с нарочным какие-то известия, основываясь на которых рассчитывают, что к тому времени мирный договор может быть подписан или что по меньшей мере Франция, Голландия и мы подпишем хотя бы отдельные его пункты, после чего уже легче будет заставить их подписать его в целом, когда он будет готов. Но вся беда в том, что в Утрехте сейчас нет ни одного полномочного представителя Испании, потому что Монтелеон, который должен представлять ее, все еще не отбыл из Лондона, и пока он туда не доберется, испанцы не смогут подписать никакого договора. Следует также учесть то обстоятельство, что заключение всеобщего мира едва ли вообще может быть полностью завершено в течение ближайших двух месяцев:

ведь после подписания его надобно еще и ратифицировать, то есть, иными словами, он должен быть утвержден несколькими государями при своих дворах. Но в Испании это может произойти лишь месяц спустя, а ведь нам необходимо получить сообщение о том, что договор ратифицирован при всех дворах, прежде чем мы сможем об этом официально объявить. Так что не извольте, сударыни, чересчур торопиться. [Ноци, *МД*].

17. Обретающиеся здесь ирландцы были весьма разочарованы тем, что открытие сессии сегодня не состоялось: ведь это день св. Патрика, и по сему случаю на Мел было столько крестов, что мне почудилось, будто весь мир населен одними только ирландцами. Мисс Эш уже почти выздоровела, и я видаюсь теперь с епископом, однако ходить к нему домой пока остерегусь. Опять обедал с лордом-казн[ачеем], но поскольку сессия парламента отложена, то я подержу кое-какие бумаги у себя до следующей недели; я убежден, что он не удосужится их просмотреть до вечера накануне открытия сессии. Он взял с меня слово, что я опять приду к нему завтра, хотя я делал все возможное, чтобы отложить это до какого-нибудь другого дня. Впрочем, я не буду обеспокоен, если он сочтет меня неучтивым. [Копойной ноци, длаг[оценные] судалыни, узе челесчул поздно. Ноци, *МД*].

18. Шесть дней подряд вплоть до сегодняшнего я обедал с лордом-казн[ачеем], но сегодня мне удалось незаметно улизнуть в то время, как он был занят разговором с другими гостями, так что завтра я волен поступать, как мне заблагорассудится. Здесь распространился слух о всеобщем прекращении военных действий, и нынче при дворе эта весть была у всех на устах, однако я все же полагаю, что это пустые толки. Когда я полюбопытствовал спросить у одного французского посланника, как обстоят дела, он прошептал мне в ответ по-французски: «Ваши и наши полномочные представители валяют дурака». Разумеется, никто из нас не одобряет поведения ни тех, ни других, да еще в такой момент, и только лорд-казн [ачей], несмотря ни на что, пребывает в самом благодушном настроении. Он пригласил нынче на обед изрядное число родственников, так что из двенадцати человек, сидевших за столом, все, кроме меня принадлежали к семейству Гарли. Дисней уже выздоравливает. Впрочем, ведь вам на это наплевать. Дилли по-прежнему убивает наповал своими каламбурами, начинающимися с «если». Да ведь вы же его знаете [Копойной ноци, вам, дологие, длаг[оценные] *МД*].

19. Еп[ископ] Клог[ерский] сочинил если-каламбур, коим он чрезвычайно гордится, и намерен отправить его своему брату Тому, а сэр Э. Фаунтейн тем временем уже отправил этот каламбур с последней

почтой Тому Эшу и попросил, чтобы он, в свой черед, отправил его епископу, выдав за свой собственный и, если шутка удастся, — вот будет потеха. Епископ будет говорить, какое это чудо, что у него с братом так совпали мысли. Не угодно ли и вам послушать этот каламбур. Если бы наемная карета остановилась у дверей мистера Поли, то какой бы тогда получился город в Египте? А? Гекатомполис, потому что наемная карета, как вам известно, здесь называется — хэк, а мистера Поли зовут Том. — «До чего глупо», — говорит *БСС*. Обедал нынче с двумя близкими приятелями, потому что наше Общество, как я уже говорил вам, встречается теперь только раз в две недели. Мне до сих пор так и не удалось повидать Фанни Мэнли, и я ничего не могу поделать. Леди Оркни собирается возвратиться в Лондон. Как, почему? Да потому что она находится сейчас у себя в поместье. Но вам-то что до этого? [Копойной ноци, длаг[оценные] *МД*].

20. Дилли прочитал мне нынче письмо, полученное им от *БСС*. Судя по всему, она не раз почесывала в затылке, пока сочиняла это послание: ведь писать людям, лишенным вкуса, занятие весьма докучное. Вы говорите в нем, будто я собираюсь в Бат — ничего подобного! Хвала всевышнему, я вполне здоров. В Лондоне теперь только и разговоров, что о моем отъезде в Савой; уже человек сорок принесли мне по этому случаю свои поздравления, и все же в этом нет ни крупицы истины. Нынче я опять побывал на распродаже картин, однако на сей раз ничего не купил. Я так радуюсь обретенной свободе, что решил никуда не ходить обедать, и, прогулявшись без всякой цели в Сити, поел немного в пятом часу, а потом поужинал у мистера Бэрга[1018], вашего генерального инспектора, уже приглашавшего меня в этом месяце. К нему должен был также прийти еп[ископ] Клог[ерский], но этому помешали похороны лорда Пейджета[1019]. Ректор и я просидели там до часу ночи и, если это не позднее время, то я, право, не знаю, то такое поздно. Поэма Парнела выйдет из печати в понедельник, а завтра, согласно моему замыслу, он преподнесет ее при дворе лорду-казн[ачею] и лорду Болинбр[оку]. Бедняга постоянно мучается головными болями. Жена Бэрга доводится ему сестрой[1020], ей несколько свойственна чисто ирландская бесцеремонность. [Ноци, *МД*].

21. Утро. — Я намерен сейчас же закончить это письмо, потому что ко мне должна явиться целая компания, и начнется шум и суматоха, так что я лучше положу его в карнам и собственноручно отдам его потом в почтовую контору. — Мне необходимо побывать нынче при дворе и кроме

того по субботам, как вы знаете, я, конечно же, обедаю с лор-дом-казн[ачеем]. Прощайте [длагоценнейшие *МД, МД, МД, Досвид, Досвид, Досвид, МД, МС, МС, МС,* тлам, судалыни].

Письмо LXII

Лондон, 21 марта 1712—1713

[*суббота*]

Нынче вечером отнес свое письмо в почтовую контору. Обедал с лордом-казн[ачеем], и тут выяснилось, что он, оказывается, встречался в доме лорда Галифакса с 4 виднейшими вигами. При всем том в день открытия парламента он намерен выступить с речью, направленной против вигов; я просил его собрать перед тем министров, дабы принять на этот счет решение и сделать так, чтобы нападающей стороной были мы; тогда, я полагаю, от этого будет хоть какой-то прок. Ведь виги собираются подвергнуть кабинет министров очередной атаке и будет гораздо лучше, если вместо этого министры подвергнут атаке их самих. И, кроме того, я полагаю, что нам следует атаковать их по тем же самым пунктам, по которым они собираются атаковать нас. По случаю Страстной недели парламент снова будет отложен. Совсем забыл сказать вам, что мистер Гриффин предоставил брату [*БСС*] новую должность, которая принесет ему на 10 фунтов в год больше, нежели прежняя. Она, правда, находится в более отдаленной местности, но там, следовательно, и жизнь дешевле. Я, конечно, хотел бы иметь возможность приискать для него что-нибудь получше, но все же надеюсь, что вы и к этому назначению отнесетесь благосклонно и что ваш зять останется доволен. [Копойной ноци, родные, дорогие… *МД*].

22. Обедал нынче с лордом-камергером, и сидевший за столом Фрэнк Эннисли[1021] (член парламента) сказал мне, что до него дошли слухи, будто я написал своим друзьям в Ирландии и посоветовал им твердо держаться за вигов, потому что после заключения мира лорд-казн[ачей] несомненно перейдет на их сторону. Эннисли сказал, что слыхал это чуть ли не от 20 лиц. А виги, надобно заметить, и в самом деле распространяют о лорде-казн[ачее] такие слухи, что он будто бы собирается переметнуться к ним; один шотландец написал то же самое в Шотландию, а недавняя встреча лорда-казн[ачея] с главарями вигов дает лишь новую пищу для кривотолков. Позвольте мне наперед называть лорда-казн[ачея] «эль-ка», ведь не исключено, что мои письма могут распечатать. Запомните, пожалуйста, — «эль-ка». Вы, я думаю, понимаете, почему я предлагаю писать именно так: ведь «л-к» и «эль-ка» — произносится одинаково — Да, постойте, уже минуло 5 недель с тех пор, как я получил сипмо от *МД*. Так и

быть, даю вам сроку 6 недель. Теперь вы видите, почему я не могу приехать к началу апреля. Ни один человек, имеющий дело с этими министрами, не в состоянии назначить никакого срока. Клянусь спасением души, что [*беебдгп* тут неповинен и, пожалуйста, не пеняйте *беебдгп*. Копойной ноци, длагоценнейшие плоказницы *МД*].

23. Обедал нынче у сэра Т. Ханмера, о чем мы уже давно с ним условились. Там были также герц[ог] Орм[онд] и лорд и леди Оркни. В 6 я распрощался с ними; все они нынче были кислые, как уксус. Я стараюсь содействовать тому, чтобы между герц[огом] Орм[ондом] и «эль-ка» сохранялись прочные дружеские отношения. Надеюсь, вы еще не забыли, кто такой «эль-ка»? У меня имеется на этот счет великий умысел, вот только удалось бы мне его осуществить. Беда в том, что в душе «эль-ка» очень уж глубоко укоренилась привычка откладывать дела в долгий ящик, хотя это и не единственная причина того, что положение не улучшается. Здесь ходит пасквиль[1022], гнуснее которого свет не видывал, и к тому же довольно-таки бездарный; он называется «Посланница» и написан стихами. Его напечатали 3 или даже 4 различными изданиями, к тому же его не продают, а распространяют бесплатно. Кор[оле]ва подвергается в нем чудовищным оскорблениям. В сегодняшнем «Экзаминере» доказывается моя полная непричастность к сочинению этого памфлета и притом в чрезвычайно уважительном ко мне тоне[1023]. Надеюсь, это заткнет всем глотки, а если нет, пусть себе мелют все, что угодно, пропади они пропадом, мне на них наплевать. Здесь стоит ужасная дождливая погода. А теперь я пойду баиньки. [Копойной ноци, длагоценнейшие *МД*].

24. Весь день нынче лило, не переставая, и я совсем разорился на каретах. Сперва я проведал полк[овника] Диснея, который теперь уже вне опасности, потом навестил лорда-хранителя печати, который как раз в это время обедал, но я не стал с ним обедать, а поехал к лорду-каз… (я хотел сказать — к «эль-ка»); когда я, расплатившись с кучером, вошел в дом, то оказалось, что он обедает где-то в другом месте, и мне снова пришлось нанять карету; на сей раз я поехал к лорду Болинбр[оку], но и он не обедал нынче дома, и только у лорда Даплина мне, наконец, посчастливилось. От него я поехал в Вестминстерскую школу на представление латинской пьесы, разыгранной учащимися, которое лорд-казн[ачей] (я опять хотел сказать — «эль-ка») почтил своим присутствием. Старший сынишка леди Мэшем, которому около двух лет, очень болен, и, боюсь, вряд ли выживет. Она вне себя от горя, и я сочувствую ей и в то же время сержусь, уж очень она убивается. 4 шиллинга ушло нынче на одни кареты; пожалуй, пора на

этом остановиться. Через две недели, в четверг, договор о мире наверняка будет подписан; если это не произошло раньше, то лишь по вине наших посланников; они считали, что не вправе этого делать, поскольку еще не все государи изъявили свою добрую волю. Последнее невозможно по той причине, что в Утрехте пока еще нет полномочного представителя Испании. Но теперь нашим посланникам даны новые распоряжения. [Копойной ноци, *МД*].

25. Такой скверной погоды, пожалуй, еще не бывало. Дождь льет, не переставая, целый день, но я твердо решил, что больше не стану тратить денег на кареты. Опять ездил нынче с мистером Праттом на распродажу картин и встретил там герц[ога] Бофорта, пообещавшего отвезти меня ко двору, чего он, однако, не сделал, так что мне все-таки пришлось нанять карету. При дворе я успел уладить одно небольшое дельце, но принужден был вскоре отправиться восвояси, поскольку с вечера, да будет вам известно, принимаю небольшую дозу некоего снадобья, оказывающего действие лишь на следующий день. Леди Оркни — вот мой нынешний лекарь. А лекарство называется Hiera pucra[1024], две столовых ложки дьявольского зелья. Я собирался было пообедать с «эль-ка», но передумал, просто чтобы сберечь шиллинг, и пообедал вдвоем с приятелем, а потом посидел немного за ломбером и выиграл шесть шиллингов. За последнее время здесь от оспы умерло несколько знатных особ. Я еще так и не видел мисс Эш, но слыхал, что она чувствует себя неплохо. Еп[ископ] Клог[ерский] накупил пропасть картин и, благодаря Пратту, они обошлись ему дешево. Погода такая скверная, что мне совсем не удается гулять. А как у вас, [судалыни, то же самое? ……….. *МД*].

26. Хотя сегодня день, когда я брею обычно голову и бороду, но я все же выбрался из дому пораньше, чтобы повидать лорда Болинбр[ока] и иметь возможность поговорить с ним. После него я пошел к герц[огу] Орм[онду], а потом побывал при дворе, но никого из министров не видел, потому что открытие сессии парламента перенесено на две недели. Нынче опять был ужасный ливень, да еще с градом. Сегодня собиралось наше Общество. Я, правда, ушел от них в седьмом часу и отправился к сэру Э[ндрю] Ф[аунтейну], где просидел за ломбером вместе с ним и сэром Т. Клерджесом до десяти, после чего навестил еще сэра Т. Ханмера. Его жена — герцогиня Грэфтон оставила нас вскоре вдвоем, и я около часа беседовал с ним о разных делах. Лорд Болинбр[ок] ушел нынче с заседания нашего Общества еще раньше меня, потому что из Утрехта прибыл курьер, но содержание почты мне пока неизвестно; знаю только, что мир, как ожидают министры, будет подписан через неделю, и, следовательно, за

неделю до начала сессии парламента. [Копойной ноци, *МД*].

27. О поэме Парнела необычайно лестно отзываются, однако стихи как всегда раскупают довольно туго. Меня уже извела эта [гнусная шлюха] — мать бедняги Гаррисона. Вы бы вдоволь посмеялись, глядя, как я осторожничаю, прежде чем решиться выплатить ей 100 фунтов, полученных мной в казначействе для ее сына. Я уже спрашивал мнения всех, кого только знаю, могу ли я это сделать, не навлекая на себя осуждение, и, тем не менее, никак не решался на этот шаг, пока лорд-хранитель печати не заверил меня, что ничего предосудительного здесь нет. И все-таки я и по сей день еще не отдал их; отдам дня через два-три, хотя, признаюсь, у меня есть мысль подождать, пока *БСС* не выскажет мне на сей счет своего мнения, ведь *БСС* — известный законник. Обедал я нынче в довольно пестрой компании у одного шотландца[1025], пригласившего мистера Льюиса и меня; он имеет на нас виды, и нам это очень хорошо известно. Оттуда я отправился поглядеть на наделавшую столько шума движущуюся картину[1026] и, по правде сказать, ничего красивее мне еще не встречалось. Перед вами открывается море шириной в десять миль с городом на противоположном берегу и кораблями, плавающими по морю и стреляющими из пушек, и еще необозримое небо с луной и звездами и пр. Я все-таки, видать, изрядный простофиля. [Копойной ноци, длаг[оценные] *МД*].

28. У меня было нынче необычайно многолюдное levee. Я велю никого ко мне не пускать, кроме, примерно, полудюжины приятелей, и вот все они пожаловали ко мне одновременно, и в их числе мистер Аддисон. Мне даже пришлось дважды подавать шоколад, от чего я, признаться, не в восторге. У нас по-прежнему стоит дождливая погода, и наемные кареты подорожали. Обедал я, как обычно, с «эль-ка» и его субботней компанией и не мог уйти оттуда раньше девяти: лорд Питерборо без умолку разглагольствовал, а «эль-ка» нарочно задерживал меня. Потом я пошел повидаться с еп[ископом] Оссорииским, который еще утром прислал мне приглашение. Он собирается в Ирландию. Там были также еп[ископ] Киллалуйский и Т. Ли, который, видя, как ведут себя со мной епископы, полностью переменил свое поведение и теперь, кажется, склонен считать меня лицом, куда более влиятельным, нежели каким я являюсь на самом деле. Я без обиняков высказал еп[ископу] Киллалуйскому, что именно ему «эль-ка» и я обязаны столь неблаговидным поведением епископов в деле с первинами, и ясно дал понять, что это отбило у меня охоту добиваться еще более выгодной для них милости, так называемой королевской ренты,

которую королева обещала было даровать им. Ему ничего другого не оставалось, как смиренно все это выслушать и попросить меня оказать содействие в этом и некоторых других делах. Ну вот, прошла только неделя, а лист уже наполовину заполнен. Не исключено поэтому, что на следующей письмо уже будет отправлено. [Ноци, *МД*].

29. Я безуспешно пытаюсь спасти одного из младших членов совета[1027] вашего колледжа. Он приехал сюда хлопотать, чтобы ему разрешили оставаться в совете без принятия духовного сана, но, пока он хлопотал о своем деле, истек срок, который был ему на это предоставлен, а посему колледж может теперь по своему усмотрению исключить его из состава совета, если только кор[олева] не приостановит такую меру, чтобы дать ему все же время для принятия сана. Я говорил вчера по этому поводу со всеми министрами, но они отвечают, что кор[олева] рассержена, она считает, что это была просто уловка с целью ее обмануть, и настроена крайне решительно. И вот человек гибнет, а я не в силах ему помочь. Заметьте при этом, что я никогда его в глаза не видал, но дело само по себе настолько несправедливо, что я не мог удержаться, чтобы не предстательствовать за него. Ваши должностные лица рекомендовали его герцогу Орм[онду], и бедняга рассчитывал, что ему разрешат не принимать духовного сана, но к тому времени, когда он получил отказ, ему грозит потеря места и в совете колледжа. Обедал я с доктором Арбетнотом (одним из моих братьев) у него на квартире в Челси и побывал в тамошней часовне, алтарь которой своей диковинностью напомнил мне тот, что у Тиздала, в вашем солдатском госпитале. При дворе я нынче не был, но слыхал, что королева не присутствовала на богослужении; возможно, опять из-за приступа подагры. Весь день ужасный ливень. А у вас такая же погода? [Копойной ноци, *МД*].

30. Утро. Некоторое время тому назад, беседуя с знатным лицом, я упомянул об одном человеке, чрезвычайно достойном, но обремененном нуждой и болезнями, после чего мой собеседник вручил мне сто фунтов и попросил передать их ему, чего я пока еще не сделал. Человек, которому эти деньги предназначены, никогда не видел своего благодетеля, не ожидает получить ни единого фартинга и вообще ни о чем не знает и не ведает, так что, я полагаю, сто фунтов будут для него чрезвычайно приятным сюрпризом. Ведь, что ни говори, а это довольно-таки щедрый подарок. — Вечером. Обедал я в Сити у Понтэка в обществе лорда Даплина и еще кое-кого, а угощал нас некий полковник Клиленд[1028], который задумал стать губернатором Барбадоса, а посему загодя

расставляет приманку для меня и других, чтобы расположить нас в свою пользу. Одним словом, он истинный шотландец. Вечером я отдал 100 фунтов, и для получателя это была весьма приятная неожиданность. Мы полагаем, что мирный договор уже подписан и что в ближайшие 3 дня мы будем об этом извещены. Думаю, что теперь в этом можно быть вполне уверенным. [Копойной ноци, *МД*].

31. Мне вспомнилось нынче, как бывало [*БСС*], когда я с важным видом приходил из дома какого-нибудь лорда, высказывала предположение, что я не иначе как свел знакомство с каким-нибудь дворецким. Так вот, сэр Э. Фаунтейн пригласил еп[ископа] Клог[ерского], меня и еще кое-кого поехать вместе с ним пообедать в одном доме и привез нас к герцогу Кенту[1029], которого, как оказалось, нет в городе, однако его дворецкий великолепно угостил нас, показал прекрасные картины и прочее. Я все еще не видел мисс Эш, жду, когда она начнет выходить из дома на прогулку. Нынче вечером леди Мэшем, доктор Арбетнот и я задумали распространить одну небылицу: что приятелям мистера Нобла[1030], повешенного в прошлую субботу, удалось вернуть его к жизни, однако вскоре после этого он будто бы снова был схвачен шерифом и в настоящий момент находится под стражей в Холборне[1031] в «Черном лебеде». Каждый из нас пошлет завтра к своим знакомым якобы узнать, не слыхали ли они что-нибудь об этом, благодаря чему, мы надеемся, весть быстро распространится. Во всяком случае, мы со своей стороны постараемся сделать все от нас зависящее, а уж остальное предоставим на волю случая. [Копойной ноци, *МД*].

1 апреля. Из нашей затеи ничего не вышло, хотя я посылал слугу в несколько домов, чтобы поспрашивать об этом среди лакеев, не посвящая его, конечно, в нашу тайну. Но боюсь, что мои сообщники недостаточно посодействовали успеху этой шутки. Мы с Парнелом обедали у Дартнефа (вы о нем не раз слыхали от меня), а после втроем отправились к лорду Болинбр[оку], который садился обедать и упрашивал меня остаться, но я предпочел уйти, проведав, что он собирается попотчевать меня довольно унылой поэмой одного священника по имени Трэп, посвященной заключению мира[1032]. Шведский посол сказал мне нынче при дворе, что очень тревожится за судьбу своего государя[1033]; мы, признаться, и в самом деле опасаемся, не погиб ли он среди этих турецких собак. Я уговорил лорда Болинбр[ока] пригласить мистера Аддисона отобедать с нами в Великую пятницу. Думаю, что мы будем друг с другом подчеркнуто учтивы. Он сочинил пьесу, представление которой состоится в пятницу на

Святой неделе; это трагедия под названием «Катон»[1034]. Я читал ее несколько лет тому назад, когда она не была еще окончена. Кстати, писал ли я вам, что Стиль начал издавать новый ежедневный журнал, который называется «Гардиан»[1035]. Говорят, он из рук вон плох; я его еще не читал. [Копойной ноци, длаг[оценные] *МД*].

2. Утром виделся с лордом Болинбр[оком], и он сообщил мне о прибытии из Испании курьера — испанский король согласен со всеми пожеланиями нашей королевы, и герц[ог] д'Оссуна выехал из Парижа в Утрехт. Меня все же уговорили привести к себе домой этого Трэпа, чтобы ознакомиться с его поэмой и выправить ее, хотя она никуда не годится. В то время, как я корпел над ней, к моим окнам подъехал сэр Т. Ханмер и сообщил, что наша с ним поездка в Клиффден к леди Оркни, которую мы собирались навестить на этой неделе, не состоится, потому что он нездоров и врачи не разрешают ему выезжать. Я думал пообедать с лордом-казн[ачеем], но, навещая полк[овника] Диснея, живущего с генералом Уитерсом, с таким удовольствием наблюдал скромную трапезу генерала, что предпочел остаться и пообедать с ними, а к лорду-казн[ачею] явился только в шесть и застал у него доктора Сэчверела, поведавшего, что он получил сто фунтов от одного книготорговца, который будто бы намерен напечатать в количестве тридцати тысяч экземпляров проповедь, читанную им в прошлое воскресенье[1036]. Я, однако же, склонен думать, что книготорговец весьма на этом прогадает; хорошо, если ему удастся продать хотя бы половину. Я до сих пор велю топить камин, хотя уже наступил апрель и это против моего старого правила, но на дворе сейчас так сыро и холодно; я, право же, не припомню такой продолжительной скверной погоды за всю свою жизнь. [Копойной ноци, длаг[оценные] плоказницы *МД*].

3. Присутствовал нынче на богослужении в королевской часовне, однако корол[евы] там не было. В полдень из Утрехта прибыл мистер Сент-Джон, брат лорда Болинбр[ока], с известьем, что мир уже подписан там всеми полномочными представителями, кроме императорского посла, который, однако, тоже в ближайшие дни поставит свою подпись; так что теперь сие великое событие в сущности свершилось, и это будет, я полагаю, самый благодетельный мир для Европы и в особенности для Англии. Аддисон, я и еще кое-кто обедали нынче у лорда Болинбр[ока] и просидели с ним до полуночи. Мы держались необычайно церемонно, но, постепенно разговорившись, коснулись, вполне дружески, партийных дел. Аддисон выдвигал возражения, а лорд Болинбр[ок] весьма

благожелательно на них отвечал. Потом Аддисон поднял тост за здоровье лорда Сомерса и все за это выпили; я попросил только не называть имени лорда Уортона, потому что за его здоровье я уж никак не стану пить, и тут я откровенно пояснил лорду Болинбр[оку], что Аддисон питал к лорду Уортону столь же малую симпатию, как и я, что очень всех рассмешило. — Но вы хоть довольны, что мир, наконец, заключен? Ведь *БСС* известная брюзга, не правда ли? Насчет *ДД* у меня нет сомнений. Что ж, даже если [*БСС*] и не такой непримиримый тори, как я полагал, а *ДД* и вовсе виг, все равно теперь уже поздно. [Копойной ноци, *МД*].

4. На Страстной неделе все напускают на себя такой постный вид, особенно сегодня, в последний день, что я сказал навестившему меня Дилли, что был бы не прочь пообедать с ним; я так и сделал и получил небольшую баранью лопатку, которую заказал ему заранее. Весь день лил дождь, а посему, возвратясь восвояси в 7, я уже не решился больше выйти из дома и принялся читать длинную и нудную проповедь Сэчверела, любезно приславшего мне ее. Это первая его проповедь с тех пор, как истек срок, во время которого ему запрещено было проповедовать, но он ни словом об этом не обмолвился, кроме двух-трех глухих намеков. Том Эш ловко провел еп[ископа] Клог[ерского], прислав ему тот самый каламбур, который еп[ископ] придумал и собирался отправить Тому, но все откладывал, а мы с лордом Пемброком уговорили сэра Э. Фаунтейна упредить его и втихомолку самому переслать каламбур Тому. Я, кажется, уже рассказывал вам об этом в предыдущем письме. Проделка удалась на славу, и еп[ископ] уже выразил лорду Пемброку свое удивление, как это они с братом сумели одновременно придумать одно и то же. Я скоро лягу спать, потому что завтра в 8 утра должен быть в церкви: ведь завтра Светлое воскресенье. [Копойной ноци, длаг[оценнейшие] *МД*].

5. Уорбертон написал мне два письма касательно прихода, викарием которого был некий Фулк, недавно преставившийся; это в графстве Мит. Передайте ему, что, еще до получения его первого письма, я услыхал об открывшейся вакансии от ректора, он сообщил мне, что генерал Джордж[1037] рекомендовал герц[огу] Орм[онду] на это место своего приятеля. Я даже склонен думать, что когда Джордж рекомендовал на это место другого, Фулк был еще жив. потому что в своем последнем письме Уорбертон говорит, что Фулк преставился накануне. Указанное обстоятельство помешало мне оказать услугу Уорбертону, что я не преминул бы сделать, если бы он предупредил меня заблаговременно. Пожалуйста, скажите или напишите об этом Уорбертону в мое оправдание. — В 8 утра я был в церкви, а одевался и брился, уже

возвратясь после службы, поэтому ко двору явился слишком поздно. Лорд Эбингдон чуть было не залучил меня к себе на обед и, я думаю, разобидится за то, что я все же отказался; но я терпеть не могу обедать у него, а посему предпочел разделить трапезу с близким приятелем и раза два или три отлично прогулялся, потому что день выдался сегодня на редкость славный и притом впервые за долгое время. Припомните, была ли у вас хорошая погода в Светлое воскресенье? Вечер я провел с миссис Уорсли. [Копойной ноци, длаг[оценные] *МД*].

6. Утром я присутствовал на репетиции пьесы мистера Аддисона под названием «Катон», представление которой назначено на пятницу; нас было не более десяти зрителей, и мы все стояли на сцене; было довольно нелепо видеть актеров, коим поминутно подсказывали, что им следует говорить, и наставлявшего их автора, а также шлюху, изображавшую дочь Катона[1038], которая, запнувшись посреди самой трогательной сцены, воскликнула: «Ну, что там дальше?» На репетиции присутствовал также еп[ископ] Клог[ерский], но только он расположился неприметно на галерее. Потом я отправился было пообедать с лордом-казн[ачеем], но оказалось, что он уехал в Уимблдон, где находится поместье его дочери леди Кармартен, это в 7 милях отсюда; так что, возвратясь обратно, я пообедал вдвоем с мистером Аддисоном. У меня все еще топят камин; как видите, я веду себя крайне расточительно. Вечер я провел в обществе сэра Э. Фаунтейна, и мы забавлялись тем, что сочиняли для Дилли каламбуры, начинающиеся с «если». У нас опять зарядили дожди. В жизни не видел [ницево подобного]. Это письмо будет отправлено завтра. Учтите, [уные аамы], что уже минуло 7 недель с тех пор, как я получил от вас последнее письмо, а ведь я давал вам сроку только 5 недель. Но вы, небось, то и дело скачете в деревню к Суонтонам. Да, передайте, пожалуйста, Суонтону, что письмо его я получил, однако ума не приложу, как ему посодействовать. Если бы новый наместник Ирландии собирался в ваши края, я попытался бы, по мере возможности, порекомендовать ему Суонтона, вот и все, чем я могу помочь; вы же знаете, что в Ирландии все или почти все должности заняты с правом их передачи по наследству. Будь я там на месте и располагай доверием лорда-лейтенанта, я охотно бы его рекомендовал, но здесь я могу распоряжаться тамошними должностями не более, нежели монархией. [Копойной ноци, длаг[оценные] *МД*].

7. Утро. Ко мне явился один визитер и отнял у меня время. Поскольку я еще не выходил из дома, то ничего не могу вам нынче сообщить, кроме того, [что рюбрю *МД* еще сильнее, цем плежде], если это только возможно. Сейчас я отнесу свое письмо в почтовую контору, так что на этом,

пожалуй, закончу. С этой же почтой я отправлю письмо декану, но в нем всего лишь две строки; и, кроме того, я вложил в ваше письмо еще одно, которое тоже предназначено декану с условием, что он сожжет его тотчас после прочтения и притом у вас на глазах, поскольку в нем изложены кое-какие соображения, которые я не хотел бы подвергать случайности. Могу только сказать вам в двух словах, что это отчет о предпринятых мной шагах с целью посодействовать ему в его притязаниях на имеющиеся вакансии[1039] и прочее. Однако он не должен знать, что вам так много об этом известно. [Надеюсь, это вас не затлуднит, а если затлуднит — неверика беда, ко все лавно рюбите *БДГП*, делзкого *БДГП*. Прошайте длагоценнейшие *МД, МД, МД, Досвид, Досвид, До-свид, МС, МС, МС*, тлам].

Письмо LXIII

Лондон, 7 апреля 1713

[*вторник*]

Я, кажется, по ошибке пометил отправленное нынче письмо 61 номером, тогда как следовало проставить 62. Обедал с лордом-казн[ачеем] и хотя дело, которое у меня было к нему[1040], должно быть завершено к ближайшему четвергу, на который назначено заседание парламента, а нынче уже вторник, он все-таки опять отложил его на завтра. Я не решаюсь сказать вам, о каком деле идет речь, из опасения, что письмо может затеряться или, чего доброго, будет распечатано, однако другого такого любителя откладывать все до последней минуты мне, право же, еще не доводилось видеть. Уж на этот раз сессия парламента начнется наверняка, и всеобщее нетерпение достигло предела. Нынче вечером на заседании Тайного совета лорд главный судья Паркер, виг, выступил против заключения мира, то же самое сделал еще один виг — лорд Чомли, казначей двора. Лорд-хранитель печати назначен лордом-канцлером. Мы надеемся, что несколько должностных лиц получат в ближайшее время отставку. [Копойной ноци, длаг[оценные] плоказницы, рюбите *БДГП*].

8. Лорд Чомли, настоящее имя которого Чолмондли, смещен с должности за свое вчерашнее выступление, и, кроме того, уволен самый главный виг среди армейских чинов — генерал-лейтенант сэр Ричард Темпл, а генерал-лейтенанту Палмзу[1041] придется продать свою должность командира полка. Таковы первые плоды дружбы между двумя влиятельными особами, установлению которой я всячески содействовал [1042]. Обедал с лордом-казн[ачеем] и наконец-то завершил, и притом к полному его удовлетворению, дело, которое он мне поручал, а какое именно, я *МД* не скажу. Завтрашнее заседание парламента состоится всенепременно. Здесь напечатано письмо, сочиненное от лица самого Макартни, в коем он пытается отвести от себя обвинение в убийстве герцога Гамильтона. Придется мне подсказать несколько соображений, как получше ответить на это письмо; в нем сплошная ложь, и это хороший повод представить, чего стоит их партия. Завтра чрезвычайно важный день, и в Вестминстере соберется весь свет. Лорд-казн[ачей], по обыкновению своему, безмятежен, как агнец. Они хлопочут сейчас о том, чтобы каждый отсутствующий лорд передал кому-нибудь свои полномочия[1043], хотя не

сомневаются, что наберут большинство голосов; ведь вследствие смертей и всякого рода происшествий перевес ториев в палате лордов стал в нынешнем году еще большим. [Копойной ноци, *МД*].

9. Утром я отправился к лорду-казн[ачею]. чтобы по просьбе вдовы графа Джерси представить ему младшего сына покойного, и видел жезл лорда-казн[ачея] и запряженную карету, в которой он должен был поехать на заседание парламента. Наше Общество собиралось нынче на обед, но поскольку я предполагал, что обе палаты прозаседают дольше, нежели я намерен был поститься, то предпочел, не дожидаясь этого, пообедать наедине с приятелем. До 8 вечера я ни разу не справлялся, как обстоят дела и только после этого пошел к лорду Оркни, у которого застал сэра Т. Ханмера. Кор[олева] весьма успешно произнесла свою речь, хотя и несколько слабым голосом. Людей собралось множество. Было предложено принять благодарственный адрес кор[олеве], против которого выступили лорды Ноттингем, Галифакс и Коупер[1044]. Лорд-казн[ачей] говорил с большим воодушевлением и решимостью, а лорд Питерборо прошелся насчет герцога Мальборо (который, как вам известно, находится сейчас в Германии), однако это было лишь ответом на одно из дерзких замечаний Галифакса. Предложение о благодарственном адресе прошло большинством в 33 голоса. Заседание обеих палат закончилось около 6 вечера. Таков ответ, услышанный мной у лорда Оркни. Еп[ископ] Честерский[1045] голосовал против двора, хотя он и высокий тори. Дело в том, что несколько месяцев тому назад герцогиня Мальборо послала за ним, чтобы оправдаться в его глазах по отношению к кор[олеве]; она показала ему письма и наговорила всяких басен, которым этот слабодушный человек поверил и был сбит с толку. [Копойной ноци, *МД*].

10. Обедал у своего кузена[1046] в Сити, с нами была также бедняжка Пэт Ролт. Я выхлопотал ее мошеннику мужу позволение возвратиться из Порт-Магона[1047] в Англию. Виги сильно приуныли, но я все же думаю, что они опять что-то замышляют. Приемы, которые устраивались при дворе по средам, четвергам и субботам, из-за сессии парламента прекратились. Вечером мне надобно было заняться делом, а посему я не устоял перед соблазном побездельничать и проиграл двенадцать шиллингов за ломбером с доктором Праттом и прочими. Я навестил нынче еп[ископа] Клог[ерского] и его жену, только с их дочерью пока еще не виделся. У нас изо дня в день льет дождь, и при всем том мы задыхаемся от пыли. Старший сын леди Мэшем очень болен; боюсь, что ему не выжить. Она неотлучно находится при нем в Кенсингтоне, что у всех нас вызывает

недовольство. Ее чрезмерная материнская любовь прямо-таки бесит меня. Ведь она ни на минуту не должна оставлять королеву и, напротив того, должна оставить все прочее, дабы всецело посвятить себя тому, что так важно как для дел общественных, так и ее собственных. Я уже не раз твердил ей об этом, но ей это как об стенку горох. [Ноци, *МД*].

11. Обедал у лорда-казн[ачея] с его субботней компанией; всего нас было за столом десятеро и притом, кроме меня да еще канцлера казначейства, одни только лорды. Аргайл удалился в 6 и был, как всегда, холоден и невозмутим. Герц[ог] Орм[онд] и лорд Болинбр[ок] отсутствовали. Я просидел с ними почти до десяти. Лорд-казн[ачей] показал нам миниатюрный портрет, выполненный на финифти, в золотой рамке, стоимостью около 20 фунтов. Я говорю о портрете кор[олевы], который она подарила герцогине Мальборо и рамка которого была усеяна брильянтами. Покидая Англию, эта особа вынула из рамки все камни, а портрет отдала некой миссис Хиггинс (престарелой интриганке, которая всем-здесь достаточно хорошо известна), попросив ее сбыть портрет с наибольшей выгодой. Лорд-казн[ачей] послал к миссис Хиггинс за этим портретом и отдал за него 100 фунтов. А теперь скажите, сыщется ли еще на свете столь неблагодарная тварь, как эта герцогиня? И доводилось ли вам когда-либо слышать что-нибудь подобное? Виги, я думаю, этому не поверят. Но вы все же, пожалуйста, попытайтесь рассказать это: вытащить из рамки брильянты и отдать портрет ничтожной особе, словно какой-нибудь хлам, поручив продать его, как если бы это была какая-нибудь старомодная тарелка. Ну, не презренная ли она после этого шлюха? [Копойной ноци, длагоценнейшие *МД*].

12. Побывал нынче при дворе, затем что хотел представить одного из. членов совета дублинского колледжа — мистера Беркли[1048] лорду Беркли из Стрэттона. Сей молодой Беркли — человек чрезвычайно острого ума и великий философ. Я рассказал о нем всем министрам и дал им кое-что из его сочинений и по мере моих сил стараюсь оказать ему содействие. Мне кажется, что честь и совесть обязывают меня использовать все свое скромное влияние, дабы споспешествовать продвижению в свете людей достойных. Кор[олева] была нынче в часовне и выглядела довольно хорошо. Обедал я у лорда Оркни вместе с герц[огом] Орм[ондом], лордом Арраном и сэром Т. Ханмером. Мистер Сент-Джон, наш секретарь в Утрехте, с минуты на минуту ожидает повеления возвратиться туда с ратифицированным мирным договором. Рассказывал ли я вам в моем последнем письме о пьесе Аддисона под названием «Катон» и о том, что я присутствовал во время ее репетиции? [Ночи, *МД*].

13. Нынче утром ко мне зашел мой приятель мистер Льюис и показал мне приказ о замещении 3 вакантных деканатов[1049], однако ни один из них не достался мне. Я все время это предвидел, а посему воспринял эту новость лучше, нежели он ожидал. Я только попросил мистера Льюиса передать лорду-казн[ачею], что я нисколько на него не в обиде, креме разве того, что он своевременно не уведомил меня, как обещал, лишь только убедится, что корол[ева] не собирается ничего для меня сделать. Днем, узнав о том, что я в канцелярии мистера Льюиса, лорд-казн[ачей] пришел и наговорил мне всякой всячины; повторять это заняло бы слишком много времени. Я ответил ему, что мне не остается теперь ничего иного, как немедленно уехать в Ирландию, потому что я не могу далее здесь оставаться без ущерба для своей репутации, если мне не будет немедленно предоставлено какое-нибудь подобающее место. Позже, когда мы обедали с ним у герц[ога] Орм[онда], он сказал мне, что приостановил составление документов для новых деканов, дабы то, что будет сделано для меня, прошло одновременно с их бумагами, и что он рассчитывает добиться этого нынче же вечером, но я ему не верю. Я поделился моими намерениями с герц[огом] Орм[ондом]. Он согласен, что Стерну следует дать епископат с тем, чтобы я занял его место в соборе св. Патрика, но, боюсь, из этого ничего не получится, ведь я не стану дожидаться их решения; так что при всех обстоятельствах вы, по-видимому, […………….] будете иметь удовольствие лицезреть меня в Дублине еще до конца апреля. Я не настолько всем этим огорчен, как вы, возможно, воображаете, и был бы еще менее задет, если бы не эти несносные людишки, которые лезут с сочувствием, как в свое время досаждали мне преждевременными поздравлениями. Однако я постараюсь избегать теперь всяких компаний, уложу свои пожитки и в следующий понедельник отправлю их с возницей в Честер, а затем и сам пущусь в путь и увижу, наконец, мои ивы, вопреки всеобщим ожиданиям. [Что мне собственно до всего этого. Копейной ноци, длагоценнейшие плоказницы *МД*].

14. Обедал в Сити и распорядился подыскать квартиру к тому времени, когда мне понадобится заняться упаковкой вещей, потому что, как только бумаги о замещении вакантных деканатов, прохождение которых сейчас приостановлено, будут все же подписаны, я тотчас переберусь отсюда в Сити. Лорд-казн[ачей] сказал мистеру Льюису, что вопрос должен решиться нынче вечером, но то же самое он уже говорил вчера и будет говорить еще сто вечеров кряду. Я не придаю его словам ни малейшего значения. Отныне, до моего переезда в Сити, мои записи будут краткими, а потом я отправлю это письмо, и вскоре сам последую за ним.

Весь путь до Честера я собираюсь проделать пешком с моим слугой, по 10 миль в день. Это будет очень на пользу моему здоровью. Полагаю, что доберусь туда за 14 дней. [Копойной ноци, длаг[оценные] *МД*].

15. Лорд Бол[инброк] заставил меня нынче с ним пообедать, и, право, я был не худшим собеседником, чем обычно. Он сказал, что нынче вечером кор[олева] непременно примет какое-нибудь решение на мой счет и что спор идет лишь о том, будет ли это Виндзор или собор св. Патрика; я ответил, что не стану дожидаться окончания их споров, и он счел, что я прав. Лорд Мэшем сказал мне, что леди Мэшем сердится на меня за то, что с тех пор, как решается судьба этих вакансий, я ни разу с ней не повидался; она просила меня завтра прийти к ней. [Копойной ноци, длагоценнейшие *МД*].

16. Нынче днем я был у леди Мэшем, только что приехавшей из Кенсингтона, где хворает ее старший сын. Она подробно рассказала мне о своем разговоре с кор[олевой] и лордом-казн[ачеем]; бедняжка при этом расплакалась, слезы так и лились у нее из глаз. Она никак не может примириться с мыслью о том, что я получу деканат св. Патрика и уеду в Ирландию. Никогда еще я не бывал так тронут, как при виде столь сильного проявления дружеских чувств. Я, однако же, не остался у нее, а пообедал с доктором Арбетнотом и мистером Беркли, одним из членов совета вашего колледжа, которого я рекомендовал доктору, а также лорду Беркли из Стрэттона. Мистер Льюис сказал мне, что герц[ог] Орм[онд] был нынче у кор[олевы] и она изъявила согласие назначить доктора Стерна еп[ископом] Droморским, а меня — деканом св. Патрика. Но вышедший затем из канцелярии лорд-казн[ачей] сказал, что он этим не удовлетворится, поскольку я непременно должен получить пребенду в Виндзоре, и таким образом опять все расстроил. Я не надеюсь ни на то, ни на другое, но, признаюсь, при всей моей любви к Англии, подобное обращение до того меня возмутило, что, имей я возможность выбора, то предпочел бы деканат св. Патрика. Леди Мэшем обещала непременно завтра поговорить об этом с кор[олевой]. [Ноци…. *МД*].

17. Я пошел нынче обедать к леди Мэшем; у нее болит горло, и ее знобит. Вчера вечером она пыталась завести разговор с кор[олевой] о моем деле, но не располагала для этого достаточным временем. Кор[олева] сказала, что решит все завтра с лордом-казн[ачеем]. Прохождение бумаг вновь назначенных деканов задержано лордом-казн[ачеем] из опасения, что я уеду. Вы полагаете, что-нибудь будет сделано? Мне, во всяком случае, безразлично, будет или нет. Я себе потихоньку готовлюсь к отъезду, не вижусь ни с кем из сильных мира сего и даже не подумаю

повидаться перед отъездом с лордом-казн[ачеем]. Он, кстати, опять уверял мистера Льюиса, что нынче вечером дело непременно будет решено, То же самое он говорил 5 вечеров тому назад. [Ноци, *МД*].

18. Утром получил записку от мистера Льюиса: лорд-казн[ачей] сообщил ему, что сегодня в полдень кор[олева] примет на мой счет решение, а в 3 часа лорд-казн [ачей] прислал сказать, что ждет меня в своих апартаментах в Сент-Джеймсе, и, когда я пришел, объявил мне, что кор[олева] приняла, наконец, решение, и что доктор Стерн будет назначен еп[ископом] Дроморским, а я — деканом св. Патрика, и что приказ о назначении Стерна будет написан немедленно. Право назначать декана св. Патрика принадлежит, как вы знаете, герц[огу] Орм[онду], но кор[олева], лорд-казн[ачей] и герц[ог] Орм[онд] договорились между собой о назначении Стерна, чтобы освободить тем самым место для меня. Я, однако, и сейчас не уверен в благоприятном исходе, ведь этому может помешать любая непредвиденная случайность, и, кроме того, я не могу испытывать радость при мысли, что остаток дней мне предстоит провесть в Ирландии. Признаюсь, я питал все же надежду, что министры не допустят моего отъезда, но они, как видно, не в силах что-либо предпринять. [Ноци, *МД*].

19. Забыл сказать вам, что лорд-казн[ачей] заставил меня вчера пообедать у него с его обычной субботней компанией, на что я принужден был после неоднократных отказов согласиться; а нынче я обедал с приятелем и при дворе не появлялся. После обеда я получил от мистера Льюиса записку о том, что кор[олева] воздерживается от окончательного решения, пока она не узнает, одобрил ли герц[ог] Орм[онд] назначение Стерна епископом. Посему я отправился на поиски герц[ога] Орм[онда] и, застав его в Кокпите, рассказал ему обо всем и попросил пойти к кор[олеве] и сказать ей, что он одобряет назначение Стерна. Однако он выдвинул ряд возражений и предложил назвать любой другой деканат по той причине, что он не любит Стерна; тот никогда будто бы не приходил к нему с визитом и вообще находится под влиянием архиеп[ископа] Дублинского и прочее. Так что снова все рухнуло. Когда я пересказал этот разговор лорду-казн[ачею], он, конечно, заверил меня, что все будет улажено, но я не придаю его словам ровно никакого значения. Неопределенность раздражает меня больше, нежели что бы то ни было. [Ноци, *МД*].

20. Нынче я, как условились, опять пошел в Кокпит, чтобы переговорить с герц[огом] Орм[ондом]; он, как и вчера, изъявил готовность предоставить мне любой другой деканат и прочее. Я просил его поступить,

как он найдет нужным, но только помочь мне найти хоть какой-то выход из этого положения. Тогда он с выражением живейшего участия сказал мне, что так и быть даст свое согласие, но что ни для кого другого на свете, кроме меня, он бы этого не сделал, и что нынче или завтра он переговорит с кор[олевой]. Так что теперь, возможно, из этого что-нибудь получится. Однако сказать с уверенностью не могу. [Копойной ноци, длаг[оценные], длаг[оценные] плоказницы *МД*].

21. Герц[ог] Орм[онд] сказал кор[олеве], что он не имеет ничего против того, чтобы Стерн стал епископом, и она согласилась на мое назначение деканом; соответствующие бумаги будут, я полагаю, через день-другой составлены. Пообедал в первой попавшейся харчевне вместе с Парнелом и Беркли, потому что не расположен был встречаться с министрами, хотя лорд Дартмут и звал меня нынче к себе на обед, на котором должен был присутствовать и лорд-казн[ачей]. Я сказал, что пошел бы, если бы не мое неопределенное положение. [Копойной ноци, судалыни *МД*].

22. Кор[олева] выразила пожелание, чтобы о всех новых назначениях и в Англии и в Ирландии было объявлено одновременно, с тем чтобы ей больше этим не досаждали, но это повлечет за собой новую задержку, а пока дело откладывается, я не могу быть уверенным в решении кор[олевы], ведь мои враги только и ждут удобного случая. Ненавижу их проволочки! [Копойной ноци, судалыни].

23. Забыл сказать вам, что обедал вчера с генералом Гамильтоном[1050]. Мои записи в дневнике стали теперь короткими, потому что я по горло занят делами. Нынче вечером кор[олева] подписала все бумаги о назначениях и в том числе о назначении Стерна еп[ископом] Дроморским; теперь герц[ог] Орм[онд] должен сообщить в Ирландию о своем решении назначить меня деканом св. Патрика. Поскольку на герцога я вполне полагаюсь, то теперь, надо думать, все уже позади. Что же касается *МД*, то они, видимо, настолько зложелательны, что и не скрывают своей радости, предпочитая это назначение деканату в Виндзоре. Потрудитесь, однако, вникнуть, каковы теперь мои обстоятельства. Ведь я думал, что мне придется уплатить за дом декана 600 фунтов, а еп[ископ] Клог[ерский] утверждает, что никак не меньше 800. Прибавьте к этому еще 150 фунтов в счет первин и столько же надо будет уплатить за патент, так что все вместе составит не менее 1000 фунтов и, следовательно, в ближайшие 3 года этот деканат нисколько не улучшит моего положения. Надеюсь, со временем мне все же удастся убедить их выплатить мне хоть сколько-нибудь денег, чтобы я мог рассчитаться с этими долгами. Перед

тем, как уехать отсюда, я должен буду закончить начатую мной книгу[1051]; кроме того, они рассчитывают, что следующую зиму я проведу здесь, и вот тогда-то я постараюсь выклянчить у них необходимую сумму денег. Но как бы то ни было, я надеюсь провести сначала 4 или пять месяцев [с *МД* и, чем бы эти мои расчеты ни завершились, годовое содержание *МД* должно быть увеличено, и, так оно и будет, верьте моему слову]. Нынче вечером я получил ваше сипмо № 39, то есть ровно через 10 недель после предыдущего. Со следующей почтой я отправлю письмо еп[ископу] Стерну. Едва ли у кого было когда-нибудь в Ирландии столько врагов, как у него. Чтобы добиться его назначения, мне пришлось прибегнуть к самым решительным мерам, какие только возможны, так что если после всего этого он не проявит в предстоящих между нами расчетах должного расположения и деликатности, то выкажет себя самым неблагодарным в мире человеком. Мой смертельный враг — архиепископ Йоркский — передал мне через третье лицо, что был бы рад повидаться со мной. Как вы думаете, следует мне с ним повидаться? — Я надеюсь приехать к вам не позже, чем через месяц, и посрамлю *МД* с их насмешками насчет того, что это произойдет не раньше, чем через 3 года. На ваше сипмо я постараюсь скоро ответить, но дневника больше вести не стану, потому что очень занят. Отныне я буду посылать вам лишь короткие письма. С Ларакором я не расстанусь: ведь он для меня единственный источник средств к существованию, если не считать деканат, который будет приносить более 400 фунтов в год[1052], не так ли? Если это и в самом деле будет так, то все, что останется сверх того, будет разделено [………… кроме обычного ………]. Ради бога, напишите мне поскорее веселое, доброе письмо, пусть даже совсем короткое. Мне с большим трудом удалось уладить мои дела, чем я весьма уязвлен, хотя меня и уверяют, что мне следует гордиться, поскольку я добился назначения епископа назло всему свету и сам получил лучший деканат Ирландии. [Копойной ноци, длаг[оценные] сударыни].

24. Забыл сказать вам, что вчера я получил от Стерна ответ на мое письмо. [Вы превосходно выполнили мое поручение, славные мои деньчонки]. Оказывается, последние три дня я проставлял не те числа, и мне пришлось их исправить. Обедал нынче в Сити у моего типографа и рано возвратился домой, а сейчас намерен усесться за свой прерванный труд. Это письмо я отправлю завтра и полагаю, что бумаги о моем назначении будут к тому времени тоже отосланы. Я написал доктору Когиллу, чтобы он позаботился об ускорении выдачи мне патента, и Парвисолу, чтобы он снабдил Когилла деньгами, если у него хоть сколько-

нибудь есть в наличии, а нет, так занял, где удастся. [Копойной ноци, *МД*].

25. Утро. Я пока еще не получил от герц[ога] Орм[онда] известий, готовы ли бумаги о моем назначении. Надеюсь, что к вечеру все будет завершено. Сейчас я собираюсь уходить, но письмо запечатаю не раньше, нежели узнаю, что все уже сделано. [С доблым утлом, судалыни]. — Весь день это письмо пролежало у меня в кармане в ожидании известия, что мои бумаги уже отправлены. В 10 часов утра мистер Льюис послал узнать у клерка мистера Саутуэла и тот ответил, что еп[ископ] Киллалуйский попросил придержать их до следующей почты; тогда он снова послал передать ему, что дело еп[ископа] Киллалуйского не имеет ничего общего с нашим, после чего я пошел туда сам, это было уже в двенадцатом часу, чтобы узнать, в чем причина задержки. Оказывается, поскольку еп[ископ] Киллалуйский переведен теперь в другой, Рэфуский епископат и намерен добиться получения арендной платы за тот срок, пока епископат был вакантным, он желал бы задержать отправку всех бумаг до решения его дела. Славное требование, что и говорить. Правда, получив записку от мистера Льюиса, клерк все же отправил бумаги, касающиеся Стерна и меня, однако к тому времени я уже опоздал отправить это письмо и от души огорчен тем. то первые сведения обо всем, что произошло, [*МД* получат не от *БДГП*]. Я решил ежегодно брать по 100 фунтов из доходов от деканата и делить их [между *МД* и *БП*, хотя мне придется тогда выплачивать свои долги на один год дольше. Вплочем, мы поговолим об этом, когда я плиеду, а пока копойной ноци вам, длаг [оценные] судалыни, тлам].

26. Побывал нынче при дворе, где меня без конца поздравляли в связи с моим назначением, так что я сбежал оттуда. Обедал с леди Оркни. — А вчера, как всегда, обедал с лордом-казн[ачеем] и его субботней компанией и был при этом произведен в деканы. — Архиепископ Йоркский говорит, что никогда больше не станет дурно обо мне отзываться. — Проследите, пожалуйста, чтобы Парвисол посодействовал скорейшему получению моего патента. Записку, присланную *Дд* и удостоверяющую, что она жива, я передал Туку. [На ваше сипмо я отвечу в другой раз — Копойной ноци].

27. Никаких новостей нынче не было. Обедал с Томом Гарли и прочими. Письмо запечатаю вечером. Напишите мне, пожалуйста, как можно скорее. —

[……………. *МД, МД, Досвид, Досвид, Досвид, МС, МС, МС,* Тлам, тлам].

Письмо LXIV

Лондон 16 мая [*1713*]
[*суббота*]

Вчера я получил ваше письмо № 40. Ваш новый епископ, надобно заметить, ведет себя в высшей степени неблагодарно; я даже не могу отозваться о нем так плохо, как он того заслуживает. Я написал ему той же самой почтой, с которой были отправлены бумаги о его и моем назначениях, и попросил, чтобы он предоставил мне возможность самому распорядиться двумя приходами[1053]… Теперь я напишу ему, в какой я на него обиде. Мне пишут из Ирландии, что я должен подумать о том, чтобы поручить [Парвисолу] или кому-то другому установить размеры десятины, полагающейся от деканата. Я, право, не знаю, как это сделать, находясь здесь, а в Ирландии я смогу быть не раньше, чем через месяц. Пожалуй, я напишу два распоряжения; одно на имя Парвисола, а другое тоже на имя Парвисола, но оставлю рядом незаполненное место для имени того человека, услугами которого в этом деле пользовался последний декан, а вас я прошу посоветоваться с друзьями насчет того, какую из этих двух бумаг пустить в ход, и если последнюю, то проставьте в ней его имя, и пусть тогда оба действуют по моему поручению. Если же остановитесь на первой, то переговорите с Парвисолом и узнайте, возьмется ли он за это. Боюсь, что это едва ли может быть хорошо выполнено одним человеком и притом совершенно никому не знакомым, как Парвисол. Сам он, возможно, готов рискнуть, чтобы укрепить тем мою заинтересованность в нем, однако в этом нет надобности, потому что я охотно сделаю для него любое доброе дело, но только без ущерба для себя. Посоветуйтесь, пожалуйста, с Уоллсом и Раймондом и немного с еп[ископом] Стерном, приличия ради. Скажите Раймонду, что я не в силах помочь ему в получении прихода в Моймиде[1054]. Этот приход расписали здесь, как завидную синекуру, и его добиваются несколько капелланов. Я до того этим разозлен, что если только буду жив, то поставлю себе целью добыть ему какой-нибудь другой приход, получше этого. От души огорчен его болезнью, во всяком случае, больше, чем неудачей с приходом. Если с десятиной можно еще месяц повременить, то попридержите пока обе мои бумаги, а тем временем посоветуйтесь получше. Если же возникнет неотложная надобность, то воспользуйтесь тогда любой из посылаемых мной бумаг, смотря по тому, что вам больше посоветуют. Я благодарю

мистера Уоллса за его письмо. Скажите ему, что все, что я здесь написал, является ответом на него, а также засвидетельствуйте мое почтение ему и его супруге. Я куплю у еп[ископа] Стерна его дом, как и все его домашнее имущество. Но я либо разорюсь, либо окажусь в крайне затруднительном положении, если только кор[олева] не даст мне 1000 фунтов, а я убежден, что она должна мне значительно больше. Лорд-казн[ачей] посмеивается надо мной, но, я надеюсь, поможет мне их получить, только quando [когда *(лат.)*]? Мне советуют елико возможно ускорить свой отъезд, что я и сделаю; полагаю, мне удастся выехать не позднее начала июня. Не снимайте для меня никаких квартир. А ваша хозяйка, небось, по-прежнему плутует? По приезде я так или иначе найду себе пристанище, а какое и где — это меня не заботит. И, конечно же, я куплю вам яичницу с ветчиной [или очемвыменятампросите], ваши чашки и Библию. Подумайте, пожалуйста, не откладывая, какие у вас есть ко мне поручения, а уж *беебдгп* [по мере своих сил] постарается выполнить их. Предыдущее мое письмо должно было уйти с другой почтой двумя днями раньше, но случайность этому помешала. Увеляю вас, я оцень сожалею, что […… *МД*] ничего не написала декану (я имею в виду *БДГП*), а ведь стоило вам приписать ему хоть несколько слов, и декан был бы у вас на поводке. Я закончил нынче мой трактат, и теперь мне надо дней десять, чтобы выправить его. [Прощайте, длагоценнейшая *МД, МД, Досвид, Досвид, Досвид, МС, МС, МС,* тлам].

Приложите печать на обе эти бумаги, ниже моей подписи.

Лондон, 16 мая 1713.

Сим поручаю мистеру Исайе Парвисолу и мистеру……. устанавливать размеры причитающейся деканату св. Патрика десятины, а также освобождать от ее уплаты в нынешнем году, в знак чего ставлю свою подпись и печать, в день и год, указанные наверху.

Джонат. Свифт.

Лондон, 16 мая 1713.

Сим поручаю моему управляющему мистеру Парвисолу устанавливать размеры причитающейся деканату св. Патрика десятины, а также освобождать от ее уплаты, в знак чего ставлю свою подпись и печать, в день и год, указанные наверху.

Джонат. Свифт.

Письмо LXV

Честер, 6 июня 1713.
[*суббота*]

Мое путешествие длилось 6 дней; выехав из Лондона в прошлый понедельник, я добрался сюда сегодня около 11 часов утра. Славный ездок, право слово. Между тем все суда и пассажиры отплыли вчера при необычайно благоприятном ветре. Сие было мне доложено, к вящему моему утешению, как только я сюда прибыл. Отвыкши за последние 3 года от верховой езды, я чувствую себя ужасно уставшим, однако же, невзирая на усталость, решил в понедельник выехать в Холихэд. Путешествие будет на пользу моему здоровью. Приехав сюда, я обнаружил письмо *МД* от 26 мая, которое мне переслали из Лондона. Если бы вы отправили его хотя бы одной почтой раньше, я мог бы привезти вам какие-нибудь безделицы, но вы поленились и не удосужились послать мне свои распоряжения незамедлительно, как я вас просил. — Если, бог даст, мое путешествие завершится благополучно, то, возможно, через неделю я уже буду с вами. На дорогу до Холихэда уйдет не меньше трех дней: ехать быстрее я просто не в силах, [что бы вы там ни говорили]. Моя кобыла не из резвых. Здешняя гостиница опустела и вся к моим услугам. Я был бы не прочь, конечно, избежать путешествия в Холихэд, но здесь никаких судов в ближайшее время не предвидится, а между тем мне настоятельно необходимо быть в Дублине до 25 текущего месяца, чтобы принесть присягу, в противном случае придется дожидаться следующего собрания конвокации. С жильем я как-нибудь устроюсь, а посему не снимайте мне никаких квартир, чтобы не платить за нее в мое отсутствие: бедный декан не может себе позволить такого мотовства. Я еще раз говорил с герц[огом] Орм[ондом] касательно предоставления Раймонду прихода Моймид и, надеюсь, он еще его получит, потому что я решительно высказал герцогу все доводы и передал ему памятную записку еп[ископа] Митского. Скажите Раймонду, что я весьма огорчен тем, что у него свищ. Что касается миссис Саут, то я поговорю о ней завтра с лордом-казн[ачеем]. — Господи, совсем забыл: мне показалось, будто я все еще в Лондоне. Значит, у миссис Тиздал очень раздуло брюхо, и она вот-вот должна разродиться. Супруг у нее просто щенок. Любопытно, от его ног по-прежнему воняет? Часы отправки почты в Ирландию настолько неопределенны, что я принужден на этом закончить. — Прощайте

[МД, МЛ, МЛ, Досвид,
Досвид, Лосвид, МС, МС, МС, МС
тлам, тлам,
тлам, плоказницы,
обе леди, плаво же,
и ……………..].

[На внутренней стороне конверта]

От всей души одобряю проект *БСС* вздернуть слепого священника — когда по моем приезде сюда я прочитал эти слова на честерских стенах и как раз получил ваше письмо, я воскликнул громко — Приятно …[1055].

ДОПОЛНЕНИЕ I

В этом разделе представлены все сохранившиеся стихи Свифта, посвященные Стелле, которые он, как правило, неизменно сочинял ко дню ее рождения, начиная, по-видимому, с 1718—1719 г.; во всяком случае, более ранние стихи не обнаружены, а строки одного из стихотворений, в которых говорится, что когда Свифт стал воспевать ее, Стелла «была не так уж молода», подтверждают вероятность такого предположения. Свифт единственный раз отступил от этого правила в 1720 г., когда вместо поздравительных стихов посвятил ей два стихотворения «на случай» — «Стелле, посетившей меня в моей болезни» и «Стелле, собравшей и переписавшей стихотворения автора». Кроме того, включено еще несколько стихотворений Свифта, в том числе и посвященных Дингли, а также одно поздравительное стихотворение, приписываемое Стелле.

Мы сочли необходимым включить сюда и характеристику Стеллы, написанную Свифтом сразу же после ее кончины. Таким образом помещенные здесь стихи и прозаический портрет-эпитафия (вместе с некоторыми фактами и материалами, приведенными в статье) помогут читателю в какой-то мере представить характер отношений Свифта и Эстер Джонсон на протяжении без малого десяти лет: с начала 1719 г. и до конца 1727 г. Все эти материалы даются в русском переводе впервые.

Но сначала несколько слов об истории издания литературного и, в частности, поэтического наследия Свифта. В 1726 г., во время пребывания Свифта в Англии, он задумал вместе с Попом издать «Разные сочинения» («Miscellanies») в 3-х томах; осуществлял это издание Поп. Первые два тома были преимущественно заполнены прозой Свифта, а выпуск 3-го тома со стихами все затягивался и, когда Свифт вновь приехал в Англию в 1727 г., он в июле написал Т. Шеридану, прося его прислать стихотворение «Стелле, собравшей и переписавшей стихотворения автора», чтобы пополнить этот том материалом (Corresp., III, 221). Кроме него здесь было напечатано еще 6 стихотворений, посвященных Стелле, в том числе и самое последнее, написанное в начале 1727 г. Трудно объяснить, что побудило Свифта принять такое решение в дни, когда Стелла была при смерти. Возможно, это была своего рода моральная компенсация для Стеллы в связи с опубликованием годом раньше и вопреки воле Свифта поэмы, посвященной сопернице Стеллы, — «Каденус и Ванесса» (см. с. 587), которая тоже была включена в состав этого тома. Он вышел 28 января

1728 г. через несколько дней после смерти Стеллы. На нем было написано — «Последний том», однако издание это было продолжено 4-м томом (1732), на котором почему-то значилось «Третий том», а затем и 5, 6…; в 1751 г. вышел последний 13 том. Но третий («последний») том выделяется тем, что он составлялся при участии самого автора.

В начале 1733 г. дублинский издатель Джордж Фолкнер предпринял издание произведений Свифта; последний, хотя и выражал в письмах недовольство этой затеей, принимал участие в его подготовке: достаточно сказать, что стихи, которые были включены во 2 том этого издания, печатались с исправлениями Свифта, сделанными им собственноручно на экземпляре 3 тома «Разных сочинений». В январе 1735 г. было объявлено о выходе первых трех томов, а в 1738 г. вышел последний, 6 том, причем первые четыре тома были просмотрены и отредактированы самим Свифтом. Количество стихов здесь вдвое превышало то, что было опубликовано Попом. Это издание все дополнялось новыми томами, в 1769 г. число их достигло 20-ти; включало оно и письма.

В 1755 г. доктор Джон Хоксворт начал в Лондоне два параллельных издания сочинений Свифта (quarto и octavo), выпустив соответственно 6 и 12 томов: в 1762— 1764 гг. это издание продолжил У. Бойер, а в 1765 г. Дин Свифт, включивший еще несколько лучших стихотворений Свифта. Так обстояло дело, когда крупный издатель, хроникер и автор литературных комментариев Джон Николе дополнил это издание в 1775 г., напечатав том, куда он включил еще около 30 стихотворений, а в двух дополнениях (1776 и 1779 гг.) собрал вместе многие стихотворения Свифта и его друзей. Таким образом, издание это растянулось на 24 года, в нем приняло участие пять издателей (считая опубликованный в 1762 г. Фолкнером том с прозой и стихами, которым воспользовался Бойер). В итоге это издание содержало соответственно XIV томов (quarto) и XXV томов (octavo). В 1784 г. Томас Шеридан осуществил переиздание всего собранного материала в 17 томах, упорядочив его содержание и предпослав ему жизнеописание сатирика, а в 1789 г. Николе опубликовал еще одно «Дополнение», куда включил все, что не вошло в издание Шеридана. В 1801 г. по поручению лондонских книгоиздатель Николе вновь выпустил собрание Шеридана в 19 томах, но с присовокуплением разысканных им материалов; это собрание сочинений Свифта было повторено в 1804 и 1808 гг., а вскоре этими изданиями и плодами почти полувековых литературных поисков Николса воспользовался Вальтер Скотт, дважды (в 1814 и 1824 гг.) издавший сочинения Свифта и предпославший им жизнеописание сатирика. Так сложился канон наследия

Джонатана Свифта. Постепенно возникла традиция отдельного издания прозаического наследия сатирика — лучшие из них осуществлены Темплом Скоттом и Гербертом Дэвисом, и его поэзии — последнее и наиболее полное было подготовлено Гарольдом Уильямсом в 1937; второе пересмотренное издание — 1958 г..

День рождения Стеллы
(1719)

Сердечный друг! Тебе пойдет
Сегодня тридцать пятый год.[1056]
Удвоились твои года,
Однако возраст — не беда.

Я не забуду, Стелла, нет,
Как ты цвела в шестнадцать лет,
Однако верх над красотой
Берет сегодня разум твой.

Когда бы разделить богам
Дары такие пополам,
Какой бы век для чувств людских
Явил двух юных нимф таких,

Так поделив твои лета,
Чтоб раздвоилась красота?
Тогда причуднице-судьбе
Пришлось бы внять моей мольбе,
Так разделив мой вечный пыл,
Чтобы двоим он свойствен был.

Стелле, посетившей меня в моей болезни (1720)

Паллада, убедившись в том,
Что Стелла со своим умом,
Затмив свой пол, мужчин пленит
И потрясенья причинит,
Которых в будущем не счесть,
Малютке даровала честь.

Развратный век растлил слова.
Я честь определю сперва.
Честь — содержание всего,
Подобно вере в Божество.
Наука нам преподала,
Что согревает жизнь тела,
Душе сопутствует в тиши.
Честь — это дух самой души.

Выписывает моралист
Все добродетели на лист;
Мораль подобная скучна:
Их все включает честь одна.
Не меланхолию, не кровь,
Не желчь, не флегму, не любовь, —
Честь мы владычицей зовем,
И темперамент ни при чем.

Но если честь усмотрят вдруг
В скандальных выходках пьянчуг,
В бесчисленных рубцах на лицах
И в триумфальных колесницах,
В том, чтобы с шулером тотчас
Расплачиваться каждый раз,
В том, что красотка на свиданья
Является без опозданья,
И в том, что лорду верит рвань,

Воздав происхожденью дань,
Нам Стелла преподаст урок,
Как наилучший педагог.

Инстанций выше чести нет.
Напрасен здесь чужой совет.
Все взвесив собственным умом,
Не думай о себе самом.
Установить важнее тут,
Как поступил бы, скажем, Брут,[1057]
Старик Сократ или Платон.
Кровь пролили бы свою Катон?

От бредней дух освободи!
Иначе у тебя в груди
Верх снова слабости возьмут,
Которые страшнее смут:
Гневливость, похоть, суета,
Жестокость, алчность, клевета,
Трусливый стыд и подлый страх,
Царящий в мелочных сердцах.

На небеса возносит честь,
Там для героев место есть;
И Стелла будет среди них,
Надеюсь, позже остальных.
Когда сказала Стелла «да»,
Не нужно больше клятв тогда.
Скорее целый мир падет,
Чем Стелла друга подведет.
Честь в сердце Стеллы так сильна,
Что правда ей всегда видна.
Ей отвратителен обман,
И ненавистен ей тиран.
Дурной министр, дурной король
В ней вызывают гнев и боль.

Ей предрассудок надоел,

Мол, доблесть — лишь мужской удел.
Подсказывает Стелле вкус:
Смешна трусиха, как и трус,
Хоть многих привлекла досель
Жеманным страхом Флоримель.
Столь театральная боязнь
Внушает Стелле неприязнь.
Не перебудит Стелла дом,
Крича, что видела фантом.
Шнуровку не разрежут ей,
С водою прибежав скорей,
Лишь потому, что стук не в срок
Иль в спелой сливе червячок.

Послушать Стеллу каждый рад;
Остроты Стеллы — сущий клад,
Который светится слегка,
Как солнце, скрывшись в облака,
Однако пронизать готов
Отрадным блеском свой покров.
Признайся, Стелла, Прометей
Был ослеплен красой твоей.
Лишь для тебя огонь украв,
Он дал тебе неженский нрав.
В обличье женском дух мужской
Облагородил род людской.
Черты по-женски хороши,
Чертог, но для мужской души.

Понять не трудно, я же сам
Злословью повод лучший дам,
Когда скрывать я предпочту
Ум Стеллы или доброту.
Изведав пагубную хворь,
Не различал я быстрых зорь:
Лишь призывал я день и ночь,
Всех, кто способен мне помочь;
Но прибежала Стелла вдруг
И облегчила мой недуг;

Страдала более меня,
Веселость внешнюю храня.
По воле неба был я слаб.
Мне даже самый верный раб
Не угождал бы, как она,
Лишь дружбою вдохновлена.
Целит меня за часом час
Трудами рук, приветом глаз;
Вблизи постели, словно дух,
Безмолвная, щадит мой слух.
Отвратный пробует бальзам,
Который должен пить я сам.
И стыдно мне лицо скривить.
Как Стеллу не благословить?
Пример достойный для друзей!
Спасая нежностью своей
Мне жизнь, своей рискуешь ты.
Чрезмерный подвиг доброты!
Скажи, какой глупец бы мог
Снести блистательный чертог,
Чтобы обломками потом
Чинить убогий ветхий дом?

Стелле, собравшей и переписавшей стихотворения автора
(1720)

Когда роскошный дом возник,
Забыты каменщики вмиг;
Дивясь торжественной красе,
Иниго Джонса[1058] хвалят все.
Так, если выстоит чертог
Из этих рифм, из этих строк
Не только в наши времена,
Хвалы достойна ты одна.

Тебе я начал петь хвалы
Без купидоновой стрелы;
Ты, Стелла, помнится, тогда
Была не так уж молода;
Я страсти в сердце не впустил,
Тебя я, Стелла, слишком чтил.

Привычкам верные своим,
Разнообразия хотим;
Подругу, друга и жену
Мы ценим лишь за новизну
И утешаемся подчас,
Мол, наилучшее при нас.
Жизнь как заманчивый базар:
Отбросив хлам, найдешь товар.
С кем дружит Стелла, счастлив тот,
Не ведая таких забот.
Какой-нибудь поэт чердачный
Сидит, как попугай невзрачный;
Он всех и вся воспеть готов
За неименьем башмаков;
А если муза под шумок
Ему заштопает чулок

Или попотчует певца
Котлетой с кружкою пивца,
Иль раздобудет уголька
Для стынущего камелька,
Поэт превыше звезд парит,
Любовь свою боготворит,
Вознагражденный за труды,
Не чая в будущем беды.

Нет, Хлою, местную сильфиду,
Филлиду, Сильвию, Ириду,
Искать не будут в небесах,
Спросив об этих адресах.
Разыщут Хлою поскорей,
А с нею пьянствует лакей.
Филлида штопает белье,
Забыв прибрать свое жилье.
Лен треплет Сильвия одна,
В кровоподтеках вся спина.[1059]
Ирида потеряла прыть:
Болезнь дурную трудно скрыть.
Дочь не узнал отец-мерзавец
Среди других таких красавиц.
Подвластны были до сих пор
Поэту слава и позор.
Претит угодливая лира,
Как непристойная сатира.
Отвергнем авторов плохих!
Одною правдой блещет стих.
Тем выше вымыслу цена,
Чем лучше правда в нем видна.
Когда бы пел я красоту
В недолговременном цвету, —
Заемный, праздничный наряд,
Как стоики нам говорят, —
Я прививал бы черенок,
Который, зеленея в срок,
Встречал бы солнце летних дней,

Чтобы засохнуть без корней,
Как будто громкая хвала
Насмешкой горькою была.

Так Мевий[1060], не жалея сил,
Воспеть блудницу норовил;
Он брал приемы напрокат,
Сравнениям избитым рад
И самым пошлым небылицам
Из посвящений разным лицам.
Покуда лавр подобный рос,
У нимфы провалился нос.

Лишь добродетель при тебе
Благодаря самой судьбе.
Не скажет, Стелла, злобный свет,
Что лжет пристрастный твой поэт.

Мои стихи переписав,
Признаешь ты, что был я прав;
При этом слабостей твоих
Не скроет мой правдивый стих.
Грешишь ты вспыльчивостью, да!

Вот главная твоя беда.
Твой лучший друг не промолчит,
Тебя в ошибке уличит,
А ты даешь ему отпор
Всем доводам наперекор.
Ты сердишься, не разобрав,
Кто заблуждается, кто прав.
Себя не помнишь ты почти,
И твой рассудок взаперти.
В непримиримости твоей
Ты нападаешь на друзей,
Являющих тебе пример
Пристойных сдержанных манер.

Твой друг тебя не подведет.
Разоблачив твой недочет,
Не чуждый, судя по всему,
И высочайшему уму,
Как пламень Этны, чей размах
Нас восхищает, вызвав страх;
Подземным жаром с вышины
Долины обогащены.
Южанин жалуется нам,
Как солнце жжет по временам,
При этом сам он первый рад,
Когда созреет виноград.
В твоих глазах увидев гнев,
Я сокрушаюсь, пожалев
О том, как часто может страсть
Впустую вспыхнуть и пропасть.
Остроты часто страсть родит,
Но чаще сердце бередит.
Полезен лозам жгучий зной,
Но портит он вино порой.
Однажды гнев Аяксу в грудь
Паллада вздумала вдохнуть.[1061]
Он мог бы Трою взять в бою,
Отвагу доказав свою.
Однако, гневом одержим,
Грозил соратникам своим.

Ты заставляешь кровь кипеть,
Надеясь в этом преуспеть,
Когда, застой преодолев,
Закваской крови служит гнев.
Но ты при этом не права.
Когда закваска такова,
Со временем прокиснет кровь.
Нет, Стелла, ты не прекословь:
Гнев не приносит нам добра.
За гневом следует хандра.
Смиришь ли, Стелла, ты свой нрав,

Подобный текст переписав?
Запишешь ли своей рукой
Упрек мой с этою строкой?
Иль будешь ты перечить мне,
Пылая в низменном огне,
Позволив подтвердить огню
Все то, в чем я тебя виню?

День рождения Стеллы (1721)

Влечет гостиница гостей
Красивой вывеской своей,
А если там хороший стол,
Уютный зал и чистый пол,
Мы помним ангельский отель.
Туда вернуться — наша цель.
Пусть блекнет живопись потом,
Не понесет убытка дом;
В накладе конкурент коварный,
Старался зря маляр бездарный,
Служить кабатчику готовый, —
Нас не заманит ангел новый;
Мы хоть за тридевять земель
Узнаем ангельский отель.

Поблекла Стелла лишь чуть-чуть.
Художнику виднее суть:
И после тридцати шести
Бывают ангелы в чести.
Такая внешность хороша,
Поскольку в ней видна душа;
Блеск добродетели в очах,
И нет нужды в других лучах.
Все кавалеры день за днем
Стремятся к Стелле на прием;
И Стелла, занимая всех,
Имеет истинный успех,
Блистает множеством щедрот,
Советов, шуток и острот.
Расход без прибыли почти.
Концов с концами не свести,
Но подтверждает наш визит:
Банкротство Стелле не грозит!
Нам, Долли, вовсе не нужны

Черты заемной новизны:
Стоишь напрасно у окна,
Где всем прохожим ты видна.
Мы скажем Хлое без прикрас:
Объедки не прельщают нас!

Ты скажешь, Хлоя, нам в ответ,
Что Стелле тридцать восемь лет:
Ответишь нам дешевой сплетней
О красоте сорокалетней,
Которая, прельстясь птенцами,
Болтает с разными юнцами.
Ты хочешь Стелле повредить?
Позволь тебя предупредить:
Пускай проносятся года,
Пусть будет Стелла вся седа,
Пускай грозит ее чертам
Морщина тут, морщина там,
А ты, бог весть какой ценой,
Блистая мнимою весной,
Сумеешь сохранить черты
Неомраченной красоты,
Не скроешь, сколько ни греши,
Своей морщинистой души,
И Стелла в восемьдесят лет
Тебя затмит, чаруя свет.

[Стелла] Доктору Свифту в день его рождения (30 ноября 1721)

Святого Патрика декан!
Урок стране тобою дан.
Единственный учитель мой,
Меня вниманья удостой!

Хочу воспеть, как скромный друг.
День, стоивший немалых мук
Достойной матери твоей.
Была награда тем ценней.

Когда, тщеславие дразня,
Прекрасной стали звать меня,
Я презирала волокит,
Как презирать их надлежит.
Очистил ты мой вкус тогда.
Чем я с тех пор была горда.

Приметно вянет красота,
Искусством тщетно занята;
Избегнуть каждый предпочтет
Ее ветшающих тенет.
Свою сыграла мигом роль,
Роль в полстраницы, вот в чем соль.
Искусству не спасти цветка.
Вторая сцена так близка.
Непостоянный свет жесток:
Освистан вянущий цветок.
Так блекнут женские сердца,
Чье достоянье — цвет лица.
Девица в тридцать лет грустна,
Как нелюбимая жена.

Уроки Стелле помогли,
От этих бед уберегли;

Полжизни прожито не зря,
Еще другим не в тягость я.
Я знаю, в чем добро и зло —
Вот, что мою красу спасло.
Пускай тускнеет пламень глаз,
Есть пламень сердца про запас.
Непрошенная седина
При свете сердца не видна.
Способно сердце уповать
И нежность коже придавать.
При этом, презирая лесть,
Я нравлюсь даже в тридцать шесть.
Пусть Хлое лишь пятнадцать лет.
Мне огорчаться смысла нет:
Кумир назойливых глупцов,
Падет она, в конце концов.
Холм времени довольно крут.
Нет, Стеллу годы не столкнут.
Законом сделай свой урок,
Чтобы мужчин смирить он мог
И просвещенный женский пол
Обрел бы снова свой престол.
Пусть повторится много раз
День этот, праздничный для нас,
А позже, отправляясь в рай,
Край мантии своей мне дай,
И, память о тебе храня,
Я проживу не дольше дня.

[*Эстер Джонсон?*]

Стелле ко дню рождения (1722)

Ты знаешь, Стелла, каждый год
Твой друг тебе хвалу поет,
И ты сама не станешь мне
Напоминать об этом дне,
Но даже, кажется, в гробу
Пожалуюсь я на судьбу:
Я, Стелла, у тебя в долгу,
И расплатиться не могу.
Все больше у тебя заслуг,
И все слабей твой старый друг.
Едва звучит моя струна.
Забвенью ты обречена,
Твой дух высокий не воспет.
Меня сменив, другой поэт
Не воспоет уже тебя,
Другую Стеллу возлюбя.
Я, Стелла, твой должник немой.
Лишь Дилени, наследник мой,[1062]
В делах подобных зная толк,
Быть может, выплатит мой долг.

День рождения Стеллы

(Большая бутылка вина, давно погребенная, выкопана в этот день) (1723)

День Стеллы я решил воспеть,
Надеясь в этом преуспеть.
Пером своим вооружен,
Я был в раздумья погружен.
Затылок я себе чесал
И ногти яростно кусал,
Однако Муза ни гу-гу,
Мысль еле движется в мозгу;
С ней трудно рифму сочетать,
Успел я между тем устать.
Чем дольше думай, тем трудней,
И тем фантазия бедней.
Авось поможет Аполлон.
К нему пошел я на поклон,
Чтоб не сказали, будто лень
Воспеть мне Стеллу в этот день.
Придет как Робин, так и Джек,[1063]
Чтоб осрамить меня навек;
Сердитый Форд, коварный Джим
И Шеридан зловредный с ним[1064]
Докажут, к моему стыду,
Что Феб смеется раз в году.
Старался я заверить их:
Внушает Феб мне каждый стих.
Мол, Феб и я давным-давно,
Как перст и перстень заодно.
Увидев, как я оплошал,
Докажут мне, что я бахвал;
Пустое, дескать, хвастовство —
Кивать весь век на божество.

Урон я понесу тогда.
Для Стеллы это не беда;
Мне самому не сдобровать,
А Стеллу будут воспевать.
Феб ради праздничного дня
Вернул к заглавию меня:
Когда бы, как Мафусаил[1065],
Ты дольше всех на свете жил,
Ты все равно бы не воспел
Всех свойств ее, всех добрых дел.
У вас в Ирландии декан,
Сдается мне, всегда болван.
И ты признайся сам, не медли,
Не лучше ты декана Смедли[1066].
И поздно ночью, и чуть свет
Вам скажут: Феба дома нет.
Вас всех забыть могли бы вмиг.
Спасает вас ваш громкий крик.

По-моему, ты был бы прав,
На помощь миссис Брент[1067] позвав,
Ее советам ты внемли.
К ней благосклонен бог земли.
Вооружившись кочергой,
Свершит она обряд благой;
В подвале Сондерса[1068] не вдруг
Магический начертит круг,
Где выкопает Арчи[1069] клад
Лопатою не наугад.
Там будут Стелла, Грэттен, Форд,
Ребекка с ними, как эскорт.

Увидишь через полчаса:
Бутылка метит в небеса.
Огнем и ветром рождена,
Тебя в молчанье ждет она.
Поэтов Бахус веселит,
Сок Бахуса в бутылку влит;

Могилу покидает он,
В обширном чреве затаен.
Для мозга лучший эликсир,
Тебе, поэт, сулит он пир.
Смотри, поэт, лови момент!
Иначе сотня миссис Брент
И с ними тысяча лопат
Напрасно раскопают ад.
Ты выпей, но не через край,
И смело Музу призывай;
Пусть Роберт ради торжества
Осадок выцедит сперва,
И Муза явится к столу,
Чтоб Стелле ты воспел хвалу.

Стелла в Вуд-парке
Усадьба Чарлза Форда, эск.,
в восьми милях от Дублина
(1723)

Cuicumque nocere volebal,
Vestimenta dabat pretiosa.
[…кому вред принести он хотел,
Тем дороже дарил одеянья[1070]*(лат.).]*

Дон Карлос[1071] был настолько мил,
Что Стеллу в гости пригласил.
Полгода Стелла прожила
Там, где утехам нет числа.
Повсюду Стелла успевала,
Прислугу Стелла муштровала;
Мгновенно полюбив комфорт,
Во всем ценила высший сорт.
Вот Стелла за столом сидит,
На лакомства едва глядит.
Хоть куропатка недурна,
Но лучше с привкусом зерна…
Вкусней оленина с жирком,
Но нет пикантности в жарком.
Дон Карлос говорит: «Мадам,
Понравился ли голубь вам?»
Перепелиное крыло
Едва привлечь ее могло.
Со вкусом Стелла пьет вино,
Играет при свечах оно.
Дон Карлос, демон-искуситель.
Завлек ее в свою обитель,
Обхаживал и угощал.
Он Стеллу роскошью прельщал.
Мрачнеют небеса зимой,

Пора красавице домой.
Из мест, где был нектар пригублен,
Назад в зловонный, хмурый Дублин.
Гулять ей негде будет впредь,
Придется в кресле посидеть.
Ей не дождаться здесь банкета,
Нет, предстоит ей здесь диета.
Там челядь перед ней робела,
Здесь Дингли властвует всецело.
Там было всяких яств помногу,
Здесь ломтик мяса, слава богу.
Там вина пили, не жалели,
Здесь пьют полпинты в три недели.
Там общество — десерт к меню,
Здесь царство всяких парвеню.
Там Форд, блестящий бонвиван,
А здесь убогонький декан.
Там был в почете аппетит,
Здесь голодовка предстоит.

В один из пасмурнейших дней
Угрюмый Ормонд перед ней.[1072]
Остановился кучер тут.
Никак ошибся дверью плут?
Такая дверь наводит сплин. —
Войти мешает кринолин.
В пустынных комнатах тоска,
К тому же лестница узка,
И слишком низок потолок.
Унылый, в общем, уголок.
В глубоких трещинах стена.
Столам и стульям грош цена.
Квартиру нужно поменять,
Другую следует нанять;
Позорит Стеллу жалкий кров.
Пригодный лишь для бедняков.
Гостей надумала позвать,
Чтобы одной не тосковать

И не ударить в грязь лицом,
Вуд-парк считая образцом.
Где две бутылки, там банкет.
(Четыре мог вместить буфет.)
Пять блюд фаянсовых зато,
На этих блюдах пять ничто.
Неделя пронеслась, как сон;
Урон финансам нанесен;
Рассеяли былой дурман
Селедка, пиво и декан.
Шутил я, Стелла, до сих пор.
Такие шутки — не укор.
Мой поэтический намек
От истины весьма далек.
Намеки вымыслу сродни,
Не оскорбительны они.
Шутливый мой задор ценя,
Твой вкус не обвинит меня.
Я признаюсь, хулить грешно
Твой дом, твой стол, твое вико.
Являя роскошь чистоты,
В миниатюре блещешь ты.
Ты по Вуд-парку не вздыхай,
Покинув этот мнимый рай!
Пусть город мрачен, как всегда,
Пускай не так вкусна еда,
Однако дело не в еде,
Ты, Стелла, хороша везде,
И подтвержден мой стих судьбой:
Убогий дом — Вуд-парк с тобой.

Новогодний подарок для Бекки (1723)

Приносит Янус[1073]-доброхот
Для Бекки множество забот.
Конечно, доктор Свифт готов
Ей переслать мешок даров.

В пакете воркотня декана,
Поддразниванья Шеридана,
Проступки Робина и Нелли,
Которые не поумнели.
Поклажу на спину взвали!
Ларец, который тоже здесь,
Гордыней Стеллы полон весь.
Вот в клетке воробей сидит,
Он будет ласками убит.
И разместились попеченья
В корзиночке для развлеченья.
Узлы развязывать умей,
Гнетущие твоих друзей.
А в этих двух мешках тугих
Твои заботы о других.
Для всех твоих тревог заочных
Бочонков не хватает прочных.
Шлет Янус Бекки в уши серу,
Чтоб любопытствовала в меру.
Вези заботы Килки в Дублин,
Чтоб нами город был возлюблен.
Тебе пустые шлют кули.
Поклажу на спину взвали!

Стелле

Написано в день ее рождения, 13 марта 1724 г.
(но не на тему, так как я лежал больной)

Средь вечных немощей моих
Еще подвластен ли мне стих?
Я день рожденья Стеллы мог
Отметить в прошлом данью строк.
Мне дань теперь не удалась;
Мне жаль, что Стелла родилась.
Неблагодарный! В ней одной
Обрел подмогу я, больной,
Она мне служит, как раба,
Хоть речь моя порой груба,
И слабый, к моему стыду,
Я часто злобствую в бреду.
Она целит мою напасть,
Слезами гасит злую страсть;
Хоть ей самой куда больней,
И, значит, помощь ей нужней.
Она мне предается вся,
Без жалоб свой недуг снося.
Нежней и тверже нет сердец,
Уступит ей любой мудрец.
Вся жизнь ее сложилась так,
Чтобы творить ей больше благ,
Чтоб добродетелей своих
Не прятать от сердец других.
Кто знал бы, как она тверда,
Не будь ей ведома беда?
Являет Стелла доброту,
Когда друзьям невмоготу.
Пускай недуг мой станет злей,
Меня ты, Стелла, пожалей!
Пускай бешусь я, словно зверь,
Тебя награда ждет, поверь!

Я сам исправиться готов,
Как только буду я здоров.
Тебя за мой сердитый бред
Вознаградят, сомнений нет.
Тебя мы будем чтить и впредь;
Ты будешь, Стелла, нас жалеть.

День рождения Стеллы (1725)

Когда красавица стара,
Забыть о танцах ей пора.
Хромает старый нелюдим,
Плясунья-рифма в ссоре с ним.
Твой день рожденья твой певец
Почтил бы в прозе наконец;
Однако старый весельчак
Порой танцует кое-как
С домоправительницей старой,
Довольствуясь такою парой.
Поскольку Дилени поник
Среди своих любимых книг,
Когда пасует Шеридан,
Партнер для Стеллы — лишь декан.
Остроты вместе с красотой
Подруги младости святой.
Пятнадцать весен красоте,
Лет в двадцать мысль на высоте;
Всегда старик-поэт нелеп.
Поэты молоды, как Феб;
И, как Венера, молода
Их муза, резвая всегда.
Мне, Стелла, пятьдесят шесть лет.[1074]
Какой же я теперь поэт?
Тебе, мы знаем, сорок три,
Немало, что ни говори.
Где блеск острот, очей, кудрей?
Мы стали строже и мудрей.
Перечить незачем судьбе,
И в прозе предан я тебе.
Поверь мне, дружба не плоха
И безо всякого стиха.
Без музы я не запою,

Нет, выскажу хвалу мою.
Но Стелла, кто сказал, что ты
Своей лишилась красоты,
Что лучник резвый Купидон
Косою времени смещен
И ты не можешь скрыть седин?
Не верю в это я один.
Я признаюсь, день ото дня
Глаза слабеют у меня.
Природою так решено:
Мой взор с тобою заодно.
Стыжусь я надевать очки[1075]
И всем наветам вопреки
Тобой любуюсь в тишине:
Морщин твоих не видно мне.

Ты благородна, ты умна.
Пускай проходят времена,
Ты молода в глазах моих:
Я слеп, но я не из глухих.
Мой жребий был бы слишком плох,
Когда бы я, прозрев, оглох.

Рецепт как Стелле помолодеть (1725)

У бедняков убогий кров,
Нет ночью места для коров.
Едва пройдет Михайлов день[1076],
Вблизи шотландских деревень
В холодном сумрачном краю
Коровы бродят по жнивью;
Сквозь шкуру светится скелет,
На пастбище травинки нет;
Коровы бедствуют в ненастье
И стойко держатся в несчастье;
Дождь в мае землю оросит,
На нивах злаки воскресит;
Росистая ночная тьма
Коровам ниспошлет корма;
Корова в теле вновь тогда
И, словно телка, молода;
Как будто бы весной готов
Котел Медеи[1077] для коров
И от коровы недалек
Тот, кто Европу в миг завлек.[1078]
Ты скажешь, был я неучтив,
Тебя с коровою сравнив?
Но в этом суть, поверь мне, Стелла,
Зимой ты тоже спала с тела.
Весною смело в путь пустись.
Поедешь в Килку ты пастись!
Там воздух вновь тебя прельстит,
К тебе вернется аппетит,
И ты, блуждая по лугам,
Вновь нагуляешь тело там,
И заиграет в жилах кровь.
Себя ты к этому готовь!
Ты только имя сохранишь

И свой заслуженный престиж.
Когда живое существо —
Кровь, плоть и больше ничего,
Кровь обновив и телеса,
Возникнет новая краса.
Среди травы, где жаркий свет,
Вернешь свои пятнадцать лет.
Такой сплетешь себе венок,
Что сквайры все собьются с ног
И в сапогах со звоном шпор
В сопровожденье гончих свор
Обгонят судей франтоватых
И слуг, подпасков простоватых,
Чтобы до утренней звезды
Твои поцеловать следы.
Однако, стих запомнив мой,
Вернись ты вовремя домой.
Михайлов день придет опять;
Начнешь ты, Стелла, вес терять.
И в Килку сквайры ни ногой,
Дичиной заняты другой.
В морозы дома нам не страшно.
Найдется здесь вино и брашно.

День рождения Бекки
(8 ноября 1726 г.)

Сегодня ты новорожденная,
Самой судьбой вознагражденная!
Судьба скрутила вдвое нить,
Чтоб нам твой стойкий нрав ценить.
Для этой нитки ножниц нет,
Она прочнее в сорок лет.
Забота кошку не убьет,
Ребекка крепче от забот;
Она здорова и толста,
Хоть постоянно занята.

Когда подагра метит в лоб,
Сулят врачи больному гроб,
Но торжествует костоправ,
Болезнь в конечности загнав.
Тогда подагра век продлит
И долголетие сулит.
Поздравить Бекки я могу:
У ней заботы не в мозгу.
Наука, видно, не права:
У нашей Бекки голова
Под властью рук, под властью ног
Вот где скопление тревог.
Ребекке думать недосуг,
С нее довольно ног и рук;
Они соперничают в гонке,
А голова всегда в сторонке.
В движенье Бекки день-деньской,

Полезен ей режим такой.
В трудах, живучая, цела,
Всех кошек Бекки превзошла.
Живет Ребекка для друзей
И ради выгоды своей.

Пусть будет Бекки начеку,
Сначала выпив кофейку,
Чтоб, не пролив последней чашки,
Подать на завтрак Стелле кашки.
Не подкрепить бедняжке сил,
Покуда Тигр не закусил.

Пусть Бекки много-много раз
Задремлет с Тигром[1079] в поздний час;
При этом лучше так заснуть,
Чтоб кресла не перевернуть.
Лай слушать — сущая услада,
Речей подслушивать не надо.

Когда же за деканом вслед
Покинет Стелла белый свет,
Пускай поможет Бекки кофе
Не поддаваться катастрофе.
С другими знаться, вероятно.
Ей будет более приятно:
Не будут Бекки укорять,
Ей будут сплетни поверять,
Опишут ей крестины, свадьбы,
Знай слушай, только не устать бы!
Декан уже не закричит,
Навеки Стелла замолчит.
Ребекка пусть умрет поздней.
Гермес любезен будет с ней,
В Элизиум[1080] явив дорогу,
Чтобы забыть ей там тревогу.

Надпись на ошейнике песика миссис Дингли (1726)

Красть меня не нужно ни под каким предлогом.
Сердце миссис Дингли во мне, четвероногом.

День рождения Стеллы
(13 марта 1727 г.)

Твой день приносит счастье мне
В невзгодах радуя вдвойне.
Сегодня вспомнить недосуг
Мой возраст или твой недуг.
От нашей темы далеки
Пилюли, снадобья, очки.
Мы завтра возвратимся к ним
И досыта поговорим.
В печальных мыслях толку нет.
Найдем приятнее сюжет,
Чтобы остаток наших дней
Для нас с тобою стал ценней.
Вот несколько серьезных строк,
Наставник твой не слишком строг.
Пусть нам природа не дает
Сегодня забегать вперед,
Ты можешь с радостью взглянуть,
Какой остался в прошлом путь.
Допустим, бредни — рай и ад,
Как атеисты говорят
В надежде каждому внушить
Одно желание: грешить,
Чтоб мучились потом они,
По крайней мере, не одни,
Нам доказать нельзя никак,
Что добродетель, благо благ,
Собой довольствуясь одной,
Согласно мудрости земной,
Однажды якобы умрет,
Бесследно сгинет в свой черед,
Не озарив преклонных лет,
Скорбей, болезней, тягот, бед,
Своим целительным лучом,
Оставив сердце ни при чем.

Ты жизнь достойно прожила.
Что ж, Стелла, ты не весела?
Ты не спасала ли бедняг
Среди смертельных передряг,
И с бедняками свой запас
Ты не делила ли подчас?
Так бережет Небесный Царь
Свою поруганную тварь.
Страдальцев защищала ты
От пагубной неправоты.
Твой дух, жалевший тех, кто мал,
И тех, кто в грязь невольно пал;
Твое презренье к подлецам,
Чей блеск порочный мил глупцам;
Терпенье, мужество больных,
Урок для стоиков иных, —
Неужто сгинет все во мгле,
Как отражение в стекле,
Как исчезает, например,
Неуловимый рой химер?
Но разве через двадцать лет
От прошлых яств последствий нет?
Нам безо всякой пищи впредь
Не предстоит ли умереть?
Кто будет спорить, говоря,
Что вся еда пропала зря?
И добродетель, что весьма
Нужна для нашего ума,
Не остается ли всегда
В благих поступках, как еда?
Докажет нам какой мудрец,
Что добродетели конец?
Поверь мне, Стелла, если ты
Превыше всякой суеты
И для друзей живешь своих,
Не зная помыслов других,
Твои деянья все подряд
Твое же сердце укрепят.
Ты помнишь, Янус был двулик.

Так добродетель каждый миг
Обозревает прошлый путь.
Чтобы смелей вперед шагнуть.
Она болезнь твою целит,
Выздоровление сулит.
Так, ради бога, пожалей
Жалеющих тебя друзей!
Недугам, Стелла, дай отпор.
Нас больно ранил твой укор.
Хоть был бы рад я жизнь отдать,
Чтоб только Стелле не страдать,
Поскольку сам я сознаю,
Что ты продлила жизнь мою,
Мне даровав короткий срок,
Чтоб я сказать все это мог.

На смерть миссис Джонсон

Сего дня, в воскресенье, 28 января 1727—1728 г. около восьми часов вечера, слуга принес мне записку с известием о кончине самого верного, достойного и бесценного друга, коим я, а, возможно, и вообще кто-либо из смертных, был когда-нибудь благословен. Она преставилась около шести часов вечера сего дня, и как только я остался один, то есть примерно в одиннадцать часов вечера, я решил собственного удовлетворения ради сказать несколько слов о ее жизни и характере.

Она родилась в Ричмонде, в графстве Сэррей. 13 марта 1681 г. Ее отец был младшим сыном почтенного семейства в Ноттингемшире, а мать — более низкого рода, так что у нее, конечно, не было особых оснований тщеславиться своим происхождением. Я узнал ее, когда ей было только шесть лет, и в какой-то мере содействовал ее образованию, предлагая книги, которые ей следовало прочесть, и постоянно наставляя в началах чести и добродетели, от коих она не отклонялась ни в едином поступке на протяжении всей своей жизни. От младенчества и примерно до пятнадцатилетнего возраста она была несколько болезненна, но потом сделалась совершенно здорова и слыла одной из самых красивых, изящных и приятных молодых женщин в Лондоне, разве только что немного полноватой. Ее волосы были чернее воронова крыла, и все черты лица отличались совершенством. Жила она обычно в сельской местности вместе с одним семейством[1081], где близко подружилась с другой дамой[1082], старше ее возрастом. Я принужден был тогда, к большому моему огорчению, обосноваться в Ирландии и когда, приблизительно год спустя, отправился навестить своих друзей в Англии, то обнаружил, что она несколько обеспокоена в связи с кончиной человека[1083], от которого она в какой-то мере зависела. Все ее состояние не превышало в то время 1500 фунтов, проценты от которых давали чересчур скудные средства к существованию для человека ее достоинств и в стране, где все так дорого. Принимая во внимание эти обстоятельства, и, конечно, в немалой степени ради собственного моего удовлетворения я, имея мало друзей и знакомых в Ирландии, убедил ее и другую даму, любезную ее сердцу подругу и компаньонку,, перевести все имеющиеся у них деньги в Ирландию, поскольку большая часть их состояния заключалась в ежегодной ренте с процентных бумаг.

В то время в Ирландии деньги приносили десять процентов дохода,

помимо того преимущества, что они оставались в распоряжении вкладчика и что все необходимое для жизни стоило здесь вполовину дешевле. Они последовали моему совету и вскоре переехали в Ирландию. Однако, мне довелось пробыть в Англии несколько дольше, нежели я предполагал[1084], и они были весьма обескуражены, очутившись одни в Дублине, где их никто не знал. Ей было в то время около девятнадцати лет, и на нее вскоре обратили внимание. Неожиданное их появление наводило на мысль о каком-то вольном поступке, и потому вначале на них смотрели с осуждением, как если бы для подобного переезда имелись тайные причины, однако вскоре подозрения были развеяны ее безупречным поведением. Она переехала сюда со своей приятельницей в 170-году[1085], и они жили вдвоем до сего дня, пока смерть не отняла ее у нас. В продолжение многих лет у нее бывали длительные периоды недомогания, а в минувшие два года ее состояние несколько раз было почти безнадежным, и, говоря по справедливости, в последний год она ни одного дня не была здорова и шесть месяцев была при смерти, но все же, вопреки природе, оставалась жива благодаря безмерной доброте двух докторов и заботам ее друзей. Все это написано мной в тот же вечер между одиннадцатым и двенадцатым часом.

Едва ли какая другая женщина была когда-нибудь столь щедро наделена от природы умом или более усовершенствовала его чтением и беседой. И все же память ее была не столь хороша, а в последние годы заметно ослабела. Я не припомню случая, когда бы мне довелось услышать от нее неверное суждение о людях, книгах или делах. Ее совет бывал всегда самым лучшим, и величайшая независимость суждения сочеталась в ней с величайшим тактом. Едва ли какое человеческое существо отличалось подобным изяществом в каждом жесте, слове, поступке и никогда еще любезность, независимость, искренность и непринужденность не встречались в столь счастливом сочетании. Казалось, все, кто ее знал, уговорились обходиться с ней намного почтительнее, нежели то подобало человеку ее положения, и, тем не менее, самые разные люди ни с кем не чувствовали себя так непринужденно, как в ее обществе. Мистер Аддисон, будучи представлен ей во время своего пребывания в Ирландии, сразу же оценил ее и говорил мне, что, если бы ему не довелось вскоре после этого уехать, он не пожалел бы усилий, чтобы заслужить ее расположение. Стоило только наглому или самодовольному хлыщу выказать по отношению к ней хотя бы малейшую неучтивость, и ему уже нечего было рассчитывать на приятное времяпрепровождение, потому что она не знала

в таких случаях пощады и непременно выставляла его на посмешище в глазах всех присутствующих, и так, что он не осмеливался пожаловаться или негодовать. Все мы, имевшие счастье наслаждаться ее дружбой, единодушно сходились во мнении, что лучшее из всего сказанного в часы послеобеденной или вечерней беседы неизменно принадлежало ей. Некоторые из нас записывали самые меткие ее замечания или, как это называют французы, bons mots [остроты *(франц.)*.], в чем она значительно превосходила всех. Она никогда не ошибалась в людях и никогда не позволяла себе сурового слова, разве только если дело заслуживало куда более сурового осуждения.

Слуги души в ней не чаяли и в то же время благоговели перед ней. Случалось, она вела себя с ними запросто, однако внушала им такую робость, что они неизменно оставались почтительными с нею в высшей степени. Она редко выговаривала им, но с такой суровостью, что этого хватало надолго.

29 января. У меня болит голова, и я не в состоянии больше писать.

30 января. Вторник.

Нынче вечером состоится погребение, на котором я по нездоровью не смогу присутствовать. Сейчас девять часов вечера, и меня поместили в другой комнате, дабы мне не были видны зажженные свечи в церкви, ведь окна моей спальни приходятся как раз напротив.

При всей мягкости нрава, как то и подобает даме, ей было присуще мужество, достойное героя. Как-то она поселилась со своей подругой в доме, который стоял на отшибе, и шайка вооруженных негодяев попыталась вломиться к ним в то время, когда кроме них там находился один только мальчик-слуга. Ей было тогда около двадцати четырех лет, и так как ее предупредили, что ей следует остерегаться возможного нападения, то она выучилась обращаться с пистолетом. И вот, в то время как другие женщины и служанки были напуганы до полусмерти, она тихонько прокралась к окну столовой, надела черный плащ с капюшоном, чтобы остаться незамеченной, зарядила пистолет, осторожно приподняла оконную раму и, прицелившись с величайшим хладнокровием, разрядила пистолет в одного из негодяев, служившего прекрасной мишенью. Смертельно раненный, он был унесен своими сообщниками и на следующее утро скончался, а его сообщников так и не смогли найти. Герцог Ормонд часто при мне поднимал тост за ее здоровье, вспоминая этот случай, и всегда питал к ней чрезвычайное почтение[1086]. Она, правда, побаивалась ездить в лодке, после того как однажды едва не утонула, но сумела по здравом размышлении преодолеть эту слабость. Никогда не

бывало, чтобы она вскрикнула или обнаружила страх в карете или верхом, или выказала тревогу при каком-нибудь неожиданном происшествии, как то бывает с большинством представительниц ее пола, которые из малодушия или из жеманства любят выразить чрезмерный испуг.

В разговоре она никогда не бывала рассеянной, не имела привычки прерывать собеседника и не проявляла нетерпения, дожидаясь, когда собеседник, наконец, умолкнет, чтобы вставить словечко. Она говорила чрезвычайно приятным голосом, пользуясь самыми простыми словами, без малейшей застенчивости, разве что только из скромности в присутствии незнакомых людей вела себя несколько сдержанно и никогда даже в близком дружеском кругу не грешила многословием. Она была не очень осведомлена в избитых темах женской болтовни; хула и клевета никогда не слетали с ее уст, и все же среди немногих друзей в приватном разговоре не очень церемонилась, выражая свое презрение к фату и описывая все безрассудство его поведения; однако была склонна скорее извинять безрассудства представительниц ее собственного пола или сожалеть о них.

Стоило ей однажды убедиться на основании неоспоримых свидетельств, что лицо, занимающее высокое положение, а тем паче из числа священнослужителей, прегрешило против истины и чести, как она уже не скрывала своего негодования, и даже при упоминании его имени на лице ее отражалось неудовольствие. Это особенно проявилось в отношении одного или двух лиц из числа сих последних, коих она знала и почитала, однако стала презирать более, чем кого бы то ни было, обнаружив, что они принесли эти две драгоценные добродетели в жертву своему честолюбию; куда охотнее она простила бы им обычные безнравственные поступки мирян.

Нередкие приступы болезни на протяжении большей части ее жизни не позволили ей продвинуться в чтении так далеко, как она могла бы при более благоприятных обстоятельствах. Она хорошо знала из греческой и римской истории, да и во французской и английской не была невеждой. Она прекрасно говорила по-французски, хотя многое потом забыла по небрежности и вследствие болезни. Она внимательно прочитала все лучшие книги о путешествиях, которые способствуют широте умственного развития. Она понимала философию Платона и Эпикура и очень метко судила о недостатках учения последнего. Она делала весьма здравые выводы из лучших книг, которые читала. Она понимала природу государственного управления и могла указать, в чем состоят заблуждения Гоббса, как в этом отношении, так и в вопросах религии. Она хорошо умела распознавать болезни и обладала кое-какими сведениями из

анатомии: всему этому она выучилась еще в юные годы у одного известного врача, под наблюдением которого долгое время находилась и у которого ее нравственные достоинства и сообразительность вызывали величайшее почтение. Она обладала истинным вкусом во всем, что касается остроумия и здравого смысла, будь то в поэзии или в прозе, и была превосходным критиком по части слога; нелегко было также сыскать более подходящего или нелицеприятного судью, совету которого сочинитель мог бы вернее последовать, если он намеревался напечатать свой труд, при том лишь условии, чтобы его предмет не выходил за пределы ее познаний. Возможно, что она все же была иногда чрезмерно строга, но это не опасная и простительная погрешность. До конца своих дней она сохранила рассудительность и живость ума, хотя нередко жаловалась на память.

Ее состояние, насколько мне известно, не намного превышало 2000 фунтов, из коих большая часть не может быть унаследована, так как помещена на условиях пожизненной ренты в Англии и Ирландии.

Говоря о человеке столь необыкновенном, возможно, простительно упомянуть и некоторые частности, пусть маловажные, затем что они дадут лучшее представление о ее характере. Когда она была девочкой, ее матушка и друзья часто дарили ей золотые монеты с условием, что она будет беречь их, и постепенно накопление превратилось у нее в такую страсть, что примерно за три года она собрала больше 200 фунтов. Она любила показывать их, чтобы похвастаться, но ее матушка, опасаясь, как бы у нее их не выманили, после долгих уговоров убедила ее поместить эти деньги под проценты. Будучи лишена удовольствия любоваться своим золотом и пересчитывать его, чем она непременно занималась по нескольку раз в день, и отчаявшись накопить еще раз такое же сокровище, она ударилась в другую крайность: стала беззаботной и беспечно расточала свсе новое приобретение. Так продолжалось почти до двадцати двух лет, когда, вняв советам некоторых друзей и напуганная длинными счетами от кредиторов, постепенно заманивавших ее в свои сети, она призадумалась над своим безрассудством и не успокоилась до тех пор, пока полностью не расплатилась по всем счетам от лавочников и не возместила весьма значительную сумму, которую за это время издержала. С годами и благодаря своему недюжинному уму она сделалась и оставалась в продолжение всей своей жизни чрезвычайно воздержанной и экономной, однако при всем том обнаруживала сильную склонность ко всякого рода щедрости, которую могла себе позволить лишь потому, что совершенно избегала тратить деньги на наряды (к которым всегда относилась с

презрением), сверх того, что требует благопристойность. И хотя частое возобновление болезни требовало немалых расходов помимо платы врачам, среди которых она встретила нескольких столь великодушных, что не могла заставить их взять деньги (хотя в противном случае непременно бы разорилась), у нее всегда была в наличии значительная сумма денег. Достаточно сказать, что после ее смерти, в то время как ближайшие друзья полагали, что она не оставила после себя никаких средств, душеприказчики обнаружили в ее сейфе около 150 фунтов золотом. Если она и огорчалась по поводу скудости ее средств, то лишь потому, что они не позволяли ей принимать друзей так часто и так гостеприимно, как ей бы того хотелось. И, тем не менее, они всегда были желанными гостями, и пока она чувствовала себя достаточно здоровой, чтобы приглашать, их угощали с большим вкусом и изысканностью, так что казалось, будто ее доходы и доходы ее приятельницы куда более значительны, нежели было на самом деле. Они всегда снимали квартиру и держали прислугу, состоявшую из двух служанок и одного слуги. Она вела счет всем расходам по дому, начиная со времени своего приезда в Ирландию и до последних месяцев перед смертью, и, просматривая записи своих расходов по хозяйству, бывало, жаловалась, что все предметы первой необходимости вздорожали вдвое против прежнего, тогда как проценты, получаемые с денег, уменьшились почти наполовину, так что прибавление, сделанное к ее состоянию[1087], стало в самом деле совершенно необходимым.

(С этого места я продолжал писать, когда находил время).

Однако благотворительность в отношении бедняков она считала долгом, которого никак нельзя уменьшить, а посему сделала эту статью податью на свои расходы у торговцев, что поставляют дамам всякие щегольские побрякушки. Одежду она покупала как можно реже и притом настолько скромную и недорогую, насколько ей позволяло ее положение, и в течение многих лет вовсе не носила кружева. По причине ли необыкновенной ее проницательности или удачливости при выборе тех, кого она взыскала своими щедротами, но только ее благодеяния приносили больше пользы, нежели вдвое большее даяние из любых других рук. И я слыхал, как она говорила: «Бедняки всегда платили мне благодарностью», — чем она была, как видно, обязана своему умению распознавать тех, кто заслуживает участия, равно как и той деликатности, с какой она оказывала помощь.

У нее было еще одно свойство, доставлявшее ей большую радость, хотя его можно было бы счесть своего рода препятствием для ее

благотворительности, и все же она не могла отказать себе в этом удовольствии: я имею в виду ее обыкновение дарить приятные подарки, в чем я не встречал ей равных, хотя, возможно, это дело самого деликатного свойства из всех, какие встречаются в жизни. Она обычно так определяла, каким должен быть подарок: «Другу надобно дарить что-нибудь такое, в чем он нуждается, или то, что ему нравится и чего нельзя легко достать даже за деньги». Я уверен, что за время моего с ней знакомства она истратила на эти и всякого рода другие щедроты несколько сот фунтов. Что же до подарков, которые делались ей, то она принимала их с большой неохотой и особенно от тех, кому сама что-нибудь дарила, так как при всех обстоятельствах оставалась самой бескорыстной из смертных, каких я когда-либо знавал или слышал о коих. Она очень редко делала визиты — столько же из нерасположения к ним, как и по причине нездоровья; однако у нее в доме, со времени, когда ей не исполнилось еще и двадцати лет, охотно бывали многие и притом самые почтенные люди, чрезвычайно ее ценившие за здравый смысл, хорошие манеры и обращение. В их числе были покойной архиепископ Линдсей[1088], епископ Ллойд[1089], епископ Эш[1090], епископ Браун[1091], епископ Стерн[1092], епископ Пуллин[1093] и некоторые другие, посещавшие ее в более поздние времена; и конечно же, большую часть ее знакомых составляли лица духовного звания. Честь, правдивость, щедрость, добронравие и скромность были главными ее добродетелями, которые она и сама более всего ценила в своих знакомых, и когда находила, то готова была извинить некоторые недостатки и ценила людей не меньше, даже если они не были украшены особыми познаниями или остротой ума, но относилась без малейшего снисхождения к тому, кто хоть сколько-нибудь прегрешил против перечисленных выше добродетелей, как бы он ни блистал в любой из двух последних. Она никогда не воспользовалась ничьей щедростью, но вместе с тем питала отвращение к людям скупым; присутствие такого человека выводило ее из себя, в таких случаях она бывала особенно оживлена и насмешлива.

Она никогда не прерывала своих собеседников и не смеялась над их промахами, но деликатно помогала им выйти из затруднения; когда же какое-нибудь их тонкое суждение было обойдено вниманием, она не давала ему остаться втуне, но представляла присутствующим в самом благоприятном свете. Она внимательно слушала все, что говорилось, никогда не отвлекалась и не сидела с отсутствующим видом.

Прегрешить в ее присутствии хотя малейшим словом против скромности было весьма неосмотрительно и небезопасно, она пускала

тогда в ход все свое остроумие, презрение и негодование, перед которыми даже глупость и грубость принуждены были отступить в замешательстве, и повинный в таком проступке человек не мог позволить себе при ней то же самое еще раз, поскольку она избегала его после этого, как медведя или сатира.

Ей довелось как-то очутиться вместе с несколькими другими дамами в обществе одного наглого хлыща, который с присущей ему развязностью принялся говорить двусмысленности; дамы обмахивались веерами и прибегали к другим практикуемым в подобных случаях средствам, делая вид, будто они не слушают или им невдомек, о чем идет речь. Ее же поведение было совершенно иным и, быть может, кто-нибудь счел бы его даже заслуживающим осуждения. Она обратилась к этому человеку со следующими словами: «Сударь, эти дамы и я прекрасно понимаем, к чему вы клоните, ведь как мы ни стараемся, а все же нам частенько приходится встречаться с лицами вашего пола, у коих нет ни благопристойности, ни здравого смысла. Но, поверьте, не только добродетельным, но даже и порочным женщинам такие разговоры не по вкусу. Я, по крайней мере, оставаться далее в вашем обществе не стану и везде расскажу о вашем поведении; куда бы я ни пришла теперь с визитом, я еще в дверях буду сначала справляться, нет ли вас случаем в этот доме, дабы быть уверенной, что ненароком вас не встречу». Не знаю, как отнеслись бы к ее поступку другие женщины, но убежден, что последуй они ее примеру, и скоро пришел бы конец таким непристойным выходкам, худшим проявлениям тупоумия, невежества, бесстыдства и пошлости, крайне оскорбительным для женской скромности и достоинства.

Она редко когда отдавала визиты, а потому и близких друзей среди особ ее пола у нее было немного, исключая тех, кого она особенно любила за простоту в обращении или ценила за здравомыслие, и те, не чинясь, часто навещали ее. Однако она предпочитала общество мужчин, поскольку была не очень сведуща в предметах, которые так занимают обычно женщин, да и не чувствовала к ним особой склонности. Собеседникам не надо было ломать голову, чем бы ее занять, потому что она легко снисходила ко всему, лишь бы это было невинно и занимательно. Политика, семейные происшествия, городские сплетни или заведомая клевета ее не занимали и вызывали желание переменить тему. Такое, впрочем, случалось редко, потому что она была достаточно осмотрительна в выборе друзей, те же, кто, ища с ней знакомства, обманывались насчет истинного ее характера, быстро разочаровывались и после нескольких визитов исчезали, и не было случая, чтобы она доискивалась причины или

спрашивала, что с ними сталось.

В спорах она никогда не упорствовала и с упрямцами вела себя так, будто потакала их несчастной склонности, но вместе с тем так, что эта склонность вызывала презрение и наносила ущерб репутации ее обладателя. Проистекало ли это от свойственной ей снисходительности или же от безразличия к таким людям, быть может, она не надеялась их исправить или же следовала примеру мистера Аддисона, поступавшего точно таким же образом, судить не берусь, но если кто-нибудь особенно упорствовал, отстаивая ложное суждение, она была склонна скорее утвердить его в нем, нежели оспорить. Когда друзья допытывались у нее о причине такого ее поведения, она обычно оправдывалась тем, что «это избавило от излишнего шума и сберегло время». А между тем она иногда очень сердилась, когда подобную уступчивость проявляли те, кого она особенно почитала.

Она любила Ирландию намного сильнее, нежели большинство из тех, кто обязан ей своим рождением и богатством, и, привезя сюда с собой все свои наличные деньги, завещала большую их часть, 1000 фунтов, госпиталю доктора Стивена[1094]. Тирания и несправедливость Англии в отношении этого королевства вызывала у нее негодование. У нее и в самом деле были основания любить страну, где она пользовалась уважением и дружбой всех, кто ее знал, и, если справедливо то, что говорили мне люди, поддерживающие обширные знакомства, добрым мнением без исключения всех, кто когда-либо о ней слышал. Подобная репутация тем более примечательна, что она выпала на долю человека столь обширных познаний, ума и живости характера — качеств, внушающих обычно зависть и, следовательно, осуждение, а посему эта репутация должна быть скорее отнесена за счет ее необыкновенной скромности, деликатности и незлобивости, нежели за счет ее высших добродетелей.

Хотя ее познания, почерпнутые из книг и от окружающих, были обширнее, нежели то обычно выпадает на долю ее пола, она никогда не выставляла их напоказ, поэтому некоторые посетительницы, рассчитывавшие при первом же знакомстве убедиться в этом, услышав, как они выражаются, веские слова и глубокие суждения, бывали подчас разочарованы и говорили, что «она ничем не отличается от других женщин». Но как ни была она скромна и о чем бы ни шла речь, люди проницательные легко могли убедиться в том, что она прекрасно их понимает, судя по той рассудительности, которая обнаруживалась в каком-нибудь ее замечании или вопросе.

ДОПОЛНЕНИЕ II[1095]

Каденус и Ванесса[1096]

Перед владычицей Кипридой,
Уязвлены своей обидой,
Винили нимфы пастухов:
Не перечесть мужских грехов.
Так возбудили нимфы дело.
Законник действовал умело,
Законник обличал порок.
Мол, Купидон — плохой стрелок.
Алтарь забытый остывает,
К Венере младость не взывает;
Считает вольнодумный свет,
Что божества такого нет;
Любовь слывет интрижкой мелкой,
Женитьба — денежною сделкой;
И в довершенье разных смут
Забыт божественный статут;
От рук отбились ветрогоны,
Не чтут Венериной короны.
Где беззаконию предел?
Закончив речь, законник сел.
Истицы-нимфы видят в гневе
Врагов, знакомых каждой деве;
На стороне мужчин юрист,
Который сметлив и речист;
Софист бесстыдный и опасный,
Во всем винит он пол прекрасный:
Теперь любовь не такова,
Какою прослыла сперва;
Благодаря стихам прелестным
Слыла любовь огнем небесным,
Который, встретив сходный дух,
Сливает воедино двух;
Единый, в двух сердцах пылает,
Двух любящих испепеляет.
Чтут женщины другую власть:

Слепую низменную страсть.
Вольготней дамам в низшей сфере,
Где нимф прельщают в равной мере
Щенок, мартышка, попугай
И зверь двуногий — шалопай,
Когда подчас (довольно редко)
Освобождается кокетка
От пьес, от званых вечеров,
От кружев и от вееров,
От сплетен, от политиканства,
От пикников и от жеманства,
От пустяков и от забав,
Готовых тешить женский нрав,
Весь день сопутствуя безделью
Меж туалетом и постелью.
Где заболочена река,
Сопротивленье ветерка
Имеет иногда значенье.
Бессильно в тех местах теченье.
Солома, перья, всякий хлам
Не может не кружиться там.
Пример привел я не напрасно:
Любому ветерку подвластно
Теченье женского ума,
В котором всякой грязи тьма;
И покоряют женщин лестью,
Отнюдь не разумом и честью.
Затем же здесь мужчин бранят,
Зачем в холодности винят?
Виновны женщины, бесспорно;
Они ведут себя позорно.
Весьма искусна речь была.
Мол, нет свидетелям числа.
Опровержимы, без сомненья,
Беспочвенные обвиненья;
Защитник в этом убежден.
Иск отклонить он принужден.
В основе иска небылицы.
Издержки возместят истицы.

Венера, чтоб волненье скрыть,
Велела тише говорить,
А то надежная завеса
Понадобится для процесса.
Грозит Венере вечный стыд.
Прослышав, что любовь претит
Там, на земле людскому роду,
Ей в небе не дадут проходу.
Нельзя же впредь ценить богам
То, что для смертных жалкий хлам.
Не будет места в горней сфере
Ни Купидону, ни Венере.
Богами воздух не обжит;
Придется в царство Нереид,
В родное море возвратиться,
Питаясь рыбою, поститься.
Венера приглашает Муз,
Которым свойствен тонкий вкус;
Хотя любовь для них отрава,
Садятся все же Музы справа.
Киприда Граций позвала,
Которым власть ее мила,
И слева Грации садятся.
Они Венере пригодятся.
Взгляд строгих Муз внушает страх,
У робких Граций стыд в очах;
Экспертам незнакомы лица;
Не угадать, что там за птица;
Под стать ответчику истица.
Признать богиня вновь должна:
Задача для нее сложна,
И здесь нужны авторитеты;
По крайней мере, кодекс Флеты[1097],
Кок, Бректон, сладостный Назон[1098]
(Клерк зачитал его канон).
Прокомментировал законы
Вергилий в случае Дидоны.[1099]
Тибулл[1100] по-своему хорош,

Но для судов не очень гож;
Уоллер с Каули[1101] совместно
Не столь весомы, скажем честно.

Без устали два дня подряд,
Друг друга стороны винят;
На третий день все те же пренья
В разгаре судоговоренья;
Смысл совершенно затемнен,
Вдобавок ложью начинен,
И торжествует крючкотворство,
Явив завидное упорство;
Идет процесс шестнадцать лет,
Однако толку нет как нет.
Рассказ твой, Клио[1102], достоверен.
В чем тайный замысел Венерин?
Процесс Венеру поразил,
Он потрясеньями грозил.
Как только начались дебаты,
В которых блещут адвокаты,
Измыслила богиня план,
Чтобы урок достойный дан
Был блеском зримого примера:
Вот вам Любовь, а не химера.

Такая родилась краса,
Что все затмила чудеса;
Не физика, не медицина,
Венере помогла Луцина[1103].
Итак, Венера в тот момент
Свой начала эксперимент.

Ее сужденья, в общем, здравы:
Пускай мужчины были правы
И нет сегодня красоты,
Способной разжигать мечты;
Дитя спасет мою державу,
Вернув любви былую славу.

Я воедино соберу
Все то, что свойственно добру,
Что мило кельям и палатам,
Певцам, философам, прелатам,
Все, что прекрасно для людей,
Придам питомице моей.

Спешит Венера в сад небесный,
Срывает амарант чудесный
И, трижды настояв нектар
На лаврах, в коих Фебов жар,
Кропит младенца троекратно
Богиня влагой ароматной;
Пусть кожа девочки нежна,
Грязь никакая не страшна
Благоуханной этой коже
И сердцу девичьему тоже.
Настолько дева хороша,
Настолько в ней чиста душа,
Что пренебречь, пожалуй, можно
Той добродетелью подложной,
Которая болтает вздор,
Затеяв пошлый разговор,
Все понимает с полуслова
И покраснеть всегда готова.

Конечно, Грации не прочь
Своей владычице помочь.
Из Граций каждая согласна:
Новорожденная прекрасна.
Дополнив чудо лишь чуть-чуть,
Изволит каждая дохнуть,
Трикраты дух даруя нежный,
Как в старых сказках, безмятежный.
«Ванессой зваться будешь ты, —
Сказали, — имя красоты
Лишь в небесах богам известно,
В земных пределах — неуместно».
Вплела в свой хитроумный план

Венера маленький обман;
Загнав голубок до упаду[1104],
На небесах нашла Палладу:
«Ах, как я рада видеть вас!
Родился мальчик в этот час.
Он был бы мил в глазах Паллады.
Поклясться были бы вы рады:
Его родитель — Аполлон.
Он с виду сущий Купидон,
Хоть, разумеется, без лука.
Ах, как нужна ему наука!
Испортить я боюсь его.
Тут нужно ваше мастерство».

Паллада гордо улыбнулась,
И ей малютка приглянулась.
Паллада нянчила дитя,
Ванессу мальчиком сочтя.
Ей в душу заронила семя,
Столь редкостное в наше время,
Когда по множеству причин
Ум — привилегия мужчин.
Терпенье, стойкость и правдивость,
Благоразумье, справедливость,
Честь, над которой никогда
Не надругается вражда,
Ванессе привила Паллада.
Но в наше время помнить надо
(Век наступил довольно злой):
Не проживешь одной хвалой
Без денег не добудешь мяса,
И вообще расходов масса;
И бережливость неспроста
Была богиней привита;
Так что ценить умела с детства
Ванесса собственные средства,
Вела расчетливо дела,
Но трех лакеев завела.

Обязывали дарованья
Не прерывать образованья;
Чтоб не испортить барчука,
Как сыну младшему, пока
Ему богиня ниспослала
Пять тысяч фунтов капитала.

Киприда опытом горда.
Бесспорно, стоил он труда.
Одарена теперь Ванесса,
Как настоящая принцесса.
Она сердца воспламенит,
Знатнейших рыцарей пленит;
Забудет классиков ученый,
Ее глазами увлеченный;
Ванесса — светоч для сердец,
Для женщин лучший образец,
Пример такого повеленья,
Что невозможны заблужденья.
Мать, наставляя дочерей,
Им будет говорить о ней,
Чтоб совершенствовались дети.
Когда рассыплет соль мисс Бетти,
Ей мать напомнить поспешит:
«Ванесса этим не грешит!»
Уже Венера уповала,
Что в мире восторжествовала
Любовь над кознями невежд.
Но тщетен был полет надежд.

Однажды довелось Палладе
Раскрыть обман, к своей досаде;
Затрясся на богине шлем,
И поклялась она затем
Разрушить завтра до заката
Все, чем Ванесса так богата.

Но заверяет нас поэт:
Богам препятствует запрет

Вступать в подобные раздоры;
Нельзя в пылу случайной ссоры
Им брать свои дары назад;
Иначе гибельный разлад
Уже возник бы меж богами,
Как меж заклятыми врагами.
Палладе тоже страшен стыд.
Ей беззаконья не простит
Юпитер со своим советом.
Киприда хитрая при этом
С повадкой вкрадчивой своей
Найдет влиятельных друзей.
Хотя была Паллада в гневе,
Уразумев, что смертной деве
Теперь ниспосланы дары,
Присущие до сей поры
Лишь ей, богине безупречной,
Слывет по праву мудрость вечной.
Был знак Палладе свыше дан:
Провалится Венерин план.
Венера снова промахнулась,
В своих расчетах обманулась,
Попала, так сказать, впросак.
Сомнений нет, ошибся враг.
Ошибка требует расплаты:
Карают сами результаты.

Упрек Паллады ядовит,
Она Венере говорит
(Гомер — свидетель, могут боги
Браниться, словно демагоги):[1105]
«Богиня лживая! Пойми:
Срамишься ты перед людьми!
В твоих интригах, как бывало,
Коварства много, смыслу мало.
Меня желая обмануть,
Ты обманулась, вот в чем суть!
Да разве с мудростью небесной

Любви земной не слишком тесно?
И разве много мудрецов
Средь пламенных твоих жрецов?
Ванесса выше нашей розни.
Ей чужды суетные козни.
Ванесса — твой заклятый враг.
Не сомневаюсь, это так!
Коварных планов я не строю.
Все сбудется само собою».

Судьба Ванессы решена.
А между тем цветет она,
Прекрасная, как Аталанта[1106],
Не для хлыща и не для франта;
Так одинокая звезда
Видна в лазури не всегда,
Из книг уже Ванесса знала:
Вокруг опасностей немало.
В парк часто ездить не резон.
Хорош театр лишь раз в сезон.
При этом думала Ванесса
О людях не без интереса.

К ней фаты бросились толпой.
Болтают все наперебой,
Все только что от парфюмера.
Спросили, как, мол, вам премьера.
Дуэль спешат упомянуть
И на причину намекнуть,
Сказать, что приезжает прима
К нам из Москвы, нет, нет, из Рима,
Напомнить, кто в кого влюблен,
Как ясен летний небосклон,
И в девять, мол, вчера гуляли,
Погоду леди похваляли.
Мололи фаты чепуху,
Собрав словесную труху,
Любезничали в пошлом стиле,

Красавице развязно льстили
Среди безвкуснейших речей
Насчет убийственных очей.

Ванесса только хмурит брови
При каждом слишком дерзком слове;
Не внемлет праздной болтовне,
Оставшись как бы в стороне.
Решила выяснить Ванесса
Умен ли хоть один повеса.
Сказала как нельзя прямей,
Что внешний лоск не дорог ей,
Что лучше здравого сужденья
У человека нет владенья,
Что в этом наша красота,
Отличье наше от скота,
Что доблесть наша не сравнима
С былыми доблестями Рима[1107]
И что за родину свою
Никто не хочет пасть в бою.
Умом красавица блеснула,
Героев древних помянула,
Обычаям других держав
При этом должное воздав;
Изысканно меняла темы,
Но были слушатели немы,
И, не вступая в разговор,
Смотрели на нее в упор,
А за глаза такие лица
Хихикали: «Она тупица!
Красавица в расцвете лет,
Она богата, спору нет,
Но не сожгут, как чаровницу,
Столь заурядную девицу!»

Однажды сонм блестящих дам,
Чей мир — Сен-Джеймс, а не Бедлам,
Застал, уполномочен светом,

Красавицу за туалетом.
Портшезы около дверей.
Стремятся дамы прямо к ней,
Идут по комнатам шумливо.
Повсюду книги, что за диво!
Перед Ванессою Монтень[1108].
Ей за прическою не лень
Читать — нашла себе усладу!
Спросили чаю, шоколаду
И обсуждали, как вчера,
Перчатки, ленты, веера.
Вот образцы индийских тканей,
Но без особых колебаний
Ванесса выбрала из них
Образчик хуже остальных,
Пренебрегая модным цветом,
Не зная даже цен при этом.
Черед злословия настал.
Кто на гуляний блистал?
Как быстро Мопса увядает!
Известно, чем она страдает.
А, кстати, знаете ли вы?
Коринне тридцать лет, увы!
Коринна герцогом пленилась,
Когда учиться я ленилась.
Зато Филина какова!
Вступила в брак едва-едва…
Муж у Фелины просто дивный,
А кавалер такой противный!

Ах, милочка, наряд у вас
Для королевы Бесс как раз![1109]
Скажу вам прямо, без обмана:
Пойдут, Ванесса, вам румяна!
Какой же это кринолин!
Стесняться нечего мужчин.
Показывайте без опаски
Свои красивые подвязки!

Сгорала нимфа со стыда,
Скрывала гнев не без труда
И своего стыдилась пола.
За гостьей гостья вздор молола.
Потом разъехались они
Для повсеместной болтовни:
Не так уж хороша малютка,
И не заметно в ней рассудка
Опрятна? Да! Нарядна? Нет!
Все это больше не секрет.
Она такая же простушка,
Как деревенская пастушка.
Распознает едва-едва,
Какие это кружева!
В нарядах даже Нэнси-крошка
Изобретательней немножко.
Ей никого не ослепить,
Ей даже маски не купить.
Не знает, где наклеить мушки,[1110]
А между тем, забыв игрушки,
Наклеивает их шутя
И пятилетнее дитя.
Удобней дурочке природной
В такой одежде старомодной.
Ей наша помощь не во вред.
Узнать бы ей получше свет!
(Свет! Больше нет обозначений
Для низкопробных развлечений?)

Венера видит промах свой,
Для человека роковой.
Весь мир Паллада пристыдила,
Однако делу повредила.
Глупцам благой пример не впрок.
Зачат невежеством порок.
Восстали дружно оба пола:
«Нам не к чему такая школа!»

Зачем Ванессе подражать?
За что Ванессу обожать?
Так наша грешная планета
Светилом дальним не согрета.
Ванессою с таких высот
Бывал замечен только тот,
В ком виден разум безупречный,
Избранник, а не первый встречный.
Талант умела оценить
И недостатки оттенить,
И совершенствовала гений
Посредством вдумчивых суждений,
Восхищена умом других,
Училась исподволь у них.
Рассудок робкий ободряла,
Успехи юных одобряла,
В беседе дружеской любя
Других отметить, не себя.
Кто принят был едва ли в свете,
Кто разъезжает не в карете
И в обращенье неуклюж,
Священник и ученый муж
Бывает у нее в гостиной.
Каденус этому причиной.
Мудрец Ванессу просвещал,
При ней Палладу замещал.
Но Купидон возжаждал мщенья,
Когда такие упущенья
В расчетах матери узрел.
Паллада не боится стрел,
Неуязвима патронесса,
Зато в опасности Ванесса
По крайней мере, Купидон
Был в этом твердо убежден,
И в беззащитном сердце девы
Взошли Венерины посевы.
Вновь натянулась тетива.
Не повезло стрелку сперва.
Стрелявший в знатных кавалеров,

В щеголеватых офицеров,
Он цели так и не достиг.
Каденус под защитой книг:
Застряли стрелы в переплете,
Ломаясь в яростном полете.
Паллада видит наперед:
Любовь сумеет в свой черед
Пленить Ванессу незаметно.
Цепь адамантовую тщетно
Пытались мудрые разбить —
Нельзя Ванессе не любить.
Ей мудрость будет западнею,
Оставшись для него бронею.
Иссяк запас каленых стрел,
Хотя стрелок не преуспел;
Пускал он в ход любые средства,
Но в этой нимфе нет кокетства,
Жеманства нет ни капли в ней.
Такая цель всего трудней.
Тогда решил коварный мститель:
Ей нужен, стало быть, учитель.
Так что придется нимфе вдруг
Влюбиться в доктора наук.
Чем плох Каденус престарелый?
Писатель и политик зрелый,
Остряк министрами любим
И ненавистен всем другим.
Такой возлюбленный — находка.
Не будет ревновать красотка,
Всех женщин в мире насмешив,
Всем сожаление внушив.

Каденус — автор плодовитый,
Он стихотворец даровитый;
Ванесса книжицу взяла —[1111]
Красавице грозит стрела.
Проказник, не издав ни звука.
Украдкой целился из лука.

Стрелял юнец наверняка.
Уж слишком книжица тонка.
Невзрачный том стрела пронзила,
Ванессу в сердце поразила,
Ей сердце некий стих задел,
Он сразу сердцем завладел,
И оказались эти строки
Непозволительно жестоки.

Ванессе меньше двадцати,
Поэту сорок пять почти,
Он пожилой, подслеповатый
(В последнем книги виноваты).
Какой огонь в его очах!
Какая музыка в речах!
Воображение готово
Его принять за молодого.
Кто в море даст себя завлечь
На корабле, в котором течь?
Кто свяжет с молодым растеньем
Дз'б, угрожающий паденьем?
Гнетут Каденуса года.
Ванесса будет молода,
Когда поникнет, изнуренный,
Он, временем приговоренный.
Хоть был Каденус к людям строг,
Однако чувствовать он мог;
Писал, как будто знал он страсти,
Для развлечения отчасти;
А впрочем в сутолоке дел
Политик сердцем охладел;
Он увлекался в передышке,
Любовь ценил, но понаслышке;
Привык он видеть в нимфе дочь,
Отец внимательный точь-в-точь.
Он восхищался девой нежной
Как ученицею прилежной,
Как восхищался бы тайком
Способнейшим учеником.

Познанья девы столь широки,
Что отстают от них уроки.
Ей каждый час была нужна
Возвышенная новизна.
Не знала дева заблуждений,
Держалась правильных суждений,
Но все переменилось вдруг,
Как будто деве недосуг.
К наукам интерес утрачен.
Каденус очень озадачен.
Ванесса на него глядит,
За каждой фразою следит,
Усидчива по всем приметам
И невнимательна при этом.
Решил Каденус, что она
Уроками утомлена.
«Зачем читать нравоученья?»
Он думал не без огорченья.
Он ученицу не корил,
Однако же заговорил;
Сказал ей, что таких терзаний
Терпеть не стоит ради знаний,
Что был он, кажется, неправ;
Лишая девушку забав,
Приличных возрасту и полу,
Он действовал по произволу.
Ей в свете надобно бывать,
Красавиц первых затмевать,
А не разыгрывать черницу.
(Так наставлял он ученицу).
Он строить схемы был горазд,
Перемудрил он, как фантаст,
Но вразумила сумасброда
Неисправимая природа.
А если был невежлив он
И нарушал хороший тон,
То за такие упущенья
Готов он попросить прощенья;
Учитель хочет ей добра.

Откланяться ему пора.
Ванесса вознегодовала,
Но воли сердцу не давала,
Презрев искусство женских слез,
Хоть гневалась она всерьез.

Он объяснял ей так упорно,
Что благотворно, что тлетворно,
И прочь уходит, говоря,
Что объяснял он это зря?
Его провинность безусловна
В том, в чем она сама виновна;
Пусть убедится педагог,
Как твердо выучен урок.
Печальный опыт предоставил
Ей помощь двух прекрасных правил:
На добродетель уповать
И побуждений не скрывать,
В которых та же добродетель,
Так что не страшен ей свидетель;
И сверх того, хороший тон —
Для благородства не закон.
Заговорила нимфа с жаром:
«У вас училась я недаром.
Отброшу пошлый этикет,
Признаюсь в том, что не секрет,
Вы мне внушали ежечасно,
Как остроумие опасно,
Но как спастись от этих чар,
Когда наносят мне удар?
Помочь старались вы рассудку,
Задев мне сердце не на шутку».
Каденус этим поражен,
Разочарован, пристыжен;
Действительно, в подобном стиле
Они доселе не шутили,
И непривычные слова
С трудом осмыслил он сперва.
В своем усердии нечутком

Он занят был ее рассудком,
Он даже помнил не всегда,
Насколько нимфа молода,
И на гуляний бывая,
Встречал ее, не узнавая.
Облюбовала красота
Его преклонные лета?
Отвергнув эти уверенья,
Достоин будет он презренья.
С ней разделив ее весну,
Он примет на себя вину.
Проступок мнимый будет взвешен,
И свет решит: Каденус грешен!
Он девушку в себя влюбил,
Наукой злоупотребил;
Разоблачен подобным шагом,
Ученый оказался магом;
Воскликнут щеголи тотчас:
Ученые не лучше нас!
«Платон Платоном, — скажет модник, —
А сам ученый — греховодник.
Девицу бедную завлек
И к ней забрался в кошелек,
Стараясь действовать без шума.
Пять тысяч фунтов — это сумма!»
Прервав молчанье наконец,
Ответил кое-как мудрец.
Он столь прозрачные намеки
Лишить пытался подоплеки:
Заметно, дескать, в чем тут соль,
Насмешница играет роль,
Призвав трагическую сцену
Былым комедиям на смену
Но вспомнить, кажется, пора,
Что правил требует игра.
Предупредить бы хладнокровно:
Все это, так сказать, условней
А то в ответ на странный жест
Он должен выразить протест.

Опасны даже мудрым ковы,
Когда бездельники готовы
Злорадствовать, — мол, на крючок
Попался мудрый старичок.

Пренебрегая мелочами.
Не увлеклась его речами
Красавица на этот раз.
Был разум ей дороже фраз.
Усвоены не без причины
Его глубокие доктрины.
По всходам узнают посев.
Его наукой овладев,
Воображенье с ним согласно
В том, что презренно, что прекрасно.
Любовь к себе, по существу,
Не изменяет естеству;
В его науку углубилась
В его лице в себя влюбилась.
Он сам не менее пленен
Учеными былых времен,
В чьих сочиненьях образцовых
Нашел он столько мыслей новых,
Что чтит провидцев таковых,
Хоть не застал он их в живых.
Живи Каденус вместе с ними,
Он пренебрег бы остальными.
Когда вместил бы малый том
Все то, что создано умом,
В почете был бы сочинитель,
Хоть мрачный гроб — его обитель.

А был бы этот автор жив,
Привлек бы, мир заворожив,
Он всех, подобно чародею.
Теперь случилось это с нею.
Каденус именно таков,
Писатель, друг и острослов;
И от него набраться знаний —

Вершина всех ее желаний,
Он кладезь глубочайших тем,
Дает он синтез всех систем;
В своих суждениях он точен,
В нем дух ее сосредоточен.

Тот, кто любовью одарен,
Красноречив, как Цицерон.
Влюбившись, говорят немые.
Ванесса юная впервые,
Нарушив тягостный запрет,
Решила, что преграды нет,
Одною движимая страстью,
Красноречивая, к несчастью.
Так в океан издалека
Бежит безудержно река.
Так фанатический философ
Не слышит каверзных вопросов,
К своей концепции ревнив,
Весь мир системе подчинив.

Преподаватель близорукий
Не знал, куда ведут науки;
Теперь он видит результат,
В котором сам же виноват;
Причем новейшие соблазны
Достаточно многообразны.
Искусник, милый нам порой, —
В подобном смысле наш герой.
Учитель — идол ученицы.
Таким причудам нет границы.
Девице нравится спинет?
Маэстро барышней пригрет!
И для певцов придурковатых
Достаточно невест богатых.
Танцмейстер с ножек лишь начнет,
В сердечко мигом проскользнет.
Училась нимфа без натуги.
Педант берет ее в супруги.

Каденус видит со стыдом,
Что возражает он с трудом,
И предпочесть готов на горе
Он пораженье в этом споре.
Отлично говорит она,
В аргументации сильна.
Красавицей с таким талантом
Он предпочтен всем этим франтам!
Он по достоинствам своим
Такою нимфою ценим,
И даже если это чудо,
Судила до сих пор не худо
Читательница стольких книг.
Ей в память вечный свет проник.

Одна из древних истин школьных:
Лесть — пища для самодовольных,
Но это лакомство глупцов
Порой прельщает мудрецов.
Каденус гордости стыдился,
Но в глубине души гордился
Любовью вдумчивой такой,
Успех оправдывая свой.
Успех подобный обоснован:
Ей вкус природою дарован.
Любовь, пускаясь в дальний путь,
К нему не проникала в грудь;
Ждала у входа год за годом
И пренебречь решила входом.
Мы говорим «любовь», но в ней
Соединенье всех страстей.
В ней горечь, сладость, жар и холод.
Вкушать вольно тому, кто молод
Восторги, скорбь, надежду, страх.
Каденус между тем в летах,
И у него заслуг немало,
Ему влюбляться не пристало.
Но дружбу, этот высший дар,
Разумный, постоянный жар,

Который греет, не сжигая,
Когда пройдет любовь слепая
И не грозит позорный плен,
Он может предложить взамен,
Известный недостаток страсти
Дополнив тем, что в нашей власти:
Благоговением своим.
Так на земле богинь мы чтим.

Он говорил велеречиво.
Ванесса просто и учтиво,
Чтобы его не огорчить,
Мир предложила заключить.
Она романов не читала
И отвращение питала
К пустым высоким словесам.
Их, впрочем, презирал он сам.
Опасное поползновенье:
Ей предложить благоговенье.
Освободить он должен трон
И признавать ее закон.
Не грех поймать его на слове,
Хоть это для Ванессы внове;
Им нужно роли поменять,
Чтоб друг на друга не пенять.
Ему при всем его значенье
Придется к ней пойти в ученье;
Хоть прочитал он много книг,
Он, в общем, слабый ученик.
Он как ученый бесподобен,
Постичь, однако, неспособен
Предмет, в котором каждый фат
Осведомленней во сто крат.
Находят фаты без подмоги
Союзы так же, как предлоги
Во взорах благосклонных дам,
Читая книги по складам.

Но каковы завоеванья

Дальнейшего преподаванья,
Взвилась ли нимфа в облака,
Сопровождая пастушка,
Иль превозмог он пафос пресный
И выбрал стиль не столь небесный,
В котором чтенье визави
Благоприятствует любви,
Все это любопытно крайне,
Но муза держит это в тайне.
Задумчива, невесела,
С небес Венера снизошла
И снова смертных посетила;
Ее Ванесса просветила,
Паллады, что и говорить,
Не удалось перехитрить.
Киприда сделалась мудрее
Благодаря своей затее
И вспомнила, что до сих пор
Не вынесен был приговор.
И вот приглашены истицы
Предстать перед лицом царицы;
И не признавшие вины,
Ответчики приглашены.
Среди Венериной палаты
И стороны, и адвокаты.
Все дело снова рассмотрев,
Венера проявила гнев.
Ее слова довольно строги.
Велела подвести итоги
Лишь вкратце, без обиняков.
Она сама без лишних слов
Все аргументы рассмотрела,
Решив, что в заключенье дела
Возможен приговор один:
Признать виновными мужчин.

Венера продолжала властно:
Она судила беспристрастно
Враждебным толкам вопреки,

Смиряя злые языки;
И, разумеется, повинны
Во всех превратностях мужчины.
Был подан ими встречный иск;
Мол, возникает страшный риск.
Нет больше нимф неотразимых,
Влюбленных нет, и нет любимых;
Шедевр Венера создала,
Но эта нимфа не мила
Мужскому ветреному полу,
Который впал давно в крамолу;
Напрасен был Венерин труд,
И справедлив подобный суд:
Мужчины в наше время плохи,
Они — позор своей эпохи.
Придется переделать их
За неимением других
Или прибавить сумасбродства
Прелестным нимфам ради сходства
С безумным сонмом пастушков.
Что делать, род людской таков —
Влюбляются в себе подобных,
Нет смысла в улучшеньях пробных.

Венера понесла урон.
Пусть миром правит Купидон
По собственному усмотренью
На благо всякому творенью.

Приветствуя исход суда
Все отвечали дружно: «Да!»
Богине медлить нет резона.
Венера быстро встала с трона,
Голубок запрягла скорей
И нет ее среди людей.

К любви[1112]

Мне счастие могло достаться в дар,
Когда бы я твоих не знала чар;
Глумятся над тобою лишь глупцы;
Побеждены тобою мудрецы;
Не страшен безрассудным твой силок,
В котором осторожный изнемог.
Не избежит глупец других тенет,
К тебе в тенета разум нас влечет,
И мы томимся в горестном плену,
Впустую проводя свою весну.
Благоразумье, мирное на вид!
Твоя вражда к любви меня гневит.
Вредить любви ты любишь без конца.
Мешаешь ты воспламенять сердца;
Стрел золотых своих лишился бог,
И в этом заключается подвох:
Бог в ослепленье пагубном своем
Разит сердца свинцовым острием;
Обманутый, стрелять он поспешил
И думает, что подвиг совершил;
Для нимфы пламень горестный жесток,
Невозмутим, однако, пастушок.
Клянет она божественную власть,
Когда Благоразумье надо клясть.
Благоразумье! По вине твоей
В раздоре Купидон и Гименей:
Один пришел, другой стремится прочь;
Не знает мать Венера, как помочь.
Лишь для любви Венерины весы,
Для радости, для счастья, для красы;
Теперь они грехом отягчены,
На них богатства, почести, чины.
Пускай, Венера, грозный твой отец
Положит злоключениям конец,
Чтобы, сраженный молниями враг,

Благоразумье кануло во мрак.

[*Эстер Ваномри?*]

Переписка Свифта и Ванессы[1113]

Свифт — мисс Эстер Ваномри

[*18 декабря 1711*]

Я ухитрился втиснуть три или четыре небылицы в такое же количество строк. Запечатайте, пожалуйста, письмо к миссис Л[онг] и позаботьтесь о том, чтобы никто, кроме вас, его не прочел. Полагаю, что этот пакет пролежит часа два-три, прежде чем вы изволите проснуться. И, пожалуйста, сделайте так, чтобы после того, как вы запечатаете письмо к миссис Л[онг], ваши домашние могли видеть только второе из адресованных вам писем[1114], а не это. Ну, не угодно ли, к каким уловкам должны прибегать люди, сколь бы благими ни были их намерения. Вы и ваш песик, наверно, изволите еще сейчас безмятежно почивать, и вам даже и не снятся такие материи. А засим adieu до встречи за чашкой кофе или апельсиновыми корочками в сахаре в вашем вертепе, который так часто был для меня самым отрадным прибежищем в мире.

Свифт — мисс Эстер Ваномри

[*1 августа 1712*]

Миссэсси[1115] не должна верить ни единому слову из письма мистера Льюиса. Я написал бы вам раньше, если бы не был так занят, и ленив, и не в настроении, и если бы знал, как переслать вам свое письмо, не прибегая к услугам моего смертельного врага мистера Льюиса[1116]. Мне так наскучило здесь[1117], что я вознамерился через два дня уехать отсюда и не возвращаться по меньшей мере три недели. Я приеду в Лондон в понедельник[1118], по возможности пораньше, сниму небольшую квартиру на Граб-стрит, неподалеку от той, что снимал прежде, и буду обедать с вами трижды в неделю и расскажу вам тысячу секретов, если только вы не станете со мной ссориться.

Пятница, в канцелярии мистера Льюиса.

Не передавайте от меня поклона Молль[1119], но засвидетельствуйте мое глубокое почтение вашей матушке.

Свифт — мисс Эстер Ваномри

Виндзорский замок,
15 августа 1712

Я собирался было передать письмо малышке Миссэсси с полковником[1120], но в конце концов решил, что он не годится на роль посыльного. Прошу вас хорошенько отругать мистера Форда[1121] за то, что он вздумал вчера вечером поднять тост за ваше здоровье, нарекши вас при этом ветреницей. Мне здесь никак не удается ни работать, ни гулять столько же, сколько в Лондоне. Боюсь, что полковник меня опередит и расскажет все новости, о коих я собираюсь вам поведать: о том, что у меня теперь великолепная табакерка[1122] и что я присутствовал на бале и о том, как я продулся, играя в ломбер с герцогом и герцогиней Шрусбери. Не могу представить, как вы там проводите время в наше отсутствие. Не иначе, как спите до двенадцати, а потом, наверно, до самого обеда проводите время в обществе своих поклонников.

Мы получили депешу от лорда Болинброка: все обстоит как нельзя лучше, и в следующий вторник в Лондоне будет объявлено о прекращении военных действий с Францией. Обедал я нынче с герцогом Шрусбери и посидел часок, помогая советами миссис Уорбертон[1123], которая играла в ломбер. Одно из двух: либо глаза мои недостаточно проницательны, либо слишком пристрастны, но я, право же, не замечаю в ней никаких изъянов. Зато уж миссис Тачит[1124] просто уродливая и неуклюжая шлюха. Любопытно, чем вы заполняете свое время? Что это вам вздумалось скрывать от меня свое намерение приехать всем семейством в Виндзор? Если вы никогда здесь прежде не бывали, то сделаете как нельзя лучше, приехав сюда на три-четыре дня. Пяти фунтов будет достаточно за все про все, включая оплату кареты туда и обратно. Полагаю, что капитан за неимением лучшего общества присоединится на сей раз к вам. В один из ближайших дней я постараюсь улизнуть отсюда в Лондон и, неожиданно нагрянув, застану вас врасплох. Мне очень бы хотелось, чтобы вы вместе с Молль как можно чаще гуляли в парке, вместо того чтобы киснуть, сидя дома, — ведь вы не умеете ни трудиться, ни читать, ни играть, ни приискать себе компанию. Я соскучился по кофе в вашем вертепе и вашим приставаниям, когда вы пытаетесь у меня что-нибудь выпытать, и вашему неизменному: «Пейте кофе, отчего вы не пьете кофе?» Засвидетельствуйте

мое почтение вашей матушке и Молль и полковнику.

Адрес: Миссис Эстер Ваномри, младшей, проживающей напротив Парк-Плейс на Сент-Джеймс-стрит в Лондоне.

Мисс Эстер Ваномри — Свифту

Лондон, 1 сентября 1712

Если бы мой корреспондент находился в Китае, то и тогда я бы уже, наверное, получила ответ[1125]. Прежде я и предположить не могла, что в своих мыслях вы так далеки от Лондона и что двадцать миль по вашему счислению равняются нескольким тысячам. Мне подумалось поэтому, что хотя бы из милосердия вас следует вывести из заблуждения и дать возможность убедиться, что, если вы возьмете на себя труд написать мне, то я, возможно, получу ваше письмо уже на следующий день. Именно это и заставило меня решиться в третий раз взять в руки перо. Убеждена, что вы не допустите, чтобы моя попытка оказалась тщетной. Вы, должно быть, счастливы там, коль скоро забыли своих отсутствующих друзей, а может сотворили себе новую вселенную и отныне все, что связанно с нашим бренным миром, более перед вашим мысленным взором не возникает. Если это так, мне придется вас извинить, в противном случае никаких оправданий для вас быть не может. Если это так, значит я принадлежу к другому миру, признаюсь, однако, мне нелегко будет убедить себя в том, разве только что вы пришлете мне на сей счет неопровержимые доводы. Не вздумайте шутить со столь важным делом и покажите, что друзьям возможно поддерживать между собой переписку, даже если они и пребывают в различных мирах, и уверять друг друга, как я это делаю сейчас, в своей преданности и неизменном почтении.

Э. Ваномри.[1126]

Мисс Эстер Ваномри — Свифту

Лондон, 2 сентября 1712

Мистер Льюис сказал мне, что вы торжественно объявили о своем решении покинуть Виндзор, как только мы туда прибудем. Что же, это весьма благородное решение, и вам следует непременно его осуществить. Теперь, дабы я никоим образом не могла поспособствовать его нарушению вами, я намерена известить мистера Льюиса о времени нашего отъезда из Лондона с точностью до одной минуты, чтобы он имел возможность предупредить вас. И, если бы мне позволено было давать вам советы, то я предложила бы вам выехать из Виндзора в то же самое время, когда мы будем выезжать из Лондона, и, по возможности, воспользоваться лучше какой-нибудь окольной дорогой, ибо весьма опасаюсь, как бы, завидя нас, вы не нарушили всех своих решений; по крайней мере, я уверена, что впоследствии вы бы от души в том раскаивались. А я ни за что на свете не хотела бы, если только в моих силах этого избежать, причинить вам в данном случае хотя бы малейшее беспокойство, тем более что я непременно собираюсь причинить его вам в другом. Потому что, когда мистер Льюис рассказал мне о вашем поступке (что, к слову сказать, было сделано им не слишком деликатно, как следовало бы из дружбы к вам и сострадания ко мне), я тотчас же поклялась, что отомщу вам и пробуду в Виндзоре столько же, сколько там пробыла миссис Х[илл][1127], если же этого срока окажется недостаточно, чтобы досадить вам, то непременно отправлюсь вслед за ней в Хэмптон-Корт, дабы поглядеть, что для вас более неприятно — хотя бы изредка видеть меня или совсем не видеть ее. Кроме того, мистер Льюис обещал мне перехватывать все ваши письма к ней, равно как и ее к вам; по крайней мере, он говорит, что предоставит мне возможность читать их en passant [по пути *(франц.)*.], а что до необходимости снова их запечатывать, так пусть уж об этом он позаботится сам. Как видите, ваша гибель тщательно продумана, и винить в том вам следует не меня, а себя, потому что сей злокозненный умысел внушила мне ваша неосторожность, в противном случае это никогда бы не пришло мне в голову.

Свифт — мисс Эстер Ваномри

Виндзорский замок,
3 сентября 1712

Олений окорок я посылаю не вам, а вашей матушке, а письмо — не вашей матушке, а вам. Ваше последнее письмо и вашу долговую расписку я получил и знаю ваши доводы; я велел Барберу переслать причитающийся вам остаток[1128]. У меня по горло всяких дел и очень скверное настроение.[1129] Однако, так или иначе, тому и другому скоро наступит конец. По моим предположениям, вы должны были вчера объявиться здесь: разве ваша поездка расстроилась? Надеюсь, Молль уже оправилась от болезни, и значит ничто не препятствует вашему приезду. Удалось ли вам избежать общей участи в связи с распространившейся сейчас лихорадкой? Меня покамест бог миловал, хотя голова в последнее время что-то побаливает.

Вы очень мило подшучиваете надо мной и, полагаю, не иначе как с одобрения мистера Льюиса.

Я прочитал ему ваше письмо. У меня нет времени ответить на него, поскольку экипаж и оленина должны вот-вот отправиться.

Прошу вас отведать хотя бы полунции оленины и передать мой нижайший поклон вашей матушке, Молль и полковнику. Я получил от него письмо и поговорю с ним по этому поводу, когда он приедет.

Боюсь, что это письмо провоняет олениной. Хотелось бы, чтобы висельник-кучер не испортил окорок в карете. Je suis à vous, *etc.* [Остаюсь Ваш и пр. *(франц.)*.]

Свифт — мисс Эстер Ваномри

[*28 сентября 1712*]

Насчет кофе я не забыл, так как считал, что вас нельзя лишать его. Джон не едет в Оксфорд, а посему отправляю книгу обратно, как вы о том просили. Я бы не повидался с вами и за тысячу фунтов, даже если бы мог; однако сейчас я сижу в халате, сочиняю дюжину писем и укладываю бумаги. Из этого следует, что вы не должны были сюда приезжать, и вам это так же хорошо известно, как и мне.

Засвидетельствуйте мое почтение вашей матушке. Боюсь, что, отправясь в Оксфорд, вы поступили опрометчиво, но теперь об этом поздно говорить, поскольку вы уже все равно не можете нынче вечером быть в Лондоне. Однако, если вы не станете справляться о знакомых, а просто погуляете с кем-нибудь из гостиницы вокруг колледжей, то весьма возможно, что вас не узнают[1130]. Adieu.

Джон свидетельствует вам свое нижайшее почтение.

Воскресенье, девять часов; ваш посыльный довольно долго сюда добирался.

Свифт — мисс Эстер Ваномри[1131]

[*31 мая 1713*]

Я обещал написать вам и пользуюсь теперь случаем сказать, что едва ли возможно испытывать большую признательность, нежели та, которую я питаю в душе за всю вашу доброту и великодушие ко мне. Надеюсь, что путешествие восстановит мои силы. Я буду ежедневно совершать короткие переезды и по пути время от времени писать письма всему вашему семейству, но адресовать их буду вам. Сегодня мне удалось добраться до места только к десяти вечера. Прошу вас, развлекайтесь, ешьте, гуляйте, и будьте паинькой; и посылайте мне свои распоряжения, какие только мистер Л[ьюис][1132]. — Эразмус Льюис, через которого они поддерживали в это время переписку.] сочтет нужным вам посоветовать. Я с трудом выбрал время, чтобы взять в руки перо, но мне хотелось непременно выполнить свое обещание. Да хранит вас господь и ниспошлет вам благополучие и счастье, а засим прощайте.

Дом миссис Б., 11 часов вечера; меня уже дожидаются те, кто пришел сюда проститься со мной.

Поклон вашей матушке и Молькин.

Мисс Эстер Ваномри — Свифту

Лондон, 6 июня 1713

Сэр,

вы проявили несказанную доброту, отправя мне по доброй воле это дорогое для меня письмо из Сент-Олбенса[1133]. Вы едва ли можете себе представить, а я — выразить, насколько я была счастлива узнать из него, что головные боли беспокоят вас намного меньше. Поверьте, все мои помыслы устремлены лишь к одному — чтобы ваше выздоровление продолжалось и дальше. Надеюсь из следующего письма услышать, что вам это помогло. Обладай я желаемой властью, то каждый день, который не споспешествовал вашему здоровью до полного его восстановления в той же мере, что и прошлый понедельник, был бы вычеркнут из календаря, как бесполезный. Вы вряд ли предполагали, что я так скоро примусь досаждать вам, но, когда мистер Л[ьюис] сказал мне, что если я напишу вам, он позаботится об отправке моего письма, то, признаюсь, у меня недостало самоотвержения отказаться. Прошу вас, скажите, почему вы не вспомнили обо мне в Данстэбле[1134], как вспомнили о Молль? Господи! Каким чудовищем стала после этого Молль! и ни словечка о бедной Хэсс, кроме предположения, что закладка в книге Давилы[1135] лежит на той же странице, на какой вы ее оставили. Я, признаться, и в самом деле не очень продвинулась вперед, так как прилежно читала Ларошфуко[1136], желая выяснить, так ли глубоко он пишет о любви, как я чувствовала ее в воскресенье, но оказалось, что ему далеко до меня. Как ведет себя Болинброк[1137]? Вы не сдержали своего обещания совершать каждый день небольшие переезды. Ведь тридцать миль это, как мне кажется, изрядное путешествие. С нетерпением ожидаю известий от вас из Честера. Не могу передать, сколько раз я желала, чтобы вы могли получить в гостинице чашку кофе и апельсин.

Свифт — миссис Ваномри

Честер, 6 июня 1713

О том, как я добрался до Данстэбла, вы знаете из моего письма к Хэсси[1138]. Мое самочувствие в последующие дни оставляло желать много лучшего. Даже Молли с ее любимым: «Ну и что» и та бы, наверно, приуныла. Ну вот, а теперь, конечно, Хэсси ворчит оттого, что я говорю о Молли. Видите, я уже придумал, как мне адресовать вам письма[1139], поскольку я считаю, что Хэсси и Молли отныне такие же вдовы, как вы, или, по крайней мере, полу вдовы. Значит, чтение Давилы продвигается туго. Признаюсь, мне частенько хотелось выпить хоть немного вашего крысиного яда[1140], поскольку то, чем меня потчевали в пути, не заслуживает даже такого названия. О том, как мне путешествовалось, я рассказал в письме к мистеру Льюису, так что любопытствующие могут осведомиться на сей счет у него. Кого будет теперь донимать своими упреками Хэсси и кто будет забавлять Молли всякими историями и приносить ей чернослив в сахаре? Мы никогда не ценим в должной мере того, что имеем, пока его не утратим. Из Ирландии я намереваюсь послать Хэсси печатное письмо, поскольку она умеет разбирать только почерк мистера Партингтона[1141]. Надеюсь, что у вас есть известия от полковника и что он уже полностью излечился от —, забыл от чего именно. Письмо, которое я отправил вам из Данстэбла, было адресовано мистеру Льюису, а письмо к Хэсси из Сент-Олбенса я передал с Барбером. Я уехал из Лондона, не попрощавшись с сэром Джоном.[1142] Боюсь, что такой светский человек, как он, никогда мне этого не простит. За все время моего путешествия у меня не было никаких приключений, кроме того только, что мою лошадь угораздило упасть подо мной, а посему я не поеду на ней в Холихэд[1143], на этот счет она может быть спокойна. В Данстэбле мне не удалось обнаружить никаких следов кофе, пролитого Хэсси у камина[1144], и у меня не оказалось под рукой бриллиантового кольца, чтобы написать на тамошних окнах имя кого-нибудь из вас. Однако я видел там надпись: *дражайшая леди Бетти Гамильтон*[1145] и рядышком — *Мидлтон Уокер*; не иначе как какой-нибудь ирландец-акушер, верный признак того, что она подыскала себе мужа. Говорят, будто вместе с архиепископом Дублинским в Англию приехал также этот смазливый попик Мур[1146]. Разве он не женился на некоей миссис Девениш? Лорд Лейнсборо[1147], направляясь в

Ирландию, проезжал недавно через Честер, и покорил сердца всех здешних обитателей. Чуть не для каждого встреченного им на улице мальчугана у него нашлось ласковое словечко. Ничего не скажешь, учтивейший человек, а ведь ничто так не украшает знатных людей, как учтивость? Ну вот, теперь Молли смеется, потому что я говорю слишком мудрено, а Хэсси опять недовольна. Известно ли вам, что лет двадцать тому назад здесь обреталась моя красавица кузина[1148]. Нынче вечером мне довелось увидеться с ней и, по совести говоря, она нисколько не красива. Уж не знаю, как это могло произойти; но зато, смею вас уверить, она чрезвычайно добронравна, а добронравие, как вам известно, Молли, лучше красоты. Я желал бы, чтобы вы уведомили меня, каких ' кавалеров удалось залучить теперь Хэсси, дабы они навещали ее во время утреннего туалета. Когда вы собираетесь снова проковылять в Челси, если только вы мне не соврали о своей прогулке, у меня на сей счет немалые подозрения. С головой у меня стало несколько лучше, хотя не в такой мере, как я ожидал от своего путешествия. Полагаю, что для бедного усталого путника я наговорил уже предостаточно, а посему без дальнейших церемоний закончу и отправлюсь на боковую. Если вы не в силах угадать, кто автор сего письма, то спросите у своей подушки, и первый любезный джентльмен, который вам приснится, и будет он самый, а засим adieu.

Мисс Эстер Ваномри — Свифту

Лондон, 23 июня 1713

Прошло уже долгих три недели с тех пор, как вы написали мне. О! Сколь счастлив Дублин[1149], которому дано занимать все ваши мысли, и сколь счастлива миссис Эмерсон[1150], которой дано было получить известия о вас лишь только вы сошли на берег. Если бы не она, мне пришлось бы тревожиться еще больше, нежели теперь. Видно и в самом деле прежде, чем вы покинете Ирландию, я дам вам немало поводов желать, чтобы вы совсем не получали от меня писем или даже чтобы я не умела писать; но пусть лучше это, нежели чтобы вы совсем забыли меня. Признайтесь, вспомнили ли вы обо мне хоть однажды с тех пор, как написали моей матушке из Честера? Не говоря уже о том, что письмо чрезвычайно меня обидело. Мы с матушкой посчитали, сколько раз вы упомянули в нем Молль и сколько раз Хэсси: число, правда, вышло одинаковое, но ведь обращаетесь вы в нем к Молль, а обо мне только замечаете, что «теперь, конечно, Хэсси ворчит». Как вы можете быть таким нехорошим, чтобы заставлять меня сердиться или ворчать, ведь вы так далеко отсюда, что мне все равно невозможно чего-нибудь добиться этим. К тому же ведь вы сами предложили адресовать письма мне; однако ни слова больше об этом, я постараюсь сдержать себя до нашей встречи. Прошу вас, ответьте хотя бы, получили ли вы письмо, которое я послала вам в Честер? Я слышала, что переезд морем занял у вас очень мало времени. Надеюсь, плавание было приятным и у вас нет причин жаловаться на здоровье. События последней недели наделали у нас немало шума. Как жаль, что вас не было здесь в прошлый четверг: я убеждена, что вам удалось бы предотвратить неудачу с биллями[1151].

Не удивило ли вас до чрезвычайности поведение сэра Томаса Ханмера и лорда Энглси? Боже мой! Сколь бесконечно мы отличаемся от древних, жертвовавших некогда всем ради общего блага! А ныне наши величайшие мужи в любую минуту предадут свою родину, если только задето их тщеславие, и притом из-за какой-нибудь безделицы. Невозможно описать ликование, охватившее вигов[1152], и, боюсь, что выборы еще более укрепят их[1153]. Лорд-казначей заслуживает крайнего порицания, ведь все друзья советовали ему добиться согласия отложить рассмотрение этих биллей до следующей сессии, однако он не прислушался к советам, понадеявшись

добиться все же успеха, как и с налогом на солод[1154]. Я знаю, вы скажете: «С какой стати дерзкая девчонка докучает мне всеми этими глупостями? Будь я в Лондоне, я охотно выслушал бы и это, и все прочее, что мне могли бы рассказать, но преследовать меня подобным вздором здесь непростительно. — Воля ваша, я не стану больше читать. — Уилл![1155] Сходи-ка на почту, узнай, нет ли там для меня еще каких-нибудь писем. Неужели этот пакет предназначен только для того, чтобы выводить меня из терпения?» Могу вас уведомить, что никаких писем от леди Оркни по почте вы не получите[1156], а только какими-нибудь другими путями. Я неукоснительно соблюдала ваши повеления касательно чтения и прогулок. Последнее может засвидетельствовать мистер Форд, так как несколько вечеров он ковылял вместе с нами. Я сумею немало порассказать вам о нем при встрече. Мистер Льюис дал мне «Les dialogues des mortes» [«Разговоры мертвых»[1157]*(франц.)*.], и я настолько ими очарована, что решила расстаться со своим бренным телом, и пусть будет, что будет, разве только вы пожелаете беседовать со мной, ведь разговор с кем бы то ни было на свете несравним с беседой с вами. Так что, стоит вам захотеть — и я останусь, только говорите со мной, — и я буду счастлива остаться в этом мире.

Мисс Эстер Ваномри — Свифту

Лондон, 27 (?) июня 1713

Не могу выразить, в какой тревоге я пребываю с тех пор, как услышала от мистера Льюиса, что вы страдаете приступами головокружения. Кто вас лечит? Бога ради, не соглашайтесь принимать всякую дрянь.

Сообщите мне хотя бы, какие лекарства вы принимали прежде и что принимаете сейчас? Как вы себя чувствовали во время переезда морем? Боюсь, что причиной всему именно морское путешествие; а вслед за тем, когда вы еще не успели как следует оправиться, на вас обрушилось сразу столько дел; это было уже свыше ваших сил. Умоляю вас, постарайтесь как можно быстрее уехать в деревню, по моему глубокому убеждению хороший воздух и покой принесут вам больше пользы, нежели что бы то ни было другое. Если даже мои слова покажутся вам чересчур дерзкими, я знаю, у вас все же достанет доброты простить меня; только представьте себе, какое огромное облегчение испытываю я, задавая вам эти вопросы, хотя прекрасно знаю, что пройдет немало времени, прежде чем я смогу получить на них ответ. Я уверена, что вы воспримете их именно так. О! Чего бы я только ни дала, чтобы узнать, как вы себя чувствуете в эту самую минуту. Моя участь слишком горька; одного вашего отсутствия было достаточно, так вот еще новое испытание. Не иначе, как высшие силы завидуют мощи вашего разума и потому пытаются время от времени помешать вам. Однако я лучше воздержусь от дальнейших размышлений или по крайней мере перестану высказывать их вам, а не то вы рассердитесь на меня, и мне будет еще хуже. Боясь нарушить данное вам обещание[1158], я изо всех сил старалась взять себя в руки и не писать вам, пока не узнаю, что вам стало лучше, но все было тщетно, и если бы я даже поклялась вовсе не прикасаться к перу, чернилам и бумаге, то, без сомнения, изобрела бы какой-нибудь иной способ. Умоляю вас, — не браните меня, ведь это не в моей власти. И прошу вас, велите Парвисолу написать мне хотя бы словечко о том, что я так жажду знать, ведь я ни за что на свете не осмелилась бы утруждать вас теперь чем бы то ни было. Я сгораю от нетерпения услышать, как вы себя чувствуете. Надеюсь скоро вновь увидеть вас здесь.

Мисс Эстер Ваномри — Свифту

Лондон, 30 (?) июня 1713

Мистер Льюис уверяет меня, что вы уже чувствуете себя хорошо, только не хочет сказать, откуда ему это известно. Надеюсь, что полученные им сведения достоверны, хотя не в моих привычках, когда я испытываю сомнение в чем-то чрезвычайно для меня важном, надеяться на исход, который более всего для меня желателен. Но я уже так измучилась от сознания, что вы больны, и опасений, что вам может стать хуже, что попытаюсь, если достанет сил, изменить своим привычкам и дать себе хотя бы небольшую передышку, и более того — не стану писать вам раздраженного письма. Но почему вы не поручили Парвисолу написать мне хотя бы словечко о том, как вы себя чувствуете, ведь я так вас об этом просила? А если вы были в состоянии это сделать сами, то как вы могли быть столь жестоки и медлить с сообщением о том, что я более всего хотела знать? Если я, по вашему мнению, пишу слишком часто, то единственный для вас выход — сказать об этом прямо или же, по крайней мере, снова написать мне, я буду тогда знать, что не совсем вами забыта; ведь у меня есть все основания опасаться, что я теперь нисколько не занимаю ваших мыслей, кроме тех минут, когда вы читаете мои письма; это и побуждает меня одолевать вас ими. Мистер Льюис тоже на вас жалуется. Если вы очень счастливы — то сколь жестокосердно с вашей стороны не сказать мне об этом, разве что ваше счастье несовместимо с моим. И почему вы не обращаетесь в письмах ко мне, хотя прекрасно знаете, насколько мне это будет приятно? Помните, вы не раз говорили, что готовы сносить небольшие неудобства, если только это может доставить другому огромное удовольствие. Умоляю вас, не забывайте этого правила, потому что оно имеет прямое отношение ко мне. Я пишу вам уже четвертое письмо, и ни одно из них не могло затеряться, ведь мистер Льюис отправлял их в одном пакете со своими, и по той же самой причине вы не могли оставить их нераспечатанными. Как вы распорядились двумя своими приходами?[1159] Отказались от них или нет? Вы знаете, тяжбы — моя страсть, так вот после вашего отъезда я обратилась к стряпчим[1160], но ответа от них пока еще не получила, а посему не буду докучать вам рассказами о моих делах до тех пор, пока не смогу сообщить вам результаты. Сообщите мне, пожалуйста, когда вы намереваетесь сюда приехать, потому что я вынуждена буду просить вас

переговорить с мистером П[артингтоном] и уладить некоторые мои дела. Умоляю вас; напишите мне как можно скорее; это будет невыразимой радостью для той, которая всегда —

Свифт — мисс Эстер Ваномри

Ларакор, 8 июля 1713

Я пробыл в Дублине всего только две недели, был очень болен и не отдал ни единого визита в ответ на сотню, сделанных мне: правда, все они предназначены были декану и ни один — доктору Свифту. Я езжу верхом здоровья ради и, мне кажется, чувствую себя несколько лучше. Мне ненавистна даже самая мысль о Дублине[1161], и я предпочитаю хижину с земляным полом огромному тамошнему дому, который, как меня уверяют, принадлежит мне[1162]. Ваше последнее раздраженное письмо я получил. Однако, покидая Англию, я ведь сказал вам, что постараюсь забыть все, с ней связанное, и буду писать как можно реже. У меня и в самом деле было намерение написать всем моим друзьям, но по нездоровью я не смог его пока выполнить. Большую часть времени, которое я пробуду в Ирландии, я собираюсь провести здесь, в хижине, в которой пишу вам сейчас, и не покину пределов этого королевства пока меня не позовут; если же в дальнейших моих услугах не нуждаются, то я никогда больше не увижу Англию. В первые дни по приезде сюда я думал, что умру от досады, и, когда меня рукополагали в деканы, испытывал ужасную тоску, но теперь это чувство начинает притупляться и сменяется безразличием. Моя тропинка у реки необычайно живописна, а канал сейчас во всей своей красе, я вижу, как в нем играет форель. Что происходит в Дублине, я не имею ни малейшего представления, что же касается Лондона, то мистер Форд очень любезен и постоянно сообщает мне все тамошние новости. Как вижу, вы ко всему еще и хороший политик, а посему я позволю себе высказать вам свое глубокое убеждение, что если бы известная вам вещь[1163] была напечатана сразу же после заключения мира, министры несомненно могли бы избежать того, что потом воспоследовало. Однако теперь мне более пристало ухаживать за ивами и подрезать изгороди, нежели совать свой нос в государственные дела. Мне надобно приказать одному из моих работников отогнать вторгшихся на мой остров коров и закончить рытье защищающей его канавы, а это, согласитесь, для деревенского викария более подобающее занятие, нежели отбивать нападки враждебной партии и защищаться от ее интриг. И, кроме того, мне надобно сейчас принять горькое лекарство, дабы излечить голову, пострадавшую от горького лекарства, коим меня попотчевали в Лондоне. Как подвигается чтение Давилы? Известно ли вам, что Джонни Кларк[1164]

избран помощником мэра нашего города Трима и что на следующей неделе у нас состоится очередная выездная сессия суда, которая будет отмечена достославными свершениями; и что мне придется по сему случаю одолжить лошадь, дабы встретить судей; и что Джо Бомонт и все прочие молодцы, которые смогут достать лошадей, тоже поедут? В школе мистера Уорбертона что-то маловато стало учеников. Мистер Персивал[1165] достроил вторую половину дома, но, по мнению соседей, она никуда не годится. Мистер Стирс собирается поселиться в доме мистера Мелтропа, а вдова Мелтропа, видимо, переедет в Дублин[1166]. Может эти новости вам и не по вкусу, но ничего лучшего у меня нет, так что отправляйтесь к своим герцогам и герцогиням и оставьте меня в обществе славных ребят Бамфорда и Патрика Доллана из Глэндуггана. — Adieu.

Свифт — мисс Эстер Ваномри

Верхний Леткомб близ Уонтейджа в Беркшире[1167],

8 июня 1714

Как видите, я лучше своих обещаний и пишу вам, хотя не прошло еще и недели с тех пор, как я поселился в доме, где сейчас нахожусь. Мне почти нечего рассказать вам о здешнем моем житье, и с тех пор, как я уехал из Лондона, я ни от кого не получил ни строчки, чему, признаться, весьма рад. Но сказать вам по правде, я едва ли пробуду здесь столько, сколько первоначально предполагал. Живу я в доме пастора, которого очень люблю, но он такой сумрачный и задумчивый человек, отчасти по своей натуре, а отчасти от уединенной жизни, что я, пожалуй, скоро и сам заражусь от него сплином. Не желая его стеснять и из расположения к нему, я не хочу, чтобы ради меня он отказывался от своих привычек, а посему мы неизменно обедаем с ним между двенадцатью и часом. В восемь мы едим немного хлеба с маслом и выпиваем по стакану эля, а в десять он укладывается спать. Вино в его доме не водится, кроме той малости, что я ему прислал, им-то мы и угощаемся с ним по пинте на двоих, да и то через вечер. Жена его вот уже месяц как гостит у своего отца в двадцати милях отсюда и в ближайшие десять дней не вернется. Я никогда ее не видел, и, возможно, что с ее приездом буду чувствовать себя здесь более стесненно. Целый день я читаю или гуляю и, пожалуй, за три дня не произношу столько слов, сколько написал вам сейчас, так что, коротко говоря, у меня есть умысел улизнуть в Ирландию, если только я не возымею большую склонность к такому образу жизни, столь во всем отличному от того, который я вел до сих пор. С того дня, как мы с вами виделись, я не написал никому ни единого слова. Буду весьма рад получить от вас весточку, не потому, что вы в Лондоне, но как от друга, ибо за тамошние новости я не дам и трех пенсов и с тех пор, как я здесь нахожусь, ведать ни о чем не ведаю. Претендент или герцог Кэмбридж[1168] могут оба преспокойно высадиться в Англии, и я даже не узнаю об этом; будь мое обиталище в десять раз хуже, и тогда ничто не заставило бы меня возвратиться в Лондон, пока дела находятся в том состоянии, в каком я их оставил. Я плачу гинею в неделю за пансион и могу есть все, что мне угодно. Надеюсь, вы пребываете в добром здравии и настроении. Кланяйтесь от меня Молли. Простуда у меня совсем прошла.

A vous, *etc*.

Я посылаю сейчас слугу с этим письмом на почту, что в соседнем городке в двух милях отсюда, так что если там случайно окажется письмо от вас, я уже не смогу известить вас об этом. Надеюсь, служанка принесла вашу картонку с бумагами и документами.

Свифт — мисс Эстер Ваномри

8 июля 1714

Вы, как я вижу, очень уж болезненно восприняли прикосновение к вашему плечу[1169]. Я не стал бы писать вам так скоро, если бы не имел в виду сообщить вам, что, если вы хотите одолжить денег, то я посоветовал бы вам обратиться либо к мистеру Барберу, либо к Бену Туку, по вашему усмотрению, а я извещу их об этом, а также о необходимой вам сумме, и о том, что я поручусь за нее и пошлю им долговое обязательство. Если бы я знал, что наша почта уйдет во вторник, то написал бы еще двумя днями раньше. Я не вижу особых причин для беспокойства по случаю истечения годового срока: ведь вы в состоянии платить лишь столько, сколько получаете, а за остальное не можете нести ответственность; что же касается долгов вашей матушки, то вы, я надеюсь, не давали обязательства их уплатить. И, наконец, относительно 2-х фунтов и 5-ти шиллингов, за которые вы дали расписку; если дело идет лишь о них, то, право же, это такой пустяк, что ваше признание в том, сопровождаемое столь многими оправданиями, выглядит жеманством. Если других, тайных долгов, у вас нет, я буду весьма рад. И все же я никак не возьму в толк, каким образом кредиторы вашей матушки могут причинять вам какое бы то ни было беспокойство, разве только что существуют какие-нибудь другие неизвестные мне обстоятельства. Я едва ли задержусь здесь надолго, а посему, если вы хотите одолжить денег, то советую вам сделать это как можно быстрее; я предпочел бы, чтобы вы обратились к Бену Туку, потому что Барберу я сам только что дал расписку на тридцать гиней, понадобившихся мне на мои собственные расходы. Думаю, лучше всего было бы переслать долговое обязательство сюда мне, с тем чтобы я подписал его и отправил вам обратно, а уж вы вручите его Бену. Вы можете говорить с Беном о своем деле вполне откровенно, но, если у него не окажется в наличии свободных денег, нам придется обратиться к Барберу. Спешу закончить письмо, потому что почта в двух милях отсюда и, если я еще хоть немного задержусь, то не успею его отправить. Adieu. Поклон от меня Молькин.

Свифт — мисс Эстер Ваномри

1 августа 1714

Отвечаю на два ваших письма[1170]. Мне доставило удовольствие, что вы разобиделись, прочитав слово «дорогой» в моем обращении к Бену и Джону. Что ж, они — люди весьма достойные, и, кроме того, есть слова, коих я никогда не употребляю в отношении некоторых людей; придется вам с этим примириться, хотя вы и говорите, что немало джентльменов и притом вполне достойных молодых джентльменов гордились бы, если бы вы пожелали услышать это слово от них. Кто вам сказал, будто я собираюсь в Бат? Ничего подобного. Я уже было назначил на завтра свой отъезд в Ирландию, но бедный лорд Оксфорд хочет, чтобы я поехал с ним в Херефордшир[1171], и я только ожидаю от него ответа, отправиться ли мне туда раньше него, или же встретиться с ним где-нибудь по дороге, или же заехать за ним в Уимблдон, где расположено имение его сына, а уж оттуда вместе поехать в Херефордшир. Так или иначе, но я предполагаю выехать дня через два-три. Не исключено, что я пробуду у него до следующей сессии парламента, если он того пожелает. Я не разделяю вашего мнения о лорде Болинброке; возможно, он и получит жезл[1172], однако я не могу полагаться на его любовь ко мне: он прекрасно знал, что у меня была мысль стать придворным историографом[1173], и единственно ради возможности принесть пользу обществу, тем не менее, эта должность досталась ничтожному проходимцу, о котором никто никогда и не слыхал. В письме ко мне некая особа[1174] горячо настаивает на том, чтобы я приехал в Лондон и примкнул к людям, находящимся теперь у власти, однако я этого не сделаю. Не пишите об этом, но попытайтесь догадаться, о ком я веду речь. Я сказал как-то лорду Оксфорду, что охотно поеду вместе с ним, если он будет смещен, теперь он просит меня об этом, и я не могу ему отказать. Не буду касаться его недостатков в роли главы кабинета, но его доброта ко мне была, как вы знаете, безмерна: в дни своего возвышения он отличал меня и отдавал мне предпочтение перед всеми прочими людьми, а письмо, полученное мною от него на днях, в высшей степени трогательно. Ручки ножей[1175] будут, разумеется, отделаны серебром и притом богато. Надеюсь, что Брэндрит, торговец игрушками с Иксчейндж Элли, обойдется со мной по-честному. Барбер его знает. Да, кстати, где ваше благоразумие, если вы вознамерились

отправиться в путешествие с человеком, который, я уверен, никуда не поедет и за тысячу фунтов, разве только что в Италию[1176]. Молю бога, чтобы он ниспослал вам благополучное избавление от всех ваших долгов. То, что вы такой законник, теперь как нельзя более кстати. Это письмо написано так неразборчиво, что вы, пожалуй, будете его читать часа два. Когда я где-нибудь обоснуюсь, то, возможно, буду столь милостив, что дам вам знать об этом, однако обещаний давать не хочу. Поклон от меня Молли. Adieu.

Свифт — мисс Эстер Ваномри

12 августа 1714

С последней почтой я получил ваше письмо и прежде, чем вы сумеете послать мне еще одно, выеду в Ирландию. Мне надобно принять присягу, и чем раньше я это сделаю, тем лучше. Похоже, что, познакомившись с вами, я навлек несчастье на свою голову. И за тысячу фунтов вам не следовало приезжать в Уонтейдж. Вы всегда хвастались своим благоразумием; куда же оно теперь подевалось? Весьма возможно, что я не пробуду в Ирландии долго и к началу зимы возвращусь сюда. Я буду писать вам оттуда при каждом удобном случае, но всякий раз под каким-нибудь вымышленным именем, и, если вы будете писать мне, то пусть ваши письма отправляет кто-нибудь другой; кроме того, прошу вас не писать ничего личного, а лишь такое, что может быть увидено кем угодно, поскольку я опасаюсь, что письма могут вскрывать, а это причинит нам с вами всяческие неудобства. Если даже, вы окажетесь в Ирландии тогда же, когда и я, то мы будем видеться с вами крайне редко. Это не такая страна, где можно позволить себе какую-нибудь вольность: там через неделю все становится известно и преувеличивается во сто крат. Таковы строгие правила, коим следует подчиниться неукоснительно. Возможно, однако, что нам удастся встретиться зимой в Аондоне, а уж если нет, то предоставьте все судьбе, которая редко бывает склонна потворствовать нашим желаниям. Я говорю все это из совершенного уважения и дружеских чувств, которые питаю к вам. Общественные бедствия изменили все мои взгляды и сломили мой дух. Да благословит вас всевышний. Надеюсь, что через день после того, как это письмо будет получено вами, я уже буду находиться в пути. На ваши вопросы я не стану отвечать и за миллион[1177], и самая мысль о них лишает меня душевного спокойствия.

Свифт — мисс Эстер Ваномри

Филипстаун[1178], 5 ноября 1714

Я встретил вашего слугу, когда находился уже на расстоянии мили от Трима и никакого другого ответа отправить с ним не мог, поскольку условился об этой поездке заранее; что же до приезда в Килдрут, чтобы увидеться с вами, то я не стал бы этого делать ни за какие блага на свете. Вам недостает благоразумия; я всегда это говорил. Сейчас я еду к другу[1179], которого обещал навестить, и пробуду у него около двух недель, после чего приеду в Дублин и при первой же возможности навещу вас, но только если вы действительно, как сказал мне ваш слуга, остановились на Тернстайл-элли и если ваши соседи смогут показать, как вас найти. Ваш слуга сказал также, что в понедельник вы возвратитесь в Дублин, так что это письмо, я полагаю, уже застанет вас там. Боюсь, путешествие было для вас чересчур утомительным. Прошу вас, берегите свое здоровье, ведь вы непривычны к ирландскому климату. Не показался ли вам Дублин до крайности грязным, а страна до крайности нищей? Так же ли красив Килдрут[1180], как Виндзор, и так же ли он приятен вам, как было приятно жилище пребендария в Виндзоре? Есть ли поблизости от вас какая-нибудь аллея, столь же прелестная, как дорога в Мальборо-Лодж[1181]? Я проделал нынче томительнейшее путешествие и не в силах больше ничего сказать. Вы даже не будете знать моего местонахождения до тех пор, пока я не приеду в Дублин, а тогда я увижусь с вами. Так что кукиш с маслом вашим письмам и посланиям. Adieu.

Свифт — мисс Эстер Ваномри

[*? ноября 1714*]

Завтра мы с вами увидимся, если представится возможность. Прошло ведь не более пяти дней с тех пор, как мы с вами виделись, и я делал бы это вдесятеро чаще, будь это хоть сколько-нибудь удобно, независимо от того, приходит ли ваш Старый Дракон[1182] или нет; мои люди, я полагаю, не знают, как себя с ним вести, и принимают его не иначе, как за какогото колдуна. Adieu.

Вторник, 10 утра.

Свифт — мисс Эстер Ваномри

[*? конец 1714*]

Я навещу вас дня через два-три. Поверьте, невозможность видеться с вами чаще до глубины души меня огорчает. Если вы нуждаетесь в совете, поддержке или помощи, я сделаю все, что в моих силах. Охотно встретился бы с вами раньше, когда бы не тысяча разных помех. Я просто не предполагал, что вы испытываете затруднения. Но в таком случае все мое достояние несомненно должно быть истрачено на то, чтобы избавить вас от них. Боюсь, однако, что сегодня я все же не смогу вас повидать, причиной тому дела, связанные с моей должностью. Но прошу вас, не относите это за счет отсутствия приязни или участия, которые я всегда в величайшей степени буду питать к вам.

Мисс Эстер Ваномри — Свифту

Дублин, [*? декабря*] *1714*

Вы не можете (хотя бы отчасти) не сознавать сколь много горестей меня преследует: беспутный брат[1183], вероломные душеприказчики и назойливые кредиторы моей матери — всего этого у меня нет возможности избежать, и я очень подавлена этим бременем, достаточно тяжким, чтобы сломить дух и более сильный, нежели мой, притом лишенный поддержки. Некогда у меня был друг, который время от времени навещал меня и либо одобрял мои действия, либо советовал как мне поступить, и все мои тревоги тотчас рассеивались. И вот теперь, когда мои беды усугубляются тем, что я живу в неприятном месте, среди чуждых мне и непомерно любопытных и лживых людей, чье общество не только не способно развлечь, но напротив служит ужасным наказанием, вы бежите меня и не приводите никаких иных объяснений, кроме того, что нас окружают глупцы и мы должны покоряться обстоятельствам. Я вполне согласна с тем, что мы живем среди таковых, однако не вижу причины жертвовать своим счастьем в угоду их прихотям. Некогда вы почитали за правило поступать так, как находишь справедливым, и не обращать внимания на то, что скажет свет. Почему бы вам не придерживаться этого правила и сейчас? Помилуйте, навещать несчастную молодую женщину и помогать ей советами, что же предосудительного? Ума не приложу. Вы же знаете, стоит вам нахмуриться, и моя жизнь уже невыносима для меня. Сначала вы научили меня чувству собственного достоинства, а теперь бросаете на произвол судьбы. Единственное, о чем я теперь вас прошу — хотя бы притвориться (коль скоро иное для вас невозможно) тем снисходительным другом, каким вы некогда были, пока я не выберусь из моих затруднений, ради моей сестры. Потому что, не будь вовлечена в эти беды Молль, а она, я знаю, еще меньше способна справиться с ними, я бы не унизилась до борьбы с превратностями судьбы, коль скоро не вижу впереди никакого подлинного счастья. Простите меня! Умоляю вас, поверьте, не в моей власти удержаться от жалоб.

Свифт — мисс Эстер Ваномри

[*? 27 декабря 1714*]

Я получил ваше письмо в субботу вечером, когда у меня были гости, и оно повергло меня в такое замешательство, что я не знал, как и быть. Посылаю вам бумагу, которую вы мне оставили. Нынче утром моя домоправительница сказала мне, что до нее дошли слухи, будто я — в некую особу, и назвала при этом вас, присовокупив еще двадцать подробностей, и в их числе, что молодой мастер[1184] — и я навещали вас, и АЕ[1185] — тоже; и что вы особа необычайно острого ума и прочее. Я всегда страшился сплетен этого гнусного города, о чем не раз говорил вам, и именно по этой самой причине еще задолго до всего предупредил, что во время вашего пребывания в Ирландии буду редко с вами видеться. Прошу вас не тревожиться, если какое-то время я буду посещать вас реже и не буду оставаться с вами наедине. Если представится возможность, я повидаю вас в самом конце недели. Все это житейские условности, которые неизбежны и которым должно подчиняться, и тогда при благоразумном поведении всякие кривотолки постепенно утихнут.

Понедельник, 10 часов утра.

Мисс Эстер Ваномри — Свифту

Дублин, 1714

Что ж, теперь я ясно вижу, сколь большое уважение вы ко мне питаете. Вы просите меня не тревожиться и обещаете видеться со мной настолько часто, насколько это будет для вас возможно. Вам следовало бы лучше сказать — настолько часто, насколько вы сумеете побороть свое нерасположение; или настолько часто, насколько вы будете вспоминать, что я вообще существую на этом свете. Если вы и дальше будете обращаться со мной подобным же образом, то, право, я недолго еще буду доставлять вам беспокойство. Невозможно описать, что я пережила с тех пор, как виделась с вами в последний раз. Пытка была бы для меня намного легче этих ваших убийственных, убийственных слов. По временам меня охватывала решимость умереть, не повидав вас, но, к несчастью для вас, эта решимость быстро меня покидала. Так уж, видно, создан человек: нечто в его природе побуждает нас приискивать себе утешение в сем мире, и я уступаю этому побуждению и потому умоляю вас, приходите ко мне и говорите со мной ласково. Ведь я уверена, что вы никого не обрекли бы на такие страдания, если бы только знали о них. Я пишу вам потому, что не смогу все это высказать при встрече с вами. Ведь стоит мне начать жаловаться, вы впадаете в ярость, и это так ужасно, что я лишаюсь дара речи. О! Если бы у вас сохранилось ко мне хотя бы настолько сочувствия, чтобы эта жалоба могла смягчить вашу душу. Я старалась не сказать вам ничего лишнего, но если бы вы только могли проникнуть в мои мысли, я уверена, они растрогали бы вас. Простите меня и поверьте, у меня нет сил молчать.

Свифт — мисс Эстер Ваномри

[*? декабря 1716*]

Я обедал с ректором[1186] и объяснил ему, что приехал сюда, так как в шесть часов вечера должен присутствовать при богослужении. Он сказал, что вы у него были и что вас нынче не будет дома и что завтра вы уезжаете в Селлбридж. Я ответил, что, пожалуй, все же попытаюсь зайти к вам. Вы, я полагаю, сказали ему так, чтобы он не вздумал явиться к вам сегодня вечером; если он все-таки явится, вам придется самой выпутываться из этого положения, как уж сумеете, в противном случае он решит, что все это было придумано вами нарочно, чтобы встретиться со мной, а я терпеть не могу подобных хитростей.

После богослужения я вряд ли смогу зайти к вам; я потому и приехал сюда во время обедни, когда все в церкви, будучи уверен, что застану вас дома. Состояние бедняжки Молли глубоко меня огорчает; она в высшей степени достойная девушка, не сомневаюсь, что вы, насколько это возможно, позаботитесь о ней, и надеюсь еще долгие годы быть свидетелем самой искренней дружбы между вами. Я молю всевышнего, чтобы он защитил вас обеих и остаюсь, entierement [весь *(франц.)*.]. — Четыре часа.

Свифт — мисс Эстер Ваномри

12 мая 1719

On vous a trompé en vous disant que je suis party pour trois mois: des affaires assez impertinentes m'ont tiré si tost, et je viens de quitter cette place pour aller voir quelques amis plus loin, purement pour le rétablissement be ma sauté. Croyez-moy s'il y a chose croyable au monde que je pense tout se que pouvez souhaiter de moy, et que tous vos désires seront toujours obéi, comme de commandemens qu'il sera impossible de violer. Je prétends de mettre cette lettre dans une ville de Poste où je passeray. J'iray en peu de tems visiter un Seigneur, mais je ne scay encore le nom de sa Maison ni du pais où il demeure. Je vous comjure de prendre guarde de votre santé. J'espère que vous passerez quelque part de cet été dans votre maison de campagne, et que vous vous promeneray à cheval autant que vous pouvez. Vous aurez vos vers à revoir, quand j'auray mes pensées et mon terns libre, la Muse viendra, Faites mes complimens à la méchante votre compagnone, qui aime les sontes et le Latin. J'espère que vos affaires de chicane sont en un bon train. Je vous fais des complimens sur votre perfection dans la langue Françoise. Il faut vous connoître long temps pour connoître toutes vos perfections; toujours en vous voyant et entendant il en paroissent des nouvelles qui estoient auparavant cachées. II est honteux pour moy de ne savoir que le Gascon, et le patois au près de vous. II n'y a rien à redire dans I'orthographie, la propriété, I'élégance, la douceur et l'esprit, et que je suis sot moy, de vous répondre en même langage; vous qui estes incapable d'aucune sottise si ce n'est l'estime qu'il vous plaist d'avoir pour moy, car il n'y a point de mérite, ni aucune preuve de mon bon goût de trouver en vous tout ce que la Nature a donné à un mortel, je veux dire l'honneur, la vertue, le bon sens, l'esprit, la douceur, l'agrément, et la firmité d'âme, mais en vous cachant commes vous faites, le monde ne vous connoît pas, et vous perdez l'éloge des millions de gens. Depuis que j'avois l'honneur de vous connoître j'ay toujours remarqué que ni en conversation particulière, ni générale aucun mot a échappè de votre bouche, qui pouvoit être mieux exprimé; et je vous jure qu'en faisant souvent la plus sévère Critique, je ne pouvois jamais trouver aucun défaut ni en vos Actions ni en vos parolles. La Coquetrie, l'affectation, la pruderie, sont des imperfections que vous n'avais jamais connu. Et avec tout cela, croyez-vous qu'il est possible de ne vous estimer au-dessus du reste du genre humain. Quelles bestes en juppes sont les plus excellentes de celles que je vois semées dans le monde au près de vous; en les voyant, en les entendant je dis cent fois le jour — ne parle, ne regarde, ne

pense, ne fais rien comme ces misérables. Sont-ce du même Sexe — du même espèce de Créatures? Quelle cruauté de faire mépriser autant de gens qui sans songer de vous, seroient assès supportable. — Mais il est terns de vous délasser, et dire adieu avec touts le respecte, la sincérité et l'estime du monde, je suis et seray toujours —

[Вас ввели в заблуждение, сказав, будто бы я уехал на три месяца[1187]: докучные дела вынудили меня задержаться, и я только теперь смогу уехать, чтобы повидать кое-кого из моих друзей[1188], живущих далеко от этих мест, причем я это делаю исключительно для восстановления моего здоровья. Поверьте, если только на свете есть что-либо, чему можно верить, мои мысли во всем соответствуют тому, чего вы могли бы желать от меня, и я готов повиноваться любым вашим прихотям, как повелениям, коих невозможно ослушаться. Это письмо я намерен сдать в почтовую контору городка, через который буду проезжать. В ближайшее время я намерен посетить одного помещика, однако я не знаю еще ни как называется его усадьба, ни точного ее местоположения. Заклинаю вас, берегите свое здоровье. Надеюсь, что часть нынешнего лета вы проведете в своем домике в деревне[1189] и по мере возможности будете ездить верхом. Я возвращу вам ваши стихи[1190] лишь после того, как на досуге смогу над ними поразмыслить и меня посетит муза. Поклон от меня вашей злюке-подружке[1191], любящей сказки и латынь. Надеюсь, ваша тяжба все же движется к благополучному завершению. Я восхищен вашими познаниями во французском языке. Вас надобно долго знать чтобы вполне оценить все ваши совершенства; постоянно вас видя и слушая, тем не менее обнаруживаешь всякий раз какие-то новые, дотоле скрытые. Как после этого мне не стыдиться, когда в сравнении с вами я владею лишь просторечным, да еще разве что гасконским. Орфография, слог, изящество, нежность и остроумие — решительно все безупречно. И каким же я должен быть глупцом, берясь отвечать вам на том же языке, вам, неспособной ни на какую глупость, если не считать почтения, которое вам угодно питать ко мне; ведь с моей стороны нет решительно никакой заслуги, ни даже просто свидетельства хорошего вкуса, что я обнаруживаю в вас все, чем природа способна наделить смертного: я имею в виду честь, добродетель, здравый смысл, ум, нежность, привлекательность и душевную стойкость. Но поскольку вы; имеете обыкновение таиться от всех, свет не ведает о вашем существовании, и вы упускаете поэтому возможность снискать похвалу миллионов людей. С тех пор, как я имею честь быть с вами знакомым, я ни

разу не заметил, чтобы во время разговора, будь то наедине или в обществе, с ваших уст слетело хотя единое слово, которое было бы возможно заменить более удачным. Клянусь вам, что при самом придирчивом моем отношении, я ни разу не мог обнаружить ни единого промаха ни в ваших поступках, ни в ваших словах. Кокетство, жеманство, преувеличенная стыдливость — суть недостатки, которые никогда не были вам свойственны. Верите ли вы, чтобы возможно было при всем этом не ставить вас выше всего остального рода человеческого? Какими дурами в юбках кажутся в сравнении с вами даже самые лучшие из тех, коих я зрю рассеянными по всему свету, наблюдая и слушая которых я сто раз на дню твержу себе: ни в речах, ни во взорах, ни в мыслях — ни в чем не уподобляться сим несчастным. Неужели это существа того же пола, что и вы, создания того же вида? Но не жестоко ли презирать такое множество людей, которые казались бы вполне сносны, если не иметь при этом в помышлении вас. Однако пора, наконец, дать вам отдых и попрощаться с вами. Остаюсь и всегда пребуду со всем возможным к вам уважением, искренностью и почтением…]

Мисс Эстер Ваномри — Свифту

[*? 1719—1720*]

Возможно ли, чтобы вы опять позволили себе то, против чего я вас так недавно предостерегала? Вы, как видно, решили, что я шучу, когда как-то вечером сказала вам, что стану изводить вас письмами. Если бы я не знала вас так хорошо, то, верно, подумала бы, что вы настолько плохо разбираетесь в людях, что воображаете, будто женщина не сдержит слова, когда она грозилась совершить какой-нибудь злокозненный поступок. Разве не было бы для вас в тысячу раз лучше тратить время от времени какой-нибудь час, нежели быть всякий раз отрываему от дел подобным способом? Ведь я знаю, для вас невозможно сжигать мои письма, не прочитав их, точно так же, как для меня — не корить вас, когда вы так оскорбительно себя ведете. Еще раз советую вам, если вы хоть сколько-нибудь дорожите своим покоем, как можно скорее изменить свое поведение, потому что еще раз уверяю вас, у меня слишком пылкий нрав, чтобы смиренно сносить подобное со мной обхождение. И поскольку я чрезвычайно люблю откровенность, то объявляю вам теперь, что решила прибегнуть ко всевозможным ухищрениям, дабы исправить вас, и если и это окажется тщетным, то я намерена испробовать черную магию, которая, как говорят, действует наверняка. А теперь полюбуйтесь сами, в какое неудобное положение вы поставите и себя и меня. Прошу вас поразмыслить над этим спокойно! И разве не лучше прийти самому, нежели быть приведенным силой, и притом, возможно, в то самое время, когда у вас будет назначено самое приятное в мире свидание. Ведь если уж я что-нибудь затеяла, то не люблю останавливаться на полпути. Но в одном вам все же посчастливилось, потому что из всех чувств я менее всего руководствуюсь местью, так что пока еще в вашей власти превратить всю мою ярость в хорошее расположение духа; можете вполне на это рассчитывать и даже на большее, уверяю вас. Приходите, когда вам угодно, и не сомневайтесь, что вы всегда будете желанным гостем.

Свифт — мисс Эстер Ваномри

[*1720?*]

Если вы будете и дальше писать мне в том же духе, то я нарочно буду приходить к вам реже, дабы получать удовольствие от ваших писем, при чтении которых я всегда испытываю удивление — как эта девчонка, и читать-то толком не умеющая, наловчилась так отменно писать. Вы заблуждаетесь: попробуйте послать мне письмо, надписанное не вашим почерком, и я готов поспорить на крону, что не стану его читать. Однако шутки в сторону, существует сотня причин, в силу которых я считаю для себя неудобным превращать ваш дом в нечто вроде моего постоянного местопребывания. Я непременно буду навещать вас насколько это возможно, сообразуясь с приличиями, однако нездоровье и скверная погода, которой не видно конца, не позволяют мне выходить по утрам, а послеобеденное время уходит бог весть на что; ведь кроме вас еще добрая дюжина моих знакомых возмущается тем, что я не бываю у них. Что же до остального, то вам нет надобности прибегать к какой-либо иной черной магии, кроме ваших чернил. Жаль, что у вас не черные глаза, не то я сказал бы то же самое о них, но ваша магия — белая магия и не причиняет зла. И как бы вы ни колдовали с черным шарфом, мне хоть бы что. Тому есть одна причина, а какая — догадайтесь. Adieu, потому что ко мне пришел доктор П.

Свифт — мисс Эстер Ваномри

[*? 13 или 20 июля 1720*]

Пишу вам в среду вечером. Вы едва ли еще успели добраться домой[1192], и это первый досужий час, который мне удалось улучить, а получите вы мое письмо, наверно, не раньше субботы, и значит к тому времени уже вспыхнет губернаторский гнев[1193]. А чтобы еще больше распалить вас, я присовокуплю письмо к бедной Молькин, которое велю ей не показывать вам, потому что письмо это — любовное. Я, правда, рассчитываю на то, что к этому времени рощицы, поля и бурлящие ручьи уже настроили Ванессу на романтический лад, если только бедняжка Молькин пребывает в добром здравии. Ваш друг[1194] прислал мне обещанные стихи, которые я и привожу здесь.

Предпочитай науке мнимой
Искусство быть всегда любимой;
Пребудешь ты всегда в чести,
Постигнув, как себя блюсти.
Хороший тон хорош весьма,
Но не для сердца и ума;
Лишь добродетель дорога,
Хоть, полновластная, строга.
Тебе измена не страшна,
Пока ни в чем ты не грешна;
И добродетельных влечет
Лишь добродетель в свой черед.
Измена там, где скрытый грех
Имеет в ком-нибудь успех,
И лучше на себя пенять,
Чтобы других не обвинять.
Ванесса, впрочем, всех умней.
Такое не случится с ней.
Ванессу кто бы бросить мог?
Распутник или дурачок?
Тому, кто думать не горазд,
Ванесса сердце не отдаст.[1195]

Эти строки, на мой взгляд, очень уж глубокомысленны и, следовательно, могут подойти к вашему настроению, потому что, боюсь, вы опять сейчас хандрите, хотя это не на пользу ни вам, ни той, за кем вы ухаживаете; вам надобно читать ей что-нибудь занимательное и забавное. Вот вам эпиграмма, которая однако же не имеет к вам никакого касательства:

Доринде дорог внешний лоск.
Других пристрастий нет,
Как будто зашнурован мозг
И на сердце корсет.

Если такие вещицы вам не по вкусу, что мне остается тогда сказать? Что сочинить что-нибудь получше в этом городе невозможно. Можете считать, что на все вопросы, которые вы имеете обыкновение задавать мне, вы уже получили ответы, как это обычно бывало после получаса пререканий. Entendez-vous cela? [Слышите? *(франц.)*.] У вас в округе должно быть немало священников, и, тем не менее, среди них нет ни одного, который бы вам нравился, а все потому, что вы еще не достигли того возраста, когда любят священников[1196]. Недостаточные размеры этого письма будут, я полагаю, возмещены неразборчивым почерком, поскольку вам, я уверен, едва ли удастся его прочесть. Молькин я напишу более разборчиво, ведь она мало привычна к моему почерку. Бьюсь об заклад, что смысл некоторых строк этого письма вы не поймете, хотя и сумеете их прочесть, а посему пейте свой кофей и помните, что вы отчаянная пустельга и что леди, называющая вас ублюдком, с готовностью ответит на все ваши вопросы.. Мне удалось закончить это письмо лишь в воскресенье вечером.

Мисс Эстер Ваномри — Свифту

Селлбридж, 1720 [*27 или 28 июля*]

Я ожидала получить от вас что-нибудь в течение недели, как вы мне обещали, однако эта неделя состояла из четырнадцати дней, которые по прошествии первых семи тянулись для меня невыносимо долго, долго. Признаюсь, были минуты, когда я уже не надеялась больше получить от вас письмо по двум причинам: во-первых, я решила, что вы уже совсем меня забыли, и еще потому, что была так больна, что уже не чаяла остаться в живых (хотя случись такое на самом деле, это принесло бы облегчение и вам и мне). Но с последней пятницы, когда я получила, наконец, ваше письмо, я чувствую себя довольно сносно… За две недели, прошедшие с тех пор, как я вас видела, я старалась, насколько это в моих силах, следовать вашему примеру, из боязни раздражить вас своей назойливостью, но вскоре убедилась, что не могу дольше противиться желанию написать вам. Когда я открыла ваше письмо, то решила сперва, что вы прислали мне сразу два, ведь вы как-то обмолвились, что такое весьма возможно, но вместо этого обнаружила, что второе письмо адресовано другой и притом любовное. Судите сами, могла ли я это снести? Верьте слову, когда я увижусь с вами, у меня будет очень много что сказать вам по поводу этого письма. Что же касается всех моих вопросов, которые я задавала вам уже тысячу раз, то я так и не нашла на них ответа, хоть сколько-нибудь для меня удовлетворительного.

Свифт — мисс Эстер Ваномри

[*4 августа 1720*]

Если бы вы знали, сколько мелких препятствий мешает мне послать вам очередное письмо, вы взяли бы обратно пять ваших упреков из шести. Но если вы так ловите меня на слове и не даете отсрочки хотя бы в один день, я отказываюсь впредь что-либо обещать вам, тогда, по крайней мере, я буду лучше, а не хуже своего слова. Я очень тревожился, что бедной Молькин стало хуже и решил не писать вам до тех пор, пока не услышу на сей счет чего-либо определенного, известия же о вашем собственном нездоровье явились для меня полной неожиданностью, тем более что люди, видевшие вас с тех пор, мне об этом не говорили. Я убежден, что вы появились на божий свет, бранясь, и не оставите этой привычки, доколе пребудете в нем. Хотел бы я знать, с какой стати Молькин показала вам мое письмо. Больше я не стану ей писать, раз она не умеет хранить тайны. Это было мое первое любовное письмо за последние двенадцать лет и поскольку меня постигла такая неудача, я больше не стану их писать. Никогда еще bell passion [нежное чувство *(франц.)*.] не было так безжалостно погублено. Но губернатор, говорят, ревнует, и, судя по вашим словам, у вас найдется немало что сказать мне по этому поводу. Так вот, смотрите-ка получше за больной, исполняйте свой долг и оставьте ваше раздражение. Можно подумать, что вы не иначе, как влюблены, потому что пометили свое письмо 29 августа, благодаря чему я получил его ровно за месяц до того, как оно было написано. Вы считаете, что я не даю удовлетворительного ответа на ваши вопросы; но докажите мне сначала, что вас вообще возможно было когда-нибудь настолько удовлетворить своим ответом, чтобы вы хотя бы полчаса не ворчали. Мне приятно, если мои писания озадачивают вас; ведь тогда ваше время будет занято отгадыванием; тем более, что мне приходится немало потрудиться, чтобы сделать письмо малопонятным. Глассхил[1197] действительно приехал и передал мне письмо от Дж[она] Б[арбера] касательно денег за бриллианты[1198], на которое я должен ответить. Молькин, наверно, будет очень рада увидеть Глассхила, а, Молькин? Вчера я обедал на расстоянии полпути от вас[1199] и возвратился довольно-таки усталым. Я спросил, куда ведет дорога налево, и мне назвали ваш городок. Было бы неплохо, если бы и ваши письма были такими же малопонятными, как мои, потому что, если бы их по небрежности потеряли посыльные, это не имело бы никаких

последствий. Вот такой, например, чертой — можно обозначить все, что может быть сказано Кэду — в начале или в конце письма. Это скорее мне пристало сердиться из-за того, что все, написанное Кэдом —, оказывается чересчур мудреным для Скинейдж[1200]. Однако я принужден сию же минуту закончить свое послание, поскольку намерен отправить его еще сегодня —

Мисс Эстер Ваномри — Свифту

Селлбридж, 1720

— Кэд, — Невозможно выразить, сколь вы добры, и я никогда больше не буду ссориться с вами, если только смогу удержаться, но, с вашего позволения, должна все же заметить, что это вам, а не мне, так трудно угодить, хоть вы и жалуетесь на меня. Мне казалось, что мое последнее письмо было достаточно неясным и сдержанным. Во всяком случае, я старалась написать его на манер ваших, хотя мне было бы гораздо легче написать по-другому. Я не настолько безрассудна, чтобы ожидать, что вы сдержите свое слово с точностью до одного дня, но шесть или семь дней — это уже немалая разница. Почему тревога о состоянии здоровья Молькин помешала вам написать мне? Напротив, тем скорее вам следовало написать, чтобы утешить меня. Теперь ей уже лучше, но она очень слаба. Хотя видевшие меня ничего не сказали вам о моей болезни, верьте слову, в течение двадцати четырех часов я была так плоха, как это только возможно, оставаясь притом в живых. Вы несправедливы ко мне, когда говорите, что я будто бы не считаю ваши ответы на мои вопросы удовлетворительными. Я сказала лишь, что задала эти вопросы, поскольку вы сами о том просили, однако это не такие ответы, какие могли бы удовлетворить меня. Да и можно ли получить на них ответ, притом заочно, коль скоро Сомнус[1201] мне не друг? У нас было ужасно много грома и молний; как вы думаете, где я хотела тогда находиться? И разве это единственный случай, когда я этого хотела, с тех пор, как вас узнала? Жаль, что моя ревность помехой тому, чтобы вы продолжали писать любовные письма; ведь мне необходимо иногда выказать гнев. Ах, если бы мой гнев помог мне сейчас, сию минуту добиться того, чего я хочу, как это бывало, и, надеюсь, еще будет. Разве неверная дата в письме — единственный признак того, что я влюблена? Умоляю вас, скажите мне, неужели у вас не было желания пойти туда, куда привела бы вас дорога, поворачивающая налево? Я чрезвычайно рада была услышать от вас, что вы рассердились: никогда прежде вы мне такого не говорили, и мне очень хотелось бы увидеть вас в таком состоянии. Я сейчас настолько счастлива, насколько могу быть, не видя — — — — Кэда. Прошу вас и впредь доставлять счастье вашей Скинейдж.

Свифт — мисс Эстер Ваномри

12 августа 1720

По возвращении привратника, с которым я отослал мое последнее письмо, я стал сомневаться, получите ли вы его, поскольку мошенник был пьян; однако ваш ответ рассеял мою тревогу. Мне, как я вижу, не следует писать Молькин и в то же время не следует не писать ей. Вы напоминаете мне этим лорда Пемброка, который, бывало, не уходил и не оставался. Глассхил говорит, что собирается навестить вас, когда поедет в свою усадьбу, и хочет взять меня с собой. Оказывается, у вас в последние два-три дня были гости; надеюсь, что хоть сколько-нибудь занимательные, по крайней мере для бедняжки Молькин. Отчего это письма Кэда кажутся вам такими уж мудреными? А вот о письмах — я бы этого не сказал, смею вас уверить.

Меня огорчает, что из-за скверной погоды вы не имеете никакого удовольствия от жизни в деревне, а ведь прогулки, я убежден, пошли бы очень на пользу и вам, и Молькин. Вы, я полагаю, вернетесь оттуда ужасно ученой, замечательной сиделкой, превосходной хозяйкой и завзятым питухом кофея.

В ответ на мои вопросы меня уверили, что ни в одной из ваших тамошних рощ не найти букового дерева, на котором можно было бы вырезать заветное имя, или журчащего ручейка — услады влюбленных, — в который можно было бы бросить монетку, а только большая река, которая никогда не лепечет, а лишь ревет по временам, точь-в-точь, как губернатор, когда он изволит гневаться. Городишко, в котором мы сейчас находимся, уныл до чрезвычайности, здесь не сыскать ни одного хоть сколько-нибудь стоящего человека, и Кэд говорит, что это уже ему порядком прискучило и что он предпочел бы пить кофе на самой неприютной горе в Уэльсе, нежели быть королем здесь.

Как избежать мирского ига?
Пусть вместо города гора,
А вместо куропаток фига,
Пить кофей мирно мне пора.

А кому, как не вам, знать, что кофей настраивает нас на хмурый,

степенный и философический лад. Любопытно, много ли бы вы дали за то, чтобы иметь историю Кэда — и —, изложенную с наивозможной точностью и со всеми главными ее событиями от самого начала и по сей день? Думаю, что в стихах она выглядела бы весьма недурно и получилась бы такой же длинной, как и другая[1202]. Надеюсь, что мой замысел будет осуществлен. Это должна быть точная хроника двенадцати лет, начиная с —, с того самого момента, когда был пролит кофе, и до времени, когда им часто угощались, то есть от Данстэбла до Дублина, со всеми происшествиями, которые имели место за все эти годы.

Там, конечно же, будет глава о поездке мадам в Кенсингтон; глава, посвященная волдырю; глава о поездке полковника во Францию; глава о свадьбе, с приключениями, связанными с потерей ключа; о подделке; о счастливом возвращении; двести глав о безумии; глава о продолжительных прогулках; и о нечаянности, имевшей место в Беркшире; пятьдесят глав о кратких мгновеньях; глава о Челси; глава о ласточке и кусте; добрая сотня глав о моей собственной персоне и прочем; глава о прятках и шепоте; глава о том, кто это натворил; и о деньгах моей сестры[1203]. Кэд — просит меня передать вам, что если вы еще раз пожалуетесь на то, что его писания невразумительны, то он предоставит вам еще немало поводов для этого. Посмотрите, как много я написал, ни разу даже не заикнувшись при этом о Молькин; так что вас следует хорошенько высечь, прежде чем вы будете иметь честь отправить свой ответ. С ближайшей почтой я напишу Дж. Барберу и попрошу его не беспокоиться по поводу денег. При этом я даже не заикнусь о его богатстве, чтобы позлить его. Если бы небеса и в самом деле почитали богатство таким уж большим благом, они вряд ли даровали бы его такому прощелыге. Что касается вложенного вами письма, предназначавшегося вашему другу[1204], то оно было тотчас же ему вручено, потому что в момент получения он как раз был у меня[1205]. Вы, сколько я мог заметить, пользуетесь чрезвычайным его благорасположением, судя по тому, что он произнес в ваш адрес миллион лестных слов, однако не позволил при этом никому прочитать ни словечка, хотя я, со своей стороны, был настолько любезен, что показал ему ваше письмо ко мне, точно так же, как и это; правда, относительно этого последнего он изъявил готовность поспорить со мной на крону, что вы ровным счетом ничего в нем не поймете; сие весьма странно для человека, который будто бы столь высокого мнения о вашем здравом смысле. Остаюсь всегда с величайшей искренностью вашим и прочее.

13 августа.

Мисс Эстер Ваномри — Свифту

Селлбридж, 1720

—, —, —, Кэд, возможно ли, что вы в самом деле приедете повидаться со мной? Я молю бога, чтобы это случилось, и готова отдать все, только бы увидеть вас здесь. Молькин тоже была бы, конечно, безмерно счастлива. Быть может, вы подумали о том, как давно уже я вас не видела? Я, признаться, замышляла как-нибудь повидать вас на-днях, но теперь никуда отсюда не двинусь в ожидании вашего приезда. Прошу вас только прислать мне два-три слова с посыльным, дабы предупредить меня на случай, если вы хотите приехать на этой неделе. Я успею тогда получить эту записку еще сегодня вечером. Ваша доброта делает меня невыразимо счастливой. Не смею надеяться, что такая история и впрямь когда-нибудь будет написана.[1206] Если вы побились об заклад на тысячу фунтов, что я не пойму ваше письмо, то вы их проиграли. Скажите мне откровенно, все эти подробности действительно беспрестанно вас занимают или же вы вспомнили о них, желая доставить мне радость?

Свифт — мисс Эстер Ваномри

15 октября 1720

Я сел писать вам как только у меня появилась такая возможность, но, бог весть, когда мне представится удобный случай послать вам это письмо, потому что все утро мне досаждают назойливые визитеры, коих ни один здравомыслящий или достойный человек не стал бы терпеть, если бы этого можно было хоть как-то избежать. В обеденное время, после обеда и вечером я ухожу куда-нибудь гулять, чтобы по возможности избавиться от хандры. Так что, если я бываю иногда не таким аккуратным корреспондентом, как мне бы того хотелось, не гневайтесь и не превращайтесь в губернатора, но отнесите это за счет моего окружения и ни минуты не сомневайтесь в том, что я по-прежнему почитаю и ценю вас и питаю к вам те же добрые чувства, которые неизменно выказывал вам и навсегда сохраню. Ведь вы всегда будете достойны самого большего, чем вам только можно воздать, особенно, если будете продолжать читать и далее совершенствовать ум и таланты, коими вас наделила природа. Я получил письмо из Лондона от вашего приятеля Дж[она] Б[арбера]: это ответ на то, что, Глассхил, как вы уже знаете от меня, говорил ему относительно ваших денег. Дж[он] Б[арбер] пишет, что он считает вас человеком чести и посему вам нет необходимости хоть сколько-нибудь по этому поводу беспокоиться; вы можете заплатить, когда вам будет удобно, и он вполне согласен потерпеть до тех времен[1207]. Таковы его собственные слова. Как видите, сама манера, с которой это сказано, изобличает в нем очень богатого человека, каковым он, по его словам, все еще является, хотя нынешнее падение акций[1208] отозвалось на его состоянии самым пагубным образом. Я рад, что вы не продали свою ежегодную ренту, разве только кто-нибудь взял бы на себя заботу о том, чтобы поместить деньги в акции в то время, когда они еще были в цене. Я очень тревожусь о бедняжке Молькин, тем более, что и вы, по-моему, чувствуете себя не лучше. Вам следует ради вас обеих держаться как можно бодрее и читать что-нибудь приятное, что могло бы вас развлечь, а не предаваться унынию, сидя на скамеечке возле камина и упершись локтями в колени. Прогулки верхом были бы для Молькин бесспорно полезней всего, разумеется, при хорошей погоде и если она тепло оденется; да и вам точно так же, а если вы потеряете при этом какую-нибудь клячу, то Иов, как вам известно, говорит: «кожа за кожу отдаст человек ради

жизни своей»[1209]. Не помню, то ли Иов так сказал, то ли Сатана. — 17 октября. С тех пор, как я начал это письмо, у меня не было ни минуты, чтобы закончить его. Только что меня прервал один человек, явившийся поведать о том, что кое-кого из здешних видных должностных лиц собираются сместить, а сейчас еще кто-то пришел по делу, так что adieu либо ненадолго, либо до завтра. — 18 октября. Из-за отсутствия моциона я наживаю себе в этом проклятом городишке головную боль. Я охотно прошелся бы с вами раз пять-десять по вашему саду, а потом выпил с вами кофею. Вчера вечером я около часа просидел в обществе десяти человек обоего пола и устал, как собака. А тут еще Глассхил как назло отнимает у меня уйму времени. То ли все вокруг становятся глупыми и противными, то ли сам я становлюсь нелюдимым и раздражительным, что, впрочем, одно и то же. Вокруг только и разговоров, что о Компании Южных морей, да о разорении королевства и нехватке денег. Мне уже тысячу раз чудилось, будто губернатор вот уже два часа кряду гневается безо всякой причины. —

20 октября. Губернатор навестил меня нынче в шесть часов утра, но не пробыл и двух минут и заслуживает, чтобы его хорошенько отругали, что вам и следует сделать, когда вы в другой раз будете пить кофей. — Это письмо я надеюсь отправить завтра. — После небольшого переезда у меня что-то очень неладно с головой. Возможно, причина в том, что я слишком много съел, а потом трясся в карете. Сейчас я сижу один дома и собираюсь еще написать Молькин —, так что adieu —

Мисс Эстер Ваномри — Свифту

[*Селлбридж, 1720*]

Я бы уже давно написала вам, но до сегодняшнего дня не могла воспользоваться услугами моего посыльного, а сейчас у меня есть время только поблагодарить вас за ваше письмо, потому что он как раз отправляется по своим делам, и это чрезвычайно счастливое для вас обстоятельство, в противном случае вы получили бы длинное письмо, исполненное безысходной хандры. С тех пор, как я сюда приехала, на свете не было человека несчастнее меня. У бедной Молькин в последнее время дважды или трижды наступали ухудшения, и сейчас она настолько плоха, что, боюсь, едва ли уже поправится. Судите сами, в каком я сейчас состоянии, вдали от вас и снедаемая тревогой за сестру. Я и сама была очень нездорова: сильно кололо в боку, и эти боли еще не совсем прошли.

Мисс Эстер Ваномри — Свифту

[*Селлбридж, 1720*]

Поверьте, я крайне сожалею о том, что обращаю к вам свои жалобы, ведь я знаю, вы так добры, что не можете видеть несчастий человека, кто бы он ни был, не будучи глубоко тронуты. Но что же мне делать? Мне остается либо облегчить свое сердце и поведать вам о всех его горестях, либо пасть под бременем невыразимого страдания, которое я испытываю вследствие вашего чудовищного ко мне равнодушия. С тех пор, как мы с вами виделись, прошло уже десять томительных недель, и за все это время я получила от вас только одно письмо и маленькую записку с оправданиями. О — вы меня совсем забыли! Своим жестоким обращением вы стараетесь отдалить меня от себя. Но я не могу вас винить, ибо с величайшей болью и смятением убеждаюсь, что я виною ваших тягостных мыслей. И при всем том я не могу вас утешить: знайте, ни время, ни случайность не в силах уменьшить невыразимую страсть, которую я питаю к —. Наложите на мою страсть какие угодно запреты, удалите меня от себя, насколько это возможно на земле, все равно вы не властны исторгнуть те пленительные воспоминания, которые всегда останутся со мной, доколе мне не изменит память. Любовь, которую я питаю к вам, заключена не только в моей душе: во всем моем теле нет такой мельчайшей частицы, которая не была бы ею проникнута. Не обольщайтесь поэтому надеждой, что разлука изменит со временем мои чувства: даже безмолвствуя, я не нахожу себе покоя, и мое сердце одновременно исполнено печали и любви. Скажите мне, заклинаю вас небесами, чем вызвана эта чудовищная перемена, которую я с недавних пор заметила в вас. Если у вас осталась хоть капля жалости ко мне, скажите об этом как-нибудь помягче. Нет-нет, лучше не говорите, чтобы это не стало причиной моей мгновенной смерти, но и не обрекайте меня на жизнь, которая подобна мучительному угасанию, потому что это единственное, что мне остается, если вы утратили всю вашу нежность ко мне.

Мисс Эстер Ваномри — Свифту

[*Селлбридж, 1720*]

Скажите мне откровенно, возникло ли у вас хоть однажды, с тех пор, как я написала вам в последний раз, настоятельное желание увидеться со мной? Нет, вы настолько от этого далеки, что ни разу даже не пожалели меня, хотя я говорила вам, как я страдаю. Одиночество невыносимо для ума, охваченного тревогой. Мои дни тянутся томительно, заполненные вздохами, а ночи я провожу без сна, неотрывно думая о —, —, —, — — —, который нисколько не думает обо мне. Сколько писем я должна вам отправить, прежде чем получу ответ? Как у вас хватает духу лишать меня единственного утешения, оставшегося мне в моих нынешних бедствиях? О! Если бы я могла надеяться увидеть вас здесь или поехать к вам. Я родилась с неистовыми страстями, и все они соединились теперь в одной, в той невыразимой страсти, которую я питаю к вам. Подумайте, сколь губительны[1210] для меня чувства, вызванные вашим пренебрежением, и проявите хоть сколько-нибудь участия, или я сойду с ума. Как бы вы ни были заняты, вы могли бы улучить минуту написать мне и принудить себя оказать столь безмерное благодеяние.

Я убеждена, что если бы мне дано было проникнуть в ваши мысли (разгадать которые не под силу ни одному живому существу, потому что никогда еще ни один из смертных не думал так, как вы), то я, наверно, обнаружила бы, что нередко в порыве ярости вы спрашивали себя, зачем я не набожна, в надежде, что я обратила бы тогда свои помыслы к небесам. Однако это не принесло бы вам избавления: ведь даже будь я фанатиком, вы все равно остались бы для меня тем божеством, которому бы я поклонялась. Существуют ли иные признаки божественности, кроме тех, какие отличают вас? Я нахожу вас повсюду; ваш дорогой образ всечасно передо мной. Вы повергаете меня по временам в благоговейный трепет, и я дрожу от ужаса; в иной же раз ваше лицо исполнено благотворного сострадания, которое воскрешает мою душу. И разве не естественней наклоняться лучезарному образу того, кого зришь воочию, нежели того, кого знаешь лишь понаслышке?

Свифт — мисс Эстер Ваномри

[*? 27 февраля 1721*]

Не могу вам выразить, насколько я ошеломлен и удручен. Я прочитал ваше письмо дважды, прежде чем уразумел его смысл, но так и не могу до конца поверить своим глазам. Неужели бедного дорогого существа больше нет в живых? В субботу у нее, как я заметил, был несколько мертвенный цвет лица, но для человека, страдавшего ее недугом, столь внезапная смерть очень уж необычна. Ради бога, соберите своих друзей, чтобы они помогли вам советом и позаботились обо всех формальностях. Это все, что вам теперь остается. Я вряд ли могу вас утешить, ибо сам нуждаюсь теперь в утешении. Одно только время поможет вам. А сейчас главное — соблюсти приличия. Несчастье застало меня совершенно врасплох, и едва ли кто на свете испытывает к вам сейчас большее сострадание.[1211]

Понедельник.

Свифт — мисс Эстер Ваномри

1 июня [*1721?*]

Я никак не мог придумать, как переписать для вас этот перечень[1212], и потому вручил его мистеру Уорэлу с тем, чтобы он передал его вам, а ему сказал, что это какие-то бумаги, которые вам переслали из Англии на мой адрес. — Да хранит вас господь, adieu —

Свифт — мисс Эстер Ваномри

Галлстаун, близ Киннегада,
5 июля 1721

Мне было не с руки, а, вернее, невозможно написать вам до сих пор, хотя я желал этого более, нежели обычно, памятуя, в каком расположении духа я в последний раз застал вас; надеюсь, впрочем, что оставил вас в несколько лучшем. Считаю своим долгом просить вас побольше следить за своим здоровьем, встречаться с людьми и гулять, в противном случае вас одолеет хандра, а ведь нет недуга глупее и тягостней, и если справедливо, что обладание всеми жизненными благами служит в какой-то мере от нее защитой, тогда у вас для этого решительно никакого повода. Кэд — уверяет меня, что по-прежнему чтит, любит и ценит вас больше всего на свете и сохранит эти чувства до конца своих дней, но вместе с тем он умоляет вас не делать ни себя, ни его несчастным из-за ваших фантазий. Мудрейшие люди всех времен почитали за лучшее ловить преходящие мгновенья и находить усладу в любом невинном занятии. Если бы вы знали, каких усилий стоит мне сохранять хоть немного здоровья, какие неудобства я принужден терпеть ради езды верхом и прогулок, а также вследствие воздержания от всего, что я люблю, то вы считали бы пустяком необходимость время от времени проехаться в карете или поболтать с глупыми и бесцеремонными людьми, дабы избежать хандры или болезни. — Без здоровья вы утратите всякое желание пить кофей и так ослабеете, что совсем падете духом. — Я передал Кэду все те вопросы, которые вы имеете обыкновение ему задавать, и он торжественно объявил, что отвечает на них утвердительно. Как продвигается ваша тяжба? Ведь вы были когда-то отличным сутягой, но только Кэд — вас испортил. — Я совершил довольно утомительное путешествие в ирландской почтовой карете, однако чувствую себя после этого вполне сносно. — Прошу вас, пишите мне бодро, без жалоб и укоров, иначе Кэд — непременно об этом узнает и накажет вас. — Что есть сей мир, если не чувствовать себя в нем настолько покойно, насколько нам позволяют благоразумие и средства? С каждым днем он представляется мне все более бессмысленным и ничтожным, и я приноравливаюсь к нему ради собственного спокойствия. Я здесь настолько усердно вникаю в чужие заботы относительно того, что сажать и где прорыть канаву, как если бы это имело ко мне самое непосредственное касательство, и с удовольствием размышляю об

отсутствующих друзьях, надеясь увидеть их счастливыми и быть счастливым вместе с ними. Неужели вы при всем вашем достоинстве и здравом смысле будете вести себя иначе, чтобы сделать Кэда — и себя несчастными? — Приведите в порядок свои дела и покиньте этот гнусный остров[1213], и тогда все будет так, как вы того желаете. — Я не могу больше ничего прибавить, потому что меня зовут, mais soyez, assiré que jamais personne du monde a etè aimée, honorée, estimée, adorée par votre ami que vous. [Но позвольте вас уверить, что никогда и никого в мире ваш друг так не любил, не почитал, не ценил и ни перед кем так не преклонялся, как перед вами.] С тех пор, как я расстался с вами, я еще ни разу не пил кофей и не собираюсь этого делать, пока снова не увижусь с вами: никакой кофей, кроме вашего, не стоит того, чтобы его пили, если только я могу быть в этом деле судьей. — Adieu.

Мисс Эстер Ваномри — Свифту

[*Июль 1721*]

—, —, —, Кэд, у меня сейчас невыносимая тоска, и я ничего не могу с собой поделать. Все как нарочно толкает меня к этому. Разве это не безжалостно: обладать таким значительным состоянием, как у меня, и не иметь возможности распоряжаться им, как если бы у меня вовсе не было на него никаких прав? Один из докторов[1214] — сущий —, я даже не знаю, как его назвать. На днях он так отвратительно вел себя со мной, что будь я мужчиной, ему пришлось бы кое-что выслушать. Только и знает, что болтать чепуху и извиняться. По-моему, с тех пор, как он услыхал о первом ходатайстве совета опекунов, он от души раскаивается, что вообще взялся за это дело, потому что его приятель оказался более виновен, нежели он предполагал. И вот я должна торчать в этом ненавистном мне городе и вести бесконечную тяжбу в ущерб моему здоровью и настроению. И, тем не менее, я легко могу снести эти и другие житейские невзгоды, но только не пренебрежение со стороны —, —, —, Кэда. Он часто говорил мне, что лучшее житейское правило, которого придерживались мудрецы всех веков — это ловить мгновенья, но, увы! счастливые мгновенья всегда недосягаемы для обездоленных. Скажите, пожалуйста, — Кэду, что я не могу припомнить в своем письме ни одного места, в котором сквозило бы раздражение, и крайне сожалею, если ему так показалось. Что же до моей тоски, то тут я бессильна, и вам остается только проявить снисхождение. Я всячески стараюсь ее преодолеть, но она сильнее меня. С тех пор, как я виделась с Кэдом, я прочитала больше, чем за долгое время в прошлом, и выбирала книги, требующие наибольшего внимания с тем, чтобы как-то занять свои мысли, но убеждаюсь, что, чем больше я размышляю, тем несчастнее себя чувствую.

Я уже как-то решила не досаждать вам больше моими письмами из боязни, что они покажутся слишком унылыми и станут вам в тягость, но для меня такое удовольствие писать вам, что это свело на нет мою решимость. Удовлетворение, получаемое мной при мысли, что вы вспоминаете обо мне, когда читаете мои письма, и наслаждение, которое я испытываю, ожидая их от — Кэда, вот причина, по которой я предпочитаю лучше быть немного в тягость вам, нежели усугублять тягостность моего собственного существования.

Свифт — мисс Эстер Ваномри

Клогер, 1 июня 1722

С тех пор, как я уехал из Дублина, это первый случай, когда я коснулся пером бумаги, и только десять дней, как я обосновался на одном месте[1215]; кроме того, я по неведению пропустил одну почту, что задержало отправку этого письма на пять дней. Перед тем мне сильно нездоровилось, как это обычно со мной бывает вследствие сырой погоды и перемены воды. Я и сейчас еще как следует не поправился, хотя чувствую себя уже гораздо лучше. Скверная погода держалась с таким постоянством, что я еще нисколько не ощутил благотворных преимуществ жизни в деревне, и похоже, что она и дальше будет такой же. Было бы бесконечно приятнее встречаться раз в неделю с Кендалом[1216] и прочее, иметь возможность проводить по утрам часа три — четыре за кофеем или обедать tete-a-tete [наедине *(франц.)*.], а потом до семи опять попивать кофей. На все вопросы, которые вы можете мне задать, я отвечаю утвердительно. Я хорошо помню ваше отвращение и презрение к беседам, коими пробавляются в обществе; так вот, два дня кряду я был здесь настолько угнетаем одним джентльменом и его благоверной, что сделался раздражителен, как — мне недостает сравнения. Вы, надо думать, уже переехали в свое деревенское обиталище[1217] или собираетесь, впрочем, вам, кажется, предстоит скоро сессия суда[1218]. Я пробуду здесь достаточно долго, чтобы успеть получить ваш ответ и, возможно, еще раз написать вам, однако потом, если позволит здоровье, поеду дальше и буду извещать вас о своих дальнейших остановках. Несколько дней у меня была такая хандра, какую вы едва ли когда испытывали за всю свою жизнь; смелое утверждение, не правда ли. Помните, я по-прежнему призываю вас читать и гулять для совершенствования вашего разума и телесного здоровья и прошу вас не быть чересчур романтичной, а говорить и вести себя, как подобает обыкновенному земному существу.

Уже стало общим мнением, да и вы, наверно, частенько говорите, что я себялюбец, однако теперь я пребываю в таком унынии, что не могу этого сказать. Я от всей души желаю ради вас и себя, чтобы ваши новые знакомые были с вами. Да пошлет вам господь успешного окончания вашей тяжбы и благоприятного решения посредников; и помните, что богатство составляет девять десятых всего, что есть хорошего в жизни, а одна десятая — здоровье; а уж кофей занимает в ней куда меньшее место,

но если все же и посчитать его за одиннадцатую долю, то без двух предыдущих его как следует не попьешь. И еще не забывайте фарфор в старом доме, и Райдер-стрит[1219], и путешествие полковника во Францию, и лондонское бракосочетание, и больную леди в Кенсингтоне, и дурное расположение духа в Виндзоре, и как надрывались, упаковывая ящик с книгами в Лондоне[1220]. В прошлом году я только и делал, что писал вам любезности, и вы были недовольны; в нынешнем я не стану их писать и вы опять будете недовольны, но при всем том мои мысли не переменились, и я раз-решаю вам быть губернатором и готов отвечать за последствия. Надеюсь, вы позволите мне во время нашей следующей встречи воспользоваться частью ваших денег, я обязуюсь вам честно возвратить их. Répondezmoy si vous entendez bien tout cela, et croyez que je seray toujours tout ce que vous désirez — adieu. — [Ответьте мне, хорошо ли вы все это уразумели и поверьте, что я всегда и во всем останусь таким, как вы желаете. До свидания! *(франц.)*.]

Мисс Эстер Ваномри — Свифту

[*июнь 1722*]

—, —, —, Кэд, я уже было решила, что вы совсем забыли о моем существовании и о своем обещании писать мне. Разве это не жестоко, отсутствовать пять недель и не послать мне при этом ни единой строчки, чтобы я хоть знала, что вы здоровы и помните обо мне? Это тем более непростительно, что у вас стояла такая скверная погода, что ни о каких развлечениях вне дома не могло быть и речи. Что ж тогда еще вы могли делать, если не писать и читать? Карты вы, я знаю, не любите, да сейчас и не то время года, чтобы развлекаться таким образом. С тех пор, как я вас видела, я чаще появлялась в обществе, нежели прежде, и все потому, что вы так велели, и решительно утверждаю, что именно по этой причине день ото дня чувствую себя все хуже и хуже. Как-то на этой неделе я нанесла визит одной знатной даме, незадолго перед тем возвратившейся из путешествия, и застала у нее целое сборище дам и щеголей, одетых, надо полагать, самым изысканнейшим образом. Надеюсь, вы простите меня, если я признаюсь вам, что от души желала, чтобы вы были свидетелем этой сцены, поскольку весьма сомневаюсь, что вам доводилось когда-нибудь наблюдать нечто подобное или нечто более необычное. В поведении самой хозяйки сочетались столь разные повадки, что я никоим образом не берусь вам его описать, не рискуя истощить ваше терпение. Что же до ее слушателей, то можно было подумать, будто все они лишь ей одной обязаны своим существованием, настолько подобострастно они себя вели. Их манеры и жесты напоминали ужимки павианов и мартышек; они ухмылялись и болтали наперебой о вещах, совершенно мне непонятных. Стены комнат украшали гобелены, на которых прекрасно изображены были деревья. И вот в то время, как я любовалась ими и желала себе очутиться в такой местности с —, один из этих молодчиков выхватил мой веер, всем своим видом давая понять, что я ему нравлюсь; он поверг меня в такой ужас, что мне уже вообразилось, будто он по меньшей мере утащит меня на крышу, как это произошло с вашим приятелем[1221], но тут в комнату вошел еще один из той же породы, и они начали корчить друг другу гримасы, а я, воспользовавшись случаем, сбежала. С тех пор, как мы с вами виделись, ни тяжба, ни решение посредников не продвинулись ни на шаг. Неудачи преследуют меня со всех сторон, и все же я вынуждена оставаться в городе, встречаться с мистером П[артингтоном] и прочее, что

чрезвычайно для меня тягостно. Я решительно утверждаю, в моей жизни так мало радостей, что мне все равно, когда она прервется. Ради бога, напишите мне поскорее и поласковей, потому что, когда вас нет, ваши письма — единственная для меня отрада на земле, а вы, я уверена, слишком добры, чтобы пожалеть один час в неделю, если это может осчастливить хоть одно человеческое существо — Кэд, подумайте обо мне и пожалейте меня.

Свифт — мисс Эстер Ваномри

Лох-Гэлл, графство Арма, 13 июля 1722

Письмо ваше я получил, но я так часто с тех пор переезжал с места на место, что лишен был возможности указать вам, где именно я ожидаю получить от вас ответ и, если вы сейчас находитесь в деревне и это письмо не придет к вам в положенный срок, считая от проставленного мной числа, то я и на сей раз не смогу надеяться получить что-нибудь от вас, потому что в начале августа уеду отсюда. Мне весьма понравился отчет о вашем визите и поведении дам. Нет такого дня, чтобы я не был свидетелем точно таких же глупостей, совершаемых лицами обоего пола и, тем не менее, я терпеливо сношу их развлечения ради. Нам очень трудно угодить — вот наша с вами главная беда, и вопрос лишь в том, не сами ли мы тому виной. По крайней мере я думаю, что причина у нас одна. Не в пример, однако, вам, я не имею привычки ссориться со своими лучшими друзьями. В вашем письме, я думаю, отыщется не меньше десятка мест, в которых сквозит раздражение, и каждого из них вполне достаточно, чтобы испортить два дня прогулок пешком и верхом. В одном отношении мы с вами разительно друг от друга отличаемся: я готов бежать от хандры хоть на край света, вы же, напротив, готовы свернуть со своего пути, только бы встретиться с ней. Боюсь, что плохая погода не позволила вам хоть немного насладиться преимуществами жизни в вашем деревенском обиталище и способствовала тому, что вы предавались раздумьям в своей комнате. Я же почел за лучшее воспользоваться ею, чтобы перечесть сам не знаю сколько исторических сочинений и описаний путешествий. Мой вам совет — заведите себе лошадь для верховой езды и двух слуг, которые бы вас всегда сопровождали, да навещайте своих соседей, и чем они хуже, тем лучше. Внушать почтение доставляет известное удовольствие, а это всегда в вашей власти в силу вашего умственного превосходства и богатства. Лучшее из всех известных мне жизненных правил — это пить кофей, когда представляется такая возможность, и спокойно обходиться без него, когда это невозможно. Имейте в виду, что пока вы будете продолжать хандрить, я не отстану от вас со своими проповедями. У нас с вами такое родство душ, что я чувствую себя сейчас недостаточно расположенным к писанию писем, поскольку для этого, я полагаю, необходимо хоть раз в неделю пить кофей. Я могу со всей искренностью ответить на все ваши вопросы, как всегда это делал, но должен после этого предаться всем возможным

развлечениям, затем что они помогают мне сохранить душевную бодрость, точно так же, как прогулки содействуют моему здоровью, а без здоровья и доброго расположения духа лучше уж быть собакой. Никогда в жизни я не менял еще так часто декорации, нежели сейчас, и с тех пор, как уехал из Дублина, спал, я полагаю, по меньшей мере на тридцати кроватях. И укладываясь, я всякий раз непременно натягивал на себя одеяло не иначе, как левой рукой, такова уж суеверная примета, которую я усвоил за последние десять лет. На этих деревенских почтах обычно такие странные порядки, что мы принуждены быть всегда наготове со своими письмами на случай, если им внезапно вздумается их потребовать. Вот и мое сейчас спрашивают, хотя оно все равно будет отправлено не раньше завтрашнего дня. Будьте бодрей, читайте, ездите верхом и смейтесь, как Кэд — давно еще бывало вам советовал. Надеюсь, ваши дела находятся сейчас в несколько лучшем состоянии. Я жажду увидеть вас здоровой, красивой и при параде; прошу вас, не теряйте вкуса ко всему этому. Прощайте!

Свифт — мисс Эстер Ваномри

7 августа 1722

Я покидаю сейчас мое нынешнее прибежище[1222] и, если где-нибудь вновь остановлюсь, то дам вам знать, потому что не прочь все же дождаться хорошей погоды для верховой езды и прогулок. Здесь не припомнят другого такого дождливого лета. Боюсь, впрочем, что вы пребываете на сей счет в полном неведении, разве только вам случается изредка выглянуть в окно, выходящее во двор, чтобы позвать кого-нибудь из слуг. Ваше последнее письмо с исполненным уныния отчетом о ваших судебных делах я получил. В прежние времена вы были куда более ловким сутягой, умудряясь склонить других добиваться вашего согласия на постановление парламента, ущемляющее их собственные интересы, дабы споспешествовать вашим. И вот теперь, когда вам не занимать ни способностей, ни умения, вы не снисходите до того, чтобы воспользоваться ими. Если вам взгрустнется, старайтесь читать что-нибудь занимательное или забавное, — таков мой рецепт, и он редко когда не помогает. Здоровье, хорошее расположение духа и богатство — вот самое дорогое в сей жизни, и последнее из них способствует двум первым. С тех пор, как мы с вами виделись, я не проехал верхом и каких-нибудь 400 миль и едва ли проеду более 200 до того, как увижу вас снова; и когда это произойдет, очень прошу вас не пытаться пожать мне руку: я испытываю теперь смертельный страх перед чесоткой, и единственная моя надежда, что, может быть, это просто ко мне под кожу забрались какие-нибудь мерзкие паразиты, клещи, например. Мне удалось уже извлечь несколько, и я надеюсь выскрести остальных. Разве одного этого недостаточно, чтобы впасть в хандру? Ведь, пожалуй, ни одна христианская семья не решится теперь принять меня под свой кров. И это все, что можно приобрести, путешествуя на север. Для меня было бы сущим несчастьем, если бы я был столь же привередлив по части предмета разговоров и собеседников, как вы. Любопытно, что это единственное, в чем вы сходитесь с Глассхилом, который утверждает, что во всей Ирландии нет ни единого человека, кроме Кэда, с которым можно было бы побеседовать. Что бы вы делали в этих краях, где вежливость так же неведома, как и чистоплотность? Однако меня прерывают, так что письму предстоит немного пропутешествовать вместе со мной. Итак, adieu до следующей моей остановки. — 8 августа. Я проехал вчера 29 миль, но ничуть не устал и очень хотел бы, чтобы малышка Эскинейдж могла бы

проехать столько же. Отсюда я предоставлю моему письму отправиться в путешествие в одну сторону, а сам поеду в другую; не знаю пока, куда именно, и не ведаю, какие еще хижины и болота встретятся на моем пути. В эту самую минуту я представляю вас такой, какой вас обычно можно увидеть в десять утра, и вы задаете свои обычные вопросы, а я отвечаю на них, непременно сперва помедлив для вида. Эта сцена разыгрывалась уже раз сорок, точно так же, как и другая, длившаяся обычно с двух часов и до семи и, стало быть, на два часа продолжительней первой, но при этом у каждой из них есть свои agrémens particulier [приятные особенности *(франц.)*.]. Наступили большие вакации. Закон изволит почивать, и погода стоит прескверная. Как вы коротаете время? Среди полей и рощ вашего сельского обиталища или в обществе кузенов и кузин[1223] в городе, а может быть предаетесь размышлениям, которые непременно выводят вас из себя, а потом доискиваетесь причин и приходите к досадным умозаключениям на основании ложных посылок. Самым лучшим собеседником для вас был бы, пожалуй, философ, к которому вы питали бы такое же почтение, как к проповеди. С тех пор, как я расстался с вами, я прочитал больше всякой дряни, нежели могло бы уместиться на всех ваших полках, и чувствую себя от этого намного лучше, хотя едва ли запомнил хоть полслова. Обращайтесь памятью к сценам в Виндзоре и на Кливленд-роу, Райдер-стрит, Сент-Джеймс-стрит и в Кенсингтоне, и в вашем вертепе и к пребыванию полковника во Франции и прочему. Кэд, я уверен, частенько думает обо всем этом, особенно сидя в седле. Какая глупая вещь — время, и до чего глуп человек, который был бы так же недоволен, если бы оно остановилось, как недоволен тем, что оно миновало! Однако я не стану продолжать в таком духе, потому что подобными писаниями и рассуждениями живо нагоню на себя тоску, а это единственное в вас, чему я не стал бы выражать одобрение посредством подражания вашему примеру. — Итак, прощайте до следующего места, где я сделаю остановку, если я вообще где-нибудь остановлюсь до своего возвращения, а сие я предоставляю решить судьбе и погоде.

Завещание Эстер Ваномри

(Извлечено из реестра ее королевского величества суда по делам о завещаниях в Ирландии)

Именем всевышнего аминь! — Я, Эстер Ваномри, одна из дочерей ныне покойного Бартоломью Ваномри, проживавшего в городе Дублине, эскв., находясь в здравом уме и твердой памяти, изъявляю и предписываю эту мою последнюю волю и завещание в соответствии с нижеследующей формой и порядком, а именно:

— Во-первых, я препоручаю мою душу в руки всемогущего господа, а тело предаю земле, с тем чтобы оно было погребено согласно благоусмотрению моих душеприказчиков. Затем я передаю и отказываю все, что мне принадлежит, будь то земля, аренда, наследство или опека, а также все мое недвижимое и личное имущество какого бы то ни было рода и вида его преподобию доктору Джорджу Беркли, одному из членов совета Тринити-колледжа в Дублине, и Роберту Маршаллу из Клонмелла, эскв., а также их наследникам, душеприказчикам и опекунам, коим со всем тем поручается, надлежит и вменяется в обязанность уплатить все мои долги, которые будут за мной числиться ко времени моей смерти, равно как и уплатить перечисляемые ниже суммы, которые мной завещаны или которые будут мной завещаны в любой приписке, каковая будет присовокуплена к этой моей последней воле и завещанию. Item [А также *(лат.)*.], я дарю и завещаю Эразму Льюису, эскв., сумму в двадцать пять фунтов стерлингов на приобретение кольца; Item, я дарю и завещаю Фрэнсису Эннисли из лондонского Сити, эскв., двадцать пять фунтов стерлингов на приобретение кольца; Item, я дарю и завещаю Джону Хуксу, эскв. из Гаунтса в Дорсетшире, двадцать пять фунтов стерлингов на приобретение кольца; Item, я дарю и завещаю его высокопреподобию отцу Уильяму Кингу лорду-архиепископу Дублинскому двадцать пять фунтов стерлингов на приобретение кольца; Item, я дарю и завещаю его высокопреподобию отцу Теофилусу Болтону лорду-епископу Клонфертскому двадцать пять фунтов стерлингов на приобретение кольца; Item, я дарю и завещаю Роберту Линдсею из города Дублина, эскв., двадцать пять фунтов стерлингов на приобретение кольца; Item, я дарю и завещаю Эдмунду Шулдэму из города Дублина, эскв., двадцать пять фунтов стерлингов на приобретение кольца; Item, я дарю и завещаю Уильяму Лингину из Дублинского замка, эскв., двадцать пять фунтов

стерлингов на приобретение кольца; Item, я дарю и завещаю его преподобию мистеру Джону Антробусу, моему кузену, точно такую же сумму на приобретение кольца; Item, я дарю и завещаю Брайану Робинсону, врачу из города Дублина, пятнадцать фунтов стерлингов на приобретение кольца; Item, я дарю и завещаю мистеру Эдуарду Клокеру из города Дублина пятнадцать фунтов стерлингов на приобретение кольца; Item, я дарю и завещаю мистеру Уильяму Маршаллу из города Дублина пятнадцать фунтов стерлингов на приобретение кольца; Item, я дарю и завещаю Джону Финн, сыну Джорджа Финн из Килдрута, что в графстве Килдар, и крестнику моей сестры, сумму в двадцать пять фунтов стерлингов, каковая должна быть ему уплачена по достижении двадцати одного года; также я дарю и завещаю его матери миссис Мери Фини сумму в десять фунтов стерлингов на приобретение траурного платья; и ее сестре миссис Энн Векфилд из прихода Сент-Эндрюс в городе Дублине такую же сумму на приобретение траурного платья; Item, я дарю и завещаю Энн Киндон, моей нынешней служанке, сумму в пять фунтов стерлингов на приобретение траурного платья; и ее дочери Энн Клинкскеллз такую, же сумму на приобретение траурного платья; Item, я дарю и завещаю каждому слуге, который будет жить со мной во время моей смерти, жалованье за полгода; и беднякам прихода, в котором мне случится умереть, пять фунтов стерлингов; и я еще раз сим назначаю, доверяю и объявляю вышепоименованных доктора Джорджа Беркли и Роберта Маршалла, эскв. из Клонмелла, единственными душеприказчиками этой моей последней воли и завещания; и также я сим отменяю и объявляю недействительными все прежние и другие мои изъявления воли и завещания, каким бы то ни было способом сделанные, будь то словесно или письменно, и объявляю это своим единственным волеизъявлением и завещанием, в удостоверение чего я, вышеупомянутая Эстер Ваномри, прилагаю к сему свою подпись и печать сего дня, первого мая в лето господне 1723.

Э. Ваномри, (печать)

Подписано, передано и оглашено вышеупомянутой Эстер Ваномри для и в качестве ее последней воли и завещания в присутствии нас, свидетельствующих все вышеизложенное своими подписями, проставленными в присутствии вышеупомянутой завещательницы.

Джас. Дойл, Эд. Траш, Дарби Гэфни.

Последняя воля и завещание недавно умершей Эстер Ваномри были утверждены в соответствии с принятым судебным порядком и копия вручена его высокопреподобием отцом Томасом и так далее

душеприказчикам — его преподобию Джорджу Беркли и Роберту Маршаллу после принесения ими личной присяги. — Помечено 6 июня 1723 г.

Точность копии сим удостоверяю

Джон Хоукинс,

пом. регистр.

Основные даты жизни и творчества Джонатана Свифта

1667 30 ноября — В Дублине (Ирландия) у вдовы смотрителя судебных зданий Джонатана Свифта — Эбигейл Эрик родился сын, названный в память отца Джонатаном.

1668 начало (?) — Эбигейл Эрик уезжает в Англию, в Лестершир, где живет до конца дней в поместье, принадлежащем семейству Темплов, — Фарнхеме, оставя ребенка на попечении кормилицы, которая вскоре увозит его в Англию.

1672 (?) — Маленького Джонатана привозят в Дублин, где в течение ряда лет он находится на попечении своего дяди по отцу — Годвина.

1673 — Свифта определяют в грамматическую школу в Килкени (Ирландия).

1681 — В семье Эдуарда Джонсона, управляющего поместьем Темплов — Мур-Парк, близ Лондона, родилась дочь Эстер, впоследствии воспитанница Свифта и его близкий друг («Стелла»).

1682 — Начало учебы в Тринити-колледже Дублинского университета.

1686 — Свифт получает степень бакалавра искусств.

1689 — В связи с политическими волнениями в Ирландии (выступления ирландских католиков в защиту изгнанных Стюартов) Свифт прерывает учение и уезжает в Англию, где живет сначала у матери в Фарнхеме, а затем поселяется в Мур-Парке, где поступает в услужение к удалившемуся на покой политическому деятелю и эссеисту сэру Уильяму Темплу и одновременно становится учителем и наставником Эстер Джонсон.

1690 — Тяготясь своим зависимым положением покидает Темпла и уезжает в Ирландию.

1691 — Возвращение в Англию, в Мур-Парк, где Свифт становится секретарем Темпла. Начало поэтического творчества: сочинение од в духе Пиндара («Ода к афинскому обществу» и др.).

1692 — Получает степень магистра искусств в Оксфорде.

1694 — Вновь покидает Мур-Парк и уезжает в Ирландию, где благодаря рекомендации Темпла получает должность в ирландском архиве.

1695 Рукоположен в священники англиканской церкви и получает

место пребендария в Кильруте, близ Белфаста (одного из центров распространения протестантских сект, выступающих против англиканской церкви), куда переезжает весной этого года. Возникновение замысла «Сказки бочки».

1696 апрель — Делает предложение Джейн Уоринг — кузине братьев Уоринг, учившихся вместе с ним в Тринити-колледже.

май — В третий раз поселяется в Мур-Парке. Пишет сатиру «Битва книг» в поддержку Темпла, принимавшего участие в развернувшемся тогда «споре о древних и новых» книгах. Продолжает работу над «Сказкой бочки».

1699 — После смерти Темпла летом этого года уезжает в Ирландию в качестве домашнего капеллана графа Беркли.

1700 — При содействии Беркли получает приход в Ларакоре (близ городка Трим в графстве Мит). Разрыв с Джейн Уоринг.

1701 май — сентябрь — Поездка в Англию, где Свифт публикует анонимно свой первый политический памфлет «Рассуждение о раздорах и разногласиях между знатью и общинами в Афинах и Риме» в поддержку лидеров партии вигов, обвиненных в государственной измене.

Убеждает Стеллу переехать вместе с ее подругой и компаньонкой Ребеккой Дингли на постоянное жительство в Ирландию.

1702 апрель — октябрь — Получает в Тринити-колледже (Дублин) степень доктора богословия.

Поездка в Англию, сближение с лидерами партии вигов.

1703 Ноябрь — 1704 май — Пребывание Свифта в Англии; публикация «Сказки бочки, написанной для общего совершенствования человеческого рода» (5 изданий до 1710 г.) и «Битвы книг».

1705 март — осень — Пребывание в Лондоне, знакомство с известными литераторами и журналистами из лагеря вигов — Аддисоном, Стилем и др.

1707 ноябрь — 1709 июнь — Свифт вновь в Лондоне, где хлопочет перед кабинетом вигов об отмене налога (так называемых первин), взимаемого с ирландского духовенства в пользу короны.

Знакомство с дочерью богатого дублинского коммерсанта Бартоломью Ваномри — Эстер («Ванессой»).

Публикация серии памфлетов под псевдонимом Исаака Бикерстафа («Предсказания на 1708 год», «Исполнение первого предсказания Бикерстафа», «Оправдание Исаака Бикерстафа» и «Предсказание Мерлина»), направленных против распространенных тогда альманахов с предсказаниями, против невежества и суеверий.

Последний приезд Эстер Джонсон в Англию.

Пишет памфлеты, посвященные проблемам религии: «Мысли приверженца англиканской церкви касательно религии и управления» (1708), «Доказательство того, что уничтожение христианства повлекло бы за собой при нынешнем положении вещей некоторые неудобства и, возможно, не привело бы к тем многочисленным благим последствиям, коих этим чают добиться» (1708, напечатано в 1709), «Проект укрепления религии и исправления нравов» (1709) и свидетельствующие о расхождениях Свифта с политикой его союзников вигов в данном вопросе. Защита позиций англиканской церкви от посягательств как сектантов, так и атеистов, и сатира на нравы современного английского общества.

1710 апрель — Смерть матери Свифта.

август — Новая поездка в Лондон для продолжения ходатайств об отмене налога на ирландскую церковь.

сентябрь — Отставка кабинета вигов, назначение торийского кабинета во главе с Гарли и Сент-Джоном.

Отправляет Эстер Джонсон первые письма, положившие начало так называемому «Дневнику для Стеллы» (первая полная публикация отдельной книгой — 1784 г.).

октябрь — Начало сотрудничества с кабинетом тори.

ноябрь Свифту поручают выпуск торийского еженедельника «Экзаминер» (№№ 14—45 — по июнь 1711 г.) для пропаганды политики нового кабинета.

декабрь — Публикует памфлет «Краткая характеристика его светлости графа Томаса Уортона» — сатиру на лорда-наместника Ирландии и одного из лидеров партии вигов. *1711 февраль* Издание «Избранных сочинений в прозе и стихах» Свифта.

Ноябрь — Выход в свет памфлета «Поведение союзников», сыгравшего огромную роль в подготовке общественного мнения Англии к мысли о необходимости положить конец войне за Испанское наследство (5 изданий в Лондоне и 3 в Дублине в течение одного месяца).

1712 — Публикует памфлет «Совет … членам Октябрьского клуба» и «Несколько замечаний касательно договора о барьере», а также «Предложение об исправлении, улучшении и закреплении английского языка».

сентябрь — Приступает к работе над «Историей четырех последних лет правления королевы» (опубликована в 1758 г.).

1713 январь — Публикует памфлет «Трактат мистера Коллинза о вольнодумстве».

март — Подписание Утрехтского мирного договора.

май — Отъезд в Ирландию для вступления в должность декана собора св. Патрика в Дублине.

сентябрь — В связи с кризисом торийского кабинета спешно возвращается в Англию. Знакомство с поэтом Александром Попом, с которым Свифт учреждает клуб Мартинуса Скриблеруса (Мартина-Писаки) при участии Джона Арбетнота и Джона Гэя. Члены клуба сочиняют пародии на лжеученость и педантизм в современной литературе и науке и публикуют их под видом «Мемуаров Мартинуса Скриблеруса» (напечатаны в «Прозаических сочинениях» Попа в 1741 г.).

октябрь — Отвечает на памфлет Стиля «Размышления о важности Дюнкерка» памфлетом «Размышления о важности „Опекуна“» (журнала, издаваемого Стилем).

1714 февраль — Отвечает на памфлет Стиля «Кризис» памфлетом «Общественный дух вигов», повлекшим постановление о розыске и аресте автора. Пишет «Несколько вольных мыслей по поводу нынешнего положения дел» (опубликованы в 1741 г.).

июль — август — Смерть королевы Анны, падение торийского кабинета, отъезд Свифта в Ирландию.

ноябрь — Переезд в Ирландию Эстер Ваномри.

1715 июнь — Начало работы над «Исследованием поведения последнего кабинета министров королевы»; закончено в 1720 г. (?), напечатано в 1765 г.

1720 — Публикация памфлета «Предложение о всеобщем употреблении ирландской мануфактуры», которым Свифт начал борьбу за политические права населения Ирландии.

1721 — Работает над «Путешествиями Гулливера», первые наброски которых были сделаны значительно раньше.

сентябрь — Публикует памфлет «О нынешнем бедственном положении Ирландии».

1722 апрель — август — Путешествует по северным графствам Ирландии.

1723 2 июня — Смерть Эстер Ваномри.

июнь — октябрь — Путешествует по южным графствам Ирландии.

1724 Публикует пять памфлетов («Торговцам, лавочникам, фермерам и всем простым людям Ирландии», «Мистеру Гардингу, типографу», «К дворянам и помещикам Ирландии» «Всему народу Ирландии» — от лица вымышленного дублинского суконщика — и «Письмо… виконту Моулсворту» от своего имени); выступив в них против неполноценной

разменной монеты, ввозимой в Ирландию неким Вудом, Свифт воспользовался этим поводом для широкой политической кампании против угнетения ирландского народа. «Письма суконщика» (еще два памфлета были напечатаны в 1735 г.) явились важнейшей вехой в становлении национального самосознания Ирландии.

1725 — Заканчивает «Путешествия Гулливера».

1726 март — Едет в Англию, где вскоре получает известие о болезни Эстер Джонсон.

август — октябрь — «Путешествия Гулливера» вручены неизвестным лицом издателю Бенджамину Мотте и выходят из печати после отъезда Свифта. Необычайный успех книги (пять изданий до начала 1728 г.).

Выходит из печати поэма «Каденус и Ванесса».

1727 апрель — сентябрь — Последняя поездка в Лондон, крушение надежд на переезд в Англию,

1728 28 января — Смерть Эстер Джонсон.

Публикует памфлет «Беглый взгляд на положение Ирландии». Вместе с Томасом Шериданом выпускает журнал «Интелидженсер» («Соглядатай»), Дублин.

1729 — Публикует памфлет «Скромное предложение, имеющее целью не допустить, чтобы дети бедняков были в тягость своим родителям или родине, и напротив того, сделать их полезными для общества».

Получает звание почетного гражданина города Дублина.

1737 — Пишет «Наставление слугам» (не закончены, опубликованы в 1745 г.), «Полное собрание изящных и остроумных разговоров» (напечатаны в 1738 г.) и поэму «На смерть доктора Свифта (напечатана в 1739 г.).

1737 — Публикует «Предложение снабдить метками нищих… города Дублина».

1735 — Дублинский издатель Фолкнер начинает публикацию собрания сочинений Свифта в шести томах (по 1738 г.).

1738 — В связи с тяжелой психической болезнью и утратой памяти над Свифтом учрежден постоянный надзор.

1745 19 октября — Смерть Свифта в Дублине. Погребен в соборе св. Патрика подле могилы Эстер Джонсон.

А. Г. Ингер
Доктор Джонатан Свифт и его «Дневник для Стеллы»

«Дневник для Стеллы» состоит из 65 писем Джонатана Свифта (1667—1745) к самому близкому ему человеку — миссис Эстер Джонсон. Впервые он увидел ее, по-видимому, в 1689 г., когда еще совсем молодым, только что закончив учение в Тринити-колледже в Дублине, вынужден был в числе многих других выходцев из Англии и приверженцев англиканской церкви покинуть Ирландию. [В связи с вспыхнувшими в стране беспорядками на религиозной и политической почве: выступлением ирландских католиков в поддержку изгнанных Стюартов.] Свифт нашел тогда приют в поместье Мур-Парк, принадлежавшем крупному дипломату и вельможе сэру Уильяму Темплу (его отец состоял некогда в дружеских отношениях с семьей Свифта). Стелла, отчим которой был управляющим в Мур-Парке, выросла в доме сэра Уильяма, и Свифт, выполнявший при нем обязанности секретаря и проведший здесь с небольшими перерывами около восьми лет до кончины своего принципала в январе 1699 г., стал ее учителем, наставником, а затем почитаемым и любимым старшим другом. В 1689 г. ей было восемь лет.

Получив в 1700 г. приход в Ларакоре неподалеку от Дублина и чувствуя себя там одиноко, Свифт во время своего пребывания в Англии в 1701 г. уговорил Стеллу переехать вместе с ее подругой и компаньонкой Ребеккой Дингли в Ирландию. Переезд состоялся в августе того же года, и здесь Стелла жила до конца своих дней, совершив лишь однажды, в 1708 г., недолгую поездку в Англию. Что же касается Свифта, то он после этого не раз и надолго уезжал из Ирландии. Письма, составляющие «Дневник», относятся к самому длительному его пребыванию в Англии — с сентября 1710 г. по июнь 1713 г.

Знакомиться с живыми свидетельствами отдаленной от нас эпохи всегда интересно, тем более если в них отразились особенно напряженные драматические периоды в истории страны и ее народа, если автор не просто очевидец событий, но и непосредственный активный их участник, имевший возможность наблюдать их изнутри, и, наконец, если масштабы его личности соизмеримы с масштабами описываемых им событий. Именно такое счастливое совпадение характеризует «Дневник для

Стеллы».

Это были годы длительной и кровопролитной войны за Испанское наследство (1702—1713), в которую была вовлечена почти вся Западная Европа. Ее причиной было желание Людовика XIV посадить на испанский престол своего внука и в дальнейшем объединить обе страны под одной короной, что вызвало образование антифранцузской коалиции. Находившиеся тогда у власти виги, одна из двух английских политических партий, немало содействовали созданию этой коалиции, а ряд внушительных побед, одержанных английским полководцем Мальборо, способствовали на первых порах популярности избранного кабинетом вигов курса и тешили национальное самолюбие. Но чем дальше шла война, тем теснее герцог Мальборо, корыстный и неразборчивый в средствах, сближался с кабинетом вигов, которые все более прибирали власть к рукам. Победы на полях Фландрии доставались слишком дорогой ценой. Морская торговля терпела огромный урон от нападений французских каперов, а внутри страны пагубно сказывался рост цен и налогов. Государственный долг вледствие военных расходов достиг астрономической суммы; недовольство войной, обогащавшей связанных с вигами поставщиков для армии, финансистов и спекулянтов, в то время как основная масса населения все более испытывала ее разорительное бремя, ширилось повсеместно. И Свифту суждено было сыграть огромную роль в сложной политической и дипломатической борьбе и подготовке общественного мнения к прекращению войны и принятию условий Утрехтского мира (1713).

Время его пребывания в Англии — время ожесточенной политической борьбы между партиями вигов и тори, которая осложнялась вновь обострившейся проблемой престолонаследия и не затухавшими религиозными раздорами. Королева Анна была больна и не имела наследников. Согласно Закону о престолонаследии (1701), принятому преимущественно по настоянию вигов, корона в случае ее смерти должна была перейти к ганноверскому курфюрсту, состоявшему в родстве с английским царствующим домом, поскольку английским королем мог быть только протестант. Но во Франции жили изгнанные в 1689 г. Стюарты, не скрывавшие своих симпатий к католицизму, Людовик XIV считал их притязания на английскую корону законными и оказывал им всяческую поддержку. В самой Англии у претендента были тайные сторонники и пособники, особенно среди тори (а еще больше среди населения Ирландии и Шотландии), ждавшие своего часа. Недовольны были и приверженцы различных пуританских сект (их называли диссентерами, то есть

состоящими в расколе, несогласными), которых не допускали на государственную службу. Не было единства и внутри самой англиканской церкви. Никто не мог сказать с определенностью, что сулит грядущий день. Одно лишь было ясно, — сложившийся в Англии к началу XVIII в. (после десятилетий общественных потрясений — гражданской войны, революции, династических перемен и установления конституционной монархии) порядок вещей в любую минуту может рухнуть. Три года длилась эта борьба, завершившаяся в конце концов после смерти королевы (1713) падением кабинета тори, с которым в эти годы связал свою судьбу Свифт, и полным поражением этой партии, которая почти на 45 лет лишилась своего прежнего влияния и дееспособности на политической арене.

Для Свифта это был период самой интенсивной деятельности в качестве журналиста и памфлетиста, время необычайного его возвышения и влияния, с чем он связывал немалые честолюбивые надежды, которым, однако, не суждено было осуществиться. Впоследствии он мысленно часто возвращался к этому времени, с горечью размышляя над причинами поражения своих политических единомышленников и собственных неудач, и склонен был рассматривать эти годы как самые значительные в своей жизни. История, однако, рассудила иначе. Для нас Свифт-писатель — прежде всего автор «Путешествий Гулливера», а не блестящих памфлетов, написанных в поддержку кабинета тори, а Свифт — общественный деятель — прежде всего человек, содействовавший пробуждению национального самосознания ирландцев.

Когда в сентябре 1710 г. Свифт приехал в Лондон, ему было уже почти 43 года. На церковном поприще он к этому времени добился немногого — приход в Ирландии с годовым доходом в триста фунтов и весьма сомнительная репутация среди духовенства. Причин тому было несколько. Выступив в 1701 г. с памфлетом «Рассуждение о раздорах и разногласиях между знатью и общинами в Афинах и Риме» в защиту нескольких лордов-вигов во главе с их лидером — лордом-канцлером Сомерсом, обвиненных в государственной измене, он оказался в стане вигов и приобрел репутацию их защитника и публициста. Вскоре он свел с многими из них знакомство и во время своих наездов в Англию постоянно

общался с кругом близких к вигам литераторов — Аддисоном, Стилем и другими. Впрочем, покойный патрон Свифта Темпл был тоже умеренным вигом, и это в некоторой степени предопределило первоначальную политическую ориентацию писателя.

Однако в программе вигов среди прочего заключалось требование устранить и в Англии, и в Ирландии препятствия, преграждавшие доступ диссентерам на государственные и военные должности. В этом вопросе само англиканское духовенство именно тогда разделилось на два лагеря, и в то время, как одни — их называли сторонниками низкой церкви, — смыкаясь с вигами, стояли за более терпимое отношение к диссентерам, другие — сторонники высокой церкви — выступали по существу за полное их отстранение от гражданской жизни, поскольку требовали признания государственной церкви единственной выразительницей религиозных взглядов всей нации, из чего следовало, что не принадлежащим к ней диссентерам должно быть отказано в защите со стороны государства, коль скоро государство и церковь едины. Тори в большинстве своем были сторонниками высокой церкви. Особую ярость «высокоцерковников» вызывало то обстоятельство, что многие диссентеры ради получения должности шли на компромисс и в обход Тест-Акта принимали в установленный срок причастие по англиканскому обряду, продолжая в остальное время посещать свои молитвенные собрания. Поэтому высокоцерковники не раз предпринимали попытки провести билль, сурово карающий такую практику временного или случайного единоверия, но под влиянием вигов такие попытки всякий раз терпели неудачу.

[Согласно так называемому Тест-Акту, или Закону о присяге, принятому в 1673 г. (в 1704 г. его действие было распространено на Ирландию), любой человек, назначаемый на должность, находящуюся в ведении короны, обязан был в течение ближайших трех месяцев после этого принять причастие в соответствии с обрядностью англиканской церкви. Виги руководствовались в вопросе свободы вероисповедания не только более либеральными взглядами, но и чисто прагматическими соображениями: так, например, в Ирландии, где почти все коренное население состояло из католиков, раздоры между сторонниками государственной англиканской церкви и различными протестантскими сектами лишь ослабляли англичан перед лицом враждебных им коренных ирландцев.]

Естественно, что священник, связанный с вигами и выступающий в их защиту, должен был выглядеть в глазах ортодоксальных и влиятельных церковников фигурой достаточно одиозной и не внушающей доверия.

Еще большую настороженность вызывало то обстоятельство, что этот священник явно больше дорожил своими мирскими связями и знакомствами, нежели церковными. Он вмешивался в политические распри, не имевшие подчас никакого касательства к делам религиозным, а свое язвительное и беспощадное перо (чем более талантлив и умен, тем более подозрителен) посвящал не богословским предметам, как подобало человеку его звания, но упражнениям на потребу острословам и умникам из лондонских кофеен, ради этих суетных успехов надолго покидая свой приход и прихожан. Занимая скромное место в церковной иерархии, Свифт к этому времени был одним из самых известных литераторов Англии. Читающая публика (разумеется, не в современном широком понимании этих слов) знала его как создателя вымышленного образа Исаака Бикерстаффа, под прикрытием которого он в серии пародийных памфлетов высмеял распространенные в ту пору альманахи астрологов, предсказывавших события на следующий год, а заодно посмеялся и над доверчивыми читателями. Имя Бикерстаффа приобрело после этого такую популярность, что литератор Стиль даже решил им воспользоваться и стал издавать от лица этого персонажа журнал «Тэтлер» («Болтун»). Более узкий образованный круг читателей по достоинству оценил сокрушительную мощь сарказмов Свифта, его гнева и презрения, когда он опубликовал в 1704 г. «Сказку бочки», заключавшую сатиру на всякого рода извращения и нелепости в религии, а заодно и в науке, литературе и во всей современной ему духовной жизни. В первую очередь он метил в католицизм и фанатиков из различных пуританских сект, не признававших англиканскую церковь. Однако, вопреки субъективным намерениям автора, книга приобрела откровенно антирелигиозный смысл. Очень уж дерзкой, срывавшей все покровы, была его мысль. Очень уж хлесткими были использованные им уподобления, и когда Свифт, желая посмеяться над католическими баснями, пользовался образом коровы, под коими подразумевал божью матерь, а крест, на котором был распят Иисус, фигурировал у него под видом указательного столба, то — вольно или невольно — он этим компрометировал самые почитаемые святыни христианской веры вообще. Свифт постепенно подводил читателя к выводу, что безумны не только фанатики и кликуши, безумен весь современный ему мир и потому лучше не докапываться до сути вещей и довольствоваться видимостью, тешиться иллюзиями. И разве быть счастливым, не значит быть «ловко околпаченным», то есть не видеть того, что делается вокруг, испытывать «благостно спокойное состояние дурака среди плутов»?

Такой книги ему не могли простить ханжи всех мастей и в том числе сама королева Анна, и сколько потом ни выступал Свифт в защиту англиканской церкви от всяких посягательств со стороны сектантов, деистов и вольнодумцев, церковные власти все равно не признавали его своим, не доверяли ему и страшились его ума, не знающего удержу в гневе.

К 1710 г. «Сказка бочки», которую он посвятил лорду Сомерсу, в надежде, что этот жест, как и прежние оказанные им вигам услуги, будет, наконец, должным образом вознагражден, выдержала уже пять изданий. Но виги не спешили, они отделывались любезностями и неопределенными обещаниями. «Мне стыдно за себя и за своих друзей, — писал Свифту тогдашний канцлер казначейства лорд Галифакс, — при мысли, что вы прозябаете там, где вас неспособны оценить (в Ирландии. — *А.И.*), а те, кто понимает, сколь высоки ваши достоинства и дарования, не вознаградили их» [*Corresp., 1, 150.*]. Эти слова звучали насмешкой, так как незадолго перед тем Свифт почти полгода тщетно обивал в Лондоне пороги Галифакса и Сомерса в надежде получить церковное назначение в Англии, которое избавило бы его от материальных забот и обеспечило более независимое общественное положение. В изысканно-комплиментарных даже по тем временам письмах он продолжал напоминать этим лордам об их обещаниях и открывшихся вакансиях, — а мечтал он не больше и не меньше как об епископате, — хотя в душе уже не верил им и желал отомстить. Если бы у них хватило воображения понять, чем может быть чревато негодование человека, написавшего «Сказку бочки», они, возможно, проявили бы больше внимания к его просьбам. Впрочем, виги едва ли могли тогда предположить, что их политическую карьеру ожидает в скором времени внезапный и бесславный финал.

У Свифта был еще один повод для недовольства вигами. Во время его предыдущего пребывания в Лондоне ирландское духовенство поручило ему похлопотать об отмене двух податей, взимаемых с церкви в пользу короны — так называемых первин, или первых плодов, то есть первого урожая, собранного во вновь полученном приходе, и двадцатины с любого церковного дохода. Такой налог уже несколько лет как был отменен в Англии, и, в сущности, речь шла о сумме едва ли превышавшей две тысячи фунтов в год, что было не так уж и накладно для казны. Собственно идея поручить это дело Свифту принадлежала дублинскому архиепископу Кингу, который решил, что связи Свифта в кругах правящей партии окажутся полезными, а ирландские епископы, хотя и без энтузиазма, дали свое согласие. Для Свифта же такое поручение было чрезвычайно важно, потому что в случае успеха его престиж в глазах ирландского духовенства

существенно бы возрос. Тем горше было ему сознавать, что и в этом деле виги не вняли его просьбам. Наместник Ирландии лорд Уортон дал ему понять, что правительство удовлетворит это ходатайство только в обмен на согласие ирландских епископов отменить Тест-Акт в Ирландии. А это противоречило убеждениям Свифта.

Парадоксальность ситуации заключалась в том, что в то время, как автора «Сказки бочки» считали едва ли не атеистом и с подозрением относились к его вигистским связям, сам он чем дальше, тем больше расходился с вигами по ряду вопросов и в первую очередь в вопросах религии.

Какова же была позиция Свифта в эти годы, когда он считался союзником вигов, по коренным вопросам, относительно которых споры в Англии становились все более ожесточенными: англиканская церковь и разного рода протестантские секты, прерогативы короны, и, наконец, отношение к двум политическим партиям — тори и вигам?

Что касается проблем религиозных, то наиболее полно Свифт изложил свое кредо в написанных им в 1708 г. «Мыслях приверженца англиканской церкви касательно религии и управления» [The sentiments of a Church-of-England Man with respect to religion and government. — *Wofks*, II, 1.]. Первое, что обращает здесь на себя внимание, особенно в сопоставлении с последующими его памфлетами периода близости с тори, — это стремление сохранить независимость позиции, не впадая в крайности ни одной из партий. По мнению Свифта, разделяя программу любой из них до конца, каждый честный человек совершает насилие над своей честностью или разумом. Перечисляя ошибочные крайности обеих партий, он указывает, в частности, на терпимость вигов к диссентерам. Виги считают, что этим людям нельзя отказать в праве служить родине на том лишь основании, что они несколько отличаются от англиканской церкви в церемониях и взглядах, но ведь это приводит в их стан атеистов, либертенов, гонителей религии, — всех тех, кого именуют обычно вольнодумцами, не говоря уже о том, что такой аргумент можно, в конце концов, использовать для допущения на государственную службу магометан, язычников, евреев… Поэтому он против отмены Акта о присяге, ибо угроза государственной церкви в конечном счете представляет собой угрозу самому государственному строю.

Что касается прерогатив короны, то король, по мнению Свифта, не может считать себя ответственным лишь перед богом. Справедливо требуя от подданных подчинения власти, нельзя при этом путать исполнительную власть (король) с законодательной (парламент), ибо высшей властью

является парламент, выражающий волю всей нации, и речь идет о повиновении народа им же выбранной власти. Высшая власть не может содеять зло, ибо любой ее акт — есть воля всех, а король принадлежит к ней как исполнитель этой воли. Вместе с тем, казнь Карла I для Свифта — позорное убийство, а государственный строй, установленный в результате переворота 1689 г., превосходит все ныне существующие: ведь три силы, составляющие высшую власть в Англии — король, палата лордов и палата общин — находятся в равновесии, ни одна из них не может быть отстранена от участия в законодательстве двумя другими, равно как и две из них не могут отменить или учредить закон без согласия третьей.

Что же касается обеих партий, то король должен главенствовать над всеми, иначе он превращается в главу одной партии и становится ответственным за все допущенные ею общественные злоупотребления. [Не случайно у наследного принца Лиллипутии один каблук был выше другого, и все из желания угодить одной из политических партий своей страны — высококаблучникам.] «Приверженец англиканской церкви может, сообразуясь с благоразумием и чистой совестью, больше одобрять принципы, провозглашенные одной партией, нежели другой, считая, что они более способствуют благу церкви и государства, но он никогда не станет из пристрастия или из выгоды содействовать каким-либо взглядам только потому, что их отстаивает партия, которую он более одобряет… Вступить в партию, как в монашеский орден, и изъявлять такую покорность вышестоящим совершенно несовместимо с гражданскими и религиозными свободами, которые мы так ревниво отстаиваем». Между тем, продолжает Свифт, дух партийной пристрастности так глубоко распространился, что «ныне, желая узнать, каков человек, вместо того, чтобы выяснить добродетелен ли он, честен, благочестив, здравомыслящ или учен, справляются только — виг он или тори, каковые определения включают все хорошие или плохие качества» [*Works*, II, 24.]. Свифт завершает свой трактат призывом к умеренности, он против крайностей вигов в отношении церкви и крайностей тори, противившихся любым попыткам ограничить прерогативы короны.

Как видим, перед нами довольно-таки своеобразный виг. Он решительно расходится с ними в вопросах религии, отстаивая интересы англиканской церкви, но самое главное — он отстаивает независимость своей позиции в отношении обеих партий, оценивая в высшей степени критически их влияние не только на политическую жизнь Англии, но и на нравственное состояние нации. Немудрено поэтому, что виги не считали его вполне своим, и можно лишь удивляться, что Свифт рассчитывал при

этом на их милости.

Как же совмещались в одном лице такие, казалось бы, взаимоисключающие друг друга крайности, как сочинение «Сказки бочки» и отвращение ко всякого рода неконтролируемому разумом энтузиазму и тем более религиозному фанатизму с собственной нетерпимостью к любым отступлениям от официально установленного вероучения? Не было ли это следствием собственной непоколебимой веры Свифта в догматы англиканской церкви? Вряд ли. Для него церковь была в первую очередь институтом политическим и нравственным. У него был слишком аналитический ум, не оставлявший места для иллюзий и простодушной веры, и к своим взглядам он пришел чисто логическим путем. Он настаивал на том, что человек обязан исполнять религиозные обряды независимо от того, верит он или нет, и даже требовал установить контроль над религиозно-нравственным поведением людей, которое должно быть основным критерием при назначении их на должность. [A Project for the Advancement of Religion and the Reformation of Manners. — *Works*, II. 48—50. Любопытно, что уже после сближения с тори, в № 29 своего журнала «Экзаминер» («Исследователь») от 22 февраля 1711 г. он высказывал мнение, что если даже человек и не верит в бога, но скрывает свое неверие, не распространяет безбожных принципов ни письменно, ни устно и не пытается вербовать своих последователей; если он, подобно многим атеистам, считает, что религия лишь выдумка политиканов, чтобы держать народ в страхе, но при этом признает, что нынешняя государственная церковь лучше всего приспособлена для этой цели, то хотя будущая, то есть загробная, участь такого человека плачевна, но и он может волею провидения стать орудием, способствующим сохранению церкви (*Works*, III, 151—152).]

Итак, скромный провинциальный пастор в Ирландии и в то же время самый блистательный сатирик, пародист и памфлетист в английской литературе начала XVIII в., человек с репутацией атеиста среди своих собратьев по клиру и одновременно защитник непререкаемого авторитета англиканской церкви среди вигов — таков был доктор Свифт, когда в конце августа 1710 г. он в свите лорда Уортона (чтобы было не так накладно) отправился в Лондон. Он был вновь послан в помощь уже находившимся там двум ирландским епископам хлопотать все о тех же первинах. Ехал он с явной неохотой: слишком еще свежи были в памяти его недавние безуспешные и унизительные хлопоты.

По пути в Лондон он отправил Эстер Джонсон письмо, которое и положило начало «Дневнику для Стеллы», впервые предлагаемого

вниманию русского читателя. Это было обычное дорожное письмо, не отличающееся от других писем Свифта. Но, очутившись в Лондоне, он вскоре почувствовал, что становится очевидцем событий, которые, возможно, будут иметь огромное значение для судеб его страны, и что в его собственной судьбе могут произойти перемены, которых он столько лет ожидал и на которые так надеялся. Писать об этом от случая к случаю, лишь в ответ на получаемые из Ирландии письма, значило многое, достойное упоминания, забыть, и тогда он решает превратить свои письма в некое подобие дневника. Постепенно с каждым новым письмом стала складываться у Свифта своеобразная манера вести свои записи, делающая его дневник не похожим ни на какой другой. При этом он и не помышлял превратить свои записи в книгу и отнюдь не собирался публиковать их. Более того, дневник ни в коем случае не предназначался для посторонних глаз и, если Письма первоначально сохранились, то, возможно, лишь благодаря благоговейному отношению Эстер Джонсон к каждой написанной Свифтом строке и еще вскользь оброненным им как-то словам, что на склоне дней ему будет любопытно перечесть эти страницы. Да и название «Дневник для Стеллы» принадлежит не Свифту, а позднейшим его издателям и биографам. И лишь после публикации этих писем отдельной книгой в 1784 г. началась ее история не только как выдающегося документа эпохи и одновременно документа глубоко личного, автобиографического, но прежде всего как литературного памятника, естественно вписавшегося в круг получивших распространение именно в XVIII в. жанров писем, записок, исповедей, дневников.

Попытаемся теперь воспроизвести канву важнейших событий, происходивших во время этого пребывания Свифта в Англии, частью на основании записей «Дневника», где они окружены таким количеством самого разнородного материала, что некоторые существенные моменты могут ускользнуть от внимания читателя, а частью выходя за пределы этих записей, ибо Свифт далеко не все в них упоминает — из предосторожности, порой из предвзятости, а еще и потому, что даже он был далеко не обо всем осведомлен, и факты, накопленные с тех пор как литературоведами, так и историками, позволяют более полно восстановить истинную картину тех лет.

Хотя на основании «Дневника» можно подумать, что политическая ситуация, сложившаяся в Лондоне к приезду Свифта, была для него неожиданностью, на самом деле он знал о начинающихся переменах и даже рассчитывал на них: еще до отъезда он писал своему лондонскому издателю Туку, что надеется вскоре его увидеть, и прибавлял: «…похоже… будет установлен новый порядок вещей, а у меня есть та заслуга, что я не стал приноравливаться в старому» [*Corresp.*, 1, 166.]. Дни кабинета вигов еще недавно, казалось бы, столь устойчивого, были сочтены. Этому содействовало много причин, и в первую очередь усталость от войны за Испанское наследство, которой не видно было конца. Между тем виги стояли за ее продолжение, ссылаясь на то, что еще одна-две победоносные кампании принудят Францию к безоговорочной капитуляции. Герцог Мальборо, не довольствуясь своим положением и огромными законными и незаконными доходами, потребовал присвоения ему звания главнокомандующего пожизненно, а его супруга — фаворитка королевы — властная и не менее корыстная Сара Дженингс чувствовала себя в Сент-Джеймском дворце полновластной хозяйкой. Но бывший член нынешнего кабинета вигов, ушедший несколькими годами ранее в отставку, Роберт Гарли давно уже исподволь внушал недоверчивой, упрямой и нерешительной королеве Анне, что ей пора освободиться от ига семейства Мальборо (сын лорда-казначея Годольфина и государственный секретарь Сандерленд были женаты на дочерях герцога). И вот как раз в это время королеве представился подходящий повод.

Неистовые проповеди фанатичного высокоцерковника Сэчверела, провозгласившего, что при вигах церковь находится в опасности, и сопровождавшего свои обвинения оскорбительными личными нападками на министров, всколыхнули рьяных поборников веры. Попытка кабинета обвинить Сэчверела в государственной измене вызвала такую бурю протестов, что замысел кабинета потерпел неудачу. И тут-то королева Анна, всегда ревновавшая о вере, решила этим воспользоваться. В августе Годольфину велено было подать в отставку, и он в ярости сломал свой белый жезл лорда-казначея. Вскоре получил отставку и Сандерленд, а Сара после бурного объяснения с королевой уже несколько месяцев не появлялась в ее покоях. В сентябре последовала отставка остальных членов кабинета, и Роберту Гарли, хотя он занимал тогда скромный пост лорда казначейства, было поручено сформировать новый кабинет. Парламент был распущен и были назначены выборы нового. События следовали друг за другом с такой быстротой, что производили ошеломляющее впечатление. И не только в самой Англии. Ее союзники прекрасно

понимали, что это повлечет за собой столь же решительные перемены в ее политике на континенте.

С какой же целью пришли в Уайтхолл умеренный осторожный Гарли и его молодой и честолюбивый коллега Сент-Джон? Последний с завидной откровенностью высказал это много позднее в письме к У. Уиндхему: «Боюсь, что мы появились при дворе с теми же самыми стремлениями, с какими это делали все партии, что главным побудительным мотивом наших действий было забрать в свои руки управление государством, а главным нашим желанием было закрепить за собой власть и все наиважнейшие посты, а также получить возможность вознаграждать тех, кто помог нашему возвышению, и вредить тем, кто нам противодействовал» [Цит. по кн.: *Trevelyan G. M.* England under queen Anne, in 3 vols. London, 1930—1934, III, p. 96.].

У дальновидного Гарли была своя тактика: желая оставить для себя возможность лавировать, он не хотел оказаться на поводу у крайних тори и вывести из игры вигов; кроме того, он понимал, что единственным козырем, который мог оправдать приход их кабинета к власти и снискать ему популярность, был мир. С этой целью он, еще не будучи главой кабинета, в августе 1710 г. начал искать возможности прямых переговоров с Версалем. Теперь Гарли был крайне необходим человек, который сумел бы представить его кабинет в самом выгодном свете и убедить английский народ в благотворности происшедших перемен. И то, что ему удалось привлечь на свою сторону Свифта, было величайшей его удачей. Приехав в Лондон, Свифт на первых порах еще по инерции посещает вигов, но 29 сентября 1710 г. вскользь упоминает в «Дневнике», что завтра ему предстоит встретиться с Гарли. Судя по всему, эта встреча была подготовлена заранее. Кому принадлежала инициатива? Думается, что она была обоюдной. Свифт искал путей, чтобы выполнить порученное ему дело с первинами; он не скрывал, что считает себя человеком обиженным, с которым прошлое министерство поступило несправедливо, а Гарли через своего секретаря Льюиса и однокашника Свифта по колледжу — банкира Стрэтфорда, по-видимому, давал ему понять, что стоит лишь ему захотеть, и он преуспеет.

4 октября происходит их знакомство, 7 октября Свифт излагает Гарли свое дело, 10 октября Гарли уже сообщает ему, что доложил о его ходатайстве королеве и что через неделю все будет сделано, а 21 октября, то есть через две недели после их знакомства, он уверяет Свифта, что королева даровала первины и осталось только выполнить формальности. Какой это был разительный контраст с поведением вигов! Еще бы, Гарли,

против своего обыкновения, торопился: ему необходимо было связать Свифта благодарностью и обязательствами. Мало этого, уже при второй встрече он знакомит Свифта с членами своей семьи; его принимают не чинясь, не в канцелярии, а за обеденным столом, в кругу семьи и знакомых, как друга, как равного, как человека, знакомство с которым — честь. И ему не милость оказывают, а услугу, и в ответ тоже просят помочь, оказать дружескую услугу. Гарли понимал, что имеет дело с человеком гордым, самолюбивым, обидчивым, а подчас и высокомерным с теми, от кого он боялся встретить недостаточно уважительное отношение. После беседы Гарли сам отвозит его в карете, правда, не в своей — это еще впереди — и не домой, а к Сент-Джеймской кофейне. Насколько это было непохоже на холодный формальный прием Годольфина! И сознание этой разницы вызывает в душе Свифта еще большую ярость против вигов.

Виги, по-видимому, прослышав об этом опасном сближении, спохватились. Галифакс беспрестанно приглашает Свифта к себе; главный казначей и смотритель придворных служб изъявляют желание познакомиться с ним, но уже поздно, и теперь Свифт отделывается от их назойливых приглашений. А как меняется тон его записей! Еще недавно он писал, что до смерти устал от этого города, что хотел бы никогда больше сюда не приезжать, а теперь он уже только посмеивается, наблюдая падение вигов, теперь он находит, что жизнь в Лондоне имеет «неизъяснимую прелесть»; и, наконец, 14 октября мы читаем: «Я не намерен пользоваться чьим бы то ни было влиянием, кроме собственного». И если в первых записях единственный мотив, которым он руководствуется, — месть и необходимость во что бы то ни стало добиться выполнения порученного ему дела, то теперь возникают иные мотивы: мистер Гарли «любит церковь». Ведь теперь ему необходимо было как-то сформулировать для себя, в чем же состоят достоинства людей, пришедших к власти.

2 ноября выходит первый написанный им номер журнала «Экзаминер». Но в «Дневнике» об этом ни слова. 9 ноября вышел второй номер — об искусстве политической лжи, метивший в Уортона; 23 — один из самых прекрасных и язвительных выпусков журнала, изобличавший доселе недосягаемого Мальборо. Подумать только: самого Мальборо! 30 ноября последовал еще один беспощадный выпад против Уортона, человека, беззастенчиво грабившего Ирландию («Экзаминер» № 18). И в эти же дни выходит отдельный памфлет с уничтожающей характеристикой того же Уортона [«Краткая характеристика его светлости графа Томаса Уортона». — В кн.: *Свифт Джонатан.* Памфлеты. М.: ГИХЛ, 1955, с. 64.],

в своей причастности к написанию которого Свифт упорно не признается, понимая, что среди ирландского окружения Стеллы мало кто одобрит свирепую беспощадность его нападок. И потом так безопаснее: мало ли что может произойти в будущем.

Гарли мог торжествовать. И он старается не остаться в долгу. 11 ноября Свифт представлен Сент-Джону, осыпавшему его такими комплиментами, что Свифт сам признает их преувеличенными. Оба вельможи настаивают на том, чтобы Свифт непременно прочитал проповедь в присутствии королевы, и Гарли обещает представить его королеве, а 17 февраля 1711 г. он допущен на обед в самом узком кругу лиц из кабинета министров. Новые покровители Свифта обладали очень важными в его глазах достоинствами: Сент-Джон был умен, остроумен, неотразимо обаятелен, когда того хотел; это был лучший оратор в парламенте, и в нем уже тогда угадывался будущий незаурядный политический мыслитель и писатель; что же касается Гарли, то он собирал редкие рукописи и книги и мог по любому поводу с легкостью процитировать древнегреческого или римского писателя. Все это чрезвычайно импонировало Свифту: еще бы, он, следовательно, имел дело не с заурядными политиканами, а с людьми, духовно ему близкими и, значит, способными его оценить.

Казалось бы, свершилось все, о чем Свифт мечтал. Да и позиция кабинета Гарли упрочилась. На выборах в парламент тори получили подавляющее большинство в палате общин. Энтузиазм защитников англиканской церкви, подогретый делом Сэчверела, и поддержка со стороны сельских сквайров, все еще представлявших в то время самый многочисленный и влиятельный слой английского общества, сыграли свою роль. Чувствуя такую опору, кабинет увольняет ряд крупных офицеров — сторонников Мальборо, а королева смещает со всех должностей жену герцога, и ее место занимает новая фаворитка — Эбигейл Мэшем, к слову сказать, дальняя родственница герцогини, имевшей неосторожность пригреть ее при дворе, ставленница Гарли, который получает, таким образом, еще одну возможность влиять на королеву. Чем же тогда объяснить, что именно в это время в «Дневнике» появляются первые записи, свидетельствующие о том, что далеко не все обстоит безоблачно. 1 января 1711 г., как будто без всякой видимой причины, Свифт восклицает, что предпочел бы находиться где угодно, только не здесь.

Причин для этого было достаточно. Бойкот финансистов, связанных с вигами и опасавшихся, что кабинет тори откажется оплачивать сделанные ими казне займы, и, как результат — катастрофическое отсутствие у

правительства денег; требования особенно ретивых тори расправиться с бывшими министрами и их приспешниками, в надежде, что им в таком случае что-нибудь перепадет; бешеное сопротивление вигов — все это создавало обстановку, при которой кабинет находился буквально на острие ножа. Между тем Гарли, имевший привычку откладывать до последней минуты даже самые спешные и важные дела и никогда с определенностью не высказывавший своего мнения, потому что он постоянно на всякий случай вел двойную и тройную игру, ко все большему удивлению Свифта, проявлял опасную беспечность и благодушие. Что же касается Сент-Джона, то весь Лондон знал, что он не брезгует самыми грязными и подозрительными злачными местами и нередко является в свою канцелярию, прокутив всю ночь напролет. Более того, Свифт впервые обнаружил, что между двумя лидерами существует явное соперничество. К этому прибавились первые глубоко личные разочарования. Время шло, но Гарли упорно молчал и насчет своего обещания представить его королеве и насчет проповеди в ее присутствии. Ни того, ни другого Свифт так и не дождался. А оба патрона нет-нет, да и заденут его оскорбленное самолюбие. Так, шутя, они сообщают Свифту, что говорили о нем с королевой, а она ответила, что никогда о нем не слыхала. Они знали его уязвимые места и умело этим пользовались.

Затем происходят бурные размолвки — сначала с Гарли, попытавшимся расплатиться со Свифтом, как с обычным наемным писакой, передав ему 50 фунтов, а потом с Сент-Джоном, высказавшим неожиданно в обращении с ним холодность и высокомерие. В обоих случаях в ответ последовала болезненная, бешеная вспышка оскорбленной гордости. [Не потому ли его Гулливер предавался впоследствии «…грустным размышлениям о тщете попыток добиться к себе уважения со стороны людей, находящихся в положении, совершенно несравнимом с нашим» (*Свифт Дж.* Сказка бочки. Путешествия Гулливера. М.: Художественная литература, 1976, ч. II, гл. 5, с. 245. Далее цитаты даются по этому изданию).] Ведь вся радость, все очарование отношений с этими вельможами в том для Свифта и заключались, что он помогал им как друзьям и только потому, что это соответствовало его убеждениям. С крушением этой иллюзии ему было невозможно примириться. Впрочем, он слишком многое поставил на карту и слишком далеко зашел, чтобы отступать, а им он был настолько необходим, что, сделав из этих индицентов определенные выводы, обе стороны вскоре восстановили прежний статус-кво.

Хуже обстояло дело с первинами, хлопоты о которых сулили, как

казалось вначале Свифту, полный успех. 3 ноября 1710 г. Гарли позволил ему написать архиепископу Дублинскому, что первины дарованы, но без права разглашать это, пока королева по завершении формальностей официально не уведомит об этом ирландскую конвокацию (собрание высших чинов англиканской церкви). Проходили дни, недели; наместником Ирландии успели назначить герцога Ормонда, и, ничего не ведавшие о том, что дело решено, епископы обратились к нему с просьбой стать их ходатаем. И поскольку они полагали, что Свифт, как друг опальных вигов, может теперь только повредить делу, они решают затребовать у него бумаги. Свифт в ярости, но Гарли обещает ему уведомить Ормонда, что хлопотать уже не о чем. Проходит еще месяц, Свифт уже не может спокойно думать об этих «опостылевших первинах», он жалуется на Гарли Сент-Джону: ведь дело идет о его репутации. Проходит еще 5 месяцев, и Гарли по-прежнему уверяет его, что дарственная грамота составлена и осталось только выписать патент и что он обо всем уведомит Ормонда. 7 июня 1711 г. он сообщает Свифту, что отправляющемуся в Ирландию Ормонду дано указание упомянуть в своей речи в ирландском парламенте о даре королевы, но проходит месяц и Гарли признается, что бумаги о первинах… потеряны! При этом он просит Свифта письменно известить епископов, что все будет в ближайшее время улажено. В итоге ирландские епископы решают, что заслуга в этом деле принадлежит Ормонду, Гарли и королеве… и для Свифта начинается новая пытка. Ведь его даже не упомянули, а сколько он ради этого сделал! И он то уверяет, что не желает никаких благодарностей от этих жалких людишек, то клянет их и винит в неблагодарности. Гарли обещает Свифту особо отметить его заслуги в своем ответном письме епископам, но проходит сентябрь, октябрь, идет уже второй год с того дня, как Свифт впервые услыхал от Гарли радостную весть, но свое обещание упомянуть о нем в письме Гарли так и не выполнил. [«…так как все жалуются, что фавориты государей страдают короткой и слабой памятью,… то каждому, получившему аудиенцию у первого министра, по изложении в самых коротких и ясных словах сущности дела следует на прощание потянуть его за нос или дать ему пинок в живот… и тем предотвратить министерскую забывчивость. Операцию следует повторять каждый приемный день, пока просьба не будет исполнена или не последует категорический отказ» («Путешествия Гулливера», III, 6).] А тем временем епископ Митский, в епархию которого входил приход Свифта, грозился вытребовать его и отрешить от должности за столь долгое отсутствие. Но и это Свифт простил своему покровителю, или сделал вид, что простил.

8 марта 1711 г. произошло событие, едва не погубившее торийский кабинет и заставившее Свифта забыть о всех своих обидах: во время заседания Тайного совета Гарли был ранен маркизом Гискаром, французским эмигрантом, авантюристом и проходимцем, услугами которого пользовалось английское правительство. Случайная рана (случайная, потому что Гискар хотел расквитаться с Сент-Джоном) сделала Гарли мучеником, пострадавшим от паписта, чуть ли не национальным героем. [Зная истинную подоплеку событий, Свифт, тем не менее, поручил своей подручной — госпоже Мэнли изобразить это происшествие как следствие гнусного политического заговора врагов Гарли, стремящихся его погубить. Но в «Путешествиях Гулливера» он мог быть откровенным, и уж тут он с беспощадной прямотой открывает истинную подоплеку и цели подобных затей: «Заговоры в этом королевстве обыкновенно являются махинацией людей, желающих укрепить свою репутацию тонких политиков, вдохнуть новые силы в одряхлевшие органы власти; задушить или отвлечь общественное недовольство, наполнить свои сундуки конфискованным имуществом…» (III,6).] Нежданные лавры соперника вызвали у Сент-Джона еще большую зависть. Пользуясь временным отсутствием Гарли, он спешит осуществить свой план: экспедицию в далекую Канаду с целью захвата принадлежавшего французам Квебека. Он возродит тогда славу Англии — великой морской державы — и затмит и Мальборо, и Гарли. Возглавит экспедиционные войска полковник Хилл. У него, правда, нет никакого опыта, но это не столь уж важно, зато он брат миссис Мэшем, которую Сент-Джону крайне необходимо перетянуть на свою сторону, тем более, что королева ему не доверяет. Раненый Гарли просит в письме не давать на эту затею денег, впоследствии он доказывал, что три четверти выплаченной суммы были присвоены Сент-Джоном, и это похоже на правду. Но Сент-Джон настоял на своем, а шесть месяцев спустя пришло известие о постигшей экспедицию катастрофе.

24 мая Гарли становится пэром и получает титул графа Оксфорда, через несколько дней его назначают лордом-казначеем, а некоторое время спустя он получает Подвязку, в то время как его сопернику приходится довольствоваться лишь титулом виконта Болинброка. В конце мая 1711 г. граф Оксфорд оглашает свой спасительный финансовый проект: он предлагает создать акционерную Компанию Южных морей; ее пайщиками станут в первую очередь те, кто ссудил государству крупные суммы. Весь многомиллионный долг казны будет теперь передан этой компании на условиях выплаты пайщикам шести процентов прибыли и с обещанием, что после заключения мира этой компании будет передано монопольное

право на торговлю рабами в Южной Америке, чем и будет возмещен с лихвой весь долг. Палата общин ликует, Гарли в зените славы. Свифт счастлив за своего патрона и пишет об этом в патетическом тоне. Одновременно он спешит добыть своему приятелю Стрэтфорду место одного из управляющих этой компанией. Недавно он с помощью Стрэтфорда вложил и не без выгоды кругленькую сумму в акции Английского банка, теперь с помощью того же Стрэтфорда он вкладывает эти деньги в акции новой компании. Оно и неудивительно — ведь Английский банк находится в руках этих бессовестных торгашей-вигов, а Компания Южных морей — детище тори, помышляющих лишь о том, чтобы вызволить отечество из затруднительного положения. Но для того, чтобы проект Гарли осуществился, необходим мир.

В апреле 1711 г. французы после долгих тайных переговоров прислали, наконец, письменный официальный документ, где излагали условия мира; среди прочего они настаивали на том, что Испания должна принадлежать внуку французского короля — Филиппу. Но как же тогда быть с основным требованием союзников: никакого мира без Испании, то есть без отхода Испании к брату австрийского императора? И тут судьба подносит кабинету тори подарок — умирает австрийский император, и корона переходит к его брату, тому самому, которого прочат на испанский престол, и, следовательно, теперь вновь нарушится равновесие сил в Европе, но уже в пользу австрийского дома. Так основной козырь вигов был выбит у них из рук, и можно было ускорить подготовку мира. Теперь инициатива переходит в руки Болинброка, он понимает, что это для него единственная возможность затмить ненавистного соперника. А Свифт, только в начале июня 1711 г. закончивший издание «Экзаминера», приступает к новому ответственному делу: он должен обосновать методы ведения мирных переговоров, избранные Болинброком. И разве мысль, что от его искусства и аргументов будет в немалой степени зависеть такое великое событие, как прекращение многолетней изнурительной войны, не достойная награда, искупающая все разочарования и труды, которыми были заполнены недели и месяцы его пребывания в Лондоне?

Свифт приступил к работе над памфлетом «Поведение союзников», по-видимому, в июле, но держит это пока в тайне; лишь время от времени он пишет в «Дневнике», что мир — это «единственное, что может нас спасти». Под словом «нас» он в первую очередь имеет в виду не Англию, а кабинет тори, охваченный распрей двух своих лидеров, каждый из которых старается теперь перетянуть на свою сторону и великого публициста своей партии. Об этом особенно печется Болинброк: он везет Свифта в свое

поместье Баклбери, и, когда гость отправляется почивать, его провожают в отведенную ему комнату не слуга, а сам государственный секретарь и его жена, ведущая свой род от легендарного Джека из Ньюбери. Оно и неудивительно: Болинброку было необходимо, чтобы автор будущего памфлета верил ему, верил, что Болинброк ничего от него не утаил и ничем предосудительным себя не запятнал. И Свифт, польщенный таким обхождением, верил несколько больше, чем следовало. Он едва ли подозревал, как далеко зашел Болинброк, чтобы заключить мир как можно скорее и притом с наибольшей для Англии выгодой.

Свифт не знал (такого мнения, во всяком случае, придерживается большинство исследователей), что Болинброк вел переговоры не только с Версалем, но и с двором в Сен-Жермене, где жил претендент на английскую корону из рода изгнанных Стюартов. Оксфорд тоже поддерживал с ним сношения, но не так рьяно. И это происходило как раз в то время, когда Свифт в своих памфлетах винил вигов в тайных умыслах возвратить корону претенденту. Поистине — с больной головы на здоровую! У вигов было много грехов за душой, но в этом отношении они были вполне невинны. Кроме разве лорда Сомерса и, конечно же, герцога Мальборо, который, поддерживая постоянную связь с ганноверским курфюрстом — законным наследником английского престола в случае смерти Анны — и обещая с оружием в руках защищать его права, одновременно просил прощения у претендента за свое прежнее отступничество от его отца — короля Иакова II Стюарта. На всякий случай. Мало ли как может повернуться дело.

Всю осень Свифт трудился, не покладая рук («у меня сейчас бешеная спешка»); тайные переговоры Болинброка за спиной союзников шли к финалу, в октябре 1711 г. соглашение между Англией и Францией было в основном достигнуто. Для отвода глаз обнародовали некоторые условия предварительного соглашения, составленные в самых общих словах, предусмотрительно умолчав о конкретных преимуществах, полученных Англией. Виги были в ярости. Ганноверский курфюрст отвергал заключение мира без Испании, и его посол направил гневную ноту протеста. Желая в такой ситуации во что бы то ни стало добиться успеха, Болинброк шел все далее по пути еще большего сближения с Францией и Стюартом. Свифту необходимо было во что бы то ни стало поспеть со своим памфлетом к открытию парламента. 8 ноября, например, он с утра и до вечера вместе с Болинброком вносит исправления в рукопись, предварительно прочитанную государственным секретарем. 27 ноября памфлет Свифта «Поведение союзников» выходит из печати. Он

производит впечатление разорвавшейся бомбы. Повсюду, в кофейнях и гостиных только и разговоров, что о нем. Всеобщее нетерпение достигает предела.

Сессия парламента открылась 7 декабря, и в тот же день один из самых закоренелых тори — лорд Ноттингем, к полному изумлению своей собственной партии, вносит поправку в адрес, который парламент направил королеве: никакого мира без Испании. Он сделал это в угоду вигам, стремившимся сорвать заключение мира, а они в свою очередь пообещали Ноттингему проголосовать за принятие билля о временном единоверии. Этот билль грозил разорительными штрафами тем диссентерам, которые, приняв причастие по обряду англиканской церкви ради получения должности, продолжают посещать молитвенные собрания своей секты. Виги, таким образом, предали своих сторонников из числа диссентеров, убедив их, что это лишь временная мера.

Позиции тори в палате лордов всегда были шаткими. Оксфорд же, по своему обыкновению, не принял никаких предварительных мер. Возможно даже, что желание увидеть крах усилий Болинброка было настолько велико, что Оксфорд решил предоставить все на волю случая. В результате поправка Ноттингема была принята. Однако это означало поражение и в сущности крах кабинета Оксфорда. Свифт в панике («Я ужасно пал духом»), он подозревает королеву в вероломстве, а Оксфорда и миссис Мэшем в предательстве. А ведь совсем недавно он так радовался за Оксфорда и восхищался им. Стало быть, в душе Свифт считал и его и миссис Мэшем интриганами, которые способны на все. Впрочем, и о секретаре он незадолго перед тем обмолвился: «…насколько он правдив и прямодушен, судить не берусь». Свифту уже мерещится наказание, ожидающее в недалеком будущем его патрона и его самого — казнь, виселица. А что, если его враги поступят с ним так же, как он требовал поступать с ними? Ведь по его настоянию Болинброк отправил в тюрьму нескольких писак, осмелившихся печатно оскорбить Свифта. Он напоминает Сент-Джону об услугах, оказанных им министерству; ведь он делал все безвозмездно и просит теперь лишь об одном — помочь ему укрыться где-нибудь в безопасности. Записи этих дней (начиная от 7 декабря 1711 г.) представляют нам их автора не в лучшем виде. Только теперь, надо полагать, Свифт вполне осознал, каким огромным и в ряде случаев необратимым переменам содействовал он своим пером, каких влиятельных людей помог низвергнуть и какую большую ответственность взял тем самым на себя. Делать это, чувствуя за своей спиной прочную опору в лице всесильных министров, было безопасно, труднее было

представить себя лишенным опоры и поддержки и, быть может, выставленным у позорного столба, как это однажды произошло с Даниэлем Дефо, коего он презирает, как продажного писаку. На это у Свифта не хватало мужества.

В такой мучительной неизвестности, когда все висело на волоске, проходит весь декабрь. И вдруг 29 декабря происходит беспрецедентный в истории английской политической практики случай: королева сразу назначает 12 новых пэров с тем, чтобы тори получили большинство в палате лордов. Кабинет Оксфорда спасен. Свифт ликует; «все мы теперь вне опасности» — «все мы» — это он и его единомышленники. В тот же день было объявлено о смещении Мальборо со всех его должностей. Мало этого, 17 января 1712 г. лидер вигов в палате общин — Роберт Уолпол — был обвинен во взяточничестве, признан виновным, изгнан из парламента и отправлен в Тауэр. 24 января сам Мальборо был обвинен во взяточничестве при размещении поставок для армии и признан виновным. После таких ударов виги были уже не в состоянии сопротивляться подписанию мира. К Свифту возвращается его прежняя уверенность в себе: «И вообще я ничего не боюсь, если только не произойдет смены кабинета, а такая опасность, надеюсь, уже миновала» (запись от 11 января 1712 г.). Он мог теперь с полным удовлетворением наблюдать плоды своих трудов: депутаты парламента черпали доводы из его памфлета, а принятые ими постановления состояли чуть не из дословных цитат оттуда. Он подготовил английское общественное мнение к принятию условий мира, выработанных Болинброком. Его миссия была выполнена.

Теперь он мог и побездельничать, ведь, судя по «Дневнику для Стеллы», Свифт редко какой день проводил в полной праздности, если же ему и случалось отложить перо, то лишь по нездоровью или потому, что его патроны подчас неделями не удосуживались снабдить его необходимыми для работы материалами или прочесть уже написанное. Как правило, он ежедневно проводит по нескольку часов за письменным столом, но бывают периоды особой спешки, и тогда он ни с кем не видится, не выходит из дома и трудится, не разгибая спины, до полного изнеможения. Так много, как в этот период близости с тори, он никогда не работал ни прежде, ни впоследствии. Достаточно сказать, что написанное

им в эти три с небольшим года составляет едва ли не четверть всего прозаического наследия писателя. В большинстве случаев инициатива исходила от Оксфорда или Болинброка, просивших его написать по какому-нибудь поводу, помочь им пером и высказывавших на этот счет какие-то общие соображения, а уж Свифт осуществлял их поручение, сообразуясь с собственным разумением и вкусом. Бывало и так, что идея очередного памфлета возникала у Свифта и он посвящал в свои намерения торийских лидеров. В случаях особой важности Оксфорд или Болинброк предварительно прочитывали написанное и либо просили о том Свифта, либо, по-видимому, собственноручно что-то изменяли в тексте, как это было с «Поведением союзников». Во всяком случае изображать дело так, что Свифт будто бы диктовал министрам политику их кабинета, как это иногда утверждают авторы некоторых исследований, значит крайне упрощать реальную ситуацию и преувеличивать степень его самостоятельности. Другое дело, что он подчас тайком от них и, конечно, как всегда, анонимно выпускал какой-нибудь очень уж дерзкий памфлет или стихотворный пасквиль, не останавливаясь в таких случаях перед самыми оскорбительными личными нападками или намеками по поводу приватной жизни своих противников, но он прекрасно знал, что его выходка будет на пользу торн и придется по вкусу его патронам. Он получал немалое удовольствие, когда его высокие покровители смаковали особенно удачные места очередного анонимного сочинения и гадали, кто бы мог быть его автором, нередко при этом подозревая, что он сидит за их столом и что их недоумение чрезвычайно ему по душе.

Не имея возможности в пределах данной статьи хотя бы бегло остановиться на публицистике Свифта тех лет [Из работ, посвященных публицистике Свифта этого периода, следует назвать хотя бы: *Cook R. J.* Swift as a tory pamfleteer. Seattle and London, 1967.], мы однако же считаем необходимым отметить, что она свидетельствует о заметных переменах в общественной позиции сатирика и в частности по вопросам, о которых шла речь в начале.

Еще более непримиримым стало его отношение ко всякого рода диссентерам и атеистам, о чем свидетельствуют некоторые написанные им в эти годы памфлеты. [Mr C — n's Discourse of Free-Thinking put into plain English by way of Abstract for the use of the Poor, by a friend of the Author. London, 1713. — *Works*, IV, 23—50.] Он прославляет тори как защитников англиканской церкви, радуется их решению построить в Лондоне 50 новых храмов, а среди тех гибельных последствий, которые воспоследуют в случае прихода к власти вигов, Свифт в первую очередь предрекает

допущение атеистов на государственную службу, изъятие воспитания юношества из рук духовенства, запрещение епископам отправлять правосудие и изгнание их из палаты лордов и, наконец, уничтожение независимости церкви от государства («Экзаминер» № 25, 71—72). [Здесь и далее ссылки в тексте даны по изданию: *Works*, III.]

Изменилось отношение Свифта и к вопросу о прерогативах короны. «Если король, — пишет он, — незаконно захватит мое имущество и землю или если он поддерживает беззакония министров, то народ может подтвердить свои права, но только *без какого-либо насилия над его особой и его законной властью* » (Ibid., № 33, 114. Курс. мой. — *А.И.*). Нетрудно заметить, что последние подчеркнутые нами слова сводят на нет смысл сказанного в первой части этой фразы. И всякий раз, возвращаясь к этому предмету и уточняя свое понимание данного вопроса, Свифт все более обнаруживает стремление оградить королевскую власть от всяких посягательств на ее права, от контроля над ее действиями. «Тори — это тот, кто подтверждает наследственные права королевы, кто считает, что особа короля священна, что его законной власти, ни даже превышению им оной ни под каким предлогом нельзя оказывать сопротивление без самой крайней необходимости» (Ibid., № 43, р. 166). «Королева имеет право менять своих министров, не входя при этом в объяснение причин, а подданные обязаны предполагать, что у нее, следовательно, были на то основания. Те лица, которые смеют осуждать такие действия королевы, не могут притязать на верность ей» (Ibid., № 18, 31—33). Таким образом, переходя от общих рассуждений к конкретной практике, Свифт фактически утверждает, что королевская власть вправе принимать важнейшие государственные решения без всякого отчета в своих действиях перед подданными и что последние обязаны принимать эти действия на веру.

Прежде, сотрудничая с вигами, он старался выглядеть объективным в отношении обеих партий, теперь он характеризует вигов как разношерстный сброд, объединившийся на время в корыстных целях, чтобы поживиться добычей, пока они у власти и покуда длится война. Это атеисты и спекулянты, сектанты и финансисты, должностные лица, повинные в злоупотреблениях и страшащиеся разоблачений, одним словом, всякого рода отребье, подонки общества, люди без чести и морали, «которые по своему рождению, воспитанию и заслугам могут самое большее претендовать лишь на то, чтобы носить наши ливреи» (Ibid., № 14, 12). Теперь Свифт безоговорочно одобряет политику тори, все принимаемые ими меры и законы, даже билль, по которому в парламент могли быть избраны только лица с очень высоким доходом от земельной

собственности. Лишь теперь, утверждает он, народ может свободно решать свои дела и выбирать (напомним, что, употребляя слово «народ», Свифт в первую очередь имеет в виду землевладельцев и духовенство); «никогда ни один король не имел министров, более способных различать истинную заслугу, нежели те, что стоят ныне у кормила власти; рассмотрев все стороны деятельности нынешнего кабинета, он не в состоянии упрекнуть его хотя бы в одном неудачном или ложном шаге» (Ibid., № 41, 153). Сопоставив эти слова с некоторыми признаниями Свифта на сей счет в «Дневнике», где он тоже далеко не всегда откровенен, читатель сумеет убедиться, насколько такие утверждения соответствовали его истинным взглядам. [Впрочем, вполне откровенно он высказался на сей счет лишь много лет спустя, в «Путешествиях Гулливера», где рекомендовал, в случае, если раздоры между партиями становятся особенно ожесточенными, производить с помощью хирургической операции замену половины мозга лидеров одной партии соответствующей половиной мозга их противников и наоборот. «Что же касается качественного или количественного различия между мозгами вождей враждующих партий, то, по уверениям доктора, основанным на продолжительном опыте — это сущие пустяки» (III, 6).] Но, пожалуй, более всего он превозносит лидеров тори за благородство происхождения, а презрение к знатности считает опаснейшей ересью. «Не следует думать, — пишет он в одном из очерков „Экзаминера“, — что я недооцениваю заслуги и добродетель, в ком бы они ни проявились, напротив, я считаю таких людей достойными высочайших должностей в государстве… Ведь жемчуг сохраняет цену, даже если он найден в навозной куче, однако это все же не то место, где его можно с наибольшей вероятностью отыскать» (Ibid., № 40, 151). [А вот о том же в «Путешествиях Гулливера»: «…я сказал ему, что наша знать совсем не похожа на то представление, какое он составил о ней… Недостатки физические находятся в полном соответствии с недостатками умственными и нравственными, так что люди эти представляют собой смесь хандры, тупоумия, невежества, самодурства, чувственности и спеси. И вот без согласия этого блестящего класса не может быть издан, отменен или изменен ни один закон; эти же люди безапелляционно решают все наши имущественные отношения» (IV, 6).]

Таким образом в позиции Свифта по коренным вопросам тогдашней английской политической жизни произошел весьма ощутимый сдвиг вправо. Конечно, этим далеко не исчерпывается значение его публицистики тех лет: ведь он развернул в ней беспримерную по своим масштабам кампанию за заключение мира, дискредитировал в

общественном мнении всех тех, кто этому противился, а его лучшие журнальные очерки в «Экзаминере» и памфлеты — в первую очередь «Поведение союзников» — могут служить прекрасным образцом английской политической сатиры; без них, без опыта этих четырех лет, возможно, не было бы и многих страниц «Путешествий Гулливера». Однако историк, изучающий эту эпоху, ошибется, если примет целиком на веру его аргументы и выводы, потому что его памфлеты — отнюдь не беспристрастное свидетельство современника, а скорее только документальное свидетельство позиции тори.

Завершив работу над «Поведением союзников», Свифт мог, наконец, подумать о возвращении домой; он даже начинает упаковывать книги — ведь теперь у министров нет к нему никаких особых поручений. Но проходит месяц за месяцем, проходит весь 1712 год, а он все еще остается в Лондоне, и, хотя и в этом году произошло немало достопамятных событий, автора «Дневника» они уже явно занимают меньше. Так, в частности, союзники, и в первую очередь, конечно, голландцы, увидя себя обойденными и обманутыми, не желали заключать мир на таких условиях, и тогда Болинброк решился на шаг, который нельзя назвать иначе, как предательским: он послал Ормонду, сменившему Мальборо на посту главнокомандующего, секретное предписание удерживаться от всяких военных столкновений с французами, каких бы действий в отношении союзников Англии те ни предпринимали, и, более того, Ормонду сообщали, что французы уведомлены об этом предписании. Едва ли есть необходимость говорить, что французы не преминули этим воспользоваться и нанесли несколько тяжелейших поражений голландцам. Но и этого мало: Оксфорд и Болинброк передали французам полученные ими от своего шпиона сведения о планах наступательной операции своего союзника Евгения Савойского. Наконец, когда Болинброк окончательно склонил французов принять его условия, Ормонду был дан приказ вообще увести английские войска с театра военных действий, что и было сделано прямо на глазах у негодующих солдат союзников. О тайных письмах французам Свифт почти наверняка не знал (много позднее они были обнаружены в архивах французского министерства иностранных дел) [Письмо Болинброка Ормонду, а также письма из французских архивов

приведены в кн. Тревельяна. (*Trevelyan G. M.* England…, Ill, 216, 230—231).], но о секретных предписаниях Ормонду знал и, как это видно из «Дневника», вполне оправдывал такие меры и даже радовался тому, что подлых голландцев как следует проучили и сделали более сговорчивыми. Но, как бы то ни было, 11 апреля 1713 г. в Утрехте долгожданный мир был, наконец, подписан. Почему же Свифт все еще не уехал? Тут необходимо остановиться на обстоятельстве, доставлявшем ему едва ли не больше нравственных мук, нежели все драматические превратности судьбы торийского кабинета, борьба за власть между двумя его лидерами и сложные психологические коллизии находившегося среди двух огней Свифта, ни даже все перипетии подписания мира. Свифт мог с полным правом говорить о себе, что он служит кабинету тори не за плату, что он не получил от них ни фартинга, ничем им не обязан и помогает им по убеждению. О том, что никакого предварительного уговора насчет того, каким образом они отблагодарят его за услуги, не существовало, свидетельствует хотя бы история с попыткой Оксфорда (тогда еще Гарли) заплатить ему деньги. Свифт, судя по всему, считал, что коль скоро отношения строятся на основании доверия и дружбы и на него возложена столь ответственная миссия в жизни целой страны, то его высоким друзьям следует понять, что и его общественное и имущественное положение должно как-то этому соответствовать. Главное, чего он добивался, это — независимости; он не желал подачек — ни денег, ни должности капеллана при том же Оксфорде; он не хотел больше зависеть от чьих бы то ни было милостей. Надеялся, отчаивался и снова надеялся.

Еще в ноябре 1710 г., выпустив первые номера «Экзаминера», он выражает опасение, что его новые покровители, возможно, окажутся такими же благодарными, как и их предшественники; он даже и им самим говорит, что «… еще не знавал министров, которые бы хоть что-нибудь сделали для тех, кого допустили разделять свои удовольствия». Не раз повторяет он в своих письмах, что если бы мог уехать без ущерба для своего достоинства, то сделал бы это без промедления, но что возвратиться ни с чем выглядело бы уж слишком унизительно. До поры до времени у него есть убедительные доводы. Сначала он обещает вернуться к Рождеству, рассчитывая закончить тогда дело с первинами; потом — к весне следующего года, надеясь к этому времени сбыть с рук издание «Экзаминера»; потом возникает новая необходимость; он должен помочь Болинброку своим памфлетом, и он опять обещает приехать к Рождеству. Но только уже к следующему. Наконец, и оно миновало, и виги повержены, и дело с подписанием мира так или иначе продвигается к своей

цели, и он ничем собственно не занят, но переносит свой отъезд на лето. Теперь он иногда по целому месяцу вовсе ничего не пишет («У меня нет ни досуга, ни настроения продолжать эти письма…»); предлогов для откладывания отъезда больше нет никаких, да и его корреспондентки, судя по всему, уже изверились.

Суть же дела состояла в том, что 5 февраля 1712 г. появилась вакансия, которая вполне бы устроила Свифта — освободился деканат Уиллса. Это позволило бы ему остаться в Англии, в Лондоне (деканат находился близ Виндзора). И хотя ровно год спустя он пишет дамам: «… я вообще ничего для себя не просил, и это истинная правда», дело обстояло не совсем так. Ему, конечно, не хотелось просить, но иного выхода не было. Вот письмо, которое он адресовал Оксфорду утром того самого дня: «Милорд, беру на себя смелость всепокорнейше уведомить вашу милость, что сегодня в час ночи преставился декан Уиллса. Я всецело вверяю свою участь на благоусмотрение вашей милости и остаюсь, милорд, с величайшим почтением покорнейшим и бесконечно обязанным слугой вашим» [*Corresp.*, I, 288.]. Как это напоминало письмо, отправленное им 13 ноября 1709 г. лорду Галифаксу, в котором он просил (на случай, если этой зимой не умрет доктор Саут, ректорат которого в Оксфордшире Свифт надеялся получить), чтобы Галифакс и Сомерс подумали о нем в связи с епископатом в Корке, ибо тамошний епископ болен сейчас тифом. Все повторялось заново, но только тогда он писал не без шутливости, теперь у него уже не было на это сил.

Проходит почти два месяца томительного и безрезультатного ожидания; 25 марта освобождается второй деканат, а 19 июня — третий; наконец, 25 ноября освобождается епископат Херефорда, а Свифт все еще ждет решения своей участи. Он все чаще хандрит и испытывает апатию. А тем временем слухи о том, что его будто бы уже назначили деканом Уиллса, достигают Ирландии, и дамы сначала спрашивают его, так ли это, а потом и вовсе решают, что он просто хочет преподнести им сюрприз. Многие его уже поздравляют. Это превращается в пытку. Прочитав об этом в очередном ответе Стеллы, он в гневе, не дочитав письма, тотчас же вновь запечатал его. И в отношениях со своими патронами он бросается из одной крайности в другую: то начинает умышленно их избегать и пренебрежительно роняет по адресу Оксфорда: «Впрочем, я не буду обеспокоен, если он сочтет меня неучтивым», то, напротив, старается расположить их к себе поступками, вызывающими чувство неловкости. Так, он не преминул обратить внимание лорда-казначея на то, что спас ему жизнь как раз в тот день, когда родился король Вильгельм, и припоминает

чрезвычайно комплиментарное четверостишие, сочиненное им год тому назад, когда Оксфорд был ранен; он пишет ему письмо, предлагая учредить Академию наподобие французской, и ловкий политический интриган и к тому времени уже запойный пьяница Оксфорд приобрел бы в таком случае репутацию покровителя словесности. Именно в это время Свифт по собственной инициативе принимается писать «Историю последних четырех лет. правления королевы», чтобы представить потомкам деяния кабинета тори в наиболее благоприятном свете, и читает Оксфорду его характеристику с тем, чтобы тот внес свои исправления, он просит Оксфорда, Болинброка, Ормонда и миссис Мэшем подарить ему свои портреты, чтобы у него были портреты всех тех, кого он действительно любит.

[Что он на самом деле думал о фаворитах («самые безобразные и злобные из всего стада» йэху, которые «лижут ноги и задницу своего господина») и королевском дворе («помойная яма»), видно из «Путешествий Гулливера». Таких характеристик в книге немало. Мы процитируем здесь лишь характеристику первого министра и представим читателю сравнить ее с личностью Гарли, как она вырисовывается постепенно в «Дневнике»: «…Первый или главный министр государства… является существом совершенно неподверженным радости и горю, любви и ненависти, жалости и гневу, по крайней мере он не проявляет никаких страстей, кроме неистовой жажды богатства, власти и титулов; он пользуется словами для самых различных целей, но только не для выражения своих мыслей; Он никогда не говорит *правды*, иначе как с намерением, чтобы ее приняли за *ложь* … Наихудшим предзнаменованием для вас бывает *обещание* министра, особенно когда оно подтверждается клятвой; после этого Каждый благоразумный человек удаляется и оставляет всякую надежду» (IV, 6).]

Правда, постепенно он начинал, по-видимому, понимать, что дело не только в том, что «люди не торопятся оказывать милости», но и в том, что его назначению в Англии препятствует королева, хотя в «Дневнике» об этом ни слова. Из «Дневника» мы узнаем, что он предложил Оксфорду начать выпуск монет в виде медалей с профилем королевы, той самой королевы, о которой он ранее писал, что, когда она охотится в экипаже, то смахивает на йэху. До напечатания «Гулливера» оставалось еще 15 лет, но образы отвратительных дикарей, как бы являющих человеческую природу без маски, уже возникали в его воображении и ассоциировались с королевой Англии и ее окружением.

15 сентября 1712 г. он пишет уже без обиняков: «С недели на неделю я

ожидал, что в отношении моих собственных дел наконец-то будет что-то предпринято, однако и по сей день так ничего и не сделано, и я понятия не имею, когда это произойдет, и произойдет ли вообще». Он клянется, что если его обойдут при первой же открывшейся вакансии, он тотчас отсюда уедет и навсегда покончит со всякими дворами. 13 апреля 1713 г. он узнает от Льюиса, что все три деканата отданы другим, и, несмотря на это, по-прежнему остается в Лондоне. Он требует от своих патронов немедленно предоставить ему место, грозя в противном случае тотчас покинуть Англию. Теперь он готов получить место даже в Ирландии, ибо ясно видит, что дни пребывания у власти кабинета тори, полностью парализованного враждой его лидеров, сочтены, тем более, что состояние здоровья королевы с каждым днем ухудшается.

Свифт еще предпринимает последние попытки хоть как-то сгладить отношения Оксфорда и Болинброка, редактирует предстоящую речь королевы в парламенте, но прежде всего усиленно хлопочет о получении деканата св. Патрика в Дублине. Что он ради этого претерпел, читатель сам увидит из записей, сделанных Свифтом в последние дни. Ему пришлось в конце концов поступиться своей гордостью. И как раз в те дни, когда шотландские лорды, возмущенные политикой Англии в отношении их страны, потребовали расторжения унии, Свифт уезжает в Ирландию. Он торопился занять свою должность. Он уезжал, уязвленный всеми перенесенными унижениями, оставляя кабинет тори на краю гибели и все же с намерением возвратиться сюда зимой или даже осенью.

[Не потому ли он так часто пишет на страницах «Путешествий Гулливера» о неблагодарности? В Лиллипутии, например, неблагодарность рассматривается как уголовное преступление. В этой же части книги мы читаем следующие строки: «…величайшие услуги, оказываемые монархам, не в состоянии перетянуть на свою сторону чашу весов, если на другую бывает положен отказ в потворстве их страстям» (I, 5). Когда в стране Глаббдобдриб Гулливер пожелал увидеть людей, оказавших великие услуги монархам и отечеству, их имена, за исключением немногих, невозможно было найти в архивах, большинство их умерло в нищете и немилости, а остальных история оболгала (III. 8).]

На этом «Дневник» прерывается. О том, что испытывал Свифт после своего вынужденного и поспешного отъезда, прекрасно видно из его письма к Э. Ваномри от 18 июля 1713 г. (с. 436). В Дублине, где широко распространились слухи о тайных сношениях кабинета Оксфорда с претендентом, местные английские протестанты и духовенство встретили Свифта крайне враждебно. В письмах же из Лондона его просили поскорее

возвратиться, поскольку торийский кабинет крайне нуждался в его услугах, и 29 августа, пробыв в Ирландии после трехлетнего отсутствия всего лишь два с половиной месяца, он вновь уехал в Англию.

9 августа он снова в Лондоне. И опять начались поездки в Виндзор, обеды то в обществе теряющего власть Оксфорда, то в обществе постепенно прибирающего ее к рукам и уже перетянувшего на свою сторону леди Мэшем Болинброка. Вскоре Свифт вступает в ожесточенную полемику с бывшим своим приятелем из лагеря вигов — Ричардом Стилем, обрушившись на него двумя своими памфлетами, в одном из которых («Общественный дух вигов») он позволил себе пренебрежительные высказывания о шотландском дворянстве, в связи с чем депутация шотландских лордов явилась к королеве с требованием разыскать и наказать автора. Палата лордов осудила памфлет, а его издатель Морфью и типограф Барбер подверглись аресту. Все, конечно, прекрасно понимали, кому принадлежит этот памфлет, но для задержания автора необходимо было формальное основание, и хотя правительство никоим образом не собиралось подвергать Свифта аресту, оно, тем не менее, вынуждено было объявить о вознаграждении в 300 фунтов тому, кто укажет автора. Взаимное ожесточение достигло кульминации.

Что оставалось делать Свифту? Участь Оксфорда легко было предвидеть, а связать свою судьбу с Болинброком было слишком рискованно. Не попрощавшись ни с тем, ни с другим и уведомив о своем местопребывании только самых близких друзей, Свифт уехал из Лондона и поселился в 50 милях в небольшой деревушке у знакомого пастора. Оттуда по письмам из Лондона он следит за последними сценами драмы, то и дело сбивающейся на фарс. 26 июля 1714 г. Оксфорд был отстранен от должности, но торжество Болинброка длилось недолго: 31 июля королева умерла, и он почти тотчас же остался не у дел. Ганноверский курфюрст, провозглашенный королем Георгом I, еще по пути в Англию посылал распоряжения, из коих было очевидно, что тори не на что надеяться. Оксфорд, правда, изображает из себя человека обиженного, демонстративно выражает радость по поводу таких перемен и посылает новому королю письмо с изъявлениями преданности, но все тщетно.

16 августа, не заезжая в Лондон, и не повидавшись ни с кем, Свифт уехал в Ирландию. Он и теперь не оставлял надежд на возвращение, не исключал возможности будущего сотрудничества с Болинброком или с Оксфордом или даже с теми из тори, кто приспособился к новому порядку вещей. Только 11 сентября он узнал об отставке Болинброка и из обстоятельств, сопровождавших это событие, понял, что теперь ему

предстоит надолго, быть может навсегда, остаться в Ирландии.

Виги начинали сводить счеты. 18 марта 1715 г. Болинброк, опасаясь преследования, тайно бежал во Францию; 9 апреля был учрежден Тайный комитет во главе с Уолполом для расследования всех документов, относящихся к Утрехтскому договору; 10 июня на основании представленного этим комитетом отчета парламент обвинил Оксфорда, Болинброка и Ормонда в государственной измене, а месяц спустя Уолпол расквитался с одним из своих недавних обвинителей, заключив Оксфорда в Тауэр, откуда тот вышел лишь через два года. Ормонд тоже спасся бегством. Это был разгром, окончательный и бесповоротный. Таков был финал целого этапа в жизни Свифта. Он приехал в Англию на три-четыре месяца, а пробыл почти четыре года и возвратился в Ирландию потому, что после происшедших перемен его политической карьере в Англии пришел конец. Теперь ему предстояло, как он писал, «… с помощью привычки научиться переносить эту страну» (Ирландию. — *А.И.*) [*Corresp.*, I, 375.].

Читателю «Дневника для Стеллы» невозможно не заметить того обстоятельства, что на его страницах то и дело по разному поводу проскальзывает отчетливая неприязнь автора ко всему ирландскому. У епископа Клогерского «милая ирландская забывчивость»; сестре Парнела «несколько свойственна ирландская бесцеремонность»; в другом месте он замечает: «… зимой в Лондоне нет ничего хуже, нежели полчища ваших ирландцев… впрочем, я всегда держусь от них подальше». Свифт с подчеркнутым пренебрежением относится к оценке его писаний ирландской публикой и уверяет, что вообще предпочитает обходиться без ее одобрения. Следует отметить, что такого рода неприязнь характерна не только для «Дневника». «Известия о раздорах, связанных с выборами мэра Дублина, — пишет он Кингу 13 октября 1713 г., — занимают нас ровно столько же, как если бы вы прислали нам отчет о своем маленьком сынишке, забавляющемся вишневыми косточками, и вообще самое лучшее, что может сделать ирландское правительство, — это не беспокоить нас своими делами» [Ibid., 391.]. «Поверите ли, — читаем мы в „Дневнике“, — я серьезно убежден, что если бы *ДД* не жили в Ирландии, то я не вспоминал бы о ее существовании и двух раз в году». Свое назначение в деканат св. Патрика он воспринимает как изгнание, как ссылку. «Газеты поведают вам, — пишет он Дайперу, — что я вновь осужден на житье в Ирландии» [Ibid., 346.].

Как ни мучительны были для него последние недели в Лондоне, как ни тяжело было ему наблюдать развал кабинета, там была жизнь, там вершились судьбы Англии и шла напряженная борьба, которая

соответствовала его темпераменту и склонностям, там было где развернуться его таланту. Здесь, в Ирландии, все казалось ему провинциальным и убогим, а местные конфликты в сравнении с тем, что происходило в Лондоне, представлялись мелкими дрязгами. Но это еще не все. Ведь он добыл для ирландской церкви первины, а там почти никто не признавал его заслуг, ведь его имя так и не было официально упомянуто в связи с этим делом. Зато все прекрасно знали, что, бывший сторонник вигов, он перешел на сторону тори и был правой рукой свергнутого ныне кабинета. В парламенте и магистратах Ирландии преобладали виги (недаром Свифт с таким раздражением писал об ирландском парламенте тех лет, требуя его роспуска и выборов нового, лояльного к тори). Представители различных религиозных сект — а они составляли не меньше половины английских поселенцев в стране — ненавидели тори, потому что именно тори ввели в Ирландии Акт о присяге и преградили им путь ко всякого рода должностям, а Свифт был рьяным сторонником Акта о присяге. Наконец, все поселенцы в Ирландии — и сторонники англиканской церкви, и нонконформисты — считали, что кабинет тори готовит реставрацию Стюартов, а это было бы на руку коренному населению страны — католикам-ирландцам и во вред всем протестантам: и приверженцам англиканской церкви и диссентерам.

Но и помимо всего этого, что было ему, первому публицисту страны, делать здесь, в Ирландии, лишенной и тени политической самостоятельности? Здесь завистливо игнорировали стремительный взлет, произошедший в его судьбе, и по-прежнему числили в одном ряду с прочими писаками, а для его гордости это было непереносимо. И, кроме того, по рождению он был англичанин и никогда этого не забывал. Он, по-видимому, вполне искренно, будто заклинание, вновь и вновь твердит в «Дневнике» о своем желании уехать в Ларакор, увидеть свои ивы и кустарник, словно стараясь убедить самого себя, что именно в таком образе жизни, вдали от министров и политики, заключается счастье, но в душе прекрасно понимал, что такое счастье не для него. И жить он хотел в Англии.

Должно было пройти несколько лет очень замкнутого, сурового существования, прежде чем Свифт окончательно осознал, что отныне его судьба навсегда связана с этим островом, что и он теперь — один из этих второсортных подданных английского короля. Вот тогда-то и родилось у него желание показать своим торжествующим соперникам в Лондоне, что и там, в Ирландии, он может быть для них страшен, что и в изгнании он заставит их считаться со своим пером. Тогда-то и появились его

знаменитые «Письма суконщика» (1724—1725), всколыхнувшие всю Ирландию и явившиеся важнейшей вехой национально-освободительного движения в стране. Вместе с тем не следует, конечно, упускать из вида, что, выступая в этих своих памфлетах против всякого ущемления прав ирландцев в вопросах управления, торговли, ремесел и законодательства, Свифт первоначально вел речь не о коренном населении Ирландии, а о переселившихся туда англичанах. Он недвусмысленно высказал это в письме к графу Питерборо от 28 апреля 1726 г., которое он просил передать тогдашнему премьер-министру Уолполу и в котором он по пунктам изложил свою программу урегулирования ирландских дел. Первым пунктом в нем значится следующее: «Поскольку всех людей, родившихся в *Ирландии* [курсив Свифта. — *А.И.*], называют *ирландцами* и обращаются с ними как с таковыми, несмотря на то, что их отцы и деды родились в *Англии*, а их предки завоевали Ирландию, то из этого следует всепокорнейше умозаключить, что, в соответствии с принятыми у всех других народов и в частности у греков и римлян обычаями, с ними должны обращаться таким же образом, как и с любыми подданными Британии» [Ibid., Ill, 131.].

Однако высказанным им в памфлетах «Письма суконщика» мыслям о положении жителей Ирландии суждено было постепенно приобрести куда более широкое истолкование, нежели поначалу имел в виду Свифт. Ведь в своих «Письмах суконщика» [*Свифт Дж.* Памфлеты, с. 118.] и других ирландских памфлетах Свифт писал о том, что английские лорды довели ирландских крестьян до полного обнищания и обрекли их на голодную смерть, о том, что все сколько-нибудь значительные гражданские и церковные должности раздаются и продаются англичанам, что ирландский парламент лишен каких бы то ни было прав и ничего не решает, а судьбу страны вершат в стенах английского парламента, наконец, что интересы Ирландии постоянно приносятся в жертву алчности и властолюбию Англии, а ее жители низведены до положения париев. Все это было справедливо (пусть в неодинаковой степени) в отношении всех категорий обитателей Ирландии: выходцев из Англии и коренных ирландцев, протестантов и католиков, вигов и тори, людей обеспеченных и бедняков. В итоге призывы и обличения Свифта привели к самому неожиданному результату — впервые в истории многострадального острова они объединили эту разнородную, охваченную постоянными раздорами и ненавистью массу людей вокруг идеи борьбы за свое достоинство, за равенство со всеми другими подданными английского короля и право быть хозяевами на своей земле. И Свифт, всегда так упорно сопротивлявшийся

допуску диссентеров на государственную службу, так изобличавший происки папистов, так пренебрежительно отзывавшийся во времена, когда он писал свой «Дневник для Стеллы», о спорах в ирландском парламенте, волею судеб оказался выразителем чаяний всех слоев населения Ирландии.

В «Дневнике для Стеллы» он насмешливо уподоблял хулиганские выходки могоков на ночных улицах Лондона, полосовавших ножом лица прохожих, действиям ирландских крестьян, в порыве отчаяния подрезавших сухожилия у скота, принадлежавшего английским лендлордам, и при этом нимало не задумывался над смыслом этих действий, их причинами. В IV же части «Путешествий Гулливера» мы читаем строки, свидетельствующие о существенных переменах в позиции писателя: «… богатые пожинают плоды работы бедных, которых приходится по тысяче на одного богача, и… громадное большинство нашего народа вынуждено влачить жалкое существование, работая изо дня в день за скудную плату, чтобы меньшинство наслаждалось всеми благами жизни». Здесь нельзя не видеть влияния начатой сатириком уже в конце 1719 — начале 1720 гг. кампании в защиту прав Ирландии. Сочиняя в январе 1727 г. посмертную характеристику Стеллы, он счел необходимым включить сюда строки, которых никак нельзя себе представить в тексте «Дневника»: «Она любила Ирландию намного сильнее, нежели большинство из тех, кто обязан ей своим рождением и богатством… Тирания и несправедливость Англии в отношении этого королевства вызывала у нее негодование». Тогда, в Англии, он выступал как публицист одной партии, теперь же он выступал фактически от лица всего народа. Вот почему последующие борцы за независимость Ирландии, несмотря на все приведенные выше оговорки, имели Основание считать его человеком, способствовавшим зарождению ирландского национального самосознания и ирландским патриотом. Таков был объективный результат его последующей деятельности. Однако более обстоятельный разговор об этом периоде его жизни уже выходит за пределы нашего повествования.

«Дневник для Стеллы» кроме всего глубоко личный документ. Нигде и никому Свифт не писал о себе с такой откровенностью, как в этих письмах к Эстер Джонсон, и едва ли где еще он выразил себя с большей полнотой. Что же представляла собой его корреспондентка? На основании

каких источников, кроме «Дневника для Стеллы», мы можем судить о характере и духовном облике этой женщины, об отношениях, их связывавших? Как эти отношения развивались в последующие годы?

Письма, которые Стелла посылала в Лондон в годы создания «Дневника», Свифт, по-видимому, хранил только до своего отъезда в 1713 г. в Ирландию и об их содержании мы можем лишь догадываться по его ответам на ее отдельные вопросы и по его реакции на них. Но, кроме этого, сохранились стихи, которые он посвящал ей чаще всего по случаю ее дня рождения, а также написанная им сразу же после ее смерти характеристика или скорее, как это было принято в XVIII в., ее нравственный портрет. Он с удовольствием, даже с гордостью отмечает, что она хороша собой, но прежде всего он восхищается ее нравственным обликом, да и сама она, как он не раз повторяет в своих стихах и как мы читаем в единственном сохранившемся стихотворении, которое приписывают ей, понимает, что красота преходяща, а добродетели и ум не стареют и составляют истинную красоту человека. У нее твердые представления о чести, она рассудительна, бережлива, обходительна, гостеприимна при скромном достатке, держится с достоинством, прекрасная собеседница, обладает тактом и вкусом. Свифт отмечает, что все достоинства, которыми наделена эта прекрасная женщина, суть качества, скорее присущие мужчинам, в то время как качества, которые Свифт считает обычно присущими женщинам, — кокетство, суесловие, легкомыслие, тщеславие, страсть к нарядам и побрякушкам — ей как раз неведомы. В целом стихи и посмертная характеристика воссоздают образ женщины достойной, сдержанной, благоразумной и одновременно… несколько пресной и едва ли не ханжи.

В самом деле, что можно сказать о тридцатилетней женщине, которая преимущественно водит знакомство с лицами духовного звания, и притом вдвое старше ее, а общество женщин ее мало интересует, и если разговор заходит о семейных происшествиях, городских новостях или политике, то она переводит разговор на другую тему. О чем же она в таком случае предпочитала говорить? Да и так ли это? Ведь «Дневник» как раз свидетельствует об обратном. Судя по «Дневнику», она частенько играет в карты, не прочь побывать в гостях у миссис Уоллс и миссис Стоит, да и сам Свифт то и дело сообщает ей и занятные происшествия, и слухи и даже городские сплетни, он радуется тому, что с его помощью обе дамы стали завзятыми политиками. Одним словом, образ Стеллы, каким он рисуется на основании писем к ней Свифта, куда живее и привлекательней, нежели тот, который дан в характеристике-эпитафии; в последней скорее подчеркнуто представлены все те качества, которые Свифт сам более всего ценил в

людях и которые он предпочитал видеть в женщинах. [Любопытные суждения на этот счет содержатся в книге: *Dam's H.* Stella. A gentlewoman of the Eighteenth century. N. Y., 1942.] Конечно, необходимо учитывать, при каких обстоятельствах и в каком душевном состоянии он писал этот ее нравственный портрет. Но, помимо прочего, по доброй ли воле она была окружена духовными лицами? Ведь это был его круг, и ей, незамужней женщине, коль скоро она не желала себя скомпрометировать и дать повод для пересудов, коль скоро она хотела быть рядом с ним, невольно приходилось проводить свой досуг в их обществе. У нее не было другого выбора. И для того, чтобы импонировать этим почтенным прелатам, ей, возможно, волей-неволей приходилось вести себя с несвойственной обычно такому возрасту сдержанностью, которая постепенно стала привычной. Вот почему и те, кто знал ее, и первые биографы Свифта, подчеркивают, что она вела себя с достоинством, и говорят о ней с неизменным уважением.

Каковы были отношения Свифта и Стеллы? Почти каждая страница «Дневника» свидетельствует об искренней, глубокой привязанности к ней Свифта. Достаточно уже одного того, что он пишет ей (преимущественно ей, хотя адресует письма Дингли и обращается к ним обеим и хотя они пишут ему обе, — но Дингли существует для соблюдения приличий, — а Свифт соблюдает их неукоснительно, — для посторонних глаз, которым, возможно, попадут эти письма) несколько лет подряд каждый день. Он тревожится о ее здоровье, озабочен ее материальными делами (он регулярно выплачивает обеим дамам определенную сумму), входит во все подробности их повседневного быта; он счастлив, когда узнает из их писем, что они здоровы и благополучны, твердит, что может быть счастливым только с ними, что мир и покой только там, где они, и что он добивается для себя места получше единственно с целью обеспечить им безбедное существование. А сколько ласковых словечек, прозвищ и шуток он рассыпает в своих письмах, как он сам становится ребячлив (едва ли кто в Лондоне мог тогда себе представить, что человек, перо которого приводит в трепет самых влиятельных людей страны, способен так забавляться) и каким удивительным языком начинает с ними изъясняться, — словно ребенок, коверкающий слова. Только ли это память о тех днях, когда Стелла была ребенком и когда шутить с ней на таком языке было естественно? А может быть, этот детский лепет помогает Свифту сохранить в их отношениях определенную дистанцию и деликатно внушить ей, что она для него по-прежнему ребенок, о котором надо заботиться, которого надо опекать, хотя она уже прекрасная молодая

женщина; он любит ее, любуется и гордится ею, как любуются своим детищем; он и теперь поправляет ее ошибки в правописании, продолжает руководить ее чтением и пр. и пр. Это привязанность и, если угодно, любовь старшего друга и наставника, но не больше, и он отнюдь не случайно роняет фразу: «Ведь *МД*, да будет вам известно, не принадлежат к женскому полу» (10 ноября 1710 г.); иных отношений он явно не ищет и не представляет себе.

Они никогда не живут под одной крышей; если он уезжал в Англию, они обычно переселялись в целях экономии в его дублинскую квартиру, если же он находился в Ларакоре, они поселялись по соседству, например, в семье священника Раймонда. Согласно ряду свидетельств, Свифт никогда не оставался со Стеллой наедине, их встречи неизменно происходили в присутствии третьих лиц; чаще всего болтливой, суетливой, недалекой и эгоистичной компаньонки Дингли (так в сущности характеризует ее Свифт в адресованных ей стихах). [Биограф сатирика Дин Свифт писал, что общество Дингли, находившейся при Стелле неотлучно и ничего собой не представлявшей ни в каком отношении, делало ее уединенную жизнь еще более тягостной (*Swift Deane.* An Essay upon the Life. Writings and Character of dr. J. Swift. London, 1755, p. 90).] Таковы были, по-видимому, условия, раз и навсегда установленные Свифтом и принятые Стеллой, а он умел диктовать условия и определять дистанцию в отношениях с людьми. Чего же ради эта умная и независимая в своих суждениях красивая женщина приняла такие условия? Только из почтения и привязанности к своему бывшему воспитателю? Из благодарности за его заботы? Почему она осталась незамужней? В 1704 г. ей сделал предложение член совета Тринити-колледжа Уильям Тиздал, давний знакомый Свифта, который бывал в доме обеих дам. Свифт находился тогда в Лондоне, и Тиздал счел своим долгом уведомить его о своих намерениях, спрашивая его совета, одобрения и даже отчасти согласия, как у человека, опекавшего Стеллу и, возможно, имевшего собственные виды на этот счет. В своем ответе от 20 апреля 1704 г. Свифт одобряет выбор Тиздала и пишет, что если бы средства и склонности позволили ему самому сделать такой шаг, то из всех женщин на свете он тоже выбрал бы Стеллу; что его, Свифта, расположение к ней не должно служить препятствием; у него, правда, были возражения в связи с имущественным положением Тиздала, но поскольку мать Стеллы их отклонила, то он не видит более причин противиться этому браку — ведь замужество считается столь благоприятным и необходимым обстоятельством для женщины, а «время лишает девственницу ее привлекательности в глазах всех людей, кроме моих» [*Corresp.*, I 44—46].

Из этого следует, что Свифт как будто предоставил Стелле самой решать свою судьбу. Что он говорил ей по этому поводу — неизвестно, но — под его ли влиянием, по собственному ли нерасположению к этому браку или потому, что она лелеяла другую надежду — соединить свою судьбу со Свифтом, Стелла ответила отказом. В 1706 г. Тиздал женился на другой. Однако с тех пор Свифт не упускал случая, чтобы уязвить или унизить в глазах Стеллы ее бывшего поклонника.

Ранние биографы писателя сходятся на том, что Стелла любила Свифта и надеялась стать его женой. Более того, первый из них — Джон Бойл граф Оррери, сын одного из собратьев Свифта по клубу и зять его приятельницы — леди Оркни (оба они часю упоминаются в «Дневнике»), опубликовавший «Заметки о жизни и сочинениях доктора Джонатана Свифта», даже прямо утверждает, что Стелла будто бы состояла в тайном браке со Свифтом и что венчал их в 1716 г., т. е. вскоре после окончания «Дневника», епископ Клогерский. [*Boyle John.* 5 earl of Cork and Orrery, Remarks on the Life and Writings of dr. J. Swift. London, 1752, p. 15.] Некоторое время спустя появился анонимный отклик на книгу Оррери — «Мысли по поводу „Заметок лорда Оррери о…“» Его автором был доктор Патрик Дилени (ум. 1768 г.), человек немалой учености и видный проповедник, познакомившийся со Свифтом, по-видимому, вскоре после его возвращения из Англии в 1714 г. Хотя Дилени и полемизировал с Оррери, считая его книгу необъективной, искажающей облик великого сатирика, однако Дилени тоже подтверждал, что Свифт и Стелла действительно состояли в браке, но тщательно скрывали это, что на людях Свифт никогда не признавал ее своей женой и что даже, когда Свифт позднее предложил ей открыто объявить об их браке, Стелла ответила отказом. [*Delany, Patrick.* Observations upon lord Orrery's Remarks on the Life and Writings of dr. J. Swift. London. 1754, p. 52.]

Годом позже вышла книга упоминавшегося выше Дина Свифта, который не только состоял с писателем в двойном родстве [Дин Свифт (р. 1706) доводился писателю внучатным племянником; в 1739 г. он женился на дочери миссис Уайтвэй — двоюродной сестры писателя, его экономки и домоправительницы. И Дин Свифт и миссис Уайтвэй были его родственниками с отцовской стороны: он — внук его дяди Годвина, она — дочь его дяди Адама.], но и имел возможность близко наблюдать жизнь писателя с конца 30-х годов (от Дина Свифта, кстати, получил большую часть своих материалов и лорд Оррери). Дин Свифт, возмущавшийся предвзятостью и недоброжелательством книги Оррери, тоже, тем не менее, утверждал, что брак был заключен в 1716 г. [*Swift Deane.* An Essay…, pp. 92

—95.] В этих и других источниках утверждается, что брак этот ничего не изменил в характере их отношений, дружеских и целомудренных, и что они по-прежнему встречались только на людях. Еще одну драматическую деталь к этой загадочной истории присовокупил Вальтер Скотт, дважды (в 1814 и 24 гг.) издавший в Эдинбурге собрание сочинений Свифта. В первом томе он поместил биографию Свифта, в которой со слов приятельницы жены доктора Дилени приводит многократно с тех пор пересказывавшуюся историю о том, что душевное состояние Свифта непосредственно после этого бракосочетания было ужасным, он был настолько мрачен и взволнован, что Дилени решил поделиться своими опасениями с архиепископом Кингом. Когда он входил в библиотеку, ему встретился Свифт, который пробежал мимо, не произнеся ни слова, и лицо его выражало отчаяние. Дилени застал будто бы Кинга в слезах и, когда спросил его, что случилось, услышал в ответ: «Вы только что видели самого несчастного человека на свете, но никогда не спрашивайте о причинах его несчастья». [*Scott W.* Memoirs of Jonathan Swift in 2 vols. Paris, 1826, I, 241.]

Вероятность подобного эпизода представляется нам весьма сомнительной. Отношения Свифта и Кинга не были по-настоящему дружескими или доверительными, а в этот период стали весьма прохладными, да и вообще Свифт никогда в письмах к Кингу не касался своих отношений со Стеллой, хотя тот и был с нею знаком, он упоминал о ней лишь в исключительных случаях самым близким друзьям. Что же могло побудить его, человека крайне скрытного, делиться с Кингом своим тайное тайных?

Кто был инициатором этого брака? Свифт? Едва ли. Ведь он ясно писал Тиздалу, что ни материальное его положение, ни *склонности* (курсив наш. — *А.И.*] не позволяют ему сделать такой шаг. Значит Стелла. Но что давал ей такой брак, о котором нельзя было сказать открыто? А для человека с чувством собственного достоинства, каким, судя по всему, была Стелла, это весьма немаловажно. Тем более, что и по существу в их отношениях ничто не изменилось. Высказывается предположение, что Стелла хотела тем самым приобрести уверенность, что Свифт никогда не свяжет себя узами с другой женщиной. Основано это предположение на том, что у Стеллы была соперница и Стелла об этом знала. Соперница действительно была, но лишь в том смысле, что в эти же годы Свифта полюбила еще одна молодая женщина, которую тоже звали Эстер — Эстер Ваномри. Вместе со своей овдовевшей матерью, сестрой и двумя братьями она переехала в Лондон из Дублина в 1707 г.; Свифт тогда находился в

Лондоне и, по-видимому, тогда же и состоялось их знакомство.

В «Дневнике» за три года Свифт упоминает об Эстер Ваномри лишь трижды, да и то не называя по имени, а между тем он чуть не каждую неделю бывает у них в доме, обедает, ему отведен там отдельный кабинет, где он отдыхает; он держит у них самое нарядное свое одеяние и парик и, направляясь из Челси, например, где он жил одно лето, в Уайтхолл или в Сент-Джеймский дворец, дважды — по пути туда и обратно — заходит к миссис Ваномри переодеться. Почему же такой, казалось бы, обстоятельный в описании даже самых незначительных событий каждого дня, он умалчивает об Эстер Ваномри? Почему считает необходимым в «Дневнике» объяснить Стелле каждое свое посещение их дома, словно оправдываясь или извиняясь, — то погода была такая скверная, что он вынужден был пообедать поблизости (а поселяется он чаще всего по соседству с ними), то он чувствовал себя неважно для более дальней прогулки, то его затащил к ним приятель сэр Эндрю Фаунтейн (а Эстер Ваномри познакомилась со всеми его лондонскими приятелями — Льюисом, Фордом, Барбером и пр.). Но в Дублине фамилия Ваномри была хорошо известна, ведь совсем недавно покойный мистер Ваномри был мэром города, и, следовательно, Стелла легко могла получить интересующие ее сведения об этом семействе, а значит, и о том, что там есть две дочери, обе на выданье. Вот почему она вскоре, по-видимому, пожелала узнать, почему Свифт так часто бывает в их доме. Невинный, казалось бы, вопрос Стеллы вызывает у Свифта неожиданное раздражение, даже гнев: ведь им прекрасно известно, где он каждый день обедает, и, может быть, даже лучше, чем ему самому (запись от 8 ноября 1710 г.). Такая реакция явно несоразмерна с поводом, ее вызвавшим. Некоторое время спустя, Стелла, по-видимому, опять поинтересовалась, чем могут его привлекать такие ничем не примечательные люди, и Свифт, словно оправдываясь, доказывает, что дамы, бывающие в доме миссис Ваномри, принадлежат к тому же избранному кругу, что и его знакомые (26 февраля 1711 г.). И этот гнев, и оправдания невольно наводят на мысль о каких-то причинах, которых Свифт не упоминает. И действительно, как показал автор фундаментальной биографии Свифта Эренпрайс, сопоставивший записи в «Дневнике» с записями в расходных книжках Свифта, который вел их чрезвычайно педантично, Свифт, оказывается, бывал в доме миссис Ваномри значительно чаще, нежели упоминает в «Дневнике», бывал даже в те дни, когда уверял, что обедал у приятеля или играл в карты у Мэшемов, что он даже обедал с Эстер в популярной ресторации Понтэка… [*Ehrenpreis J.* Swift The man, his works and the age. 2 vols. London, 1964—67,

II, 641.] Удовлетворилась ли Стелла таким ответом, сказать трудно, но, судя по «Дневнику», больше она об этом не спрашивала. Между тем, как это видно из писем Эстер Ваномри, хотя и относящихся к более позднему времени, совесть его была чиста, ничего предосудительного он не совершал. Ему было удобно посещать этот дом, куда он мог приходить запросто, не чинясь и когда вздумается, пообедать и угоститься кофе, это избавляло его от многих бытовых неудобств, там бывали многие его светские знакомые. Правда, своими частыми визитами он мог дать пищу для кривотолков, бросающих тень на репутацию девушки, но он убедил ее, что надо поступать так, как находишь справедливым и не думать о том, что скажут другие, коль скоро сам ни в чем упрекнуть себя не можешь. Позднее, когда оба они находились в Ирландии и он предостерегал Эстер от всяких поступков, могущих дать повод для сплетен, она напомнила ему прежние его наставления, но ведь на этот раз такие слухи могли повредить его собственной репутации и рядом жила Стелла, так что это было, конечно, совсем другое дело.

Но все же в доме миссис Ваномри Свифта, без сомнения, прежде всего привлекало общество Эстер. Она родилась в конце 1687 г. или в начале 1688 г. и, следовательно, была почти на двадцать лет моложе Свифта и примерно на семь лет моложе Стеллы. Эстер Ваномри, или Ванесса (будем называть ее одним из тех многочисленных ласковых прозвищ, которые ей давал Свифт), была девушкой совсем иного склада, нежели Стелла. Читатель «Каденуса и Ванессы» ошибется, если примет ее изображение в поэме за подлинный портрет. Ведь в поэме Свифт наделяет ее по сути теми же качествами, какими он наделял в стихах и посмертной характеристике Стеллу. Ванесса тоже, не в пример другим женщинам, умна, хотя это привилегия мужчин, она, как и Стелла, тоже лишена кокетства и жеманства, ей тоже не о чем говорить с пустоголовыми франтами, кроме того Паллада наделила ее благоразумием, справедливостью, бережливостью и, конечно же, понятием о чести. Но благоразумие (в том смысле, в каком это понимал Свифт), терпение и бережливость едва ли принадлежали к добродетелям Ванессы. Как это видно из ее писем, она была натурой страстной, импульсивной, склонной к резким сменам настроений, нетерпеливой и постепенно под влиянием обстоятельств и внутренних склонностей воспринимала жизнь все более драматически и даже трагически. В отличие от Стеллы, умевшей владеть собой, Ванесса способна была на неожиданный поступок, остра на язык, самолюбива, вспыльчива и отходчива; Свифту всегда, по-видимому, приходилось быть начеку, чтобы удерживать ее в необходимых рамках.

Каковы эти отношения, хорошо видно из его письма к мисс Анне Лонг (о нем идет речь в его письме к Ванессе от 18 декабря 1711 г.): «Что касается Мисэсси, то она — политик, поскольку все вокруг, кого ни возьми, тоже политики, и убежденный торий, однако без надежд получить какую-нибудь должность. Вследствие болезней, домашних хлопот и размышлений о государственных делах бедняжка утратила изрядную долю своей веселости, и все же, я думаю, в целом свете не сыщется девочки лучше ее. Я привязан к ней до чрезвычайности; она верно обо всем судит, и я исправил все ее недостатки, вот только не могу приохотить к чтению, хотя с ее разумом, памятью и вкусом она могла бы многого достичь. Но она неисправимая лентяйка и лежебока и убеждена, что мир создан лишь для непрерывных удовольствий, а из богов особливо чтит Морфея. Ее благорасположением наипаче всех пользуются сейчас леди Эшбернхем, крохотный песик и ваш покорнейший слуга. Она совершенно со мной не считается, настолько, что прямо-таки сводит меня с ума; в моем присутствии она способна, например, приказать своей сестре спуститься этажом ниже, потому что ей надобно побыть наедине с доктором. Одним словом, я мог бы без конца рассказывать вам, какие беды она на меня навлекает и все потому только, что я на двенадцать или пятнадцать лет старше ее» [*Corresp.*, I, 278.]. Таким образом, Свифт опять очутился в роли учителя, духовного наставника, но только будучи уже в летах, и его ученица — не дитя, а пылкая молодая девушка, их отношения носят явно другой оттенок, да и сам он ведет себя в этой роли иначе.

То, что характеристика Ванессы в поэме и Стеллы в стихах совпадает, — лишь следствие поэтической трансформации реальности в угоду нравственным идеалам Свифта, его представлениям о том, какой должна быть женщина, представлениям просветительской морали с ее назидательным оттенком. Но в поэме есть и другое: Свифт не только восхищается дарованием Ванессы, он признается, что знает о любви и страсти лишь понаслышке (547); он предпочел бы ответить на ее чувства дружбой, исполненной благоговения; кончается же тем, что теперь Ванесса будет учить его науке чувств, но «… чего добилась тем Ванесса, От мира спрятано завесой» (820—821). Таких речей и настроений нет в стихах, посвященных Стелле, здесь другая атмосфера. Оно и неудивительно, поэма создавалась в обстановке светского Лондона, аристократических гостиных с их кругом интересов, вкусов, манер. И в поэме и в ранних письмах к Ванессе отношения носят оттенок галантной игры, ухаживания, которое, по-видимому, доставляло удовольствие Свифту и льстило его самолюбию, тем более, что Ванесса была натурой незаурядной, а любовь лишь усилила

ее духовную проницательность и желание во всем уподобиться своему божеству, как она назвала его потом. Она читает его любимые книги — Ларошфуко, Фонтенеля и Монтеня, до тонкостей разбирается в современной политической ситуации, в своих письмах к нему она даже имитирует его манеру, которую мы знаем по «Дневнику», и тоже вводит воображаемый комический диалог Свифта с его слугой; уже одно то, что Свифт счел возможным познакомить ее с рукописью своих «Путешествий Гулливера», говорит о многом. Ее письма, а еще в большей степени приписываемое ей стихотворение свидетельствуют о несомненном литературном таланте; в этом стихотворении отчетливо слышна своя, глубоко индивидуальная напряженная интонация, тогда как стихотворение Стеллы — явное подражание поздравительным стихам самого Свифта.

Облик Свифта в стихах и письмах к Ванессе тоже существенно отличается от Свифта — автора «Дневника», но очевидно, что и здесь, и там он играет роль, и что ни здесь, ни там не может быть до конца самим собой. И где он — подлинный Свифт? Там, в «Дневнике», где он заботливый, снисходительный, ребячливый, любящий опекун и наставник, или здесь в поэме и в письмах к Ванессе, где с легким смущением, но не без удовольствия ведет эту галантную игру, успокаивая себя, по-видимому, тем, что как только он уедет из Лондона, этой забаве наступит конец и он забудет о существовании Ванессы, как он без обиняков предупреждал ее перед отъездом в Дублин (см. письмо от 8 июля 1713 г.). Или же он был самим собой в канцеляриях министров, на их приемах и обедах? Приходится признать, что даже в «Дневнике для Стеллы», в этой самой откровенной своей исповеди, он не мог быть до конца откровенным. И точно так же, как он скрывал от Стеллы авторство многих своих слишком хлестких оскорбительных памфлетов и не называл своих подручных — литературных поденщиков, он скрывал и свои отношения с Ванессой. Знала ли что-нибудь об этом Стелла, сказать трудно. Что касается Ванессы, то она, по-видимому, определенно не знала о существовании Стеллы или, во всяком случае, о том месте, которое она занимает в жизни Свифта. Ванессе он отвел лишь небольшую роль в одном из эпизодов житейского спектакля, в котором Стелла до конца ее дней играла роль спутника и друга. Но на шкале жизненных ценностей, которой руководствовался Свифт, первое место принадлежало не мирной, безмятежной жизни в тихом уголке в узком кругу друзей, и даже не Стелле. И хотя Свифт как заклинание повторяет, что не желает больше видеть ни дворов, ни министров, он заблуждается: как только на одной чаше весов оказывалась возможность участвовать в политической борьбе, жизнь в Лондоне,

карьера, а на другой — Ларакор, с его тропинкой у реки и ивами, и даже Стелла, Свифт неизменно приносил их в жертву.

Свифт уехал в Ирландию в августе 1714 г., а около трех месяцев спустя, в начале ноября за ним последовала и Ванесса. У нее было несколько причин для переезда. В феврале того же 1714 г. умерла ее мать (один из братьев умер еще в 1710 г. 16 лет от роду) и на ее попечении осталась чрезвычайно болезненная младшая сестра — Мери. Второй брат Бартоломью — беспутный и безвольный — тоже был слабого здоровья и вскоре после этого умер в 1715 г., 22 лет от роду. Он предвидел эту раннюю смерть, знал, что не оставит потомства, и в завещании был озабочен только тем, чтобы имя Ваномри не исчезло бесследно. [См. в кн.: *Brocqug Sybill Le.* Cadenus. Dublin, 1962, p. 144—148.] Материальные дела семьи находились в крайне запутанном состоянии: после смерти матери осталось много неоплаченных счетов, а внушительное отцовское наследство, находившееся главным образом в Ирландии, угодило в руки к хитрому сутяге-душеприказчику отца, который под всякими предлогами с помощью юридических уловок оттягивал передачу наследства в распоряжение (теперь уже и с долей матери и обоих братьев впридачу) Ванессы и ее сестры. Естественно, что необходимость упорядочить свои имущественные дела побудила Ванессу покинуть Лондон. Но не менее важной причиной было и чувство одиночества. Ванесса нуждалась в помощи, в советах и дружеской поддержке и естественно рассчитывала на такую помощь от Свифта. Но главное, она любила его, и он об этом знал. Ванесса не верила, чтобы Свифт мог покинуть ее в таком положении.

Переезд Ванессы в Ирландию никак не входил в расчеты Свифта: возможно, что прелесть общения с его новой воспитанницей, ее ум и обаяние увлекли Свифта несколько дальше, нежели он этого хотел, но он понимал, что присутствие Ванессы в Дублине чрезвычайно усложнило бы его жизнь. Так оно и случилось. Ее приезд не мог остаться незамеченным; ведь еще недавно их семья была одной из самых почтенных в городе. Тернстайл-элли, на которой жила здесь Ванесса, была расположена очень близко от деканата св. Патрика и от Кейпел-стрит, где жила Стелла. У них было много общих знакомых, и в Дублине, тогда сравнительно небольшом городе, они принадлежали к одному и тому же узкому кругу. Трудно предположить, чтобы Стелла совсем ничего об этом не знала. Может быть, именно по этой причине она вскоре после приезда Ванессы настояла на браке, пусть тайном, пусть ничего не менявшем в ее жизни, но зато сохранявшем то статус-кво, с которым она примирилась, которое стало привычным и хотя бы ограждало ее от участи быть покинутой или стать

свидетельницей торжества и счастья соперницы.

Но в таком случае, почему Свифт, согласившись на брак, не пожелал сделать его настоящим? На этот счет высказываются самые разнообразные догадки и предположения. [См. работу: *Gold M. B.* Swift's marriage to Stella together with imprinted and misprinted letters. N. Y., 1967.] Еще из книги Оррери явствует, что уже тогда ходили слухи, будто Стелла — внебрачное дитя Темпла, точно так же, как и Свифт (Orrery, pp. 4, 17) и поэтому, по мнению некоторых биографов, непреодолимой преградой была угроза инцеста; по свидетельству Дилени, Свифт и Стелла будто бы узнали об этом уже после бракосочетания. Пищей для такого рода догадок служило то обстоятельство, что Темпл завещал Стелле значительную по тем временам сумму, хотя она фигурирует в завещании только как служанка его сестры, не говоря уже о такой странной детали, подмеченной современным исследователем [*Johnston D.* In search of Swift. Dublin, 1959, p. 95—96.], что Дингли, родственница Темплов, согласилась на роль компаньонки при Стелле — бывшей служанке Темплов (хотя обязанностей служанки она никогда там не выполняла). Что же до Свифта, то и его рождение несколько месяцев спустя после смерти его отца, и жизнь в младенчестве отдельно от матери, в Англии, на попечении кормилицы, и последующая жизнь в доме Темпла — все служило пищей для подобных домыслов. И хотя ни то, ни другое, ни третье ничего не доказывает, тем не менее, эти факты и теперь обсуждаются в исследованиях зарубежных биографов Свифта.

Дин Свифт, с возмущением отвергая подобные догадки (p. 95—96), объясняет дело более просто, хотя едва ли более убедительно: Стелла была слишком низкого происхождения, и Свифт, у которого в это время было особенно много врагов, навлек бы на себя таким шагом их злорадство и презрение (p. 80). Выдвигались соображения и будто бы присущего Свифту патологического отвращения к женщинам и вообще к плотской и физиологической стороне бытия, будто бы физической неспособности к браку (Вальтер Скотт) [*Scott W.* Memoirs of Jonathan Swift…, vol. I, p. 248.] или боязни, что его потомству будет грозить безумие (при этом цитируют будто бы сказанные им однажды слова: «В моей крови заключено нечто такое, чего ни один ребенок не должен унаследовать»). Не обходится и без наукообразных рассуждений о возникшем еще в раннем детстве комплексе, а для вящей убедительности приводится научный аппарат: ссылки, например, на труды известного специалиста в области сексуальной патологии Крафта-Эбинга и пр. [*Gold M. B.* Swift's marriage…, p. 128.] Свифт многое предвидел в своих мрачных прозрениях, но такое ему едва

ли могло прийти на ум. Еще несколько слов лишь об одной сравнительно недавней версии, предложенной известным ирландским поэтом, драматургом и эссеистом У. Б. Йитсом, которого почти неотступно занимала личность великого сатирика.

В предисловии к пьесе «Слова на оконном стекле» («The words upon the window-pane», 1931) [*Yeats W. B.* Selected prose. London, 1964, p. 212—234.] Йитс, как затем и в самой пьесе его герой — филолог Корбет, усматривает причину безбрачия Свифта и его боязни иметь потомство в сознательном страхе перед будущим, перед участью разума в человеческом обществе. Согласно Йитсу, эпоха Свифта была временем торжества интеллекта, и Свифт настолько страшился, что на смену ей придет эпоха тех манипуляторов мозгом, которых он высмеял в III части «Путешествий Гулливера», и свободе интеллекта наступит конец, что в его полубезумном мозгу это превратилось в боязнь потомства. И его опасения вскоре-де подтвердились появлением трактатов Руссо, прославлявшего инстинкты дикарей и подготовившего, в свою очередь, появление санкюлотов. Йитсу вторит его герой Корбет: Свифт… предвидел крушение Разума, он предвидел демократию, он должен был страшиться будущего. Пьеса Йитса талантлива, она трагична к одновременно чуть ли не сбивается на фарс; трагичны фигуры Свифта, Стеллы и Ванессы; драматизм их диалога особенно оттеняется пошлостью и бездуховностью собравшихся здесь и внимающих им спиритов, как бы символизирующих собой то интеллектуально убогое общество, которое сменило эпоху Свифта, но рассуждения Йитса в предисловии и основная мысль пьесы, увы, достаточно тривиальны, они едва ли помогают нам понять драму Свифта и скорее свидетельствуют о времени и жизнеощущении самого автора. Мы, видимо, никогда не узнаем, был ли заключен брак со Стеллой, никогда не узнаем, почему Свифт избрал своим уделом одиночество. Ясно лишь одно — с приездом Ванессы драматизм сложившейся ситуации только усугубился. Ванесса с сестрой жила попеременно то в Дублине, то в унаследованной ею небольшой усадьбе на окраине городка Селлбридж в 10 милях от Дублина и неподалеку от дороги, по которой Свифт ехал обычно в свой приход Ларакор. Тем не менее, как это видно из писем, до 1720 г., то есть за первые шесть лет пребывания Ванессы в Ирландии, он ни разу не приезжал в Селлбридж, и они виделись только в Дублине, да и то достаточно редко, поскольку Свифт не хотел давать пищу для всякого рода пересудов, из тех же писем видно, что Ванесса вела чрезвычайно уединенный образ жизни, проводя целые дни в обществе больной сестры и предаваясь печальным размышлениям. После Лондона, где у них в доме

едва ли не каждый вечер бывали гости и притом люди избранного круга, нынешняя жизнь была, конечно же, особенно тягостной. Тяжбе с душеприказчиками мистера Ваномри не было видно конца, состояние сестры все чаще казалось безнадежным, да и собственное здоровье Ванессы оставляло желать лучшего. В этих условиях все содействовало тому, чтобы Ванесса со всей силой своей страстной натуры сосредоточилась на безысходном и мучительном чувстве. Свифт тщетно взывал к ее благоразумию, ее жалобы и упреки постепенно утрачивали свое действие на него и только раздражали или приводили в ярость; она и сама это понимала, но ничего не могла с собой поделать. Прервать их отношения Свифт тоже не решался — в письмах Ванессы мольбы сменяются порой негодованием и даже почти нескрываемыми угрозами, которые тотчас сменяются слезами слабости или попыткой перевести все в шутку… Свифт старается в таких случаях изящно выйти из положения, говоря, что будет писать еще реже, чтобы получать такие прекрасные письма, или же ссылается на занятость, нездоровье, дурную погоду… Письмами они обмениваются через посыльного; иногда это наспех составленные записки; вместо адреса Свифт нередко пишет ласкательные прозвища Ванессы — Эсси, Мисэсси, Мист…; сам он фигурирует в этих письмах не как декан и не Каденус (латинизированная анаграмма слова декан), а как Кэд (часть этой анаграммы), или Сомнус, или пишет о себе в третьем лице: «Ваш друг… как раз был у меня…»; он старается писать по возможности обиняками и предлагает ей заменять все те слова, которыми она хотела бы сопровождать его имя в конце или начале письма, то есть ласковые эпитеты, черточками, чтобы посторонние не поняли, о чем идет речь, и она пытается следовать его примеру, но в ее письмах то и дело прорывается неприкрытая страсть.

[В пьесе Йитса молодой ученый из Оксфорда — Джон Корбет, интересующийся судьбой Свифта, попадает на собрание дублинской ассоциации спиритов. По воле случая это происходит в том самом доме, где некогда жила Стелла и где на оконном стекле она написала строки своего стихотворения на день рождения Свифта. Некая дама, супруг которой утонул десять лет тому назад, хочет спросить у мужа совета — покупать ли ей лавочку, другой жаждет заодно выяснить у этого утопленника, правда ли, что тому на небесах живется припеваючи и т. д. Собравшиеся обеспокоены тем, что два прошлых спиритических сеанса были сорваны вторжением каких-то неведомых посторонних духов. То же самое происходит и на этот раз: появляются духи Свифта и Ванессы. Никто из присутствующих, кроме Корбета, разумеется, понятия о них не

имеет. Ванесса говорит Свифту о своей любви, о том, что она не в силах совладать с собой, что она хочет иметь от него детей, что он стареет и будет очень одинок. Страшась гнева Свифта, Ванесса приникает к самой земле и ее локоны касаются пола, а Свифт в муке восклицает: «Чтобы я помогал тем самым множить подлость и мошенничество в мире!? …О господи, услышь молитву страждущего Джонатана Свифта, сделай так, чтобы я не оставил потомству ничего, кроме ниспосланного мне небесами разумения!». Затем Ванессу сменяет Стелла, и Свифт спрашивает, не причинил ли он ей зло? Ведь у нее нет мужа, возлюбленного, детей… Впрочем, она уже ответила на это своими стихами, обращенными к нему: она презирает обычный удел женщины — быть к тридцати годам либо покинутой любовницей, либо ненавистной женой… Да, он боится одиночества, боится пережить друзей и самого себя, но она его утешила, она закроет ему глаза… Сеанс окончен, а медиум еще долго не может освободиться из-под власти говорящего его устами духа и против воли вдруг заламывает руки и голосом Свифта страдальчески говорит, что все, кого он любит, ушли из жизни, и словами библейского пророка Иова, которые так часто любил повторять сатирик, проклинает день своего рождения. И только один Корбет понял теперь, почему Свифт так избегал брака и страшился оставить потомство: он страшился грядущего, — *Yeats W. B.* The collected plays. London, 1934, p. 597.]

В книге Оррери Ванесса охарактеризована как особа крайне тщеславная, любящая наряжаться, жаждущая вызывать восхищение, преисполненная уверенности в своем превосходстве над прочими женщинами, дерзкая и надменная, лишенная и признака красоты или благовоспитанности…, вполне довольная своей репутацией любовницы Свифта… и, тем не менее, стремящаяся стать его женой. Последующая ее агония в Селлбрид-же — морализирует Оррери — несчастный пример дурно прожитой жизни, склонности к фантазиям, бредовых планов и женской слабости (Op. cit., p. 73—80). Дин Свифт оспаривает каждую строку, каждое слово этой характеристики (Op. cit., p. 264). Некоторые исследователи считают, что самым авторитетным в этом споре является свидетельство самого Свифта, знавшего Ванессу столько лет и чуть ли не через пятнадцать лет со времени их знакомства ставившего ее «выше всего рода человеческого» и называвшего всех остальных женщин в сравнении с ней «дурами в юбках». К счастью для Стеллы, она не подозревала о существовании цитируемого нами письма и верила, что Свифт восхищается только ею. Его похвалы здесь, как нам кажется, отдают литературным упражнением на тему, все письмо носит преувеличенно

комплиментарный характер, особенно ощущаемый в сравнении с тоном других писем Свифта, где он бывает временами и фамильярен, и грубоват, а иногда, мягко говоря, и неделикатен, когда, например, спрашивает Ванессу, отчего это она не влюбилась в кого-нибудь из священников своей округи, и прибавляет: «вы еще не достигли того возраста, когда любят священников». В его устах это была очень жестокая шутка. В целом же создается впечатление, что Свифт никак не мог определить ту линию поведения с Ванессой, которая была бы наименее болезненной и позволила избежать неприятных осложнений.

Ванесса же в своих письмах вся, как на ладони: ей не до уловок; малейшего ласкового слова Свифта, обещания приехать — достаточно, чтобы она была счастлива и вновь преисполнилась надеждами. Свифт, конечно, понимал это и время от времени воскрешал ее иллюзии, то обещая написать поэму об истории их знакомства, то советуя чаще вспоминать счастливые минуты прошлого или восхищаясь ее достоинствами. Быть может, Ванесса с точки зрения тогдашней морали и соображений благоразумия вела себя опрометчиво, но именно этим она и привлекательна, а своими страданиями и верностью на протяжении долгих лет (известно, что она неоднократно отвечала отказом по крайней мере двум претендентам на ее руку) она искупила свои возможные недостатки и прегрешения: она не нуждается ни в чьих оправданиях и свидетельствах, даже в свидетельствах Свифта, потому что самым убедительным оправданием служат ее собственные письма. Это прекрасно выразил Марк Твен: читая известный очерк У. Теккерея о Свифте [*Теккерей У. М.* Собр. соч. в 10 томах. М.: Художественная литература, 1977, т. 7.] он, вопреки мнению самого Теккерея, сделал на полях книги следующую запись по поводу Ванессы: «В истории этой несчастной, безобидной, печальной, толстой девушки заключено для меня нечто бесконечно трогательное». [Mark Twain's Margins on Tackeray's Swift. N. Y., 1935, 51.]

Перелом в отношениях наступает примерно в 1721 г. после смерти сестры Ванессы. Это чувствуется по изменившемуся тону писем и Свифта и Ванессы. Молькин умерла 24 лет от роду. Свифт при ее погребении не присутствовал, он выразил надежду, что друзья Ванессы не оставят ее в беде. Теперь Ванесса осталась в полном одиночестве, и это, по-видимому, окончательно ее сломило. В ее письмах уже нет ни прежней энергии, ни взрывов негодования, ни признаний, а только печаль, покорность своей участи и просьбы быть с ней поласковей. Да и тон Свифта заметно стал иным: он еще по инерции вновь и вновь предлагает ей почаще вспоминать эпизоды прошлого (хотя это все менее действовало), свидетельствует свое

уважение, советует беречь здоровье, но чувствуется, что он теперь внутренне спокойнее, боязнь возможных осложнений и неприятностей миновала, и он благодушно поучает Ванессу, что богатство составляет девять десятых всего хорошего, что есть в жизни, и насколько приятно жить в довольстве и внушать людям почтение; и еще он советует ей при первой же возможности покинуть этот гнусный остров — Ирландию. К сожалению, нам неизвестно, как гордая Ванесса воспринимала эти поучения, несколько необычные в устах ее обожаемого наставника. Дело шло к развязке.

В апреле 1723 г. Ванесса неожиданно узнала, что Свифт будто бы женат на м-иссис Эстер Джонсон, — так пишет Дин Свифт. Согласно одним свидетельствам, она будто бы написала письмо Свифту, спрашивая его, правда ли это, а согласно другим (в биографическом очерке Томаса Шеридана, предпосланном изданию сочинений в 1784 г., I, р. 330) — Стелле, которая показала письмо Свифту и тотчас вместе с Дингли покинула Дублин, уехав к Форду в Вуд-Парк, где она оставалась до октября 1723 г., то есть почти полгода. Свифт будто бы в состоянии крайней ярости помчался в Селлбридж, вбежал в комнату Ванессы, пригвоздил ее к месту одним из своих устрашающих взглядов, от которых она теряла дар речи, швырнул ей письмо и, не произнеся ни единого слова, вскочил на коня и уехал. Такова версия Оррери (Op. cit., р. 78). Поскольку все это происходило без очевидцев, то за достоверность приведенных драматических деталей поручиться, конечно же, нельзя. Мысль, что любимый ею человек так долго ее обманывал, сразила Ванессу, и через два месяца она умерла. Перед этим она будто бы переделала свое завещание (в первом она, согласно той же версии, завещала все Свифту) и отказала почти все свое имущество совершенно ей незнакомому Джорджу Беркли, будущему епископу и уже тогда известному философу, и почти незнакомому Роберту Маршаллу, только что окончившему юридический факультет. В новом завещании имя Свифта даже не упоминается, и это истолковывается одними как желание Ванессы уберечь его имя от кривотолков, а другими — как свидетельство ее негодования и желания вычеркнуть его из списка тех, кто был ей дорог. Согласно свидетельству Дилени (р. 122), она поручила своим душеприказчикам напечатать всю свою переписку со Свифтом, а также поэму «Каденус и Ванесса», то ли с целью обелить свое имя и показать, что ее притязания на близкие отношения с ним не были фантазией, то ли это диктовалось желанием мести. Однако последнее едва ли согласуется с характером и обликом Ванессы — мягкой, уступчивой и словно обреченной на страдальческую

роль. Она была похоронена в церкви Сент-Эндрю, рядом с отцом и Молькин. В 1860 г. церковь сгорела, и могила Ванессы не сохранилась. Ванесса скончалась 2 июня 1723 г. В полночь того же дня Свифт написал Найтли Четвуду, что вынужден уехать из города скорее, чем предполагал (он действительно собирался уехать в длительное путешествие по южным районам Ирландии) и на следующий день, накануне погребения Ванессы, покинул Дублин.

Несколько недель спустя, 27 июля епископ Митский доктор Эванс писал архиепископу Кентерберийскому доктору Уэйку следующее: «Считаю для себя необходимым поставить вашу милость в известность по поводу одного недавно имевшего здесь место события, к которому, как говорят, Дж. Свифт имеет весьма близкое касательство. Молодая женщина мисс Ваномри (тщеславная и остроумная особа с претензиями) и декан состояли в большой дружбе и часто обменивались письмами (содержание коих мне неизвестно). Говорят, будто он обещал жениться на ней, чего я, однако, не берусь утверждать… В апреле месяце она узнала, что Д. [декан. — *А.И.*] уже женат на миссис Джонсон (родной дочери сэра У. Темпла, очень добронравной женщине) и выказала по этому поводу крайнее негодование, написав новое завещание и оставя все доктору Беркли из здешнего колледжа… и некоему мистеру Маршаллу; последнего, находясь на смертном одре, она обязала напечатать все ее письма и бумаги, коими она обменивалась с Д. Архиепископ Дублинский и вся ирландская братия, боюсь, уговорила мистера Маршалла (душеприказчика покойной) не печатать эти бумаги и пр., вопреки ее желанию, дабы один из их любимцев не был попираем филистимлянами». [Цитирую по кн.: *Brocquy Sybill Le.* Cadenus. pp. 43—44.] В том же письме почтенный епископ сообщал, что, по общему мнению, мисс Эстер Ваномри жила без веры в бога и что, когда декан Прайс предложил прочесть молитвы в ее последние минуты, она будто бы послала записку на клочке бумаги, вырванном из «Сказки бочки» — «Никаких Прайсов и никаких молитв» [No Prices, no prayers; (по-английски prayers — молитвы).]. Английские исследователи считают, что, поскольку епископ питал закоренелую вражду к Свифту, эти детали не внушают доверия. Действительно, деталь с запиской на листе, вырванном из «Сказки бочки», выглядит очень уж подозрительной, это как вещественная улика, доказывающая, откуда Ванесса почерпнула такие взгляды. Но слова «никаких молитв» — представляются нам весьма правдоподобными в устах женщины, писавшей Свифту, что «естественней поклоняться тому, кого зришь воочию, нежели тому, о ком знаешь понаслышке». Что же касается основного содержания письма (или, скорее,

доноса) епископа Митского, то, по-видимому, оно не совсем беспочвенно: после смерти Ванессы душеприказчики стали готовить ее письма к изданию, и они были опубликованы, но далеко не все и лишь более, чем через 40 лет, незадолго перед смертью Маршалла, который лишь тогда решился выполнить волю Эстер Ваномри. Но и в последующих, более полных изданиях переписки многих писем недостает (ведь Эстер их нумеровала); за 5 лет, с 1715 по 1719 г. дошло только одно письмо (датировка которого тоже сомнительна); не исключено поэтому, что после ее смерти письма подверглись отбору. Кто это сделал? Какими соображениями руководствовался отбиравший? Какая часть писем уцелела? Ответить на эти вопросы невозможно. Во всяком случае, биограф Свифта Шеридан пишет, что письма были очень быстро подготовлены к печати, но узнавший об этом доктор Томас Шеридан (отец биографа) убедил Маршалла изъять печатную копию и уберег тем Свифта и Стеллу от многих тяжких минут.

Свифт уехал из Дублина, не оставя никому из служителей собора св. Патрика или друзей своего адреса, и только в августе он написал Шеридану: «В Дублине ли сейчас обе дамы? Если бы я знал об этом, я бы написал им. Здоровы ли они?» (*Corresp.*, Ill, 464). Следовательно, он все это время не поддерживал с ними никакой связи. Возможно, своим длительным отсутствием он хотел помочь Стелле прийти в себя после пережитого потрясения, привыкнуть к мысли, что в течение долгих лет Свифт тайно поддерживал отношения с другой женщиной, о характере которых ей оставалось только гадать и утешаться сознанием, что этой женщины больше нет и все, с ней связанное, теперь дело прошлого. А возможно, и Свифту и Стелле события представлялись не в столь драматичном свете, ведь, как справедливо подметили исследователи, именно в это лето Свифт посвятил Стелле самые живые, исполненные непосредственного чувства и юмора стихи «Стелла в Вуд-Парке». Осенью обе дамы вернулись в Дублин, и жизнь их вошла в прежнюю колею; а Свифт нашел вскоре новую пищу для своей не знающей покоя мысли и темперамента: в начале 1724 г. он решил принять участие в кампании против введения в Ирландии новой разменной монеты, что неблагоприятно отозвалось бы на и без того полузадушенной англичанами ирландской экономике. Вступив в этот спор, Свифт придал ему совершенно иной оборот, мошенническую денежную реформу, затеянную англичанами, он превратил в повод для выступления в защиту достоинства населения Ирландии, его суверенных прав и, в частности, права самому решать дела своей страны. Наступили опять дни его торжества и возвышения, — но

только в Лондоне он был славен своей близостью к сильным мира сего, а здесь его провозгласили выразителем своих чаяний униженные и гонимые. И в эти месяцы, заполненные напряжением борьбы и победы, события недавнего времени и образ несчастной Ванессы отошли на задний план и постепенно изгладились из его памяти.

Кроме того, у Свифта было еще одно занимавшее его дело — он завершал работу над «Путешествиями Гулливера». В 1726 г. книга была закончена, и в начале марта он повез рукопись в Лондон. Но это была не единственная цель поездки. Ведь он не был в Англии 12 лет. Он хотел повидать друзей, приглядеться к тамошней обстановке. Не исключено, что теперь, после эпопеи с монетой Вуда (так звали дельца, которому англичане поручили чеканку новых денег), он лелеял надежду, что виги уразумеют необходимость прислушаться к его мнениям и в ирландском вопросе и в ряде других. Не случайно он добился через графа Питерборо свидания со своим давним врагом — главой нынешнего кабинета вигов Робертом Уолполом, которому он изложил свою программу. Он встречается с принцессой Уэльской (будущей королевой Каролиной), оказывает ей кое-какие услуги, а она обещает отблагодарить его за это медалью. Ни для кого не было секретом, что ее супруг — принц Уэльский не ладит со своим отцом Георгом I, тем самым, который 12 лет тому назад отстранил всех тори, а ведь Георг I недолговечен. На всякий случай Свифт посвятил принцессу в одно очень деликатное обстоятельство: когда его назначили деканом св. Патрика, министры посулили ему 1000 фунтов на покрытие расходов, связанных с вступлением в должность. Это обещание в связи с падением кабинета так и не было выполнено. Правда, обещали деньги министры-тори, а теперь правят его враги виги и прошло столько лет, но… все равно, деньги были обещаны. При этом он просит принцессу передать У. [Уолполу. — *А.И.*], что Свифт не снизойдет до того, чтобы обращаться с такой просьбой к нему, но тут же предупреждает Т. Шеридана, которому все это сообщает в письме, чтобы тот зачеркнул эти последние строчки (мало ли что) и только на словах передал все это обеим дамам, ибо Стелле это будет приятно (*Corresp.*, Ill, 139). Одновременно он завязывает знакомство с миссис Говард — она хороша собой и любезна и помогает многим, в том числе литераторам, — ведь она фаворитка принца Уэльского, а значит может вскоре именоваться фавориткой короля. И это был тот же человек, имя которого многие в Ирландии произносили теперь с благоговением и который привез с собой и Лондон для издания одну из самых беспощадных инвектив против английского двора и политических нравов страны — «Путешествия Гулливера».

Но что безусловно доставляло ему удовольствие — это встречи с друзьями — поэтом Попом, Арбетнотом, может быть, самым любимым, добродушным, остроумным; потом Свифт гостят в Доули — вновь приобретенном поместье Болинброка, которому парламентским актом дозволено было недавно вернуться на родину и вступить во владение своим конфискованным прежде имуществом; правда, в парламент Болинброк не был допущен, но с присущей ему энергией он открывает публицистическую кампанию против Уолпола и вигов; ему с пылом неофита помогает в этом Уильям Пултни, вчерашний виг, а ныне их яростный противник. И Свифт, встречавшийся с Уолполом, встречается и с Уильямом Пултни. Затем он гостит в усадьбе Попа Твиккенхем. Сколько общих воспоминаний, разговоров о литературе. Вот только встреча с Уолполом ни к чему не привела, они расстались еще большими врагами, нежели прежде, и Свифт позже даже высказывает опасение, что ему нельзя ехать во Францию, — как знать, не воспользуется ли Уолпол услугами наемных убийц, тогда как здесь, в Англии, он все же поостережется (*Corresp.*, Ill, 207). Пожалуй, эти его опасения были излишни. И еще одна неожиданная неприятность настигла его в Англии. В апреле он получил письмо от Найтли Четвуда; его уведомляли, что в Ирландии вот-вот должна появиться в печати поэма «Каденус и Ванесса», которую он посвятил когда-то Эстер Ваномри. Правда, поэма уже несколько лет ходила в списках и была многим известна, да и сам он считает ее не более, чем «галантным жестом», но ни к каким уловкам он прибегать не намерен и, «…если кое-кто станет любить меня меньше из-за того, что столько лет назад я сочинил какую-то безделицу, пусть себе думают все, что им заблагорассудится» (*Corresp.*, Ill, 129—130). Поэма и в самом деле вскоре вышла в свет; ее успех был так велик, что за один 1726 г. ее переиздали в Ирландии, Англии и Шотландии еще около 20 раз. Перед свидетельством столь неподдельного восхищения, которое Свифт выражал в поэме покойной Ванессе, хула и недоброжелательство по ее адресу должны были, казалось, умолкнуть; этого, однако, не произошло. И все же теперь Ванессе не грозило забвение: ее увековечил в своих стихах сам Свифт.

Но для Стеллы наступили, наверное, самые печальные дни: она уже не могла сомневаться — Свифт не только много лет таил от нее свои отношения с другой женщиной, но и воспел ее почти в тех же самых словах и выражениях и как раз в то время, когда он писал ей такие ласковые письма своего «Дневника» (ведь поэма в основном была написана в 1713—1714 гг.). Вокруг только и было теперь разговоров, что о героине поэмы, и Стелле, по-видимому, приходилось делать вид, что это

нисколько ее не задевает. Один из современников вспоминает любопытный эпизод, относящийся к этому времени: за обедом в поместье приятеля Свифта и Стеллы — Форда, Вуд-Парке, где гостила Стелла, зашел разговор о напечатанной недавно поэме; один из присутствовавших джентльменов, ничего не подозревая о положении Стеллы и ее отношениях со Свифтом, заметил, что Ванесса несомненно была незаурядной женщиной, коль скоро она вдохновила Свифта на такие стихи. При этих словах миссис Джонсон улыбнулась и ответила, что не считает это столь уж очевидным, поскольку, как хорошо известно, декан мог прекрасно описать даже палку от метлы (Дилени, р. 58). [Стелла имела в виду пародийный набросок Свифта «Размышления о палке от метлы».] Это сказано очень язвительно, но свидетельствует не только об уязвленной гордости Стеллы, но и о ее большом самообладании. Видимо, это давалось тяжелой ценой. Вскоре Стелла слегла.

О том, как Свифт воспринял эту весть, лучше всего свидетельствуют его письма к немногим самым близким друзьям: «Того, что вы пишете о миссис Дж[онсон], я давно ожидал с тяжелым сердцем и тоской. Наша дружба была безупречной и длилась 35 лет. Обе они приехали в Ирландию по моему совету и с тех пор были верными моими спутницами; если уйдет из них та, которую я наипаче почитаю, поскольку она обладает всеми достоинствами, какие только могут украшать человека, то остаток моих дней будет чрезвычайно печальным. Последние два месяца я догадывался об истине, несмотря на старания миссис Дж[онсон], и с тех пор, как мы с вами расстались, был настолько подавлен, что стал на себя не похож, да и вряд ли когда буду; мне останется лишь влачить жалкое существование, пока господу не угодно будет призвать меня к себе. Признаюсь вам как другу, если у вас есть основания полагать, что миссис Дж[онсон] не доживет до моего приезда, то я не стану помышлять о возвращении в Ирландию и, надеюсь, что вы в таком случае пришлете мне в начале сентября продление лицензии еще на полгода. Я проведу это время в каком-нибудь уединенном месте вдали от Лондона, пока не буду в силах появиться после столь рокового для моего спокойствия события. Я хотел бы, чтобы вы уговорили ее составить завещание: она собиралась оставить проценты от всего своего состояния матери и сестре пожизненно, а после этого госпиталю доктора Стивена… Примите в соображение, в каком состоянии я это пишу, и простите все несообразности. Я ни за что на свете не подверг бы себя такому испытанию — быть свидетелем ее кончины. Она окружена друзьями, которые из уважения к ней и ее высоким достоинствам будут ухаживать за ней с наивозможным тщанием, а я был

бы лишь источником беспокойства для нее и величайшего мучения для себя самого. Если положение будет безнадежным, я хотел бы, чтобы вы посоветовали им при переезде в город поселиться в каком-нибудь полезном для здоровья месте, где много воздуха, а не в деканате. Ведь, как вы сами понимаете, было бы крайне неуместно, если бы она преставилась именно там. Полагаюсь в этом на ваше благоразумие и заклинаю вас сжечь это письмо без промедления, не пересказывая его ни одной живой душе. Пишите мне, пожалуйста, каждую неделю, чтобы я знал, как мне поступить, я не хочу возвращаться в Ирландию, чтобы не очутиться там сразу же после ее смерти или застать ее умирающей. Только крайность могла принудить меня произнести эти ужасные слова применительно к столь дорогому другу. Скажите ей, что я купил для нее золотые часы с репетицией для удобства в зимние ночи. Мне хотелось сделать ей приятный сюрприз, но теперь я предпочитаю, чтобы она это знала и могла убедиться, что я постоянно думал, как бы сделать ее жизнь покойнее. Поверьте, нет ничего глупее, нежели заключать слишком глубокие и тесные дружеские узы: ведь тот, кто проживет дольше, неизбежно останется несчастным… Прочитайте это письмо дважды, хорошенько запомните то, о чем я вас прошу, а потом сожгите его, и пусть все, что я сказал, останется у вас в душе. Прошу вас, пишите мне каждую неделю. Я решил (если только не узнаю от вас чего-нибудь нового) выехать в Ирландию 15 августа и исполню или изменю свои планы в зависимости от того, что вы мне напишете… Я предпочел бы добрые известия от вас назначению епископом Кентерберийским, даже если бы мне предложили это место на моих условиях» (из письма Джону Уорэлу, одному из викариев собора св. Патрика, Твиккенхем, 15 июля 1726 г.; *Corresp.*, Ill, 140—142).

Однако горестная развязка оттягивалась и, спустя некоторое время, Свифт сообщает Уорэлу, что намерен выехать из Лондона 15 августа. Накануне самого отъезда рукопись «Путешествий Гулливера», переписанная из предосторожности чужим почерком, была доставлена издателю. Задерживаться в Лондоне больше не имело смысла; ему становилось ясно, что рассчитывать в ближайшее время на перемену политической ситуации, на какие-нибудь реальные успехи оживившейся торийской оппозиции, на перемены в тактике вигов или в их отношении к нему не приходится, а любезность принца Уэльского и его супруги явно не сулила ему никаких реальных последствий. Вскоре он был уже в Дублине, где его ожидало известие, что Стелле стало лучше и опасность на время миновала. Зима прошла благополучно, а опубликованные вскоре после его

отъезда из Лондона «Путешествия Гулливера» пользовались огромным успехом. Читатели гадали, кто их автор и, конечно же, в первую очередь подозревали Свифта, который упорно отказывался в этом признаться. Это была, пожалуй, последняя большая радость в его жизни.

Следующей весной Свифт вновь собрался в Лондон. Он выехал в апреле 1727 г.; из Честера направился в Гудрич в Хартфордшире, затем побывал в Оксфорде, а 22 апреля был уже в Твиккенхеме у Попа. Что повлекло его снова в Англию? Возможно, Свифт связывал с этой поездкой свои последние надежды на благоприятные перемены в его судьбе. Возможно, и теперь, он, едва ли не национальный герой Ирландии, надеялся на епископат, на переезд в Англию, хотя бы в знак признания его литературных заслуг. Ведь теперь он был еще и автором «Путешествий Гулливера». Тем более, что вскоре после его приезда умер Георг I, и Свифт, хотя и не сразу, но отправился поздравить нового короля и королеву и был допущен к августейшей ручке; «ходят разговоры, что новый король не делает различия между вигами и тори», — сообщает он Т. Шеридану (*Corresp.*, Ill, 218); королева подозревает, что он автор «Путешествий Гулливера», и, поскольку книга ей нравится, он предоставляет ей свободу думать, что ей угодно. Письма Свифта из Лондона свидетельствуют о его прежнем интересе к политике… Но проходят недели и снова становится очевидно, что надеяться не на что. Весь август он чувствует себя из рук вон плохо — головокружения, сопровождающиеся рвотой, приступы глухоты; а тем временем он узнает из писем Шеридана, что Стелла простудилась и ее состояние резко ухудшилось….

И опять он просит продлить ему лицензию, потому что не в состоянии приехать, опять дает указание Уорэлу принять меры, чтобы Стела не умерла в его доме, «Мне хотелось бы знать, где живут сейчас оба моих друга. Я предупредил миссис Брент, что находиться domi decanus, quoniam hoc minime decet, uti manifestum est, habeo enim malignos, qui sinistre hoc interptetabuntur, si evenient (quod deus averlat), ut illic moriatur». [В доме декана им сейчас менее всего подобает: ведь это тотчас станет известно и, если ей случится там умереть (от чего избави нас боже), недоброжелатели превратно это истолкуют *(лат.)*. — Из письма к Уорэлу от 12 сентября 1727 г. (*Corresp.*, 111,237).]

В начале сентября его состояние ухудшается настолько, что он решает выехать в Ирландию безотлагательно. Послав последнее любезное письмо миссис Говард, теперь уже королевской фаворитке («Я бесконечно вам признателен за все ваши благодеяния и буду помнить о них, пока у меня

останется хоть какая-нибудь память») и, попросив ее передать его благодарность королеве («Остаток дней я буду питать величайшую признательность за милости, оказанные ее величеством», — *Corresp.*, Ill, 238), он собирается в дорогу. В Ирландии тем временем уже ходят слухи, что он вообще не возвратится, на что он в другом письме (к Н. Четвуду) иронически писал: «…что ж, это истинная правда, ведь я едва там не умер. Но если вы воображаете, что мне выказали при дворе какое-то расположение, то очень ошибаетесь или неверно осведомлены, совсем наоборот, по крайней мере со стороны министров. Я никогда больше не появлюсь при дворе, разве что меня позовут, да и то еще подумаю» (*Corresp.*, Ill, 248). Он и теперь не мог совсем проститься с этой мыслью. Но никто не думал его звать, и это была его последняя поездка.

Он застал Стеллу в живых. Она умерла несколько месяцев спустя, 28 января 1728 г., в воскресенье. Когда ему сообщили об этом, у него были друзья (по воскресеньям он обычно принимал гостей), и только после их ухода он мог остаться наедине со своим горем. Тогда-то он и начал писать свои заметки о ней. Ему суждено было пережить ее на семнадцать лет. Постепенно редел круг друзей. В 1736 г. он составил список лиц, выделявшихся ученостью, знатностью или занимавших видные должности, с которыми он был некогда близок или знаком и которые уже умерли. Он насчитал 27 человек, и в их числе немало и тех, кого мы встречаем на страницах «Дневника» — Аддисон, Прайор, лорд Оксфорд, Конгрив и многие другие. Параллельно он составил список тех, кто еще был жив. Примечательно, что среди них он числил и тех, кто уже расстался с жизнью, но он об этом не знал, потому что почти не писал писем и все меньше интересовался тем, что происходит там, в некогда желанной Англии. Он подводит итоги и составляет еще один список, в котором разделяет своих знакомых на четыре категории — неблагодарных, благодарных, ни то, ни се и вызывающих сомнение. Но ни в одном из списков живых или мертвых, не значатся имена Стеллы и Ванессы, как не упоминает он эти имена и в своих письмах. Они словно существуют в его сознании особняком от всех прочих и, возможно, отдельно друг от друга. Туда никому нет доступа. Не зря писала ему как-то Ванесса, что в его мысли никому не дано проникнуть. Но Стелла всегда рядом — ведь она покоится под плитами собора св. Патрика, где впоследствии нашел успокоение и он. А Ванесса… После смерти Свифта среди его бумаг обнаружили конверт с прядью волос. На конверте рукой Свифта было написано: «Волосы женщины, только и всего». Естественно предположить, что это волосы Стеллы, оставленные им на память после ее кончины, ведь

именно в этот день он написал, что ее волосы были «чернее воронова крыла». А ироническая или даже нарочито циническая усмешка надписи на конверте — типично свифтовское стремление разрушить всякие обольщения человеческого сердца в угоду беспощадно трезвому взгляду на жизнь. Однако некоторые биографы утверждают, что эта прядь — память о Ванессе.

Что же дает основание причислить «Дневник для Стеллы» к литературным памятникам? Конечно, письма великого писателя раскрывают его внутренний мир, в них говорится о его литературных замыслах и писательском труде, о литературе и собратьях по перу, проявляется его наблюдательность, острота мысли, его словесное мастерство. [Следует однако предупредить, что, делая свои записи, Свифт не заботился о тщательной литературной отделке и не занимался ею впоследствии, здесь нет никакой оглядки на будущего читателя. Недаром, перечитывая иногда написанное, Свифт удивлялся тому, как его корреспондентки догадываются о смысле, но притом решительно отказывался исправлять погрешности и описки. Он откровенно признается подчас, что пишет, уже засыпая, или торопится, потому что должен спешно уйти, или очень сейчас занят. Эта проза такова, какой она вылилась из-под его пера в данную минуту, она действительно является непосредственным отражением мыслей, настроения и даже физического состояния автора, но в этом в значительной степени заключается обаяние его записей, при всей, не побоимся сказать, подчас небрежности и стилистических погрешностях, а иногда и просто монотонном однообразии повторяющейся информации, среди которых то и дело сверкнут глубокая мысль или меткое слово великого сатирика.] Но с равным основанием это можно отнести и к другим письмам Свифта. Почему же такое предпочтение отдано его письмам к Эстер Джонсон? Почему в Англии их печатают отдельной книгой, отдельно от всех прочих писем? Потому что они предназначены одному адресату? Отчасти. Но точно так же были напечатаны однажды отдельной книгой и письма к его приятелю Чарлзу Форду и к Ванессе. Да, но публикуемые письма к Стелле, как уже отмечалось в начале статьи, ограничены определенными хронологическими рамками, они рассказывают об определенном периоде его жизни и в них есть свой

сюжет, своя завязка, кульминация и развязка.

Читая «Дневник», продираясь сквозь огромное нагромождение деталей быта, как будто незначащих мелочей повседневности, знакомясь с людьми, выступающими на авансцене истории и в роли рядовых статистов, следя за признаниями и догадываясь об умолчаниях автора, вступающего в разнообразнейшие отношения с этими людьми, размышляя о причинах поступков, явных и скрытых, мы знакомимся с историей поразительного возвышения Свифта, обусловленного не только его выдающимся талантом, но и общественной ситуацией, а затем становимся свидетелями крушения его честолюбивых надежд. При этом его личная судьба дает немало поводов для размышлений и выводов не только о Свифте, но и вообще судьбе художника, творческой личности, об истинных и мнимых целях, которые она себе ставит, благородных и ложных побуждениях, которыми она руководствуется, и цене, которую платит, о субъективном восприятии и объективном смысле такого сюжета. Такой сюжетной завершенности, отграниченности, цельности ни в каких письмах Свифта к другим адресатам или в любой другой период его жизни больше не встречается.

Но есть еще одно обстоятельство, выделяющее эти письма. Они написаны в виде дневника, мало того, в особой манере, выработанной постепенно и сознательно, манере, которой Свифт никогда и нигде больше не пользовался. Он пишет утром и вечером и, отправя одно письмо, в тот же день начинает новое (для непрерывности общения); он непременно сообщает, где обедал и что ел (чего, конечно же, не делает ни в каких других письмах), где был с визитами, кого видел, как себя чувствовал, где и сколько гулял и т. п., то есть делает все возможное, чтобы его корреспондентки получили полное представление о каждом дне его пребывания в Лондоне, чтобы они живо представили людей, с которыми он видится, их манеры, одежду, разговоры — одним словом, «Дневник для Стеллы» не только может поспорить с многими романами той поры (Дефо, например) в отношении достоверности, плотности описания быта, неистощимого интереса к материальной стороне жизни, столь характерного и для героев Дефо (векселя, акции, закладные, арендная плата, стоимость проезда в карете и портшезе, стоимость вина и парика и обеда в харчевне, ежедневные расходы, приданое невест и доходы женихов и пр. и пр.), но и превосходит их в ряде отношений и приемов, создающих, мы бы сказали, эффект присутствия, приемов, которых английский роман тогда еще не знал.

Ни в каких других письмах Свифт (и тем более никто из его современников) не вступает в вымышленные диалоги со своими

корреспондентами, тогда как здесь он их расспрашивает и тут же пишет их ответные реплики, разыгрывает их, дурачит, шутливо бранит, просит не мешать ему работать, отсесть от его постели, дать одеться или гонит их потому, что ему пора вставать или потому, что его клонит ко сну. [Закончив письмо, он делает, например, следующую приписку — если Стелла и Дингли желают, чтобы он что-нибудь прибавил, то пусть поторопятся сказать ему об этом, иначе он сейчас письмо запечатает.] Мало того, он беседует и с их письмами. Он описывает последовательность своих жестов, когда вскрывает их письмо, отмечает, какой рукой берет его и как распечатывает. А ведь английский роман тогда еще не открыл всю бесконечную красноречивость языка движений и жестов, обдуманных или непредумышленных. Наконец, он пытается дать своим корреспонденткам представление, с какой именно интонацией он произносит то, что пишет (с какой, например, «маленькая девчушечка скажет: „У меня есть яблоко, мисс, но только я не дам вам ни кусочка“). С этой целью он начинает экспериментировать с графической стороной своих писем: желая имитировать зевок, он пишет — „пооолночь“, а желая выразить обиду или невозможность для него тотчас перейти от одного предмета разговора и настроения — к другому, он проводит черту, притом в каждом случае разной длины, поясняя, например, что он так далеко отодвинулся от Стеллы, потому что обижен. Даже в самой неразборчивости своего почерка он усматривает особый психологический смысл: „Когда я пишу разборчиво, мне, сам уже не знаю почему, начинает казаться, что мы не одни и что все, кому не лень, могут за нами подглядывать, а у небрежных каракулей вид такой укромный, ну прямо, словно это ПМД“ [Условное обозначение, под которым Свифт подразумевает себя, Стеллу и Дингли.]. Отдельные слова и фразы он пишет огромными буквами для смыслового или эмоционального усиления или для комического эффекта (в данном издании, как и в английских, эта особенность написания, как и некоторые другие, не воспроизведены).

На фоне достаточно однообразной повествовательной манеры того же Дефо, письма к Стелле поражают не только эмоциональным разнообразием, но и неожиданностью переходов, эмоциональных переключений. Мало того, проза в иных местах обретает ритм и рифму, переходит в стихи; мистифицируя Стеллу, Свифт уверяет ее, будто цитирует старинную пословицу или поговорку, хотя сочинил ее тут же, на ходу, и, минуту спустя, раскрывая тайну своей писательской кухни, выражает недовольство неудачной рифмой. Наконец, Свифт использует ребячий язык; переиначивая слова, меняя в них буквы, он превращает их в

другие слова, дающие в данном контексте новый, неожиданный смысл (при свете свечи — при свете скачи; и не хуже вас — и не уже вас и т. д.). Он уснащает свои письма каламбурами, прибегает к нарочитой стилевой разноголосице в ласковых словечках, эпитетах. Появляются какие-то вымышленные лица, и Свифт вступает с ними в комический диалог: так он спрашивает, например, какогото пожилого мужчину с тростью, не известно ли ему, от кого он получил письмо, а тот отвечает со старческим шамканьем (которое Свифт воспроизводит), что оно от какой-то мадам *МД*; а то еще будто осведомляется у кого-то из обитателей Челси, правда ли, что здесь продавались прежде пррррррревосходные булочки с изюмом?».

Перед нами определенная эстетическая система, и хотя «Дневник», как уже говорилось, представляет собой непосредственную фиксацию причудливой смены настроений и мыслей автора и фиксацию событий каждого дня во всей их пестроте и непредсказуемости, их живой достоверности, в нем параллельно с этим все же использован ряд приемов, цель которых — *создать впечатление* абсолютной непредумышленности этих записей. И, как это ни парадоксально, но два этих, казалось бы, взаимоисключающих друг друга свойства — непосредственность и обдуманность, преднамеренность — органически здесь сливаются, в них, быть может, и состоит главное своеобразие и увлекательность «Дневника». Можно подумать, что в эпоху торжества рационализма Свифт бросил в нем вызов рационализму и упорядоченности и за полвека до выхода «Тристрама Шенди» создал поистине стернианскую книгу. Ничего интуитивного или бессознательного в его письмах нет, как, впрочем, нет этого и у Стерна; это сознательно избранная и в основе своей очень головная манера, которая предвосхитила многое из того, что, лишь несколько десятилетий спустя, было самостоятельно найдено и выработано английским романом и в первую очередь Стерном. Последний, если и мог познакомиться с письмами Свифта, то лишь в виде многочисленных цитат в книге Дина Свифта, потому что ко времени первой публикации «Дневника» большая часть романа «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» была уже опубликована. Что же касается вызова рационализму, то, быть может, он у Свифта, как отчасти и у Стерна (в котором видят обычно только свидетельство кризиса просветительского рационализма), а много позднее у Шоу, и у Честертона и многих других английских писателей выражает еще и своеобычность английского национального характера, национального образа мышления с его пристрастием к эксцентрике, игре ума, причуде…

Но если английский роман XVIII в, в силу обстоятельств не смог воспользоваться опытом Свифта — автора «Дневника», то им вполне воспользовался, например, исторический роман XIX в. и прежде всего У. М. Теккерей. Сама эстетическая программа Теккерея была в сущности без всяких эстетических манифестов более чем за сто лет до того реализована автором «Дневника»; изображать историю не с парадной эффектной стороны, а как будничную жизнь, и великих мира сего не разодетыми в горностаевые мантии и произносящими пышные речи, а без всякого подобострастия и приукрашивания. Когда мы читаем «Историю Генри Эсмонда», то не только обнаруживаем десятки деталей, почерпнутых из писем Свифта и придающих роману особую достоверность (чего стоит, например, «краснолицая, разгоряченная» королева Анна, которая, охотясь, мчится в кабриолете вслед за сворой гончих), но ощущаем историю, представленную человеком, наблюдающим главных ее лицедеев в моменты их повседневного бытия, когда они гримируются или разгримировываются, а подчас забывают нужную реплику и ходят по черной лестнице, как ходил всегда к королеве Анне ее первый министр — лорд Оксфорд.

У Свифта можно было поучиться и новому способу изображения характера, куда более сложному, чем у Филдинга, нередко прибегавшего к контрастному противопоставлению пороков одного героя добродетелям другого. Всесильных министров — Оксфорда, Болинброка, слугу Патрика, не говоря уже о самом авторе «Дневника», мы узнаем куда лучше, нежели героев многих прославленных романов. С каждым письмом облик этих людей становится все более пластичным и объемным, потому что Свифт изображает поведение того же Болинброка и на политическом поприще и в обыденной жизни, в критические минуты его карьеры и за пиршеством в кругу единомышленников, объясняет мотивы его поступков, знакомит с его привычками. И как эти люди ни близки и ни дороги ему (ведь он теперь с ними в одной упряжке и все поставил на ту же карту), его ум слишком проницателен и беспощаден, чтобы заниматься иконописью: поэтому после энергичной, сжатой, исполненной восхищения характеристики Болинброка Свифт не боится изобразить этого незаурядного, обуреваемого страстями человека, охотящимся за проституткой на лондонской улице; а сожалея о том, что Болинброк разошелся со своими политическими единомышленниками, и собираясь предотвратить их разрыв, Свифт роняет лишь одну фразу: «Если Болинброк станет противником, с ним хлопот не оберешься», которая поразительно проясняет характер самого Свифта-политика, мгновенно и холодно оценивающего последствия ситуации, при

которой сегодняшний друг станет врагом. Понятно также, почему Теккерей писал свои исторические романы в виде мемуаров и дневников участников исторических событий. Он и здесь воспользовался опытом Свифта, понимая, что, характеризуя дела минувших дней и их участников, рассказчик одновременно будет характеризовать и самого себя. Последнее, конечно, не входило в намерения Свифта. Но для нас именно в этом, пожалуй, и состоит главный смысл его записей.

Разумеется, «Дневник», как говорят обычно, имеет большой познавательный смысл, особенно для тех, кто интересуется той эпохой. Еще, возможно, важнее то, что многие страницы «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет» «Дневника» воспринимаются, как предвестье «Путешествий Гулливера», а ведь именно эта книга определяет место, занимаемое Свифтом в истории английской и мировой литературы. Можно с уверенностью сказать, что после знакомства с «Дневником» многое в «Путешествиях Гулливера» предстает в ином освещении. Никакие другие письма Свифта не дают нам столь полного представления о том личном и общественном опыте писателя, из которого возникли потом многие страницы и главы диковинного мира его знаменитой книги, особенно ее первая часть, изображающая Лиллипутию. Но только то, что в «Дневнике» представлено в дробной картине повседневных событий, важных и незначительных, на страницах «Путешествий Гулливера» выражено в форме художественного сатирического обобщения. Отдельные коллизии «Дневника» буквально узнаваемы на страницах «Путешествий Гулливера», а в иных случаях у читателя невольно возникает желание истолковать их, как иносказательное образное перевоплощение реальности — и тогда Гулливер среди лиллипутов вызывает ассоциацию со Свифтом в период его возвышения, когда большинство окружавших его людей, несоизмеримых с масштабами его личности, конечно же, казались ему пигмеями. А Свифт после падения кабинета тори, вынужденный уехать в свое ирландское изгнание, ожидающий возможной расправы, представляется нам таким же беззащитным, как Гулливер, очутившийся среди великанов. И не подкрепляют ли такую догадку следующие строки: «Я представил себе унижение, ожидающее меня среди этого народа, где я буду казаться таким же ничтожным существом, каким казался бы среди нас любой лиллипут» (II, 1)? В самом деле, прежде от воли Гулливера зависели судьбы двух государств — Лиллипутии и Блефуску, а ныне его судьба зависит от прихоти мальчишки, от кошки, от крыс.

И тем не менее, попытки точно расшифровать фантазию Свифта, угадать, какой конкретный факт он имел в виду под каждым эпизодом

своего повествования (чем занимались и занимаются десятки исследователей и комментаторов «Путешествий Гулливера») — занятие малоплодотворное. А отождествлять Гулливера с его создателем тем более не стоит, Свифт никогда не верил в идиллию, тем более в идиллию лошадиную.

Нельзя не заметить, что, при существенных различиях в суждениях и оценках одних и тех же явлений действительности в «Дневнике для Стеллы» и в «Путешествиях Гулливера», которые отмечались нами в данной статье, и несмотря на то, что за годы, отделяющие эти две книги, жизнь внесла существенные коррективы во взгляды и оценки писателя («…в молодости я и сам, — признается Гулливер, — был большим прожектером»), многие суровые суждения о человеке и обществе сложились у Свифта уже тогда, в пору создания «Дневника». Среди прожектов академии Лагадо самыми фантастическими и несбыточными представлялись Гулливеру «…способы убедить монархов выбирать себе фаворитов из людей умных, способных и добродетельных, научить министров считаться с общественным благом; награждать людей достойных, одаренных, оказавших обществу выдающиеся услуги; учить монархов познанию их истинных интересов, которые основаны на интересах их народов; поручать должности лицам, обладающим необходимыми качествами для того, чтобы занимать их; и множество других диких и невозможных фантазий, которые никогда еще не зарождались в головах людей здравомыслящих» (III, 6). Но ведь к такому печальному итогу Свифт пришел еще в те дни, когда писал «Дневник», он вполне мог бы завершить этим выводом свои записи. «Дневник» — предварительное исследование жизни, предварительный детальный ее слепок, из которого еще предстояло выкристаллизовать самое существенное.

Выше уже говорилось и о самостоятельной художественной ценности «Дневника», о том, как много предвосхитил в нем Свифт из того, что было эстетически освоено литературой лишь спустя десятилетия. Но прежде всего эта книга помогает хотя бы отчасти постичь сложную, удивительную и непостижимую личность Джонатана Свифта.

Примечания

Предлагаемый перевод выполнен по наиболее авторитетному в текстологическом отношении английскому изданию: Swift Jonathan. Journal to Stella, in 2 vols./Ed. by Harold Williams. Oxford, Clarendon Press, 1948.

Необходимо коснуться истории публикации «Дневника для Стеллы», состояния оригинала, а главное — сказать о своеобразии самого текста.

Впервые о существовании этих писем читающей публике стало известно в связи с вышедшим в 1755 г. «Опытом, посвященным жизни, сочинениям и характеру доктора Джонатана Свифта», где приводились отрывки из них. Книга эта принадлежала перу Дина Свифта, который был близок с писателем в последние годы жизни Свифта.

В библиотеке Вальтера Скотта в его поместье Эбботсфорд сохранился рукописный перечень книг, принадлежавших Свифту в самые последние годы жизни, составленный опекуном Свифта Джоном Лайоном. Как известно, писатель был в это время поражен тяжелой душевной болезнью. В перечне значатся письма Свифта, общим числом 227, собранные в один том, и кроме того еще несколько писем к Эстер Джонсон и миссис Дингли, а также указывается, что еще какие-то письма были переданы Джоном Лайоном экономке и домоправительнице писателя — миссис Уайтвэй. Именно ее имел в виду Ди» Свифт, указывая в пояснениях к своему «Опыту», что письма Свифта предоставила в его распоряжение одна дама, которая будто бы обнаружила их недавно среди бумаг, переданных ей самим Свифтом в 1738 г. Остается, таким образом, неясным, действительно ли сам Свифт передал ей все эти письма или же она получила часть из них от доктора Лайона; так или иначе, в распоряжении Дина Свифта оказалось 39 писем к Эстер Джонсон — «Стелле» (со 2 по 40 включительно из нынешнего состава «Дневника»), которые он цитировал в своей книге.

В 1766 г. эпистолярное наследие Свифта было частично опубликовано Джоном Хоксвортом (1715? — 1773), в молодые годы занимавшимся журналистикой, а на склоне дней ставшим одним из управляющих Ост-Индской компании, который прямо указал на то, что письма были получены им первоначально от доктора Лайона. Сюда, помимо прочих, вошли 26 писем из нынешнего текста «Дневника»: первое, а также с 41 по 65; оригиналы этих писем (за исключением 54) сохранились — книготорговцы, по заказу которых осуществлялось это издание, передали

их потом Британскому музею. Два года спустя после этой публикации, в 1768 г. Дин Свифт продолжил вышедшее в Лондоне издание сочинений Свифта, напечатав в одном томе со своими пояснениями все находившиеся у него 39 писем, присовокупив еще и первое, которое он явно перепечатал с издания Хоксворта, однако судьба этой части рукописи остается неизвестной. Джон Николе (1745 — 1826) — издатель, опубликовавший на своем веку много разного рода литературных материалов и писем писателей и общественных деятелей Англии первой половины XVIII в. и изучавший несколько позднее эпистолярное наследие Свифта, приводит в своих восьмитомных «Иллюстрациях к истории литературы восемнадцатого века» (Illustrations of the Literary History of the Eighteenth century. By John Nichols, in 8 vols. London, 1817 — 1858) письмо к нему Дина Свифта, в котором тот говорит о своем намерении тоже передать имеющиеся у него письма в Британский музей (чего он, однако, не сделал), но тут же добавляет, что в глубине души он склоняется к тому, что самым лучшим было бы сжечь все рукописи, коль скоро книга уже напечатана. Осуществил ли он это намерение, сказать с уверенностью нельзя. Следовательно, к 1768 г. все 65 писем Свифта к Эстер Джонсон были уже напечатаны, но только двумя отдельными частями, и сохранились оригиналы лишь 25 писем, к которым при последующих переизданиях почти всякий раз обращались для уточнения текста, тогда как в отношении остальных писем оставалось только полагаться на их прочтение, или, скорее, расшифровку, предложенную Дином Свифтом.

Слово «расшифровка» употреблено нами не случайно. Во-первых, сохранившийся оригинал свидетельствует о тон, что многие особенно часто встречающиеся слова, а также имена Свифт сокращал. Во-вторых, о многом он писал обиняками, опасаясь, что его письма, насыщенные политическими новостями, будут вскрывать. В-третьих, значительную часть его писем занимают ответы на письма его корреспонденток, которые не сохранились, поэтому смысл отдельных фраз в его ответах остается неясным. Из «Дневника» видно, что на протяжении почти трех лет, пока Свифт вел его, он сохранял их письма; он не раз пишет, что ему лень рыться в них, когда необходимо вспомнить, что они ему писали по какому-нибудь поводу раньше. Уничтожил ли он их перед отъездом в Ирландию или позднее и уничтожил ли вообще — остается только гадать.

Многочисленные вымарывания отдельных слов и даже строк, кляксы и помарки, торопливый мелкий почерк приводили к разночтению одних и тех же мест, о смысле которых приходится только догадываться. Это даже дало основание позднейшему французскому исследователю Эмилю Понсу

высказать предположение, что такие зачеркивания сделаны с умыслом и, следовательно, представляют собой значимые, исполненные смысла части текста, понять которые могла только Стелла, точно так же, как росчерки и завитушки пера, которых особенно много в тех местах, где Свифт пишет обеим дамам ласковые словечки или шутит с ними (Pans Emil. Du Nouveau sur le «Journal à Stella». Paris, 1937). Однако редактор оксфордского издания «Дневника» Гарольд Уильяме справедливо замечает по этому поводу, что Свифт в таком случае прибегал бы к зачеркиваниям и прочим ухищрениям прежде всего в тех местах, где он, к примеру, неблагоприятно отзывается о знатных липах или сообщает сведения о закулисных интригах при дворе и пр., чего в рукописи нет.

Наконец, особенность писем состоит еще и в том. что Свифт широко пользовался в них языком, напоминающим лепет ребенка, коверкающего слова и придумывающего свои собственные, не умеющего выговорить какие-то звуки (так, вместо «р» в подобных словах у него стоит «л» и наоборот); он пользуется буквенным шифром вместо имен и т. п. и в этом отношении, например, первые издатели текста Дин Свифт и Хоксворт пошли совершенно различными путями. Дин Свифт этот шутливый ребячий лепет начисто заменил, перевыразил «нормальным» взрослым языком, за исключением тех случаев, когда Свифт сам специально оговаривает необычное написание слов. Отсутствие оригинала не позволяет теперь установить, насколько верно Дин Свифт передал значение этих слов. В этих письмах, как уже указывалось в статье (с. 517), немалое значение имеет и графическая сторона, однако в издании Дина Свифта мы узнаем об этом лишь из его примечаний, сам же текст напечатан в обычном «благопристойном» виде. Иногда его редактура приводила к явным несообразностям. Так, Свифт у него с самого начала называет себя именем Престо, тогда как такое имя Свифту дала герцогиня Шрусбери, и произошло это 2 августа 1711 г., о чем писатель сам сообщает в своем «Дневнике» в записи, сделанной в этот день, и, следовательно, использование этого имени почти годом ранее лишено основания и логики и является одной из редакторских вольностей Дина Свифта, заменившего словом «Престо» буквенный шифр БДГП, которым обозначал себя в этих письмах Свифт. Другая вольность Дина Свифта — использование имени Стелла, поскольку впервые Свифт называет таким именем Эстер Джонсон в своих стихах, посвященных ей по случаю дня рождения в 1719 г. (во всяком случае, до этого года имя «Стелла» нигде у Свифта не встречается). Однако вносить исправления в письма, изданные Дином Свифтом по аналогии с сохранившейся частью рукописи «Дневника», дело не менее

рискованное, поскольку это могло бы повлечь за собой в иных случаях новые искажения текста.

Вследствие этого текст «Дневника» сохраняет известную разноликость, и если в первых сорока письмах при переизданиях ограничиваются лишь добросовестной перепечаткой варианта, опубликованного Дином Свифтом, то в последующих двадцати пяти письмах наиболее авторитетные издания стараются еще и еще раз вчитаться в оригинал и уточнить отдельные слова или представить в комментариях другие возможные варианты их прочтения, как это сделано в оксфордском издании, с которого выполнен настоящий перевод. Кроме того, все сомнительные или неразборчивые места в тексте последних 25 писем заключены в этом издании в прямые скобки, что сделано и в нашем переводе. Однако мы не стали приводить разночтения отдельных слов и букв, поскольку это чрезвычайно утяжелило бы комментарий, да и, кроме того, оксфордское издание стремится с максимальной тщательностью воспроизвести текст рукописи, дать ей печатный аналог, которым мог бы воспользоваться в своей работе как первоисточником любой исследователь-литературовед, кроме разве только текстолога; при переводе же на другой язык воспроизведение разночтений отдельных слов теряет свой смысл, поскольку мы ведь все равно даем не буквальный перевод, ибо в противном случае многие места и особенно стихи, каламбуры, идиомы и пр., естественно, превратились бы в простой набор слов.

Что касается Хоксворта, то он тоже не удержался от соблазна многое пригладить, произвел намеренные сокращения и не всегда удачно прочитал места, написанные ребячьим языком. Последнее обстоятельство побудило уже упоминавшегося нами Николса обратиться к оригиналу и в изданном им в 1779 г. «Приложении к сочинениям доктора Свифта» напечатать список пропусков и основных исправлений, несколько уточнивших смысл отдельных мест. Однако это были только первые шаги. Николе первым назвал эти письма «Дневником для Стеллы» и с тех пор название закрепилось за ними. А в 1784 г. письма к Эстер Джонсон, опубликованные порознь Хоксвортом и Дином Свифтом, были впервые напечатаны, вместе отдельной книгой биографом Свифта и сыном его друга — Томасом Шериданом.

Помимо «Дневника для Стеллы» сохранилось только три письма Свифта к Эстер Джонсон (см. Corresp., I, 23; II, 385; III, 203). Несомненно, что таких писем было много больше: ведь с момента переезда Стеллы и Дингли в Ирландию в 1700 г. и до 1710 г., когда был начат «Дневник», Свифт еще четырежды уезжал надолго в Лондон (в целом почти на 3 года),

и естественно предположить, что и в эти периоды между ними велась интенсивная переписка. Об этом, в частности, свидетельствуют записи о полученных и отправленных письмах в его маленьких расходных книжках за 1708—1710 гг., однако судьба этих писем неизвестна.

Завершая эти краткие сведения об истории публикации книги, необходимо сказать, что в тексте «Дневника» есть ряд слов, которые Свифт, судя по сохранившейся части рукописи, почти всегда употребляет в переиначенном виде, переставляя местами буквы и меняя их. Так, например, вместо pocket — «карман», у него — pottick; вместо girl — «девочка», «девушка» — у него — dallar; вместо letter — «письмо», у него rettle; и даже слова our little language — «наш ребячий язык» — у него превращается в ourrichar gangridge; вместо sick — «болен», kick — лягать, брыкаться и т. д. При этом в отдельных случаях все же нельзя быть вполне уверенным, что слово расшифровано именно в том смысле, в каком его употребил Свифт. Так озадачивает, например, слово lele, многократно повторяемое в конце писем. Высказывалось предположение, что на самом деле это слово there — «там» или «здесь», но в таком смысле оно не вяжется, например, в тех местах, где оно соседствует с условными буквенными обозначениями — MD, ME, PDFR, заменяющими имена Стеллы, Дингли и Свифта. Кроме того, в записи от 8 апреля 1712 г. Свифт будучи тяжело болен, пишет следующую фразу: «Как видите, я еще в состоянии сказать lele» Трудно предположить, что в данном контексте это слово означает «здесь». Мы предпочли по этой причине вообще не расшифровывать это слово и переводим его словом — «тлам». Не всегда можно с уверенностью сказать, что буквы ME означают missis elderly — «миссис старшая», то есть Дингли, а буквы FW иногда заменяют слово Farewell — «прощайте», «до свидания», а иногда, по-видимому, заменяют слова Foolish wenches — то есть «глупее девки», «девчонки». При чтении «Дневника» необходимо учитывать это своеобразие его текста. Более детальная расшифровка встречающихся в тексте «Дневника» отдельных буквенных обозначений и переиначенных слов дана нами в комментариях, где отмечены также и наиболее выразительные графические «вольности» автора.

---

notes

1

Честер — городок неподалеку от западного побережья Англии, через который следовали путешественники, отправляющиеся в Ирландию или приезжавшие оттуда.

2

Джо — Бомонт Джозеф, торговец полотном; жил в Триме, городке, расположенном в трех милях от Ларакора, где находился приход Свифта; увлекался математикой и изобретательством; за некоторые усовершенствования при изготовлении полотна получил денежное вознаграждение от правительства. Последние годы его жизни были омрачены душевной болезнью. Свифт дружески к нему относился, помогал деньгами и не раз упоминает его в письмах к Стелле.

3

…флагманской яхте… лорда-лейтенанта. — Имеется в виду специальный корабль, предоставленный правительством в распоряжение наместника Ирландии и высших чиновников Дублинского замка — резиденции английской администрации в Ирландии. Лорд-лейтенант — титул правителя Ирландии, осуществлявшего высшую исполнительную власть; назначался английской короной.

4

Раймонд Энтони — священник, имевший приход в Триме, где он и умер 1726 г.; несмотря на эксцентричный и тщеславный характер, пользовался дружеским расположением Свифта.

5

Паркгэйт — городок, расположенный в 12 милях от Честера, до него путешественники из Ирландии добирались морем, а потом продолжали свой путь в Лондон сушей через Честер.

6

…почтение епископу Клогерскому. — Эш Сент-Джордж (ум. в 1718 г.) в прошлом был наставником Свифта в годы его учения в Тринити-колледже в Дублине. Свифт высоко ценил образованность епископа Клогерского, интересовавшегося математикой и другими науками и состоявшего членом Королевского общества, или, иначе говоря, Академии наук; долгие годы их связывали дружеские отношения. Согласно документально неподтвержденным и едва ли достоверным сведениям, он будто бы тайно обручил Свифта и Стеллу в Клогере в 1716 г.

7

Дан-Лэри — небольшой порт чуть южнее Дублина.

8

…не присутствовал в конеокации… — собрании высших чинов англиканской церкви, в данном случае ирландской.

9

….мои полномочия… — Свифту поручалось вместе с уже находившимися в Лондоне двумя ирландскими епископами (Оссорийским и Киллалуйским) ходатайствовать о том, чтобы средства, поступавшие от двух налогов, взимавшихся с ирландского духовенства в пользу английской короны, оставались в распоряжении ирландской церкви. Аналогичный налог в пользу короны в Англии был отменен в 1704 г. Свифт разминулся с этими епископами, которые ко времени его приезда в Лондон уже отбыли в Ирландию.

10

Епископ Киллалайский — Ллойд Уильям (ум. 1716); епископ Личфилдский — Хаф Джон (1651—1743).

11

Стиль Ричард (1672—1729) — журналист и драматург, близкий к вигам, редактор «Лондонской газеты» — официального правительственного листка, находившегося тогда в руках вигов. Вместе с Джозефом Аддисоном явился основателем английских нравоописательных журналов «Тэтлер» («Болтун», 1709—1711), «Спектэйтор» («Зритель», 1711—1712), и др. На протяжении нескольких лет Свифта со Стилем связывали приятельские отношения, которые после падения вигов и сближения Свифта с тори сменились откровенной враждебностью.

12

МД. — В одних случаях здесь подразумеваются обе дамы — Стелла и ее компаньонка миссис Дингли, и тогда эти буквы означают «мои дорогие»; иногда же одну только Стеллу и тогда — «моя дорогая».

13

…за их письма я буду платить. — За почту в те времена платил получатель, и оплата зависела от расстояния, числа листков в письме и др., что выходило довольно накладно; поэтому Свифт просит адресовать письма своим знакомым, занимающим какие-нибудь административные должности, например, в канцелярию своего приятеля Льюиса, чтобы доставка происходила за казенный счет под видом служебной переписки.

14

Сент-Джеймская кофейня. — Помещалась на улице того же названия; в те времена там собирались виги; излюбленное место встречи приезжих ирландцев.

15

Лорд Маунтджой — Стюарт Уильям (ум. 1728), с 1709 г. генерал-лейтенант.

16

Уэсли, Кэтрин. — Жила вместе со своим мужем, членом ирландского парламента Гэрретом Уэсли, в приходе Свифта — Ларакоре.

17

Кузина Эбигейл. — По-видимому, родственница Свифта с материнской стороны.

18

Миссис Карри. — После переезда в Ирландию Стелла и Ребекка Дингли поселились сначала на окраине Дублина, позднее, вероятно в 1704—1705 гг., они поселились у миссис де Кудре на Кейпл-стрит, неподалеку от дома миссис Карри, в котором; в то время жил Свифт; судя по адресу этого письма, сразу же после отъезда Свифта в Англию обе дамы переехали, как они почти всегда делали в его отсутствие ради экономии, в его квартиру; пятью месяцами позднее они возвратились к себе.

19

Миссис Брент — экономка Свифта, после смерти которой в 1735 г. ее заменила ее дочь Анна.

20

Парвисол Исайя — управляющий Свифта; хотя Свифт почти постоянно выражает в письмах недовольство им, Парвисол служил у него до своей смерти в 1718 г.

21

…морить всевышнего… — …молить.

22

МС — «миссис старшая», то есть Дингли, компаньонка Стеллы.

23

…напротив «Барана»… — Речь идет либо об изображении на трактирной или какой-нибудь иной вывеске, либо просто об изображении на доме, заменявшем в те времена нумерацию, появившуюся лишь во второй половине XVIII в.

24

Виги — политическая партия, возникшая в конце XVII в. Вигами (от презрительной клички шотландцев-пресвитериан — виггаморы, то есть скотокрады), называли сначала сторонников билля 1680 г., по которому герцог Йорк лишался права наследовать английский престол в случае смерти своего брата Карла II Стюарта, а противников этого билля называли тори (от бранного прозвища католиков в Ирландии в XVII в.); партия вигов в основном представляла интересы крупней буржуазии, денежных и купеческих кругов и частично аристократии; она стремилась ограничить королевскую власть и расширить права парламента, а за ее либеральными лозунгами скрывалось намерение всячески содействовать торговой и промышленной экспансии страны; тори отражали интересы консервативного дворянства, стоявшего за монархию и укрепление несколько пошатнувшегося влияния англиканской церкви.

25

…неуклюже оправдываются переда мной. — Свифт имел основание считать себя недовольным вигами, петому что во время его предыдущего приезда в Лондон (ноябрь 1707 — июнь 1709) его хлопоты перед ними в пользу ирландского духовенства, равно как и надежды получить более заметную церковную должность, не увенчались успехом.

26

…*лорд-казначей*… — Годольфин (1645—1712), глава кабинета министров вигов.

27

Леди Джиффард — сестра сэра Уильяма Темпла (1628—1699), в доме которого Свифт провел в молодые годы несколько лет на положении секретаря. Родственники Темпла были возмущены тем, что Свифт опубликовал в 1709 г. без их ведома третий том мемуаров Темпла и будто бы отступил от оригинала, исключив оттуда, в частности, нелестную характеристику лорда Сандерленда, от сына которого — Чарлза Спенсера — Свифт добивался покровительства. Леди Джиффард выразила свое мнение публично в газете, и Свифт порвал с ней отношения.

28

Леди Уортон — жена лорда-лейтенанта Ирландии Уортона.

29

…с матушкой Стеллы… — Бриджит Джонсон. После смерти своего первого мужа Эдуарда Джонсона, отца Стеллы и управляющего у Темпла, вышла замуж вторично за некоего Ральфа Моуза, тоже служившего управляющим у Темпла, после смерти которого находилась в услужении у леди Джиффард; умерла в 1745 г., намного пережив свою дочь.

30

Архиепископ Дублинский — Кинг, Уильям (1650—1729). Активно участвовал в политической жизни Ирландии; убежденный виг, что привело к заметному отчуждению между ним и Свифтом, когда последний примкнул к тори. Их переписка была особенно интенсивной именно в это время в связи с ходатайством Свифта по делам ирландской церкви.

31

…на канал в Ларакоре… — Получив в 1701 г. этот приход, Свифт расчистил и углубил ложе небольшого ручья, огибавшего его сад, и посадил вдоль него ивы; он часто упоминает в «Дневнике» эти ивы и канал.

32

«Тэтлер» — то есть Ричард Стиль.

33

Герцог Ормонд — Джеймс Батлер (1665—1745). Был действительно назначен 26 октября 1710 г. лордом-лейтенантом Ирландии на второй срок. В 1712 г. после отставки Мальборо главнокомандующий английскими войсками; в июне 1713 г. после падения тори был обвинен в государственной измене и бежал во Францию. Лишенный гражданских прав с конфискацией имущества, умер в изгнании.

34

Джервес Чарлз (1675? —1739) — художник, писавший портрет Свифта во время его предыдущего пребывания в Лондоне: портрет не был тогда окончен. По-видимому, именно этот портрет был в 1739 г. подарен олдерменом Джоном Барбером Оксфордскому университету; в настоящее время находится в Бодлеанской библиотеке Оксфордского университета; выполненная в 1716 г. гравюра с этого портрета воспроизведена в настоящем издании.

35

Джек Темпл — племянник сэра Уильяма Темпла.

36

…*ректору*… — Имеется в виду Бенджамин Пратт (ум. 1721), назначенный в 1710 г. редактором Тринити-колледжа.

37

Джемми Ли. — Братья Ли — Джеймс и Том — часто упоминаются в «Дневнике». Джеймс — богатый ирландский землевладелец, предпочитавший большую часть времени проводить в Лондоне, был в дружеских отношениях со Стеллой; Томас — священник, раздражавший Свифта своим педантизмом и напыщенностью.

38

…декану… — Имеется в виду Джон Стерн (1660—1745), предшественник Свифта в должности декана собора св. Патрика (1702—1712), а затем (с 1713 г.) епископ Дроморский.

39

…миссис Уоллс с ее архидиаконом. — Уоллс Томас руководил некоторое время школой при соборе св. Патрика и был архидиаконом в Эконри, близ Дублина; в 1710 г. отказался от должности в соборной школе и получил приход Кастлнок тоже вблизи Дублина. Стелла и миссис Дингли поддерживали чрезвычайно дружеские отношения с Уоллсом и его женой Дороти, часто у них бывали, а в 1714—1717 гг. даже жили вместе с ними. В более поздние годы Свифт охладел к Уоллсу.

40

Фрэнкленд Уильям. — С 1708 г. казначей ведомства по продаже гербовой бумаги, а также контролер почтового ведомства, младший сын Томаса Фрэнкленда.

41

Уортон Томас (1648—1715) — видный политический деятель партии вигов, играл важную роль в государственном перевороте 1688—1689 гг.; с 1708 г. — лорд-лейтенант Ирландии; беспринципный и распутный, Уортон беззастенчиво использовал свою должность в целях личного обогащения. Кризис министерства вигов был причиной срочного отъезда Уортона в Англию; Свифт выехал с ним одновременно, дабы избавить себя от лишних дорожных расходов. Однако по тону его первых писем в эти дни и по тому, что он счел нужным представить Уортону в Честере своего приятеля Раймонда и собирался хлопотать перед ним за Бомонта, трудно предположить, что он питал к Уортону такую ненависть, которая вскоре, после его сближения с тори, нашла отражение в его памфлете «Краткая характеристика его светлости графа Томаса Уортона» (написан в октябре-ноябре 1710 г., опубликован анонимно в декабре; русский перевод в кн.: Свифт Дж. Памфлеты. М.: ГИХЛ. 1955, с. 64), а также в № 18 журнала «Экзаминер» (от 30 ноября 1710 г.), где Свифт беспощадно разоблачает беспринципность и корыстолюбие Уортона. Особым поводом для неприязни Свифта послужило противодействие Уортона отмене первин и двадцатины; он требовал взамен согласия ирландской церкви на отмену Тест-Акта, тогда как Свифт выступал против подобной терпимости в вопросах веры.

42

Кокберн Уильям (1669—1739) — врач, лечивший Свифта.

43

Дадли Мэтью (ум. 1721) — таможенный чиновник, член парламента, виг.

44

Мэнли Айзек (ум. 1735) — с 1703 г. министр почт Ирландии, виг, опасавшийся в это время отставки; у него в доме часто бывала Стелла.

45

Фрэнкленд Томас (ум. 1726) — отец Уилла Фрэнкленда, министр почт Англии.

46

Батлер Теофилус (ум. 1724) — член парламента; его жена Эмили (ум. 1721).

47

Аддисон Джозеф (1672—1719) — писатель и политический деятель, связанный с вигами. Вместе со Стилем издавал нравоописательные журналы «Тэтлер», «Спектэйтор» и др. С Аддисоном Свифт, по-видимому, познакомился в 1705 г.; во время правления Уортона в Ирландии Аддисон занимал должность его секретаря, и в тот период Свифта и Аддисона связывали дружеские отношения; так, Аддисон перед отъездом из Англии в письме от 11 апреля 1710 г. пишет Свифту, что покидает Лондон без сожаления, поскольку будет скоро иметь удовольствие и честь беседовать с доктором Свифтом; «Прошу вас, доктор, оставайтесь другом того, кто любит и почитает вас так сильно, как (если только это возможно) вы того заслуживаете» (Corresp., I, 161).

48

Лорд Рэднор — Чарлз Робартс (1660—1723); лорд-лейтенант Корнуолла с 1696 по 1705 и с 1714 по 1723 гг.

49

Тук Бенджамин (ум. 1716) — типограф и книготорговец с Флит-стрит. В 1711 г. подготовил издание избранных произведений Свифта, осуществил также пятое издание «Сказки бочки» в 1710 г.; как видно дальше из «Дневника», Тук был советчиком Свифта в его денежных делах; в 1711 г., благодаря ходатайству Свифта, Тук был назначен издателем правительственной «Газеты».

50

…обедайте с деканом… — Джоном Стерном, деканом собора св. Патрика.

51

Патрик — слуга Свифта.

52

Пратт Джон, брат Бенджамина Пратта — помощник вице-казначея Ирландии и комендант Дублинского замка, который должен был выплатить Джозефу Бомонту причитавшиеся ему деньги. Свифт на протяжении многих лет поддерживал с Джоном Праттом дружеские отношения и доверял ему свои денежные дела. В 1725 г. был обвинен в мошенничестве и заключен в тюрьму.

53

Форд Чарлз (1682—1741) — владелец небольшого поместья Вуд-Парк в графстве Мит, в Ирландии, однако большей частью жил в Лондоне, где и умер. Один из самых близких друзей Свифта, которому он в 1712 г. выхлопотал пост редактора «Газеты». Сохранилось 69 писем Свифта к Форду, см. Letters of Swift to Ford ed. D. Nichol Smith. Oxford, 1935.

54

Лорд-президент — лорд Джон Сомерс (1651—1716), сын провинциального юриста, достигший постепенно высочайших государственных должностей: лорда-канцлера в 1697 г., лорда-хранителя печати и пр.; он настаивал на отречении Иакова II от престола и был близок с Вильгельмом III. Однако в 1701 г. в числе четырех министров вигов был обвинен палатой общин в государственной измене за то, что без ведома парламента скрепил печатью условия тайного договора Вильгельма III с Австрией и Голландией против Франции в Рисвике. Опубликованный тогда анонимно Свифтом, безвестным ирландским священником, памфлет в защиту обвиненных вигов оказал им немалую услугу. С этого времени начались дружеские отношения Свифта с Сомерсом, которому он посвятил потом свою «Сказку бочки». С 1708 г. Сомерс стал лордом-президентом, то есть председателем Тайного совета, однако после сближения Свифта с тори в его отношениях с Сомерсом наступило охлаждение.

55

Сити — наиболее старинная часть Лондона в восточной его части со своим управлением и долго и ревниво оберегавшимися правами, где проживали преимущественно купцы и члены привилегированных ремесленных цехов, а также располагались юридические корпорации и пр.

56

Стрэтфорд Фрэнсис — коммерсант, учился вместе со Свифтом в грамматической школе в Килкени, где в то же время учился кузен Свифта Томас и будущий известный комедиограф Уильям Конгрив. В 1682 г. Стрэтфорд одновременно со Свифтом поступил в Тринити-колледж; в 1712 г. разорился.

57

Ладгейт-хилл — улица, идущая на запад от собора св. Павла, ее название происходит от ворот при въезде в Сити; многие из этих ворот были разрушены в 1760 г.

58

Булль — лондонский купец, виг.

59

Хэмпстед — в те времена пригород Лондона, примыкавший к Сити с северо-запада.

60

Ходли Бенджамин — священник, а с 1715 г. епископ Бэнгорский, пламенный сторонник вигов, участвовал в полемике с церковником тори Эттербери и Сэчверелом.

61

Сэчверел Генри — лондонский священник и популярный проповедник, произнесший 5 ноября 1709 г. в соборе св. Павла в присутствии лорд-мэра и олдерменов проповедь, в которой неистово обрушился на всех диссентеров — последователей различных религиозных сект — и политику покровительства им со стороны правительства вигов. Министры-виги, подстрекаемые премьером Годольфином, оскорбленным в проповеди, решили воспользоваться этим случаем, чтобы нанести удар церковной партии, в которой они видели главную виновницу своей убывающей власти. Обвинение Сэчверела в государственной измене суд отклонил, однако ему на три года запретили проповедовать. Дело Сэчверела получило широкую огласку и вызвало возмущение сторонников англиканской церкви, что явилось одной из причин последовавшего затем падения вигов. Свифт не одобрял осуждение Сэчверела, хотя относился к последнему достаточно холодно.

62

Люси Кэтрин (ум. 1740) — жена сэра Беркли Люси, с которым Свифт, по-видимому, познакомился через родственников ее мужа — семейство лорда Беркли.

63

Стэнхоп Мери — племянница леди Люси, дочь ее сестры и Джорджа Стэнхопа, декана Кентербери, известная красавица. В 1712 г. вышла замуж за Уильяма Барнета, сына епископа Солсберийского.

64

Лонг Анна (ум. в декабре 1711) — родственница семейства Ваномри, через которых Свифт с ней познакомился. Прославленная красавица, вызывавшая всеобщее поклонение в Кит-Кэт клубе (вигистского толка). В декабре 1708 г. или в январе 1709 г. Свифт составил шутливый «Указ о заключении договора между доктором Свифтом и миссис Лонг» (см. Prose works, XI, 383—386).

65

…со своей приятельницей… — Кэтрин Бартон, племянницей Ньютона.

66

Ролт Пэтти. — Пользовалась большим расположением Свифта, часто упоминается в его письмах; обстоятельства их знакомства неизвестны. Покинутая своим мужем, жила на гроши, едва сводя концы с концами. Свифт помогал ей материально даже после того, как она вторично вышла замуж.

67

…канцлер …смещен… — Имеется в виду Коупер Уильям, лорд-канцлер в министерстве Годольфина, виг, председательствовавший во время процесса над Сэчверелом; в 1714г. при Георге I вновь стал лордом-канцлером.

68

Харкур Симон — видный юрист, тори; в 1701 г. по решению палаты общин руководил обвинением Сомерса и других министров-вигов в государственной измене, участвовал в процессе Сэчверела в качестве защитника, выдающийся оратор; в своей стихотворной сатире «Вязанка» (The Faggot, 1714) Свифт назвал его «колеблющийся Харкур» (Poems, 190).

69

…полковник Фрейнд… — О нем ничего неизвестно; возможно, это родственник упоминающегося далее в «Дневнике» доктора Джона Фрейнда.

70

Гилдхолл — ратуша лондонского Сити.

71

…розыгрыш …лотереи… — Лотереи, как дополнительной источник государственных доходов, запрещенные в 1699 г., вновь были возобновлены в это время и практиковались в Англии на протяжении всего XVIII в.

72

Челси. — В начале XVIII в. деревушка на северном берегу Темзы, давно ставшая одним из районов Лондона.

73

…много фарфора. — Стелла очень любила фарфор; приобретение китайской посуды связано с распространившимся в это время употреблением чая; в домах богатых людей появились целые шкафы, уставленные фарфором, а некоторые торговцы промышляли тем, что обменивали фарфор на поношенное дамское платье.

74

Холлэнд Джон (ум. 1724) — член парламента, член Тайного совета и смотритель придворных служб (1709—1711).

75

…с кузеном, типографом… — Лич Драйден.

76

Пейт Уильям (1666—1746) действительно пользовался репутацией образованного коммерсанта и состоял в дружеских отношениях со Свифтом, Арбетнотом, Стилем и др. литераторами.

77

…вы теперь уже в Триме… — Стелла и миссис Дингли обычно часто бывали в Триме, вблизи которого находился приход Свифта Ларакор, привлекаемые сельским воздухом, возможностью прогулок верхом и обществом священника Раймонда и Джозефа Бомонта.

78

Бриджес Джеймс — член парламента, с 1717 г. герцог Чандос.

79

Герцог Шрусбери — Толбот Чарлз (1660—1718). Еще при Стюартах в 1679 г. отрекся от католицизма и принял протестантство; активно содействовал перевороту 1688—1689 гг. и воцарению Вильгельма III; с 1694 г. — герцог Шрусбери, в 1700 г. удалился от дел; назначение его королевой в 1710 г. лордом-камергером вместо маркиза Кента было первым шагом к смещению вигов. После смерти Анны содействовал воцарению Ганноверов.

80

…письмо для «Тэтлера»… — Речь идет о № 230 журнала, вышедшем 28 сентября. Кроме этого номера Свифт написал для «Тэтлера» еще №№ 5 и 9 и будто бы подал идею нескольких других номеров «Тэтлера» и «Спектэйтора».

81

Герцог Девоншир — Кэвендиш Уильям (1673—1729), ярый виг, лорд-камергер, тоже был в это время смещен; вновь возвращен на этот пост в 1714 г.

82

Граф Энглси Джон — вице-казначей военного ведомства в Ирландии; умер около 34 лет от роду.

83

…преставился епископ Дарэмский. — Слухи о смерти лорда Крю, епископа Дарэмского, оказались ложными.

84

Дочь герцога Ормонда… — леди Элизабет Батлер (ум. 1750), приятельница семейства Ваномри.

85

…в качестве дружеского жеста… — В «Указе о заключении договора между доктором Свифтом и миссис Лонг» в частности говорится: «…вышеназванный доктор Свифт по причине его заслуг и необычайных достоинств притязает на исключительную и неоспоримую привилегию, согласно которой все особы обязуются выполнять любые пожелания, какие ему угодно будет выразить, независимо от каких бы то ни было законов, требований, обычаев, привилегий пола, красоты, богатства или знатности».

86

…развлечь милорда… — Имеется в виду Беркли Чарлз. Отправляясь в 1699 г. в Ирландию на должность одного из трех лордов-главных судей, управляющих страной в отсутствие наместника, он взял с собой Свифта в качестве домашнего капеллана; именно с помощью Беркли Свифт получил приход в Ларакоре; однако Свифт рассчитывал на большее и винил Беркли в том, что ему не досталось более выгодное место. После возвращения в Англию в апреле 1701 г. лорд Беркли почти не принимал участия в общественных делах; он умер на пятый день после этой записи Свифта. Леди Элизабет Беркли умерла в 1719 г. Хотя впоследствии Свифт охарактеризовал лорда Беркли как «невыносимо ленивого, праздного и несколько скуповатого человека» [Здесь и далее мы цитируем краткие заметки, сделанные Свифтом на полях вышедшей в 1733 г. книги Джона Макки, бывшего английского шпиона во Франции «Мемуары секретной службы», в которой среди прочего автор давал характеристики видных, деятелей той эпохи.

87

…*дочерям герцога*. — Кроме Элизабет, у герцога Ормонда была еще одна дочь — Мария, ставшая вскоре женой лорда Эшбернхема.

88

Бойл Генри (ум. 1725) — государственный секретарь северного департамента, в 1714 г. получил титул барона Карлтона, а в 1721 г. назначен лордом-президентом Тайного совета.

89

Пел-Мел — бульвар, обсаженный платанами и расположенный вблизи королевской резиденции — Сент-Джеймского дворца, излюбленное место для гуляний у лондонцев того времени; название идет от перенятой еще при Карле I у французов игры пельмель (род крокета), поскольку до застройки жилыми домами здесь находились площадки для этой игры. После реставрации Стюартов игра эта вновь вошла в моду, и Карл II проложил новую аллею, параллельную Пел-Мел и примыкающую к противоположной стороне Сент-Джеймского дворца, — Мел.

90

Бери-стрит. — На этой же улице жила в то время миссис Ваномри с дочерями. Свифт поселился рядом; здесь же он останавливался во время своего приезда в Лондон в 1726 г.

91

Кофейня Робина. — На Иксчейндж Элли, вблизи биржи, находились три популярных кофейни: «Гэруэй», «Робин» и «Джонатан»; завсегдатаями первых двух были богатые горожане и деловые люди, а в «Джонатане» встречались торговцы акциями.

92

…взят Мадрид и Памплона. — Речь идет о так называемой войне за Испанское наследство, в которой Англия и Франция сражались главным образом за обширные испанские владения и господство в Европе. Поводом послужило прекращение испанской линии династии Габсбургов: свою корону бездетный испанский король Карл II завещал внуку Людовика XIV — Филиппу Анжуйскому, в противовес которому Англия и ее союзники Австрия, Голландия, Пруссия выдвинули эрцгерцога Карла — представителя династии Габсбургов. Испания, на престол которой уже успел заступить французский принц под именем Филиппа V, воевала на стороне Франции.

93

Карл — эрцгерцог, сын австрийского императора Леопольда и претендент на испанский престол под именем Карла III.

94

Стэнхоп Джеймс — главнокомандующий английскими войсками в Испании с 1708 г.

95

Штаремберг (1657—1737) — командующий австрийскими войсками в Испании с 1708 г.

96

Моулсворт Джон (1679—1726) — чрезвычайный посол при великом герцоге Тосканском; Свифт адресовал ему в 1724 г. свое пятое «Письмо суконщика».

97

Пенни-почта. — Была организована в 1683 г. Уильямом Докра (Dockwra) и обслуживала Лондон и его окрестности; адресат при получении письма или посылки уплачивал один пенни; пенни-почта перешла вскоре в ведение государства.

98

…письмо от Джо… — Речь идет о ходатайстве Бомонта о денежном вознаграждении за его изобретение.

99

…заручиться рекомендательным письмом лорда-лейтенанта… — то есть Уортона.

100

…*закончить свой памфлет.* — Возможно, речь идет о «Краткой характеристике графа Уортона».

101

леди С. …Д — и… — Свифт пишет о леди С. несколько дней спустя — 28 сентября, и вновь упоминает ее и Д — и в записи от 1 января 1711 г., где Свифт сообщает, что леди С. «умерла от горя»; о ком здесь идет речь, установить не удалось.

102

Баллигал — местечко в приходе Финглас в трех милях севернее Дублина, где священником был младший брат епископа Клогерского Диллон Эш, учившийся вместе со Свифтом в Тринити-колледже. Самый старший из братьев — Томас Эш — богатый человек, проживал время от времени в Баллигале, и Стелла у него гостила. Томас и Диллон, как и Свифт, были заядлыми каламбуристами.

103

…пристроить ее муженька в Чартер-хауз? — О ком здесь идет речь, установить не удалось. Чартер-Хауз — богадельня в Лондоне, основанная в 1611 г. на месте картезианского монастыря (отсюда название) для неимущих джентльменов, число которых не превышало 80, а также школа для 40 неимущих мальчиков.

104

…с …Моулсвортами… — Джоном и, возможно, его братом Ричардом, спасшим жизнь герцога Мальборо в битве при Рамийи.

105

…*по соседству*… — Возможно, у миссис Ваномри.

106

…продолжал сочинять сатиру… — «Чудесные свойства жезла волшебника Сида Хамита…» — стихотворная сатира на Годольфина, которая была отправлена издателю 4 октября (Poems, 131—135); Годольфина звали Сидни.

107

Мистер С., …М уезжает… — Кто этот мистер С, и о ком он рассказал, не установлено; М. вновь упоминается в записи от 9 февраля 1711 г. и, по-видимому, о ней же и ее муже идет речь в записи от 10 мая 1712 г.

108

Щенок Морган… — О ком идет речь, неизвестно.

109

…папеньку Раймонда… — Раймонд не доводился Моргану отцом, а, по-видимому, просто оказывал ему содействие.

110

Уорбертон Томас (ум. 1736) — был викарием, то есть помощником Свифта в приходе Ларакор, замещая его во время пребывания Свифта в Лондоне.

111

…бразильский табак… — Речь идет о нюхательном табаке, которым в те времена женщины увлекались наравне с мужчинами, его листы растирали обычно дома. Умение обращаться с табакеркой считалось признаком хорошего воспитания.

112

Конноли смещен, и вместо него назначен мистер Робертс… — Конноли Уильям (ум. 1729) — человек незнатного происхождения, разбогатевший и сделавший карьеру. В своем памфлете против лорда Уортона Свифт, в частности, обвинял последнего и в том, что он продал Конноли должности члена Тайного совета и таможенного комиссара; на эту вторую должность и был теперь назначен Фрэнсис Роберте. Впоследствии при Ганноверах Конноли стал лордом главным судьей Ирландии и поддерживал выдачу Вуду патента на чеканку разменной монеты для Ирландии, против чего Свифт выступил в своих знаменитых «Письмах суконщика».

113

Михайлов день — приходится на 29 сентября.

114

Стерн Инок — племянник декана собора св. Патрика, клерк ирландской палаты лордов.

115

…дорожное приключение… — Смысл этой фразы неясен в оригинале и, по-видимому, имеет отношение к чему-то сказанному Стеллой в ее письме.

116

…относительно моих бедных ушей… — Приступы глухоты и головокружений, от которых Свифт страдал на протяжении почти всей своей жизни, были, по-видимому, вызваны нарушением деятельности вестибулярного аппарата, или болезнью Меньера.

117

Рэдклиф Джон (1650—1714) — известный врач. Королева Анна много лет отказывалась прибегать к его помощи. Когда она находилась при смерти, за ним послали, но, зная, что ее состояние безнадежно и не желая рисковать своей репутацией, он отказался приехать. Его поведение обсуждалось на заседании палаты общин, что, возможно, и повлекло вскоре после этого его кончину.

118

Бернард Чарлз (ум. в октябре 1710) — известный хирург; Свифт далее упоминает в «Дневнике», что покупал книги во время распродажи библиотеки Бернарда.

119

Гарли Роберт (1661—1724), позднее граф Оксфорд. — Начал свою карьеру с активной поддержки высадившегося в Англии Вильгельма Оранского и год спустя стал членом парламента (1689), примкнув по семейной традиции к вигам; с 1701 г. — спикер палаты общин, с 1704 по 1708 г. государственный секретарь в кабинете Годольфина, где Гарли был весьма умеренным тори, но затем покинул кабинет в связи с непримиримой вигистской позицией Годольфина и Мальборо. Вместе с Болинброком и при содействии своей племянницы Эбигейл Хилл (в замужестве миссис Мэшем) добился отставки кабинета вигов и после увольнения Годольфина в августе 1710 г. был назначен канцлером казначейства, возглавив после этого новый торийский кабинет. С помощью Гарли Свифт надеялся добиться отмены налогов на ирландское духовенство, ради чего он приехал в Лондон и в чем ему отказали виги.

120

Блай Томас — священник, член ирландского парламента, умер 28 августа 1710 г. Далее в «Дневнике» упоминается его сын Джон.

121

…очень редко разъезжаю в карете. — В 1710 г. в Лондоне было около 800 извозчичьих карет; за полторы мили брали шиллинг; были также распространены портшезы, часто упоминаемые Свифтом, — закрытое, переносное кресло на шестах, которое несли носильщики; кроме того лондонцы охотно пользовались лодками, на которых не только добирались на другую сторону Темзы (центр Лондона находится на северном берегу), но и ездили вдоль берега, чтобы избежать неудобств езды по скверным мостовым.

122

Наказание (praemunire). — В Англии это латинское слово означает посягательство на власть короля или наказание за такую провинность; Свифт использует его в последнем смысле. Словами praemunire facias начинался изданный Эдуардом III в 1353 г. указ, согласно которому каждый англичанин обвинялся в государственной измене в случае, если он подчинялся законам, введенным за пределами Англии; закон первоначально имел целью противодействовать вмешательству папы в гражданские дела; впоследствии число нарушений, подпадающих под действие этого закона, увеличилось.

123

Льюис Эразмус (1670—1754) — сначала секретарь английских послов в Париже и Брюсселе, а с 1708 г. помощник одного из государственных секретарей — лорда Дартмута. Льюис был другом известных литераторов того времени — Арбетнота, Прайора, Попа и Гэя.

124

Хэмптон-Корт — королевский дворец на северном берегу Темзы вверх по ее течению, построенный частью в начале XVI в., когда он принадлежал кардиналу Вулси, но вскоре ставший резиденцией английских королей (до 1760), в конце XVII в. был значительно расширен архитектором Кристофером Ренном (1632—1723).

125

Дартнеф Чарлз (1664—1737) — смотритель королевских парков и дорог, слыл побочным сыном Карла II. Эпикуреец, острослов и каламбурист; был вигом, что не мешало Свифту поддерживать с ним дружеские отношения.

126

Делаваль Джордж. — Участвовал в чине капитана в военных действиях в Испании под началом лорда Питерборо; в октябре 1710 г. был назначен чрезвычайным послом при португальском короле.

127

Лорд Галифакс — Чарлз Монтегю (ум. 1715). Член парламента с 1689 г., занимал ряд видных должностей при Вильгельме III, при Анне оставался не у дел, но после вступления на престол Георга I был назначен первым лордом казначейства. После опубликования памфлета Свифта «Рассуждения о раздорах…», где, как полагали современники, характеризуя Перикла, Свифт будто бы имел в виду Галифакса, между ними установились на время дружеские отношения. В письме к Галифаксу из Ирландии от 13 ноября 1709 г. (одном из двух сохранившихся и чрезвычайно комплиментарном) Свифт даже писал, что мог бы адресовать Галифаксу слова, сказанные некогда Горацием о своих отношениях с Меценатом (Corresp., I, 158), однако впоследствии Свифт отзывался о нем презрительно и на полях книги Макки, писавшего о Галифаксе: «Чрезвычайно поощрял ученость и ученых людей, покровитель муз, очень приятный собеседник…» Свифт приписал: «Его поощрение ограничивалось только красивыми словами, да обедами, а что до бесед, то мне ни разу не доводилось слышать, чтобы он сказал что-нибудь стоящее или был в состоянии оценить сказанное другим» (Prose works, X, 275). Галифакс состоял в должности лесничего Хэмптон-Корта, и его поместье находилось поблизости.

128

Брат вашего Мэнли — Мэнли Джон, брат Айзека Мэнли, член парламента, 30 сентября был назначен главным инспектором таможни.

129

Стэнли Джон (ум. 1744) — занимал пост таможенного комиссара.

130

Леди Гайд Джейн — жена лорда Генри Гайда (р. 1672), вице-казначея и члена Тайного совета, унаследовавшего с 1711 г. титул графа Рочестера (упоминается далее в «Дневнике» под этим именем), и мать упоминающихся далее в «Дневнике» Джейн, графини Эссекс, и Кэтрин.

131

Мэтьюэн Поль (1672—1757) — сын Джона Мэтьюэна, лорда-канцлера Ирландии, посол в Португалии (1706—1708), член парламента, занимал ряд должностей при Георге I. Впоследствии Свифт охарактеризовал его следующим образом: «Распутный негодяй, не знающий ни религии, ни морали, притом достаточно хитрый, однако лишенный каких бы то ни было способностей» (Prose works, X, 283).

132

…бывшим королевским прокурором. — Имеется в виду Джеймс Монтегю (1667—1723), только что получивший отставку; при Георге I он стал главным бароном казначейства.

133

…полюбовался на картоны Рафаэля… — Они были приобретены Карлом I и помещались тогда в специально выстроенной для них Ренном Королевской галерее.

134

…сестра Стеллы… — Анна Джонсон (р. 1683) была на два года моложе Стеллы; в конце 1712 г. вышла замуж за некоего Филби, неудачливого булочника из Лондона, служившего потом в соляном ведомстве в западной Англии, о должности для которого, как это видно из «Дневника», Свифт позднее хлопотал; у них было 18 или даже 19 детей.

135

Шин — поместье покойного сэра Уильяма Темпла неподалеку от Лондона, где жила теперь его сестра леди Джиффард.

136

Лорд Дартмут — Уильям Лег (1672—1760); государственный секретарь, ведавший в министерстве Гарли внутренними делами страны; в 1713—1714 гг. занимал пост хранителя малой, или королевской печати.

137

Дайет Ричард — комиссионер ведомства гербовых пошлин; был предан суду по обвинению в умышленном мошенничестве, однако потом освобожден на том основании, что его проступок был квалифицирован лишь как злоупотребление доверием.

138

Сэр Медоуз Филипп, младший (ум. 1757). — Его отец в 1653 г. сменил Мильтона на посту латинского секретаря при Кромвеле — с 1707 г. был послом при австрийском дворе, а с 1708 г. — контролером расходов по военному ведомству.

139

Кенсингтон — местность к западу от Лондона, где в 1689—1691 гг. Кристофером Ренном был выстроен дворец для Вильгельма III.

140

Саутуэл Эдуард — сын Роберта Саутуэла, которому, когда он в 1690 г. был назначен государственным секретарем Ирландии, Темпл рекомендовал Свифта. В 1702 г. Эдуард сменил в этой должности отца, что не мешало ему большую часть времени проводить в Англии.

141

Роу Николас (1674—1718) — драматург, издал в 1709 г. собрание сочинений Шекспира, которое сопроводил первой его биографией, с 1715 г. поэт-лауреат; занимал в это время должность помощника при герцоге Квинсбери, государственном секретаре, ведавшем делами Шотландии.

142

…как я это делаю… — Свифт проставлял номер письма в левом верхнем углу листа.

143

…*еще одного «Тэтлера»*. — Возможно, здесь имеется в виду № 238 от 17 октября 1710 г., где было напечатано стихотворение Свифта «Описание дождя в городе» (Poems, 136—139).

144

…*когда лак скиснет* — когда рак свистнет; в издании Дина Свифта напечатано: the giver's bread; исследователи предполагают, что здесь подразумеваются слова «the devil's dead», то есть «когда черт сдохнет».

145

Кнеллер Годфри (1646—1723) — модный светский портретист; Джервес, писавший тогда портрет Свифта, был его учеником.

146

…кандидатов в парламент — Колта, Стэнхопа и пр. — Кандидаты вигов. Во время парламентских выборов 1710 г. недовольство значительной части английского народа политикой вигов, стоявших за продолжение войны, подогретое нашумевшим процессом Сэчверела, привело к поражению вигов даже в тех округах, которые виги считали своей цитаделью; в частности, в Вестминстере, являвшемся тогда отдельным от Лондона округом. Стэнхоп, несмотря на свои недавние успехи в Испании, и помещик Генри Колт не прошли в парламент.

147

Фаунтейн Эндрю (1676—1753). — Свифт, вероятно, познакомился с ним в 1707 г., когда тот служил при дворе вице-короля в Дублине. После смерти королевы Анны и отъезда Свифта из Лондона отношения между ними надолго прервались. Фаунтейн а 1727 г. сменил Ньютона на посту директора Монетного двора; он собрал богатую коллекцию картин и произведений искусства и был автором исследования об английских монетах.

148

…епископа… — Возможно, Свифт имеет в виду Уильяма Мортона, епископа Митского (ум. 1715), в епархию которого входил приход Свифта Ларакор и который рукоположил Свифта в священники.

149

…ходить с Манильо, Басто и Двух мелких бубен? — Свифт описывает здесь чрезвычайно популярную в то время карточную игру испанского происхождения — ломбер, название которой происходит от слова el ombre — «человек». Играют обычно в ломбер трое, хотя могут играть и двое, четверо и пятеро; один из игроков (ломбер) берется получить наибольшее количество взяток. Колода состоит из сорока карт, куда не входят восьмерки, девятки и десятки; три главные карты называются матадорами, потому что ими можно бить все остальные карты: первый матадор и главный козырь называется Эспадильо, и это всегда туз пик; второй — Манильо — при козырях черной масти — это трефовая или пиковая двойка, а при козырях красной масти — червовая или бубновая семерка; третий матадор — Басто — всегда трефовый туз; а после трех матадоров, если козыри красной масти, самым большим козырем является туз этой масти, который называется Понто. Тот, кто ведет игру, объявляет козыри и обладает вторым матадором — Манильо, и есть el ombre — человек.

150

Хоу Джон (1657—1722). — Более известен под именем Джека Хоу; сначала был ревностным вигом, а затем столь же неистовым тори.

151

…Доблейну (или что-то в этом роде)… — Даплин Джордж, виконт, был женат на младшей дочери Гарли — Эбигейл (с 1709 г.); в 1711 г. был одним из двенадцати новых пэров, назначенных королевой Анной для получения тори большинства в палате лордов.

152

…*сыну*… — Эдуарду Гарли, унаследовавшему впоследствии от своего отца титул лорда Оксфорда; Эдуард, как и его отец, увлекался собиранием редких книг и рукописей.

153

Пени Уильям (1644—1718) — квакер, основатель колонии в Северной Америке, названной в его честь Пенсильванией (1682); пользовался расположением королевы Анны и бывал при дворе.

154

Сент-Джон Генри, виконт Болинброк (1678—1751) — видный политический деятель и писатель-публицист; член парламента с 1700 г., а в 26 лет военный министр кабинета Годольфина, состоявшего сперва из умеренных вигов и тори (1704—1708), из которого он вышел потом, как и Гарли; в 1710 г. стал главным государственным секретарем в новом кабинете, выполняя по существу функции министра иностранных дел; после падения кабинета перешел на сторону Стюартов и готов был на все, вплоть до интервенции, к которой склонял сначала Людовика XIV, а потом испанского короля Филиппа V, чтобы возвратиться в Англию; в конце концов и претендент Иаков III объявил его изменником и изгнал от своего двора. В 1725 г. Болинброк получил разрешение возвратиться в Англию и последние годы жизни посвятил публицистическому изобличению своих противников и работе над трактатами о государственной политике и религии.

155

…балладу… — Возможно, Свифт имеет в виду балладу о выборах в Вестминстере, о которой он упоминает в записи от 20 октября; ее текст утрачен.

156

…послужит на пользу церкви. — Некоторые исследователи полагают, что Свифт под «известным вам поводом» подразумевает публикацию своей «Сказки бочки», которая, хотя и навлекла на него обвинения в безбожии и оскорблении религии, обнаружила всю меру его сатирического таланта и таким образом открыла ему доступ к министрам, дабы он смог хлопотать о защите интересов той же церкви.

157

Гарт Сэмюэл (1661—1719) — врач, впоследствии лейб-медик Георга I.

158

Мейн Чарлз. — Кого именно Свифт имеет здесь в виду, не установлено.

159

…где он служит… — С начала XVIII в. в Тауэре хранились королевские регалии, размещался государственный архив и зверинец, привлекавший посетителей.

160

Лорд Маунтрэт — Чарлз Кут (1680? —1715).

161

Кут Генри (1683—1720) — брат лорда Маунтрэта.

162

…*полбушеля угля*… — Бушель — мера емкости, равна 36 литрам.

163

Таверна Сатаны — популярная таверна на Флит-стрит в Сити; еще за сто лет до того ее завсегдатаем был драматург Бен Джонсон.

164

Таверна Сатаны — популярная таверна на Флит-стрит в Сити; еще за сто лет до того ее завсегдатаем был драматург Бен Джонсон.

165

Докторс-Коммонс. — Так называлось здание, расположенное неподалеку от собора св. Павла, где размещалась корпорация юристов, которая вела дела клиентов в церковном суде; в этом суде рассматривались также тяжбы семейные и наследственные.

166

…*напечатал только три.* — Свифт здесь имеет в виду стихи, напечатанные в журнале «Тэтлер» (№ 230); стихотворную сатиру «Чудесные свойства жезла волшебника Сида Хамита» и утраченную балладу о выборах в Вестминстере.

167

Лорд Голвэй — Анри де Массие (1648—1720); протестант, бежавший из Франции; при Вильгельме III служил в Ирландии в должности лорда-главного судьи. Свифт охарактеризовал его впоследствии так: «Лживый, лицемерный, крамольный мошенник, проклятый лицемер, не придерживающийся никакой религии» (Prose works, X, 284—285).

168

…взбирался на его купол… — Собор св. Павла — крупнейшее создание Кристофера Ренна — был начат в 1675 г., а окончен в 1710 г., то есть как раз в год приезда Свифта в Лондон.

169

Гаррисон Уильям (1685—1713). — Окончил Оксфордский университет, где с 1706 г. состоял членом совета Нового колледжа; не обладал особым литературным дарованием, но пользовался расположением некоторых лондонских литераторов. Свифт трогательно заботился о его судьбе: когда Стиль прекратил печатание своего «Тэтлера» (2 января 1711 г.), Свифт надоумил Гаррисона издавать его продолжение, которое, однако, не имело успеха, и после выхода 52 номеров журнал прекратил существование; кроме того, Гаррисон напечатал несколько стихотворений.

170

…*в выпуске «Альманаха»*. — Этот выпуск «Поэтического Альманаха» был издан типографом Тонсоном в 1709 г.

171

Герцог Квинсбери — Джеймс Дуглас (1662—1711); с 1708 г. хранитель королевской (малой) печати, а с 1709 г. — третий государственной секретарь.

172

Хенли Энтони — член парламента, виг, слыл острословом и будто бы помогал Гаррисону в издании его «Тэтлера».

173

Онслоу Ричард (1654—1717). — До поражения на выборах был спикером палаты общин, а при Георге I, был назначен канцлером казначейства.

174

Какой дьявол в вас вселился? — По-видимому, виг Дадли имеет в виду переход Свифта на сторону тори.

175

…декан Болтон… — В 1700 г. Джон Болтон был назначен деканом в Дерри (Ирландия); это место рассчитывал получить Свифт, бывший тогда домашним капелланом у лорда Беркли, и хотя Болтон был старше Свифта и уже 22 года как состоял в духовном звании, Свифт считал, что тот обошел его с помощью взятки, и потому питал к нему отвращение, а также винил в своей неудаче лорда Беркли.

176

Доусон Джошуа — помощник секретаря в Дублинском замке; за определенную плату он выдавал разрешение на выезд из королевства, и Свифту, надолго уезжавшему в Лондон, приходилось часто прибегать к его услугам.

177

…начнет …выздоравливать. — Лорд Беркли умер за три недели до получения этого письма.

178

…метил в него… — Свифт имеет в виду Годольфина, осмеянного им в стихотворной сатире «Чудесные свойства…».

179

Прайор Мэтью (1664—1721) — поэт и дипломат. Сын столяра, он окончил Кембриджский университет; вначале был близок к вигам, но затем стал одним из ближайших сотрудников Гарли и Болинброка, которые с 1711 по 1713 гг. не раз посылали его в Париж для ведения переговоров о заключении мира; после прихода к власти Ганноверов впал в немилость и два года провел в тюрьме.

180

Лорд Питерборо — Мордаунт Чарлз (1658—1735); в 1705 г. был отправлен вигами в Испанию, чтобы вместе с Шоуэлом командовать английскими войсками, но в 1707 г. был отозван для отчета о своих действиях и денежных расходах; приход к власти тори помог ему выйти из щекотливого положения, в котором он оказался; при них он выполнял ряд дипломатических поручений. Свифт посвятил лорду Питерборо чрезвычайно хвалебные стихи (Poems, 396—398).

181

…лорду-президенту Шотландии… — Имеется в виду сэр Хью Далримпл (1652—1737) участвовавший при составлении пунктов Унии между Англией и Шотландией в 1702—1703 гг.

182

Бенсон Роберт (1676—1731). — В 1711 г. — канцлер казначейства, а в 1713—1714 гг. — английский посол в Мадриде.

183

«Смирна» — одна из популярнейших лондонских кофеен того времени, где собирались охотники до всякого рода политических новостей и сплетен.

184

Хокшоу Джон (ум. 1744). — Как и Свифт, учился в Тринити-колледже в Дублине и состоял в родстве с деканом собора св. Патрика Джоном Стерном.

185

Полковник Эджворт Амброз. — В 1689 г., служа в чине капитана, был вместе со своим отцом — командиром полка Джоном Эджвортом — уволен из армии за обман при снабжении солдат обмундированием, но затем вновь восстановлен на службе.

186

«Разные сочинения». — Еще во время своего предыдущего пребывания в Лондоне Свифт задумал издать том своих избранных произведений и наметил его состав; книга эта — «Разные сочинения в прозе и стихах» — вышла в конце февраля 1711 г., однако напечатал ее не Тук, как предполагал Свифт, а Джон Морфью.

187

…письмо епископу Киллалуйскому… — Возможно, ошибка Дина Свифта, впервые опубликовавшего эту часть текста «Дневника», или наборщика, потому что Свифт в это время весьма прохладно относился к Джону Линдсею, епископу Киллалуйскому, — одному из двух епископов, в помощь которым Свифт и был послан в Лондон для ходатайства об отмене первин. Свифт считал, что тот только мешал ему в этом деле, хотя впоследствии, как это видно из «Дневника», он, вероятно, из политических соображений, содействовал назначению Линдсея епископом Армским. Скорее, речь идет об Уильяме Ллойде, епископе Киллалайском, с которым Свифта и Стеллу издавна связывали дружеские отношения. Текст самого письма не сохранился.

188

…во время заседания Тайного совета… — Тайный совет — совещательный орган при английском короле, который определял число его членов и состав; решения Совета не подлежали утверждению парламента.

189

Миссис Ваномри — Эстер Стоун. Дочь налогового инспектора в Ирландии, она вышла в 1686 г. замуж за обосновавшегося в Дублине голландского купца Бартоломью Ваномри, ставшего в 1697 г. лорд-мэром Дублина; после его смерти в 1703 г. вдова, обладая значительным состоянием, решила переехать в Лондон вместе с четырьмя детьми: двумя дочерьми — Эстер и Мери, и двумя сыновьями — Бартоломью и Джинкеллом. Свифт мог познакомиться с ними еще до их переезда в Лондон в 1707 г., во всяком случае, в его «Указе о заключении договора между доктором Свифтом и миссис Лонг», которая состояла с семейством Ваномри в родстве, дважды упоминаются миссис Ваномри и «ее прекрасная дочь Хесси» (то есть Эстер), а Свифт в этом «Указе» представлен живущим в Лестерфилдс, где проживал в это время сэр Э. Фаунтейн, у которого Свифт гостил в декабре 1707 — январе 1708 г. Следовательно, если Свифт не был знаком с ними раньше в Ирландии, то знакомство состоялось сразу же после приезда семейства Ваномри в Англию. В мае 1709 г. они уже переписывались, как явствует из сохранившегося списка отправленных Свифтом писем. Эстер, которая, по-видимому, более всего привлекала в этом семействе Свифта, родилась в конце 1687 г. или в начале 1688 г., тогда как Свифт считал, что она года на три моложе, как видно из записи в «Дневнике» от 11 августа 1711 г.

190

…*обеих леди Батлер* — дочерей герцога Ормонда.

191

Эшбернхем Джон (1687—1737) — барон, был в это время скорее близок к вигам.

192

Монтегю Эдуард Уортли (1678—1761) — член парламента; в 1712 г. женился на леди Мери Пирпонт.

193

Граф Стирлинг — Александр Генри (1664—1739).

194

…я ходатайствовал …еще о двух тысячах фунтов в год… — Некоторые приходы Ирландии отчисляли от трети до половины своего дохода в пользу английской короны; общая сумма по подсчетам Свифта составляла около 2000 фунтов; и он решил добиться, чтобы эта сумма была дарована ирландской церкви.

195

…рассказы Тиздала о спорах в конвокации. — Тиздал Уильям (1669—1735), окончил Тринити-колледж, с 1696 г. член совета этого колледжа; как и Свифт, выступал в защиту высокой церкви, то есть принадлежал к той части священников государственной англиканской церкви, которые отстаивали догмы более близкие к католицизму; хотя Тиздал считал себя полемистом одного ранга со Свифтом, между ними сохранялись некоторое время дружественные отношения, о чем свидетельствуют письма Свифта к нему.

196

Лондон, Англия… — Адресуя свои письма, Свифт указывал не только Дублин, но и без особой необходимости писал «Ирландия», Стелла же, шутя, добавляла к слову «Лондон» «Англия».

197

Беркли Уильям (ум. 1741) — член Тайного совета с 1710 г., тори, с 1714 г. был первым лордом по делам заморской торговли и колониям.

198

…вдовствующая миссис Темпл… — Француженка, дочь гугенота, была замужем за единственным из детей сэра Уильяма Темпла, оставшимся в живых, — Джоном, который в 1689 г. покончил самоубийством, бросившись в Темзу.

199

…*у сестры мистера Аддисона…* — Дороти, ум. в 1750 г.

200

Конгрив Уильям (1670—1729) — крупнейший комедиограф эпохи Реставрации, учился вместе со Свифтом в школе в Килкени, а затем в Тринити-колледже; в молодые — годы близкий ко двору и поддерживавший тесные отношения с вигами, острослов и прожигатель жизни, он перестал писать еще в 1700 г. после завершения своей лучшей комедии «Так водится в свете» в связи с нападками, которым подвергалась такого рода драматургия, особенно со стороны пуритан, за ее фривольность. В ноябр. 1693 г. Свифт сочинил в его честь стихи «Мистеру Коигриву» (Poems, 43—50).

201

…загладить прошлые грехи. — За четыре года до этого Свифт рассчитывал получить находившийся в ведении декана собора св. Патрика Стерна большой приход св. Николаса, однако Стерн предпочел оставить приход за собой.

202

Кроу Уильям — чиновник архива в графстве Уиклоу; в конце жизни страдал душевным расстройством.

203

Бедняга Джон. — Кто здесь имеется в виду, не установлено.

204

Тай Ричард — член ирландского парламента, виг; Свифт всегда питал к нему антипатию, которая позднее еще более усилилась, когда Тай донес в 1725 г. лорду-лейтенанту Ирландии о сомнительном смысле произнесенной Томасом Шериданом (дедом драматурга и приятелем Свифта) проповеди в связи с годовщиной вступления Георга I на престол. Свифт осмеивал его с тех пор в своих стихотворных сатирах (Poems, 772—773).

205

…у моего кузена Лича… — Лич, по-видимому, состоял в весьма отдаленном родстве со Свифтом через известного поэта и драматурга Джона Драйдена (1631—1700): дед Свифта был женат на племяннице деда поэта. Второй упоминающийся тут кузен Томсон был мясником.

206

Бэби Эйрз. — Не исключено, что это придуманное Свифтом комическое прозвище, поскольку baby по-английски «младенец», а airs — «важничанье».

207

…с автором «Почтальона»… — Этот листок издавал некий Фонвив — французский протестант.

208

…акций Английского банка… — Основан в 1694 г. группой пайщиков как частное акционерное учреждение, но выполняющее функции государственного банка.

209

…что она вам должна. — Стелла обладала весьма скромными средствами: сэр У. Темпл оставил ей по завещанию некоторые свои земельные участки в Ирландии, которые были там сданы в аренду, выплачивавшуюся ей; кроме того, у нее было около 1500 фунтов, которые она по совету Свифта перевела в Ирландию, где их можно было помещать под десять процентов прибыли, и, наконец, 400 фунтов находилось у леди Джиффард на условиях пожизненной выплаты небольшой ежегодной ренты с этой суммы, вот почему Свифт и предлагал взять эти деньги и поместить на более выгодных условиях.

210

Темпл Ричард (1697—1749). — Служил под началом герцога Мальборо, в 1713 г. вследствие своих вигистских взглядов получил отставку, однако уже через год при Георге I стал бароном, а позднее и виконтом; был членом Кит-Кэт клуба и состоял в приятельских отношениях с Конгривом, а затем с Попом.

211

Исткорт Ричард (1668—1712) — актер, игравший сначала в Дублине, а с 1704 г. в Лондоне. Стиль посвятил ему № 468 своего журнала «Спектэйтор» от 27 августа 1713 г.

212

Лорд Пемброк — Томас Герберт (1656—1733); занимал ряд высоких должностей: первого полномочного посла при заключении Рисвикского мира в 1797 г., президента Тайного совета в 1702 г. и лорда-лейтенанта Ирландии в 1707—1709 гг. Как и Свифт, чрезвычайно увлекался сочинением каламбуров.

213

…новый кабинет …испытывает отчаянные финансовые затруднения… — Война за Испанское наследство довела сумму ежегодных государственных расходов Англии до 13 миллионов фунтов в год и зимой 1709—1710 гг. правительство задолжало огромную сумму; деловые круги Сити, правление Английского банка и Ост-Индская компания были на стороне вигов, оказывая открытое противодействие кабинету тори, что делало положение Гарли чрезвычайно неустойчивым.

214

…взят Эр… — В течение зимней кампании 1709—1710 гг. английский главнокомандующий герцог Мальборо не сумел навязать французскому полководцу маршалу Виллару решительного сражения; были взяты только четыре небольшие крепости и в том числе Эр-сюр-Лис, однако это произошло лишь 8 ноября.

215

Стюарт Ричард (ум. 1728) — брат лорда Маунтджоя, член ирландского парламента.

216

…у нас с вами он начинается именно сегодня. — Судя по шести сохранившимся книгам, в которые Свифт вносил даже самые малые свои расходы, финансовый год он начинал с 1 ноября.

217

…в кофейню, которая мне наскучила. — Видимо, после того, как стало известно о переходе Свифта на сторону тори, в Сент-Джеймской кофейне — прибежище вигов — он чувствовал себя неуютно.

218

…записал …примерно строк сорок… — Судя по всему, и здесь, и раньше, в записи от 30 октября, речь идет о первом из сочиненных Свифтом номеров журнала «Экзаминер» — № 14, вышедшем 2 ноября 1710 г., с которого Свифт начал резкую и непримиримую кампанию дискредитации вигов и их политики в глазах общественного мнения.

219

Допинг Сэмюэл (1681—1720) — сын епископа Митского, член ирландского парламента.

220

Миссис Стойт — жена олдермена Джона Стойта, ставшего впоследствии мэром Дублина; вместе с незамужней сестрой — Кэтрин они жили в Доннибруке под Дублином, и Стелла и Ребекка Дингли часто проводили с ними вечера за картами. Миссис Стоит почти все время упоминается в «Дневнике» как «тетушка Стоит».

221

ПМД. — П — Престо, Свифт; *МД* — Стелла и Ребекка — «мои дорогие».

222

…хоть сколько-нибудь причастен. — Последняя публикация Свифта в «Тэтлере» появилась 2 декабря 1710 г.

223

…навязали его мне… — Клогер находился в графстве Тайрон, а титул лорда Маунтджоя был связан с владениями, находившимися в этом графстве.

224

Полковник Прауд. — О ком здесь идет речь, не установлено.

225

Дэвенант Чарлз (1656—1714) — сын поэта и драматурга Уильяма Дэвенанта, член парламента, а с 1705 г. генеральный инспектор импорта и экспорта; опубликовал несколько работ по политической экономии; ему приписывали авторство «Поведения союзников» и некоторых других произведений Свифта.

226

Чемберлен Хью (1664—1728) — известный врач.

227

…*смотрителя придворных служб…* — Джона Холлэнда, член парламента, член Тайного совета и смотритель придворных служб (1709—1711).

228

Ванбру Джон (1664—1726) — комедиограф и архитектор; Свифт высмеял в двух своих поэмах проект дома, который Ванбру решил себе построить (написаны в 1703 и 1706 гг.; Poems, 78—81, 85—88).

229

Фарингтон Томас (ум. 1712). — Служил под началом герцога Мальборо во Фландрии.

230

Леди Мальборо, *Сара Дженингс* — жена герцога Мальборо.

231

День Благодарения — праздник по случаю побед, одержанных герцогом Мальборо в последней кампании (см. прим. VII, …взят Эр…).

232

Герцог Бакингем — Джон Шеффилд (1648—1721); занимал ряд высших государственных должностей: с 1702 г. до 1705 г. был лордом-хранителем малой печати, с 1710 г. — лордом-камергером, а с июня 1711 г. — лордом-президентом Тайного совета. В прежние времена Бакингем был покровителем Драйдена.

233

Рочестер — Лоуренс Гайд (1641—1711); на протяжении трех лет (1700—1703) был наместником Ирландии, из которых провел в этой стране менее четырех месяцев; в сентябре 1710 г. был назначен лордом-президентом Тайного совета вместо отстраненного лорда Сомерса.

234

Герцог Лидс — Томас Осборн (1631—1712); занимал ряд должностей при Карле II; вызывал особую неприязнь и подозрения вигов. В декабре 1712 г. его внук Перегрин Гайд Осборн маркиз Кармартен женился на старшей дочери лорда Оксфорда, вскоре после этого умершей во время родов (20 ноября 1713 г.).

235

Королева сделала мне реверанс… — Шутка Свифта, который так никогда и не был официально представлен при дворе.

236

…у нашего посла в Португалии… — капитана Делаваля.

237

Адмирал сэр Чарлз Уэджер (1666—1743). — Впоследствии первый лорд Адмиралтейства; чрезвычайно обогатился после захвата им в 1708 г. испанских судов, перевозивших золото и серебро.

238

…представлю его …государственному секретарю. — Свифт здесь иронизирует.

239

«Тэтлер», посвященный Мильтонову копью… — Речь идет о копье Итуриоля — персонажа поэмы Мильтона «Потерянный рай» (IV, 788), о котором упоминалось в № 237 журнала «Тэтлер» от 14 октября 1710 г.

240

…я …говорил не раз… — Свифт имеет в виду свой очерк в журнале «Тэтлер», и записи в «Дневнике» от 18, 23, 29 сентября и 1, 14 октября.

241

…моего последнего пребывания в Лондоне… — Свифт был перед тем в Лондоне с конца декабря 1707 г. по 5 мая 1709 г., но какой именно свой памфлет он здесь имеет в виду — решить трудно; возможно, один из памфлетов, напечатанных под псевдонимом Исаака Бикерстаффа.

242

…особы… с которыми я… обедаю? — Судя по всему, Стелла либо имела в виду семейство Ваномри, либо упоминание Свифта об обеде с приятелями в записи от 8 октября.

243

…когда я сочинял «Дождь». — Вонь сточной канавы упоминается в этих стихах (Poems, 137).

244

Когда день рождения Стеллы? — 13 марта 1681 г.

245

…в Крайстчерч? — Имеется в виду второй кафедральный собор в Дублине.

246

…*зааа полллночь.* — Такое написание этих слов у Свифта означает, что ночной сторож только что прокричал на улице полночь, а, возможно, и зевок.

247

…к …мистеру Сент-Джону. — Это была его первая встреча со Свифтом; 7 октября Гарли обещал представить ему Свифта, но сделал это Льюис, и, судя по присутствию на обеде доктора Фрейнда, принимавшего прежде вместе с Сент-Джоном участие в издании журнала «Экзаминер», эта встреча была, по-видимому, связана с переходом издания в руки Свифта.

248

Фрейнд Джон (1675—1728) — врач, политический деятель и публицист, служил в качестве врача под началом у лорда Питерборо в бытность того в Испании и написал в его защиту «Отчет о поведении графа Питерборо в Испании» (1706 г.). В 1723 г. по подозрению в соучастии в заговоре Эттербери был заточен в Тауэр, но вскоре освобожден и в конце жизни стал лейб-медиком королевы Каролины.

249

…*едва достигшим тридцати.* — Темплу, когда он в 1674 г. отказался от должности государственного секретаря, было 46 лет, а Сент-Джону в октябре 1710 г. — 32, однако он уже с 1704 по 1708 г. был военным министром в кабинете Годольфина.

250

…ни черт не страшны. — Стихи и поговорки в «Дневнике», которые Свифт неизменно называет старинными, на самом деле все сочинены им самим.

251

Левиндж Ричард (ум. 1724). — Юрист по образованию, переехал в 1692 г. в Ирландию, где занимал ряд высоких должностей: спикера палаты общин, королевского прокурора и т.п.

252

Леди Фолконбридж. — На самом деле Фоконберг Мария (ум. 1713) — третья дочь Оливера Кромвеля, вышла замуж в 1657 г. за сторонника своего отца виконта Фоконберга.

253

…Стрэтфорд, великодушнейший из людей… — В действительности Стрэтфорд извлекал куда большую выгоду, руководствуясь в своих операциях теми сведениями о состоянии политических дел, которые он получал от Свифта.

254

Рэтборн. — Возможно, имеется в виду Джозеф Рэтборн, богатый дублинский торговец свечами.

255

…не спятил ли ваш канцлер подобно Уиллу Кроу? — Ричард Фримен, лорд-канцлер казначейства Ирландии, виг, обязанный своим возвышением лорду Сомерсу. Свифт, питавший к нему презрение, прочитал в письме архиепископа Кинга к нему (от 16 ноября 1710 г.) о том, что общественные дела застопорились из-за болезни лорда-канцлера, отсюда его иронический вопрос, обращенный к МД. Уилл Кроу.

256

Кокс Ричард (1650—1733) — юрист по образованию и ревностный протестант, занимал ряд видных должностей в Ирландии; с 1711 по 1714 г. возглавлял суд королевской скамьи.

257

Ханмер Томас (1677—1746). — Будучи тори, занимал, однако, независимую позицию, отказался от должности в министерстве Гарли и в 1713—1714 гг. возглавлял группировку так называемых проганноверских тори. На досуге подготовлял издание Шекспира, вышедшее в Оксфорде в 1743—1744 гг., но не имеющее никакой научной ценности.

258

…канцлера Вертопраха… — Возможно, Свифт имеет здесь в виду сэра Симона Харкура, который, однако, в это время был только лордом-хранителем малой печати.

259

Скиннерз-холл. — С XIII в. место встреч одного из главных городских цехов — цеха кожевников; был заново отстроен после Большого пожара в Лондоне в 1666 г.

260

Общество Лондондерри. — Конфискованные в 1609 г. земли в ирландском графстве Лондондерри были подарены лондонской корпорации, избравшей для управления этими землями совет из 26 человек, которых называли Ирландским обществом. Возглавлял это Общество приятель Свифта олдермен Джон Барбер.

261

Мистер Гор. — Возможно, родственник сэра Уильяма Гора, лорд-мэра Лондона в 1702 г.

262

Эллиот — владелец Сент-Джеймской кофейни.

263

Лорд Оррери — Чарлз Бойл (1674—1731); в бытность свою воспитанником Крайстчерч-колледжа в Оксфорде издал в 1697 г. «Послания Фаларида» (агригентского тирана VI в. до н.э.), на которые ссылался в своем «Опыте о древней и новой образованности» покровитель Свифта Темпл, отстаивая превосходство древних авторов над новыми. Однако вступившие в полемику с Темплом У. Уоттон и особенно Ричард Бентли, доказавший в своей «Диссертации о „Посланиях Фаларида“» (1697), что это более поздняя подделка, скомпрометировали Темпла и тогда Свифт выступил в его защиту со своей «Битвой книг». Оррери после битвы при Мальплаке в 1709 г. получил чин генерал-майора; он поддерживал кабинет Гарли и стал позднее членом основанного Болинброком Общества. Его сын Джон был автором «Заметок о жизни и сочинениях Джонатана Свифта» (1752 г.).

264

Домвиль Уильям — богатый замлевладелец в Дублинском графстве, проводивший, однако, большую часть времени в Лондоне и за границей.

265

Клементс Роберт (ум. 1722) — кассир ирландского казначейства.

266

23. — В этот день вышел № 17 «Экзаминера», в котором Свифт дал чрезвычайно резкую отповедь всем, кто обвинял кабинет Гарли в неблагодарности по отношению к главнокомандующему английскими войсками герцогу Мальборо, и обвинил последнего в беспримерной алчности.

267

Миссис Фентон — единственная сестра Свифта Джейн (1666—1738), которая была на 19 месяцев старше его; в 1699 г. вышла замуж за кожевника Джозефа Фентона; Свифт не одобрял этот брак и не доверял Фентону, однако помогал сестре деньгами до ее кончины в деревне Фарнхем в том же доме, где жила и мать Стеллы — миссис Бриджит Моуз.

268

Епископ Килдерский — Уилбор Эллис (1651? —1734); был одним из епископов, подписавших полномочия Свифта для ходатайства об отмене первин.

269

…отправились… осмотреть гробницы в Вестминстере… — Речь идет о соборе св. Петра в Вестминстерском аббатстве, который служил на протяжении ряда веков усыпальницей королей, знати, государственных деятелей и пр.

270

Бромли Уильям (1664—1732) — решительный сторонник высокой церкви, член парламента; в 1713—1714 гг. сменил лорда Дартмута на посту государственного секретаря и соответственно стал начальником Льюиса.

271

Хилл Джон (ум. 1735) — младший брат миссис Мэшем; начал службу при дворе в качестве пажа, в 1711 г. возглавлял неудачную морскую экспедицию в Квебек; в 1713 г. был назначен комендантом крепости Дюнкерк, оставленной французами.

272

…*среди лакеев.* — Среди слуг, сопровождавших своих господ на заседание парламента, существовал обычай образовывать свое «законодательное собрание» и обсуждать те же самые вопросы.

273

…в суде справедливости… — Такой суд, который был подчинен совестному суду, прекратил свое существование в 1641 г., однако его помещение в Уайтхолле еще долго по традиции сохраняло это название. Вместе с тем и в XVIII в. в Англии существовал канцлерский суд, который, в отличие от других английских судов, продолжал по-прежнему выносить решения не на основании законов или прецедентов, а согласно приказам лорда-канцлера, то есть министра юстиции, руководствовавшегося так называемыми соображениями справедливости.

274

…дела, куда более важные… — Свифт, конечно, имеет в виду осуществлявшийся им в это время выпуск журнала «Экзаминер».

275

Смит с Блайнд-Ки. — По-видимому, владелец книжной лавки на улице с таким названием в Дублине.

276

Ваш канцлер? — Фримен.

277

…просит меня позаботиться об их несчастном городе… — В своей «Краткой характеристике… Уортона» Свифт среди прочих злоупотреблений наместника Ирландии называет и допущенный им произвол при выборах мэра Трима.

278

…*ызвинения*… — Это слово, судя по всему, намеренно иронически искажено в рукописи.

279

…он имеет в виду «Утро»… — Стихотворение Свифта «Описание утра» (Poems, 123—125), которое было напечатано в «Тэтлере» № 9 от 30 апреля 1709 г.

280

Архиепископ Кэшельский — Уильям Пэлисэр (1646—1726); был в числе епископов, подписавших полномочия Свифта.

281

…посодействую его приятелю… — Речь идет о капитане Пратте, о судьбе которого Уоллс тревожился (см. письмо IX, запись от 22 ноября).

282

…*назначат выборы нового парламента*… — Заседания ирландского парламента были прерваны 28 августа 1710 г. и возобновились 9 июля 1711 г.

283

…я говорил по поводу «Шиллинга». — «Тэтлер» № 249 от 11 ноября 1711 г. Достоверно известно только о трех номерах «Тэтлера», написанных Свифтом в этот период его пребывания в Лондоне; № 230, № 238 и № 258.

284

…я видел как по улице несли кресты… — 30 ноября — день св. Эндрю.

285

Лорд Шелберн — Генри Пэтти (1675—1751); леди Керри, упоминающаяся на страницах «Дневника», доводилась ему сестрой, а через своего мужа состояла в родстве с Праттом.

286

…*напечатал его…* — «Тэтлер», № 258.

287

Брэг Филипп (ум. 1759). — В это время был подполковником, участвовал в битве при Фонтенуа и дослужился до генерал-лейтенанта.

288

Лорд Солсбери — Джеймс Сэсил (1691—1728); с 1712 г. член палаты лордов.

289

…написать мой портрет… — Нет никаких свидетельств того, что Кнеллер когда-либо писал портрет Свифта.

290

Лорд Энглси — Артур Эннисли (ум. 1737); с 1710 до 1716 г. занимал одновременно две должности — вице-казначея и казначея военного ведомства Ирландии.

291

…памфлет против лорда Уортона… — Памфлет принадлежал Свифту, вышел анонимно и был датирован 30 августа 1710 г., то есть был будто бы написан еще до отъезда Свифта из Ирландии и значит до его разрыва с вигами, что едва ли вероятно; скорее всего он был написан в одно и то же время с № 18 «Экзаминера» от 30 ноября, где Уортон под видом римского правителя Сицилии Верреса изобличался Свифтом в тех же злоупотреблениях, что и в этом памфлете.

292

…*Оугл, Саут и Сент-Куинтин будут уволены…* — Три таможенных чиновника, которые вопреки этим слухам сохранили за собой свои должности.

293

Лорд Эберкорн — Джеймс Гамильтон (1656—1734); член Тайного совета при Анне, Георге I и Георге II.

294

…юный щеголь Свифт… — Возможно, что речь идет о сыне дяди писателя — адвоката Уильяма Свифта — Уильяме младшем (1687—1711).

295

Сэнки Николас (ум. 1722). — С 1710 г. генерал-лейтенант.

296

Эннискиллен — городок в северной Ирландии.

297

…*только полторы тысячи.* — О чем здесь идет речь, установить не удалось.

298

Леди Эберкорн — жена лорда Эберкорна, ум. в 1754 г.

299

Герцог Ричмонд — Чарлз Ленокс (1672—1723), побочный сын Карла II.

300

…познакомил его с поверенным по делам казны… — Свифт имеет в виду сэра Роберта Раймонда (1673—1733); с 1725 г. — лорда-главного судью. Поверенный по делам казны, или генеральный солиситор — второе после королевского прокурора высшее должностное лицо, представляющее в английском суде интересы короны и правительства.

301

…вашему новому лорду-канцлеру. — Им был сэр Константин Пипс (1656—1723), успешно выступивший во время процесса Сэчверела в качестве защитника, за что он удостоился всяких милостей со стороны пришедших к власти тори, назначивших его как раз в эти дни лордом-канцлером Ирландия. Однако по прибытии в Дублин он вызвал там недовольство своим крайним торизмом; после воцарения Ганноверов был смещен.

302

Лорд Риверс — Ричард Сэведж (1660? —1712); придерживался сначала вигистских взглядов, был близок к Вильгельму III, под началом которого воевал во Фландрии; достиг звания генерал-лейтенанта; но впоследствии сумел войти в доверие к Гарли и был назначен комендантом Тауэра (1709), а затем полномочным послом в Ганновера (1710). Был известен как повеса и распутник.

303

Сэведж Филипп (ум. 1717) — канцлер казначейства в Ирландии.

304

Леди Керри (ум. 1737) — жена графа Керри и сестра лорда Шелберна.

305

Миссис Пратт — жена капитана Джона Пратта, состояла в родстве с леди Керри.

306

Мередит, Макартни и полковник Хонивид… — Мередит (ум. 1719) служил под началом Вильгельма III, а затем герцога Мальборо, генерал-лейтенант и член парламента; Макартни Джордж (1660—1730) отличился в сражении при Мальплаке, генерал-лейтенант; Хонивуд Филипп (ум. 1752) — бригадный генерал; все трое были ревностными приверженцами Мальборо и противниками торийского кабинета и его политики, поэтому правительство решило прибегнуть к суровым мерам и, невзирая на их военные заслуги, вынудило всех троих уйти в отставку.

307

Кэдоган Уильям (1675—1726) — друг герцога Мальборо, участвовавший почти во всех его крупных сражениях; в то время, о котором идет речь, исполнял обязанности посла в Гааге; после смещения Мальборо в знак солидарности подал в отставку в чине генерал-лейтенанта. При Георге I был восстановлен в прежнем звании и удостоен графского титула.

308

Бедлам — искаженное название Вифлеемского королевского госпиталя — был весьма популярным местом развлечений лондонцев того времени, потому что публику допускали рассматривать закованных в цепи душевнобольных и желающие могли даже при этом пить напитки и закусывать. (Описание нравов Бедлама дано в «Тэтлере» № 30; в IX разделе своей «Сказки бочки» под названием «Отступление касательно происхождения, пользы и успехов безумия в человеческом обществе» Свифт изобразил обитателей Бедлама, поведение которых, по его мнению, мало чем отличается от поведения прочих людей.)

309

…грэшемский колледж… — Был основан Томасом Грэшемом в 1579 г. для чтения лекций на латыни и английском языке по «богословию, астрономии, музыке, геометрии, праву, медицине и риторике»; здесь с 1660 по 1710 г. собиралось Королевское общество; здесь находились также коллекции раритетов, привлекавшие к себе посетителей.

310

…театр марионеток… — Чрезвычайно популярное в те времена зрелище; особенным успехом пользовались представления некоего Мартина Пауэла вблизи Ковент-Гардена.

311

…подобает автору «Атлантиды». — Свифт имеет в виду миссис Мери де ля Ривьер Мэнли (1663—1724), журналистку и писательницу, сочинения которой, как, впрочем, и ее собственное поведение, не отличались излишним ригоризмом. Тори охотно пользовались услугами ее бойкого и не слишком разборчивого в средствах пера. В «Новой Атлантиде» (полное название «Секретные мемуары некоторых знатных особ, или Скандальная хроника новой Атлантиды, острова на Средиземном море», 1709) она высмеяла видных вигов, не брезгуя самыми интимными деталями; затем последовали «Придворные интриги» (1711) и пр. Свифт, по-видимому, познакомился с ней только в этот период и, хотя знал цену литературным достоинствам пера миссис Мэнли, относился к ней снисходительно и скорее дружелюбно; он не раз пользовался ее услугами и давал темы для журнальных и прочих поделок; именно ей он передал затем издание «Экзаминера».

312

…сидел… в долговом отделении… — Согласно английским законам того времени, несостоятельный должник мог быть арестован только при условии, что судебный пристав — бейлиф — вручил ему лично приказ об аресте, после чего бейлиф отвозил его в дом предварительного заключения, то есть, как правило, к себе домой, где содержал за высокую плату несколько дней, в течение которых близкие должника могли уплатить его долг, в противном случае его после этого переводили в тюрьму.

313

Ламберт Ральф — священник, в 1708 г. был назначен капелланом лорда Уортона, возможно, за свою проповедь более терпимого отношения к религиозным сектам.

314

Гриффит. — По-видимому, кто-то из дублинских знакомых Стеллы; возможно, что тот же самый доктор Гриффит, который упоминается 17 февраля 1712 г., 3 марта 1713 г. и 5 марта 1713 г.

315

…разыграли бедного моего дядюшку… — Что именно имеет здесь Свифт в виду, неизвестно; после приезда Стеллы в Ирландию (1700 или 1701 г.) в живых оставались только два брата отца Свифта — Уильям (ум. 1706) и Адам (ум. 1704).

316

…сохранить… его вторую должность… — Кроме должности редактора правительственной «Газеты», с которой Стиль был незадолго перед тем смещен, у него была еще должность комиссара по сбору гербовых пошлин, которую он получил в январе 1710 г. и от которой отказался в июле 1713 г. в надежде на свое избрание в парламент.

317

Филипс Амброз (1674—1749) — автор «Пасторалей», напечатанных в 1709 г., и переделки «Андромахи» Расина под названием «Несчастная мать». Хлопоты Свифта не увенчались успехом из-за решения правительства отменить эту должность.

318

…мой портрет… — О каком именно портрете Свифта идет речь, сказать трудно; Свифт вновь упоминает его 23 мая 1711 г.

319

…юношей, надругавшихся над статуей… — Три студента Тринити-колледжа испачкали грязью и повредили статую Вильгельма III, за что были приговорены к шести месяцам тюремного заключения, 100 фунтам штрафа и выставлению перед статуей; последнее наказание было отменено.

320

Инголдсби Ричард (ум. 1712) — генерал-лейтенант, командующий войсками в Ирландии.

321

Бродрик Алан (1656—1728). — Юрист по образованию, с 1709 г. возглавлял суд королевской скамьи в Ирландии; сведения Свифта о его смещении были ошибочными: лишь в июне 1711 г. его сменил Ричард Кокс. С 1714 г. Бродрик стал лордом-канцлером Ирландии. Впоследствии, хотя он и был вигом, выступил против выдачи Вуду патента на право чеканки монеты для Ирландии, вот почему Свифт адресовал ему одно из своих «Писем суконщика» (VI).

322

Дойн Роберт (1651—1733); с 1703 г. возглавлял в Ирландии так называемый суд общего права.

323

…хлопотал …о назначении епископа Клогерского вице-канцлером… — Дублинского университета.

324

Хэттон-гарден — район Лондона, населенный преимущественно беднотой.

325

Архиепископ Тюэмский — Джон Визи (1638—1716).

326

Кофилд Тоби. — Участвовал в военных действиях в Испании и был уволен за потерю большей части состава своего полка.

327

Герцог Аргайл — Джон Кэмпбэлл (1678—1743); был посвящен в декабре 1710 г. в рыцари ордена Подвязки. В то время, как Свифт вел свой «Дневник», у него с Аргайлом были довольно дружественные отношения, но после опубликования памфлета Свифта «Общественный дух вигов» (1713), где Свифт позволил себе довольно резко отозваться о шотландцах, что вызвало протест со стороны шотландских лордов-членов парламента, их отношения были непоправимо испорчены. Впоследствии Свифт наделил Аргайла следующей характеристикой: «Высокомерный, самолюбивый, коварный шотландец» (Prose works, X, 286).

328

Мистер Спенсер. — О ком здесь идет речь, не установлено.

329

…познакомился с …его женой и дочерью. — Имеется в виду вторая жена Гарли — Сара, умершая бездетной в 1737 г. и Элизабет, дочь Гарли от первого брака.

330

…представить лорду-хранителю печати… — то есть тому же Харкуру.

331

Стоуэл Эдуард (1686—1755).

332

…и не нуждались в них. — По сохранившимся записям Свифта о его денежных расходах видно, что он платил обеим дамам 50 фунтов годового содержания, посылая их по частям ежеквартально.

333

Лорд Уинчелси — Чарлз Финн (1672—1712); в 1702 г. был послом в Ганновере, в 1711 г. стал членом Тайного совета, г в 1712 г. — лордом департамента торговли. Свифт, как это видно из «Днеяника», весьма сожалел о его кончине, однако позднее оставил о нем такую запись: «Будучи слишком бедным, он чересчур приноравливался к партий, которую ненавидел» (то есть к вигам. — А. И.; Prose works, X, 278).

334

Ведо Эндрю. — Как и его жена и брат Джон, неоднократно упоминается в «Дневнике»; из дальнейших записей Свифта видно, что Ведо был торговцем и продал свою долю в лавке брату, чтобы купить офицерский чин, после чего в 1711 г. был направлен в Португалию, а но возвращении оттуда остался на половинном жалованье (запись от 18 ноября 1712 г.). У его жены были какие-то денежные дела с Ребеккой Дингли.

335

Бэкон Эдмунд (1672—1721) — баронет, член парламента.

336

…новости из Испании… — 9 декабря 1710 г. под Бриуэгой Стэнхоп вместе с 4000 английских солдат был вынужден сдаться в плен Вандому.

337

…надевают свои цепи… — Орден Подвязки — высший английский орден, учрежден Эдуардом III в 1350 г. в честь св. Георгия; число его кавалеров не могло превышать 25 человек (не считая иностранцев); знаки ордена — темно-синяя бархатная подвязка под левым коленом, цепь с медальоном, на которой изображен св. Георгий, и серебряная звезда с крестом на левой стороне груди.

338

…как …произошло с селедочными… — Речь идет об акциях существовавшей тогда акционерной компании по добыче сельди.

339

…типографом лондонского Сити. — Свифт имеет в виду Джона Барбера (1675—1741). — Воспользовавшись своим влиянием, он выхлопотал у кабинета тори для Барбера печатание «Лондонской газеты», «Экзаминера» и пр. Когда началось дознание в связи с публикацией памфлета Свифта «Общественный дух вигов», Барбера, напечатавшего памфлет, на время арестовали, но это не изменило его дружеских отношений со Свифтом, продолжавшихся до конца его дней; с воцарением Георга I у Барбера отняли печатание «Газеты», но к тому времени он был уже очень богат, нажившись на спекуляциях акциями «Компании Южных морей», а в 1732 г. он был избран лорд-мэром Лондона. Миссис Мэнли была некоторое время его возлюбленной и умерла у него в конторе.

340

Бернидж. — По-видимому, Мозес Бернидж, окончивший дублинский университет и получивший с помощью Свифта офицерскую должность.

341

Смолридж Джордж (1663—1719) — сторонник высокой церкви, популярный проповедник, ставший в 1710 г. капелланом королевы Анны, а в 1714 г. — епископом Бристольским.

342

…в свою новую квартиру на Сент-Олбенс-стрит… — Эта улица находилась севернее Пел-Мел, на месте нынешней площади Ватерлоо. Приехав в Лондон, Свифт сначала жил на Пел-Мел, откуда 20 сентября 1710 г. переехал на Бери-стрит, откуда 28 декабря переехал на Сент-Олбенс-стрит; 26 апреля следующего года он поселился в пригороде Лондона — Челси, а 5 июля — на Саффолк-стрит, чтобы быть поближе к семейству Ваномри, но 11 октября того же, 1711 г., он переехал на Сент-Мартин-стрит, в Лестерфилдс, еще примерно через полтора месяца, как видно из его книжки расходов, — на Пэнтон-стрит; затем с 5 июня 1712 г. временно проживал в Кенсингтоне, а с 19 июля — в Виндзоре, после чего снял квартиру на Райдер-стрит.

343

Бен Портлак — секретарь герцога Ормонда.

344

Герцог Мальборо — Джон Черчилл (1650—1722); сначала паж при герцоге Йорке, будущем Иакове II; благодаря женитьбе на фрейлине принцессы Анны — Саре Дженингс и с помощью своей сестры Арабеллы — возлюбленной Иакова II, успешно начал военную карьеру, что не помешало ему в 1688 г. перейти с войском на сторону Вильгельма Оранского, который все же вынужден был потом отстранить и даже арестовать Мальборо за причастность к якобитскому заговору; но в 1698 г. он был опять приближен ко двору, а при Анне назначен в 1701 г. главнокомандующим английских войск; беспринципный карьерист и чрезвычайно корыстный человек, Мальборо был при этом выдающимся полководцем и одержал ряд крупных побед в войне за Испанское наследство: при Бленхейме (1704), Рамийи (1706), Мальплаке (1709) и др. Всемерно поощрял политику кабинета Годольфина и придерживался все более крайних вигистских позиций. С приходом к власти тори был отстранен от командования и обвинен во взяточничестве, после чего покинул Англию; однако после воцарения Георга I был снова назначен главнокомандующим.

345

…обычно я пишу БДГП. — В оригинале — poor, dear, foolish rogue — то есть «бедный, дорогой, глупый плутишка». Впервые опубликовавший эту часть «Дневника» Дин Свифт сохранил такое обозначение только в этой записи, потому что иначе ее смысл был бы непонятен читателю, заменив во всех остальных случаях словом «Престо».

346

…последние девять или десять номеров… — То есть написанных самим Свифтом, желавшим узнать мнение не только своих корреспонденток, но и дублинского общества.

347

Лорд Хартфорд — Олджернон Сеймур (1684—1750); участвовал в боях во Фландрии и дослужился до генерала кавалерии.

348

…*показал… памфлет.* — Речь идет о «Краткой характеристике… Уортона».

349

Лорд Герберт — Генри Герберт, член парламента; разорившись, покончил в 1738 г, самоубийством.

350

…*последний номер «Тэтлера»*. — № 271.

351

Эттербери Фрэнсис (1662—1732). — Видный проповедник и рьяный поборник влияния церкви; занял должность декана Крайстчерч-колледжа только в сентябре 1711 г., а в июне 1713 г. стал деканом Вестминстерского собора и епископом Рочестерским. Хотя принимал участие в коронации Георга I, был заподозрен в причастности к попыткам вернуть Стюартов, посажен в Тауэр, а затем изгнан; умер во Франции.

352

Картерет Джон (1690—1763). — Свифт питал симпатию к остроумному и образованному молодому аристократу, хотя тот был вигом, однако впоследствии им было суждено встретиться при иных обстоятельствах, когда сделавший карьеру и ставший крупным должностным лицом Картерет прибыл в Ирландию в 1724 г. в качестве нового наместника страны в момент наибольшего там волнения, вызванного поднятой Свифтом кампанией против монеты Вуда.

353

…пребуду вовеки скотиной по чину Мельхиседека… — Здесь иронически переиначена библейская фраза из псалтири (псалом 109): «Ты священник вовек по чину Мельхиседека».

354

4 января 1710—1711. — До реформы календаря в 1752 г., когда начало года было перенесено на 1 января, Новый год официально начинался с 25 марта, поэтому во избежание путаницы в датах между 1 января и 24 марта обычно ставились цифры двух годов.

355

…*некая сочинительница и типограф.* — Возможно, миссис Мэнли и Джон Барбер.

356

…другой такой Оверду свет не видывал… — Имеется в виду персонаж из комедии английского драматурга Бен Джонсона (1573—1637) «Варфоломеевская ярмарка», жена судьи, глупая, самоуверенная особа, козыряющая именем и должностью своего мужа; это имя означает по-английски — «не знать меры», «пересаливать».

357

…господина председателя… — Эттербери, которого здесь имеет в виду Свифт; он был в это время не только деканом собора в Карлайле, но и председателем нижней палаты английской конвокации.

358

…знакомы и с его женой? — Декан собора св. Патрика Стерн, которого в этом импровизированном комическом диалоге имеет в виду Стелла, не был женат, что и наводит ее на мысль, что речь идет о разных людях и Свифт ее разыграл.

359

…уставлены большими кексами… — Так, согласно обычаю, отмечался в Англии двенадцатый день рождественских праздников — так называемый день Богоявления. В каждом таком кексе был запечен боб и, когда кекс разрезали, тот, кому доставался кусок с бобом, провозглашался бобовым королем.

360

Бэйтмен Кристофер — владелец самой популярной книжной лавки в Лондоне, а также издатель и устроитель книжных аукционов.

361

Лукиан (120? —180?) — древнегреческий писатель, автор сатирических диалогов «Разговоры богов», «Разговоры в царстве мертвых» и т.д.

362

…заглянул к Гэруэю… — Свифт имеет в виду кофейню, называвшуюся так по имени ее основателя — Томаса Гэруэя и находившуюся на Чейндж-Элли, то есть неподалеку от биржи; здесь собирались купцы и всякого рода спекулянты в период бума, вызванного возникновением как раз в это время Компании Южных морей.

363

Трэп Джозеф (1679—1747) — посредственный рифмоплет и памфлетист торийского толка, числился профессором поэзии в Оксфорде; хотя Свифт был невысокого мнения о его способностях, однако позднее помог ему получить место капеллана при Болинброке.

364

Смит из Ловета. — О ком здесь идет речь, не установлено.

365

…*с молодым Мэнли…* — По-видимому, сын Джона Мэнли.

366

Миссис Саут. — По-видимому, хозяйка дома, в котором жил сэр Э. Фаунтейн.

367

Пистоль — испанская золотая монета, появившаяся в обращении около 1600 г. и равнявшаяся в Англии примерно 17 шиллингам.

368

Миссис Сент-Джон. — Леди Фрэнсис (ум. в 1718 г.), первая жена Болинброка; сохранилось два письма Свифта к ней.

369

…с братом мистера Гарли… — Имеется в виду младший брат Эдуард, контролер государственных займов, член парламента и пр.

370

…спора насчет ремней для правки бритв. — В газетах действительно одно время разгорелся спор, какие ремни лучше; об этом писал Аддисон в № 224 «Тэтлера».

371

…*три гинеи за парик*. — По тем временам это сравнительно недорогой парик.

372

…мистера Уорэла, того самого, у которою жила моя мать… — О самом Уорэле ничего неизвестно; мать Свифта — Эбигейл Эрик (1630? — 24 апреля 1710) родилась близ Лестера; о ее родителях почти ничего неизвестно; вышла замуж в Дублине в 1664 г.; свои последние годы провела в Лестере, где и умерла. Свифт откликнулся на ее смерть прочувственными строками в своей записной книжке: «С ее уходом ничто более не отделяет меня от смерти. Да ниспошли мне господь, чтобы отныне я был так же готов ее встретить как я уверен, встретила свой час она» (Prose works, XI, 387). Однако виделись они очень редко.

373

…сделал для нынешних намного больше… — То есть для торийского кабинета.

374

…он играл Оруноко и влюблен в мисс Кросс. — Имеется в виду главный персонаж одноименной трагедии Сутерна (1660—1746), представленной в 1695 г.; сюжет пьесы был основан на романе английской писательницы Афры Бен (1640—1689) «Оруноко, или Царственный раб» (1688), одной из ранних попыток нарисовать образ благородного дикаря, «естественного человека». Свифт явно иронизирует: исполнитель роли свободолюбивого пылкого африканца влюблен в актрису миссис Кросс, исполнявшую слезливую роль миссис Клеримонт в сентиментальной слащавой пьесе Стиля «Нежный супруг» (1705).

375

Грэнвил Джордж (1667—1735). — С приходом тори к власти был назначен военным секретарем (или военным министром), а в декабре 1711 г. в числе 12 человек стал пэром с титулом барона Лэнсдауна и под этим именем упоминается далее на страницах «Дневника»; сочинял стихи и пьесы и покровительствовал литераторам.

376

Мэшем Сэмюэл (1679—1758). — В детстве был пажом при принцессе Датской — будущей королеве Анне, потом конюшим и камердинером при ее муже принце Георге Датском; в 1707 г. тайно обручился с фавориткой королевы Эбигейл Хилл, а в декабре 1711 г. стал пэром с титулом барона Мэшема. С этого времени у Свифта завязываются дружеские отношения с лордом и леди Мэшем.

377

…памфлет, направленный против меня… — Свифт имеет в виду памфлет филолога и археолога Уильяма Уоттона (1666—1727) «Рассуждение о настоящем положении дел в конвокации», написанный в ответ на выпуск «Экзаминера» от 28 декабря.

378

Кульпеппер (1616—1654) — знаток лечебных трав, напечатавший в 1649 г. «Медицинское руководство».

379

Леди Уорсли Фрэнсис — жена баронета сэра Роберта Уорсли; в 1732 г. подарила Свифту чернильный прибор, который сама покрыла лаком. Свифт упомянул ее в своем завещании; погребена при деканате св. Патрика.

380

Доктор Стрэтфорд Уильям (ум. 1729) — архидиакон из Ричмонда и каноник Крайстчерч в Оксфорде; во время своего последнего приезда в Англию в 1727 г. Свифт навестил его в Оксфорде.

381

Граф Беркли — Джеймс Беркли (1680—1736); с 1717 по 1727 г. — первый лорд адмиралтейства; его молодая жена вскоре умерла от оспы.

382

Епископ Килморский — Эдуард Уитенхол (1636—1713).

383

Доннибрук — деревня, где жили Стойты, расположенная на расстоянии мили от Дублина.

384

…и называете его клеветническим… — Речь идет о памфлете Свифта «Краткая характеристика… лорда Уортона».

385

…возвратиться к св. Марии… — в Дублин. Стелла и Дингли снимали квартиру в доме миссис де Кудре на Стаффорд-стрит, напротив церкви св. Марии.

386

…купить офицерскую должность? — Широко распространенная в то время в Англии практика торговли патентами на офицерские должности вызывала неоднократные протесты, поскольку влекла за собой низкую боеспособность офицерского состава, тем не менее с 1711 г. указом королевы Анны эта практика была официально узаконена, а с 1720 г. были даже установлены цены на патенты.

387

Стоун — коммерсант, живший на Ломбард-стрит.

388

…обложить… налогом… — Свифт имеет в виду закон о гербовом сборе, который был принят лишь 10 июня 1712 г. и вступил в силу с 10 августа.

389

Граб-стрит — название улицы в Лондоне XVIII в., служившей прибежищем безвестных литературных поденщиков, которых за гроши нанимали книгоиздатели и к услугам которых прибегали нередко политические деятели обеих партий. Это название стало нарицательным для обозначения продажной низкопробной литературной поденщины.

390

…против одного знатного лица… — Кого Свифт имеет здесь в виду, не установлено.

391

…на канале и Роузмондском пруду… — Каналом называли цепь прудов в Сент-Джеймском парке, соединенных друг с другом при Карле II; Роузмондский пруд находился там же.

392

…катающихся на… коньках… — Коньки появились в Англии после возвращения в 60-х годах XVII в. из эмиграции и в частности из Голландии так называемых кавалеров — знатных приверженцев династии Стюартов.

393

…с женой Джо… — Бомонт Джозеф, торговец полотном.

394

Страбон (63 до н. э. — 20 н. э.) — древнегреческий географ и историк; речь идет о книге, изданной в 1607 г. в Женеве, а также о парижском издании комедий Аристофана (1620 г.).

395

…ее старшая дочь… — Первое упоминание об Эстер Ваномри; в «Дневнике» она упоминается еще только дважды — 14 февраля и 14 августа 1711 г.

396

Морфью и Лилли — издатели, печатавшие «Тэтлера» Стиля.

397

…поссорился с ним… — Гарли послал Свифту банковый билет на 50 фунтов в качестве вознаграждения за его журнал «Экзаминер»; оскорбленный Свифт возвратил его в письме, адресованном Льюису, которое было показано Гарли.

398

…по поводу добряка Пизли и Айзека… — Судя по всему, речь идет о ком-то из ирландского окружения Стеллы, неодобрительно высказывавшихся о памфлетах Свифта.

399

…*этого еженедельного листка*… — Речь идет об «Экзаминере».

400

…патент будет выписан… — Патент, датированный 7 февраля 1711 г., освобождал ирландское духовенство от уплаты двадцатины и передавал первины в ведение архиепископов и епископов Ирландии, лорда-канцлера и некоторых других лиц в целях приобретения земель для церковного пользования, строительства и пр.

401

…*эта француженка…* — де Кудре, Стелла и Дингли снимали у нее квартиру на Стаффорд-стрит.

402

…утла, маленькие куклы… — В примечании к этим словам первый издатель этой части «Дневника» Дин Свифт указал, что в этом месте буква «р» заменена буквой «л», и что Свифт постоянно их меняет друг с другом.

403

…*нынче вечером.* — Согласно примечанию Дина Свифта, эти слова написаны в оригинале огромными буквами, поэтому Свифт и называет себя далее безмозглым олухом.

404

Стонтон Томас. — На протяжении долгих лет Свифт пользовался его услугами как юриста.

405

…два тринадцатипенсовика? — В 1687 г. указом Иакова II английский шиллинг был приравнен к тринадцати ирландским пенсам, а английская гинея — к двадцати четырем шиллингам, тогда как в Англии шиллинг равнялся двенадцати пенсам.

406

Коуп Роберт — тори, член ирландского парламента, владелец поместья в Лох-Гэлле (графство Армское), у которого летом 1717 г. гостил Свифт, неоднократно бывавший там и впоследствии.

407

Моррис Теодор (ум. 1731) — окончил Тринити-колледж в Дублине и был в это время архидиаконом в Тюэме.

408

Миссис Мэшем (ум. 1734) — Эбигейл Хилл. — Дочь коммерсанта из Сити, доводилась двоюродной сестрой герцогине Мальборо и состояла в родстве с Гарли. В 1707 г. стала женой Сэмюэла Мэшема; получив при содействии герцогини звание фрейлины королевы, она постепенно настроила королеву против герцогини, что привело в 1711 г. к ее удалению от дворца, тогда как миссис Мэшем получила звание хранительницы королевского кошелька. Отставка кабинета вигов в 1710 г. была в немалой степени подготовлена интригами миссис Мэшем и Гарли; после смерти Анны осталась не у дел. О роли, которую она играла в политических событиях тех лет, Свифт написал в своих «Мемуарах касательно смены кабинета министров королевы» (Memoirs relating to that change in the Queen's ministry. Prose works, V, 365).

409

Дьюк Ричард (1658—1711). — Окончил Кембридж, был близок с известными английскими драматургами конца XVII в. Отвеем и Драйденом, писал стихи, но потом принял сан священника и посвятил себя духовной карьере.

410

…*некоего X*… — Кого Свифт имеет здесь в виду, не установлено.

411

…допустить меня в свой круг. — Это первый случай, когда Свифт был допущен на встречи узкого состава кабинета Гарли; характеристику этих обедов у Свифта см. в его «Мемуарах касательно смены…» (Prose works, V, 384).

412

Октябрьский клуб. — Так назывались собрания тори из числа сельских сквайров, происходившие в таверне «Колокол» на Кинг-стрит в Вестминстере, во время которых они толковали о политике и пили октябрьское пиво. Сторонники крайних мер, они были влиятельной и многочисленной группировкой партии тори, и кабинету Гарли приходилось с ними считаться и лавировать, чтобы не восстановить их против себя.

413

…в …учтивом тоне… о герцоге Мальборо… — Риверса, по-видимому, вывела из себя фраза из № 29 «Экзаминера» от 15 февраля: «Ни один из тех, кого я знаю, никогда не оспаривал храбрости, умелого командования войсками или успехов герцога Мальборо, они всегда были неоспоримы и останутся таковыми, вопреки злобе его недругов или еще более того — слабости его защитников. Нация только желает, чтобы он был вызволен из дурных рук и отдан в хорошие».

414

Дисней Генри (ум. 1731) — француз-гугенот (настоящая фамилия Анри Дезоно), эмигрировавший в Англию после отмены Нантского эдикта, служил в английских войсках и участвовал во многих экспедициях; приятель Болинброка.

415

Филдинг. — По-видимому, речь идет о полковнике Эдмунде Филдинге, отце великого английского романиста Генри Филдинга, умершем в 1741 г. в чине генерал-лейтенанта.

416

Скерлокстаун — приход вблизи Трима. Смысл этой фразы заключается в том, что в отсутствие Свифта обе дамы могли оставаться в его приходском доме в Ларакоре, когда же он туда приезжал, они обычно останавливались по соседству — в Триме у Раймондов, поскольку вместе, в одном доме, они, согласно установленному Свифтом и неукоснительно им соблюдавшемуся обычаю, никогда не жили.

417

Стивенс-Грин — парк в Дублине.

418

Мэнсел Томас (1668—1750) — баронет, дважды назначался при королеве Анне на пост канцлера казначейства.

419

…мистер Френч, доктор Трэворс и доктор Уиттинхем… — Кто имеется в виду под именем Френча, окончательно не установлено, два других лица — духовного звания и преклонного возраста, занимавшие видные должности в дублинской епархии.

420

…*сын банкира*… — один из шести сыновей дублинского банкира Бенджамина Бартона.

421

…обеих леди Бетти… — то есть леди Бетти Батлер и леди Бетти Джермейн.

422

Джеймс Экершел (ум. 1753).

423

Декан — Джон Стерн, настоятель собора св. Патрика.

424

«Разные сочинения в прозе и стихах». — Свифт был прекрасно осведомлен о предстоящем выходе этой книги, о чем не раз объявлялось в разных тогдашних газетах (см. запись от 17 октября 1710 г.).

425

Герцогиня Ормонд (ум. 1733) — в девичестве леди Мери Сомерсет, вторая жена герцога; после его бегства из Англии в 1715 г. больше ни разу с ним не видалась.

426

Мур Артур (1666—1736). — Сделал карьеру на коммерческом и финансовом поприще и при кабинете тори стал лордом-комиссионером торговли и колоний и директором пресловутой Компании Южных морей, однако в 1714 г. был изобличен в тайных спекуляциях и смещен со своих должностей.

427

Истм — или Коринфский перешеек, узкая полоса земли, соединяющая Пелопоннесский полуостров с материковой Грецией и омываемая с одной стороны водами Эгейского, а с другой — Ионийского морей.

428

Герцогиня Сомерсет Элизабет, баронесса Перси (1667—1722). — Последняя представительница рода графов Нортумберленд; в 3 года осталась сиротой, в 12 лет вышла замуж за Генри Кэвендиша графа Оугл, умершего на втором году их брака, в 14 лет вышла замуж вторично за Томаса Тина, которого покинула еще до первой брачной ночи и который вскоре был убит друзьями его соперника — графа Кенигсмарка; через четыре месяца после этого события вышла замуж за герцога Сомерсета. Впоследствии стала фавориткой королевы Анны и активной сторонницей вигов; Свифт питал к ней острейшую неприязнь.

429

Ричардсон Джон (1664—1747). — Учился в Тринити-колледже одновременно со Свифтом, изучил ирландский язык и неустанно хлопотал об обращении коренных ирландцев в протестантизм, однако его предложения были отвергнуты верхней палатой конвокации из опасения, что это может повредить английским интересам в Ирландии.

430

…*тфруинитрояв*… — При чтении через букву получается — «банковый билет на пятьдесят фунтов».

431

…Эттербери и декан похожи друг на друга? — Стелла, видимо, была сбита с толку розыгрышем Свифта; см. запись от 6 января 1710—1711 г.

432

…с вашими неуклюжими SS? — Дин Свифт указывает в примечании к этому месту, что эти буквы во всех трех случаях написаны так причудливо, что печать неспособна это передать.

433

…клицать тлам-тлам… — Это единственное место, в котором Дин Свифт воспроизводит ребячий язык оригинала, а в примечании дает свой перевод, однако сравнение этого места с сохранившейся частью рукописи «Дневника» побуждает исследователей сомневаться в правильности предложенной в данном случае Дином Свифтом расшифровки текста.

434

Кэтрин Моррис (ум. 1716) — дочь графа Пемброка и жена Николаса Морриса.

435

…молодой Эрандел… — По-видимому, 17-летний сын барона Генри Эрандела.

436

Де Гискар Антуан (р. 1658) — французский дворянин, бывший одно время католическим священником и вынужденный в 1703 г. вследствие неблаговидных поступков покинуть Францию; после разнообразных приключений вплоть до поддержки восстания камизаров против Людовика XIV Гискар получил убежище в Англии. Здесь ему удалось войти в доверие к Мальборо, Годольфину и другим влиятельным лицам, назначившим его во главе полка политических эмигрантов из Франции, а затем назначившим ему правительственную пенсию. Однако Гарли уменьшил эту пенсию, и тогда Гискар, чтобы поправить свои имущественные дела, вступил в тайную связь с французами; его письма были перехвачены, и он был вызван для допроса на заседание Тайного совета. Существует мнение, что, увидя свое положение безнадежным, он хотел будто бы в первую очередь расквитаться с Болинброком, которого считал особенно повинным во всех своих неудачах, но тот сидел от него далеко, и потому Гискар нанес два удара перочинным ножом Гарли (правда, от первого удара нож сломался), что вызвало потом ревность честолюбивого Болинброка, так как лавры мужественной жертвы французских козней достались Гарли, то есть не по адресу. Присутствовавшие бросились на Гискара с обнаженными шпагами и нанесли ему множество ран, от которых он через несколько дней скончался. Партия тори постаралась извлечь из этой истории наивозможный пропагандистский эффект, и Свифт, как явствует из «Дневника», внес в эту пропагандистскую кампанию весомую лепту; версия была такова, что виги вкупе с французами и католиками хотели погубить самого видного тори — Гарли.

437

…*ребенка*. — Речь идет о ребенке миссис Уоллс.

438

…попросите ректора… — Бенджамина Пратта, ректора Тринити-колледжа в Дублине.

439

…для смитфилдской сделки… — то есть мошеннической, обманной; от названия района Лондона, в котором ютилась беднота и находился один из городских рынков.

440

Гоги и Магоги — в апокалиптической литературе название племен, которые в последние дни существования мира нападут на Иерусалим. «Гоги из страны Магогов» упоминаются в книге пророка Иезекииля (38).

441

…тот самый перочинный нож… — Он хранился у Свифта до его смерти, точно так же как и первый пластырь, снятый с раны Гарли.

442

…намерение написать… отчет… — Свифт выполнил его, посвятив этому № 33 «Экзаминера» и поручив миссис Мэнли написать специальный памфлет.

443

…лекарство миссис Дж….н… — По-видимому, настойка из первоцвета матери Стеллы.

444

Лорд Рэби — Томас Вентворт (1672—1739); служил под началом герцога Мальборо, потом был послом в Берлине, затем отправлен в качестве полномочного посла в Гаагу, а оттуда в Утрехт для ведения переговоров о мире; с июня 1711 г. стал графом СтраФ-фордом и под этим именем не раз упоминается далее в «Длевнике». Страффорд был человеком высокомерным и ограниченным. В 1715 г. была предпринята попытка обвинить его в государственной измене за ведение переговоров в Утрехте.

445

Бидди Флойд — приятельница и компаньонка леди Бетти Джермейн, известная красавица, которой Свифт посвятил в 1709 г. стихи (Poems, 117).

446

…замышлял убить королеву. — В № 33 «Экзаминера» Свифт прямо обвиняет Гискара в намерении убить королеву; эту же версию повторяет и миссис Мэнли.

447

…*коронер…* — судебный чиновник, который вел дознание, если дело было связано с насильственной смертью или несчастным случаем.

448

Арбетнот Джон (1667—1735) — публицист-сатирик, с 1709 г. врач королевы Анны, человек широко образованный и остроумный, автор литературных и политических сатир, из которых наилучшей является «История Джона Булля» (1720), составленная из серии памфлетов, публиковавшихся с 1712 г.; основал кружок «Мартина Писаки», куда входили Свифт, Поп, Гэй и др. Знакомство Свифта с Арбетнотом, судя по всему, произошло именно в это время, оно перешло вскоре в дружеские отношения, сохранявшиеся до самой смерти Арбетнота. «Если бы на свете была дюжина Арбетнотов, я бы сжег свои Путешествия Гулливера», — писал Свифт Попу (Corresp., III, 104).

449

…сын спикера… — Клобери Бромли, член парламента и сын спикера палаты общин Уильяма Бромли, умерший 20 марта 1711 г.

450

…напечатания ирландских молитвенников… — Эту меру для распространения протестантизма среди ирландцев предложил Ричардсон.

451

Персивал Джон (1683—1748) — баронет, член ирландского парламента, родственник упоминающегося далее Джона Персивала, жившего в приходе Свифта Ларакоре и позднее, в 1716 г., продавшего Свифту для приходского дома 16 акров земли.

452

…претендент собирается жениться… — Это известие оказалось ложным. Речь идет о так называемом старом претенденте Иакове Фрэнсисе Эдуарде (1688—1766), объявленном эмигрантами после смерти его отца короля Иакова II английским королем Иаковом III. Он женился лишь в 1719 г. на принцессе Клементине Собеской.

453

…епископа Оссорийского… — Имеется в виду Джон Хартстондж (1654—1717) — один из двух епископов, которые приехали в Лондон хлопотать о первинах и в помощь которым был направлен Свифт.

454

Миссис Проби — приятельница Стеллы, жена главного хирурга Ирландии, увлекалась коллекционированием монет и фарфора. В своем памфлете «Краткая характеристика… Уортона» Свифт называет Проби «человеком, пользовавшимся всеобщим уважением», которого Уортон преследовал; леди Саутуэл — жена баронета сэра Томаса Саутуэла, члена ирландского парламента; леди Бетти Рочфорт — дочь графа Дрогеды и жена Джорджа Рочфорта, главного барона ирландского казначейства.

455

…*группу зевак.* — Это представление, устроенное кабинетом Гарли в пропагандистских целях, было будто бы прекращено приказом королевы, и Гискара погребли на месте захоронения преступников в Ньюгейте.

456

…*прежнего лорда-казначея*. — То есть Годольфина.

457

Монтгомери. — Возможно, речь идет об Александре Монтгомери (ум. 1723), бывшем позднее членом ирландского парламента.

458

…*что он — Падди* (уменьшительное от Патрик) — то есть типичный ирландец, поскольку это самое распространенное в Ирландии имя.

459

Роллинсон Уильям (ум. 1774 г. в возрасте 94 лет) — виноторговец, поддерживавший приятельские отношения с Болинброком, Попом и Гэем.

460

…дней рождения… — По-видимому, в письме Стеллы шла речь об ее дне рождения, который приходился на 13 марта.

461

Доббинс Мери (ум. 1732) — жена канцлера Армы преподобного Джеймса Доббинса и племянница епископа Киллалуйского.

462

Энглси и Гайд — тогда вице-казначеи Ирландии; позднее Энглси стал казначеем военного ведомства, а Гайд — министром почты.

463

…расстояние на шиллинг… — По официально утвержденной тогда таксе за полторы мили платили шиллинг, за две — шиллинг и шесть пенсов и т. д.

464

…билля о введении пошлины на ирландскую пряжу. — Одна из многих принимавшихся в то время ирландским парламентом мер с целью удушения ирландской торговли и возможной конкуренции ее товаров с английскими. Знаменательно, что в это время Свифт был еще равнодушен к этим вопросам.

465

Эпсом — расположен вблизи Виндзора, традиционное место скачек.

466

…воспользовался примером из Тацита… — Тацит Публий (Гай?) Корнелий — древнеримский историк (55? —120?); в своем письме к Свифту от 17 марта архиепископ Дублинский Кинг писал, что нападение Гискара должно было послужить доказательством того, что Гарли не играет на руку французам, однако оно никого не убедило, и многие поговаривают украдкой, что это напоминает историю Фения Руфуса и Сцевина, как она рассказана у Тацита, у которого в «Анналах» (XV, 66) повествуется о том, как Фений Руфус, будучи сам участником заговора против Нерона, допрашивал других заговорщиков, надеясь тем самым скрыть свою причастность. Кинг хотел этим сказать, что Гарли, по мнению некоторых, выдал Гискара, чтобы скрыть свои собственные интриги с Францией. Теперь же в Лондон дошли слухи, будто архиепископ воспользовался этим примером публично.

467

«Почтальон» — торийский листок того времени, выходивший трижды в неделю и издававшийся Эйбелом Роупером.

468

…от апоплексического удара… — Дофин Луи, сын Людовика XIV, скончался 13 апреля 1711 г. по новому стилю 50 лет от роду от оспы.

469

Данком Чарлз — банкир; в 1708 г. был лорд-мэром Лондона, самый богатый член палаты общин; его племянница была первой женой герцога Аргайла.

470

Дилли — священник Диллон Эш, младший брат епископа Клогерского, учившийся вместе со Свифтом в Тринити-колледже.

471

Пулит Джон (1667—1743) — умеренный тори, занимал в это время должность первого лорда казначейства, а с июня 1711 г. стал лордом-камергером; смещен после вступления на престол Георга I.

472

Рид Уильям (ум. 1715 г.) — врач-окулист, удостоенный рыцарского звания за безвозмездное лечение слепых моряков и солдат; часто печатал объявления в «Тэтлере»; Аддисон высмеял его в № 547 «Спектэйтора» от 27 ноября 1712 г.

473

Уэбб Джон Ричмонд (1667? —1724) — участник сражений под Бленхеймом, Рамийи и др.; тори по взглядам, он был настроен враждебно к герцогу Мальборо, в 1712 г. стал генералом и командующим сухопутных войск Великобритании; после вступления Георга I на престол потерял свои должности.

474

Кэмпейн Генри — член парламента, видный член Октябрьского клуба, поддерживавший Болинброка.

475

Бомонт Джордж (1665—1737) — баронет, лорд адмиралтейства.

476

Финн Хинидж (1683—1757) — член парламента от Сэррея.

477

Комптон Джеймс (1687—1754) — член парламента от Уорикшира.

478

…сочинительнице «Атлантиды»… — то есть миссис Мэнли; памфлет назывался «Правдивое описание того, что произошло во время допроса маркиза де Гискара…»

479

Сизер Чарлз (ум. 1741) — член парламента, сменил в июне 1711 г. Роберта Уолпола на посту казначея морского флота.

480

Кончина императора… — 17 апреля в Англию пришло известие о кончине молодого австрийского императора Иосифа I (1678—1711), что существенно меняло ситуацию, поскольку престол должен был перейти к его младшему брату, которого союзники признали в качестве испанского короля Карла III. Смерть императора нанесла удар основному требованию вигов «Никакого мира без Испании», потому что мало кто осмелился бы теперь настаивать на том, чтобы Англия продолжала войну ради присоединения к и без того огромным владениям нового австрийского императора Испании с ее заморскими колониями. 20 апреля королева обратилась к парламенту с посланием, в котором сообщала о своем намерении поддержать избрание Карла в качестве императора и о том, что будут предприняты шаги к окончанию войны на условиях надежного и почетного мира.

481

Герцог Савойский Виктор Амадей II (1666—1732); был женат на племяннице Людовика XIV, выступал в начале войны за Испанское наследство на стороне Франции и тоже претендовал на испанскую корону, но в 1703 г. заключил секретное соглашение с Австрией, после чего потерпел несколько поражений в боях с французами и был спасен от полного разгрома выдающимся полководцем принцем Евгением Савойским (1663—1736) — австрийским генералиссимусом, действовавшим совместно с герцогом Мальборо. Евгений Савойский, который неоднократно упоминается далее в «Дневнике», был также до 1724 г. штатгальтером в австрийских Нидерландах.

482

…молодой Харкур… — Симон (1684—1720), второй сын лорда-хранителя печати, член парламента, писал стихи и был дружен с литераторами, в частности с Попом; в основанном несколько позднее Обществе, о котором далее в «Дневнике» пойдет речь, выполнял обязанности секретаря.

483

…салфетки Дойли… — Назывались так по имени английского торговца льняными товарами, который в XVII в. ввел их в обиход.

484

Графиня Белламонт (ум. 1744) Лючия Анна — дочь графа Нассауского.

485

…статуэтки… лошадей… — Это место не очень понятно в рукописи. Дин Свифт предполагал, что речь идет о копиях конных статуй дворца Фарнезе в Риме.

486

…несколько досадных, неудач… — Свифт, по-видимому, имеет в виду безуспешную попытку тори повлиять на выборы управляющего и директоров Английского банка, в итоге которых все кандидаты-виги были переизбраны.

487

…относительно тридцати пяти миллионов… — В январе 1711 г. Роберт УОЛПОЛ был удален из казны адмиралтейства и обвинен в растрате; при этом речь шла о том, что он не представил отчета о 35 миллионах фунтов; Уолпол, тем не менее, успешно оправдался. Бриджес был с 1702 по 1712 г. главным казначеем той части английской армии, которая находилась за рубежом, и Сент-Джон очень хотел вызволить его из затруднительного положения.

488

Фоли Томас — член парламента, его сестра была первой женой Гарли.

489

Чарлз Дэринг — член ирландского парламента и чиновник казначейства.

490

«Всякая всячина» — вигистский листок, издававшийся Артуром Мейнуорингом при участии Олдмиксона, Стиля и других с 5 октября 1710 г. по 6 августа 1711 г. и посвященный главным образом полемике с «Экзаминером» Свифта, который в № 42 своего журнала от 17 мая 1711 г. сам отмечал «неустанную, бесконечную брань» своего оппонента. Любопытно, что когда тори возобновили в декабре 1711 г. издание «Экзаминера» во главе с Уильямом Олдисвортом, с 3 марта 1712 г. вновь стала издаваться «Всякая всячина».

491

Во вчерашнем номере… — «Спектэйтор» № 50, написанный Аддисоном.

492

…*насчет женитьбы Брукса…* — О ком здесь идет речь, точно не установлено.

493

Миссис Эш — жена епископа Клогерского.

494

Наш экспедиционный флот… — Речь идет об экспедиции в Квебек, предпринятой по настоянию Болинброка и вопреки сопротивлению Гарли. Около пяти тысяч солдат, снятых главным образом с театра военных действий во Фландрии, были отправлены под командованием генерала Джека Хилла на кораблях в сопровождении эскадры военных судов, во главе которой стоял адмирал сэр Уокер. В середине августа они достигли устья реки св. Лаврентия, где во время шторма восемь транспортов было выброшено на скалы, в результате чего погибло около 900 человек; обескураженные этим несчастьем, командующие предпочли возвратиться в Англию, и экспедиция таким образом закончилась полной неудачей.

495

Фрейнд Роберт, брат врача Джона Фрейнда возглавлял Вестминстерскую школу с 1711 по 1733 год.

496

Мэсгрейв Кристофер — клерк Тайного совета.

497

Уэксфорд — небольшой приморский курортный городок, расположенный в 90 милях к югу от Дублина.

498

…у меня… свой декан и председатель конвокации… — То есть Эттербери и Стерн занимали одни и те же должности, но только один в Англии, а другой в Ирландии.

499

Артур Мур (1666—1736). — Сделал карьеру на коммерческом и финансовом поприще и при кабинете тори стал лордом-комиссионером торговли и колоний и директором пресловутой Компании Южных морей, однако в 1714 г. был изобличен в тайных спекуляциях и смещен со своих должностей.

500

…наложением рук королевы… — Анна была последней английской королевой, поддерживавшей ритуал, распространенный еще в средние века: излечение золотухи при помощи наложения королевской руки.

501

Миссис Мери. — О ком здесь идет речь, точно не установлено.

502

Торнхилл. — Вскоре после этого предстал перед уголовным судом Олд-Бейли, признавшим его виновным в убийстве, а некоторое время спустя был убит неизвестными лицами в отместку за его поступок (см. запись в «Дневнике» от 21 августа 1711 г.).

503

Тотхилл-филдс — излюбленное место встречи дуэлянтов в районе Вестминстера.

504

…вступление к патенту… — Существует мнение, что оно, возможно, было написано Свифтом, во всяком случае, в № 41 «Экзаминера» от 10 мая, представлявшем собой панегирик Гарли, доказывалась справедливость присвоения ему титула пэра.

505

Бартон Бенджамин (ум. 1728) — дублинский банкир и зять приятеля Свифта — Стрэтфорда; был лорд-мэром Дублина и членом ирландского парламента; как видно из последующих писем, Свифт питал к нему неприязнь из-за его вигистских взглядов.

506

Лорд Сэнтри — Генри Барри (1680—1735); придерживался крайних вигистских взглядов, чем вызывал враждебное к себе отношение Свифта.

507

Кэмок. — По-видимому, Джордж Кэмок (1666? —1722?); на протяжении ряда лет был капитаном военного судна, курсировавшего вдоль берегов Ирландии в поисках вражеских каперов, затем перешел на сторону Испании, где, получив чин контр-адмирала, воевал против английского флота, но потом впал в немилость и окончил свои дни в нищете в Сеуте, куда был изгнан.

508

Уитерингтон Джон (ум. 1718) — дублинский юрист.

509

Трэп, Джозеф (1679—1747) — посредственный рифмоплет и памфлетист торийского толка, числился профессором поэзии в Оксфорде; памфлет назывался «Характеристика и принципы нынешней шайки вигов», Лондон, 1711 г.

510

«Состояние словесности». — Полное название памфлета «Современное состояние словесности. Письмо к приятелю, живущему в провинции»; он вышел 3 мая 1711 г. и был подписан инициалами J. G.; предполагают, что автором его был драматург и поэт Джон Гэй (1685—1732); Свифт был упомянут там как известный автор «Экзаминера».

511

Керл Эдмунд (1675—1747) — предпринял ряд пиратских изданий и, в частности, несколько месяцев спустя после выхода книги «Разные сочинения в прозе и стихах» Свифта (см. прим. VI, 27) выпустил «Разные сочинения доктора Джонатана Свифта», куда вошли уже прежде печатавшиеся «Размышления о палке от метлы», а также «Полный ключ к „Сказке бочки“, с некоторыми сведениями об авторах и т. д.», в котором утверждалось, что «Сказка бочки» будто бы написана Томасом Свифтом (двоюродным братом Джонатана), а предисловия к ней и отступления — Джонатаном.

512

…отправил… три книги… — Судя по всему, речь идет о вышедших в 1710—1711 гг. X, XI и XII томах 20-томного собрания архивных документов Тауэра, издававшихся Раймером (1704—35), которые Свифт, как видно из «Дневника», и далее продолжал приобретать для библиотеки Тринити-колледжа.

513

…фанатик, столяр… — Стивен Колидж (1635—1681); был обвинен в попытке организовать мятеж против короля и казнен в Оксфорде.

514

…в заговоре Шафтсбери. — Шафтсбери Энтони Эшли Купер (1621—1683) содействовал реставрации Стюартов, но выступал против претензий герцога Йорка быть преемником Карла II на престоле и поддерживал права незаконного сына Карла II герцога Монмута; примкнув к заговору, который затем был раскрыт, Шафтсбери бежал в Амстердам, где вскоре умер; не исключено, однако, что все это дело с заговором было сфабриковано католиками.

515

Кроу Митфорд (ум. 1719) — губернатор Барбадоса (1707—1711); был также одно время в Испании, где убеждал каталонцев поддержать притязание на испанский престол эрцгерцога Карла.

516

…и от герцога более, чем от кого бы то ни было. — Трудно предположить, чтобы Свифт забыл о том, что когда пятью месяцами ранее он пришел к герцогу Бакингему с визитом, тот его не принял (см. запись от 19 декабря 1710 г.); Свифт всегда питал неприязнь к герцогу, хотя, тем не менее, в № 27 «Экзаминера», видимо, из политических соображений отозвался о нем с похвалой.

517

Адам Свифт (1641—1704) — седьмой сын Томаса Свифта из Гудрича, деда писателя; стряпчий, был членом ирландского парламента; от первого брака у него были сын Уильям и дочь Энн, вышедшая замуж за Джеймса Перри; от второго брака — дочь Марта, ухаживавшая за писателем в последние годы его жизни.

518

Лоундс Уильям (1652—1724) — секретарь казначейства, член парламента.

519

Маргрет — служанка Стеллы.

520

…декана Карлайла… — доктора Эттербери.

521

Томас Свифт (ум. 1752) — кузен Свифта, священник, учился одновременно со Свифтом в школе в Килкени и в Тринити-колледже; в 1694—1696 гг. во время отсутствия Свифта Томас, по-видимому, выполнял обязанности капеллана и секретаря сэра Уильяма Темпла в Мур-Парке; ему приписывали авторство «Сказки бочки», что чрезвычайно раздражало Свифта; кроме того, он опубликовал в 1710 г. проповедь, которой предпослал нелепое посвящение Гарли — это обстоятельство и послужило поводом для частых подшучиваний Гарли.

522

Томас Гарли (ум. 1738) — кузен лорда-казначея, занимал должность секретаря казначейства и выполнял в эти годы ряд поручений правительства: так, в 1714 г. он был направлен в Ганновер, чтобы подтвердить решимость английского правительства поддерживать принятый в 1701 г. закон о престолонаследии.

523

…новой графиней и леди Бетти… — то есть с женой Оксфорда и его дочерью.

524

Теннисон Генри (ум. 1709) — член ирландского парламента и таможенный чиновник.

525

Финч Анна — жена графа Уинчелси; писала стихи и была в дружеских отношениях с Попом и другими литераторами.

526

…епископ Хикмен преставился… — Слух оказался ложным, епископ Деррийский Чарльз Хикмен умер в 1713 г.

527

Грэм Джеймс (1649—1730); занимал ряд должностей при Иакове II, когда ему было даровано право арендовать дом в Бэгшот-Парке под Лондоном; по симпатиям был якобитом. В своем «Полном собрании изящных и остроумных разговоров» (1738) Свифт ссылается на Грэма, как изобретателя многих, получивших распространение словечек и выражений (Prose works, XI, 207).

528

…ни «Золотого фермера»… — Имеется в виду Уильям Дэвис (1627—1690), который в течение многих лет вел двойную жизнь почтенного фермера и дерзкого дорожного грабителя и был известен под прозвищем «золотой фермер»; после разоблачения был казнен, а его тело в цепях, как то нередко практиковалось в те времена, было повешено на Бэгшот-Хит; гостиница неподалеку от этого места была названа «Золотой фермер».

529

Берти. — Кто здесь имеется в виду, не установлено.

530

Лорд Дорчестер — Ивлин Пирпонт (1665? —1726); виг, пользовавшийся после 1715 г. благосклонностью новой династии — Ганноверов, отец Мери Уортли Монтегю (1689—1762) — писательницы, учредительницы собраний «синих чулков» — женщин, интересующихся литературой, знаниями и пр.; известной своим эпистолярным наследием.

531

…что мистер Сент-Джон говорил в парламенте? — См. XXI письмо, запись от 27 апреля.

532

Прайс Джон (1675—1729). — В итоге этих хлопот Свифта получил пребенду в Килморе. Голвэй — городок, расположенный на западном побережье Ирландии, на берегу одноименного залива.

533

Сэр Александр Кэрнс (ум. 1732) — банкир, был удостоен титула баронета.

534

…его приятелю в Англии… — сэру Томасу Фрэнкленду, министр почт Англии.

535

…почтового закона… — Имеется в виду закон об объединении почт Англии и Шотландии во главе с генеральным почтмейстером; принят в 1710 г.

536

…*помню Берфордский мост…* — На дороге возле Трима.

537

Хокли-ин-де-холл — местность на северо-западной окраине Сити, где происходила травля медведей и быков и другие грубые развлечения, которые были запрещены постановлением парламента только в 1835 г.

538

…сочинять его больше не намерен. — В этот день вышел последний № 45 «Экзаминера», написанный Свифтом (ему, правда, принадлежит еще начало № 46); перечисляя в нем успешные меры, предпринятые новым министерством, он делал вывод, что большая часть нации убеждена теперь, что королева поступила с величайшей мудростью, сменив свой кабинет и переизбрав парламент, «и я считаю теперь, что главная цель, которую я ставлю себе, сочиняя эти листки, полностью выполнена».

539

…*представил брату лорда-казначея…* — Эдуарду Гарли.

540

Сэр Уильям Уиндхем (1687—1740) — член парламента, тори, в 1712 г. стал военным министром; в 1713—1714 гг. — канцлером казначейства; в распре между Оксфордом и Болинброком стоял на стороне последнего; был женат на дочери герцога Сомерсета.

541

…учредили клуб… — В письме к графу Оррери от 12 июня 1712 г. Сент-Джон рассказывает, что учреждает клуб, который будет состоять из людей «остроумных и ученых», а также обладающих «властью и влиянием» и еще других, «которых по тем или иным случайным причинам уместно будет допустить» (Letters. London, 1798. I, 150, 171). Далее в «Дневнике» Свифт часто упоминает этот клуб, называя его «наше Общество».

542

Ридинг. — По-видимому, речь идет о Дэниеле Ридинге, члене ирландского парламента, состоявшем в дружеских отношениях с покойным сэром Уильямом Темплом, поэтому Свифт его знал.

543

…сместить… Конгрива… — Драматург при вигах получил несколько синекур: в одном из ведомств казначейства, на таможне, был одним из комиссионеров, ведавших наемными каретами, а также по винным откупам и боялся потерять их при новом правительстве. Позднее, в стихах «Сатира на доктора Дилени» (1730), размышляя, в частности, о Конгриве, Свифт с горечью писал о покровительстве, оказываемом вельможами литераторам за поддержку их партийных интересов (Poems, 481).

544

…изложить свои предложения… в виде письма… — Речь идет о письме «Предложение касательно исправления, усовершенствования и закрепления английского языка в виде письма к достопочтенному Роберту, графу Оксфорду и Мортимеру, лорду-казначею Великобритании», которое было опубликовано 12 мая 1712 г. (см. в кн.: Свифт Дж. Памфлеты, 69).

545

Гастрел Фрэнсис (1662—1725). — Был капелланом Гарли, когда тот исполнял обязанности спикера палаты общин, затем стал каноником Крайстчерч в Оксфорде, а с 1714 г. епископом Честерским.

546

…*возвратившийся из Дании…* — Амброз Филипс состоял там с января 1709 г. секретарем при английском после.

547

Шомберг Фридерика и Мери — дочери герцога Шомберга.

548

Миссис Тейлор. — Возможно, жена дублинского пивовара.

549

…и мне уже об этом говорили. — Свифт намекает на возможность мести ему со стороны политических противников.

550

…получил письмо от епископа… — То есть от своего брата — епископа Клогерского.

551

Леди Линден — вдова судьи Джона Линдена, служившего в суде королевской скамьи в Дублине.

552

Когилл Мармадюк (ум. 1739) — судья. Дин Свифт в примечании к этому месту рассказывает, что Когилл ухаживал за некоей дамой и собирался уже на ней жениться, но в это время ему довелось рассматривать в суде дело одного человека, избивавшего свою жену. Когилл будто бы в своем решении сказал, что избивать жену немилосердно нельзя, однако муж имеет все же право делать ей умеренное внушение, пользуясь небольшой палкой или хлыстом, как поступал подсудимый. Узнав о таком высказывании Когилла, его дама отвергла его домогательства, и он остался холостяком.

553

…за гонения, коим она подвергалась… — После опубликования «Новой Атлантиды» виги подвергли миссис Мэнли недолгому аресту; в это время она была издателем оставленного Свифтом «Экзаминера».

554

Белэзис Генри (ум. 1717) — генерал-лейтенант; участвовал в операциях английских войск в Испании, член парламента, а с 1713 г. губернатор Бервика.

555

…простился с Челси… — Начиная с этого дня Свифт не раз жалуется на то, что принужден будет провести лето в Лондоне, а если и будет отлучаться, то ненадолго, когда сумеет выкроить время, он чаще встречается с Болинброком, с которым у него какие-то дела (как раз в это время секретные переговоры с французами о мире перешли в руки Болинброка); Свифт то и дело сопровождает его в Виндзор, где живет с ним в одном доме, а 3 августа едет с ним в поместье Болинброка — Баклбери; Свифт досадует, если очередная встреча с секретарем почему-либо не состоялась, — все эти детали позволяют почти с уверенностью утверждать, что именно в это время — в июле 1711 г. он начал работу над памфлетом «Поведение союзников», о чем он сообщил своим корреспонденткам лишь несколько месяцев спустя, завершив памфлет.

556

Пауэл Джон (ум. 1713) — судья королевской скамьи, барон казначейства.

557

Тиздал. — Возможно, речь идет о Ричарде Тиздале (ум. 1742), регистраторе ирландского совестного суда.

558

…своеобычного в …языке. — В Уэксфорде проживало много выходцев из Уэллса, а в южной части этой округи и в XVIII в. говорили на английском языке времен Чосера.

559

…Мэнли, который должен мне привезти ящик с книгами… — Здесь явная обмолвка Свифта; в дальнейших записях упоминается, что эти книги послал ему из Гамбурга Стрэтфорд, который действительно приехал оттуда; да и в этой записи в следующей фразе говорится о том, что Свифт виделся в Сити со Стрэтфордом.

560

…декана Кентербери. — Имеется в виду доктор Джордж Стэнхоп (1660—1728), известный проповедник; переводил Марка Аврелия и других античных авторов; Молль Стэнхоп — его дочь.

561

…новости… о миссис Ф… — Поскольку далее идет речь о каких-то вещах, будто бы оставленных матерью Свифта, незадолго перед тем умершей, то, по-видимому, он пишет здесь о своей сестре — миссис Фентон.

562

…*этот негодяй…* — Возможно, муж сестры Свифта, Фентон, которого Свифт не выносил.

563

…потратив четырнадцать лет… — На самом деле Свифт, судя по всему, знал Стеллу с 1689 г., когда он весной впервые приехал к Темплу, то есть уже 22 года.

564

Миллз Томас (1671—1740) — епископ Уотерфордский; Свифт питал к нему неприязнь.

565

Герцог Ньюкасл — Джон Голлс (1662—1711); с 1705 г. занимал пост хранителя малой, или королевской, печати; его единственная дочь стала потом женой Эдуарда Гарли — сына графа Оксфорда.

566

Лорд Форбис Александр (1678—1762); дважды в 1715 и 1745 гг. принимал участие в восстаниях, направленных на возвращение Стюартов, и после их поражения подолгу жил в изгнании.

567

Помощник господина секретаря… — Томас Гейр.

568

Оба Джекоба… — Джекоб Тонсон старший (ум. 1737) — один из главных книгоиздателей того времени, публиковавший произведения Драйдена и пр., передавший в 1720 г. свое дело племяннику — Джекобу Тонсону младшему.

569

…*еще одному типографу*. — Джону Барберу.

570

…с предложением пятидесяти фунтов… — От кого исходило это предложение — неизвестно, во всяком случае, едва ли от Оксфорда, с которым у Свифта уже была размолвка по такому же поводу (см. письмо XV, запись от 7 февраля).

571

Герцог Гамильтон — Джеймс Дуглас (1658—1712); один из 16 шотландских пэров, входивших в состав палаты лордов; впоследствии Свифт охарактеризовал его, как «достойного, добронравного человека и к тому же весьма великодушного, хотя наделенного средним разумением» (Prose works, X, 286).

572

…как йэху… — Первое упоминание Свифтом этого слова, которым впоследствии в IV книге «Путешествий Гулливера» были названы оскотинившиеся люди, злобные дикари, что в данном случае красноречиво свидетельствует об истинном отношении Свифта к английской королеве.

573

Немврод — библейский охотник, силач, потомок Ноя (Книга Бытия, X, 8—9).

574

Итон — город на берегу Темзы, в котором находился старинный аристократический колледж, основанный в XV в.

575

…*разрешение на оленя.* — То есть право убить на охоте одного оленя.

576

Герцогиня Шрусбери — Аделаида Палеотти (ум. 1726); итальянка, родом из Болоньи; ее брат Ферранте был повешен в 1718 г. в Тайберне за убийство своего слуги.

577

Билли Свифт — Уильям Свифт (1687 — август 1711), двоюродный брат писателя, сын его дяди по отцу Уильяма Свифта, закончил Тринити-колледж.

578

Джек Ньюбери. — Жена Сент-Джона была из рода Уинчкомбов, и один из ее предков Джон Уинчкомб (ум. 1520) — преуспевающий ремесленник ткач, которого звали Джек из Ньюбери, согласно легенде, пришел будто бы вместе со своими подмастерьями на помощь самому королю в битве при Флоддене, за что был удостоен дворянства. Эту легенду положил в основу своей повести «Джек из Ньюбери» (1597) Томас Делоней (1543—1600).

579

…*к вице-камергеру*… — Томасу Коку, члену парламента.

580

Маргарита — Франческа Маргарита де л'Эпине (ум. 1746); популярная певица, итальянка, приехавшая в Англию в 1692 г., где она пела в итальянских операх; ушла со сцены в 1718 г.; ее сестра Мария Галлия приехала в 1703 г., но не пользовалась таким успехом.

581

Скарборо Чарлз — один из служителей гофмаршальской конторы.

582

…его красавица жена… — Томас Кок был женат на мисс Гэйл, одной из фрейлин двора.

583

Леди Сандерленд — Анна Черчилл (ум. 1716), вторая дочь герцога Мальборо; ее брак с Чарлзом Спенсером графом Сандерлендом содействовал сближению Мальборо с вигами.

584

Мисс Форстер Мери (ум. 1734); в 13-летнем возрасте была выдана своим отцом замуж за сэра Джорджа Даунинга, которому было 15 лет и опекуном которого ее отец являлся; однако несколько лет спустя, возвратясь из-за границы, Даунинг отказался признать свою жену и тогда она подала прошение о расторжении брака.

585

…знаменитых скачек… — В Эскоте; именно в XVII — начале XVIII вв. скачки становятся любимым спортом в Англии; бега поощрял Иаков I, Карл II был постоянным их посетителем в Ньюмаркете, а королева Анна вручала победителям королевские кубки и сама держала скаковых лошадей.

586

…была одета по-мужски. — В это время прогулки верхом вошли в моду среди женщин, о чем свидетельствует, например, № 331 «Спектэйтора» от 20 марта 1712 г.

587

Герцогиня Монтегю — леди Мери Черчилл, младшая дочь герцога Мальборо, была замужем за герцогом Монтегю.

588

Адамс Джон (1662—1720) — священник, пользовался расположением королевы, с 1712 г. ректор королевского колледжа.

589

Лорд Уиллоуби из Брука — Джордж Верни (1674—1728); с 1714 г. декан в Виндзоре и архивариус ордена Подвязки.

590

Саттон Ричард (ум. 1737) — бригадный генерал, участвовал в боях во Фландрии под началом Вильгельма III и Мальборо.

591

Герцог Сомерсет — Чарлз Сеймур (1662—1748); будучи вигом, вступил, тем не менее, в союз с Гарли, содействуя его интригам против Годольфина и Мальборо, приведшим к падению кабинета вигов; однако его новые друзья и, в частности, Сент-Джон ему не доверяли; постепенно между ними разгорелась вражда, усугублявшаяся интригами жены Сомерсета, которая пользовалась тогда расположением королевы.

592

…я не был бы таким хорошим ходатаем. — Справедливости ради, надо сказать, что Кинг в этом письме настаивал, чтобы лорд-казначей в своем ответе епископам упомянул об участии в этом деле Свифта (Corresp., I, 241—242).

593

…старшая дочь достигла совершеннолетия… — Свифт ошибается, как, впрочем, и в тех случаях, когда он пишет о возрасте Стеллы; Эстер Ваномри родилась в конце 1687 г. или начале 1688 г.; ее поездка в Ирландию в это время не состоялась; это третье и последнее упоминание Ванессы в «Дневнике».

594

…ее кончина была бы ужасным несчастьем. — Свифт имеет здесь в виду влияние леди Мэшем на королеву, очень важное для кабинета Гарли; в письме к архиепископу Кингу от 21 августа он тоже пишет: «Я молю господа сохранить ей жизнь, поскольку это чрезвычайно важно» (Corresp., I, 247).

595

…пообедал у Понтэка… — Имеется в виду ресторатор, чья таверна славилась хорошим вином; члены Королевского общества неизменно встречались там до 1746 г.

596

…дворца в Блейхейме… — Речь идет о поместье, расположенном примерно в 20 км к северо-западу от Оксфорда, которое, как и строившийся там дворец, было подарком королевы и парламента герцогу Мальборо за победу, одержанную им под Бленхеймом в 1704 г.

597

…*прорыв французской обороны.* — 4—5 августа 1711 г. Мальборо прорвал воздвигнутую французским полководцем Вилларом линию укреплений, протянувшуюся от Арраса к Валансьену, и довольно хвастливо названную им «Nec plus ultra», то есть «непреодолимой» (лат.).

598

Тэрнхем-Грин — местность в нескольких милях от Лондона по дороге в Виндзор.

599

…мимо кондитерской Уайта… — Кондитерская, расположенная на Сент-Джеймс-стрит, называлась так по имени открывшего ее в 1693 г. владельца Фрэнсиса Уайта (ум. 1711 г.) и была излюбленным местом встреч светских хлыщей и модников.

600

…поехал в Грэндж… — Хенли и Пулит были женаты на сестрах; поместье Хенли Грэндж находилось в Гэмпшире.

601

Граф Дэнби — Уильям Генри Осборн (1690—1711); его младший брат Перегрин Гайд Осборн женился 12 декабря 1712 г. на дочери лорда Оксфорда Елизавете (см. запись в «Дневнике» за этот день).

602

Трик-трак — старинная французская игра, состоявшая в передвижении шашек по размеченной клетками доске в зависимости от количества очков, выпавших на подбрасываемых в стаканчике костях.

603

…с ноября… — Судя по шести сохранившимся книгам, в которые Свифт вносил даже самые малые свои расходы, финансовый год он начинал с 1 ноября.

604

…ничего об этом не известно. — Еще с августа 1710 г. Гарли через графа Джерси использовал французского священника аббата Готье, жившего несколько лет в Лондоне, для выяснения условий мира с министром иностранных дел Франции маркизом де Торси, а с марта 1711 г. после ранения Гарли Гискаром в эти секретные переговоры был посвящен Сент-Джон, который с этого времени возглавил подготовку Утрехтского мира и послал с этой целью в июле в Париж поэта и дипломата Мэтью Прайора; в августе Прайор возвратился в Лондон в сопровождении Готье и Менаже.

605

…выражено неодобрение некоторых принципов… — Палата лордов ирландского парламента придерживалась крайне торийских взглядов, что нашло отражение в принятом ею адресе королеве, который был расценен палатой общин, как попытка бросить тень на «славные революционные принципы» 1689 г.; адрес, направленный палатой общин, носил резко полемический характер, что вызвало в Лондоне раздражение торийского кабинета и его приверженцев, в том числе Свифта, выражавшего мнение, что непокорную палату общин следует распустить и назначить новые выборы.

606

…ответ на письмо к семи лордам, допрашивавшим Грэга… — Уильям Грэг служил клерком в канцелярии Гарли в бытность его государственным секретарем в кабинете вигов; в 1707 г. Грэг был изобличен в тайных сношениях с военным министром Франции, в чем сознался и был осужден. В связи с этим палата лордов назначила семь пэров и в том числе Сомерса, Уортона, Галифакса и Сомерсета провести дальнейшее расследование, при котором они пытались доказать, что в этом был замешан и Гарли, на чьей непричастности все время настаивал Грэг. Такое поведение пэров-вигов было осуждено в памфлете Фрэнсиса Гофмана «Тайные происки» (1711), но вскоре появился защищавший их ответный памфлет «Письмо к семи лордам комитета, назначенного расследовать дело Грэга» (июль 1711), и тогда в полемику вступил Свифт, опубликовавший в августе памфлет «Несколько замечаний касательно памфлета под названием „Письмо…“»

607

Трэп. — посредственный рифмоплет и памфлетист торийского толка, числился профессором поэзии в Оксфорде.

608

Миссис Парнел — жена поэта и архидиакона Клогерского Томаса Парнела (1679—1718).

609

…вдали от… своих невесток. — То есть жен его братьев — Томаса Эша и епископа Клогерского.

610

Неужто епископ Лондонский… преставился… — Свифт разыгрывает своих корреспонденток: он знал, что Генри Комптон, возглавлявший этот епископат, уже выздоровел; епископ умер два года спустя.

611

Лорд Джерси — Эдуард Вильерс (р. 1656), брат Элизабет Вильерс, любовницы Вильгельма III и впоследствии графини Оркни; в числе прочих должностей занимал одно время пост государственного секретаря и лорда-камергера; в 1704 г. был смещен, но перед смертью его прочили на должность хранителя королевской печати.

612

Робинсон Джон (1650—1723); с 1680 г. в течение 25 лет был капелланом английского посольства в Швеции, с 1710 г. епископ Бристольский, с 1711 г. — хранитель королевской печати, позднее — главный полномочный представитель Англии на мирных переговорах в Утрехте; последний представитель духовенства, занимавший в Англии одновременно и дипломатическую, светскую государственную должность; при вигах эта практика была прекращена.

613

Граф Марр — Джон Эрскин (1675—1732); был впоследствии осужден за государственную измену в связи с участием в восстании 1715 г.

614

Граф Киннол — Томас Гэй (1660—1719); один из шотландских пэров, заседавших в палате лордов; был заподозрен в поддержке восстания 1715 г. и заточен в Эдинбургский замок; граф Марр был женат на его дочери.

615

…на нее клюнут. — Когда Прайор в сопровождении двух французов — аббата Готье и Менаже — возвращался после своих тайных переговоров из Франции, таможенный английский чиновник, которому они внушили подозрения, задержал всех троих, решив, что они шпионы; чтобы вызволить их, понадобилось распоряжение Сент-Джона; об этом узнали за границей и, в частности, ничего не ведавшие о переговорах союзники Англии, что поставило кабинет министров в затруднительное положение, и тогда Свифт решил сочинить выдуманный отчет об этом событии, чтобы выручить своих покровителей.

616

…об осаде Бушена. — В начале августа войска герцога Мальборо, прорвав французскую линию обороны, осадили Аррас и Бушен и достигли Валансьена; Свифт упоминает об этом прорыве в записи от 20 августа.

617

Джонсон Генри — богатый судовладелец.

618

…лежит на соломе. — Выражение to be in the straw произошло от старинного обычая класть солому перед домом, в котором находится роженица, чтобы уменьшить уличный шум.

619

7. — Свифт забыл сделать запись от 6 сентября.

620

…декан Рочестера… — Сэмюэл Пратт (1659? —1723). До того был наставником сына принцессы Анны — герцога Глостера.

621

Хилл Алиса (1685—1762) — младшая сестра Эбигейл Хилл, леди Мэшем; по протекции герцогини Мальборо получила сначала должность прачки при малолетнем герцоге Глостере, а потом стала камеристкой королевы Анны.

622

…Айниш-Кортси и река Слейни… — Свифт посмеивается над этими названиями, потому что считает их неудобопроизносимыми; Эннискорти — городок в графстве Уэксфорд, который стоит на реке Слени, впадающей в Уэксфордский залив.

623

…*чрезвычайно похож.* — Эта фраза, как указывает в своих комментариях Дин Свифт, написана странными бесформенными буквами с наклоном вправо, как бы передразнивая почерк Стеллы.

624

Элвуд Джон — член совета Тринити-колледжа в Дублине, который он представлял в ирландском парламенте; слыл эпикурейцем.

625

Епископ Рэфуский — Джон Пули (1645—1712).

626

…*косолапые закорючки.* — Эти слова и последующие две буквы SS, как пишет Дин Свифт, в оригинале напоминают каракули.

627

…отчет о поездке Прайора… — «Новое путешествие в Париж, сопровождавшееся неким тайным договором между фр[анцузски

628

ороле

629

ийским

630

Балдерик. — Возможно, что это название — искаженное прочтение Дином Свифтом Баллигала в приходе Финглас, где жил Томас Эш, брат Дилли.

631

Граф Джерси (1682—1721) — член парламента, придерживался резко якобитских взглядов, за что был в 1716 г. удостоен почетных титулов старым претендентом.

632

…*старые знакомства.* — Свифт, судя по всему, знал обоих в бытность свою в Мур-Парке, где Килли (возможно, искаженное имя Килей) был лекарем сэра Уильяма Темпла, а Джон Ловет, теперь один из привратников при дворе, исполнял обязанности камердинера.

633

Миссис Брэдли. — Находилась в услужении у леди Джиффард, как и ее дочь, упоминающаяся далее в «Дневнике» в записи от 1 июля 1712 г.

634

Лорд Рэнла — Ричард Джонс (1641? —1712); занимал ряд высших должностей в казначействе Ирландии, был впоследствии обвинен в растрате, однако избежал судебного преследования; в письме к архиепископу Кингу от 8 января 1712 г. Свифт описывает его смерть в нищете (Corresp., I, 285). На месте его имения в Челси возникли очень популярные среди лондонцев Сады Рэнла.

635

Годфри Чарлз (ум. 1714) — полковник, был женат на Арабелле Черчилл — сестре герцога Мальборо, в молодые годы возлюбленной герцога Йорка, впоследствии Иакова II, от которого у нее родились две дочери и два сына, и в их числе герцог Бервик; благодаря Мальборо Годфри стал чиновником придворной конторы и хранителем бриллиантов короны.

636

…*на столько же пенсов.* — То есть на 34 пенса.

637

…на побережье не были… — О чем здесь идет речь, не ясно.

638

Какого дьявола она согласилась! …Мне жаль бедняжку Дженни… — Сначала речь идет о матери Стеллы, а затем о сестре Свифта — миссис Фентон.

639

Миссис Саут. — Ее муж умер незадолго перед тем; из писем Свифта видно, что два года спустя он все еще хлопотал о пенсии для нее. Автором цитируемого далее письма был архидиакон Уоллс, как это видно из последующей записи «Дневника» от 30 ноября 1711 г., незадолго перед тем побывавший в Англии и теперь рассказывающий о своих лондонских впечатлениях.

640

Герцог Болтон — Чарлз Полит (1661—1722); с 1717 по 1719 годы был лордом-лейтенантом Ирландии; Свифт характеризовал его словами: «превеликий олух» (Prose works, X, 274).

641

Коннахт — провинция в северной Ирландии.

642

ужинал с… двумя тайными послами из Франции и французским священником. — Менаже и аббатом дю Буа, а также священником Готье. Накануне, 27 сентября Менаже от имени Людовика XIV, а Сент-Джон и Дартмут от имени королевы Анны подписали предварительные пункты мирного договора, а 29 сентября Менаже и Готье получили тайную аудиенцию у Анны; какое-нибудь активное участие Свифта в этих переговорах едва ли имело место, и его, видимо, пригласили на эту заключительную встречу с французами, чтобы он был в курсе дела, поскольку Свифт работал в это время над памфлетом «Поведение союзников».

643

Леди Оглторп (ум. 1732) — жена сэра Теофилуса Оглторпа (1650—1702), бригадного генерала; один из их сыновей — Джеймс Эдуард был основателем английской колонии в Джорджии в сев. Америке и другом писателя Сэмюэла Джонсона.

644

Полиньяк Мельхиор де (1661—1741) — аббат, французский дипломат, вел переговоры в Утрехте; с 1713 г. — кардинал.

645

Дю Буа Гийом (1656—1723); впоследствии архиепископ в Камбрэ.

646

Уолтер Джон (1673—1722). — Как и полковник Годфри, был одним из чиновников-распорядителей придворной конторы.

647

Мисс Тачит. — Какая именно из дочерей Мэрвина Тачита, графа Каслхэвена, имеется здесь в виду, не установлено.

648

Мисс Скарборо — дочь Чарлза Скарборо, одиного из служителей гофмаршальской конторы.

649

Джордж Филдинг — конюший королевы, позднее шталмейстер двора.

650

Лонгфилд Роберт (1652—1710); помещик, жил в Килбридже в 4-х милях от Трима.

651

Леди Рочестер — жена лорда Гайда, унаследовавшего в мае 1711 г. титул графа Рочестера.

652

…*всего навсего декан Пьютерборо*. — В оригинале непереводимая игра слов: по-английски «оловянная посуда» (pewter) — «пьютер», отсюда у Свифта «Пьютерборо».

653

…и поля тоже следует заполнять… — Эта запись, как указывает Дин Свифт, действительно была сделана на полях.

654

…отправить три памфлета. — Речь, по-видимому, идет о памфлетах: «Новое путешествие в Париж», «Защита герцога Мальборо» и «Ученый комментарий на безупречную проповедь доктора Гейра».

655

…науськал… одного борзописца… — Миссис Мэнли, написавшую «Защиту герцога Мальборо».

656

…кого кличут скакунами… — Прозвище, которое употребляли в отношении сторонников высокой церкви и тори.

657

У меня… бешеная спешка. — Речь здесь все время идет о работе над «Поведением союзников».

658

…мартин тоже ласточка, как и стриж… — По-английски стриж (swift) — «свифт»; Дин Свифт пишет в своих комментариях, что именно от этого прозвища возникло прозвище Мартин Скриблерус, поскольку «мартин» по-английски тоже означает «стриж». Зимой 1713—1714 гг. Свифт и его друзья — Арбетнот, Поп, Гэй (бывал с ними по временам и Парнел) — образовали «Клуб Мартина Скриблеруса» (Писаки); на этих встречах возник замысел опубликованных впоследствии Попом (в 1741 г.) «Мемуаров Мартина Скриблеруса», самодовольного и туповатого начетчика, а также замысел некоторых глав «Путешествий Гулливера».

659

…стихи, обращенные к Бидди… — То есть к Бидди Флойд (Poems, 117).

660

Коутсворт Калеб (ум. 1741). — Врач, член Королевского общества, накопивший большое состояние.

661

Голден-сквер — в те времена один из фешенебельных районов города, расположенный в западной части Лондона.

662

Буайе Абель (1667—1720) — француз, живший в Англии с 1689 г. и ставший постепенно видным публицистом вигов; с 1711 г. и до смерти издавал ежемесячный бюллетень «Политическое положение Великобритании»; памфлет, о котором говорит Свифт, назывался «Отчет о состоянии и ходе нынешних переговоров о мире». Буайе был действительно задержан, но вскоре по настоянию лорда Оксфорда освобожден.

663

Бриттон Уильям (ум. 1714) — бригадный генерал, а с декабря 1711 г. чрезвычайный посол при прусском короле; отношения жены Бриттона и Сент-Джона служили поводом для скандальных разговоров.

664

…королева посылает его… — На самом деле не нездоровье, а превышение им своих полномочий вынудило кабинет направить Питерборо с миссией в Италию.

665

…*вексель на двести гиней.* — Судя по всему, эти деньги, как и те, что он вложил прежде в акции Английского банка, Свифт вскоре с помощью Стрэтфорда (которому он незадолго перед тем выхлопотал должность одного из управляющих Компании Южных морей) поместил в акции этой компании (см. далее запись от 30 и 31 октября, а также от 12 ноября 1711 г.).

666

…*со всем своим семейством…* — У лорда Пемброка было семь сыновей и пять дочерей от первого брака.

667

…а что это такое — пояс? — Свифт посмеивается над написанием этого слова у Стеллы, хотя именно оно было узаконено последующим английским правописанием.

668

«Прошение миссис Гаррис». — Сочинено Свифтом в 1701 г. (Poems, 68).

669

Кут Томас — судья королевской скамьи в Дублине.

670

Неприятно. — Слова в правой колонке написаны рукой Стеллы, как их следует писать, однако в одном слове — «каляска» — все же допущена ошибка, а слово «поис» написано так по настоянию Свифта.

671

Лорд Каттс Джон (1661—1707); слыл смелым офицером и после осады Намюра (1695) получил прозвище «саламандры» за то, что вел себя бесстрашно под огнем; оскорбительные для него стихи Свифта «Описание Саламандры» были написаны в 1707 г. и напечатаны в «Разных сочинениях» (Poems, 82).

672

…*насчет передника…* — Передники вошли тогда в моду и служили даже деталью нарядного туалета.

673

…граф Галлас …попал в немилость… — Посол австрийского императора в Лондоне открыто присоединился к вигам в их противодействии заключению мира. Сент-Джон послал ему в секретном письме копию документа, который был отправлен в Голландию, а Галлас переслал эту копию в «Ежедневную газету», где ее напечатали; 28 октября ему было объявлено, что королева более не считает его послом, и австрийскому императору была отправлена депеша, в которой просили назначить другого посла.

674

Гэттон Уильям (1690? —1760) — виконт; его сводная сестра была замужем за упоминающимся далее Дэниелом Финчем, графом Ноттингемом.

675

Финч Уильям — сын графа Ноттингема, у которого в браке с сестрой Гэттона родилось тридцать детей.

676

…условился …с типографом… — В записях этих дней под типографом, по-видимому, имеется в виду Морфью, который напечатал «Поведение союзников».

677

Леди Джерси — жена лорда Джерси, дочь коммерсанта из Сити; оба супруга отличались довольно скандальным поведением.

678

…намерены распрощаться с ним… — Первый номер «Спектэйтора» появился 1 марта 1711 г. и до 6 декабря 1712 г. вышло 555 номеров; в 1714 г. Аддисон возобновил издание журнала с 556 номера и до 635 — последнего, вышедшего 20 декабря 1714 г. В январе 1712 г. журнал вышел в двух томах размером в одну восьмую листа и Другим изданием размером в одну двенадцатую.

679

…*прочитать и одобрить их.* — Речь опять-таки идет о «Поведении союзников».

680

«Вот тебе твое…» — Евангелие от Матфея, XXV, 25; Евангелие от Луки, XIX, 20.

681

…*Форд может… сказать…* — Дело в том, что Форд находился в то время в Ирландии, куда он уехал в конце июня.

682

Форбс Томас — священник, имел приход по дороге между Дублином и Тримом, где у него останавливался Свифт, который выхлопотал ему в 1713 г. место капеллана при герцоге Шрусбери, тогда лорде-лейтенанте Ирландии; в 1713—1714 гг. Свифт обращался к нему с рядом поручений.

683

«…и вправду был Джон…» — О чем здесь идет речь, неизвестно.

684

Епископ Клойнский. — Чарлз Кроу (ум. 1726).

685

…патен не щадите… — Патены — обувь на толстой деревянной подошве, которой пользовались тогда, особенно в плохую погоду.

686

…*сочинены одной женщиной.* — Госпожой Мэнли.

687

…в положенный день недели… — Дело в том, что XXX письмо заключало описание не 14 дней, как Свифт положил себе за правило, а 17, а это — XXXIII — письмо заключало описание 11 дней, и, таким образом, восстанавливало нарушенный порядок.

688

Граф Поншартрен Луи Филипп (1643—1727) — канцлер Франции с 1699 г., оказывал покровительство ученым и писателям.

689

Фонтенель Бернар ле Бовье (1657—1757) — французский писатель, автор научно-популярных трактатов, литературно-критических трудов, трагедий и пр., с 1697 г. секретарь Академии, которую после смерти в 1711 г. Буало он фактически возглавлял; его «Разговоры мертвых» начали выходить с 1683 г., и в библиотеке Свифта имелось несколько экземпляров этой книги.

690

…пятое ноября, папизм и порох. — В день 5 ноября, по традиции в память раскрытого в 1603 г. прокатолического заговора, во время которого был предотвращен взрыв бочек с порохом, подложенных в подвале Вестминстера, устраивалось шествие; в нем принимали участие цеха ремесленников, и, в частности, цех мясников, которые шли в фартуках со знаменем цеха, размахивая своими ножами. Они несли чучела папы, сатаны и Гая Фокса, одного из участников заговора, который должен был поджечь бочки. В конце празднества все эти чучела под рев толпы бросали в костер. Виги старались придать этому празднеству антиторийский характер, поскольку среди тори было немало скрытых сторонников католицизма и изгнанных Стюартов.

691

Мюррэй. — О ком здесь идет речь, не установлено.

692

…*ваш ректор…* — Бенджамин Пратт.

693

…«Проповедь» Тома Свифта… — (ум. 1752) — кузен Свифта, священник, учился одновременно со Свифтом в школе в Килкени и в Тринити-колледже; в 1694—1696 гг. во время отсутствия Свифта Томас, по-видимому, выполнял обязанности капеллана и секретаря сэра Уильяма Темпла в Мур-Парке; ему приписывали авторство «Сказки бочки», что чрезвычайно раздражало Свифта; кроме того, он опубликовал в 1710 г. проповедь, которой предпослал нелепое посвящение Гарли — это обстоятельство и послужило поводом для частых подшучиваний Гарли.

694

…приятель лорда Голвэя… — приятель лорда — возможно, Абель Буайе; книга называлась «Беспристрастное расследование войны в Испании».

695

…состоялось бракосочетание лорда Гарли… — Брак единственного сына лорда Оксфорда Эдуарда лорда Гарли и дочери герцога Ньюкасла Генриетты состоялся лишь 31 октября 1713 г. Много лет спустя Болинброк иронически отозвался об этом событии в одном из своих писем к Свифту, как о великом итоге правления Оксфорда; по случаю этого брака Свифт адресовал лорду Гарли стихи (Poems, 176).

696

…герцог назначил …наследником сына лорда Пэлхема… — Лорд Пэлхем был женат на, сестре герцога Ньюкасла и потому последний завещал большую часть своего состояния их сыну Томасу, унаследовавшему и титул герцога Ньюкасла.

697

…*вдовствующая герцогиня*… — Маргарет, вдова Ньюкасла.

698

Хиггинс Фрэнсис (1669—1728) — фанатичный сторонник высокой церкви, против которого еще при вигах дважды возбуждалось судебное преследование за мятежные проповеди и оскорбление государственного секретаря лорда Сандерленда; теперь, даже при тори, суд в Ирландии объявил его «возмутителем спокойствия ее величества королевы».

699

…пожить в каменном карьере… — Возможно, что Свифт имеет в виду такой карьер в Кенсингтоне, где поселялись в лечебных целях.

700

…юбки на китовом усе? — Юбки на фижмах стали входить в моду в 1708 г.

701

Фроуд Филипп. — Занимал в прошлом должность главного почтмейстера Ирландии, его поместье было продано два года спустя Алану Бродрику, хотя Свифт посредничал, желая, чтобы оно досталось миссис Мэшем.

702

Чайлд — стряпчий из Фарнхема, где жили сестра Свифта и мать Стеллы.

703

Фелтон Джон — пуританин, убил фаворита Карла I герцога Бакингема (1592—1628), который вызвал против себя возмущение действиями, противоречившими интересам страны.

704

…другие бесчинства. — Тори утверждали, будто бы виги попытались воспользоваться традиционным шествием лондонских ремесленников в день рождения королевы Елизаветы I, чтобы придать ему политический характер и подстрекнуть их к мятежу против тори. Свифт, хотя и не очень был в этом убежден, как это видно далее из «Дневника», поручил, однако же, миссис Мэнли написать памфлет «Правдивый рассказ о некоторых фактах и обстоятельствах, замышлявшихся беспорядков и мятежа в день рождения королевы Елизаветы» (опубликован 29 ноября) и подсказал ей кое-какие соображения. В памфлете говорилось, что восковые фигуры изображали лорда Оксфорда и леди Мэшем, что «Спектэйтор», то есть Стиль, должен был оказать этому содействие, что хотели воспользоваться приездом Мальборо, чтобы подстегнуть недовольную его опалой толпу и т.д. Сам Свифт никакого портретного сходства в этих фигурах не обнаружил.

705

…не бываю… в… кофейне. — Газеты и журналы можно было прочитать в любой кофейне, а в самых популярных стояли даже почтовые ящики, в которые можно было бросить письмо, адресованное «Спектэйтору», например.

706

…он был занят с голландским послом… — Де Бюисом, пенсионарием Амстердама, прибывшим в Лондон вследствие распространившихся слухов о тайных переговорах между Англией и Францией; позднее Де Бюис был главным представителем Голландии на переговорах в Утрехте.

707

Герцогиня Гамильтон Елизавета (ум. 1744) — вторая жена герцога Гамильтона.

708

…я… закончил памфлет… — «Поведение союзников».

709

…должен дописать одну балладу. — О какой балладе здесь идет речь, неизвестно; четыре баллады, написанные Свифтом в конце 1711 — начале 1712 г. см. в Poems, 141 и далее.

710

Мери Дадли — жена сэра Мэтью Дадли.

711

Сент-Леджер Джон (1674—1743); был удостоен рыцарского звания при Вильгельме III, а при Георге I назначен вторым бароном ирландского казначейства.

712

…относительно эпиграфов… — Памфлет «Поведение союзников» открывается тремя эпиграфами из произведений римских писателей: из поэмы Лукана «Фарсалия» (V, 264 sqq), поэмы Овидия «Искусство любви» (II, 147) и из сатиры Ювенала (I, 50); какой из них был предложен Оксфордом — неизвестно.

713

…*двумя Созиями.* — Имеются в виду персонажи комедии Плавта и Мольера «Амфитрион», а также Драйдена «Амфитрион, или Два Созия», которые отличались необычайным сходством.

714

Сэведж. — По-видимому, имеется в виду преподобный Джон Сэведж (ум. 1747), который учился в Кембридже, в том же колледже, что и Темпл, опубликовал в числе прочего сборник проповедей и путешествовал по Европе и, в частности, по Италии.

715

Батхерст Аллен (1685—1775) — тори, член парламента; сохранял дружеские отношения со Свифтом и с Попом до конца их дней.

716

Лорд Сэнтри Генри (1680—1735) — ревностный виг, один из главных гонителей Хиггинса, дело которого Свифт имеет здесь в виду.

717

Ньюбери. — О ком здесь идет речь, не установлено; возможно, упоминающийся в записи от 5 марта 1711—1712 г. полковник Ньюбери.

718

…чем переслать… посылку… — Свифт имеет в виду отправленную им посылку; здесь непереводимая игра слов, потому что слова — «дело» и «ящик» по-английски обозначаются одним и тем же словом case.

719

…*из письма — а…* — Речь идет о письме Уоллса, над которым Свифт потешался в записи от 25 сентября 1711 г.

720

…Прайор… не будет назначен полномочным послом. — Лорд Страффорд решительно воспротивился тому, чтобы Прайор, человек незнатного происхождения, был его коллегой на переговорах, и кабинет министров был вынужден ему уступить.

721

…Фроуд …не рискует выходить из дома. — Как несостоятельный должник; арестовать его дома не дозволялось законом, поэтому должник остерегался выходить на улицу.

722

…его напечатают и в Ирландии. — Там разошлось три издания памфлета.

723

Преттимен Джордж (1638—1715) — баронет, впавший в нищету и побиравшийся в Лондоне.

724

Meристон. — Кто здесь имеется в виду, не установлено.

725

Миссис Уайт — одна из обитательниц деревушки Фарнхем.

726

Миссис Персивал (ум. 1718). — жена Джона Персивала.

727

Посол ганноверского курфюрста — Иоганн Каспар фон Ботмер (1656—1732); решив, что мирные переговоры с Францией представляют угрозу для наследования его повелителем английского престола, представил резкий протест против предварительных условий мирного договора.

728

Лорд Ноттингем — Дэниел Финч (1647—1730); слыл стойким тори, однако накануне открытия парламента стало известно, что он стакнулся с вигами, пообещав вместе с ними противодействовать мирному договору в обмен на их поддержку его «Билля касательно временного принятия англиканства».

729

«Английский Катилина» — памфлет назывался «Панегирик английскому Катилине».

730

Граф Линдсей — Роберт Берти (1660—1723); по поводу характеристики Линдсея в книге Макки как человека одновременно умного и образованного, Свифт обронил одну только фразу: «Никогда не замечал ни того, ни другого» (Prose works, X, 279).

731

…обеих его дочерей… — И леди Сандерленд и вторая дочь герцога Генриетта, которая была замужем за сыном графа Годольфина (глава кабинета министров вигов) Фрэнсисом, унаследовавшим титул отца, являлись камер-фрейлинами королевы.

732

Лорд Чомли — Хью Чолмондли (1662—1725); занимал до 1713 г. пост казначея двора, после чего был отстранен, но с 1714 г. вновь восстановлен в этой должности. «Насколько я знаю, совершенно никчемный малый» — таково было мнение о нем Свифта (Prose works, X, 286).

733

…*«сердце царей неисследимо»*. — Книга притчей Соломоновых, XXV, 3.

734

…лорд главный судья… — Томас Паркер (1663—1732); виг, один из ревностных обвинителей Сэчверела; на предложение Оксфорда принять пост лорда-канцлера ответил отказом, однако принял этот пост при Георге I, но уличенный в 1725 г. в торговле должностями, ушел в отставку.

735

принц Евгений… не приедет. — Новый австрийский император Карл VI, желая предупредить заключение мира без присоединения Испании, решил послать в Англию с визитом прославленного полководца и друга герцога Мальборо принца Евгения Савойского, однако тот приехал лишь 6 января 1712 г. и был уже не в силах как-либо повлиять на английскую политику.

736

Гофман Иоган Филипп — резидент австрийского императора в Англии.

737

…я задумал …небольшую вещицу… — Возможно, «Виндзорское пророчество» (Poems, 145—146), заключавшее ожесточенные нападки на герцогиню Сомерсет.

738

Вышла речь лорда Ноттингема… — «Предполагаемая речь знаменитого витии», сочиненная Свифтом (см. запись от 5 декабря, а также Poems, 141).

739

Уолпол Роберт (1676—1745); в кабинете Годольфина занимал пост военного министра, а с января 1710 г. был казначеем адмиралтейства; возглавлял оппозицию в палате общин; крайне неразборчивый в средствах, он особенно преуспел при Ганноверах, с приходом которых возглавил комиссию по расследованию деятельности Оксфорда, Болинброка и Ормонда и добился их осуждения; впоследствии много лет возглавлял кабинет министров.

740

Кинг Уильям (1663—1712); окончил Крайстчерч-колледж в Оксфорде; юрист, состоявший одно время в должности судьи при суде ирландского адмиралтейства; автор многих юмористических и сатирических стихов, некоторые из них приписывали Свифту.

741

«Под соломенной крышей» — модная в те времена кофейня, находившаяся на Сент-Джеймс-стрит.

742

…*леди* — … — Возможно, леди Пемброк, поскольку в записи от 14 октября говорится, что она собирается рожать.

743

…*видного пастора из пресвитериан…* — Джон Шоуэр (1657—1715); существует мнение, будто иронический ответ ему был на самом деле сочинен Свифтом.

744

…три решения касательно мирного договора… — В своем адресе королеве палата лордов просила ее обязать своих уполномоченных на переговорах больше консультироваться с союзниками и действовать с ними заодно.

745

«Мерлин». — Свифт имеет в виду свои стихи «Прославленное предсказание Мерлина», напечатанные впервые в 1709 г. (Famous prediction of Merlin, the British wizard; Poems, 101—105).

746

…*поместили сообщение*… — Оно действительно было напечатано в этой газете 27 декабря.

747

…*приостановить работу*. — На самом деле стихи были еще дважды перепечатаны в виде плакатов.

748

…оправдаться передо мной. — Устойчивость политических взглядов Кута не внушала доверия и он опасался поэтому потерять свое место в суде.

749

Итого, ровно 8… — Читателя не должен удивлять такой странный подсчет: Свифт намеренно, в виде дружеского жеста, не вычитает накладные расходы из причитающейся Дингли суммы. Высказывалось даже мнение, что он вообще платил эти деньги из своего кармана, хотя уверял Дингли, что получил их в казначействе.

750

Трое из новых лордов… — На самом деле четверо, потому что кроме Мэшема, Батхерста и Лэнсдауна бароном стал и зять Оксфорда — Даплин.

751

Леди Берлингтон Джулиана (1672—1750) — смотрительница королевского гардероба.

752

Виндзор Томас (1670—1738). — Был еще с 1699 г. пэром Ирландии, а теперь стал бароном Маунтджоем острова Уайт.

753

Мальборо смещен со всех своих постов. — Об этом, как и о назначении 12 новых пэров, было официально объявлено в «Лондонской газете» 31 декабря; виги были в ярости, но бессильны перед лицом почти всеобщего желания положить конец войне.

754

Лорд Лэнсдаун — Джордж Грэнвил.

755

…отдал… балладу… — Речь почти наверняка идет здесь о неоднократно потом перепечатывавшейся в виде листовки «Басне о вдове и ее коте», направленной против герцога Мальборо.

756

Наттэл. — Возможно, Кристофер Наттэл, дед писателя Лоренса Стерна.

757

Лестер-хауз. — Построен в 1630 г., находился на северной стороне нынешнего Лестер-сквера, разрушен в 1790 г.

758

…ни у одного из них не оказалось длинного парика. — Свифт еще раз рассказал этот эпизод в своем «Трактате касательно хороших манер и хорошего воспитания» (Prose works, XI, 82).

759

…я …оплакал свой день рождения… — Свифт родился 30 ноября. Дин Свифт указывает в своем комментарии, что в этот день Свифт обычно читал 3 главу из книги Иова. Да и сам писатель в письме к миссис Уайтвэй от 27 ноября 1738 г. пишет: «Я читал нынче 3 главу из Иова» (Corresp., V, 103).

760

…вы …умеете рифмовать? — Сохранилось единственное стихотворение, написанное будто бы Стеллой ко дню рождения Свифта в 1721 г., то есть десять лет спустя.

761

Джордж Сент-Джордж. — На одной из его дочерей был женат епископ Клогерский, а на другой вскоре женился его брат Дилли Эш (см. запись от 21 марта 1712 г.).

762

…прах. — Хроника «Король Генрих VIII» (III, 2). О знакомстве Свифта с Шекспиром см. H. Williams. Dean Swift's library, p. 74—76, а также примечания в книге переписки Свифта с Фордом, p. 7.

763

…самые беспощадные памфлеты …написаны не мной. — Об отношении Свифта к Мальборо см. Poems, 155.

764

Герцог Дуглас Арчибальд (1694—1761).

765

…стихотворение про обезьян… — О каком стихотворении здесь идет речь, не установлено.

766

…*кроме обоих лекарей…* — Арбетнота и Фрейнда.

767

…канцлера казначейства… — Роберта Бенсона.

768

…насчет возможного ареста типографа… — В связи с опубликованием «Поведения союзников»; этого требовали виги.

769

Стивен Эванс — ювелир, был удостоен рыцарского звания.

770

…шотландские лорды… гневаются… — Палата лордов отказалась направить герцогу Гамильтону, который с 10 сентября стал английским пэром — герцогом Брэндоном, приглашение присутствовать в этом новом качестве на ее заседаниях, хотя он продолжал заседать там, как шотландский пэр.

771

Робинсон Уильям (ум. 1712); был, как и покойный муж миссис Ваномри, в свое время генеральным комиссаром Ирландии.

772

…будет изгнан из парламента… — Уолпол был обвинен в незаконных доходах, полученных при заключении контрактов на поставку фуража, и, хотя очень ловко защищался, был все же признан виновным и просидел в Тауэре до июля.

773

«Письмо Октябрьскому клубу». — См. прим. XVI, 8; полное название «Совет, почтительно предложенный Октябрьскому клубу. В письме знатного лица» (Some advice… to the October Club. Works, VI, 67); целью памфлета было утихомирить крайне торийски настроенных парламентариев, недовольных осторожной политикой кабинета.

774

Герцог Бофорт — Генри Сомерсет (1681—1714); фанатичный тори, племянник герцогини Ормонд.

775

…автор «Экзаминера» арестован… — Номера этого журнала от 10 и 17 февраля отличались особенно суровыми нападками на Мальборо, а после этих слухов нападки стали еще более ожесточенными; журнал издавал в это время Уильям Олдисворт, но имел ли к этому хоть какое-нибудь отношение Свифт, оказать трудно.

776

Броуд Джеймс — судебный исполнитель, упоминающийся в «Тэтлере» № 39.

777

Ялден Томас (1670—1736) — священник, получивший образование в Оксфорде, где он сблизился с Аддисоном и Сэчверелом.

778

Медина Соломон — поставщик хлеба для войск союзников, был удостоен в 1700 г. рыцарского звания. 21 декабря 1711 г. комиссионеры по финансовым отчетам доложили палате общин, что за период с 1702 по 1711 г. Мальборо получил от Медины и его предшественников более 63 000 фунтов. Признав этот факт, герцог, однако, сказал, что продолжал в этом отношении практику своих предшественников и что он будто бы расходовал эти деньги на общественные нужды.

779

…новый памфлет… — «Совет Октябрьскому клубу».

780

Уитерс Генри (ум. 1729); он очень лестно охарактеризован в № 46 «Тэтлера».

781

Дайер Джон — якобит, издававший в течение ряда лет «Письма с новостями» преимущественно сенсационного характера.

782

Асафетида — лекарство, изготовляемое из сока одноименного растения и обладающее резким чесночным запахом.

783

Архиепископ Йоркский — Джон Шарп (1645—1714); Свифт считал, что нежелание королевы согласиться на предоставление ему епископата в Англии было следствием влияния на нее Джона Шарпа, относившегося к нему резко отрицательно.

784

…*типограф…* — Джон Барбер.

785

…*с председателем конвокации…* — Эттербери.

786

…захватили у португальцев город в Бразилии. — 21 сентября 1711 г. французы вступили в Рио де Жанейро.

787

«Волшебные сказки». — Свифт имеет в виду книгу Мари Катрин ле Жюмель де Барневий (1650—1705).

788

Лорд Инчквин — Уильям О'Брайен (1666—1719); в своем памфлете об Уортоне Свифт писал, что последний будто бы торговался с Инчквином, чтобы склонить его занять пост лорда-судьи Ирландии, получая при этом меньшее жалование, чем положено (Prose works, V, 26—27).

789

…с хранителем судебного архива… — Имеется в виду сэр Джон Трэвор (1637—1717); дважды — в 1685 г. и 1690 г. — избирался спикером палаты общин, в 1693 г. был изгнан из парламента за взяточничество, однако оставался хранителем архивов до смерти.

790

Тримнел Чарлз (1663—1723); был в прошлом капелланом графа Сандерленда, и Свифт считал, что политические взгляды Сандерленд перенял от своего наставника (Prose works, X, 27).

791

Билль об отмене «Акта о натурализации протестантов-иностранцев»… — «Акт» был принят при вигах 23 марта 1709 г.; попытка тори отменить его в первый раз (21 января 1711 г.) была отклонена палатой лордов, но год спустя им все же удалось этого добиться.

792

…стихотворная поделка… — «Только кот ушел гулять, мыши вылезли играть. Басня, почтительно посвященная доктору Свифту». — Стихи эти, написанные в защиту герцога Мальборо, были ответом на «Басню о вдове и ее коте» Свифта.

793

…место …далеко от того, чтобы заслуживать порицания… — Дингли имела в виду то место, где Свифт, комментируя взятое на себя голландцами в «Договоре о барьере» обязательство поддерживать и содействовать переходу английской короны к Ганнове-рам, делал из этого вывод, что гарант мог бы в таком случае «лишить нашу собственную законодательную власть возможности изменять престолонаследие, как бы сильно того ни требовали нужды королевства». Такая формулировка могла появиться, возможно, под влиянием Сент-Джона, тайно склонявшегося на сторону Стюартов; во всяком случае, лорд главный судья Паркер заявил, что это место может быть истолковано в изменническом смысле, поэтому в 4 издании памфлета Свифт все же его изменил и сопроводил пояснением (см. Prose works, V, 84, 123).

794

…при обсуждении «Договора о барьере»… — Согласно его условиям, подписанным Голландией и Англией 29 октября 1709 г., голландцам дозволялось держать гарнизоны в городах и крепостях вдоль границы с Францией и в Испанских Нидерландах, за что они, в свою очередь, обязывались оказать вооруженную поддержку ганноверскому престолонаследию.

795

…последний день рождественских праздников… — 2 февраля — Сретение.

796

…я …в качестве ходатая за …мистера Визи… — Ходатайство Свифта оказалось успешным, и палата общин решила дело в его пользу; позднее Визи перешел на сторону вигов и получил от них должность главного чиновника по финансовым отчетам в Ирландии.

797

Леди Бриджуотер — Элизабет Черчилл (ум. 1714), третья дочь герцога Мальборо, которая была замужем за герцогом Бриджуотером.

798

Келсон. — О ком здесь идет речь, не установлено.

799

Ваши опасения… — По-видимому, в связи с допросом в суде типографа относительно автора «Поведения союзников».

800

…где этот ответ был написан? — Что здесь имеется в виду, не установлено.

801

…возвращения из Баллигала… — В конце января Стелла и Дингли гостили у Томаса Эша в его поместье в Баллигале.

802

…прекрасным полом… — Свифт иронизирует над тем, что в очерках «Спектэйтора» постоянно фигурировало выражение «прекрасный пол».

803

…*вовсе не почил…* — Эдуард Фаулер, епископ Глостерский, умер в 1714 г.

804

Генерал Роуз (ум. 1732); в апреле 1712 г. был назначен генерал-лейтенантом кавалерии во Фландрии под началом Ормонда.

805

Маркиз Винчестер — Чарлз Полит (1685—1754), сын герцога Болтона.

806

Тауншенд Чарлз (1674—1738); именно он в качестве уполномоченного кабинета вигов в Гааге подписал в 1709 г. «Договор о барьере».

807

Блис, или Блай младший, Джон (1683—1728) — сын Томаса Блая, впоследствии граф Дарили.

808

…в графстве Мит? — Куда входил приход Свифта — Ларакор, то есть когда он возвратится к исполнению своих обязанностей в приходе.

809

…*«Договора о барьере»*. — Свифт в это время спешно работал над таким памфлетом, который вскоре был напечатан. Его жалобы на то, что лорд-казначей слишком поздно передал ему необходимые бумаги, связаны с этим обстоятельством. Полное название памфлета: «Some remarks on the Barrier Treaty» (См. Prose works, V, 125).

810

…*марам БСС* (в оригинале ppt)… — Этим шифром Свифт обозначал в «Дневнике» Стеллу; он расшифровывается обычно текстологами как начальные буквы слов poor pretty thing, то есть «бедное славное создание» или «бедное милое существо», хотя, возможно, что это — poppet — «крошка», «малышка».

811

…моего юного племянника… — Поскольку Свифт называл лорда Мэшема братом (по Обществу), то его сына он, естественно, называет поэтому племянником.

812

…моя «Басня о Мидасе»… — Как и в «Экзаминере» № 28, он изобличал в ней корыстность герцога Мальборо (Poems, 155).

813

…*нашему приятелю шотландцу*… — По-видимому, доктору Арбетноту.

814

…дофин и его жена преставились… — Дофин умер 13 апреля 1711 г., а здесь речь идет о его сыне и внуке Людовика XIV — Людовике, герцоге Бургундском, умершем через несколько дней после смерти своей жены, дочери герцога Савойского; они оставили после себя двух сыновей, старший из которых умер менее чем через месяц — 8 марта — после этого, пяти лет от роду, и младший, двухлетний и очень болезненный герцог Анжуйский (впоследствии Людовик XV) остался, таким образом, единственным прямым наследником французской короны. Опасались, что в случае смерти и этого ребенка, корона перейдет к Филиппу V, королю Испании, что повлекло бы за собой тяжелые политические осложнения для всей Европы.

815

…с лордом-хранителем королевской печати. — То есть со вторым английским послом на переговорах — епископом Робинсонам.

816

…*симпу*… — письму; Свифт постоянно переиначивал это слове и вместо «letter» писал «rettle».

817

…«Ответа на “Поведение союзников”»… — Свифт имеет в виду написанный капелланом герцога Мальборо доктором Фрэнсисом Гейром памфлет «В защиту союзников и недавнего кабинета министров», предпоследняя часть которого вышла 11 февраля.

818

…тотчас выбросил этот клочок… — Этот клочок сохранился, см. Poems, 140.

819

…«Отчет о положении нации»… — Свифт включил его текст в свою работу «Четыре последних года правления королевы» (Prose works, X, 101—114), не может быть сомнения, что он принял немалое участие в его написании.

820

…*корточлест.* — Если читать через букву, то получится «помог составить порученный ему отчет».

821

…том «Собрания архивных документов Тауэра»… — речь идет о вышедших в 1712 г. XIII и XIV томах.

822

…памфлет о привидении… — Имеется в виду памфлет «История о привидении в Сент-Олбенс, или Призрак Бабы-яги»; вышел 19 февраля и был направлен против герцога и горцогини Мальборо; памфлет приписывали Свифту и Арбетноту, однако с уверенностью утверждать это нет оснований.

823

…*в карнаме*… — в кармане (в ориг. вместо «pocket» — pottick).

824

…*тансназать*… — рассказать; в оригинале вместо conversation — tonvelsesens.

825

…моя тетка? — Элинор — четвертая жена дяди Свифта по отцу — Годвина, которая пережила своего мужа и в 1702 г. вышла вторично замуж.

826

…моего прадеда… — Имеется в виду Уильям Свифт (1566—1624), ректор прихода Сент-Эндрю в Кентербери; был погребен в Кентерберийском соборе.

827

…якорь с обвившимся вокруг него дельфином… — Согласно фрагменту автобиографии Свифта, который приведен в книге Forster John. The Life of J. Swift (London, 1875, p. 6), Уильям Свифт будто бы сменил фамильный герб, предпочтя изображение дельфина (который в те времена обозначался по-английски словом — «свифт»), извивающегося вокруг якоря, и латинский девиз «Festina lente», что означает «Поспешай, не торопясь».

828

…моей прабабки. — Свифт пишет о Мери Филпот из графства Кент; ум. в 1625 г. в возрасте 58 лет и похоронена вместе с мужем.

829

Гиллим Джон (1565—1621) — составитель старейшего английского гербовника, вышедшего в 1610 г. и неоднократно переиздававшегося.

830

Годвин Свифт (1627—1695) — самый старший из шестерых братьев отца Свифта, переселился в Ирландию в 1660 г., помогал Свифту материально, когда тот учился в Тринити-колледже.

831

…с другим гербом… — В переизданном в 1724 г. гербовнике Гиллима герб Годвина Свифта описан так: три зеленых оленя в полный рост на поле из черни, серебра и лазури, разделенном двумя золотыми сходящимися наверху полосами (Guillim J. A Display of Heraldrie, L-n, 1724, p. 158).

832

Долли Мит — Доротея Стопфорд, ее муж граф Мит умер в 1708 г., и в 1716 г. она вышла замуж за генерал-лейтенанта Ричарда Джорджа, оба они умерли в течение 4 дней в апреле 1728 г., по поводу чего Свифт сочинил «Элегию на кончину Дикки и Долли» (Poems. 429, 1074).

833

…меры против печатания всякого рода пасквилей… — 17 января 1711 г. королева Анна обратилась с посланием к палате общин, где высказывала просьбу приискать средство против оскорбительных пасквилей.

834

…*уные аамы…* — юные дамы; в ориг. — ung oomens вместо young womens.

835

…*зентермену*… — джентльмену; в ориг. zinkerman вместо gentleman.

836

Граф Арран — Чарлз Батлер (1671—1758); сохранилось интересное письмо, адресованное ему Свифтом (Corresp., V, 169).

837

Принц Георг. — Покойный муж королевы Анны.

838

…гам-дракон… — Так произносилось название трагаканта, камедного кустарника, но Свифт, как считают текстологи, употребляет его здесь только ради звучности.

839

Арриан Флавий (95? —175?) — древнегреческий писатель; Свифт читал главное его историческое сочинение «Поход Александра», которое находилось в библиотеке сатирика на латинском и древнегреческом языках; Птолемей и Аристобул — участники походов Александра Македонского, оставившие об этом воспоминания, которые не сохранились, но которыми в качестве источника воспользовался Арриан; см. об этом же в кн. «Путешествия Гулливера» (III, 7).

841

...в тюрьму, находящуюсю в ведении королевского суда... — или иначе суда королевской скамьи, в котором дела решались на основе прецедентов; тюрьма эта находилась в Саутвэрке, неподалеку от тюрьмы Маршалси (в Лондоне было тогда 8 тюрем).

842

Хэймаркет (сенной рынок) — улица в центре Сити; возникла на месте сенного рынка.

843

Колли Ньюбери. — Возможно, что это уже упоминавшийся в записи от 30 ноября 1711 г. Ньюбери.

844

Граф Дэнби — Перегрин Гайд Осборн (1691—1731); стал графом Дэнби после смерти своего старшего брата в августе 1711 г., а позднее зятем Оксфорда и маркизом Кармартеном; герцог Бофорт женился незадолго перед тем на его сестре.

845

…до полного числа нам не хватает… — Первоначально в Общество входило 12 человек; а потом его состав расширился постепенно до 22 человек: сэр Уильям Уиндхем, лорд Гарли (сын графа Оксфорда), молодой Харкур (сын лорда-хранителя печати), сэр Роберт Раймонд, поверенный по делам казны, герцог Шрусбери, Джордж Грэнвил (лорд Лэнсдаун), лорд Сэмюэл Мэшем, лорд Даллин (зять графа Оксфорда), граф Джерси, Сент-Джон, лорд Оррери, полковник Дисней, генерал-майор Джон Хилл, лорд Батхерст, герцог Ормонд, герцог Бофорт, граф Арран, Роберт Бенсон (канцлер казначейства), Свифт, Прайор, Арбетнот, доктор Джон Фрейнд, Том Гарли, двоюродный брат лорда Оксфорда, был исключен из Общества за пренебрежение его правилами, самому лорду Оксфорду было отказано в приеме, чтобы показать тем якобы непричастность этого клуба к политическому курсу тори.

846

…касательно билля, о коем хлопочут мои друзья… — Миссис Ваномри хлопотала о разрешении на продажу находящегося в руках опекунов имущества, для того чтобы разделить потом полученные деньги на пять равных частей; разрешение было получено 22 мая 1712 г.

847

Саутвэрк — район Лондона в южной части города на правом берегу Темзы.

848

…в пределах вольностей тюрьмы… — то есть в границах района вокруг тюрьмы, где несостоятельный должник мог поселиться при условии, что он платил за это администрации тюрьмы крупную сумму.

849

…шайка негодяев, прозывающихся могоками… — Шайка разбойничавших на ночных улицах Лондона повес позаимствовала это название от индейцев племени могавков, вожди которых незадолго перед тем побывали в Англии вместе с депутацией британских колоний в Северной Америке. Отчетами о проделках могоков были заполнены газеты и журналы, за их поимку специальным объявлением было обещано денежное вознаграждение; они будто бы засовывали свои жертвы в бочку, которую спускали с горы, заставляли их плясать, подбадривая несчастных уколами шпаг, отрезали им носы и пр. Тори пытались создать мнение, что за проделками могоков скрывается умысел вигов посеять в стране смуту. Но все же многие считают, что истинные размеры их действий были сильно преувеличены.

850

Молодой Дэвенант… — Сын Чарлза Дэвенанта; состоял в это время в должности английского резидента во Франкфурте. К характеристике Макки «Чрезвычайно легкомысленный молодой человек, с некоторой долей остроумия» Свифт прибавил только: «Не заслуживает упоминания» (Prose works, X, 284).

851

…сын епископа Солсберийского. — Имеется в виду Томас Барнет (1694—1753); слух этот не подтвердился.

852

Не знаю, есть ли… хоть крупица правды… — Тем не менее в своей работе «Последние четыре года правления королевы» Свифт утверждает, что эти беспорядки поощрялись принцем Евгением с целью скрыть свой главный умысел — убийство лорда Оксфорда (Prose works, X, 45—46).

853

…«Суд — это бездонная яма»… — Первый из пяти памфлетов Джона Арбетнота, из которых составилась потом его книга «История Джона Булля»; bull по-английски «бык»; прозвище это стало нарицательным обозначением англичан. Первый памфлет был написан в поддержку переговоров о мире.

854

ГД. — В оригинале FW, что повсюду в конце писем расшифровывается, как Farewell, то есть «прощайте» (в нашем переводе — Досеид). Однако здесь, как полагают, эти буквы, возможно, означают слова foolish wenches — «глупые девки», «девчонки».

855

Один молодой человек… — Дайпер Уильям (ум. 1717); окончил Оксфорд, в 1715 г. принял духовное звание и получил место помощника священника. Кроме «Нереид, или Морских эклог», о которых здесь пишет Свифт, Дайпер сочинил еще стихотворение «Дриады, или Пророчество Нимфы».

856

Лоуренс Томас (р. 1645?); с 1702 г. был врачом королевы, а с 1704 г. — лейб-медиком; его дочь Елизавета была женой барона Чарлза Мохэна, фигурирующего далее на страницах «Дневника».

857

…*некоему мистеру Ньюкомбу*… — О ком здесь идет речь, установить не удалось.

858

…*один… баронет.* — Имеется в виду сэр Марк Коул (1687—1720).

859

Фэдерстон Томас — священник; позднее стал пребендарием собора св. Патрика в Дублине, не раз упоминается в письмах Свифта 1713—1714 гг.

860

…титул герцога Шательро… — В 1549 г. регенту Шотландии при малолетней Марии Стюарт Джеймсу Гамильтону графу Аррану был пожалован французским королем Генрихом II титул герцога Шательро; поскольку старший сын Гамильтона умер бездетным, а второй погиб в битве при Вустере, наследование перешло к женской линии в лице его дочери Анны, которая вышла замуж за графа Селкерка, но сохранила за собой титул герцогини Гамильтон, а от нее титул перешел к ее сыну, часто упоминаемому на страницах «Дневника» Джеймсу, четвертому герцогу Гамильтону. Что же касается графа Эберкорна, то он происходил по прямой линии от третьего сына герцога Шательро и, как наследник по мужской линии, основывал свои притязания на этот титул, ссылаясь на французские законы о наследовании.

861

Роупер Эйбел (1665—1726) — торийский журналист, издававший газету «Почтальон».

862

ДД. — Этими буквами Свифт обозначал Дингли.

863

…*как осел.* — Имеется в виду Дилли Эш, который как раз в это время женился на дочери сэра Джорджа Сент-Джорджа; брат Дилли — епископ Клогерский — был женат на ее сестре.

864

…насчет моих простуд в Мур-Парке… — По-видимому, Стелла писала Свифту, что, когда он жил в молодые годы в поместье Темпла Мур-Парке, он тоже нередко простужался.

865

…*будет повешен.* — Отчет об этой истории был представлен в появившемся в мае 1712г. памфлете «Новый способ торговли должностями при дворе».

866

Лорд Эксетер — Джон Сэсил (1674—1721).

867

Друри-лейн — название квартала, расположенного в западной части центрального Лондона, по соседству с театром того же названия.

868

…ваших губителей скота… — В начале 1711 г. в графстве Голвэй в Ирландии были отмечены случаи убийства скота или подрезания у него сухожилий на ногах; эта форма стихийного социального протеста распространилась вскоре по всей стране и пошла на убыль только к концу 1713 г.

869

…в кондитерской «Озинда»… — Излюбленное место встреч тори; находилась на Сент-Джеймс-стрит вблизи королевского дворца.

870

…злокозненного дельца… — Единственный памфлет, для которого Свифту могли в это время понадобиться материалы от Льюиса, был напечатан только 19 июля. «Письмо претендента к лорду-вигу» (Prose works, V, 237).

871

…*кузену Дину*… — Дин Свифт (1674—1714), сын дяди Свифта Годвина от третьего брака, купец, проживавший в Лиссабоне; его сын Дин Свифт был биографом писателя и издателем части «Дневника».

872

Лорд Моулсворт Роберт (1656—1725) — отец Джона Моулсворта.

873

…один прожектер… — Уильям Уистон (1667—1752), священник, лишенный должности профессора в Кэмбридже по обвинению в ереси; занимался также математическими исследованиями и не раз обращался к парламенту с предложениями различных способов определения долготы.

874

…*венгерской водой.* — Настоем цветов розмарина на очищенном винном спирте.

875

Мадамерис. — Возможно, что это намеренно искаженное написание и его следует читать «мадам Эйрис»; возможно, это прозвище относится к М — (см. запись от 26 сентября 1710 г., где говорилось, что она уехала в деревню с мужем, которого Свифт называл «препорядочной скотиной»).

876

…к дополнительному пункту в законопроекте… — То есть воспользовались утратившей уже тогда законную силу уловкой: когда кабинет сомневался в том, что парламент согласится принять какой-нибудь билль, он присоединял его в качестве дополнительного пункта к финансовому биллю, который палата лордов непременно обязана была, утвердить, и таким образом все же добивался своего.

877

Миссис Фентон — сестра писателя.

878

…*ненужного…* — Вместо «недужного»; в оригинале вместо sick — «больной» стоит kick — «брыкающийся», «пинающий» и пр.

879

Гири Джон (ум. 1761). — По ходатайству Корпускристи-колледжа в Оксфорде, членом совета которого он состоял, и не без содействия Свифта (см. запись от 22 декабря 1712 г.) он получил приход Леткомб-Бассет в Беркшире; туда к кому уехал на время Свифт во время политического кризиса летом 1714 г.

880

Элвик. — Был женат на сестре Гири — Елизавете.

881

…*лебенок…* — …потому что во всем прочем она хороший ребенок…

882

…*уже вас…* — …да-с, и не хуже вас.

883

…плошу постели я… — прошу прощения; в оригинале вместо beg — «просить» написано bed — «постель», «кровать».

884

…в Парсонс-Грин… — В Виндзоре; уезжая, лорд Питерборо предоставил свой дом и сады в распоряжение Сент-Джона.

885

…мы одержали… великую победу… — Дело в том, что новому главнокомандующему во Фландрии герцогу Ормонду было дано секретное предписание воздерживаться от враждебных действий против французских войск и, когда он принужден был вследствие этого отказать принцу Евгению Савойскому в поддержке предпринятого им наступления на французские войска под началом Виллара, характер полученных им распоряжений стал очевиден. Дело получило огласку, вызвало негодование в кругах вигов и 28 мая обсуждалось в обеих палатах парламента, однако и в той, и в другой палате большинство отказалось поддержать политику решительного продолжения войны.

886

Я печатаю… памфлет… — «Некоторые соображения в доказательство того, что ни один человек не обязан только потому, что он виг, непременно противодействовать ее величеству или ее нынешнему кабинету министров. В виде письма к лорду-вигу» (Prose works, V, 237—255).

887

…*напечатаю еще один…* — «Благодарственное письмо лорда У[орто

888

Кью, Мортлак, Хаммерсмит — тогда населенные пункты, расположенные западнее Лондона на северном берегу Темзы.

889

…лапландец или колдун… — В книге Olaus Magnus, Historia de Gentibus Septentriona-libus («История народов…»), опубликованной в 1755 г., Лапландия изображалась, как страна колдунов.

890

Тенбридж — курорт с минеральными источниками в 34 милях к югу Лондона.

891

Темплиог — местечко примерно в пяти милях на юго-запад от Дублина; там были железистые источники, которые как раз в это время стали модным местом отдыха.

892

…престарелого Брэдли. — По-видимому, находился в услужении у леди Джиффард, как и его жена и дочь (см. запись от 1 июля 1712 г.).

893

…*пай-язвочками…* — Здесь у Свифта вместо слова girls — «девочками», стоит galls, что означает «гнев», «зависть» и пр.

894

…доктору Смиту… — По-видимому, врач из Дублина Уильям Смит (ум. 1732), на мнение которого Стелла ссылалась в своем письме.

895

Химик Молт… — О ком здесь идет речь, не установлено.

896

Сэр У. Рэли… — Кто здесь имеется в виду, не установлено.

897

Бойл Роберт (1627—1691) — английский ученый-химик.

898

Епископ Вустерский — Уильям Ллойд (1627—1717); вследствие постоянного штудирования «Апокалипсиса» повредился в уме и притязал на пророческий дар.

899

«Приглашение, полученное Угрюмым от Толанда». — В Лондоне существовал клуб «Телячья голова», который ежегодно 30 января в день казни Карла I собирался, чтобы отметить это событие (название было явной насмешкой над «королем-мучеником»). В памфлете Свифта «Приглашение, полученное Угрюмым от Толанда отобедать в клубе „Телячья голова“. В подражание Горацию, Послание 5, книга I» лорд Ноттингем, объявлявший себя непоколебимым тори и защитником церкви, но незадолго перед тем вступивший в сговор с вигами, получал приглашение от известного английского философа-деиста Толанда отобедать вкупе с республиканцами и вигами в честь казни короля (Poems, 161).

900

…секретарь скоро станет виконтом… — Сент-Джон был чрезвычайно этим уязвлен, тем более, что Гарли получил титул графа, и это еще более углубило его неприязнь к Гарли. В письме к сэру Уильяму Уиндхему он писал: «Меня протащили в палату лордов таким манером, чтобы мое повышение выглядело скорее наказанием, нежели наградой» («A letter to sir William Windham. London, 1753, p. 31).

901

…такой титул уже носит другая семья… — Титул барона Помфрета действительно принадлежал герцогу Нортумберленду.

902

…замок Помфрет. — Этот замок в Йоркшире был построен норманнами в XI в.; с ним было связано много кровавых событий и убийств и, в частности, насильственная смерть Ричарда II в 1400 г.; во время гражданской войны он выдержал четыре осады и в 1649 г. был взят, а его укрепления срыты.

903

Стиля… взяли под арест за устройство лотереи… — Стиль действительно предложил проект такой лотереи в «Спектэйторе» № 413 от 24 июня, но, поскольку в тот же день был опубликован закон, запрещающий частные лотереи, объявил несколько дней спустя в том же «Спектэйторе», что отказывается от своей затеи; он не был арестован.

904

Епископ Митский — Уильям Мортон (1641—1715), в чью епархию входил приход Свифта в Ларакоре.

905

… *у мастера Эша…* — То есть сына епископа Клогерского.

906

…*№ 33*… — Это ошибка; на самом деле Свифт получил 31 письмо.

907

…*мемландуме*… — меморандуме.

908

Граф Альбемарль — Арнольд Иост Ван Кеппель (1670—1718); потерпел сокрушительное поражение от французов, спешивших воспользоваться неучастием англичан в военных действиях и нанести как можно больший урон голландцам до заключения мира.

909

…вы узнали… из… досужих разговоров. — Из всего этого видно, что Стелла и Дингли поверили слухам о получении Свифтом деканата Уилса, что и привело его в такое раздражение.

910

Я… тружусь, не разгибая спины… — Свифт приступил в это время к написанию «Истории последних четырех лет правления королевы», над которой трудился до мая 1713 г., после чего работа над рукописью была на время прервана.

911

…Граб-стрит почила… — Законом от 10 июня с целью предупреждения оскорбительных пасквилей все газеты размером менее полулиста облагались налогом в полпенни, а в целый лист — в один пенни.

912

…я… напечатал… по меньшей мере 7 листков… — Свифт имеет в виду памфлеты, упоминавшиеся им ранее.

913

Лapaтoл — Ларакор.

914

…противник только ждет случая, чтобы уничтожить их обоих. — Речь идет о все усугублявшейся вражде между Оксфордом и Болинброком.

915

В лице графа Годольфина виги потеряли крепкую опору. — Годольфин умер 13 сентября.

916

Леди Оркни — Элизабет Вильерс (1657? —1733); сопровождала принцессу Марию в Голландию к ее жениху Вильгельму Оранскому, возлюбленной которого она стала. В 1695 г. вышла замуж за лорда Джорджа Гамильтона, ставшего потом графом Оркни; между ней и Свифтом была взаимная симпатия.

917

…я кончу тем же, что и Стиль… — У Стиля периоды депрессии сменялись иногда периодами нервного возбуждения, обострявшимися его пристрастием к спиртному.

918

…*.моя тетка…* — Миссис Теофилус Гаррисон.

919

Она… уже забыла об утрате сына. — По-видимому, Свифт имеет в виду ее сына Томаса, убитого в 1707 г. в сражении при Альманце.

920

…приписаться к… цеху… — Старинные цеха все еще ревностно оберегали мастеровых Лондона от конкуренции людей, не имевших там прав гражданства.

921

…я играл… в тридцать одно. — В то время популярная в Ирландии карточная игра, напоминающая двадцать одно.

922

«Искусство политической лжи». — Памфлет принадлежал перу доктора Арбетнота и метил не только в вигов, но высмеивал политические нравы эпохи в целом (см. русский перевод в кн.: Свифт. Памфлеты. М.: ГИХЛ, 1955).

923

«Труды ученых мужей». — Свифт имеет в виду периодическое сатирическое и пародийное издание, выходившее с 1699 г. по 1712 г. и издававшееся различными журналистами под названием «История трудов ученых мужей».

924

Леди Бэрримор. — Вышла без ведома отца замуж за графа Бэрримора.

925

…*священнику-паписту…* — Имеется в виду Джон Сэведж (1665—1735), который действительно был католическим священником.

926

…пробыли там месяц. — Как явствует из записей в расходной книжке Свифта, Стелла и Дингли вместе со своей служанкой Маргарет дважды посетили в это время Портрон и пробыли там с 20 августа по 9 сентября и с 18 сентября по 26 ноября.

927

…она… перестала напускать на себя… серьезность. — Речь идет о людях, у которых гостили в Портроне обе дамы; миссис Гонория Суонтон была старшей дочерью двоюродного брата Свифта Уиллоуби, вышедшей замуж за Фердинанда Суонтона из Лиссабона.

928

…*площаю вас*… — прощаю вас; в оригинале вместо forgive you стоит flodive ee.

929

…*клепышечка*… — В оригинале вместо healthy girl — «здоровая девочка» стоит — mel-thigal.

930

Джон Дэнверс. — Возможно, муж или родственник одной из камеристок королевы.

931

…*похлопочу за вашу сестру*… — Сестру Стеллы, по мужу миссис Филби.

932

…выхлопотал… епископат… для Стерна… — 16 октября скончался Джон Пули, епископ Рэфуский. Свифт действительно стал хлопотать о назначении на это место тогдашнего декана собора св. Патрика в Дублине Стерна, очевидно, понимая уже к этому времени, что ему самому епископата не получить и лучше ограничиться более скромным местом — деканатом св. Патрика. Но на этот епископат прочили и других кандидатов, и в конце концов он достался Томасу Линдсею, епископу Киллалуйскому.

933

…*младший Молино* (1689—1728); впоследствии секретарь принца Уэльского и член ирландского парламента; увлекался астрономией и состоял в дружеских отношениях с Локком.

934

Молино Уильям (1656—1698); окончил Тринити-колледж, посвятил себя изучению математики и философии; в 1698 г. опубликовал трактат «Вопрос о необходимости для Ирландия подчиняться решениям английского парламента», в котором открыто объявлял, что это «противоречит разуму и общепринятым человеческим правам». Свифт впоследствии ссылался на него в «Письмах суконщика».

935

Герцог Мальборо… собирается покинуть Англию… — Мальборо уехал из Англии в конце ноября и направился в Голландию, где к нему некоторое время спустя присоединилась герцогиня; оба они возвратились и высадились в Дувре вечером того самого дня, когда умерла королева Анна.

936

…я предпринял попытку примирить этих последних. — Оксфорда и Болинброка.

937

…тяжбу… между моими приятелями… лордом Лэнсдауном и лордом Картеретом. — Она закончилась лишь в 1714 г. в пользу Картерета.

938

…мое перо он у меня отнял. — Свифт имеет в виду новый закон о налоге на периодическую печать и пропагандистские изделия Граб-стрит.

939

Ридпат Джордж. — Издавал несколько лет вигистский листок «Летучая почта»; был обвинен в клевете и посажен 8 сентября 1712 г. в Ньюгейт; 23 октября он предстал перед судом королевской скамьи, но был выпущен под залог; 19 февраля 1713 г. снова был привлечен к суду и признан виновным, однако успел бежать из страны.

940

Фицхардинг — Барбара Вильерс (ум. 1712).

941

В Лондоне… множество старьевщиков… — В № 251 «Спектэйтора» от 18 декабря 1711 г. шла речь о продавцах газет, выкрикивающих новости, крестьянах, торгующих репой, разносчиках молока, трубочистах и торговцах мелким углем, чьи крики то и дело раздаются на улицах.

942

…об одном происшествии… — Обстоятельства этой дуэли не до конца ясны, ибо разные версии явно извращены партийными распрями. Герцог Гамильтон, которого как раз в это время собирались отправить послом в Париж, был человеком якобитских симпатий, а его противник — известный дуэлянт и повеса лорд Мохэн — был вигом, но непосредственным поводом для ссоры была затянувшаяся судебная тяжба между их семьями. Секундантом герцога был полковник шотландской пехоты Джон Гамильтон, а секундантом Мохэна — Макартни (Джордж (1660—1730) отличился в сражении при Мальплаке, генерал-лейтенант) — ревностный виг. Герцог убил Мохэна, но сам получил при этом рану, которую врачи и считали причиной его смерти. Три дня спустя полковник Гамильтон показал под присягой в Тайном совете, что в то время, как он поддерживал раненого герцога, подбежавший Макартни заколол «го, однако свидетельство Гамильтона не было подтверждено присутствовавшими при этом слугами. Тори, тем не менее, считали и публично объявили, что герцог стал жертвой заговора вигов; примерно такую версию дал и Свифт в своей „Истории последних лет царствования королевы“ (Prose works, X, 178).

943

…оба теперь скрылись. — Макартни бежал в Голландию и возвратился лишь после воцарения Георга I; в 1716 г. его судили по обвинению в убийстве и, хотя свидетельство полковника Гамильтона не было принято во внимание, признали виновным как соучастника, однако почти тотчас после этого он получил назначение в армию и восстановлен в чине генерал-лейтенанта.

944

…представили… подлинный отчет о случившемся… — Согласно этому отчету, напечатанному в торийском листке «Почтальон» от 11—13 ноября, Оксфорд будто бы получил утром 4 ноября по почте коробку и, открывая ее, заметил, что там находится пистолет. Присутствовавший при этом джентльмен (то есть Свифт) взял у него коробку и, отойдя к окну, продолжал ее открывать с крайней осторожностью, обнаружив при этом два пистолета, с большими, искусно изготовленными из роговых чернильниц дулами, начиненными порохом и заряженными пулями; дула эти будто бы были направлены в противоположные стороны и от каждого спускового крючка тянулась привязанная к нему нитка. Однако Свифту удалось открыть коробку, избежав несчастья. Газета вигов «Летучая почта» от 20—22 ноября высмеяла всю эту историю, и некоторые высказывали предположение, что Свифт подстроил этот заговор с коробкой, чтобы нажить на этом политический капитал; продавалась даже стихотворная баллада «Заговор касательно заговора», где говорилось, что история с коробкой теперь уж наверняка обеспечит ему деканат Уилса.

945

…поделка в духе Граб-стрит… — Возможно, Свифт имеет в виду «Отчет о дуэли… предваряемый некоторыми размышлениями касательно подложных заговоров», написанный Абелем Буайе. Несколько позже появился еще один памфлет «Письмо к народу… с присовокуплением нескольких слов касательно заговора с коробкой», принадлежавший перу Томаса Барнета.

946

Леди Оркни, ее невестка… — Граф Оркни был младшим братом герцога Гамильтона.

947

…указ… с обещанием награды тому, кто задержит негодяя Макартни. — 24 ноября был обнародован королевский указ, обещавший 300 фунтов вознаграждения за поимку Макартни.

948

Гриффин. — По-видимому, Хамфри Гриффин, — комиссионер соляного ведомства.

949

…он… благополучно выпутается… — Хотя Гамильтон был заключен в Ньюгейт, судим и признан виновным в убийстве, однако его помиловали и освободили.

950

Уоллис. — Возможно, речь идет о священнике Томасе Уоллисе, у которого в более поздние времена гостили Свифт, Стелла и Дингли, и который несколько раз замещал Свифта во время объезда по епархии.

951

Декан Фрэнсис Джон (ум. 1724) — декан церкви св. Марии в Дублине, напротив которой жили Стелла и Дингли.

952

Сэр Ричард Левиндж (ум. 1724). — Юрист по образованию, переехал в 1692 г. в Ирландию, где занимал ряд высоких должностей: спикера палаты общин, королевского прокурора и т. п.

953

…*писали у печи…* — у свечи; в ориг. вместо by candleligkt — by tandl light.

954

Джонс Томас. — Действительно, в 1713—1714 гг. был членом ирландского парламента от Трима.

955

…*язвы его сушат — язви его душу* (в оригинале вместо — pox take him — pots cake him).

956

Петкум — дипломатический агент Голландии.

957

…кузена Рука… — Свифт однажды упоминает его в письме к Томасу Свифту от 6 декабря 1693 г. (Corresp., I, 13—14), однако о нем ничего неизвестно.

958

…прислал… свою книгу. — Имеется в виду книга «Поведение диссентеров в Ирландии в отношении церкви и государства», которая была опубликована Тиздалом в 1712 г. в Дублине.

959

…подошел испанский посол… — Маркиз де Монтелеон, незадолго перед тем прибывший в Англию в качестве посла.

960

Фанни Мэнли — дочь министра почт Ирландии Айзека Мэнли.

961

Я вручил Болинброку поэму Парнела… — «Опыт о различных стилях в поэзии» («An Essay on the Different Stiles in Poetry»).

962

…*новой поэмой…* — «Дриады, или Пророчество нимфы».

963

Епископ Droморский — Тобайас Пуллин (1648—1713); Свифт упоминает его в числе тех, кто питал особое уважение к Стелле.

964

Лорд Селкерк — Чарлз Дуглас (1663—1739); его отец граф Уильям Селкерк, женившись на герцогине Анне Гамильтон, сам получил этот титул пожизненно; убитый на дуэли Джеймс Гамильтон был его братом, и теперь вместе с матерью и невесткой он притязал на то, чтобы титул герцогов Шательро перешел к ним. Был камер-юнкером при Вильгельме III и Георгах I и II.

965

…в надежде на вознаграждение… — Правительство предлагало за поимку Макаргни 500 фунтов, а герцогиня Гамильтон объявила, что выплатит в придачу еще 300 фунтов.

966

…*мне предстоит их оправдывать.* — По-видимому, Свифт имеет в виду «Историю последних четырех лет правления королевы».

967

Миссис Рэмзи. — Кто такая, не установлено. Это единственное упоминание о ней в «Дневнике».

968

…переговорить об одном деле. — Речь снова идет о титуле герцогов Шательро, так как лорд Оркни был родом из Гамильтонов и доводился родным братом покойному герцогу и графу Селкерку.

969

Вражда… — Между Оксфордом и Болинброком.

970

Герцог д'Омон Луи (1667—1723); был направлен в Англию в качестве посла в связи с завершением переговоров в Утрехте. Он въехал в Лондон с чрезвычайной пышностью и бросал из окна кареты деньги сопровождавшей его толпе, желая ее к себе расположить. С ведома министра иностранных дел Франции Торси, д'Омон старался втайне подготовить в случае смерти Анны возвращение Стюартов.

971

Доктор Браун Питер (ум. 1735), епископ Коркский с 1710 г. выступил с «Ответным письмом» (1697) по поводу работы Толанда «Христианство без таинств»; хотя Свифт относился к нему без особой симпатии, однако упомянул его в числе друзей Стеллы.

972

…не будет назначен епископом Херефордским… — Это место освободилось еще в конце ноября после смерти Хамфри Хамфриса и, возможно, что и Свифт питал в этом отношении некоторые надежды; таково, например, мнение Вальтер Скотта (Memoirs of Swift, 1814, p. 169).

973

Лорд-камергер — граф Пулит, Джон (1667—1743) — умеренный тори, занимал в это время должность первого лорда казначейства, а с июня 1711 г. стал лордом-камергером; смещен после вступления на престол Георга I.

974

Плутарх. — Свифт купил парижское издание «Параллельных жизнеописаний» Плутарха (1624 г.).

975

…речь зашла о Бруте… — Поскольку римский республиканец Брут возглавил заговор против Цезаря и был одним из его убийц, похвалы Свифта в присутствии человека, которого зовут Цезарь (по-английски Сизер), выглядят комической оплошностью.

976

Я надоумил… воздать должное королеве. — Речь идет об «Экзаминере» от 12—16 января 1713 г.

977

…должен выйти памфлет… — Свифт имеет в виду свой памфлет «Рассуждения мистера К[оллин]#за о вольнодумстве, изложенные простым английским языком в сжатом виде в помощь нуждающимся», в котором он не только полемизировал с опубликованным незадолго перед тем трактатом известного мыслителя-деиста Энтони Коллинза «Рассуждения о вольнодумстве», но и доказывал, что атеизм характерен для всей партии вигов в целом («Mr. Collins's Discourse of free thinking», Works, IV, 23).

978

…что же касается моего большого трактата… — Имеется в виду «История последних четырех лет…»

979

…Тому Ли придется убраться восвояси… — По-видимому, потому, что Томас Ли состоял в родстве с покойным епископом.

980

…наш английский епископат… еще вакантен. — То есть Херефордский.

981

…поручить всколе… здлавии. — …получить вскоре ваше письмо и узнать из него, что МД пребывают в полном здравии.

982

…дом… сгорел дотла… — Хотя правительство объявило награду за обнаружение поджигателя, никого так и не нашли, и осталось невыясненным, был ли это умышленный поджог или следствие неосторожности.

983

…один человек… вместо него явился к… другому Льюису… — Действительно, некто Чарлз Скелтон, католик, состоявший на французской службе, посетил некоего Генри Леви, или Льюиса, купца из Гамбурга, ошибочно приняв его за Эразмуса Льюиса; об этом, видимо, стало известно, и виги начали распространять слух, что этот последний состоит в тайной переписке с двором претендента в Сен-Жермен. Чтобы очистить своего друга от подозрений, Свифт сам написал «Экзаминер» от 30 января — 2 февраля 1713 г. (Prose works, V, 227—235), в котором опровергал эти слухи.

984

Граф Перт — Джеймс Драммонд (1648—1716); занимал высшие должности в Шотландии, ушел в изгнание вместе с Иаковом II, умер в Сен-Жермен; герцог Мэлфорт — брат Джеймса Драммонда — Джон (1650—1715); получил этот титул от короля уже в Сен-Жермен.

985

…*не могу его пойти* — …не могу его найти.

986

…воды Спа… — Имеются в виду минеральные воды, которые доставлялись с курорта, расположенного в Бельгии неподалеку от Льежа.

987

…*с ректором*… — Бенджамином Праттом.

988

Молль (Мери) Гири — сестра священника Гири.

989

…сессию опять отложат… — Среди прочих причин отсрочки сессии было и то, что французские представители на переговорах о мире, увидев разногласия среди союзников, хотели теперь выговорить более выгодные для Франции условия, нежели те, которые они еще недавно согласились принять.

990

Я дал ему прочесть… часть рукописи моей книги… — То есть «Истории последних четырех лет…»

991

Леди Джерси. — Здесь и далее до конца «Дневника» имеется в виду жена второго графа Джерси — Джудит, а не вдова первого графа Эдуарда Вильерса Джерси — Барбара, которая упоминается далее еще только дважды — в записи от 9 февраля и 9 апреля.

992

Дэниел Кор. — О ком здесь идет речь, не установлено.

993

7[?8]. — Между 7 и 12 числом недостает записи одного дня и, судя по всему, это запись от 7 февраля, потому что 6 был день рождения королевы и Свифт не мог ошибиться, а в следующей записи он говорит, что были при дворе, как он это всегда делал по воскресеньям, поэтому число в скобках, по-видимому, более соответствует истине.

994

…брат ДД… — По-видимому, речь идет о брате Дингли — Роберте, капитане, которого Дингли упоминает в своем завещании.

995

Мисс Эш — дочь епископа Клогерского.

996

Томас Клерджес (1688—1759) — член парламента, состоял в родстве с леди Оркни, поскольку был женат на дочери ее покойной сестры Барбары Фицхардинг (см. запись от 15 ноября 1712 г.).

997

Найтсбридж — улица, расположенная с южной стороны Гайд-парка.

998

…он отправил в Утрехт своего брата… — Джорджа Сент-Джона (ум. 1716), который доводился ему сводным братом от первого брака его отца.

999

…шесть пенсов налога с каждой колоды… — Такой налог был введен в 1710 г. как один из источников средств для ведения войны.

1000

Граф Эбингдон — Монтегю Берти (ум. 1743); занимал в это время должность лорда-лейтенанта Оксфордшира, а после смерти Анны был назначен одним из лордов главных судей.

1001

Стоуэл Уильям (1683—1742); в прошлом исполнял должность камер-юнкера при Георге принце датском — покойном муже королевы Анны.

1002

…*испанский посол…* — Монтелеон.

1003

Герцог д'Эстре — Виктор Мари (1660—1737); за службу на суше и на море получил от Людовика XIV маршальский жезл; собирал книги, статуи и другие произведения искусства.

1004

Миссис Дэвис (ум. 1732) — вдова священника Питера Дэвиса (ум. 1698), возглавлявшего школу при соборе св. Патрика в Дублине; писала пьесы и романы; возможно, что Свифт навестил ее в Йорке в мае 1709 г.; никаких писем от нее к Свифту не сохранилось.

1005

…его прочат на должность государственного секретаря… — Ханмер не был назначен на этот пост; в 1714 г. был недолгое время спикером палаты общин.

1006

Фиц-Моррис. — По-видимому, старший сын леди Керри, тот самый, который упоминается в XI письме, в записи от 13 декабря 1710 г.

1007

Бромли (1699? —1737) — второй сын спикера палаты общин.

1008

Леди Далкейт — Генриетта Гайд (1677—1730) — вторая дочь графа Рочестера; была замужем за графом Далкейтом (ум. 1705), сыном герцога Монмута, побочного сына короля Иакова II.

1009

…портрет леди Оркни… — был завещан Свифтом Джону графу Оррери, который женился в 1728 г. на третьей, младшей дочери леди Оркни.

1010

…моей кузины Клевской… — Какую свою кузину имеет здесь в виду Свифт, не установлено, но явно иронически называет ее здесь по имени героини известного романа французской писательницы М. М. де Лафайет (1634—1693) «Принцесса Клевская» (1678).

1011

…по гостям разъезжать… — В рукописи Свифт, видимо, намеренно вместо слова gambol — «прыгать», «скакать» написал gamble — «играть в азартные игры».

1012

Миссис Прайс. — Возможно, речь идет о жене мистера Прайса из Голвэя, упоминающегося в записи от 7 июня 1711 г.

1013

Лорд Трэввр — один из 12 пэров, вновь назначенных королевой.

1014

Поп Александр (1688—1744) — английский поэт, в последующие годы один из близких друзей Свифта; его поэма «Виндзорский лес» была опубликована 7 марта 1713 г. и посвящена лорду Лэнсдауну; выражавшиеся в ней похвалы миру, заключенному тори, придавали ей злободневный характер.

1015

…*автору «Экзаминера»*… — Уильяму Олдисворту.

1016

Леди Белэзис — Сьюзен Осгодби, получившая пожизненный титул баронессы Белэзис после гибели своего первого мужа на дуэли.

1017

…переговорить… касательно одного дела… — Речь идет об адресе парламента в ответ на речь королевы, см. запись от 8 марта. 10 Пули (Поли) Томас (1646—1729) — художник из Дублина, брат епископа Рэфуского [Джон Пули (1645—1712)].

1018

Бэрг Уильям — с 1694 по 1717 гг. занимал пост контролера и генерального инспектора Ирландии.

1019

Пейджет Уильям (р. 1637) — при Вильгельме III был послом в Вене и Константинополе.

1020

…*доводится ему сестрой*… — Маргарет Бэрг (ум. 1744).

1021

Фрэнсис Эннисли (1663—1750) — видный член Октябрьского клуба, состоял в тесной дружбе с архиепископом Дублинским.

1022

Здесь ходит пасквиль… — «Речь британской посланницы, обращенная к французскому королю». Опубликовавший ее типограф Уильям Харт, который печатал «Летучую почту» вигов, был осужден за это к двухкратному выставлению у позорного столба, 50 фунтам штрафа и двухлетнему тюремному заключению.

1023

…доказывается моя… непричастность… в… уважительном ко мне тоне. — «Экзаминер» извещал тех, кто приписывает сочинение этого листка Свифту, что он «джентльмен более выделяющийся своей ученостью, здравомыслием, остроумием и многими прочими добродетелями, нежели даже вся оппозиция могла бы противопоставить и выказать по части наихудших пороков, из смеси которых и состоит вся их партия»; этот номер, судя по всему, принадлежал перу Олдисворта, однако едва ли здесь обошлось без участия или ведома Свифта.

1024

Hiera pucra — слабительное, изготовленное из алоэ, шафрана, меда и прочих ингредиентов.

1025

…у одного шотландца… — Видимо, у Клиленда, о котором идет речь несколько дней спустя, в записи от 30 марта.

1026

…поглядеть на… движущуюся картину… — Об этом зрелище, очень популярном у лондонцев той поры, часто писали тогдашние газеты и журналы, например, «Спектэйтор» в №№ 231 и 414; речь идет об изобретенном Кристофером Пинчбэком часовом механизме, который приводил в движение эти картины, давая одновременно соответствующее звуковое сопровождение.

1027

Я… пытаюсь спасти одного из младших членов совета… — Речь идет о Чарлзе Грэттене, старшем члене совета Тринити-колледжа в Дублине; хлопоты Свифта за него оказались безуспешными; впоследствии Грэттен стал владельцем школы, и между Свифтом и его семьей установились очень дружеские отношения.

1028

…некий полковник Клиленд… — Возможно, речь идет об Уильяме Клиленде (1674? —1741), друге Попа, служившем в Испании, а после заключения мира таможенном коммисаре в Шотландии.

1029

Герцог Кент — Генри Грей; после смерти королевы Анны был назначен одним из лордов главных судей королевства.

1030

Нобл Ричард — стряпчий, вступивший в любовную связь с женой богатого джентльмена Джона Сэйра и склонивший ее к побегу; будучи выслежен ее мужем, убил его. Был повешен в Кингстоне.

1031

Холборн — район Лондона к северо-западу от Сити, а также название улицы в этом районе.

1032

…собирается попотчевать меня… поэмой… посвященной заключению мира. — Поэма, которую Свифту все же пришлось выправлять, была опубликована без имени автора со следующим названием: «Мир. Поэма. Посвящается высокопочтенному лорду виконту Болинброку».

1033

Шведский посол сказал… что… тревожится за судьбу своего государя… — После поражения под Полтавой в 1709 г. Карл XII бежал через Турцию.

1034

«Катон». — Первое представление трагедии Аддисона состоялось 14 апреля 1713 г.

1035

…Стиль начал издавать новый… журнал… «Гардиан» («Опекун»). — Журнал выходил с 12 марта по 1 октября 1713 г., всего вышло 175 номеров, часть из которых была написана Прайором; Стилю принадлежало 82 номера.

1036

…напечатать… проповедь, читанную им в прошлое воскресенье. — В этом же месяце королева представила Сэчверелу ректорат Сент-Эндрю в Холборне.

1037

Джордж Ричард (ум. 1728) — генерал-лейтенант, служивший в Ирландии.

1038

…шлюху, изображавшую дочь Катона… — Свифт имеет в виду актрису миссис Олдфилд.

1039

…отчет о …шагах с целью посодействовать ему в его притязаниях на имеющиеся вакансии… — Дело заключалось, конечно, не в притязаниях декана св. Патрика Стерна на епископат (Свифт, как это видно из «Дневника», не питал к нему особой приязни); однако, увидев, что назначение в Англии ему получить не удастся, равно как и епископат в Ирландии (на это тоже требовалось разрешение королевы), Свифт решил добиваться хотя бы деканата св. Патрика, поскольку эта должность находилась в распоряжении наместника, то есть благоволившего к нему герцога Ормонда, но для этого надо было выхлопотать Стерну что-нибудь другое, вот почему Свифт стал добиваться предоставления Стерну одного из двух вакантных епископатов Ирландии — Рэфуского или Дроморского.

1040

…дело, которое у меня было к нему… — Благодарственный адрес королеве от парламента, который Свифт сочинил по поручению Оксфорда.

1041

Палмз Фрэнсис — участник Бленгейма, занимавший до 1710 г. ряд дипломатических должностей в Савое и Вене.

1042

…я всячески содействовал. — Видя все углубляющийся разрыв между Оксфордом и Болинброком, Свифт решил укрепить положение кабинета, содействуя сближению Оксфорда и герцога Ормонда, именно в этом и состоял его «умысел», о котором он писал 23 марта.

1043

…каждый отсутствующий лорд передал кому-нибудь свои полномочия… — Согласно существовавшему до 1868 г. положению, член палаты лордов мог голосовать за себя и еще за двоих отсутствующих лордов, если они его на это уполномочили.

1044

Коупер Уильям (ум. 1723) — виг, юрист, до прихода тори к власти занимал ряд высших должностей, вплоть до первого лорда-канцлера Великобритании; с воцарением Ганноверов эта должность была ему возвращена в 1714 г.

1045

Еп[ископ] Честерский — Уильям Доувз, назначенный после смерти Джона Шарпа, ненавидевшего Свифта, епископом Йоркским.

1046

Обедал у своего кузена… — По-видимому, у Драйдена Лича.

1047

Порт-Магон — расположен на острове Минорка в Средиземном море.

1048

Беркли Джордж (1685—1753); тогда — один из младших членов совета Тринити-колледжа, позднее — епископ. Известный философ — идеалист Беркли уже к тому времени опубликовал две философские работы «Новая теория» (1709) и «Трактат относительно принципов человеческого познания» (1710). В этот свой приезд он привез рукопись «Диалогов между Хиласом и Филокусом» (опубликован в 1713 г.). Свифт всегда питал к нему дружеские чувства и уважение, хотя и находил его сочинения чересчур «умозрительными». В ноябре 1713 г. он выхлопотал Беркли должность капеллана и секретаря при Питерборо, состоявшем тогда послом в Сицилии. Беркли находился в очень отдаленном родстве с лордом Беркли из Стрэттона.

1049

…приказ о замещении 3 вакантных деканатов… — Все они уже давно были вакантными: деканат Уилса — с 4 февраля 1712 г.; деканат Эли — с 25 марта 1712 г. и, наконец, Личфилдский с 19 июня 1712 г.; первый достался капеллану герцога Ньюкасла, второй — капеллану королевы Роберту Моссу, а третий — капеллану спикера палаты общин. Обо всех этих вакансиях Свифт знал и более года тщетно надеялся получить какой-нибудь из них.

1050

…генералом Гамильтоном. — Идет ли здесь речь о бригадном генерале Густавусе Гамильтоне (1639—1723) или же о генерал-лейтенанте Джордже Гамильтоне — не установлено.

1051

…я должен… закончить… книгу… — «Историю последних четырех лет…»

1052

…более 400 фунтов в год… — Шеридан в своей «Жизни Свифта» утверждает, что деканат св. Патрика приносил более 700 фунтов (1784 г., р. 156).

1053

…мне… самому распорядиться двумя приходами… — В дополнение к деканату св. Патрика Стерн имел еще два прихода в Дублине, вернее, сначала это был один приход Сент-Николаса за городом, который он в связи с увеличением числа прихожан разделил на два, оставив оба за собой, и во втором построил на полученные доходы церковь св. Луки; получив епископат, Стерн вместе с капитулом собора св. Патрика поспешил назначить в оба прихода новых священников, чтобы английская корона не распорядилась ими по своему усмотрению, как это произошло с деканатом св. Патрика. Свифт прочил на один из этих приходов Парнела и был чрезвычайно уязвлен таким решением.

1054

…я не в силах помочь ему в получении прихода в Моймиде. — Приход находился в двух милях от Трима, и Свифт считал, что именно поэтому он должен быть отдан тамошнему священнику, то есть Раймонду, однако его хлопоты не увенчались успехом.

1055

Приятно… — Смысл этой приписки никому из исследователей текста расшифровать не удалось.

1056

Тебе пойдет… тридцать пятый год. — В 1719 г. Стелле исполнилось не 34 года, как пишет здесь Свифт, а 38. Читатель должен иметь в виду, что Свифт, как правило, неточно указывает возраст Стеллы, Ванессы и своей, а также срок их знакомства.

1057

Как поступил бы, скажем, Брут,… — Защитники республики в древнем Риме Марк Юний Брут и Марк Порций Катон (последний предпочел покончить с собой, чем сдаться на милость Цезаря), точно так же, как и древнегреческие философы Сократ (осужденный за свои убеждения афинским судом на смертную казнь и, тем не менее, отвергнувший возможность спастись бегством и тоже кончивший жизнь самоубийством) и Платон, упорно добивавшийся претворения в жизнь своих теорий общественного устройства — все они приведены здесь, как пример моральной стойкости и верности своим убеждениям.

1058

Джонс Иниго (1573—1652) — архитектор, один из первых представителей Ренессанса в английском зодчестве.

1059

Лен треплет Сильвия одна, В кровоподтеках вся спина. — То есть, Сильвия находится в тюрьме, где заключенных заставляли работать и где их жестоко избивали надсмотрщики.

1060

Мевий — бездарный римский поэт, упоминаемый его современником Вергилием в «Буколиках» (III, 90).

1061

Однажды гнев Аяксу в грудь Паллада вздумала вдохнуть. — Герой «Илиады», могучий воин Аякс Теламонид, притязавший на доспехи погибшего Ахилла, которые достались Одиссею, воспылал гневом против допустивших такую несправедливость греческих воинов и покровительницы Одиссея — Афины Паллады; в отместку богиня поразила его безумием.

1062

Лишь Дилени, наследник мой… — Дилени Патрик (ум. 1768), с которым Свифт познакомился не ранее своего окончательного возвращения в Ирландию (1714), был как раз в это время назначен канцлером Крайстчерч в Дублине. Со Свифтом их связывали дружеские отношения, и они обменивались стихотворными посланиями.

1063

Придет как Робин, так и Джек… — братья Грэттены, оба священники; младший из них — Джон Грэттен — был пребендарием в соборе св. Патрика.

1064

Сердитый Форд, коварный Джим И Шеридан зловредный с ним… — Форд Чарлз; Джим — Грэттен Джеймс, третий из братьев Грэттенов, дублинский врач; Шеридан Томас (1687—1738) — ирландец по происхождению, отец биографа Свифта Томаса Шеридана (1719—1788) и дед драматурга Ричарда Шеридана; одаренный педагог, с 1707 г. состоял в Тринити-колледже, позднее по ходатайству Свифта получил место капеллана при лорде-наместнике Ирландии Картерете, которое потом потерял за нелояльную в отношении Ганноверов проповедь. Шеридана связывала со Свифтом, как и со Стеллой, долголетняя, тесная дружба; они часто виделись, обменивались шутливыми стихотворными посланиями и лишь незадолго перед смертью Шеридана его дружеские отношения со Свифтом прервались: он позволил себе сделать Свифту замечание относительно возрастающей скупости последнего, и вскоре ему передали, что его появление в деканате далее нежелательно. Братья Грэттены, Чарлз Форд и Томас Шеридан принадлежали к узкому кругу ближайших друзей Свифта в Ирландии, и он часто упоминает их в своих юмористических стихах этих лет.

1065

Мафусаил — библейский персонаж, потомок Адама и Евы, проживший, согласно преданию, девятьсот шестьдесят девять лет (Книга Бытия, 5, 25—27).

1066

Смедли Джонатан (р. 1671) — декан в Клогере, а позднее в Киллале, сторонник денежной реформы Вуда, против которой так непримиримо выступал Свифт; вследствие этого оба не выносили друг друга, и Свифт часто осмеивал Смедли в стихах и прозе.

1067

Миссис Брент. — экономка Свифта, после смерти которой в 1735 г. ее заменила ее дочь Анна.

1068

Сондерс. — По-видимому, дворецкий Свифта.

1069

Арчи — слуга Свифта, точно так же, как и упоминаемый в 77 строке Роберт.

1070

…дороже дарил одеянья. — Эпиграф взят из I книги Посланий (XVIII, 31—32) римского поэта Горация (65—8 гг. до н. э.).

1071

Дон Карлос — прозвище Форда.

1072

Угрюмый Ормонд перед ней. — Имеется в виду название набережной, на которой одно время жила Стелла и Дингли.

1073

Янус. — Первый месяц года в Риме был посвящен древнему италийскому божеству времени Янусу (от чего и произошло его название — январь) и на 1 января приходились главные празднества в его честь.

1074

…*пятьдесят шесть лет.* — На самом деле Свифту было тогда 58 лет, а Стелле не 43 года, как указано далее, а 44.

1075

Стыжусь я надевать очки… — Свифт в самом деле и в старости отказывался носить очки.

1076

Едва пройдет Михайлов день… — То есть едва начнется осень (после 29 сентября — дня Михаила архангела).

1077

Котел Медеи… — Медея — героиня древнегреческой мифологии, чародейка, варившая яды и волшебные зелья.

1078

Тот, кто Европу …завлек. — Зевс, похитивший Европу, превратившись для этого в быка.

1079

Тигр — собачка Дингли.

1080

Элизиум — в древнегреческой мифологии поля в загробном мире, где блаженствуют праведники.

1081

…жила она …в сельской местности вместе с одним семейством… — Детские годы Стеллы прошли в семействе лорда Темпла в его поместье Мур-Парк.

1082

…*подружилась с другой дамой…* — Ребеккой Дингли.

1083

…обеспокоена… кончиной человека… — Сэра Уильяма Темпла.

1084

…мне довелось пробыть в Англии несколько больше, нежели я предполагал… — Свифт пробыл в этот свой приезд в Англии с мая по сентябрь 1701 г.

1085

…переехала сюда… в 170… году… — В 1701 г. летом, до возвращения в Ирландию Свифта.

1086

…герцог Ормонд… питал к ней почтение. — Ормонд с 1703 г. по июнь 1705 г. состоял в должности лорда-наместника Ирландии, когда, возможно, и познакомился со Стеллой; вторично был назначен на эту должность в 1710 г.

1087

…прибавление, сделанное к ее состоянию… — Свифт, видимо, имеет в виду деньги, которые он регулярно выплачивал Стелле и Дингли.

1088

Епископ Линдсей — еп. Киллалуйский, впоследствии еп. Армский, см. прим. VI, 28.

1089

Епископ Ллойд. — Ллойд Уильям (ум. 1716); епископ Личфилдский — Хаф Джон (1651—1743).

1090

Епископ Эш. — Эш Сент-Джордж (ум. в 1718 г.) в прошлом был наставником Свифта в годы его учения в Тринити-колледже в Дублине. Свифт высоко ценил образованность епископа Клогерского, интересовавшегося математикой и другими науками и состоявшего членом Королевского общества, или, иначе говоря, Академии наук; долгие годы их связывали дружеские отношения. Согласно документально неподтвержденным и едва ли достоверным сведениям, он будто бы тайно обручил Свифта и Стеллу в Клогере в 1716 г.

1091

Епископ Браун. — Питер (ум. 1735), епископ Коркский с 1710 г. выступил с «Ответным письмом» (1697) по поводу работы Толанда «Христианство без таинств»; хотя Свифт относился к нему без особой симпатии, однако упомянул его в числе друзей Стеллы.

1092

Епископ Стерн. — Джон Стерн (1660—1745), предшественник Свифта в должности декана собора св. Патрика (1702—1712), а затем (с 1713 г.) епископ Droморский.

1093

Епископ Пуллин. — Тобайас Пуллин (1648—1713); Свифт упоминает его в числе тех, кто питал особое уважение к Стелле.

1094

…госпиталю доктора Стивена. — Ричард Стивен (1653—1710), дублинский врач, завещавший значительную сумму на строительство больницы, которое было закончено а 1733 г.; Свифт состоял в числе первых ее попечителей.

1095

В состав этого раздела включены сохранившиеся материалы, проливающие свет на историю взаимоотношений Свифта и Эстер Ваномри, или, как ласково нарек ее Свифт, — Ванессы (образовав это слово от начала ее фамилии — «Ван» и ее имени — «Эстер — Хэсси — Эсси»): поэма Свифта «Каденус и Ванесса», одно из трех стихотворений, приписываемых Эстер, 46 писем Свифта и Ванессы и, наконец, ее завещание.

1096

Относительно времени написания поэмы существуют следующие сведения: в письме к Найтли Четвуду от 19 апреля 1726 г. (Corresp., III, 129 — 130) Свифт указывал, что поэма была сочинена им около 14 лет тому назад; а в письме от 7 июля того же года к секретарю наместника Ирландии Томасу Тинкелу (1686—1740) он повторил то же самое, прибавив, что написал ее в Виндзоре (Corresp., III, 137—138), где, как это видно из «Дневника», он и в самом деле находился в августе и сентябре 1712 г. В 524—525 строках поэмы говорится, что Ванессе не было еще и двадцати, когда она избрала предметом своих мечтаний человека 44 лет от роду в одеянии священника; на самом деле Ванессе было в то время по меньшей мере 23 года. Но тогда, в Виндзоре, он написал, по-видимому, только какую-то часть своей поэмы, потому что он называет себя в ней Каденусом (анаграмма от слова «деканус»), а в должность декана собора св. Патрика он был рукоположен лишь в июне 1713 г., и поскольку осенью того же года Свифт снова находился в Виндзоре, то весьма вероятно, что в это время он возобновил работу над поэмой. Не исключено, что Свифт и позднее возвращался к ней, редактируя и дополняя ее текст, и, судя по всему, строки в его написанном по-французски письме от 12 мая 1719 г., где он обещает Ванессе возвратить стихи после того, как его посетит муза, относятся именно к «Каденусу и Ванессе».

Поэма первоначально не предназначалась для публикации. После смерти Ванессы рукопись поэмы вместе с другими бумагами оказалась в руках ее душеприказчиков, однако вскоре стихи стали известны, так как поэма получила распространение в рукописных списках. Свифт об этом знал и писал Четвуду в уже упоминавшемся выше письме: «Мне совершенно безразлично, как с ней поступят, потому что напечатание едва ли сделает ее более известной, нежели теперь, что же до меня, то я начисто запамятовал, о чем там речь; видимо, какая-нибудь галантная поделка и не более того, но если этого не хотят принимать во внимание, пусть себе поступают, как им угодно; во всяком случае, если кое-кто затеял напечатать ее со злым умыслом, то их постигнет разочарование: я ожидал этого еще задолго до отъезда из Ирландии. Что же касается вашего совета, чтобы я сам ее напечатал, то это невозможно, — ведь я ни разу не обращался к ней с тех пор как сочинил, а если бы даже и обратился, то все равно не стал бы прибегать к каким-нибудь уловкам или ухищрениям;

предоставляю людям думать обо мне все, что им заблагорассудится. По-моему даже самого глубокомысленного человека нельзя укорять, если он в узком кругу сочинил из прихоти какую-нибудь вещицу, которая вследствие неизбежной случайности и гнусной личной вражды стала достоянием гласности. Я претерпел и не такое и, если кто-нибудь станет любить меня меньше оттого, что столько лет тому назад я способен был сочинить такой пустяк, то пусть думает все, что угодно» (Corresp., 129—130). Свифт писал это из Лондона, куда повез своего законченного «Гулливера»; именно в это время поэма и была напечатана в Дублине в 1726 г., а затем последовали одно за другим переиздания в Дублине, Лондоне и Эдинбурге; всего же в 1726 г. она была издана около 20 раз, что нагляднее всего свидетельствует о степени ее популярности у читателей. Год спустя, когда Свифт гостил в Англии у Попа, тот подготавливал третий том «Разных сочинений», в который, несомненно, с ведома и одобрения автора, была включена и поэма «Каденус и Ванесса», а посему это издание и положено в основу всех последующих авторитетных перепечаток ее текста вплоть до наиболее аутентичного современного издания поэтического наследия Свифта: Poems, 683—714, которое и положено в основу настоящего перевода, первого на русском языке, выполненного специально для нашего издания.

1097

…кодекс Флеты… — латинский трактат под названием Fleta, посвященный английскому законодательству и написанный в тюрьме Флит около 1290 г.; был издан Джоном Селденом (1584—1654) в 1647 г.

1098

…Кок, Бректон, сладостный Назон… — Кок Эдуард (1552—1634) — английский правовед и политический деятель, автор популярного юридического трактата «Institutes» (1628—1644); Бректон, Генри де (ум. 1628) — известен как автор книги «О законах и судебных установлениях Англии» (De legibus en consuetudinibus Angliae, 1659); Публий Овидий Назон (43 до н. э. — 18 н. э.) — римский поэт; Свифт, по-видимому, имеет здесь в виду его пародийно-наставительную поэму о любви.

1099

…*Вергилий в случае Дидоны.* — Имеется в виду история трагической любви карфагенской царицы Дидоны к троянцу Энею, о которой повествуется в поэме римского поэта Публия Вергилия Марона (70—19 гг. до н. э.) «Энеида», кн. IV.

1100

Тибулл Альбий (50—19 гг. до н. э.) — римский поэт, автор любовных элегий.

1101

…Уоллер с Каули… — Уоллер Эдмунд (1606—1687) — английский поэт, автор любовной и политической лирики; Каули Абрахам (1618—1687) — английский поэт, автор сборника отвлеченной любовной лирики «Возлюбленная» (The Mistresse, 1647).

1102

Клио — в древнегреческой мифологии муза истории.

1103

Луцина — одно из прозвищ Геры или Юноны; Юнона — Луцина считалась в древнегреческой мифологии покровительницей деторождения.

1104

…Загнав голубок до упаду… — Согласно древнегреческим мифам, в колесницу Афродиты были впряжены голуби; так изображает ее и поэтесса Сапфо (VII—VI в. до н. э.) в своем «Гимне Афродите».

1105

Гомер — свидетель, могут боги Браниться, словно демагоги)… — В поэмах Гомера боги действительно вступают подчас в ожесточенные перепалки друг с другом.

1106

Аталанта. — В древнегреческой мифологии быстроногая воинственная дева-охотница.

1107

…Что доблесть наша не сравнима С былыми доблестями Рима… — Сочиняя эти строки, Свифт, судя по всему, имел в виду строки из письма Ванессы от 23 июня 1713 г., и, следовательно, он возвращался к поэме и после отъезда из Лондона в Ирландию.

1108

Монтень Мишель де (1533—1592) — французский мыслитель и моралист, автор литературно-философских размышлений «Опыты» (1580—1588). Свифт хранил эту книгу в своей библиотеке и часто ее читал.

1109

Ах, милочка, наряд у вас Для королевы Бесс как раз! — Бесс — прозвище королевы Елизаветы I; здесь имеется в виду карнавальный шутовской наряд, который можно лишь надеть по случаю традиционного праздника в день рождения этой королевы — см. «Дневник», запись от 17 ноября 1711 г.

1110

Не знает, где наклеить мушки… — Очень модное в ту пору украшение, которое заключало в себе еще и определенный смысл в зависимости от местоположения мушек на лице; существовали даже карты мушек, и тот, кто понимал этот язык, мог угадать желания своей дамы.

1111

…Он стихотворец даровитый; Ванесса книжицу взяла… — Стихи Свифта не выходили отдельной книжкой до 1726 г. — времени опубликования «Каденуса и Ванессы», так что либо речь идет о книге «Разные сочинения в прозе и стихах» («Miscellanies in Prose and Vers», 1711), либо это фантазия автора.

1112

Время написания стихотворения не установлено; впервые напечатано в 1746 г. в VIII томе изд. Фолкнера (р. 193) без всяких примечаний или объяснений. Исследователи считают, что содержание стихотворения и его стиль, отличный от поэзии Свифта, достаточно убедительно свидетельствуют в пользу предположения, что оно принадлежит Ванессе.

1113

Переписка Свифта и Ванессы охватывает с перерывами период с августа 1712 г. по август 1722 г.; всего сохранилось 46 писем, из них самые ранние относятся к августу и сентябрю 1712 г.: 4 письма от Свифта (он находился тогда в Виндзоре) и 2 от Ванессы, хотя, по-видимому, сохранились не все письма. Переписка возобновилась, когда в мае 1713 г. Свифт уехал в Ирландию, где ему предстояло вступить в должность декана. Сохранилось три письма, отправленных им в мае — июле этого года (одно из них адресовано матери Ванессы — миссис Ваномри) и четыре письма Ванессы. После возвращения Свифта в Англию переписка возобновилась лишь летом 1714 г., когда Свифт, понимая невозможность оставаться в Лондоне при сложившейся политической ситуации, уехал в Беркшир, чтобы либо дождаться более благоприятных обстоятельств, либо совсем покинуть Англию. Отсюда он отправил Ванессе четыре письма в июне — августе и упоминает о получении от нее трех писем. В августе 1714 г. Свифт покидает Англию, на этот раз на 12 лет. Но через два месяца за ним в Ирландию последовала и Ванесса. Похоронив незадолго перед тем мать, осаждаемая кредиторами, чувствуя себя одинокой и понимая, что при сложившемся после падения тори положении надежд на возвращение Свифта в Лондон нет, она решила переехать вместе с сестрой в Ирландию, тем более что именно там находилась значительная часть оставленного ей по завещанию имущества, которым распоряжались душеприказчики отца. С этого момента вновь возобновляется ее переписка со Свифтом.

Впервые 18 писем Свифта и Ванессы были опубликованы в 1766 г. Хоксвортом в его издании писем Свифта, однако и они были приведены не полностью: намеки личного характера и то, что касалось друзей, было опущено, возможно, по настоянию одного из душеприказчиков Ванессы, еще остававшегося в живых Роберта Маршалла. В 1814 г. в XIX томе предпринятого Вальтером Скоттом издания сочинений Свифта была опубликована почти вся сохранившаяся переписка Свифта и Ванессы (pp. 391—457) и в предисловии к этой части тома Вальтер Скотт рассказывал, каким образом к нему попали копии этих писем. Что же касается их оригиналов, то он считал, что они были уничтожены в свое время вторым душеприказчиком Ванессы, известным философом епископом Джорджем Беркли. На самом деле это было не совсем так: переплетенные в одном томе письма Свифта и черновые наброски ее ответов к нему хранятся

теперь в Британском музее, куда они попали в 1919 г. после аукциона; где эти письма находились после смерти Ванессы, когда и как попали в руки ее душеприказчиков, где находились потом — неизвестно.

Отдельное издание этой переписки было впервые осуществлено А. М. Фрименом (Vanessa and her correspondence with J. Swift, ed. by A. Martin Freeman. London, 1921), который провел тщательную текстологическую работу, особенно необходимую и сложную, если учесть, что черновики Ванессы были часто сделаны наспех, в них почти нет знаков препинания и проч. Но самое главное — Свифт намеренно затемняет смысл своих писем, на случай если они попадут в чужие руки, и призывает к тому же свою корреспондентку. Кроме того, Фримен уточнил хронологию и датировку этих писем. Вот почему при публикации пятитомного издания всей сохранившейся переписки Свифта письма Свифта и Ванессы были включены туда в редакции и последовательности Фримена, но с некоторыми уточнениями; это последнее издание (The correspondence of J. Swift, ed. by H. Williams, in 5 vols. Oxford, 1963—1966) положено в основу предлагаемого здесь перевода.

В скобки заключена датировка писем, относительно которой существуют сомнения или расхождения.

1114

…второе из отправленных вам писем… — Судя по содержанию, цель этого письма состояла в том, чтобы замаскировать другое письмо, которое Свифт посылал одновременно с этим миссис Анне Лонг и которое Ванесса должна была ей переслать, поскольку миссис Лонг скрывалась в провинции от кредиторов.

1115

Миссэсси — прозвище, данное Свифтом Ванессе от ее имени «Мисс Эстер».

1116

…моего …врага мистера Льюиса. — Льюис находился в Виндзоре вместе со своим шефом — лордом Дартмутом.

1117

Мне так наскучило здесь… — Свифт находился в Виндзоре не ранее чем с 22 июля, когда туда переехала королева. Небезынтересно отметить, что именно в это время Свифт почти перестал вести свой «Дневник» и посылал письма Стелле с большими перерывами.

1118

Я приеду …в понедельник… — Судя по записи в «Дневнике» от 7 августа, он действительно возвратился в Лондон 4 августа, в понедельник, потому что работал в это время над «Историей последних четырех лет правления королевы» и, кроме того, ему, по-видимому, необходимо было повидать Болинброка, который на следующий день уехал во Францию для ведения мирных переговоров.

1119

Молль — сестра Ванессы Мери.

1120

…с полковником… — Так шутливо называет Свифт в этих письмах брата Ванессы — Бартоломью (иногда он еще именует его капитаном), хотя тот, насколько известно, никогда в армии не служил, а только некоторое время числился в Крайстчерч-колледже в Оксфорде; судя по всему, он сопровождал Свифта в его поездке в Оксфорд и пробыл там с ним несколько дней.

1121

Форд — был знаком с Ванессой и, как видно, относился к ней с симпатией.

1122

…у меня …великолепная табакерка… — См. «Дневник», запись от 18 сентября 1712 г.

1123

Миссис Уорбертон — фрейлина королевы.

1124

Миссис Тачит. — Какая именно из дочерей Мэрвина Тачита, графа Каслхэвена, имеется здесь в виду, не установлено.

1125

…я …получила ответ. — На основании предыдущего и двух последующих писем можно заключить, что Свифт, сначала горячо поддержавший идею приезда семейства Ваномри в Виндзор, а, может быть, и подавший ее, понял потом щекотливость этой затеи для своей репутации и воздержался от ответа.

1126

Э. Ваномри. — Единственный сохранившийся в письмах (кроме подписи под завещанием) автограф Ванессы, потому что в других случаях она подписывалась самым различным образом.

1127

Миссис Х[илл]. — Ванесса имеет здесь в виду камеристку королевы и сестру миссис Мэшем Алису Хилл, которая по своей должности обязана была находиться в это время в Виндзоре.

1128

…*причитающийся вам остаток.* — Возможно, Ванесса посылала в одном из своих писем вексель.

1129

У меня по горло всяких дел и очень скверное настроение. — По-видимому, Свифта угнетала мысль о вакантных деканатах, из которых ни один так ему и не достался, и кроме того, он был занят работой над «Историей последних лет…»

1130

…возможно …вас не узнают. — Относительно смысла этого письма существуют разные мнения. Судя по всему, Ванесса вместе с матерью поехала в Оксфорд и, возможно, хотела оттуда заехать в Виндзор в надежде встретиться со Свифтом, о чем извещала Свифта через посыльного, однако он ответил отказом, считая это неудобным, да и судя по «Дневнику», он уже собирался возвратиться в Лондон, потому он и пишет, что укладывает бумаги; а поскольку он не мог переслать ей книгу в Оксфорд, то отправил ее в Лондон. Однако из письма от 5 ноября 1714 г. очевидно, что Ванесса все же побывала у него в Виндзоре, неясно лишь тогда же или годом ранее.

1131

Это письмо написано Свифтом во время одной из остановок по дороге в Честер, когда он выехал в Ирландию, чтобы вступить в свою новую должность декана собора св. Патрика.

1132

Мистер Л[ьюис]

1133

Сент-Олбенс — городок в 20 милях от Лондона.

1134

Данстэбл — небольшой городок по дороге из Лондона в Честер, где Свифт провел ночь после того как покинул Лондон.

1135

Давила Энрико Катерино (1576—1631) — итальянский историк. — Речь идет о его книге «История гражданской войны во Франции» (Davila E. Historia delle guerre civili di Francia.., 1630), которая была издана в английском переводе в 1647 г.

1136

Ларошфуко Франсуа де (1613—1680) — французский писатель-моралист; Ванесса читала его «Размышления, или Моральные изречения и максимы» (1665).

1137

Болинброк — кличка лошади Свифта.

1138

…из письма к Хэсси. — Это ошибка: Свифт написал Ванессе из Сент-Олбенса, а из Дакстэбла он написал Молли. Так как Данстэбл расположен в 32 милях от Лондона, а Честер — в 180, то, судя по всему, Свифт проделывал примерно по 30 миль ежедневно.

1139

…как адресовать вам письма… — Свифт указывает в адресе: Под вывеской «Три вдовы», поскольку, кроме миссис Ваномри — вдовы, с его отъездом овдовели и обе ее дочери.

1140

…хотелось выпить немного вашего крысиного яда… — Свифт намекает на кофе, который Ванесса очень любила и которым у них в доме его постоянно угощали (когда миссис Ваномри умерла, среди прочих неоплаченных счетов остался и большой счет за кофе, который ей доставляли из Сент-Джеймской кофейни).

1141

Мистер Партингтон. — Крючкотвор юрист, который был душеприказчиком мистера Ваномри и до конца дней Ванессы с помощью разных уловок не давал ей полностью вступить во владение оставленным ее отцом имуществом. Ванесса возбудила против него судебный процесс.

1142

Я уехал… не попрощавшись с сэром Джоном. — Болинброком.

1143

…в Холихэд… — Свифт, как это видно из последнего 65 письма в «Дневнике», вынужден был поехать туда, так как судно из Паркгейта ушло накануне, хотя до Холихэда было 90 миль скверной дороги, но оттуда перевозили почту и суда шли чаще.

1144

…следов кофе, пролитого Хэсси… — Некоторые исследователи полагают, что именно в Данстэбле, в гостинице, Свифт, возможно, впервые встретился с семейством Ваномри в декабре 1707 г., когда он в очередной раз направлялся в Лондон, в то время как Ваномри переезжали туда из Ирландии на постоянное жительство.

1145

Бетти Гамильтон — старшая дочь лорда Эберкорна, вышла замуж годом ранее за некоего Уильяма Браунлоу.

1146

Мур Джон — сын графа Дрогеды, был в прошлом капелланом лорда Пемброка в бытность того наместником Ирландии; женился на дочери бывшего лорда-канцлера Ирландии Чарлза Портера.

1147

Лорд Лейнсборо. — Судя по всему, Свифт имеет в виду Хамфри Батлера виконта Лейнсборо, родственники которого Бринсли и Теофилус Батлеры были его однокашниками по Тринити-колледжу.

1148

…*моя красавица кузина.* — См. первую запись в «Дневнике» от 2 сентября 1710 г.

1149

Сколь счастлив Дублин… — 10 июня Свифт прибыл в Дублин.

1150

Миссис Эмерсон. — Кого здесь имеет в виду Ванесса, не установлено.

1151

…я убеждена, что вам удалось бы предотвратить неудачу с биллями. — Речь идет о 8 и 9 пунктах договора о торговле с Францией, которые были признаны пагубными для английской торговли и ремесел и отклонены большинством в 9 голосов; при этом Томас Ханмер и лорд Энглси, которых далее называет Ванесса, как и некоторые другие тори, голосовали против кабинета.

1152

Невозможно описать ликование, охватившее вигов… — Во многих городах — центрах ремесел и торговли и даже в Лондоне была устроена по этому поводу иллюминация и праздничные шествия.

1153

…выборы еще более укрепят их. — Согласно закону о трехлетних полномочиях парламента, он был вскоре распущен и в августе и сентябре произошли очередные выборы, в результате которых правительство тори осталось у власти.

1154

…с налогом на солод. — Кабинет тори встретил ожесточенное сопротивление при попытке распространить этот налог на Шотландию. Билль прошел с очень незначительным большинством.

1155

Уилл — Уильям, новый слуга, заменивший Патрика.

1156

…писем от леди Оркни по почте вы не получите. — Леди Оркни, по-видимому, решила не рисковать, не доверяя почте свою корреспонденцию.

1157

«Разговоры мертвых» — произведение Фонтенеля (см. запись в «Дневнике» от 5 ноября 1711 г.).

1158

…боясь нарушить данное вам обещание… — Из этих слов следует, что Свифт в сущности не разрешил Ванессе писать ему письма в Ирландию.

1159

…как вы распорядились двумя своими приходами? — Ларакором и другим небольшим приходом Расбегеном, тоже принадлежавшим Свифту. Он предполагал сначала отказаться от них после получения нового места, однако потом решил все же оставить их за собой.

1160

…я обратилась к стряпчим… — После смерти миссис Ваномри выяснилось, что она оставила много долговых обязательств, что и вынудило Ванессу обратиться к юристам.

1161

…мне ненавистна даже самая мысль о Дублине. — По свидетельству Оррери, дублинские приверженцы англиканской церкви, считавшие Свифта вдохновителем якобитских происков кабинета тори, будто бы бросали в него камни и грязь, когда он шел по улицам, собрание каноников собора св. Патрика встретило его недружелюбно и во всем ему перечило, а на дверях собора были вывешены оскорбительные для него стихи (р. 33).

1162

…принадлежит мне. — Когда Свифт получил Ларакор, дома для священника на территории прихода не было, и он построил там скромный коттедж и возделал участок; дом декана в Дублине, построенный его предшественником Стерном, сгорел вскоре после смерти Свифта, но, судя по всему, это было неуютное помещение.

1163

…*известная вам вещь*… — «История последних лет…»

1164

Джонни Кларк. — По-видимому, один из богатых горожан Трима.

1165

Персивал Джон — (1683—1748) — баронет, член ирландского парламента, родственник упоминающегося далее Джона Персивала, жившего в приходе Свифта Ларакоре и позднее, в 1716 г., продавшего Свифту для приходского дома 16 акров земли.

1166

…вдова Мелтропа… переедет в Дублин. — В записи «Дневника» от 31 мая 1712 г. Свифт пишет о слухах, будто Уорбертон женился на вдове его прихожанина Мелтропа.

1167

…в Беркшире… — 31 мая Свифт уехал из Лондона в Оксфорд, где пробыл несколько дней, а оттуда 3 июня направился в Беркшир, где остановился в доме пастора Гири и оставался там до 16 августа, когда уехал в Ирландию.

1168

Герцог Кэмбридж. — Сын ганноверского курфюрста, впоследствии английский король Георг II, получил титул герцога Кэмбриджа и, следовательно, имел право заседать в палате лордов; незадолго перед написанием этого письма посол курфюрста в Лондоне потребовал разрешить герцогу приехать в Англию для осуществления этого права, чему сопротивлялась королева Анна, не желавшая, чтобы при ее жизни в стране появился возможный наследник престола.

1169

…прикосновение к вашему плечу. — Имеется в виду жест, которым судебный исполнитель давал понять несостоятельному должнику, что он арестован. Незадолго перед тем, как было написано это письмо, умерла миссис Ваномри, и Ванесса добровольно взяла на себя обязательство выплатить ее долги, о чем Свифт, как видно из его письма, не знал. По его совету она одолжила у Бена Тука 50 фунтов под 5 %, которые, по-видимому, потом не выплачивались, и накопившаяся сумма была одним из многих исков, предъявленных после смерти Ванессы ее душеприказчику Беркли. Кроме того, в январе 1714 г. Ванесса выдала долговое обязательство на 23 фунта некоей Кэтрин Хилл, а уезжая в октябре 1714 г. в Ирландию, заложила некоторые драгоценности у Джона Барьера.

1170

…*два ваших письма*. — Не сохранились.

1171

…лорд Оксфорд хочет, чтобы я поехал с ним в Херефордшир… — Свифт сам в письме от 25 июля 1714 г. предложил Оксфорду сопровождать его, если тот уйдет в отставку, и два дня спустя отстраненный от должности Оксфорд ответил ему согласием (Corresp., II, 84—85), однако следующие события — смерть королевы и попытка Оксфорда вернуть утраченные позиции при новом короле Георге I — изменили все эти планы, и Свифт решил выехать в Ирландию, тем более, что истекал срок полученной им годом ранее лицензии на отсутствие, и он должен был либо возобновить ее, либо приступить к своим обязанностям.

1172

…возможно, он и получит жезл… — Болинброк действительно получил жезл лорда-казначея, сменив Оксфорда, но 4 дня спустя умерла королева, и власть Болинброка кончилась.

1173

…у меня была мысль стать придворным историографом… — Свифт стремился занять эту должность и был несправедлив к Болинброку, который в письме от 5 января 1714 г. лорду-камергеру герцогу Шрусбери, от которого зависело это назначение, писал, что Свифт подходит для этой роли «более, нежели кто-либо другой во владениях королевы»; не совсем справедлив он здесь и в отношении назначенного на эту должность Томаса Мэдокса (1666—1727), который, во всяком случае, не был «ничтожным проходимцем».

1174

…*некая особа…* — Миссис Мэшем, написавшая ему 29 июля (Corresp., II, 87).

1175

Ручки ножей… — О чем здесь идет речь, не выяснено.

1176

…который …поедет …только …в Италию. — По-видимому, Ванесса лелеяла план навестить Свифта в Беркшире, если туда поедет Барбер; поскольку Барбер был якобит и католик, то Свифт поэтому и пишет иронически, что если бы тот и согласился куда-нибудь поехать, то разве что в Италию; однако, как видно из следующего письма, Ванесса все же осуществила свое намерение.

1177

На ваши вопросы я не стану отвечать и за миллион… — Судя по контексту, в котором и в последующих письмах Свифта упоминаются эти задаваемые ему Ванессой постоянные вопросы, она допытывалась о его чувствах к ней, стремясь добиться какогото определенного ответа.

1178

Филипстаун — небольшой городок неподалеку от Трима.

1179

Я еду… к другу… — Свифт ехал через Филипстаун, чтобы навестить Найтли Четвуда, английского джентри, переселившегося в Ирландию, где у него было два поместья, одно из которых — Вудбрук — находилось в 12 милях от Ларакора. Свифт переписывался с ним с 1714 по 1732 г.

1180

Килдрут — старое название городка, который далее упоминается в переписке под названием Селлбридж и расположен примерно в 11 милях к западу от Дублина. Ванесса унаследовала там от отца дом.

1181

Мальборо-Лодж — охотничий домик герцогини Мальборо (см. запись в «Дневнике» от 19 сентября 1711 г.).

1182

…*Старый Дракон…* — слуга Ванессы.

1183

…беспутный брат… — В своем завещании, составленном незадолго перед тем, Бартоломью, вскоре после этого умерший, оставил сестрам пожизненную ренту с его состояния, однако прошло много месяцев, прежде чем они стали получать эти деньги.

1184

…молодой мастер… — Кто здесь имеется в виду, неизвестно, хотя фантазия некоторых исследователей простирается так далеко, что этот мальчик объявляется внебрачным сыном Ванессы и Свифта.

1185

…*AE*… — архиепископ Дублинский Кинг.

1186

…с ректором… — Бенджамином Праттом, который в июне 1717 г. стал деканом Дауна, поэтому далее Свифт именует его доктором.

1187

…я уехал на три месяца… — Свифт уезжал в Трим.

1188

…повидать кое-кого из моих друзей… — Предполагают, что Свифт поехал потом с визитом к некоему Мэтью — помещику из графства Типперэри.

1189

…часть …лета вы проведете …в деревне… — Свифт имеет в виду Селлбридж, где, как это видно из последующих писем, он впервые побывал не раньше 1720 г.

1190

Я возвращу …ваши стихи… — Возможно, что Свифт вновь в это время обратился к поэме «Каденус и Ванесса», поскольку вскоре она стала называть его в письмах именем Кэд, то есть «Каденус».

1191

Поклон… злюке-подружке… — Сестре Ванессы — Молль.

1192

Вы успели добраться домой… — то есть в Селлбридж.

1193

…вспыхнет губернаторский гнев. — Свифт подчас в шутку называл Ванессу, когда она сердилась, губернатором.

1194

Ваш друг… — То есть Свифт; он называл себя так из осторожности.

1195

Перевод В. Микушевича.

1196

…вы еще не достигли… возраста, когда любят священников. — Существует предположение, что в этих словах Свифта есть намек на то обстоятельство, что руки Ванессы будто бы добивалось несколько лиц духовного звания и, в частности, священник ее прихода некий доктор Прайс, но она всем отказывала.

1197

Глассхил — Форд, это прозвище дала ему Ванесса.

1198

…касательно денег за бриллианты… — Речь идет об оставленных Ванессой под залог у Джона Барбера драгоценностях.

1199

…*от вас*… — То есть от Селлбриджа.

1200

Скинейдж, *Эскинейдж*, *Мист* — прозвища Ванессы.

1201

Сомнус — Свифт.

1202

…как и другая. — То есть как поэма «Каденус и Ванесса»; однако этого своего замысла Свифт не осуществил.

1203

…и о деньгах моей сестры. — Из множества перечисляемых Свифтом глав его предполагаемой поэмы лишь некоторые поддаются приблизительной расшифровке: …поездка мадам в Кенсингтвн… — возможно, Свифт имеет в виду визит к нему Ванессы, когда он летом 1712 г. там находился; …поездка полковника во Францию… — поездка брата Ванессы — Бартоломью; …нечаянность… в Беркшире… — по-видимому, неожиданный приезд Ванессы в Уонтейдж (см. письмо от 12 августа 1714 г.), наконец, …глава о Челси… — возможно, он имел в виду свое пребывание там летом 1711 г.

1204

…*письма… вашему другу…* — то есть Чарлзу Форду.

1205

…он… был у меня. — Это письмо, по-видимому, было написано поспешно тотчас по получении предыдущего и отправлено с посыльным, с которым Ванесса надеялась в тот же день получить ответ о дне возможного приезда Свифта, который, однако, не состоялся.

1206

Не смею надеяться, что такая история… будет написана. — Поэма, о которой писал Свифт.

1207

…он согласен потерпеть до тех времен. — Ванесса так и не выкупила у Барбера свои драгоценности, и он продал их три года спустя после ее смерти.

1208

…нынешнее падение акций… — В это время вследствие искусственного взвинчивания акций произошел крах Компании Южных морей.

1209

…ради жизни своей». — Свифт намеренно переиначивает эти слова: «Кожа за кожу, а за жизнь свою отдаст человек все, что у него есть» (книга Иова, II, 4); следует учесть, что по-английски skin значит не только «кожа», но и «кляча».

1210

…*сколь губительны…* — Первоначально было написано слово «неистовы», но потом оно было зачеркнуто.

1211

…едва ли кто испытывает к вам сейчас большее сострадание. — Сестра Ванессы — Мери, по-видимому, умерла в день, когда было написано это письмо, в их дублинской квартире. Из реестра церкви Сент-Эндрю явствует, что она была похоронена в следующую пятницу рядом с отцом на церковном дворе; все свое состояние она завещала сестре.

1212

…*как переписать*… *перечень*… — О чем здесь идет речь, сказать трудно.

1213

…покиньте этот гнусный остров… — Т. е. уезжайте из Ирландии.

1214

…один из докторов… — Вероятно, здесь имеется в виду один из членов ирландского суда лорда-канцлера, в котором Ванесса вела тяжбу с душеприказчиком Партингтоном.

1215

…только десять дней… как я… на одном месте… — Ответ Ванессы на это письмо показывает, что Свифт выехал из Дублина за 5 недель до того, возвратился же он лишь в начале октября. Во время путешествия на север Ирландии он посетил епископа Стерна в Клогере, священника Роберта Коупа в его приходе Лох-Гэлл (по названию расположенного рядом озера) в 4 милях от Армы и своего друга Шеридана в Килке. Всего он проделал около 400 миль и объехал большую часть Ольстера.

1216

Кендал. — Семейство с таким именем, которое занималось переплетным делом, проживало в первой половине XVIII в. в Дублине в том же приходе, что и Ванесса; исследователи считают, что, возможно, кто-нибудь из этой семьи помогал приватным свиданиям Свифта и Ванессы.

1217

…*деревенское обиталище…* — Селлбридж.

1218

…вам предстоит… сессия суда. — Летняя судебная сессия обычно начиналась как раз в это время.

1219

Райдер-стрит. — Улица, на которой Ванесса жила в Лондоне.

1220

…как надрывались, упаковывая ящик с книгами… — См. запись в «Дневнике» от 28 февраля 1712 г.

1221

…утащит меня на крышу, как это произошло с вашим приятелем… — Эта фраза — очевидное свидетельство того, что Ванесса читала «Путешествия Гулливера» в рукописи по меньшей мере за 4 года до его издания, притом не только первую часть, где рассказывается, как Гулливер был похищен обезьяной (5 глава), но и четвертую, где такие же чувства по отношению к Гулливеру выказала самка йэху.

1222

Я покидаю… мое нынешнее прибежище… — Дом Коупа в Лох-Гэлл.

1223

…*кузенов и кузин.* — Единственный кузен, упоминаемый Ванессой в ее завещании — Джон Антробус; кого еще имел в виду Свифт — неизвестно.